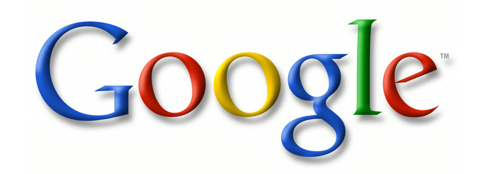

VE
RI
TAS

ОБЛАСТНОЕ ДѢЛЕНІЕ И МѢСТНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

КО ВРЕМЕНИ ИЗДАНІЯ ПЕРВАГО ЛИТОВСКАГО СТАТУТА.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Матвѣя Любавскаго
M. K. Liubavskii

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

Печатано подъ наблюденіемъ М. К. Любавскаго.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

НИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ПОПОВА.

Издавая въ свѣтъ свой первый научный трудъ, считаю нравственнымъ долгомъ почтить благодарнымъ воспоминаніемъ человѣка, который такъ много содѣйствовалъ его появленію. И въ Университетѣ, и въ Архивѣ Министерства Юстиціи я находилъ у него радушный привѣтъ, теплое участіе къ научнымъ начинаніямъ и трудамъ и всегдашнюю помощь совѣтами и книгами изъ его богатой библіотеки. Покойный Нилъ Александровичъ какъ бы созданъ былъ для того, чтобы направлять по стезѣ науки и поддерживать молодыя, часто еще слабыя и колеблющіяся, силы. Вѣчная ему память!

Предлагаемые очерки представляютъ попытку дать детальное изображеніе дѣленія Литовско-Русскаго государства на области и устройства мѣстнаго управленія въ немъ ко времени изданія перваго Статута. Ближайшая цѣль ихъ — способствовать уясненію государственнаго типа Литовской Руси, какъ онъ сложился вмѣстѣ съ окончаніемъ удѣльной эпохи и въ связи съ тою организаціей, которую приняло тогда литовско-русское общество, при наплывѣ идей и формъ польской гражданственности. Въ частности очерки имѣютъ въ виду выяснить слабое развитіе государственной централизаціи, какъ наиболѣе характерную черту въ конструкціи Литовско-Русскаго государства. Кромѣ того, изображеніе мѣстнаго управленія Литовской Руси даннаго времени, въ его зависимости отъ общественнаго склада и въ его функціяхъ, должно раскрыть и представить въ должномъ свѣтѣ объемъ и значеніе сословныхъ правъ и привилегій, которыя даютъ обыкновенно поводъ утверждать существованіе въ ней феодализма. Все это, по мнѣнію автора, необходимо для правильнаго изображенія и оцѣнки послѣдовавшей эпохи въ исторіи Литовской Руси, ознаменовавшейся тѣснымъ сближеніемъ ея съ Польшею въ государственномъ и общественномъ устройствѣ, и потому имѣющей значеніе своего рода центра, къ которому должны направляться и отъ котораго должны отправляться научныя разысканія по исторіи Западной Россіи.

Много мѣста въ настоящемъ трудѣ отведено даннымъ политической географіи Литовской Руси того времени: ими наполненъ почти весь второй очеркъ, содержащій перечень органовъ общаго управленія въ областяхъ и описаніе крупныхъ правительственныхъ дѣленій и подраздѣленій Литов-

ско-Русскаго государства. Значеніе этихъ данныхъ будетъ понятно всякому, кто возьметъ на себя трудъ прочесть до конца настоящее изслѣдованіе. Эти данныя, помимо того, что позволяютъ наглядно и рельефно очертить областное дѣленіе и устройство Литовско-Русскаго государства, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность дѣлать заключеніе о происхожденіи этого областного дѣленія и устройства. Кромѣ того, историко-географическая перспектива является весьма полезною и при изображеніи общественнаго склада Литовско-Русскаго государства, давая возможность рѣзче выдѣлить и выставить на видъ различныя мѣстныя особенности указаніемъ на ихъ территоріальное распространеніе. Наличныя сочиненія и карты мало помогаютъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ даютъ болѣе или менѣе точныя и подробныя свѣдѣнія по политической географіи Литовской Руси позднѣйшаго времени, когда она уже составляла одно цѣлое съ Польшею[1]. Что же касается попытокъ детальнаго политико-географическаго описанія Литовской Руси изучаемаго времени, то ихъ нельзя признать удачными, такъ какъ онѣ основаны главнымъ образомъ на поверхностныхъ и неточныхъ указаніяхъ хроникъ и лѣтописей, а не на свидѣтельствахъ актовъ[2]. Въ виду этого, автору представлялось настоятельною необходимостью отвести извѣстное мѣсто въ настоящихъ очеркахъ даннымъ политико-географическаго характера, которыя ему удалось собрать въ актахъ и документахъ изучаемаго времени, и составить по нимъ политическую карту Литовской Руси начала XVI-го вѣка.

Что касается устройства мѣстнаго управленія Литовской Руси, то подробнѣе другихъ писалъ о немъ покойный И. Д. Бѣляевъ въ четвертой книгѣ своихъ «Разсказовъ по Русской Исторіи». Ему удалось, на основаніи матеріала, напечатан-

---

[1]) См., напр., *Balińskiego i Lipińskiego* Starożytna Polska, tomy II, III, IV. Warszawa 1885—1886, *Bobrzyńskiego* Dzieje Polski, tom II, str. 378—383 i mappę. Kraków 1890.

[2]) См., напр., *Н. И. Павлищева* Историческій атласъ Россіи, карты № V.—VIII. Варшава 1845 г. *Spruner-Menke* Historiszer Handatlas, № 68, 69, 70. Gotha 1880.

наго въ «Актахъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи», установить нѣкоторыя основныя черты правительственнаго устройства областей Литовско-Русскаго государства. Но при всемъ томъ его изображеніе мало говоритъ воображенію читателя, потому что содержитъ общія указанія, безъ уясняющихъ дѣло подробностей и безъ должнаго различенія мѣста и времени. Кромѣ Бѣляева, даннаго предмета касались и другіе изслѣдователи западно-русской исторіи, но только мимоходомъ, и дали только нѣкоторые общіе взгляды и отрывочныя замѣчанія, которыя будутъ въ свое время указаны и оцѣнены въ предлагаемыхъ очеркахъ. Въ недавнее время въ одномъ изъ историческихъ періодическихъ изданій было помѣщено извѣстіе о имѣющей появиться въ скоромъ времени статьѣ проф. Бершадскаго на тему, однородную съ темой настоящаго изслѣдованія[3]. Авторъ привѣтствуетъ это сообщеніе, которое возбуждаетъ надежду, что двумя работниками по архивному матеріалу предметъ будетъ глубже и многостороннѣе исчерпанъ. Даже еслибы г. Бершадскій въ своей статьѣ ограничился развитіемъ тѣхъ воззрѣній, которыя онъ высказалъ мимоходомъ на стр. 295 своего капитальнаго труда о Литовскихъ евреяхъ и которыя авторъ предлагаемыхъ очерковъ считаетъ поспѣшными и ошибочными, все же для дѣла былъ бы выигрышъ, такъ какъ все-таки изъ столкновенія мнѣній, по французской пословицѣ, выходитъ истина.

Предлагаемые очерки составлены главнымъ образомъ на основаніи архивнаго матеріала, именно актовъ и документовъ, внесенныхъ въ книги такъ-называемой Литовской Метрики, которыя хранятся въ настоящее время въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи[4]. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ они, конечно, далеко не исчерпываютъ всего обильнаго матеріала, содержащагося въ этихъ книгахъ, являясь только первою стадіею въ той работѣ, которую слѣ-

---

[3]) Историческое Обозрѣніе, томъ IV, стр. 310.

[4]) О Литовской Метрикѣ см. *С. Л. Пташицкаго* Описаніе книгъ и документовъ Литовской Метрики. С.-Петербургъ 1887.

дуетъ надъ ними произвести. Эту точку зрѣнія авторъ и проситъ читателя сохранять при чтеніи сихъ очерковъ.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ выразить благодарность гг. служащимъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи: С. П. Соколову, А. А. Гоздаво-Голомбіовскому и В. В. Нечаеву, предупредительность и участливое отношеніе которыхъ много помогли автору во время работъ его въ названномъ Архивѣ.

Матвѣй Любавскій.

ОЧЕРКЪ I.

Происхожденіе областного дѣленія и федеративный характеръ Литовско-Русскаго государства.

Историческія начала областного дѣленія. — Великое княжество Литовское въ тѣсномъ смыслѣ или собственная Литовская земля; ея составъ и преобладающее положеніе въ государствѣ. — Земли, тѣсно примыкавшія къ собственной Литовской землѣ: 1) литовская Русь (въ особомъ, частномъ смыслѣ); 2) земля Берестейская, или Подляшье; 3) литовское Полѣсье. — Политическая обособленность остальныхъ областей Литовско-Русскаго государства и ея историческія основанія. — Земли: Полоцкая, Витебская, Смоленская, Жмудская, Кіевская и Волынская; исторія превращенія ихъ въ области великаго княжества Литовскаго. — Черниговo-Сѣверскія княжества. — Литовское Подолье. — Общія заключенія.

I.

Въ исторіи объединенія западной Руси подъ владычествомъ Литвы можно различить слѣдующіе моменты: во первыхъ, захватъ отдѣльныхъ волостей или частей западнорусскихъ земель и сопряженную съ нимъ въ большей или меньшей степени литовскую колонизацію этихъ пріобрѣтеній; во вторыхъ, принятіе западнорусскими землями литовскихъ князей и связанное съ этимъ признаніе верховной власти великаго князя Литовскаго; въ третьихъ, подчиненіе этой верховной власти нѣкоторыхъ русскихъ князей, сохранявшихъ свои владѣнія. Эти моменты, хронологически переплетавшіеся другъ съ другомъ, опредѣлили внутреннее строеніе и характеръ Литовской Руси, какъ государства, не только въ удѣльную, но и въ изучаемую эпоху, которая во многомъ еще сохраняла начала удѣльной, и прежде всего выразились въ политическомъ дѣленіи государственной территоріи на области.

Литовско-Русское государство въ изучаемое время состояло изъ слѣдующихъ самостоятельныхъ частей: изъ собственной Литовской земли, которая занимала въ немъ особое, первенствующее положеніе,

и съ которой политически тѣснѣе другихъ связаны были: литовская Русь (въ особомъ, частномъ смыслѣ), земля Берестейская, или Подляшье, и владѣнія, находившіяся въ Полѣсьѣ; изъ земель: Жмудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской, Кіевской и Подольской, которыя занимали въ составѣ великаго княжества отдѣльное отъ собственной Литовской земли положеніе; и, наконецъ, изъ мелкихъ княжествъ, образовавшихся въ Чернигово-Сѣверской землѣ до утвержденія въ ней литовскаго владычества или вновь организованныхъ Литвою (княжества эти оставались въ составѣ Литовско-Русскаго государства до начала XVI вѣка). Всѣ эти составныя части Литовско-Русскаго государства были еще такъ мало сплочены, такъ еще много сохранялось въ нихъ слѣдовъ ихъ прежней политической самобытности, что Литовская Русь и въ изучаемое время все еще удерживала характеръ политической федераціи, съ каковымъ она является въ удѣльное время, въ XIV-мъ и началѣ XV-го вѣка. И это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что одновременно съ тѣмъ можно констатировать весьма большіе успѣхи во внутренней ассимиляціи его составныхъ частей, въ сближеніи ихъ на почвѣ общественнаго устройства, гражданскаго права и культуры.

Ядромъ, изъ котораго выросло и развилось Литовско-Русское государство, центральною областью, вокругъ которой группировались всѣ другія его части, была собственная Литовская земля или великое княжество въ тѣсномъ смыслѣ.

Первоначально подъ этимъ именемъ разумѣлась область правыхъ притоковъ Нѣмана, преимущественно р. Виліи, населенная такъ-называемою „верхнею Литвою" (Auxtote). Но въ изучаемое время названіе „земля Литовская" даже въ частномъ, тѣсномъ смыслѣ вышло уже изъ рамокъ этого первоначальнаго обозначенія и распространилось на нѣкоторыя русскія владѣнія, занятыя Литвою къ половинѣ XIII вѣка и болѣе или менѣе ею колонизованныя. Къ такимъ владѣніямъ принадлежала, напр., озерная область между Дисною и западною Двиною, по всѣмъ даннымъ, входившая прежде въ составъ Полоцкой земли, съ городомъ Браславлемъ (или Брячиславлемъ) при озерѣ Дривятахъ. Въ удѣльное время Браславъ со своимъ округомъ входилъ въ составъ Виленскаго удѣльнаго княжества [1]), а въ изучаемое время — въ составъ судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы [2]).

---

[1]) *В. Б. Антоновича* Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго. Кіевъ, 1878, стр. 87.

[2]) Литовской Метрики кн. Записей XII, л. 167, 168.

Браславскій повѣтъ въ значительной степени былъ колонизованъ Литвою, на что косвенное указаніе даютъ извѣстія о существовавшихъ въ немъ католическихъ церквахъ и приходахъ, идущія съ самаго начала XV вѣка и въ общемъ довольно многочисленныя [3]). (Въ настоящее время большинство населенія Новоалександровскаго уѣзда, бывшаго Браславскаго повѣта, состоитъ изъ литовцевъ [4]). Со времени присоединенія къ Литвѣ Подолья, гдѣ былъ также городъ Браславъ, сѣверный Браславъ назывался уже прямо Литовскимъ [5]). Къ половинѣ XIII в. занята была Литвою такъ-называемая Черная Русь,—область по лѣвымъ притокамъ Нѣмана съ р. Свислочью включительно, съ городами: Новгородкомъ, Волковыйскомъ, Слонимомъ, Здитовомъ и Городномъ. Часть ея принадлежала къ Полоцкой землѣ [6]), а часть, именно Городно со своимъ округомъ, была нѣкогда особымъ владѣніемъ потомковъ Давида Игоревича Волынскаго. Во второй половинѣ XIII в. самый значительный городъ Черной Руси —Новгородокъ сдѣлался даже политическимъ центромъ Литовской земли, стольнымъ городомъ великаго князя Литовскаго. Этотъ Новгородокъ, послѣ того какъ былъ занятъ Литвою Новгородокъ Сѣверскій, въ отличіе отъ этого послѣдняго сталъ называться Литовскимъ; съ этимъ прозваніемъ онъ является, напр., уже въ письмахъ великаго князя Витовта къ магистру Нѣмецкаго ордена отъ 1416 года [7]). Что Новгородокъ со своими волостями считался въ изучаемое время частью собственной Литовской земли, на это прямое указаніе находимъ, напр., въ судебномъ „вырокѣ“ великаго князя Александра писарю Ѳедьку Григорьевичу на нѣкоторые ловы, принадлежавшіе къ его имѣнію Любчу въ Новгородскомъ округѣ (отъ 1499 г.) Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ захватилъ у него эти ловы подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто бы принадлежатъ людямъ одного его сельца, даннаго изъ этого же имѣнья Любча еще отцу его королемъ Казимиромъ. Но великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло, присудилъ ловы писарю къ его двору Любчу, ибо,—гласитъ вырокъ, „по всему великому

---

[3]) *Balińskiego i lipińskiego* Starożytna Polska t. IV, 233. Warszawa, 1882. Срав. Литов. Метр. кн. Записей VI, л. 131, 132.

[4]) *П. Семенова* Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи III, 515.

[5]) Лит. Метр. кн. Запис. XVI, л. 87—90.

[6]) *В. Б. Антоновича* Очеркъ исторіи в. княжества Литовскаго, стр. 49.

[7]) Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, tomus VI Codex epistolaris Vitoldi. № CCXXXVIII. Kraków, 1882.

княжству нигдѣ панскіи мужики лововъ своихъ не мають, а наболѣй *въ Литвѣ*" [8]). Такимъ образомъ, Новгородокъ съ своими волостями въ XV вѣкѣ настолько спаялся съ первоначальной территоріею литовскаго племени, что вмѣстѣ съ нею пользовался однимъ общимъ правомъ. Есть указанія и на литовскую колонизацію Черной Руси, хотя о размѣрахъ ея судить, разумѣется, довольно трудно; такъ напр., въ Слонимскомъ повѣтѣ въ качествѣ податного округа былъ десятокъ *Литовскій*, а въ Волковыйскомъ—десятокъ *Жомоитскій* [9]). Въ источникахъ XV-го и первой половины XVI-го вѣка можно собрать не мало указаній на военнослужилую колонизацію Черной Руси, на существованіе въ здѣшнемъ краѣ множества имѣній литовскихъ князей, пановъ и бояръ.—Частью собственной литовской земли считалось и бывшее княжество Городенское, какъ это видно, напр., изъ договора Ягелла и Кейстута съ магистромъ Нѣмецкаго ордена отъ 1379 г. Городенская земля въ этомъ договорѣ отличается отъ волостей русскихъ, сосѣднихъ съ владѣніями ордена, и Городняне отъ русскихъ, причемъ первое названіе въ договорномъ актѣ не разъ замѣнено словомъ „Литва" [10]). Городно съ своими волостями обозначенъ частью собственной Литовской земли и въ одномъ судебномъ актѣ, писанномъ въ 1532 году въ землѣ Витебской. Панъ Иванъ Сопѣга судился въ этомъ году съ Оболецкимъ державцею королевы паномъ Кирдеемъ о землю Контримовщину. Послѣдній заявилъ на судѣ пану воеводѣ, что для доказательства правоты своихъ притязаній готовъ „отчичовъ властныхъ тое земли Контрымовское поставити, которые живуть въ панствѣ Литовскомъ—одинъ въ Городнѣ, а другой за паномъ воеводою его милостью Виленскимъ въ Ляховичохъ" [11]).

Но большинство западнорусскихъ волостей не слилось съ собственною Литовскою землею, а осталось въ составѣ своихъ земель, къ которымъ оно и прежде принадлежало, и которыя, какъ уже сказано, съ присоединеніемъ къ Литвѣ во многомъ продолжали сохранять свою политическую особность и самобытность. Населеніе этихъ земель было чисто русское и имѣло въ своемъ составѣ небольшое число литовскихъ фамилій изъ военнослужилаго класса, которыя тѣмъ или другимъ путемъ пріобрѣли недвижимыя имѣнія въ этихъ земляхъ.

---

[8]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 95.

[9]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 230; V, л. 306, 307.

[10]) *I. Daniłowicza* Scarbiec dyplomatów. Wilno, 1860. I, № 464.

[11]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 90, 81.

Благодаря всему этому и названія: „земля Литовская", „великое княжество Литовское", „панство Литовское", въ литовско-русскихъ актахъ документахъ изучаемаго времени весьма часто обозначаютъ не все государство, а только часть его, отдѣльную отъ всѣхъ отстальныхъ областей или земель въ политико-географическомъ отношеніи.

Въ такомъ смыслѣ употреблено названіе „Литва", напримѣръ, въ договорной грамотѣ короля Казимира съ Тверскимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ отъ 1449 года. „А мѣста порубежныя" читаемъ здѣсь, „которыи будутъ зъдавна потягли *къ Литвѣ* или *къ Смоленску*, а подать будутъ даивали ко Тферы: ино имъ и нынѣчи тягнути но давному, а мнѣ великому князю не вступатися" [12]). Литва отличается политически и отъ Витебской земли, напр., въ подтвердительномъ „привилеѣ", данномъ этой землѣ королемъ Александромъ въ 1503 году на различныя права ея и вольности. „А пойти ему (Витбляннну)" читаемъ въ этомъ привилеѣ, „прочъ въ нашу отчину, *въ Литву*, не тайно, Светому Благовѣщенью чоломъ ударивши и нашому воеводѣ объявився и своей братьи мужомъ Витбляниномъ... Такожъ, который ся отъ насилья жаловати будетъ намъ Витблянинъ па Витблянина жъ, пріѣхавъ *въ Литву*: и безъ истьца намъ на него дѣцкого *зъ Литвы* не слати" [13]). Послѣднее почти дословно повторяется и въ подтвердительномъ привилеѣ Сигизмунда I, выданномъ Полоцкой землѣ въ 1511 году [14]). Привилей, данный въ 1507 году Кіевской землѣ, также отдѣляетъ ее отъ Литовской земли: А которые князи и панове и бояре *литовскіе* держатъ имѣнья въ Кіевской земли, тымъ служба заступати съ тыхъ имѣней съ *Кіяны*, самимъ своими головами". „Великое княжество Литовское" является въ качествѣ области государства и въ привилеѣ, выданномъ Волынскимъ князьямъ, панамъ и земянамъ въ 1509 г. Этимъ привилеемъ уничтоженъ былъ между прочимъ сборъ воловщины съ княжескихъ, панскихъ и земянскихъ людей; „нижьли", читаемъ здѣсь, „коли панове рада наша *великого князства Литовского*, для котороѣ великоѣ потребы земскоѣ зволятъ который платъ на своихъ людей дати, тогды князи и панове и вся шляхта *Волыньскоѣ земли* маютъ намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати". [15]) Въ привилеѣ, выданномъ въ 1492 году великимъ княземъ Александромъ

---

[12]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, изд. Археограф. Коммиссіей I, № 51.

[13]) Акты Запад. Рос. 1, № 204.

[14]) Акты Зап. Рос. II, № 70.

[15]) Акты Зап. Рос. II, № 30, 54.

Жмудской землѣ, встрѣчаемся съ тѣмъ же различеніемъ Литовской земли, какъ особой области великаго княжества: по этому привилею между прочимъ даны были боярамъ-шляхтѣ и всему поспольству Кнетовской— волости всѣ права и вольности христіянскія, какія даны уже *„земли Литовской“* [16]). Собственная земля Литовская отличается въ источникахъ даже и отъ Подляшья, или земли Берестейской, и такъ называемой Руси, которыя политически тѣснѣе соединены были съ нею, чѣмъ вышеупомянутыя земли, но рознились отъ нея частью этнографически, частью по учрежденіямъ и дѣйствовавшему въ нихъ праву. Отъ Подляшья великое княжество Литовское отличено, напр., въ судебномъ „вырокѣ“ короля Сигизмунда по дѣлу паньи Якубовой Довойновича съ паномъ Яномъ Стецковичемъ, отъ 9 іюля 1522 года: „и въ тые имѣнья“, читаемъ въ заключеніи акта, „на *Подляшку* Теляки, а у *великомъ князьствѣ* Липовую а Радованичи послали есмо ихъ увезати зъ нашое моцы господарское“ [17]). Въ 1526 г. тотъ же Сигизмундъ подтвердилъ нѣкоему Петру Гинцу „записъ“ тещи его, по которому она „спустила“ ему имѣнія свои *„у великомъ князьствѣ Литовскомъ*— одинъ дворъ подлѣ Ошмены, а другій дворъ у Видѣхъ, *и на Руси* вси данники свои на имя: Степы а Божинъ подлѣ Брезины, а Забашевичи подлѣ Борысова“ [18]). (Виды—теперь Видзы, заштатный городъ Ковенской губ. Новоалександровскаго уѣзда; Степы—село Бобруйскаго уѣзда Минской губ.; Божинъ—село Игуменскаго уѣзда; Забашевичи— теперь Гливень, село Борисовскаго уѣзда).

Литовская земля, силами которой собрана была западная Русь подъ верховную власть великаго князя Литовскаго, естественно заняла въ его государствѣ первенствующее и привилегированное положеніе, каковое она продолжала сохранять до извѣстной степени и въ изучаемое время. Конечно, привилегіи, которыя получилъ литовскій военнослужилый классъ отъ великаго князя [19]), въ изучаемое время распространены были и на русскія земли, но по прежнему великій князь набиралъ свою раду, съ которою онъ рѣшалъ всѣ важнѣйшіе вопросы внѣшней политики, законодательства и управленія, всѣ важнѣйшія судебныя дѣла, изъ князей и пановъ Литовской земли, кото-

---

[16]) Акты Зап. Рос. I, № 103.

[17]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 83, 84. Срав. кн. Запис. XV л. 55, 56.

[18]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 296.

[19]) См. привилеи 1386 и 1413 г. у *Działyńkiego* Zbiór praw litewskich. Poznań 1841.

рые получали отъ него и главные уряды въ Литовской же и въ другихъ земляхъ, а равно и крупныя имѣнія. Боярство русскихъ земель (а равно и Жмудской) мало пользовалось этими милостями: ему раздавались второстепенные уряды въ своихъ земляхъ и волостки; изъ среды его составлялись судебно-административныя присутствія при главныхъ намѣстникахъ или воеводахъ земель; ему раздавались преимущественно мелкія имѣнія, съ которыхъ большею частью можно было отправлять военную службу членамъ боярской семьи лично, безъ слугъ. Литовской землѣ, однимъ словомъ, и въ изучаемое время принадлежала политическая гегемонія и представительство въ томъ сложномъ комплексѣ земель и владѣній, какимъ было великое княжество; благодаря этому и названіе ея переносилось на все государство.

Итакъ, подъ именемъ собственной Литовской земли въ изучаемое время разумѣлась не только исконная территорія литовскаго племени, но также и сосѣднія русскія земли, занятыя Литвою въ XIII вѣкѣ и болѣе или менѣе ею колонизованныя. Это была область, гдѣ сосредоточено было, хотя и не замкнуто, землевладѣніе военнослужилаго класса, вышедшаго изъ литовскаго племени и гдѣ всѣ высшія и низшія правительственныя должности занимались членами этого класса, впрочемъ, обрусѣвшаго благодаря своему племенному и культурному сближенію съ русскою народностью. Эта область, однако, не была объединена въ правительственномъ отношеніи подобно тому, какъ было объединено большинство другихъ земель,—если не брать въ разсчетъ великокняжеской рады,—и не была объединена по той же самой причинѣ, по которой объединено было большинство другихъ земель, т.-е. *по перешедшей отъ удѣльнаго времени правительственной традиціи.* Собственная Литовская земля въ изучаемое время въ отношеніи суда, военной и гражданской администраціи распадалась на нѣсколько частей, которыя соотвѣтствовали дѣленію ея, установившемуся въ концѣ удѣльнаго періода и закончившему собою рядъ передѣловъ, которые производились въ теченіе всего XIV вѣка потомками Гедимина. Что же это было за дѣленіе и какія отдѣльныя владѣнія существовали на Литвѣ въ концѣ удѣльнаго періода?

Гедиминъ назначилъ въ предѣлахъ собственной Литовской земли удѣлы пяти сыновьямъ своимъ: Монивиду, Коріату, Ольгерду, Кейстуту, Явнуту. Монивидъ получилъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ литовскаго племени — Керновъ на р. Виліи и въ придачу къ нему Слонимъ въ Черной Руси, которая, какъ сказано, уже въ XIII в. сдѣлалась достояніемъ Литвы. Всю остальную Черную Русь получилъ въ удѣлъ Коріатъ Гедиминовичъ съ стольнымъ городомъ Новгород-

комъ. Ольгерду достался городъ Крево также въ глубинѣ собственной Литвы (и кромѣ того по женѣ Витебская земля). Кейстутъ получилъ Троки вмѣстѣ съ землями Городенскою и Берестейскою, къ которымъ впослѣдствіи присоединена была еще и Жмудь [20]). И наконецъ, Явнутъ получилъ главный городъ государства—Вильну съ пригородами: Ошмсною, Браславлемъ, Вилькомиромъ.

Такое распредѣленіе волостей было, однако, кратковременно. Князь великій Явнутъ, „въ большинствѣ будя", не полюбился энергичнымъ и воинственнымъ братьямъ, Ольгерду и Кейстуту. Въ 1345 г. они „высадили" его изъ Вильны, а спустя два года, по возвращеніи его изъ бѣгства въ Москву, дали ему Жеславль, или Изяславль въ бывшемъ Минскомъ княжествѣ, которое незадолго передъ тѣмъ было присоединено къ Виленскому [21]). Въ Вильнѣ на великомъ княженьѣ сѣлъ Ольгердъ; Явнутъ же низошелъ на положеніе подручнаго, служилаго князя, получившаго волость по милости владѣтельнаго (это положеніе онъ передалъ и своимъ потомкамъ). По разсказу лѣтописи, Ольгердъ и Кейстутъ докончали между собою, что братьѣ всей быть послушной великаго князя Ольгерда, при чемъ и самъ Кейстутъ призналъ надъ собой старшинство Ольгерда. На дѣлѣ однако, оба брата были равны другъ другу по степени значенія и вліянія въ Литовской землѣ, въ которой, такимъ образомъ, установился политическій дуализмъ. Прусскіе хронисты, которымъ пришлось часто и много писать объ Ольгердѣ и Кейстутѣ, одинаково называли ихъ reges Lithuanorum, и только начальство ордена знало, что Ольгердъ былъ старшій rex, totius regni dominus [22]). Изъ разсказа русской лѣтописи также видно, что отношенія между Ольгердомъ и Кейстутомъ отличались отъ тѣхъ отношеній, которыя установились между великимъ княземъ и другими братьями: „а то собѣ докончають, што придобудуть, городъли или волости, да то дѣлити на полы" [23]). Лѣтопись объясняетъ эти отношенія дружбою братьевъ, тѣмъ, что они были „въ великой любви и милости и въ ласцѣ". Но помимо личныхъ чувствъ тутъ, очевидно, дѣйствовали и причины другого рода. Кейстутъ былъ едва ли не са-

---

[20]) *Kaз. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut. Lwów, 1880, str. 23, nota 37. Scarbiec dyplomatów I, № 417.

[21]) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, изданный *Поповымъ* въ Запискахъ II отдѣленія Академіи Наукъ, ч. I, стр. 27. Ср. *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 26, nota 19.

[22]) *K. Stadnickiego* Olgierd i Kiejstut, str. 6., n. I.

[23]) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 27.

ный сильный князь среди своихъ братьевъ. Отецъ посадилъ его княжить въ такихъ частяхъ Литовской земли, гдѣ приходилось вести постоянную борьбу съ Нѣмцами и Поляками, гдѣ Литвѣ приходилось наиболѣе сосредоточивать и напрягать свои военныя силы и гдѣ поэтому было наибольшее скопленіе отважнаго и испытаннаго въ бояхъ военнаго люда; едва ли и по размѣрамъ своимъ удѣлъ Кейстута не былъ самый большой между удѣлами другихъ князей. Лично Кейстутъ превосходилъ всѣхъ братьевъ энергіею, военною доблестью и предпріимчивостью. Ольгердъ добился великаго княженія на Литвѣ съ помощью Кейстута; только съ его же помощью могъ онъ сохранять пріобрѣтенное значеніе, держать въ послушаніи другихъ князей, въ подчиненіи и зависимости всѣ земли и владѣнія, тянувшія къ Литвѣ; и, наконецъ, только опираясь на Кейстута, оборонявшаго Литву отъ нѣмцевъ, Ольгердъ былъ въ состояніи расширять литовскія владѣнія на счетъ русскихъ земель. Въ виду всего этого Ольгердъ долженъ былъ обходиться съ Кейстутомъ иначе, чѣмъ съ другими князьями, держаться съ нимъ на равной ногѣ, подѣлить съ нимъ свое политическое значеніе и вліяніе. Такимъ образомъ, благодаря исторической необходимости сосредоточить военныя силы на два фронта, для обороны отъ нѣмцевъ и для наступленья на Русь, Литовская земля съ половины XIV в. распалась на двѣ части, изъ которыхъ одна стала тяготѣть къ Вильнѣ, какъ къ своему политическому центру, а другая къ Трокамъ. Географическая близость этихъ центровъ какъ бы указываетъ на тѣсную взаимную связь, въ которой находилось успѣшное выполненіе той и другой задачи, на тѣсное единеніе обѣихъ частей Литовской земли.

Что касается удѣловъ другихъ братьевъ Гедиминовичей на Литвѣ, то они скоро упразднились и подѣлены были, согласно уговору, между Ольгердомъ и Кейстутомъ. Годъ или два спустя по смерти Гедимина умеръ бездѣтнымъ старшій сынъ его Монивидъ; изъ удѣла его Ольгердъ взялъ Керновъ, а Кейстутъ Слонимъ (въ это время и установилась судебно-административная зависимость Кернова отъ Вильны, Слонима отъ Трокъ); точно также подѣлили они между собою и Новгородокъ съ его дворами и селами по смерти Коріата Гедиминовича [24]). Такимъ образомъ, вся Литовская земля въ концѣ третьей четверти XIV вѣка находилась въ рукахъ двухъ Гедиминовичей—Ольгерда и Кейстута, которые нѣкоторыя части ея роздали въ управленіе своимъ сыновьямъ (Витовтъ, напр., правилъ Городенскою землею, его братья

[24]) *K. Stadnickiego* Synowie Gedymina, I, str. 141. Codex epistolaris Vitoldi № CCXXXIII.

Войдатъ и Товтивилъ сидѣли въ Новгородкѣ). Сыновья при жизни отцовъ не играли роли самостоятельныхъ князей, такъ что мы съ полнымъ правомъ можемъ признавать въ то время существованіе на Литвѣ двухъ удѣловъ—Виленскаго и Троцкаго. Но по смерти Ольгерда и Кейстута Литва распалась снова на большее число удѣльныхъ владѣній. Ягелло, сдѣлавшись вторично великимъ княземъ Литовскимъ въ 1382 году, отдалъ Троцкій удѣлъ Кейстута брату своему Скиргеллу за исключеніемъ Жмудской земли, которую онъ уступилъ ордену [25]), и половины Новгородка, гдѣ оставались сыновья Кейстута, Войдатъ и Товтивилъ. Между Ягелломъ и Скиргелломъ установились такія же отношенія, какія существовали между Ольгердомъ и Кейстутомъ [26]). Но въ 1385 г. Ягелло, помирившись съ Витовтомъ, отдалъ ему изъ отцовскаго удѣла земли Городенскую и Берестейскую, такъ что Скиргеллу осталось Троцкое княжество въ тѣсномъ смыслѣ [27]). Кромѣ того, Ягелло далъ было на Литвѣ своему брату Виганту-Александру Керновъ съ нѣкоторыми волостьми, но Вигантъ вскорѣ умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ. Витовтъ, добившись великаго княженія, уничтожилъ удѣлы въ собственной Литвѣ: у Скиргелла онъ отнялъ Троцкое княжество, въ замѣнъ котораго далъ ему землю Кіевскую, а брата Сигизмунда, который по смерти Войдата и Товтивила княжилъ въ Новгородкѣ, перевелъ въ 1406 г. въ Стародубъ, гдѣ тотъ и сидѣлъ до самой смерти Витовта. Новгородокъ cum toto districtu Витовтъ записалъ было въ пожизненное владѣніе женѣ своей Ульянѣ въ 1428 г. [28]), но эта запись, повидимому, не имѣла силы послѣ его смерти: съ 1431 г. въ Новгородкѣ является правителемъ великокняжескій намѣстникъ Петрашъ Монтыгирдовичъ (княгиня Ульяна умерла въ 1448 г.) [29]).

Итакъ, въ концѣ удѣльнаго періода болѣе или менѣе устойчиво держалось дѣленіе Литовской земли на слѣдующія части: 1) княжество Виленское, 2) княжество Троцкое, 3) княжество Городенское, 4) княжество Новгородское. Поверхъ этого дѣленія проходило дѣле-

---

[25]) *E. Raczyńskiego* Codex diplomaticus Lithuaniae. Vratislaviae 1845, p. 57.

[26]) *Kaz. Stadnickiego* Bracia Władysława Jagiełły. Lwów 1867, str. 259. Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus II, № XVII. Krakow 1876.

[27]) Scarbiec dyplomatów, 1, № 498.

[28]) Codex epistolaris Vitoldi № MCCCXXI.

[29]) См. *Narbutta* Dzieje narodu Litewskiego, tom VI. Wilno 1839. str. 562, 563.

ніе Литвы на Виленскую и Троцкую половину, въ которомъ выразился военно-политическій дуализмъ, установившійся на Литвѣ при Ольгердѣ и Кейстутѣ и державшійся, какъ было уже упомянуто, при Ягеллѣ и Скиргеллѣ. Эти дѣленія и легли въ основаніе того правительственнаго устройства Литовской земли, которое установилось послѣ упраздненія въ ней удѣловъ. Центральная великокняжеская власть при уничтоженіи удѣловъ не порвала тѣхъ политическихъ связей и отношеній, которыя завязались или только еще намѣтились въ удѣльное время съ одной стороны между главными городами Литовской земли, Вильною и Троками, и другими княжескими резиденціями, съ другой стороны между этими резиденціями и ихъ пригородами и дворами, центрами волостей княжествъ. Великій князь взялъ на себя только важнѣйшія политическія функціи удѣльныхъ князей, а бо̀льшую часть текущей, такъ сказать, будничной правительственной работы, которую они производили, оставилъ въ стольныхъ городахъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, въ рукахъ своихъ намѣстниковъ, заступившихъ мѣсто удѣльныхъ князей; при этихъ намѣстникахъ по большей части остался и весь штатъ удѣльныхъ должностныхъ лицъ, каковы были, напр., конюшій, тивунъ, ключникъ, ловчій, сокольничій и т. дал. Такимъ путемъ удержалась политическая группировка городовъ и волостей, существовавшая въ удѣльное время, послѣ того какъ самые удѣлы уже упразднились. Прежній военно-политическій дуализмъ Литовской земли выразился явственно въ дѣленіи ея на воеводства Виленское и Троцкое. Подобно тому, какъ въ удѣльное время военныя силы Литовской земли находились въ распоряженіи Виленскаго и Троцкаго князей, точно также и послѣ онѣ были подъ властью Виленскаго и Троцкаго воеводъ, которые надзирали за ихъ мобилизаціею; держали у себя ихъ переписи, производили имъ смотръ и т. д. [30]) Воеводы Виленскій и Троцкій сдѣлались начальниками военныхъ округовъ, предѣлы которыхъ на Литвѣ опредѣлились составомъ земель и владѣній, принадлежавшихъ нѣкогда Ольгерду и Кейстуту. Но по дѣламъ гражданской администраціи и суда компетенція Виленскаго и Троцкаго воеводъ ограничилась предѣлами Виленскаго и Троцкаго княжествъ въ тѣсномъ смыслѣ: имъ были подчинены мѣстные урядники, чинившіе судъ и управу въ повѣтахъ, которые составляли нѣкогда Виленское и Троцкое княжества въ тѣсномъ обозначеніи. Въ тѣхъ

---

[30]) Акты Западной Россіи, II, № 173. Литов. Метр. кн. Публичныхъ дѣлъ IV, л. 3. 4.

же частяхъ Литовской земли, которыя были сами нѣкогда удѣльными княжествами, какъ напр. повѣты Городенскій и Новгородскій, были оставлены самостоятельные намѣстники, имѣвшіе подъ собою мѣстныхъ урядниковъ низшаго ранга; они подчинялись воеводамъ, только какъ начальникамъ военныхъ округовъ. Съ теченіемъ времени и нѣкоторые другіе намѣстники, переименованные въ старостъ, напр. Ковенскій, вышли изъ подъ власти и присуда воеводъ и стали самостоятельными правителями своихъ частей; но это факты уже позднѣйшіе и не вытекшіе прямо изъ данныхъ политическаго строя удѣльнаго періода.

II.

Описанное дѣленіе не замыкалось, однако, въ предѣлахъ собственной Литвы, а охватывало и нѣкоторыя другія области, которыя отличались отъ Литвы благодаря своимъ этнографическимъ, общественнобытовымъ и частію политическимъ особенностямъ. По большей части это были территоріи доставшіяся Литвѣ по праву завоеванія отъ сосѣднихъ русскихъ земель, политически разбившіяся или еще не успѣвшія сложиться и окрѣпнуть настолько, чтобы съ присоединеніемъ къ Литвѣ занять особное отъ нея положеніе, въ качествѣ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ членовъ литовско-русской федераціи. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить такъ-называемую Русь. (въ особомъ, частномъ смыслѣ), а затѣмъ землю Берестейскую, или Подляшье, и Полѣсье.

Литовско-русскіе акты обозначаютъ именемъ „Русь" волости, расположенныя по среднему Днѣпру и его притокамъ: Сожу, Березинѣ и нижней Припяти [31]). Первымъ владѣніемъ, которое пріобрѣла здѣсь Литва, было княжество Минское, занятое въ послѣдніе годы княженія Гедимина или недолго спустя послѣ его смерти. (Въ 1326 г. въ Минскѣ былъ еще природный князь, подручникъ Гедимина [32]). Ольгердъ и Кейстутъ въ предѣлахъ этого княжества дали удѣлъ своему брату Явнуту, котораго они высадили изъ Вильны, именно Жеславль, древній Изяславль; въ нѣкоторыхъ волостяхъ его остались еще природные князья, напр. въ Свислочи [33]); но въ главномъ городѣ сѣлъ

---

[31]) См., напр., договоръ Ягелла съ Скиргелломъ отъ 1387 г., напечатанный въ № CV Отечествен. Записокъ 1829 г. и въ Monumenta medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, tomus II. Codex saeculi quindecimi. Kraków 1876. № IX.

[32]) Пол. Собр. Рус. Лѣт. VII, 199.

[33]) Пол. Собр. Русс. Лѣт. VI, 215.

намѣстникъ изъ руки великаго князя Ольгерда. Ягелло отдалъ было Минскъ своему брату Скиргеллу въ придачу къ Трокамъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими волостями, но, послѣ того какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, Минскъ снова потянулъ по управленію и суду къ Вильнѣ вмѣстѣ со своими волостями (нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ отданы были Витовтомъ князю Андрею Володимировичу Ольгердовича) [34]. Благодаря этому, Минскъ въ изучаемое время стоялъ въ числѣ Виленскихъ дворовъ [35]; его намѣстникъ подчинялся Виленскому воеводѣ не только какъ начальнику военнаго округа, но и какъ главному гражданскому правителю области бывшаго Виленскаго княжества (въ силу этого значенья воевода Виленскій давалъ, напр., „увязанье" въ мыто Минское [36]), а также судилъ „подданыхъ Виленского повѣту Мѣнскихъ" съ княземъ Любецкимъ о земли [37]).

Послѣ занятія Минска съ волостьми литовское владычество распространилось на группу волостей Кіевскихъ, Черниговскихъ и Смоленскихъ, лежавшихъ по Березинѣ, нижней Припяти и ея притокамъ Птичу и Брягинкѣ, по Днѣпру и Сожу. Конечнымъ пунктомъ завоевательнаго движенія въ этомъ направленіи былъ Смоленскій пригородъ Мстиславль на р. Вехрѣ (недалеко отъ впаденія ея въ Сожъ), занятый Ольгердомъ въ 1358 г. [38])—Согласно заключенному съ братомъ Кейстутомъ уговору—дѣлить все, что придобудутъ, „на полы", Ольгердъ далъ участіе брату во владѣніи этими волостями, населеніе которыхъ состояло изъ хорошихъ плательщиковъ дани благодаря развитію въ этой мѣстности нѣкоторыхъ промысловъ (охоты и бортнаго промысла). Отсюда и ведетъ начало зависимость такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ волостей (Свислочи, Любошанъ, Бобруйска, Кричева, Пропойска, Чечерска, Горволя, Рѣчицы, Брагиня, Мозыря и Бчича) отъ ключей Виленскаго и Троцкаго, куда въ изучаемое время старцы этихъ волостей представляли медовую дань, и отъ великокняжескаго Литовскаго скарба, куда они отвозили дань грошовую, бобровую и куничную [39]). Отсюда также ведетъ начало дѣленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей, напр. Бобруйской, на Виленскую и Троцкую половины [40]);

---

[34]) См. Акты Зап. Рос. I, № 46.

[35]) Лит. Метр. кн. Запис. VII, л. 589—591. Публич. дѣлъ I, л. 22—24.

[36]) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 118.

[37]) Лит. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ XI, л. 12—14.

[38]) Никонов. Лѣт. III, 213.

[39]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329, Акты Запад. Россіи II, № 75.

[40]) Объ этомъ дѣленіи говоритъ уже вышеупомянутый договоръ Ягелла съ

отсюда, наконецъ, ведетъ начало судебно-административная зависимость большинства этихъ волостей отъ Вильны и Трокъ; исключеніе составили волости: Мозырская, Бчицкая и Брягинская, которыя включены были въ *право* Кіевской земли. Кромѣ того, изъ волостей, лежащихъ по верхней Друти, среднему Днѣпру и верхнему Сожу и обозначаемыхъ въ актахъ также именемъ „Русь“ [41]), Ольгердъ образовалъ особое Мстиславское княжество для сына своего Коригелла.

Коригелло, какъ извѣстно, погибъ при осадѣ Вильны Витовтомъ, а два-три года спустя княжество его отдано было великимъ княземъ Витовтомъ брату его Семену-Лингвенію Ольгердовичу, отъ котораго оно перешло по наслѣдству къ сыну его Юрію. Въ промежутокъ времени отъ 1432 г. по 1445 г., когда князь Юрій Лингвеньевичъ, не подчинявшійся тогдашнимъ великимъ князьямъ, Сигизмунду Кейстутьевичу и Казимиру, скитался по большей части на чужбинѣ, княжествомъ его управляли великокняжескіе намѣстники [42]). Получилъ онъ княжество обратно и передалъ его по наслѣдству сыну Ивану уже въ значительно уменьшенномъ видѣ,—въ составѣ городовъ Мстиславля и Мглина съ ихъ округами, или повѣтами, потерявъ часть волостей (Могилевъ, Тетеринъ, Княжичи, Кричевъ, Дроковъ), которыя поступили подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ и возвратились, повидимому, опять въ составъ Виленскаго правительственнаго округа, къ которому нѣкогда принадлежали. Князь Иванъ Юрьевичъ умеръ около 1495 г., оставивъ дочерей Настасью и Ульяну, которыхъ король Казимиръ оставилъ на отчинѣ до выхода за мужъ [43]). Настасья вышла за князя Семена Михайловича Слуцкаго, а Ульяну великій князь Александръ въ 1492 г. выдалъ за князя Михаила Ивановича Жеславскаго, которому вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ „у вотчину, вѣчно, на вѣки вѣчныи“ города Мстиславль и Мглинъ со всѣми ихъ дворами и дворцами [44]). Мглинъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ того занятъ былъ московскими войсками и по договору 1503 г. остался за Москвою, а Мстиславль съ его волостями оставался во владѣніи и полномъ распоряженіи князя Михаила Ивановича до 1527 года. Въ этомъ году князь Михаилъ послѣ бѣгства сына своего Ѳедора въ Москву запи-

---

Скиргелломъ отъ 1387 г. Срав. также Литов. Метр. кн. Запис III, л. 76; X, л. 59, 60.

[41]) Акты Зап. Рос. III, № 19, § 33.

[42]) K. *Stadnickiego* Bracia Wł. Jagełły str 294—301.

[43]) Акты Зап. Рос. 1 № 131.

[44]) Акты Зап. Рос. I, № 172.

салъ княжество Мстиславское по своемъ животѣ въ полную собственность королевичу Сигизмунду Августу и выпросилъ у короля для управленія имъ и для обороны отъ непріятельскихъ наѣздовъ намѣстника или державцу, а самъ удовольствовался только половиною доходовъ. По смерти князя Михаила княжество Мстиславское, организованное, какъ было сказано, княземъ Виленскимъ изъ состава его владѣній и не разрывавшее, повидимому, никогда военной связи съ бывшимъ Виленскимъ княжествомъ, окончательно превратилось въ староство воеводства Виленскаго, образовало въ немъ такую же территорію, какъ напр. земли Городенская и Берестейская въ воеводствѣ Троцкомъ [45]).

III.

„Подляшье" состояло изъ городовъ: Бѣльска, Мельника, Дорогичина, Берестья, Кобрина и Каменца съ ихъ повѣтами. Принадлежа въ XIII вѣкѣ къ владѣніямъ Волынскихъ князей изъ рода Романа Мстиславича, область эта по источникамъ является въ качествѣ отдѣльной отъ Волынской земли, политически единой и въ себѣ замкнутой, со своими особыми интересами и стремленіями, со своимъ главнымъ городомъ Берестьемъ [46]). Это политическое единство она сохраняла на первыхъ порахъ и послѣ присоединенія своего къ Литвѣ при великомъ князѣ Гедиминѣ [47]). Въ качествѣ особаго владѣнія, она отдана была Гедиминомъ, за исключеніемъ Кобрина, сыну Кейстуту въ придачу къ Трокамъ, отъ котораго, какъ отчина, перешла къ Витовту, титуловавшемуся княземъ Городенскимъ и Берестейскимъ. Въ это время положено было начало дальнѣйшему дробленію ея на землю Берестейскую въ тѣсномъ смыслѣ, собственное Подляшье и Каменецкій округъ, въ каковомъ видѣ она выступаетъ въ актахъ и документахъ изучаемаго времени, сохранившихъ при всемъ томъ не мало указаній на ея старинное политическое и общественнобытовое единство. Въ 1390 году, когда Витовтъ бѣжалъ къ рыцарямъ и съ ними воевалъ Литву, Ягелло отдалъ землю Дорогицкую съ замками: Дорогичиномъ, Мельни-

---

[45]) Акты Зап. Рос. II, № 190.

[46]) Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. Археограф. Коммиссіею. Спб. 1871, стр. 599 и слѣд.

[47]) См. *В. Б. Антоновича* Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго, стр. 64, 65, и *Н. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства стр. 46, пр. 3, Кіевъ, 1885.

комъ, Суражемъ и Бѣльскомъ князю Янушу Мазовецкому, который въ качествѣ зятя Кейстута имѣлъ притязаніе на эту землю и въ 1382 году, пытался, но неудачно, овладѣть ею [48]). Сдѣлавшись великимъ княземъ на Литвѣ, Витовтъ воротилъ не сразу и не все отцовское достояніе въ этомъ краѣ. Ягелло сначала отдалъ ему только Каменецъ съ округомъ въ 1394 году [49]), а потомъ Берестье съ волостями, тянувшими къ нему непосредственно, или Берестейскую землю въ тѣсномъ смыслѣ (Витовтъ по актамъ выступаетъ въ качествѣ государя въ этой землѣ съ 1408 года, а до этого времени—Ягелло) [50]). Кромѣ того, Янушъ Мазовецкій отступился отъ Бѣльска съ его округомъ, разоренныкъ и опустошеннымъ еще въ 1377 году магистромъ ордена Винрикомъ Книпроде; Витовтъ отстроилъ городъ, далъ ему самоуправленіе по магдебургскому праву и заселилъ Бѣльскій округъ, или повѣтъ [51]). Но Дорогицкая земля оставалась во владѣніи князей Мазовецкихъ до 1443 года, когда великій князь Казимиръ выкупилъ ее у кн. Болеслава за 6000 копъ широкихъ пражскихъ грошей [52]).

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Берестейская земля, или Подляшье, утратила свою прежнюю цѣлостность и единство и распалась на нѣсколько частей. Названіе „земля Берестейская" сузилось въ своемъ значеніи, и въ актахъ изучаемаго времени уже употребляется только въ приложеніи къ городу Берестью и волостямъ, непосредственно отъ него зависѣвшимъ, въ противоположеніи къ другимъ частямъ прежней Берестейской земли [53]). Берестье со своими волостями составило въ воеводствѣ Троцкомъ самостоятельный судебно-административный округъ, которымъ управлялъ намѣстникъ, независимый отъ Троцкаго воеводы и съ 1507 года называвшійся старостою [54]). Такое же положеніе заняли земля Дорогицкая, въ составъ которой со времени мазовецкаго занятія входили города: Дорогичинъ

---

[48]) *Balińskiego* i *Lipińskiego* Starożytna Polska III, 405. Warszawa 1886. *J. Dlugossi seu Longini* Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae MDCCXI. Liber X, p. 64.

[49]) Scarbiec dyplomatów I, № 649.

[50]) Starożytna Polska IV, 585, 586.

[51]) Starożytna Polska III, 438; *J. Dlugossi* Liber X, p. 38; Акты Запад. Россіи I, № 189.

[52]) Starożytna Polska III, 406.

[53]) См., напр., Акты Запад. Рос. I, № 104.

[54]) *Wolff'a* Senatorowie i dygnitarze W. Księstwa Litewskiego. Kraków, 1885, стр. 9.

и Мельникъ съ ихъ округами, или повѣтами, — и земля, или повѣтъ Бѣльскій. Но городъ Каменецъ съ своими волостями тѣсно примкнулъ къ Литовской землѣ, вошелъ въ составъ судебно-административнаго Троцкаго округа [55]) и сталъ называться Литовскимъ, какъ часть Литовской земли.

Изъ прежнихъ связей означенныхъ городовъ съ Берестьемъ въ изучаемое время оставалась непорванною только административная зависимость въ отношеніи сбора мыта, какъ это видно, напримѣръ, изъ аренднаго листа короля Сигизмунда, даннаго въ 1518 году Авраму Езофовичу на мыто Берестейское „со всими мыты старими" — Городенскимъ, Дорогицкимъ, Бѣльскимъ, Каменецкимъ, Мельницкимъ, „которые передъ тымъ здавна, за отца нашого, къ тому мыту Берестейскому прислухали" [56]). О прежнемъ политическомъ единствѣ всѣхъ этихъ городовъ и ихъ повѣтовъ свидѣтельствовали также нѣкоторые общіе имъ порядки и установленія. Напр., крестьянскіе земельные участки называвшіеся въ другихъ областяхъ великаго княжества „землями", „дворищами", „селищами", называются въ актахъ изучаемаго времени одинаково „жеребьями", если они находятся въ округахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Бѣльскомъ, Мельницкомъ, Дорогицкомъ и Кобринскомъ. Мѣщане по мѣстамъ „Подляшскимъ": въ Берестьѣ, Бѣльскѣ, Мельникѣ и Каменцѣ, не давали „кликуновъ", т. е. сторожей ночныхъ на замокъ, какъ это видно изъ жалобы мѣщанъ Каменецкихъ, поданной въ 1523 году королю Сигизмунду на обиды и притѣсненія отъ мѣстнаго державцы [57]). Военнослужилый классъ, называвшійся на Литвѣ и въ русскихъ земляхъ (кромѣ Волынской и Подольской) боярами, въ повѣтахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Бѣльскомъ, Мельницкомъ и Дорогицкомъ назывался по польски „земянами". Болѣе тщательныя разысканія, вѣроятно, откроютъ и другія бытовыя особенности, общія всѣмъ частямъ бывшей Берестейской земли и сохранявшіяся въ изучаемое время, не смотря на политическое распаденіе этой земли. — Благодаря этимъ бытовымъ особенностямъ названіе „Подляшье" въ актахъ изучаемаго времени употребляется иногда по старой памяти въ приложеніи ко всѣмъ округамъ бывшей Берестейской земли. Но одновременно съ тѣмъ и гораздо чаще это названіе стало прилагаться только къ части ея, которую составляли повѣты Дорогицкій съ Мельницкимъ и Бѣльскій, слѣдовательно сузилось

[55]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 209.
[56]) Литов. Метр. кн. Зап. XI, л. 28.
[57]) Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 95. Срав. кн. Запис. XI, л. 97.

въ своемъ значеніи подобно названію „Берестейская земля". Подляшье стало даже противоставляться землѣ Берестейской, какъ это видно, напр., изъ судебнаго вырока короля Сигизмунда по дѣлу паньи Якубовой Довойновича съ паномъ Яномъ Сгецковичемъ объ имѣньяхъ: *на Подляшку* (въ землѣ Дорогицкой)—Теляки, *въ великомъ княжествѣ*—Липовую и Радованичи (въ землѣ Берестейской) [58]. Названіе одного тягло-податнаго округа въ землѣ Берестейской *Подляшскимъ* десяткомъ также говоритъ о томъ, что эта земля стала отличаться отъ собственнаго Подляшья [59]. При многихъ общихъ порядкахъ и установленіяхъ округа Дорогицкій съ Мельницкимъ и Бѣльскій рѣзко отдѣлились отъ Берестейскаго, не говоря уже о Каменецкомъ, благодаря польскому праву и учрежденіямъ, утвердившимся въ нихъ, что̀ въ свою очередь обусловливалось особенностями этнографическаго состава населенія въ этихъ округахъ.

Названіе „Подляшье" несомнѣнно стоитъ въ генетической связи съ именемъ „Ляхъ", а не „лѣсъ", какъ это объясняетъ по слѣдамъ польскихъ историковъ г. Дашкевичъ въ своихъ „Замѣткахъ по исторіи Литовско-Русскаго государства" [60]. По законамъ русскаго языка трудно вывести „Подляшье" западнорусскихъ актовъ XV-го и XVI-го вѣковъ (по латыни Podlachia) изъ „Подлѣсья"; но совершенно легко изъ формъ „Подляшье" и „Подляхія" могли возникнуть польскія формы Podlasie и Podlasze, на которыхъ г. Дашкевичъ, какъ на первоначальныхъ, основываетъ свое словопроизводство. Названіе „Подляшье", всего вѣроятнѣе, возникло, какъ географическое и этнографическое опредѣленіе этой области по отношенію къ смежной съ ней „Ляшской" землѣ. Русскія владѣнія вдавались здѣсь клиномъ между Мазовіею съ одной стороны и дикою лѣсною пущею, населенною въ XI—XIII вв. Ятвягами, съ другой стороны. Эта полоса имѣла болѣе территоріальной связи съ Ляшскою землею, чѣмъ съ Русью, отъ которой она частыми набѣгами Ятвяговъ и Литовцевъ въ сторону Берестья была почти отрѣзана. Повидимому, эта область очень рано стала колонизоваться изъ сосѣднихъ Мазовіи и Малой Польши, съ чѣмъ въ связи, быть можетъ, находятся и притязанія на нее со стороны Поляковъ въ XIII—XV вв. Въ первой половинѣ XIII вѣка частью Подляшья (castrum Drohicin et totum territorium, quod ex eadem parte

---

[58]) Лит. Метр. кн. Запис. X, л. 83, 84; VI, л. 207.

[59]) Лит. Метр. кн. Запис. V, л. 29. Срав. также Лит. Метр. кн. Зап. XII, л. 33.

[60]) стр. 142, пр. 1. Срав Starożytna Polska IV, 684.

castri continetur a medietate fluminum Bug et Nur usque ad metas Ruthenorum) владѣлъ Конрадъ Мазовецкій и отдалъ было ее Добржинскимъ рыцарямъ [61]); но Даніилъ Романовичъ Галицкій вытѣснилъ изъ нея „крижевниковъ" и воротилъ, такимъ образомъ, свою отчину [62]). Въ XIV вѣкѣ, когда Подляшье было уже занято Литвою, Поляки не разъ отнимали ее у литовскихъ князей и занимали города своими гарнизонами. Они отказались отъ него по договору 1366 года, въ силу котораго города: Берестье, Каменецъ, Дорогичинъ, Мельникъ и Бѣльскъ, утверждались навсегда за Кейстутомъ [63]). По смерти Кейстута, какъ мы видѣли, Дорогичинъ, Мельникъ и Бѣльскъ заняты были съ согласья Ягелла зятемъ Кейстута Янушемъ Мазовецкимъ, и первые два пробыли во власти Мазовцкаго князя до 1443 года. Всѣ эти военныя занятія Подляшья оставили на его земляхъ, преимущественно на западѣ, массу мелкаго военнослужилаго люда польскаго происхожденья, такъ называемыхъ земянъ; польское населеніе приливало сюда, можетъ быть, и въ мирное время. Къ началу XV в. количество его было уже настолько велико, что Витовтъ, созывая въ Бѣльскій округъ *кметей* для заселенія его, дѣйствовалъ въ своихъ распоряженіяхъ на основаніяхъ польскаго земельнаго устройства [64]). Благодаря этому же обстоятельству по польскому образцу устроились судъ и управленіе въ этой области. Великіе князья Литовскіе пошли навстрѣчу естественному стремленію колонистовъ устроиться на чужой землѣ, какъ у себя на родинѣ, и даровали польское земское право повѣтамъ Подляшскимъ: Дорогицкому съ Мельницкимъ и Бѣльскому. Такое отношеніе къ правамъ и обычаямъ мѣстнаго населенія, вполнѣ согласное съ общею областною политикой литовскаго правительства, въ данномъ случаѣ настойчиво рекомендовалось сосѣдствомъ Подляшья съ Польшей, къ которой оно въ силу этнографическаго родства должно было тяготѣть. Дарованіе области выгодъ и преимуществъ польской гражданственности должно было парализовать, ослабить это тяготѣніе.

Польское право и учрежденія введены были сначала въ повѣтѣ Дорогицкомъ. Земяне-шляхта Дорогицкаго повѣта при Казимирѣ, вѣроятно, въ моментъ возвращенія Дорогицкой земли отъ Мазовіи, получили тѣ права и привилегіи, которыя содержатся въ книгахъ статутовъ королевства Польскаго, между прочимъ право выбирать на сей-

---

[61]) *Voigt'a* Codex diplomaticus Prussiae II, 277.
[62]) Лѣтопись по Ипатскому списку, 517.
[63]) Scarbiec dyplomatów I, № 432.
[64]) Акты Запад. Россіи I, № 189.

микахъ судью, подсудка, писаря и другихъ земскихъ урядниковъ по польскому обычаю изъ лицъ римскаго закона. Этотъ привилей Дорогицкой землѣ подтверждали по очереди и сыновья Казимира, Александръ и Сигизмундъ [65]). Вслѣдъ или одновременно съ Дорогицкимъ повѣтомъ польское право и учрежденія введены были и въ повѣтѣ Мельницкомъ. Хотя самый привилей Мельницкому повѣту и не дошелъ до насъ, можетъ быть, его даже и совсѣмъ не было благодаря тому, что Мельницкій повѣтъ составлялъ прежде одно цѣлое съ Дорогицкимъ (въ 1547 году король Сигизмундъ Августъ выдалъ одинъ общій подтвердительный привилей шляхтѣ Дорогицкаго и Мельницкаго повѣтовъ на польское право и учрежденія) [66]),—тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что уже въ XV вѣкѣ въ Мельницкомъ повѣтѣ дѣйствовали польскія судебныя учрежденія, былъ земскій судья, подсудокъ и писарь, что въ свою очередь предполагаетъ дѣйствіе польскаго права [67]). Наконецъ въ 1501 году польское право и учрежденія введены были и въ Бѣльскомъ повѣтѣ королемъ Александромъ [68]), привилей котораго съ надлежащими измѣненіями, обусловленными развитіемъ польскаго права, подтвердилъ Сигизмундъ-Августъ въ 1547 году [69]). Около 1513 года изъ повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго учреждено было воеводство Подляшское по типу польскихъ воеводствъ. Впрочемъ, это учрежденіе не измѣнило устройства и положенія области и на первыхъ порахъ мало имѣло реальнаго значенія. Область оставалась попрежнему раздѣленною на три повѣта, или земли, подъ управленіемъ старостъ, и даже въ военномъ отношеніи по прежнему входила въ составъ Троцкаго воеводства [70]). Званіе воеводы было здѣсь еще болѣе титулярнымъ, чѣмъ въ Польшѣ, не сопряжено было ни съ какою дѣятельностью въ области (по крайней мѣрѣ, по источникамъ изучаемаго времени не видно этой дѣятельности) и давало не обязанности въ области, а мѣсто въ радѣ великаго князя.

Берестейская земля въ тѣсномъ значеніи стала, какъ было уже указано выше, особнякомъ отъ собственнаго Подляшья. Что касается Литовской земли, то къ ней она находилась въ отношеніяхъ, можно сказать, переходныхъ, не вполнѣ слилась съ нею, но и не была уже

---

[65]) *Działyńskiego* Zbiór praw litewskich, str. 118—121.
[66]) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 82, 83.
[67]) Лит. Метр. кн. Запис. V, л. 21.
[68]) Акты Зап. Рос. I, № 189.
[69]) Volumina legum I, 287. Petersburg 1859.
[70]) Литовск. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 108. кн. Запис. XXVIII, л. 123—125.

отдѣлена отъ нея такъ рѣзко, какъ другія земли. Великій князь Александръ, считая ее частью собственной Литовской земли, сталъ было раздавать волостки въ ней („данничое, житщину, бобровщину, ловчое") дворянамъ Литовскимъ. Но мѣстные земяне подали ему жалобу, въ которой утверждали, что волостки Берестейскія всегда держали они по годамъ „колеею". Великій князь уважилъ ихъ представленіе и возстановилъ ихъ право, основанное на отдѣльности ихъ земли отъ собственной Литвы [71]). Съ теченіемъ времени эта отдѣльность, однако, все болѣе и болѣе сглаживалась, и земля Берестейская все болѣе и болѣе сливалась съ собственною Литвой. Въ языкѣ литовско-русскихъ актовъ это выразилось въ томъ, что названіе „земля Литовская" стало иногда обнимать собою и Берестейскій округъ, какъ напр., въ вышеупомянутомъ вырокѣ короля Сигизмунда отъ 1522 года по дѣлу паньи Якубовой Довойновича съ паномъ Яномъ Стецковичемъ.

Изъ состава Берестейской земли, какъ уже выше было сказано, выдѣлился прежде другихъ городъ Кобринъ съ его округомъ, расположеннымъ по верхнему Мухавцу и его притокамъ. На принадлежность Кобринскаго округа къ составу Берестейской земли указываетъ его географическое положеніе: за Кобриномъ къ востоку начиналось уже Полѣсье. Кобринъ, впрочемъ, составилъ отдѣльное владѣніе ранѣе литовскаго завоеванія: уже въ 1286 году князь Владиміръ Васильковичъ отказалъ его своей женѣ въ опричнину [72]). Въ XIV вѣкѣ онъ является владѣніемъ великаго князя Ольгерда, какъ это видно изъ договора литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ 1366 года [73]). Ольгерду наслѣдовалъ въ Кобринѣ сынъ его Θедоръ, которому великій князь Ягелло далъ кромѣ того Ратно и Ветлы въ землѣ Волынской, послѣ того какъ занялъ ее подъ Θедоромъ Любартовичемъ въ 1386 году (поэтому онъ и извѣстенъ подъ именемъ Ратненскаго). Отъ Θедора Ольгердовича Кобринъ перешелъ къ сыну его Роману съ утвержденья великаго князя Витовта, а Ратно и Ветлы перешли къ другому сыну его Сангушку, родоначальнику извѣстныхъ князей Сангушковъ [74]). Князю Роману Θедоровичу наслѣдовалъ сынъ его Семенъ, прокняжившій до начала 60-хъ годовъ XV столѣтія и оставившій на своемъ княженьѣ вдову свою Ульяну съ

---

[71]) Литов. Метр., кн. Запис. VI, л. 140.

[72]) Ипат. Лѣтопись, 595.

[73]) Searbiec dypłomatów I, № 432.

[74]) *Wolffa* Ród Gedymina str. 116—120. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I. № XXXIX.

сыномъ Иваномъ. Князь Иванъ Семеновичъ умеръ около 1490 года безъ наслѣдниковъ, записавъ по обычаю третью часть своей отчины женѣ Ѳедорѣ и кромѣ того на остальныхъ двухъ частяхъ 2000 золотыхъ угорскихъ „вѣна". Король Казимиръ оставилъ Кобринское княжество въ пожизненномъ владѣніи княгини Ѳедоры и въ началѣ 1492 года выдалъ ее замужъ за пана Юрія Пацовича „съ Кобринымъ" въ приданомъ. Въ 1506 г. Ѳедора, овдовѣвъ вторично, выхлопотала у короля Александра подтвержденіе записи мужа, а въ 1508 г., предварительно перешедши изъ православія въ католицизмъ и перемѣнивъ имя Ѳедоры на Софью, вышла въ третій разъ замужъ за пана Николая Радивиловича, съ которымъ, однако, прожила не болѣе года. Скончалась она вдовою въ 1512 году безъ потомства.

По смерти ея Кобринское княжество по праву наслѣдства перешло къ сестрѣ послѣдняго князя, Ивана Семеновича,—Аннѣ, которая была за мужемъ за паномъ Венцеславомъ Костевичемъ. Въ 1519 году, по смерти Анны Семеновны, король Сигизмундъ отдалъ Кобринъ съ округомъ, за исключеніемъ Селецкой волости, ея мужу пану Венцеславу Костевичу „въ держаніе до живота" [75]), а послѣ его смерти во владѣніе Кобриномъ со всѣми его волостьми вступила королева Бона, выхлопотавшая отъ мужа привилей на это княжество еще при жизни пана Костевича и одновременно съ тѣмъ, какъ вступила во владѣніе Пинскимъ княжествомъ [76]).

Кобринскіе владѣтели правили совершенно самостоятельно въ предѣлахъ своего княжества, не подчиняясь въ этомъ отношеніи никакимъ великокняжескимъ урядникамъ и даже лично не состоя въ ихъ присудѣ. Своихъ ратныхъ людей они, повидимому, ставили въ ополченьѣ воеводства Троцкаго; по крайней мѣрѣ, нѣсколько позже изданья перваго статута Кобринъ является въ числѣ дворовъ Троцкихъ [77]). Когда установился такой порядокъ, съ точностью трудно сказать за неимѣніемъ данныхъ, но, повидимому, ранѣе 1529 года. По областному разграниченію, сопровождавшему введеніе земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ въ 1564 году, Кобринъ съ волостями вошелъ въ составъ воеводства Берестейскаго, которое было образовано изъ частей Троцкаго [78]).

---

[75]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.

[76]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 128—144.

[77]) Книг. Запис. XXVIII, л. 123—125.

[78]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 197—203. Starożytna Polska IV, 619.

IV.

Кромѣ Руси (въ особомъ, частномъ смыслѣ) и Подляшья къ собственной землѣ Литовской тѣснѣе другихъ областей примкнули политически княжества и владѣнія, образовавшіяся въ области древнихъ Дреговичей, въ такъ называемомъ Полѣсьѣ [79]). Уже въ концѣ XII и началѣ XIII в. область эта разбилась на нѣсколько удѣловъ въ потомствѣ Святополка Изяславича Ярославича; средоточіями ихъ были: Туровъ на р. Припети (нынѣ мѣстечко Мозырскаго уѣзда), Пинскъ (нынѣ уѣздный городъ Минской губерніи) на р. Пинѣ, притокѣ Ядольды, Слуцкъ на р. Случи, лѣвомъ притокѣ Припяти (нынѣ уѣздный городъ Минской губ.), Клеческъ на верхней Лани (нынѣ мѣстечко Клецкъ Слуцкаго уѣзда) [80]). Въ половинѣ XIII вѣка вмѣстѣ съ возвышеніемъ Даніила Романовича Галицкаго слабые Турово-Пинскіе князья попали въ зависимость отъ Галицко-Волынскихъ князей. Чтобы освободиться отъ этой зависимости, они стали входить въ сношенія съ Литвою, которая въ то время уже утвердила свое владычество въ сосѣдней Черной Руси, постоянно имѣли „лесть" къ Волынскимъ князьямъ, и такимъ образомъ проложили путь сначала вліянію, а потомъ владычеству Литвы въ своемъ краѣ. Послѣднее утвердилось здѣсь со временъ Гедимина, который далъ здѣсь Пинскъ въ удѣлъ сыну своему Наримунту. Во владѣніи Наримунта и его потомковъ Пинскъ оставался до утвержденья на великокняжескомъ столѣ Сигизмунда Кейстутовича, при которомъ Пинскъ сталъ уже отдаваться „въ держаніе" великокняжескимъ намѣстникамъ [81]). Часть Турово-Пинскихъ волостей, впрочемъ, оставалась нѣкоторое время и послѣ подчиненія Литвѣ во владѣніи князей-отчитей, потомковъ Святополка Изяславича. Такъ, по источникамъ извѣстны князь Давыдъ Дмитріевичъ Городецкій, основатель Давыдъ-Городка (нынѣ мѣстечко на притокѣ Припяти Гордыни Мозырскаго уѣзда) и мужъ дочери Ольгерда Маріи, его сынъ Митко, погибшій отъ руки в. князя Сигизмунда Кейстутовича [82]). Быть можетъ, къ этимъ князьямъ-отчичамъ принадлежали и князь Юрій

---

[79]) *Барсова* Очерки русской исторической географіи. Варшава, 1885. Стр. 124. Лѣтопись по Ипатскому списку, 203, 268, 337.

[80]) *Погодина* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, т. VI, стр. XLI, XLII.

[81]) Акты Зап. Рос. I, № 190.

[82]) *Wolffa* Ród Gedymina str. 31.

Слуцкій и Семенъ Степаньскій, упоминаемые въ актѣ поручительства, даннаго въ 1387 г. Витовтомъ и другими князьями Галицкому воеводѣ Бенедикту въ томъ, что король оставитъ его при держаньѣ Галича [83]). Слуцкъ, впрочемъ, скоро перешелъ въ другія руки, князя Владимира Ольгердовича, котораго послѣ изгнанія изъ Кіева въ 1392 году оставили при Копылѣ и Слуцкѣ. Князь Владимиръ Ольгердовичъ передалъ Слуцкъ и Копыль сыну своему Олельку; послѣдній уходя на свой отчинный столъ въ Кіевъ въ началѣ княженья Казимира, оставилъ сына своего Семена въ Слуцкѣ, а Михаила въ Копылѣ. По смерти отца Семенъ перешелъ въ Кіевъ, а въ Слуцкѣ и Копылѣ остался одинъ Михаилъ, прокняжившій тамъ до 1481 года, когда за участіе въ заговорѣ противъ Казимира былъ казненъ смертью. Король, однако, не взялъ на себя его волости, какъ обыкновенно бывало съ имѣніями государственныхъ преступниковъ, но оставилъ ихъ за вдовою и сыномъ князя Михаила Семеномъ [84]). Семенъ Михайловичъ княжилъ въ Слуцкѣ до 1503 года, послѣ того—сынъ его Юрій, а затѣмъ внукъ Семенъ до 1560 г. [85]). Княжество Слуцкое политически тѣсно соединилось съ собственною Литовскою землею. Владѣтель его со своими боярами и слугами ставился въ ополченіи воеводства Виленскаго [86]); впослѣдствіи, незадолго до Люблинской уніи, княжество Слуцкое вошло въ составъ Новгородскаго воеводства, которое выдѣлено было изъ Виленскаго [87]).

При Казимирѣ получили новыхъ владѣльцевъ и другія Турово-Пинскія волости. Туровъ и Городокъ до 1452 года находились въ рукахъ Свидригелла, который занялъ ихъ послѣ убіенія князя Митка Давыдовича [88]). По смерти Свидригелла Казимиръ взялъ Туровъ на себя, а Городокъ отдалъ на пропитаніе вдовѣ Свидригелла Аннѣ вмѣстѣ съ Здитовымъ и Дворцомъ [89]). Когда княгиня Анна умерла, Казимиръ отдалъ Городокъ своему дальнему родственнику, правнуку Ольгерда по женской линіи, князю Ивану Васильевичу Яро-

---

83) Codex epistolaris Vitoldi, № XXXV. Срав. *Wolffa* Ród Gedymina, str. 21, 22.

84) Акты Зап. Рос. I, № 83, 94, 98, 99.

85) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 112, 113.

86) Кн. Публ. дѣлъ IV, листы 3, 4.

87) Starożytna Polska IV, 537—548.

88) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, стр 327; Archivum ks. Lubartowiczów Sanguszków, I, XLVII.

89) Лит. Метр. кн. Запис. III, л. 14; Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ стр. 330, 334, 340, 342, 358.

славича, который убѣжалъ къ нему въ 1456 году изъ Москвы, послѣ заточенія въ Угличѣ его отца, Василія Ярославича Боровского [90]); раньше того онъ пожаловалъ ему уже Клецкъ (послѣ князя Михаила Сигизмундовича) и Рогачевъ [91]). Клецкъ, Рогачевъ и Городокъ по смерти князя Ивана Васильевича перешли къ сыну его Өедору. Кн. Өедоръ Ивановичъ Ярославича по смерти тещи своей, вдовы князя Семена Олельковича, получилъ и Пинскъ, данный ей королемъ Казиміромъ въ хлѣбокормленіе. Пинскъ спалъ на короля въ 1471 году; до этого же времени имъ владѣлъ князь-отчичъ, Юрій Семеновичъ, сначала на правахъ великокняжескаго намѣстника, а потомъ на отчинномъ правѣ [92]). Король Сигизмундъ въ 1509 году утвердилъ всѣ эти волости за княземъ Өедоромъ Ивановичемъ и его княгинею „до живота“ ихъ, а князь Өедоръ Ивановичъ съ женою съ своей стороны записали по своемъ животѣ всѣ свои имѣнья вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ королю [93]). По смерти князя Өедора Ивановича король Сигизмундъ въ 1524 году отдалъ замокъ Пинскъ съ дворами Клецкомъ, Городкомъ и Рогачевомъ женѣ своей Бонѣ [94]). Бона, какъ и ея предшественники, правила въ этихъ княжествахъ совершенно самостоятельно и независимо, чрезъ своего старосту [95]), не состоя по своимъ владѣніямъ ни въ чьемъ присудѣ, кромѣ королевскаго. Въ военномъ отношеніи Пинскъ (а вмѣстѣ съ нимъ и Городокъ) вошли въ составъ Троцкаго воеводства [96]). Клецкое же княжество, повидимому, вошло въ составъ Виленскаго воеводства. По крайней мѣрѣ, Клецкій повѣтъ по областному разграниченію 1564 г. вошелъ въ составъ Новгородскаго воеводства, выдѣленнаго изъ Виленскаго [97]). Во всякомъ случаѣ всѣ вышеупомянутыя владѣнія въ изучаемое время политически примыкали тѣснѣе къ собственной Литовской землѣ, чѣмъ къ другимъ, имѣли, какъ гласитъ одинъ привилей королевы Боны, одни съ нею „право и вси повинности и звычая“ [98]).—Туровъ вели-

---

[90]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VI, 181; VIII, 147.

[91]) Лит. Метр. кн. Запис. II, л. 133.

[92]) См. *Wolffa* Ród Gedymina, str. 23—25.

[93]) Литов. Метр. кн. Запис. II, л. 180—182.

[94]) Литов. Метр. кн. Запис. II, л. 185.

[95]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 123, 124 и др.

[96]) Литов. Метр. кн. Зап. XXVIII, 123—125. Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 99, 132.

[97]) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, л. 122; ср. Starożytna Polska IV, 528.

[98]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 82.

кимъ княземъ Александромъ былъ пожалованъ князю Михаилу Львовичу Глинскому, во владѣніи котораго оставался до самаго отъѣзда его въ Москву [99]). Король Сигизмундъ пожаловалъ замокъ Туровъ со всѣмъ его повѣтомъ князю Константину Ивановичу Острожскому [100]), который владѣлъ имъ до конца изучаемаго времени [101]). Туровъ съ своимъ округомъ также считался „въ Литовскомъ повѣтѣ"; по крайней мѣрѣ, при ограниченіи повѣтовъ 1564 года Туровъ попалъ въ составъ Пинскаго повѣта Берестейскаго воеводства, выдѣленнаго изъ состава Троцкаго [102]).

V.

Всѣ другія земли, вошедшія въ составъ Литовско-Русскаго государства, заняли въ немъ отдѣльное отъ собственной Литвы положеніе, какъ самостоятельныя части государства, объединенныя только въ единой верховной власти. Ихъ государственноправовое положеніе въ связи съ правительственнымъ устройствомъ ихъ, носившимъ на себѣ печать старинной особности и самобытности, дѣлало ихъ похожими на члены политической федераціи. Всего нагляднѣе и полнѣе ихъ положеніе обрисовывается въ ихъ привилеяхъ, или грамотахъ, коими великіе князья гарантировали ихъ старину или подтверждали новыя права и вольности, уже данныя всему великому княжеству въ общеземскихъ привилеяхъ. Къ сожалѣнью, подлинныя первоначальныя грамоты, данныя землямъ, не дошли до насъ, и мы имѣемъ только подтвержденья ихъ, данныя великимъ княземъ Александромъ, Сигизмундомъ и ихъ преемниками.—Какъ объяснить происхожденіе подобныхъ грамотъ, и почему вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ удержалось историческое дѣленіе на земли вмѣстѣ съ правительственной децентрализаціей?

Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, какія земли вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства. За исключеніемъ Жмудской, это были старинныя русскія земли, населеніе которыхъ до литовскаго владычества сплотилось въ довольно крѣпкіе политическіе союзы, привыкло къ политической самодѣятельности при князьяхъ Рюрикова дома, пріобрѣло любовь къ мѣстной самостоятельности и привязанность къ мѣстной старинѣ. Это были тѣ земли, про которыя

---

99) Акты Зап. Рос. I, № 222.
100) Акты Зап. Рос. II, № 105.
101) Ibid. № 157.
102) Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ VII, 123—125.

еще лѣтописецъ второй половины XII вѣка сказалъ, что онѣ „якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томь же пригороди стануть“ [103]). Такія земли сами по себѣ представляли матеріалъ, мало годный для образованія сильно сцентрализованнаго, т. е. тѣсно сплоченнаго и однороднаго въ частяхъ, государства. Литва присоединяла къ себѣ эти земли не столько путемъ завоеванія и насилія, сколько путемъ добровольнаго соглашенія, сопровождавшаго принатіе землями на главный столъ литовскаго князя или намѣстника, безъ подавленія внутренней самобытности и съ сохраненіемъ внѣшняго единства и обособленности. Великіе князья Литовскіе преимущественно такимъ образомъ собирали свое государство, такимъ же образомъ и сохраняли его единство, такъ какъ не имѣли въ рукахъ достаточныхъ государственныхъ средствъ, чтобы вести иную политику; а такой мощной поддержки, прямой и косвенной, которую имѣли Московскіе великіе князья въ своей собирательной дѣятельности отъ татаръ, они не получали ни откуда (Польша съ конца XIV вѣка помогала имъ только въ борьбѣ съ рыцарями). Поэтому съ присоединеніемъ къ Литвѣ земли не теряли своей политической индивидуальности, своего прежняго устройства, правъ и обычаевъ. Пока существовалъ въ Литвѣ удѣльный порядокъ, и земли получали своихъ особыхъ князей, можно сказать, что въ ихъ внутреннемъ быту не происходило никакихъ существенныхъ измѣненій: только княжескій родъ на главныхъ столахъ былъ другой, да во внѣшней политикѣ они должны были неизмѣнно держаться союза съ Литвою. Разрушая удѣльный порядокъ, замѣняя удѣльныхъ князей своими намѣстниками и воеводами и перенося на себя наиболѣе важныя права удѣльныхъ князей, великіе князья Литовскіе во всемъ остальномъ не трогали старины областей. Во время паденія удѣльнаго порядка земли крѣпко отстаивали свою политическую индивидуальность и не разъ проявляли ее съ такою мощью и энергіею, что дѣло едва не доходило до распаденія государства. Не говоря уже о частныхъ мятежахъ той или другой земли, укажемъ на два болѣе или менѣе общихъ движенія русскихъ земель противъ Литовскаго владычества: одно по смерти Витовта подъ знаменемъ Свидригелла, другое непосредственно послѣ вступленія на великое княженіе Казимира. Литовское правительство, государственныя средства котораго были не очень велики, по неволѣ должно было въ свой политикѣ по отношенію къ областямъ держаться

---

[103]) Лѣтопись по Лаврент. списку, С.-Петербургъ 1872. 358 стр.

стариннаго принципа договора и соглашенія, гарантирующаго мѣстнымъ обществамъ ихъ старинныя права, обычаи и устройство, сопровождать чуть ли не каждый актъ своей дѣятельности заявленіемъ: „мы старины не рухаемъ, а новинъ не уводимъ". Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что Литовское правительство вообще старалось обходиться тѣмъ, что есть, и мало проявляло оригинальнаго творчества въ государственномъ строительствѣ. Литва столкнулась съ русскою довольно уже развитою гражданственностью въ такое время, когда она у себя еще не выработала ничего прочнаго въ сферѣ государственныхъ и общественныхъ отношеній и идей. Поэтому она вообще мало измѣняла установившіеся до нея порядки и только старалась приспособлять ихъ къ своимъ цѣлямъ, согласовать со своимъ господствомъ. Съ теченіемъ времени это стало правительственною традиціей, правиломъ, а во многихъ случаяхъ и фактомъ государственнаго права. Консерватизмъ въ отношеніи къ областному строю вполнѣ гармонировалъ и съ тѣми идеями, которыя давала Литовскому правительству съ конца XIV вѣка государственная жизнь Польши. И Польша въ то время была похожа болѣе на федерацію, чѣмъ на единое государство въ современномъ смыслѣ слова, такъ какъ и въ ней въ основаніи отношеній центральной власти къ областямъ было начало личной уніи [104]). Понятно послѣ всего этого, почему земли Литовско-Русскаго государства получали отъ великихъ князей привилеи, коими утверждалась ихъ старина и подтверждались особо права и вольности, дарованныя всему великому княжеству, почему въ Литовско-Русскомъ государствѣ должно было остаться и упрочиться надолго историческое дѣленіе государственной территоріи въ связи съ правительственною децентрализаціею. Подтвержденіе сказанному о причинахъ этого явленія можно найти отчасти въ предлагаемомъ очеркѣ исторіи превращенія перечисленныхъ земель въ области великаго княжества.

VI.

Ранѣе другихъ земель сдѣлалась областью великаго княжества земля Полоцкая. Она приняла къ себѣ литовскаго князя въ промежуткѣ между 1239 и 1258 г. [105]), именно Товтивила, племянника Мин-

---

[104]) *M.Bobrzyńskiego* Dzieje Polski w zarysie I, 356. Warszawa 1887. Срав. Źródła dziejowe, tom VI, str. L. Warszawa 1877.

[105]) *Н. Дашкевича* Княженіе Даніила Галицкаго, стр. 119, прим. 2. Кіевъ 1873.

довга. Территорія, носившая въ то время названіе Полоцкой земли, была уже далеко не та, что въ XI и XII вв.: отъ нея отдѣлилась особая земля Витебская; масса волостей, кромѣ того, какъ мы уже видѣли, занята была Литвою и вошла въ составъ собственной земли Литовской. Товтивилъ погибъ отъ руки убійцъ Миндовга въ 1263 году, послѣ того какъ пріѣхалъ на Литву дѣлить съ родственниками „добытокъ" Миндовга [106]). Литва, по словамъ лѣтописи, посадила тогда въ Полоцкѣ своего князя и взяла миръ съ Полочанами [107]). Князь, котораго Литва посадила въ Полоцкѣ, былъ, по всей вѣроятности, Герденъ, который въ 1264 году сотворилъ миръ „промежи местеря и съ ратьманы Рижьскыми и съ Полочаны и съ Видьбляны" [108]). Но когда въ Литвѣ взяла верхъ другая партія, и Войшелкъ послѣ кровавой расправы съ убійцами отца сѣлъ на великомъ княженіи, Полочане прогнали отъ себя Герденя и взяли изъ руки Войшелка какого-то князя Изяслава. Сохранилась грамота его" или „слово" къ магистру, епископу и Рижскимъ гражданамъ, въ которой онъ, препоручая себя волѣ Божьей и Войшелка („а воли есми Божии и Молшелгове"), обѣщаетъ имѣть съ ними миръ и любовь, какъ было при первыхъ князьяхъ Полоцкихъ [109]). Послѣ гибели Войшелка, когда въ Литвѣ сталъ княжить „окаянный, беззаконный, проклятый и немилостивый" Тройденъ, въ Полоцкѣ утвердился опять какой-то литовскій князь язычникъ (можетъ быть, тотъ же Герденъ). Этотъ князь, принявъ крещеніе въ Ригѣ, подчинилъ Полоцкъ верховной власти Рижскаго архіепископа Но впослѣдствіи рыцари Ордена, враждовавшіе съ архіепископомъ, продали верховное право на Полоцкъ великому князю Литовскому, повидимому, Лютуверу, который посадилъ въ немъ сына Витеня [110]). Въ XIV вѣкѣ Полоцкая земля имѣла своихъ удѣльныхъ князей сначала въ лицѣ Воина, брата Витеня и Гедимина, а потомъ въ лицѣ Андрея Ольгердовича, которому далъ се отецъ при своей жизни и который княжилъ въ ней болѣе тридцати лѣтъ.

Въ возгорѣвшейся послѣ смерти Ольгерда борьбѣ Кейстута съ Ягелломъ Андрей Полоцкій принялъ сторону перваго и въ 1379 году

---

[106]) Ипат. лѣт., 569.

[107]) Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку, стр. 283.

[108]) Русско-Ливонскіе акты, изд. Археограф. Коммиссіею подъ редакціею Напьерскаго, № XXV.a

[109]) Ibidem XXV.b

[110]) *В. Б. Антоновича* Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго, стр. 50.

вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ Кіевскимъ воевалъ противъ Ягелла. Вслѣдствіе этого Ягелло объявилъ Андрея лишеннымъ Полоцкаго стола и отдалъ его другому брату—Скиргеллу. Но Скиргеллу не удалось въ то время овладѣть Полоцкомъ, несмотря на бѣгство Андрея: Полочане храбро отбили всѣ приступы Скиргеллова войска, которое вскорѣ, получивъ извѣстіе о низверженіи Ягелла съ великаго княженія, перешло на сторону Кейстута. Въ 1385 году, когда Ягелло былъ уже въ полной силѣ, когда завязались переговоры его съ поляками, Андрей поддался съ своею отчиною Ливонскому Ордену, отъ котораго получилъ ее обратно въ вѣчное владѣніе „jure pheodali“ [111]). Дѣло, однако, ограничилось написаніемъ документовъ этой передачи, ибо въ дѣйствительности Андрею не удалось удержать за собою свою отчину. Въ 1387 году Скиргелло, получившій отъ Ягелла подтвержденіе на Полоцкую землю [112]), послѣ продолжительной осады взялъ, наконецъ, Полоцкъ. Впрочемъ, повидимому, не одна сила рѣшила сдачу Полоцка: Скиргелло вошелъ въ рядъ съ Полочанами, гарантировалъ имъ ихъ старину, и только тогда былъ впущенъ въ городъ. По крайней мѣрѣ, позднѣйшіе привилеи, подтверждавшіе права и вольности Полоцкой земли, возводили начало ихъ именно къ княженью Скиргелла [113]). Скиргеллу недолго пришлось посидѣть на Полоцкомъ столѣ, такъ какъ Полоцкъ передался на сторону Витовта; подтвердительные привилеи говорятъ также о „доброволеньствахъ“, полученныхъ отъ великаго князя Витовта. Съ того времени, какъ Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ, онъ не отдавалъ уже болѣе Полоцка въ удѣлъ комулибо изъ князей, а управлялъ имъ черезъ своихъ намѣстниковъ (первый изъ извѣстныхъ намѣстниковъ—Монтыгирдъ [114]). По смерти Витовта Полоцкая земля вмѣстѣ съ другими русскими землями стала подъ знамя Свидригелла противъ великаго князя Сигизмунда Кейстутовича. Послѣ пораженія полковъ Свидригелла на р. Святой (въ 1435 году) Полоцкъ вмѣстѣ съ Витебскомъ долѣе другихъ сопротивлялись Сигизмунду, выдержали продолжительную осаду и приняли намѣстниковъ Сигизмунда только въ 1437 году. При этомъ Сигизмундъ также пожаловалъ имъ свои „доброволеньства“, т. е., по всей вѣроятности, далъ обѣщаніе держать ихъ „по старинѣ“. „Доброволеньства“ Скиргелла, Витовта и Сигизмунда подтвердилъ Полочанамъ своимъ листомъ и

---

[111]) *K. Stadnickiego* Bracia Władysława Jagełły, str. 29 nota 35.

[112]) Codex epistolaris Vitoldi № XXXIII.

[113]) Акты Зап. Рос. II, № 70.

[114]) Русско-Ливонскіе акты, № CXXXIV.

Казимиръ; онъ пожаловалъ имъ, кромѣ того, „права вольная добрая хрестіянская, какъ въ корунѣ Польской"; листъ же Казимира подтверждали по очереди его сыновья, Александръ и Сигизмундъ; послѣ того Полоцкая земля получала подтвержденье своихъ правъ и вольностей отъ Стефана Баторія, Сигизмунда III и Владислава IV [115]).

VII.

Почти одновременно съ Полоцкой землею опредѣлилось и положеніе земли Витебской, какъ области великаго княжества. Витебская земля отдѣлилась отъ Полоцкой еще ранѣе литовскаго владычества, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ нѣмцами отъ 1229 года, въ которомъ читаемъ: „тая правда Латинескому възяти оу Рускои земли, оу вълъсти князя Смоленского и оу Витьбеского князя вълъсти и оу Полотъского князя вълъсти" [116]). Присоединенная окончательно къ Литвѣ при Гедиминѣ путемъ брака его сына Ольгерда съ дочерью князя Ярослава Васильевича, не оставившаго мужского потомства [117]), Витебская земля въ теченіе XIV вѣка была удѣльнымъ княжествомъ и находилась во владѣніи Ольгерда, его сына Ягелла и жены Ульяны, получившей Витебскъ отъ сына „за вѣно" въ пожизненное владѣніе. Въ 1392 году, по смерти княгини Ульяны [118]), Витовтъ отдалъ Витебскъ въ державіе своему сокольнику Өеодору Веснѣ; но внезапно явился туда Свидригелло, убилъ Весну и вокняжился въ Витебскѣ. Судя по той энергической защитѣ, какую оказали Свидригеллу Витбляне противъ Витовта, можно думать, что они сами призвали его къ себѣ на княженіе. Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ Витебская земля должна была принять намѣстника изъ рукъ великаго князя. Хотя мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что Витовтъ утвердилъ при этомъ права и вольности Витебской земли, но объ этомъ мы можемъ заключить по аналогіи съ другими землями, лишившимися своихъ князей также при Витовтѣ,—Полоцкою и Смоленскою. Кромѣ того, въ текстѣ дошедшихъ до насъ подтвердительныхъ привилеевъ, выданныхъ Витебской землѣ Александромъ въ 1503 г. и Сигизмундомъ въ 1509 году [119]), находимъ такое обѣщаніе со стороны великаго князя, которое можетъ

---

[115]) Акты Зап. Рос. II, № 70.

[116]) Русско-Ливонскіе акты, прилож. № 1.

[117]) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, изд. Поповымъ стр. 27.

[118]) Пол. Собр. Русс. Лѣтоп. VIII, 62.

[119]) Акты Зап. Россіи. 1, № 204. Zbiór praw litewskich, str. 99—101.

быть объяснено только обстоятельствами Витовтова княженія: „Такъ же, которыи будуть, Литвинъ, або Ляхъ, крещены были у Витебску въ Рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестіяньского ни въ чомъ не ломити". Эта статья для времени княженья Александра и Сигизмунда I совершенно лишняя и попала въ подтвердительныя грамоты изъ древнѣйшей,—ближайшимъ образомъ, изъ грамоты Казимира. Но и Казимирова грамота въ данномъ случаѣ, очевидно, повторяетъ лишь старое постановленіе, и именно относящееся ко времени Витовта, когда литвины обязаны были принять католицизмъ, чтобы пользоваться „правомъ хрестіяньскимъ".

VIII.

При Витовтѣ сдѣлалась областью великаго княжества Литовскаго и земля Смоленская. Изгнавъ въ 1404 году изъ Смоленска князя Юрія Святославича, послѣдняго изъ рода Ростиславичей, Витовтъ, по словамъ лѣтописи, „свои намѣстници посади Ляхи и приказа людемъ Смоленскимъ лготу многу чинити, отводя ихъ отъ князя Юрья" [120]). Въ дошедшемъ до насъ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ великимъ княземъ Александромъ въ 1505 году [121]), имя Витовта неоднократно упоминается въ связи съ разными установленіями земли. По смерти Витовта Смоленская земля принимала участіе въ движеніи русскихъ земель противъ Сигизмунда, но послѣ пораженія на р. Святой (1435 г.) Смольняне одни изъ первыхъ смирились и изъявили покорность Сигизмунду, который оставилъ у нихъ старину въ полной неприкосновенности. Отсюда и выраженіе позднѣйшихъ подтвердительныхъ грамотъ: „какъ передъ тымъ бывало за великого князя Витовта и за Жикгимонта". Послѣ гибели Сигизмунда въ Смоленскѣ поднялся мятежъ: Смольняне вмѣстѣ съ Витблянами и Полочанами [122]), повидимому, задумали отложиться отъ великаго княжества Литовскаго, прогнали литовскій горнизонъ и призвали княжить къ себѣ Мстиславскаго князя, Юрія Лингвеньевича. Только два года спустя, въ 1442 году, великому князю Казимиру удалось снова посадить своего намѣстника въ Смоленскѣ, при чемъ онъ долженъ былъ гарантировать Смольнянамъ ихъ права и вольности своимъ привилеемъ [123]). Але-

---

[120]) Никонов. IV, 310.

[121]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

[122]) Новгородская лѣтопись по Синодальн. харат. списку, стр. 419.

[123]) Акты Зап. Рос I, № 213.

ксандръ вписалъ въ свою подтвердительную грамоту 1505 года „члонки" изъ этого „маестатнаго привилея" и кромѣ того изъ нѣкоторыхъ „судовыхъ листовъ", выданныхъ Смольнянамъ по поводу разныхъ „кривдъ и повинъ", которыя заводили у нихъ намѣстники при Казимирѣ и при немъ самомъ. Преемникъ его, Сигизмундъ, держалъ Смольнянъ также „по ихъ утверженымъ грамотамъ", какъ объ этомъ говоритъ грамота великаго князя Московскаго Василія Ивановича, данная Смоленску непосредственно послѣ взятія его въ 1514 году [124]).

Смоленская земля въ качествѣ области великаго княжества Литовскаго содержала въ своемъ составѣ старинные свои удѣлы, Вяземскій и Торопецкій, и новый, образовавшійся уже во времена литовскаго владычества,—Бѣльскій.

Родоначальникомъ князей Вяземскихъ, по указанію древнѣйшихъ родословныхъ книгъ, былъ Андрей Владимировичъ Рюриковича, по прозванію Долгая Рука [125]). Удѣлъ Вяземскій возникъ, такимъ образомъ, приблизительно въ половинѣ XIII вѣка (Владимиръ Рюриковичъ, по извѣстію Псковскаго лѣтописца, умеръ въ 1239 году) [126]). Въ началѣ XIV вѣка удѣлъ этотъ существовалъ несомнѣнно: въ 1300 г. князь Андрей Вяземскій приходилъ на помощь городу Дорогобужу, который осаждалъ Смоленскій кн. Александръ Глѣбовичъ [127]). Одновременно съ тѣмъ, какъ Литва утвердила свое владычество въ Смоленскѣ, должны были подчиниться ей и Вяземскіе князья. Въ 1403 году великій князь Витовтъ послалъ князя Лингвенія изъ Мстиславля „ратію" на Вяземское княжество, чтобы занятіемъ его охватить Смоленскъ со всѣхъ сторонъ и пресѣчь Смольнянамъ возможность соединяться съ Москвою. Лингвеній успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, взялъ Вязьму, а князей ея привелъ въ плѣну [128]). Вязьмѣ, однако, были оставлены ея природные князья, которые обязались служить великому князю съ своими вотчинами. Со своими боярами и слугами они становились въ ополченіе Смоленской земли, которымъ командовалъ Смоленскій намѣстникъ, были ему подвѣдомы въ военномъ отношеніи [129]) и, кромѣ того, ежегодно платили со своихъ вотчинъ посощину въ казну Смоленскую. Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля

---

[124]) Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I, № 148.
[125]) Временникъ Импер. Москов. Общ. Истор. и Древн. Россійкихъ X, 145.
[126]) *Карамзина* III, пр. 347, по изд. Эйнерлинга.
[127]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 182.
[128]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 76. Карамз. V, примѣч. 191.
[129]) Акты Зап. Рос. I, № 108.

Казимира читаемъ между прочимъ: „Князю Костянтину Вяземскому самому посощину на своихъ людѣхъ имати, и давати ему зъ года на годъ по тридцати рублевъ ку Смоленску у нашу казну" [130]).

Въ 1355 году Ольгердъ захватилъ городъ Ржеву (нынѣшній Ржевъ на Волгѣ), который лежалъ на границѣ Смоленскихъ владѣній съ Московскими и Тверскими. Изъ этого можно заключить, что мѣстность по пути къ этому городу, т. е. бассейнъ р. Межи, была уже въ его владѣніи. Занятіе Литвою бассейна р. Межи было неминуемо послѣ того, какъ Литовскій великій князь утвердился въ Витебскѣ; естественно было подвигаться затѣмъ вверхъ по Двинѣ, тѣмъ болѣе что это давало возможность тѣснить съ новыхъ сторонъ Смоленскъ и Новгородъ. Занятіе Литвою бассейна Межи отрѣзало отъ Смоленской земли ея пригородъ Торопецъ, который уже не могъ послѣ того держаться противъ Литвы, и въ 1362 году былъ взятъ и сожженъ. Подъ властью Литвы онъ составилъ особое владѣніе подъ управленіемъ самостоятельнаго намѣстника [131]). Изъ прежнихъ его связей съ Смоленскомъ, послѣ того какъ Смоленскъ сдѣлался литовскимъ владѣніемъ, возстановлена была связь военная и финансовая: бояре и слуги Торопецкіе подъ начальствомъ намѣстника Торопецкаго становились въ ополченіе Смоленской земли, а дань съ Торопецкихъ волостей шла въ „казну" великаго князя Литовскаго, находившуюся въ Смоленскѣ (въ Вильнѣ былъ „скарбъ") [132]).

Первымъ Бѣльскимъ княземъ былъ Иванъ Владимировичъ Ольгердовича, племянникъ и своякъ Ягелла [133]). По смерти Ивана Владимировича (послѣ 1446 года) [134]) Бѣльское княжество перешло къ его сыновьямъ, Ѳедору и Семену, а послѣ измѣны перваго, бѣжавшаго въ 1482 году въ Москву, король Казимиръ отдалъ его „дѣльницу" кн. Семену [135]). Въ 1500 году и этотъ послѣдній „пріѣхалъ къ Москвѣ и со всею отчиною приказался великому князю Московскому" [136]). Договоръ 1503 года утвердилъ это княжество за Москвою, а равно и Торопецъ съ волостьми.—Что касается Вяземскаго княжества,

---

[130]) Лит. Метр. книга Запис. III л. 39.
[131]) Акты Зап. Рос. I, № 39.
[132]) Сборникъ Импер. Русск. Ист. Общ. XXXV, 35.
[133]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 255.
[134]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 123.
[135]) Акты Зап. Рос. I, № 126.
[136]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 238.

то и оно отошло отъ Литвы ранѣе Смоленска, именно по договору 1494 года.

IX.

По утвержденнымъ грамотамъ держали великіе князья Литовскіе и Жмудскую землю. Въ этой области благодаря историческимъ обстоятельствамъ сильно развился и окрѣпъ племенной индивидуализмъ, который въ свою очередь поддерживалъ индивидуализмъ политическій. До половины XV вѣка, можно сказать, Жмудь была оплотомъ Литовскаго народнаго начала, повиновалась охотно тѣмъ великимъ князьямъ Литовскимъ, политика которыхъ носила рѣзко выраженный національный характеръ, напр. Кейстуту, и возставала противъ тѣхъ, которые такъ или иначе измѣняли національной идеѣ, какъ Миндовгъ, Ягелло и Витовтъ. Сами великіе князья Литовскіе не разъ отказывались отъ нея и отдавали ее на жертву нѣмцамъ, что, разумѣется, не могло не усиливать отчужденіе ея отъ Литвы. Начало тѣсному соединенію Жмуди съ Литвою положилъ Витовтъ. Въ 1413 году съ Городельскаго сейма Ягелло и Витовтъ отправились въ Жмудскую землю и лично стали крестить Жмудиновъ, дѣйствуя при этомъ то строгостью, то лаской и дарами. Къ концу года христіанство было водворено въ Жмудской землѣ, и оба государя уѣхали въ Вильну, оставивъ въ Жмудской землѣ правителемъ, или старостою, пана Кезкгайла. Чтобы расположить народъ, особенно высшіе классы, къ христіанству и литовскому господству, Ягелло и Витовтъ подавали „боярамъ, кметямъ и всему поспольству" различныя вольности и утвердили ихъ своимъ листомъ. Вольности эти были частью старинныя, а частью новыя, сопряженныя съ дарованіемъ крещенымъ боярамъ „вольнаго христіянскаго", т. е. шляхетскаго польскаго права. Листъ Ягелла и Витовта не дошелъ до насъ, но объ этомъ упоминаютъ позднѣйшія подтвердительныя грамоты Жмудской земли, напр. великаго князя Александра отъ 1492 года [137]). Братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстутовичъ, который опирался на Жмудь въ достиженіи великокняжескаго стола, охотно оставилъ за Жмудинами ихъ права и вольности и подтвердилъ ихъ своимъ листомъ; на это указываютъ опять тѣ же позднѣйшіе привилеи Жмудской земли. Послѣ убійства Сигизмунда, одновременно съ провозглашеніемъ Казимира великимъ княземъ Литовскимъ, въ Жмуди поднялся мятежъ. Жмудины провозгласили своимъ княземъ Михаила Сигизмундовича, прогнали своего старосту Кезкгайла, какъ человѣка,

---

[137]) Акты Зап. Рос. I, № 103.

преданнаго Казимиру, и выбрали на его мѣсто пана Контовта. Но Михаилъ Сигизмундовичъ не явился на зовъ Жмудиновъ и бѣжалъ въ Москву. Мятежъ скоро былъ усмиренъ при помощи уступокъ со стороны великокняжескаго правительства. Великій князь оставилъ въ Жмуди старостою Контовта и далъ присягу „заховати ихъ въ ласцѣ своей зо всими ихъ имѣніи" [138]). Въ это-то время, по всей вѣроятности, онъ подтвердилъ своимъ листомъ права и вольности Жмудской земли, данныя его предшественниками, и, между прочимъ, право принимать только тѣхъ воеводъ и тивуновъ, „которыхъ бы они себѣ обрали або которыхъ бы у насъ просили" [139]). Прекращеніе мятежа, по крайней мѣрѣ, самими Жмудинами разсматривалось, какъ добровольное соединеніе ихъ земли съ Литвою, и само Литовское правительство обязалось оффиціально держаться такого же взгляда. „Напервѣй, хочемъ", читаемъ мы въ дошедшей до насъ подтвердительной грамотѣ 1492 года, „ижъ имъ жадны не маетъ мовити, альбо на очи иститъ, ижъ бы презъ мечь, альбо чрезъ оныи валки были звалчоные, але зъ доброю волею пристали" [140]). Листъ Казимира подтверждали по очереди его сыновья, Александръ и Сигизмундъ, а позднѣе Сигизмундъ Августъ въ 1569 г. [141]) и Генрихъ въ 1574 году [142]).

X.

Кіевская земля была несомнѣнно литовскимъ владѣніемъ при Ольгердѣ (время и обстоятельства ея присоединенія до сихъ поръ не установлены безспорно въ исторической литературѣ [143]). Она досталась въ удѣлъ его сыну Владимиру, котораго по нашимъ лѣтописямъ мы видимъ въ качествѣ Кіевскаго князя въ 1382 году; именно, въ этомъ году онъ задержалъ въ Кіевѣ и посадилъ въ заточеніе архіепи-

---

[138]) Такъ называемая лѣтопись Быховца у Нарбута въ его Pomniki do dziejów litewskich, str. 53. Wilno 1846.

[139]) арт. 16 грамоты 1492 г.

[140]) Акты Зап. Рос. I, № 103.

[141]) Zbiór praw litewskich, str. 67—72.

[142]) Акты Зап. Рос. III, № 59.

[143]) См. *В. Б. Антоновича* Очеркъ Исторіи Великаго княжества Литовскаго, стр. 52—65. *Н. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 42—65. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XVII в., стр. 38, 39. Кіевъ 1886. *М. Грушевскаго* Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. стр. 470—497, Кіевъ 1891.

скопа Суздальскаго Діонисія, возвращавшагося изъ Царьграда уже въ санѣ митрополита, за то, что онъ ходилъ туда безъ его „повелѣнія" [144]). Мы имѣемъ, кромѣ того, свѣдѣнія о нѣскольких присяжныхъ записяхъ, которыя онъ далъ на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской въ 1386—1389 г. [145]). Въ 1395 году Владимиръ Ольгердовичъ долженъ былъ уступить Кіевскій столъ брату Скиргеллу, которому помогалъ великій князь Витовтъ, и ушелъ на Копыль. Скиргелло просидѣлъ на Кіевскомъ столѣ не болѣе года и умеръ, какъ предполагали современники, отъ отравы. Послѣ того великій князь Витовтъ посадилъ въ Кіевѣ князя Ивана Ольгимунтовича Ольшанскаго на правахъ намѣстника, или воеводы [146]). Ни князь Иванъ, ни его преемникъ, князь Михаилъ Ивановичъ [147]) не владѣли Кіевомъ на правѣ удѣльныхъ князей: позднѣйшіе привилеи, данные Кіевской землѣ, говоря о старинныхъ порядкахъ и установленіяхъ, прибавляютъ: „какъ было за великаго князя Витовта и Жикгимонта", и этимъ прямо указываютъ на то, что Кіевская земля при этихъ государяхъ была областью великаго княжества, которою управляли великокняжескіе урядники [148]). Князь Михаилъ названъ въ лѣтописи даже прямо воеводою. Впрочемъ, Сигизмунду Кіевская земля была подвластна сравнительно недолгое время, уже въ самомъ концѣ его княженія; до этого же времени она признавала надъ собою власть Свидригелла, изъ рукъ котораго держалъ ее воевода, панъ Юрша [149]). Со вступленіемъ на великое княженіе Литовское Казимира въ 1440 г. Кіевская земля была отдана сыну Владимира Ольгердовича Олельку. Олелько распоряжался въ ней, какъ полновластный владѣтель, и въ грамотахъ называлъ себя „государемъ-отчичемъ Кіевскимъ" [150]). Великокняжеское правительство, однако, смотрѣло на его владѣніе только, какъ на „доживотье". Поэтому, когда послѣ его смерти (въ 1455 году) сыновья его, Семенъ и Михаилъ, обратились къ королю съ просьбою о раздѣлѣ между ними Кіевской земли, Казимиръ отказалъ имъ въ этомъ: „дѣдъ вашъ, князь Володимеръ", говорилъ онъ имъ, „бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою Кіевъ". Кіевскую землю цѣликомъ король отдалъ

[144]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 49.
[145]) K. *Stadnickiego* Bracia Władysława Jagełły, str. 115, nota 5.
[146]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 352.
[147]) Scarbiec dyplomatów II, № 1359. Лѣтопись Быховца, 46.
[148]) Акты Зап. Россіи II, № 30.
[149]) Акты Зап. Россіи I, № 36.
[150]) Акты Историческіе, изданные Археограф. Коммиссіею I, № 259.

держать „отъ себя“ князю Семену, а Михаилъ ушелъ на отчину свою Копыль [151]). Семенъ Олельковичъ правилъ Кіевской землей „до живота“ и, повидимому, на такихъ же правахъ, какъ отецъ, а не на положеніи простого намѣстника. Въ концѣ 1470 года онъ умеръ. Король хотѣлъ было отдать Кіевскую землю его сыну Василію, но въ радѣ его поднялись противъ этого голоса, стали говорить, что такая обширная и важная область, переходя отъ отца къ сыну въ одномъ княжескомъ родѣ, превратится, наконецъ, въ удѣльное княжество. Казиміръ далъ вдовѣ Семена Олельковича и его сыну Пинскъ въ „хлѣбокормленіе“ съ обѣщаніемъ въ случаѣ отобранія Пинска дать другое „такъ доброе“ имѣніе, а „граничную землю Кіевъ на себе взялъ“ [152]). Въ Кіевъ былъ посланъ воеводою панъ Мартинъ Гаштольдъ, но Кіевляне не приняли его, такъ какъ онъ былъ не князь и не православной вѣры, но, наконецъ, „принуждени бывша“ высланнымъ противъ нихъ королевскимъ войскомъ, подчинились присланному воеводѣ; „и отселѣ на Кіевѣ князи переставша быти, а вмѣсто князей воеводы наставша“ [153]). Но кромѣ замѣны князей воеводами всѣ старинные порядки и установленія остались въ силѣ, какъ было „за великаго князя Витовта и за Жикгимонта“. Казиміръ сверхъ того пожаловалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и земянамъ, всей шляхтѣ Кіевской „право доброволное хрестьянское“, т. е. польское шляхетское. Листъ Казиміра подтвердилъ его сынъ Александръ, а потомъ Сигизмундъ въ 1507 году и 1529 г. [154]). Мѣщанъ Кіевскихъ Казиміръ пожаловалъ особо, „какъ были за великого князя Витовта“; листъ Казиміра подтвердили его сыновья, Александръ въ 1494 году и Сигизмундъ въ 1506 году [155]).

XI.

Кромѣ Кіевской земли, при Казимірѣ лишилась своего князя и стала управляться урядниками великаго князя и земля Волынская. Первымъ литовскимъ княземъ на Волыни былъ Любартъ, женатый на дочери Владимірскаго князя, Андрея Юрьевича [156]). По смерти по-

---

[151]) Лѣтопись Быховца, стр. 61.

[152]) Акты Зап. Рос. I, № 163.

[153]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 358.

[154]) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

[155]) Акты Зап. Россіи I, № 120; II, № 3.

[156]) *Филевича* Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Володимирское наслѣдіе въ Ж. М. Н. Пр. 1889, № 11, стр. 176, 180, пр. 6. Срав. *В. Б.*

слѣдняго Галицко-Владимирскаго князя изъ потомковъ Данила Романовича—Юрія II (около 1336 года), Любартъ, до этого времени, повидимому, державшій только нѣсколько волостей „въ кормленіи", занялъ всю Волынскую землю, изгнавъ или подчинивъ себѣ природныхъ русскихъ князей [157]), тогда какъ въ Галицкой землѣ утвердился другой зять Андрея Юрьевича, Болеславъ Тройденовичъ, одинъ изъ польскихъ князей. Въ 1340 году Болеславъ Тройденовичъ умеръ въ Львовѣ отъ отравы. Польскій король Казимиръ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, какъ предлогомъ, внезапно вторгнулся въ Галицкую землю и занялъ было Львовъ и другіе города. Но одинъ изъ сильныхъ галицкихъ бояръ—Детко вмѣстѣ съ княземъ Өедоромъ Даниловичемъ Острожскимъ призвали татаръ и вытѣснили польскіе гарнизоны изъ Галицкой земли. Галицкимъ княземъ послѣ того признавался Любартъ, хотя фактическимъ правителемъ былъ Детко, носившій титулъ provisor seu capitaneus terrae Russiae [158]). Въ 1349 году, воспользовавшись пораженіемъ литовскихъ князей на р. Стравѣ, Казимиръ занялъ Галицкую землю и большую часть Волыни; Любарту осталась только Луцкая земля. Черезъ три года Любартъ, соединившись съ братьями, вытѣснилъ поляковъ изъ Волынской земли: по условіямъ перемирія, закончившаго эту войну [159]), король удержалъ за собою только Львовскую землю, тогда какъ за литовскими князьями признаны были земли Владимирская, Луцкая, Бельзская, Холмская и Берестейская; Кременецъ съ округомъ долженъ былъ держать Юрій Наримунтовичъ „отъ князий литовьскихъ и отъ короля" [160]). Такое разграниченіе сохранялось до 1366 года, когда королю удалось захватить кромѣ того земли Холмско-Бельзскую и Владимирскую. Король, впрочемъ, часть Владимирской земли (волости на сѣверѣ ея) возвратилъ Любарту [161]), но за то Любартъ обязался королю „службою",—помогать „на всякого непріятеля опроче своеѣ братьѣ безо всякое хитрости и льсти", равно не помогать братьямъ, когда они пойдутъ на короля [162]). Со смертью Казимира Великаго въ 1370 году Любартъ и Кейстутъ вытѣснили

Антоновича Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго, 57; *Андріяшева* Очеркъ исторіи Волынской земли, стр. 207, пр. 4. Кіевъ 1887.

[157]) *Андріяшева* Очеркъ исторіи Волынской земли, стр. 208, пр. 4.

[158]) *Андріяшева* Очеркъ исторіи Волынской земли, стр. 210, 211.

[159]) *Андріяшева* Очеркъ исторіи Волынской земли, стр. 215, пр. I.

[160]) Акты Зап. Рос. I, № 1.

[161]) Scarbiec dyplomatów I, № 432.

[162]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № 1.

польскій гарнизонъ изъ Владимира, а по смерти его преемника, Людовика Венгерскаго, въ 1382 году Любартъ занялъ и остальные Волынскіе города, которые сдали ему намѣстники Людовика (за исключеніемъ Холма и Бельза). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ вся Волынь соединилась въ рукахъ Любарта.

По смерти Любарта (около 1382 года) въ Волынской землѣ сталъ княжить сынъ его, Өедоръ. Вѣроятно, имъ дана была грамота князю Өедору Даниловичу Острожскому, помѣщенная въ „Архивѣ князей Сангушковъ", въ которой какой-то великій князь Өедотъ (въ написаніи этого имени, очевидно, есть ошибка) съ братьями Лазаремъ и Семеномъ и матерью Ольгою обѣщаетъ князю Өедору Даниловичу не вступаться „въ его отчину и служебные" [163]). Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что Өедоръ Любартовичъ называетъ себя Луцкимъ въ присяжной записи, данной на вѣрность королю Владиславу и коронѣ Польской отъ 22 мая 1386 г. [164]); изъ вышеупомянутаго договора 1366 года мы знаемъ, что городъ Острогъ съ волостями находился въ составѣ Луцкой земли, а, слѣдовательно, и князь Өедоръ Даниловичъ Острожскій долженъ былъ получить подтвержденіе отъ князя Луцкаго. Вскорѣ, однако, Луцкъ отошелъ отъ Өедора Любартовича, какъ это видно изъ подтвердительной грамоты на отчину, полученной 4 ноября 1386 года княземъ Өедоромъ Даниловичемъ Острожскимъ уже отъ короля Владислава, которому онъ обязался служить такъ же, какъ служилъ покойному Любарту [165]). Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось это занятіе Луцкой земли королемъ Ягелломъ; извѣстно только то, что Өедоръ Любартовичъ послѣ этого владѣлъ Владимирскимъ округомъ [166]), а Луцкую землю Ягелло въ 1388 году отдалъ Витовту въ вознагражденіе за то, что не додалъ ему всю отчину его и посадилъ на великомъ княженьѣ въ Вильнѣ не его, а Скиргелла [167]). Въ 1392 году Витовтъ, послѣ того какъ получилъ отъ Ягелла великое княженіе на Литвѣ, выгналъ Өедора Любартовича изъ Владимира и занялъ всю Волынскую землю. По смерти Витовта Ягелло возвратилъ было Владиміръ съ его округомъ отчичу его, князю „Өедюшку", но не надолго: въ томъ же году Өедоръ Любартовичъ умеръ, завѣщавъ свою отчину и свое движимое и недви-

---

[163]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № VIII.

[164]) Ibidem I, № III.

[165]) Ibidem I, № V.

[166]) См., напр. Codex epistolaris Vitoldi, № XXXV.

[167]) Codex epistolaris Vitoldi, № LXIII.

жимое имущество королю Владиславу [168]). Поляки одновременно съ тѣмъ двинули войска съ цѣлью захвата Подолья и Волыни, которыя они считали уже частями короны. Имъ удалось, однако, занять только большую часть Подолья, а изъ Волыни ихъ выбилъ Свидригелло, избранный въ то время великимъ княземъ Литовскимъ. Послѣ низверженія Свидригелла съ великокняжескаго стола новый великій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ проискамъ Поляковъ, формально уступилъ Польшѣ Подольскую землю, а Волынь послѣ своей смерти [169]). Но Свидригелло не выпустилъ изъ своихъ рукъ Волыни и части Подолья. Въ 1437 г., лишившись уже поддержки Смоленской, Полоцкой и Витебской земель, Свидригелло вошелъ въ соглашеніе съ Польскимъ королемъ Владиславомъ III, призналъ себя въ непосредственной зависимости отъ него, а его главные сановники обязались вмѣстѣ съ своимъ княземъ вѣрно служить королю и коронѣ Польской и по смерти его не признавать никого своимъ государемъ помимо короля [170]). Но лишь только на великомъ княженьѣ въ Вильнѣ сѣлъ королевичъ Казимиръ, Свидригелло отрекся отъ вассальныхъ отношеній къ коронѣ Польской и цѣловалъ крестъ на вѣрность великому княжеству Литовскому. Послѣ того возгорѣлись ожесточенные споры на сеймахъ между литовскими вельможами и польскими по поводу Волынской земли и Подолья. Литва требовала очищенья Подольской земли и занятыхъ Поляками Волынскихъ замковъ, какъ исконныхъ русскихъ земель. Поляки требовали полнаго присоединенія къ коронѣ земель Волынской и Подольской, ссылаясь на завоеваніе Подолья Казимиромъ III, на держаніе Подолья и Волыни его преемниками, Людовикомъ и Владиславомъ Ягелломъ, къ коронѣ Польской, на актъ Городельской уніи и другіе договоры, въ особенности на договоръ съ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, который, какъ уже выше сказано, формально уступилъ коронѣ земли Волынскую и Подольскую. Споры эти не привели ни къ какимъ результатамъ, и каждая сторона осталась при томъ, чѣмъ фактически владѣла. Поляки удержали большую часть Подольскихъ замковъ, а за Литвою осталась Волынь, гдѣ княжилъ Свидригелло. Въ 1452 году, лежа на смертномъ одрѣ, Свидригелло призвалъ своего старосту Нѣмира, князей Чарторыйскихъ, боярина Юршу и другихъ пановъ и заставилъ ихъ поклясться, что они послѣ его смерти не отдадутъ Волынь никому,

---

[168]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 76.

[169]) Scarbiec dyplomatów II, № 1630.

[170]) *K. Stadnickiego* Bracia Wł. Jagełły, str. 562.

кромѣ великаго князя Литовскаго. Это было исполнено, и по смерти Свидригелла Луцкъ и другіе города Волынской земли были заняты литовско-русскими гарнизонами. Городъ Луцкъ Казимиръ отдалъ пану Олизару Шиловичу, который принесъ присягу „городъ Лучоскъ держати вѣрно на короля его милость, къ великому княжеству Литовскому" [171]).

Волынская земля съ того времени и до самой Люблинской уніи осталась областью великаго княжества Литовскаго, которою управляли урядники великаго князя. Король Казимиръ далъ Волынскимъ князьямъ, панамъ и земянамъ листъ, коимъ онъ подтверждалъ „право ихъ земли", а его преемники въ свою очередь подтвердили этотъ листъ вмѣстѣ съ дарованіемъ нѣкоторыхъ новыхъ вольностей [172]).

Привилеи, пожалованные русскимъ землямъ и подтверждавшіеся въ изучаемое время, даютъ нѣсколько очень характерныхъ указаній на политическое единство, обособленность и самобытность, которыя земли продолжали сохранять и послѣ упраздненія въ нихъ удѣльныхъ столовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ указаній приведены были уже выше, и въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе лишь только на тѣ, которыя ихъ дополняютъ. Такъ, великіе князья обѣщали: „а волости кіевскіе кіяномъ держати, а иному никому" [173]); подобное же обѣщаніе давали они и Смоленской землѣ [174]) и такого же порядка держались въ отношеніи другихъ земель, какъ увидимъ впослѣдствіи. Держаніе волостей, т. е. отправленіе различныхъ доходныхъ должностей, было стариннымъ правомъ мѣстнаго боярства и вело свое начало отъ временъ политической самостоятельности земель. Сохраняясь въ изучаемое время, оно обусловливало, между прочимъ, и территоріальную цѣлостность и нераздѣльность земель, какъ это явствуетъ изъ привилея Смоленской земли: „А што Швитрикгайло", читаемъ здѣсь,—„отвернулъ былъ волости отъ Смоленска, тые волости зася его милость (великій князь Казимиръ) привернулъ къ Смоленску; и што великій князь Витовтъ обернулъ былъ ко Мстиславлю Смоленское волости Молоховскіи люди, а тои люди его милость опять привернулъ къ Молохвѣ по старому; а тыхъ волостей Смоленскихъ никому не держати, нижьли бояромъ Смоленскимъ же". Политическая самобытность особенно рѣзко обнаруживается въ правѣ земель Витебской и Полоцкой

---

171) Акты Зап. Рос. I, № 53, II.
172) Акты Зап. Рос. II, № 54.
173) Акты Зап. Рос. II, № 30.
174) Акты Зап. Рос. I, № 213.

принимать къ себѣ главныхъ управителей „по ихъ воли", правѣ, которое, очевидно, вело свое начало отъ того времени, когда эти земли призывали къ себѣ князей. Такимъ же правомъ пользовалась и Жмудская земля въ отношеніи главнагó своего управителя—старосты и второстепенныхъ —тивуновъ, хотя это право было нѣсколько иного происхожденья, чѣмъ право земель Витебской и Полоцкой. О политической обособленности послѣднихъ говорятъ также обѣщанія великаго князя не посылать Витблянъ и Полочанъ въ „заставы", т. е. на гарнизонную службу, за предѣлы земель, а также—не присылать къ нимъ „заставы" безъ ихъ согласія. Наконецъ, о томъ же самомъ и въ отношеніи ко всѣмъ землямъ говорятъ различныя права и вольности, данныя уже всему государству въ общеземскихъ привилеяхъ и тѣмъ не менѣе подтверждавшіяся особо для каждой земли въ ея привилеѣ.

Каждая изъ перечисленныхъ земель представляла особый военный округъ, начальникомъ котораго былъ намѣстникъ главнаго города или воевода (въ Жмуди—староста), а въ Волынской землѣ маршаловъ, каковое званіе давалось, по большей части, старшему уряднику въ области—старостѣ Луцкому. Въ рукахъ этихъ начальниковъ сосредоточивалось и высшее управленіе землею и высшій судъ, и всѣ прочіе урядники были имъ болѣе или менѣе подчинены; около нихъ собиралась земля, т. е. мѣстные князья, паны и бояре или земяне—шляхта (въ нѣкоторыхъ земляхъ и мѣщане) для обсужденія различныхъ важныхъ вопросовъ и постановленій, которые вызывались областною жизнью и должны были имѣть силу законовъ въ предѣлахъ „земли", для избранья нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и т. д. Обо всемъ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ слѣдующихъ очеркахъ.

XII.

Около половины XIV вѣка литовское владычество распространилось и на владѣнія князей Чернигово-Сѣверскихъ, потомковъ Олега Святославича. Самымъ значительнымъ изъ этихъ владѣній былъ въ то время Брянскъ съ тянувшими къ нему волостями. Князья Брянскіе со второй половины XIII вѣка были обыкновенно старшими надъ своими родичами, представителями ихъ предъ ханомъ Татарскимъ (намекъ на это даетъ, напр., разсказъ лѣтописи о походѣ хана Менгутемира на Тройдена) [175]), и въ качествѣ таковыхъ носили титулъ великихъ князей Черниговскихъ [176]). Возвышеніе Брянска, по всей

[175]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 575.

[176]) Любецкій синодикъ въ Чтеніяхъ Импер. Москов. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ 1871, кн. 2.

видимости, стояло въ связи съ приливомъ въ его область населенія, которое съ приходомъ татаръ должно было покинуть бассейнъ Семи и нижней Десны и искать спасенія въ лѣсистыхъ и болотистыхъ верховьяхъ Оки и Десны. Брянскій удѣлъ, какъ самый значительный, достался старшему сыну князя Михаила Всеволодовича Роману и увеличенъ былъ дѣятельностью его потомковъ. Указаніе на это даетъ намъ Любецкій синодикъ, который поминаетъ князя Брянскаго—Черниговскаго Олега Леонтія, „оставившаго дванадесять темъ людей и пріемшаго ангельскій образъ" [177]). Съ начала XIV вѣка, однако, въ семьѣ Брянскихъ князей начались усобицы, которыя осложнились борьбою ихъ съ Брянскимъ вѣчемъ. Въ половинѣ XIV вѣка въ Брянскѣ, по словамъ лѣтописи, были „мятежъ отъ лихихъ людей и замятня велія и опустѣніе града" [178]). Этимъ воспользовался великій князь Литовскій Ольгердъ, неустанно расширявшій свои владѣнія на счетъ русскихъ земель, и занялъ Брянскъ (около 1356 года).

Одновременно съ Брянскомъ заняты были Литвою и нѣкоторыя другія владѣнія потомковъ Олега Святославича въ Черниговo-Сѣверскомъ краѣ, лишившіяся своихъ природныхъ князей, какъ напримѣръ Трубчевскъ, Новгородокъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль и самый Черниговъ. Кромѣ того, приведены были въ зависимость отъ великаго князя Литовскаго потомки св. Михаила, владѣвшіе городами и волостями въ землѣ древнихъ Вятичей, по верхней Окѣ и ея притокамъ, такъ называемые „верховскіе" князья. Съ утвержденіемъ литовскаго владычества исчезла и та тѣнь политическаго единства Черниговo-Сѣверской земли, которая существовала въ татарскую эпоху и представителями которой были великіе князья Черниговскіе, впрочемъ, болѣе титулярные, чѣмъ властительные. Ни одинъ городъ не получилъ здѣсь преобладанія надъ другими, не сдѣлался центромъ, къ которому тяготѣли бы въ политическомъ отношеніи всѣ другіе города и волости. Литва оставила этотъ край въ состояніи того же политическаго дробленія и раздѣленія, въ какомъ онъ достался ей, не сплотила его политически въ одну землю, а уничтожила даже и послѣдніе остатки политическаго единства, существовавшаго въ этомъ краѣ. Оставшіеся на своихъ отчинахъ русскіе князья, связанные другъ съ другомъ владѣльческими отношеніями только въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ семей или родовъ, подчинялись непосредственно великому князю, а равно и тѣ князья, которые получили здѣсь владѣнія уже изъ рукъ великаго князя

---

[177]) Чтенія Импер. Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос. 1871, кн. 2, стр. 35

[178]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. X, 228.

Литовскаго. Такъ было на первыхъ порахъ, пока еще на Литовской Руси господствовала удѣльная система. Послѣ того какъ удѣльная система пала въ большей ея части, и организовалось великокняжеское управленіе въ областяхъ, нѣкоторыя изъ Черниговo-Сѣверскихъ волостей, именно тѣ, которыя лежали въ бассейнѣ верхней Оки и Десны, сдѣлались смоленскими „пригородами" потянули къ Смоленску, какъ къ военному и даже судебно-административному средоточію. Волости по средней Деснѣ и ея притокамъ составлявшія собственную Сѣверскую землю, просуществовали въ качествѣ самостоятельныхъ частей великаго княжества до самаго 1503 года, когда отошли къ Москвѣ.

Ольгердъ назначилъ въ Черниговo-Сѣверской землѣ удѣлы двумъ сыновьямъ своимъ: Дмитрію—Брянскъ и Дмитрію-Корибуту—Новгородъ Сѣверскій [179]). Дмитрій Ольгердовичъ прокняжилъ въ Брянскѣ, къ которому тянулъ также и Трубчевскъ [180]), до 1399 года; въ этомъ году онъ вмѣстѣ съ другими князьями палъ въ битвѣ на Ворсклѣ [181]). По смерти его дѣти изъ отцовскихъ владѣній получили только Трубчевскъ, можетъ быть, вслѣдствіе того, что за отцомъ ихъ была вина—измѣна и союзъ съ Москвою въ 1379 году. Князья Трубецкіе владѣли своею отчиною въ зависимости отъ великаго князя Литовскаго до 1500 года, когда они передались на сторону Москвы [182]). Что касается Брянска, то онъ по смерти Дмитрія Ольгердовича сталъ управляться великокняжескими намѣстниками. Дмитрій-Корибутъ владѣлъ Новгородомъ Сѣверскимъ до 1392 года, когда у него отобрали удѣлъ за непризнаніе Витовта великимъ княземъ и отдали его князю Ѳедору Любартовичу во временное владѣніе, до господарской воли (ad sue regalis dumtaxat beneplacitum voluntatis) [183]). Ѳедоръ Любартовичъ, однако, не долго держалъ Сѣверскую землю: въ 1398 году онъ вмѣстѣ съ Свидригелломъ былъ уже въ Венгріи, откуда они оба посылали къ великому магистру съ просьбою о помощи противъ братьевъ [184]).

Кромѣ сыновей Ольгерда въ Черниговской землѣ въ концѣ XIV вѣка имѣлъ удѣлъ еще одинъ князь изъ рода Гедимина—Александръ Патрикѣевичъ, внукъ Наримунта Гедиминовича, владѣвшій Стародупанъ

---

179) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 90—93, 152—155.

180) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 34.

181) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 104.

182) *Карамзина* VI, пр. 481.

183) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XIV, XV.

184) K. *Stadnickiego* Bracia Władysława Jagełły, 308.

бомъ (упоминается въ первый разъ по источникамъ въ 1388 году) [185]). Во время войны великаго князя Витовта съ Василіемъ Дмитріевичемъ Московскимъ въ 1406 году, Александръ Патрикѣевичъ обнаружилъ враждебные замыслы противъ Витовта, вслѣдствіе чего лишился удѣла, который Витовтъ отдалъ брату своему Сигизмунду [186]). Сигизмундъ Кейстутовичъ прокняжилъ въ Стародубѣ около 26 лѣтъ, до 1432 года, когда онъ по низверженіи Свидригелла сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ; Стародубъ послѣ того перешелъ въ управленіе къ великокняжескимъ намѣстникамъ.

Въ 1419 году Свидригелло, помирившись съ Ягелломъ и Витовтомъ, получилъ отъ нихъ Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій и Брянскъ [187]) и сталъ титуловаться Черниговскимъ, Сѣверскимъ и Трубецкимъ (послѣднимъ, вѣроятно, потому, что князья Трубецкіе были подчинены ему [188]). Въ Черниговѣ онъ просидѣлъ до смерти Витовта въ 1430 году, послѣ чего ушелъ въ Вильну на великое княженіе. Съ уходомъ его распалось начинавшееся было завязываться политическое единство Черниговo-Сѣверской земли, и она снова распалась на отдѣльныя части подъ управленіемъ великокняжескихъ намѣстниковъ. Съ половины XV вѣка Литовское правительство стало давать здѣсь кормленья и отчины бѣглымъ князьямъ московскаго рода, сдѣлавшимся жертвою утверждавшагося въ Москвѣ единодержавія. Такъ, король Казимиръ въ 1446 году далъ князю Василью Ярославичу Боровскому „Дьбрянескъ въ вотчину, да Гомей, да Стародубъ, да Мстиславль (это ошибка лѣтописи) и иные многіе мѣста“ [189]). Князь Василій Ярославичъ скоро, впрочемъ, ушелъ обратно въ Москву. Въ 1450 году король отдалъ Брянскъ съ волостьми „у вотчину“ князю Ивану Андреевичу Можайскому, бѣжавшему въ Литву послѣ того, какъ на Москвѣ взялъ верхъ надъ своими двоюродными братьями Василій Васильевичъ Темный [190]). Впрочемъ, король впослѣдствіи взялъ у Ивана Андреевича Брянскъ и далъ ему взамѣнъ Стародубъ и Гомель. Великій князь Александръ подтвердилъ его сыну Семену Стародубъ и Гомель на вѣчность и, кромѣ того, далъ ему въ вѣчное же владѣніе Черниговъ съ волостьми [191]). По сосѣдству съ княземъ Семеномъ Ива-

---

185) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 17.
186) Codex epistolaris Vitoldi, № CCCLII.
187) *K. Stadnickiego* Bracia Władysława Jagełły, str. 323.
188) Codex epistolaris Vitoldi, № MXXXIV.
189) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VI, 174—175; VIII, 117.
190) Акты Зап. Рос. I, № 52.
191) Ibidem, № 139.

новичемъ Можайскимъ, въ Новгородѣ Сѣверскомъ и Рыльскѣ, въ концѣ XV-го вѣка княжилъ другой изгнанникъ Московскій, князь Василій Ивановичъ Шемячича. Онъ ли получилъ эти волости отъ великаго князя Литовскаго или еще его отецъ, наличные источники не даютъ указаній. Въ концѣ 1499 г. князья Семенъ Ивановичъ и Василій Ивановичъ передались со своими отчинами великому князю Московскому вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими князьями: Трубецкими, Мосальскими и т. д. [192]). Одновременно съ тѣмъ воеводы великаго князя Московскаго заняли и всѣ остальные Чернигово-Сѣверскіе города и волости, которые по договору 1503 года остались во владѣніи Москвы [193]).

Что касается владѣній русскихъ природныхъ князей въ этомъ краѣ, то самыми значительными изъ нихъ въ изучаемое время (до 1494 года) были удѣлы потомковъ князя Семена Михайловича Глуховскаго и Новосильскаго, сына св. Михаила Черниговскаго, средоточіями которыхъ были города: Новосиль, Бѣлевъ, Одоевъ и Воротынскъ.

Извѣстія о княжествѣ Новосильскомъ и его владѣтеляхъ появляются въ памятникахъ второй половины XIV вѣка. Въ 1371 г. великій князь Ольгердъ, жалуясь Константинопольскому патріарху на поведеніе митрополита Кіевскаго и великаго князя Московскаго, писалъ между прочимъ: „зятя Ивана, князя Новосильскаго, и его княжество заѣхали и мать его поимали и дочь мою взяли“ [194]). Упоминаемый князь Иванъ, повидимому, не одинъ княжилъ въ Новосили: лѣтопись подъ 1375 годомъ называетъ еще князя Романа Семеновича Новосильскаго, который служилъ великому князю Московскому и ходилъ съ нимъ на Тверь [195]) Этотъ Романъ, по всей вѣроятности, доводился братомъ князю Ивану, а оба они были дѣтьми князя Семена Александровича, сына Александра Семеновича Новосильскаго (+1326 г.) и внука св. Михаила [196]).—Въ 1376 году княжество Новосильское подвергалось сильному разоренію отъ татаръ [197]), а князь Романъ Семеновичъ „отъ насилья татарскаго“ долженъ былъ перенести свою ре-

[192]) *Карамзина* VI, прим. 481.

[193]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 348—402.

[194]) Русская Историческая Библіотека VI, прил. 24.

[195]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 22.

[196]) См. Любецкій синодикъ и Отчетъ о двадцать восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 89.

[197]) *Карамзина* V, прим. 37.

зиденцію изъ Новосили въ Одоевъ [198]). Это нападеніе татаръ, можетъ быть, стояло въ связи съ походомъ князя Романа на Тверь, состоялось по наущенію Ольгерда за участіе, которое принималъ князь Романъ въ войнѣ противъ его союзника, великаго князя Тверского. Какъ бы то ни было, Московское вліяніе взяло перевѣсъ въ Новосили надъ Литовскимъ, и князья Новосильскіе въ послѣдней четверти XIV вѣка и въ первыхъ годахъ XV-го были подручниками великаго князя Московскаго. Романъ Семеновичъ, какъ мы видѣли, служилъ великому князю Дмитрію Ивановичу, а сынъ его Семенъ служилъ великому князю Василію Дмитріевичу, который, заключая въ 1402 году договоръ съ Рязанскимъ княземъ Ѳедоромъ Ольговичемъ, обязывалъ его, между прочимъ, „взяти любовь" съ князьями Торусскими и кн. Семеномъ Романовичемъ Новосильскимъ, „занеже ти князи", писалъ онъ, „со мною одинъ человѣкъ" [199]). Въ 1407 году, когда шла война между великимъ княземъ Московскимъ Василіемъ Дмитріевичемъ и тестемъ его Витовтомъ, литовскія войска взяли и сожгли Одоевъ [200]). Дѣло, впрочемъ, ограничилось пока временнымъ занятіемъ Одоева и не имѣло болѣе важныхъ послѣдствій. Еще въ 1425 году князь Одоевскій былъ слугою великаго князя Московскаго,—des grosfurstes von Moscouwen man,—какъ называетъ его Витовтъ въ письмѣ къ магистру Нѣмецкаго Ордена отъ 1-го января 1425 года, въ которомъ онъ извѣщалъ его о нападеніи царя Куйдадата на московско-литовскую украйну [201]). Но вскорѣ послѣ того, по кончинѣ великаго князя Василія Дмитріевича, князья Новосильскіе били челомъ на службу великому князю Литовскому Витовту, какъ узнаемъ изъ письма его къ магистру Нѣмецкаго Ордена отъ 14 августа 1427 г.[202]). Поэтому великій князь Московскій Юрій Дмитріевичъ, заключая въ 1433 году договоръ съ великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, не написалъ въ грамотѣ, какъ его предшественники, что князья Новосильскіе съ нимъ одинъ человѣкъ, а обязалъ великаго князя Рязанскаго взять съ ними любовь и жить безъ обиды, если они ему добьютъ челомъ [203]). Извѣстно, кромѣ того, что Витовтъ выдалъ

---

[198]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. X, стр. 70 и 156 родословныхъ.

[199]) Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I, № 36.

[200]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 81.

[201]) Codex epistolaris Vitoldi, № MCLXXXI.

[202]) Codex epistolaris Vitoldi, № MCCXCVIII.

[203]) Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I, № 48; срав. № 65.

свою двоюродную племянницу, Марью Дмитріевну (дочь Корибута Ольгердовича), за мужъ за князя Ѳедора Воротынскаго[204]. Этотъ же Ѳедоръ Львовичъ впослѣдствіи, когда билъ челомъ на службу великому князю Казимиру королевичу, заключилъ съ нимъ договоръ „по князя великого Витовту доконча̀нью"[205]). Въ 1429 году на Луцкомъ съѣздѣ у Витовта въ числѣ разныхъ владѣтельныхъ особъ были „князь Одоевскій, Перемышльскій и Новосельскіе"[206]).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ получаетъ цѣну историческаго свидѣтельства, подтверждается и объясняется комментарій родословныхъ книгъ о князьяхъ Бѣлевскихъ, Василіи и Ѳедорѣ Михайловичахъ. Князья эти, по словамъ родословныхъ, жили на Волокѣ у великаго князя Василія Дмитріевича, который отпустилъ ихъ въ вотчину ихъ Бѣлевъ[207]). Они, очевидно, родились на Волокѣ, куда отецъ ихъ Михаилъ прибылъ, по всей вѣроятности, въ 1407—1408 г. вмѣстѣ съ княземъ Свидригелломъ и другими сѣверскими князьями, которыхъ Василій Дмитріевичъ испомѣстилъ, между прочимъ, и на Волокѣ[208]). Переселеніе князя Бѣлевскаго въ Москву вызвано было, очевидно, занятіемъ его отчины Литвою въ 1407—1408 годахъ и желаніемъ служить великому князю Витовту; такимъ образомъ, Бѣлевскій князь до этого времени, какъ и всѣ князья Новосильскаго рода, былъ подручникомъ великаго князя Московскаго. Послѣ того какъ отношенія между Москвою и Литвою уладились, князья Бѣлевскіе воротились въ свою отчину, и притомъ въ очень еще юномъ возрастѣ, ибо дѣти князя Василія, Иванъ и Андрей, по памятникамъ являются дѣйствующими лицами въ послѣдней четверти XV вѣка[209]). Возвратившись на родину, князья Бѣлевскіе подобно всѣмъ другимъ „верховскимъ" (т. е. верхнеокскимъ) князьямъ сдѣлались подручниками великаго князя Литовскаго и стали давать ему „полѣтнее" въ его казну.

Впрочемъ, великому князю Литовскому не удалось сдѣлать исключительнымъ свое господство и вліяніе въ верхнеоксвихъ княжествахъ. Московскіе бояре въ 1490 году заявляли послу короля Казимира, что „князь Иванъ а князь Семенъ Одоевскій и князь Ѳеодоръ Воротынскій и Бѣлевскіе князи и ихъ дѣти служили съ своими от-

[204]) Акты Зап. Рос. I, № 214.
[205]) Акты Зап. Рос. I, № 41.
[206]) Лѣтопись Быховца, стр. 42.
[207]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. X, 70, 157.
[208]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 82.
[209]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXXV.

чинами на обѣ стороны", т, е. Литвѣ и Москвѣ. Такая служба была вполнѣ естественна, вслѣдствіе положенія верхнеокскихъ княжествъ въ сосѣдствѣ съ московскими владѣніями и на украйнѣ, безпрерывно подвергавшейся нападеніямъ татаръ, общаго врага Московскаго и Литовскаго государствъ. Вслѣдствіе этого Москва, хотя и признавала зависимость верхнеокскихъ княжествъ отъ Литвы, тѣмъ не менѣе старалась до извѣстной степени отстоять ихъ самостоятельность, не давать полной воли надъ ними правительству Литовскому. Такъ, великій князь Василій Васильевичъ, договариваясь въ 1449 году съ королемъ Казиміромъ, вставилъ въ грамоту, между прочимъ, слѣдующую статью: „А верховскіи князи што будутъ издавна давали въ Литву, то имъ и нынѣчи давати, а болши того не примышляти" [210]). И сами князья, опираясь на отношенія свои къ Москвѣ, хотя и подчинялись великому князю Литовскому, хотя давали обѣщаніе быть въ его воли и послушаніи и давать ему „полѣтнее" [211]), но смотрѣли на эти обязательства, какъ на результатъ свободнаго соглашенья и какъ на плату за тѣ услуги, которыя в. князь Литовскій съ своей стороны долженъ былъ имъ оказывать [212]). Въ противномъ же случаѣ, т. е. еслибы в. князь Литовскій не оборонилъ ихъ и не управилъ, какъ слѣдуетъ, во взаимныхъ ихъ столкновеніяхъ, они считали себя свободными отъ обязательствъ и переходили на службу къ Московскому князю.

Вообще, литовское господство на верхнеокской украйнѣ стояло прочно только въ княженье Василья Васильевича Темнаго, когда вслѣдствіе внутреннихъ замѣшательствъ Москва не могла съ прежнею силою и энергіею развивать свою дѣятельность на границахъ и когда она даже потеряла свои владѣнія на лѣвомъ берегу Оки за Угрою (Перемышль и Козельскъ). Но, съ вступленіемъ на московскій престолъ в. князя Ивана Васильевича, Москва мало-по-малу стала возвращать утраченное вліяніе на верхнеокской украйнѣ и переманивать къ себѣ на службу тамошнихъ князей съ ихъ отчинами. Прежде всѣхъ перешелъ на службу къ Москвѣ кн. Семенъ Юрьевичъ Одоевскій: въ 1474 году Любучане въ отмщеніе за то, что Москвичи „Любутье имали и полонъ вели", нечаянно напали на него и убили его [213]). Сыновья его: кн. Иванъ, Василій и Петръ, съ своими „дольницами" служили также Москвѣ, между тѣмъ какъ кн. Ѳедоръ Ивановичъ

---

210) Акты Зап. Рос. I, № 50.
211) Акты Зап. Рос. I, № 41, 63, 80.
212) Акты Зап. Рос. I, № 106.
213) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 178.

(Юрьевича) съ своимъ удѣломъ, половиною города Одоева и волостьми, служилъ Литвѣ [214]). Затѣмъ перешелъ на службу къ Московскому князю (около 1487 года) кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій-Перемышльскій отъ дядей своихъ, кн. Дмитрія и Семена Өедоровичей Воротынскихъ, которые оставались еще нѣкоторое время вѣрными королю Казимиру [215]), и князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій отъ брата своего Андрея [216]). Но служба разнымъ государямъ должна была усложнить и ухудшить отношенія между князьями-родичами, которые въ наслѣдованіи отчинъ соблюдали извѣстный порядокъ старшинства и притомъ имѣли нѣкоторыя владѣнія совмѣстныя (главный городъ). Начались безпрерывныя споры и вооруженныя столкновенія, пошли жалобы въ Москву и Литву, которыя подъ конецъ княженья Казимира вызвали оживленные дипломатическіе переговоры и натянутыя отношенія между обоими государствами. Такой порядокъ вещей не могъ долго продолжаться: князья должны были перейти въ одну сторону; а такъ какъ сильнѣйшей стороной была Москва, то въ концѣ концовъ всѣ верхнеокскіе князья и подчинились Московскому государю. Въ 1490 году перешелъ на службу московскую князь Дмитрій Өедоровичъ Воротынскій „съ своею отчиною"; въ 1492 году за нимъ послѣдовали братъ его Семенъ и кн. Андрей Васильевичъ Бѣлевскій [217]). Договоръ 1494 года окончательно утвердилъ за Москвою княжество Новосильское въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало во второй половинѣ XV вѣка: „А князи Новосильскіе, Одоевскіе и Воротынскіе и Бѣлевскіе—всѣ мои великого князя Ивановы и моихъ дѣтей къ нашему великому княжеству" [218]).

По сосѣдству съ владѣніями князей Новосильскаго рода находились укрѣпленные города—Мценскъ на р. Зушѣ (ниже впаденія въ нее Черни) и Любутскъ при впаденіи р. Любучи въ Оку (почти на границѣ теперешняго Калужскаго уѣзда съ Алексинскимъ), которые управлялись намѣстниками великаго князя Литовскаго. Литовское правительство держало свои гарнизоны въ этихъ городахъ частью для болѣе успѣшной обороны границъ, частью для удержанія въ повино-

---

[214]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 3, 37.

[215]) Акты Зап. Рос. I, № 80; Сбор. Имп. Ист. Русск. Истор. XXXV, 5, 8, 21, 35, 39.

[216]) Ibidem, 8, 58.

[217]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 219, 225; Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 81.

[218]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 124—129.

венія подручныхъ „верховскихъ“ князей. Когда и отъ кого пріобрѣтены были эти города, въ точности неизвѣстно. Можно только догадываться, что Любутскъ принадлежалъ прежде къ рязанскимъ владѣніямъ (въ Рязанскомъ княжествѣ, какъ извѣстно, былъ другой Любутскъ на р. Окѣ, ниже впаденія въ нее Цны [219]) и былъ отторгнутъ отъ нихъ либо Ольгердомъ, либо Витовтомъ во время борьбы его съ Олегомъ Ивановичемъ. Въ 1396 году великій князь Олегъ приходилъ къ Любутску съ войскомъ, повидимому, съ цѣлью отнять его обратно у Литвы; но граждане не пустили его въ городъ и крѣпко бились съ нимъ, пока великій князь Московскій не отвелъ Олега отъ Любутска [220]). На недолгое время Любутскъ переходилъ къ Москвѣ и былъ завѣщанъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ старшему сыну его Ивану [221]), но скоро опять перешелъ къ Литвѣ, и имя его болѣе не встрѣчается въ московскихъ грамотахъ. Къ Москвѣ онъ перешелъ окончательно вмѣстѣ съ Мценскомъ по договору 1503 года.

Въ XV в. верховная власть великаго князя Литовскаго простиралась и на владѣнія потомковъ князя Мстислава Михайловича Карачевскаго, лежавшія въ области между верхнею Окой, Десной и Угрой. Карачевское княжество въ томъ объемѣ, въ какомъ владѣлъ имъ сынъ Мстислава Титъ, по преданію родословныхъ, сначала распалось на два удѣла: собственно Карачевскій и Козельскій; изъ перваго впослѣдствіи выдѣлилось еще княжество Мосальское, а изъ втораго Перемышльское и Елецкое. Городъ Карачевъ съ своими волостьми въ концѣ XV вѣка былъ уже въ непосредственномъ владѣніи великаго князя Литовскаго, который отдалъ его въ 1499 году князю Семену Можайскому [222]). Когда и при какихъ обстоятельствахъ совершилось это присоединеніе, неизвѣстно въ точности, и можно сдѣлать только предположеніе на основаніи нижеслѣдующихъ данныхъ. Въ 1500 году, „отъ нужи въ вѣрѣ“ предался великому князю Московскому „вмѣстѣ съ иными боярами Мценскими“ и князь Хотетовскій [223]). Мценскъ, какъ мы знаемъ, принадлежалъ Литвѣ уже въ 1422—23 г. и управлялся великокняжескимъ намѣстникомъ Григоріемъ Протасьевымъ. Но князья Хотетовскіе, въ концѣ XV вѣка низошедшіе въ ряды простыхъ военно-

---

[219]) *Д. И. Иловайскаго* Исторія Рязанскаго княжества. стр. 246. Москва 1858.

[220]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 70.

[221]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 40.

[222]) Акты Зап. Рос. I, № 167.

[223]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 297—300.

служилыхъ землевладѣльцевъ Мценскаго повѣта, по родословнымъ происходили изъ Карачева: внукъ Святослава Титовича, Иванъ Мстиславичъ, носилъ названіе „хотетъ" и далъ своему удѣлу имя Хотетово (теперь есть село съ такимъ названіемъ на границѣ Орловскаго уѣзда съ Мценскимъ), отъ котораго его потомки прозвались князьями Хотетовскими. Если такъ, то Мценскъ съ своимъ округомъ очевидно принадлежалъ къ княжеству Карачевскому, которое, такимъ образомъ, занято было Литвою въ началѣ XV вѣка, скорѣе всего въ 1407—1408 г., когда Витовтъ воевалъ съ зятемъ своимъ, Василіемъ Димитріевичемъ Московскимъ и старался возстановить Литовское господство на верхнеокской украйнѣ, упавшее тамъ съ послѣднихъ лѣтъ Ольгердова княженья. При Ольгердѣ Карачевскій владѣтель, Святославъ Титовичъ, женатый на его дочери Өедорѣ, былъ несомнѣнно подручникомъ великаго князя Литовскаго. По смерти его въ Карачевѣ остался старшій сынъ его Мстиславъ, подъ которымъ (либо подъ его сыномъ) занятъ былъ Карачевъ на великаго князя Литовскаго, причемъ сыну его Ивану была оставлена волость, получившая названіе „Хотетово".— Другой сынъ Святослава Титовича, Юрій, сѣлъ на удѣлѣ въ Мосальскѣ и сдѣлался родоначальникомъ князей Мосальскихъ. Князья Мосальскіе подобно другимъ князьямъ служили на обѣ стороны, и Литвѣ и Москвѣ [224]); вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ потеря ими главнаго города Мосальска и многихъ волостей, которыя заняты были Литвою. Остававшіеся въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI-го князья Мосальскіе владѣли волостями по большей части въ Смоленской землѣ, „данинной" великихъ князей Литовскихъ, при которыхъ они обыкновенно служили въ качествѣ дворянъ [225]).

По рѣкѣ Жиздрѣ находились владѣнія князей Козельскихъ, которые, по преданію древнѣйшихъ родословныхъ, происходили изъ Карачевскаго же рода, были потомками князя Мстислава Михайловича. Такъ какъ имъ кромѣ Козельска принадлежалъ еще и Елецъ, то въ источникахъ второй половины XIV вѣка они являются по большей части подручниками князей Рязанскихъ. Напр., князь Титъ Козельскій помогалъ великому князю Олегу въ 1365 году противъ мурзы Мамая въ битвѣ подъ Шишевскимъ лѣсомъ на Войновѣ [226]); князь Козельскій въ 1400 г. билъ татаръ вмѣстѣ съ князьями Рязанскимъ

---

[224]) Сбор. Имп. Русск. Ист. Общ. XXV, 107.

[225]) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 38, 81; IV, л. 155—169; V, л. 27; VII, л. 567; VIII, л. 308, 309 и др.

[226]) *Карамзина* V, прим. 7.

и Пронскимъ въ предѣлахъ „Черленого яру" [227]). Въ началѣ XV вѣка Козельскъ съ своими „мѣсты" перешелъ во владѣніе великаго князя Московскаго Василія Димитріевича и былъ отданъ имъ въ 1405 г. князю Владиміру Андреевичу въ отчину и удѣлъ [228]). Князь-отчичъ получилъ за него либо деньги, либо вотчину въ московскихъ предѣлахъ, и сдѣлался слугою Московскаго великаго князя (въ 1408 году въ Ржевѣ московскимъ воеводою былъ князь Юрій Козельскій) [229]). Москва пріобрѣла пока только одинъ Козельскъ безъ Ельца, который былъ присоединенъ къ ней гораздо позднѣе и въ разоренномъ видѣ. Въ 1447 году, во время борьбы великаго князя Василья Васильевича съ своими двоюродными братьями, Козельскъ былъ занятъ Литвою и отданъ былъ королемъ Казимиромъ „въ держаніе" князю Ѳедору Львовичу Воротынскому [230]). Хотя король, заключая въ 1449 году мирный договоръ съ Московскими князьями „особою докончальною грамотою", обязался возвратить Козельскъ Москвѣ, если по обыску онъ окажется московскимъ владѣніемъ [231]), тѣмъ не менѣе Козельскъ до самого 1494 года оставался во власти великаго князя Литовскаго и снова присоединенъ былъ къ московскимъ владѣніямъ только по договору 1494 г.

На лѣвомъ берегу Оки ниже впаденія въ нее Жиздры находился Перемышль, стольный городъ особаго удѣла того же рода князей Карачевскихъ (по родословнымъ, собственно князей Козельскихъ). Хотя Перемышль пріобрѣтенъ былъ Москвою еще при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ [232]), князья Перемышльскіе продолжали существовать и послѣ того (очевидно, только на другихъ волостяхъ) и по источникамъ являются въ качествѣ служилыхъ князей литовскихъ. Такъ, напр., въ 1408 году къ великому князю Василію Димитріевичу пріѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Свидригелломъ и другими сѣверскими князьями и князь Семенъ Перемышльскій [233]). Перемышль оставался во владѣніи Москвы до половины XV вѣка [234]); около 1455 года онъ занятъ былъ Литвою и отданъ королемъ Казимиромъ князю

---

[227]) *Карамзина* V, прим. 254.

[228]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 38.

[229]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей VIII, 82.

[230]) Акты Зап. Рос. I, № 48.

[231]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 51.

[232]) Собр. Госуд. Грам. и Догов.

[233]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 82.

[234]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 33, 35, 41, 84, 85.

Өедору Львовичу Воротынскому „въ вотчину“ [235]). Повидимому, это занятіе стоитъ въ связи съ измѣной послѣдняго владѣльца Перемышля, князя Василія Ярославича Боровскаго, за которую онъ въ слѣдующемъ году былъ сосланъ въ заточеніе въ Угличъ. Возвратился Перемышль снова къ Москвѣ по договору 1494 года.

Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира помѣщена между прочимъ, слѣдующая запись. „Мезецкимъ княземъ: князю Өедору, князю Роману, князю Ивашку отчина ихъ, што отецъ ихъ держалъ князь Андрей, а князь Дмитрей, што они выслужили у Витовта Мезочоскъ, Орень, Сулковичи, Сухиничи, Дубровна а Когабринъ, Огдыревъ, Олешна, Устье, Лабодинъ, Жабынь, Рука, Немерзка, Котеръ—то все прислухаеть къ тымъ волостемъ, а то имъ всимъ тремъ“ [236]). Перечисленныя волости, судя по современнымъ географическимъ даннымъ, лежали большею частью въ бассейнѣ рѣки Жиздры, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ волостями Козельскими и Перемышльскими (теперь здѣсь есть село Которъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на верховьѣ р. Которенки, впадающей въ Жиздру, село Рень на р. Бнилвѣ, впадающей въ притокъ Жиздры Серену, посадъ Сухиничи въ Козельскомъ уѣздѣ на р. Немерзкѣ, впадающей въ Брынь, сельцо Немерзки въ южной части Мещовскаго уѣзда, Брынь на верховьѣ рѣки того же имени Жиздринскаго уѣзда, Олешня въ Козельскомъ уѣздѣ на правомъ берегу Жиздры, село Лабодынъ Бѣлевскаго уѣзда на рѣчкѣ Рукѣ, впадающей въ Оку, сельцо Жабынь того же уѣзда недалеко отъ Бѣлева къ сѣверу, сельцо Борятино въ Мещовскомъ уѣздѣ на р. Клетомѣ, слѣва впадающей въ Серену). Повидимому, онѣ въ большинствѣ и входили нѣкогда въ составъ этихъ княжествъ и заняты были Витовтомъ въ 1407—1408 г. (не потому ли и князь Семенъ Перемышльскій въ 1408 году отъѣхалъ въ Москву?). Витовтъ отдалъ эти волости князьямъ изъ Торусскаго рода, Андрею, Димитрію и Ивану, — по преданію древнѣйшихъ родословныхъ, внукамъ князя Юрія Михайловича [237]). Торусскіе князья, при Дмитріи Донскомъ бывшіе подручниками великаго князя Московскаго, при сынѣ его должны были изъ владѣтельныхъ особъ перейти на положеніе простыхъ слугъ великаго князя Московскаго, который купилъ въ ордѣ ихъ отчину [238]). Князья Андрей, Димитрій и Иванъ, очевидно, не

---

[235]) Акты Зап. Рос. I, № 57.

[236]) Литов. Метр. кн. Запис. III л. 35.

[237]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. X, 72.

[238]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VIII, 62.

захотѣли помириться съ этимъ фактомъ и отъѣхали къ великому князю Литовскому, который и далъ имъ перечисленныя волости. Это „данье" Витовта подтвердили Мезецкимъ князьямъ и ихъ преемники, великій князь Сигизмундъ и король Казиміръ, и съ своей стороны придали нѣсколько волостей по сосѣдству съ названными волостями: Сигизмундъ—Новое Село и Силковичи (теперь есть Новое село въ Мосальскомъ уѣздѣ на р. Неручи, впадающей въ Болву съ лѣвой стороны; недалеко въ томъ же Мосальскомъ уѣздѣ есть село Силькови чи на р. Ужати, впадающей въ Неручь), а Казиміръ—Хостци, Бакино и Орнеры (Хоссы на р. Жиздрѣ въ Козельскомъ уѣздѣ, Бакино на р. Рукѣ Бѣлевскаго уѣзда, Алнеры на р. Немерзкѣ въ Мещовскомъ уѣздѣ [239]). Въ 1492 году князь Михаилъ Романовичъ Мезецкій пріѣхалъ служить къ великому князю Московскому, „да изымавъ приведе съ собою дву братовъ, кн. Семена да князя Петра". Великій князь отослалъ плѣнниковъ въ заточеніе въ Ярославль, а князя Михаила пожаловалъ его же отчиною и велѣлъ ему служить. Эти князья братья по родословнымъ были внуками упомянутаго въ записи короля Казиміра князя Андрея. Въ то же время или ранѣе перешли на службу князья Василій и Өедоръ, дѣти князя Ивана Өедоровича Говдыревскаго, доводившагося по родословнымъ книгамъ двоюроднымъ братомъ князю Михаилу Романовичу. По договору 1494 года эти князья съ своими „дольницами" въ Мезецкѣ и волостяхъ были признаны въ зависимости отъ великаго князя Московскаго, а ихъ родичи, князья Өедоръ Сухой и Василій, дѣти кн. Өедора Андреевича и родные братья Ивана Өедоровича Говдыревскаго, съ ихъ дольницами въ зависимости отъ великаго князя Литовскаго. Относительно находившихся въ заточеніи у Московскаго великаго князя князей Семена Романовича и Петра Өедоровича было условлено—отпустить ихъ на волю и предоставить имъ самимъ выбирать служить, кому похотятъ [240]). Князь Семенъ Романовичъ послѣ того остался служить Москвѣ, а Петръ Өедоровичъ билъ челомъ на службу великому князю Александру [241]). По договору 1503 года всѣ владѣнія Мезецкихъ князей отошли къ Москвѣ вмѣстѣ со многими другими волостями въ этомъ краѣ.

---

[239]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 136.

[240]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 124—129.

[241]) Ibidem, стр. 132, 133.

XIII.

Въ заключеніе нужно упомянуть еще о восточной части Подольской земли—Побужьѣ, которое въ изучаемое время принадлежало также къ составу великаго княжества, съ главными городами Браславомъ и Винницей. Подолье было занято сыновьями Коріата Гедиминовича послѣ того, какъ великій князь Ольгердъ побилъ на Синей Водѣ татарскихъ хановъ Хачибея, Кутлубуга и Дмитрія, которымъ мѣстное русское населеніе чрезъ своихъ атамановъ платило дань (1363 г.). Коріатовичи владѣли этимъ краемъ почти независимо отъ великаго князя Литовскаго и по большей части держались союза съ Польшей, которая уже при нихъ положила начало своему политическому владычеству и культурному вліянію въ этомъ краѣ. Въ 1393 году великій князь Витовтъ занялъ Подольскую землю, которая не хотѣла ему быть послушной, подъ княземъ Өедоромъ Коріатовичемъ и посадилъ въ ней своихъ старостъ [242]). Вскорѣ, однако, онъ уступилъ часть Подолья, именно Поднѣстровье съ городами Каменцомъ, Смотричемъ, Скалою, Червоноградомъ и Бакотою, королю Ягеллу, который отдалъ его въ вѣчное владѣніе пану Спытку Мельштинскому cum pleno jure ducali, quo ceteri nostri duces Lithuaniae et Russiae frui soliti sunt, и съ обязанностью вѣрной службы ему самому и его преемникамъ, королямъ Польскимъ, prout alii nostri duces Lithuaniae et Russiae... servire tenentur [243]). Поляки въ XV вѣкѣ смотрѣли на уступку западнаго Подолья королю Ягеллу, какъ на присоединеніе его къ Польшѣ. Но ни дарственный актъ Ягелла Спытку Мельштинскому, ни позднѣйшія распоряженія Ягелла относительно Подолья не подтверждаютъ этого взгляда. Уступка Витовта, по всѣмъ даннымъ, имѣла характеръ чисто личной сдѣлки съ Ягелломъ, которому онъ уступилъ доходы съ этой земли, а тотъ въ свою очередь переуступилъ ихъ Спытку Мельштинскому. И Витовтъ, и Ягелло не касались при этомъ государственно-правового положенія Подольской земли: обязательство, наложенное на Спытка Мельштинскаго служить королю Ягеллу и его преемникамъ нисколько не говоритъ о присоединеніи этой земли къ Польшѣ, ибо подобное обязательство взято было со всѣхъ литовско-русскихъ князей и съ самого великаго князя Ви-

---

[242]) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 45.
[243]) Codex epistolaris Vitoldi, № CXV.

товта [244]). По ясному указанію дарственной записи Спытко Мельштинскій вступалъ въ права литовско-русскаго удѣльнаго князя, а вмѣстѣ съ правами и въ обязанности. Вотъ почему въ 1399 году мы видимъ его подъ знаменемъ великаго князя Витовта на Ворсклѣ, гдѣ онъ и положилъ голову свою вмѣстѣ со многими другими литовско-русскими князьями.

Послѣ того Ягелло и Витовтъ выкупили западное Подолье у вдовы Спытка Мельштинскаго, оставшейся съ малолѣтними дѣтьми, за 5000 пражскихъ грошей и отдали его князю Свидригеллу. Денежное вознагражденіе, данное вдовѣ Спытка Мельштинскаго, слѣдовало ей по самому смыслу дарственной записи, полученной ея мужемъ. Есть, кромѣ того, извѣстіе, что Спытко и не даромъ получилъ западное Подолье отъ Ягелла, а за 20 тысячъ, которыя Ягелло въ свою очередь далъ Витовту за уступку означенной части Подольской земли [245]); выкупъ, слѣдовательно, былъ вполнѣ естественъ. Свидригелло, однако, не долго насидѣлъ въ Подольѣ: въ 1402 г. онъ уже былъ въ Пруссіи и сопровождалъ великаго магистра въ его походѣ на Литву. Вслѣдствіе его измѣны Ягелло занялъ западное Подолье своими гарнизонами и посадилъ въ немъ своего старосту.

Въ 1410 году онъ уступилъ обратно Витовту западную часть Подолья, взявъ съ него 40 т. копъ грошей, и Витовтъ, такимъ образомъ, снова сталъ владѣльцемъ Подольской земли, которая и оставалась за нимъ до самой смерти. Чтобы успокоить Поляковъ, которые стали уже привыкать къ мысли, что Подольская земля должна быть достояніемъ короны, Витовтъ согласился оставить въ главныхъ городахъ уступленной области польскіе гарнизоны, разумѣется, нисколько не рѣшая этимъ вопроса о принадлежности западнаго Подолья [246]). Но лишь только умеръ Витовтъ, начальники этихъ гарнизоновъ и пограничные польскіе старосты изъ Червоной Руси подступили къ Каменцу, захватили въ плѣнъ намѣстника великокняжескаго Довгирда и заняли замки Каменецъ, Скалу, Смотричъ и Червоноградъ на корону. Новый великій князь Литовскій Свидригелло, хотя при восшествіи своемъ на великое княженіе и обѣщался Ягеллу уступить эти замки, даже если между Поляками и Литвинами не состоится относительно нихъ соглашеніе, однако, какъ скоро почувствовалъ власть и силу въ

---

[244]) *Gołębiowskiego* Dzieje Polski za Władysława Jagełły i Władysława III, przypis 61. Warszawa 1846. Codex epistolaris Vitoldi, № CXII; in Append., № II.

[245]) *K. Stadnickiego* Synowie Gedymina I, 187—190.

[246]) *K. Stadnickiego* Synowie Gedymina I, str. 197, 198.

своихъ рукахъ, и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ Подолья и приходилъ въ ярость, какъ скоро заходила о томъ рѣчь. Онъ задержалъ въ Вильнѣ самого короля со всею его польскою радою и не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока король не отдалъ приказа главному Подольскому старостѣ, Михаилу Бучацкому, сдать занятые города литовскимъ начальникамъ. Но въ то же время подольскіе старосты, кромѣ этого открытаго приказа, получили отъ короля и тайный—не сдавать страны. Благодаря такимъ дѣйствіямъ польскаго правительства возникла на этой украйнѣ ожесточенная война, продолжавшаяся, впрочемъ, недолго и окончившаяся перемиріемъ, при чемъ каждая сторона осталась при томъ, чѣмъ фактически владѣла: король удержалъ замки Каменецъ, Смотричъ, Скалу и Червоноградъ, а Свидригелло Брацлавъ, Соколецъ, Звенигородъ, Качубей, Дашковъ и Летичовъ. Подробовный судъ долженъ былъ рѣшить, кому должна была принадлежать во всей совокупности Подольская земля [247].

Въ этомъ судѣ, однако, не оказалось надобности, ибо Свидригелло вскорѣ послѣ того низверженъ былъ съ великокняжескаго стола, а новый великій князь Сигизмундъ, обязанный своимъ возвышеніемъ отчасти стараньямъ польскаго правительства, отказался отъ всякихъ притязаній на Подольскую землю и особымъ письменнымъ актомъ призналъ ее достояніемъ короны Польской. Свидригелло, однако, не выпустилъ изъ своихъ рукъ восточнаго Подолья; мало того, кн. Ѳедько Несвицкій, которому онъ поручилъ оборону подольскихъ замковъ отъ Поляковъ, набравъ довольно многочисленный отрядъ изъ Литвы, Руси, Татаръ, Волоховъ и Молдаванъ, отбилъ у Поляковъ нѣкоторые города западнаго Подолья. Но когда Свидригелло отплатилъ ему за эту услугу черною неблагодарностью, по какимъ-то навѣтамъ посадилъ его въ оковы, князь Ѳедько, освободившись съ помощью Поляковъ изъ заключенья, передался на сторону Польши со всѣмъ Подольемъ и получилъ отъ короля въ пожизненное владѣніе замки Кременецъ, Брацлавъ, Винницу, Хмельникъ, Соколецъ и Збаражъ [248]. Скоро, однако, онъ помирился съ Свидригелломъ, за котораго сражался, и погибъ подъ Вилькомиромъ въ сентябрѣ 1435 года. Послѣ того Свидригелло, какъ извѣстно, смирился и получилъ изъ рукъ польскаго короля, Владислава III, въ ленное владѣніе Волынь и восточную часть Подолья; но какъ только Казимиръ былъ избранъ великимъ княземъ

[247]) Scarbiec dyplomatów II, № 1562.

[248]) *K. Stadnickiego* Synowie Gedymina 1, str. 211, nota 133

Литовскимъ, Свидригелло отрекся отъ подчиненныхъ отношеній къ Польшѣ и присягнулъ на вѣрность съ Волынью и восточнымъ Подольемъ великому князю Литовскому. Поляки на общихъ сеймахъ при Казимирѣ домогались Браславской земли, ссылаясь на мнимое занятіе Подолья королемъ Казимиромъ Великимъ и на формальную уступку Подольской земли Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, но такъ же, какъ и относительно Волыни, не добились своихъ желаній. По смерти Свидригелла восточное Подолье отдано было во владѣніе Кіевскимъ князьямъ [249]), а по упраздненіи Кіевскаго удѣла великіе князья стали назначать въ подольскіе замки своихъ намѣстниковъ, по большей части, изъ князей Волынской земли. Таковы были князь Михаилъ Васильевичъ Чарторыйскій и князь Михаилъ Васильевичъ Збаражскій [250]), князь Константинъ Ивановичъ Острожскій [251]) и др. Между Подольемъ и Волынскою землею установилось, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ личной уніи, болѣе или менѣе постоянной, при чемъ Подолье не сливалось съ Волынью въ одну землю, или область, но отличалось отъ нея, хотя и тѣсно къ ней примыкало [252]). Такимъ образомъ, Подолье дѣйствительно играло межеумочную роль между Кіевщиною и Волынью, какъ выражается г. Владимірскій-Будановъ, и не было связано органически ни съ тою, ни съ другою [253]).

XIV.

Все сказанное въ этомъ очеркѣ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ, которыя найдутъ себѣ подтвержденіе и въ послѣдующихъ очеркахъ:

1. Областное дѣленіе, существовавшее въ изучаемое время, въ своихъ основаніяхъ было дано предшествующею исторіею Литовско-

---

[249]) Акты Зап. Рос. II, № 199. Срав. Подолія, историческое описаніе подъ ред. *П. Н. Батюшкова*, стр. 66. С.-Петербургъ 1891.

[250]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 173.

[251]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103; VII, л. 680 и др.

[252]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 124.

[253]) Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XVII вѣка, стр. 25, прим. 2. Кіевъ 1886.

Русскаго государства, въ моментахъ его образованія и перехода отъ удѣльнаго порядка къ единодержавію.

2. Собственная Литовская земля, силами которой при данныхъ историческихъ обстоятельствахъ создалось государство, естественно заняла въ немъ политически преобладающее и привилегированное положеніе.

3. Кромѣ исконной территоріи литовскаго племени, область эта заключала въ себѣ и русскія земли, занятыя Литвою уже въ XIII в. и болѣе или менѣе ею колонизованныя.

4. Тѣснѣе другихъ областей примкнули къ собственной Литовской землѣ русскія территоріи, которыя достались Литвѣ по праву завоеванія отъ сосѣднихъ русскихъ земель или же въ моментъ присоединенія къ Литвѣ политически разбились и потому были слишкомъ слабы для того, чтобы занять отдѣльное и самостоятельное положеніе въ литовско-русской федераціи, каковы были: такъ называемая Русь (въ особомъ, частномъ смыслѣ), Подляшье или земля Берестейская, княжества Турово-Пинскія въ Полѣсьѣ.

5. Вмѣстѣ съ этими землями собственная Литва дѣлилась въ изучаемое время на два воеводства, Виленское и Троцкое, въ чемъ сказался военно-политическій дуализмъ, установившійся въ Литвѣ въ XIV вѣкѣ, со времени Ольгерда и Кейстута.

6. Остальныя области, т. е. земля Полоцкая, Витебская, Смоленская, Жмудская, Кіевская и Волынская, Чернигово-Сѣверскія княжества и Подолье, примкнувшія къ великому княжеству по соглашенію и договору, съ сохраненіемъ мѣстной самостоятельности и самобытности, продолжали удерживать свое особное отъ Литвы положеніе въ составѣ великаго княжества и въ изучаемое время.

7. Это сохраніе мѣстной политической старины, кромѣ географическаго положенія названныхъ областей, благопріятствовавшаго ихъ независимости, находилось въ связи съ отсутствіемъ у литовскаго правительства оригинальныхъ творческихъ стремленій въ дѣлѣ государственнаго строительства, что въ свою очередь обусловливалось сравнительною политическою слабостью и неразвитостью господствовавшаго племени.

8. Идеи и традиціи, которыя давала литовскому правительству государственная жизнь Польши, вполнѣ согласовались съ сохраненіемъ политической особности и раздѣльности земель и владѣній, утверждали и закрѣпляли эту особность и раздѣльность.

9. Въ тѣсной связи съ этою политическою особностью областей и владѣній, придававшею Литовско-Русскому государству федеративный характеръ, стоитъ и правительственная децентрализація его.

ОЧЕРКЪ II.

Органы общаго управленія въ областяхъ и ихъ правительственные округа.

Перечень великокняжескихъ урядниковъ, чинившихъ судъ и управу въ областяхъ; ихъ іерархія.—Значеніе названій: „волость“, „держава“ и „повѣтъ“.—Установленіе воеводствъ Виленскаго и Троцкаго и его значеніе въ исторіи областнаго устройства Литовско-Русскаго государства.—Территоріальный составъ судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы и подчиненные ему великокняжескіе намѣстники-державцы и тивуны.—Намѣстникъ-воевода Новгородскій, какъ самостоятельный урядникъ въ воеводствѣ Виленскомъ, и его правительственный округъ.—Удѣльныя княжества въ составѣ Виленскаго воеводства: Слуцкое, Клецкое и Мстиславское; ихъ территоріи и управленіе.—Территоріальный составъ судебно-административнаго округа Троцкаго воеводы и подчиненные ему великокняжескіе намѣстники-державцы и тивуны.—Самостоятельные великокняжескіе намѣстники-старосты въ воеводствѣ Троцкомъ: Ковенскій, Городенскій, Берестейскій, Бѣльскій, Дорогицкій и Мельницкій; ихъ правительственные округа и подчиненные имъ великокняжескіе намѣстники.—Удѣльныя княжества въ воеводствѣ Троцкомъ: Кобринское, Пинское, Городецкое и Туровское; ихъ территоріи и управленіе.—Территоріальный составъ правительственнаго округа Жмудскаго старосты и подчиненные ему великокняжескіе намѣстники-державцы и тивуны.—Намѣстники-старосты въ землѣ Волынской и территоріальный составъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго повѣтовъ.—Намѣстникъ-воевода Кіевскій; территоріальный составъ Кіевскаго воеводства и великокняжескіе намѣстники въ пригородахъ кіевскихъ: годовые (изъ кіевскихъ бояръ), намѣстники-державцы и старосты.—Намѣстникъ-воевода Витебскій; территоріальный составъ Витебскаго воеводства и великокняжескіе намѣстники въ волостяхъ и пригородахъ Витебской земли: годовые (изъ мѣстныхъ бояръ) и намѣстники-державцы-старосты.—Намѣстникъ-воевода Полоцкій; территоріальный составъ его правительственнаго округа и великокняжескіе годовые намѣстники (изъ мѣстныхъ бояръ) въ волостяхъ полоцкихъ.—Намѣстники-старосты на литовскомъ Подольѣ и ихъ правительственные округа.—Намѣстникъ-воевода Смоленскій; территоріальный составъ его судебно-административнаго округа и под-

чиненные ему великокняжескіе намѣстники въ волостяхъ Смоленской земли.— Самостоятельные владѣтели и великокняжескіе намѣстники въ смоленскихъ пригородахъ.—Черниговo-Сѣверскія княжества во второй половинѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка; ихъ территоріальный составъ и управленіе.—Общіе итоги.

I.

Въ западной Руси, до утвержденія въ ней литовскаго владычества, органами княжескаго управленія въ областяхъ были *намѣстники* и *тіуны* [1]). Такъ, по всѣмъ даннымъ, назывались лица, чинившія судъ и управу въ областяхъ западной Руси и при литовскихъ князьяхъ до конца XIV вѣка. Со времени же сближенія съ Польшею словарь литовско-русскихъ должностей и званій увеличился тремя новыми названіями для органовъ мѣстнаго управленія: „староста", „воевода", „державца".

Изъ всѣхъ должностныхъ лицъ, существовавшихъ въ польскихъ областяхъ въ концѣ XIV и въ XV вв. староста наиболѣе походилъ на литовско-русскаго намѣстника по содержанію и характеру своей власти. Староста былъ представителемъ короля въ данной мѣстности, блюстителемъ его интересовъ и агентомъ по его дѣламъ,—и въ этомъ смыслѣ назывался иногда также и намѣстникомъ [2]). Въ качествѣ королевскаго намѣстника онъ чинилъ судъ и расправу по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, каковыми считались: насиліе надъ женщинами, разбой на проѣзжей дорогѣ, поджогъ и такъ-называемый „домовый гвалтъ" (violenta domicilii invasio); къ этимъ „старостинскимъ артикуламъ" особымъ постановленіемъ приравнивались иногда и другія дѣла, по которымъ староста также долженъ былъ чинить судъ и расправу [3]). И, наконецъ, юрисдикціи старосты подлежали всѣ безземельные люди (homines impossessionati, hołota), которые не имѣли своего „повѣта" и потому не могли судиться въ повѣтовыхъ земскихъ судахъ [4]). Староста приводилъ въ исполненіе всѣ судебныя рѣшенія, касавшіяся жителей его повѣта, даже и тѣ, которыя исходили отъ земскаго суда, въ интересахъ короля, какъ охранителя права, и для взысканія слѣдующихъ въ пользу короля судебныхъ пеней и имущественныхъ кон-

---

[1]) Русская Правда по Карамз. списку, ст. 125; Ипатьев. по Прав. списку, стр. 555.

[2]) M. Bobrzyńskiego Dzieje Polski, I, 251, 252.

[3]) Volumina legum I, 34, 72, 104 и др.

[4]) Volumina legum I, 150.

фискацій (причемъ и въ его собственную пользу шли извѣстные доходы), принималъ мѣры для пресѣченія виновнымъ возможности уклониться отъ суда и наказанія и т. д [5]). Кромѣ того, и безъ суда (absque processu juris) староста налагалъ различныя наказанія, въ томъ числѣ денежныя пени и имущественныя конфискаціи на частныхъ лицъ или королевскихъ чиновниковъ, нарушавшихъ въ чемъ-нибудь публичное право или королевскія постановленія, утвержденныя на генеральныхъ сеймахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, староста конфисковалъ товары у купцовъ, которые проѣзжали неуказанными дорогами, конфисковалъ имѣніе у тѣхъ лицъ, которыя навлекали на себя церковное отлученіе и въ теченіе года не очистились отъ проклятія, штрафовалъ пенею въ тридцать золотыхъ венгерскихъ всѣхъ тѣхъ, кто покупалъ или продавалъ эти золотые не по указной цѣнѣ, пенею въ четырнадцать гривенъ всѣхъ тѣхъ, кто приносилъ съ собою въ судъ оружіе, а въ шестьдесятъ гривенъ тѣхъ, кто позволилъ себѣ обнажить и размахивать оружіемъ на судѣ, наказывалъ даже смертію тѣхъ, кто наносилъ кому-нибудь на судѣ рану, взыскивалъ вдвойнѣ пошлины, взятыя съ шляхтича или духовнаго лица сборщикомъ пошлинъ, сажалъ въ тюрьму опредѣлившихся въ жолнеры и не пошедшихъ на службу, на весь срокъ службы и до уплаты взятыхъ ими денегъ и т. д [6]). Староста исполнялъ всевозможныя порученія, возлагавшіяся на него центральною властью, напримѣръ, преслѣдовалъ и наказывалъ еретиковъ-гусситовъ и ихъ покровителей (при Владиславѣ-Ягеллѣ), не допускалъ вывоза въ Чехію товаровъ, особенно оружія, свинца и провіанта (въ эпоху гусситскихъ войнъ), не пускалъ рабочихъ за границу во время жатвы, чтобы не вздорожали рабочія руки въ Польшѣ, ловилъ нищихъ и бродягъ и опредѣлялъ ихъ на крѣпостныя работы, вмѣстѣ съ воеводою регулировалъ цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на городскихъ рынкахъ и устанавливалъ мѣры и вѣсъ, слѣдилъ за выполненіемъ этихъ постановленій и наказывалъ виновныхъ въ ихъ нарушеніи, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ селахъ ничѣмъ не торговали, кромѣ хлѣба и скота, чтобы не ввозили въ Польшу иностранную соль и т. д [7]). Однимъ словомъ, почти не было государственныхъ нуждъ и потребностей, по которымъ бы староста не былъ органомъ центральной власти въ мѣстности. Этотъ представитель и

---

[5]) Volumina legum I, 41. 42. 69, 127, 140.
[6]) Volumina legum I, 69. 122, 124, 163, 176.
[7]) Volumina legum I, 36, 38, 122, 123, 124 и др.

агентъ центральной государственной власти въ данномъ округѣ [8]) былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ прикащикомъ или арендаторомъ королевскихъ имѣній, завѣдывалъ на короля или на себя всѣмъ хозяйствомъ этихъ имѣній, чинилъ судъ и управу въ крестьянскомъ обществѣ, жившемъ въ этихъ имѣніяхъ (арендованіе королевскихъ имѣній производилось въ формѣ залога ихъ или записи въ извѣстной суммѣ денегъ) [9]). Литовско-русскій намѣстникъ близко подходилъ къ польскому старостѣ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Благодаря этому, въ актахъ, выходившихъ изъ великокняжеской канцеляріи со времени уніи съ Польшей и писанныхъ на латинскомъ языкѣ, слово „намѣстникъ" стало переводиться capitaneus, какъ и польское „староста" [10]). Но если по содержанію и характеру власти польскіе старосты близко подходили къ литовско-русскимъ намѣстникамъ, зато они отличались отъ многихъ изъ нихъ по значенію своихъ судебно-административныхъ округовъ и по компетенціи своей власти. Польскіе старосты сидѣли на королевскихъ столахъ (in sede Regali) въ главнѣйшихъ городахъ государства, бывшихъ центрами или цѣлыхъ воеводствъ, или повѣтовъ воеводствъ, изъ которыхъ каждый представлялъ самостоятельную областную единицу въ составѣ Польскаго государства [11]). Въ другихъ городахъ находились бургграфы, состоявшіе подъ ихъ начальствомъ и присудомъ и помогавшіе имъ въ управленіи повѣтомъ [12]); помощниками ихъ въ извѣстной степени были и *державцы* (tenutarii) отдѣльныхъ королевскихъ имѣній въ повѣтѣ, завѣдывавшіе крестьянами этихъ имѣній [13]). Поэтому и собственное польское названіе „староста" заимствовано было первоначально и долгое время держалось въ употребленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ для обозначенія только главныхъ намѣстниковъ, чинившихъ судъ и управу въ центральныхъ городахъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ и другихъ самостоятельныхъ областныхъ единицъ, въ отличіе этихъ намѣстниковъ отъ тѣхъ, которые правили въ пригородахъ или дворахъ великокняжескихъ, бывшихъ центрами волостей или вообще областныхъ частей. Такимъ образомъ, названіе староста упрочилось сначала за главнымъ правителемъ Жмудской земли, который имѣлъ подъ собою тивуновъ,

---

[8]) *Hüppe* Verfassung der Republik Polen, 270, 271. Berlin 1867.

[9]) Volumina legum I, 126 и др.

[10]) Codex epistolaris Vitoldi № NCCXXXIII.

[11]) Volumina legum I, 25, 59, 62, 63, 114, 158.

[12]) Volumina legum I, 25, 38, 124, 125, 126, 127, 150, 151, 159, 165, 236.

[13]) Volumina legum I, 89, 126.

а потомъ и намѣстниковъ-державцевъ на отдѣльныхъ волостяхъ ея, и за урядникомъ, который чинилъ судъ и управу въ предѣлахъ Луцкаго княжества Волынской земли [14]), а затѣмъ за намѣстниками земли Берестейской, бывшаго Городенскаго княжества и Ковенскаго повѣта [15]), которые также имѣли подъ собою намѣстниковъ низшаго ранга, какъ увидимъ ниже. Съ конца XV вѣка и латинское capitaneus имѣло уже болѣе устойчивое употребленіе и прилагалось по большей части къ тѣмъ намѣстникамъ, которые имѣли подъ собою намѣстниковъ низшаго ранга и тивуновъ [16]). При Сигизмундѣ старостами стали звать и намѣстниковъ Подляшскихъ повѣтовъ, или земель, которые при дѣйствіи на Подляшьѣ польскаго права и учрежденій еще болѣе, чѣмъ другіе намѣстники, походили на польскихъ старостъ [17]). Послѣ того, съ усиленіемъ на Литовской Руси вліянія польской гражданственности, названіе староста стало постепенно прилагаться и къ другимъ намѣстникамъ, которые пользовались бо́льшею самостоятельностью сравнительно съ другими, и подъ властью которыхъ были болѣе крупные округа, напримѣръ, къ намѣстнику Черкасскому и Каневскому [18]) и др.

Что касается названія „воевода", то до 1413 года оно употреблялось въ приложеніи къ органамъ управленія въ областяхъ, какъ кажется, только въ юго-западной Руси, въ земляхъ Волынской и Галицкой [19]). Съ 1413 г. воеводами стали называться главные намѣстники въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ, Троцкомъ и Кіевскомъ, въ началѣ XVI вѣка главные намѣстники земель Полоцкой, Смоленской, Витебской и бывшаго Новгородскаго княжества въ собственной Литовской землѣ [20]). Въ данномъ случаѣ дѣйствовали отчасти подражаніе Польшѣ, которая имѣла въ качествѣ первыхъ сановниковъ въ областяхъ воеводъ, но еще болѣе потребность провести различіе между областными правителями неодинаковой компетенціи. Окружныя гра-

---

[14]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 21, 91.

[15]) Ibidem, str. 9; Акты Зап. Рос. I, № 198, 199, 202, 203, 226 и др. II, № 97, 102, 112, 118 и др.

[16]) См. земскій привилей 1492, арт. XXIII. Zbiór praw litewskich, str. 58—67; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 3—9.

[17]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291, 292, 507, 508; IX, л. 188; Акты Зап. Рос. II, № 61, 93, 114, 157, 164 и др.

[18]) Акты Зап. Рос. II, № 153, 171.

[19]) *В. И. Сергѣевича* Вѣче и Князь, 364; Акты Зап. Росс. I, № 4, 9; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № I.

[20]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 34, 45, 51, 86.

моты, разсылавшіяся въ концѣ XV и началѣ XVI-го вѣка по областямъ, адресовались поэтому „княземъ, паномъ воеводамъ, старостамъ, намѣстникомъ и тивуномъ и всимъ заказникомъ по всему великому князству Литовскому [21])".

Въ княженіе Сигизмунда I названіе „намѣстникъ" стало постепенно выходить изъ оффиціальнаго употребленія и въ приложеніи къ великокняжескимъ урядникамъ, державшимъ волости и подчиненнымъ воеводамъ и старостамъ, и замѣняться названіемъ „державца". Слово это первоначально имѣло значеніе простого имени нарицательнаго и обозначало собою всякаго, кто получилъ отъ великаго князя „въ держаніе", т. е. управленіе съ правомъ пользоваться опредѣленными доходами, городъ или дворъ съ тянувшимъ къ нему округомъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, державцами названы главные намѣстники Смоленской земли въ одномъ судебномъ „вырокѣ" великаго князя Александра отъ 1495 года по дѣлу о землѣ между смоленскими боярами Тереховичами и Сенькомъ Бердибяковичемъ [22]). Державцею названъ главный управитель Полоцкой земли въ грамотѣ короля Сигизмунда I, данной городу Полоцку на магдебургское право [23]). Но на ряду съ этимъ державцами называются и низшіе великокняжескіе урядники, власть которыхъ простиралась только на отдѣльныя волости или части земель. Такъ, напр., въ грамотѣ, данной въ 1511 г. людямъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей читаемъ между прочимъ: „также, што передъ тымъ по тымъ волостемъ нашимъ писари або *державцы, то есть, намѣстники и тивунове* тыхъ волостей, корчмы на себе сычивали: по та мѣста вжо, какъ державцы такъ и писари наши и тивуны корчомъ сытити не маютъ [24])". Общій, нарицательный смыслъ этого названія особенно ясно выраженъ въ жалованной грамотѣ великаго князя Александра православному духовенству отъ 20-го марта 1499 года, гдѣ читаемъ между прочимъ: „нѣкоторыи князи и панове, *воеводы, старосты, намѣстники и тивунове наши, державцы городовъ, мѣстъ и волостей* нашихъ церкви Божьей и митрополиту и епископомъ кривду чинивали, въ доходы ихъ церковные и суды духовные вступывалися [25])".

---

[21]) Акты Зап. Рос. I, № 156, 166, 182.
[22]) Литов. Метр. кн. Запис, V, л. 45.
[23]) Акты Зап. Рос. II, № 61.
[24]) Акты Зап. Рос. II № 75.
[25]) Акты Зап. Рос. I, № 166.

Какъ бы то ни было, но преимущественно названіе „державца" утвердилось за тѣми великокняжескими урядниками, которые въ XV и началѣ XVI вѣка назывались „намѣстниками", послѣ того какъ болѣе или менѣе твердо установилось въ оффиціальномъ языкѣ употребленіе названій „воевода" и „староста". Намѣстниками, кромѣ урядниковъ, съ непосредственными полномочіями отъ великаго князя, назывались и всѣ тѣ лица, которыя заступали мѣста урядниковъ въ ихъ отсутствіе. Такимъ образомъ, въ актахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о намѣстникахъ воеводъ [26]), старостъ [27]), намѣстниковъ [28]) и даже тивуновъ [29]). Вслѣдствіе того, что названіе „намѣстникъ" сдѣлалось такимъ малозначущимъ, явилась потребность въ новомъ имени для урядниковъ по непосредственному уполномочію в. князя, и подходящимъ къ тому названіемъ оказалось слово „державца", производное отъ общаго русскому и польскому языку глагола „держать" въ смыслѣ управлять [30]) и уже существовавшее въ польскомъ языкѣ для обозначенія временныхъ владѣтелей отдѣльныхъ королевскихъ имѣній, которые въ судебно-административной должностной іерархіи областей находились подъ старостами. Ко времени изданья перваго Статута слово „намѣстникъ" почти совсѣмъ вышло изъ оффиціальнаго употребленія въ приложеніи къ органамъ общаго управленія и суда въ областяхъ и замѣнилось словомъ „державца". Самъ Статутъ уже не знаетъ намѣстниковъ, а державцевъ, которые являются въ немъ судьями низшаго ранга, подчиненными воеводѣ, какъ высшей инстанціи. Такимъ образомъ, названіе „державца" постепенно пріобрѣло значеніе спеціальнаго термина, стало обозначать извѣстный разрядъ должностныхъ лицъ въ областной судебно-административной іерархіи.

Впрочемъ, какъ показываютъ другіе современные источники, названіе „намѣстникъ" и послѣ изданія Статута сохранялось нѣкоторое время по традиціи за нѣкоторыми великокняжескими урядниками, которые давно были на своихъ мѣстахъ, а также за боярами, державшими по годамъ мелкіе волости въ русскихъ земляхъ (державцами, какъ кажется, не назывались правители такихъ волостей или повѣтовъ;

---

[26]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 35, 85; Акты Зап. Рос. I, № 170; II, № 128.

[27]) Акты Зап. Рос. II, № 54.

[28]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143; VIII, л. 127.

[29]) Акты Зап. Рос. II, № 160.

[30]) *К. А. Неволина* Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 109, прим 3. Срав. Volumina legum I, 25.

гдѣ не было великокняжескихъ дворовъ и собственнаго хозяйства в. князя [31]). Окружная королевская грамота, разосланная въ 1533 году по областямъ государства о ненарушеніи правъ евреевъ, адресована по этому „княземъ, паномъ воеводамъ, старостамъ, державцамъ, намѣстникомъ и тивуномъ" [32]).

Итакъ, введеніе новыхъ названій: „староста", „воевода" и „державца" въ литовско-русскую должностную терминологію было вызвано потребностью отличить особыми именами различныхъ по компетенціи власти и величинѣ своихъ округовъ великокняжескихъ урядниковъ, въ рукахъ которыхъ очутились судъ и управа въ областяхъ послѣ упраздненія удѣловъ. Старинныхъ русскихъ названій „намѣстникъ" и „тіунъ" стало уже недостаточно для обозначенія всѣхъ степеней установившейся въ областяхъ судебно-административной должностной іерархіи, понадобились новыя имена, которыя и подсказаны были знакомствомъ съ польскими терминами и областными учрежденіями.

Высшее мѣсто въ этой іерархіи принадлежало воеводамъ, которымъ достались власть и политическое представительство въ областяхъ послѣ удѣльныхъ князей Гедиминова рода (за исключеніемъ Смоленскаго). Въ одномъ ряду съ воеводами стоялъ Жмудскій староста (онъ и назывался иногда воеводою), власть котораго простиралась на всю Жмудскую землю. Слѣдующее мѣсто ниже воеводъ занимали остальные намѣстники-старосты, чинившіе судъ и управу въ частяхъ воеводствъ (нѣкоторые изъ этихъ частей были нѣкогда удѣльными княжествами) независимо отъ воеводъ, какъ высшей инстанціи, подчиняясь имъ, только какъ начальникамъ военныхъ округовъ и политическимъ представителямъ областей. Ниже старостъ стояли намѣстники-державцы и затѣмъ тивуны, чинившіе судъ и управу въ болѣе мелкихъ частяхъ областей, или волостяхъ, и подчиненные воеводамъ и старостамъ, какъ высшей судебно-административной инстанціи. Они были помощниками воеводъ и старостъ (а нѣкоторые изъ нихъ и замѣстителями,—именно намѣстники, которые чинили судъ и управу по уполномочію воеводъ или старостъ въ волостяхъ, данныхъ „въ держанье" непосредственно воеводамъ или старостамъ) преимущественно по дѣламъ великокняжескаго хозяйства, которыя ставили ихъ въ ближайшее соотношеніе съ тяглыми и податными людьми разныхъ наименованій. Особенно это справедливо относительно тивуновъ, которые

---

[31]) Литов. Метр. кн. Зап. VII, л. 531, 532 и др.

[32]) Акты Зап. Рос II, № 174.

въ сущности были главными приказчиками при великокняжескихъ имѣніяхъ. Ихъ главная обязанность была вѣдать хозяйство великаго князя, подати и повинности мѣстнаго населенія; въ связи съ этимъ развилась и ихъ судебно-административная дѣятельность, и всѣ другія занятія ихъ носили характеръ второстепенныхъ и побочныхъ. Кругъ дѣятельности намѣстника-державцы былъ шире и захватывалъ всѣ классы мѣстнаго населенія. Онъ былъ въ большей мѣрѣ органомъ общаго управленія въ мѣстности, чѣмъ тивунъ; хозяйственныя обязанности легли на него въ придачу къ его общей судебно-административной дѣятельности и вслѣдствіе того, что ему пришлось взять подъ свой надзоръ и руководство или даже заступить собою мѣстнаго тивуна. Благодаря преобладанію хозяйственныхъ интересовъ въ управленіи, обѣ эти должности близко подошли другъ къ другу, но полнаго отожествленія все-таки не произошло. Тивуны въ собственной Литовской землѣ, какъ можно вывести изъ 33 статьи шестого раздѣла Статута 1529 года, не имѣли права судить шляхту-бояръ,—„нижли они сами естлибъ изволили предъ ними по доброй воли стати" [33]). Сообразно съ происхожденіемъ должности тивуновъ и округа, которыми они завѣдывали, были обыкновенно гораздо мельче, чѣмъ округа намѣстниковъ-державцевъ и ограничивались большею частью предѣлами одной сельской общины бывшей служило-тяглою и податною единицею.

II.

Для обозначенія округовъ, которыми завѣдывали областные правители, въ оффиціальномъ языкѣ Литовской Руси существовали три названія: „волость", „держава" и „повѣтъ" (изрѣдка попадается въ актахъ и слово „уѣздъ" [34]).

Слово „волость" по старой традиціи употреблялось иногда въ широкомъ значеніи, въ приложеніи къ цѣлой землѣ или княженію. Такимъ образомъ, напр., въ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда I Полоцкой землѣ на права и вольности читаемъ: „а *по волости* нашой воеводѣ нашому Полоцкому не ѣздити" [35]). Въ данномъ случаѣ волостью, очевидно, названа вся Полоцкая земля. Но чаще всего слово „волость" въ актахъ изучаемаго времени прилагается къ частямъ земель, именно—ко всей той совокупности земельныхъ участковъ, ко-

---

[33]) Временникъ Импер. Московск. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ XVIII, 54.
[34]) Акты Виленской Археографической Коммисіи XIII отд. 1. № 4.
[35]) Акты Зап. Рос. II, № 70.

торою владѣли господарскіе подданные, составлявшіе одну служило-тяглую и податную общественную единицу подъ управленіемъ намѣстника-державцы или тивуна; точно такъ же это слово употреблялось и въ приложеніи къ крупнымъ княжескимъ и панскимъ имѣніямъ, имѣвшимъ такое же значеніе въ области, какъ и господарскія волости. Иногда волостями назывались и части этихъ общественныхъ единицъ и ихъ территорій, административно объединенныя подъ властью низшаго сельскаго начальства: приставовъ, десятниковъ, тивуновъ и т. д., вслѣдствіе чего въ актахъ приходится встрѣчать указанія на *волости въ волостяхъ*. Такъ, въ 1501 году королю Александру билъ челомъ окольничій Смоленскій, намѣстникъ Вилькомирскій Борисъ Семеновичъ и просилъ „волостки людей Вилькомирской волости на имя Ронгово [36]). Точно такъ же это слово употреблялось иногда и въ приложеніи къ небольшимъ частнымъ имѣніямъ, хотя бы они составляли часть села. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ книгѣ земельныхъ раздачъ Казимира читаемъ слѣдующую запись; „пану Иванку Мониви-довичу *волость* у Богдановичохъ *селъ*: Ходоръ Олексичъ, Родивонъ, Олихверецъ, Климъ, Симонъ, Олешко, Паршута, Новдеша, Есво, Митко“ [37]). Употребленіе названія „волость“ было еще шире и выходило даже совсѣмъ за предѣлы территоріальныхъ обозначеній. Волостями въ актахъ называются и должности извѣстнаго рода, служившія источникомъ дохода для отправлявшихъ ихъ лицъ. Такъ, въ одномъ спискѣ волостей, которыя предназначено было держать боярамъ витебскимъ при королѣ Казимирѣ, поименованы между прочимъ и „вряды“: „конюшое“, „городничее“, „ключництво“, „ловчое“ [38]). Въ числѣ волостей, розданныхъ въ Брянскомъ повѣтѣ тамошнимъ боярамъ въ 1496 году, запись упоминаетъ: конюшое“, „радничое“, „поѣздничое“, „ловчое“, „соколничое“ [39]). Но всѣ эти разнообразныя значенія слово „волость“ утратило съ теченіемъ времени и сохранилось только въ приложеніи къ общинамъ господарскихъ, княжескихъ и панскихъ подданныхъ, административно объединенныхъ, и ихъ территоріямъ. Для обозначенія правительственныхъ округовъ разной величины вошли въ употребленіе слова „держава“ и „повѣтъ“, а для обозначенія доходныхъ должностей—„врядъ“, „урядъ“.

---

[36]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

[37]) Литов. Метр. кн. Запис. III л. 6.

[38]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109.

[39]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 281, 282.

Подобно тому, какъ названіе „державца" въ началѣ имѣло чисто-нарицательное значеніе и прилагалось къ мѣстнымъ судьямъ и администраторамъ разныхъ ранговъ, точно такъ же и словомъ „держава" обозначались округа различной величины и значенія. Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира сохранилась, напр., слѣдующая запись: „у Смоленской *державѣ* князю Ѳедору Воротынскому дворъ королевъ Нѣмчиновское и зъ шестьми слугами... и съ тяглыми людьми, што орютъ да сѣно косятъ, у вотчину" [40]). Слово „держава" въ данномъ примѣрѣ равнозначаще съ словомъ „земля". Въ 1492 году 2 декабря посолъ короля Казимира жаловался Московскому правительству отъ имени своего государя. „Васко Голохвастовъ зъ многими людьми войною приходилъ въ нашу землю, въ *державу* Мценскую, шкоды многи починили" т. д [41]). Въ этомъ случаѣ названіе „держава" указываетъ на округъ гораздо меньшей величины и значенія, чѣмъ Смоленская земля. Чисто нарицательный смыслъ этого слова съ особенною ясностью выступаетъ въ подтвердительномъ привилеѣ короля „Сигизмунда пану Ѳедору Янушевичу на староство Луцкое и маршалковство земли Волынской отъ 5 января 1508 г.: „и естли бы превреченое тое староство и маршалковство",—читаемъ здѣсь,—отъ того пана Ѳедора отняти бы его милость хотѣлъ, або его милости потомъ будучіи (т. е. потомки) такежъ хотѣли вчинити, тогды напередъ иншею *державою* и честью и врядомъ, такъ добрымъ и пожиточнымъ, какъ и тое держанье, староство Луцкое, мѣло бы ему дано и осмотрѣно быти" [42]). Такимъ образомъ, державою назывался всякій округъ, который давался великимъ княземъ „въ держаніе", т. е. въ управленіе съ правомъ пользоваться при этомъ извѣстными доходами (о такомъ значеніи выраженія „въ держаніе" см., напр., заставной листъ пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Каменецъ отъ 1518 года [43]). Съ теченіемъ времени, однако, слово „держава" прочно утвердилось за тѣми правительственными округами, которыми завѣдывали намѣстники-державцы и которые были населены господарскими подданными разныхъ службъ и наименованій, приблизившись, такимъ образомъ, въ своемъ обозначеніи къ слову „волость". Необходимо, кромѣ того, указать, что слово „держава"

[40]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 26.

[41]) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 55.

[42]) Литов Метр. кн. Зап. VIII, л. 141—143

[43]) Литов. Метр. кн. Зап. VII, л. 592, 593; XI, л. 7.

имѣло иногда и чисто абстрактный смыслъ, было равнозначаще съ словами: владѣніе, правденіе, княженіе и т. под. [44]).

Но чаще всего въ актахъ изучаемаго времени встрѣчаемся съ заимствованнымъ у поляковъ [45]) словомъ „повѣтъ" въ приложеніи къ правительственнымъ округамъ разныхъ величинъ: и къ воеводствамъ, и къ староствамъ, и къ округамъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, и даже къ болѣе мелкимъ, административно объединеннымъ, территоріямъ. Во многихъ случаяхъ слово „повѣтъ" является равнозначащимъ съ словомъ „земля", напр., въ привилеѣ, выданномъ въ 1516 году державцѣ Ясвоинскому Ивану Тимоѳеевичу Плещеева Юрлову на тридцать куничниковъ „у Жомонтскомъ *повѣтѣ* у Ясвоинской волости" [46]). Ясвоинская волость, какъ это явствуетъ изъ другихъ актовъ, была частью Жмудской земли, а ея державца урядникомъ, подчиненнымъ старостѣ Жмудскому [47]). Точно такое же значеніе имѣетъ слово „повѣтъ" и въ привилеѣ, выданномъ въ 1507 г. торопецкимъ боярамъ Нефеду и Михалку на двѣ службы тяглыхъ людей „Лужосенское волости Витебскаго *повѣта*" [48]). Эта Лужосенская волость, какъ открывается изъ книги „справъ судовыхъ" Витебскаго воеводы Яна Юрьевича Глѣбовича, была частью Витебской земли, въ которой судъ и управу чинилъ намѣстникъ воеводы, главнаго судьи и управителя земли [49]). Тоже самое по актамъ представляютъ изъ себя и Черсватская волость Полоцкаго повѣта [50]) и Опецкая волость Смоленскаго повѣта [51]) и др., такъ что во всѣхъ этихъ случаяхъ слово „повѣтъ" совпадаетъ по значенію съ словомъ „земля".—Но кромѣ того, какъ уже сказано, повѣтами въ актахъ называются и территоріи меньшаго, чѣмъ земли, протяженія и значенія, бывшія судебно-административными округами самостоятельныхъ намѣстниковъ, переименованныхъ съ теченіемъ времени въ староство. Такъ, отъ 1502 года мы имѣемъ привилей, данный князю Александру Юрьевичу Гольшанскому на 3 человѣка „въ Городенскомъ *повѣтѣ* у Скидельской волости" [52]). Го-

[44]) Акты Зап. Рос. II, № 140.
[45]) Volumina legum I, 34.
[46]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115.
[47]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.
[48]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.
[49]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 14—16.
[50]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 301, 302.
[51]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 478; IX, л. 92.
[52]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 204.

роденскій повѣтъ въ данномъ случаѣ означаетъ судебно-административный округъ намѣстника-старосты Городенскаго, который, какъ будетъ показано ниже, правилъ самостоятельно, подчиняясь Троцкому воеводѣ только какъ начальнику военнаго округа. Скидельская волость была частью его округа, въ которую онъ въѣзжалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими Городенскими урядниками: конюшимъ, ключникомъ и тивуномъ [53]). Въ этой части находился для суда и управы, кромѣ того, особый намѣстникъ, какъ это видно изъ одного суднаго листа короля Александра [54]). Въ 1507 году Сигизмундъ I подтвердилъ своимъ листомъ дворянину Петру Держковичу данину короля Александра, пять службъ тяглыхъ „въ Ковеньскомъ *повѣтѣ* въ Румшишской волости“ [55]). Въ этой Румшишской волости былъ также особый намѣстникъ, подчиненный намѣстнику, или старостѣ, Ковенскому, такъ что слово „повѣтъ“ въ приведенномъ примѣрѣ означаетъ судебно-административный округъ этого старосты; округъ этотъ былъ особою частью Троцкаго воеводства, которая тянула къ Трокамъ только въ военномъ отношеніи [56]). Слово „повѣтъ“ прилагается къ болѣе мелкимъ судебно-административнымъ округамъ, которые въ приведенныхъ примѣрахъ поименованы волостями, какъ скоро нѣтъ указанія на принадлежность ихъ, какъ частей и подраздѣленій, къ болѣе крупнымъ округамъ воеводъ и старостъ. Такимъ образомъ, напр., въ привилеѣ на землю Лѣсишки, выданномъ Довговскому боярину Михаилу Биздю, округъ пана Богуша Боговитиновича названъ не волостью Довговскою, какъ въ вышеупомянутомъ заставномъ листѣ, а повѣтомъ [57]). Отъ 1498 года мы имѣемъ листъ выданный боярину Ивашку Нетевичу до намѣстника Ясвоинскаго пана Станислава Костевича о вводѣ его во владѣніе семью человѣками и двумя пустовщинами въ Ясвоинскомъ *повѣтѣ* [58]). Въ 1499 году владыка Смоленскій Іосифъ выпросилъ у великаго князя Александра нѣкоторыхъ людей и земли пустовскія „въ Смоленску у-въ Опаковскомъ *повѣтѣ* у Твердиличохъ“ [59]). Встрѣчаемъ въ источникахъ и *повѣты*: Скидельскій, Румшишскій и т. д. [60]). Замѣну назва-

---

53) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 111.
54) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 247.
55) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 166.
56) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.
57) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 55.
58) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 114.
59) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 88.
60) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 248; IX, л. 171.

ніемъ „повѣтъ" названія „волость" можно подтвердить еще слѣдующимъ характернымъ примѣромъ. Въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Микитѣ Чапличу село Радоховку „въ Жуковскомъ повѣтѣ" [61]). Позднѣе, въ 1505 году, когда это село подтверждалось ему „на вѣчность", въ болѣе подробномъ обозначеніи подтвердительнаго листа оно является уже „у Луцкомъ повѣтѣ въ Жуковской волости" [62]). Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что слово „повѣтъ" въ приложеніи къ правительственнымъ округамъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ было въ большинствѣ случаевъ шире по значенію, чѣмъ слово „волость", и не могло имъ въ свою очередь вполнѣ замѣниться. Въ составъ правительственнаго округа намѣстника державцы и тивуна, какъ увидимъ въ слѣдующемъ очеркѣ, входили не только земли господарскія и господарскихъ подданныхъ, составлявшія господарскую *волость*, но также земли княжескія и панскія, населенныя подданными князей и пановъ. Названіе „повѣтъ" потому и заимствовано было отъ поляковъ, что въ русскомъ языкѣ не находилось слова для обозначенія правительственнаго округа въ полномъ его составѣ. Въ нѣкоторыхъ актахъ совершенно ясно выступаетъ чисто-нарицательный смыслъ слова „повѣтъ". Въ 1501 году король Александръ пожаловалъ войту Луцкому Яну Сикгнатеру село Ставрово, какъ гласитъ привилей, „въ повѣтѣ ключництва Луцкого" [63]). Въ 1506 году декабря 9 Сигизмундъ выдалъ писарю Никольскому Васильевичу потверждене на дворъ Вакиники „повѣту тивунства Троцкого", который далъ ему король Александръ [64]). При чисто-нарицательномъ значеніи слова „повѣтъ" естественно встрѣтить по источникамъ и повѣтъ въ повѣтѣ. Напр., 20 декабря 1497 г. великій князь Александръ далъ подтверждене писарю Ивашку Сопѣжичу на село въ „Смоленскомъ *повѣтѣ* въ Болваницкомъ *повѣтѣ* Мартиново Болваницкого на имя Смолинъ Конецъ" [65]). Въ Статутѣ 1529 года слово „повѣтъ" является съ тѣмъ же нарицательнымъ значеніемъ, съ какимъ и въ упомянутыхъ актахъ. Статья 3-я шестого раздѣла этого Статута гласитъ: „воеводы и старосты и державцы наши мают кожды у своем повете обрати двох земяниновъ людей добрых а годныхъ веры и ку присязе привести" (для засѣданія на судѣ). Но повѣты воеводъ, старостъ и дер-

---

[61]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 211.

[62]) Ibidem, л. 238.

[63]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 157.

[64]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 152.

[65]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 98.

жавцевъ не были одинаковы ни по величинѣ, ни по значенію своему: повѣты державцевъ, напримѣръ, были подраздѣленіями повѣтовъ воеводъ, какъ это открывается изъ 1-й статьи шестого раздѣла того же Статута: „А вшакже, который бы з державецъ наших таковою речью (т. е. что онъ судилъ не по Статуту) был обвинен, таковий каждий мает припозван быти перед воеводу повету своего и будеть повинен суд свой оказывати".

Итакъ, слово „повѣтъ" въ актахъ изучаемаго времени является не терминомъ, а простымъ именемъ нарицательнымъ, прилагающимся къ правительственнымъ округамъ различной величины и значенія, вопреки утвержденію гг. Антоновича, Бершадскаго, Владимірскаго-Буданова [66]). Дальнѣйшее изложеніе настоящаго очерка представляетъ попытку дать подробное исчисленіе великокняжескихъ урядниковъ, чинившихъ судъ и управу въ областяхъ, вмѣстѣ съ указаніями на ихъ правительственные округа, а также крупнѣйшихъ владѣтелей и ихъ имѣній,—и такимъ путемъ намѣтить въ главнѣйшихъ чертахъ правительственное дѣленіе Литовско-Русскаго государства.

III.

Высшими мѣстными правителями въ предѣлахъ собственной Литовской земли были, какъ уже сказано, воеводы Виленскій и Троцкій. Ихъ установленіе послѣдовало, какъ извѣстно, въ 1413 году на сеймѣ въ Городлѣ, съ цѣлью, какъ гласитъ выданный тогда привилей литовскому духовенству, князьямъ, панамъ и боярамъ,—создать на Литвѣ такой же штатъ сановныхъ и должностныхъ лицъ, какъ и въ королевствѣ Польскомъ [67]). Но заимствованіе въ данномъ случаѣ ограничилось немногимъ: польское воеводство было настолько своеобразнымъ явленіемъ, такъ тѣсно связано было съ особенностями политическаго быта и строя королевства, что нельзя было пересадить его на чужую почву, и литовскіе воеводы вышли мало похожими на своихъ польскихъ коллегъ.

Что такое былъ польскій воевода въ XV вѣкѣ? Это былъ назначенный королемъ изъ мѣстныхъ „можныхъ" пановъ военачальникъ,

---

[66]) См. *В. Б. Антоновича* Монографіи по исторіи западной и юго-западной Руси, т. 1, стр. 246; *С. А. Бершадскаго* Литовскіе евреи, стр. 295; *М. Владимірскаго-Буданова* Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI в. Кіевскій Сборникъ 1892 г., стр. 380.

[67]) Volumina legum 1. 30, Zbiór praw litewskich, str. 7—20.

подъ знамя котораго собиралась во время войны вся шляхта воеводства и который велъ ее и ставилъ особымъ полкомъ подъ высшее начальство гетмана [68]). Этотъ военачальникъ и въ мирное время былъ главою мѣстной шляхты и представителемъ ея интересовъ какъ въ воеводствѣ, такъ и въ королевскомъ сенатѣ, котораго онъ былъ непремѣннымъ членомъ и въ который онъ приносилъ съ собою всю мощь и вліяніе, пріобрѣтенное имъ среди шляхты воеводства. Въ воеводствѣ онъ былъ центральною личностью мѣстнаго шляхетскаго самоуправленія; председателемъ на „генеральныхъ рокахъ" воеводства (colloquia, judicia peremptoria seu termini generales [69]), куда поступали дѣла отъ повѣтовыхъ земскихъ судовъ и куда съѣзжались всѣ судебные чины воеводства [70]). Какъ представитель шляхетскихъ интересовъ, воевода вмѣстѣ съ королевскимъ старостою регулировалъ цѣны сельскохозяйственныхъ произведеній на „мѣстскихъ" рынкахъ воеводства и повѣрялъ мѣры и вѣсъ, что было дѣломъ первостепенной важности для шляхты и ея „подданныхъ", живших отъ земледѣлія [71]). Какъ главный шляхетскій судья, воевода судилъ евреевъ своего воеводства, которые въ то время пользовались въ Польшѣ правами, сходными съ шляхетскими [72]). — Литовскій воевода былъ также начальникомъ военнослужилыхъ людей даннаго округа, котораго назначалъ великій князь изъ среды мѣстныхъ знатныхъ и богатыхъ бояръ-землевладѣльцевъ, былъ также и членомъ великокняжеской думы, или рады. Но его значеніе здѣсь и въ области основывалось не на томъ, что онъ былъ главою шляхетскаго самоуправленія, котораго на Литвѣ еще не было, и представителемъ шляхетскихъ интересовъ, которые на Литвѣ еще не успѣли рѣзко обособиться, какъ въ Польшѣ, и противостать интересамъ великокняжескимъ,—а въ томъ, что онъ былъ главнымъ намѣстникомъ великаго князя, органомъ и представителемъ центральной власти въ области по разнымъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, частямъ управленія. Самое установленіе воеводъ на Литвѣ произошло путемъ простого переименованія въ воеводъ лицъ, которыя въ 1413 году были старшими намѣстниками, по польски старостами, въ быв-

[68]) Volumina legum I, 167; *M. Bobrzyńskiego* O ustawodawstwie nieszawskiem Kazimierza Jagiellonczyka, str. 147 sq. Kraków 1873.

[69]) *Dr-a Oswalda Balzera* Geneza Trybunału Koronnego, str. 18, nota 2. Warszawa 1886.

[70]) Volumina legum I, 69, 115, 276.

[71]) Volumina legum I, 36, 72, 117, 124.

[72]) Volumina legum I, 141—144.

шихъ удѣльныхъ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ [73]). Этими намѣстниками-старостами Виленскій и Троцкій воеводы продолжали быть и послѣ 1413 года, въ теченіе всего изучаемаго времени, между тѣмъ какъ въ Польшѣ въ это время званіе воеводы (кромѣ Краковскаго) было несовмѣстимо съ должностью королевскаго старосты въ томъ же воеводствѣ. Польскій воевода былъ „дигнитарій“ и въ качествѣ таковаго не могъ быть королевскимъ урядникомъ (officialis) въ томъ же самомъ округѣ [74]), между тѣмъ какъ литовскій воевода былъ имъ по преимуществу.

Какъ бы то ни было, но и польская идея воеводы, какъ главы и вождя мѣстнаго шляхетства, заимствована была на Литвѣ и стала мало по малу осуществляться въ жизни; начало этому положено было уже въ томъ фактѣ, что Виленскій и Троцкій намѣстники признаны были начальниками землевладѣльческаго ополченья, которое должно было собираться не только изъ ихъ судебно-административныхъ округовъ, но и изъ округовъ другихъ самостоятельныхъ намѣстниковъ, а также изъ нѣкоторыхъ не упразднившихся еще удѣльныхъ княжествъ. Основаніемъ при опредѣленіи территорій Виленскаго и Троцкаго воеводствъ послужило то военно-политическое дѣленіе, которое установилось при Ольгердѣ и Кейстутѣ и держалось болѣе или менѣе устойчиво въ теченіе всей половины XIV в. Въ составъ Виленскаго воеводства вошли бывшія владѣнія Ольгерда и его сыновей въ собственной Литовской землѣ и такъ называемой Руси, т. е. бывшее княжество Виленское, бывшее княжество Новгородское (впрочемъ, въ полномъ его составѣ, а не въ половинѣ только, которою владѣлъ Ольгердъ по смерти Коріата Гедиминовича) и княжество Мстиславское; Троцкое воеводство обняло всю совокупность владѣній Кейстута и его сыновей въ собственной Литовской землѣ (за исключеніемъ половины Новгородскаго княжества) и землѣ Берестейской, т. е. бывшее княжество Троцкое съ особымъ Ковенскимъ округомъ, бывшее княжество Городенское, Берестейскую землю въ тѣсномъ смыслѣ и три Подляшскихъ повѣта: Бѣльскій, Дорогицкій и Мельницкій. Кромѣ того, впослѣдствіи (когда,—съ точностью трудно сказать) распредѣлены были между Виленскимъ и Троцкимъ воеводствами княжества на Подляшьѣ и Полѣсьѣ, повидимому, уже въ удѣльное время тѣсно примкнувшія къ собственной Литовской землѣ и посылавшія свои ополченья подъ знамена Виленскаго и Троцкаго князей,—

[73]) Codex epistolaris Vitoldi, № CCXXXIII, CCXCII. Scarbiec dyplomatów. II, № 985; Volumina legum I, 31.

[74]) Volumina legum I, 114, 260.

распредѣлены были такимъ образомъ, что княжества Слуцкое и Клецкое отнесены были къ составу Виленскаго воеводства, а Кобринское, Пинское, Городецкое и Туровское—къ составу Троцкаго. При такой организаціи значеніе Виленскаго и Троцкаго воеводъ, какъ военачальниковъ, выступило отдѣльно и независимо отъ значенія ихъ, какъ великокняжескихъ намѣстниковъ. По отношенію къ значительному числу военнослужилыхъ землевладѣльцевъ своихъ воеводствъ они были теперь только вождями, которые должны были собирать ихъ на войну и ставить подъ начальство гетмана наивысшаго (особымъ полкомъ), должны были слѣдить за правильностью выполненія военной службы землевладѣльцами своихъ воеводствъ и т. д., тогда какъ великокняжескими намѣстниками они были только для тѣхъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ лежали въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Правда, что эта спеціально-воеводская ихъ дѣятельность въ изучаемое время не получила должнаго развитія и еле замѣтна, закрываясь съ одной стороны дѣятельностью гетмана наивысшаго, который въ общемъ сборномъ пунктѣ дѣлалъ смотръ всему войску и провѣрялъ списки всѣхъ военно-обязанныхъ людей, съ другой стороны—дѣятельностью намѣстниковъ-державцевъ, старостъ и повѣтовыхъ хоружихъ, которые выводили всѣхъ военнообязанныхъ крестьянъ, бояръ и мѣщанъ своихъ повѣтовъ въ сборный пунктъ, назначенный гетманомъ [75]),—тѣмъ не менѣе и учрежденіе воеводствъ имѣло извѣстное значеніе. И въ Польшѣ въ то время военно-административная дѣятельность воеводъ была въ упадкѣ, замѣнившись главнымъ образомъ дѣятельностью повѣтовыхъ каштеляновъ; тѣмъ не менѣе, она не упразднилась совсѣмъ и проявлялась, когда вызывали ее обстоятельства или при поддержкѣ законодательныхъ подтвержденій [76]) Точно также и на Литвѣ военно-административная власть воеводъ проявлялась всякій разъ, когда дѣятельность низшихъ органовъ считалась или была въ дѣйствительности недостаточною, когда стали прилагать особенныя старанія и заботы о боевой готовности областей и ввели ежегодные смотры и повѣрки боевыхъ силъ: въ такихъ случаяхъ являлось дѣло и для воеводъ [77]). Поэтому съ полнымъ правомъ можно утверждать, что учрежденіе воеводствъ Виленскаго и Троцкаго по польскому примѣру закрѣпило то военное дѣленіе, которое установилось

---

[75]) См. раздѣлъ второй Статута 1529 г. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 88, 129; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 70; XV, л. 202—206.

[76]) Volumina legum I, 104, 167, 201 и др.

[77]) Акты Зап. Рос. II, № 173; Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 3, 4.

при Ольгердѣ и Кейстутѣ и было вызвано, какъ мы видѣли, жизненными потребностями страны, связало достоянными узами съ собственною Литовскою землею часть Руси, землю Берестейскую и Подлѣсье. Значеніе учрежденія Виленскаго и Троцкаго воеводствъ не ограничилось этимъ: идея воеводы, какъ главы военнослужилыхъ землевладѣльцевъ воеводства, изъ сферы военноадминистративной перешла даже въ область гражданской подсудности и при благопріятныхъ обстоятельствахъ проявлялась въ дѣйствіи. Въ 1540 году король Сигизмундъ пожаловалъ своей женѣ Городно съ волостьми, при чемъ мѣстный староста изъ королевскаго намѣстника превратился въ намѣстника королевы. Тогда князья, паны и бояре-шляхта Городенскаго повѣта, имѣнья которыхъ не пошли въ пожалованье королевѣ, а частію даже и не могли пойдти (князей и пановъ), вышли изъ подъ присуда Городенскаго старосты, въ которомъ они до этого времени состояли, и перешли подъ присудъ кого?—Троцкаго воеводы, который и назначилъ имъ отъ себя особыхъ судей [78]). Троцкій воевода, слѣдовательно, въ идеѣ сталъ высшимъ судьею для князей, пановъ и бояръ-шляхты даже и такихъ частей своихъ воеводствъ, которыя находились подъ управленіемъ самостоятельныхъ великокняжескихъ намѣстниковъ-старостъ, и выступалъ имъ на дѣлѣ, какъ скоро почему нибудь прекращалась для нихъ юрисдикція этихъ намѣстниковъ-старостъ. При такихъ условіяхъ и учрежденіе Виленскаго и Троцкаго воеводствъ имѣло реальное, хотя и не всегда осязательное значеніе. Можно думать, что идея польскаго воеводства въ извѣстной степени вліяла на положеніе и главныхъ намѣстниковъ русскихъ земель, переименованныхъ въ воеводъ, закрѣпляя за ними значеніе, перешедшее къ нимъ отъ удѣльныхъ князей, во всемъ, что касалось военно-административной власти, юрисдикціи и политическаго представительства въ средѣ мѣстныхъ служилыхъ князей, пановъ и бояръ-шляхты, налагая извѣстную форму на факты національнаго литовско-русскаго развитія. Таково было и все вообще польское вліяніе на государственную и общественную жизнь великаго княжества Литовскаго въ изучаемое время.

IV.

Виленскій и Троцкій воеводы, какъ уже сказано, были главными намѣстниками въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ, которымъ подчинены были мѣстные великокняжескіе урядники, чинившіе

---

[78]) Акты Виленской Археографич. Коммиссіи I, отд. 2-е, № 1.

судъ и управу въ пригородахъ или волостяхъ этихъ княжествъ. Изъ урядниковъ, подчиненныхъ Виленскому воеводѣ, на первомъ мѣстѣ можно поставить намѣстника-державцу, чинившаго судъ и управу въ *Браславлѣ Литовскомъ* (нынѣ мѣстечко Браславъ Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи, при озерѣ Дривятахъ), центрѣ литовско-русскихъ поселковъ, разбросанныхъ въ озерной области между З. Двиною и ея притокомъ Дисною. Въ Браславлѣ, состоявшемъ изъ замка, или города, и прилегавшаго къ нему мѣста [79]), находился великокняжескій дворъ, бывшій средоточіемъ управленія великокняжескимъ хозяйствомъ въ этой мѣстности, вслѣдствіе чего Браславль часто упоминается въ числѣ дворовъ Виленскихъ [80]). Въ княженіе Казимира и Александра урядникъ, завѣдывавшій здѣсь хозяйствомъ великаго князя и чинившій судъ и управу мѣстнымъ жителямъ, назывался *намѣстникомъ*. Въ книгѣ денежныхъ раздачъ короля Казимира, между прочимъ, находится слѣдующая запись: „пану Григорью Остиковичу 15 копъ грошей съ корчомъ Враславскихъ въ пана Юрья Зеновьевича а 3 рубли зъ винъ тамъ жо" [81]). Но въ подтверженьѣ „фундуша" костелу Браславскому великаго князя Александра этотъ панъ Юрій Зеновьевичъ названъ прямо намѣстникомъ Браславскимъ, равно какъ и панъ Станиславъ Яновичъ, бывшій въ числѣ пановъ-рады при дарованьѣ подтверженья [82]). При Сигизмундѣ I намѣстникъ Браславскій панъ Иванъ Семеновичъ Сопѣга [83]) сталъ именоваться въ актахъ *державцею* [84]), равно какъ и его сынъ Павелъ Ивановичъ, бывшій преемникомъ отцу на урядѣ, такъ что названія „намѣстникъ" и „державца" чередуются въ актахъ въ приложеніи къ правителю Браславскаго повѣта [85]). Въ одномъ актѣ 1526 года, панъ Павелъ Ивановичъ Сопѣга названъ уже *старостою* Браславскимъ [86]) Въ актахъ же, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, равнозначащее названіе capitaneus является и ранѣе, напр., въ подтверженьѣ мѣны имѣньями пана Ивана Сопѣги (capi-

---

[79]) Scarbiec dyplomatów I, № 746; Starożytna Polska IV, 233; Литов. Метр., кн. Запис. V, л. 77.

[80]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 589—591.

[81]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 73.

[82]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л 104, 105.

[83]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л 551, 552.

[84]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 573—575.

[85]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 94; XII, л. 81.

[86]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 335.

tanei Braczlaviensis) съ земянами Мельницкими Станиславомъ Монтевичемъ и Ивашкомъ Глѣбовичемъ отъ 1512 года [87]).

Судебно-административный округъ Браславскаго намѣстника-державцы принадлежалъ къ числу довольно крупныхъ подраздѣленій Литовской земли, ибо въ составъ входило нѣсколько великокняжескихъ волостей и крупныхъ панскихъ имѣній.—Отъ 1514 года дошелъ до насъ въ записи Литовской Метрики листъ Сигизмунда I къ державцѣ Браславскому пану Ивану Сопѣгѣ съ оповѣщеніемъ о пожалованіи дворянину Гришку Шенбелю „пяти земль пустовскихъ у Браславскомъ повѣтѣ *у городской волости* на нѣмецкой границы" и съ приказаніемъ „увязать" его въ эти земли [88]). Эта городская волость на нѣмецкой границѣ была, очевидно, то же самое, что собственная Браславская волость, о которой упоминаетъ листъ Сигизмунда I къ тому же пану Ивану Сопѣгѣ отъ 5 февраля 1514 о вводѣ во владѣніе нѣкоторыми людьми и землями въ этой волости пана Василія Сопѣги и, кромѣ того, актъ 1529 года о разграниченіи Литвы и Лифляндіи [89]).—Въ томъ же 1514 г. 27-го іюня Сигизмундъ I подтвердилъ своимъ листомъ бояриину Браславскому Пашку Ильиничу листъ великой княгини Елены,—„што жъ ее милость дала ему въ Браславскомъ повѣтѣ *Укольской волости* человѣка на имя Михаила Куплейковича а двѣ земли пустыхъ, Радиловщину и Ходоровщину, а у *Друской волости* Войшковщину" [90]).—Въ 1516 году державца Браславскій Иванъ Сопѣга далъ боярину Богдану Толоконьскому три земли пустовскихъ „въ Браславскомъ повѣтѣ у-въ *Олеской волости* Угорского стану" до воли господаря, который и подтвердилъ ему своимъ листомъ отъ 16 января [91]).—Въ составъ Браславскаго повѣта, кромѣ того, входилъ великокняжескій дворъ *Опса* съ *волосткою Опесскою*, отданный въ 1500 году одному изъ Смоленскихъ князей, Глазынѣ, во временное владѣніе, „до очищенья отчины" [92]). Въ княженіе Сигизмунда I въ Опесской волости распоряжался уже державца Браславскій, какъ это видно изъ подтвержденья, даннаго князю Юрью Масальскому на куплю его у господарскаго боярина Гришка Шенбеля,—„што онъ купилъ въ слуги путного въ Браславскомъ повѣтѣ

---

[87]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 561, 562.

[88]) Лит. Метр. кн. Запис. IX, л. 219.

[89]) Литов. Метр. кн. Запис. IX л. 233, 234; Судныхъ дѣлъ III, 196—199.

[90]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176, 177.

[91]) Ibidem. л. 179.

[92]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 187, 188.

Опеское волости въ Матюка Крейтевича зъ доволеньемъ воеводы Подляшского, державцы Бряславскаго, пана Ивана Сопѣги" [93]). — Въ Бряславскомъ же повѣтѣ по всѣмъ даннымъ находилась и *волость Дрисвятская* [94]), дававшая десятину озимаго жита съ великокняжескаго дворца Соболей къ церкви Матери Божьей въ Бряславлѣ (см. выше упомянутый фундушъ костелу Бряславскому), а равно и *волость Видьі*, упоминаемая въ одномъ подтвержденьѣ мѣны имѣньями отъ 1507 года [95]) и, наконецъ, *волость Смолвянская*, упоминаемая въ актѣ разграниченья 1529 года.—Вмѣстѣ и на ряду съ великокняжескими волостями къ городу Бряславлю тянули въ отношеніи государственно-земскихъ повинностей и нѣкоторыя крупныя панскія имѣнья. Таковы, напр., имѣнья самихъ Бряславскихъ намѣстниковъ-державцевъ, пановъ Сопѣговъ: *Икажно* при одноименномъ озерѣ, *Погостъ*, пожалованный имъ великимъ княземъ Александромъ [96]), *Тересовъ*, которымъ они владѣли временно [97]), и нѣкоторыя другія. На мѣстоположеніе центральныхъ пунктовъ всѣхъ этихъ волостей и имѣній могутъ указывать въ настоящее время: упомянутое уже мѣстечко Браславъ, деревня Укля на западномъ берегу озера того же имени въ сѣверной части Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи, Друя, заштатный городъ того же уѣзда на рѣчкѣ Друйкѣ при впаденіи ея въ Западную Двину, село Угоръ или Богинъ при озерѣ Богинскомъ того же уѣзда (селенія или урочища съ наименованіемъ Олешье или подобнымъ намъ не удалось отыскать), мѣстечко Опса при озерѣ того же имени въ Новоалександровскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи, мѣстечко Дрисвяты при одноименномъ озерѣ въ томъ же уѣздѣ, заштатный городъ Видзы того же уѣзда, мѣстечко Смолви близъ одноименнаго озера въ томъ же уѣздѣ, мѣстечко Икязнь при одноименномъ озерѣ въ Дисненскомъ уѣздѣ Виленской губ. на границѣ съ Новоалександровскимъ, мѣстечко Погостъ того же уѣзда, село Черессъ при одноименномъ озерѣ въ томъ же уѣздѣ. Такимъ образомъ, Браславскій судебно-административный округъ охватывалъ почти всю ту озерную область, которая заключена между рр. Дисною и Западною Двиною, т. е. большую часть Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи и сѣверную часть Дис-

[93]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 164.

[94]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199.

[95]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194. См. отграниченіе Бряславскаго повѣта въ кн. Публ. дѣлъ VII, л. 118. Срав. Starożytna Polska IV, 234, 237.

[96]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 137—139; VI, л. 101.

[97]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 529—530.

Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи (отъ рѣки Дисны и до Волты, или Ваты, впадающей въ Зап. Двину и протекающей по рубежу Полоцкихъ владѣній).

Бряславскій намѣстникъ-державца въ изучаемое время не былъ, однако, de jure самостоятельнымъ урядникомъ въ своемъ округѣ, а только помощникомъ и исполнителемъ распоряженій Виленскаго воеводы. Когда господарскій бояринъ Иванъ Стецковичъ билъ челомъ Сигизмунду, чтобы его пожаловалъ „напротивку его имѣней отчизныхъ смоленьскихъ", Сигизмундъ писалъ до воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича Радивиловича, „абы его милость казалъ обыйскати у Бряславскомъ повѣтѣ петнадцать человѣкъ служобъ а тры земли пустовскихъ и ему въ то увезанье дати".—„И небощикъ панъ Миколай Виленьскій",—гласитъ подтвердительный привилей Сигизмунда I отъ 17 іюля 1524 года,—полецылъ то воеводѣ Подляшскому, державцы Бряславскому, пану Ивану Семеновичу Сопѣгѣ; и панъ Иванъ Сопѣга росказалъ намѣстнику своему Бряславскому обрати петнадцать служобъ людей у Бряславскомъ повѣтѣ у Друйской волости... а тры земли пустыхъ... и ему въ тии люди и земли увезанье дати и листъ свой умочный на то ему далъ" [98]). Впрочемъ, такой порядокъ не всегда соблюдался, и великій князь обращался съ тѣмъ или другимъ приказомъ иногда прямо къ державцѣ Бряславскому, и вообще на дѣлѣ Бряславскій намѣстникъ-державца, какъ и всѣ другіе его ранга, правилъ довольно самостоятельно и по собственной инициативѣ.

На р. Свентѣ, съ правой стороны впадающей въ Вилію, и на ея притокахъ, а также на верховьяхъ рѣкъ, изливающихся въ курляндскую Аа, находилось нѣсколько дворовъ, которые великій князь раздавалъ въ держаніе съ ихъ повѣтами намѣстникамъ-державцамъ по представленію Виленскихъ воеводъ и въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ. Дворы эти были: Ракишки, Ушполье и Пеняны, Утены, Оникшты и Вилькомиръ. На мѣстоположеніе ихъ указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Ракишки Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губ. на р. Лукупись, впадающей въ Нѣмунекъ, притокъ р. Аа, мѣстечко Ушполь на р. Свентѣ, мѣстечко Уцяны на рѣчкѣ Уцянкѣ, впадающей слѣва въ Свенту, мѣстечко Оникшты на р. Свентѣ—Вилькомирскаго уѣзда и, наконецъ, самый городъ Вилькомиръ.

Ракишскій дворецъ съ волостью въ княженіе Казимира и Александра входилъ въ составъ повѣта, которымъ завѣдывалъ Оникштен-

---

[98]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 167, 168. Срав. Ibidem л. 81.

скій, намѣстникъ-державца [99]). Король Сигизмундъ выдѣлилъ этотъ дворецъ съ волостью изъ состава Оникштенскаго повѣта, отдалъ его казначею Смоленскому кн. Тимоѳею Филипповичу Крошинскому сначала „въ держанье“, т. е. на правахъ намѣстника, а потомъ, около 1518 года, „въ хлѣбокормленіе“ до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго, со всѣми доходами великокняжескими и намѣстничьими. Князь Крошинскій выступаетъ въ качествѣ *намѣстника* Ракишскаго въ записи 1514 г. о пожалованіи служебнику воеводы Троцкаго Володарадскому съ братьею четырехъ человѣкъ и четырехъ пустовщинъ „у Ракишскомъ повѣтѣ“ [100]). О пожалованіи ему двора Ракишокъ „со всимъ“ узнаемъ изъ привилея того же короля Сигизмунда отъ 14 октября 1525 г. дворянину Бобоѣдову Васильевичу на людей и земли. „А потомъ писали есмо,—читаемъ здѣсь,—до воеводи Виленьского, канцлера нашего, небощика пана Николая Николаевича, абы его милость въ тому ещо обыскалъ тамъ же у Ракишкахъ сколко служобъ людей и земль пустыхъ и ему далъ. Ино небощыкъ панъ воевода умеръ, а ему тамъ людей обысказши, и дати не хотѣлъ для того, ижъ есьмо Ракишки дали князю Тимоѳею Крошиньскому до отчищенья отчизны его со всимъ“ [101]). Изъ этого привилея видно также, что дворъ Ракишки съ волостью и послѣ того, какъ выдѣленъ былъ изъ состава Оникштенскаго повѣта и поступилъ подъ управленіе особаго намѣстника, продолжалъ оставаться въ составѣ округа Виленскаго воеводы, какъ высшаго администратора и судьи.

Въ сосѣдствѣ съ волостью Ракишскою актъ о разграниченіи съ Лифляндскою землею въ 1529 году кладетъ *волости Сувецкую, Обельскую, Ганусицкую, Чаденскую и Пенянскую* [102]). На мѣстоположеніе этихъ волостей указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Суввеки при озерѣ того же имени, мѣстечко Абеле при озерѣ Абельскомъ, мѣстечко Ганушишки въ Чадосской волости, мѣстечко Чадоссы при озерѣ того же имени—всѣ Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи. Чаденскій дворецъ съ волостью въ отношеніи суда, управы и повинностей тянулъ къ двору Пенянскому, входилъ въ составъ Пенянскаго повѣта [103]). Куда тянули волости Сувецкая, Обельская и Га-

[99]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145—147.

[100]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 80.

[101]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 284.

[102]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—19).

[103]) Литов. Метр. кн Запис. VI, л. 145—147.

куницкія и были ли онѣ великокняжескими или частновладѣльческими, на это намъ не удалось найти указаній въ актахъ изучаемаго времени.

Господарскій *дворъ Пеняны* съ своимъ повѣтомъ обыкновенно отдавался въ держаніе тому же лицу, кому давали *Ушполье* съ его повѣтомъ. Въ привилеѣ на держаніе этихъ дворцовъ, данномъ въ 1510 г. 2 мая пану Григорью Станиславовичу Остиковича, читаемъ между прочимъ: „пожаловали есмо его, дали есмо ему держати двори наши Вилколи и Пеняны со всимъ потому, какъ перво сего за отца нашего Казимира короля его милости держалъ панъ Остикъ, панъ Виленьскій, и сынъ его воевода Троцкій панъ Радивилъ Остиковичъ, а потомъ сынъ его воевода Виленьскій, канцлеръ нашъ, панъ Миколай Радивиловичъ". Панъ Григорій Станиславовичъ, впрочемъ, получилъ эти дворы „въ сумѣ пенязей", т. е. съ правомъ получать съ нихъ не только намѣстничьи, но и великокняжескіе доходы въ видѣ процентовъ за двѣ тысячи копъ грошей, которыя ему задолжалъ король; „естли быхмо нашими пѣнязми тыи дворы въ него окупили,—гласитъ при этомъ привилей короля,—тогды онъ же маетъ тыи дворы отъ насъ держати въ держаньѣ ажъ до своего живота, а платы и всякіи пожитки съ тыхъ дворовъ тогды вжо на насъ маютъ бити" [104]. Король, однако, не выкупилъ этихъ дворовъ при жизни пана Григорья, и они перешли согласно заставному листу къ сыну его Станиславу Григорьевичу, который въ актахъ именуется *державцею* Ушпольскимъ и Пенянскимъ [105]. Когда же онъ въ 1519 году умеръ, король позволилъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Радивиловичу выкупить эти дворы у дѣтей умершаго пана Станислава Григорьевича и держать ихъ девять лѣтъ „заставою", а потомъ „врядомъ" до живота [106]. Отъ пана Миколая Радивиловича, умершаго въ 1422 г., эти дворы перешли къ его сыну Станиславу, который въ актахъ именуется державцею Ушпольскимъ и Пенянскимъ [107]. Что дворы Ушполье съ ихъ волостями входили въ составъ судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы, на это прямое указаніе находимъ, напр., въ привилеѣ, данномъ въ 1510 году пану Григорію Станиславовичу Остиковичу „на семьдесятъ служобъ людей у Виленскомъ повѣтѣ у-въ Утенской волости, а въ Ушпольской волости на двѣ селѣ Клондутянцы а Пуклянцы", а также въ листѣ короля Сигизмунда отъ 5 августа

[104]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 344—346.
[105]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.
[106]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 57, 58.
[107]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 64, 65; XII, л. 374.

1522 года, адресованномъ воеводѣ Виленскому пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду съ приказаніемъ „увязать" „у Пенянской волости" въ одну пустовщину плебана Оникштенскаго князя Войтеха „ку кустелу Оникштенскому св. Матѳея" [108]). Въ составъ Ушпольскаго повѣта входило и мѣстечко Купишки (теперь Вилькомирскаго уѣзда), бывшее, повидимому, центральнымъ поселеніемъ волости *Купишской* [109]).

Въ господарскомъ дворѣ *Утенѣ* и его повѣтѣ судъ и управу чинилъ при королѣ Казимирѣ *намѣстникъ*, подскарбій дворный, панъ Литаворъ Хребтовичъ; при Александрѣ намѣстникъ, ехмистръ великой княгини, панъ Войтехъ Клочко и потомъ маршалокъ дворный князь Михаилъ Львовичъ Глинскій [110]). Послѣ князя Глинскаго при Сигизмундѣ акты называютъ намѣстникомъ Утенскимъ подчашаго пана Юрія Миколаевича и кухмистра пана Петра Олехновича, отъ котораго дворъ Утена „зъ мѣстомъ и зо всими мѣщаны и зъ людьми всими Утенской волости" перешелъ „въ заставу" въ 1000 копахъ грошей сначала къ пану Григорію Станиславовичу Остиковичу, а потомъ, въ 1519 году, къ воеводѣ Троцкому пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду [111]). Въ 1522 г., когда панъ Альбрехтъ былъ уже воеводою Виленскимъ, дворъ Утена, повидимому, болѣе не былъ у него въ заставѣ, ибо король раздавалъ уже въ волости Утенской людей и земли разнымъ лицамъ. Такъ, онъ далъ здѣсь пятнадцать службъ людей и четыре пустовщины князю Андрею Масальскому, который, потерявъ свою отчину вслѣдствіе московскаго завоеванія, билъ челомъ королю о пожалованіи его „какимъ хлѣбокормленіемъ". „Про то,—писалъ король до воеводы Виленскаго 17 августа,—штобы твоя милость казалъ обыйскати у дворѣ нашомъ Утенѣ пятнадцать чоловѣковъ службъ а чотыри земли пустыхъ на дворную пашню и ему въ то казалъ увязанье дати" [112]).

Намѣстникъ державца правилъ и въ Виленской *волости Оникштахъ*, о которой упоминаніе находимъ уже въ книгѣ земельныхъ раздачъ Казимира [113]). Волость эта является частью Виленскаго су-

---

[108]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 357, 358: XII, л. 12.

[109]) Акты Зап. Рос. II, № 161.

[110]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 45; V, л. 55, 103, 310. Акты Зап. Рос. I, № 222.

[111]) Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 269; IX, л. 121, XI, л. 88.

[112]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 17.

[113]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 8.

дебно-административнаго округа и по актамъ позднѣйшаго времени, напр., по заставному листу на Оникшты короля Сигизмунда, выданному въ январѣ 1516 года державцѣ Оникштенскому пану Миколаю на дворъ Виленскаго повѣта Оникшты „и зъ мѣстомъ и со всими людми Оникштынскими". „А панъ воевода Виленьскій,—читаемъ въ этомъ листѣ,—не маеть у тую волость дѣцкихъ своихъ всылати: и иво врадники наши Виленьскіи: городничій, тивунъ, ключникъ, не мають ни во што у волость того двора нашого всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити" [114]). Слѣдовательно, когда этотъ дворъ не былъ „въ заставѣ" у пана Миколая, и воевода Виленскій всылалъ своихъ дѣцкихъ въ его волость, и прочіе урядники Виленскіе въѣзжали для исполненія своихъ обязанностей и сбора доходовъ. Исключеніе составляетъ время, когда этотъ дворъ находился во владѣніи королевы Елены, державшей здѣсь своего намѣстника кн. Матвея Микитинича. Панъ Миколай, названный въ заставномъ листѣ 1516 г. державцею, въ записи 1514 года о пожалованіи плебану Оникштенскому пустой земли Михновщины „въ Оникштенскомъ повѣтѣ" названъ *намѣстникомъ* Оникштенскимъ, какъ и его предшественники по уряду при Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ I: Радивилъ Остиковичъ (1440 г.), панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича, князь Михайло Львовичъ Глинскій [115]). Преемникъ пана Миколая въ Оникштахъ, воеводичъ Виленскій панъ Юрій Григорьевичъ Остиковича, назывался уже постоянно *державцею* Оникштенскимъ [116]). Повидимому, онъ держалъ Оникшты уже не „заставою", а „врадомъ", ибо король при немъ раздавалъ въ Оникштенскомъ повѣтѣ земли и поручилъ ему давать „увязанье" въ эти земли, напр., боярину Добковичу. И воевода Виленскій распоряжался въ его округѣ, какъ высшій администраторъ; такъ, получивъ отъ короля (въ 1525 г.) приказъ „обрать сколко служобъ людей и земль у Виленьскомъ повѣтѣ" и дать ихъ дворянину Бобоѣдову Васильевичу, панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ „десять служобъ людей обыскалъ у Оникштенской волости... и въ тыи люди и земли его милости казалъ его увязати" [117]).—Но округъ намѣстника державцы Оникштенскаго не ограничивался волостью Оникштенскою въ тѣсномъ значеніи слова, а захватывалъ и нѣкоторыя другія. Выше

[114]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156.
[115]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 174, 175; III, л. 84; VI, л. 196.
[116]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 48 др.
[117]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 283, 284.

было говорено о Ракишской волости Оникштенскаго повѣта. Въ 1512 г. король Сигизмундъ подтвердилъ боярину Ивашку Яцковичу людей и земли, которыхъ ему дала королева Елена во время временнаго владѣнія своего Оникштами „въ Оникштинскомъ повѣтѣ въ *Крашинской волости*“ [118]).

Въ 1524 году король Сигизмундъ отдалъ пану Станиславу Миколаевичу, державцѣ Ушпольскому и Пенянскому, дворъ свой Виленскаго повѣта *Вилкомиръ* „въ держанье до его живота по тому,— читаемъ въ привилеѣ,—какъ и первыи *намѣстники* наши Вилкомирскіи тотъ дворъ отъ насъ держивали“ [119]). Изъ этихъ намѣстниковъ акты упоминаютъ при Казимирѣ Станька Юрьевича, при Александрѣ Бориса Семеновича, окольничаго Смоленскаго, при Сигизмундѣ Юрья Якубовича Довойновича [120]); что касается самого пана Станислава Миколаевича, то онъ обыкновенно называется въ актахъ *державцею* [121]). Кромѣ намѣстника-державцы въ Вильномирскомъ повѣтѣ правилъ и воевода Виленскій: когда въ 1501 году намѣстникъ Вилькомирскій Борисъ Семеновичъ просилъ у короля „*волостки* людей Вилкомирское волости на имя *Рокгово*“, утверждая, „што жъ въ той волостцѣ людей толко полчетвертадцать человѣковъ тяглыхъ“, то справедливость его показанія подтверждалъ предъ королемъ воевода Виленскій панъ Миколай Радивиловичъ, который, какъ высшій урядникъ, долженъ былъ вѣдать всю наличность господарскихъ дворовъ и волостей Виленскаго повѣта [122]). На положеніе волостки Ровгово указываетъ въ настоящее время мѣстечко Рогово на р. Невяжи Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи.

Изъ „Завельскихъ“ (т. е. за рѣкою Виліею) дворовъ Виленскихъ, кромѣ перечисленныхъ, раздавались въ держанье намѣстникамъ - державцамъ еще Керновъ, Мойшакгола и Дубинки съ ихъ повѣтами. Мѣстоположеніе ихъ опредѣляется въ настоящее время: мѣстечкомъ Керновомъ на р. Виліи пониже города Вильны, мѣстечкомъ Мейшаголою на рѣчкѣ Дукшты, мѣстечкомъ Дубинками при одноименномъ озерѣ (всѣ Виленскаго уѣзда).

Въ 1511 году король Сигизмундъ, пожаловавъ пану Григорію

---

[118]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 38.

[119]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 201.

[120]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 58. VI, л. 186; XI, л. 85.

[121]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 13, 14, 94, 95,

[122]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

Станиславовичу Остиковича двѣ пустовщины „у Виленскомъ повѣтѣ у *Керновской волости*", Курмишки и Якубишки, на вѣчность, писалъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича: „и твоя бы милость ему въ тые земли увязанье казалъ дати"[123]). Лицо, которому воевода долженъ былъ отдать приказъ, былъ, очевидно, мѣстный урядникъ. Въ качествѣ таковаго при в. князѣ Александрѣ по актамъ выступаетъ сначала *тивунъ* Водорадскій (въ 1494 г. великій князь извѣщалъ его о пожалованіи татарамъ Врусланов͏ичамъ людей Брадявцовъ въ Керновскомъ повѣтѣ), потомъ *намѣстникъ* панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича, при Сигизмундѣ *державца* князь Василій Ивановичъ, а впослѣдствіи, въ 1526 г., державца князь Семенъ Якомтовичъ Подберезскій[124]). При королѣ Казимирѣ Керновъ также по всѣмъ даннымъ находился въ держаньѣ изъ руки господарской, ибо въ книгахъ пожалованій Казимира мы встрѣчаемъ не одну запись относящуюся къ волости и двору Керновскому[125]).

То же самое нужно сказать и о *Мойшакгольской волости*[126]). *Намѣстникомъ* Мойшакгольскимъ въ актахъ княженья Казимира упоминается Юрій Мацковичъ, у котораго „съ винъ" Казимиръ пожаловалъ нѣкоему Мацку полтора рубля[127]); при Александрѣ намѣстникомъ Мойшакгольскимъ и Дубиницкимъ является панъ Бартошъ Таборовичъ[128]), при Сигизмундѣ въ началѣ его княженья—подскарбій дворный панъ Иванъ Андреевичъ Сопѣга, а затѣмъ уже однимъ намѣстникомъ Мойшакгольскимъ панъ Юрій Миколаевичъ Ежко, мечникъ господарскій[129]). Этому пану Юрью Миколаевичу король въ 1514 году приказывалъ, „увязать" воеводу Троцкаго пана Григорья Станиславовича Остиковича „въ человѣка путного на имя Миколая Милешевича и его братаничовъ" и въ двѣ земли пустовскихъ, Кганусишки и Кгинтишки, „въ Мойшакгольскомъ повѣтѣ", согласно съ тѣми свѣдѣніями, которыя подалъ о нихъ королю самъ панъ Юрій Миколаевичъ[130]). Но то же самое поручалось дѣлать и воеводѣ Ви-

---

[123]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 17.

[124]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45, 46, 77; XII, л. 333. Акты Зап. Рос. II, № 10.

[125]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1, 46, IV, л. 60.

[126]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 71.

[127]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 32.

[128]) Акты Зап. Рос. I, № 167.

[129]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 162, 163, 206.

[130]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.

ленскому, который въ качествѣ высшаго администратора всѣхъ Виленскихъ дворовъ обязанъ былъ вѣдать все, относящееся и до Мойшакгольскаго повѣта. Такъ, въ 1512 году 8 апрѣля король поручилъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Миколаевичу „увязать" дьяка своего Сопотка Стецковича въ людей и земли „у Виленскомъ повѣтѣ въ Мойшокгольской волости". „А пакъ ли бы ся,—писалъ онъ ему,—не видѣло твоей милости тыхъ людей ему дати, а любо будемъ кому иному первѣй тыи люди дали, и твоя бы милость напротивку того, толкожъ людей нашихъ и земль пустовскихъ, гдѣ бы намъ не шкодно, обыйскавши у Виленскомъ повѣтѣ, и ему далъ"[131]).

Дубинская волость по записнымъ книгамъ Казимирова княженья является въ держаньѣ изъ руки великаго князя[132]). При Александрѣ и въ началѣ княженья Сигизмунда она, какъ мы видѣли, находилась въ рукахъ того же намѣстника, который держалъ и Мойшакголу. Судя по ея положенію среди другихъ волостей Виленскихъ, она также входила въ составъ Виленскаго повѣта.

На средней Виліи, по бассейну ея праваго притока Жеймяны, а также на верховьяхъ Дисны и ея притоковъ находилось нѣсколько волостей „*повѣту тивунства Виленского*". Должности тивуновъ въ стольныхъ городахъ бывшихъ княжествъ Виленскаго и Троцкаго, а равно Кіевскаго Полоцкаго, Городенскаго, Новгородскаго и др.[133]), очевидно, унаслѣдованы были отъ удѣльной эпохи вмѣстѣ съ конюшими, ключниками, ловчими, бобровничими и другими урядниками изъ дворнаго штата бывшихъ удѣльныхъ князей. Литовскіе князья по примѣру русскихъ держали въ своемъ придворномъ штатѣ тивуновъ, которымъ, кромѣ извѣстныхъ дѣлъ по дворцовому хозяйству, поручали чинить судъ и управу людямъ, въ этомъ отношеніи тянувшимъ непосредственно къ княжеской резиденціи. Эти тивуны остались въ главныхъ городахъ княжествъ и послѣ упраздненія въ нихъ удѣльныхъ столовъ, при замѣнившихъ удѣльныхъ князей намѣстникахъ и воеводахъ. При этомъ должность тивуна Виленскаго пріобрѣла мѣстное значеніе, т. е. ему поручено было спеціально вѣдать судомъ и управою нѣсколько великокняжескихъ дворовъ съ ихъ волостьми, а именно: Вильну, Неменчинъ, Швинтяны, Лынкмены, Дисну, Ожвинты, Трошкуны.

---

[131]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 552.

[132]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 2, 69.

[133]) Акты Зап. Рос. I, № 207; II, № 70, 137. *Bonieckiego* Poczet rodów w. W. K. Litewskiem. Warszawa 1887. Spis dygnitarzy i urzędników, str. VII.

Дворъ *Вильна*, которымъ завѣдывалъ тивунъ, былъ хозяйственнымъ учрежденіемъ въ столицѣ, совершенно отдѣльнымъ отъ главнаго великокняжескаго двора. Онъ былъ средоточіемъ того хозяйства, которое велось на великаго князя въ *волости Виленской*, на дворной пашнѣ и угодьяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительственнымъ центромъ волости Виленской [134]). Какъ мѣстопребываніе тивуна, этотъ дворъ служилъ и правительственнымъ центромъ всего повѣта тивунства Виленскаго. На мѣстоположеніе остальныхъ дворовъ и волостей этого повѣта указываютъ въ настоящее время мѣстечко Неменчинъ на р. Виліи въ Виленскомъ уѣздѣ, уѣздный городъ Свенцяны Виленской губерніи, мѣстечко Лынгмяны на сѣверѣ Свенцянскаго уѣзда, Ажвинты при озерѣ того же имени въ Новоалександровскомъ уѣздѣ Ковенской губ., мѣстечко Трашкуны Вилькомирскаго уѣзда; дворъ Дисны съ волостью, очевидно, лежалъ при озерѣ того же имени, изъ котораго вытекаетъ рѣка Дисна.

Записи Литовской метрики кладутъ *Неменчинскую волость* въ повѣтѣ тивунства Виленскаго уже въ первые годы Казимирова княженья [135]). Въ княженіе Александра она также принадлежала къ тивунству Виленскому: когда нѣкая Анна Путиловская захватила въ Неменчинской волости Виленскаго повѣта людей Межанцовъ безъ данины господарской, то тивунъ Виленскій Михно Ивановичъ позвалъ ее на судъ предъ пановъ раду, которые и присудили „тыи люди къ тивунству подлугъ свѣдоцства первого тивуна Виленского Яна Яцковича" [136]). То же самое говорятъ и акты Сигизмундова княженья, напр., привилей отъ 30 декабря 1514 года боярину Мишку Вежкгайловичу на людей Онтосорцевъ „у тивунствѣ Виленскомъ Неменчинское волости" и „реистръ попису дворовъ господарскихъ тивуньства Виленьского оставленья пана Андрея Завишыча" [137]).

Послѣдній актъ указываетъ на принадлежность къ тивунству Виленскому и *волости Швинтянской*. При Александрѣ эту волость вѣдалъ также тивунъ Виленскій, какъ это видно изъ листа великаго князя къ нему съ извѣщеніемъ о пожалованіи пану Войтеху Нарбутовичу земли пустовской „въ Швентянской волости" и съ приказаніемъ „увя-

---

[134]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 226.

[135]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

[136]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 142, 143.

[137]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 220, 221, XV, л. 226.

зать" его въ эту землю [138]). Въ актахъ Казимирова княженья намъ не удалось разыскать прямыхъ указаній на принадлежность этой волости въ тивунству Виленскому.

Но зато удалось это относительно *Лынкменъ*, именно въ слѣдующей записи: „сокольнику пана воеводину Миколаю 20 бочокъ ржи въ тивуна Виленскаго въ Лынкгвенѣ" [139]). Листъ Сигизмунда отъ 18 октября 1522 года, данный боярину Францышку Карсовскому до тивуна Виленскаго пана Андрея Яновича Завишича изображаетъ послѣдняго администраторомъ въ волостяхъ Лынкменской и Неменчинской. Тивунъ далъ боярину въ этихъ волостяхъ двѣ пустовщины „до воли" господаря, который подтвердилъ ему ихъ своихъ листомъ и приказалъ тивуну дать боярину „увязанье" въ эти земли. Вмѣстѣ съ этимъ король писалъ тивуну: „А естли бы тыхъ земель отчычы хотѣли на тыи земли свои прыйти, и ты бы, иныи земли обыскавшы, напротивку ихъ отчызны имъ подавалъ, съ чого бы они мѣли намъ службу служити и дачки давати. А къ тому тежъ повѣдилъ передъ нами, што жъ дей тамъ обаполныи сусѣди, бояре и люди тяглыи, у вотчычовъ тыхъ земль поля и сѣножати покупили, а иншыи позакупали и разобрали безъ воли нашое. А прото, которыи будуть бояре и люди тяглыи покупили або закупали и розобрали, и ты бы тымъ прыказалъ, ажбы они въ тыи поля и сѣножати ничимъ ся не вступали, а пенязей своихъ нехай бы на тыхъ истцѣхъ смотрѣли, кому будуть ихъ давали" [140]).

Изъ подтвердительнаго привилея пану Григорью Исаевичу Громыкѣ на людей и земли отъ 27 апрѣля 1516 года узнаемъ о принадлежности къ тивунству Виленскому *волости Ожвинской и Дисенской* [141]). Что касается *волости Трошкунской*, то ее помѣщаетъ „въ повѣтѣ тивунства Виленскаго", напр., подтвердительный привилей короля Сигизмунда отъ 15 декабря 1514 года, данный радцѣ мѣста Виленскаго Богдану Онковичу на землю Кузминишки [142]).

Всѣ перечисленныя волости, входившія въ составъ повѣта тивунства Виленскаго и бывшія въ ближайшемъ завѣдываньѣ тивуна, въ то же самое время обозначаются въ актахъ въ повѣтѣ Виленскомъ и въ вѣдѣніи воеводы Виленскаго. Выше было приведено обозначеніе

---

[138]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 20.
[139]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 67.
[140]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35, 36.
[141]) Литов. Метр. кн. Записей IX, л. 122, 123.
[142]) Ibidem, л. 220

въ повѣтѣ Виленскомъ Немончинской волости. Въ 1522 г. 9 августа король подтвердилъ воеводѣ Кіевскому, державцѣ Свислоцкому, пану Андрею Немировичу пожалованныхъ ему въ разное время людей и земли, между прочимъ—„у Виленскомъ повѣтѣ у Швинтянской волости" [143]). На подчиненіе волостей тивунства Виленскаго вѣдѣнію воеводы указываетъ, напримѣръ, вышеупомянутый привилей, данный пану Войтеху Нарбутовичу; на просьбу пана о пожалованьѣ ему земли пустовской „въ Швентянской волости, што Петръ Шушковичъ держалъ", король приказалъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Радивиловичу „того ся довѣдати, какъ тая земля велика есть" и далъ привилей уже по полученіи донесенія отъ пана воеводы. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ листъ короля воеводѣ Виленскому отъ 27 мая 1515 года съ извѣщеніемъ о пожалованіи тивуну Виленскому пану Бутриму Якубовичу Немировича восьми служебъ людей „у тивунствѣ Виленскомъ Неменчинское волости на имя... а Швинтянское волости... а Дисенское волости..." [144]).

Изъ состава судебно-административнаго округа Виленскаго воеводы раздавалось въ держанье намѣстникамъ-державцамъ нѣсколько господарскихъ дворовъ съ ихъ волостьми, или повѣтами, въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Виліи и правыхъ притоковъ Нѣмана, а именно: Мѣдники, Ошмена, Крево, Марново, Красное Село, Лида. На мѣстоположеніе ихъ въ настоящее время указываютъ: мѣстечко Мѣдники Виленскаго уѣзда, уѣздный городъ Ошмяны на р. Ошмянкѣ, лѣвомъ притокѣ Виліи, и мѣстечко Крево на рѣчкѣ Кревлянкѣ (системы праваго притока Нѣмана Березины) Ошмянскаго уѣзда; мѣстечко Марново на рѣчкѣ Гордзеѣ (системы р. Ушы, праваго притока Виліи) и мѣстечко Красное на р. Ушѣ Вилейскаго уѣзда; уѣздный городъ Виленской губерніи Лида на р. того же имени (системы Дитвы, праваго притока Нѣмана).

Великокняжескій *дворъ-замокъ Мѣдники съ волостью* [145]) при Казимирѣ находился въ держаньѣ великокняжескаго *намѣстника* (въ записи 1462 г. упомянутъ, напр., намѣстникъ Мѣдницкій Мацко Стромилко [146]). При великомъ князѣ Александрѣ въ Мѣдницкомъ повѣтѣ правителемъ является по актамъ конюшій Троцкій Михно Яновичъ съ

---

[143]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 14, 15.

[144]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 103, 104.

[145]) Starożytna Polska IV, 173, 174.

[146]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 6.

титуломъ *тивуна* Мѣдницкаго [147]). Но тотъ же самый Микно Яновичъ въ подтвержденьѣ ему отъ 11 мая 1501 г. нѣкоторыхъ людей и земль, выслуги его и купли, названъ уже *намѣстникомъ* Мѣдницкимъ [148]). Этотъ же титулъ носилъ и князь Василій Семеновичъ Жилинскій, державшій Мѣдники при Сигизмундѣ I [149]), а равно и князь Иванъ Григорьевичъ Сенскій, которому король Сигизмундъ 30 октября 1520 года выдалъ привилей на держанье этого двора до живота съ нѣкоторыми великокняжескими доходами въ виду того, что отчина его была вся „собрана и спустошена отъ людей непрыятели Московского" [150]). Въ силу этого привилея ни городничій, ни иные урядники Виленскіе не могли уже болѣе въѣзжать въ волость Мѣдницкую „ни по которые доходы наши (т. е. великокняжескіе) и свои", изъ чего видно, что волость Мѣдницкая принадлежала къ составу судебно-административнаго Виленскаго округа. Преемникъ князя Сенскаго на урядѣ, писарь Михайло Копоть Васильевичъ, именуется въ актахъ и намѣстникомъ *и дёржавцею* [151]).

Въ *волости Ошменской* при королѣ Казимирѣ правилъ воевода Виленскій, какъ это видно изъ его подтвержденья продажи бояриномъ Якубомъ Милошевичемъ двухъ слѣдовъ отчинныхъ людей нѣкоему Вежкгайлу [152]). Но въ то же время записи Казимирова княженья говорятъ и о *тивунѣ* Ошменскомъ, у котораго „съ винъ" король пожаловалъ нѣкоему Богдану три рубля [153]). Тавунъ Ошменскій (панъ Мордасъ) является и въ актахъ Александрова княженья [154]), но при Сигизмундѣ Ошменскій повѣтъ вѣдалъ уже *намѣстникъ* князь Андрей Константиновичъ Прихабскій, которому король 29 сентября 1507 года приказалъ дать „увязанье" конюху дворному Пѣтру Войтковичу въ землю пустую тяглую Совкиновщину „у-въ Ошменскомъ повѣтѣ" [155]).—Преемникъ его на урядѣ князь Володко Ивановичъ Горскій также именуется въ актахъ намѣстникомъ. Когда бояринъ смоленскій Дмитрій Ѳедоровичъ Березцова билъ челомъ королю о

---

[147]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 70.
[148]) Ibidem, л. 193.
[149]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.
[150]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 63.
[151]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л, 201; Акты Зап. Рос. II, № 149.
[152]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 74.
[153]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 17.
[154]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 286, 287.
[155]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 176.

пожалованьѣ „напротивку имѣней его отчизныхъ смоленьскихъ", король писалъ о томъ до воеводы Виленскаго, „ажбы его милость казалъ, обыскавши у-въ Ошменьскомъ повѣтѣ толко людей и земль, и ему въ то увязанье дати". „И панъ воевода писалъ о томъ до намѣстника Ошменьского и служебника своего посылалъ, ажбы онъ, обравши у-въ Ошменьскомъ повѣтѣ чотыры человѣки и двѣ земли пустовскихъ и послолъ съ служебникомъ его въ тыи люди и земли того двора нашого увязалъ". Князь Володко исполнилъ приказъ воеводы и далъ боярину „листъ увяжчій", а король 11 января 1523 года подтвердилъ свою данину новымъ листомъ [156]). Послѣ князя Володка король отдалъ дворъ свой Ошмену съ мѣстомъ и волостью „въ заставу" въ шести сотъ копахъ грошей пану Миколаю Станиславовичу, старостичу Жомоитскому, но вскорѣ позволилъ этотъ дворъ выкупить у пана Миколая пану Яну Юндиловичу и 29 іюня 1521 года выдалъ послѣднему привилей на держаніе двора Ошмены въ теченіе семи лѣтъ со всѣми доходами великокняжескими „на выбираніе тыхъ пѣнязей его", а по истеченіи семи лѣтъ „въ держаніе до живота", съ одними намѣстничьими доходами. „А платы и доходы наши вси,—гласитъ этотъ привилей, „и врадниковъ нашихъ маютъ зася на насъ даваны бити по тому, какъ и передъ тымъ бывало„. Подъ „врадниками" здѣсь разумѣются Виленскіе: городничій, тивунъ, конюшій, ключникъ и подключій, которые въ силу заставного листа въ урочные семь лѣтъ не имѣли права „у волости того двора нашого въѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не маютъ правити" [157]). Панъ Янъ Юндиловичъ именуется въ актахъ все еще намѣстникомъ, но его преемникъ, панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій называется уже обыкновенно *державцею* Ошменскимъ [158]).

Въ *волости Кревской* [159]) великокняжескимъ урядникомъ является при королѣ Казимирѣ *тивунъ*, котораго король въ 1490 году извѣщалъ о пожалованіи чашнику Стирнелю „землици конокормское у Кревскомъ повѣтѣ на имя Ксироятовы" [160]). Тивуномъ же въ господарскомъ дворѣ-замкѣ Кревѣ [161]) былъ и Станько Дукурнъ, у котораго „съ винъ"

[156]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 131. 132.
[157]) Литов. Метр. кн. Зап. X, л. 46.
[158]) Акты Зап. Рос. II, № 157 и др.
[159]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 6.
[160]) Литов. Метр. кн. Коронныхъ Переписей XXVII, л. 16.
[161]) Starożytna Polska IV, 191—195.

король пожаловалъ подконюшему Петру рубль грошей и который судилъ князя Андрея Лукомскаго съ бояриномъ Миколаемъ Будковичемъ и его родичами о земли [162]). Но вмѣстѣ съ тивуномъ повѣтъ Кревскій вѣдалъ и воевода Виленскій, которому въ 1488 году король Казимиръ приказалъ дать подкоморію Юшку Стирнелю „увязанье" въ землю пустую конокормскую „въ Кревскомъ повѣтѣ", данную ему по представленію самого же воеводы [163]). При Александрѣ урядникъ Кревскаго повѣта, панъ Станиславъ Нарбутовичъ, также назывался тивуномъ [164]), но при Сигизмундѣ панъ Петръ Глѣбовичъ—уже *намѣстникомъ*, какъ это видно изъ записи о подтвержденьѣ людямъ Кревской волости Пашку и Василю Шниповичамъ земли Колышковщины въ Кревскомъ повѣтѣ и угла сѣножати, данныхъ имъ „на особную службу" паномъ Петромъ [165]). Впрочемъ, панъ Петръ Глѣбовичъ называется въ актахъ поперемѣнно и намѣстникомъ, и *державцею* [166]). Кревскій повѣтъ при королѣ Казимирѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, потому что король Александръ изъ его состава пожаловалъ князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому *волостку Спегляны* „со всимъ по тому, какъ на насъ (великаго князя) держана" [167]). Правда, волость эта была пожалована князю до возвращенья изъ рукъ непріятеля Московскаго замка его Мглина, но, какъ видно изъ его вѣновной записи своей княгинѣ Василисѣ Ивановнѣ, она отдана была ему впослѣдствіи на вѣчность [168]). Въ качествѣ княжескаго имѣнья волостка уже болѣе не входила въ составъ Кревскаго повѣта, но тянула прямо къ Вильнѣ въ отношеніи разныхъ государственно-земскихъ повинностей. На ея мѣстоположеніе указываетъ теперь село Спягла Вишневской волости Свенцянскаго уѣзда.

Въ *Марковскомъ повѣтѣ* великокняжескимъ урядникомъ по актамъ княженья Казимира и Александра является *намѣстникъ* [169]). Въ первые годы Сигизмундова княженья въ Марковѣ также мы видимъ по актамъ намѣстника. Въ 1507 году, когда Сигизмунду при-

---

[162]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 59; V, л. 94.

[163]) Литов. Метр кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 8.

[164]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 39.

[165]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 207.

[166]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 155. Акты Зап. Рос. II, № 107, I.

[167]) Акты Зап. Рос. I, № 205; II, № 107, II.

[168]) Акты Зап. Рос. II, № 107, I.

[169]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 7, 8, 78, 79; IV, л. 17, 43; VI, л. 206. Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 31.

шись разбирать дѣло по жалобѣ нѣсколькихъ людей сельца Лутчичъ Марковскаго повѣта на подключчаго Виленскаго Богдана Павловича, „ажбы онъ забралъ ихъ безъ данины и листовъ" короля Александра, король писалъ до намѣстника Марковскаго Мордаса Мишковича, чтобы онъ достаточно объ этомъ довѣдался и ему, королю, отписалъ [170]). Но его преемникъ, воевода Новгородскій Янъ Якубовичъ Заберезинскій, называется уже обыкновенно *державцею*. Въ 1518 году августа 2 онъ получилъ отъ короля заставной листъ на дворъ Виленскаго повѣта Марково въ тысячѣ копахъ грошей, которыя онъ ссудилъ королю [171]). Державцею же называется и подчашій панъ Янъ Миколаевичъ, которому достался дворъ Марково съ волостью въ держанье послѣ пана Заберезинскаго [172]). У этого пана Яна Миколаевича въ 1528 г. произошло столкновеніе съ тивуномъ и подконюшимъ Виленскимъ паномъ Шимкомъ Мацковичемъ. Послѣдній жаловался королю, что панъ подчашій беретъ на себя съ старцевъ и нѣкоторыхъ людей (перечислены поименно) Марковской и *Куренской волости* шедшія чрезъ руки тивуна Виленскаго на каплицу Витовтову „по тры яловицы а по тры вепры, а по тры барана, а зъ дыму по курати и по десети яецъ въ кождый годъ". Король путемъ опроса плательщиковъ рѣшилъ дѣло въ пользу каплицы [173]). На центральное поселеніе Куренской волости, которая, такимъ образомъ, входила въ составъ Марковскаго повѣта, указываетъ въ настоящее время мѣстечко Куренецъ на рѣчкѣ Пелли Вилейскаго уѣзда Виленской губерніи. Впослѣдствіи, около 1530 года, Куренская волость является уже въ совмѣстномъ владѣніи пана Яна Глѣбовича, воеводы Витебскаго и потомъ Полоцкаго, и старосты Пинскаго пана Ивана Михаиловича Кирдея [174]). Центромъ особой волости Марковскаго повѣта была, повидимому, и *Бѣница* (теперь мѣстечко Ошмянскаго уѣзда), въ которой великіе князья раздавали разнымъ лицамъ людей и земли [175]).

Красное Село, въ повѣтѣ котораго было такъ много роздано лю-

---

170) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 183, 184. Срав. запись 1514 года о пожалованіи боярину Марковскому Васку Богдановичу двухъ земель пустыхъ „у Марковской волости". Кн. Запис. IX, л. 235

171) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 14.

172) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 154, 155.

173) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38, 39.

174) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, 2, 3.

175) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 8; VIII, л. 167.

дей и земель при королѣ Казимирѣ [176]), въ послѣдніе годы его княженья и въ первые годы правленья великаго князя Александра находилось въ держаньѣ *намѣстника* князя Ивана Корецкаго [177]). Замѣнившій князя Корецкаго на урядѣ Михно Ивановичъ именуется въ актахъ *тивуномъ* Красносельскимъ [178]). Въ 1502 году въ Красномъ селѣ былъ уже опять намѣстникъ панъ Ивашко Зеновьевичъ, которому король приказалъ обыскать три земли пустовскихъ „въ Красносельскомъ повѣтѣ" для татаръ Кенковичей и дать имъ въ этихъ людей и земли „увязанье" [179]). Въ актахъ Сигизмундова княженья, кромѣ того же пана Ивашка Зеновьевича [180]), намѣстникомъ Красносельскимъ является по актамъ Богухвалъ Дмитріевичъ. Намѣстникъ Красносельскій правилъ въ своемъ повѣтѣ подъ вѣдомомъ и начальствомъ воеводы Виленскаго: въ 1527 году король Сигизмундъ, по челобитью татаръ Халея Булатовича съ братомъ, Итеша Темешевича съ братомъ и Васка Кудашевича съ братомъ о пожалованьѣ имъ нѣкоторыхъ пустыхъ земель въ Красномъ Селѣ, писалъ до воеводы Виленскаго: „и твоя бы милость о томъ казалъ ся довѣдати, будуть ли тыи землицы пустыи, а отчичы тыхъ земль давно отголь ся розышли; и твоя бы милость казалъ намѣстнику Красносельскому пану Богухвалу Дмитреевичу тыи землицы Мицовщину Пудовнину а Станкелевщину, Олиоерову Перепечевщину имъ на хлѣбокормленье подати напротивку отчизны ихъ и въ тыи землицы ихъ увязати" [181]).

Въ *Лидскомъ повѣтѣ* въ княженіе Казимира и Александра чинилъ судъ и управу *намѣстникъ* великаго князя [182]). Въ первые годы Сигизмундова княженья въ Лидѣ мы видимъ также намѣстника [183]), но затѣмъ въ актахъ выступаетъ уже *державца* [184]). Лида упоминается обыкновенно въ числѣ Виленскихъ дворовъ [185]), хотя прямыхъ указа-

---

[176]) См. Литов. Метр. кн. Запис. III.

[177]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 1, 2.

[178]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 32; VI, л. 50.

[179]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 205.

[180]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.

[181]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 357, 358.

[182]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3, 7, 12; IV, л. 111; V, л. 11, 111; VI, л. 239; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXVIII.

[183]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 386, 387.

[184]) Акты Зап. Рос. II, № 157.

[185]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621.

ній на правительственную дѣятельность Виленскаго воеводы въ ея повѣтѣ намъ не удалось разыскать въ памятникахъ изучаемаго времени.

Судебно-административная власть Виленскаго воеводы захватывала и рядъ волостей въ бассейнѣ Березины, на такъ называемой *Руси* литовской. Изъ этихъ волостей нижеслѣдующія раздавались при этомъ особымъ намѣстникамъ-державцамъ въ державье:

Дворъ *Айна съ волостью* (теперь мѣстечко Гайно Минской губ. Борисовскаго уѣзда на р. Гайнѣ, справа впадающей въ Березину). Это былъ одинъ изъ передовыхъ пунктовъ литовской колонизаціи въ русскихъ земляхъ, какъ это можно заключить изъ ранняго (въ 1387 году) построенія здѣсь католическаго костела и учрежденія плебаніи [186]). Дворъ Айна въ первой половинѣ XV вѣка принадлежалъ князю Андрею Владимировичу Ольгердовича, который выслужилъ его „своею вѣрною службою" вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими волостями на господаряхъ своихъ, великихъ князьяхъ Витовтѣ, Сигизмундѣ и Казимирѣ [187]). По наслѣдству дворъ Айна вмѣстѣ съ другими перешелъ по смерти его къ сыну Глѣбу, а послѣ него къ внучкѣ Ѳедорѣ (отъ дочери Евдокіи и кн. Ивана Рогатинскаго), которая была замужемъ за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ [188]). Княгиня Ѳедора умерла около 1512 года, не имѣвъ дѣтей ни отъ кн. Ивана Семеновича, ни отъ Юрія Пацовича, ни отъ Миколая Радивиловича, за которыхъ она выходила за мужъ во второй и третій разъ. Наслѣдство князя Андрея Владимировича перешло большею частью къ его родичамъ, но дворъ Айна спалъ на господаря [189]). Какъ часть бывшаго Минскаго княжества, дворъ Айна съ волостью сначала вошелъ въ составъ повѣта, которымъ правилъ Минскій намѣстникъ-державца [190]), а потомъ получилъ своего особаго намѣстника-державцу, который, какъ и Минскій, состоялъ подъ властью воеводы Виленскаго, какъ высшей судедно-административной инстанціи. Въ 1524 году 29 сентября король, извѣщая воеводу Виленскаго пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда о пожалованіи боярину смоленскому Ивану Ѳедоровичу Казарину съ матерью на хлѣбокормленье пяти служебъ людей и двухъ земель пустыхъ „у Аиньскомъ повѣтѣ", писалъ ему: „*намѣстникъ* Аиньскій, небошыкъ панъ Яцко Ратомскій, обыскалъ

---

186) Starożytna Polska IV, 679, 680.

187) Акты Зап. Рос. I, № 46.

188) Wolffa Rod Gedimina, str. 102, 103.

189) Ibidem, str. 134—137.

190) Акты Виленск. Археограф. коммиссіи XIII, отд, I, № 4.

тамъ у Аиньской волости матцѣ его и ему толко тры службы людей, а двухъ смужобъ подлѣ данины нашое ему не додалъ... Прото жъ, абы твоя милость казалъ пану Василью Чыжу обыскати двѣ службы людей въ Аиньскомъ повѣтѣ и ему въ тыи двѣ службы людей увязанье дати безъ отволоки" [191]. Этотъ панъ Василій Чижъ именуется въ актахъ обыкновенно уже *державцею* Аинскимъ [192].

Городъ Мѣнскъ съ мѣстомъ и повѣтомъ [193] является по актамъ изучаемаго времени прежде всего въ держаньѣ князя Ивана Юрьевича Жеславскаго, вотчина котораго находилась въ сосѣдствѣ съ Мѣнскомъ. Этотъ князь Иванъ Юрьевичъ называется въ актахъ *намѣстникомъ* Мѣнскимъ и исполняетъ всѣ обыкновенныя обязанности намѣстниковъ въ Литовской Руси, даетъ, напр., „увязанье" въ земли, пожалованныя королемъ Казимиромъ въ его повѣтѣ [194]. Преемникомъ его при Казимирѣ и также съ титуломъ намѣстника былъ князь Иванъ Васильевичъ Красный изъ Друцкихъ князей [195]. При Александрѣ Мѣнскъ сначала державъ панъ Миколай Ивановичъ Ильинича [196], а потомъ князь Богданъ Ивановичъ Жеславскій, который былъ намѣстникомъ Мѣнскимъ почти до самаго изданія Статута 1529 года [197]. О подчиненіи Мѣнска съ округомъ вѣдѣнью Виленскаго воеводы было уже сказано въ предшествующемъ очеркѣ. Здѣсь же умѣстно будетъ отмѣтить обыкновеніе литовско-русскаго правительства раздавать великокняжескія волости въ держанье преимущественно тѣмъ князьямъ и панамъ, у которыхъ въ данной мѣстности были крупныя имѣнія [198]. Это обыкновеніе, благодаря которому многія державы переходили почти по наслѣдству въ извѣстномъ родѣ, мы уже имѣли случай видѣть на примѣрѣ Браславля Литовскаго, который находился долгое время въ держаньѣ пановъ Сопѣговъ, и увидимъ впослѣдствіи на нѣкоторыхъ другихъ примѣрахъ. Оно стояло въ связи съ общимъ направленіемъ внутренней политики Литовско-Русскаго государства, которая

---

191) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 178, 179.

192) См. напр. привилей ему на конюшое дворное отъ 1524 года іюня 8. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 160, срав. кн. Запис. VII, л. 425.

193) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

194) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 47.

195) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 53; Корон. Перепис. XXVII, л. 113.

196) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74.

197) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 25.

198) Срав. Радомскій декретъ короля Александра 1505 г. de dignitariis et officialibus impossessionatis. Volumina legum I, 140.

основана была и державась, какъ въ Польшѣ, на компромиссахъ центральной власти съ мѣстными политическими силами, и само въ свою очередь довольно характеристично для этого направленья.

Борисовъ на р. Березинѣ (теперь уѣздный городъ Минской губерніи). *Борисовъ съ мѣстомъ и волостью* [199]) при королѣ Александрѣ и нѣкоторое время при Сигизмундѣ не отдавался въ держаніе особымъ намѣстникамъ-державцамъ, а управлялся непосредственно *воеводою* Виленскимъ, который держалъ въ немъ своего *намѣстника*. Этого намѣстника въ 1501 году и извѣщалъ великій князь о сдачѣ мѣстной корчмы въ аренду на три года съ приказаніемъ не держать корчмы самому и не дозволять этого своимъ слугамъ [200]). Но въ годъ изданія перваго Статута въ Борисовѣ находился уже *державца*, какъ это видно изъ листа короля Сигизмунда о дачѣ кормовъ посланнымъ въ Москву панамъ, адресованнаго державцамъ тѣхъ дворовъ, которые находились на пути этихъ пословъ. Державца этотъ былъ, повидимому, изъ руки королевы Боны, которой волость около того времени была пожалована [201]).

Господарскій дворъ *Любошаны съ мѣстомъ и волостью* на р. Березинѣ (недалеко отъ нынѣшняго мѣстечка Березина Борисовскаго уѣзда [202]). При Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженья мы видимъ по актамъ въ Любошанахъ особаго *намѣстника* великаго князя [203]). Такъ же именовался сначала и панъ Юрій Немировичъ, какъ это видно изъ подтвержденья даннаго ему 23 мая 1521 года на имѣнье въ Мѣдницкомъ повѣтѣ, купленное имъ у брата своего пана Бутрима Немировича [204]). Въ актахъ нѣсколько позднѣйшаго времени онъ называется уже *державцею*, напр., въ привилеѣ „на маршалковство", выданномъ ему 18 іюня 1523 года [205]). Любошанская волость, впрочемъ, не входила всецѣло въ составъ Виленскаго повѣта, а принадлежала къ числу тѣхъ Поднѣпрскихъ волостей, которыя были подѣлены между Вильною и Троками. Въ 1520 г. февраля 8 король отдалъ ее „въ заставу" въ 500 копахъ грошей пану Юрью Немировичу „со всими данми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными и со всими иными платы и доходы", при чемъ въ заставномъ

---

199) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 5.

200) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 184.

201) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 495. Акты Южной и Зап. Рос. I, № 73.

202) Starożytna Polska IV, 581.

203) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; Акты Зап. Рос. II, № 78, II.

204) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 46, 47.

205) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 102.

листѣ читаемъ: „а врадники наши Виленскіе: конюшій и ключникъ и подключій, не мають у тую волость сами въѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не мають правити“ [206]). Эти слова заставного листа не указываютъ на то, что пану Немировичу заложена была королемъ вся Любошанская волость,—а только часть ея, которая тянула къ Вильнѣ. Въ томъ же году король, присоединивъ къ ней и остальную, Троцкую, часть, выдалъ (18 мая) пану Юрію новый листъ, коимъ онъ отдавалъ ему Любошанскую волость со всѣми доходами на три года „на выбиранье пѣнязей его“, а послѣ того—„въ держанье до его живота со всимъ по тому, какъ и первые намѣстники тую волость державали“, а дани и платы великокняжескіе должны были уже идти на господаря. „И въ тые три годы,—читаемъ въ этомъ новомъ листѣ,—не мають врадники наши *Троцкіе* въ тую волость въѣздчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не мають правити“ [207]). О связи Любошанской волости съ Троками свидѣтельствуетъ между прочимъ и привилей в. князя Александра отъ 4-го мая 1499 года, данный князю Дмитрію Путятичу на село Положане въ Любошанской волости. „А повѣдилъ передъ нами,—читаемъ въ этомъ привилеѣ,—што жъ въ томъ селѣ только однодесять человѣкъ, а служба съ нихъ—только *до Троковъ* съ косою ходятъ“ и т. д. [208]). Но если Любошанская волость тянула къ Трокамъ въ отношеніи повинностей, то слѣдовательно зависѣла отъ Троцкихъ урядниковъ и въ судебно-административномъ отношеніи.

На такомъ же положеніи была, повидимому, и *Свислоцкая волость* [209]). О *намѣстникѣ* Свислоцкомъ и его судебной дѣятельности мы находимъ упоминаніе въ судовомъ листѣ в. князя Александра, выданномъ по дѣлу людей Свислоцкой волости Большевичей съ боярами Котовичами о захватѣ земель: Большевичи заявили, что ихъ по этому дѣлу уже судили намѣстникъ Бобруйскій Назко и намѣстникъ Свислоцкій Борисъ и спорную землю имъ отъѣхали [210]). При Сигизмундѣ Свислоцкую волость держалъ ключникъ Виленскій панъ Григорій Исаевичъ Громыка; въ актахъ онъ назывался и намѣстникомъ, и *держав-*

---

206) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27.
207) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40.
208) Литов. Метр. V, л. 92.
209) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.
210) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 66.

цею[211]). Въ 1518 году король Сигизмундъ „заставилъ" замокъ Свислочь съ волостью пану Громыкѣ въ 600 копахъ грошей съ правомъ по уплатѣ этихъ денегъ держать его „въ держаньѣ до живота" [212]). Но уже въ слѣдующемъ 1519 году намѣстникомъ Свислоцкимъ былъ панъ Войтехъ Носиловскій, котораго король извѣщалъ о пожалованіи пану Григорію Исаевичу Громыкѣ сельца „у Свислоцкой волости" [213]). Съ 1523 года и до самаго изданія Статута 1529 года державцею Свислоцкимъ въ актахъ выступаетъ воевода Кіевскій панъ Андрей Немировичъ [214]).

Бобруйскъ при впаденіи рѣчки Бобруи въ Березину (теперь уѣздный городъ Минской губ.) *Бобруйская волость* не вся, а только половиною входила въ составъ судебно-административнаго Виленскаго округа, а другою половиною тянула къ Трокамъ. Та и другая половины имѣли своихъ особыхъ намѣстниковъ. Къ намѣстнику Виленской половины и старцу былъ адресованъ, напримѣръ, листъ в. князя Александра отъ 14 декабря 1492 года съ извѣщеніемъ о пожалованіи пану Григорію Остиковичу людей Дурыничей „до воли" [215]). Подобный же листъ былъ адресованъ великимъ княземъ Казимиромъ королевичемъ къ намѣстнику Бобруйскому Троцкой половины и старцу съ извѣщеніемъ о пожалованіи пану Довкшу данниковъ въ волости Бобруйской [216]). Это дѣленіе Бобруйской волости на Виленскую и Троцкую половины сохранялось до самаго конца изучаемаго періода. Въ 1529 г. предъ королемъ Сигизмундомъ приносили жалобу старецъ Кузьма Вошка и Губарь „отъ всихъ людей Бобруйское волости *Виленское половины*" на людей пана Яна Миколаевича и Венцлава Костевича Зубаревичей и Колчичанъ, которые со временъ Казимира „недѣли подводъ посполу зъ ними стерегивали и городы и мосты робливали, и въ подачкахъ и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали, а теперъ имъ въ томъ ни въ чомъ помогати не хотять"; Кузьма Вошка и Губарь „слалися о томъ до поплечниковъ своихъ, до людей Бобруйское волости *Троцкое половины* и тежъ до Свислочанъ, и до Горволичанъ, и до Пчичанъ, которыи здавна зъ ними подводы мѣнивали" [217]). Обѣ половины, впрочемъ, при Сигизмун-

[211]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 98: Акты Зап. Рос. II, № 78.
[212]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 12.
[213]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 33.
[214]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 109, 110; XV, л. 23.
[215]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 76.
[216]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59, 60.
[217]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

дѣ находились въ держаньѣ въ однихъ рукахъ, сначала—воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Миколаевича, а потомъ—воеводы Виленскаго и канцлера пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда. Въ 1533 году къ королю приходили съ различными жалобами уполномоченные „ото всее волости Бобруйское обѣихъ половинъ, Виленьское и Троцкое" и между прочимъ повѣдали, „што жъ деи воевода Виленскій, канцлеръ нашъ, небощыкъ панъ Миколай Миколаѐвичъ Радивиловича въ тотъ часъ, якъ Бобруйскъ отъ насъ (т. ѐ. короля) держалъ, уставилъ собѣ отъ нихъ въ каждый годъ по двѣсти копъ грошей, какъ же деи твоя милость (панъ Гаштольдъ) и тепере то на себе берешь, и тежъ деи врадники твоее милости околько сотъ копъ грошей на каждый годъ зъ нихъ собѣ беруть". Король отмѣнилъ эту „новину" [218]). И послѣ 1529 года обѣ половины Бобруйской волости держалъ воевода Виленскій, который поэтому-то спеціально и именовался *державцею* Бобруйскимъ [219]).

Къ Поднѣпрскимъ же волостямъ Виленскаго повѣта относилась и *Рѣчица*, теперь уѣздный городъ Минской губ. на р. Днѣпрѣ (при Ягеллѣ она входила въ составъ Виленскаго княжества) [220]). Рѣчицкое *„намѣстництво"* въ 1481 г. взялъ себѣ Ивачъ, давъ за него королю восемь корабельниковъ [221]). О намѣстникахъ Рѣчицкихъ упоминаютъ и записи Александрова княженья [222]). Ко времени изданія перваго Статута правитель Рѣчицкій, подобно многимъ другимъ, назывался уже и намѣстникомъ, и *державцею*. Такъ въ одномъ актѣ 1523 года панъ Семенъ Половоичъ названъ намѣстникомъ; но въ привилеѣ, выданномъ въ 1527 году князю Ивану Михайловичу на держанье замка Рѣчицкаго по животѣ пана Семена Половоича, послѣдній названъ уже державцею Рѣчицкимъ [223]).

Особый намѣстникъ-державца былъ въ *волостяхъ Пропойской и Чечерской*. Пропотескъ (нынѣ мѣстечко Пропойскъ Старобыховскаго уѣзда Могилевской губ. на р. Сожѣ) упоминается въ числѣ волостей, которыя Ягелло въ 1387 г. выдѣлилъ брату Скиргеллу изъ состава

---

218) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

219) См. судный листъ воеводы Виленскаго, державцы Бобруйскаго, пана Яна Глѣбовича отъ 7 окт. 1542 года въ кн. Судныхъ дѣлъ XI, л. 69—75.

220) Отечественныя Записки 1829 г., № CV, январь.

221) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.

222) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 177, 277, 278 и др.

223) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 109, 348, 349.

Виленскаго княжества [224]). Вмѣстѣ съ Пропойскомъ Свиргеллу данъ былъ, повидимому, и Чичерскъ (нынѣ мѣстечко Рогачевскаго уѣзда на р. Сожѣ), который и въ изучаемое время является неразрывно съ нимъ связаннымъ, подъ управленіемъ одного *намѣстника*. Таковымъ при Сигизмундѣ былъ, напримѣръ, князь Семенъ Чорторыйскій, которому король Сигизмундъ въ 1525 году приказывалъ дать „увязанье" дворянину Гаврилу Тишковичу въ село Золотаревичи „въ Чычорской волости" [225]). Но тотъ же самый князь Семенъ Чорторыйскій названъ *державцею* Пропостьскимъ и Чичерскимъ въ подтвержденьѣ, выданномъ тому же Гаврилу Тишковичу на имѣніе Бѣлавичи въ Слонимскомъ повѣтѣ, купленное у князя Семена [226]).

Къ Поднѣпрскимъ волостямъ Виленскаго повѣта принадлежалъ и замокъ *Кричевъ съ волостью*, находившіися въ держаньѣ особаго намѣстника, подчиненнаго Виленскому воеводѣ, какъ высшей инстанціи [227]). Въ 1521 г. Сигизмундъ отдалъ Кричевъ „зъ мѣстомъ и со всими людми волости Кричовское" кн. Василью Семеновичу Жилинскому на три года со всѣми доходами „для выбиранья сумы его", а потомъ „врядомъ, до его живота". Кн. Жилинскій называется въ актахъ сначала *намѣстникомъ*, а потомъ *державцею*.—При немъ „подъ присудъ и послушенство державцы Кричовского" была привернута сосѣдняя *Олучицкая волость*, до 1529 года имѣвшая своего отдѣльнаго намѣстника [228]).

Среди перечисленныхъ волостей въ повѣтѣ Виленскомъ лежали великокняжескія волости, въ которыя великій князь не назначалъ особыхъ урядниковъ изъ своей руки, т. е. тивуновъ или намѣстниковъ-державцевъ. Правителемъ въ нихъ по актамъ выступаетъ воевода, который держитъ въ нихъ своихъ, имъ самимъ уполномоченныхъ, намѣстниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ волостей иногда отдавались въ держанье намѣстникамъ-державцамъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Борисова; нѣкоторые жаловались князьямъ и панамъ въ вотчину, такъ что число всѣхъ волостей, состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи воеводы, не было строго опредѣленнымъ. Кромѣ Борисова, по актамъ изучаемаго времени безъ особыхъ великокняжескихъ

---

[224]) Отечеств. Записки 1829 г., № CV, январь.
[225]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 204.
[226]) Ibidem, л. 150, 151.
[227]) Литов. Метр. кн. запис. VI, л. 288, XV, л. 91, 92.
[228]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 58; XII, л. 43; VII, л. 531.

урядниковъ являются еще волости: Судеревская, Роконтишская, Мемижская, Рудоминская, Быстрицкая.

Великокняжескую *Судеревскую волость* мы встрѣчаемъ уже въ записяхъ земельныхъ пожалованій короля Казимира: „пану Кгинивилу,—читаемъ здѣсь,—чоловѣкъ у Рѣшницохъ у Судеревской волости“ [229]). Теперь въ Виленскомъ уѣздѣ въ Рѣшанской волости (къ сѣверу отъ Вильны) есть селеніе Судерва, которое можетъ служить указаніемъ на мѣстонахожденіе этой волости. Въ 1503 году король Александръ подтвердилъ Мацку Гринковичу земли и людей, выслугу и куплю его; подтвердительный листъ упоминаетъ между прочимъ о боярской землѣ, которую Мацко купилъ за дозволеньемъ короля Казимира „у Виленскомъ повѣтѣ у Судереви“ [230]). Въ 1514 году дворянинъ Марко Лобковскій, представивъ королю его первый листъ, данину на землю Ондрилевщину „у Виленскомъ повѣтѣ у Судеревской волости“ и листъ „увязчій“ воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича Радивиловича, билъ челомъ, чтобы король утвердилъ за нимъ эту землю [231]). Судеревская волость упоминается въ другомъ подтвержденьѣ на землю Жаревщину, выданномъ тому же Марку Лобковскому въ 1522 году [232]).

На мѣстоположеніе центра *волости Роконтишской* указываетъ селеніе Роконцишки на р. Вилейкѣ, лѣвомъ притокѣ Виліи, Виленскаго уѣзда, неподалеку отъ Вильны на востокъ. Роконтишская волость Виленскаго повѣта упоминается, напримѣръ, въ листѣ короля Александра Авраму Езофовичу на имѣнье Войдуны, данное ему въ этой волости, и въ подтвержденьѣ этой данины короля Сигизмунда [233]). Въ 1522 году король далъ человѣка тяглаго „у Виленскомъ повѣтѣ у Роконтишской волости“ на имя Юрья Юхновича съ братьею его бурмистру мѣста Виленскаго Ермолѣ Слотовичу и писалъ воеводѣ Виленскому: „и ты бы ему въ того человѣка казалъ увязанье дати“ [234]).

Неподалеку отъ Вильны находился и господарскій дворъ Мемижъ (теперь селеніе Немежъ Виленскаго уѣзда къ югу отъ Вильны)—центръ *волости Мемижской*, которая упоминается уже въ записяхъ княженія Казимира [235]). При Александрѣ она также принадлежала

---

[229]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 11.
[230]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 124.
[231]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 214, 215.
[232]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 1.
[233]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 314; VIII, л. 164, 165.
[234]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 66
[235]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 73.

в. князю: въ 1500 г. онъ далъ Ивану Кошкѣ окольничему Смоленскому, намѣстнику Молодеченскому, дворецъ Годутишскій „Виленского повѣта въ Мемижской волости" и, кромѣ того, тридцать человѣкъ дякольныхъ „Мемижское жъ волости и *Свиранское*, што около того дворца сѣдять" [236]). Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ ему эту данину: „нехай онъ тотъ вышереченый дворъ Кгойдутишки держить со всимъ съ тымъ, какъ *къ воеводству Виленскому держанъ*" [237]). Смыслъ этихъ послѣднихъ словъ открывается изъ листа королевскаго отъ 17 декабря 1522 года, адресованнаго на имя воеводы Виленскаго пана Альбрехта Мартиновичича Гаштольда, по поводу просьбы пана Яна Юрьевича Глѣбовича о дачѣ ему земли пустой въ Мемижской волости Петвовы Крыжевича. „Прото, — читаемъ здѣсь, — што бы твоя милость росказалъ намѣстнику своему Мемижскому достаточнесь довѣдати, будеть ли тая земля пуста, а службы и дачокъ съ нее никоторыхъ нѣтъ" [238]). Такимъ образомъ, Мемижская волость находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи Виленскаго воеводы, который управлялъ ею черезъ своего намѣстника.—На такомъ же положеніи были, повидимому, и *Ловаришки* Виленскаго повѣта, о которыхъ упоминаетъ на ряду съ Мемижскою волостью подтвердительный привилей короля Сигизмунда на людей и земли отъ 17 января 1523 г., данный Виленскому бурмистру Ермолѣ Слотовичу [239]). Княжій дворъ Ловаришки (теперь село Виленскаго уѣзда на р. Вилейкѣ, къ востоку отъ Неменжа) упоминается еще въ записяхъ короля Казимира [240]). Что касается волости Свиранской, то ея центральнымъ поселеніемъ были, повидимому, Свиранки, теперь мѣстечко Свенцянскаго уѣзда на рѣкѣ Виліи.

Рудоминская волость (центръ ея—теперь мѣстечко Рудомино при рѣчкѣ Рудоминкѣ Виленскаго уѣзда) была въ вѣдѣніи воеводы Виленскаго еще при в. князѣ Сигизмундѣ Кейстутовичѣ: среди записей Казимирова княженья находится, между прочимъ, и подтвержденье „Жикгимонтова данья" въ Рудоминской волости, о которомъ этотъ в. князь извѣщалъ въ 1431 г. воеводу Виленскаго пана Довкгирда [241]). Въ княженіе Александра правителемъ въ Рудоминской волости

---

236) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 155.
237) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 158.
238) Литов. Метр. кн. Запис. XII, 54.
239) Ibidem, л. 73.
240) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3.
241) Ibidem, л. 8.

является также воевода Виленскій: Александръ, пожаловавъ мѣщанину Виленскому Андрею Миколаевичу четыре службы людей „Виленскаго повѣта Рудоминское волости", велѣлъ воеводѣ Виленскому дать „увязанье"; но воевода далъ „увязанье" только въ три службы, „а четвертое службы людей не далъ ему для того, ижъ тотъ человѣкъ конюхъ"[242]. То же было и при Сигизмундѣ: отъ 2-го марта 1507 г. мы имѣемъ листъ короля Сигизмунда, данный дворянину Гришку Степановичу до воеводы Виленскаго,—„абы ему землицу пустовскую въ Рудоминскомъ повѣтѣ подати велѣлъ" [243].—Воевода управлялъ Рудоминскою волостью чрезъ своихъ урядниковъ: въ 1528 году король Сигизмундъ, освобождая бояръ, владѣльцевъ имѣнья Климентова въ Рудоминской волости, отъ обязанности посылать двѣ косы до двора Рудоминскаго для косьбы сѣна, писалъ воеводѣ: „и твоя бы милость врядником своимъ приказалъ, абы вжо тыхъ двухъ косъ выгоняти не велѣли и дали имъ въ томъ упокой" [244].

Непосредственному вѣдѣнію воеводы Виленскаго подлежала и *волость Быстрицкая*. Король Александръ пожаловалъ слугѣ Яну Громковичу землю пустовскую Моняковскую и корчму вольную „въ Быстрицы"; но воевода Виленскій не нашелъ ему мѣста для поселенія въ Быстрицѣ, вслѣдствіе чего король далъ ему другую землю [245]. Въ актахъ, впрочемъ, уже послѣ изданія Статута 1529 года упоминается о „врядѣ" воеводы Виленскаго въ Быстрицкой волости: въ 1542 году воеводѣ Виленскому жаловалась Дороменовая Милохна на пана Ивана Савича, который по суду долженъ былъ заплатить ей въ срокъ 50 копъ грошей: „я ся на оный рокъ передъ урядомъ твоей милости въ Быстрицы становила, а онъ мнѣ тое суму пенезей не заплатилъ" [246]. По всей вѣроятности, на такомъ же положеніи была Быстрицкая волость и въ изучаемое время. Ея мѣстоположеніе опредѣляется мѣстечкомъ Быстрицею на р. Виліи Виленскаго уѣзда.

Повѣты, находившіеся подъ управленіемъ и присудомъ великокняжескихъ намѣстниковъ-державцевъ, тивуновъ, урядниковъ воеводы Виленскаго, не составляли сплошной территоріи. Между ними и обособленно отъ нихъ находились и крупныя княжескія и панскія имѣнья, владѣльцы которыхъ были почти такими же государями въ своихъ

[242]) Литов. Метр. кн. Записей VIII, л. 126.
[243]) Ibidem, л. 151.
[244]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 401.
[245]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 164.
[246]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 50—52.

волостяхъ, какъ и великій князь въ перечисленныхъ. Въ отношеніи государственно-земскихъ повинностей, какія лежали на этихъ имѣньяхъ, они тянули на ряду съ перечисленными великокняжескими волостями, какъ особыя и самостоятельныя части въ составѣ Виленскаго повѣта. Со стороны этихъ повинностей владѣльцы ихъ подвѣдомы были прямо Виленскому воеводѣ, но не подчиненнымъ ему великокняжескимъ урядникамъ; ему же, а не этимъ послѣднимъ, они большею частью были лично подсудны. Впрочемъ, связь нѣкоторыхъ изъ этихъ имѣній съ другими составными частями Виленскаго судебно-административнаго округа была настолько слаба, что ихъ скорѣе можно признать въ немъ enclave' ами, чѣмъ частями. Въ свое время подробнѣе будутъ указаны связи, которыя соединяли эти имѣнья съ великокняжескими волостями въ одну политическую территорію, именуемую повѣтомъ Виленскимъ. Здѣсь же даны будутъ объ этихъ имѣньяхъ нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія, которыя автору удалось попутно собрать въ источникахъ, частью въ цѣляхъ опредѣленія территоріи Виленскаго судебно-административнаго округа, частью для иллюстраціи того, что было и будетъ сказано о судебно-административномъ устройствѣ областей Литовско-Русскаго государства.

Неподалеку отъ Вильны къ сѣверу, при озерѣ Гедройтскомъ, лежала *Гедроить*, родовое гнѣздо князей Гедройцевъ. Подѣленное въ изучаемое время между многими владѣльцами-родичами, княжество Гедройтское представляло, однако, въ составѣ Виленскаго повѣта одну территорію, которая, напр., была отдѣльнымъ хоружствомъ воеводства, выставляла на ратное поле особый отрядъ [247]). Князья Гедройтскіе владѣли въ своей отчинѣ сообща мытомъ, корчмою и доходами съ ярмарки [248]). Слѣдовательно, связь между отдѣльными частями княжества и ихъ владѣтелями не порывалась окончательно.

При озерѣ *Свиро* (Свенцянскаго уѣзда) разбросаны были имѣнья князей Свирскихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя перешли въ изучаемое время уже къ чужеродцамъ частью по наслѣдству, а частью посредствомъ продажи. Такъ, дворъ *Свиро* былъ купленъ паномъ Юрьемъ Миколаевичемъ Радивиловича у князя Юхна Станковича въ 1528 году [249]); *Кобельники* (нынѣ Кобыльникъ) и *Мядель*—паномъ Альбре-

---

[247]) Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ 1, л. 64, 65; Корон. Перепис. XXVII, л. 29.

[248]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 382, 383.

[249]) Ibidem, л. 378—380.

ктомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ въ 1527 г. [250]); *Сырмяжъ* (нынѣ сельцо къ востоку отъ озера Свира) купленъ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Мстиславскимъ [251]). Но между отдѣльными владѣльцами оставались кое-какія связи по владѣнію и отбыванію государственныхъ повинностей. Такъ, всѣ они имѣли „уступъ" въ озеро Свиро и другія озера, въ лѣса и т. д., по общей разверсткѣ отбывали военную повинность, такъ что предъ государствомъ и княжество Свирское подобно Гедройтскому являлось единою территоріею [252]). Князья и княжны Свирскіе, кромѣ того, владѣли нѣкоторыми имѣніями по сосѣдству, которыя были принесены въ родъ въ видѣ приданаго. Такъ, напр., изъ поданной въ 1503 году королю Александру жалобы одной изъ княженъ Свирскихъ, бывшей за мужемъ за паномъ Олехномъ Малышковичемъ, на своихъ братьевъ и сестеръ, „штожъ они не хотять ей, сестрѣ своей, дѣлу дати въ имѣньяхъ материзныхъ", узнаемъ, что князьямъ Свирскимъ принадлежали имѣнья: *Свираны*, *Ворняны*, *Строяна*, *Ясень*, *Трокиники и Бесѣды* [253]). На мѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: с. Свираны Свенцянскаго уѣзда Кемелишской волости, мѣстечко Ворняны Виленскаго уѣзда, с. Трокиники тамъ же, недалеко отъ Ворнянъ, Бесѣды Хотенчицкой волости Вилейскаго уѣзда. Нѣкоторыя изъ этихъ имѣній при королѣ Казимирѣ были еще непосредственными великокняжескими владѣніями и перешли въ частныя руки при немъ и его сыновьяхъ. Такъ, Свираны и Трокиники были пожалованы королемъ Казимиромъ дочерямъ пана Довкгирда [254]).

Крупное панское имѣніе находилось на востокъ отъ озера Свира, именно *Мядель* при озерѣ того же имени (нынѣ Вилейскаго уѣзда). При Казимирѣ Мядельская волость была дана въ держанье пану Андрею Саковичу, а потомъ король отдалъ ее сыну его Богдану, воеводѣ Троцкому, уже на вѣчность „со всимъ" и между прочимъ съ большимъ озеромъ Норочемъ; предъ изданіемъ Статута 1529 года эта волость находилась уже во владѣніи внучки пана Богдана Галшки, бывшей за мужемъ за паномъ Миколаемъ Миколаевичемъ, воеводою Виленскимъ [255]).

250) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 58.
251) Акты Зап. Рос. II, № 107, II.
252) Ibidem. См. также Литов. Метр. кн. Публ. дѣлъ I, л. 36.
253) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 222, 223.
254) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.
255) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 100—102.

На р. Ушѣ, лѣвомъ притокѣ Виліи, находился дворъ *Молодечно съ волостью* (теперь мѣстечко Вилейскаго уѣзда). При Казимирѣ и Александрѣ Молодеченская волость была великокняжескою. Здѣсь великій князь раздавалъ земли [256]); здѣсь сидѣлъ намѣстникъ великаго князя, при Александрѣ—Богданъ Корейвичъ (въ 1499 году), окольничій Смоленскій Иванъ Кошка [257]) и, наконецъ, князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, которому король Сигизмундъ отдалъ дворъ свой Молодечно въ вотчину, на вѣки, со всею волостью [258]).

Въ составѣ Виленскаго повѣта находилось между прочимъ нѣсколько княжескихъ и панскихъ волостей, перешедшихъ по наслѣдству отъ князя Андрея Владимировича Ольгердовича. Этотъ князь, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, писаннаго въ 1446 году, „своею вѣрною службою" выслужилъ на великихъ князьяхъ Витовтѣ, Сигизмундѣ и Казимирѣ имѣнья—*Айну, Словенескъ, Могильное, Каменецъ, Логожескъ, Ильменицу и Полоное* [259]). Послѣ смерти сына его Глѣба у него не осталось мужского потомства, и имѣнія эти, за исключеніемъ Логожска и Каменца, перешли къ внучкѣ его Ѳедорѣ, бывшей за мужемъ за княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ. Княгиня Ѳедора, по смерти мужа своего вышедшая за мужъ за пана Юрия Пацовича, записала пасынку своему Миколаю Пацовичу дворы Илемницу и Полоное съ селами Ходцемъ, Олексинцемъ, Березовичами и Бѣлою, а на Словенскѣ, Могильной и *Куносовѣ* 500 копъ грошей съ обязанносью уплатить долги и выстроить костелъ въ Рожанкѣ, гдѣ она завѣщала себя похоронить [260]). Запись эта, однако, не имѣла силы, и дворы Ильменица и Полоное перешли въ 1516 году во владѣніе родственника князя Андрея Владимировича по женской линіи, князя Константина Ивановича Острожскаго [261]), а равно и дворъ Словенскъ. Этотъ дворъ князь Константинъ Ивановичъ записалъ своей женѣ, княгинѣ Александрѣ, въ полную собственность съ правомъ распоряжиться имъ по своему усмотрѣнію, а король своимъ листомъ утвердилъ эту запись въ 1528 г. 15 декабря [262]). Что касается Могильны,

---

[256]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 7, 8.

[257]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 89, 90; VI, л. 128, 155.

[258]) Акты Зап. Рос. II, № 69.

[259]) Акты Зап. Рос. I, № 46.

[260]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 135.

[261]) Ibidem, str. 136.

[262]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 406, 407.

то эта волость, повидимому, осталась во владѣніи Пацовъ [263]). На мѣстоположеніе этихъ волостей указываютъ въ настоящее время: село Словенскъ на р. Березинѣ Ошмянскаго уѣзда Виленской губерніи, мѣстечко Могильна на р. Нѣманѣ Игуменскаго уѣзда, село Куносы на р. Каменцѣ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи, неподалеку отъ Могильны.—Логожскъ и Каменецъ король Казимиръ пожаловалъ князю Александру Чорторыйскому, а в. князь Александръ въ 1496 году подтвердилъ ихъ своимъ листомъ на вѣчность сыну его кн. Семену вмѣстѣ съ выслугами кн. Александра въ Новгородскомъ повѣтѣ (Осташинъ, Споровъ) „такежъ люди Логовского жъ повѣта на имя Колодязи а Новый дворецъ [264])". По смерти князя Семена замокъ Логожскъ (а также, повидимому, и дворъ Каменецъ) спалъ на его дочерей, на Александру, бывшую за мужемъ за паномъ Василіемъ Тишковичемъ, и на Софью. Послѣдняя „посполъ съ дѣтьми своими" продала въ 1528 году зятю своему пану Василью Тишковичу свою часть, „которая половица того замку и мѣста и людей путныхъ и тяглыхъ и селъ боярскихъ и пашни дворное" на нее спала. Король утвердилъ за паномъ Тишковичемъ на вѣчность эту покупку „и тежъ тую половицу въ томъ жо замку, што на жону его Александру въ дѣлу отъ тое сестры ей пришло [265])". Нынѣшнее мѣчтечко Логойскъ на р. Гайнѣ Борисовскаго уѣзда Минской губерніи, по всей вѣроятности, находится на мѣстѣ древняго Логожска; неподалеку отъ него въ Вилейскомъ уѣздѣ на границѣ съ Минскомъ есть село Каменецъ, которое можетъ служить указаніемъ на мѣстоположеніе вышеупомянутаго Каменца.

По сосѣдству съ этими волостями, черезполосно, лежали волости, принадлежавшія сначала князю Василію Михайловичу Верейскому, а потомъ панамъ Гаштольдамъ. Король Казимиръ далъ въ вотчину князю Василію Михайловичу Верейскому, убѣжавшему изъ Москвы въ 1483 году, городъ Любечъ (изъ состава Кіевской земли) и, кромѣ того, дворы и волости: *Койдановъ* (нынѣ мѣстечко Минскаго уѣзда на р. Нетечи), *Рубежевичи* (мѣстечко на р. Сулѣ Великосельской волости того же уѣзда), *Усу* (на р. того же имени, впадающей въ Нѣманъ), *Старинки* (мѣстечко Великосельской волости на верховьѣ р. Перетуты, впадающей въ Усу), *Ислочь* (на р. Ислочи, впадающей въ

---

263) Starożytna Polska, IV, 677.

264) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 85.

265) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 385, 386.

правый притокъ Нѣмана Березину), *Воложинъ* (мѣстечко Ошмянскаго уѣзда на р. Воложинкѣ, впадающей справа въ Ислочь), *Радошковичи* (заштатный городъ Вилейскаго уѣзда на р. Вязынкѣ, лѣвомъ притокѣ Виліи); великій князь Александръ въ 1499 году подтвердилъ ему все это своимъ листомъ[266]). Въ 1506 году, когда не было уже въ живыхъ ни князя Василія Михайловича, ни его княгини, король Сигизмундъ припустилъ къ этимъ имѣньямъ пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда „по близости панее его къ тымъ имѣньямъ" [267]). По смерти пана Альбрехта Мартиновича имѣньями этими владѣла его вдова Софья, какъ это видно, напр., изъ королевскаго листа отъ 10 сентября 1540 года по поводу притѣсненій, чинившихся ея урядниками въ Любечѣ кіевскимъ мѣщанамъ[268]).—Отъ этого же года дошелъ любопытный листъ князя Юрья Семеновича Слуцкаго, который онъ послалъ своимъ намѣстникамъ *Старосельскому* и *Тоновскому* Андрею Григорьевичу и *Раковскому* Ѳедору Ивановичу съ приказаніемъ давать „справедливость конечную безъ отволоки" подданнымъ паньи Софьи на всѣхъ подданныхъ Старосельскихъ и Тоновскихъ и Раковскихъ—бояръ, слугъ путныхъ и тяглыхъ людей „во всѣхъ кривдахъ" и съ извѣщеніемъ, что панья Софья въ свою очередь приказала то же самое своимъ намѣстникамъ Койдановскому, Рубежовскому и Ислоцкому [269]). Упоминаемыя здѣсь волости князя Слуцкаго лежали черезполосно среди волостей великокняжескихъ и Гаштольдовскихъ; на мѣстоположеніе ихъ указываютъ въ настоящее время: Старое Село на р. Птичѣ, селеніе Тонова недалеко отъ Рубежевичъ къ сѣверо-западу, мѣстечко Раковъ на р. Ислочи—всѣ Минской губ. и уѣзда.

Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ получилъ по наслѣдству, кромѣ имѣній князя Верейскаго, еще *Трабы*, вотчину князей Трабскихъ на р. Клевѣ (Ошмянскаго уѣзда Виленской губерніи). Это имѣніе перешло къ нему по смерти бабки его Марьи, вдовы кн. Семена Семеновича Трабскаго, но только частью, а цѣликомъ—по смерти сестры его Елизаветы, бывшей за мужемъ за паномъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиловича. Король Александръ въ 1502 г. утвердилъ за нимъ все это имѣнье сполна и далъ ему „увяжчій листъ" съ приказаніемъ „ко всимъ боярамъ и слугамъ и людемъ всимъ всихъ имѣній княгини

---

266) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 118, V, л. 90.
267) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 43.
268) Ibidem, л. 32.
269) Ibidem, л. 36.

Семеновое Трабское“ слушаться во всемъ пана Гаштольда, какъ слушались и его бабки [270]). Къ этимъ имѣньямъ, кромѣ Трабъ, принадлежали: *Быхова* (нынѣ уѣздный городъ Могилевской губ. на р. Днѣпрѣ), *Добоіины* (нынѣ село Добосна на р. того же имени Рогачевскаго уѣзда Могилевской губ.), *Гольшаны* (часть), *Доркишки*, *Еросимишки*, *Долишки*, *Видишки* (нынѣ мѣстечко на р. Свентѣ Вилькомирскаго уѣзда), *Заяковъ* и *Глускъ* [271]).

На р. Свислочи выше Минска находился *Жеславль* (нынѣ мѣстечко Заславъ Минскаго уѣзда), родовое гнѣздо князей Жеславскихъ, потомковъ Явнута Гедиминовича. Неподалеку отъ Жеславля находилось *Соломеречье* (нынѣ сельцо Семково Городецкой волости Минскаго уѣзда), родовое имѣнье князей Соломерецкихъ.

Въ Виленскомъ повѣтѣ въ разныхъ мѣстахъ разсѣяны были имѣнья князей Гольшанскихъ, потомковъ князя Ивана Ольгимунтовича [272]). Родъ ихъ съ теченіемъ времени (въ концѣ XV вѣка) раздѣлился на двѣ вѣтви: князей Гольшанскихъ, у которыхъ „головнымъ“ имѣніемъ былъ замокъ *Гольшаны* на р. Гольшанкѣ, справа впадающей въ притокъ Нѣмана Березину, и кн. Дубровицкихъ, владѣвшихъ замкомъ *Дубровицею* въ землѣ Волынской на р. Горыни [273]) Изъ жалованной грамоты князя Юрья Семеновича Кіевскому Печерскому монастырю видно, что имъ, кромѣ того, принадлежали *волости Глуская и Порѣчская* [274]); впослѣдствіи эти волости отошли отъ нихъ въ родъ князей Трабскихъ, а потомъ въ родъ Гаштольдовъ. На центральныя поселенія этихъ волостей указываютъ въ настоящее время мѣстечко Глускъ и село Порѣчье на р. Птичѣ Бобруйскаго уѣзда Минской губ. Еще при королѣ Казимирѣ въ 1486 году всѣ „тыи имѣня, што была правая отчина князю Андрею Семеновичу“ (брату вышеупомянутаго кн. Юрья), а именно *Доркишки*, *Больники* (мѣстечко Жмуйдецкой волости Вилькомирскаго уѣзда) и часть Глуска присужены „подлугъ права“ паньѣ Аннѣ, женѣ воеводы Троцкаго Мартина Гаштольда [275]). Изъ королевскаго подтвержденья (24 ноября 1507 г.) раздѣла имѣній между кн. Александромъ Юрьевичемъ Гольшанскимъ и его братаничемъ кн. Юріемъ Ивановичемъ Дубровицкимъ видно, что

---

[270]) Литов. Метр. кн, Корон. Переписс. XXVII, л. 13.

[271]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 351.

[272]) Codex epistolaris Vitoldi, № CCXXXIV.

[273]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 77.

[274]) Акты Зап. Рос. I, № 72; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXXV.

[275]) Литов Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 40.

потомкамъ кн. Ивана Ольгимунтовича, кромѣ того, принадлежали: *Шешолы*, *Житинъ*, *Станково*, *Романово*, *Золотеево*, *Горбачево*, *Подоляне* [276]). На мѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: с. Шешоли Вилькомирскаго уѣзда къ юго-востоку отъ уѣзднаго города, с. Житинѣ на р. Птичѣ Бобруйскаго уѣзда, с. Станьково Минской губ. и уѣзда, мѣстечко Романово при р. Моричи Слуцкаго уѣзда, хуторъ Подолянка въ 6 верстахъ отъ села Городка Жмарина (Семкова, названнаго такъ, быть можетъ, по князю Семку [277]). Въ этихъ имѣньяхъ по женѣ, дочери князя Семена Юрьевича, получилъ было часть князь Константинъ Острожскій, но онъ уступилъ эту часть князю Александру Юрьевичу, который съ своей стороны уступилъ князю Константину свою часть въ Степани (теперь мѣстечко Волынской губ. Ровенскаго уѣзда на р. Горыни) „какъ въ мѣстѣ, такъ у волости Степаньской" [278]). Князю Александру Юрьевичу принадлежало кромѣ того *Лебедево*, теперь мѣстечко Вилейскаго уѣзда на границѣ съ Ошмянскимъ [279]). Сынъ его Павелъ, бискупъ Луцкій, владѣлъ по наслѣдству *Дуниловичами* (нынѣ мѣстечко Вилейскаго уѣзда при рѣкѣ Зарѣжайнѣ, впадающей въ Дисну [280]).

Къ сѣверо-западу отъ великокняжескаго двора Ошмены находилось крупное панское имѣнье того же имени, родовое гнѣздо пановъ Заберезинскихъ и Дорогостайскихъ. При Александрѣ представители того и другаго рода, воевода Троцкій Янъ Юрьевичъ и кухмистръ Петръ Олехновичъ, имѣли „право" предъ королемъ и панами-радою о свои имѣнья. Панъ Петръ Олехновичъ заявилъ при этомъ: „былъ дел отцомъ нашимъ дѣлъ еще за великого князя Жикгимонта,—твоему отцу пану Юшку остался *Заберезинъ*, а моему отцу *Ошмена*". Но панъ воевода возразилъ, что Заберезинъ его отецъ выслужилъ на великомъ князѣ Сигизмундѣ, листъ котораго онъ представилъ на судѣ, а отецъ пана Петра выслужилъ *Гую* и *Вязыню*; „и вказывалъ тежъ листъ великаго князя Жикгимонта, што жъ отцомъ ихъ великій князь Жикгимонтъ велѣлъ подѣлити отчину, имѣнье у Ошменѣ, а выслуги дѣлити не велѣлъ" [281]). Какъ бы то ни было, но Ошмена съ теченіемъ времени сдѣлалась исключительною собственностью пановъ Дорогостайскихъ.

[276]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 191, 192.
[277]) Zbiór praw litewskich; str. 3.
[278]) Литов. Метр. кн. Запис. XI л. 57, 58.
[279]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 79.
[280]) Ibidem, str. 81.
[281]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 264.

На мѣстоположеніе Заберезина указываетъ теперь мѣстечко Забржезь Ошмянскаго уѣзда на р. Бондаровкѣ, Вязыни — мѣстечко Вязынь на р. того же имени Вилейскаго уѣзда, Гуи—селеніе Гуи того же уѣзда, недалеко отъ Радошковичъ. Кромѣ того, судныя записи во владѣніи пана Петра Олехновича называютъ еще *Ястребль* (повидимому, уже Новгородскаго повѣта,—теперь село Ястребль при р. Мышанкѣ, правомъ притокѣ Шары), а во владѣніи пановъ Заберезинскихъ *Кривичи* (теперь мѣстечко Вилейскаго уѣзда на р. Сервечи, правомъ притокѣ Виліи) *и Жесну* (теперь волость того же уѣзда недалеко отъ Кривичей [282]). Заберезинскимъ принадлежали и другія крупныя имѣнья въ предѣлахъ Виленскаго воеводства. Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность маршалку земскому, старостѣ Городенскому, пану Яну Юрьевичу (низведенному съ воеводства Троцкагó въ концѣ княженья Александра) имѣнья, которыя онъ выслужилъ на короляхъ Казимирѣ и Александрѣ,—дворы *Камень*, *Волму*, *Дубину*, людей данниковъ Марковскаго повѣта на р. Сервечи, дворъ *Олиту* съ дворцомъ *Сипномъ* (Троцкаго воеводства), четырехъ человѣкъ въ Чухлибовичахъ въ Мельницкомъ повѣтѣ. Дворы эти были подтверждены „пану Яну и его дѣтемъ и на потомъ будучимъ ихъ счадкомъ вѣчно, на вѣки вѣкомъ, со всими тыхъ имѣній и дворовъ бояры и зъ слугами путными, людми тяглыми, леити, конюхи, осочники, свинухи, данники", со всѣми землями пашными и бортными, съ сѣножатьми и другими угодьями, со всякими доходами, „со всимъ правомъ, властью и панствомъ, ничого не оставляючи на насъ (т. е. на короля), наслѣдки и потомки" [283]). На мѣстоположеніе этихъ дворовъ указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Камень Минской губерніи и уѣзда, мѣстечко Волма на р. Волмѣ, впадающей въ Ислочь тамъ же, село Дубина недалеко отъ Заберезина Ошмянскаго уѣзда Виленской губерніи.

Въ Ошмянскомъ же уѣздѣ Виленской губерніи на рѣчкѣ Черной, впадающей въ правый притокъ Нѣмана Опиту, находится мѣстечко *Гераноны*, которое въ изучаемое время было „головнымъ" имѣньемъ пановъ Гаштольдовъ. Имѣнье это выслужилъ на великомъ князѣ Сигизмундѣ Кейстутовичѣ Янъ Гаштольдъ, а Казимиръ и Александръ подтвердили его за панами Гаштольдами своими листами [284]). Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ актахъ, писанныхъ на нѣмецкомъ или латинскомъ языкахъ, величался „графомъ Мурованыхъ Ге-

---

[282]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, 211, 212; III, л. 79.

[283]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 129, 130.

[284]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 4; Starożytna Polska IV, 185.

раноинъ [285])". Такъ назывались эти *Старыя Героноины* или „Жигимонтовы", бывшія уже въ то время укрѣпленнымъ замкомъ, въ отличіе отъ *двора Гераноинъ*, находившагося неподалеку и принадлежавшаго панамъ Радивиламъ [286]). Одновременно съ Гераноинами Гаштольды выслужили еще *Петриловичи*, *Мѣдники* [287]) и *Девенишки* (теперь мѣстечко на р. Гавьѣ Ошмянскаго уѣзда), а затѣмъ, въ 1528 году, *Липнишки* (тамъ же) [288]). Панъ Альбрехтъ Мартиновичъ выслужилъ, кромѣ того, *Довкгелишки* (теперь мѣстечко Свенцянскаго уѣзда, къ сѣверу отъ уѣзднаго города) [289]) и др.

Въ Виленскомъ повѣтѣ находились и имѣнія пановъ Саковичей, кромѣ упомянутаго уже Мяделя. Въ 1500 году в. князь Александръ подтвердилъ своимъ листомъ пану Юрью Андреевичу Саковичу всю отчину его, такъ какъ братъ его Богданъ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ ему свою часть „*на Ивенцы*, *въ Кіевцы*, *въ Косичохъ*, *на Гребени*, *въ Кобыличохъ*, *въ Теляковъ*, *въ Повидишкахъ* [290])". На мѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Ивенецъ Минской губерніи и уѣзда на р. Волмѣ, с. Кіевецъ на р. Ислочи тамъ уже, с. Гребень на р. Птичѣ Игуменскаго уѣзда Минской губ., село Теляки тамъ же, неподалеку отъ Гребени.

Въ изучаемое время владѣльцами крупныхъ имѣній въ повѣтѣ Виленскомъ были и паны Кишки. Часть этихъ имѣній по женской линіи перешла, впрочемъ, къ панамъ Радивиламъ. Панъ Петръ Станиславовичъ, воевода Полоцкій, подѣлился со своимъ зятемъ, паномъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиловича, имѣньями своими „отчизными и материзными": онъ оставилъ за собою имѣнье *Ивье* „въ дворцы, селы и приселки и со всимъ съ тымъ, какъ дѣдъ ихъ панъ Петръ держалъ и какъ ся тое имѣнье зъ стародавна въ себѣ маетъ", *Дусьменъ* „въ дворцы и пашнями и зъ селы и зъ приселки", а пану Яну Миколаевичу „поступился *Несвижа* зъ селы и приселки и зъ *волостью Шацкою* и со всимъ съ тымъ какъ дѣдъ ихъ панъ Петръ держалъ", а *волость Лаховскую*, *Куренецъ* и всѣ другія имѣнья они уговорились подѣлить пополамъ. Но этотъ раздѣлъ совершился уже по смерти пана Яна Миколаевича, въ 1523 году, между паномъ Петромъ Станиславо-

---

[285]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 570—572.
[286]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 59.
[287]) Литов. Метр. кн. Запис. II.
[288]) Starożytna Polska IV, 186, 187.
[289]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 14.
[290]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 100.

вичемъ и его сестрою: первому достались „*замокъ Лоско* со всимъ, а къ тому три дворы Крожскіе, *Крожипромъ*, *Болтишки*, *Есишки*, со всимъ съ тымъ, какъ ся тые дворы въ собѣ маютъ, а *Куркли*, а *Дявилтово* также во всимъ"; сестрѣ его достались замокъ *Олыка*, дворъ *Сеножичи* „со всимъ, кромъ Кормыжа а Гостьское Луки", которые она уступила брату „къ Лоску" взамѣнъ нѣкоторыхъ людей въ волости Лаховской, дворъ *Дубровы и Недрезна* „со всимъ, какъ ся въ себѣ маютъ"; а волость Лаховскую они подѣлили пополамъ [291]). На мѣстоположеніе этихъ имѣній указываютъ въ настоящее время: мѣстечко Ивье въ южной части Ошмянскаго уѣзда недалеко отъ рѣки Нѣмана, мѣстечко Душмяны Троцкаго уѣзда, заштатный городъ Несвижъ Минской губ. Слуцкаго уѣзда, мѣстечко Шацкъ при рѣкѣ Шацѣ, впадающей справа въ Птичь, Игуменскаго уѣзда, мѣстечко Лоскъ Ошмянскаго уѣзда, мѣстечко Куркли Вилькомирскаго уѣзда, мѣстечко Дзевалтово того же уѣзда близъ Вилькомира, мѣстечко Олыка Волынской губ. Дубенскаго уѣзда на р. Путиловкѣ, с. Сенѣжицы на р. Сенѣжицѣ Новгородскаго уѣзда Райчанской волости, Лахва на р. того же имени, впадающей въ Днѣпръ въ Могилевской губ. Изъ перечисленныхъ имѣній въ Виленскомъ повѣтѣ находились Ивье, Лоскъ, Несвижъ, Куркли, Дявилтово и волость Лаховская; вышеупомянутые Крожскіе дворы находились въ землѣ Жмудской, Дусьмены въ повѣтѣ Троцкомъ, замокъ Олыка въ землѣ Волынской, Сеножичи принадлежали къ воеводству Виленскому въ составѣ Новгородскаго повѣта.

Можно и еще, кромѣ того, указать нѣсколько крупныхъ княжескихъ и панскихъ имѣній въ Виленскомъ повѣтѣ. Таковы, напр., *Вижуны* (нынѣ мѣстечко Вилькомирскаго уѣзда на р. Вижункѣ системы Свенты)—имѣнье пана Юрія Остиковича [292]); *Дубинки* (нынѣ мѣстечко Гедройцской волости Виленскаго уѣзда), имѣнье пановъ Радивиловъ [293]); *Кадтеняны* (нынѣ мѣстечко Свенцянскаго уѣзда при озерѣ Крегоны), имѣнье пановъ Нарбутовъ [294]); *Контяжинъ* (нынѣ село Концяржино Свенцянскаго уѣзда къ сѣверовостоку отъ уѣзднаго города), принадлежавшій великой княгинѣ Еленѣ [295]) и отданный послѣ ея смерти боярину смоленскому Захарью Полтеву „въ хлѣбокормленіе" до очи-

[291]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 86—88.
[292]) Литов. Метр. кн. Запис. X. л. 85.
[293]) *Onieckiego* Poczet rodów, str. 277.
[294]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 40.
[295]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 197—198.

щены отчины его отъ непріателя Московскаго [296]), *Лынтупы* (теперь мѣстечко Свенцянскаго уѣзда)—имѣніе пановъ Ильиничей [297]); замокъ *Жодишки* (теперь мѣстечко Виленской губерніи Свенцянскаго уѣзда на р. Виліи), записанный въ 1512 году паномъ Мордасомъ Мишковичемъ пану Григорью Станиславовичу Остиковича [298]); *Вишнево* (нынѣ мѣстечко Свенцянскаго уѣзда на р. Вишневкѣ системы Березины, впадающей въ Нѣманъ)—имѣнье Кгедикгольдовичей [299]); *Селищи* (нынѣ деревня Седлищка близъ Молодечна), *Маньковичи* и *Груздово* (села Маньковичской волости Вилейскаго уѣзда)—имѣнья пана Миколая Миколаевича Радивиловича, канцлера и воеводы Виленскаго, по смерти котораго ими владѣла (въ 1531 году) его жена Алжбета [300]); *Ожуны* (нынѣ село Лучайской волости того же уѣзда)—имѣнье князя Михайла Ивановича Мстиславскаго, по смерти котораго имъ владѣла жена [301]); *Сервечъ* (нынѣ Сервечъ Великій Долгиновской волости Вилейскаго уѣзда)—имѣнье пановъ Глѣбовичей [302]); *Осово* (нынѣ село въ сѣверной части Борисовскаго уѣзда Минской губ.)—имѣніе князя Андрея Владимировича Ольгердовича, записанное имъ Кіево-Печерскому монастырю на вѣчность [303]); *Боранъ* (нынѣ село на р. Исхѣ Борисовскаго уѣзда къ сѣверу отъ уѣзднаго города) и *Смолевичи* (на р. Плиссѣ, правомъ притокѣ Березины, того же уѣзда)—имѣнья князя Константина Ивановича Острожскаго, ранѣе принадлежавшія князьямъ Гольшанскимъ [304]); *Узда* (нынѣ мѣстечко Игуменскаго уѣзда на рѣчкѣ Уздянкѣ системы Нѣмана), *Гатово* (село на р. Свислочи Минскаго уѣзда) и *Закревье*—имѣнья пановъ Корсаковичей [305]); дворъ *Холхло* (нынѣ мѣстечко Вилейскаго уѣзда Вилен. губ. на границѣ съ Ошмянскимъ), которымъ въ XV в. владѣли кн. Мстиславскіе, а въ XVI в.

---

[296]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 89.

[297]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28.

[298]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39, 40.

[299]) *Boniecкiego* Poczet rodów, str. 62.

[300]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 94, 95.

[301]) Ibidem.

[302]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 2, 3.

[303]) Акты Зап. Рос. I, № 111.

[304]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43; Starożytna Polska IV, 682; Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси т. I, № 7, 9. Вильна 1867. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXI, LXXXV.

[305]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 145. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

паны Радивиловичи [306]). Въ повѣтѣ Виленскомъ лежали, кромѣ того, нѣкоторыя крупныя церковныя имѣнія, какъ напр. замокъ *Турогно* (нынѣ мѣстечко Таврогины Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губ.), пожалованный еще въ 1387 году королемъ Владиславомъ-Ягелломъ костелу св. Станислава въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ волостями *Верками* (теперь село Виленскаго уѣзда на р. Вилнѣ близъ впаденія ея въ Вилію) и *Бакштами* (нынѣ село на р. Березинѣ Ошмянскаго уѣзда) [307]); *волость Стрѣшинская* (нынѣ мѣстечко Рогачевскаго уѣзда на р. Днѣпрѣ), также принадлежавшая церкви св. Станислава въ Вильнѣ [308]) и др.

Въ составъ Виленскаго повѣта, по всѣмъ признакамъ, входили въ изучаемое время и нѣкоторыя волости, принадлежавшія ранѣе, судя по ихъ географическому положенію и нѣкоторымъ бытовымъ особенностямъ, въ Витебской землѣ. Таковы были: Могилевъ, Княжичи, Тетеринъ и Ободьцы.

Могилевъ съ волостью въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка принадлежалъ королевѣ Ядвигѣ [309]). Ягелло счелъ умѣстнымъ „вѣновать" свою жену именно въ Витебской землѣ, которая была его наслѣдственнымъ удѣломъ (на принадлежность Могилева къ Витебской землѣ намекаетъ сборъ *яловщины* въ пользу великаго князя, общій для всей Витебской земли [310]). Въ XV вѣкѣ Могилевъ находился въ непосредственномъ владѣніи великихъ князей и отдавался ими въ держанье особому *намѣстнику* на ряду съ другими Поднѣпрскими и Задвинскими (изъ состава Витебской земли) волостями [311]). Король Александръ въ 1503 году пожаловалъ замокъ Могилевъ съ волостями и со всѣми доходами своей супругѣ Еленѣ „до живота" [312]). По смерти Елены король Сигизмундъ отдалъ замокъ Могилевъ съ мѣстомъ и волостью въ держанье сначала пану Яну Щиту, а вскорѣ затѣмъ пану Юрью Зеновьевичу [313]). Въ листѣ, данномъ пану Юрью Зеновьевичу на держанье Могилева, онъ названъ *державцею*; но въ листѣ, выданномъ ему на другой день (8 апрѣля 1514 года) на право собирать

---

[306]) Археографич. Сборникъ изд. въ Вильнѣ, т. I, № 23; VII, № 4—7.

[307]) Scarbiec dyplomatów I, № 538.

[308]) Акты Зап. Рос. I. № 15; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 90.

[309]) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. III, № 1

[310]) Акты Зап. Рос. II, № 86; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.

[311]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 26; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 15; IV, л. 87.

[312]) Scarbiec dyplomatów II, № 2153.

[313]) Акты Зап. Рос. II, № 86.

доходы съ волости въ свою пользу, въ счетъ 1500 копъ грошей, которые ему задолжалъ король, онъ названъ намѣстникомъ Могилевскимъ [314]). Послѣ пана Юрья Зеновьевича державцею Могилевскимъ по актамъ выступаетъ Янъ Якубовичъ Немировича, отъ котораго сохранилась запись въ пользу жены на третью часть имѣнья, помѣченная 8 іюля 1518 года [315]). Въ 1520 году король отдалъ замокъ Могилевъ съ волостью князю Василью Ивановичу Соломерецкому на три года со всѣми доходами великокняжескими и намѣстничьими за исключеніемъ медовой дани „на выбиранье пенязей его", а послѣ того —въ простое держанье, причемъ великокняжескіе доходы должны были собираться уже на господаря [316]). Въ слѣдующемъ году января 16 король выдалъ князю Соломерецкому новый листъ на держанье замка Могилевскаго „до живота" съ правомъ брать съ великокняжескихъ людей тѣ же доходы, „што есмо казали пану Щиту зъ волости нашое брати" [317]). Такой листъ былъ выданъ князю Соломерецкому за то, что онъ отступился отъ 500 копъ грошей и отъ волости Любошанской, которую держалъ „въ заставѣ" въ этихъ 500 копахъ. Князь Василій Ивановичъ именуется въ актахъ обыкновенно *намѣстникомъ* Могилевскимъ, напр., въ арендномъ листѣ, выданномъ мытнику Берестейскому Михелю Езофовичу на корчмы Могилевскія, воскобойню и вѣсчее [318]).

Королева Елена въ 1501 году получила отъ своего мужа дворы *Княжичи* (нынѣ мѣстечко на р. Лахвѣ Могилевскаго уѣзда) и *Тетеринъ* (нынѣ мѣстечко на р. Друти того же уѣзда) [319]), въ которыхъ она посадила своего намѣстника кн. Матоея Микитинича [320]); съ 1503 г. онъ сталъ править и въ Могилевѣ [321]). Дворы Княжичи и Тетеринъ въ началѣ княженья короля Казимира находились въ господарскомъ владѣніи, а потомъ были пожалованы князю Ивану Юрьевичу Мстиславскому [322]). По смерти его в. князь Александръ взялъ на себя всѣ выслуги князя Юрія Лингвеньевича и Ивана Юрьеви-

---

[314]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 588.

[315]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43.

[316]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28.

[317]) Ibidem, X, л. 30.

[318]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 85, 96.

[319]) Scarbiec dyplomatów II, № 2136.

[320]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37.

[321]) Ibidem, № 45.

[322]) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. II, № 2; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 15; IX, л. 221.

ча [323]), въ томъ числѣ и Княжичи съ Тетеринымъ, которые онъ и отдалъ своей женѣ. По смерти королевы Елены Тетеринъ сталъ отдаваться въ держанье великокняжескимъ намѣстникамъ: князю Василью Андреевичу Полубенскому [324]), а потомъ, въ 1524 году, кн. Михаилу Ивановичу Мстиславскому [325]). Въ рукахъ князя Мстиславскаго Тетеринская волость находилась до конца изучаемаго времени, при чемъ князь Мстиславскій держалъ въ Тетеринѣ своего намѣстника и маршалка, которые по его уполномочію и чинили судъ и управу въ Тетеринскомъ повѣтѣ [326]).

Во владѣніи королевъ и князей находился по большей части и дворъ *Обольцы* съ волостью (нынѣ мѣстечко Оршанскаго уѣзда Витебской губерніи). Обольцы въ началѣ Казимирова княженья были господарскою волостью [327]), потомъ были отданы „въ хлѣбокормленье" князю Семену Шемячичу и его сыну Василью, отъ нихъ снова перешли господарю, изъ рукъ котораго ихъ держалъ намѣстникъ Рошскій [328]). Король Александръ отдалъ Обольцы въ 1501 году женѣ своей Еленѣ въ пожизненное владѣніе [329]), а Сигизмундъ — королевѣ Бонѣ, которая держала въ Обольцахъ своего державцу, поручая отъ себя судить его и провѣрять воеводѣ Витебскому [330]).

Перечисленныя волости, по всѣмъ признакамъ, принадлежавшія нѣкогда къ Витебскому княженію, благодаря тому, что были во владѣніи королевъ и удѣльныхъ князей, оторвались отъ Витебской земли: городъ Витебскъ потерялъ для нихъ значеніе политическаго средоточія, и его въ этомъ отношеніи замѣнили Вильна и Мстиславль. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ волостей упоминаются даже въ составѣ Виленскаго повѣта, напр., Тетеринъ, который въ спискѣ кормленій, розданныхъ смоленскимъ боярамъ въ 1514 году, прямо причисленъ къ Виленскимъ дворамъ [331]) Обольцы по дарственной записи короля Ягелла (1 іюня 1387 г.) на костелъ въ Обольцахъ обозначаются также in terra Lithuaniae (не былъ ли костелъ построенъ

---

[323]) Акты Зап. Рос. I, № 131.
[324]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 221.
[325]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 144; Акты Зап. Рос. II, № 136.
[326]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 33.
[327]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10, 11.
[328]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 236.
[329]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346—348.
[330]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 14—16, 87—90.
[331]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 589—591.

по тому случаю, что Обольцы были отданы Ядвигѣ вмѣстѣ съ Могилевомъ?) [332]). При королѣ Казимирѣ въ Обольцахъ распоряжался раздачею земель Виленскій воевода Мартинъ Гаштольдъ [333]). Оболецкая волость, повидимому, окончательно примкнула къ Виленскому повѣту; по крайней мѣрѣ, по описи Полоцкаго и Витебскаго повѣтовъ, произведенной московскими служилыми людьми въ 1563 году, Виленскій повѣтъ врѣзывался клиномъ между Полоцкимъ и Витебскимъ какъ разъ въ сторону Оболецъ (здѣсь лежали, напр., слѣдующія села Виленскаго повѣта: Бѣлица, Ульяновичи, Озерецкое, волость Конево [334]). Что касается Могилева, то на связь его съ Виленскимъ повѣтомъ намекаетъ, напр., то обстоятельство, что Могилевцы „зъ вѣковъ... сѣно въ Борисовѣ кошивали" [335]). Намѣстникъ-державца въ Могилевѣ, бывшемъ удѣломъ королевы, впрочемъ, пользовался едва ли не большею самостоятельностью сравнительно съ другими намѣстниками-державцами Виленскаго повѣта, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется отсутствіе прямыхъ указаній на принадлежность Могилева къ Виленскому повѣту. По областному разграниченію, сопровождавшему введеніе повѣтовыхъ сеймиковъ и земскихъ судовъ и должностей по польскому образцу, Могилевъ, Тетеринъ, Княжичи и Обольцы вошли въ составъ Оршанскаго повѣта Витебской земли, къ которой принадлежали нѣкогда и съ которою связывало ихъ бытовое единство [336]).

Такимъ образомъ, судебно-административный округъ Виленскаго воеводы заключалъ въ себѣ: нынѣшніе Новоалександровскій и бо́льшую восточную часть Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи; уѣзды Виленской губерніи: Виленскій, Ошмянскій, Свенцянскій и Вилейскій, небольшую восточную часть Лидскаго, западную часть Дисненскаго уѣзда по р. Березвечъ, впадающую въ Дисну, и Волту, впадающую въ З. Двину (см. ниже о землѣ Полоцкой); уѣзды Минской губерніи: Минскій, Игуменскій, Бобруйскій, почти весь Борисовскій (за исключеніемъ сѣверной части) и сѣверную половину Рѣчицкаго уѣзда; затѣмъ, повидимому, почти весь Могилевскій уѣздъ, Быховскій, Рогачовскій, западную часть Чаусскаго, бо́льшую южную часть Чериковскаго уѣзда, небольшую югозападную часть Сѣннинскаго и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Оршанскаго уѣзда Могилевской губерніи.

---

[332]) Scarbiec dyplomatów I, № 544.

[333]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 219.

[334]) Писцовыя книги, изданныя Импер. Русск. Географич. Обществомъ, ч. II, стр. 423.

[335]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 116.

[336]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 124.

V.

Въ записяхъ Литовской Метрики относительно отправленія военной службы обыкновенно въ числѣ дворовъ Виленскаго воеводства помѣщается и замокъ господарскій Новгородокъ Литовскій съ его повѣтомъ [337]. Это даетъ право причислить его къ составу Виленскаго воеводства. Но, кромѣ военныхъ связей, не было еще никакихъ другихъ, которыя бы соединяли Новгородскій повѣтъ съ округомъ Виленскаго воеводы. Великокняжескій намѣстникъ въ Новгородкѣ Литовскомъ правилъ совершенно самостоятельно, не подчиняясь по дѣламъ гражданскаго управленія и суда Виленскому воеводѣ, какъ высшей инстанціи. Ни воевода, ни другіе центральные Виленскіе урядники не въѣзжали ни за чѣмъ въ Новгородскій повѣтъ, который имѣлъ свой особый штатъ урядниковъ на подобіе Виленскаго. Главный изъ этихъ урядниковъ до 1507 года назывался большею частью *намѣстникомъ*, изрѣдка *державцею* и даже *воеводою* Новгородскимъ. Такъ, первый изъ правителей Новгородскаго повѣта по смерти Витовта, Петрашъ Монтыгирдовичъ (1431—1452) называется въ источникахъ и намѣстникомъ, и воеводою [338]; воеводою назывался князь Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій, которому данъ въ держанье Новгородокъ въ 1500 г., одновременно съ назначеніемъ его на должность „гетмана навышшаго" (ранѣе онъ былъ старостою Луцкимъ и маршалкомъ земли Волынской [339]); преемникъ его послѣ пана Петра Глѣбовича, панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, назывался и намѣстникомъ, и державцею [340]. Въ 1507 году Новгородокъ „и зо всими врады Новгородскими, съ ключомъ и зъ городничимъ," данъ былъ „въ держанье до живота" князю Ивану Львовичу Глинскому, который былъ передъ тѣмъ воеводою Кіевскимъ. Привилей, выданный по этому случаю князю Глинскому отъ имени в. князя Сигизмунда, гласитъ: „не рушаючи его во чти и въ мѣстцы его въ томъ, которое жъ онъ водлѣ годности и заслуги своее отъ брата нашего мѣлъ, будучи воеводою Кіевскимъ...

---

[337]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 26—34; кн. Запис. XXVIII, л. 123—135.

[338]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 34; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 58; Акты Виленской Археографич. коммиссіи XI, № 1; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № L, LXXXVII.

[339]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 183, 189, 190.

[340]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 225, 226, 241, 242.

и къ тому не хотѣчи его писати въ титулѣ его иначей, какъ передъ тымъ писанъ,... маемъ его воеводою Новгородскимъ и маршалкомъ нашимъ въ титулѣ его писать; а мѣстцо въ радѣ, межи пановъ рады нашое великого князства Литовского, дали есмо ему подлѣ пана старосты Жомойтского" [341]). Названіе „воевода" послѣ того уже окончательно утвердилось за главнымъ урядникомъ Новгородскаго повѣта. Это переименованіе имѣло, однако, только титулярное и почетное значеніе и не внесло никакихъ перемѣнъ въ должностное положеніе Новгородскаго урядника, который, какъ былъ, такъ и остался самостоятельнымъ правителемъ Новгородскаго повѣта, бывшаго частью Виленскаго воеводства въ военномъ отношеніи. При намѣстникѣ-воеводѣ въ Новгородкѣ Литовскомъ, нѣкогда стольномъ городѣ удѣльнаго княжества, сохранялся штатъ урядниковъ удѣльнаго происхожденія, а именно: конюшій, ключникъ, городничій. Объ урядахъ ключника и городничаго было упомянуто выше. Въ 1510 году король Сигизмундъ придалъ пану Яну Яновичу Заберезинскому къ воеводству Новгородскому „врядии, городничое а конюшое Новгородскіи", „а онъ,—гласитъ его привилей,—подвезался намъ о пріѣханьи нашомъ къ Новугородку подняти насъ стацеею всякою на кухню нашу и на оброки, а конемъ сѣна и овса достатокъ дати, поки тамъ въ Новѣгородкѣ будемъ мѣшкати; а къ тому ренъ намъ замокъ Новгородскій оправити" [342]).

Самостоятельное положеніе Новгородскаго намѣстника-воеводы, ведя свое происхожденіе отъ удѣльной эпохи, объясняется тѣмъ, что онъ былъ преемникомъ удѣльнаго князя. Удѣльный столъ въ Новгородкѣ Литовскомъ упразднился, какъ было сказано въ предшествующемъ очеркѣ, въ 1406 г., послѣ чего Новгородокъ поступилъ подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ. Но въ 1428 г. великій князь Витовтъ записалъ Новгородокъ съ его повѣтомъ (terram castrumque Nowogrodek Lithwanicum cum toto districtu Nowogrodensi) женѣ своей Ульянѣ за вѣно (racione veri et justi dotalicii dicti vulgariter wyano) въ пожизненное владѣніе. При этомъ утверждена была обособленность Новгородскаго повѣта, населеніе котораго освобождено было отъ всякихъ повинностей, буде такія существовали, на другіе замки и дворы, кромѣ Новгородскаго (ob omnibus laboribus et angariis aliorum nostrorum castrorum et curiarum, si prius extra suum castrum Nowogrodek laborare consueverunt vel servire, ut peramplius

[341]) Акты Зап. Рос. II, № 7.

[342]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 339.

a talibus liberi debent esse et soluti). Эта обособленность вмѣстѣ съ историческимъ происхожденіемъ должности Новгородскаго намѣстника и обусловливали его самостоятельное положеніе.

Запись Витовта опредѣляетъ и территорію Новгородскаго княжества, перечисляя дворы и волости, которыя входили въ его составъ, а именно: *Новое Село* или *Кубарка*, Городечна, Бретена, Басино, *Полбреегъ*, *Долятичи*, Любчъ, Осташинъ, Негневичи, Полоная, Корeличи, Свержно, Цырма (Цыринъ), Полонка, *Почаповъ*, Ляхово и *Бобръ*, кромѣ дворовъ и волостей, которые держали служилые князья (quas quidem duces tenent in eadem terra Nowogrodensi) [343]). Въ источникахъ изучаемаго времени всѣ эти дворы съ волостями (кромѣ напечатанныхъ здѣсь курсивомъ), также выступаютъ составными частями Новгородскаго судебно-административнаго округа. Въ 1525 году 27 іюня король Сигизмундъ подтвердилъ пану Яну Юрьевичу Глѣбовича и его теткѣ паньѣ Войтеховой Яновича Маринѣ землю, которую они купили у слуги путнаго Новгородскаго повѣта Савостьяна Тишковича „за дозволеніемъ пана воеводы Новгородскаго",—„всю отчизну его въ *Городечнѣ* зъ домомъ и съ пашнею дворною и зъ сѣножатми, и зъ гаи, и зъ лѣсы и дубровами, и зъ рѣками, изъ млыны и со всѣмъ съ тымъ, какъ самъ тотъ Савостіянъ тую жъ землю держалъ" [344]). Въ 1514 году 22 іюня данъ былъ князю Ивану Филипповичу Крошинскому листъ до воеводы Новгородскаго, „абы ему увязанье далъ" въ землю пустую конюшскую Малевщину „въ Новгородцы въ *Бретинѣ*" [345]).—Въ 1513 году 2 марта король извѣщалъ воеводу Новгородскаго, старосту Дорогицкаго, пана Яна Яновича Заберезинскаго объ утвержденьѣ „записа" боярыни Новгородской Борисовой Ѳетиньи и сына ея Никона,—„штожъ спустила и дала на вѣчность по дочцѣ своее Овдотьѣ боярину смоленскому, зятю своему Прокону Андреевичу, третюю часть имѣнья, выслуги мужа своего *въ Басинѣ* въ людѣхъ и въ челяди невольной, и въ земляхъ пашныхъ и пустовскихъ, а онъ злюбилъ ей, ижъ маеть за нее и за сына ее службу земскую съ того заступати до тыхъ часовъ, поки тотъ сынъ ее лѣтъ своихъ доростетъ; а она вжо и сынъ ее не маеть ему по той дочци своей выправы и вѣна дати" [346]). Въ 1525 году король Сигизмундъ отдалъ

343) Codex epistolaris Vitoldi, № MCCCXXI.

344) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 244, 245.

345) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 215.

346) Литов. Метр. кн. Запис IX, л. 75, 76.

Басино Богухвалу Дмитріевичу до живота, а въ 1528 г. его женѣ Богданѣ [347]).—*Любчо* король Казимиръ пожаловалъ пану Михаилу Кезгайловичу „и зъ людьми и зъ ловы звѣрынными и со всимъ правомъ, што къ тому имѣнью прыслухаеть", а отъ пана Михаила это имѣніе перешло къ племяннику его, писарю Ѳедку Григорьевичу, какъ это видно изъ „вырока" великаго князя Александра этому Ѳедку Григорьевичу „на ловы за Нѣмномъ къ имѣнью его Любчу въ Новгородскомъ повѣтѣ" [348]). Передъ самымъ изданіемъ перваго Статута Любчо перешло уже въ руки пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, который купилъ его у Хребтовичей [349]). – Дворъ *Осташинъ* „у Новгородской волости" въ 1446 г. пожалованъ былъ королемъ Казимиромъ князю Василью Ѳедоровичу Острожскому [350]); въ концѣ XV вѣка онъ былъ уже во владѣніи князя Семена Чорторыйскаго, какъ это открывается изъ акта, содержащаго въ себѣ „справу межи Ѳедкомъ Григорьевичемъ а княземъ Семеномъ Чорторыйскимъ о побраньѣ дерева съ пущи Любецкое" [351]). Вскорѣ послѣ того онъ снова перешелъ въ непосредственное владѣніе великаго князя, какъ это открывается изъ разныхъ раздачъ Осташинскихъ земель и людей. Въ 1502 году 16 марта король Александръ приказалъ Новгородскому намѣстнику ввести татаръ Темеша и Левка Кенковичей во владѣніе людьми тяглыми дякольными, на имя Кайшевичами, Новгородскаго повѣта Осташинцами [352]). Въ 1525 г. 24 октября король Сигизмундъ далъ дворянину Захарью Тризнѣ подтвердительный привилей, „што перво сего дали есмо ему дворъ въ Новгородскомъ повѣтѣ двора (т. е. волости) Осташинскаго зъ людми и съ челядью неволною и чотыры земли пустыхъ Цѣринскихъ и зъ житомъ и со всимъ съ тымъ, што къ нему прислухало" [353]).—Въ составѣ Новгородскаго повѣта источники упоминаютъ и дворъ *Негнѣвичи*: въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянамъ Ивану, Василью и Ѳедору Уколовымъ половину двора Новгородскаго Негнѣвичъ, даннаго еще отцу ихъ взамѣнъ отчины въ Брянскѣ, которую посѣлъ непріятель Московскій, — со всѣмъ по тому, „какъ тотъ дворъ передъ тымъ къ замку нашому Нов-

[347]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 13.
[348]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 95.
[349]) Starożytna Polska, IV, 524.
[350]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 51.
[351]) Литов. Метр. кн. Запис. VI. л. 154.
[352]) Ibidem, л. 206.
[353]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 287.

городскому держанъ былъ“ [354]).—Король Александръ далъ дворянину Ѳедору Колонтаеву „дворъ свой Новгородского повѣта на имя *Полоную* и тежъ села зъ людми того двора Полоное, на имя Боратино а Милошево, а Стрѣльники, а Претеневичы, а Кадчичы, и человѣка Нарутя Чуриновича, и слуги путныи, и люди тяглыи, и челядь невольную того двора Полоное, и садовники, и пшеничники Стрѣльницскими и Борятинскими, и перевозъ на рѣцѣ на Нѣмнѣ въ Турцы, земли пашныи и сѣножати, и гаи, и хмелищы на Сервечи и зъ болоты и ставы и ставищы“. Въ 1508 г. Сигизмундъ подтвердилъ ему все это своимъ листомъ „на вѣчность“ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими пожалованьями [355]).—О *Кореличахъ* упоминается въ записяхъ пожалованій Казимира „у Новгородской волости“: „Пашку Войниловичу у Короличахъ человѣкъ Ходорецъ“ [356]).—Что касается *Свержня*, то объ немъ упоминанье находимъ прежде всего въ привилеѣ короля Казимира отъ 1482 г., данномъ нѣкоему Есипу Дмитрову на село, „што держалъ небощикъ панъ Германъ, городничый Виленскій у Сверженекомъ повѣтѣ на Жатеревѣ со всимъ, што издавна къ тому слушитъ“ [357]). Въ 1495 г. этотъ дворецъ „Гармановскій городничого Виленского“ на Жатеревѣ, а также и имѣнье Полонка утверждены были за паномъ Литаворомъ Хребтовичемъ, который пріобрѣлъ ихъ покупкою отъ бояръ Новгородскаго повѣта [358]). При Сигизмундѣ панъ Литаворъ получилъ подтвердительный привилей уже на весь дворъ Сверженъ, со всѣми селами и людьми, изстари тянувшими къ этому двору (cum omnibus aliis villis et hominibus, ex antiquo Szwersznio spectantibus), а равно и на дворъ Полонку [359]). Дворъ Сверженъ былъ великокняжескимъ владѣніемъ при Александрѣ, который вымѣнилъ его на нѣкоторыя имѣнья у княгини Евдокіи, вдовы князя Андрея Можайскаго, выслужившаго было этотъ дворъ у короля Казимира [360]).—*Цѣринская волость* въ составѣ Новгородскаго повѣта является, напр., въ записи „справы“ мѣщанъ Новгородскихъ съ сорочникомъ и со всѣми мужами Цѣринцами (19 ноября 1499 года) „о стереженьѣ недѣли свое въ

---

[354]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 47, 48, 88, 89.
[355]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.
[356]) Литов. Метр. кн. Запис. III. л. 50.
[357]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 116.
[358]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 59.
[359]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390.
[360]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 78.

Новѣгородку съ подводами" [361]). Предъ изданіемъ Статута эта волость все еще оставалась великокняжескою: 25 октября 1522 года король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ боярину Новгородскаго повѣта Андрею Микуличу „землю пустовскую у Новгородскомъ повѣтѣ въ Цѣрыньской волости Якововщину Олюшыча", которую ему далъ воевода Новгородскій [362]).—Но *Ляховичи* въ то время уже принадлежали пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду.

Кромѣ перечисленныхъ дворовъ и волостей въ актахъ изучаемаго времени упоминаются въ составѣ Новгородскаго повѣта и другіе, а именно: дворъ *Своротва*, который Казимиръ далъ „у Новгородской волости" пану Олехну Довойновичу, съ волостью Своротскою, которая упоминается въ одной „справѣ" 1498 года съ Довойновичами о землю Жуковскую вмѣстѣ съ *волостью Невдевскою* [363]); дворъ *Черниховo*, при Сигизмундѣ бывшій уже имѣніемъ пановъ Немировичей [364]); великокняжескій дворъ *Городище*, который при Казимирѣ и Александрѣ былъ во владѣніи князя Семена Бѣльскаго, а затѣмъ королевы и великой княгини Елены Ивановны, а послѣ нея былъ во владѣніи пана Яна Якубовича Немировича [365]); *Полужье*, имѣнье пана Зенька Евлашковича, бывшаго при Казимирѣ и Александрѣ ключникомъ и городничимъ Новгородскимъ [366]); дворъ *Крошино*, который великій князь Александръ пожаловалъ въ 1499 году князю Дмитрію Путятичу, воеводѣ Кіевскому [367]); *Своятичи* (нынѣ село Даревской волости Новогрудскаго уѣзда на р. Вѣдьмянкѣ)—имѣнье пана Станислава Михаиловича Петковича (Дукурна), въ которомъ Александръ дозволилъ ему учредить торгъ, а король Сигизмундъ въ 1507 г. подтвердилъ это дозволенье его наслѣдникамъ [368]); *Дорогово*, дворъ пана Ивашка Кгойцевича, который записалъ его своей женѣ Екатеринѣ, а та въ свою очередь продала его пану Войтеху Яновичу, второму мужу своему, „со всими селами боярскими того двора и слугами путными и со всими; людми тяглыми, и съ данники Хотеничи и со всими ихъ землями [369])

---

[361]) Литов. Метр. кн. Запис. VI л. 161.

[362]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 38.

[363]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 49; V, л. 73.

[364]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 50; XII, л. 9, 10.

[365]) Scarbiec dyplomatów II, № 2136; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 50; XV, 42, 43.

[366]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 81.

[367]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 92.

[368]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 197.

[369]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 297, 298.

Щерси, имѣніе пана Мартина Хребтовича, полученное имъ отъ великаго князя Александра [370]); дворъ *Сѣнно*, упоминаемый въ числѣ Новгородскихъ дворовъ въ записи Витовта отъ 1401 года на вѣрность королю Владиславу о коронѣ Польской [371]) и отданный въ 1494 году пану Өедку Богдановичу Хребтовича [372]); дворъ *Жуховичи* на р. Ушѣ, проданный паномъ Александромъ Ивановичемъ Ходкевича пану Юрью Ивановичу Ильинича при Сигизмундѣ [373]); *волостка Вядо*, упоминаемая также въ этой записи Витовта (atque districtu dicto Woda) и пожалованная въ 1508 году на вѣчность (съ тѣхъ поръ она вышла изъ состава Новгородскаго повѣта) князю Өеодору Ивановичу Ярославича „съ приселки и со всими службами и зъ людми, и зъ ихъ землями, и съ корчмою и съ озеры“, „со всимъ правомъ и панствомъ“ [374]); великокняжескій дворъ и *волость Мостовская*, упоминаемая въ привилеѣ, выданномъ въ 1514 г. князю Василью Ивановичу Пузынѣ на людей и земли въ этой волости [375]); *Угли*, великокняжеская волость, дававшая уголье на замокъ Новгородскій [376]); *Волконовская волость* и Ловецкій сорокъ, упоминаемые въ привилеѣ на людей и земли, выданномъ въ 1522 году пану Андрею Якубовичу Немировича [377]) и др.

На мѣстоположеніе перечисленныхъ великокняжескихъ и панскихъ волостей, входившихъ въ составъ Новгородскаго повѣта, указываютъ въ настоящее время одноименныя селенія, лежащія въ Новогрудскомъ уѣздѣ Минской губ., а именно: сельцо Кубарка недалеко отъ уѣзднаго города къ югу, деревня Городечна тоже близъ уѣзднаго города на сѣверо-востокъ, села: Брицянка, Басино и Полберегъ — на сѣверъ, мѣстечки Любча и Долятичи на р. Нѣманѣ, Осташинъ — на р. Сервечи, лѣвомъ притокѣ Нѣмана, мѣстечко Негнѣвичи на востокъ отъ уѣзднаго города и недалеко отъ Нѣмана, сельцо Полоная и мѣстечко Кореличи на р. Рутѣ, слѣва впадающей въ Сервечь, мѣстечко Свержень на р. Нѣманѣ Минскаго уѣзда на границѣ съ Новогрудскимъ, мѣстечко Цirинъ на р. Сервечи, мѣстечко Полонка на

---

[370]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 301.

[371]) Codex epistolaris Vitoldi №, CCXXXIII.

[372]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 46, 47.

[373]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 115, 116.

[374]) Акты Зап. Рос. II, № 34, П. Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, VI, № 6.

[375]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 80, 81.

[376]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 239, 240.

[377]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 14, 15.

р. Иссѣ, справа впадающей въ Шару, село Почапово на р. Почаповкѣ, справа впадающей въ Молчадь, лѣвый притокъ Нѣмана, село Старые Ляховичи на границѣ съ Слуцкимъ уѣздомъ, село Своротва на рѣкѣ того же имени близъ Почапова, село Невда на верховьѣ рѣки Невды, слѣва впадающей въ Сервечь, село Черпихово на верховьѣ рѣки Змѣйки, впадающей въ Ушу, лѣвый притокъ Нѣмана, сельцо Городище на верховьѣ рѣки Сервечи, село Полужье на р. Невдѣ, мѣстечко Крошинъ на р. Шарѣ, сельцо Дорогово недалеко отъ Цирина, село Щерсы на р. Нѣманѣ недалеко отъ впаденія въ него Сервечи, сельцо Сѣнно близъ Любча къ югу, сельцо Ловцы почти на границѣ Новогрудскаго уѣзда съ Слонимскимъ и т. д. Такимъ образомъ территорія Новгородскаго повѣта почти совпадаетъ съ территоріей нынѣшняго Новогрудскаго уѣзда Минской губ., которая, очевидно, имѣетъ границы давняго происхожденія.

VI.

Въ ополченіе воеводства Виленскаго входили и военныя силы княжествъ Слуцкаго, Клецкаго и Мстиславскаго, которыя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, подобно Новгородскому повѣту, стояли особнякомъ отъ другихъ великокняжескихъ волостей и частныхъ владѣній Виленскаго воеводства. Владѣтели ихъ не только вполнѣ самостоятельно и независимо правили въ своихъ отчинахъ, но и лично не были „въ правѣ" Виленскаго воеводства, подъ присудомъ воеводъ.

Владѣнія князя Слуцкаго лежали на верхней Случи, лѣвомъ притокѣ Припяти, и ея притокахъ, а также на верхнихъ притокахъ рѣки Оресы, впадающей въ Птичъ, и состояли изъ городовъ *Слуцка* и *Копыля* съ ихъ дворами и дворцами. Изъ судной грамоты, выданной въ 1449 году князю Семену Михайловичу на отчину его, мы узнаемъ, что къ Слуцку „прислухали" дворы: *Иванъ* (нынѣ усадьба въ семи верстахъ отъ села Царевцевъ на р. Случѣ Слуцкаго уѣзда), *Погостъ* (нынѣ мѣстечко на р. Случи того же уѣзда) и *Ольговичи* (нынѣ село Бобруйскаго уѣзда на границѣ съ Слуцкимъ); къ Копылю: *Байловцы* (нынѣ Басловцы Романовской волости Слуцкаго уѣзда), *Сыроватчичи*, *Старица* (недалеко отъ Басловцевъ, къ сѣверу), *Скепьево*, *Колокъ* и *Старое село*[378]). Изъ позднѣйшихъ источниковъ извѣстно, кромѣ того, что къ княжеству Слуцкому принадлежали: *Тимковичи* (нынѣ мѣстечко

---

[378]) Акты Зап. Рос. I, № 163.

Слуцкаго уѣзда на р. Мажѣ, впадающей въ притокъ Случи Морочъ), *Урѣчье* (нынѣ мѣстечко на р. того же имени системы Оресы, Бобруйскаго уѣзда на границѣ съ Слуцкимъ), *Любань* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда на р. Оресѣ)[379]. Такимъ образомъ, княжество Слуцкое занимало восточную часть нынѣшняго Слуцкаго уѣзда (отъ рѣки Мороча и Можи) и западную Бобруйскаго (бассейнъ р. Оресы). Изъ „вырока" короля Сигизмунда (отъ 26 августа 1528 года) боярынѣ Скепьевской Матронѣ и зятю ея, князю Андрею Озерецкому, по дѣлу съ княземъ Юрьемъ Семеновичемъ Слуцкимъ объ имѣньѣ, узнаемъ, что въ составъ княжества Слуцкаго входилъ, кромѣ того, *Турецъ*[380]. Если этотъ Турецъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему селу того же имени на р. Свислочи Игуменскаго уѣзда, то, слѣдовательно, княжество Слуцкое захватывало часть нынѣшняго Игуменскаго уѣзда, прилегающую къ Слуцкому и Бобруйскому по теченіямъ рѣкъ Птича и Свислочи („Игумена и вся дань, и люди, и земля и доходъ весь" тянули къ Вильнѣ)[381]. Что касается урядниковъ князя Слуцкаго, чинившихъ судъ и управу въ волостяхъ его, то они назывались, какъ и въ другихъ княжествахъ и крупныхъ панскихъ имѣніяхъ, *намѣстниками*[382].

Селенія княжества Клецкаго, которымъ владѣли князь Михаилъ Сигизмундовичъ, Иванъ Васильевичъ Ярославича, сынъ его Ѳедоръ и, наконецъ, королева Бона, разбросаны были въ западной части нынѣшняго Слуцкаго уѣзда, Минской губ. (по верхней Лани и ея притокамъ), а также въ смежныхъ частяхъ Слонимскаго уѣзда. Таковы были, напримѣръ, села *Левоновичи* и *Цицковичи* (нынѣ одноименныя деревни Слуцкаго уѣзда), пожалованныя великимъ княземъ Казимиромъ нѣкоему Петрищу съ братомъ; имъ же даны были „у Клецкой волости": Ивашку Судимонтовичу ловища *у Денисковичахъ* (нынѣ село Круговичской волости) и человѣкъ; Ивашку Вяжевичу десять человѣкъ на *Морочи*, девять человѣкъ и три земли *Мокрянскихъ* (Морочь и Мокряны—деревни Слуцкаго уѣзда близъ р. Можи, впадающей въ Случь), Григорію Петрищу—*Жеребковичи* (нынѣ деревня недалеко отъ Клецка къ западу); Пишчину девять человѣкъ у *Круговичохъ* (нынѣ село Великіе Круговичи Слуцкаго уѣзда); пану Яну Немировичу ловища и человѣкъ въ *Любашевѣ* (недалеко отъ Круговичъ къ западу); пану Ѳедку Немировичу—данники *Огаревичи* (нынѣ село Круговичской во-

---

[379]) Starożytna Polska IV, 547, 548.

[380]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51, 52.

[381]) См. Отечест. Записки 1829, № CV, январь.

[382]) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 36.

лости); Ондрушку Моствиловичу *дворъ Цупра* (Цепра—село Грицевичской волости Слуцкаго уѣзда на Березинѣ); писарю пану Васку Любичу имѣнье „у Клецкомъ повѣтѣ" *Гричевичи* (нынѣ село Грицевичи на р. Ланѣ) и т. д. [383]) Кромѣ того, въ позднѣйшихъ источникахъ встрѣчаемъ еще слѣдующія села Клецкаго княжества: *Филиповичи* или *Богачевичи* (нынѣ деревня Слуцкаго уѣзда), *Іочичи* (нынѣ Іотчицы на р. Березинкѣ Грицевичской волости) [384]), *Болваны* (нынѣ деревня недалеко отъ Іочичъ къ сѣверу), [385]) *Осмоловичи* (нынѣ деревня Осмолово Ланьской волости Слуцкаго уѣзда[386]); *Малево* (нынѣ село Ланьской волости)—дворъ и село, центръ волости Малевской [387]); *Нача* на р. того же имени, впадающей справа въ Лань [388]), *Сеневка* (нынѣ мѣстечко на р. Начѣ), дворъ и мѣсто, центръ особой волости Клецкаго княжества [389]); *Медвѣдичи* (нынѣ село Слуцкаго уѣзда недалеко отъ р. Шары), *Куршановичи*, село Виленскаго бискупа (нынѣ Курфиновичи Слуцкаго уѣзда недалеко отъ Медвѣдичъ[390]) и др. Къ Клецку же тагло село *Добромыслъ* (нынѣ Слонимскаго уѣзда на р. Шарѣ) до пожалованія его великимъ княземъ Казимиромъ пану Яну Немировичу [391]); въ 1518 году панъ Янъ Якубовичъ Немировича, записывая своей женѣ третью часть отчины своей и куплю свою всю, помѣстилъ въ запись между прочимъ *на Полѣсьѣ* Добромыслъ и *Нуловиды* (нынѣ Миловиды Добромысльской волости Слонимскаго уѣзда)[392]). Сохраняли ли какую-нибудь связь эти имѣнья съ Клецкомъ послѣ того, какъ поступили во владѣнье пановъ Немировичей, или нѣтъ, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ; скорѣе всего, что не сохраняли, и паны Немировичи съ этихъ имѣній служили непосредственно великому князю въ ополченіи воеводства Виленскаго, наряду съ самими Клецкими владѣтелями.

Въ княжествѣ Клецкомъ судъ и управа принадлежали его владѣль-

---

[383]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 34, 59, 72, 79, 80.

[384]) Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжества, составленная Станиславомъ Хвальчевскимъ въ 1552—1553 гг, стр. 416, 419. Вильна 1884.

[385]) Ibidem, стр. 498.

[386]) Ibidem, стр. 452.

[387]) Ibidem, стр. 426, 458, 460, 467 и др.

[388]) Ibidem, стр. 456.

[389]) Ibidem, стр. 473, 476.

[390]) Ibidem, стр. 490.

[391]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 1.

[392]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43.

цамъ и ихъ *намѣстникамъ* [393]). Въ то же время, когда княжество спадало на великаго князя, въ Клецкѣ сидѣлъ великокняжескій намѣстникъ, напримѣръ, при Казимирѣ—панъ Ивашко Рогатинскій, которому великій князь приказывалъ въ 1442 году дать „увязанье" пану Θедку Немировичу въ данниковъ Огаревичей [394]). Королева Бона поручала управленіе всѣми своими имѣньями на Полѣсьѣ по большей части одному старостѣ, который держалъ отъ себя въ разныхъ имѣньяхъ подстаростъ [395]). Первымъ старостою Пинскимъ, Клецкимъ и Городецкимъ по актамъ является панъ Иванъ Михаиловичъ Хоревичъ [396]).

Княжество Мстиславское въ томъ объемѣ, въ какомъ имъ владѣлъ Лингвеній, его сынъ Юрій и внукъ Иванъ, состояло изъ Мстиславля, Мглина (уѣздный городъ Черниговской губ.), Хотимля (нынѣ мѣстечко Хотимскъ на р. Бесѣди Климовичскаго уѣзда), Дрокова (нынѣ сельцо Старый Дроковъ Суражскаго уѣзда Черниговской губ. на р. Ипути) и Поповой горы (на р. Весѣди Суражскаго уѣзда) съ ихъ волостями и изъ нѣсколькихъ другихъ волостей, тянувшихъ къ означеннымъ городамъ. Въ записяхъ подтвержденій, выданныхъ Казимиромъ въ первые годы его княженья на различныя имѣнья, розданныя въ княжествѣ Мстиславскомъ кн. Лингвеньемъ, его сыновьями Юрьемъ и Ярославомъ, и великимъ княземъ Сигизмундомъ (княжество Мстиславское въ 1432 г. взято было великимъ княземъ у князей-отчичей, которые держали сторону Свидригелла; возвращено было Казимиромъ князю Юрью Лингвеньевичу около 1446 г.), находимъ упоминанья о *повѣтахъ Мстиславскомъ и Мглинскомъ*, какъ составныхъ частяхъ княжества [397]). *Попова Гора* обозначена городомъ Мстиславскаго повѣта въ одной описи московско-литовскихъ границъ 1526 [398]), что подтверждается и жалованною грамотой кн. Ивана Юрьевича, данною въ 1486 году Онуфріевскому монастырю на озеро Гостинъ [399]). На принадлежность *Дрокова* къ Мстиславскому княжеству указываетъ его географическое положеніе между Мглиномъ и Поповою Горой, а на

---

[393]) Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 77.

[394]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34.

[395]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 94, 162, 234, 249, 251, 262, 277 и др.

[396]) Ibidem, стр. 124.

[397]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23, 24, 25.

[398]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 182—187.

[399]) Акты Зап. Рос. I, № 68.

принадлежность *Хотимля*—географическое положеніе между Мглиномъ и Мстиславлемъ.

Изъ всѣхъ этихъ городовъ Мстиславскаго княжества, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ (стр. 14), только два, Мстиславль и Мглинъ, съ ихъ повѣтами перешли къ князю Михаилу Ивановичу Жеславскому, женившемуся на одной изъ дочерей кн. Ивана Юрьевича, а остальныя спали на господаря. Изъ нихъ замокъ *Попову Гору* великій князь Александръ въ 1501 г. отдалъ своей женѣ Еленѣ [400]), а волость Хотимль—князю Семену Ивановичу Можайскому [401]), во владѣніи котораго она оставалась до 1503 г., когда отошла къ Москвѣ вмѣстѣ съ Мглиномъ, Поповою Горой и Дроковомъ. Что касается *Дрокова*, то онъ поступилъ подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ. Въ записи прихода великокняжескаго скарба за 1496 годъ читаемъ: „*намѣстникъ* Дроковскій далъ отъ намѣстничства 4 копы грошей"; въ другомъ мѣстѣ: „Дроковцы принесли дани полшестадесять копъ грошей, а бобра грошми копу грошей, а куницъ грошми двадцать безъ одное, а шерстью куницъ 20 и 3" [402]).

Итакъ, княжество Мстиславское въ началѣ XVI вѣка состояло изъ городовъ Мстиславля и Мглина съ ихъ округами, лежавшими черезполосно съ великокняжескими волостями. Къ городу Мстиславлю, какъ это открывается изъ жалованной грамоты на него, данной въ 1499 году князю Михаилу Ивановичу Жеславскому, тянули слѣдующіе дворцы, лежавшіе по сосѣдству съ нимъ: *Красное* (нынѣ деревня Чериковскаго уѣзда, на р. Черномъ Натопѣ, впадающей въ Сожъ); *Рясна* (мѣстечко Чаусскаго уѣзда), *Людогощъ* (деревня Мстиславскаго уѣзда на р. Сожѣ), *Порадтино* (нынѣ Парадина того же уѣзда на р. Сожѣ), *Михайловское* (нынѣ деревня того же уѣзда близъ Мстиславля, къ западу), *Селища* (село въ западной части Мстиславскаго уѣзда), *Колодези* (нынѣ деревня на р. Пронѣ Чаусскаго уѣзда) и *Будогощъ* (на р. Вехрѣ къ сѣверу отъ Мстиславля) съ ихъ повѣтами [403]). Эти дворцы съ ихъ округами были подъ присудомъ *городского* (т. е. Мстиславскаго) *намѣстника* [404]). Большая часть ихъ (Людогощи, Красное, Доброе, Порядницкое, Колодези, Селище упоминаются и въ

400) Scarbiec dyplomatów II, № 2136.
401) Акты Зап. Рос. I, № 167.
402) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 277, 278.
403) Акты Зап. Рос. I, № 172.
404) Акты Зап. Рос. II, № 27.

болѣе раннихъ источникахъ, дошедшихъ до насъ [405]). Но, кромѣ того, акты упоминаютъ еще въ Мстиславскомъ повѣтѣ слѣдующія волости: *Засельскую* (Заселье нынѣ на сѣверѣ Климовичскаго уѣзда), старецъ которой долженъ былъ, согласно подтвердительной грамотѣ князя Михаила Ивановича 1505 г., давать сорокъ грошей серебряной дани „ко храму Пречистое Богоматери въ Пустынцѣ“ [406]); *Хотславичи*, которые при князѣ Лингвеньѣ держалъ князь Андрей Порховскій (мѣстечко Хославичи на р. Сожѣ Мстиславскаго уѣзда) [407]); *Городокъ* (нынѣ село Мстиславскаго уѣзда на р. Рыкани), въ которомъ великій князь Казимиръ подтвердилъ сельцо нѣкоему Витеву [408]); *замокъ Радомль* (нынѣ село Чаусскаго уѣзда на р. Радучнѣ, притокѣ Прони), который въ 1525 г. князь Михаилъ Ивановичъ далъ, по настоянію короля, сыну своему Θедору [409]). Такимъ образомъ, Мстиславскій повѣтъ въ тѣсномъ смыслѣ обнималъ весь нынѣшній Мстиславскій уѣздъ, сѣверную часть Климовичскаго уѣзда до Остра (рубежъ съ Смоленскою землею шелъ приблизительно такъ же, какъ теперь между Могилевскою и Смоленскою губерніями) [410]), сѣверную часть Чериковскаго и восточную часть Чаусскаго уѣзда (по р. Басю, притокъ Прони). Что касается Мглинскаго повѣта, то границы его очерчены въ вышеупомянутой описи 1526 г. [411]). Сѣверо-западную границу его составляла р. Ипуть; сѣверная граница шла приблизительно такъ же, какъ и теперь между Мглинскимъ и Брянскимъ уѣздами (здѣсь были пограничныя Брянскія села: *Орлеина*, теперь Алень, и *Окуличи*); восточная граница съ Брянскимъ пригородомъ *Почапомъ* (нынѣ мѣстечко Почепъ Мглинскаго уѣзда на р. Судости) шла между селъ: Мглинскаго—*Дивичей* (нынѣ Дивовка) и Почаповскаго—*Деремна*, и мимо села Почаповскаго *Великаго Селища*; южная граница съ Стародубскимъ повѣтомъ шла приблизительно такъ же, какъ и теперь идетъ граница Мглинскаго уѣзда, мимо села Стародубскаго *Разсухъ* (теперь Мглинскаго уѣзда) и Мглинскаго *Рухова* (теперь село Рюховъ Стародубскаго уѣзда); западная граница съ Дроковскимъ повѣтомъ шла

---

[405]) Акты Зап. Рос. I, № 66, 81; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24, 25.

[406]) Акты Зап. Рос. I, № 217. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24.

[407]) Лит. Метр. кн. Зап. III, л. 24. Ср. Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.

[408]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24.

[409]) Акты Зап. Рос. II, № 136.

[410]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. т. XXXV, 637—641.

[411]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 182—187.

приблизительно такъ же, какъ теперь идетъ граница Мглинскаго уѣзда до р. Ипути, мимо села Мглинскаго *Красновичей* на р. Ельнѣ, впадающей въ Ипуть [412]). Такимъ образомъ, Мглинскій повѣтъ занималъ западную и притомъ большую часть нынѣшняго Мглинскаго уѣзда Черниговской губ.

Въ полномъ своемъ составѣ, какъ имъ владѣлъ князь Лингвеній Ольгердовичъ, сынъ его Юрій и внукъ Иванъ, княжество Мстиславское обнимало весь нынѣшній Мстиславскій уѣздъ, восточную часть Чаусскаго уѣзда, сѣверную небольшую часть Чериковскаго и Климовичскій уѣзды Могилевской губерніи, западную часть Мглинскаго и Суражскій уѣздъ Черниговской губерніи (близъ западной границы Суражскаго уѣзда лежали села Чечерской волости: *Святиловичи* на р. Бесѣди, притокѣ Сожи, *Бабичи*, *Онисимковичи* и *Волосовичи*, нынѣ Рогачевскаго уѣзда, на границѣ съ Суражскимъ [413]).

Княжество Мстиславское управлялось княземъ-владѣльцемъ и его урядниками, *намѣстниками и тивунами* [414]). Въ актахъ изучаемаго времени можно найти нѣкоторыя косвенныя, впрочемъ, указанія на то, что княжество Мстиславское составляло часть Виленскаго воеводства. Княжнамъ Мстиславскимъ, пріѣхавшимъ въ Вильну бить челомъ о своей отчинѣ, великій князь „отказалъ", т.-е. далъ согласіе на просьбу чрезъ воеводу Виленскаго, который, очевидно, и докладывалъ ему это дѣло, какъ относящееся до его воеводства [415]). Воевода Виленскій въ качествѣ главы и представителя шляхты своего воеводства хлопоталъ въ 1551 г. предъ королемъ о предоставленіи панамъ и боярамъ—шляхтѣ Мстиславскаго и Радомскаго повѣтовъ равныхъ привилегій и вольностей [416]) и т. д.

VII.

Подобно Виленскому и Троцкое воеводство, какъ уже было сказано, слагалось въ изучаемое время изъ собственнаго Троцкаго повѣта, въ которомъ судъ и управу чинилъ воевода и подчиненные ему, какъ высшей инстанціи, великокняжескіе намѣстники-державцы и тивуны, а

---

[412]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 24.

[413]) Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 752.

[414]) Акты Зап. Рос. I, № 43, 82; II, № 27; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 70, II; Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. II, № 38.

[415]) Акты Зап. Рос. I, № 131.

[416]) Акты Южн. и Зап Рос. I, № 124.

также и его собственные намѣстники,—и повѣтовъ, въ которыхъ правили особые, самостоятельные намѣстники, ко времени изданія перваго Статута уже переименованные въ старость. Эти повѣты тянули къ Трокамъ только въ военномъ отношеніи. Собственно же судебно-административный округъ Троцкаго воеводы составляли слѣдующія территоріи:

Троцкая волость, или повѣтъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ 1527 г. король Сигизмундъ, пожаловавъ мѣщанамъ Виленскимъ Тишѣ и Ивану Семеновичамъ пять служебъ людей и четыре пустовщины „у Троцкомъ повѣтѣ", писалъ до воеводы Троцкаго: „и твоя бы милость, обравши у Троцкой волости въ держаньи воеводства своего пять служобъ людей тяглыхъ а чотыри земли пустовскихъ тяглыхъ же на дворную пашню, и имъ въ тыи люди и земли казалъ увязанье дати" [417]). Троцкая волость, какъ можно судить по этой выдержкѣ изъ акта, находилась *въ непосредственномъ держаньѣ воеводы Троцкаго*. На это даетъ указанье также листъ короля Сигизмунда отъ 16 февраля 1524 г. до воеводы Троцкаго князя Константина Ивановича Острожскаго о пожалованьѣ дворянину Ивашку Немиричу людей и земель: „и твоя бы милость казалъ, только людей и земль у повѣтѣ твоей милости Троцкомъ обыскавши, и въ то его казалъ увязати" [418]).—Повидимому, на ряду съ этой волостью существовала еще другая *Троцкая волость*, которою завѣдывалъ *тивунъ* Троцкій и которая имѣла своимъ центромъ великокняжескій дворъ *Старые Троки*. Это предположеніе оправдывается подтвердительнымъ привилеемъ короля Сигизмунда, выданнымъ въ 1507 г. писарю Никольскому Васильевичу на дворъ Вакиники „повѣту тивунства Троцкаго": король Александръ, пожаловавшій ему этотъ дворъ, потомъ „люди того двора, на имя Папищане" привернулъ былъ къ двору своему Старымъ Трокамъ; Сигизмундъ возвратилъ ему Папищанъ и подтвердилъ дворъ [419]).—Тивуны Троцкіе, кромѣ этой волости, держали и нѣкоторыя другія, но не однѣ и тѣ же, какъ тивуны Виленскіе. Такъ, при великомъ князѣ Александрѣ мы встрѣчаемъ по актамъ *тивуна Троцкаго и Высокодворскаго* пана Михна Ивановича; позднѣе онъ является уже съ титуломъ Троцкаго и Ездненскаго [420]). *Ездненскій дворъ съ волостью* (нынѣ мѣстечко Езно Троцкаго уѣзда при озерѣ того же имени) является по-

[417]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 362, 363.
[418]) Ibidem, л. 140.
[419]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 152.
[420]) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 84; VI, л. 243, 244.

томъ во владѣніи королевы Елены, которая раздаетъ тамъ людей и земли своимъ боярамъ [421]), а затѣмъ во владѣніи князя Матеея Микитинича, которому она пожаловала дворъ на вѣчность въ 1507 году[422]).

Волость Попортская, упоминаемая въ книгахъ земельныхъ раздачъ короля Казимира [423]); на мѣстонахожденіе ея указываетъ теперь мѣстечко Попорце Троксваго уѣзда близъ Виліи, къ сѣверо-западу отъ уѣзднаго города. При Казимирѣ или его преемникѣ волость эта перешла въ частныя руки, какъ это открывается изъ жалобы, поданной въ 1528 г. королю Сигизмунду отъ паньи Юрьевой Александровича и ея сына Богуша на пана Ивана Андреевича, подскарбія дворнаго, державцу Веленскаго, „штожъ онъ держить имѣнья, дѣдизну ихъ, *Вевье и Попорти*“ [424]). Упоминаемое здѣсь Вевье теперь—мѣстечко Евье Троксваго уѣзда при озерѣ того же имени.

На р. Стравѣ, справа впадающей въ Нѣманъ, лежали волости Старавиницкая и Жижморская. *Стравиницкая волость* упоминается въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира [425]), а также и въ подтвердительномъ привилеѣ великаго князя Александра отъ 5 августа 1495 года боярамъ „Стревиницкое волости“ Миколаю и Якубу Юрьевичамъ на землю въ Попортской волости [426]). Мѣстечко Стравеники Трокскаго уѣзда близъ рѣки Стравы указываетъ на мѣстоположеніе центральнаго поселка этой волости. Повидимому, эта волость отдавалась въ держанье тому же лицу, кому давался дворъ Жижморы (теперь мѣстечко на р. Стравѣ) и была частью Жижморскаго повѣта.— Но основною частью этого повѣта была собственная *Жижморская волость*, о которой упоминаютъ записи короля Казимира, напр., подтвержденье пану Станку Держковичу, „што онъ купилъ у войта у Ковенского у Биляря имѣнье у Троцкомъ повѣтѣ у Жижморской волости“ [427]). Управлялъ этой волостью при королѣ Казимирѣ *тивунъ*: „Дашку Онбутовичу,—гласитъ одна его запись,—2 рубли въ вины въ тивуна Жижморскаго въ Гармана“ [428]). Такъ же назывался великокняжескій урядникъ Жижморской волости (Янушко) и въ началѣ кня-

---

[421]) Литов. Метр. кн. Запис. IX л. 69, 70.
[422]) Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 45.
[423]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 46, 71.
[424]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 78, 79.
[425]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л.46.
[426]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 46.
[427]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 9.
[428]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 18.

женья Александра, какъ это открывается изъ листа къ нему в. князя отъ 14 окт. 1494 г., содержащаго приказъ „увязать“ пана Миколая Радивиловича въ десять человѣкъ Жижморской волости [429]). Но уже въ слѣдующемъ 1495 г. мы встрѣчаемъ по актамъ *намѣстника* Жижморскаго Ѳедка Янушковича (сына тивуна Янушка?), которому великій князь подтвердилъ ставъ, млыны, земли и сѣножати жидовскія на р. Мухавцѣ въ Берестейскомъ повѣтѣ [430]). Съ того времени урядникъ Жижморской волости сталъ уже постоянно именоваться намѣстникомъ, перемѣнивъ затѣмъ это имя на *державцу* уже незадолго до изданія Статута 1529 года [431]).—Населеніе Жижморскаго повѣта вѣдалось въ отношеніи суда и управы не только мѣстнымъ урядникомъ, но также и воеводою Троцкимъ. Такъ, напр., воевода Троцкій панъ Мартинъ Гаштольдовичъ судилъ бояръ Жижморскихъ Войтка Олехновича, Павла Бенковича и Иванка Ганусовича съ приставомъ волости Жижморской Талкомъ, который хотѣлъ привлечь ихъ къ платежу дякла, кошенью сѣна и сторожѣ при дворѣ Старыхъ Трокахъ, гдѣ хранился скарбъ великаго князя [432]).

Дворъ *Дорсунишки съ волостью* (теперь мѣстечко Трокскаго уѣзда на р. Нѣманѣ). Урядникъ, которому отдавался этотъ дворъ въ держанье изъ руки великаго князя, назывался обыкновенно *намѣстникомъ*. Въ 1499 г. великій князь Александръ, пожаловавъ новокрещенной жидовкѣ Яхновой Аннѣ землю въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, извѣщалъ объ этомъ мечнаго своего, намѣстника Дорсунишскаго пана Войтеха Ивашковича, при чемъ писалъ и о повинностяхъ, которыя должны были отправлятся съ этой земли: „а намъ съ нее конемъ служить путною службою, а дяколъ ей съ тое земли не надобѣ давати, а ни иныхъ никоторыхъ службъ служити“ [433]). Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ Дорсунишкахъ „близко двора Дорсунишского“ лѣсу на четыре версты вдоль и на три поперекъ скарбному Троцкому Васку Ивашковичу, писалъ объ этомъ воеводѣ Троцкому пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича, чтобы онъ приказалъ отвести лѣсу согласно пожалованью. Но намѣстникъ Дорсунишскій панъ Миколай Нарбутовичъ, которому воевода передалъ этотъ приказъ, не отвелъ лѣса, желая выпросить его для себя, и такъ и умеръ. Король послѣ

---

429) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 47.
430) Ibidem, л. 60, 61.
431) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 55.
432) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 26.
433) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 126.

того написалъ листъ о томъ же преемнику его, пану Юрью Миколаевичу [434]). Такимъ образомъ, кромѣ намѣстника, Дорсунишскую волость вѣдалъ и воевода Троцкій. Указанія на это находимъ и въ другихъ актахъ, напр., въ подтвердительномъ привилеѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ январѣ 1516 г. московскому бѣглецу Ивану Тимоѳеевичу Плещеева Юрлову на шестьдесятъ человѣкъ въ Дорсунишской волости, которыхъ „обиралъ" и въ которыхъ „увязывалъ" по приказанію короля воевода Троцкій Григорій Станиславовичъ Остиковича [435]). Въ 1518 году Сигизмундъ отдалъ Дорсунишки пану Григорью Станиславовичу „въ заставу" въ шестисотъ копахъ грошей съ мѣстомъ и со всѣми людьми этого двора, со всѣми платами и доходами, „которые зъ мѣста и зъ волости Дорсунишское на насъ (т. е. короля) хоживали". Вслѣдствіе этого въ Дорсунишскую волость переставали въѣзжать урядники Троцкіе, городничій и подключій, и не могли болѣе править господарскихъ и своихъ доходовъ [436]). Но въ 1524 г. Дорсунишки были уже въ держаньѣ пана Миколая Юрьевича Заберезинскаго, который называется въ актахъ *державцею* [437]). Его преемникъ, писарь Ивашко Горностай, называется и намѣстникомъ, и державцею [438]), при чемъ послѣднее названіе въ концѣ концовъ беретъ перевѣсъ.

Дворъ *Сомилишки съ волостью* (теперь мѣстечко Сумилишки на верховьяхъ рѣки Стравы Трокскаго уѣзда). Правителемъ этой волости въ актахъ Казимирова княженья и начала Александрова выступаетъ *тивунъ*, панъ Шимко Кибортовичъ [439]). Преемникъ его на урядѣ, панъ Миколай Нарбутовичъ, именуется уже *намѣстникомъ* Сомилишскимъ [440]). Но, кромѣ намѣстника, волость вѣдалъ и воевода Троцкій. Такъ, воевода панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича раздавалъ земли пустовскія въ Сомилишской волости, напр., далъ татарину Ильяшу землю Совятевщину, которую король и подтвердилъ ему своимъ листомъ въ 1511 году [441]). Къ воеводѣ Троцкому адресованъ листъ короля, данный въ 1507 г. писарю королевы Гришку Ивановичу,—„абы ему въ

---

[434]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 382.
[435]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115.
[436]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 16, 17.
[437]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 157.
[438]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 232, 233; Акты Зап. Рос. II, № 149.
[439]) Литов. Метр. кн. Зап. IV, л. 27; V, л. 48.
[440]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 222, 223.
[441]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 11.

Сомилишскомъ повѣтѣ шесть земель подать велѣлъ" [442]). Предъ изданіемъ перваго Статута Сомилишская волость уже не отдавалась въ держанье особымъ намѣстникамъ, а управлялась непосредственно воеводою Троцкимъ, который держалъ въ ней своего намѣстника. Въ 1523 году король подтвердилъ земянину Августину Дашкевичу землю Ловкневщину, которую далъ ему „до воли господарское" воевода Троцкій князь Константинъ Ивановичъ Острожскій въ Сомилишскомъ повѣтѣ, и три пустовщины, которыя ему далъ „тамъ жо, у Сомилишской волости" намѣстникъ князя воеводы Троцкій и Сомилишскій Петръ Турчиновичъ „до воли господаря своего, князя его милости" [443]). Позже, въ 1533 году, мы встрѣчаемъ по актамъ опять уже особаго *державцу* Сомилишскаго, князя Петра Тимоѳеевича Мосальскаго [444]).

Высокій Дворъ съ волостью на р. Веркни (теперь мѣстечко Троцкаго уѣзда при р. Вершхнѣ и озерѣ Марца [445]). Высокій Дворъ, какъ мы уже видѣли выше, одно время былъ въ держаньѣ тивуна Троцкаго. Позднѣе, въ 1503 году, мы встрѣчаемъ по актамъ *намѣстника* Высокодворскаго, окольничаго Смоленскаго пана Богдана Совѣжича [446]). Въ сохранившихся перечняхъ Троцкихъ дворовъ встрѣчается обыкновенно и Высокій Дворъ [447]).

Дворъ *Стоклишки съ волостью* (теперь мѣстечко Троцкаго уѣзда на р. Ольшѣ, справа впадающей въ Вершхню). При великомъ князѣ Александрѣ волость эту держалъ особый *намѣстникъ*, писарь Ѳедько Григорьевичъ [448]). Послѣ него правителемъ въ Стоклишской волости выступаетъ по актамъ королева Елена: въ 1512 году король, пожаловавъ конюшему дворному и Троцкому пану Якубу Кунцевичу тридцать служебъ тяглыхъ „у Стоклишской волости" въ Кротинцы", приказалъ „увязать" его королевѣ Еленѣ [449]). Королева Елена раздавала земли и по собственной иниціативѣ; такъ, въ 1513 году она дала боярину Вербилу за его службу „двѣ службы людей въ Стоклишскомъ повѣтѣ" на вѣчность, а король подтвердилъ ему своимъ листомъ [450]).

---

442) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 150.
443) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 114 115.
444) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 153.
445) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 45.
446) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 121, 122.
447) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л, 508, 509.
448) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 67, 154.
449) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 17.
450) Ibidem, л. 69, 70.

По смерти королевы Елены Стоклишская волость является снова подъ управленіемъ великокняжескаго намѣстника. 5 февраля 1514 года король, пожаловавъ скарбному Троцкому Вацлаву Сенковичу сѣножать Докнишки взамѣнъ взятой у него, писалъ до намѣстника Стоклишскаго Кгетовта, „абы отмѣрилъ тое сѣножати толко, колко и его было, и ему увязанье далъ“ [451]). Но подобныя же порученія центральная власть возлагала и на воеводу Троцкаго. Такъ, отъ 20-го марта того же 1514 года мы имѣемъ въ записяхъ Литовской Метрики листъ, данный паньѣ Ивашковой Зеновьевича Настасьѣ до воеводы Троцкаго пана Григорья Станиславовича Остиковича, „абы, обравши людей и земель у Стоклишской волости, ей и дѣтемъ ея далъ“ [452]). Въ 1521 г. король отдалъ дворъ Стоклишскій пану Якубу Кунцевичу, конюшему дворному и Троцкому, державцѣ Василишскому, Волкиницкому и Лепунскому, „въ сумѣ пѣнязей“, т. е. до уплаты долга въ 1060 копъ грошей, „въ мѣстомъ и со всими людми того двора“ и со всѣми доходами. „А бояръ и осочниковъ Стоклишскихъ,—гласитъ привилей,—маетъ онъ судити и рядити по тому, какъ и первые намѣстники суживали и ряживали; а панъ воевода Троцкій вжо въ тую волость дѣцкихъ своихъ не маеть всылати и людемъ судити и рядити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій, не маютъ въ тую волость сами въѣжчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не маютъ правити“ [453]). Панъ Якубъ Кунцовичъ титуловался послѣ того намѣстникомъ, а затѣмъ *державцею* Стоклишскимъ [454]).

Дворъ *Бирштаны съ волостью* (теперь мѣстечко Трокскаго уѣзда на р. Нѣманѣ). При Казимирѣ и въ первые годы княженья Александра волость Бирштанская отдавалась *намѣстникамъ* въ держанье изъ руки в. князя. Въ книгахъ Казимирова княженья встрѣчаемъ, напр., слѣдующую запись: „Остаѳъю Яцыничу три рубли грошей зъ вины у Бирштанѣхъ у Станислава Глѣбовича“ [455]). Александръ, будучи уже королемъ Польскимъ, отдалъ Бирштаны своей женѣ Еленѣ, по уполномочію которой правилъ въ Бирштанахъ кн. Матѳей Микитичъ; по смерти ея Бирштаны снова поступили подъ управленіе великокняжескаго намѣстника, того же князя Матѳея Микити-

[451]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.
[452]) Литов. Метр. кн. IX, л. 77,
[453]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 42.
[454]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59; XII, л. 33.
[455]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 16. VI, л. 217.

ча [456]). Въ 1518 году король Сигизмундъ, взявъ у князя Матѳея двѣ съ половиною тысячи копъ грошей для уплаты наемнымъ войскамъ, „заставилъ въ тыхъ пенязѣхъ" дворъ Троцкаго повѣта Бирштаны „зъ бояры и зъ мѣстомъ и со всими людми того двора путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и конокормцы, и зъ лейти, и зъ ловцы, и псары и зъ ихъ всякими службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и куничными, и зъ пенязми корчомными, и зъ дяклы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подяколнымъ, и зъ лѣсничымъ Бирштаньскимъ" [457]). Князь Матѳей Микитиничъ именовался и послѣ того намѣстникомъ Бирштанскимъ, напр., въ „справѣ" его съ старостою Городенскимъ паномъ Юрьемъ Миколаевичемъ Радивиловича о дворецъ подъ Вильною Ествилишки и землю Явилтишку [458]). Позже онъ именуется уже *державцею* Бирштанскимъ, напр., въ королевскомъ подтвержденьѣ (28 сентября 1522 г.) бояриму Бирштанскаго повѣта Ѳедьку Игнатьевичу четырехъ земель пустыхъ въ этомъ же повѣтѣ, данныхъ ему княземъ Матѳеемъ [459]).

Дворъ *Пуня съ волостью* (нынѣ мѣстечко Виленской губ. Троцкаго уѣзда на берегу Нѣмана). Урядникъ, державшій эту волость изъ руки великаго князя, назывался *намѣстникомъ*. Такъ, въ записяхъ Казимирова княженья читаемъ: „Дремлику два рубли грошей зъ винъ въ Пуньского намѣстника" [460]). Въ актахъ княженья Александра мы встрѣчаемъ съ титуломъ намѣстника Пуньскаго, напр., пана Станислава Бартошевича [461]), а затѣмъ пана Александра Ивановича Ходкевича [462]). При Сигизмундѣ во время изданья перваго Статута намѣстникомъ Пуньскимъ и Волкиницкимъ былъ тивунъ Троцкій панъ Мацко Кунцевичъ [463]). Позднѣе въ одномъ перечнѣ державцевъ Троцкаго повѣта (около 1533 года) упоминается *державца* Мерецкій и Пунскій панъ Заберезинскій [464]).

Дворы *Олита и Немонойти съ волостями* (теперь мѣстечки

---

456) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 87.

457) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 6, 7.

458) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 89, 90.

459) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 28.

460) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 84.

461) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 79, 80.

462) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXII; Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 314.

463) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 3, 4.

464) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 620, 621.

Трокскаго уѣзда на рѣкѣ Нѣманѣ), которые обыкновенно отдавались „въ держанье" одному и тому же лицу. При Казимирѣ это лицо называлось *тивуномъ* Олитскимъ и Немоноитскимъ, какъ это открывается, напр., изъ слѣдующей записи: „Михаилу Бѣлоусовичу полтина грошей зъ вины въ тивуна Немонойтского и Олитского у Олехна Нетевича" [465]). Кухмистръ Петръ Олехновичъ, державшій Олиту и Немонойти при великомъ князѣ Александрѣ, назывался уже *намѣстникомъ* Олитскимъ и Немонойтскимъ, напр., въ листѣ къ нему великаго князя отъ 22 іюля 1494 г., содержащемъ приказъ дать нѣкоторымъ господарскимъ людямъ „у-въ Олитскомъ повѣтѣ" земли въ Буковѣ островѣ взамѣнъ тѣхъ, которыя отобраны у нихъ для тивуна Троцкаго Михна Ивановича тоже „въ Троцкомъ повѣтѣ у-въ Олитской волости" [466]). Въ 1506 году король Александръ отдалъ дворъ свой Немонойти маршалку земскому, старостѣ Городенскому, пану Яну Юрьевичу „заставнымъ обычаемъ" въ 2300 копъ грошей, а дворъ Олиту „вѣчно" [467]); король Сигизмундъ въ слѣдующемъ году подтвердилъ за нимъ этотъ послѣдній дворъ и съ дворцомъ Синномъ въ числѣ прочихъ его выслугъ [468]). Что же касается двора Немонойтскаго, то отъ пана Яна Юрьевича Заберезинскаго онъ перешелъ „заставнымъ обычаемъ" къ сыну его, воеводѣ Новгородскому, старостѣ Дорогицкому, пану Яну Яновичу въ 1515 году [469]), а въ 1519 году на вѣчность [470]).

Дворъ *Довгги съ волостью* (нынѣ мѣстечко Дауги Трокскаго уѣзда при озерѣ того же имени). При Казимирѣ и въ первые годы Александрова княженья дворъ этотъ держалъ великокняжескій *тивунъ*, именно панъ Миколай Дорхгевичъ [471]). Въ послѣдніе годы Александрова княженья въ Довкговскомъ повѣтѣ по актамъ распоряжается уже *намѣстникъ* великаго князя, именно панъ Юрій Якубовичъ Довойновича: когда король Александръ пожаловалъ боярину Михаилу Вяжевичу три земли пустовскихъ въ этомъ повѣтѣ, намѣстникъ Довкговскій панъ Юрій „увязалъ" его только въ одну изъ нихъ, а двѣ другихъ не далъ „для того, што жъ отчычи по одному чоловѣку къ

---

465) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 17.

466) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45, 243, 244.

467) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 13.

468) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 129, 130.

469) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229.

470) *Bonieckiego* Poczet rodów w. W. K. Litewskiem w XV i XVI w. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XXV.

471) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 76; IV, 69.

тымъ землицамъ озвалися", и далъ ему взамѣнъ ихъ пустую землю, Лѣсишки [472]). Преемникомъ пана Юрья по актамъ является панъ Богушъ Боговитиновичъ съ титуломъ тоже намѣстника [473]). Въ 1516 году панъ Богушъ получилъ дворъ Довкги „въ заставу" до уплаты королемъ 600 копъ грошей, взятыхъ у него для уплаты „служебнымъ", „зъ мѣстомъ и со всими людми Довкговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ коновормци и со всими ихъ службами, и въ даньми грошовыми и медовыми, и съ корчомными пѣнязми, и зъ дяклы со ржаными и овсяными, и въ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиники, и съ колодиною, и ставы, и зъ млыны, и съ озеры и со всими иными поплатки и пожитки, которыи зъ мѣста и зъ волости Довкговское на насъ (т. е. господаря) хоживали". По привилею, данному королемъ пану Богушу, воевода Троцкій уже не имѣлъ права всылать своихъ дѣцкихъ въ Довкговскую волость и судить людей „тое волости повѣта Довкговского", а равно и урядники Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не имѣли уже права всылать слугъ своихъ въ волость двора Довкговскаго и править свои и господарскіе доходы. Воевода долженъ былъ только переписать все наличное имущество Довкговскаго двора, „што будеть на тотъ часъ въ томъ дворѣ жита ярого и въ гумнѣ и на поли посѣяного и животины и иныхъ рѣчей", и инвертарные списки хранить у себя до того времени, когда дворъ изъ заставы перейдетъ снова въ держанье. Король обѣщался и по уплатѣ долга пану Богушу оставить Довкги въ его держаньѣ „до живота" согласно прежде данному привилею [474]). Въ 1518 году король во второй разъ заставилъ дворъ Троцкаго повѣта Довкги съ волостью въ семисотъ копахъ грошей пану Юрью Немировичу [475]). Два года спустя мы видимъ дворъ Довкги „въ держаньѣ" воеводы Новгородскаго пана Яна Яновича Заберезинскаго, который именуется уже въ актахъ *державцею* Довкговскимъ [476]).

При впаденіи рѣки Меречанки въ Нѣманъ находился господарскій дворъ Троцкаго повѣта *Меречь съ волостью* (нынѣ мѣстечко Трокскаго уѣзда). Меречь при королѣ Казимирѣ отдавался въ держанье особому *намѣстнику*, какъ это видно, напр., изъ привилея жиду Городенскому Еньку Яцковичу на мостовое Городенское и бочечное

---

[472]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186.
[473]) Акты Зап. Рос. II, № 61, 90.
[474]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.
[475]) Литов. Метр. кн. Запис. X., л. 10.
[476]) Ibidem, л. 29.

помѣрное Мерецкое отъ 27 іюня 1486 г. [477]) Намѣстниками же Мерецкими назывались и лица, чинившія судъ и управу въ Меречѣ при великомъ князѣ Александрѣ: панъ Станиславъ Глѣбовичъ, панъ Григорій Станиславичъ Остиковича, князь Михаилъ Львовичъ Глинскій [478]); но панъ Юрій Пацовичъ, являющійся по актамъ преемникомъ князя Глинскаго, называется уже *державцею* [479]). Впрочемъ, названіе это не сразу упрочилось за урядникомъ Мерецкаго повѣта, и въ первые годы Сигизмундова княженья мы снова встрѣчаемъ по актамъ намѣстниковъ Мерецкихъ [480]). Въ 1518 г. король отобралъ у державцы Мерецкаго пана Юрья Глѣбовича дворъ Троцкаго повѣта Меречь съ волостью и далъ ему взамѣнъ дворъ Волковыйскій „въ держаніе до его живота", а дворъ Меречь „зъ мѣстомъ и зъ дворцы Мерецкими и со всими людми Мерецкого повѣта" заставилъ пану Станиславу Григорьевичу Остиковича въ 1000 копахъ грошей [481]). По смерти пана Станислава Остиковича, въ 1520 году, король позволилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому отложить наслѣдникамъ Станислава Остиковича 1000 копъ грошей и взять у нихъ дворъ Меречь „на выбираніе пенязей" въ теченіе четырехъ лѣтъ, а затѣмъ въ держанье на правахъ намѣстника. Привилей, выданный по сему случаю пану Яну Яновичу, опредѣлялъ: „А маеть онъ зъ людей нашихъ службы и платы мѣти, которые передъ тымъ на насъ бывали, а вышей того служобъ и платовъ никоторихъ не маеть онъ на людей нашихъ собѣ примышляти. И въ тую чотыри годы не маеть панъ воевода Троцкій въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати и людемъ судити и радити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій, не маютъ въ тую волость сами въѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не маютъ правити" [482]). Въ слѣдующемъ 1521 году панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій долженъ былъ уступить дворъ Меречь старостѣ Городенскому пану Юрью Миколаевичу, который, обязавшись уплатить ему 1000 копъ грошей, королю эти деньги „спустилъ" и, кромѣ того, далъ ему еще наличностью („готовизною") 100 золотыхъ червоныхъ угорскихъ. Панъ Юрій бралъ дворъ Меречь въ держанье только съ тѣми доходами,

---

[477]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.
[478]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 54; VI, л. 206.
[479]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.
[480]) Акты Зап. Рос. II, № 76, 87.
[481]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 11, 12.
[482]) Литов. Метр кн. Запис. X, л. 29.

„которые передъ тымъ,—какъ гласитъ выданный ему королевскій привилей,—на врадниковъ нашихъ хоживали“; съ своей стороны король обязался не отдавать Мереча никому въ заставу, „а ни его съ того двора рушати до его живота“ [483]). Но передача Мереча пану Юрью Миколаевичу на дѣлѣ не состоялась, и панъ Янъ Яновичъ до самаго изданія Статута 1529 года является по актамъ державцею Мерецкимъ [484]).

Великокняжескій дворъ *Перелая съ волостью* (нынѣ мѣстечко Прелаи на р. Мереченкѣ Трокскаго уѣзда). При Казимирѣ и въ первые годы Александрова княженья волостью этой завѣдывалъ *тивунъ*, подчиненный Троцкому воеводѣ, какъ высшей инстанціи. Воевода Троцкій, напр., судилъ тивуна Перелайскаго Михаила Вяжевича съ нѣкоторыми подданными Перелайчанами, которые жаловались на него, что онъ имъ дѣлаетъ „кривды“ и вводитъ „новины“, и въ этомъ дѣлѣ нашелъ ихъ правыми и выдалъ имъ на то свой листъ, получившій затѣмъ 22 мая 1496 года санкцію самого великаго князя [485]). Послѣ Михаила Вяжевича мы встрѣчаемъ по актамъ уже *намѣстника* Перелайскаго пана Богуша Боговитиновича [486]). Въ 1521 году король Сигизмундъ отдалъ дворъ Перелаю „у хлѣбокормленіе“ окольничему Смоленскому пану Михаилу Басѣ до очищенья его имѣній отъ непріятеля Московскаго. Привилей, выданный при этомъ Басѣ, гласитъ: „маеть онъ тотъ дворъ нашъ держати со всимъ съ тымъ, какъ ся въ собѣ маеть, и со всими тыми доходы, которыи на насъ прыхоживали и на врадниковъ нашихъ, съ колодиною и съ пентинницкими пенези и зъ иншими доходы врадниковъ нашихъ Троцкихъ“. Панъ Михаилъ долженъ былъ только „поднимать“ короля „стаціями“, т. е. давать извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ на короля и его свиту во время проѣзда ихъ въ этой мѣстности [487]). По смерти пана Михаила Басы, въ 1526 году, король отдалъ Перелаю на тѣхъ же основаніяхъ сыну его Ивану [488]).

Дворы *Волкиники и Лепунь съ ихъ волостями* (нынѣ мѣстечко Олькеники на р. Мереченкѣ Трокскаго уѣзда и сельцо Лейпуны въ Декшнянской волости того же уѣзда, населенное евреями). Оба эти двора обыкновенно отдавались въ держанье одному и тому же лицу,

---

483) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40, 41.
484) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35; XV, л. 1, 23 и др.
485) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 75, 76.
486) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.
487) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 63.
488) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 293.

которое въ актахъ изучаемаго времени называется большею частью *намѣстникомъ* Волкиницкимъ и Лепунскимъ. При Александрѣ и Сигизмундѣ долгое время въ этой должности былъ панъ Якубъ Кунцовичъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ конюшимъ дворнымъ и Троцкимъ [489]). Въ 1516 году король отдалъ пану Якубу Кунцовичу, намѣстнику Волкиницкому и Лепуньскому, лѣсничему Городенскому, дворы „Троцкого повѣту" Лепунь и Волкиники въ заставу въ 400 копахъ грошей съ дворцами Нарвидишками и Начишками, съ мѣстами и съ людьми волостными, „и со всими платы и пожитки, которыи зъ мѣстъ и зъ волостей тыхъ дворовъ нашихъ на насъ (т. е. господаря) хоживали". „А бояръ нашихъ повѣту Лепуньского и Волкиницкого,—гласитъ выданный пану Якубу Кунцовичу заставной листъ,—маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ; а панъ воевода Троцкій въ тыи волости не маеть дѣцкихъ своихъ всылати; и вжо врадники наши Троцкіи: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають у волости тыхъ дворовъ нашихъ всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити" [490]). Въ актахъ, изданныхъ послѣ 1516 года, панъ Якубъ Кунцовичъ называется и намѣстникомъ, и *державцею* Волкиницкимъ и Лепуньскимъ. Въ заставныхъ привилеяхъ, напр., выданныхъ ему въ 1518 году на дворъ Василишки и въ 1521 году на дворъ Стоклишки, онъ названъ державцею Волкиницкимъ и Лепуньскимъ [491]); но въ одномъ актѣ 1521 года онъ названъ намѣстникомъ [492]). Съ 1525 г. въ должности намѣстника Волкиницкаго и Лепунскаго мы встрѣчаемъ по актамъ тивуна Троцкаго Мацка Кунцовича, очевидно, родственника пана Якуба, брата или сына [493]).

Дворъ господарскій *Ейшишки съ волостью* (нынѣ мѣстечко Эйшишки на р. Версокѣ, впадающей въ Меречанку, Лидскаго уѣзда Виленской губерніи). Въ Ейшишкахъ судъ и управу чинилъ при великомъ князѣ Александрѣ его *намѣстникъ*; акты упоминаютъ въ этой должности подкоморія пана Петра Радивиловича [494]). При Сигизмундѣ Ейшишки держалъ также подкоморій, панъ Андрей Якубовичъ До-

---

[489]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 243, 244; VII, л. 572.
[490]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 158.
[491]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19, 41, 42.
[492]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59.
[493]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 270, 271, XV, л. 3, 4.
[494]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 71.

войновича [495]). Въ 1515 году король взялъ у него 500 копъ грошей и въ этихъ деньгахъ заставилъ ему дворъ Ейшишки и *Воряне*, „што къ тому двору прислухаетъ“ (нынѣ мѣстечко Ораны на р. Мерeчанкѣ Троцкаго уѣзда), со всѣми людьми повѣта Ейшишскаго, со всѣми ихъ службами и со всѣми платами и пожитками, которые ранѣе того шли на короля. Въ заставномъ листѣ находимъ и обычный пунктъ о томъ, что воевода Троцкій „не маетъ у волости того двора дѣцкихъ своихъ всылати и людей волостныхъ передъ себе ку праву ставити“, равно и другіе урядники Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ „не мають тежъ ни по што въ тую волость всылати“. По уплатѣ королемъ долга панъ Андрей долженъ былъ сдать дворъ съ житомъ, челядью, коньми, животиною и со всѣмъ другимъ, съ чѣмъ у него тотъ дворъ былъ въ заставѣ, по описи, которую король поручилъ составить воеводѣ Троцкому, и затѣмъ „къ нашой (т. е. господарской) руцѣ держати, какъ передъ тымъ держалъ“ [496]). Въ актахъ послѣ 1515 г. панъ Андрей Якубовичъ именуется обыкновенно *державцею* Ейшишскимъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ ему 20 іюня 1520 года на держанье дворовъ Коневы и Дубичъ до живота [497]).

Дворъ *Радунь съ волостью* (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда на р. Радункѣ, впадающей въ Дзитву, правый притокъ Нѣмана). При Казимирѣ Радунью завѣдывалъ великокняжескій *тивунъ*: въ 1488 году король, пожаловавъ подконюшему Петру землю пустую Андрейковщину въ Радуньскомъ повѣтѣ, извѣщалъ объ этомъ тивуна Радуньскаго Сенька Андрошевича [498]). При великомъ князѣ Александрѣ въ качествѣ администратора въ Радуньскомъ повѣтѣ встрѣчаемъ уже *намѣстника*. Въ 1496 году великому князю жаловались бояре Радуньскіе Олехно Андреевичъ, Андрей Нецевичъ и Нацко съ братьею на намѣстника Радуньскаго Януша Костевича (ранѣе онъ былъ тивуномъ Радуньскимъ [499]), „што жъ имъ велѣлъ сѣно косити и дякло давати и за то ихъ былъ самыхъ поималъ и въ нятствѣ держалъ и домы ихъ пограбилъ“, между тѣмъ какъ они изъ рода суть бояре, „сѣна не кошивали и дяколъ не даивали“. Бояре ссылались на то, что у нихъ изъ за этого ранѣе былъ уже судъ съ приставомъ и волостью Радуньскою предъ воеводою Троцкимъ паномъ Андреемъ Саковичемъ, и

495) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 475.
496) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 230, 231.
497) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54.
498) Литов Метр. кн. Запис. IV, л. 71.
499) *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. VII.

панъ Андрей ихъ оправилъ. Великій князь съ своей стороны также ихъ оправилъ и писалъ намѣстнику Радуньскому: „не надобѣ имъ сѣна косити и дяколъ давати, и мають они намъ служити службою тою, какъ иншіе бояре шляхта“ [500]). Изъ приведеннаго акта видно, что Радуньская волость, кромѣ своего намѣстника, подвѣдома была въ отношеніи высшаго суда и управы и воеводѣ Троцкому. Иногда король съ своими распоряженіями, касающимися волости Радуньской, обращался прямо къ воеводѣ Троцкому. Такъ, въ 1509 году, пожаловавъ толмачу Рамадану людей „въ Радуньской волости“, съ которыхъ, по его показанію, шло четыре службы, и двѣ земли пустовскихъ, король поручилъ обо всемъ этомъ довѣдаться воеводѣ Троцкому пану Миколаю Миколаевичу и, если все окажется такъ, какъ повѣдалъ Рамаданъ, дать ему въ людей и земли „увяванье“ [501]). Но подобныя же порученія давались и намѣстнику Радуньскому. Въ 1510 г. король, пожаловавъ боярину Андрею Михновичу землю пустую въ Радуньскомъ повѣтѣ Мицутишки, писалъ до маршалка своего, намѣстника Радуньскаго, пана Януша Костевича, „естли будетъ пуста, абы ему увязанье далъ“ [502]), Панъ Янушъ Костевичъ въ одной записи о пожалованіи землею мѣщанина Витебскаго въ 1514 году названъ *державцею* Радуньскимъ [503]), хотя позднѣе, въ записи 1518 года о пожалованіи человѣку Радуньской волости Сеньку Дашковичу земли пустовской Мелевщины въ Радуньскомъ повѣтѣ на особную тяглую службу и дякло, онъ поименованъ по прежнему намѣстникомъ Радуньскимъ [504]). Вообще, названіе державца, хотя и преобладало въ концѣ изучаемаго времени, но не было исключительнымъ въ приложеніи къ уряднику Радуньскаго повѣта. Панъ Янушъ Костевичъ въ качествѣ державцы Радуньскаго встрѣчается по актамъ до самаго изданія Статута 1529 года [505]).

Дворы *Дубичи и Конева съ волостью* (нынѣ мѣстечко Дубичи при озерѣ Пелесы и сельцо Канева на р. Начѣ, впадающей въ озеро Пелесы, Лидскаго уѣзда). Дворъ Конева первоначально былъ состав-

---

[500]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74.

[501]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 306, 307. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 119.

[502]) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 471.

[503]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 89.

[504]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.

[505]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 68, 69; XV, л. 3, 4. Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. 1, № 15.

ною частью Дубицкой волости. Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира подъ оглавленіемъ „Дубичское волости" находимъ слѣдующую запись: „Васку Радивоновичу Конева со всимъ, што Коневѣ слушаеть, а дворца не далъ, а противъ дворца двадцать человѣковъ Дубичское волости" [506]). Ниже находится слѣдующая запись: „Васку Скобейку Конева, дворъ княжій въ Дубичохъ" [507]). Впослѣдствіи Конева со всѣмъ, что къ ней тянуло, является въ качествѣ особой волости, хотя и въ держаньѣ того же лица, кому отдавались Дубичи. Такимъ образомъ, въ книгѣ денежныхъ раздачъ конца Казимирова княженья читаемъ: „Подконюшему Петру полтора рубля въ Дубицкого и Коневского (*тивуна*) въ Петрашка Радивиловича въ винъ" [508]). При Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженья *намѣстникомъ* Дубицкимъ и Коневскимъ былъ кухмистръ великой княгини Елены панъ Миколай Юндиловичъ [509]), по смерти котораго, около 1516 года, Дубичи и Конева перешли къ брату его Яну Юндиловичу [510]). Янъ Юндиловичъ держалъ эти дворы „въ заставѣ", т. е. пользовался съ нихъ не только намѣстничьими, но и великокняжескими доходами, въ видѣ процентовъ на 6000 копъ грошей, которыми онъ ссудилъ короля „для великое потребы его и земское". Къ 1520 году король дозволилъ державцѣ Ейшишскому пану Андрею Якубовичу Довойновича выкупить у Яна Юндиловича Коневу и Дубичи и далъ ему эти дворы „въ держанье до живота" со всѣми намѣстничьими доходами, при чемъ панъ Андрей шестью стами копъ, отданными на выкупъ, „даровалъ" короля [511]). Панъ Андрей Якубовичъ Довойновича въ актахъ называется обыкновенно *державцею* Ейшишскимъ, Коневскимъ и Дубичскимъ [512]). Но кромѣ намѣстника-державцы, Дубицкую и Коневскую волость вѣдалъ въ качествѣ высшаго судьи и администратора воевода Троцкій. Король Сигизмундъ, желая пожаловать боярину Смоленскому Мурину Ивановичу Алексѣевича имѣнье, писалъ до воеводы Троцкаго пана Григорья Станиславовича Остиковича, „абы казалъ, обыскавши у Коневскомъ повѣтѣ чотыры чоловѣки тяглыхъ а двѣ земли пустыхъ на дворную пашню, и казалъ ему въ то увязанье дати". Воевода съ сво-

---

[506]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 47.
[507]) Ibidem, л. 72.
[508]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 52.
[509]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2, 54; VIII, л. 482, 483.
[510]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118, 119.
[511]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 54.
[512]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206 и др.

ей стороны отдалъ объ этомъ приказъ намѣстнику Дубицкому пану Яну Юндиловичу [513]).

Дворъ *Перевалка съ волостью* (нынѣ село Переволокъ на Нѣманѣ, выше впаденія въ него Меречанки, Гродненскаго уѣзда). Дворъ этотъ отдавался въ держанье особому *намѣстнику*, который при Сигизмундѣ сталъ называться также и *державцею*. Такимъ образомъ, напр., писарь Копоть Васильевичъ въ привилеѣ, выданномъ 19 ноября 1516 года пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Жуково Луцкаго повѣта, написанъ намѣстникомъ Перевальскимъ, а въ привилеѣ, выданномъ 25 ноября того же года ему самому на дворъ Вейсеи въ Перевальскомъ повѣтѣ, названъ державцею Перевальскимъ [514]). И позднѣе оба эти названія чередуются въ приложеніи къ урядпику Перевальскаго повѣта: въ привилеѣ земянину Волынскому Олехну Козинскому на два дворища въ Луцкомъ повѣтѣ отъ 4 іюля 1518 года Копоть Васильевичъ названъ намѣстникомъ, а на другомъ документѣ того же года державцею Перевальскимъ [515]). Кромѣ намѣстника-державцы органомъ государственнаго управленія въ Перевальскомъ округѣ былъ и воевода Троцкій. Король Сигизмундъ по просьбѣ Смоленскаго боярина Филиппа Алексѣевича „осмотрѣть" его какимъ-нибудь „хлѣбокормленіемъ" писалъ до воеводы Троцкаго пана Григорія Станиславовича Остиковича, „ажбы онъ казалъ, обыскавши у Троцкомъ повѣтѣ у Перевалской волости пять человѣковъ служобъ тяглыхъ а двѣ земли пустыхъ, и его въ тыи люди и земли увязати". Въ исполненіе этого приказа воевода послалъ своего служебника Миколая Полуботка, который вмѣстѣ съ намѣстникомъ Перевальскимъ Ѳедкомъ Святошею обыскалъ и людей, и земли [516]).

Дворы *Ожа и Переломъ съ волостями* (нынѣ село Гожа и деревня Переломъ на р. Нѣманѣ въ Гродненскомъ уѣздѣ). Подобно Дубичамъ и Коневѣ дворы эти отдавались въ держанье обыкновенно одному и тому же лицу. Такимъ образомъ, напр., въ книгахъ короля Казимира находимъ запись о пожалованіи нѣкому Бартошу Дитриховичу двухъ рублей „въ винъ у Ожи и Переломѣ" у Яцка Падейковича (*тивуна* [517]). Тивуномъ Ожскимъ и Переломскимъ при Казимирѣ былъ

---

[513]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 84, 85.
[514]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592; 628; VI, л. 197.
[515]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 1, 65.
[516]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 174.
[517]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 54.

также и Михаилъ Кибортовичъ [518]). Отъ 1494 года мы имѣемъ листъ великаго князя Александра уже до *намѣстника* Переломскаго и Ожскаго пана Андрея Олехновича, содержащій подтвержденье на землю Римтишки, которую панъ Андрей далъ людямъ Норовичамъ Переломской волости на особную „дякольную" службу [519]). Послѣ пана Андрея Олехновича намѣстникомъ Ожскимъ и Переломскимъ при Александрѣ былъ князь Иванъ Львовичъ Глинскій. При Сигизмундѣ съ тѣмъ же титуломъ встрѣчаемъ пана Войтека Нарбутовича и ловчаго, пана Миколая Юрьевича Пацовича [520]). Слѣдующій за ними панъ Юрій Яновичъ Заберезинскій, упоминаемый въ актахъ 1516 года, называется и намѣстникомъ, и *державцею* Ожскимъ и Переломскимъ [521]). Послѣднее названіе по актамъ устанавливается болѣе или менѣе прочно за преемниками пана Заберезинскаго, воеводою Подляшскимъ Янушемъ Костевичемъ и воеводою Полоцкимъ, старостою Дорогицкимъ, паномъ Петромъ Станиславовичемъ, которые держали Ожу и Переломъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVI столѣтія [522]).

Дворъ *Василишки съ волостью* (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда Виленской губ.) При Александрѣ въ качествѣ *намѣстниковъ* Василишскихъ упоминаются, напр.: князь Василій Львовичъ Глинскій, которому король въ 1503 году подтвердилъ особымъ листомъ имѣнье въ Василишскомъ повѣтѣ [523]), и гетманъ Панъ Станиславъ Петровичъ, подписанный въ числѣ пановъ рады въ подтвердительномъ привилеѣ на имѣнья, выданномъ въ 1505 г. городничему Городенскому пану Ѳедку Гавриловичу Мелешковича [524]). Тотъ же самый панъ Станиславъ Петровичъ въ судномъ листѣ 1506 г. по дѣлу „о кгвалтахъ и головщинахъ", подѣланныхъ въ имѣньяхъ дворянъ Завишей, названъ уже державцею Василишскимъ [525]). При Сигизмундѣ Василишками завѣдывалъ намѣстникъ панъ Янъ Якубовичъ Щитовича [526]). Въ 1515 году король, взявъ у „пана Яна шестьсотъ копъ грошей, заставилъ ему въ этой суммѣ дворъ свой Троцкаго повѣта Василишки

---

[518]) *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. VI, VII.
[519]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16, 36, 37; Акты Зап. Рос. I, № 207.
[520]) Акты Зап. Рос. II, № 50; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 353, 354.
[521]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 629, 630.
[522]) Акты Зап. Рос. II, № 119, 164.
[523]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 219.
[524]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.
[525]) Ibidem, л. 291.
[526]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 163; VII, л. 573—575.

„со всими людми повѣта Василишского“, со всѣми ихъ службами и со всѣми „поплатки и пожитки, которыи зъ мѣста и зъ волости Василишское на насъ хоживали“. „И вжо панъ воевода Троцкій,-гласитъ заставной листъ, выданный пану Яну Щитовичу,—не маетъ въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати, а и врядники наши Троцкіи: городничій, тивунъ и ключникъ, не маютъ ни по што у волость того двора нашого всылати и доходовъ своихъ тежъ не маютъ правити“ [527]. Янъ Якубовичъ Щитовича вскорѣ послѣ того умеръ, а дворъ Василишки перешелъ сначала въ держанье, а потомъ, въ 1518 году, въ заставу въ 1000 копахъ грошей къ пану Якубу Кунцовичу. Въ выданномъ ему заставномъ листѣ между другими его правами отмѣчено также: „а бояръ и осочниковъ Василишскихъ маетъ онъ судити и рядити по тому, какъ и первые врадники наши“ [528]). Въ этомъ заставномъ листѣ, а равно и въ другихъ документахъ, издававшихся послѣ, онъ называется *державцею* Василишскимъ, равно какъ и его преемникъ, панъ Янъ Миколаевичъ, Радивиловича [529]).

Новый дворъ съ волостью (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда). О *намѣстникѣ* Новодворскомъ упоминаетъ, напр., подтвержденье на имѣнье, выданное въ 1499 году в. княземъ Александромъ казначею Смоленскому кн. Константину Өедоровичу Крошинскому [530]). Король Сигизмундъ отдавалъ Новый Дворъ въ держанье кн. бискупу Виленскому, который въ 1522 году въ качествѣ державцы ходатайствовалъ предъ королемъ о дозволеніи путному человѣку „Городенского повѣту“ Томку Петровичу, имѣвшему землицу въ Новомъ Дворѣ, служить именно къ Новому Двору, такъ какъ „на двое тотъ человѣкъ тамъ служити не можетъ“ [531]).

Господарскій дворъ *Острынь съ волостью* (теперь мѣстечко Остриио при рѣчкѣ Остринкѣ, впадающей въ Котру, правый притокъ Нѣмана Лидскаго уѣзда). По книгамъ княженья Казимира, Остринская волость является владѣніемъ великаго князя, въ которомъ онъ раздаетъ земли и деньги „зъ винъ“, собираемыхъ на мѣстѣ его урядниками [532]). Эти урядники обозначены не должностнымъ своимъ именемъ, а личнымъ. Акты княженья Александра и Сигизмунда называ-

---

[527]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229, 230.
[528]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.
[529]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 70, 71; 128, 129.
[530]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 91, 92.
[531]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 32, 33.
[532]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 73; IV л. 60 и др.

ютъ ихъ *намѣстниками*. Такъ, напр., согласно привилею, выданному въ 1501 году мѣщанину Василишскому Кузьмѣ на землю Воликовщину „у-въ Остринской волости“, показанье этого мѣщанина, „што жъ то земля есть боярская, а давно лежить пуста“, подтверждалъ намѣстникъ Острынскій кн. Глѣбъ Пронскій [533]). Въ 1510 году 20 сентября король Сигизмундъ выдалъ конюху дворному Жолнеру подтвержденье на поле дворное Хмѣлищо съ болотомъ Онихимовскимъ, которыя далъ ему панъ Өедко Хребтовичъ, бывшій намѣстникъ Острынскій; подтвержденье это дано на имя намѣстника Острынскаго Станислава Скиндеря съ приказомъ: „и ты бы въ тое поле не велѣлъ никому ся вступати“ [534]). Но слѣдующій по актамъ урядникъ Остринскаго повѣта, панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, называется уже *державцею* [535]). Въ 1520 году король, задолжавъ пану Александру Ивановичу 500 копъ грошей, отдалъ ему „дворъ свой Троцкого повѣта Острину до выбранья суммы его на три годы, а потомъ врядомъ до его живота“ [536]). Въ державьѣ пана Александра Ходкевича дворъ этотъ пробылъ до конца изучаемаго періода [537]).

Господарскій дворъ *Жолудокъ съ волостью* (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда на р. Жолудчанкѣ, притокѣ Нѣмана). Юрій Стырнель, чинившій судъ и управу въ этой волости въ концѣ княженья Казимирова и въ началѣ княженья Александрова, называется въ актахъ *тивуномъ* Жолудскимъ [538]); впрочемъ, въ судномъ спискѣ 1493 года по дѣлу его съ коморникомъ Индриховичемъ о землѣ онъ названъ намѣстникомъ Жолудскимъ, хотя въ привилеѣ, выданномъ ему въ 1495 году на землю съ людьми въ Кревскомъ повѣтѣ, онъ названъ по прежнему тивуномъ [539]). Преемникъ его по уряду, конюшій дворный панъ Мартинъ Хребтовичъ, титулуется въ актахъ *намѣстникомъ* Жолудскимъ [540]). Урядники, державшіе Жолудокъ при Сигизмундѣ до 1516 года называются также обыкновенно намѣстниками. Такъ, въ 1511 году король извѣщалъ намѣстника Жолудскаго пана Шимка Кибор-

---

[533]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 194.

[534]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 99, 100.

[535]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 3, 4, 35.

[536]) Ibidem, л. 45.

[537]) Акты Зап. Рос. II, № 164. Археографич. Сборникъ, издан. въ Вильнѣ, т. I, № 15.

[538]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26; V, л. 11.

[539]) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 15; кн. Зап. V, л. 39.

[540]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 194.

товича объ оставленіи за подконюшимъ Виленскимъ Шимкомъ Мацковичемъ землицы пустовской лейтской Можейковщины, которую далъ ему предшественникъ пана Шимка Кибортовича, панъ Миколай Юрьевичъ Пацевича, до воли господарской [541]). Въ 1616 г. король заставилъ въ 600 копахъ грошей дворъ свой Жолудокъ Троцкаго повѣта со всѣми людьми волости Жолудской, съ ихъ службами и податьми, со всякими доходами, которые на него хаживали съ мѣста и волости Жолудской, князю Василію Андреевичу Полубенскому. При этомъ король приказалъ воеводѣ Троцкому пану Григорью Станиславовичу Остиковича „казати пописати, што будеть тыми разы въ томъ дворѣ нашомъ жита у гумнѣ посѣяно, и тежъ коней и животины и иныхъ речей", такъ какъ по условіямъ „заставы" кн. Полубенскій долженъ былъ возвратить сполна весь хозяйственный инвентарь двора; списки воевода долженъ былъ хранить у себя до окончанья „заставы" т. е. до уплаты королемъ долга. На все время заставы воевода Троцкій терялъ право „у волости того двора дѣцкихъ своихъ усылати и людей волостныхъ передъ себе ку праву становити"; точно также и другіе урядники Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не должны были „ни по што у волость того двора всылати и доходовъ своихъ правити" [542]). Князь Полубенскій, державшій Жолудокъ до самаго конца изучаемаго времени, называется въ актахъ державцею Жолудскимъ [543]).

Дворъ *Избляны или Збляны съ волостью* (нынѣ с. Збляне на р. Нѣманѣ въ Лидскомъ уѣздѣ). Въ книгѣ денежныхъ раздачъ короля Казимира находимъ слѣдующую запись: „конюшку Станьцу рубль грошей въ винъ у Остринѣ въ Миклаша Будковича, а другій рубль у Зблянѣхъ у Сестренца" [544]). Изъ этой записи явствуетъ, что дворъ этотъ при Казимирѣ отдавался въ держанье изъ руки великаго князя; то же самое видно и изъ привилея великаго князя Александра, выданнаго въ 1498 г. писарю Игнату на поле Старынки „у Изблянскомъ повѣтѣ" [545]). *Намѣстникомъ* Изблянскимъ при Александрѣ по актамъ является сначала конюшій дворный панъ Мартинъ Хребтовичъ, потомъ конюшій Виленскій панъ Андрей Александровичъ, который и держалъ Избляны до конца изучаемаго времени [546]).

---

[541]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 93, 94.
[542]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113, 114.
[543]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23.
[544]) Литов Метр. кн. Запис. IV, л. 60.
[545]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 78.
[546]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 95, 217, 218; XV, л. 105, 106.

Господарскій дворъ *Бѣлица съ волостью* (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда на р. Нѣманкѣ близъ впаденія ея въ Нѣманъ). По записнымъ книгамъ короля Казимира эта волость также является великокняжескою, ибо доходы съ нея идутъ на великаго князя, а равно и пустовщины находятся въ его распоряженіи [547]). При Александрѣ эта волость является въ держаньѣ *намѣстниковъ* [548]), равно и въ первые годы Сигизмундова княженья. При Сигизмундѣ Бѣлицы отдавались въ держанье обыкновенно тому же лицу, кому отдавалась и Лида. Такимъ образомъ, по актамъ мы встрѣчаемъ намѣстника Лидскаго и Бѣлицкаго пана Юрья Ивановича Ильинича [549]), *державцу* Лидскаго и Бѣлицкаго пана Юрія Миколаевича Радивиловича [550]) и т. д. Въ записныхъ книгахъ короля Казимира въ соединеніи съ собственною Бѣлицкою волостью является *волость Здѣтель* (теперь Зденціолъ, мѣстечко Слонимскаго уѣзда Гродненской губерніи на рѣчкѣ Зденціолкѣ системы Молчади, лѣваго притока Нѣмана [551]). Великій князь Александръ пожаловалъ ее на вѣчность князю Константину Ивановичу Острожскому [552]), а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ [553]).

На рѣкѣ *Молчади*, составлявшей границу Троцкаго повѣта съ Новгородскимъ, при Казимирѣ находился господарскій дворъ того же имени съ волостью (вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Молчадь Слонимскаго уѣзда), отдававшійся въ держанье изъ руки в. князя [554]). Повидимому, и этотъ дворъ перешелъ во владѣніе князя Константина Ивановича Острожскаго. Отъ 10-го марта 1514 года дошла до насъ запись о выдачѣ князю Острожскому листа до воеводы Новгородскаго: „дозволено ему на Молчади млынъ нарядити къ берегу Новгородскому, абы ему млына справити не забороняли“ [555]).

Господарскій замокъ *Слонимъ съ его повѣтомъ* (теперь уѣздный городъ Гродненской губ. на р. Шарѣ). При Казимирѣ и Александрѣ Слонимскій повѣтъ находился подъ администраціею и присудомъ ве-

---

547) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 52; IV л. 17.

548) Акты Зап. Рос. I, № 218.

549) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 386, 387.

550) Акты Зап. Рос. II, № 157, 164.

551) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 52.

552) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VI, № 2; Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXVI.

553) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

554) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 75.

555) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 144.

ликокняжескаго *намѣстника*. Такъ, въ 1490 году король Казимиръ, позволивъ слугѣ Жомоитину взять за себя вдову съ землею въ Бѣлавицкомъ „обрубѣ" Слонимскаго повѣта, писалъ о томъ намѣстнику Слонимскому пану Солтану Александровичу для свѣдѣнія и руководства [556]). Намѣстникъ Слонимскій Литаворъ Хребтовичъ упоминается въ числѣ пановъ-рады въ привилеѣ, выданномъ въ 1496 году князю Петру Головнѣ на два дворища во Владимирскомъ повѣтѣ [557]). При Сигизмундѣ правитель Слонимскаго повѣта назывался первоначально также намѣстникомъ, затѣмъ *державцею* и, наконецъ, *старостою*, хотя послѣднее названіе и не установилось прочно въ изучаемое время. Такимъ образомъ, напр., въ актахъ Литовской Метрики находимъ листъ короля Сигизмунда отъ 1507 года на имя намѣстника Слонимскаго, Ганязскаго и Райгородскаго пана Яна Миколаевича съ извѣщеніемъ о пожалованіи боярину Слонимскому Алексѣю Левонову трехъ дворовъ „у Слонимскомъ повѣтѣ Литовского десятку" и съ приказаніемъ „увязать" его въ эти дворы. Но тотъ же самый панъ Янъ Миколаевичъ въ привилеѣ, выданномъ въ 1516 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Жуково въ Луцкомъ повѣтѣ, написанъ уже державцею Слонимскимъ [558]). Преемникъ его, подскарбій земскій, маршалокъ и писарь панъ Богушъ Боговитиновичъ, въ одномъ актѣ 1522 года названъ державцею Слонимскимъ [559]), въ привилеѣ же, выданномъ въ 1523 году пану Петру Станиславовичу на имѣнье Зеньцовское, названъ старостою Слонимскимъ и Каменецкимъ [560]); позже, въ актахъ 1528 года, выступаетъ опять съ титуломъ державцы [561]).

Слонимскій повѣтъ былъ одною изъ крупныхъ частей Троцкаго повѣта. Его намѣстникъ-державца, кромѣ собственной *Слонимской волости* [562]), вѣдалъ въ отношеніи суда и управы нѣсколько другихъ великокняжескихъ волостей, которыя, впрочемъ, съ теченіемъ времени большею частью были розданы въ частныя руки. Такова была, напр., *волость Здитовская* (теперь естъ мѣстечко Здитово въ южной части Слонимскаго уѣзда на р. Доробужкѣ, впадаю-

---

[556]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 138; Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCI.

[557]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 80.

[558]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 207; VII, л. 591, 592.

[559]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 97.

[560]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 78.

[561]) Акты Запад. Рос. II, № 158.

[562]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 222.

щей въ Ядольду), о которой упоминаетъ листъ в. князя Казимира до намѣстника Слонимскаго и Здитовскаго Бутрима, содержащій извѣщеніе о пожалованіи Митку Вештортовичу села Данничковъ „у Здитовѣ“ [563]); король Сигизмундъ пожаловалъ ее пану Яну Миколаевичу, бывшему державцею въ Слонимѣ [564]). Великій князь Александръ пожаловалъ „у Слонимскомъ повѣтѣ“ пану Войтку Яновичу Клочку дворъ *Деревную* (нынѣ село Слонимскаго уѣзда) надъ рѣкою Исоровою съ людьми данными и служебными, съ Хорошовичами и Лотвичами, съ ловами и бобровыми гонами по рѣкамъ Исоровѣ и Деревной [565]). Въ 1505 году онъ же пожаловалъ князю Василью Львовичу Глинскому дворъ въ Слонимскомъ повѣтѣ *Лососиную* (нынѣ усадьба Лососинъ Рожанской волости Слонимскаго уѣзда) „со всими того двора слугами путными и людми тяглыми и со слободичи, што на воли сѣдять, и съ данники, и съ куничники“ и т. д.; послѣ измѣны кн. Василья Сигизмундъ отдалъ дворъ Лососиную кн. Семену Александровичу Чорторыйскому [566]). Что касается принадлежности Слонимскаго повѣта къ составу Троцкаго судебно-административнаго округа, то хотя на это и нѣтъ такихъ прямыхъ указаній, какъ относительно другихъ волостей, но во всѣхъ перечняхъ Литовскихъ дворовъ Слонимъ причисленъ къ Троцкимъ. Кромѣ того, часть Слонимскаго округа, волость Здитовская, помѣщается въ актахъ въ повѣтѣ Троцкомъ, напр., въ подтвержденьѣ короля Сигизмунда земянину пинекому Матею Войтковичу на имѣніе Пирковичи „у повѣтѣ Троцкомъ у Здитовской волости“ [567]).

Волковыйскъ съ его повѣтомъ (нынѣ уѣздный городъ Гродненской губерніи). При Казимирѣ въ немъ чинилъ судъ и управу по уполномочію великаго князя его *намѣстникъ*; объ этомъ намѣстникѣ находимъ, напр., упоминаніе въ подтвержденьѣ села Тарасова, записаннаго паньею Олехновой Довойновича панамъ Яну Кучуку и Ивашку Ильиничу [568]). При Александрѣ Волковыйскъ держали также съ титуломъ намѣстниковъ панъ Янъ Довойновичъ, которому великій князь въ 1494 году далъ въ вѣчное владѣніе „мѣстце огородъ у Волковыйску“

---

[563]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 59, 60.

[564]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 59.

[565]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 147, 148.

[566]) Акты Зап. Рос. I, № 218; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 56,

[567]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 508, 509; XV, л. 231; Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 93.

[568]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 7. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXVII, LXXXIII.

для усадьбы, и панъ Войтехъ Кучуковичъ, котораго въ 1503 году король извѣщалъ о пожалованіи двора Побоева въ Волковыйскомъ повѣтѣ „въ хлѣбокормленіе“ князю Ивану Семеновичу Глинскому [569]). Такъ же именовались и панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій, державшій Волковыйскъ въ первые годы Сигизмундова княженья [570]), а равно и князь Янушъ Александровичъ, котораго король въ 1511 году извѣщалъ о пожалованіи пану Станиславу Яновичу въ вѣчное владѣніе лововъ, „которые ловы держалъ у Волковыйскомъ повѣтѣ панъ Иванъ Кгинейтовичъ къ имѣнію своему къ Зельви“ [571]). Упоминаемые послѣ того правители Волковыйскаго повѣта называются уже обыкновенно *державцами*, а именно: панъ Юрій Глѣбовичъ, которому король въ 1520 году приказывалъ переписать мѣщанъ Волковыйскихъ, которые „позакупали“ земли въ селѣ Ясеновичахъ, пожалованномъ дворянину Ѳедору Бакѣ и благодаря этому чуть было не попали въ разрядъ панскихъ людей; панъ Матей Войтеховичъ, который по приказанію короля садилъ мѣсто на Свислочи „у Волковыйскомъ повѣтѣ“ [572]). Но, кромѣ намѣстника-державцы, въ Волковыйскомъ повѣтѣ распоряжался и другой, высшій представитель центральной власти—воевода Троцкій. Когда король Сигизмундъ написалъ воеводѣ Троцкому пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, чтобы онъ „обралъ“ нѣсколько людей и земель „въ Троцкомъ повѣтѣ“ для дворянина кн. Михаила Ивановича Глинскаго, панъ Альбрехтъ „обралъ ему люди Волковыйского повѣту на имя“... и о томъ написалъ державцѣ Волковыйскому пану Юрью Глѣбовичу, „абы ему тыхъ людей и земль ся поступилъ“ [573]). Изъ этого прямо видно, что Волковыйскій повѣтъ былъ составною частью Троцкаго судебно-административнаго округа. Въ имѣющихся перечняхъ дворовъ великаго княжества Волковыйскъ также поставленъ въ числѣ Троцкихъ дворовъ [574]).

Судебно-административная власть Волковыйскаго намѣстника державцы, кромѣ собственной Волковыйской волости, обнимала еще нѣсколько другихъ. Въ составъ Волковыйскаго повѣта входила, напр., *волость Мстибоговская*. Такъ, въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля

---

[569]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21: VI, л. 228.

[570]) Акты Зап. Рос. II, № 29.

[571]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 12.

[572]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 34; XII, л. 134, 135; Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 15.

[573]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 5.

[574]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 508, 509; VII, л. 620, 621.

Казимира подъ оглавленіемъ „у Волковыйску" находимъ слѣдующую запись: „пану Яну, старостѣ Жомоитскому, дворецъ Андрейковскій, што издавна къ Мстибогову слухало" [575]. Впослѣдствіи Мстибоговъ (нынѣ Мстибово, мѣстечко Гродненской губерніи Волковыйскаго уѣзда на рѣчкѣ Гнѣзнянкѣ) съ своею волостью сталъ особою державою, независимою отъ Волковыйска: въ актахъ 1533 года находимъ указаніе на *державцу* Слонимскаго, *Мстибоговскаго* и Дорсунишскаго пана Ивана Горностая [576]. Къ Волковыйску тянула и *волость Пороговская* (нынѣ мѣстечко Порозово на р. Росси Волковыйскаго уѣзда), какъ это видно, напр., изъ привилея великаго князя Александра, выданнаго въ 1500 году на дворецъ Рымовидовскій „у Волковыйскомъ повѣтѣ въ Пороговѣ" пану Андрею Александровичу Дрождчѣ [577]. Въ 1518 году король Сигизмундъ выдалъ державцѣ Волковыйскому пану Юрью Глѣбовичу привилей на держаніе двора Волковыйска съ волостьми Волковыйскою, Порозовскою и Новодворскою „до его живота", „съ пенезми корчомными и зъ дявлы оржаными и овсяными, и съ сѣномъ подяволънымъ, и съ колодиною и со всими доходы врадниковъ и дворянъ нашихъ зъ мѣста и съ повѣту Волковыйского и Порозовского и Новодворского" [578]. Такимъ образомъ, кромѣ Порозовской волости къ Волковыйскому повѣту принадлежала и *Новодворская* (Новый дворъ—нынѣ мѣстечко на р. Мѣдянкѣ Порозовской волости Волковыйскаго уѣзда). Кромѣ того, въ актахъ упоминается нѣсколько великокняжескихъ „дворовъ" Волковыйскаго повѣта, розданныхъ во владѣніе частнымъ лицамъ, напр. дворъ *Побоево*, отданный „въ хлѣбокормленіе" кн. Ивану Семеновичу Глинскому въ 1503 году [579] и нѣкот. друг.

Замокъ *Каменецъ съ его повѣтомъ* (нынѣ мѣстечко Каменецъ-Литовскъ на р. Льснѣ Брестскаго уѣзда Гродненской губ.) При Казимирѣ въ Каменцѣ сидѣлъ *намѣстникъ* великаго князя, какъ это видно, напр., изъ листа его о пожалованіи дворянину Александру Ходкевичу четырехъ человѣкъ „у Микуличохъ у Каменецкой волости" [580]. Намѣстниками же называются въ актахъ и лица, державшія

[575]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31.

[576]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 118.

[577]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 110.

[578]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

[579]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 228.

[580]) Акты Запад. Рос. I, № 44; Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 162.

Каменецъ при великомъ князѣ Александрѣ, напр., князь Семенъ Юрьевичъ, бывшій одновременно съ тѣмъ гетманомъ и воеводою Новгородскимъ, а затѣмъ старостою Луцкимъ и маршалкомъ Волынской земли [581]).—Но князь Семенъ Александровичъ Чорторыйскій, чинившій судъ и управу въ Каменцѣ въ началѣ княженья Сигизмунда, выступаетъ въ актахъ съ титуломъ то намѣстника, то *державцы*. Въ листѣ къ нему отъ 20 іюля 1508 года, содержащемъ приказъ короля дать „увязанье" писарю Игнату Микитиничу „въ два человѣка и жеребей пустовскій" на Рясной въ Каменецкомъ повѣтѣ, онъ поименованъ намѣстникомъ Каменецкимъ, а въ листѣ пановъ-рады къ митрополиту Кіевскому Іосифу о приведеніи Минскаго замка въ оборонительное состояніе, онъ названъ державцею [582]). Послѣднее названье прочно утвердилось только за преемникомъ его, паномъ Богушемъ Боговитиновичемъ, державшимъ Каменецъ съ 1512 года „въ державьѣ", а съ 1518 года „въ заставѣ" до конца изучаемаго времени [583]). Панъ Богушъ, державшій, кромѣ Каменца, еще и Слонимъ, изрѣдка является въ актахъ даже съ титуломъ *старосты* Слонимскаго и Каменецкаго, называясь одновременно съ тѣмъ и державцею. Такъ, въ подтвержденьѣ, выданномъ въ 1523 году пану Петру Станиславовичу на имѣнье Зеньцовское въ Русневѣ подлѣ Лоска, панъ Богушъ написанъ старостою Слонимскимъ и Каменецкимъ, а въ листѣ королевскомъ отъ 8 апр. 1526 года, содержащемъ подтвержденье дворянину Гришку Ивановичу на людей и землю въ Каменецкомъ повѣтѣ, данную ему прежде паномъ Богушемъ до воли господарской, послѣдній названъ *державцею* [584]). Кромѣ намѣстника-державцы, правителемъ Каменецкаго повѣта по актамъ является и воевода Троцкій. Король Сигизмундъ, желая пожаловать дворянину кн. Тимоѳею Ивановичу Капустѣ, по его челобитью, сельцо Войское съ людьми и два жеребья пустыхъ, Русиловскій и Туровскій, въ Каменецкомъ повѣтѣ, приказывалъ довѣдаться о нихъ воеводѣ Троцкому пану Григорью Станиславовичу Остиковича, который также долженъ былъ и дать „увязанье" [585]). Онъ же „увязывалъ" по приказанію короля намѣстника Каменецкаго кн. Семена Александровича въ два жеребья, Кисловскій и Гладиловскій, пожало-

---

[581]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 183, 222.

[582]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 228. Акты Запад. Рос. II, № 10.

[583]) Акты Зап. Рос. II, № 78, 164; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

[584]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 78, 299, 300. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 91.

[585]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39.

ванные ему въ 1514 году [586]).—Каменецкій повѣтъ, кромѣ собственной *Каменецкой волости*, заключалъ въ себѣ еще нѣкоторыя другія. Такъ, король Казимиръ привернулъ къ Каменцу *волость Тростяницкую*, пожалованную великимъ княземъ Сигизмундомъ князю Сангушку [587]). Въ актахъ позднѣйшаго времени Тростяницкая волость (нынѣ погостъ Тросцяница Гродненскаго уѣзда Ратайчицкой волости) обозначается, какъ часть Каменецкаго повѣта. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Юрью Ивановичу Ильинича село съ людьми Демьянчичами, которые онъ купилъ у дворянина Степана Андреевича „въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Тростяницкой волости“ на рѣкѣ Льснѣ „обѣль вѣчно“ [588]).

Въ составъ судебно-административнаго округа Троцкаго воеводы входили, какъ было уже сказано, нѣкоторыя изъ Поднѣпрскихъ волостей, въ которыхъ сидѣли особые великокняжескіе намѣстники. Таковы были: Троцкая половина Бобруйской, Любошанской и, повидимому, Свислоцкой волости и *волость Горвольская* (Горволь мѣстечко Минской губерніи Рѣчицкаго уѣзда при р. Березинѣ, близъ впаденія ея въ Днѣпръ). О *намѣстникѣ* Горвольскомъ находимъ упоминаніе въ листѣ великаго князя Александра, адресованномъ къ пану Богушу Боговитиновичу о сборѣ дани съ волостей Поднѣпрскихъ въ 1500 году [589]). Въ 1513 г. король Сигизмундъ извѣщалъ намѣстника Горвольскаго Богдана Григорьевича о пожалованіи дворянину Өедору Григорьевичу Плюскову села Товстиковичъ въ Горвольской волости [590]). Намѣстникъ Горвольскій, подобно другимъ, ко времени изданія перваго Статута сталъ называться *державцею*. Такъ, въ одномъ заставномъ листѣ нѣкоего Лаврина Лыщикова на землю (отъ 1531 года) въ числѣ свидѣтелей написанъ князь Иванъ Юрьевичъ Гольшанскій, державца Горвольскій [591]). Кромѣ намѣстника-державцы, органомъ центральной власти въ Горвольской волости по актамъ выступаетъ воевода Троцкій. Въ 1526 году король Сигизмундъ, пожаловавъ дворянину Матөею Заморенку село Якимовичи въ Горвольской волости, писалъ воеводѣ Троцкому кн. Константину Ивановичу Острожскому, чтобы онъ „въ тое село ему увязанье казалъ дати“ [592]).

---

[586]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200.

[587]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCVI.

[588]) Литов. Метр. кн. Запис. VII л. 566, 567.

[589]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

[590]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 403.

[591]) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXIV, док. 39.

[592]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 392, 393.

Нѣсколько волостей Троцкаго повѣта подобно тому, какъ это было въ Виленскомъ воеводствѣ, не имѣли особыхъ великокняжескихъ намѣстниковъ-державцевъ, а вѣдались судомъ и управою или воеводою непосредственно, или же его намѣстниками. Число ихъ не было постояннымъ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ съ теченіемъ времени перешли въ держанье особыхъ намѣстниковъ-державцевъ, а нѣкоторыя были отданы въ вотчину частнымъ лицамъ. Къ такимъ волостямъ, кромѣ упомянутой уже Троцкой, можно отнести еще и *волость Упитскую* (въ Поневѣжскомъ уѣздѣ Ковен. губ. есть сельцо Упита въ Новомѣстской волости). О принадлежности ея къ Троцкому повѣту свидѣтельствуетъ привилей, выданный въ 1511 году нѣкоему Мартину Вѣковичу и содержащій „позволеніе ему въ имѣнью его въ Гружахъ въ Упитской волости въ Троцкомъ повѣтѣ мѣстечко садити, корчмы и торгъ мѣти вѣчно“ [593]). Изъ другого подобнаго же привилея, выданнаго Мартину Вѣковичу въ 1525 году, узнаемъ, что воевода Троцкій панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича въ качествѣ блюстителя хозяйственныхъ интересовъ своего государя въ этой мѣстности „того торгу ему не далъ“, потому что это было бы „шкодно“ другимъ господарскимъ торгамъ [594]). Воевода же Троцкій раздавалъ земли въ Упитской волости „до воли господарской“, напр., боярину Жмудскому Рымгайлу далъ землицу, „што человѣкъ его Монько, будучы на землицы своей купленой, лѣсу сырого проробилъ“ [595]). Сюда же нужно отнести *волость Ремигольскую* (нынѣ Поневѣжскаго уѣзда Ковенской губ.), о которой упоминаетъ, напр., подтвержденье, выданное въ 1523 году пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду на люди въ Болникахъ, купленные у плебана Керновскаго Размуса Остахіуса [596]). Впрочемъ, о принадлежности этой волости къ Троцкому повѣту здѣсь сдѣлано заключеніе по даннымъ позднѣйшаго времени [597]). Воевода Троцкій вѣдалъ судомъ и управою и *волость Курклевскую* (въ Чипянской волости Поневѣжскаго уѣзда есть теперь деревня Куркле). Въ 1495 году великій князь Александръ поручалъ воеводѣ Троцкому пану Петру Яновичу „увязать“ Ковенскихъ бояръ Товтивгинтовичей въ землю пустовскую на Олдрѣ, „въ Курклѣхъ“ [598]). Въ слѣдующемъ 1496 г., когда

---

593) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 481, 482.

594) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 285.

595) Ibidem, XII, л. 14.

596) Ibidem, л. 69.

597) Starożytna Polska, IV, 379.

598) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29, 30

шла тяжба между нѣкоторыми боярами Пенянскими и волостью Курклевскою „о люди ихъ вотчинные", волость Курклевская представила, между прочимъ, для доказательства правоты своихъ притязаній листъ пана Мартина Гаштольда (воевода Троцкій въ 1480—1483 г.), „иже бы ихъ съ тыми людьми смотрѣлъ и тые люди рекомо бы ихъ волости привернулъ" [599]. Воевода же Троцкій, повидимому, вѣдалъ непосредственно и *волость Грезскую* Троцкаго повѣта, лежавшую на сторонѣ, въ Полѣсьѣ, подлѣ Слуцка (нынѣ мѣстечко Грескъ Слуцкаго уѣзда на р. Савѣ и Площѣ), о которой находимъ упоминанье въ подтвердительномъ привилеѣ короля Сигизмунда на людей и земли, выданномъ въ 1510 г. дворянамъ Быковскимъ [600]).

Среди великокняжескихъ или господарскихъ волостей въ Троцкомъ повѣтѣ, какъ и въ Виленскомъ, находились нѣкоторыя крупныя княжескія и панскія имѣнія, которыя тянули къ Трокамъ въ отношеніи государственно-земскихъ повинностей вмѣстѣ и наряду съ великокняжескими волостями, но не въ составѣ сихъ послѣднихъ. Таковы, были, напр., дворъ *Жосли съ волостью* (нынѣ мѣстечко Трокскаго уѣзда при озерѣ того же имени), принадлежавшій панамъ Гаштольдамъ, а впослѣдствіи перешедшій въ число господарскихъ имѣній, которыми управляли намѣстники-державцы [601]); *Рудники* (нынѣ село Трокскаго уѣзда на р. Меречи)—имѣнье пановъ Хребтовичей [602]); дворъ *Сурвилишки* на р. Невяжѣ (нынѣ мѣстечко Ковенскаго уѣзда), пожалованный въ 1500 году пану Бартошу Таборовичу, а затѣмъ въ 1504 году князю Мартину, бискупу Жомоитскому [603]); дворъ Троцкаго повѣта *Вакиники*, отданный королемъ Сигизмундомъ князю Глѣбу Юрьевичу Пронскому сначала въ заставу въ 120 копахъ грошей, а потомъ, въ 1510 году, въ вѣчность [604]); *Берестовица* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда), принадлежавшая панамъ Ходкевичамъ, какъ это видно изъ королевскаго подтвержденья 1508 г., выданнаго нѣкоему Степану Чаплину на дворецъ въ Берестовицкомъ повѣтѣ Павлишки, который ему далъ панъ его Александръ Ивановичъ Ходкевича [605]);

599) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 86.

600) Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 350, 351. Срав. Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 27.

601) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 17; Корон. Перепис. XXVII, л. 35.

602) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 52.

603) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2, 3.

604) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 352, 353.

605) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 219, 220.

пану же Ходкевичу принадлежали *Супрасль и Рось* (нынѣ мѣстечко Волковыйскаго уѣзда на р. Росси, притокѣ Нѣмана), на которыхъ онъ въ 1513 году записалъ четыре тысячи копъ грошей женѣ своей Василисѣ Ивановнѣ [606]); *Зельва* (нынѣ мѣстечко Волковыйскаго уѣзда на р. Зельвянкѣ), пожалованная великимъ княземъ Александромъ пану Станиславу Яновичу [607]), бывшая затѣмъ во владѣніи князя Ивана Михайловича Вишневскаго, а послѣ великокняжескою державою [608]); *Волпа* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда на р. Нѣманѣ), принадлежавшая князьямъ Гольшанскимъ [609]); *Нетеча* (нынѣ сельцо Нечецъ близъ мѣстечка Бѣлицы Лидскаго уѣзда) и *Гнѣзная* (нынѣ село Волковыйскаго уѣзда)—имѣнья пановъ Шеметовичей [610]); *Ваверка* (нынѣ село Мытлянской волости Лидскаго уѣзда)—имѣнье пана Николая Юндиловича при Сигизмундѣ [611]); *Вязовецъ* (нынѣ село Дятловской волости Слонимскаго уѣзда)—имѣнье князя Ѳедора Ивановича Жеславскаго и *Яворъ* (нынѣ село Роготненской волости того же уѣзда)—имѣнье пана Остафія Яцынича [612]); *Деречинъ* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда)—имѣнье пана Копача, выслужившаго его на Витовтѣ, послѣ его смерти перешедшее къ дочери его, княгинѣ Михайловой Сангушковича, а отъ нея къ писарю короля Александра Никельскому, а послѣ его измѣны вмѣстѣ съ Глинскимъ пожалованное королемъ Сигизмундомъ пану Сенько Полозовичу [613]); *Лопеница* (нынѣ мѣстечко Изабелинской волости Волковыйскаго уѣзда)—имѣнье пана Войтеха Яновича, которое онъ вмѣстѣ съ Лососиною записалъ своей женѣ въ 1516 году [614]); *Заболотье* (нынѣ мѣстечко Заболоть Лидскаго уѣзда)—имѣнье князя Василья Львовича Глинскаго, послѣ его измѣны пожалованное королемъ Сигизмундомъ пану Войтеху Нарбутовичу въ 1508 году [615]); *Ищолно* (нынѣ деревня Щучинской волости Лидскаго уѣзда)—имѣнье князя Петра Тимоѳеевича Мосальскаго, которое онъ продалъ

---

[606]) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. IV, № 59.

[607]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 299.

[608]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 193; XV, л. 200.

[609]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 42.

[610]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 151.

[611]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 382, 383.

[612]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 211—214.

[613]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXX; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242; VIII, л. 292. 293.

[614]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 104.

[615]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII. л. 226, 262, 263.

въ 1525 г. пану Миколаю Юрьевичу Зиновьевича [616]); *Шиловичи, Говеновичи, Ивачевичи и волость Рѣчица* (нынѣ села: Шидловичи, Заполье-Говеновичи Шидловецкой волости Слонимскаго уѣзда; сельцо Ивацевичи Боркинской волости того же уѣзда, сельцо Рѣчица Старуновской волости Пружанскаго уѣзда)—имѣнья пановъ Ильиничей [617]); *Шерешовъ* (нынѣ мѣстечко Пружанскаго уѣзда Гродненской губ. на р. Муровкѣ, впадающей въ Льсну)—имѣнье пана Юрья Ивановича Ильинича [618]).

Такимъ образомъ, Троцкій повѣтъ обнималъ собою южную часть Поневѣжскаго уѣзда, западную небольшую часть Вилькомирскаго и смежную съ нею небольшую часть Ковенскаго уѣзда Ковенской губ., Трокскій уѣздъ Виленской губ. и почти весь Лидскій (за исключеніемъ небольшой полосы его по восточной границѣ), Сеинскій и Кальварійскій уѣзды Сувалкской губ. [619]), Слонимскій, Волковыйскій, западную часть Пружанскаго уѣзда и сѣверовосточную часть Брестскаго уѣзда Гродненской губерніи.

VIII.

Въ составъ воеводства Троцкаго входилъ замокъ *Ковенъ* съ его судебно-административнымъ округомъ, или повѣтомъ. Но воевода Троцкій не вѣдалъ этотъ повѣтъ судомъ и управою, и мѣстный урядникъ великаго князя занималъ въ этомъ отношеніи самостоятельное положеніе. Этотъ урядникъ при Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы княженья Сигизмунда I назывался, какъ и большинство другихъ, *намѣстникомъ*. Такъ, намѣстникъ Ковенскій панъ Судивой написанъ въ числѣ пановъ-рады въ привилеѣ на имѣнья, выданномъ въ 1450 г. пану Немиру Рязановичу [620]). Державшій Ковно при Александрѣ панъ Станько Костевичъ называется также по большей части намѣстникомъ, напр., въ судномъ листѣ 1498 года по дѣлу его объ имѣньѣ съ паномъ Григорьемъ Станиславовичемъ Остиковича [621]), но иногда также и *старостою* [622]). Панъ Войтехъ Яновичъ, охмистръ великой княгини и королевы Елены, державшій Ковно послѣ пана Станька, носилъ также

---

[616]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 201, 202.

[617]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28.

[618]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 98 и др.

[619]) Starożytna Polska IV, 285—289.

[620]) Акты Зап. Рос. I, № 54; Archiwum ks. Lubartowiczów Sanguszków I, № LXXXIII.

[621]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 101, 102.

[622]) Акты Зап. Рос. I, № 86.

титулъ намѣстника Ковенскаго [623]), хотя также встрѣчаются случаи именованья его старостою [624]). Съ титуломъ же намѣстника Ковенскаго является и панъ Янъ Литаворъ, державшій Ковно послѣ пана Войтеха Яновича [625]); кромѣ того, онъ называется иногда и *державцею* [626]). Панъ Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій, которому король Сигизмундъ въ 1515 г. отдалъ въ держанье Ковно, титулуется уже исключительно *старостою* [627]), равно какъ и преемникъ его панъ Юрій Ивановичъ Ильинича [628]). Положеніе Ковенскаго намѣстника - старосты въ должностной іерархіи Литовско-Русскаго государства обусловилось значеніемъ, которое имѣлъ въ этомъ государствѣ городъ Ковно съ его округомъ. Это былъ одинъ изъ первоклассныхъ городовъ великаго княжества, который можно было поставить на одну линію съ городами, бывшими политическими и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическими центрами цѣлыхъ земель или областей велико-княжества, каковы были, напр., Вильна, Троки, Новгородокъ, Гродно, Берестье, Луцкъ, Кіевъ и др. Въ удѣльное время онъ имѣлъ высокое стратегическое значеніе, какъ твердыня, о которую разбивались навалы нѣмецкаго рыцарства на Литву, какъ оплотъ въ наступательной борьбѣ ея съ этимъ рыцарствомъ. Поэтому князья Литовскіе отдавали Ковно въ держанье надежнымъ лицамъ изъ числа наиболѣе приближенныхъ къ себѣ, иногда даже своимъ сыновьямъ, напр., Кейстутъ-Войдату. Свое стратегическое значеніе Ковно сохранялъ до извѣстной степени и въ изучаемое время, пріобрѣтши, кромѣ того, высокое экономическое значеніе. Когда утихла борьба Литвы съ Орденомъ, городъ Ковно сдѣлался средоточіемъ оживленной внѣшней торговли Литвы. Сюда по Нѣману приходили суда съ иноземными товарами, между прочимъ, съ солью; сюда же сплавлялись по Нѣману и его притокамъ различныя сырыя произведенія Литовской земли, предназначенныя къ вывозу за границу [629]). Такой важный городъ и при устройствѣ управленія естественно долженъ былъ выдѣлиться изъ массы пригородовъ и дворовъ Литовской земли и занять въ этомъ отношеніи положеніе, равное съ

[623]) Акты Зап. Рос. I, № 199; II, № 29

[624]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 291, 292.

[625]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 63, 64, 174 и др.

[626]) Акты Зап. Рос. II, № 93.

[627]) Ibidem, № 97, I, 102.

[628]) Ibidem, № 112, 118 и др.

[629]) *Jaroszewicza* Obzaz Litwy, część II, § 61; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 34 и др.

первостепенными городами. Такъ, на нашъ взглядъ, можно объяснить самостоятельность Ковенскаго намѣстника-старосты и его независимость отъ Троцкаго воеводы, какъ высшей судебно-административной инстанціи, если только эта самостоятельность и независимость не были прямымъ наслѣдіемъ отъ удѣльнаго порядка (не было ли Ковно удѣльнымъ княжествомъ кого-либо изъ сыновей Кейстута?)

Въ составѣ Ковенскаго повѣта кромѣ собственной *Ковенской волости*, о которой находимъ упоминанье, напр., въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира [630]), входили въ изучаемое время волости: Кормяловская, Кгекгужинская и Румшишская. Отъ 1505 года имѣемъ „заставной" листъ, выданный королемъ Александромъ намѣстнику Ковенскому пану Войтеху Яновичу на дворъ Кормялово Ковенскаго повѣта и гласящій, что король заставилъ этотъ дворъ до уплаты взятыхъ у пана 1150 копъ грошей, „зъ бояры и слугами путными, и зъ людми служебными и тяглыми, со Свислонци и съ Саси и зъ Шатцы, и зъ конюхи, и зъ рыболовы и зъ ихъ со всими поплатки, и съ челедью неволною того двора, и съ землями пашными и бортными, и зъ сѣножатьми, и зъ млыны и зъ ихъ вымелки, и со озеры, и зъ рѣками, и зъ рыбники, и зъ бобровыми гоны, и зъ ловы звѣринными и пташими, и зъ ловищи, и зъ даньми грошовыми и медовыми и куничными и хмелевыми, и со всими вжитки, и со всимъ съ тымъ, што здавна къ тому двору слушало и тыми разы слушаеть" [631]). Такимъ образомъ, въ заставу пошла цѣлая территорія, тянувшая къ двору Кормялову. Эта территорія въ одномъ подтвердительномъ привилеѣ на имѣнья, выданномъ въ 1511 г. пану Григорію Станиславу Остиковича, называется *Кормяловскою волостью* [632]). Въ 1527 году король Сигизмундъ отдалъ дворъ Кормялово князю Юрью Семеновичу Слуцкому на четыре года со всѣми доходами, которые шли съ этого двора на господаря; а по истеченіи срочныхъ четырехъ лѣтъ князь Юрій долженъ былъ держать дворъ „и въ немъ ся справовати по тому, какъ и иншіи державцы" [633]) Нынѣшнее мѣстечко Кормяловъ Ковенскаго уѣзда на р. Виліи можетъ служить указаніемъ на мѣстонахожденье древняго двора Кормялова.—Тому же самому пану Григорью Станиславовичу великій князь Александръ отдалъ дворъ свой *Кгекгужины*

[630]) Литов. Метр. кн, Запис. III, л. 5, 70.
[631]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2.
[632]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 549, 550.
[633]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 367, 368.

(теперь мѣстечко Гегужинъ Трокскаго уѣзда)[634]. Изъ „вырока" великаго князя отъ 7 апрѣля 1498 г. по дѣлу о перевозѣ между паномъ Григорьемъ Станиславовичемъ и людьми господарскими Курмекгольцами видно, что дворъ Кгекгужины до пожалованья его пану Остиковичу находился подъ присудомъ намѣстника Ковенскаго: именно, намѣстникъ Ковенскій панъ Станько Костевичъ разбиралъ тяжбу о томъ же перевозѣ между Курмекгольцами и тивуномъ Кгекгужинскимъ Михномъ Ивановичемъ [635]). Слѣдовательно, дворъ Кгекгужинскій входилъ въ составъ судебно-административнаго Ковенскаго повѣта. Намѣстникъ Ковенскій, впрочемъ, былъ высшею судебно-административною властью для двора и волости Кгекгужинской; кромѣ него, судъ и справу на этомъ дворѣ чинилъ мѣстный урядникъ, упомянутый уже *тивунъ*, какъ это видно и изъ записной книги денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира, гдѣ читаемъ: „Зубу два рубли зъ винъ въ Переломѣ, а третій рубль въ Кгевкгужинѣхъ въ Михна Клочка" [636]). Въ такомъ же положеніи находилась и *волость Румшишская* (нынѣ есть мѣстечко Румшишки на р. Нѣманѣ въ Ковенскомъ уѣздѣ). Въ 1508 году король Сигизмундъ, пожаловавъ пану Венцлаву Костевичу пять человѣкъ въ Румшишской волости, извѣщалъ объ этомъ намѣстника Ковенскаго пана Войтеха Яновича и приказывалъ ему дать пану въ этихъ людей „увязанье" [637]). Но, кромѣ намѣстника Ковенскаго, органомъ центральной власти въ Румшишской волости былъ и мѣстный *намѣстникъ*; такъ, въ 1514 г. 24 февраля король Сигизмундъ подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго Андрею Прокоповичу „двѣ земли пустовскихъ тяглыхъ у Румшишской волости", которыя ему далъ „до воли господарской" намѣстникъ Румшишскій панъ Аврамъ Езофовичъ [638]).

Въ Ковенскомъ повѣтѣ за Нѣманомъ лежали нѣкоторыя крупныя панскія имѣнья, напр., *Ирень* (нынѣ мѣстечко Маріампольскаго уѣзда Сувалкской губ.)—имѣнье князя Михаила Глинскаго [639]); *Сапѣжишки*—имѣнье пановъ Сопѣговъ [640]); *Волковышки*—имѣнье пана Юрья Глѣбовича [641]) и др. Ковенскій повѣтъ, такимъ образомъ, обнималъ

---

[634]) Литов. Метр. кн. Запис. л. VI, 101.

[635]) Ibidem, л. 102.

[636]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 48.

[637]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 206.

[638]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 283.

[639]) Starożytna Polska IV, 355.

[640]) Ibidem, 359.

[641]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 5.

собою восточную половину нынѣшняго Ковенскаго уѣзда (по р. Невяжу), сѣверную небольшую часть Виленскаго и, какъ кажется, уѣзды Маріампольскій, Вилковишскій и Владиславскій Сувалкской губерніи [642]).

IX.

Въ одинаковомъ положеніи съ Ковенскимъ находился и намѣстникъ-староста Городенскій, замѣнившій собою удѣльнаго Городенскаго князя XIV вѣка и правившій съ старинными его урядниками: конюшимъ, городничимъ, ключникомъ, лѣсничимъ, тивуномъ, намѣстниками и тивунами отдѣльныхъ волостей Городенскаго княжества. Записи княженья Казимира называютъ главнаго правителя Городенскаго повѣта намѣстникомъ. Такъ, отъ 1486 года мы имѣемъ листъ короля Казимира, выданный жиду Городенскому Еньку Яцковичу съ сыновьями на имя намѣстника Городенскаго князя Александра Юрьевича, въ которомъ король извѣщалъ намѣстника о „продажѣ" (отдачѣ на откупъ) жиду на два года „мостового" Городенскаго и приказывалъ ему слѣдитъ „абы перевозовъ не мѣли нигдѣ въ городѣ, ѣздили бы на мостъ" [643]). Этотъ же князь Александръ Юрьевичъ выступаетъ съ титуломъ намѣстника Городенскаго и въ актахъ княженья Александра [644]) до 1502 года. Съ этого же времени и онъ самъ, и его преемникъ по уряду, панъ Янъ Юрьевичъ Заберезинскій, титулуются уже *старостами* [645]). Отъ послѣднихъ годовъ Александрова княженья мы имѣемъ одинъ актъ, рельефно указывающій на то, что перемѣна титула главнаго Городенскаго правителя не обусловливалась какими-либо измѣненіями въ его должностномъ значеніи. Пожаловавъ князю Крошинскому дворъ Дубно въ Городенскомъ повѣтѣ до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго, король Александръ писалъ объ этомъ „*намѣстнику* Городеньскому князю Александру Юрьевичу и инымъ *старостамъ* нашимъ, хто и на потомъ отъ насъ будетъ Городенъ держати" [646]). При Сигизмундѣ названіе „староста" уже прочно утвердилось за правителемъ Городенскаго повѣта и вытѣснило окончательно старинное наименованіе намѣстника [647]).

---

642) Starożytna Polska IV, 355—359.
643) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.
644) Акты Зап. Рос. I, № 126.
645) Ibidem, I, № 198, 202, 203, 226.
646) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 227.
647) Акты Зап. Рос. II, № 2, 25, 56, 70, 118, 164 и др. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 50 и др.

Судебно-административный округъ Городенскаго намѣстника-старосты состоялъ изъ нѣсколькихъ волостей. Къ нему принадлежала прежде всего собственная *Городенская волость*. Объ этой волости находимъ упоминанье, напр., въ слѣдующей записи в. князя Казимира: „Гринку Воловичу у Городенской волости шесть человѣковъ и зъ ихъ данью: два ушатки меду прѣсного дають" [648]). Отъ 1527 года мы имѣемъ королевское подтвержденье суда пановъ радныхъ по дѣлу между паномъ Юрьемъ Миколаевичемъ Радивиловича, которому король далъ дворъ въ Городенскомъ повѣтѣ Жорославку, и слугами путными этого двора Ланевичами, которые, „не хотячи его милости къ тому двору Жорославскому служити", жаловались королю, „ижъ они суть шляхта, а бояре Городенскіи, а не Жорославскіи" [649]). Такимъ образомъ, Городенскій округъ противоставляется здѣсь округу Жорославскому.

Согласно заявленью подданныхъ *Жорославской волости* при в. князѣ Александрѣ, дворъ Жорославка существовалъ со временъ Витовта и былъ держанъ къ Городну великокняжескими *тивунами* при Сигизмундѣ Кейстутовичѣ, а послѣ его смерти, повидимому, Городенскими *ключниками* [650]). Въ 1508 году король Сигизмундъ отдалъ дворянину своему Ивану Кобакову „дворъ Городенского повѣта на имя Жорославку съ челядью невольною и съ животиною и съ житомъ и съ всимъ съ тымъ, што въ томъ дворѣ есть" на хлѣбокормленье; къ двору приданы были, кромѣ того, „сто человѣковъ Жорославское жъ волости, которые сѣдять около того двора" [651]). Эти сто человѣкъ не составляли всей Жорославской волости, потому что и послѣ 1508 года мы встрѣчаемъ неоднократно случаи пожалованья людей и земель въ Жорославской волости. Такъ, въ 1509 году октября 3-го король написалъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу, чтобы онъ отдалъ князю Ѳедору Мосальскому село Алексѣичи „въ Городенскомъ повѣтѣ Жорославское волости" [652]). Дворянинъ Иванъ Кобаковъ, „идучи въ черицы", „спустилъ" дворъ Жорославку со всѣми пожалованными ему людьми пану Авраму Езофовичу, а король своимъ листомъ отъ 18-го августа 1511 года утвердилъ эту передачу [653]). И панъ Аврамъ Езофовичъ

---

[648]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.
[649]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 349, 350.
[650]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.
[651]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 227.
[652]) Акты Зап. Рос. II, № 56.
[653]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 140, 141.

владѣлъ не всею волостью Жорославскою, хотя, какъ видно, и стремился округлить свое владѣніе. Въ 1513 году онъ выхлопоталъ у короля подтвержденье на вѣчность на 21 службу людей, заставленныхъ ему въ 104 копахъ грошей, въ Городенскомъ повѣтѣ Жорославской волости, „которыи жъ люди,—гласитъ короленское подтвержденье,—перво сего дали были есмо ему держати зъ ласки нашое не на вѣчность, але до нашое воли“ [654]. Аврамъ Езофовичъ въ 1519 г. завѣщалъ дворъ Жорославку сыну своему Василью [655]), но скоро послѣ того этотъ дворъ мы видимъ опять во владѣніи господарскомъ. Въ 1521 году король Сигизмундъ заставилъ пану Юрью Николаевичу Радивиловича въ 1481 копахъ грошей дворъ свой въ Городенскомъ повѣтѣ Скидель съ дворцомъ Жорославскимъ, со всѣми людьми Скидельской и Жорославской волости, ихъ службами и податьми и со всѣми доходами тѣхъ волостей, при чемъ оговорилъ: „и вжо врадники наши Городенскіи: городничій конюшій, ключникъ, не мають ни во што у волость тыхъ дворовъ нашихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ не мають правити“ [656]). Въ 1524 году дворъ Жорославка былъ уже въ полномъ владѣніи пана Юрья Николаевича, который просилъ короля, чтобы онъ далъ ему позволенье „торгъ мѣти во второкъ и корчмы въ дворѣ его милости въ Жорославцѣ“ [657]).

Дворъ *Скидель съ волостью* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда на рѣкѣ Скиделькѣ) при великомъ князѣ Александрѣ является въ держаньѣ особаго *намѣстника*, кн. Януша Александровича [658]). Повидимому, этотъ намѣстникъ былъ подчиненъ намѣстнику - старостѣ Городенскому, если судить по аналогіи съ порядкомъ, существовавшимъ въ Виленскомъ и Троцкомъ судебно-административныхъ округахъ. Во всякомъ случаѣ связь Скидельской волости съ Городномъ не прекращалась. По актамъ Сигизмундова княженья органомъ центральной власти въ Скидельской волости является очень часто Городенскій староста. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ поручалъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу довѣдаться относительно одной земли Тимошевщины, которую просилъ служебникъ Городенскаго повѣта Жорославской волости Юшко Глѣбовичъ, и которая, согласно его показанью, была пуста, и дать ему эту землю,

---

[654]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 211, 212.
[655]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 109—111.
[656]) Литов. Метр. кн. Запис. X, 47, 48.
[657]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 183.
[658]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 247.

буде его показанье объ ней окажется справедливымъ [659]). Въ 1516 г. король заставилъ дворъ Скидель старостѣ Городенскому пану Юрью Миколаевичу Радивиловича въ 500 копахъ грошей со всѣми людьми волости Скидельской, съ ихъ службами и податьми, со всѣми доходами, „которые зъ мѣста и зъ волости Скидельское на насъ (т. е. господаря) хоживали". Въ силу заставы въ Скидельской волости уже непосредственно всѣмъ распоряжался староста, а другіе урядники Городенскіе: городничій, конюшій и ключникъ, не могли болѣе въѣзжать въ эту волость и править свои и великокняжескіе доходы [660]).

Въ такое же положеніе стали съ 1518 года и другіе два двора Городенскаго повѣта съ ихъ мѣстами и волостьми: *Озеры* (нынѣ мѣстечко Езеры) и *Кринки* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда) [661]).

Къ замку Городенскому при королѣ Казимирѣ былъ держанъ и дворъ *Дубно съ волостью* (нынѣ село близъ рѣки Нѣмана въ Гродненскомъ уѣздѣ) Король Александръ въ 1503 году отдалъ этотъ дворъ на хлѣбокормленье кн. Константину Ивановичу Крошинскому до очищенья отчины его, забранной непріятелемъ Московскимъ,—„съ челядью неволною, и зъ житомъ, и съ коньми, и зъ животиною, и зъ людми путными и таглыми, и съ конюхи, и зъ рыболовы, и зъ землями пашными и бортными, и съ озеры, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и съ куницами, и зъ бобры, и со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ (т. е. великаго князя) былъ держанъ". Извѣщая объ этомъ старосту Городенскаго князя Александра Юрьевича, великій князь приказывалъ ему: „и твоя бы милость ему того ся двора Дубна поступилъ и вже ся въ тотъ дворъ и люди не вступалъ" [662]). Сигизмундъ подтвердилъ это „данье" короля Александра своимъ листомъ отъ 8 декабря 1507 г. [663]) и затѣмъ листомъ отъ 31 октября 1531 г. Очищенья отчины отъ непріятеля Московскаго, однако, въ скоромъ времени не состоялось и не предвидилось, и князь Крошинскій распоряжался въ Дубенскомъ дворѣ, какъ въ своемъ вѣчномъ владѣніи. Такъ, выдавъ около 1515 г. свою дочь за мужъ за дворянина королевскаго Яна Богдановича Сопѣгу, онъ далъ ему за нею въ приданое, „справивши дворець на пустовщинахъ Дубинскихъ, и челеди неволное ему къ тому дворцу придалъ и къ тому дворцу далъ ему лю-

[659]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, 60, 61.
[660]) Ibidem, л. 111.
[661]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 13, 14.
[662]) Акты Зап. Рос. I, № 202; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 227.
[663]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 126.

дей Дубинскихъ пятьдесятъ служобъ и перевозъ на Нѣманѣ подъ тыми же людми на имя подъ Карновичи, а два ставки на рѣцѣ на на Лунной, а обаполъ врагу Черленского поля и сѣножати, и гаи, и хмѣльникъ, и озеро вступное зъ Нѣмана, и сякли, што жъ къ тому озеру по которымъ сѣножатемъ здавна бывали" [664]).

Частью Городенскаго повѣта былъ и дворъ *Мосты* на р. Нѣманѣ *съ мѣстомъ и волостью* (нынѣ Гродненскаго уѣзда). Отъ 1514 г. мы имѣемъ, напр., слѣдующую запись: „Лозцѣ Быковскому дано три земли пустыхъ въ Городенскомъ повѣтѣ въ Мостовской волости, Войтковщина а Пецковщина, а Свуртовщина" [665]). О мѣстѣ Мостовскомъ находимъ упоминанье въ перечнѣ мѣстъ, которыя согласно сеймовому постановленью 1529 г. обложены были особою податью „на окупленіе заставъ" [666]).

Акты начала княженья Сигизмунда I упоминаютъ о *Мокрецкой волости* Городенского повѣта. Такъ, въ 1509 г. король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ дьяку Ѳедку Ивановичу и брату его Гришку людей „въ Городенскомъ повѣтѣ въ Мокрецкой волости, которые жъ люди передъ тымъ держали зрадци нашы Иванъ Мещеринъ а Ѳедоръ Мокевичъ" и двѣ земли пустыхъ, Саваневщину и Серговщину [667]).—Кромѣ того, находимъ упоминанье о дворѣ и мѣстѣ *Одельскѣ* (нынѣ мѣстечко Сокольскаго уѣзда почти на границѣ съ Гродненскимъ) [668]), о дворѣ *Молявицкомъ*, который король Сигизмундъ отдалъ держать къ своей рукѣ воеводѣ Виленскому, канцлеру пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича и къ которому въ 1519 году привернулъ нѣсколько людей Городенской волости и ограничилъ часть своей пущи „люди садити и прибывати и розширяти"; о дворѣ *Соколдѣ* (на р. того же имени, впадающей въ Супрасль, притокъ Нарева; не теперешній ли уѣздный городъ Соколка?), который граничилъ съ дворомъ Молявицкимъ [669]); о *Ятвезкѣ* (нынѣ село Каменской волости Гродненскаго уѣзда), въ округѣ котораго король Сигизмундъ велѣлъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу дать „увязанье" въ восемь человѣкъ и девятую вдову для пана Станислава Бартошевича [670]);

---

[664]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 228.
[665]) Ibidem, л. 141.
[666]) Акты Зап. Рос. II, № 161.
[667]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 326.
[668]) Литов. Метр. кн. Запис. XIV, л. 71; Акты Запад. Рос. II, № 161.
[669]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29, 30.
[670]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 401.

о *Святскѣ* [671]) и др.—Во всѣхъ этихъ, какъ и въ другихъ дворахъ Городенского повѣта, съ 1521 года распоряжался непосредственно староста Городенскій панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича, которому король заставилъ въ 3000 копахъ грошей замокъ и мѣсто Городенское „со всими дворы и людьми, къ Городну прислухаючими, и опроче тыхъ, которые жъ онъ маеть особно записано, и со всимъ повѣтомъ и волостями, и зъ землями, и съ уряды Городенскими, т. е. городничое, конюшое и ключницство, лѣсничое, и тежъ зъ мытомъ мостовымъ и съ пенезми корчомными", „со всими вжитки и пожитки и платы, почтями и со всими повиноватствы, и со всимъ правомъ и властностью" до тѣхъ поръ, пока не будутъ ему или его женѣ, или его дѣтемъ выплачены 3000 копъ грошей; въ случаѣ уплаты денегъ самому Юрью Миколаевичу король обѣщался оставить его на урядѣ староства Городенскаго „до живота" или „до осмотрѣнья лѣпшимъ а почстивщимъ и пожиточнѣйшимъ врадомъ" [672]).

Въ составъ Городенскаго повѣта входило нѣсколько крупныхъ панскихъ имѣній, которыя можно поставить наряду съ господарскими волостями, каковы были, напр., дворъ *Квасовка* (нынѣ деревня Индурской волости Гродненскаго уѣзда), который перешелъ къ пану Юрью Ивановичу Ильинича отъ шурина его пана Юрья Ивановича Заберезинскаго [673]); дворъ *Индура* (нынѣ мѣстечко Гродненскаго уѣзда), принадлежавшій пану Яну Яновичу Довойновича [674]); *Котра* на р. того же имени, близъ впаденія ея въ Нѣманъ, принадлежавшая пану Юрью Миколаевичу Радивиловича [675]); *Рожанка*, (нынѣ мѣстечко Лидскаго уѣзда Виленской губ.) принадлежавшая князю Петру Михаиловичу (Вишневскому?) [676]); *Заблудовъ* (нынѣ мѣстечко Бѣлостокскаго уѣзда), пожалованный королемъ Сигизмундомъ въ 1525 г. пану Александру Ивановичу Ходковича [677]); *Липскъ* (нынѣ мѣстечко Сувалкской губерніи Августовскаго уѣзда), пожалованный въ 1506 году пану Ѳедку Хребтовичу [678]) и др. Вмѣстѣ съ этими имѣньями Городенскій повѣтъ обнималъ, такимъ образомъ, нынѣшній Гродненскій уѣздъ за

---

671) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 169.

672) Литов. Метр. кн. Запис. X, 48, 49.

673) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341—344.

674) Ibidem, л. 229.

675) Акты Зап. Рос. II, № 106. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 188, 18

676) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 156; XV, л. 131—134.

677) Starożytna Polska, IV, 319.

678) Ibidem, 320.

исключеніемъ сѣверной его части, сѣверовосточную часть Бѣлостокскаго уѣзда, почти весь Сокольскій уѣздъ за исключеніемъ западной его окраины, восточную половину Августовскаго уѣзда и Сувалкскій уѣздъ (въ Городенскомъ повѣтѣ находилось, напр., озеро Переросли Сувалкскаго уѣзда, р. Сидра, протекающая въ сѣверной части Сокольскаго уѣзда [679]), и небольшую часть Лидскаго уѣзда Вилен. губерніи.

X.

Въ одинаковомъ положеніи съ Ковенскимъ и Городенскимъ намѣстникомъ-старостою находился и главный великокняжескій урядникъ Берестейской земли. Этотъ урядникъ уже въ актахъ Казимирова княженья называется попеременно и намѣстникомъ, и старостою. „Пану Якубу, *намѣстнику* Берестейскому,—читаемъ мы въ записяхъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля,—20 копъ съ корчомъ въ Лидѣ, а 10 копъ зъ мыта Берестейскаго“ [679]). Но его предшественникъ, панъ Нацъ,державшій Берестье въ началѣ княженья Казимира, именуется *старостою* Берестейскимъ [680]). Панъ Юрій Зеновичъ, равно какъ и панъ Сенько Олизаровичъ и панъ Станиславъ Михайловичъ, державшіе Берестье при великомъ князѣ Александрѣ, называются въ актахъ обыкновенно намѣстниками [681]). Но слѣдующій за ними князь Василій Львовичъ Глинскій, подстолій великаго княжества, назывался при королѣ Александрѣ или *державцею*, или *старостою* Берестейскимъ [682]). Король Александръ далъ князю Василью Львовичу „староство Берестейское и зъ урядомъ ключа Берестейскаго до живота его держати“, а кромѣ того далъ ему 500 копъ съ корчомъ и 50 копъ съ мыта Берестейскаго „ку захованью слугъ на замку Берестейскомъ“. Сигизмундъ подтвердилъ листъ брата, и князь Василій Львовичъ въ первые годы Сигизмундова княженья выступаетъ въ актахъ съ титуломъ старосты Берестейскаго [683]). За преемниками кн. Василія Львовича этотъ титулъ уже устанавливается прочно [684]). Одному изъ нихъ, именно

---

[679]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 67; XII, л. 134.

[679]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 37.

[680]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego, str. 8. Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LIV.

[681]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 31, 46; VI, л. 159, 160.

[682]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 310; VI, л. 7.

[683]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 154; 262, 263; 267, 268; 272, 273.

[684]) Акты Зап. Рос. II, № 29, 70, 118, 164.

пану Юрью Ивановичу Ильинича, король въ 1519 г. заставилъ „замокъ Берестій и зъ иншими тамошними врады и держаньи, со всими платы и доходы“ въ 500 копахъ грошей [685]). Изъ Берестейскихъ урядовъ кромѣ „ключницства“ акты упоминаютъ еще „данничое, житщину, бобровничое и ловчое“ [686]).

Судебно-административный округъ Берестейскій заключалъ въ себѣ территоріи нынѣшняго Брестскаго уѣзда Гродненской губ. (за исключеніемъ сѣверовосточной его части, принадлежавшей къ повѣту Каменецкому), нынѣшнихъ Влодавскаго и Бѣльскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи. Къ такому утвержденью приводятъ многочисленныя историко-географическія данныя, разсѣянныя въ актахъ изучаемаго времени; здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе характерныя. Такъ, къ Берестейскому повѣту принадлежали: *Милейчичи* (нынѣ мѣстечко въ сѣверной части Брестскаго уѣзда), мѣсто съ волостью, въ предѣлахъ которой, напр., король Сигизмундъ въ 1510 году утвердилъ землю за дворяниномъ Андреемъ Лозкою [687]); село *Телятичи* южнѣе Милейчичъ (нынѣ въ Рогачской волости того же уѣзда), пожалованное въ 1502 году дворянину Левшѣ [688]); *Волчинъ* (нынѣ мѣстечко при р. Пульвѣ Брестскаго уѣзда)—имѣнье пана Александра Солтановича; *Ваганово* (нынѣ сельцо Высоколитовской волости того же уѣзда)—родовое гнѣздо земянъ Вагановскихъ [689]) *Вистичи* (нынѣ сельцо Вистичи на р. Льснѣ Брестскаго уѣзда)—имѣнье пана Юрья Ивановича Ильинича [690]); *Теребунь и Пехновъ* на Льснѣ—великокняжескія села [691]), *Велена* (нынѣ сельцо на границѣ съ Кобринскимъ уѣздомъ) въ Берестейской волости, гдѣ великій князь Казимиръ далъ нѣкоему Насутѣ Шерешову ловища [692]); *Трыщинъ* (нынѣ сельцо на р. Мухавцѣ)—имѣнье писаря Өедора Янушковича [693]); *Чемьевъ* и *Добронъжъ*—нынѣ сельца Брестскаго уѣзда къ сѣверу отъ р. Льсны [694]); земянское село *Вычолки* на р. Мухавцѣ (Брестскаго

[685]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 16.
[686]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 140.
[687]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 372, 373. Акты Зап. Рос. II, № 161.
[688]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 213.
[689]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 42.
[690]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341—344.
[691]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 118.
[692]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 62.
[693]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 60, 61.
[694]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 321.

уѣзда) [695]); *Жировичи* съ селомъ *Каменицою* (нынѣ село Каменецъ-Жировичи на р. Загоржѣ Брестскаго уѣзда)—имѣнье пана Литавора Хребтовича [696]); *волость Радованичи* [697]) (нынѣ Радваничи Церковные на р. Рытѣ Брестскаго уѣзда); *волость* великокняжеская *Пожежинъ* нынѣ село на верховьѣ р. Рыты), въ которой король Сигизмундъ далъ пану Андрею Лозкѣ два человѣка [698]); *Збунинъ*—земянское имѣнье на р. Бугѣ [699]). Затѣмъ, на территоріи нынѣшняго Влодавскаго и Бѣльскаго уѣздовъ можно указать на слѣдующія селенія Берестейскаго повѣта: имѣнье *Сошно* (нынѣ сельцо Сушно на р. Бугѣ Влодавскаго уѣзда), пожалованное королемъ Казимиромъ кн. Александру и Михаилу Сангушковичамъ [700]); село *Камплиносы* (нынѣ Кампланозы того же уѣзда), пожалованное Казимиромъ нѣкоему „Ходку Лисцѣ съ Ондрушкомъ" [701]); *Долгобороды* (нынѣ с. Долгобороды Влодавскаго уѣзда), *Корощино*, *Березцы и Гайна* (нынѣ с. Ганна того же уѣзда), въ округѣ которыхъ великій князь Александръ въ 1500 г. далъ имѣнье пану Миколаю Юндиловичу [702]); село *Соловятичи* (нынѣ Славатичи Влодавскаго уѣзда) на р. Бугѣ, пожалованное въ 1499 году дворянину Урсулу Волошину, а имъ въ свою очередь записанное въ 1516 году пану Богушу Боговитиновичу [703]); *Полье* (нынѣ мѣстечко Ополе Влодавскаго уѣзда), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1510 году пожаловалъ дворянину Творіяну Дремлику четыре жеребья [704]); *Воинъ* (нынѣ мѣстечко Вохинъ Влодавскаго уѣзда)—мѣстечко, которому король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ магдебургское право [705]) и которое было центромъ цѣлой волости [706]); мѣстечко *Ломазы* на р. Зелявѣ, присоединенное къ повѣту Берестейскому отъ староства Парчовскаго королемъ Казимиромъ [707]); *Кодень* (нынѣ мѣстечко на р. Бугѣ

---

[695]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 94.
[696]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390.
[697]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 207.
[698]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.
[699]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 235, 236.
[700]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCVI.
[701]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 62.
[702]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 106.
[703]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 145; IX, л. 202.
[704]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 344.
[705]) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 1—3.
[706]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 168.
[707]) Starożytna Polska IV, 611.

Бѣльскаго уѣзда)—имѣнье пана Ивана Семеновича Сопѣги, воеводы Подляшскаго, отъ котораго оно перешло къ его потомкамъ [708]); село *Вортоль* (нынѣ село Ортель на той же рѣкѣ Зелявѣ Бѣльскаго уѣзда), пожалованное въ 1501 году чашнику Левку Боговитиновичу, который съ соизволенья короля превратилъ его въ мѣсто и построилъ при немъ замокъ [709]); *село Горбово* на р. Зелявѣ, данное Казимиромъ Дашку Барсобичу, „его жъ выслуга за Витовта и за Жикгимонта" [710]); дворецъ *Кіевецъ* на той же рѣкѣ Зелявѣ [711]); имѣнье *Добрынь* на той же рѣкѣ Зелявѣ, пожалованное королемъ Сигизмундомъ войскому Берестейскому Андрею Лозкѣ [712]); *Непле* (нынѣ село при впаденіи Зелявы въ Западный Бугъ), принадлежавшее пану Льву Боговитиновичу [713]). *Бѣлая* (нынѣ уѣздный городъ Бѣла Сѣдлецкой губерніи), принадлежавшая пану Юрью Ивановичу Ильинича [714]); *Цецеборъ* (нынѣ село Бѣльскаго уѣзда), пожалованный королемъ Казимиромъ „двѣма братеникома, Овлашку и Юшку" [715]) и др.

XI.

Самостоятельное положеніе среди урядниковъ Троцкаго воеводства занимали, наконецъ, и главные урядники той его части, которая въ изучаемое время носила названіе Подляшья и которая состояла изъ повѣтомъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго.

Главный великокняжескій урядникъ *Бѣльскаго повѣта* при королѣ Казимирѣ назывался *намѣстникомъ*, напр., панъ Бартошъ Монтовтовичъ, бывшій въ радѣ короля Казимира, когда онъ разбиралъ дѣло князя Семена Ивановича Владимировича съ кн. Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ объ имѣньяхъ [716]). Въ актахъ княженья Александра мы также встрѣчаемъ намѣстниковъ Бѣльскихъ, а именно: пана Миколая Миколаевича, упоминаемаго, напр., въ привилеѣ, выданномъ въ 1494 году пану Войтеху Нарбутовичу на землю въ Швин-

---

[708]) Starożytna Polska IV, 612—616.

[709]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 190; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CL.

[710]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 67.

[711]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.

[712]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 271, 272.

[713]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63; XV, л. 14, 15.

[714]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341—344.

[715]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 62.

[716]) Акты Зап. Росс. I, № 85.

тянской волости [717]); пана Андрея Александровича, упоминаемаго въ привилеѣ, выданномъ въ 1503 году мѣстечку Высокому въ Дорогицкомъ повѣтѣ на магдебургское право [718]). Князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, державшій послѣ того Бѣльскъ, называется въ актахъ и намѣстникомъ Бѣльскимъ и Утенскимъ, напр., въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1505 году пану Войтеху Яновичу на дворъ Кормялово [719]), и *державцею*, напр., въ листѣ, выданномъ въ 1506 году нѣмцу Мартину Платнеру на мыто мостовое въ Городнѣ [720]). Панъ Войтехъ Яновичъ, охмистръ королевы Елены, державшій Бѣльскъ послѣ кн. Глинскаго по уполномочію королевы Елены, называется въ актахъ и намѣстникомъ [721]), *и старостою*, напр., въ записи о назначеньѣ коммиссаровъ для разграниченья и исправленья границъ между великимъ княжествомъ и короною Польскою [722]). Последнее названіе прочно утвердилось за паномъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ, получившимъ отъ короля Бѣльскъ въ держанье по смерти королевы Елены, которой Бѣльскъ данъ былъ королемъ Сигизмундомъ „до живота".

Въ составъ Бѣльскаго повѣта входилъ прежде всего замокъ Бѣльскъ съ мѣстомъ и *волостью Бѣльскою*. Въ 1523 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Александру Ивановичу Ходковича двадцать двѣ службы „въ Бѣльскомъ и Саражскомъ повѣтахъ" [723]). Но Саражскій повѣтъ есть не что иное, какъ *волость Саражская* Бѣльскаго повѣта, о которой упоминаетъ, напр., привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1513 г. боярину Смоленскому Гришку Софоновичу Денисова на четыре земли пустовскія [724]); слѣдовательно, и „повѣтъ Бѣльскій" въ первомъ случаѣ—обозначеніе, равное „волости Бѣльской", о существованіи которой и узнаемъ изъ актовъ позднѣйшаго времени [725]). Центромъ Саражской волости былъ замокъ Саражскій съ мѣстомъ на р. Наревѣ (нынѣ заштатный городъ Бѣлостокскаго уѣзда Гродненской

[717]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 20.

[718]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.

[719]) Ibidem, л. 2.

[720]) Ibidem, л. 11.

[721]) Акты Зап. Рос. II, № 29.

[722]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 191, 292.

[723]) Ibidem, л. 507; 508; Акты Зап. Рос. II, № 8, 114, 157, 164.

[723]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 92, 93.

[724]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 74.

[725]) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 17.

ской губернія) [726]. На р. Нурцѣ стоялъ третій зáмокъ Бѣльскаго повѣта съ мѣстомъ—*Брянскъ* или *Бронскъ* (нынѣ заштатный городъ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ.), центръ особой *волости Бронской*, въ которой, напр., король Сигизмундъ въ 1523 году пожаловалъ земянамъ Бѣльскимъ Березынцамъ два жеребья [727]. Въ этой волости или повѣтѣ Бронскомъ [728], какъ и въ двухъ вышеупомянутыхъ, органомъ центральной власти является староста Бѣльскій, который, напр., разрѣшаетъ подсудку Бѣльскому Станиславу Малиновскому купить земли у мѣщанъ Бронскихъ Андрейковичей [729]. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Бѣльскаго повѣта, кромѣ того, мы видимъ особыхъ намѣстниковъ-державцевъ, хотя временныхъ. Таковы были: *Кнышинъ* (нынѣ заштатный городъ Бѣлостокскаго уѣзда), который около 1529 года держалъ панъ Александръ Ивановичъ Ходковича (державца Вилькейскій, Острынскій и Кнышинскій) [730]; *Ганязъ* (нынѣ заштатный городъ Гоніондзь Бѣлостокскаго уѣзда на р. Бобрѣ) и *Райгородъ* (нынѣ мѣстечко Щучинскаго уѣзда Ломжинской губ. на озерѣ Лыкѣ) — волости, принадлежавшія при королѣ Александрѣ кн. Михаилу Львовичу Глинскому, а послѣ его измѣны державшіяся на короля намѣстникомъ его, паномъ Яномъ Миколаевичемъ Радивиловича [731]; въ 1509 году король Сигизмундъ пожаловалъ ихъ на вѣчность пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича, воеводѣ Виленскому и канцлеру [732]. Къ Бѣльскому повѣту принадлежали кромѣ того: господарскій дворъ *Клещелязи* съ мѣстомъ (нынѣ Клещели, заштатный городъ Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ. на р. Нурцѣ), которому король Сигизмундъ въ 1523 году далъ „хельмское" право [733]; господарское мѣстечко *Нарва* на р. Наревѣ [734]; *Городискій повѣтъ* (нынѣ есть село Городискъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, центръ волости Городисской), въ которомъ королева Елена, владѣвшая пожизненно Бѣльскомъ, дала дворянину Александру Тарновскому дворецъ Гринковскій Кочибіева съ челядью невольною, людьми путными, данными и тяглыми [735]; зáмокъ *Тыкотинъ* на р. Наревѣ

---

[726]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 636; Акты Зап. Рос. II, № 8.
[727]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.
[728]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 228.
[729]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 145.
[730]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 118, 119.
[731]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 207.
[732]) Starożytna Polska III, 459; *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 271.
[733]) Акты Зап. Рос. II, № 123.
[734]) Ibidem, № 161.
[735]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 43, 44.

(нынѣ мѣстечко Тыкоцинъ Мазовецкаго уѣзда Ломжинской губернiи), принадлежавшiй пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду (его выслужилъ панъ Гаштольдъ еще на в. к. Сигизмундѣ въ 1433 году), какъ это видно изъ жалобы его на намѣстника пана Миколая Миколаевича Радивиловича Ваневскаго Куяцу, спалившаго замокъ его Тыкотинъ [736]); *Ванёво*—имѣнье пана Миколая Миколаевича Радивиловича (нынѣ село на р. Наревѣ Мазовецкаго уѣзда), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1510 году довволилъ ему „мѣсто садити" на хельмскомъ правѣ и брать мыто на томъ мосту, „который жъ въ томъ своемъ имѣньи своими людьми ново збудовалъ" [737]); *Орла* (нынѣ мѣстечко Бѣльскаго уѣзда на р. Орлянкѣ)—имѣнье пана Богуша Боговитиновича [738]) и др.

Подобно Бѣльскому и главный урядникъ Дорогицкаго повѣта назывался при Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы княженья Сигизмунда I *намѣстникомъ*. Въ актахъ Казимирова княженья съ такимъ титуломъ является, напр., панъ Ивашко Ильиничъ, продавшiй въ 1477 г. свое Тарасовское имѣнье писарю Васку Любичу [739]), а затѣмъ панъ Якубъ Довойновичъ, котораго король въ 1487 году извѣщалъ о пожалованiи пану Ивашку Литавору Хребтовича имѣнья Вышкова и Мукободовъ въ Дорогицкомъ повѣтѣ [740]). Панъ Янъ Стецковичъ, державшiй Дорогичинъ послѣ пана Якуба Довойновича при Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженья, называется и намѣстникомъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ 26 сент. 1505 года пану Бартошу Таборовичу на дворъ Избляны [741]), и въ подтвержденьѣ ему самому имѣнья Рогова въ Дорогицкомъ повѣтѣ 1508 г. [742]), *и держащею*, напр., въ подтвержденьѣ писарю Никольскому имѣнья Деречина 13 марта 1505 года [743]), и, наконецъ, старостою [744]). Преемникъ его по уряду, панъ Янъ Литаворъ Хребтовича, называется обыкновенно намѣстникомъ Дорогицкимъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ въ 1510 г. iюня 20 пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича на воеводство Ви-

---

[736]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 103.
[737]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 355.
[738]) Starożytna Polska III, 441; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141
[739]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXIX.
[740]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 125.
[741]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 2, 3.
[742]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 205.
[743]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.
[744]) Акты Зап. Рос. II, № 61.

ленское и канцлерство великаго княжества Литовскаго [745]). Но панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій, бывшій одновременно съ тѣмъ воеводою Новгородскимъ, сталъ уже постоянно называться *старостою* Дорогицкимъ (1514 г.) [746]), равно какъ и преемники его, панъ Янъ Миколаевичъ Радивиловича [747]) и панъ Петръ Станиславовичъ [748]). Панъ Янъ Миколаевичъ держалъ за̀мокъ Дорогичинъ не только урядомъ, но и въ заставѣ „зъ мѣстомъ и зо всими людми повѣту Дорогицкого и съ корчомными пенязми, и съ подымщиною, и зъ мытомъ Дорогицкимъ и со всими доходами, и зъ винами нашими (т. е. господарскими), которые въ годъ на насъ идуть зъ земянъ и зъ мѣста, и зъ волости Дорогицкое; нижли,—гласитъ далѣе королевскій привилей,—коморы наши восковыи и соляныи и стацеи, и кони на прыѣздъ нашъ на насъ выймуемъ" [749]). Петръ Станиславовичъ также держалъ Дорогичинъ „въ заставѣ" въ 1000 копахъ грошей со всѣми доходами, за исключеніемъ мыта великаго, коморы восковой и соляной и корчомныхъ пенязей Дорогицкихъ [750]).

Въ составѣ Дорогицкаго повѣта, кромѣ собственной *Дорогицкой волости*, о которой упоминаетъ, напр., привилей, выданный въ 1487 г. пану Ивашку Литаворовичу Хребтовича на имѣнья Вышковъ и Мукободы, входило нѣсколько великокняжескихъ волостей и крупныхъ панскихъ имѣній. Здѣсь можно указать, напр., на *Морды*—имѣнье пана Ивана Сопѣги, воеводы Подляшскаго [751]) (нынѣ мѣстечко Сѣдлецкаго уѣзда) на р. Ливцѣ, которая составляла границу Дорогицкой земли и Мазовіи; *Венгровъ* (нынѣ уѣздный городъ Сѣдлецкой губ.), *Пержимы* (нынѣ сельцо Венгровскаго уѣзда), *Вышковъ* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда) и *Мукободы* (нынѣ мѣстечко Сѣдлецкаго уѣзда на той же рѣкѣ Ливцѣ)—имѣнья пана Яна Литавора Хребтовича [752]); *Соколовъ* (нынѣ уѣздный городъ Сѣдлецкой губерніи)—имѣнье, записанное въ 1508 году паномъ Станиславомъ Соколовскимъ пану Станиславу Петровичу Кишкѣ вмѣстѣ съ *Купятинымъ* (нынѣ сельцо

---

745) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 353, 354.
746) Акты Зап. Рос. II, № 93.
747) Ibidem, II, № 109.
748) Ibidem, II, № 131, 158, 164 и др.
749) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 31, 32.
750) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 92.
751) Starożytna Polska III, 409.
752) Литов. Метр. кн. Запис. VIII 387—390.

Компентинъ Соколовскаго уѣзда), *Шабковымъ* и *Бѣлками* [753]); *Мѣзна* (нынѣ мѣстечко Соколовскаго уѣзда), принадлежавшая крупному земянскому роду Водынскихъ [754]); *Городокъ* (нынѣ мѣстечко Гродекъ на р. Бугѣ Соколовскаго уѣзда)—великокняжеская волость, которую король Александръ заставилъ пану Яну Довойновичу въ 1000 червонныхъ золотыхъ венгерскихъ, а король Сигизмундъ перезаставилъ пану Яну Литавору Хребтовича, намѣстнику Дорогицкому, позволивъ ему въ 1510 году выкупить Городокъ у вдовы и дѣтей Яна Довойновича [755]); въ 1514 году Городокъ былъ такимъ же образомъ перезаставленъ новому намѣстнику или старостѣ Дорогицкому, пану Яну Яновичу Заберезинскому [756]); *Семятичи* (нынѣ мѣстечко Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ.)—имѣнье пана Яна Стецковича, бывшаго также намѣстникомъ Дорогицкимъ [757]); *Тeхановецъ* на р. Нурцѣ (нынѣ мѣстечко Цѣхановецъ Старый Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи)—имѣнье пана Петра Кишки [758]); мѣсто *Высокое* (нынѣ Мазовецкъ, уѣздный городъ Ломжинской губ.), основанное королемъ Казиміромъ, а отъ его преемника получившее магдебургское право [759]), королемъ Сигизмундомъ отданное „со всимъ до живота" пану Яну Литавору Хребтовича и его женѣ [760]), а затѣмъ въ держанье пану Лаврину Вольскому, войскому Мельницкому [761]). Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ можно отмѣтить ту взаимную связь, которая существовала въ Литовско-Русскомъ государствѣ между крупнымъ панскимъ землевладѣніемъ и занятіемъ мѣстныхъ урядовъ. Дорогицкіе намѣстники-старосты, какъ видно изъ приведеннаго перечня ихъ и ихъ имѣній, выходили по большей части изъ среды мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ; съ другой стороны, мѣстные крупные землевладѣльцы выходили очень часто изъ лицъ, занимавшихъ главные уряды въ мѣстности,—которые имѣли болѣе случаевъ и возможности выхлопотать у господаря себѣ имѣнье или пріобрѣсти его тѣмъ или другимъ способомъ.

---

753) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204.
754) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 38; Starożytna Polska III, 416.
755) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 366.
756) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 577, 578.
757) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 237.
758) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 36—38.
759) Акты Зап. Рос. II, № 59.
760) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 503—505.
761) Литов Метр. кн. Запис. XV, л. 113.

Мельницкій повѣтъ при королѣ Казимирѣ, повидимому, составлялъ одно цѣлое съ Дорогицкою землею и не выдѣлялся еще изъ ея состава въ особый повѣтъ, или землю. О *намѣстникахъ* Мельницкихъ находимъ упоминанья въ актахъ княженья Александра Казиміровича. Такъ, напр., въ вырокѣ в. князя по дѣлу между земянами Дорогицкими Водынскимъ и Погорѣльскими „о вгрунты" читаемъ: „и тамъ казали есмо на тое дѣло выѣхати намѣстнику Дорогицкому пану Якубу Довойновичу и намѣстнику Мельницкому, судьи Бѣльскому, пану Рачку Пучицкому слушати присяги тыхъ свѣтковъ и конецъ тому промежи нихъ вчинити" [762]. Преемникъ пана Пучицкаго, панъ Немира Грималичъ, получившій Мельникъ въ держанье въ концѣ княженья Александра, называется въ актахъ *и державцею* Мельницкимъ, напр., въ потвержденьѣ писарю Никольскому имѣнья Деречина [763]), и намѣстникомъ [764]); а приблизительно съ 1516 года *старостою* [765]). Съ этимъ титуломъ онъ являетется въ актахъ до конца изучаемаго времени; такъ, отъ 1529 года мы имѣемъ „вырокъ" короля, данный пану Немиру Грималичу, старостѣ Мельницкому, по дѣлу его съ паномъ Александромъ Солтановичемъ объ имѣньѣ Мирошинѣ [766]).

Къ Мельницкому повѣту принадлежали: мѣстечко *Лосичи* на р. Точнѣ, впадающей въ Западный Бугъ, центръ особой волости, которую Александръ пожаловалъ въ 1501 году женѣ своей Еленѣ [767]), а по смерти ея въ держанье пану Немирѣ Грималичу, называвшемуся потому намѣстникомъ Мельницкимъ и Лосицкимъ [768]); дворцы *Носово* (нынѣ сельцо на верховьѣ рѣки Бялки, впадающей въ Зеляву, Яновскаго уѣзда Сѣдлецкой губ.) и *Лосево*, о которыхъ упоминаетъ инвентарь Мельницкій, дошедшій отъ княженья Александра [769]); при Сигизмундѣ дворъ Мельницкаго повѣта Носово держала королева Елена, послѣ нея князь Иванъ Ивановичъ Пузына, а потомъ его сынъ кн.

---

[762]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 38.
[763]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.
[764]) Акты Зап. Рос. II, № 70, 73.
[765]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 188.
[766]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 71.
[767]) Scarbiec dyplomatów II, № 2136.
[768]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131; Акты Запад. Рос. II, № 161. Starożytna Polska III, 430.
[769]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 282.

Василій Ивановичъ [770]), *Межирѣчье Подляшское* (нынѣ мѣстечко Радзинскаго уѣзда Сѣдлецкой губерніи), принадлежавшее панамъ Забрезинскимъ [771]); *Городище* (нынѣ мѣстечко на верховьѣ р. Зелявы Влодавскаго уѣзда)—великокняжеская волость, которую король Александръ пожаловалъ въ 1501 году своей супругѣ Еленѣ, по смерти которой ее держалъ панъ Лавринъ Вольскій, войскій Мельницкій и державца Высоцкій и Городищскій [772]); *Ботки*—имѣнье пана Ивана Сопѣги на р. Нурцѣ (нынѣ м. Боцьки Бѣльскаго уѣзда), которое онъ въ 1512 г. пріобрѣлъ отъ землнъ Мельницкихъ Монтевичей путемъ мѣны „со всимъ съ тымъ,—гласитъ подтвердительный привилей короля,—какъ перво того на насъ къ Мелнику держано" и т. д. [773]).

Сводя въ одно приведенныя историко-географическія данныя относительно повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго, мы получимъ приблизительное представленіе о предѣлахъ той области, за которой въ изучаемое время утвердилось преимущественно названіе Подляшья. Территорія эта шла узкою полосою съ сѣвера на югъ, отдѣляя собственную Литву и Берестейскую землю отъ Мазовіи, на сѣверѣ соприкасаясь съ владѣньями Нѣмецкаго ордена, а на югѣ— съ русскими землями короны Польской. Она обнимала собою: сѣверную половину Щучинскаго и Мазовецкій уѣздъ Ломжинской губерніи, югозападную часть Бѣлостокскаго и Бѣльскій уѣзды Гродненской губ., Соколовскій и Яновскій уѣзды и восточную часть Венгровскаго, Сѣдлецкаго и Радзинскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи.

XII.

Въ составѣ Троцкаго воеводства, наконецъ, какъ и въ составѣ Виленскаго, были удѣльныя княжества: Кобринское и Пинское съ повѣтомъ Городецкимъ

Княжество Кобринское состояло изъ городовъ: *Кобрыня* (нынѣ уѣздный городъ Гродненской губ. на рѣкѣ Мухавцѣ), *Добучина* (нынѣ Пружаны, уѣздный городъ Гродненской губ. на р. Мухѣ системы Мухавца) и *Городца* (нынѣ мѣстечко Кобринскаго уѣзда на Днѣпро-Бугскомъ каналѣ), къ которымъ тянули волости: *собственная Кобринская*, *Черевачицкая* (нынѣ село Черевачицы на р. Мухавцѣ Кобрин-

---

770) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. III, № 4.
771) Starożytna Polska, III, 433.
772) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 113.
773) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 561, 562.

скаго уѣзда, къ западу отъ уѣзднаго города), *Вѣжицкая* (нынѣ село Вижки недалеко отъ Черевачицъ къ сѣверозападу, въ томъ же уѣздѣ), *Добучинская*, *Блуденская* (села Блудень Великій и Малый находятся въ восточной части Пружанскаго уѣзда близъ р. Яцольды) и *Городецкая*. Правда, что въ такомъ видѣ княжество Кобринское является уже гораздо позднѣе, именно по ревизіи Кобринской экономіи, составленной въ 1563 году королевскимъ ревизоромъ Дмитріемъ Сопѣгою [774]). Но судя по всему, этотъ составъ имѣло княжество и въ изучаемое время. Данныя ревизіи 1563 года находятъ себѣ подтвержденье въ актахъ, дошедшихъ до насъ отъ времени до 1529 года. Такъ, жена князя Ивана Семеновича Кобринскаго, княгиня „Ѳе́дка", записывая мужу своему двѣ тысячи золотыхъ на двухъ частяхъ имѣнья, полученнаго по наслѣдству отъ дѣда князя Андрея Владимировича, составляла актъ записи „у Добучинахъ", очевидно, въ своемъ дворцѣ [775]).— Это предположеніе оправдывается записью князя Ивана Семеновича Кобринскаго на церковь Рождества Христова на его дворѣ въ Добучинахъ [776]). Отъ 22 августа 1495 года дошелъ до насъ листъ великаго князя Александра, содержащій подтвержденье княгинѣ Аннѣ Ѳедоровой, „што матка ее, кнегини Семеновая Романовича кнегиня Ульяна, записала ей у вене своемъ имѣнія: дворецъ свой Черевачицы и Грушовую, по своемъ животѣ со всимъ, зъ людми и съ данью, со всимъ съ тымъ, што здавна къ тому дворцу Черевачицамъ а къ Грушовой прислухаетъ" [777]). Упоминаемая здѣсь Грушовая по ревизіи 1563 г. принадлежала къ волости города Городца; слѣдовательно, эта волость входила въ составъ Кобринскаго княжества уже въ концѣ XV вѣка. Впослѣдствіи Грушовая и Черевачи отошли было въ родъ князей Сангушковичей по родству ихъ съ княгинею Анною, бывшею вторично за мужемъ за паномъ Венцеславомъ Костевичемъ; но королева Бона, получивъ отъ мужа Кобринъ „со всимъ съ тымъ, што къ тому замку прислухало", оттягала по суду у князей Сангушковичей Грушовую и Черевачичи на томъ основаніи, что „князя Семенова дочка, пани Венцлавовая, держала тыи имѣнья не за отчину, але у вѣнѣ" [778]). Принадлежность волости Вѣжецкой къ Кобринскимъ владѣніямъ въ изучаемое время доказывается тѣмъ, что

---

[774]) Ревизія Кобринской экономіи. Вильна, 1876.

[775]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXVII.

[776]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 230.

[777]) Archiwum ks Lubartowiczów-Sanguszków I, № CVII.

[778]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 40 41.

акты упоминаютъ въ Кобринскомъ повѣтѣ село Данковичи, которое по ревизіи 1563 года входило въ составъ волости Вѣжецкой [779]).—Кромѣ перечисленныхъ волостей въ составъ Кобринскаго княжества до 1529 года входилъ *дворъ Селецкій* (Селецъ—мѣстечко Пружанскаго уѣзда близъ р. Ядольды) *съ волостью*, отдававшійся королевою Боною въ держанье особому намѣстнику-державцѣ [780]).—Приведенныя историко-географическія данныя вмѣстѣ съ тѣми подробностями, которыя содержитъ ревизія 1563 года, даютъ возможность очертить предѣлы княжества Кобринскаго приблизительно такимъ образомъ: оно занимало всю ту часть нынѣшняго Кобринскаго уѣзда, которая орошается Мухавцемъ и его притоками, и восточную часть Пружанскаго уѣзда между Бѣловѣжскою пущею и р. Ядольдою.—Что касается управленія въ княжествѣ Кобринскомъ, то оно до конца XV вѣка находилось въ рукахъ князей [781]), а затѣмъ въ рукахъ наслѣдовавшихъ княжество лицъ и ихъ урядниковъ. Эти урядники, какъ и въ другихъ княжескихъ и панскихъ имѣньяхъ, назывались намѣстниками (и даже воеводами) [782]).

Княжество Пинское занимало восточную часть Кобринскаго уѣзда между рр. Ядольдою и Пиною (къ югу отъ Пины здѣсь лежали селенія Волынской земли, напр. Одрыжинъ и Горки) [782]) и почти весь нынѣшній Пинскій уѣздъ. Исключеніе составляло пространство на югозападѣ уѣзда между Припятью и Стоходью, гдѣ находились Волынскія имѣнья Олбязь и Червища, и территорія Городенской волости Луцкаго повѣта на югѣ Пинскаго уѣзда; на юговостокѣ уѣзда находились селенія Дубровицкаго повѣта Волынской земли [783]). Въ такомъ объемѣ княжество Пинское выступаетъ по тѣмъ многочисленнымъ историко-географическимъ даннымъ, которыя содержатся частью въ записяхъ Литовской Метрики, частью въ описаніи Пинскаго княжества, составленномъ въ 1552—1555 г. старостою Пинскимъ Станиславомъ Хвальчевскимъ, и въ привилеяхъ земянъ-шляхты на имѣнья „наданья замку Пинского“, собранныхъ одновременно съ составленіемъ описи Хвальчевскаго, и, наконецъ, въ грамотахъ, собранныхъ въ

[779]) Акты Зап. Рос. II, № 79.

[780]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 153, 156, 157, 158.

[781]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 32, 226, 227, 230.

[782]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 32, 226; Акты Виленск. Археограф. Коммиссіи III, № 1, 2.

[783]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 96.

[783]) Ibidem, стр. 125.

1559 году королевскимъ ревизоромъ Григорьемъ Богдановичемъ Воловичемъ [784]). Не приводя всѣхъ этихъ данныхъ, укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ, которыя могутъ служить пунктами, опредѣляющими протяженіе княжества.

Между р. Пиною и Яцольдою, въ нынѣшнемъ Кобринскомъ уѣздѣ, лежало село Пинскаго княжества (нынѣ мѣстечко) *Бездѣжъ*, въ которомъ вдова князя Семена Олельковича Марья пожаловала слугѣ своему Фурсу Ивановичу „два человѣки" въ 1495 году, а королева Бона въ 1529 году подтвердила сыновьямъ Фурса Ивановича [785]). Тутъ же находился дворъ *Дружиловичи* (нынѣ село) [786])—„особное держанье (т. е. волость) у Пинскомъ повѣтѣ", которое выслужилъ на королѣ Казимирѣ князь Юрій Семеновичъ и въ которомъ онъ записалъ церкви св. Николы Великаго въ Дружиловичахъ: человѣка *о Опульи* (нынѣ село Лядовичи, Ополь тожъ, Опольской волости), *у Достоеви* (нынѣ деревня Пинскаго уѣзда на границѣ съ Кобринскимъ) землю полавную съ пашнею, *у Мотоли* (нынѣ мѣстечко при озерѣ того же имени) два ведра меду [787]); въ Мотоли же князь Ѳедоръ Ивановичъ записалъ въ 1520 году церкви Богоматери въ Лѣщи озера Мотоль и Жидень, а въ *Тишковичахъ* (нынѣ деревня Кобринскаго уѣзда на р. Яцольдѣ) озера Мылие и Скупое (оба эти озера находятся теперь въ Слонимскомъ уѣздѣ на границѣ съ Кобринскимъ), а пятое озеро Гоще „у Порѣцкой земли" (Порѣчье на р. Яцольдѣ Пинскаго уѣзда) [788]). Въ нынѣшнемъ Кобринскомъ уѣздѣ находились и села *Молодово* и *Ворочевичи* (нынѣ Воронцевичи), въ которыхъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославича пожаловалъ боярину Матѳею Гричинѣ людей, а король Сигизмундъ въ 1524 году подтвердилъ своимъ листомъ [789]); село *Мохильна* (деревня на границѣ съ Пинскимъ уѣздомъ), въ которой княгиня Марья съ сыномъ Васильемъ Семеновичемъ пожаловали въ 1494 году семь человѣкъ слугѣ своему Василью Олехновичу, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1522 году [790]); село *Гутовъ* (нынѣ Воронцевичской волости), въ которомъ земянинъ пинскій Олехно

---

[784]) См. Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ и Ревизію пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ.

[785]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 121, 302, 303.

[786]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54.

[787]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 252, 253.

[788]) Ibidem, стр. 129.

[789]) Ibidem, стр. 64.

[790]) Ibidem, стр. 84, 85.

Курейшовъ продалъ въ 1498 году Ходору Дробишевичу двѣ поросли нивы Лѣсковской [791]); село *Попина* (нынѣ Осовецкой волости) [792]), село *Гнѣвчичи* (нынѣ Одрижинской волости на р. Пинѣ), съ котораго князь Θедоръ Ивановичъ пожаловалъ въ 1504 году восемьдесятъ грошей попу церкви св. Іоакима и Анны въ дворѣ Ставкѣ [793]); *Глинная* и *Вавулничи* [794]) и др.

Въ западной части Пинскаго уѣзда къ сѣверу отъ р. Яцольды, между Здитовскою пущею и Вядскою, разбросаны были селенія *Вядской волости* Пинскаго княжества (прежде эта волость входила въ составъ Новгородскаго княжества), къ которой принадлежали: *Вядо* при озерѣ Бобровицкомъ (нынѣ деревня Слонимскаго уѣзда на границѣ съ Пинскимъ); *Бобровичи* при томъ же озерѣ (нынѣ деревня Пинскаго уѣзда); *Колонскъ* (нынѣ деревня Колоницъ того же уѣзда), и, наконецъ, село *Гать* (теперь деревня), въ которомъ княгиня Марья съ сыномъ дали въ 1495 году человѣка Гапона слугѣ своему Θедку Тишковичу [795]).

По притоку Припяти Бобрику и вокругъ озера Погостскаго лежали слѣдующія селенія Пинскаго повѣта: *Теребень* (нынѣ село Доброславской волости)—имѣньице, которое княгиня Марья съ сыномъ въ 1495 году пожаловали слугѣ своему Ивашку Полозовичу, а король Сигизмундъ въ 1522 г. подтвердилъ своимъ листомъ [796]); *Новый Дворъ* при озерѣ Погостскомъ, въ которомъ князь Θедоръ Ивановичъ въ 1519 году записалъ церкви Іоакима и Анны въ Ставкѣ двѣ мѣрки вымелковъ съ мельницы въ каждый десятый день [797]); села: *Стошаничи*, *Лагишинъ* и *Ковнятинъ* [798]); село *Сошно* (нынѣ Погостъ Загородской волости), въ которомъ князь Θедоръ Ивановичъ въ 1500 году далъ трехъ человѣкъ боярину своему Ивашку Полозовичу [799]), а въ 1516

---

[791]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 253.

[792]) Ibidem, стр. 109.

[793]) Ibidem, стр. 221.

[794]) Ibidem, стр. 281. Срав. Писцовую книгу Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 118—123.

[795]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 76 Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 134—159.

[796]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 104, 105; 108, 109.

[797]) Ibidem, стр. 222.

[798]) Ibidem, 74, 115.

[799]) Ibidem, стр. 107.

году человѣка съ дворищемъ на церковь св. Аѳанасія въ Пинскѣ [800]) и т. д.

Въ юговосточной части Пинскаго уѣзда (на востокъ отъ р. Стыри) находились слѣдующія селенія *Пинской волости* [801]): *Стоховъ* (нынѣ село Плотницкой волости), въ которомъ королева Бона въ 1524 году подтвердила боярину Проньку съ братьею дворище Сажнинское [802]); *Плотница*, въ которой княгиня Марья съ сыномъ въ 1496 году дала слугѣ своему Сенку Дмитріевичу два дворища, а королева Бона въ 1524 году подтвердила своимъ листомъ [803]); *Дубоя* (нынѣ село Плотницкой волости), въ которой въ 1495 году княгиня Марья съ сыномъ дала два дворища конюшему своему Сенку [804]); *Стольно* (нынѣ мѣстечко Столинъ) на р. Горыни; *Теребежовъ* и *Смородскъ* тамъ же [805]); село *Тыровичи* (нынѣ Тырвовичи Лемешовичской волости), въ которомъ королева Бона въ 1532 году пожаловала земянину Пинскому Семену Ордѣ четыре дворища пустыхъ [806]); село *Нечатовъ*, въ которомъ въ 1521 году Ѳедоръ Ленковичъ Калауръ продалъ Аросту Кигиру половину своего отчиннаго дворища [807]); села *Жолкинъ* и *Вичовка* [808]) село *Сваричевичи*, въ которомъ королева Бона въ 1531 году пожаловала земянину Пинскому Ивану Занковичу землю [809]); село *Сѣрники* (нынѣ Радчицкой волости), въ которомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ далъ два дворища Новошѣ, а королева Бона въ 1525 году подтвердила своимъ листомъ [810]); села *Цѣлковичи*, *Волчичи* (нынѣ Волчица) и *Вешня* на р. Стыри [811]).

Между р. Стырью, Припятью и Струменемъ упоминаются въ актахъ слѣдующія селенія Пинскаго повѣта: *Муравинъ* (на р. Стыри), *Кухче* (нынѣ село на р. Вечелюхѣ, впадающей въ Припять), *Тевковичи* и *Иванчичи* (на р. Стыри), пожалованныя княгинею Марьею

---

800) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 255.

801) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 40.

802) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 292.

803) Ibidem, стр. 128, 291.

804) Ibidem, стр. 114.

805) Ibidem, стр. 10, 125.

806) Ibidem, стр. 81.

807) Ibidem, стр. 314.

808) Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 202, 219.

809) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 325.

810) Ibidem, стр. 257.

811) Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ. стр. 228—238.

Семеновою слугѣ Сенку Зенковичу въ 1495 году и подтвержденныя въ 1522 году королемъ Сигизмундомъ [812]); село *Погостъ* (на р. Стыри), въ которомъ королева Бона въ 1528 году подтвердила Семену Юхновичу Ордичу дворище Окушовское, выслугу его предковъ, отнятую было у него княземъ Өедоромъ Ивановичемъ Ярославича [813]); *села Хранинъ, Задолжье,* и *Бучинъ* (на р. Стоходи) [814]); село *Морочно* (нынѣ Красница тожъ), въ которой королева Бона въ 1522 году пожаловала боярынѣ Пинской Аннѣ Василевской на хлѣбокормленье два дворища, владѣніе ея мужа [815]); *Нобель* (нынѣ мѣстечко Мороченской волости), данный королемъ Казимиромъ князю Юрью Семеновичу изъ состава Пинскаго княжества въ особное держанье прежде самаго Пинска [816]); села *Прикладники* и *Коморы* (на Струменя), въ которыхъ князь Өедоръ Ивановичъ пожаловалъ людей боярину Пинскому Сеньку Домановичу, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1523 году [817]); села *Невле* (нынѣ село Невель на р. Припяти) и *Няньковичи* (Мороченской волости), въ которыхъ королева Бона утвердила за бояриномъ Клецкимъ Өедоромъ Петровичемъ отчину жены его въ 1524 году [818]); село *Кнубово* на р. Струмени [819]); село *Горное*, въ которомъ княгиня Марья съ сыномъ пожаловала въ 1495 году два дворища своему конюшему Сенку [820]); село *Бомары*, въ которомъ король Казимиръ далъ Васку Ордичу землю, а королева Бона въ 1524 году подтвердила своимъ листомъ его внуку [821]), *Шоломичи, Лозичи, Качановичи* [822]) и др.

Въ той части Пинскаго уѣзда, которая ограничена р. Припятью, Струменемъ, Ядольдою и Пиною находились слѣдующія селенія Пинскаго княжества: *Сваловичи* (на р. Припяти), *Потаповичи,* (на р. Пинѣ) и *Семеховичи* при озерѣ Семеховицкомъ [823]); село *Жидче*, въ

[812]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 79; 316, 317.
[813]) Ibidem, стр. 82.
[814]) Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ, стр. 250—253.
[815]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 242.
[816]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54.
[817]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 237.
[818]) Ibidem, стр. 273.
[819]) Акты Запад. Рос. I, № 190.
[820]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 114.
[821]) Ibidem, стр. 215.
[822]) Ibidem, стр. 120.
[823]) Ibidem, стр. 11, 110.

которомъ князь Θедоръ Ивановичъ далъ золотарю Пинскому Тимошку Дмитровичу землю, а королева Бона въ 1525 году подтвердила своимъ листомъ [824]); села *Житковичи* и *Задвиничи*, въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ въ 1495 г. пожаловала людей своему слугѣ Сенку Головкѣ [825]); село *Красово* на р. Струмени, пожалованное княземъ Θедоромъ Ивановичемъ Ярославича Борису Коптевичу [826]); дворъ *Стычковичо* (нынѣ деревня того же имени), изъ состава котораго князь Θедоръ Ивановичъ пожаловалъ Пинскому Сеньку Домановичу три острова, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ [827]); села *Кривичи* и *Сушицкъ* (на р. Яцольдѣ), въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ въ 1495 и 1496 годахъ пожаловали слугѣ Ивашку Половичу людей съ землями, а великій князь Александръ и король Сигизмундъ въ 1522 году подтвердили своими листами [828]) и др.

Наконецъ, между рѣкою Пиною и Яцольдою можно указать на слѣдующія села: *Сухое* (близъ границы съ Кобринскимъ уѣздомъ) и *Рыловичи*, въ которыхъ князь Θедоръ Ивановичъ далъ полпята дворища Ивашку Половичу, а король Сигизмундъ въ 1522 году подтвердилъ своимъ листомъ [829]); *Ляховичи* (близъ границы съ Кобринскимъ уѣздомъ) и *Купятичи* (на Яцольдѣ), въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ въ 1492 году дала людей съ землями пану Михну Сенковику Почаповскому [830]); *Домашичи*, *Торгошичи* и *Жабчичи*, въ которыхъ королева Бона въ 1524 году подтвердила людей съ землями боярину Клецкому Θедору Петровичу, отчину жены его [831]); *Черничевичи*, *Посиничи*, *Кошевичи* и *Парщевичи*, въ которыхъ князь Θедоръ Ивановичъ Ярославича далъ въ 1515 году дворище съ людьми служебнику своему Венедикту Фурсовичу, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1518 [832]); *Выжлдвичи*, въ которыхъ княгиня Марья съ сыномъ дала въ 1495 году людей съ землями слугѣ Олехну Григорьевичу, а королева Бона подтвердила своимъ листомъ въ 1524 г. сыну Олехна Ивану [833]); *Помкотичи*, *Достоево*, *Поречье* въ которыхъ

---

824) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 258.
825) Ibidem, стр. 111, 251.
826) Ibidem, стр. 256.
827) Ibidem, стр. 238.
828) Ibidem, стр. 103, 104.
829) Ibidem, стр. 107, 108.
830) Ibidem, стр. 218.
831) Ibidem, стр. 273.
832) Ibidem, 71, 288.
833) Ibidem, стр. 246, 247.

князь Өедоръ Ивановичъ далъ въ 1507 году дворище съ людьми боярину Данилу Ивановичу Иртищеву [834]); *Масевичи* (на Яцольдѣ), въ которомъ князь Өедоръ Ивановичъ пожаловалъ слугѣ своему Кривецкому Дмитровичу людей въ 1503 году, а король Сигизмундъ впослѣдствіи подтвердилъ свею подписью [835]); княжескій дворъ *Ставокъ*, въ которомъ князь Өедоръ Ивановичъ Ярославича построилъ церковь св. Богоотецъ Іоакима и Анны [836]); *Чемеринъ* (на р. Яцольдѣ), пожалованный княгинею Марьею въ 1495 году слугѣ Өедору Тишковичу и и утвержденный за его сыномъ королемъ Сигизмундомъ въ 1522 году [837]) и др.

Пинскій повѣтъ, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, былъ особымъ владѣніемъ сначала князя Наримунта и его потомковъ, затѣмъ вдовы князя Семена Олельковича и ея сына Василья († 1495 г.), потомъ князя Өедора Ивановича Ярославича и, наконецъ, королевы Боны. Въ рукахъ этихъ лицъ и ихъ урядниковъ находились судъ и управа въ Пинскомъ повѣтѣ, а великокняжескіе урядники не въѣзжали сюда ни за чѣмъ; политическая связь съ великимъ княжествомъ держалась преимущественно на обязанности владѣльцевъ ставиться съ своими боярами и слугами въ ополченіи Литовской земли.—Что касается урядниковъ Пинскаго княжества, то въ актахъ находимъ упоминанья о конюшемъ, мытникѣ и ключникѣ [838]), намѣстникѣ стольнаго города при княгинѣ Марьѣ [839]), старостѣ при королевѣ Бонѣ [840]); княжество Пинское, такимъ образомъ, имѣло управленіе аналогичное съ управленіемъ другихъ литовско-русскихъ княжествъ.

Вмѣстѣ съ Пинскимъ княжествомъ въ составъ Троцкаго воеводства вошелъ и *Городецкій повѣтъ*, владѣнье князя Ивана Васильевича Ярославича и сына его Өедора, а послѣ него королевы Боны. Селенія Городецкаго повѣта разбросаны были по р. Припяти и ея притокамъ въ западной части нынѣшняго Мозырскаго уѣзда и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ княжествомъ Пинскимъ. Таковы были, напримѣръ: центръ повѣта—*Городокъ Давидовъ* (нынѣ Давыдъ-Городокъ на р. Гордыни), въ которомъ князь Иванъ Васильевичъ Яросла-

---

[834]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 116, 117.
[835]) Ibidem, стр. 113.
[836]) Ibidem, стр. 221.
[837]) Ibidem, стр. 76.
[838]) Ibidem, стр. 114, 263, 349.
[839]) Ibidem, стр. 288.
[840]) Ibidem, стр. 123, 124.

вича построилъ соборъ въ честь св. Великомученика Дмитрія [841]); село *Любре* или *Рубль* (на р. Гордыни), въ которомъ вдова князя Свидригелла Анна дала слугѣ Якову Разоновичу на конную службу землю, а князь Иванъ Васильевичъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1492 году [842]); *село Бологуша* (нынѣ Бѣлогуша на р. Гордыни въ Пинскомъ уѣздѣ на границѣ съ Мозырскимъ), въ которомъ князь „Ярославича" далъ землю Ивану Мисевичу съ братьею [843]); село *Отверживичи* (нынѣ Тверjкичи въ Пинскомъ уѣздѣ на границѣ съ Мозырскимъ), въ которомъ князь Иванъ Васильевичъ въ 1507 году пожаловалъ Дмитровскому собору въ Городкѣ-Давидовѣ полколоды меду и сорокъ девять грошей дани [844]); село *Переходичи* (въ юго-западномъ углу нынѣшняго Мозырскаго уѣзда), въ которомъ княгиня Анна пожаловала землю церкви св. Николы; село *Березоя* (Березовъ тамъ же), въ которомъ князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ землю въ 1492 году той же церкви [845]); село *Глинная* на р. Ствичѣ [846]); село *Гольци* (нынѣ Угольцы на границѣ съ Пинскимъ уѣздомъ), въ которомъ князь Өедоръ Ивановичъ Ярославича пожаловалъ служебнику своему Моисею Ивановичу Красковича людей съ землями [887]); село *Ольпень*, въ которомъ тотъ же князь пожаловалъ землю слугамъ Конопельчичамъ „на платѣ врочистомъ" [848]); *Велемичи*, въ которомъ онъ же далъ боярину Левону Ранцевичу двѣ земли, а король Сигизмундъ и затѣмъ королева Бона подтвердили своими листами [849]); село *Кугорскъ* (Хорскъ?), въ которомъ князь Өедоръ Ивановичъ далъ слугѣ Кошелю землю [850]); села *Орлы Великіе* и *Малые* (на границѣ съ Пинскимъ уѣздомъ), въ которыхъ встрѣчаемъ пожалованья князя Ивана Васильевича и его сына [851]); село *Малешево*, которое король Казиміръ въ 1447—1448 годахъ (индикта 11) пожаловалъ пану Олехну [852]);

---

[841]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 348.
[842]) Ibidem, стр. 329.
[843]) Ibidem, стр. 331.
[844]) Ibidem, стр. 350.
[845]) Ibidem, стр. 358.
[846]) Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XLVII.
[847]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 332.
[848]) Ibidem, стр. 335.
[849]) Ibidem, стр. 339.
[850]) Ibidem, стр. 342.
[851]) Ibidem, стр. 345, 348, 355, 356.
[852]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54.

Дворецъ (на притокѣ Смерди Бродницѣ), въ которомъ княгиня Анна писала привилей слугѣ Данилу Бороченичу, освобождавшій его отъ обязанности ходить въ Городокъ на сторожу [853]) и др.—Городецкій повѣтъ подобно Пинскому управлялся своими владѣльцами и ихъ урядниками (въ актахъ упоминаются мытникъ и ключникъ князя Ивана Васильевича, намѣстникъ короля Сигизмунда, староста королевы Боны [854]).

Къ воеводству Троцкому примкнулъ и повѣтъ Туровскій, составлявшій особное владѣніе князя Свидригелла, затѣмъ князя Михаила Львовича Глинскаго и, наконецъ, князя Константина Острожскаго. Онъ занималъ остальную часть нынѣшняго Мозырскаго уѣзда за исключеніемъ той части его, которая лежитъ къ востоку отъ р. Уборти, и той, которая орошается р. Птичью и ея притоками. Акты изучаемаго времени упоминаютъ, напр., слѣдующія селенія Туровскаго повѣта: село *Храпино* (нынѣ Храпунь на р. Ствичѣ) которое пожаловалъ пану Гринку князь Свидригелло [855]); *Ольгомле* (нынѣ Туровской волости на р. Маствѣ), *Симонмичи* (нынѣ Сименичи Лельчицкой волости) и Радловичи (Радиловичи на р. [Ствичѣ?), записанныя княземъ Константиномъ Острожскимъ въ 1520 году Успенскому собору въ замкѣ Туровскомъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми озерами въ повѣтѣ Туровскомъ, между прочимъ, съ *Хоенскимъ* (Хоенскъ нынѣ деревня на Припяти) и *Погостскимъ* (Погостъ, нынѣ также деревня на Припяти), и вмѣстѣ съ данью *въ волости Смедынской* того же Туровскаго повѣта; *Смѣдынь* (нынѣ с. Снядынь на р. Припяти Лясковичской волости); *Мордвино* (деревня на Припяти), *Вишомово* (нынѣ Вишеловъ или Ушелье на Припяти), *Мостевичи* (Мосѣевичи на Уборти?), *Замостье* (Замошья на Уборти) и *Дондегевичи* [856]); *Рычовъ* (нынѣ село Туровской волости на р. Ствичѣ Пинскаго уѣзда) съ селами *Букчемъ* и *Прибыловичами*, пожалованный Свидригелломъ князю Михаилу Васильевичу, который отдалъ это имѣнье въ приданое за дочерью Анною князю Ивану Юрьевичу, отъ котораго имѣнье перешло къ князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому въ видѣ приданаго за его женою Ульяною [857]).

Судъ и управа въ княжествѣ Городецкомъ, какъ и въ другихъ, принадлежали владѣльцамъ его или урядникамъ.

---

[853]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 334.

[854]) Ibidem, стр. 349, 350, 353.

[855]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszow 1, XLVII.

[856]) Акты Зап. Рос. II, 105.

[857]) Литов. Метр. кн: Зап. IX, л. 82.

XIII.

„Пописъ шляхты земли Жомоитское и ихъ людей", составленный въ 1528 году, перечисляетъ слѣдующія господарскія волости въ составѣ Жмудской земли: дворы господарскіе Вилькею и Велену, волости: Ойракголу, Росейни, Видукли, Коршово, Поюре, Шовды, Ретово, Кгодинкгу, Вешвяне, Телши, Биржаняны, Дирваны, Мединкгоны, Жоряны, Потумши, Коркляне, Ужвенту, Beржаны, Крожи, волость Кеменскую, Тондякголу, дворъ Ясвойни [858]). Объ этихъ волостяхъ Жмудскихъ находимъ указанья и въ болѣе раннихъ актахъ княженья Казимира и его сыновей, а сверхъ того и о нѣкоторыхъ другихъ, которыя не упомянуты въ указанномъ „пописѣ". Такъ, въ записной книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира находимъ упоминанье о Кнетовской волости: „пану Контовту *у Кнетонской волости* Людовняне, тридцать и чотыри чоловѣки куничниковъ на имя"... [859]) Отъ 6 октября 1494 года мы имѣемъ листъ великаго князя Александра до старосты Жмудскаго пана Станислава Яновича съ извѣщеніемъ о пожалованіи пану Мартину Якубовичу дворца Векшневскаго и пяти человѣкъ „въ Жомойти въ *повѣтѣ Повонденскомъ*" [860]). Отъ княженья того же Александра мы имѣемъ подтвердительный привилей, выданный боярину Жмудскому, тивуну Юрборскому, Пашку на людей и земли, пожалованныя ему въ разныхъ волостяхъ Жмудской земли, между прочимъ „*въ Юрборскомъ повѣтѣ* человѣка на имя Ковшиса зъ двѣма сынми и зъ ихъ землею..., а *въ Промядевѣ* чотыри чоловѣки на имя Нарвида Сковдятовича а Разита, а Рупейка Ейниковича зъ братьею, а Довпорта Лупача" [861]). Волость Промядевская упоминается, кромѣ того, и въ записяхъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира, гдѣ читаемъ между прочимъ: „Свирепному Троцкому Величку два рубли грошей зъ винъ въ Промядевѣ, а пять рублей зъ винъ *въ Ясвуни*" [862]). Въ Жмудской землѣ находился и дворъ *Скерстомонъ съ волостью*, какъ объ этомъ узнаемъ, напр., изъ привилея, даннаго въ 1508 году пану Ѳедору Янушевичу на староство Луцкое и маршалковство земли Волынской [863]). Къ составу Жмудской земли принадлежала и *волость*

[858]) Литов. Метр. кн. Публичн. дѣлъ I, л. 223—283.
[859]) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 43. Ср. Акты Зап. Рос. I, № 103.
[860]) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 46.
[861]) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 215.
[862]) Литов. Метр. кн. Зап. IV, л. 78.
[863]) Литов. Метр. кн Запис. VIII, л. 141—143.

Тверы, какъ это видно изъ уставной грамоты, данной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей [864]). Изъ письма короля Сигизмунда къ старостѣ Жмудскому Станиславу Станиславовичу Яновича, писаннаго около 1529 года, узнаемъ о *волости Шовленской* „въ земли Жомоитской", которую король отдалъ князю Яну, бискупу Виленскому [865]). Изъ подтвердительнаго привилея, даннаго въ 1511 году отцу этого пана Станислава, Станиславу Яновичу, также старостѣ Жмудскому, на имѣнья, пожалованныя ему и его предкамъ въ землѣ Жмудской, узнаемъ, кромѣ того, о *волости Плотельской*, которую король утвердилъ за нимъ „со всимъ съ тымъ, какъ тая волость Плотельская и вси тыи сельца съ randавна въ своихъ границахъ маютъ и какъ на насъ держаны были, со всимъ правомъ и панствомъ, ничого на насъ не оставлячи" [866]). Въ 1522 году 27 іюня король Сигизмундъ приказывалъ старостѣ Жмудскому, только что упомянутому Станиславу Яновичу, дать „увязанье" тивуну Ретовскому пану Войтеху Орвидовичу въ три земли пустовскихъ „въ Жомоитскомъ повѣтѣ у *Пошилской волости*" [867]). Въ числѣ волостей Жмудскихъ записи земельныхъ раздачъ короля Казимира упоминаютъ и *волость Мѣдницкую*, центръ которой—Мѣдники были вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ центромъ всей Жмуди, резиденціею Жмудскаго католическаго бискупа [868]), *волость Кгойжовскую*, въ которой король Казимиръ далъ нѣкоему Петрашу три человѣка [869]), *волость Колтянскую*, въ которой король далъ нѣкосму Визбору пять человѣкъ [870]). Подтвердительная грамота, данная въ 1492 году Жмудской землѣ на права и вольности, упоминаетъ въ ея составѣ, кромѣ того, повѣты или волости: *Бедыкгольскую*, *Перноровскую* (впослѣдствіи имѣнье Пернарово является въ Вилькійской волости) [871]) и *Постойнингенскую*.

Что касается панскихъ имѣній, то самыя значительныя изъ нихъ принадлежали роду пановъ Кезгайловъ, представители котораго во все

---

[864]) Акты Зап. Рос. II, № 160.

[865]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 470, 471.

[866]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 15.

[867]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 2.

[868]) Литов. Метр. кн. Зап. III. л. 44; Акты Зап. Рос. I, № 103; Starożytna Polska IV, 416—424.

[869]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 41; Акты Зап. Рос. I, № 103.

[870]) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 43.

[871]) *И. Я. Спрогиса* Географическій словарь древней Жомоитской земли XVI столѣтія, стр. 227. Вильна 1888.

изучаемое время были старостами Жмудскими [872]. Послѣ замка ихъ отчиннаго *Плотелъ* находились дворы: *Бержоры*, *Кгинтилишки*, *Шовляны*, *Кгоржды* на р. Миньѣ и *Окмяны* [873]; имъ же принадлежалъ дворъ *Ботоки* [874], и „сѣножати по рѣцѣ по Муши съ пущою и съ хмельники почонъ отъ Февесы до нѣмецкое граници“ [875]. Изъ другихъ панскихъ имѣній можно указать на *Шовкяны*, *Лидовяны* и *Корkляны* —пановъ Шеметовичей [876]; *Биржи* и *Кейданы*—пановъ Радивиловъ [877]; *Жакгоры* пана Миколая Сиревича [878]; *Веверяны*—Яна Немировича Юрьсвича, который онъ продалъ въ 1539 году пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду [879] и др.

На мѣстоположеніе центральныхъ поселеній перечисленныхъ волостей и имѣній указываютъ въ настоящее время: мѣстечки Веліона и Вилькія на р. Нѣманѣ Ковенскаго уѣзда; мѣстечко Эйрагола на р. Дубиссѣ, притокѣ Нѣмана, того же уѣзда; уѣздный городъ Ковенской губерніи Россіены; мѣстечко Видукле Россіенской волости Россіенскаго уѣзда; сельцо Абелинъ, прежде Коршово; с. Поюрже на р. Юрѣ того же уѣзда; Шадовъ—заштатный городъ Ковенской губ. на рѣчкѣ Невдувѣ (системы р. Муссы); мѣстечко Ретово на р. Юрѣ Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Плунгяны (въ Кгондинкѣ) Тельшевскаго уѣзда на р. Борбунгъ, притокѣ р. Миньи, впадающей въ Нѣманъ недалеко отъ его устья; мѣстечко Вешвяны Тельшевскаго уѣзда недалеко отъ Тельшъ; уѣздный городъ Ковенской губ. Тельши; сельцо Биржаняны на р. Дирвитѣ, притокѣ Венты, Випдавы тожь, Шавельскаго уѣзда; сельцо Дырвяны того же уѣзда; мѣстечко Медынгяны на р. Миньѣ и сельцо Жораны Жоранской волости Тельшевскаго уѣзда; сельцо Потумша Тельшевскаго уѣзда на границѣ съ Шавельскимъ; мѣстечко Корkляне Колтынянской волости Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Ужвенты на верховьяхъ рѣки Венты Шавельскаго уѣзда; недалеко отъ него сельцо Бержаны Шавкянской волости того же уѣзда; мѣстечко Кроже Россіенскаго уѣзда на рѣчкѣ Кроженте; мѣстечко Кельмы того же уѣзда и на той же рѣчкѣ, притокѣ Дубиссы; сельцо

---

872) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 91, 92.

873) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 15; XV, л. 115—117.

874) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 220.

875) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 41.

876) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 151.

877) Литов. Метр. кн. Зап. III, л. 70.

878) Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 42.

879) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 38.

Тенвегола Крокской волости Ковенскаго уѣзда; мѣстечко Ясвойни на р. Шушвѣ Ковенскаго уѣзда; село Повондене при озерѣ Глуда Тельшевскаго уѣзда; мѣстечко Юрбургъ на р. Нѣманѣ Россіенскаго уѣзда; сельцо Промядзево Манкунской волости Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Скирстымонь на р. Мемелѣ; мѣстечко Твери Жоранской волости Тельшевскаго уѣзда; уѣздный городъ Ковенской губ. Шавли; мѣстечко Плотели при озерѣ Плотеле Тельшевскаго уѣзда; сельца Горные и Дольные Пошиле Колтынянской волости Россіенскаго уѣзда; мѣстечко Ворни при рѣчкѣ Ворненкѣ и близъ озера Лукшта Тельшевскаго уѣзда; мѣстечко Бетигола Ковенскаго уѣзда близъ рѣки Дубиссы; мѣстечки Гинтилишки и Бержоры близъ озера Плотеле Тельшевскаго уѣзда; мѣстечко Горжды на р. Миньѣ того же уѣзда; мѣстечко Овмяны при р. Добекинѣ, притокѣ Венты, Шавельскаго уѣзда; мѣстечко Шавляны Шавельскаго уѣзда на рѣчкѣ Шувѣ системы Дубиссы; мѣст. Ботоки Россіенскаго уѣзда на рѣчкѣ Анчѣ, притокѣ Юры; мѣстечко Шавкяны на рѣчкѣ Шоны, притокѣ Венты, Шавельскаго уѣзда; мѣстечко Лидовяны на р. Дубиссѣ Россіенскаго уѣзда, мѣстечко Биржа Поневѣжскаго уѣзда на р. Опощѣ системы Муссы; с. Кейданы на р. Невяжѣ Ковенскаго уѣзда; мѣстечко Старые и Новые Жагоры Шавельскаго уѣзда на рѣчкѣ Шветѣ системы Курляндской Аа; мѣстечко Вевиржаны на рѣчкѣ Вевиржанкѣ, впадающей въ Минью, Россіенскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, Жмудская земля въ изучаемое время обнимала въ своихъ предѣлахъ нынѣшніе Тельшовскій, Россіенскій, Шавельскій и тѣ части Ковенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ, которыя находятся направо отъ р. Невяжи [881]).

Главнымъ правителемъ Жмудской земли со времени возвращенія ея изъ подъ власти Нѣмецкаго Ордена былъ *староста* [882]), занимавшій въ должностной іерархіи Литовско-Русскаго государства положеніе наравнѣ съ главными намѣстниками или воеводами земель (въ 16 артикулѣ привилея 1492 г. онъ прямо приравнивается воеводамъ [883]). Но не для всѣхъ волостей Жмудской земли онъ имѣлъ одинаковое значеніе. Часть этихъ волостей онъ вѣдалъ судомъ и управою непосредственно или черезъ своихъ урядниковъ, получая съ нихъ всѣ намѣстничьи доходы; часть волостей отдавались старостою тивунамъ, а часть „подавалъ" самъ господарь своимъ намѣстникамъ-дер-

---

881) Акты Зап. Рос. I, № 103.
882) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego, str. 91.
883) Акты Зап. Рос. I, № 103.

жавцамъ, причемъ староста оставался главою всѣхъ этихъ урядниковъ, высшею судебно-административною инстанціею въ землѣ. Въ 1522 г. паны, тивуны и бояре земли Жмудской жаловались королю на то, что тивунства въ землѣ Жмудской раздаетъ не король, какъ бы слѣдовало согласно привилеямъ Казимира и его преемниковъ, а панъ староста, и просили короля оставить ихъ „при тыхъ привильяхъ и вольностяхъ“. Но староста Жмудскій панъ Станиславъ Яновичъ заявилъ при этомъ, „ижъ тые тивунства въ земли Жомоитской, кромъ чотырохъ дворовъ: Вилькеи а Вилены, а Скерстомони, а Ясвойни, а волости Шовленское, здавна за предковъ нашихъ (королевскихъ) и за насъ (короля) предкове его и онъ самъ у подаваньи своемъ мѣли ажъ до сего часу, а предкове ихъ и они сами предкомъ нашимъ и намъ о томъ николи ся не упоминали“, и просилъ короля оставить его „водлѣ стародавнаго обычая“. Сигизмундъ съ панами-радою выдалъ приговоръ согласно заявленію пана Станислава Яновича, отдавъ предпочтеніе давности обычая предъ писаннымъ правомъ, „коли-жъ того такъ отъ давныхъ часовъ у молчаніи были“ [884]). Но со смертью пана Станислава Яновича, когда старостою сталъ его сынъ Станиславъ, король взялъ „въ свою моцъ и подаванье“ еще слѣдующія волости: Ойракголу „зъ мѣстомъ и зъ мѣстскими платы и со всими людьми“; волость Коршово „со всими людми“, Поюрье, Шовды, Полоную (?), Колтыняны и Пошили, Ретово, Кгондынку, Тверы, Телши, Ужвенты, Вешвяне, Биржняны, Дирвяны, Биршаны, Юрборокъ [885]). Тивунства въ этихъ волостяхъ съ того времени раздавались уже не старостами, а самимъ господаремъ [886]), а остальныя волости, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ сидѣли господарскіе намѣстники-державцы, были „приданы пану старостѣ“, т. е. отданы были въ его непосредственное завѣдыванье [887]). Нѣкоторыя изъ этихъ последнихъ волостей до 1527 года также отдавались старостами въ держанье тивунамъ, напр. волость Тондякольская, тивуну которой Миколаю Володкевичу король Сигизмундъ въ 1516 году подтвердилъ землю, купленную у слугъ путныхъ Тондякольскихъ [888]), такъ что, повидимому, лишая старосту права подавать тивунства въ землѣ Жмудской, король вознаградилъ его придачею въ непосредственное завѣдыванье именно этихъ волостей.

---

[884]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81.
[885]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86; Акты Зап. Рос. II, № 160.
[886]) Акты Зап. Рос. II, № 149.
[887]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86.
[888]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 189.

Для всѣхъ урядниковъ Жмудской земли, намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, староста, какъ уже сказано, былъ главою и непосредственнымъ начальникомъ. Семнадцатый артикулъ уставной грамоты, данной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, гласитъ: „Тежъ съ послушенства пана старостина тыхъ всихъ тивуновъ и всее шляхты земли Жомойтской не выймаемъ, але хочемъ, абы во всякихъ рѣчахъ пану старостѣ были послушны во всемъ, яко рады а мѣстца нашого, а наболыши въ тыхъ рѣчахъ, которые залежатъ ко споможенью и къ доброй справѣ рѣчи посполитоѣ тоѣ-то земли нашое“ [889]). Хотя въ приведенной статьѣ говорится объ однихъ только тивунахъ, но изъ другихъ современныхъ источниковъ видно, что „послушенствомъ“ пану старостѣ были обязаны и намѣстники-державцы Жмудскихъ дворовъ. Такъ, напр. въ 1523 году староста Жмудскій панъ Станиславъ Яновичъ, получивъ отъ короля указъ „обрать“ въ какой-нибудь волости Жмудской десять служебъ людей и четыре земли пустовскихъ для дворянина Андрея Мацковича, людей выбралъ въ Ойракгольской волости и далъ въ нихъ ему увязанье, а относительно земель пустовскихъ писалъ до подскарбія дворнаго, державцы Веленскаго, пана Ивана Андреевича, „абы тыи земли обравши съ одного у Веленскомъ повѣтѣ поблизъ дворца его Понѣмоньского, и его въ то увязалъ“.—„И панъ Иванъ,— гласитъ привилей,— зъ росказанья его милости чотыри земли пустовскихъ обралъ.... и его въ тыи земли увязалъ и листъ свой увязчый ему на то далъ“ [890]). Староста иногда распоряжался въ повѣтахъ державцевъ и безъ предварительной ссылки съ ними. Тотъ же самый Станиславъ Яновичъ далъ „увязанье“ своему служебнику Шимку Митковичу въ десять служебъ людей и четыре пустовщины, пожалованныхъ ему королемъ (очевидно, по представленію старосты) „у земли Жомоитской у Веленскомъ повѣтѣ Жосецкой волости“. Но вслѣдъ затѣмъ мѣстный державца, панъ Иванъ Андреевичъ, заявилъ королю, ижъ тыи люди и земли естъ къ великой шкодѣ двору Веленскому“,—изъ чего видно, что пожалованье состоялось безъ его вѣдома [891]). Въ свое время будутъ приведены и другія свидѣтельства источниковъ, очерчивающія власть старосты Жмудскаго въ тивунствахъ и державахъ этой земли.

Намѣстники-державцы по актамъ изучаемаго времени являются въ тѣхъ дворахъ и волостяхъ Жмудской земли, которыя по приведен-

---

[889]) Акты Запад. Рос. II, № 160.

[890]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 104.

[891]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 111, 112.

ному выше заявленію пана Станислава Яновича не были въ „подаваньѣ“ старость Жмудскихъ, т. е. въ Вилькеѣ, Веленѣ, Скерстомони, Ясвойни и волости Шовленской.

Намѣстника Вилкейскаго пана Яна Миколаевича, мы встрѣчаемъ, напр., въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ 1495 году городничему Городенскому Гринку Ходкевичу на нѣкоторыя земли, его купли и мѣны [892]). Въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка акты упоминаютъ уже о *державцѣ Вилькейскомъ*, панѣ Александрѣ Ивановнѣ Ходкевича,—напр., судный листъ короля Сигизмунда по дѣлу о наслѣдствѣ въ имѣньяхъ Илемницѣ и Полоной [893]).

Намѣстника Веленскаго пана Мартина Якубовича мы встрѣчаемъ, напр., въ „вырокѣ“ короля Александра отъ 24 іюля 1501 года по дѣлу королевы Елены съ паномъ Юрьемъ Ивановичемъ Ильинича „о забранье земль и пущи двора Контягинскаго“ [894]). Панъ Юрій Миколаевичъ, державшій Велену въ первые годы княженья Сигизмунда I, также называется намѣстникомъ Веленскимъ [895]), равно какъ и преемникъ его, панъ Иванъ Андреевичъ Сопѣга [896]). Впрочемъ, послѣдній называется въ актахъ и *державцею*, напр., въ подтвержденьѣ, данномъ 2 августа 1521 года боярину Витебскому Петру Гринкевичу на часть имѣнья Олешковичей въ Городенскомъ повѣтѣ, купленную имъ у дяди его Васька [897]). Это названіе не является постояннымъ и послѣ 1521 года. Такъ, напр., въ записи о „личбѣ“ (отчетѣ) подскарбія земскаго пана Ивана Горностая, которую онъ производилъ въ Вильнѣ 1 января 1535 года, въ числѣ пановъ, присутствовавшихъ при отчетѣ, обозначенъ подскарбій дворный, намѣстникъ Веленскій, панъ Иванъ Андреевичъ Сопѣга [898]).

О *намѣстникахъ Скерстомоньскихъ* упоминаютъ, напр., слѣдующіе акты княженья Александра: во 1-хъ, подтвердительный привилей, выданный 13 марта 1505 г. писарю Никольскому Васильевичу на имѣнье Деречинъ, гдѣ намѣстникъ Владимирскій и Скерстомоньскій

---

[892]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 62.

[893]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 62. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 164.

[894]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 197, 198; Акты Юж. и Зап. Рос. I, № 87.

[895]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 244.

[896]) Акты Зап. Рос. II, № 78; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

[897]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 50, 51.

[898]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 201.

Ѳедоръ Янушковичъ написанъ въ числѣ пановъ рады [899]); во 2-хъ, привилей на лѣсъ и езъ на р. Юрѣ, выданный 16-го іюля 1506 года пану Петру Олехновичу, кухмистру, намѣстнику Скерстомоньскому [900]) и др. При Сигизмундѣ намѣстники Скерстомоньскіе, какъ и другіе, стали именоваться державцами. Такимъ образомъ, напр., въ записи о „личбѣ" серебщинныхъ денегъ, произведенной въ 1535 году подскарбіемъ земскимъ паномъ Иваномъ Горностаемъ, въ числѣ „бирчихъ" серебщины упомянутъ писарь латинскій, *державца Скерстомоньскій*, панъ Павелъ Нарушевичъ [901]).

Къ *намѣстнику Ясвоинскому* пану Войтеху Нарбутовичу писалъ въ 1494 году 7 апрѣля великій князь Александръ объ отдачѣ боярынѣ Ядвигѣ Довгинтовой отчинныхъ людей и земль [902]). Преемникъ его, московскій выходецъ Иванъ Тимоѳеевичъ Плеещева Юрловъ, называется въ актахъ *державцею Ясвоинскимъ*, напр., въ подтвержденьѣ, выданномъ ему 26 января 1516 года на людей и земли, пожалованныя ему въ разныхъ повѣтахъ и, между прочимъ, „у Жомоитскомъ повѣтѣ у Ясвоинской волости" [903]). Но въ другомъ подтвержденьѣ (отъ 13 мая 1521 года) на людей и земли, которыя Иванъ Тимоѳеевичъ пріобрѣлъ послѣ того, онъ названъ намѣстникомъ Ясвоинскимъ [904]).

Намѣстникъ Шовельскій панъ Миколай Рачковичъ упоминается въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ ему 3 августа 1510 года на земли и сѣножати, купленныя его отцомъ у людей господарскихъ Волковыйскаго повѣта [905]). Но въ привилеѣ, выданномъ ему 7 іюня 1508 года на двадцать служебъ людей въ Василишскомъ повѣтѣ, онъ названъ *державцею Шовельскимъ* [906]). Преемникъ его, панъ Миколай Михневичъ, снова называется въ актахъ намѣстникомъ [907]); впрочемъ, названіе „державца" и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, вытѣснило изъ употребленія названіе „намѣстникъ".

---

[899]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 241, 242.

[900]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 318, 319; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 37.

[901]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200.

[902]) Акты Зап. Рос, I, № 169. Срав. также Акты Зап. Рос. II, № 50.

[903]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115.

[904]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 42, 43.

[905]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 167.

[906]) Ibidem, л. 213, 214.

[907]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

XIV.

Правительственное дѣленіе и устройство Волынской земли, существовавшее въ изучаемое время, было прямымъ наслѣдіемъ того политическаго дѣленія и устройства ея, которое установилось въ удѣльную эпоху литовскаго владычества. Въ то время, какъ было уже сказано въ первомъ очеркѣ (стр. 38—42), на Волыни существовало три удѣла потомковъ Гедимина-Луцкій, Владимирскій и Кременецкій: съ упраздненіемъ въ нихъ княжескихъ столовъ осталось три повѣта—Луцкій, Владимирскій и Кременецкій, — и въ нихъ урядники великаго князя. Княжескіе столы упразднились сначала въ Кременцѣ и Владимирѣ и затѣмъ уже въ Луцкѣ. Благодаря этому и великокняжескій урядникъ, утвердившійся въ Луцкѣ, въ резиденціи удѣльнаго князя всей Волынской земли, которому были подчинены сначала Луцкій и Кременецкій округа, а потомъ и Владимирскій, занялъ первое мѣсто среди великокняжескихъ урядниковъ Волынской земли, какъ ихъ глава и старшина. Этотъ урядникъ назывался сначала намѣстникомъ и воеводою, какъ и всѣ областные управители на югѣ Литовской Руси [908]). Свидригелло послѣ того, какъ захватилъ Волынь и вступилъ въ вассальныя отношенія къ Польшѣ, урядилъ свой дворъ по образцу королевскаго польскаго, и потому въ составѣ его пановъ-рады встрѣчаемъ канцлера, маршалка земскаго и дворныхъ маршалковъ, крайчаго и старостъ въ качествѣ областныхъ управителей; изъ старинныхъ русскихъ должностныхъ лицъ остались ключникъ въ Луцкѣ и тивуны въ отдѣльныхъ волостяхъ [909]). По смерти Свидригелла и съ упраздненіемъ удѣльнаго стола на Волыни изъ должностныхъ лицъ, составлявшихъ его раду, остались староста Луцкій и маршалокъ земскій, получившій теперь званіе маршалка Волынской земли, ключникъ и хоружій; званіе маршалка Волынской земли стало соединяться по большей части съ должностью старосты Луцкаго или намѣстника Владимирскаго; изъ областныхъ управителей только одинъ *Луцкій* оффиціально продолжалъ именоваться *старостою* [910]), а остальные

---

[908]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № I, VII, IX; Акты Зап. Рос. I, № 9.

[909]) Акты Зап. Рос. I, № 36, 37, 45; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 18, 19, 20; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № II, XXXVI, XLI, XLIV, XLVII, XLIX, LXVII.

[910]) *Wolffa* Senatorowie и dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 21—23.

стали называться намѣстниками, какъ и всѣ другіе областные правители, сидѣвшіе въ пригородахъ и на волостяхъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, и только изрѣдка, по старой памяти и въ частныхъ документахъ, старостами. Такимъ образомъ, напр., панъ Олизаръ Шиловичъ при Казимирѣ оффиціально назывался *намѣстникомъ Владимирскимъ*, въ частныхъ документахъ старостою [911]. Преемникъ его на Владимирскомъ урядѣ панъ Войтехъ Кучуковичъ называется въ актахъ также намѣстникомъ, напр., къ листѣ великаго князя Александра (1494 года), содержащемъ приказаніе ему слѣдить за тѣмъ, чтобы земяне Владимирскіе не возбраняли мѣщанамъ брать дерево на дрова на двѣ мили кругомъ Владимира [912]. Съ этимъ же титуломъ является и панъ Василій Хребтовичъ [913], и князь Юрій Ивановичъ [914], и панъ Өедоръ Янушковичъ [915], державшіе Владимиръ при Александрѣ. Послѣдній, когда ему пришлось во второй разъ, въ 1507 году, получить Владимиръ послѣ староства Луцкаго, которое онъ долженъ былъ уступить возвратившемуся изъ московскаго плѣна кн. Константину Ивановичу Острожскому, получилъ отъ короля Сигизмунда особый привилей на титулъ *старосты* [916], и съ того времени это названіе установилось прочно за правителемъ Владимирскаго повѣта. Такимъ образомъ, старостами Владимирскими называются князь Андрей Санкгушковичъ, державшій Владимиръ послѣ пана Өедора Янушковича, умершаго въ 1508 году [917], и сынъ его князь Өедоръ Андреевичъ, получившій Владиміръ въ держанье послѣ своего отца [918]. Правитель Кременецкаго повѣта сталъ называться снова старостою гораздо позже, чѣмъ Владимирскій, уже около 1529 года. *Намѣстниками Кременецкими* въ изучаемое время были: князь Александръ Санкгушковичъ [919], князь Андрей Михайловичъ Санкгушковича, державшій Кременецъ въ послѣдніе годы Казимирова правленья и въ первые годы Александрова [920], панъ Юрій Михайловичъ Монтовтовича въ послѣдніе годы княженья Александра и въ первые годы княженья Сигизмун-

911) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LVI, LVII, LXXIV, LXXV.
912) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 8, 9.
913) Ibidem, л. 35.
914) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 201.
915) Ibidem, л. 241, 242.
916) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.
917) Ibidem, 291, 292; Акты Зап. Рос. II, № 32.
918) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 93.
919) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 81.
920) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIX.

да [921]), братъ его Якубъ, которому король Сигизмундъ въ 1508 году далъ имѣнья Млыново и Пекулово въ Луцкомъ повѣтѣ [922]), и который является съ этимъ титуломъ еще въ актахъ 1524 года [923]). Впрочемъ, послѣдній называется иногда и *державцею* Кременецкимъ, напр., въ листѣ короля Сигизмунда до державцы Ейшишскаго пана Андрея Довойновича, содержащемъ приказъ, „абы державцы Кременецкому пану Якубу Монтовтовичу у Ейшишскомъ повѣтѣ двѣ земли пустовскихъ подати велѣлъ“ [924]), и *старостою* [925]).

Луцкій староста занялъ среди урядниковъ Волынской земли первое мѣсто, какъ ихъ глава и старшина. Г. Александръ Яблоновскій въ предисловіи къ изданной имъ ревизіи замковъ земли Волынской въ половинѣ XVI вѣка утверждаетъ, что первымъ сановникомъ и политическимъ представителемъ земли Волынской былъ ея маршалокъ: онъ былъ представителемъ верховной господарской власти во всей землѣ, непосредственнымъ намѣстникомъ великаго князя, предсѣдателемъ на „сеймахъ“ земли Волынской и, можетъ быть, наивысшимъ вождемъ, гетманомъ ея вооруженныхъ силъ [926]). Изъ этой характеристики вѣрно только одно, что маршалокъ земли Волынской былъ вождемъ мѣстныхъ вооруженныхъ силъ; все же остальное нужно отнести къ старостѣ Луцкому. Если маршалокъ земли Волынской и выступаетъ съ такимъ значеніемъ въ актахъ, то лишь потому, что это званіе давалось, по большей части, старшему намѣстнику въ землѣ Волынской—старостѣ Луцкому. Но староста Луцкій выступаетъ съ такимъ значеніемъ даже и тогда, когда онъ не носитъ званія маршалка земли Волынской. Такъ, напр., князья Збаражскіе, имѣнья которыхъ лежали въ Кременецкомъ повѣтѣ, дѣлились ими въ 1463 и 1475 гг. передъ старостами Луцкими, передъ паномъ Михаиломъ Монтовтовичемъ и кн. Александромъ Санкгушковичемъ, и маршалкомъ Волынской земли, намѣстникомъ Владимирскимъ, паномъ Олизаромъ Шиловичемъ; въ актахъ раздѣла на первомъ мѣстѣ фигурируютъ старосты, а не маршалокъ [927]). Староста Луцкій князь Семенъ Юрьевичъ Гольшан-

[921]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXIX, CXXX; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 151.

[922]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204.

[923]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 149.

[924]) Ibidem, л. 22. 23; Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. I, т. VI, № 4.

[925]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 95, 96.

[926]) Żródła dziejowe, tom VI, str. LVIII, LIX.

[927]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LVIII, LXXIV, LXXV.

скій, не бывшій еще маршалкомъ земли Волынской, предсѣдательствовалъ въ 1491 году на „соймѣ“ земли Волынской („со князьми и паны земли Волынской“), на которомъ разбиралось дѣло земянъ Цеценевскихъ съ княземъ Александромъ Сапкгушковичемъ о селѣ Новосельцахъ [928]); староста же Луцкій, кн. Ѳедоръ Михайловичъ Чорторыйскій, не бывшій маршалкомъ земли Волынской, судилъ въ 1529 году пана Щаснаго Якимовича съ кн. Дмитріемъ Буремскимъ „о разные кривды“, а съ нимъ „того смотрѣли: господинъ отецъ владыка Луцкій Макарей его милость, архимандритъ Жыдичынскій отецъ Арсеней его милость, а панъ Якубъ его милость Михайловичъ Монтовтовичъ, староста Кремяницкій, князь Василій Ѳедоровичъ Четвертенскій, князь Александръ Михайловичъ Вишневскій, князь Петръ Михайловичъ, городничій Троцкій, князь Солтанъ и князь Юрій Соколенскій, панъ Михайло Семашкевичъ, хоружій Волынскій, панъ Михайло Васильевичъ, писаръ господарскій, панъ Ѳедоръ а панъ Дашко Еловичы, панъ Якимъ Жасковскій, панъ Ѳедоръ Тайкурскій, панъ Михайло а панъ Ѳедоръ Гулевичы и иныи князи и панове“ [929]) и т. д. Староста Луцкій въ качествѣ главнаго урядника Волынской земли вѣдалъ въ административномъ отношеніи и Кременцкій повѣтъ этой земли, кромѣ своего Луцкаго. Поэтому и король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1508 г. земянамъ Вѣницкимъ: Левону Берендею, Антону, Ювладу, Вакулѣ и Павлу селище пустое Кузьминъ въ Кременецкомъ повѣтѣ на р. Случи и на Борчаевѣ, извѣщалъ о томъ старосту Луцкаго князя Константина Острожскаго [930]). Относительно Владимирскаго повѣта намъ не встрѣчалось подобныхъ указаній, и, повидимому, онъ стоялъ внѣ административнаго вѣдома старосты Луцкаго. Любопытно, что даже и въ качествѣ военачальника маршалокъ земли Волынской считался ниже старосты Луцкаго, состоялъ, такъ сказать, при его особѣ въ качествѣ спеціально военнаго урядника, его помощника, каковымъ онъ былъ нѣкогда при Волынскомъ князѣ. Такъ, король Казимиръ, пожаловавъ Ивану Луду войтовство Владимирское и Литовижское, „вызволилъ съ тыхъ обѣихъ войтовствъ на войну не ходити до его живота *зъ старостою Луцкимъ* и зъ намѣстникомъ Володимерскимъ и зъ маршалкомъ Волынское земли, и съ князи и съ паны Волынское земли“ [931]). Такимъ образомъ, староста Луцкій по должностному своему значе-

---

[928]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIX.
[929]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 95, 96.
[930]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 185.
[931]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 83.

нію въ изучаемое время близко подходитъ къ воеводамъ собственной Литовской и русскихъ земель и къ старостѣ Жмудской земли.

Прямымъ наслѣдіемъ удѣльной эпохи литовскаго владычества были и территоріальные предѣлы и составъ тѣхъ повѣтовъ, изъ которыхъ въ изучаемое время состояла Волынская земля. Относительно территоріальнаго состава ихъ нужно напередъ замѣтить, что уже въ изучаемое время мы встрѣчаемся съ количественнымъ преобладаніемъ крупныхъ княжескихъ и панскихъ имѣній на Волыни надъ господарскими волостями, которыя почти всѣ уже пошли въ раздачу мѣстнымъ князьямъ, панамъ и земянамъ.

Луцкій повѣтъ въ изучаемое время занималъ территорію, которая обнимала собою весь нынѣшній Луцкій уѣздъ, юговосточную часть Владимирскаго уѣзда, восточную часть Ковельскаго (преимущественно бассейнъ р. Стоходи), нѣкоторыя пограничныя мѣстности въ южной части Пинскаго уѣзда, весь Дубенскій, Ровенскій, Острожскій и Заславскій уѣзды и западную часть Новградволынскаго уѣзда по р. Случь.

Въ бассейнѣ р. Стоходи въ нынѣшнемъ Пинскомъ, Ковельскомъ и Луцкомъ уѣздахъ акты изучаемаго времени обозначаютъ, напр., слѣдующія селенія Луцкаго повѣта: *Червища* (нынѣ село на р. Стоходи Угриничской волости Пинскаго уѣзда)—одно изъ имѣній, подтвержденныхъ королемъ Казимиромъ пану Немиру Резановичу [932]); *Обзырь* (нынѣ село на р. Стоходи Ковельскаго уѣзда)—одно изъ имѣній, утвержденныхъ Казимиромъ за кн. Михаиломъ Курцевичемъ [933]); *Песочно Козлинецкой волости* (нынѣ село Повурской волости Ковельскаго уѣзда), пожалованное королемъ Казимиромъ Маску Сулевичу [934]); въ той же Козлинецкой волости: село *Поворско* (нынѣ Повурскъ Ковельскаго уѣзда), пожалованное князю Константину Ивановичу Острожскому [935]); село *Кречевичи* (нынѣ Уховецкой волости Ковельскаго уѣзда), подтвержденное въ 1452 году пану Казарину [936]), а впослѣдствіи перешедшее къ князю Сангушку [937]); въ *Мельницкой волости*: *Голобвы*, пожалованные королемъ Сигизмундомъ Тишку Козинскому вмѣстѣ съ тремя дворищами *въ Бруховичахъ* (нынѣ село

---

932) Акты Зап. Рос. I, № 54.

933) Starożytna Polska III, 515; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 29.

934) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54; Памятники Временной Кіевской Коммиссіи, т. IV, отдѣл. II, стр. 180—184.

935) Ibidem.

936) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56.

937) Памятники Временной Кіев. Коммиссіи т. IV, отд. II, стр. 180—184.

Голобской волости Ковельскаго уѣзда)[938]; *Мосори* (на р. Стоходи Голобской волости), подтвержденные въ 1496 году „на вѣчность" князю Ивану Путятичу, ключнику Луцкому[939]; *Подрѣже* (нынѣ село Подрыжъ), подтвержденное въ 1452 году пану Семашку Епифановичу[940]; *Велицкъ* (нынѣ село Ковельскаго уѣзда)—имѣнье отчинное князей Велицкихъ[941]; въ бассейнѣ же Стоходи упоминаются *Серховъ* (нынѣ село Бѣльсковольской волости Луцкаго уѣзда) и *Хорохоринъ* (Щуринской волости), пожалованныя Свидригелломъ нѣкоему Пѣшку[942].

По рѣкѣ Стыри и ея притокамъ въ нынѣшнемъ Владимирскомъ, Дубенскомъ и Луцкомъ уѣздахъ, кромѣ самого *замка Луцка* и его *мѣста*, акты изучаемаго времени упоминаютъ, напр., слѣдующія значительныя селенія Луцкаго повѣта: дворы *Серники* (нынѣ село Сернички на р. Сарнѣ Киселинской волости Владимирскаго уѣзда?), *Любче* (нынѣ село Рожищской волости Луцкаго уѣзда), *Гороховъ* (нынѣ мѣстечко Скобелецкой волости Владимирскаго уѣзда), *Марковичи* (тамъ же) и *Губинъ* (нынѣ село Чаруковской волости Луцкаго уѣзда), пожалованныя королемъ Казимиромъ пану Олизару Шиловичу съ приселками *Подлѣсцами* (Залѣсцы), *Доросиномъ* (нынѣ села Щуринской волости Луцкаго уѣзда) и *Поворскомъ* (нынѣ село Ковельскаго уѣзда, недалеко отъ мѣстечка Мельницы), которыя онъ выслужилъ на великомъ князѣ Сридригеллѣ „у Мельницкой волости"[943]. Дворъ Серники по смерти Олизара Шиловича перешелъ во владѣніе великаго князя, который въ 1502 году записалъ его на вѣчность князю Андрею Сангушковичу и его потомкамъ[944]; дворы Гороховъ и Любче съ приселками: Доросиномъ, Суткою (Руткою), Залѣсцами, панъ Олизаръ записалъ своей паньѣ Ѳедкѣ[945], которая въ свою очередь записала Гороховъ великому князю, а Любче съ приселками: Доросынемъ, Друзкою, Залѣсцами и Козинымъ Островомъ, сыну своей сестры кн. Богдану Васильевичу (изъ Друцкихъ)[946]; а этотъ оставилъ его брату своему

[938]) Ibidem. Срав. кн. Запис. VIII, л. 239—242.

[939]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 87.

[940]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 28.

[941]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 366.

[942]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 54.

[943]) Акты Запад. Рос. I, № 53.

[944]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 214.

[945]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXVIII.

[946]) Ibidem, № CXXXIX, CXL; *Bonieckiego* Poczet rodów w. W. Ks. Litewskiem w. XVi XVI wieku, str. 166.

Роману. Этотъ князь Романъ Васильевичъ сдѣлался родоначальникомъ князей Любецкихъ на Волыни [947]). Дворъ Гороховъ великій князь Александръ сначала отдалъ въ держанье, а потомъ въ вотчину на вѣчность пану Василью Хребтовичу [948]). Въ Луцкомъ же повѣтѣ король Казимиръ пожаловалъ *Буремли* (нынѣ село Боремель на р. Стыри Дубенскаго уѣзда), *Новоселки*, *Красовъ* (нынѣ село Холоневской волости Владимирскаго уѣзда) и *Сестрятинъ* (нынѣ село Крупецкой волости Дубенскаго уѣзда) князю Михаилу Курцевичу, отъ котораго пошелъ родъ князей Буремскихъ [949]). Въ 1504 году король Александръ пожаловалъ пану Мартину Хребтовичу имѣнье *Блудовъ* (нынѣ село Свобелецкой волости Владимирскаго уѣзда [950]); въ 1518 году король Сигизмундъ утвердилъ на вѣчность за паномъ Богушемъ Боговитиновичемъ село *Свинаринъ* (нынѣ Новодворской волости Владимирскаго уѣзда), половина котораго была въ Луцкомъ, а половина въ Володимирскомъ повѣтѣ [951]); село это въ 1506 году было записано пану Богушу городничимъ Луцкимъ Петрушкомъ Мушатичемъ [952]); въ 1512 онъ же утвердилъ за княгинею Михаиловою Ковечича и ея дѣтьми *Осмиговичи* (нынѣ село Новодворской волости Владимирскаго уѣзда) [953]).

Въ сосѣдствѣ съ упомянутыми селеніями и также по притокамъ р. Стыри разбросаны были селенія, составлявшія *Перемильскую волость* Луцкаго повѣта, на центральное селеніе которой указываетъ въ настоящее время село *Перемилье* на р. Стыри Берестечской волости Дубенскаго уѣзда. Такъ, король Казимиръ пожаловалъ въ Перемильскомъ повѣтѣ Юшку Довкгяловичу *Печихвосты* (нынѣ село Подберезской волости Владимирскаго уѣзда), *Скиргайлово*, *Бодачевъ* (нынѣ село Бодячевъ Княжской волости того же уѣзда) и *Смыковъ* (нынѣ село Дубенскаго уѣзда на границѣ съ Владимирскимъ) [954]); Андрею Волотовичу—село *Звиничую* (нынѣ село Холоневской волости Владимирскаго уѣзда) [955]), которое затѣмъ перешло во владѣнье князей

---

[947]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. I, № 7.

[948]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 35; VI. л. 189, 190.

[949]) Акты Южн. и Зап. Россіи I, № 29; Starożytna Polska III, 515.

[950]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 301.

[951]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 594, 595.

[952]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXI,

[953]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60.

[954]) Литов. Метр. кн, Запис. III, л. 55; Акты Запад. Рос. II, № 35.

[955]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56; VI, л. 162, 163. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXVIII.

Сангушковъ [955]); Митку, племяннику Немирину,—село *Липую* (нынѣ Липа Берестечской волости Дубенскаго уѣзда) [956]; какому-то Савостьяну—*Мирковъ* съ дворищемъ *Чернчичи* (нынѣ село Подберезской волости Владимирскаго уѣзда) [957]). Великій князь Александръ въ 1496 году утвердилъ на вѣчность за паномъ Θедкомъ Янушковичемъ *Колодези* въ приселкомъ *Жабкомъ* въ Перемильскомъ повѣтѣ (нынѣ села Колодежи и Жабче Чаруковской волости Луцкаго уѣзда), а за земяниномъ Хрѣнницкимъ имѣніе *Крупецъ* (нынѣ мѣстечко Дубенскаго уѣзда на р. Бѣлой Криницѣ). Къ Перемильскому же повѣту, по всѣмъ даннымъ, относилось и имѣніе *Хотень* (село Теслуговской волости Дубенскаго уѣзда), которымъ при Казимирѣ владѣлъ панъ Олизаръ Шиловичъ, записавшій его своей падчерицѣ княгинѣ Марьѣ Семеновнѣ Ровенской [958]); въ концѣ изучаемаго времени имѣнья *Корытень* (тоже село Теслуговской волости) и Хотень находились въ рукахъ земянъ [959]). — Перемильскій повѣтъ при Казимирѣ и Александрѣ отдавался въ держанье особому *намѣстнику* [960]). Впослѣдствіи, въ 1511 году, замокъ Перемиль съ селами, не розданными въ частныя руки, пожалованъ былъ князьямъ Вишневецкимъ [961]).

По рѣкѣ Стыри и ея притокамъ лежали селенія *„повѣта ключничества Луцкаго"*, большею частью, впрочемъ, розданныя въ изучаемое время въ частное владѣніе. Къ ключу Луцкому тянули господарскіе дворцы *Гнидава и Красное* подъ Луцкомъ (нынѣ село Гнидово на р. Стыри Милушской волости близъ Луцка и сельцо Красное) и села: *Свежъ*, *Кольчинъ*, *Подгайцы* (нынѣ села Кульчинъ и Подгайцы Большіе на р. Стыри Теременской волости Луцкаго уѣзда). Къ ключу Луцкому принадлежали также: дворъ *Садовъ* (нынѣ село Торчинской волости Луцкаго уѣзда), пожалованный королемъ Сигизмундомъ князю Ивану Юрьевичу Жеславскому [962]); дворъ *Жуковъ* (нынѣ село Жуковъ Клеванской волости Ровенскаго уѣзда), который король Сигизмундъ въ

---

[956]) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXVIII, L.

[957]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 64.

[958]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCI.

[959]) Литов. Метр. кн. Запис. л. XII, 87.

[960]) Памятники Временной Кіевской Коммиссіи, т. IV, отдѣлъ II, стр. 125; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXI.

[961]) *В. Антоновича и К. Козловскаго* Грамоты великихъ князей Литовскихъ, № 24.

[962]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 216, 217.

1516 году пожаловалъ пану Богушу Боговитиновичу, съ приселками: *Бѣлевымъ* (нынѣ село на р. Стубенкѣ Клеваньской волости), *Новымъ Ставомъ* (тамъ же) и *Гуменниками* (нынѣ деревня на р. Стублѣ Дятковичской волости того же уѣзда) и со всѣмъ, какъ на него держано было [963]). Дворъ Жуковъ былъ центромъ цѣлой волости или повѣта, который въ своемъ составѣ нѣкогда заключалъ не одни вышеупомянутые приселки. Такъ, въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Микитѣ Чапличу село конюшское *Радоховку* (нынѣ село Клеваньской волости Луцкаго уѣзда) [964]); въ 1501 году онъ же пожаловалъ князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому три дворища „Жуковского повѣта *у Клевани*" [965]); Клевань впослѣдствіи мы видимъ уже въ полномъ обладаніи князей Чорторыйскихъ [966]). — Центромъ особой волости „повѣта ключництва Луцкаго" былъ и дворъ *Торговица* (нынѣ мѣстечко Дубенскаго уѣзда на р. Иквѣ и Стыри). Торговица въ числѣ другихъ имѣній была пожалована королемъ Казимиромъ пану Немиру Резановичу [967]). По смерти его она спала на господаря, который „въ *Торговицкой волости* Луцкого повѣта" раздавалъ имѣнья, напр., въ 1509 году пожаловалъ село Полчае (нынѣ Пелча Козинской волости Дубенскаго уѣзда?) князю Константину Ивановичу Острожскому [968]). Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ дворъ свой Торговицу съ селами: *Рудлевомъ* (на р. Иквѣ Княгининской волости), *Боболокомъ* (тамъ же) и *Бѣлымъ Берегомъ* (нынѣ село Бѣлобережье Варковичской волости Дубенскаго уѣзда) князьямъ Корецкимъ, во владѣніи которыхъ онъ оставался потомъ въ теченіе всего изучаемаго времени [969]).—Къ ключу Луцкому тянула и *волость Млыновская*, въ которой король Сигизмундъ, напр., пожаловалъ Богдану Волчковичу боярское имѣніе *Привередовъ* (нынѣ село Переверодовъ Млыновской волости Дубенскаго уѣзда), при чемъ извѣщалъ объ этомъ ключника Луцкаго Андрушка Ѳедковича [970]). Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Якубу Монтовтовичу имѣнья Млыново (нынѣ мѣстечко на р. Иквѣ) и *Пекулово* (нынѣ село на р.

---

963) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.
964) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 211, 238.
965) Ibidem, л. 190.
966) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III, 10.
967) Акты Запад. Рос. I, № 54.
968) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.
969) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 166; XV, л. 84.
970) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 123.

Иквѣ Млыновской волости) въ Луцкомъ повѣтѣ, а въ 1511 году подтвердилъ ему эти имѣнья на вѣчность [971]). Листъ объ этомъ пожалованіи писанъ на имя князя Константина Ивановича Острожскаго, старосты Луцкаго, изъ чего видно, что кромѣ ключника эту волость вѣдалъ и староста Луцкій.—Акты упоминаютъ и о другихъ селахъ „повѣта ключництва Луцкаго", большею частью по поводу отдачи ихъ въ частныя руки. Таковы: село *Ставрово* (нынѣ Ярославичской волости Дубенскаго уѣзда), пожалованное великимъ княземъ Александромъ войту Луцкому Яну Сикгнатеру [972]); *Звѣровъ* (нынѣ село Романовской волости Луцкаго уѣзда), пожалованный на вѣчность въ 1494 году пану Богдану Гостьскому [973]); *Забороль* (нынѣ село Милушской волости Луцкаго уѣзда), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1516 году пожаловалъ земянину Олехну Козинскому два дворища [974]); *Сильно* (нынѣ село Цурманьской волости Луцкаго повѣта), пожалованное королемъ Сигизмундомъ кн. Кузьмѣ Заславскому; *Мыковъ* (близъ села Журавичъ Колковской волости)—пану Микитѣ Чапличу; *Журавичи*—пану Кошкѣ; *Козничи*—пану Дахну; *Красное Великое*—земянину Борзобогатому [975]); *Боруховъ* (нынѣ село Теременской волости Луцкаго повѣта), который король Сигизмундъ утвердилъ на вѣчность въ 1517 году за бояриномъ Яковомъ Кузьминымъ [976]).

Къ замку Луцкому тянули *волости Чернчегородская* (на мѣстоположенье Черча-городка указываетъ теперешнее село Черникъ Гарасиловской волости Луцкаго уѣзда) и *Колковская*, въ которой, напр., король Сигизмундъ въ 1513 году подтвердилъ на вѣчность земянину Кіевскому Ивашку Андреевичу Фурсу село Разничи [977]).—Акты упоминаютъ и о многихъ другихъ селеніяхъ Луцкаго повѣта, разбросанныхъ среди перечисленныхъ волостей, которыя тянули или къ ключу, или къ замку, т. е. старостьу Луцкому. Таковы были, напр., *Несвичъ*

---

[971]) Starożytna Polska 516; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204; IX, л. 51, 52.

[972]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 157.

[973]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 14; Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № XIX.

[974]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 1; Памятники Временной Кіевской Коммиссіи т. IV, отд. II, стр. 161—167.

[975]) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № XIX.

[976]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 58; Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII т. I, № XIX.

[977]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 576; Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № XIX; Памятники Времен. Кіевск. Комм. т. IV, отд. II, стр. 161—167.

(нынѣ село Чаруковской волости Луцкаго уѣзда)—родовое гнѣздо князей Несвицкихъ, отъ которыхъ пошли князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Порицкіе и Воронецкіе [978]; *Полоное* (нынѣ село къ югу отъ Луцка на р. Тыквѣ), пожалованное королемъ Казимиромъ пану Гаштольду въ вотчину [979]; *Шепле* (нынѣ село Шепель Торчинской волости Луцкаго уѣзда), купленное княземъ Острожскимъ у земянина Миколая Бернатовича [980]; *Жидичинъ* на р. Стыри ниже Луцка [981]; *Ярославичи* (нынѣ село на р. Стыри Дубенскаго уѣзда) съ приселками *Подлѣсцами* и *Городницею* (нынѣ сельца близъ Ярославичъ), *Рыкани* (нынѣ села большіе и Малые Рыкани Дубенскаго уѣзда на границѣ съ Луцкимъ) съ дворищами Лавровскими (неподалеку въ Луцкомъ уѣздѣ находится село Лаврово) и *Добрятинъ* (нынѣ с. на р. Иквѣ Млыновской волости Дубенскаго уѣзда), пожалованныя королемъ Казимиромъ пану Семашку Епифановичу [982]; *Дернъ*, *Полжъ* и *Водерады* (нынѣ село Дерно Покощевской волости Дубенскаго уѣзда, Пелжа-Малинской и сельцо Одерадъ), утвержденныя въ 1452 году за Пашкомъ Духновичемъ [983]; *Острожецъ* (нынѣ мѣстечко Малинской волости Дубенскаго уѣзда) —имѣнье князей Острожецкихъ, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1522 году позволилъ имъ осадить мѣсто и учредить торгъ [984].

По р. Стыри въ сосѣдствѣ съ Черничегородскою волостью лежали отчинныя владѣнья князей Четвертеньскихъ, по традиціи родословныхъ, изъ рода Рюриковичей [985]. Ихъ „головнымъ“ имѣніемъ была *Четвертня* (нынѣ мѣстечко Годомичской волости Луцкаго уѣзда на р. Стыри); кромѣ того, имъ принадлежали: *Вышковъ* (на р. Стыри близъ Луцка), *Луковъ*, *Навозъ*, *Годомичи* (нынѣ село на р. Стыри Годомичской волости Луцкаго уѣзда), *Копыли* (нынѣ село Колковской волости Луцкаго уѣзда), *Сускъ* (нынѣ село Тростенецкой волости того же уѣзда), *Славотичи* (тамъ же), *Пасачевичи* и *Олишковичи*, какъ

---

978) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 156—158; *Bonieckiego* Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem w XV i XVI wieku, str. 209—212.

979) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 64.

980) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

981) Акты Зап. Рос. II, № 29, II.

982) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56, Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 28.

983) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 55; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXIV.

984) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 83.

985) См. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XI.

это видно изъ завѣщанья паньи Богданы, жены пана Ивана Андреевича Сопѣги, урожденной княжны Четвертеньской [986]. Изъ дѣла пана Ивана Андреевича Сопѣги и его шурьи, князей Четвертеньскихъ, съ земянами Луцкими Өедоромъ Оношковичемъ и Иваномъ Русинымъ, разбиравшагося въ 1528 году, узнаемъ, что князьямъ Четвертеньскимъ, кромѣ перечисленныхъ имѣній, принадлежали: *Соколь* на р. Стыри (нынѣ мѣстечко Годомичской волости),—отчего трое изъ нихъ, Василій Солтанъ и Юрій, называются Сокольскими,—*Лютогощь* съ приселками *Корсынемъ*, и *Орѣховомъ* (нынѣ сельцо Литогосци и Корсынь Велицкой волости Ковельскаго уѣзда), *Подлѣсье* (тамъ же), *Смердынь* (нынѣ сельцо близъ Сокуля), *Чолница* и *Сокиричи* (нынѣ сельца на р. Коноплѣ, впадающей въ Стырь выше Сокуля), *Орсоновъ Ставъ* и *Нарудъ* [987].

На р. Стыри и ея притокахъ расположенъ былъ, наконецъ, *Чорторыйскъ* съ своими приселками, удѣлъ потомковъ князя Константина Ольгердовича [988]. Удѣлъ князей Чорторыйскихъ несомнѣнно входилъ въ составъ Волынской земли: князья эти, какъ повѣтники Луцкіе, участвовали на мѣстныхъ сеймахъ [989], какъ крупные землевладѣльцы, получали важнѣйшіе уряды въ землѣ Волынской, напр., староство Луцкое—князь Өедоръ Михайловичъ [990]. Кромѣ Чорторыйска, князьямъ этимъ принадлежали еще замки *Клевань* и *Бѣлгородъ* съ мѣстами, пожалованные Свидригелломъ князю Михаилу Васильевичу Чорторыйскому, *Пересопница* (нынѣ с. на р. Стублѣ Ровенскаго уѣзда), пожалованная князю Өедору Михайловичу королемъ Александромъ [991], *Холопы* на р. Случѣ (нынѣ село Моквинской волости Ровенскаго уѣзда), пожалованные въ 1451 году князю Михаилу Васильевичу [992]. Князь Михаилъ, кромѣ того, получилъ богатое наслѣдство отъ пана Немира Резановича, на дочери котораго онъ былъ женатъ. Въ Луцкомъ повѣтѣ ему достались дворъ *Сельцо* (нынѣ село на р. Случи Березенской волости Ровенскаго уѣзда) и *Мстишинъ* (нынѣ

---

[986]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 189.

[987]) Литов. Метр кн. Запис. XV, л. 19—21

[988]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 95—100; *K. Stadnickiego* Bracia Władysława Jagełły, str. 380—397.

[989]) Памятники Временной Кіевской Коммиссіи т. IV, отд. II, стр. 42.

[990]) О принадлежности Чорторыйска къ составу Волынской земли см. Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III, 10.

[991]) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. I, т. I, № 2. Starożytna Polska III, 49, 51.

[992]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 99.

село на р. Стыри Лавровской волости Луцкаго уѣзда), имѣнья *Сернъ*, *Чаруковъ* (нынѣ село на р. Нарвѣ Луцкаго уѣзда), *Шпрахи* (нынѣ Шпраги недалеко отъ Чарукова), *Горки* [993]) и т. д.

Сосѣдями князей Чорторыйскихъ по владѣніямъ были князья Гольшанскіе-Дубровицкіе, какъ это видно изъ одного дѣла между ними „о покаженьѣ границъ“, которое разбиралось въ 1528 году [994]). Ихъ главнымъ имѣньемъ была *Дубровица*, нынѣ мѣстечко Ровенскаго уѣзда на р. Горыни.

Область р. Горыни или такъ называемая Погорина въ изучаемое время принадлежала большею частью князьямъ Острожскимъ. Родовое гнѣздо ихъ *Острогъ* упоминается въ числѣ городовъ, принадлежащихъ „къ Луцкой землѣ“, еще въ договорѣ Польскаго короля Казимира III, заключенномъ въ 1366 году съ князьями литовскими Кейстутомъ, Явнутомъ и Любартомъ [995]). Въ 1386 году Ягелло и Витовтъ подтвердили князю Ѳедору Даниловичу Острожскому замокъ его Острогъ и волости (cum districtibus), къ нему тянувшія, а именно: *Корецъ* (нынѣ мѣстечко на притокѣ Случи Курчикѣ Новградволынскаго уѣзда), *Заславъ* (нынѣ уѣздный городъ Волынской губерніи), *Хлапотинъ* (нынѣ мѣстечко Красноставъ Бересдовской волости Новградволынскаго уѣзда), *Иванинъ* (нынѣ село Иванье на р. Иквѣ Дубенскаго уѣзда?), *Хрестовичъ* (нынѣ село Христовка Терновской волости Заславскаго уѣзда?), *Красне* (нынѣ село Красное на р. Стыри Княгининской волости Дубенскаго уѣзда?) *Крупу* (нынѣ село на р. Стыри Романовской волости Луцкаго уѣзда) [996]). Въ 1396 году Витовтъ подтвердилъ снова князю Ѳедору Даниловичу Острогъ, „какъ отецъ его держалъ, и зъ селы, и зо всимъ, што къ тому прыслушаетъ, какъ при отци его было“. Между прочимъ, онъ подтвердилъ ему записанное ему владѣльцемъ еще въ 1385 [997]) село *Бродовъ* (нынѣ село на р. Горыни Хоровской волости Острогскаго уѣзда), и придалъ села: *Радоселки* (нынѣ Радошовка, село Барбаровской волости Заславскаго уѣзда на р. Горыни?), *Радогощь* (нынѣ село Большая Радогощь Переросльской волости того же уѣзда), *Межириче* (нынѣ село на р. Виліи, недалеко отъ впаденія ея въ Горынь того же уѣзда), *Дьяковъ* (нынѣ село Жуковской волости Заславскаго уѣзда), *Свищовъ* (нынѣ село Ярославичской волости

993) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. III, т. I, № II, 3, 5, 10.
994) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51.
995) Skarbiec dyplomatów, I, № 432.
996) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № VI.
997) Ibidem, № II.

Дубенскаго уѣзда) съ приселками *Озеранами и Городницею* [999]).—Корецкъ, впрочемъ, вскорѣ отошелъ отъ князя Острожскаго и сдѣлался отчиннымъ владѣніемъ потомковъ князя Александра Патрикѣевича Стародубскаго [1000]).—Что касается Заслава, то онъ съ теченіемъ времени отдѣлился отъ Острога, какъ особый удѣлъ князя Юрья Васильевича и его потомковъ, прозывавшихся поэтому князьями Заславскими [1001]).—Городъ Острогъ достался брату Юрья—Ивану, который передалъ его сыновьямъ Михаилу и Константину. Этимъ князьямъ в. князь Александръ въ 1494 году пожаловалъ замокъ *Полоный* (нынѣ мѣстечко на р. Хоморѣ Новградволынскаго уѣзда) [1002]). По смерти брата князь Константинъ одинъ владѣлъ всѣмъ отцовскимъ достояніемъ, при чемъ съ соизволенія в. князя Александра построилъ замокъ въ селѣ Дубнѣ и обратилъ его въ мѣсто (нынѣ уѣздный городъ) [1003]). Князь Константинъ Ивановичъ къ отчиннымъ владѣніямъ присоединилъ много другихъ, пожалованныхъ ему отъ великихъ князей или купленныхъ имъ. Такъ, въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ ему въ Луцкомъ повѣтѣ имѣніе *Вздолбицу* (нынѣ село Здолбица Острогскаго уѣзда) и *Глиньско* (нынѣ чешская колонія Дятковичской волости Ровенскаго уѣзда), которыя принадлежали нѣкогда пану Олизару Шиловичу, а потомъ, по смерти его жены, спали на господаря [1004]),—дворы и тянувшія къ нему села: *Дермань, Кунинъ, Уѣздцы, Коршовъ* (нынѣ села Мизочской волости Дубенскаго уѣзда), *Долбуновъ, Урвени, Лебеди* (Здолбицкой волости Острожскаго уѣзда), *Богдашовъ* (нынѣ село Дятковичской волости Ровенскаго уѣзда) [1005]). Благодаря браку своему (второму) съ дочерью бывшаго старосты Луцкаго князя Семена Юрьевича Гольшанскаго, князь Константинъ пріобрѣлъ замокъ *Степань* (нынѣ мѣстечко на р. Горыни Ровенскаго уѣзда) съ мѣстомъ и волостьми, который въ началѣ XV вѣка принадлежалъ какимъ-то

---

[999]) Codex epistolaris Vitoldi, № CXXVII; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XX, LXIV.

[1000]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 18, 19.

[1001]) Starożytna Polska III, 104; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXVI.

[1002]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLI, CXLIII.

[1003]) Ibidem, № CXV.

[1004]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXVIII; Акты Запад. Рос. I, № 138; *В. Антоновича и Козловскаго* Грамоты великихъ князей Литовскихъ, № 7.

[1005]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXIV.

князьямъ Степаньскимъ, повидимому Рюриковичамъ, а затѣмъ перешелъ къ князьямъ Гольшанскимъ [1006]). Король Сигизмундъ утвердилъ за нимъ этотъ замокъ и съ волостьми, которыя держалъ князь Юрій Ивановичъ Дубровицкій „до воли господарской" [1007]). Вмѣстѣ съ этими волостями князь Константинъ получилъ, повидимому, и имѣнье *Головинъ* (нынѣ село Ровенскаго уѣзда), пожалованное князю Семену Юрьевичу Гольшанскому королемъ Александромъ въ 1502 году [1008]). Изъ имѣній, полученныхъ за второю женою, князь Константинъ согласно духовному завѣщанію тещи своей, княгини Настасьи, уступилъ Кіевопечерскому монастырю дворъ *Городокъ* съ присолками *Обаровымъ* и *Лобковщиною* на Волыни (нынѣ села Городецкой волости Ровенскаго уѣзда) [1009]). Дворъ Городокъ съ селами: *Караевичами*, Обаровымъ и *Тыннымъ* (нынѣ села Ровенской волости Ровенскаго уѣзда) при королѣ Казимирѣ былъ отчиннымъ владѣніемъ князя Солтана Збаражскаго [1010]), отъ котораго по наслѣдству перешелъ къ брату его Семену съ селами: *Студянкою* [1011]), *Бегонемъ*, Караевичами, *Добринемъ*, *Климентовомъ*, Обаровомъ (нынѣ села Городецкой волости Ровенскаго уѣзда) [1012]), отъ него къ племяннику Михаилу Васильевичу, который уступилъ его дочери покойнаго дяди Семена Колоденскаго, княжнѣ Настасьѣ, а та въ свою очередь записала мужу кн. Семену Юрьевичу Гольшанскому вмѣстѣ съ *Косковомъ* и *Заборолемъ* (село Кустинской волости Ровенскаго уѣзда) [1013]). Путемъ покупки у пана Яна Довойновича князь Константинъ пріобрѣлъ „въ земли Волынской у Луцкомъ повѣтѣ" имѣнье *Сатыевъ* (нынѣ село Сатіевъ на р. Стубенкѣ Дубенскаго уѣзда) съ приселками: *Дятковичами*, *Львовомъ*, *Жорновками*, *Перемиловцами* и *Радовомъ* (нынѣ села близъ Сатіева); король Сигизмундъ утвердилъ за нимъ покупку и позволилъ ему въ этомъ имѣньѣ „замокъ збудовати и мѣсто осадити и торгъ на каждой недѣлѣ въ четвергъ мѣти" [1014]). Изъ подтвержденья короля Сигизмунда, дан-

---

1006) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 21, 22; Starożytna Polska III, 519, 520; Акты Запад. Рос. II, № 157.

1007) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 500, 501.

1008) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXII.

1009) Акты Запад. Рос. II, № 96.

1010) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LVII.

1011) Ibidem, № LXXV.

1012) Ibidem, LXXX.

1013) Ibidem, № LXXXIII, XCIII.

1014) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 22; XV, л. 45.

наго въ 1527 году князю Константину Ивановичу на торги въ имѣньяхъ его, узнаемъ о принадлежности ему замковъ *Ровнаго* и *Дорогобужа*. При Свидригеллѣ въ мѣстности Ровнаго находилась *волость Басово* (нынѣ Басовъ Кутъ Ровенскаго уѣзда), въ составъ которой, кромѣ села Басова, входили и села *Ровное* и *Ляхово* (нынѣ село Острожскаго уѣзда) [1015]. Замокъ Ровное былъ выстроенъ княземъ Семеномъ Васильевичемъ Несвицкимъ въ селѣ того же имени, которое онъ купилъ „съ призволенья короля Казимира въ Луцкомъ повѣтѣ" у земянина Дичка Васильевича [1016], и въ началѣ княженья Сигизмунда принадлежалъ вдовѣ и дѣтямъ этого князя Семена [1017]. Когда и какимъ путемъ Ровное перешло къ князю Острожскому, на это намъ не удалось найти указанія въ источникахъ. Что касается Дорогобужа, (нынѣ село Гощанской волости Острожскаго уѣзда), то въ 1509 году онъ былъ еще господарскою волостью, въ которой староста Луцкій давалъ своимъ слугамъ держать „намѣстничство" по годамъ [1018]. Когда онъ перешелъ во владѣніе къ князю Острожскому, также неизвѣстно.

Луцкій повѣтъ захватывалъ собою и часть бассейна р. Случи (лѣвые притоки). Кромѣ упомянутыхъ выше селеній, здѣсь расположены были, напр., поселки *Березенскаго повѣта*, занимавшаго часть Волынскаго Полѣсья (Березна — мѣстечко на р. Случи Ровенскаго уѣзда): король Казимиръ далъ одинъ изъ этихъ поселковъ, село данное *Яблонно* (нынѣ село Печаловской волости Ровенскаго уѣзда), Пашку Духновичу, отъ котораго оно перешло къ дочери, а отъ этой послѣдней къ князю Андрею Михайловичу Сангушковичу [1019]. — Въ 1522 году декабря 20 король Сигизмундъ далъ князю Константину Ивановичу Острожскому шесть службъ людей „у Луцкомъ повѣтѣ близко Житомира за Полонымъ *у Сиковѣтрѣхъ* и *въ Рогачевѣ*" (нынѣ мѣстечко на р. Случи Новградволынскаго уѣзда).—Въ Волынскомъ Полѣсьѣ находилась и *Городенская волость* Луцкаго повѣта, въ которой великій князь Александръ въ 1498 году далъ земянину Олизару Петрашковичу Тресцѣ два дворища взамѣнъ его имѣнья *Окунина*,

---

1015) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XXXI.

1016) Ibidem, № LVI.

1017) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 158, 159.

1018) Акты Запад. Рос. II, № 54.

1019) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 55; IX, л. 175; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXIV.

отданнаго князю Острожскому [1020]). Городно—нынѣ мѣстечко Пинскаго уѣзда при озерѣ Городенскомъ.

Въ означенныхъ предѣлахъ Луцкій повѣтъ занималъ большую часть Волынской земли, вслѣдствіе чего названія „земля Луцкая“ и „земля Волынская“ являются часто равнозначащими. Такъ, въ одномъ перечнѣ листовъ, разосланныхъ при королѣ Казимирѣ по областямъ великаго княжества, читаемъ: „Листы до старосты Володимерского и и до всихъ князей и пановъ и земянъ повѣта Володимерского“, а вслѣдъ за тѣмъ; „листы, до всихъ князей и пановъ и земянъ земли Волынской“ [1021]).

Извѣстный договоръ литовскихъ князей съ королемъ Польскимъ 1366 года упоминаетъ въ составѣ Владимирскаго повѣта, кромѣ собственной *Владимирской*, еще слѣдующія *волости*: *Ветлы* (нынѣ село на р. Припяти Великоглушской волости Ковельскаго уѣзда), *Любяжъ* (теперь деревня Лубядзь при озерѣ того же имени въ Пинскомъ уѣздѣ), *Черный Городокъ*, *Камѣнь* (нынѣ село Каменный Коширскъ Ковельскаго уѣзда), *Мельница* (въ изучаемое время она принадлежала, какъ мы уже видѣли, къ Луцкому повѣту), *Городло* (нынѣ мѣстечко Люблинской губерніи на р. Бугѣ), *Любомль* (нынѣ мѣстечко Владимирскаго уѣзда), *Турчинъ* (нынѣ мѣстечко Торчинъ Луцкаго уѣзда на границѣ съ Владимирскимъ), *Ратно* (нынѣ мѣстечко Горникской волости Ковельскаго уѣзда на р. Припяти), *Кошерскъ* или *Кошоръ* (нынѣ село Старые Кошоры Ковельскаго уѣзда), *Влучимъ* (нынѣ село Овлучимъ къ сѣверозападу отъ Владимира во Владимирскомъ уѣздѣ [1022])—Ратно, Ветлы и Любомль послѣ того являются въ держанье князя Θедора Ольгердовича [1023]), отъ котораго Ратно (и Ветлы?) съ утвержденья короля Ягелла перешло въ держаньѣ къ его сыну Сангушку [1024]); король Казимиръ въ 1443 году отдалъ князю Сангушку Ратно и Ветлы уже въ вотчину [1025]). Сангушко, владѣвшій также и Кошерскомъ, получилъ отъ короля Казимира во Владимирскомъ повѣтѣ имѣнья *Хвалимичи* (нынѣ сельцо Фалимичи на р. Лугѣ), *Заечичи* и *Шишковичи* взамѣнъ имѣнья Тростяницы, выслуженнаго имъ на в. князѣ Сигизмундѣ и отобраннаго Казимиромъ; эти имѣнья оставались во

[1020]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 105.
[1021]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 269.
[1022]) Scarbiec dyplomatów I, № 432.
[1023]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 116—118.
[1024]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XXXIII.
[1025]) Ibidem, № XXXIX.

владѣніи князей Сангушковичей въ теченіе всего изучаемаго времени [1026]). Родъ кн. Сангушковичей въ третьемъ поколѣніи распался на три вѣтви, владѣвшія удѣлами: *Кошерскомъ*, *Ковлемъ* (нынѣ уѣздный городъ Владимирской губерніи) и *Несухойжами* (нынѣ мѣстечко на р. Туріи Владимирскаго уѣзда) [1027]). Послѣднее имѣнье перешло къ князьямъ Сангушковичамъ отъ родственной линіи князей Кобринскихъ, родоначальнику которыхъ, князю Роману Өедоровичу Ольгердровича, оно было пожаловано великимъ княземъ Витовтомъ вмѣстѣ съ *Милановичами* (нынѣ Миляновичи Старокошарской волости Ковельскаго уѣзда). Изъ акта раздѣла имѣній между княземъ Андреемъ Александровичемъ и его невѣсткою княгинею Анною съ сыномъ Андреемъ Михайловичемъ видно, что къ этимъ имѣньямъ кн. Сангушковичей тянули села: къ двору Несухойжамъ — *Грабово*, *Сыново*, *Березово* и *Торговище* (нынѣ села Нецовской и Турійской волости Ковельскаго повѣта); къ Кошерскому двору—*Мѣзово* (нынѣ село Мизовъ Сѣдлищской волости Ковельскаго уѣзда), *Рѣчица* (нынѣ Хотѣшовской волости того же уѣзда), *Кругиль*, *Тупалы* и *Городенецъ* (нынѣ села Старокошарской волости того же уѣзда); къ Кошору принадлежалъ и городъ *Каменъ* съ селомъ *Мостищами* и дворъ *Бужковичи* во Владимирскомъ повѣтѣ (нынѣ село Хоровской волости Владимирскаго уѣзда) съ селомъ *Ворищемъ* и *Лысовцами* [1028]).

Въ повѣтѣ Владимирскомъ, кромѣ того, находились: замокъ *Литовижъ* (нынѣ село на р. Бугѣ Заболотецкой волости Владимирскаго уѣзда), *Сельцо* (нынѣ деревня Селецъ на р. Туріи Турійской волости Ковельскаго уѣзда), *Торговище* (нынѣ село той же волости), утвержденныя королемъ Казимиромъ за паномъ Немирою Резановичемъ, а также приданныя ему самимъ Казимиромъ: *Зѣмно* (нынѣ село Зимно при рѣчкѣ Лугѣ Зарѣчанской волости Владимирскаго уѣзда), *Бубново* (нынѣ село Грибовицкой волости того же уѣзда), *Честный Крестъ* (нынѣ село на р. Лугѣ Микуличской волости того же уѣзда), *Марковъ Ставъ* (нынѣ село при р. Лугѣ къ югу отъ Владимира), *Сернинаве* [1029]). Эти же имѣнья принадлежали и сыну пана Немиры — Якову Войнѣ и, кромѣ того, нѣкоторыя другія, напр., *Жджары* (нынѣ село Жджари на р. Бугѣ Заболотецкой волости), *Заболотцы* (нынѣ село Заболо-

---

[1026]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 332, 333; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCI.

[1027]) *Wolffa* Ród Gedymina, str. 125.

[1028]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLVII.

[1029]) Архивъ Юго-Запад. Рос. ч. VII, т. I, № III.

тецкой волости Владимирскаго уѣзда), *Грибовица* (село Владимирскаго уѣзда) и друг.. Литовижъ съ тянувшими къ нему селами при Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова княженья былъ въ непосредственномъ господарскомъ владѣніи [1030]), но въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ его князю Θедору Михайловичу Чорторыйскому „съ войтовствомъ и манастыромъ св. Николы, и съ селы и людьми монастырскими, и селища Зчарки". [1031]). Митку, племяннику Немиры, в. князь Свидригелло въ 1450 году пожаловалъ, а король Казимиръ въ 1452 году подтвердилъ „у Володимерьскомъ повѣтѣ *Будятичи* а *Тишковичи* (нынѣ села Грибовицкой волости Владимирскаго уѣзда), а *Дубровица* а *Лѣшная* (нынѣ село Лишня Заболотецкой волости того же уѣзда) и *Стяги* со всѣми тыми доходы и приходы, што къ тымъ селомъ широко и округло слушаетъ" [1032]).—Во Владимирскомъ же повѣтѣ находились: дворъ *Турійскъ съ волостью*, къ которой между прочимъ принадлежали села *Болблы, Соловичи и Сельцо* (нынѣ села Турійской волости Ковельскаго уѣзда); этотъ дворъ съ селами король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1516 году кн. Роману Андреевичу Сангушковича [1033]); *Свинюхи* (нынѣ мѣстечко Владимирскаго уѣзда), пожалованные въ 1512 г. Сигизмундомъ писарю Михаилу Васильевичу [1034]) съ приселками *Корытницею, Войниномъ* (нынѣ села Свинюхской волости) и *Пустомостьемъ* (нынѣ село Пустомостье Свобелецкой волости Владимирскаго уѣзда [1035]); *Верба* (нынѣ село Владимирскаго уѣзда) съ приселками *Могильномъ, Гнойномъ, Рудами, Блаженикамн и Красноселками* (нынѣ села Вербской волости), которую король Александръ пожаловалъ пану Солтану; *Мокрецъ* (нынѣ село Вербской волости), пожалованный князю Михаилу Козекѣ [1036]), село *Соминъ* (нынѣ Перевальской волости Владимирскаго уѣзда), которое при королѣ Казимирѣ держалъ панъ Казаринъ вмѣстѣ съ *Вербою, Могильномъ, Смедынемъ и Угѣгощемъ* [1037]), при Александрѣ Ивашко Русиновичъ [1038]), а

[1030]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 83; VIII, л. 199.
[1031]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 1, 2.
[1032]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XLVIII, L.
[1033]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 111, 112; VIII, л. 199.
[1034]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 551, 552.
[1035]) Памятники Временной Кіевской Коммиссіи IV, отд. II, стр. 177—179.
[1036]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 201.
[1037]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 56.
[1038]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93.

послѣ него князь Михаилъ Сангушковичъ [1039]); *Тумичовъ* (нынѣ деревня Тагачинской волости Ковельскаго уѣзда), пожалованный великимъ княземъ Александромъ князю Петру Головнѣ [1040]), который въ свою очередь продалъ его князю Ковельскому [1041]); село *Холопечь* (нынѣ Холопичи на р. Туріи Киселинской волости Владимирскаго уѣзда), пожалованное Свидригелломъ Пашку Прокофьевичу [1042]); село *Свинаринъ* (нынѣ Новодворской волости Владимирскаго уѣзда), на половину лежавшее въ Луцкомъ повѣтѣ, утвержденное королемъ Александромъ за Петромъ Мушатичемъ [1043]), а имъ записанное пану Богушу Боговитиновичу [1044]); села *Конюхи*, *Завидовъ*, *Защитовъ* и *Бѣлое Поле* (Свинюхской и Порицкой волостей Владимирскаго уѣзда), отданныя князю Котерскому [1045]); села *Хмелево* (Микуличской волости Владимирскаго уѣзда) и *Вербично* (Тагачинской волости?), отданныя князьямъ Чорторыйскимъ [1046]); *Ружинъ*, *Ставокъ*, *Кулчинъ* и *Горовъ* (нынѣ село Ружинъ Старокошарской волости Ковельскаго уѣзда, подлѣ котораго находятся Ставокъ и Кульчинъ) — имѣнья князей Роговицкихъ; *Крухиничи*, *Павловичи* (нынѣ села Хоровской волости Владимирскаго уѣзда), *Овадно*, *Туропино* (нынѣ села Вербской волости того же уѣзда) и *Бискупичи* (нынѣ село Грибовицкой волости) — имѣнья князей Козекъ [1047]); *Порицкъ* — родовое имѣнье князей Порицкихъ, вѣтви Збаражскихъ [1048]); *Выжва* на р. того же имени, впадающей въ Припять [1049]). Къ концу княженья Сигизмунда I почти всѣ селенія Владимирскаго повѣта были въ частныхъ уже рукахъ, а при замкѣ Владимирскомъ оставалась только *волость Смидинская* (нынѣ село Смидинъ Маціовской волости Ковельскаго уѣзда) [1050]).

Всѣ перечисленныя селенія разбросаны по бассейну верхней Припяти, ея притоковъ — Выжвы, Туріи и частью Стоходи, а также

[1039]) Памятники Времен. Кіевской Коммиссіи IV, отд. II, стр. 177—179.
[1040]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 80.
[1041]) Памятники Времен. Кіевской Коммиссіи IV, отд. II, стр. 177—179.
[1042]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XLIX.
[1043]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 157, 158.
[1044]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXI.
[1045]) Памятники Временной Кіевской Коммиссіи IV, отд. II, стр. 15.
[1046]) Ibidem, стр. 15, 177—179; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55, 220.
[1047]) Памятники Врем. Кіев. Комм. IV, отд. II, стр. 15.
[1048]) Starożytna Polska, III, 63.
[1049]) Ibidem, str. 73.
[1050]) Памятники Временной Кіевской Коммиссіи IV, отд. II, стр. 32, 33.

по бассейну р. Луги и другихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Западный Бугъ справа, приблизительно до озера Свитяжа. Такимъ образомъ Владимирскій повѣтъ заключалъ въ себѣ почти всю территорію нынѣшняго Владимирскаго и Ковельскаго уѣздовъ, а также небольшія части Пинскаго и Луцкаго уѣздовъ.

Кременецкій повѣтъ занималъ часть Дубенскаго уѣзда (по р. Иквѣ), югозападную часть Острогскаго, Кременецкій и Староконстантиновскій уѣзды, южную половину Заславскаго уѣзда, сѣверную часть Провскуровскаго и Литинскаго уѣздовъ Подольской губ., сѣверовосточную часть Тарнопольскаго и юговосточную Бродскаго округовъ восточной Галиціи. Наиболѣе крупными владѣтелями въ Кременецкомъ повѣтѣ были князья Збаражскіе, имѣнья которыхъ по актамъ обозначаются въ полномъ составѣ. Въ 1463 году князья Семенъ, Солтанъ и Михаилъ Васильевичи Збаражскіе дѣлились передъ паномъ Михаиломъ Монтовтовичемъ, старостою Луцкимъ, своею отчиною. При этомъ князю Василью достался городъ *Збаражъ* (нынѣ мѣстечко Тарнопольскаго округа австрійской Галиціи) и села: Янковцы, Обаринцы, Ивачовъ Нижній, Согнѣковцы, Опрѣливцы, Лозовое, Охремовцы, Черниковцы, Верняковцы, Залуже, *Занковцы*, *Литовскій Кутъ*, *Рябинцы*, Тарасовцы, Розношинцы, *Оскрятинцы*, Мосоревцы, *Гдѣхонецъ съ Волохами подъ Мечитовомъ*, Лабянка, Багловъ, Гущинцы, Новое село, два Стріевцы, Клебановцевъ половина, Шейпаковцы, Гнилица, *Морозовцы*, *Моисеевцы*, Волочища (всѣ эти села, за исключеніемъ напечатанныхъ курсивомъ, легко найдти въ настоящее время въ Тарнопольскомъ округѣ близъ Збаража по р. Серету, верхней Гнизнѣ, впадающей въ Серетъ, и ея притокамъ, по верхней Збручѣ и ея притокамъ; изъ нихъ Волочискъ на Збручѣ—нынѣ мѣстечко Староконстантиновскаго уѣзда Волынской губерніи). Князю Семену достался городъ *Колоденъ* (нынѣ село Колодно Кременецкаго уѣзда близъ австрійской границы) и села: Чернеховъ, Ивачовъ Верхній, *Орошовцы*, Добрая-вода, Иванчаны, Новиковцы, *Липяги*, Олишковцы, Гнѣздичная, Шимковцы, Мшанецъ, Медына, Волочища, Глубочекъ Нижній, *Ронѣвъ* съ Черняховомъ, Чепелева, Лука, *Оловянчино*, *Долгошинцы*, *Гинштовцы*, Порохная (за исключеніемъ напечатанныхъ курсивомъ, села съ такими названіями легко найдти въ Тарнопольскомъ и Бродскомъ округахъ восточной Галиціи близъ русской границы, въ Кременецкомъ и Староконстантиновскомъ уѣздахъ Волынской губерніи близъ австрійской границы). Солтанъ получилъ *Старый и Новый Вишневецъ* (нынѣ мѣстечко на р. Горыни Кременецкаго уѣзда) и села: Олексинецъ, Островецъ, Бакоту, два Бутины, Лопушную, Орѣ(хо)вцы, и послѣ смерти матери села: Старый

Маневъ, Таражъ, Передмиръ, Бурсоковцы, Влашиновцы, Вербовецъ, Ряшневку, Доманинку, Черниково дворище и еще одно селище пустое (села съ такими названіями существуютъ и въ настоящее время въ Кременецкомъ уѣздѣ вокругъ Вишневца и недалеко отъ австрійской границы)[1051]); князь Солтанъ умеръ бездѣтнымъ, а его дѣльницу въ 1475 г. подѣлили между собой князь Михаилъ Васильевичъ Збаражскій съ братьею, племянники его и кн. Семенъ Колоденскій, братъ его, при чемъ князь Михаилъ взялъ Вишневецъ городъ со всѣми приселками и село Таражъ, а князь Семенъ взялъ Маневъ съ селами и приселками и село Лопушную, а также главное имѣніе князя Солтана —дворъ Городокъ въ Луцкомъ повѣтѣ и село Студеноковцы[1052]). Въ 1478 году между ними состоялся новый раздѣлъ, при чемъ села Лопушная и Влашиновцы пошли къ князю Михаилу Васильевичу съ братьею[1053]). По смерти князя Семена Васильевича дѣльница его отошла къ князю Михаилу Васильевичу съ братьею, племянникомъ его, которые въ 1482 году подѣлили ее между собою, такъ что изъ всего Збаражскаго княжества получилось пять удѣловъ. Въ актѣ раздѣла выступаютъ нѣкоторыя новыя села, не упоминавшіяся ранѣе; такъ, младшему изъ братьевъ князю Семену достались между прочимъ села: Млиновцы, Мельная, Возовая, а князю Михаилу Васильевичу, получившему въ удѣлъ Вишневецъ и сдѣлавшемуся родоначальникомъ князей Вишневецкихъ, достались между прочимъ села: Конаховичи, Ловы, Бодаки (нынѣ около Вишневца въ Кременецкомъ уѣздѣ)[1054]).

Въ Кременецкомъ повѣтѣ, кромѣ того, можно указать еще, напр., слѣдующія села и имѣнья: *Шумскъ и Шумбаръ* на р. Виліи—имѣнья пановъ Боговитиновичей, къ которымъ принадлежали также *Куты*, *Кордышевъ*, *Оныщковцы*, *Сурожъ* на р. Виліи (нынѣ Шумской волости Кременецкаго уѣзда), *Валера*, *Загайцы* (нынѣ Большіе Загайцы Дедеркальской волости) и *Горбовцы* (близъ Шумбара[1055]); *Стожекъ*, *Антоновцы*, *Тилевка* съ *Ольшей* (нынѣ села Бѣлокриницкой волости Кременецкаго уѣзда), пожалованныя князю Василію Четвертинскому[1056]); *Дворецъ* (село на р. Горыни Бѣлгородской волости Заславскаго уѣзда)

[1051]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguzków I, № LVII.

[1052]) Ibidem, № LXXIV, LXXV.

[1053]) Ibidem, № LXXX.

[1054]) Ibidem, № LXXXIV.

[1055]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 570—572.

[1056]) Памятники Временной Кіевской Коммиссіи, т. IV, отд. II, стр. 218—224.

и *Бѣлогородка* (село на р. Горыни того же уѣзда), пожалованныя въ 1501 году князю Ивану Юрьевичу Заславскому изъ состава Кузминскаго *повѣта* Кременецкой *волости* [1057]); къ этимъ имѣньямъ при Сигизмундѣ тянули еще слѣдующія села Кузминской же волости: *Зубовцы*, ранѣе принадлежавшія кн. Четвертинскимъ [1058]), *Махаринцы*, *Клетня* (нынѣ Великая Клитня Терешковской волости того же уѣзда, недалеко отъ которой находятся и Махаринцы), *Мацевичи* (нынѣ Мацевичи Великіе и Малые Мало-Шкаровской волости Заславскаго уѣзда), *Колочинцы*, *Завадинки* и *Сенютки* (нынѣ села Бѣлгородской волости того же уѣзда) и *Болижинцы* [1059]). Князю Константину Ивановичу Острожскому въ разное время были пожалованы и подтверждены въ Кременецкомъ повѣтѣ села: *Птичое* (нынѣ село Птича Вербовской волости Дубенскаго уѣзда) [1060]); *Обчовъ*, *Бѣлогородка*, *Костенецъ* и *Мокрое* (нынѣ села въ южной части Дубенскаго уѣзда) [1061]); въ Кузминской волости: *Кузьминъ* (нынѣ мѣстечко на р. Случи Староконстантиновскаго уѣзда), *Кобыля* (нынѣ село Кобылье Западынской волости); *Западинцы* (нынѣ село той же волости), *Яворовцы* (нынѣ село Яворовецъ Красиловской волости), *Черленевцы* (нынѣ село Черленевка на р. Случи), *Росоловцы* (нынѣ село Кузминской волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Чернятинъ* (нынѣ село Большой Чернятинъ Юначковской волости Заславскаго уѣзда), *Голенки* (нынѣ село Голюнки Кузминской волости), *Губинъ* (нынѣ село на р. Случи Райковской волости Новградволынскаго уѣзда [1062]); дворъ *Красиловъ* (нынѣ мѣстечко на р. Случи Староконстантиновскаго уѣзда) и села: *Чечановцы* (нынѣ Цеценовка на р. Случи Кульчипской волости), два *Дубища* (нынѣ село Дубище Черленіовской волости того же уѣзда на р. Случи и Дубище Волица Красиловской волости неподалеку отъ Дубища), *Барщеговъ*, *Кольчинъ* (нынѣ Кульчинъ, мѣстечко на р. Понорѣ, притокѣ Случи, Староконстантиновскаго уѣзда и *Баймаковъ* на р. Случи [1063]). Красиловъ съ селами Цеценовкою, *Захаровцами* на Бугѣ (нынѣ село Черноостровской волости Проскуров-

---

[1057]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXI, CXXX; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 190; Źródła dziejowe, tom VI, str. 107.

[1058]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXIX, CXXX.

[1059]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 107.

[1060]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

[1061]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 93; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 62.

[1062]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 106.

[1063]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXIV.

скаго уѣзда Подольской губерніи) и *Котюжинцами* на Бужкѣ (нынѣ село Красиловской волости Староконстантиновскаго уѣзда) „у Кременецкой волости" былъ пожалованъ въ 1444 году Свидригелломъ Михайлу Олехновичу „на вѣки вѣчныи", но впослѣдствіи, очевидно, спалъ на господаря.

Записныя книги Казимирова княженья въ составѣ Кременецкаго повѣта упоминаютъ, кромѣ того: *Корницу* (нынѣ мѣстечко на р. Горыни Бѣлгородской волости Заславскаго уѣзда) и *Шелевъ* (нынѣ Шельвовъ на р. Горыни Михновской волости Заславскаго уѣзда)—имѣнья Ивашка Калениковича; *Берегъ* (нынѣ село Береги на р. Иквѣ Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), пожалованный Кузьмѣ Волошину; *Волковцы* (нынѣ село Дедеркальской волости Кременецкаго уѣзда), въ которыхъ король Казимиръ пожаловалъ или подтвердилъ Сидору землю пустую; сельцо *Дрибово*, пожалованное Волошину Андрею Борздому, а послѣ Данилу Занковичу; *Почаевъ* (нынѣ село Старый Почаевъ Почаевской волости Кременецкаго уѣзда) и *Савчичи* (нынѣ сельцо на р. Иквѣ, не далеко отъ Почаева), подтвержденныя Казимиромъ Ваську стрѣльцу съ братьею [1064]); *Болозерки Верхнюю и Нижнюю* (нынѣ мѣстечко Бѣлозерка Кременецкаго уѣзда), пожалованныя какому-то Матѳею; *Марковичи* (нынѣ село Марковцы на р. Бужкѣ Черпеліовской волости Староконстантиновскаго уѣзда) и *Болболъ*, пожалованныя Скирмонту; *Черняховъ*, пожалованное Еску Прибытковичу; село *Лосятиничи*—Волчку Вячковичу; *Жердь* (на р. Жерти, впадающей въ Горынь) и *Шиловецъ* (нынѣ село Шилы Вербовецкой волости Кременецкаго уѣзда), пожалованныя Матѳею; село *Вороновецъ* (нынѣ село Вороновцы Святецкой волости того же уѣзда), пожалованное Богдану; *Сапуновъ* (нынѣ село Сапановъ на р. Иквѣ Бѣлокриницкой волости Дубенскаго уѣзда); *Малынъ* (нынѣ Новомалынъ, мѣстечко Острогскаго уѣзда)—отчину Ходыреву Манышича; *Теремно* (нынѣ село на р. Кутянкѣ Куневской волости Острогскаго уѣзда), пожалованное „проборщу Щулепѣ"; *Залѣстье* (нынѣ село Залисцы Горинской волости Кременецкаго повѣта), *Смыковъ и Комаринъ* (нынѣ село Лопушанской волости того же уѣзда), пожалованныя какому-то Котлу, Лопасову брату; *Сернъ*, *Вандрогу*, *Ляховцы* (нынѣ мѣстечко Острогскаго уѣзда на р. Горыни), *Чжемелинцы* (нынѣ село Жемелинцы того же уѣзда Ляховецкой волости), *Олешницу*, *Паньковцы* (нынѣ с. на р. Ольшаницѣ Ямпольской волости Кременецкаго повѣта), *Татариновцы*, *Борщьвку*,

---

[1064]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 32.

Подгайцы, *Пищатинцы* и *Матвеевцы* (нынѣ села Барсуковской волости Кременецкаго уѣзда); *Рудомль* (нынѣ село Рыдомль Лопушанской волости того же уѣзда) и *Олеевцы*, *Есковцы* (село Острогскаго уѣзда), *Очбы* (нынѣ Обычь Бѣлокриницкой волости того же уѣзда), *Вербую* (нынѣ мѣстечко Верба на р. Иквѣ Дубенскаго уѣзда), *Ходовцы* (нынѣ Хотовцы Старо-Олексинецкой волости Кременецкаго уѣзда), *Янтребль*, *Сернъ* на р. Случи у Городка, пожалованныя пану Денискy; *Бѣлку* (нынѣ село Большая Бѣлка Вышгородской волости Кременецкаго уѣзда), *Войнеговъ*, *Ростовки* (нынѣ село Ростоки Лопушанской волости того же уѣзда), *Коктасовцы* и *Колыщинцы* въ Кузминской волости, пожалованныя Петру, „Божью рытерю“; *Борокъ* (нынѣ село Борки Кременецкаго уѣзда), *Кордыщовъ Ставъ* (нынѣ село Кордыщовъ Борецкой волости того же уѣзда), *Садки* (нынѣ село Дедеркальской волости того же уѣзда), Гребенино дворище и Даниловича дворище, а въ Кузминской волости *Чухлеву* (нынѣ село Чухели Базалійской волости Староконстантиновскаго уѣзда) и *Моисеевъ Ставъ*, пожалованныя какому-то дьяку [1065]). Почти всѣ перечисленныя села являются въ составѣ Кременецкаго повѣта, хотя и во владѣніи другихъ лицъ, и по описи Кременецкаго замка и тянувшихъ къ нему имѣній, составленной въ 1545 году. Кромѣ нихъ, опись упоминаетъ и еще нѣкоторыя другія села, а именно: *Людвищи* (нынѣ село Борецкой волости Кременецкаго уѣзда), *Подлужечно* (нынѣ село Подлужье Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), *Шипинцы* и *Олипосы*, *Посовчане*, *Сенютку* (нынѣ село Сенютки на р. Горыни Бѣлгородской волости Заславскаго уѣзда), *Терновку* (нынѣ село Терновки въ южной части Заславскаго уѣзда) *Везовцы*, *Норыловъ* и *Дѣтковцы* (нынѣ села Везовецъ, Нориловъ и Дитковцы Ямпольской волости Кременецкаго уѣзда), *Ожеговцы* (нынѣ мѣстечко на р. Збручѣ Староконстантиновскаго уѣзда), *Городище* (нынѣ село Заславскаго уѣзда), *Ледуховъ* (нынѣ село Почаевской волости Кременецкаго уѣзда), *Кушлинъ*, *Окнины* (нынѣ села Горинской волости Кременецкаго уѣзда), *Порѣчье*, *Крутнёвъ* (нынѣ село Лопушанской волости того же уѣзда), *Андрушекъ* (нынѣ Большая и Малая Андруга на р. Иквѣ Бѣлокриницкой волости), *Баковцы* (нынѣ Башковцы тамъ же), *Березцы* (нынѣ Бережцы того же уѣзда на р. Иквѣ), *Миньковцы* (село на р. Иквѣ Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), *Семеновъ* (село въ южной части Острогскаго уѣзда), *Гулевку* (нынѣ Гулевцы на р. Горыни Ляховецкой во-

---

[1065]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 32. 62, 64, 65.

лости того же уѣзда), *Каменицу* (нынѣ село Вербовской волости Дубенскаго уѣзда), *Туликовичи*, *Лѣшную*, *Стряклово* (нынѣ село на р. Иквѣ Дубенской волости Дубенскаго уѣзда), *Пашковцы* (село Староконстантиновской волости Староконстантиновскаго уѣзда) [1066]). Кромѣ того, при замкѣ Кременецкомъ въ 1545 году состояли села: *Подгайцы и Колосово* (нынѣ село Горинской волости Кременецкаго уѣзда), *Жолобы*, *Дворецъ*, *Дунаевъ и Рудка* (нынѣ села Бережецкой волости того же уѣзда по р. Иквѣ), *Вилія* (нынѣ село Вилія Борецкой волости того же уѣзда), *Шпиколосы* (нынѣ село къ югу отъ Кременца), *Дешковцы*(нынѣ село Ямпольской волости того же уѣзда), *Радошовка* (нынѣ село Дедеркальской волости того же уѣзда), *Вороновцы* (нынѣ на р. Жерти Святецкой волости), *Лепесовка* (нынѣ село Ямпольской волости того же уѣзда), *Оснйки* (нынѣ село Лановецкой волости того же уѣзда), *Бѣлозерка* (мѣстечко Бѣлозерка на р. Сомцѣ?), дворъ *Кокоревъ* (нынѣ село Новый Кокоровъ на р. Иквѣ Почаевской волости Кременецкаго уѣзда) [1067]). Къ замку Красиловскому тянули слѣдующія села бояръ Кузминскихъ: *Сковородки и Погорѣла* (нынѣ села Сковородецкой волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Семеринки и Самчинцы* (нынѣ села Немиринецкой волости того же уѣзда), *Еремеевцы* (нынѣ Веремiевка Западынецкой волости), *Дашковцы* (нынѣ село Старо-Синявской волости Летичевскаго уѣзда Подольской губерніи), *Котюжинцы* (на р. Бужкѣ), *Зозулки* (нынѣ Великіе Зозуленцы на р. Случи Шмырецкой волости), *Майковцы*, *Стебловцы*, *Чухилевцы* (см. выше), *Клетня*, *Малинницы и Кошелевка* (нынѣ села Терешковской волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Мунчицы и Дубище* (нынѣ села Черпеліовецкой волости того же уѣзда), *Прохня* (нынѣ село на р. Жабокрикѣ Маначинской волости), *Кульчинъ* (см. выше), *Куты*, *Мулѣевцы*, *Кульчаевцы*, *Бланевцы*, *Лецки*, *Прилипка*, *Вронковцы* (село Кузьминской волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Липковцы*, *Зенковцы*, *Гнидинцы*, *Тыравинцы*, *Свиняевъ*, *Остриковцы*, *Нестарова*, *Ланевцы* (нынѣ мѣстечко Кременецкаго уѣзда на р. Горыни), *Терняевка* (см. выше), *Слученцы* (нынѣ село Заслучь Староконстантиновской волости); кромѣ того, къ нему же принадлежали селища пустыя: *Яровица*, *Ходаковцы* (нынѣ село Ходьковецкой волости Проскуровскаго уѣзда Подольской губерніи), *Дубище*, *Цеценевцы*, *Баймаки*, *Панашевцы*, *Ребенина*, *Свинья* (нынѣ села Староконстантиновской

[1066]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 93—98.

[1067]) Ibidem, str. 102—104.

волости Староконстантиновскаго уѣзда), *Ликаревцы и Сахновцы* (нынѣ село Огіевецкой волости того же уѣзда), *Гриньковцы* (нынѣ село Гриньки Лановецкой волости Кременецкаго уѣзда), *Загоровцы* (нынѣ Загорцы Ямпольской волости того же уѣзда?), *Барцаговъ*, *Чировчина*, *Кобыля* (нынѣ село Кобылья Западынецкой волости того же уѣзда), *Яровица* [1068]).

Сопоставляя всѣ приведенныя историко-географическія данныя относительно повѣтовъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго, приходимъ къ заключенію, что Волынская земля въ изучаемое время занимала приблизительно территорію нынѣшней Волынской губерніи безъ той ея части, которая лежитъ къ востоку отъ Случи, захватывая и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Пинскаго уѣзда Минской губерніи, Проскуровскаго и Литинскаго уѣздовъ Подольской гтберніи, Тарнопольскаго и Бродскаго округа восточной Галиціи.

XV.

И въ Кіевской землѣ мы встрѣчаемъ въ изучаемое время судебно-административную организацію, весьма близкую къ той, какую мы видѣли въ земляхъ Литовской, Жмудской и частію въ Волынской. Въ главномъ городѣ земли, бывшей столицѣ Кіевскаго княженія, чинилъ судъ и управу *воевода*, къ которому при упраздненіи Кіевскаго удѣла перешли многія функціи бывшаго удѣльнаго князя [1069]). Воеводѣ, какъ высшей инстанціи, подчинялись великокняжескіе намѣстники (нѣкоторые изъ нихъ переименованы были впослѣдствіи въ старостъ), которые сидѣли въ пригородахъ или волостяхъ Кіевской земли; въ нѣкоторыхъ волостяхъ судъ и управу чинили намѣстники воеводы, по его уполномочію; и, наконецъ, подъ знамя его становились съ своими отрядами нѣкоторые крупные владѣльцы, князья и паны, которымъ принадлежали цѣлые повѣты и волости, и которые самостоятельно чинили въ нихъ судъ и управу. Политическое единство Кіевской земли, такимъ образомъ, сохранялось и послѣ упраздненія въ ней удѣльнаго стола, вопреки утвержденью г. Антоновича. „Когда Кіевское княжество было переименовано въ воеводство,—говоритъ г. Антоновичъ,—и удѣльныхъ князей замѣнили кіевскіе воеводы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушено было административное единство Кіевской земли. Великій князь вошелъ

[1068]) Źrodła dziejowie, tom VI, str. 106, 107.

[1069]) О кіевскихъ воеводахъ см. *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Ks. Litewskiego, str. 18—21.

во всѣ права бывшаго князя удѣльнаго и самъ сталъ назначать старостъ въ замки Кіевскаго княжества; старосты замковъ господарскихъ оказались въ прямой зависимости отъ особы великаго князя, который ихъ назначалъ и смѣнялъ, судилъ и контролировалъ; такимъ образомъ, связь пригородовъ съ главнымъ городомъ области исчезла, и каждый повѣтъ сталъ независимою отъ Кіева единицею областного управленія. Кіевскій воевода оказался, съ другимъ только титуломъ, равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ административнымъ чиновникомъ и отличался отъ нихъ только тѣмъ, что подъ властію его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ и что по причинамъ, *не разгаданнымъ для насъ*, два сѣверные повѣта: мозырскій и чернобыльскій, остались въ зависимости отъ него въ военномъ отношеніи; жители этихъ повѣтовъ обязаны были ходить на войну не подъ начальствомъ своего старосты, а „при воеводѣ Кіевскомъ, якъ ихъ обошлетъ“ [1070]).—Совершенно справедливо, что намѣстниковъ или старостъ назначалъ въ Кіевскіе пригороды самъ господарь, какъ назначалъ онъ намѣстниковъ-державцевъ въ земляхъ Литовской и Жмудской. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что эти намѣстники-старосты были совершенно независимы отъ правителя главнаго города, и что связь пригородовъ съ главнымъ городомъ исчезла. Факты, которые мы встрѣчаемъ въ источникахъ, говорятъ противъ утвержденія г. Антоновича. Намѣстники-старосты Кіевскихъ пригородовъ являются въ составѣ судебно-административнаго присутствія при Кіевскомъ воеводѣ, какъ его помощники, на ряду съ центральными Кіевскими урядниками, вершатъ вмѣстѣ съ нимъ общія дѣла всей Кіевской земли. Такъ, напр., намѣстники Житомирскій и Черкасскій вмѣстѣ съ воеводою Андреемъ Немировичемъ выдаютъ въ 1521 г. удостовѣреніе бывшему воеводѣ Кіевскому пану Юрью Миколаевичу относительно расходовъ его „изъ пенязей власныхъ“ въ бытность Кіевскимъ воеводою [1071]). Намѣстниковъ-старостъ Кіевскихъ пригородовъ мы встрѣчаемъ не разъ при Кіевскомъ воеводѣ, когда тотъ рѣшаетъ какія-нибудь важныя дѣла [1072]), и это, очевидно, идетъ отъ удѣльнаго времени, когда вездѣ въ западнорусскихъ княжествахъ намѣстники городовъ и волостей были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами княжеской думы. Кіевскій воевода вовсе не былъ

[1070]) Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи, стр. 246, 247.

[1071]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 47, 48.

[1072]) См., напр., листъ Кіевскаго воеводы относительно выкупа у князя Богдана Путивльскаго имѣнія Яроваго въ Олевской волости въ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 139.

равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ правителемъ. По уставной грамотѣ, данной Кіевской землѣ, онъ „сѣдшы съ князи и бояры" судилъ всѣхъ князей, пановъ и бояръ этой земли, къ какому бы повѣту они ни принадлежали, „о грабежи безправные" [1073]). Вообще онъ отправлялъ высшій судъ въ Кіевской землѣ, напр. по дѣламъ о разверсткѣ повинностей между нѣсколькими волостями, по искамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, князей и пановъ, другъ на друга и т. д. Связь волостей или повѣтовъ Кіевской земли съ центромъ вовсе не была порвана, и воевода вѣдалъ эти волости или повѣты въ судебно-административномъ отношеніи. Такъ, напр., несмотря на существованіе въ Мозыри особаго намѣстника-державцы, Кіевскій воевода давалъ великому князю Александру справку о доходности имѣнія Тулеговичъ въ Мозырскомъ повѣтѣ, которое великій князь отдалъ князю Василью Мунчѣ въ хлѣбокормленье [1074]). Изъ этого видно, что Мозырскій повѣтъ былъ подвѣдомъ Кіевскому воеводѣ не въ одномъ только военномъ отношеніи, какъ утверждаетъ г. Антоновичъ, и что административное единство Кіевской земли съ упраздненіемъ удѣла не рушилось. Военная же власть воеводы распространялась не только на Мозырскій и Чернобыльскій, но на всѣ вообще повѣты Кіевской земли, военныя силы которой стягивались подъ одно знамя во время общей мобилизаціи.

Кромѣ воеводы, въ Кіевской землѣ чинили судъ и управу слѣдующіе великокняжескіе урядники:

Намѣстникъ Мозырскій. О намѣстникѣ Мозырскомъ находимъ упоминанье въ актахъ княженья Александра и въ первые годы Сигизмундова княженья. Такъ, въ записи прихода и расхода великокняжескаго скарба за 1496 годъ читаемъ между прочимъ: „намѣстникъ Мозырскій далъ двѣнадцать копъ грошей великому князю" [1075]). Намѣстникъ Мозырскій и Мерецкій панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича упоминается въ актахъ 1514 г. [1076]). Но его преемникъ, панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, называется уже *державцею*, напр., въ подтвержденьѣ, выданномъ въ 1516 году дворянину Чижу на нѣкоторыя земли въ Полоцкомъ повѣтѣ [1077]). Намѣстникъ-державца Мо-

---

[1073]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

[1074]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9. 10.

[1075]) Литов. Метр. кн Запис. VI, л. 277, 278.

[1076]) Акты Зап. Рос. II, № 87.

[1077]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 101. Срав. также Акты Зап. Рос. II, № 109.

зырскій, кромѣ собственной *Мозырской волости*, вѣдалъ судомъ и управою и *волость Бчицкую или Опчицкую* (по нижнему теченію р. Птича), какъ это видно изъ жалобы старца и всѣхъ мужей этой волости по поводу нѣкоторыхъ „новинъ" и „тяжкостей", чинимыхъ имъ намѣстниками Мозырскими [1078]). Судя по историческимъ даннымъ, разсѣяннымъ въ источникахъ изучаемаго времени, Мозырскій повѣтъ занималъ бассейнъ нижняго Птича, впадающаго въ Припять, затѣмъ теченіе р. Припяти и ея притоковъ приблизительно до впаденія въ Припять рѣки Славечны, т. е. восточную часть Мозырскаго уѣзда и прилегающія къ ней мѣстности Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи. Такъ, въ составъ его входили между прочимъ: село *Тулеговичи* (нынѣ Тулеговичи Юревичской волости Рѣчицкаго уѣзда на р. Старухѣ), пожалованное въ 1506 г. князю Василью Мунчѣ [1079]); село *Бабичи* (нынѣ Барбаровъ на р. Припяти того же уѣзда), пожалованное королемъ Сигизмундомъ дворянину Александру Богдановичу Гостьскому [1080]), села *Боложевичи* (нынѣ пристань на р. Припяти Скрыгаловской волости), *Коптевичи* (нынѣ Копцевичи на р. Птичѣ Копаткевичской волости или на р. Бобричи Лясковичской волости) и *Шестовичи*, пожалованные королемъ Сигизмундомъ князю Константину Ивановичу Острожскому [1081]), *Новоселки* (нынѣ село Хойникской волости Рѣчицкаго уѣзда на притокѣ Припяти Вити), утвержденные королемъ Сигизмундомъ за писаремъ Ѳедкомъ Святошою [1082]), *Юрьевичи* (нынѣ Рѣчицкаго уѣзда), утвержденные въ 1510 г. за земянами Волынскими Сербиновыми [1083]) и т. д.

Намѣстникъ Брягинскій (Брягинъ—нынѣ мѣстечко Рѣчицкаго уѣзда на р. Брягинкѣ, впадающей въ Припять). О намѣстникѣ Брягинскомъ находимъ упоминанье въ листѣ великаго князя Александра о сборѣ дани съ Поднѣпрскихъ волостей [1084]) и въ другихъ актахъ изучаемаго времени. Въ 1506 г. король Александръ отдалъ *волостку Брягинскую* въ держанье со всѣми доходами намѣстничьими и господарскими нѣкоему Данилу Дѣдковичу, который на службѣ господарской въ ордѣ издержалъ двѣсти тридцать копъ грошей своихъ денегъ, „до тыхъ ча-

[1078]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 324.
[1079]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9, 10.
[1080]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 303.
[1081]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 554.
[1082]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 232, 233.
[1083]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 341.
[1084]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

совъ, пока онъ тую двѣстѣ копъ и тридцать копъ грошей тыми нашими доходы собѣ заплатить" [1085]). Но Сигизмундъ въ 1507 г. взялъ эту волостку на себя и взамѣнъ ея далъ Данилу Дѣдковичу корчму Черкасскую на два года [1086]). Затѣмъ Сигизмундъ отдалъ Брягинскую волостку князю Михаилу Васильевичу Збаражскому сначала „въ держанье до живота", и потомъ, въ 1512 году, на вѣчность „зъ мѣстомъ и съ корчмами, и зъ мытомъ, и зъ городищомъ, и со всѣми селы и зъ людьми, кромѣ тыхъ селъ, што первѣй того кому у той волости будемъ дали" [1087]). По разграниченью 1564 г. Брягинская волость вошла въ составъ Мозырскаго повѣта Кіевскаго воеводства, что служитъ косвеннымъ указаніемъ на принадлежность ея къ составу Кіевской земли и въ изучаемое время, ибо разграниченье 1564 г. произведено было въ рамкахъ предшествовавшаго областного дѣленія [1088]).

Намѣстникъ Овручскій или Вруцкій. Въ 1489 г. король Казиміръ, отдавъ мѣщанамъ Вруцкимъ корчмы Вруцкія на шесть лѣтъ, писалъ объ этомъ намѣстнику Вруцкому пану Горностаю Романовичу, приказывая ему боронить ихъ отъ кривдъ и не позволять никому иному варить корчмы [1089]). При Александрѣ акты называютъ намѣстникомъ Вруцкимъ князя Григорья Глинскаго, котораго великій князь извѣщалъ, напр., о пожалованіи Яцку Мезю человѣка Лазорка Мошковича „и зъ его сыни и зъ братаничи его" во Вруцкомъ повѣтѣ [1090]). Затѣмъ въ этомъ званіи является по актамъ панъ Сенько Романовичъ, котораго король Сигизмундъ въ 1507 г. извѣщалъ о пожалованіи боярамъ Вруцкимъ Петрашевичамъ земли во Вруцкомъ повѣтѣ [1091]). Панъ Михайло Халецкій, державшій замокъ Вручій въ концѣ изучаемаго времени, въ актахъ 1522 года называется *старостою* Вруцкимъ [1092]), а въ актахъ 1523 г. *намѣстникомъ* [1093]). *Вручій* или *Овручъ* вмѣстѣ съ Житомиромъ упоминаются въ лѣтописи, какъ пригороды удѣльнаго княжества Кіевскаго, принадлежавшаго Владиміру Ольгердовичу [1094]).

[1085]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 14.
[1086]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 127.
[1087]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 202.
[1088]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 117—125.
[1089]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21.
[1090]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 64.
[1091]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.
[1092]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 31, 34.
[1093]) Ibidem, л. 110, 111.
[1094]) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 40.

Судя по историко-географическимъ даннымъ позднѣйшаго времени (опись Овруцкаго замка 1545 года), Овруцкій повѣтъ занималъ всю ту часть нынѣшняго Овруцкаго уѣзда, которая находится между рѣками Убортью и Ушью, а также юго-восточную часть Мозырскаго уѣзда по теченію рѣки Славечны и ея притока Чертеня (здѣсь лежали, напр., села: *Скородно*, *Велавскъ*, *Кузмичи*, *Котчищи*, *Шаринъ* и др. [1095]).

Намѣстникъ Чернобыльскій. Въ 1522 г. 23 ноября король Сигизмундъ приказывалъ намѣстнику Чернобыльскому пану Михайлу Павшѣ „подать дворянину Матѳею Заморенку человѣка путнаго въ Чернобыльскомъ повѣтѣ въ Бѣлойсороцѣ Мартина Зеньковича и зъ землею Крывскою, на которой тотъ человѣкъ сѣдитъ“ [1096]). Этотъ панъ Михайло Павша вскорѣ умеръ, потому что въ слѣдующемъ 1523 году королю билъ челомъ дворянинъ Дмитрій Иваншенцовичъ, прося пожаловать ему въ держанье замокъ Чернобыль, „а повѣдилъ, ижъ онъ тотъ замокъ своими тежъ людми робилъ, а къ тому есть самъ прырожене́цъ земли Кіевское“ [1097]). Король далъ ему замокъ на два года послѣ Крыштофа Кмитича „со всимъ потому, какъ и первшіи державцы наши, небощыкъ Михайло Павша и Крыштофъ Кмитичъ отъ насъ держали“. Такимъ образомъ, замокъ Чернобыль (нынѣ мѣстечко Родомысльскаго уѣзда при впаденіи Уши въ Припять) принадлежалъ къ числу тѣхъ городовъ, которые раздавались мѣстнымъ боярамъ „колеею“ или по очереди. Въ 1529 г. замокъ Чернобыль съ своимъ повѣтомъ былъ въ держаньѣ воеводы Кіевскаго пана Андрея Немировича, который имѣлъ въ Чернобыли своего намѣстника, Ѳедка Андреевича Киселя: этому Киселю онъ приказывалъ „увязать“ дворянина Аникея Горностаевича въ озеро Глушецъ „въ Кіевскомъ повѣтѣ въ Чернобыльской волости“, которое воевода далъ ему съ соизволенья королевскаго [1098]). Къ замку Чернобылю, кромѣ собственной *Чернобыльской волости*, тянула еще *волость Бѣлосороцкая* (Бѣлосороко село на р. Припяти Дерновичской волости Рѣчицкаго уѣзда), въ которой воевода Андрей Немировичъ далъ толмачу татарскому Макару Ивановичу селище Лынсковщину въ 1516 г. [1099]).

[1095]) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. IV, т. I, № X.
[1096]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 44.
[1097]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 98.
[1098]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 419, 420.
[1099]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 101, 102.

Намѣстникъ Звяголъскій (Звяголь — нынѣ уѣздный городъ Волынской губерніи Новградволынскъ). Въ 1488 г. 20 іюня король Казимиръ отдалъ въ аренду жидамъ Луцкимъ мыто и корчму Звягольскую на три года и, извѣщая объ этомъ намѣстника Звягольскаго пана Окушка Калениковича, приказывалъ ему не вступаться въ мыто и промыту, не чинить мытникамъ никакихъ „кривдъ" и насилій, не держать своей корчмы и не дозволять никому другому [1100]). Ранѣе этого Звяголь былъ, повидимому, во владѣніи князей Звягольскихъ, изъ которыхъ одинъ написанъ въ числѣ „свѣтковъ" въ записи пана Ивашка Дичка, продавшаго дворъ и село Ровное въ 1461 году кн. Семену Васильевичу Несвизскому [1101]). При Александрѣ упоминается въ актахъ намѣстникъ Звягольскій Яковъ Мезь, которому великій князь въ 1496 году пожаловалъ человѣка Лазорка Мошковича во Вруцкомъ повѣтѣ [1102]) Король Александръ возвратилъ Звяголь князьямъ-отчичамъ, а по смерти ихъ пожаловалъ имѣнье („въ Кіевскомъ повѣтѣ"), „которое жъ передъ тымъ держали князь Василій и князь Андрей Семеновичи Звягольскіи", князю Константину Ивановичу Острожскому „со всими его приселками" на вѣчность [1103]).

Намѣстникъ Житомирскій. Въ 1488 году король Казимиръ извѣщалъ Кіевскаго воеводу пана Юрья Пацовича о томъ, что онъ утвердилъ за намѣстникомъ Житомирскимъ паномъ Сенькомъ Романовичемъ имѣнье Дорогинь во Вруцкомъ повѣтѣ [1104]). При Александрѣ акты упоминаютъ намѣстника Житомирскаго пана Дмитра Александровича, которому король въ 1502 г. писалъ объ „увязаньѣ" земянина Житомирскаго Андрея Пряжковскаго въ селище Трибѣсы въ Житомирскомъ повѣтѣ [1105]). Онъ же былъ намѣстникомъ Житомирскимъ и при Сигизмундѣ [1106]).

Намѣстникъ Черкасскій. Въ 1494 г. великій князь Александръ писалъ намѣстнику Черкасскому пану Кмитѣ Александровичу о позволеньѣ боярину Кіевскому Васку Ершевичу призывать людей и садить

[1100]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 23.

[1101]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LVI. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 19.

[1102]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 64.

[1103]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXVII; Акты Зап. Рос. II, № 29, III.

[1104]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.

[1105]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 210.

[1106]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 450; X, 47, 48.

ихъ въ его отчинномъ имѣньѣ въ Черкасскомъ повѣтѣ—Мошнахъ, причемъ намѣстникъ не долженъ былъ требовать съ нихъ ясачной службы къ замку; „нехай они ему служать потому, какъ и въ иншихъ бояръ *Кіевскихъ* люди господаремъ своимъ служать" [1107]). Въ 1507 г. король Сигизмундъ, отдавъ на откупъ корчму Черкасскую дворянину Данилу Дѣдковичу, приказывалъ намѣстнику Черкасскому князю Василью Дашковичу, „а не будеть его самого,—ино его намѣстнику Черкасскому и отаману и войту и всимъ мѣщаномъ Черкасскимъ", — не вступаться въ корчму, не заводить другихъ корчомъ и складовъ частыхъ не сытить [1108]). Этотъ князь Василій Даниловичъ называется въ актахъ и *старостою* Черкасскимъ [1109]). Въ 1511 году намѣстникомъ Черкасскимъ по актамъ является князь Тимоѳей Ивановичъ Капуста, которому король Сигизмундъ пожаловалъ три сельца Олевской волости, Масевичи, Хишимо и Бѣловѣжи [1110]). Въ концѣ изучаемаго времени мы встрѣчаемъ по актамъ уже *старосту Черкасскаго и Каневскаго* пана Остафья Дашковича [1111]).

Кромѣ округовъ, въ которыхъ судъ и управу чинили перечисленные намѣстники, въ составъ Кіевской земли входили:

Волость Олевская (Олевскъ—мѣстечко на р. Уборти Овручскаго уѣзда). Въ 1488 г. королю Казимиру билъ челомъ бояринъ Кіевскій Пирхайло, прося дать ему въ держанье на этотъ годъ волость Олевско, „отодвинувши иншихъ бояръ, а другій бы годъ къ тому придалъ на окупъ, што жена его идеть у Ордѣ" [1112]). Такимъ образомъ, волость Олевская принадлежала къ числу тѣхъ, которыя отдавались боярамъ Кіевскимъ въ очередное держанье по годамъ. Но кромѣ этихъ бояръ, волость была подвѣдома и Кіевскому воеводѣ. Такъ, въ 1511 г. воевода Кіевскій князь Юрій Александровичъ, получивъ приказанье отъ короля „обыскать" имѣнье для намѣстника Черкасскаго князя Тимоѳея Ивановича Капусты, назначилъ ему три сельца въ Олевской волости, которыя король и утвердилъ своимъ листомъ [1113]). Въ 1508 году король писалъ до воеводы Кіевскаго Юрья Михайловича Монтов-

---

[1107]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 13. Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CVIII.

[1108]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 86.

[1109]) Архивъ Юго-западной Россіи ч. I, т. VI, № V, VI.

[1110]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 473, 474.

[1111]) Акты Зап. Рос. II, № 171.

[1112]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 36.

[1113]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 473, 474.

товича, чтобы онъ не вступался въ село Сущаны (на р. Уборти) „у-въ Олевску", которое онъ пожаловалъ князю Θедору Ивановичу Корецкому [1114]).

Волость Вышгородская (Вышгородъ—село на р. Днѣпрѣ). Она повидимому, также была изъ числа волостей очереднаго владѣнія Кіевскихъ бояръ [1115]).

Волость Завская. Въ 1494 году великій князь Александръ писалъ воеводѣ Кіевскому и ключнику, чтобы они не брали въ теченіе двухъ лѣтъ дани медовой и грошовой съ шестнадцати человѣкъ волости Завской, которыхъ „брали погантство татарове" [1116]). Завская волость находилась по теченію рѣки Уши, какъ это видно изъ привилея великаго князя Александра, даннаго ключнику Кіевскому Сеньку Полозовичу на имѣнье *Хабное* (нынѣ мѣстечко на р. Ушѣ Радомысльскаго уѣзда) въ Кіевскомъ повѣтѣ „въ Завшской" (т. е. Заушской) волости [1117]). Волость Завская вмѣстѣ съ Олевскою и Черкасами входили въ составъ Кіевской земли, когда она была еще удѣльнымъ литовскимъ княжествомъ [1118]).

Волость Чудновская. Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому имѣнье въ Кіевскомъ повѣтѣ *Чудновъ* (нынѣ мѣстечко на р. Тетеревѣ Житомирскаго уѣзда) и дозволилъ ему тамъ „замокъ збудовати и мѣсто осадити, и торгъ, и мыто, и корчмы мѣти, и ярмарокъ встановити" [1119]). До этого времени волость Чудновская была господарскимъ владѣніемъ, какъ это видно изъ пожалованій селъ въ этой волости [1120]).

Въ Кіевской землѣ можно указать и на другія крупныя имѣнья князей и пановъ, равныя по значенію своему господарскимъ волостямъ. Таковы были, напр.: *Навозъ* (нынѣ село Черниговскаго уѣзда на р. Днѣпрѣ) [1121]); *Остеръ* (нынѣ уѣздный городъ Черниговской губерніи), который король Казимиръ присудилъ княгинѣ Марьѣ Трабской, и къ которому тянули села *Бодянки* (на р. Острѣ), *Черниnъ* (нынѣ село

[1114]) Акты Зап. Рос. II, № 37.

[1115]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 20. Срав. *Bonieckiego* Poczet ródow. Spis dy ni arzy i urzędników, str. XLII.

[1116]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 11.

[1117]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 84.

[1118]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXII.

[1119]) Акты Зап. Рос. II, № 29, I.

[1120]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 6 и др.

[1121]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 148; кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199.

при озерѣ Опоцны Жукинской волости Остерскаго уѣзда), *Выполозово* (Моровской волости того же уѣзда), *Носово, Рожны* (на р. Деснѣ Семиполковской волости), *Лѣтки* (нынѣ мѣстечко при рѣкѣ Деснѣ той же волости), *Свѣтильновъ* (нынѣ село Гоголевской волости при рѣчкѣ Трубежѣ) [1122]); къ Остру же, повидимому, принадлежалъ и *Жукинъ* на р. Деснѣ, пожалованный въ 1522 г. родственнику княгини Марьи Трабской—пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду [1123]); *Черняховъ* (нынѣ село на рѣчкѣ Сухой Бобрицѣ Кіевскаго уѣзда)—замокъ съ мѣстомъ, принадлежавшій князю Константину Ивановичу Острожскому [1124]); городъ *Любечъ* на Днѣпрѣ, принадлежавшій князю Василью Михайловичу Верейскому, въ 1503—1508 гг. отходившій къ Москвѣ [1125]), послѣ того отданный въ держанье воеводѣ Кіевскому пану Юрью Михайловичу Монтовтовича [1126]), а въ 1516 г. на вѣчность пану Албрехту Мартиновичу Гаштольду „подлѣ данины цтю его", т. е. князю Василью Михайловичу [1127]); *Бердичевъ* (нынѣ уѣздный городъ Кіевской губ.) и *Чертолѣсцы*—отчина и дѣдина Тышкевичей [1128]).

На лѣвой сторонѣ Днѣпра, кромѣ Остра и его повѣта, къ составу Кіевской земли принадлежалъ и *городъ Путивль* съ волостями, тянувшими къ нему. Путивль принадлежалъ къ Кіевской землѣ еще въ то время, когда она была удѣльнымъ княжествомъ. Въ 1484 г. король Казимиръ подтвердилъ боярину Путивльскому Демиду „листъ небощиковъ князя Семеновъ Александровича, што жъ князь Семенъ далъ ему село у Путивли на имя Чаплища и землю Тернъ и со озери и съ перевѣсьемъ и со всими входы" [1129]). Въ 1499 году великій князь Александръ утвердилъ за дворяниномъ Сорокою имѣнье, купленное имъ у Путивлянки Орины Митковы, жены Осташковича, и ея дѣтей, селище Еремковичи: „а то дей данина была отцу мужа ея Осташку князя Александра Володимеровича, а потомъ подлугъ данины отца своего князь Семенъ Александровичъ ему жъ подтвердилъ листомъ сво-

[1122]) Акты Зап. Рос. I, № 77.

[1123]) *Bonieckiego* Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem w XV i XVI wieku, str. 58.

[1124]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 414.

[1125]) Сбор. Имиер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 398—402; 485, 486.

[1126]) Акты Зап. Рос. II, № 38.

[1127]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 120, 121.

[1128]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 355.

[1129]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 121.

имъ“ [1130]). По упраздненіи Кіевскаго удѣла въ Путивлѣ на мѣсто намѣстника Кіевскаго князя сѣлъ великокняжескій намѣстникъ. Такимъ образомъ, въ записныхъ книгахъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ: „пану Кмитѣ Александровичу, *намѣстнику* Путивльскому, 20 копъ грошей зъ мыта Путивльскаго“ [1131]). Ранѣе того, въ 1482 году, король Казимиръ извѣщалъ намѣстника Путивльскаго пана Ивана Ромашковича о пожалованіи князю Роману Волконскому двухъ селецъ въ Путивльскомъ повѣтѣ, Гончара и Столпаты [1132]). При Александрѣ въ должности Путивльскаго намѣстника является князь Богданъ Ѳедоровичъ Глинскій изъ рода князей Глинскихъ, отчиною которыхъ былъ *Глинскъ*, нынѣ заштатный городъ Роменскаго уѣзда Полтавской губерніи на р. Сулѣ, не далеко отъ Путивля [1133]). Повидимому, онъ получилъ впослѣдствіи Путивль въ вотчину, ибо въ листѣ короля Сигизмунда отъ 1512 г. къ князьямъ Михаилу Мстиславскому и Ѳедору Жеславскому, содержащемъ извѣщеніе о его смерти, онъ уже прямо названъ княземъ Путивльскимъ [1134]). Упомянутыя лица, державшія Путивль изъ руки великаго князя, принадлежали къ составу князей и пановъ Кіевской земли, что служитъ косвеннымъ указаніемъ на принадлежность Путивля къ Кіевской землѣ и послѣ упраздненія Кіевскаго удѣла. Впрочемъ, относительно этого въ актахъ имѣется и прямое указаніе. Въ 1496 г. ключникъ Кіевскій „дѣлалъ личбу“, т. е. представлялъ отчетъ, великокняжескому писарю Ивашку владыкѣ о приходѣ и расходѣ дани *„сѣверское и полское“*. Медовой дани ключникъ положилъ 314 судовъ, т. е. караимановъ; расходуя эту дань, онъ „иное выдалъ князю Дмитрію Путятичу, воеводѣ Кіевскому, а пану Сеньку Олизаровичу, а князю Богдану, *намѣстнику Путивльскому* 13 судовъ сѣверское дани, а иное давалъ на русскіи церкви и бискупу Кіевскому, и каноникомъ, и инымъ давалъ“; дани грошовой „съ сѣверскихъ и полскихъ волостей“ всего собралъ 130 копъ грошей; *„тыи грошы вси отданы воеводѣ Кіевскому“* [1135]). Упоминаемыя здѣсь сѣверскія волости, очевидно, тѣ, которыя входили въ составъ Путивльскаго повѣта. Такимъ образомъ, утвержденіе

[1130]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 83, 84.

[1131]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 77.

[1132]) Ibidem, л. 116.

[1133]) Акты Зап. Рос. I, № 129, 158, 178; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXII.

[1134]) Акты Зап. Рос. II, № 76.

[1135]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 170.

г. Антоновича, что Путивль никогда не былъ Кіевскимъ пригородомъ, должно быть ограничено въ томъ смыслѣ, что Путивль не былъ Кіевскимъ пригородомъ до литовскаго владычества, хотя и въ такомъ видѣ это утвержденье не можетъ быть категоричнымъ [1136]). Въ актахъ находимъ и перечни этихъ волостей. Въ 1499 г. великій князь Александръ подтвердилъ дворянину Сеньку Жеребятичу земли, купли его въ Путивльскомъ повѣтѣ, *„Городиское волости* и *Жолважское“* [1137]). Обѣ эти волости, какъ видно изъ перечня городовъ Кіевскихъ въ Воскресенской лѣтописи, лежали на р. Пслѣ. Когда намѣстникъ Путивльскій князь Богданъ Глинскій составлялъ (1 февр. 1500 г.) отказную запись на свое имѣнье Гатное, то при этомъ присутствовали, кромѣ королевскихъ дворянъ и собственныхъ бояръ князя Глинскаго (очевидно, эти лица были его помощниками и урядниками по управленью Путивльскимъ повѣтомъ), также и сотники Путивльскихъ волостей, а именно: *Хотеньской* (нынѣ село Хотень въ сѣверной части Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи), *Меленьской* (село Мельня на р. Сеймѣ Кролевецкаго уѣзда Черниговской губерніи), *Биринской* (нынѣ село Буринь на р. Сеймѣ Путивльскаго уѣзда), и сынъ сотника *Немирьскаго* [1138]). Волости Путивльскія при королѣ Казимирѣ раздавались въ держанье на года Кіевскимъ боярамъ. Такимъ образомъ, напр., въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ слѣдующую запись (1487): „Макару Володковичу—*волость Биринъ* на годъ послѣ первыхъ; Юшку Полковичу—*волость Жолвяжъ* на годъ послѣ первыхъ; пану Сеньку Романовичу—*волость Хотень* на сесь годъ; Петрушку Скипоревичу—*волость Утьшковъ* (по списку Воскресенской лѣтописи на р. Сулѣ) на сесь годъ; Сеньку Жеребятичу—*волость Лопатинъ* на сюю осень на окупъ съ татаръ“ [1139]).

На лѣвой сторонѣ Днѣпра были и другія волости Кіевской земли. Мы знаемъ, что границы Кіевскаго княжества съ кочевьями Перекопскихъ татаръ, какъ ее проводилъ намѣстникъ Черкасскій князя Семена Олельковича Свиридовъ, шла отъ Днѣпра по Овечьей водѣ (притокъ Самары) вверхъ и по Оргѣю до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну [1140]). Если такъ, то и упоминаемыя въ ярлыкѣ хана Менгли-

---

[1136]) *В. Б. Антоновича*, Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго стр. 62.

[1137]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

[1138]) Акты Зап. Рос. I, № 178.

[1139]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 35.

[1140]) Акты Зап. Рос. II, № 199.

Гирея (1506 г.) „мѣста": *Снѣпорожъ* (при впаденіи Свѣпорода въ Сулу), *Глинескъ* „со всими ихъ людьми", *Синечъ* (на Сулѣ), *Лосичи* или *Лошичи* (на Пслѣ), *Хотмышль* (нынѣ Хотмыжскъ на р. Ворсклѣ, заштатный городъ Грайворонскаго уѣзда Курской губерніи), *Курская тьма, Осколъ, Мужечъ* (нынѣ деревня Мужица на р. того же имени въ восточной части Рыльскаго уѣзда Курской губерніи), *Милолюбъ* (быть можетъ, нынѣшняя деревня Миролюбово Фатежскаго уѣзда Курской губ.), принадлежали къ составу Кіевской земли и были, быть можетъ, тѣми волостями, которыя обозначены въ вышеприведенномъ отчетѣ Кіевскаго ключника „полскими" [1141]). Курскъ, Осколъ, Милолюбъ и Мужечъ упомянуты въ числѣ литовскихъ городовъ въ трактатѣ Свидригелла съ орденомъ 1402 г. [1142]). Въ XVI вѣкѣ бассейнъ Ворсклы, Орели и Самары входилъ въ составъ Черкасскаго повѣта Кіевской земли [1143]). Въ перечнѣ городовъ, находящемся въ Воскресенской лѣтописи и составленномъ по всѣмъ признакамъ въ 30-хъ годахъ XV вѣка, упоминаются въ этой мѣстности еще слѣдующіе города: *Переславль Русьскій* на р. Трубежѣ; на Сулѣ: *Сокнятинъ* (нынѣ мѣстечко Снятинъ на р. Сулѣ Хорольскаго уѣзда), Чемосовъ, Кляпецъ, *Грошинъ* (нынѣ село на р. Сулѣ Хорольскаго уѣзда на границѣ съ Лубенскимъ), *Роменъ* (нынѣ Ромны на р. Сулѣ, уѣздный городъ Полтавской губерніи), Ковыла, Вороно, Салъ, Песьи Кости; на Пслѣ—Ничанъ [1144]). Нѣкоторые изъ этихъ городовъ въ изучаемое время были, очевидно, только запустѣлыми городищами и впослѣдствіи не возстали изъ своихъ развалинъ; но, какъ бы то ни было, вся эта мѣстность считалась землею Кіевскою. Такимъ образомъ, Кіевская земля на лѣвой сторонѣ Днѣпра обнимала все бывшее Переяславское княжество и захватывала южную часть земли Сѣверской, т. е. Посемье [1145]). По договору 1503 г. все Посемье отошло къ Москвѣ.

Сводя вмѣстѣ приведенныя историко-географическія данныя относительно Кіевской земли, можно приблизительно такимъ образомъ очертить ея предѣлы въ изучаемое время: на западѣ граница Кіев-

---

[1141]) Ibidem, № 6; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 177.

[1142]) Scarbiec dyplomatów I, № 746.

[1143]) *Владимірскаго-Буданова* Предисловіе къ II тому VII части Архива Юго-Западной Россіи, стр. 47.

[1144]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 240.

[1145]) См. Учебный атласъ по русской исторіи проф. Е. Замысловскаго, № 2. С.-Петербургъ 1887.

ской земли шла, придерживаясь линіи Случа и Уборти, переходила затѣмъ на лѣвый берегъ Припяти, охватывала здѣсь нижнее теченіе рѣки Птичи и рѣку Брагинку, а затѣмъ, перейдя на лѣвый берегъ Днѣпра, охватывала нижнее теченіе Десны (Остерскій уѣздъ Черниговской губерніи), почти все Посемье, Посулье и бассейны Псела, Ворсклы и верхняго Донца до Оскола; на правой сторонѣ Днѣпра южныя поселенія Кіевской земли были разбросаны по Роси и ея притокамъ и только близъ Днѣпра спускались ниже устья Роси приблизительно до р. Тясмина, впадающаго въ Днѣпръ.

XVI.

Въ Витебской землѣ удѣльного князя замѣнилъ *намѣстникъ* великаго князя, въ 1511 г. переименованный въ *воеводу* [1146]). При немъ остался весь штатъ центральныхъ урядниковъ удѣльнаго князя, увеличенный еще должностью городничаго. Въ спискѣ волостей, розданныхъ Казимиромъ въ держанье Витебскимъ боярамъ, находимъ уряды: *конюшое, городничое, ключництво, ловчое* [1147]). Въ актахъ позднѣйшаго времени, кромѣ того, встрѣчаемъ *сокольничаго* Витебскаго Некраша Ивановича (1538 г.) [1148]), *бобровничаго* Ленька Борисовича (1531 г). [1149]) и *подвойскаго* [1150]).

Въ отдѣльныхъ волостяхъ Витебской земли, не принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, князьямъ или панамъ, судъ и управу чинили или намѣстники намѣстника-воеводы, по его уполномочію, или же мѣстные бояре, которымъ отдавалъ эти волости въ держанье великій князь по годамъ. *Намѣстники воеводы* Витебскаго по актамъ были, напр., въ *волости Лужосенской* (Лужесно—погостъ Мошковской волости Витебскаго уѣзда), и *волости Илемницкой* (Лемница—село Яновичской волости того же уѣзда). Въ 1530 г. 28 сентября воеводѣ Витебскому заявлялъ его намѣстникъ Лужосенскій Молоденъ, что панскіе люди села Козловичъ забрали за себя пять земель пустовскихъ, которыя они передъ тѣмъ, „за первыхъ воеводъ во врадниковъ ихъ бирали съ позему пахати" [1151]). Въ 1432 году, въ бытность воеводы въ Илемницѣ,

---

[1146]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego, str. 86.
[1147]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108 109.
[1148]) *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XXIV.
[1149]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 45, 46.
[1150]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 18, 19.
[1151]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 48, 49.

ему приносилъ жалобу бояринъ господарскій Витебскій Костя Косовъ на тивуна Илемницкаго Ушака, который привернулъ его лядо къ двору господарскому, „которое жъ лядо намѣстникъ Илемницкій за его неведѣстью на дворъ Илемницкій посѣкъ“ [1152]). Изъ того, что воевода принималъ эту жалобу на мѣстѣ, видно, что Илемницкая волость находилась въ его завѣдываньѣ, а намѣстникъ Илемницкій былъ намѣстникомъ по уполномочію воеводы. Это заключенье подтверждается инвентаремъ замка Витебскаго, „съ нымъ подано пану Ивану Сопѣзѣ“ (около 1508), изъ котораго видно, кромѣ того, что на такомъ же положеніи находилась *волость Любошковская* (Любашково—нынѣ погостъ Селютинской волости Витебскаго уѣзда) и *Селицкая* (нынѣ деревни Селищи или Село близъ Зап. Двины въ Витеб. уѣздѣ)[1153]). Изъ привилея, даннаго въ 1503 г. костелу Витебскому на имѣнья его и разные доходы, въ томъ числѣ на десятину съ господарскихъ дворовъ, которые къ Витебску „прислухають“, видно, что къ разряду такихъ же волостей принадлежала и *Туловская волость* [1154]). Но около времени изданія перваго статута Туловскій дворъ вмѣстѣ съ волостью былъ уже въ частномъ владѣніи, именно княгини Анны Борисовны Жилинской, которая держала здѣсь своего намѣстника [1155]).

Великій князь отъ себя раздавалъ въ держанье мѣстнымъ боярамъ, напр., *волости Жижецкую* (село Жижица при озерѣ того же имени въ юго-западной части Торопецкаго уѣзда) и *Велижскую* (Велижъ—уѣздный городъ Витебской губерніи)[1156]). Такимъ образомъ, въ записи приходовъ короля Казимира читаемъ: „отъ *Велижскаго намѣстництва* Ходоръ далъ три копы“. Здѣсь же находимъ упоминанье объ *Озерецкомъ намѣстничествѣ* (въ волости Озерцо), отъ котораго Гриша далъ королю три корабельника [1157]). Къ разряду такихъ же волостей принадлежали, повидимому, и другія волости, находившіяся на границѣ съ московскими владѣніями, а именно: *Брусъ*, *Дречьи Луки*, *Усвять*, (нынѣ мѣстечко при озерѣ Усвятскомъ Велижскаго уѣзда), *Озерища* (нынѣ село при озерѣ того же имени въ Городокскомъ уѣздѣ), *Плавѣтицкая*, *Нежельская* (при озерѣ Жижцѣ) и *Мележская* [1158]). Всѣ эти

[1152]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 99, 100.

[1153]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

[1154]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 296, 297.

[1155]) Литов. Метр. кн. Запис. л. XVI, 64, 65.

[1156]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109.

[1157]) Ibidem, л. 87.

[1158]) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 396; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.

волости, за исключеніемъ Бруса, Дречьихъ Лукъ, Усвята и Озерища, по договору 1503 г. отошли къ Москвѣ вмѣстѣ съ городомъ Торопцомъ и его волостями [1159]). Волости Озерищская и Усвятская при королѣ Казимирѣ были отписаны отъ Витебска, а данщики и всякіе люди пріѣзжали къ нимъ на управу прямо отъ короля изъ Вильны [1160]). Впрочемъ, онѣ не вышли окончательно изъ состава Витебской земли и вмѣстѣ съ другими волостями выполняли разныя повинности на замокъ, напр., волочили на воеводу озеро Вымно, косили луга и забивали езы на рѣкѣ Лужоснѣ и т. под. [1161]). Въ 1526 году волости эти выпросилъ было у короля въ держанье князь Семенъ Якнтовичъ Подберезскій, при чемъ „подвезался" дани королевскія грошовыя и бобровыя, и куницы съ этихъ волостей сполна отдавать королю, „какъ передъ тымъ бывало" [1162]). Этого державцу король прислалъ изъ Вильны, а не изъ Витебска; но такъ какъ онъ сталъ судить „неисправственно", волости били челомъ королю, и король ихъ пожаловалъ, отдалъ королевѣ Бонѣ, которая прислала къ нимъ своего урядника (пана Кирдея). Но и во владѣніи королевы Боны волости эти не утратили связи съ Витебскою землею, помогали, напр., другимъ волостямъ Витебскимъ дѣлать городъ [1163]).

Изъ панскихъ имѣній среди перечисленныхъ волостей акты упоминаютъ въ Витебскомъ повѣтѣ *волость Глазомичскую* (Глазомичи —нынѣ деревня Витебскаго уѣзда на рѣчкѣ Вымнянкѣ, впадающей въ Касплю) пана Бодоѣда, намѣстнику котораго воевода Витебскій въ 1531 году заказалъ не пропускать бѣглецовъ за рубежъ. Волость эта тянулась довольно далеко вверхъ по рѣкѣ Касплѣ, захватывая, напр., село Кошевичи (нынѣ Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи) [1164]).

Древняя литовско-русская лѣтопись, разсказывая о походѣ Витовта и Скиргелла на князя Свидригелла, утвердившагося въ Витебскѣ въ 1392 году, говоритъ между прочимъ: „И яко пріидѣ къ граду Дрюцку, Друцкыи князи срѣтоша его и удариша ему челомъ у служ-бу; и оттолѣ поидѣ къ Орши; Ршане затворишася у градѣ, и борони-

---

1159) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 398—402.

1160) Писцовыя книги, изданныя Импер. Русск. Географ. Общ., ч. II, стр. 433, 434.

1161) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.

1162) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 333.

1163) Писцовыя книги, издан. Импер. Русск. Географ. Общ. ч. II, стр. 433, 434.

1164) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 16, 17; 74, 75.

шася два дни и удаша градъ" [1165]). Изъ этого раскава видно, что городъ Орша былъ пригородомъ Витебска, къ которому политически примыкали и владѣнія Друцкихъ князей. Когда установилась эта зависимость Друцка отъ Витебска, во время ли литовскаго владычества или ранѣе, сказать трудно за неимѣніемъ историческихъ данныхъ, — скорѣе всего, ранѣе литовскаго владычества, какъ принимаетъ Карамзинъ [1166]). Несомнѣнно только, что политическая связь Друцка съ Витебскомъ въ изучаемое время сохранялась, равно какъ и Орши, такъ что принадлежность ихъ къ составу Витебскаго воеводства послѣ разграниченія 1564 года не была новостью.

Городъ *Орша* съ своимъ повѣтомъ отдавался въ управленіе особому намѣстнику, который при Сигизмундѣ подобно многимъ другимъ переименованъ былъ въ державцу, а затѣмъ и въ старосту. *Намѣстникомъ* Рошскимъ и Оболецкимъ при Александрѣ является панъ Юрій Глѣбовичъ, бывшій потомъ воеводою Витебскимъ [1167]). Въ первые годы Сигизмундова княженья намѣстникомъ Рошскимъ акты называютъ князя Өедора Ивановича Жеславскаго, давая ему иногда и названіе *державцы* [1168]). Ко времени изданія статута послѣднее названіе утверждается болѣе или менѣе прочно за княземъ Өедоромъ Ивановичемъ [1169]); но въ 1531 году акты называютъ уже князя Жеславскаго *старостою*, напр., судный листъ воеводы Витебскаго по дѣлу подданнаго Витебскаго Бориса Андреевича съ княземъ Өедоромъ Дмитріевичемъ Горскимъ „о кгвалты, шкоды, грабежи, головщины и иншіе многіе кривды". Князь Өедоръ Ивановичъ присутствовалъ при разбирательствѣ этого дѣла, происходившемъ въ имѣньѣ воеводы Яна Юрьевича —Дубровнѣ, очевидно, пріѣхавъ къ воеводѣ по дѣламъ, какъ къ главному начальнику края [1170]).

Къ Рошскому повѣту, кромѣ собственной волости города Орши, принадлежали: *волость Межевская* (Межево нынѣ село Мошковской волости Оршанскаго уѣзда), которую король Александръ въ 1501 году пожаловалъ въ держанье дворянину Петру Фурсу [1171]); дворъ *Смоляя*-

---

1165) Лѣтописецъ великихъ князей Литовскихъ, стр. 39.

1166) *Карамзина* IV, 147.

1167) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego, str. 86; Акты Южн. и Запад. Рос. I, № 236.

1168) Акты Запад. Рос. II, № 10, 76.

1169) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 42, 43; 211—214.

1170) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 28—30.

1171) Акты Зап. Рос. I, № 194.

ны съ волостью (нынѣ мѣстечко Смолвяны Оршанскаго уѣзда на рѣчкѣ Одровкѣ, впадающей въ Днѣпръ), который принадлежалъ при Казимирѣ и въ первые годы княженья Александра кн. Бѣльскимъ [1172]), по отъѣздѣ князя Семена въ Москву спалъ на господаря, который отдалъ его во владѣнье супругѣ своей Еленѣ; по смерти ея спалъ на короля Сигизмунда, который отдалъ его кн. Константину Ивановичу Острожскому по родству его съ домомъ князей Бѣльскихъ [1173]); *волости Микулинская* (Микулино—мѣстечко при озерѣ Глыбокѣ въ сѣверо-восточномъ углу Оршанскаго уѣзда) и *Любавичская* (мѣстечко при рѣкѣ Березинѣ того же уѣзда) [1174]), изъ которыхъ первая во время изданія Статута 1529 года принадлежала князю Михаилу Осовицкому, какъ это видно изъ суднаго листа воеводы Витебскаго Яна Юрьевича Глѣбовича, разбиравшаго жалобу кн. Осовицкаго на боярина Витебскаго Михаила Курейшова „о забраньи земль властныхъ его имѣнья" [1175]); *волость Дубровенская* (нынѣ мѣстечко Дубровна на р. Днѣпрѣ Горецкаго уѣзда Могилевской губерніи), принадлежавшая потомъ Глѣбовичамъ, изъ рода которыхъ бывали державцы Рошскіе и воеводы Витебскіе [1176]); повидимому, также *волость Романовская* (нынѣ мѣстечко Романово Горецкаго уѣзда) [1177]). Акты, кромѣ того, называютъ различныя села Рошскаго повѣта, напр., *Зазеряне* (нынѣ Старое Заозерье Пустынской волости Сѣннинскаго уѣзда), пожалованное Казимиромъ Войтку Шапкѣ [1178]); *Великое Село* (нынѣ Рясненской волости Сѣннинскаго уѣзда), часть котораго король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину своему Андрею Воротынцу, при чемъ писалъ намѣстнику Рошскому князю Ѳедору Ивановичу Жеславскому: „и ты бы вжо въ тую часть того Великаго Села не вступался ничимъ" [1179]); *Селище* (нынѣ деревня къ сѣверу отъ Орши), которое Сигизмундъ пожаловалъ кн. Богдану Дмитріевичу Одинцевича въ 1510 году [1180]) и др.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ селеніями Оршанскаго повѣта на сѣверо-западѣ лежало *Сѣнно* при озерѣ того же имени,—родовое имѣ-

---

1172) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXXVI.
1173) Акты Зап. Рос. II, № 118.
1174) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.
1175) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 61, 62.
1176) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 259.
1177) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.
1178) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.
1179) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 134.
1180) Литов. Метр кн. Запис. VIII, л. 375—377.

ніе князей Сѣнскихъ неизвѣстнаго происхожденія, а на югѣ—волости многочисленнаго рода князей Друцкихъ, распавшагося на нѣсколько вѣтвей. „Головнымъ“ имѣніемъ ихъ былъ *Друцкъ* (мѣстечко на рѣкѣ Друти Могилевскаго уѣзда); кромѣ того, имъ же принадлежали: *Толочинъ* (нынѣ мѣстечко Оршанскаго уѣзда на р. Друти)—имѣнье особой вѣтви князей Друцкихъ-Толочинскихъ; князьямъ Толочинскимъ принадлежала, кромѣ того, *Радча* (нынѣ село Рачье Могилевскаго уѣзда недалеко отъ Друцка)[1181]; *Соколня* (нынѣ село Старотолочинской волости Оршанскаго уѣзда)—имѣнье особой вѣтви князей Друцкихъ-Соколинскихъ[1182]); *Озерцы* (нынѣ село Старотолочинской волости Оршанскаго уѣзда) — имѣнье особой вѣтви князей Друцкихъ-Озерецкихъ[1183]); *Багриново* (село неподалеку отъ Друцка къ востоку) —имѣніе особой вѣтви князей Друцкихъ-Одинцевичей-Багриновскихъ[1184]); *Гольцово*, *Шишка* (село Бобрской волости Сѣнинскаго уѣзда) и *Кривая* подлѣ Друцка — имѣнья особой вѣтви князей Друцкихъ-Одинцевичей-Гольцовскихъ[1185]); *Зубревичь* (нынѣ село на рѣчкѣ Ульянкѣ, впадающей въ Днѣпръ, Оршанскаго уѣзда)—имѣніе князей Зубревицкихъ; *Подберезье* (нынѣ село Кохановской волости Оршанскаго уѣзда) — имѣнье особой вѣтви князей Друцкихъ-Подберезскихъ[1186]); *Слободка* (нынѣ село на Днѣпрѣ Старосельской волости Оршанскаго уѣзда)—имѣніе князей Друцкихъ-Путятичей[1187]); *Воронцевичи* „у Друцку“ (нынѣ село той же Старосельской волости)—имѣніе князей Путятичей, перешедшее при Александрѣ во владѣніе пана Юрья Ивановича Ильинича[1188]); *Горы* (нынѣ мѣстечко Чериковскаго уѣзда Могилевской губерніи)—имѣніе особой вѣтви князей Друцкихъ-Горскихъ[1189]); *Шишево* (нынѣ село Горецкаго уѣзда)—имѣнье особой вѣтви князей Горскихъ-Шишевскихъ[1190]) и др. О принадлежности Сѣнна къ землѣ Витебской узнаемъ, напр., изъ донесеній московскихъ служилыхъ людей своему правительству касательно границъ

[1181]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 350.

[1182]) Ibidem, str. 324.

[1183]) Ibidem, str. 51.

[1184]) Ibidem, str. 4.

[1185]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346—348; Акты Запад. Рос. II, № 53.

[1186]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 166, 250.

[1187]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

[1188]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 201.

[1189]) Акты Зап. Рос. I, № 145, *Bonieckiego* Poczet rodów, str. 51.

[1190]) Акты, Зап. Рос. I, № 145.

и волостей Полоцкаго повѣта [1191]).— Имѣнье князей Соколинскихъ— Соколня находилось въ „правѣ" земли Витебской, какъ это видно изъ заявденья князя Павла Юрьевича Соколинскаго воеводѣ Витебскому объ утратѣ печати [1192]). Князья Горскіе состояли также подъ присудомъ воеводы Витебскаго: въ 1530 году 1-го ноября, въ бытность свою въ Дубровнѣ, воевода Витебскій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича разбиралъ тяжбу нѣкоего Бориса Андреевича съ княземъ Өедоромъ Дмитріевичемъ Горскимъ и его братьею „о кгвалты, шкоды, грабежи, головщины и иншіе многіе кривды" [1193]). Относительно другихъ Друцкихъ волостей намъ не удалось найдти прямыхъ указаній на принадлежность къ составу Витебской земли въ изучаемое время, но принадлежность эту нѣтъ никакихъ основаній подвергать сомнѣнію.

Такимъ образомъ, Витебская земля въ изучаемое время заключала въ своемъ составѣ нынѣшній Витебскій уѣздъ за исключеніемъ небольшой части его на западѣ, Городокскій на западъ по р. Оболю, Велижскій уѣздъ и юго-западную часть Торопецкаго (до 1503 года), небольшую западную часть Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи, почти весь Оршанскій и Горецкій уѣзды Могилевской губерніи, сѣверо-восточную (отъ р. Усвяды) и южную (отъ р. Бобра) часть Сѣнницскаго уѣзда и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Могилевскаго уѣзда.

XVII.

Въ землѣ Полоцкой, какъ и другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, высшій судъ и управленіе сосредоточены были въ рукахъ *намѣстника*, сидѣвшаго въ бывшемъ стольномъ городѣ Полоцкаго княжества и около 1504 года переименованнаго въ *воеводу* [1194]). Въ качествѣ правительственныхъ сотрудниковъ при немъ находились: *городничій*, учрежденный при королѣ Казимирѣ [1195]), *хоружій*, *бобровничій* и городской *тивунъ*, существовавшіе по всему вѣроятію еще въ удѣльное время [1196]). Городской тивунъ судилъ людей *городской волости* и, кромѣ того, на Черсвяти [1197]); въ остальныхъ волостяхъ

[1191]) Писцовыя книги, изд. Импер. Русск. Географ. Общ., ч. II, стр. 419—426.

[1192]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 282.

[1193]) Ibidem, л. 28—30.

[1194]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 45.

[1195]) Акты Зап. Рос. I, № 64.

[1196]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 114, 115; 173, 174 и др.

[1197]) Акты Зап. Рос. II, № 70.

Полоцкой земли, не перешедшихъ въ частное владѣнье, судъ и управу чинили или намѣстники воеводы Полоцкаго по его уполномочію, или же Полоцкіе бояре, получавшіе волости въ держанье по годамъ, „колеею". Изъ сихъ послѣднихъ въ актахъ изучаемаго времени упоминаются, напр., *волости Собезская и Дрисецкая*. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „а Ходору волость Собежъ послѣ Валеромея" [1198]. Въ „вырокѣ" великаго князя Александра „промежи бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ, зъ стороны судовъ и иншыхъ порядковъ" читаемъ между прочимъ: „Тежъ, што бояре Полоцкіе держать волостку Дрисецкую, по годамъ судятъ и радятъ: ино которыи путники въ той волостки живутъ, а будутъ ихъ бояре суживали хто тую волостку держалъ, ино и нынѣ бояре, которыи будутъ тую волостку держати, маютъ ихъ судити по давному" [1199]. Такимъ образомъ, правительственное устройство Полоцкой земли въ общихъ чертахъ было такое же, какъ и въ другихъ областяхъ Литовской Руси, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ либо, было проникнуто единствомъ и централизаціею.

Въ актахъ и документахъ изучаемаго времени находятся довольно полныя и отчасти сгруппированныя свѣдѣнія о территоріальномъ составѣ и объемѣ Полоцкой земли. По договору, заключенному королемъ Александромъ съ великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1503 году, послѣдній обязался между прочимъ не вступаться въ городъ Полоцкъ и въ слѣдующія волости: *Мошники, Дрысу, Освію, Нещерду, Непоротовичи, Вербилову слободу, Кубокъ, Вязму, Клично, Ситняны, Лисну, Себежъ и Замошье* [1200]. Всѣ перечисленныя здѣсь волости находились на правой сторонѣ рѣки Десны, въ той части Полоцкой земли, которая была смежна съ владѣніями Московскаго государя. На центральные пункты этихъ волостей указываютъ въ настоящее время: уѣздный городъ Витебской губерніи Дрисса при впаденіи р. Дриссы въ Западную Двину, мѣстечко Освей при озерѣ того же имени Дриссенскаго уѣзда, озеро Нещердо въ сѣверной части Полоцкаго уѣзда, погостъ Непороты Лѣсковичской волости Витебскаго уѣзда, Вербилова слобода въ сѣверо-восточной части Себежскаго уѣзда, погостъ Кубекъ близъ озера Кубецкаго Невельскаго уѣзда, села Большое Ситно и Малое Ситно въ сѣверо-восточной части Полоцкаго уѣзда близъ озера Ситна, поселокъ Лисно при озерѣ

[1198]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 13.

[1199]) Акты Запад. Рос. I, № 175.

[1200]) Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ. XXX. 398—402.

того же имени въ сѣверной части Дриссенскаго уѣзда, уѣздный городъ Витебской губерніи Себежъ при озерѣ того же имени; селеній съ названіемъ Замошье есть нѣсколько въ Дриссенскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ, такъ что трудно указать съ точностью на центральный пунктъ вышеупомянутой волости Замошья. Указанія на эти волости встрѣчаются и въ другихъ источникахъ изучаемаго времени. О *волости Дрисецкой* было уже упомянуто выше.—*Волость Освейская* является въ источникахъ владѣніемъ пана Петра Станиславовича Кишки, который въ 1521—1532 годахъ былъ воеводою Полоцкимъ [1201]). Панъ Петръ Станиславовичъ управлялъ этою волостью чрезъ своего намѣстника, какъ это видно изъ жалобы сего послѣдняго, поданной Полоцкому воеводѣ Яну Юрьевичу Глѣбовича на то, что „люди пана Михаила Сенѣги на имя Калюты, нашодши кгвалтомъ моцью на земли властные пана Троцкаго имѣнья Освейского збожье побрали и земли позаходили" [1202]).—*Волость Нещедренская* упоминается въ судовомъ листѣ Яна Юрьевича Глѣбовича, воеводы Полоцкаго, по дѣлу волости Нищенской съ волостью Себежскою о распредѣленіи между ними разныхъ повинностей [1203]).—*Волостка Непоротовичи* въ 1511 г. пожалована была на вѣчность князьямъ Василью и Андрею Семеновичамъ Соколинскимъ [1204]). Но въ 1532 году волость Непоротовская была снова господарскою, какъ это видно изъ жалобы людей этой волости на людей боярыни Полоцкой, паньи Михайловой Сеньковича, Ульяны—Могильнянъ, которые не хотѣли „посполъ" съ ними городить городни въ замкѣ Полоцкомъ [1205]).—Отъ 1535 г. имѣется листъ судовый воеводы Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича по дѣлу людей *волости Ситненской* съ мѣщанами Полоцкими, которые хотѣли ихъ принудить мостить мосты въ замкѣ у великихъ воротъ и за замкомъ, „гдѣ узводъ бывалъ" [1206]).—Въ 1533 году тотъ же воевода разбиралъ тяжбу нѣкоторыхъ людей *волости Лисненской* Полоцкаго повѣта съ подданнымъ господарскимъ Васкомъ Олехновичемъ Черкасомъ, который выпросилъ у короля ихъ землю за пустовщину, „а земля тая николи пуста не лежала" [1207]).—*Волость Себежская* въ 1525 году была

[1201]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 45.

[1202]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 168.

[1203]) Ibidem, л. 133, 134.

[1204]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 49, 50.

[1205]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 125, 126.

[1206]) Ibidem, л. 262, 263.

[1207]) Ibidem, л. 131.

освобождена королемъ Сигизмундомъ отъ всякихъ „даней и подачокъ" на четыре года по случаю разоренія ея отъ московскихъ людей, вслѣдствіе чего воеводѣ приказано было не всылать въ нее слугъ своихъ для собиранія даней медовыхъ и другихъ доходовъ, которые приходили на короля, воеводу и его урядниковъ [1208]).

Кромѣ перечисленныхъ, на правой сторонѣ Двины въ землѣ Полоцкой находились и нѣкоторыя другія волости, въ грамотѣ 1503 года не упомянутыя. Таковы были, напр.: *волость Язенская* при озерѣ Язно (въ западной части нынѣшняго Невельскаго уѣзда) [1209]); *волость Нищенская* при озерѣ того же имени (въ нынѣшнемъ Себежскомъ уѣздѣ), тяжбу которой съ волостью Себежскою о распредѣленіи повинностей разбиралъ въ 1533 году воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича [1210]); *волость Неведринская* при озерѣ Невердѣ (на границѣ Невельскаго и Себежскаго уѣздовъ); *волость Покровская* при озерѣ Орлеѣ (въ западной части Невельскаго уѣзда); *волость Межевская*, на центральный пунктъ которой указываетъ погостъ Межево въ сѣверной части Полоцкаго уѣзда почти на границѣ съ Себежскимъ уѣздомъ [1211]); панское имѣніе *Залѣсье* (нынѣ село въ восточной части Полоцкаго уѣзда); панское имѣнье *Теребешово* (нынѣ деревня на р. Двинѣ въ западной части Витебскаго уѣзда); *Прихабы* (нынѣ село Себежскаго уѣзда)—имѣнье князей Прихабскихъ [1212]) и др.

Въ 1563 году, по описи, произведенной московскими служилыми людьми, въ составъ Полоцкаго повѣта за Двиною рѣкою входили слѣдующія волости: *Суша* (нынѣ село Каменской волости Лепельскаго уѣзда); *Гонецкая* около озера Кугони (къ сѣверу отъ Суши); *Туроса* (сельцо Туросы Усайской волости Лепельскаго уѣзда близъ озера Усая); *Ладосна* (къ западу отъ Суши того же уѣзда); *Ворони* (нынѣ село Воронь при озерѣ того же имени Лепельскаго уѣзда); *Пѣшня* (нынѣ мѣстечко Пышно при озерѣ Глубокомъ Лепельскаго уѣзда); *Малые Дольцы и Большіе* (нынѣ село Борисовскаго уѣзда на границѣ съ Лепельскимъ); *Кубличи* (нынѣ мѣстечко Лепельскаго уѣзда на границѣ съ Дисненскимъ); *Телитеничи* на р. Ушачи; *Черстіе* (нынѣ Черсвяти при озерѣ Черсвятскомъ Лепельскаго уѣзда); *Лепль* (нынѣ

1208) Акты Зап. Рос. II, № 133.

1209) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 124, 125.

1210) Ibidem, л. 133, 134.

1211) Писцовыя книги, изданныя Имп. Русск. Географ. Общ. ч. II, стр. 445—450.

1212) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 149, 185.

село Старый Лепель при озерѣ Лепельскомъ); *Мусырь* (Мосаръ къ югозападу отъ Черовяти?); *Меницы* (нынѣ погостъ Мѣница при впаденіи Волчи въ Ушачь Лепельскаго уѣзда); *Воронечь* (нынѣ мѣстечко на рѣчкѣ Ушачи того же уѣзда); *Прозороки* (нынѣ мѣстечко Дисненскаго уѣзда на границѣ съ Лепельскимъ); *Старинки* (нынѣ деревня Старинка того же уѣзда близъ Прозорокъ къ западу); *Задорожье* (нынѣ деревня Плисской волости Дисненскаго уѣзда); *Десна* (нынѣ Дисна, уѣздный городъ Виленской губерніи); *Фефиловичи, Стерково, Кириловичи, Устьшачи* (нынѣ село Устье при впаденіи Ушачи въ Двину Лепельскаго уѣзда); *Голомысль* (нынѣ село на р. Дисиѣ Дисненскаго уѣзда); *Чернѣевичи* (нынѣ погостъ Дисненскаго уѣзда); *волость Азасская* (Язненская на р. Язнѣ, впадающей слѣва въ Дисну?); *Глубокое* (нынѣ мѣстечко при озерѣ Березвечскомъ Дисненскаго уѣзда); *Псуя* (нынѣ погостъ Прозороковской волости Дисненскаго уѣзда); *Бобыничи* (нынѣ мѣстечко Лепельскаго уѣзда почти на границѣ съ Дисненскимъ); *Орѣховня* (нынѣ мѣстечко тамъ же); *Вѣтреная* (нынѣ мѣстечко Вѣтрино при озерѣ Вѣтринскомъ тамъ же); *Селецъ* (нынѣ село Бочейковской волости Лепельскаго уѣзда на р. Уллѣ); *Бочейково* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда на р. Уссѣ); *Усая* (нынѣ село того же уѣзда при озерѣ Усаѣ); *Тетчая* (при озерѣ того же имени); *Встеча* (при озерѣ Стечѣ); *Улана* (при озерѣ Улѣ); *Гоммель* (нынѣ мѣстечко при озерѣ Гоммели Полоцкаго уѣзда), *Добрыгощина* (нынѣ погостъ Добрыгорь Станиславской волости Лепельскаго уѣзда); *Свѣтчки* (нынѣ село Свѣча на рѣчкѣ Свѣчанкѣ, впадающей въ Уллу того же уѣзда); *Ула* (нынѣ мѣстечко при впаденіи Уллы въ Двину Лепельскаго уѣзда); *Низголовъ* (нынѣ село Низголовье того же уѣзда близъ Уллы рѣки); *Еванская* (нынѣ Иванскъ на р. Уллѣ Коптевичской волости); *Усвія* (нынѣ село Усвея при озерѣ того же имени Лепельскаго уѣзда); *Мильковичи* (нынѣ деревня Лепельскаго уѣзда на р. Двинѣ выше впаденія въ нее Кривины); *Вяжище* (нынѣ село Лепельскаго уѣзда на р. Двинѣ, на границѣ съ Сѣнскимъ уѣздомъ); *Быстрья* (нынѣ деревня Быстрая на р. Двинѣ Лепельскаго уѣзда); *Лугиновичи* (нынѣ село при озерѣ Сорѣ Сѣннинскаго уѣзда, близъ Лепельскаго); *Слѣщеничи* (тамъ же, неподалеку отъ Латыгова); *Вѣденичи* (тамъ же) [1213]. „А про Лукомль Василію Низовцову сказали, что *Лукомль* со всѣмъ уѣздомъ Полоцкой повѣтъ“ [1214]; этотъ уѣздъ заключалъ въ

[1213]) Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Географ. Общ., ч. II, стр. 437—443.
[1214]) Ibidem, стр. 422, 423.

своемъ составѣ села: *Тяпино* (Лепельскаго уѣзда на границѣ съ Сѣнненскимъ), *Перешичи*, *Почаевичи* (нынѣ село Лукомльской волости Сѣнвинскаго уѣзда на р. Лукомкѣ), *Слицо* (нынѣ Слитцы тамъ же), *Черее* (мѣстечко того же уѣзда при озерѣ Черейскомъ), *Белмаки* (Бѣлыничи, недалеко отъ Лукомля къ востоку?), *Гоеновичи и Мелешковичи* (деревни на южномъ берегу Лукомльскаго озера), *Верховье* (нынѣ село Лепельскаго уѣзда на рѣчкѣ Свѣчанкѣ) и *Добры Городище* [1215]).—Перечисленныя волости упоминаются и въ актахъ изучаемаго времени, такъ что опись 1563 года имѣетъ свое значеніе и для настоящаго изслѣдованія. Такъ, *Суша и Макарово* (нынѣ село Макаровщина при озерѣ того же имени недалеко отъ Суши) являются имѣніями князей Острожскихъ въ Полоцкомъ повѣтѣ [1216]); *Пигино*—имѣніе князя Осовицкаго [1217]); *Дольцы*, *Путилковичи*, и *Весничи* (села близъ Долецъ) со времени Скиргелла являются имѣньями владыки Полоцкаго [1218]); въ *Кубличахъ* король Сигизмундъ въ 1511 году пожаловалъ боярамъ полоцкимъ Михаилу и Ивану Невельскимъ двѣ службы людей путныхъ [1219]); *Кубличи*, *Вѣтрына и Солонесвичи* (село Бабиничской волости Лепельскаго уѣзда) упоминаются въ заявленьѣ, поданномъ воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича относительно мѣны подводъ подъ господарскими и воеводиными слугами, которые ѣзжали съ листами [1220]); села *Телятиничи* и *Тобольчиничи* въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ „шляхотне урожоному" Петру Семеновичу Епимаховичу, бывшему потомъ хоружимъ Полоцкимъ [1221]); въ томъ же году Сигизмундъ пожаловалъ князьямъ Юрью, Василью и Андрею Соколенскимъ людей путныхъ *Черсвятское волости* въ Полоцкомъ повѣтѣ [1222]); въ 1508 году король Сигизмундъ подтвердилъ боярину полоцкому Микифору Коробовичу людей, данныхъ ему королемъ Александромъ „въ Полоцкомъ повѣтѣ *на Мѣницы*" [1223]); въ 1460 году король Казимиръ пожаловалъ пану Остафію Корсаковичу человѣка путнаго съ его братьею и дѣтьми и ихъ землею „у Полоц-

---

[1215]) Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ., ч. II стр. 437.
[1216]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 234.
[1217]) Ibidem, л. 240—243.
[1218]) Акты Зап. Рос. I, № 174, 209.
[1219]) Литов, Метр. кн. Запис. IX, л. 168.
[1220]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 288, 289.
[1221]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 203.
[1222]) Ibidem, л. 301, 302.
[1223]) Ibidem, л. 228, 229.

комъ повѣтѣ *на Язнѣ*" [1224]); ему же Казимиръ пожаловалъ шесть человѣкъ данниковъ на *Псои* [1225]); *Бабыничи* въ 1533 году принадлежали боярину Полоцкому Ѳедору Ивановичу Зеновьевича, который держалъ здѣсь своего *намѣстника* [1226]); *Селецъ* въ то же время принадлежалъ паньѣ воеводиной Виленской [1227]); великій князь Александръ въ 1495 году подтвердилъ боярину Полоцкому Сеньку Григорьевичу нѣкоторыя землицы купли его на *Всваи* [1228]); *Гомій да Усомье* (близъ озера Усомля, лежащаго къ сѣверу отъ Гомейскаго) въ тридцатыхъ годахъ XVI в. принадлежали пану Путятѣ Ѳедковичу [1229]); *Ула* —паньѣ Алжбетѣ, женѣ воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича Радивиловича, которая держала въ ней своего намѣстника [1230]); *на Низголовѣ* на Улѣ великій князь Александръ подтвердилъ сыну владыки Полоцкаго Андрею село, которое онъ купилъ у мѣщанъ Полоцкихъ „съ прызволеніемъ намѣстника Полоцкаго пана Юрья Пацовича" [1231]); *Еванъ* въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка принадлежала Островскому монастырю [1232]); дворъ *Мильковичи* великій князь Алексанръ пожаловалъ въ 1501 году дворянину Юхну Вороничу [1233]), а впослѣдствіи, въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка, онъ уже былъ во владѣніи князей Соколинскихъ [1234]); *въ Быстрѣхъ* король Казимиръ пожаловалъ нѣкоему Яцку Пологану восемь человѣкъ [1235]); *въ Орѣховнѣ* и *Загатьѣ* (деревня недалеко отъ Орѣковна) король Сигизмундъ пожаловалъ городничему Полоцкому Ивану Глѣбовичу семь служебъ людей [1236]); *Лукомль*, отчина князей Лукомскихъ, обозначается въ Полоцкомъ повѣтѣ въ записяхъ Казимирова княженья вмѣстѣ съ своими селами *Болиномъ и Свядомъ* [1237]); *Черея* при Александрѣ сдѣлалась имѣньемъ

[1224]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 15.

[1225]) Ibidem, л. 13.

[1226]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 252.

[1227]) Ibidem, л. 207—210.

[1228]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

[1229]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 168.

[1230]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 92, 93.

[1231]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 96, 97. Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXXVIII.

[1232]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 145—147.

[1233]) Акты Зап. Рос. I, № 195.

[1234]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 137, 138.

[1235]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 13.

[1236]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 287.

[1237]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 13.

пана Ивана Богдановича Сопѣги, который владѣлъ ею и при королѣ Сигизмундѣ во время изданія перваго Статута [1238]); *Вѣденичи* въ изучаемое время принадлежали особой вѣтви князей Лукомскихъ-Виденицкихъ [1239]); *Мелешковичи*—особой вѣтви князей Лукомскихъ-Мелешковскихъ [1240]).

Кромѣ перечисленныхъ волостей, на правой сторонѣ Двины къ составу Полоцкой земли принадлежали: *Кривицо* (на р. Кривинѣ, притокѣ Двины), отошедшее отъ князей Соколенскихъ къ князю Семену Явонтовичу Подберезскому [1241]); *Чашники* (на р. Улянкѣ, впадающей въ Улу), принадлежавшіе панамъ Радивиламъ [1242]); *Туровль* (при озерѣ того же имени)—имѣнье Островскаго Предтеченскаго монастыря [1243]); господарскій дворъ *Обѣльчицы* (нынѣ село Бѣльчица не далеко отъ Полоцка) [1244]) и др.

Такимъ образомъ, Полоцкая земля въ своемъ составѣ заключала нынѣшніе Себежскій, Дриссенскій, Полоцкій и Лепельскій уѣзды Витебской губ., юго-западную часть Витебскаго уѣзда, западную часть Сѣнинскаго уѣзда Могилевской губ. (приблизительно по рѣку Усвяду, впадающую въ Западную Двину), сѣверную часть Борисовскаго уѣзда Минской губерніи (ограничиваемую р. Березиною и ея притокомъ Сергутью) и сѣверо-восточную часть Дисненскаго уѣзда Виленской губерніи (ограничиваемую рѣками: Березвечью, впадающею въ Дисну, Дисною и Волтою, притоками Западной Двины) [1245]).

XVIII.

Литовское Подолье при королѣ Казимирѣ отдавалось въ держанье обыкновенно двумъ *намѣстникамъ*, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ *въ Браславлѣ*, а другой *въ Вѣницѣ* (нынѣ Браславъ и Винница, уѣздные города Подольской губерніи). Въ актахъ конца Казимирова княженья находимъ упоминанье о намѣстникахъ Браславскихъ Петрѣ Яновичѣ [1246]) и князѣ Андреѣ (Сангушковичѣ?), о намѣстникѣ Вѣ-

---

1238) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88; XVI, л. 237.
1239) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 210.
1240) Ibidem, л. 134.
1241) Ibidem, л. 137, 138.
1242) Ibidem, л. 193.
1243) Ibidem, л. 126, 127.
1244) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 315.
1245) См. Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ. ч. II, стр. 421—430.
1246) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXXIII.

ницкомъ Кмитѣ Александровичѣ [1247]), а потомъ о Быкѣ Александровичѣ [1248]); послѣдній упоминается и въ первые годы Александрова княженья, именно въ привилеѣ, выданномъ ему въ 1494 году на имѣнье Жорновище, селище Головачовцы и другія селища „у Бряславскомъ повѣтѣ“ [1249]). Великій князь Александръ отдалъ Браславль и *Звинигородку* въ держанье князю Ѳедору Ивановичу Четвертенскому [1250]), а потомъ и всѣ три главныхъ замка Подольскихъ, Браславль, Вѣницу и Звинигородку, съ ихъ повѣтами князю Константину Ивановичу Острожскому, который поэтому въ актахъ именуется намѣстникомъ Браславскимъ, Вѣницкимъ и Звинигородскимъ, напр., въ привилеѣ, данномъ ему великимъ княземъ въ 1498 году на имѣніе Шепле съ приселками, куплю его [1251]). Когда князь Константинъ Ивановичъ былъ взятъ въ плѣнъ, в. князь Александръ отдалъ Браславль и Вѣницу кн. Андрею Александровичу Сангушковичу [1252]), а потомъ князю Михаилу Васильевичу Збаражскому, который выступаетъ намѣстникомъ Браславскимъ и въ актахъ начала Сигизмундова правленья [1253]). По возвращеніи князя Константина Ивановича изъ плѣна Сигизмундъ взялъ Подольскіе замки Браславль, Вѣницу и Звинигородку къ своимъ рукамъ и отдалъ ихъ въ держанье до живота опять князю Константину [1254]). Въ 1517 году король позволилъ князю Константину „спустить“ ихъ сестренцу своему князю Роману Андреевичу Александровича Сангушковичу также въ держанье до живота, при чемъ оговорилъ въ „дозволеномъ листѣ“: „а естли бы ся намъ его на тыхъ замкохъ нашихъ мѣти не видѣло, мы тыи замки наши маемъ, въ него вземши, никому иному не маемъ ихъ отдавати, нижли маемъ ихъ за ся дати князю Костентину его милости“ [1255]) Князь Романъ Андреевичъ выступаетъ послѣ того въ актахъ намѣстникомъ Браславскимъ и Вѣницкимъ, напр., въ привилеѣ, выданномъ ему на дворъ Турійскъ во Владимирскомъ повѣтѣ [1256]). Но въ 1522 году Подольскіе замки

[1247]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXIX

[1248]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 80.

[1249]) Литов. Метр. кн Запис. III, л. 86.

[1250]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLII.

[1251]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

[1252]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLVI.

[1253]) Акты Зап. Рос. II, № 26; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 173.

[1254]) Акты Зап. Рос. II, № 29.

[1255]) Литов. Метр. кн, Запис. IX, л. 158, 159.

[1256]) Ibidem, л. 111, 112.

были уже опять въ рукахъ князя Константина Ивановича, который именуется въ актахъ уже *старостою* Браславскимъ и Вѣницкимъ, напр., въ подтвержденьѣ, выданномъ 28 октября 1522 года пану Коптю Васильевичу на дворецъ Стошиньскій и пущи въ Стабинкахъ [1257]). Послѣ князя Константина старостою Браславскимъ и Вѣницкимъ является сынъ его Илья [1258]). Имя Звинигородки со времени намѣстничества на Подольѣ князя Романа Андреевича исчезаетъ изъ титула намѣстниковъ старостъ Подольскихъ, не попадается и въ актахъ, потому что въ это время замокъ былъ разрушенъ татарами, а повѣтъ его превращенъ въ пустыню [1259]).

Судя по дошедшимъ до насъ историко-географическимъ даннымъ, Вѣницкій повѣтъ обнималъ собою, кромѣ нынѣшняго Винницкаго уѣзда Подольской губерніи, почти весь Литинскій уѣздъ за исключеніемъ сѣверной его части, гдѣ лежала Хмельницкая волость польскаго Подолья, небольшую сѣверо-восточную часть Брацлавскаго уѣзда той же губ., южную часть Бердичевскаго и Сквирскаго уѣздовъ, почти весь Липовецкій и Таращанскій (?) уѣзды Кіевской губ. Къ составу его, напр., принадлежали слѣдующія села и имѣнья: село *Дешковцы* (нынѣ Дашковцы Сосонской волости Литинскаго уѣзда), утвержденное великимъ княземъ Александромъ за земяниномъ Ивашкомъ Антоновичемъ [1260]); *Вонячинъ* (нынѣ село той же волости на р. Згарѣ)—имѣнье, данное королемъ Александромъ Остафью Дашковичу, а королемъ Сигизмундомъ возвращенное отчичамъ, земянину Берендею и его братьѣ Тарасовичамъ [1261]); *Микулинцы и Почапинцы* на р. Згарѣ (Литинскаго уѣзда), *Мезековъ* (нынѣ Мизяковъ) и *Супроново* на той же рѣкѣ Згарѣ (нынѣ Стрижовской волости Винницкаго уѣзда), утвержденныя въ 1511 году за отчичемъ ихъ, земяниномъ Вѣницкимъ Ивашкомъ Супроновичемъ [1262]). По переписи 1545 г., кромѣ перечисленныхъ селъ, въ Вѣницкомъ повѣтѣ были еще слѣдующія земянскія имѣнья: *Семаково* (нынѣ село Семаки на р. Ровѣ, притокѣ Бугѣ, Винницкаго уѣзда); *Демидово* (нынѣ село Демидовка на р. Ровѣ Винницкаго уѣзда); *Яновцы* (нынѣ мѣстечко Яновъ на р. Бугѣ Литинскаго уѣзда); *Погребище* (нынѣ мѣстечко на р. Роси Бердичевскаго уѣзда); *Турбовъ*

1257) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 630.
1258) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 85—87.
1259) Źródła dziejowe, tom VI, str. 122.
1260) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 191.
1261) Литов. Метр кн. Запис. VIII, л. 225.
1262) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 5.

(нынѣ село того же уѣзда на рѣчкѣ Деснѣ, притокѣ Бугѣ); *Цаборовъ* (нынѣ село Таборовъ Пустоварской волости Сквирскаго уѣзда на рѣчкѣ Роставицѣ?); *Махновцы* (нынѣ село Махновка Браиловской волости Винницкаго уѣзда); *Якушинъ* и *Петничаны* (нынѣ села Якушинцы и Пятничаны на р. Бугѣ Юзвинской волости Винницкаго уѣзда); *Стрыжовка* (нынѣ мѣстечко Стрижовка на р. Бугѣ); *Вороновичи* (нынѣ мѣстечко Лучинской волости Брацлавскаго уѣзда); *Линенцы* (нынѣ мѣстечко Иленцы на р. Соби, притокѣ Буга, Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи); *Каменная Горка* (нынѣ село Винницкаго уѣзда на границѣ съ Литинскимъ); *Гущинцы* (нынѣ село на р. Бугѣ Калиновской волости Винницкаго уѣзда); *Челенковъ* (нынѣ село Черленковъ на р. Бугѣ Юзвинской волости); *Летинъ* (нынѣ уѣздный городъ Литинъ); *Яцковцы* (нынѣ село на р. Згарѣ Литинскаго уѣзда); *Новоселица* (нынѣ на р. Згарѣ того же уѣзда) [1263]).

Браславскій повѣтъ въ изучаемое время, содержалъ въ себѣ территоріи нынѣшнихъ Брацлавскаго, Ямпольскаго, Ольгопольскаго, Гайсинскаго и частью Балтскаго уѣздовъ Подольской губерніи, Липовецкаго и Уманьскаго Кіевской губерніи. Къ составу его принадлежали, напр., слѣдующія имѣнья и села: *Крюковцы*, *Жорновища* (нынѣ Жорнище, мѣстечко Липовецкаго уѣзда на границѣ съ Браславскимъ), *Погребища* (по переписи 1545 года село это, какъ было уже указано, принадлежало къ Вѣницкому повѣту), *Оратовъ* (нынѣ мѣстечко на р. Гнилой Роси Липовецкаго уѣзда), пожалованныя королемъ Казимиромъ нѣкоему Грицку Ясмановичу; *Мервинцы* (нынѣ село на рѣкѣ Мурафѣ, притокѣ Днѣстра, Ямпольскаго уѣзда), пожалованные Казиміромъ Рагозѣ; *Ермолинци* (нынѣ село Ярмолинцы Гайсинскаго уѣзда на границѣ съ Брацлавскимъ), пожалованные имъ же войту Станиславу; *Остолоповъ*, *Ометинцы*, *Кропивна* (нынѣ села въ сѣверной части Гайсинскаго уѣзда), *Сидновцы* (нынѣ село на рѣчкѣ Бажанихѣ Липовецкаго уѣзда) и *Дашевъ* (нынѣ мѣстечко того же уѣзда на рѣкѣ Соби, притокѣ Буга), пожалованные Казимиромъ какому-то Скабарнѣ; *Колникъ* (нынѣ Кальникъ, село Липовецкаго уѣзда на р. Соби), *Шандыревъ* (нынѣ Шендеровъ на рѣчкѣ Ботогѣ Брацлавскаго уѣзда), *Куничное* (нынѣ село Куничье Савинецкой волости Брацлавскаго уѣзда), пожалованныя Казимиромъ Шембору; *Куна* (нынѣ мѣстечко на рѣкѣ Соби Гайсинскаго уѣзда) и *Носовцы* (село Ниже-Кропивянской во-

---

[1263]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 109, 116. Срав. *Молчановскаго* Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года, стр. 314 и слѣд.

лости того же уѣзда), пожалованныя Слуцицѣ; *Бортниковцы* (нынѣ Бортники Печарской волости Брацлавскаго уѣзда) и *Юрковцы* (нынѣ село Ситковецкой волости Липовецкаго уѣзда), пожалованныя Иванку Гинковичу; *Вязовецъ* (нынѣ деревня Вязовица Жорницской волости Липовецкаго уѣзда), пожалованный Казимиромъ Ивашенку Осташковичу [1264]). Въ повѣтѣ же Браславскомъ находились *Клищево* (нынѣ село на р. Бугѣ Брацлавскаго уѣзда), *Трыстянецъ* (нынѣ Тростянецъ въ сѣверной части того же уѣзда), *Тивровъ* (нынѣ мѣстечко Тывровъ Винницкаго уѣзда на р. Бугѣ), *Волчковцы* (нынѣ Гайсинскаго уѣзда на границѣ съ Брацлавскимъ), *Нестеровцы* (Нестерварка на рѣчкѣ Сливницѣ въ южной части Брацлавскаго уѣзда) — отчина земянина Браславскаго Ѳедка Дашковича, выслуженная дѣдомъ его на великомъ князѣ Витовтѣ и подтвержденная ему королемъ Александромъ въ 1505 году [1265]); селище *Кореневцы* на р. Мурахвѣ, купленное земяниномъ Браславскимъ Гринкомъ Казаревымъ у земянина же Ганка Голенищевича и утвержденное за нимъ Сигизмундомъ въ 1507 году [1266]); селища *Ханевъ* и *Ощитковъ*, данныя намѣстникомъ Браславскимъ кн. Михаиломъ Васильевичемъ Чорторыйскимъ земянину Семену Кошкѣ; селище *Ошпеково* (нынѣ мѣстечко Шпиковъ въ западной части Брацлавскаго уѣзда), данное ему же королемъ Казимиромъ и подтвержденное Александромъ [1267]). По переписи 1545 года въ составѣ Браславскаго повѣта были, кромѣ того, напр.: селище *Сабранъ* (нынѣ мѣстечко Савранъ на р. Бугѣ Балтскаго уѣзда); *Войтовцы* (нынѣ село Брацлавскаго уѣзда на р. Соби); *Уйсынъ* (нынѣ Гайсинъ, уѣздный городъ Подольской губ.); *Яры* (нынѣ Дубинка тожъ, село въ сѣверной части Брацлавскаго уѣзда); *Зейденевцы* (нынѣ Жерденовка, село Гайсинскаго уѣзда), *Зятковцы* (нынѣ мѣстечко на р. Кибличѣ того же уѣзда, недалеко отъ Жерденевки) и *Кузминцы* (село на рѣкѣ Бугѣ того же уѣзда); *Романовцы, Данковцы и Якубовцы* (нынѣ села Романовка и Якубовка въ восточной части Ольгопольскаго уѣзда); *Михалковцы* за Собомъ (нынѣ село Михайловка въ сѣверо-восточной части Гайсинскаго уѣзда); *Носковцы* на р. Мурахвѣ; *Копыстеринъ* (нынѣ село въ сѣверной части Ямпольскаго уѣзда на границѣ съ Могилевскимъ); *Момуровъ* „у Звенигородчины“ (нынѣ село въ восточной части Уманьскаго уѣзда, почти на границѣ съ Звенигородскимъ); *Щуровцы*

[1264]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 52.
[1265]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 5.
[1266]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160.
[1267]) Ibidem, л. 173.

(нынѣ село Гайсинскаго уѣзда почти на границѣ съ Брацлавскимъ уѣздомъ); *Стрѣльчинцы* на р. Бугѣ (нынѣ с. Брацлавскаго уѣзда) [1268]) и др. Къ Враславскому же повѣту принадлежало село *Попелюхи* (нынѣ Песчанской волости Ольгопольскаго уѣзда) [1269]) и, наконецъ, здѣсь же находились нѣкоторыя крупныя княжесвія и панскія имѣнья, каковы были, напр., владѣнія кн. Короткихъ и Козаръ на Саврани, замокъ Шашкевичей—*Комаргородъ* (нынѣ мѣстечко Ямпольскаго уѣзда), владѣніе Чурилы—*Джуринъ* (нынѣ село того же уѣзда на границѣ съ Могилевскимъ), *Бершадь*—замокъ Слупичей (нынѣ мѣстечко на притокѣ Буга Дохнѣ Ольгопольскаго уѣзда), *волость Красненская* пановъ Кошекъ (нынѣ. мѣстечко Красное въ сѣверной части Ямпольскаго уѣзда) [1270]) и др.

Относительно повѣта Звенигородскаго намъ не удалось найти указаній въ источникахъ изучаемаго времени. Но если принять въ расчетъ опустошеніе и разореніе, произведенныя татарами въ XV и началѣ XVI вѣка въ этихъ странахъ, врядъ ли для повѣта Звенигородскаго можно принять больщій объемъ, чѣмъ тотъ, какой онъ имѣлъ позднѣе. По люстраціи 1789 года селенія Звенигородскаго повѣта являются разбросанными по теченію р. Гнилого Текича и его притоковъ въ предѣлахъ нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи.

Такимъ образомъ, уже въ изучаемое время намѣтилась граница русской осѣдлости на правобережной Украйнѣ, державшаяся болѣе или менѣе устойчиво до послѣдней четверти XVIII столѣтія. Граница эта держалась линіи рѣкъ: Ягорлыка, впадающаго въ Днѣстръ слѣва, Кодымы, впадающей въ Бугъ съ правой стороны, Синюхи, впадающей въ Бугъ съ лѣвой стороны, ея лѣваго притока Выси и, наконецъ, Тясмина, впадающаго въ Днѣпръ съ правой стороны (южная граница Черкасскаго повѣта Кіевской земли) [1271]).

XIX.

Для полноты очерка считаю необходимымъ приложить здѣсь перечень органовъ общаго управленія и описаніе территоріальнаго состава и объема областей, которыя въ моментъ изданія Статута 1529

[1268]) Źródła dziejowie, tom VI, str. 123; 126, 127.

[1269]) Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1889, № 31.

[1270]) Кіевская Старина 1887, № 8, стр 639, 640; 1890, № 9, стр. 457.

[1271]) *Spruner-Menke* Historischer Handatlas, № 70, 71; *Carl Wolf's* Historischer Atlas, № 13.

года не были уже въ составѣ Литовско-Русскаго государства, именно земли Смоленской и Черниговo-Сѣверскихъ княжествъ. Это добавленіе необходимо, потому что оно дастъ матеріалъ для общихъ выводовъ относительно областнаго устройства Литовско-Русскаго государства въ изучаемую эпоху.

Управленіе въ землѣ Смоленской было устроено такъ же, какъ и въ землѣ Кіевской. Въ стольномъ городѣ бывшаго Смоленскаго княжества сидѣлъ старшій *намѣстникъ* великаго князя, переименованный въ началѣ Сигизмундова княженья въ *воеводу* [1272]. Его правительственными сотрудниками въ центрѣ были мѣстный *владыка*, *окольничіе*, *казначей*, *староста мѣста* Смоленскаго и другіе центральные урядники, оставшіеся отъ удѣльнаго времени, съ которыми намѣстникъ и вершилъ текущія дѣла по суду и администраціи. Распоряженія великаго князя, касающіяся Смоленской земли, адресовались поэтому намѣстнику Смоленскому, владыкѣ, окольничимъ, казначею и старостѣ мѣста Смоленскаго. Таково, напр., распоряженіе великаго князя Александра отъ 15 марта 1498 года касательно отдачи корчомъ Смоленскихъ въ аренду мѣстнымъ мѣщанамъ, которыхъ намѣстникъ не долженъ былъ судить и радить, пока они будутъ держать корчмы, не чинить имъ никакихъ кривдъ и т. д.[1273]. Таково же, напр., и распоряженіе короля Сигизмунда отъ 5 іюля 1507 года объ отдачѣ Смоленскому Спасскому монастырю земли Матѳеевщины и двухъ служебъ людей въ Касплинской волости [1274]. Изъ центральныхъ урядовъ, кромѣ уже названныхъ, акты упоминаютъ еще слѣдующіе: *конюшое*, *городничое*, *ловчое*, *тивунство*, *чашниство* (ключъ медовый), *данничое чорное* и *писчое* [1275]. Большинство этихъ урядовъ, какъ доходныя статьи, раздавались мѣстнымъ боярамъ на ряду съ волостями въ держаніе по годамъ. Такимъ образомъ, напр., читаемъ въ записяхъ: „Ваську Чортову а Тиньку Синцову ловчое на два годы послѣ первыхъ; Василею Павловичу а Гриди Микулину тивунство на два годы; Ѳедору Плюскову пишчое на годъ, всихъ отодвинувши“ [1276]. Но, кромѣ перечисленныхъ лицъ, которыя въ силу своихъ должностныхъ занятій чаще другихъ бывали при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ, на судѣ

[1272]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 49—51.

[1273]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171, 172.

[1274]) Акты Зап. Рос. II, № 28.

[1275]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 85; VI, л. 56, 228; III, л. 20, 21; VIII, л. 442.

[1276]) Ibidem.

и управѣ его присутствовали и другіе бояре и даже мѣщане, вслѣдствіе чего и распоряженія великаго князя передавались иногда „намѣстнику Смоленскому и владыцѣ, и окольничимъ, и казначею, и всимъ княземъ и бояромъ земли Смоленское, и старостѣ, и мѣщаномъ мѣста Смоленского“ [1277]). Правительству главнаго города подчинялись, какъ высшей инстанціи, урядники, чинившіе судъ и управу въ частяхъ или волостяхъ земли Смоленской и ставившіеся или самимъ великимъ княземъ, или намѣстникомъ-воеводою. Тѣ и другіе обыкновенно также назывались намѣстниками.

Волости Смоленской земли раздавались большею частью мѣстнымъ князьямъ и боярамъ, уроженцамъ земли Смоленской, въ держаніе по очереди, на годъ или на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, напр., въ записныхъ книгахъ короля Казимира читаемъ: „Ивашку Мирославичу *волостка Емна* на годъ послѣ первыхъ“ [1278]); или: „Ивашку Онбросовичу *волостька Вержавьскъ* на годъ послѣ первыхъ“ [1279]); „Ивашку, Сопронову брату, *Боиъгородокъ* на три годы“ [1280]). Великій князь Александръ въ 1499 году отдалъ боярину Сенку Плѣшкину *волость Демену* „у Смоленску“ на три года послѣ окольничаго Смоленскаго Бориса Семеновича [1281]). Но при этомъ волости эти не выходили изъ вѣдѣнія намѣстника-воеводы Смоленскаго. Великій князь Александръ, желая пожаловать Богдану Сопѣжичу двухъ людей „у Смоленскомъ повѣтѣ у Еленской волости“, наводилъ справки о томъ, „какіе то будуть люди“, у воеводы Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича [1282]). Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1508 году князю Василью Уваровичу два сельца съ людьми „у Смоленскомъ повѣтѣ у Буйгородской волости“ Воротишино и Дементьево, а „у Вержавскомъ повѣтѣ“ селище пустое Коровчино, писалъ объ этомъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Зеновьевичу съ приказаніемъ дать „увязанье“ въ эти сельца и селище [1283]). Великій князь Александръ, пожаловавъ князю Ивану Константиновичу Вяземскому сельцо Приселье „*въ Лучинъ-Городку*“, которое вмѣстѣ съ другими селами Лучино-городской волости держалъ *намѣстникъ Лучино-городскій* князь Олехно Глазынъ,

---

[1277]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 87.

[1278]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, 58.

[1279]) Ibidem л. 75.

[1280]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 21.

[1281]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 121.

[1282]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

[1283]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII л. 181.

извѣщалъ объ этомъ намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича и приказывалъ ему, а не князю Гладынѣ, ввести князя Вяземскаго во владѣніе [1284]) и т. д. Волости раздавались въ держанье мѣстнымъ боярамъ, какъ доходныя статьи, въ видѣ жалованья за службу, и правительственныя фунцкіи возлагались на нихъ главнымъ образомъ такія, съ которыми связано было полученіе волостельскихъ доходовъ, т. е. судъ и сборъ дани. Двое бояръ Плюсковыхъ, получившіе при Казимирѣ *волость Щучью*, „врадили промежи себя такъ, што жъ Өедору Плюскову тую волость держати, а волостельскіе доходы съ Павломъ наполы дѣлити, а Павлу въ тую волость Щучью не въѣжчати, а ни дѣцкихъ, а ни слугъ своихъ тамъ не всылати, нижли смотрѣти у Өедора своее половины серебреное дани" [1285]).

Впрочемъ, не во всѣхъ волостяхъ Смоленской земли волостельскіе доходы раздавались князьямъ и боярамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходы эти шли на самаго намѣстника-воеводу, который держалъ въ нихъ отъ себя своихъ намѣстниковъ. Въ концѣ XV вѣка къ этимъ волостямъ кромѣ *городской волости*, т. е. собственной Смоленской,—въ составъ которой, кромѣ города Смоленска, входили дворцы *на Ясной* (нынѣ село Есеная на Днѣпрѣ ниже Смоленска) и *Красный* (уѣздный городъ Смоленской губерніи), — принадлежали дворы: *Глушицы* (нынѣ деревня Смоленскаго уѣзда между р. Днѣпромъ и Краснинскимъ трактомъ), *Ивановскій* (нынѣ деревня Ивановка Краснинскаго уѣзда?), *Максимовскій* (гдѣ нынѣ село Максимовское Краснинскаго уѣзда?) и *Вопецкій* (на р. Большомъ или Маломъ Вопцѣ, притокахъ Днѣпра въ Смоленскомъ уѣздѣ) [1286]). Дворы эти были центрами особыхъ волостей или повѣтовъ Смоленской земли. Такъ, дворъ Ивановскій былъ центромъ повѣта Ивановскаго, въ которомъ, напр., великій князь Александръ въ 1497 году разрѣшилъ окольничему Смоленскому Кошкѣ купить сельцо Охроновское у слугъ [1287]). Дворецъ Максимовскій былъ административнымъ центромъ волости или повѣта Максимовскаго, который въ актахъ называется также и путемъ Максимовскимъ. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ городничему Смоленскому сельцо „въ Смоленскомъ повѣтѣ Максимовское волости" съ людьми и ихъ потужниками; въ слѣдующемъ году онъ же пожаловалъ князю Ивану Глушонку сельцо Коцовыхъ „въ

[1284]) Акты Зап. Рос. I, № 128.
[1285]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 76, 77.
[1286]) Ibidem, л. 279, 280.
[1287]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 66, 67.

Смоленску въ Максимовскомъ повѣтѣ" [1288]). Но въ перечисленіи князей, бояръ и слугъ Смоленской земли, дошедшемъ до насъ отъ 1492 года, повѣтъ *Максимовскій* названъ уже *путемъ* [1289]). То же самое нужно сказать и о Вопецкомъ повѣтѣ или волости. Отъ 26 марта 1499 года мы имѣемъ привилей великаго князя Александра, данный владыкѣ Смоленскому Іосифу на нѣкоторыхъ людей „въ Смоленску *у Вопецкомъ повѣтѣ* у Твердиличохъ за Днѣпромъ" [1290]). Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ князю Богдану Дмитріевичу между разными другими имѣньями селища „*въ Вопецкомъ пути*" Царищово, Кудрявцево и Тимоновское, которыя онъ вымѣнилъ у пана Ивана Семеновича Сопѣжича [1291]). Въ слѣдующемъ году король подтвердилъ боярамъ Смоленскимъ Яковлевичамъ двѣ службы людей конюшскихъ „у Смоленскомъ повѣтѣ *у Вопецкой волости*" [1292]). Во всѣхъ этихъ волостяхъ намѣстникъ Смоленскій держалъ своихъ намѣстниковъ, которые собирали для него доходы и творили судъ и управу по его уполномочію. Такъ, въ одномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 9 іюня 1511 года къ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу читаемъ: „намѣстникъ твой Вопецкій кривды имъ (нѣкоторымъ боярамъ Смоленскимъ) въ той пущи дѣлаеть, въ ловы въѣждчаеть и осочниковъ городовыхъ посылаеть звѣрю сочити" [1293]) и т. д.

Въ актахъ изучаемаго времени находимъ довольно полные перечни волостей Смоленской земли. По договору 1503 года Московскій государь Иванъ Васильевичъ обязался не воевать и не зацѣплять ничѣмъ между прочими владѣніями великаго князя Александра города Смоленска и *волостей*: *Рославля* (нынѣ уѣздный городъ Смоленской губерніи), *Иванкова* (нынѣ село Новоивановское на р. Хмарѣ, притокѣ Сожа, Ельнинскаго уѣзда?), *Прудовъ* (нынѣ село Прудки въ южной части Смоленскаго уѣзда близъ р. Хмары), *Бѣлики* (нынѣ село въ южной части Ельнинскаго уѣзда, на границѣ съ Рославльскимъ), *Ельны* (нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.), *Радшина* (нынѣ село Ратчино на р. Днѣпрѣ Духовщинскаго уѣзда), *Свадита* (нынѣ Свадицы Духовщинскаго уѣзда) и *Жереспера* (на р. того же имени, впадающей въ Касплю), *Порѣчья* (нынѣ уѣздный городъ Смоленской гу-

1288) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 57, 65.
1289) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.
1290) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 88.
1291) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 375—377.
1292) Ibidem, л. 478.
1293) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

берніи), *Нежоды* (нынѣ сельцо въ сѣверной части Ельнинскаго уѣзда), *Руды*, *Мушковичъ* (нынѣ село въ южной части Духовщинскаго уѣзда), *Ветлицы* (нынѣ Никола Ветлицы въ южной части Бѣльскаго уѣзда на р. Вопи) и *Щучьи* (нынѣ село при озерѣ того же имени въ сѣверной части Порѣчскаго уѣзда [1294]).—Объ этихъ волостяхъ Смоленскихъ находимъ не мало и разсѣянныхъ указаній въ источникахъ изучаемаго времени. Такъ, отъ 16-го іюля 1495 года дошелъ до насъ листъ на имя Смоленскаго намѣстника пана Юрья Глѣбовича о рѣшеніи по дѣлу окольничаго Смоленскаго Бориса Семеновича съ приказникомъ и мужами *волости Рославльской*, которые жаловались, что онъ забралъ за себя семь селъ ихъ волости и дубраву безъ великокняжеской данины: великій князь оправилъ Бориса Семеновича на томъ основаніи, что „о томъ его съ ними перво сего смотрѣлъ панъ Иванъ Ильиничъ, какъ отъ отца нашого, короля его милости, Смоленскъ держалъ, и его въ томъ правого нашолъ и на то ему и листъ свой судовый далъ“ [1295]).—Великій князь Александръ въ 1497 году въ числѣ другихъ имѣній утвердилъ за писаремъ Ивашкомъ Сопѣжичемъ „землю бортную зъ бобровыми гоны и съ сѣножатьми *въ Бѣлицкой волости* на имя въ Чепиничохъ“ [1296]).—Въ 1494 году тотъ же великій князь утвердилъ за бояриномъ Смоленскимъ Тишкомъ Дубинымъ сельцо пустое въ Смоленскомъ повѣтѣ *въ Еленской волости* Кохановское „на особную службу“. „А онъ передъ тобою повѣдалъ, — писалъ великій князь намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу,—што жъ тое селцо не тяглое, служба съ того щитная бывала, а давно лежыть пусто, а наслѣдка къ нему никого нѣтъ; и ты о томъ опытывалъ приказника Еленского и мужей, и они повѣдили предъ тобою, штожъ то такъ есть, какъ онъ того въ тебе просилъ“ [1297]). Изъ этого видно, что Еленская волость находилась въ вѣдѣніи намѣстника Смоленскаго, хотя одновременно съ тѣмъ, какъ было сказано выше, въ ней находились и свои собственные намѣстники.—Въ 1510 году король Сигизмундъ утвердилъ за княземъ Богданомъ Дмитріевичемъ Глушонкомъ селище Хомчино и Озарково „*у Радщинскомъ пути*“, которыя онъ вымѣнилъ у пана Ивашка Сопѣжича [1298]). — Король Казимиръ далъ въ держанье „Бацѣ *волость Вадито* съ езеромъ“, а потомъ отдалъ

[1294]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 287—290.
[1295]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 42, 43.
[1296]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 98.
[1297]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.
[1298]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 375—377.

волость ему же „въ вотчину“ [1299]).—Одновременно съ тѣмъ онъ пожаловалъ Ѳедку Копылу „землю а бережокъ въ той же земли, а человѣкъ Паѳомовичъ, а *волость Руда*“ [1300]).—Въ 1510 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Василью Семеновичу Жилинскому „волостку въ Смоленскомъ повѣтѣ *Ветличи* противъ отчины его, што отошла къ Москвѣ“ [1301]).—Свидѣтельства источниковъ о волости Щучьѣ были приведены выше. — Въ 1508 году Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Михаилу Старому Олтуховичу село Новики въ Смоленскомъ повѣтѣ *въ Порѣцкой волости* на вѣчность [1302]).

Во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію перемирія 1503 года, литовскіе послы представляли московскимъ боярамъ списокъ смоленскихъ волостей, „которыя къ городу прислухаютъ“, при чемъ сверхъ перечисленныхъ волостей назвали еще: *Пацинъ* (нынѣ село Пацины Федоровской волости Рославльскало уѣзда), *Сеятславль* (нынѣ село Сеславль Радичской волости Рославльскаго уѣзда), *Воронечъ* (нынѣ Вороницы на р. Вороницѣ, впадающей слѣва въ Остеръ, въ Рославльскомъ уѣздѣ), *Лазарево-городище* (нынѣ Лазарево, Уварово тожъ, на р. Угрѣ Ельнинскаго уѣзда), *Ужица* (по р. Ужицѣ, впадающей въ притокъ Днѣпра Ужу въ Дорогобужскомъ уѣздѣ), *Простъ* „церковная волостька Пречистое Богоматери владычня“ (нынѣ сельцо Духовщинскаго уѣзда близъ Днѣпра), *Сверковы Луки* (нынѣ село Сверколучье на р. Днѣпрѣ Дорогобужскаго уѣзда), *Вержавьскъ* (по рѣкѣ Вержѣ, впадающей въ Днѣпръ, въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда), *Буйгородокъ* (нынѣ село Городокъ на р. Вопцѣ Духовщинскаго уѣзда), недалеко отъ котораго есть и село Воротышино, упомянутое выше [1303]).—И объ этихъ волостяхъ находимъ упоминанія въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, великій князь Александръ въ 1500 году пожаловалъ князю Василью Мосальскому имѣнья въ Смоленскомъ повѣтѣ *въ Пацынской волости*—Желтоносовичи, Колыхалово и Жуково [1304]).—Тотъ же великій князь въ 1499 г. „водлугъ первого даныя и листу“ утвердилъ за окольничимъ Смоленскимъ Борисомъ Семеновичемъ два сельца „въ Смоленскомъ повѣтѣ *у Светславской во-*

[1299]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 20, 36

[1300]) Ibidem.

[1301]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 329.

[1302]) Ibidem, л. 226, 227.

[1303]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества XXXV, 394—396.

[1304]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 99.

лости" [1305]).—*Волость Ужицу* великій князь Александръ въ 1497 году утвердилъ „вѣчностью" за окольничимъ Борисомъ Семеновичемъ и его братьями согласно пожалованью короля Казимира[1306]).—О Вержавскомъ повѣтѣ указаніе источниковъ было уже приведено выше; въ перечнѣ Смоленскихъ бояръ и слугъ вмѣсто повѣта упоминается *путь Вержавскій*, напр., „за Днѣпромъ у Вержавьскомъ пути бояре" [1307])...—Въ 1507 году король Сигизмундъ приказывалъ листомъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Зеновьевичу „увязать" князя Василья Уваровича въ два сельца съ людьми „у Смоленскомъ повѣтѣ *у Буйгородской волости*", Воротишино и Дементьево, а „у Вержавьскомъ повѣтѣ" въ селище пустое Коровчино" [1308]).

Волости Вержавьскъ и Буйгородокъ по договору 1503 года отошли къ Москвѣ. Къ Москвѣ же отошли тогда городъ Дорогобужъ и волости Прость и Сверковы Луки, уже упомянутыя выше, и сверхъ того: *Погорѣлая* (нынѣ Никола Погорѣлый въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда), *Нѣгомль* (?), *Игумнова слобода* (?), *Мстиславецъ* (нынѣ село Мстиславль въ южной части Дорогобужскаго уѣзда), *Лучинъ-Городокъ* (нынѣ село Городокъ на р. Угрѣ Дорогобужскаго уѣзда; на это мѣстонахожденіе Лучина-Городка указываютъ уставныя грамоты, данныя въ половинѣ XII вѣка Смоленской епископіи и помѣщающія Лучинъ вблизи Оболвы, Цациня, Ростиславля и Ельны, а также статейные списки литовскаго посольства 1494 года, помѣщающіе Лучинъ-Городъ рядомъ съ городомъ Городечною и волостью Снопотью, т. е. опять таки въ области верхней Угры [1309]); *Жулинъ* (село Жули на р. Угрѣ?), *Ощитовъ* (?), *Кременья* (нынѣ село Николо-Кременское въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда на р. Вопцѣ), *Селечна* (нынѣ деревня Селешня Ельнинскаго уѣзда на р. Угрѣ), *Водоса* (сельцо на р. Вопцѣ въ сѣверной части Дорогобужскаго уѣзда), *Некрасова*, *Рядынь* (нынѣ село на р. Вопи Духовщинскаго уѣзда), *Ведроша* (по рѣкѣ того же имени), *Рехта* и *Озерище* (нынѣ села въ южной части Дорогобужскаго уѣзда), *Хомчичи*, *Василькова* (нынѣ сельцо Ельнинскаго уѣзда на рѣчкѣ Мошнѣ), *Холмъ* (въ Ельнинскомъ уѣздѣ есть нѣсколько деревень съ названіемъ „Холмъ"), *Хотомичи*,

---

1305) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 81.

1306) Ibidem. л. 64.

1307) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

1308) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.

1309) Дополненія къ Актамъ Истор. т. I, № 4; Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 136, 238.

Великое Поле (нынѣ село Великополье на р. Угрѣ Юхновскаго уѣзда), *Лопатинъ* (нынѣ село Ельнинскаго уѣзда на границѣ съ Дорогобужскимъ), *Заопье* (нынѣ деревня Духовщинскаго уѣзда недалеко отъ Прости), *Вышково*, *Копыля* (на р. Копылкѣ, впадающей въ Ужу въ Дорогобужскомъ уѣздѣ).—О нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей находимъ указанія и въ другихъ актахъ изучаемаго времени. Такъ, въ записяхъ княженья Казимира (1440—1444) читаемъ, между прочимъ: „Пану Кгастовту, воеводѣ Троцкому, князя Андрея Дорогобуского имѣнье со всимъ съ тымъ, какъ князь Андрей Дорогобужскій держалъ: *Дорогобужъ*, *Мутишинъ* (нынѣ Мытишино на р. Городотѣ, впадающей въ Рославку, притокъ Угры, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) и *Великое Поле*, и *Высокій Дворъ*; а то дано Кгастовту у вотчину“ [1310]); „Яцку Роздерипиво *у Кремянохъ* чотыри человѣки противъ *Простей* и *Чючелова*“ [1311]). Въ 1499 году великій князь Александръ выдалъ казначею Смоленскому князю Константину Ивановичу Крошинскому подтвержденье на его имѣнья, и въ томъ числѣ на волость Кремяную [1312]). Тотъ же самый великій князь въ 1495 году писалъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу, чтобы онъ далъ „увязанье“ князю Ивану Константиновичу Вяземскому въ сельцо „*въ Лучинъ-Городку*“, которое держалъ *намѣстникъ* Лучино-Городскій кн. Олехно Глазыня [1313]). Этому послѣднему великій князь Александръ подтвердилъ *волость Мстиславецъ*, дѣльницу брата его Ивана, бѣжавшаго въ Москву, вслѣдствіе чего король Казимиръ и пожаловалъ князю Олехну Мстиславецъ, „отдаливши дѣти князя Ивановы“ [1314]) и т. д.

Среди перечисленныхъ волостей находились и нѣкоторыя другія, о которыхъ не упоминаетъ договорная грамота 1503 года, но которыя встрѣчаемъ въ другихъ актахъ изучаемаго времени. Въ записныхъ книгахъ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира подъ рубрикою: „Смолняномъ отправа, октябрь 14 день, индиктъ 7“ (1488 года), читаемъ между прочимъ: „Мишутѣ *волость Молохва* послѣпервыхъ“ [1315]). Въ спискѣ бояръ и слугъ Смоленской земли, составленномъ въ концѣ правленья Казимира или въ началѣ княженья Александра, встрѣча-

1310) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 37.
1311) Ibidem, л. 38.
1312) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 91, 92.
1313) Акты Зап. Рос. I, № 128,
1314) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 65.
1315) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 85.

ихъ между прочимъ слугъ *„Молоховскаго пути“* [1316]). Въ 1503 году великій князь Александръ написалъ листъ дворянину Михаилу Олтуфьевичу до намѣстника Смоленскаго пана Юрья Андреевича съ приказомъ ввести его во владѣніе въ село „у Смоленскомъ повѣтѣ въ Молоховской волости одное службы панцырное на имя Ходневыхъ“ [1317]). Волость или путь Молоховскій находился, очевидно, по теченію рѣки Молохвы, впадающей въ Вехру въ юго-западной части Краснинскаго уѣзда.—Король Казимиръ пожаловалъ нѣкоему Ходыцѣ Басичу два человѣка „на Встеснѣ *у Дубровенскомъ пути*“ [1318]). Въ 1498 году декабря 5-го тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ „до воли, до лѣпшого осмотрѣнья“ князьямъ Крошинскимъ село Бабиничи „въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути“ [1319]). Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность князю Василью Михайловичу Мосальскому „двѣ службы людей у Звѣровичахъ въ Дубровенскомъ пути“ [1320]). Упомянутыя здѣсь села находятся въ настоящее время въ сѣверо-западной части Краснинскаго уѣзда; тамъ же находится и деревня Дубровенка на рѣчкѣ Дубровкѣ, впадающей въ Днѣпръ, повидимому, центръ пути Дубровенскаго.—По сосѣдству съ Дубровенскимъ путемъ лежала *волость Катынская* (Катынь — нынѣ село на р. Днѣпрѣ и Катынкѣ Смоленскаго уѣзда). Въ 1499 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Олехну Глазынѣ людей въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Катынской волости; описывая ихъ повинности, привилей, данный князю Глазынѣ, гласитъ между прочимъ: „а коли стадо Глушицкое гонять у волость въ Дубровенскомъ пути, и они въ тыхъ селѣхъ ночь ночюють, и опять зъ волости гонячы, и они другую ночь ночюють“ [1321]).—Въ упомянутомъ уже выше перечнѣ бояръ и слугъ Смоленской земли исчисляются между прочимъ *„Юрьевского путя* слуги пансырныи“. Центральнымъ селеніемъ этого пути, повидимому, было нынѣшнее сельцо Юрьево на рѣчкѣ Вымклѣ Рославльскаго уѣзда.—Отъ 1494 года дошелъ до насъ судовый листъ великаго князя Александра по дѣлу бояръ Тереховичей и Голосовича съ паномъ Петромъ Глѣбовичемъ, который поотнималъ у нихъ сельца ихъ, „которыи жъ,—гласитъ судный листъ,—есмо имъ подавали и привильемъ

[1316]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.
[1317]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 124.
[1318]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 20.
[1319]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 78.
[1320]) Литов. Метрин. Запис. VIII, л. 308 309.
[1321]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 96.

нашимъ потвердили въ Смоленску *Мартиновского двора повѣту въ Молоховѣ*" [1322]).—Въ Краснинскомъ уѣздѣ на притокѣ Сожа Угощѣ находится въ настоящее время село Болваничи, указывающее на центръ волости Болваницкой, о которой говорятъ акты изучаемаго времени. Въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ казначею Смоленскому князю Константину Ѳедоровичу Крошинскому свою данину „у Смоленскомъ повѣтѣ дворъ на имя *Болваничи* на рѣцѣ на Сожи, и што въ томъ дворѣ есть челеди неволное, а *волость Бѣлицкую* и *волость Кремянную,* а люди *волости Буйгородское*" вмѣстѣ съ тыми селами, которыя князь Крошинскій покупилъ у бояръ „*у волостяхъ въ Болваницкой а въ Бѣлицкой*" [1323]).—Отъ того же 1508 года дошелъ подтвердительный привилей короля Сигизмунда, выданный дворянамъ Ивашку и Петру Стецковичамъ на людей въ Смоленскомъ повѣтѣ *въ Любавицкой волости* (на мѣстоположеніе этой волости указываетъ въ настоящее время деревня Любаничи Красненскаго уѣзда на рѣкѣ Еленкѣ?) [1324]). — Въ томъ же 1508 г. сентября 1 король Сигизмундъ пожаловалъ смоленскому Спасскому монастырю двѣ службы людей „въ Смоленьскомъ повѣтѣ *въ Каспльской волости*" [1325]); нынѣшнее село Касплия (Зарѣчье) на р. того же имени въ Порѣчьскомъ уѣздѣ указываетъ на центральный пунктъ старинной Каспльской волости.—Договорная грамота 1522 года, содержащая подтвержденье договора 1503 года и послѣдующихъ, въ составѣ Смоленской земли, въ то время уже принадлежавшей Москвѣ, упоминаетъ, кромѣ того, слѣдующія волости: *Еловецъ* (нынѣ Яловецъ въ южной части Рославльскаго уѣзда), *Пустоселье* (нынѣ деревня Рославльскаго уѣзда на р. Острѣ почти на границѣ съ Мстиславскимъ), *Романовское* (нынѣ деревня Краснинскаго уѣзда на р. Вехрѣ почти на границѣ съ Мстиславскимъ уѣздомъ), *Копотковичи*, *Звѣровичи* (сельцо въ западной части Краснинскаго уѣзда почти на границѣ съ Оршанскимъ уѣздомъ) [1326]). Несомнѣнно, что эти волости существовали въ Смоленской землѣ и до 1514 года, если не какъ самостоятельныя волости, то какъ части волостей (см. напр. выше о Звѣровичахъ).

Въ 1494 году великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, заключая перемиріе съ великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ,

---

[1322]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 25.
[1323]) Ibidem, V, л. 91, 92.
[1324]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 290.
[1325]) Акты Зап. Рос. II, № 23, II.
[1326]) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641.

обязался не вступаться во всѣ его „великіе княжества", — „ни въ Смоленскъ и во вся Смоленская мѣста, ни въ *Любутскѣ*, ни во *Мченескѣ*, ни въ *Добрянскѣ*, ни въ *Серпейскѣ* (заштатный городъ Мещовскаго уѣзда), ни въ *Лучинѣ*, ни въ *Мосальскѣ*, ни въ *Дмитровѣ* (нынѣ село на р. Угрѣ Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи), ни въ *Жулинѣ*, ни въ *Лычинѣ* (нынѣ село Мещовскаго уѣзда на р. Безвели), также и въ *Залидовѣ*, и въ *Бышковичи* (нынѣ село въ сѣверной части Мещовскаго уѣзда на рѣчкѣ Березинѣ, впадающей въ Угру), и въ *Опакове* (нынѣ село Анаково ниже города Юхнова на р. Угрѣ) по Угру, ни во всѣ тыи украинные мѣста и что къ нимъ потягло не вступатися" [1327]). Всѣ упомянутые здѣсь города въ спискѣ пограничныхъ владѣній великаго князя Литовскаго, который литовскіе послы подавали Московскимъ боярамъ во время переговоровъ о перемиріи, названы Смоленскими пригородами [1328]). По договору 1503 года всѣ эти пригороды были уступлены Москвѣ, а кромѣ того, волости: *Недвидовъ* (нынѣ село Мещовскаго уѣзда на р. Тетѣ), *Мощинъ* (нынѣ село Мощинъ Юхновскаго уѣзда на р. Ресѣ), *Демена* по рѣкѣ того же имени, впадающей въ Угру (теперь есть Спасъ-Деминское въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Городечня* (нынѣ село на рѣкѣ Городеченкѣ, впадающей въ Ворону, притокъ Угры, Мосальскаго уѣзда), *Ужеперёть* на р. того же имени, впадающей въ Угру (въ Ельнинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи), *Снопоть* (нынѣ село на р. того же имени, впадающей въ Десну въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Ковылня* (нынѣ село на р. Ковыленкѣ, притокѣ Болвы, въ Мосальскомъ уѣздѣ, почти на границѣ съ Жиздринскимъ); *Шуя* (нынѣ село Мосальскаго уѣзда на границѣ съ Ельнинскимъ), *Лазаревъ-Городище*, *Бложевичи* (нынѣ село въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Лабунь* (нынѣ с. на р. Каменкѣ, впадающей въ Снопоть въ Мосальскомъ уѣздѣ), *Даниловичи* (нынѣ село Рославльскаго уѣзда почти на границѣ съ Мосальскимъ), *Замошье* (село Мосальскаго уѣзда на рѣкѣ Ужати, лѣвомъ притокѣ Болвы), *Тужачевъ*, *Дегна* по р. того же имени, притокѣ Болвы (въ западной части Мосальскаго уѣзда), *Θеминичи* (нынѣ село въ сѣверной части Жиздринскаго уѣзда на р. Неполоди, притокѣ Болвы), *Погостище* (тамъ же на р. Болвѣ есть село Погостъ). — Большинство перечисленныхъ здѣсь городовъ и волостей является въ составѣ Смоленской земли и по другимъ актамъ изучаемаго времени. Такъ, въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира подъ оглавле-

---

1327) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 124—129.
1328) Ibidem, 118.

ніемъ „у Смоленьску" читаемъ, между прочимъ: „Роману Александровичу *во Мценску Вышегородъ*, а половину *Орлее*" (нынѣ село Орлія Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи)[1329]. Мценскъ и вмѣстѣ съ нимъ Любутскъ отдавались въ держанье особымъ *намѣстникамъ*[1330], изъ которыхъ нѣкоторые въ актахъ прямо обозначаются боярами Смоленской земли, напр., Борисъ Семеновичъ, окольничій Смоленскій[1331]. —Особаго *намѣстника* имѣлъ и *Дмитровъ*, какъ это открывается изъ великокняжескаго привилея, выданнаго въ 1495 году писарю Ивашку Сопѣжичу на держанье Дмитрова до живота[1332].—Въ перечнѣ бояръ и слугъ Смоленской земли 1492 года упоминаются между прочимъ слуги панцырные и щитные Опацкіе; *Опаковъ*, впрочемъ, въ большей части принадлежалъ панамъ Сопѣгамъ, и въ 1494 году имъ владѣлъ Василій Сопѣжичъ[1333]; имъ принадлежала и *Щипонь* на р. Вороновкѣ (нынѣ село Ѳедоровской волости Рославльскаго уѣзда). Сопѣги, какъ смоленскіе землевладѣльцы, получали въ держанье волости въ Смоленской землѣ, напр., Мценскъ и Любутскъ[1334].—Въ 1496 году великій князь Александръ въ виду того, что большая часть Опакова, за Угрой, отошла въ сторону великаго князя Московскаго, пожаловалъ Васку Сопѣжичу два села пустыхъ *въ Мощинѣ*, Щербиново и Свирцово, которыя по приказанію великаго князя выбралъ для него намѣстникъ Смоленскій панъ Юрій Глѣбовичъ[1335].—Въ 1498 году тотъ же панъ Юрій Глѣбовичъ получилъ отъ великаго князя Александра листъ о пожалованіи князю Ѳедору Ѳедоровичу Мезецкому *волости Городечны* „до воли" великаго князя[1336].—Въ 1447 году король Казимиръ пожаловалъ въ вотчину князю Ѳедору Воротынскому „у Смоленской державѣ" дворъ Нѣмчиновскій и волости: „Городечна съ Калуговиною, што было дано Ходыцѣ Басичу, а *Ужепередъ*, што Павелъ Полтевъ держалъ, а *Ковылна*, а *Демяна съ Снопотцомъ*, што Гринко Мишковичъ держалъ"[1337].—Въ записяхъ земельныхъ пожало-

---

1329) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 35

1330) Акты Зап. Рос. I, № 58; Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 20, 28, 37, 55, 66, 104.

1331) Акты Зап. Рос. I, № 105.

1332) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 62.

1333) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 22.

1334) Ibidem, л. 12 и др.

1335) Ibidem, л. 56.

1336) Ibidem, л. 76.

1337) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 26.

ванiй того же короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Григорью Михайловичу *волость Шюее* до воли; князю Митку Всеволодовичу (Мосальскому) противъ (т. е. Шуи)—*Горки* (нынѣ хуторъ Горки Ельнинскаго уѣзда на границѣ съ Мосальскимъ), да *Скоковъ*" [1338]).

Князь Өедоръ Воротынскiй, кромѣ перечисленныхъ волостей, получилъ отъ короля Казимира въ вотчину: *Крайшино* по обѣ стороны Высы рѣки (лѣвый притокъ Оки, впадающiй въ нее ниже Перемышля; на этой рѣкѣ стоялъ и отчинный городъ князей Воротынскихъ—Воротынскъ), *Логинескъ, Озерескъ* (нынѣ село на р. Жиздрѣ Перемышльскаго уѣзда Калужской губернiи), *Перемышль* (нынѣ уѣздный городъ Калужской губернiи), *Кцынъ* (село Жиздринскаго уѣзда на р. Рессетѣ, впадающей въ Жиздру съ правой стороны) [1339]), *Лучинъ-Городъ*, „коли царь былъ на Угрѣ" [1340]). Всѣ эти волости перешли по наслѣдству къ сыновьямъ князя Өедора Львовича. Эти князья передъ отъѣздомъ ихъ на службу къ великому князю Московскому имѣли, кромѣ того, массу пограничныхъ Смоленскихъ пригородовъ и волостей „въ держаньѣ" отъ великаго князя. Многiе изъ этихъ пригородовъ и волостей были уже упомянуты выше; но кромѣ того, за княземъ Семеномъ Өедоровичемъ были: *Пустой Мощинъ* (нынѣ село на р. Рессѣ, притокѣ Угры, въ Юхновскомъ уѣздѣ), *Вызнчина* (нынѣ село Визична на р. Перекшѣ, притокѣ Ресси, Мосальскаго уѣзда), *Залоконье, Волста Нижняя* по р. того же имени (притокъ Угры съ лѣвой стороны), *Клитино, Нѣвдилово* (нынѣ село Гнѣздилово на р. Деменѣ Ельнинскаго уѣзда), *Чертятичи*, Городеченская волость,—„волости князей Кропинскихъ" [1341]); князь Дмитрiй Өедоровичъ Воротынскiй держалъ между прочимъ слѣдующiя волости: *Порыскъ*, Норышкиныхъ вотчину (теперь села Верхнiе и Нижнiе Порыски на рѣкѣ Рыскѣ, притокѣ Жиздры, Козельскаго уѣзда); *верхъ Серены* (притока Жиздры) за *Серенскомъ* (нынѣ село Мещовскаго уѣзда на р. Серенѣ, а въ то время городъ), *Лининцы* (теперь село Мещовскаго уѣзда), *Взбыновъ* (нынѣ село Збуново къ югу отъ Мещовска?)—отчину Ивана Бабина, служившаго князю Дмитрiю; *Луганъ* (нынѣ погостъ на р. Серенѣ Мещовскаго уѣзда), *Мстиловъ* и *Хвостовичи* (въ южной части Жиздринскаго уѣзда на р. Вельѣ, впадающей въ Рессету, притокъ Жиздры); князь Иванъ Михайловичъ Перемышльскiй, внукъ Өедора

[1338]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 38.

[1339]) Акты Зап. Рос. I, № 57.

[1340]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр. 136.

[1341]) Ibidem, 3, 6, 7, 9, 115, 136; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208.

Львовича, держалъ *Тарбѣевъ* (теперь деревня Козельскаго уѣзда на границѣ съ Перемышльскимъ), *Олепов*ъ (теперь села Верхняя и Нижняя Алопоны Перемышльскаго уѣзда) [1342]).

Изъ духовной грамоты Ивана III узнаемъ, что въ этой мѣстности находились, кромѣ того, слѣдующія волости: *Людимскъ* (нынѣ село Гришово-Людимовъ на р. Березуѣ въ сѣверной части Перемышльскаго уѣзда), *Коробки* (на р. Серенѣ Козельскаго уѣзда), *Вырки* (два села: Вырекъ-Страхотино и просто Вырекъ въ южной части Лихвинскаго уѣзда), на Вырѣ рѣчкѣ *волости Свиница да Сытичи* (на рѣкѣ Сетухѣ, притокѣ Оки, Лихвинскаго уѣзда), *Вѣйна* (село на р. Вырѣ Козельскаго уѣзда), *Жеремино* (нынѣ село на р. Окѣ противъ устья Уфы Лихвинскаго уѣзда), *Сныхово* (на р. Окѣ Бѣлевскаго уѣзда) да Ивановское Бабина село *Незнаново* [1343]). Всѣ эти волости вмѣстѣ съ тѣми, которыя держалъ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій, названы Козельскими; но это, очевидно, группировка ихъ уже Московская. Что касается самого Козельска, то онъ, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, по возвращеніи отъ Москвы былъ отданъ „въ держанье" князю Ѳедору Львовичу Воротынскому; кто держалъ его послѣ князя Ѳедора Львовича,—неизвѣстно.

Вотчинныя владѣнія князей Новосильскаго рода также, повидимому, считались смоленскими пригородами, тянули къ Смоленску, какъ къ военно-политическому средоточію, хотя вообще положеніе ихъ въ составѣ Литовско-Русскаго государства было особенное, какъ объ этомъ было уже сказано въ первомъ очеркѣ.—Къ Смоленской землѣ принадлежалъ и городъ *Мезческъ* или *Мещовскъ* (нынѣ уѣздный городъ Калужской губерніи). Въ записяхъ земельныхъ раздачъ Казимира „у Смоленску" читаемъ между прочимъ: „Князю жъ Дмитрею (Всеволодовичу) на отчину его подтвержденье, на Мещескъ и *Колковичи* [1344]). Города Мезческъ и *Акдыревъ* отнесены къ составу Смоленской земли и въ спискѣ, поданномъ литовскими послами во время переговоровъ 1494 года о перемиріи, а равно и всѣ тѣ волости, которыя тянули къ этимъ городамъ и которыя пожалованы были въ разное время роду Мезецкихъ князей.—Къ составу Смоленской земли принадлежалъ и *Карачевъ* (нынѣ уѣздный городъ Орловской губерніи), какъ это открывается изъ записей земельныхъ раздачъ въ землѣ Смоленской, произведенныхъ Казимиромъ. Здѣсь мы читаемъ между прочимъ: „Гри-

---

[1342]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 136.

[1343]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, № 144.

[1344]) Литов. Метрики, Запис. III, л. 21.

горевичомъ *Осовичи* и *Корачевъ*"[1345]). Великимъ княземъ Александромъ Карачевъ отданъ былъ кн. Семену Можайскому сначала „до воли", а потомъ „на вѣчность"[1346]); по договору 1503 года онъ отошелъ къ Москвѣ.—Тогда же отошли къ Москвѣ слѣдующія Смоленскія волости, отчасти уже перечисленныя нами выше: *Пацынь*, *Θедоровское* (нынѣ село на р. Вороновкѣ въ юго-западной части Рославльскаго уѣзда), *Осовикъ* и *Покиничи* (нынѣ села Θедоровской волости), *Сухарь* (нынѣ село Тюнинской волости того же уѣзда на рѣчкѣ Сухаркѣ), *Всеславль*, *Вороничи*, *Жерынь* (нынѣ село на рѣчкѣ Прижодѣ того же уѣзда) и, кромѣ того, городъ Брянскъ съ волостьми.

Городъ Брянскъ былъ смоленскимъ пригородомъ только въ военномъ отношеніи. Въ судебно-административномъ онъ вмѣстѣ съ своими волостьми составлялъ самостоятельный округъ, на подобіе повѣтовъ Городенскаго, Берестейскаго въ Троцкомъ воеводствѣ или Новгородскаго въ Виленскомъ,—округъ, въ которомъ всѣ дѣла вершилъ особый *намѣстникъ* вмѣстѣ съ придворными урядниками, оставшимися по упраздненіи Брянскаго удѣла, каковы были: *конюшій*, *ловчій*, *сокольничій*, *поѣздничій*, *редничій* и *казначей*. Всѣ эти уряды вмѣстѣ съ Брянскими волостями раздавались въ извѣстной очереди брянскимъ боярамъ. Такимъ образомъ, въ записныхъ книгахъ княженья Александра читаемъ: „Богдану Григорьевичу *волость Пьяновъ* (нынѣ село Пьяное при рѣчкѣ Усожѣ Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи) на годъ послѣ Микифора Иванова и Колонтаева; Степану Савичу и Будавѣ а Ивану Быковскому *Волконескъ* (нынѣ село на р. Малой Локнѣ Дмитровскаго уѣзда); Θедору Головни а Гриди, а Матθею Совиничымъ *конюшое* на три годы послѣ Опанаса а Матθея; Енушу а Тегини Печеничинымъ *редничое* на два годы послѣ Ивашка Жинева; Сеньку Быковскому а Θедору Лопоту *поѣздничое* на два годы; Семену Александровичу съ сыномъ его Михномъ *ловчое* на два годы послѣ Бориса а Тимоθея; Васку Мясоѣдову а Андрею Вколову, а Ивану Рябому, а Васку Пролыскому *сокольничое* на чотыри годы послѣ Ждана Колонтаева"[1347]). Что касается *казначея* Брянскаго, то о немъ мы находимъ упоминанье въ „вырокѣ" великаго князя Александра по дѣлу князей Трубецкихъ Андрея и Ивана Семеновичей съ дядею Иваномъ Юрьевичемъ: въ числѣ „дѣлчихъ", которые были посланы великимъ княземъ

1345) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 35.
1346) Акты Зап. Рос. I, № 139, 167.
1347) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 281, 282.

дѣлять князей имѣньями, названъ казначей Брянскій Григорій Жиневъ [1348]). Намѣстниками Брянскими по актамъ изучаемаго времени являются: князь Дмитрій Путятичъ, которому король Казимиръ въ 1487 году велѣлъ дать дворянину Колонтаеву селище Митковщину въ Брянскомъ повѣтѣ согласно его показанію, „ижъ тое сельцо пусто, а наслѣдка къ нему нѣтъ, а не данное, а ни таглое, здавна боярское, а городу не живодно“ [1349]); князь Семенъ Өедоровичъ Оболенскій [1350]); князь Өедоръ Ивановичъ Жеславскій, котораго великій князь Александръ въ 1498 году извѣщалъ о пожалованьѣ „до осмотрѣнья“ своего волости Волконска въ Брянскомъ повѣтѣ князю Андрею Кромскому [1351]). Всѣ пожалованья въ Брянскомъ повѣтѣ въ записныхъ книгахъ помѣщены обыкновенно среди пожалованій въ землѣ Смоленской, что служитъ косвеннымъ указаніемъ на принадлежность Брянска въ изучаемое время къ пригородамъ Смоленской земли.

Въ Брянскомъ повѣтѣ, кромѣ великокняжескихъ волостей, находились нѣкоторыя крупныя частновладѣльческія имѣнія. Таковы были, напр.: *Трубчевскъ* отчинное владѣнье потомковъ Дмитрія Ольгердовича Брянскаго [1352]); *Почепъ* (нынѣ мѣстечко на р. Судости въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи), который Казимиръ пожаловалъ пану Захарьѣ (Тризнѣ?) вмѣстѣ съ Свтолоскою, Бабыниною землею и Шумромою „въ вотчину“ [1353]); судя по географическому положенію,—*Радогощь*, принадлежавшій пану Олехну, который держалъ въ немъ своего *намѣстника* или *воеводку*, какъ выражаются московскіе акты [1354]); и, наконецъ, быть можетъ, *Кромъ* или *Кромы*, владѣтели которыхъ, князья Кромскіе, въ актахъ фигурируютъ въ числѣ брянскихъ землевладѣльцевъ [1355]) и др.

Княжество *Вяземское*, принадлежавшее также къ составу Смоленской земли, сколько можно судить по отрывочнымъ указаніямъ источниковъ, занимало бассейны р. Вязьмы, лѣвыхъ притоковъ Угры и Вазузы съ Гжатью, т. е. приблизительно нынѣшніе уѣзды Вяземскій, Сычевскій, Гжатскій и сѣверозападную часть Юхновскаго. Изъ пере-

---

1348) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 117, 118.
1349) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 127.
1350) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 20.
1351) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.
1352) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 117, 118.
1353) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 27.
1354) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 60.
1355) Литов. Метр. кн. Запис. III л. 26.

говоровъ Московскаго правительства съ литовскими послами въ княженье Ивана III узнаемъ между прочимъ, что „Вяземскихъ отчины држалъ князь Семенъ Воротинскій, поималъ у нихъ, какъ пріѣхалъ къ великому князю: *Великое поле* (нынѣ Великополье на Угрѣ Юхновскаго уѣзда), да *Волста Верхняя* по лѣвому притоку Угры — княжа Васильева отчина Дерличина, да *Слободка* (село въ сѣверо-западной части Юхновскаго уѣзда), да *Мойшиновичи* — Ѳеонасьевичевъ отчина, да *Середее* — Жолтыхъ князей отчина"[1356]). — Въ 1487 году посолъ короля Казимира жаловался великому князю Московскому Ивану Васильевичу на брата его Андрея Васильевича, что люди его разоряютъ имѣнья князя Михаила Вяземскаго, волости *Хлепенская* (Вяземскій городокъ Хлепень находился на р. Вазузѣ, почти подъ 55° сѣв. широты[1357]); а послѣ того въ другой разъ волости его побрали: *Могилекъ* (по р. Могиленкѣ, впадающей въ Ворю, притокъ Угры?), *Негодина* (Неготино въ западной части Вяземскаго уѣзда?) и *Миценки*; потомъ его жъ люди побрали волость *Орѣховну* (нынѣ село на рѣкѣ Истрѣ, впадающей въ притокъ Угры Ворю, Медынскаго уѣзда); послѣ того дворъ его Дубровскій (нынѣ село Дуброво на р. Жижолѣ, притокѣ Угры, въ сѣверной части Юхновскаго уѣзда) и *волость Дубровскую* выбрали и увели съ собою намѣстника его; *волости Ждатъ* (Днать-Гжать?) выбрали[1358]); — волость пана Иванова сына *Рогачевъ* (Рогачевъ на р. Осугѣ Зубцовскаго уѣзда Тверской губ.) также засѣли и повоевали. Съ своей стороны московское правительство представило послу жалобу гостей Тверской земли, что прежде того на *Волочкѣ* Вяземскомъ (село Волочекъ Сычевскаго уѣзда на границѣ съ Бѣльскимъ; здѣсь былъ волокъ изъ Вазузы въ Днѣпръ) брали мыта съ судна товарнаго по два гроша, „а нынѣчи дей князь Михайло Вяземскій прибавилъ по три гроша съ судна"[1359]). — Въ слѣдующемъ году посолъ Казимира передавалъ Московскому правительству жалобу князя Михаила Вяземскаго и всѣхъ князей Вяземскихъ, что люди великаго князя молодого изъ Тверской земли „пришли подъ городъ князя Михайла Дмитріевича подъ Хлепенъ войною и мѣсто выграбили и многи люди и головами звели и шкоды великіи починили; тежъ князя Борисову Дмитріевича волость *Труфоновъ* (нынѣ хуторъ на рѣкѣ Вязьмѣ?) завоевали и огнемъ выжгли, а князя Василья Бывалицкаго

[1356]) Сборн. Имп. Русс. Истор. Общ. XXXV, 136.

[1357]) См. Россійскій атласъ 1792 года, карта 18.

[1358]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 2, 3.

[1359]) Ibidem, 9.

(*Бывалицы* или Холмъ—сельцо на сѣверѣ Вяземскаго уѣзда) *волости Негомиръ*, а другую *Сочовки* (нынѣ уѣздный городъ Сычевка?) такожъ звоевали и выграбили и много шкодъ чинили" [1360]). — Къ Вяземскимъ же владѣніямъ принадлежало и *Козлово* (нынѣ деревня Вяземскаго уѣзда при озерѣ того же имени)—вотчина князей Козловскихъ, которые были „изъ старины Вяземскіе, тянутъ къ Вязмѣ" [1361]). Князь Левъ Козловскій при королѣ Казимирѣ владѣлъ, кромѣ Козлова, *Каменцомъ*, *Молотою* (нынѣ сельцо Юхновскаго уѣзда на рѣчкѣ Молоткѣ, притокѣ Жижмы, впадающей въ Угру) и *Клиномъ* (нынѣ деревня на рѣчкѣ Толбицѣ Юхновскаго уѣздѣ) [1362]); *Глинки* (на верховьѣ Москвы въ Гжатскомъ уѣздѣ) — имѣніе многочисленнаго рода князей Глинскихъ, которымъ принадлежали, кромѣ того: *Щателино* (нынѣ деревня Шатежъ на р. Ворѣ Юхновскаго уѣзда), *Судилово* (нынѣ деревня того же уѣзда) и *Турье* [1363]); волости князей Крошинскихъ, лежавшія по сосѣдству съ Можайскими: *Трѣшиновъ*, *Сукромно*, *Олховецъ*, *Ѣла*, *Надславль* и *Отъѣздецъ* [1364]); *Жилинъ* (нынѣ село Вяземскаго уѣзда)—родовое гнѣздо князей Жилинскихъ [1365]) и т. д.

На сѣверѣ княжество Вяземское не доходило до Волги, отдѣляясь отъ нея владѣніями Тверскими (Зубцовскій и Холмскій удѣлы) и *Ѳоминско-Березуйскимъ* княжествомъ, принадлежавшимъ Москвѣ. Въ концѣ XIV вѣка, когда Витовтъ впервые занялъ Смоленскъ, князь Ѳоминскій (по родословнымъ — изъ удѣльныхъ Смоленскихъ) вмѣстѣ съ другими пограничными князьями „приложился" къ Витовту [1366]). Однако Литвѣ не удалось утвердить за собою княжество Ѳоминское: въ 1449 году великій князь Московскій Василій Васильевичъ, заключая „вѣчное перемиріе" съ королемъ Казимиромъ, однимъ изъ условій поставилъ: „а Ѳедора Блудова и Александрова Борисова Хлепенского и князя Романова Ѳоминского и ихъ братьи и братаничовъ отчины, земли и воды—все моѣ, великого князя Васильевы" [1367]). То же условіе повторено и въ перемирной грамотѣ великаго князя Ивана Ва-

---

1360) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 16.

1361) Ibidem, стр. 151.

1362) Литов. Метр. Запис. III, л. 36.

1363) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 20, 31, 37.

1364) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, 3, 74. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208.

1365) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 307.

1366) *Карамзина* V, пр. 165.

1367) Акты Зап. Рос. I, № 50.

силевича съ великимъ княземъ Александромъ въ 1494 году [1369]). На мѣстоположеніе древняго Ѳоминско-Березуйскаго княжества указываютъ въ настоящее время: село съ городищемъ Ѳоминское при впаденіи Осуги въ Вазузу Зубцовскаго уѣзда Тверской губ. и погостъ Молодой Березуй на р. Вазузѣ того же уѣзда. Обладаніе означенными волостями должно было имѣть особенное значеніе для Москвы, такъ какъ открывало ей прямое сообщеніе съ Ржевою, которая была въ „сымѣсномъ" владѣніи Москвы, Твери и Литвы, а черезъ Ржевскій уѣздъ съ Новгородскими владѣніями.

На сѣверо-западъ отъ княжества Вяземскаго лежало княжество *Бѣльское*, расположенное по притокамъ рѣки Межи-Обшѣ и Лучесѣ, а также по верховьямъ Днѣпра. Такъ можно заключать по тѣмъ указаніямъ на его территорію, которыя даетъ перемирная грамота 1503 года. Король Александръ обязывается здѣсь между прочимъ не воевать и не зацѣплять ничѣмъ „и *Бѣлые* съ волостьми, и *Верховья* (нынѣ село на р. Обшѣ), и *Большова* (на верховьѣ Днѣпра), и *Шоптова* (на р. Лучесѣ), и *Монтвидовы Слободы* и иныхъ волостей" [1370]). Въ княжествѣ Бѣльскомъ судъ и управу чинили князья владѣтели и ихъ намѣстники до самаго присоединенія ея къ Москвѣ.

Въ округѣ Торопецкомъ, принадлежавшемъ, какъ было уже сказано въ первой главѣ, также къ составу Смоленской земли, судъ и управу чинилъ въ первые годы Казимирова княженья *тивунъ* великаго князя [1371]), переименованный къ концу Казимирова правленія въ намѣстника [1372]). При Александрѣ мы встрѣчаемся уже только съ намѣстниками Торопецкими, хотя акты по старой памяти одновременно съ тѣмъ говорятъ о дворѣ тивунскомъ въ Торопцѣ, который должны были наряжать люди волости Торопецкой и другихъ, принадлежавшихъ къ Торопецкому повѣту [1373]). Въ актахъ изучаемаго времени упоминаются слѣдующія волости Торопецкаго повѣта: *Старцова*, въ которой повинностями и податьми завѣдывалъ волостной старецъ; онъ же долженъ былъ и судить въ волости въ томъ случаѣ, еслибы Торопецъ великій князь отдалъ въ держанье „тамошнему ихъ мѣщанину або волостному человѣку Торопецкому" [1374]); затѣмъ волости:

[1369]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 124—129.
[1370]) Ibidem, 398—408.
[1371]) Акты Зап. Рос. I, № 39.
[1372]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 54, 55.
[1373]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.
[1374]) Ibidem.

Даньково (нынѣ село Холмскаго уѣзда въ Псковской губ. на рѣкѣ Тудрѣ, впадающей въ Ловать), *Любуты* (нынѣ есть нѣсколько селъ съ такимъ названьемъ въ восточной части Торопецкаго уѣзда), *Туры* (тамъ же), *Дубна* (на р. Западной Двинѣ въ сѣверо-восточной части Торопецкаго уѣзда), *Рожна* (нынѣ сельцо Рожня на Западной Двинѣ Бѣльскаго уѣзда), *Биберева* (нынѣ деревня Сопотской волости Бѣльскаго уѣзда), уступленныя Москвѣ вмѣстѣ съ Торопцомъ по договору 1503 года; *Столпно* (нынѣ село въ южной части Холмскаго уѣзда), *Унцово*, *Наволокъ* (нынѣ деревня при озерѣ Кубинѣ Торопецкаго уѣзда), *Мирилово* (нынѣ деревня Холмскаго уѣзда при озерѣ Аксеновскомъ и Агафоновскомъ), *Сельцо* (на р. Ловати Холмскаго уѣзда), *Тяпойново* (деревня Холмскаго уѣзда на р. Сережѣ, притокѣ Куньей); *Колпсье*, *Воротигорцы*, *Понизовье* (село на р. Сережѣ Холмскаго уѣзда). Упоминаніе объ этихъ волостяхъ находимъ въ жалобѣ на пограничныя обиды, предъявленной посломъ короля Казимира въ Москвѣ въ 1489 году [1374]. —Судя по этимъ историко-географическимъ даннымъ, Торопецкій повѣтъ занималъ нынѣшній Торопецкій уѣздъ за исключеніемъ юго-западной части, входившей, какъ сказано выше, въ составъ Витебской земли, Холмскій уѣздъ за исключеніемъ западной части по р. Ловать, сѣверо-западную часть Бѣльскаго уѣзда.

При такомъ протяженіи Торопецкаго повѣта становится понятнымъ, какимъ образомъ могли быть въ смѣсномъ владѣніи Литвы и Новгорода такія волости, какъ *Молвятицы* (нынѣ село Демянскаго уѣзда Новгородской губерніи на р. Шеберихѣ, впадающей въ правый притокъ Ловати Полу), *Березовецъ* (погостъ Березовскій при озерѣ Селигерѣ Осташковскаго уѣзда?), *Кунскъ*, *Стерожъ* (погостъ при озерѣ Стержѣ Осташковскаго уѣзда), *Морева* (село въ юго-западной части Демянскаго уѣзда), *Сѣнно*, *Жабно* (нынѣ Большіе и Малыя Жабны на р. Старицѣ, впадающей въ Полу, того же уѣзда), *Лопастичи*, *Буйцы*, *Луки* (нынѣ Великіе Луки, уѣздный городъ Псковской губерніи на р. Ловати), *Любоково* и *Заклинье* (послѣднія волости лежали, впрочемъ, какъ кажется, на границахъ съ Полоцкою землею и Витебскою) [1375].

Итакъ, собственный Смоленскій повѣтъ въ изучаемое время окруженъ былъ со стороны Москвы своего рода поясомъ княжествъ и владѣній, отдававшихся въ держанье самостоятельнымъ въ судебно-административномъ отношеніи намѣстникамъ, при чемъ всѣ эти кня-

---

[1374]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 35, 36.

[1375]) Акты Зап. Рос. I, № 39.

жества и владѣнія въ Смоленскѣ имѣли свое военно-политическое средоточіе. Смоленскъ сдѣлался центромъ военнаго округа, выставлявшаго передовую рать противъ самаго опаснаго врага Литовско-Русскаго государства—Москвы, а его намѣстникъ главнымъ начальникомъ этого округа, политическимъ агентомъ и уполномоченнымъ великаго князя въ области, наполненной разными неблагонадежными политическими элементами.

Впрочемъ, относительно Торопецкаго повѣта нельзя утверждать категорически, что связь его съ Смоленскою землею была возстановлена, когда Смоленскъ подпалъ подъ власть Литвы. Наше предположеніе основано на аналогіи и на заявленіи литовскихъ пословъ московскимъ боярамъ въ декабрѣ 1491 года, что съ Торопца и его волостей дань шла „въ казну“ великаго князя, находившуюся, какъ извѣстно, въ Смоленскѣ [1276]). Но нельзя, конечно, ручаться за то, что это слово передано въ статейномъ Московскомъ спискѣ подлинно и не есть переводъ литовско-русскаго „скарба“. Этимъ предположеніемъ мы ограничились за отсутствіемъ другихъ опредѣленныхъ указаній.

Сопоставляя всѣ приведенныя данныя о Смоленской землѣ, какъ области великаго княжества Литовскаго, можно приблизительно такимъ образомъ очертить ея предѣлы: вмѣстѣ съ княжествами и владѣніями, тянувшими къ Смоленску въ военно-политическомъ отношеніи, она обнимала нынѣшнюю Смоленскую губернію, захватывая къ ней часть Псковской губерніи (Торопецкій уѣздъ, за исключеніемъ югозападной озерной части, и восточную часть Холмскаго уѣзда по р. Ловать), небольшую часть Тверской губерніи (западныя пограничныя мѣстности Осташковскаго уѣзда и южныя пограничныя мѣстности Зубцовскаго уѣзда), губернію Калужскую и западныя части Орловской и Тульской (съ бассейнами верхней Оки, Зуши и нижней Упы включительно). Съ 1503 года, съ отходомъ многихъ окраинныхъ городовъ и волостей къ Москвѣ, Смоленскій повѣтъ занималъ приблизительно только Порѣчскій, Духовщинскій (по р. Вопь), Смоленскій, Краснинскій, Ельнинскій и Рославльскій уѣзды нынѣшней Смоленской губерніи.

XX.

На восточной сторонѣ Днѣпра, къ сѣверу отъ перечисленныхъ выше Кіевскихъ волостей, лежали волости двухъ княжествъ, образовавшихся при Казимирѣ, Черниговo-Стародубскаго и Новгородъ-Сѣ-

---

[1276]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 35.

верскаго. Первое, которымъ владѣли Иванъ Андреевичъ Можайскій и его сынъ Семенъ, состояло изъ городовъ *Чернигова, Гомеля и Стародуба*, а второе, которымъ владѣлъ внукъ Шемяки, князь Василій Ивановичъ,—изъ *Новгородка Сѣверскаго* и *Рыльска*.

Въ 1526 году по случаю жалобы Московскаго правительства на то, что литовскіе люди вступаются въ волости и села Черниговскія, Стародубскія, Мглинскія и Рославльскія, король Сигизмундъ приказалъ составить описаніе границъ и селъ Черниговскихъ и границъ Мглинскихъ и Рославльскихъ. Это описаніе дошло до насъ въ копіи Литовской Метрики [1377], благодаря чему мы можемъ приблизительно очертить округи или повѣты городовъ, входившихъ въ составъ Черниговскаго княжества. Этому помогаютъ также перечни селъ, тянувшихъ къ сосѣднимъ городамъ — Рѣчицѣ, Горволю, Стрѣшину, Чичерску, Пропойску и Кричеву; эти перечни находятся въ статейныхъ спискахъ переговоровъ, которые велись литовскими послами въ Москвѣ въ 1526—1531 г. [1378]).

Въ составъ Черниговскаго повѣта входили: село *Лиственъ*—„отъ Гомья граница" (нынѣ Городнянскаго уѣзда на р. Чибрежѣ, впадающей въ Сновь); села: *Горескъ, Боровичи* (на р. Снови того же уѣзда) и *Домыслинъ* (нынѣ Домошлинъ Сосницкаго уѣзда)—„отъ Стародуба граница"; села: *Волынчо* (нынѣ Волынка Сосницкаго уѣзда), *Козличичи* (на р. Убѣди, впадающей въ Десну того же уѣзда) и *Сосница* (нынѣ уѣздный городъ)—„рубежъ зъ Новымъ Городкомъ"; село *Папинъ* (?) —„рубежъ съ Путивлемъ," „то село остаточное на граници у Сулу рѣку, а Сула у Днѣпръ ушла, а то на поли"; село *Дѣвица* „обо сю сторону Сулы рѣки" (нынѣ Великая и Малая Дѣвица на притокѣ Удая Галкѣ Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи); село *Шиловичи* „обо сю сторону Сулы" (нынѣ Нѣжинскаго уѣзда); село *Ситниковичи* „уверхъ Остря", *Одарчиновъ* „на низъ Острю", *Невѣстница* „на Остры жъ" и *Новоселица* „на Остры жъ"; село *Моровескъ* „отъ устья Острыньского зъ милю у верхъ по Деснѣ" (нынѣ Остерскаго уѣзда); *Бодиновка* на Деснѣ (того же уѣзда), *Смоленъ* на Деснѣ (того же уѣзда); села: *Лабынъ* (нынѣ Слабинъ), *Шерепы*, *Шостовичи* (нынѣ Шестовица), *Перековъ* (при устьѣ Снови), *Радунь, Авдѣевичи* (нынѣ Авдѣевка), *Гусовичи* (нынѣ Гусовка), *Колчовъ* (нынѣ Ковчинъ) —вверхъ по Деснѣ (Черниговскаго уѣзда); села вверхъ по Деснѣ:

[1377]) Литов. Метр. кн. Судныхъ дѣлъ III, л. 196—199.

[1378]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества XXXV, 752.

Блистовичи (нынѣ Блистово), *Ушно* (нынѣ Ушня Сосницкаго уѣзда), —*Хороборь* (нынѣ Коропъ, мѣстечко Кролевецкаго уѣзда [1379]); по р. Снови: *Клочковъ* (нынѣ Клочково Черниговскаго уѣзда), *Сновескъ, Куриловъ, Мокишинъ* (Городнянскаго уѣзда), *Омяческъ* (того же уѣзда); затѣмъ къ составу Черниговскаго повѣта принадлежали: село *Великая Весь* (Городнянскаго уѣзда на границѣ съ Черниговскимъ), *Малая Весь* и *Листвинъ Малый* (тамъ же); *Свибрыжа* на р. Болависи (нынѣ Сибрежъ Черниговскаго уѣзда) и *Межрудъ* (нынѣ Рудка того же уѣзда). На западѣ Черниговскій повѣтъ соприкасался съ повѣтомъ города Любеча; на границѣ здѣсь лежали: селище *Плохово* (нынѣ Плеховъ Черниговскаго уѣзда на притокѣ Днѣпра Покули), половина котораго была любецкая, а половина черниговская; сельцо *Кувечичи* —любецкое (на р. Свишнѣ, притокѣ Бѣлоуса Черниговскаго уѣзда), *Малый Лиственъ*—черниговское.

Округъ города Гомья, принадлежавшаго къ Черниговскому княженью, очерчивають слудующіе пункты: село гомейское *Дуровичи* (нынѣ Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губ.), изъ за котораго въ 1483 году шла тяжба у намѣстника Полоцкаго Богдана Андреевича Саковича съ князьями Андреемъ и Семеномъ Ивановичами [1380]); села гомейскія *Марковичи* (нынѣ въ южной части Гомельскаго уѣзда) и *Яриловичи* (нынѣ въ сѣверной части Городнянскаго уѣзда) [1381]); села Рѣчицкой волости *Михалково* (нынѣ деревня Михалки Гомельскаго уѣзда между Сожемъ и Днѣпромъ) и *Борховъ* (на р. Переспѣ, впадающей въ Днѣпръ, того же уѣзда); села Стрѣшинской волости на р. Узѣ, притокѣ Сожа: *Телешовичи* (нынѣ Телеши), *Тереничи, Уваровичи, Лапичи* (нынѣ всѣ Гомельскаго уѣзда) [1382]); гомейское село *Даниловичи* на р. Начаровкѣ, притокѣ Сожа (нынѣ Гомельскаго уѣзда) [1383]); гомейскій дворъ *Хальче* на р. Сожѣ (нынѣ село Хальчъ Гомельскаго уѣзда) [1384]); села Чечерской волости: *Залѣсье* (на р. Сожѣ Рогачевскаго уѣзда), *Бабичи* (того же уѣзда), *Святиловичи* (того же уѣзда на р. Бесѣди, впадающей слѣва въ Сожъ) [1385]).

[1379]) См. *Д. Багалѣя* Исторія Сѣверской земли до половины XIV столѣтія, стр. 147. Кіевъ 1882.

[1380]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 111; V, л. I.

[1381]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 182—187.

[1382]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 752.

[1383]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 111.

[1384]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 13.

[1385]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 752.

На востокѣ Гомейскій повѣтъ соприкасался съ Стародубскимъ, который въ свою очередь граничилъ на сѣверѣ съ Мстиславскимъ княжествомъ, на востокѣ съ округомъ города Брянска, а на югѣ съ княжествомъ Новгородъ-Сѣверскимъ. На границѣ съ Мстиславскимъ княжествомъ можно указать на слѣдующіе пункты: замокъ Мстиславскаго княжества *Попову Гору* на р. Бесѣди (нынѣ Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи)[1386], *Дроковъ* (нынѣ сельцо Старый Дроковъ на р. Ипути Суражскаго уѣзда), центръ особой волости, которая при великомъ князѣ Александрѣ отдавалась въ держанье особымъ намѣстникамъ изъ руки великаго князя[1387]), село *Руховъ* (въ сѣверной части Стародубскаво уѣзда), принадлежавшее къ повѣту Мглинскому, село *Разсуха* (въ южной части Мглинскаго уѣзда), принадлежавшее къ повѣту Стародубскому и т. д. Относительно княжества Новгородскаго намъ не удалось собрать историко-географическихъ данныхъ, которыми бы опредѣлялась его территорія. Но она приблизительно очерчивается по тѣмъ указаніямъ, какія мы имѣемъ относительно сосѣднихъ повѣтовъ: Черниговскаго, Стародубскаго, Брянскаго и Кіевскихъ волостей.

Такимъ образомъ, княжества Черниговское и Сѣверское занимали нынѣшнюю Черниговскую губернію за исключеніемъ большей части Остерскаго уѣзда, небольшой юго-западной части Черниговскаго и уѣздовъ Суражскаго и Мглинскаго, большую часть Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи (за исключеніемъ узкой западной полосы), сѣверную часть Путивльскаго и Рыльскаго уѣздовъ Курской губерніи. Судъ и управа въ нихъ принадлежали князьямъ-владѣтелямъ и ихъ намѣстникамъ до самаго присоединенія княжествъ къ Москвѣ по договору 1503 года. Сами князья не были въ присудѣ какого-либо великокняжескаго урядника и подчинялись въ этомъ отношеніи непосредственно самому великому князю и его рядѣ. Правда, что въ извѣстномъ перечнѣ городовъ, помѣщенномъ въ Воскресенской лѣтописи, города Черниговo-Сѣверскіе поставлены въ числѣ Кіевскихъ; но связь ихъ съ Кіевомъ была только военная, если только была. Связь эта установилась, повидимому, въ то время, когда вся южная половина Литовско-Русскаго государства сгруппировалась вокругъ Свидригелла въ оппозиціи Сигизмунду Кейстутовичу, утвердившемуся на великокняжескомъ столѣ. По крайней мѣрѣ, та группировка городовъ, которую мы находимъ въ Воскресенской лѣтописи, и которая въ из-

---

[1386]) Акты Зап. Рос. I, № 18; Срав. Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 182—187.

[1387]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л, 277, 278.

вѣстной мѣрѣ отражаетъ современное ея составленію политическое дѣленіе, всего болѣе подходитъ ко времени 1432—1440 г. Намъ не удалось найти указаній на то, существовала ли эта связь позднѣе 1440 г.

XXI.

Все, сказанное въ этомъ очеркѣ, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя найдутъ себѣ дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ очеркахъ.

1. Органами общаго управленія въ областяхъ Литовско-Русскаго государства были первоначально намѣстники и тивуны.

2. Со времени сближенія съ Польшею намѣстники, чинившіе судъ и управу въ центрахъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ и вообще особыхъ владѣній, представлявшихъ цѣлыя группы связанныхъ между собою политически волостей, стали именоваться по польскому примѣру старостами.

3. Такимъ образомъ, названіе „староста“ утвердилось за главнымъ намѣстникомъ Жмудской земли, затѣмъ за намѣстникомъ Луцкимъ, а въ началѣ XVI в. за главными намѣстниками земли Берестейской и округовъ Подляшья, бывшаго Городенскаго княжества и Ковенскаго округа.

4. Это переименованіе не сопровождалось измѣненіями въ ихъ должностномъ значеніи; измѣненія происходили помимо и независимо отъ этого переименованія.

5. Въ концѣ изучаемаго времени названіе „староста“ стало переходить и на другихъ намѣстниковъ, которые de facto пользовались большею самостоятельностью сравнительно съ другими, и подъ властью которыхъ были болѣе крупные округа, чѣмъ у другихъ.

6. Главные намѣстники въ бывшихъ княжествахъ: Виленскомъ, Троцкомъ, Кіевскомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ переименованы были въ подражаніе Польшѣ въ воеводъ, при чемъ изъ Польши заимствована была и стала осуществляться въ жизни идея воеводы, какъ главы и представителя мѣстнаго шляхетства.

7. По отношенію къ Виленскому и Троцкому намѣстникамъ эта идея выразилась въ распространеніи значенія ихъ, какъ военачальниковъ, и на тѣ территоріи, которыя не состояли подъ властью ихъ, какъ главныхъ намѣстниковъ; при случаѣ для этихъ территорій они являлись даже и главными шляхетскими судьями. Но при этомъ они, какъ были, такъ и остались главными намѣстниками въ бывшихъ княжествахъ Виленскомъ и Троцкомъ, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ польскихъ воеводъ.

8. Составъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ въ общемъ опредѣлился тѣмъ военно-политическимъ дѣленіемъ собственной Литовской земли и тѣсно примыкавшихъ къ ней Руси литовской и Берестейско-Подляшской области, которое установилось при Ольгердѣ и Кейстутѣ и было вызвано жизненными потребностями Литовско-Русскаго государства; кромѣ того, между Виленскимъ и Троцкимъ воеводствами были распредѣлены княжества и владѣнія въ Полѣсьѣ, которое съ половины XIII вѣка тѣсно примкнуло къ собственной Литовской землѣ.

9. Такимъ образомъ, учрежденіе Виленскаго и Троцкаго воеводствъ только закрѣпило то военно-политическое дѣленіе, которое дано было исторіею Литовско-Русскаго государства въ XIV в.

10. По отношенію къ главнымъ намѣстникамъ земель Кіевской, Полоцкой и Витебской идея польскаго воеводы закрѣпила только и оформила то значеніе, которое и безъ того перешло къ нимъ, по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей.

11. Смоленскій намѣстникъ и до переименованія своего въ воеводу въ силу мѣстныхъ условій и обстоятельствъ сдѣлался политическимъ представителемъ и военачальникомъ округа, предѣлы котораго были гораздо шире его судебно-административнаго повѣта.

12. Въ Жмудской землѣ значеніе воеводы принадлежало старостѣ, который и назывался первоначально воеводою.

13. Въ Волынской землѣ политическое представительство и начальство надъ военными силами принадлежали по наслѣдству отъ удѣльнаго Волынскаго князя старостѣ Луцкому, при которомъ въ качествѣ помощника состоялъ маршалокъ земли Волынской, оставшійся отъ временъ Свидригелла; обѣ эти должности часто находились въ однихъ рукахъ.

14. Правительственное единство Подольской земли утверждалось въ изучаемое время по большей части фактически, предоставленіемъ ея въ управленіе одному лицу.

15. Чернигово-Сѣверская земля подъ литовскимъ владычествомъ продолжала оставаться политически разбитою и не организовалась въ область съ однимъ правительственнымъ средоточіемъ.

16. Титулъ воеводы, данный намѣстнику Новгородскаго повѣта, не возвысилъ его въ области, гдѣ онъ былъ на положеніи намѣстниковъ-старостъ Берестейскаго, Гродненскаго и Ковенскаго, а повысилъ его въ радѣ великаго князя.

17. Званіе воеводы Подляшскаго въ изучаемое время было титулярнымъ, давало не мѣсто въ области, а въ радѣ великаго князя.

18. Воеводы и старосты по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей

получили высшую судебно-административную власть въ округахъ, которые въ удѣльное время были особыми владѣніями.

19. Въ пригородахъ и на волостяхъ этихъ владѣній судъ и управу чинили: во первыхъ, намѣстники воеводъ и старостъ по ихъ уполномочію; во вторыхъ, великокняжескіе намѣстники и тивуны изъ мѣстныхъ князей, пановъ и бояръ, назначенные государемъ по представленію воеводъ и старостъ (въ Жмудской землѣ тивуны по назначенію старосты) и подчиненные имъ, какъ высшей правительственной инстанціи.

20. Эти намѣстники и тивуны правили или неопредѣленное время, „до воли" господаря, или пожизненно, „до живота" своего, или, наконецъ, по очереди по годамъ, „колеею," какъ бояре въ русскихъ областяхъ.

21. Составъ волостей, отдававшихся въ держанье урядникамъ перечисленныхъ разрядовъ, былъ опредѣленъ обычаемъ и держался болѣе или менѣе устойчиво въ теченіе изучаемаго времени; годовые намѣстники чинили судъ и управу, повидимому, въ такихъ волостяхъ, гдѣ не было собственнаго хозяйства великаго князя.

22. Великокняжескіе намѣстники и тивуны, державшіе волости „до воли" великаго князя или „до живота" своего, за исключеніемъ тивуновъ Жмудской земли, ко времени изданія Статута были переименованы большею частью въ державцевъ въ параллель польскимъ tenutarii; при этомъ тивуны были переименованы сначала въ намѣстниковъ, а потомъ на ряду съ другими въ державцевъ.

23. Это переименованіе не сопровождалось и не вызывалось какими-либо измѣненіями въ ихъ должностномъ значеніи.

24. Для обозначенія округовъ, которыми управляли воеводы, старосты, намѣстники-державцы и тивуны, употреблялось по старой памяти старинное русское слово „волость", но гораздо чаще заимствованное у поляковъ слово „повѣтъ"; изрѣдка въ этомъ значеніи употреблялось и слово „держава".

25. Въ составъ Виленскаго воеводства входили: во первыхъ, судебно-административный округъ Виленскаго воеводы, заключавшій въ себѣ волости бывшаго Виленскаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, изъ которыхъ многія въ изучаемое время принадлежали князьямъ, панамъ и церкви, и нѣкоторыя витебскія; во вторыхъ, судебно-административный округъ Новгородскаго намѣстника-воеводы, заключавшій въ себѣ волости бывшаго Новгородскаго княжества, въ числѣ которыхъ были также княжескія и панскія; въ третьихъ, удѣльныя княжества Слуцкое, Клецкое и Мстиславское, при чемъ нѣкоторыя волости этого послѣдняго въ изучаемое время были уже великокняжескими.

26. Территорія Виленскаго воеводства обнимала въ себѣ: нынѣшніе Виленскій, Ошмянскій, Вилейскій и Свенцянскій уѣзды Виленской губерніи, западную часть Дисненскаго уѣзда (по р. Березвечь, впадающую въ Дисну, и Волту, впадающую въ Западную Двину) и небольшую восточную часть Лидскаго уѣзда той же губерніи; Новоалександровскій и бо́льшую восточную часть Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи; восточныя пограничныя мѣстности Слонимскаго уѣзда Гродненской губерніи; губернію Минскую за исключеніемъ Пинскаго, Мозырскаго и большей южной части Рѣчицкаго уѣздовъ и сѣверной части (по Березину и ея притокъ Сергуть) Борисовскаго уѣзда; губернію Могилевскую за исключеніемъ небольшой сѣверо-западной части Могилевскаго уѣзда, большей части Сѣнницкаго, всего Оршанскаго и Горецкаго уѣздовъ и большей части Гомельскаго; и, наконецъ, Суражскій и западную часть Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи. Иначе говоря, Виленское воеводство въ изучаемое время заключало въ себѣ территоріи позднѣйшихъ воеводствъ Виленскаго, Новгородскаго, Минскаго, Мстиславскаго и часть Витебскаго.

27. Въ составъ Троцкаго воеводства входили: во первыхъ, судебно-административный округъ Троцкаго воеводы, заключавшій въ себѣ волости бывшаго Троцкаго княжества въ тѣсномъ смыслѣ, изъ которыхъ многія принадлежали въ изучаемое время князьямъ и панамъ; во вторыхъ, судебно-административные округа намѣстниковъ-старостъ Ковенскаго, Городенскаго, Берестейскаго, Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго, которые нѣкогда были также отдѣльными владѣніями и въ составѣ которыхъ въ изучаемое время было много княжескихъ и панскихъ волостей; въ третьихъ, княжества Кобринское, Пинское, Городецкое и Туровское.

28. Территорія Троцкаго воеводства обнимала въ себѣ: нынѣшній Трокскій и почти весь Лидскій уѣздъ Виленской губерніи; восточныя части Ковенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ (по р. Невяжу) и западную небольшую часть Вилькомирскаго уѣзда Ковенской губерніи; губерніи Сувалкскую и Гродненскую (за небольшими исключеніями на востокѣ); сѣверную часть (по р. Лыкъ) Щучинскаго и Мазовецкій уѣздъ Ломжинской губерніи; Соколовскій, Яновскій, Бѣльскій и Влодавскій и восточную часть Венгровскаго, Сѣдлецкаго и Радзинскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи; Пинскій и сѣверо-западную бо́льшую часть Мозырскаго уѣзда Минской губерніи. Иначе говоря, Троцкое воеводство въ изучаемое время заключало въ себѣ территоріи позднѣйшихъ воеводствъ Троцкаго, Подляшскаго и Брестскаго.

29. Правительственный округъ Жмудскаго старосты заключалъ въ себѣ: нынѣшній Тельшовскій, Россіенскій, Шавельскій и тѣ части

Ковенскаго и Поневѣжскаго уѣздовъ Ковенской губерніи, которые лежатъ на право отъ р. Невяжи.

30. Земля Волынская состояла изъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго повѣтовъ, которые опредѣлены были удѣльнымъ дѣленіемъ на княжества Луцкое, Владимирское и Кременецкое; большая часть Волынскихъ волостей въ изучаемое время принадлежала князьямъ и панамъ.

31. Волынская земля занимала приблизительно территорію нынѣшней Волынской губерніи безъ той ея части, которая лежитъ къ востоку отъ рр. Случи и Уборти, съ нѣкоторыми пограничными мѣстностями Пинскаго уѣзда Минской губерніи, Проскуровскаго и Литинскаго уѣздовъ Подольской губерніи, Тарнопольскаго и Бродскаго округовъ восточной Галиціи.

32. Правительственный округъ Кіевскаго воеводы опредѣлился составомъ волостей и владѣній, принадлежавшихъ Кіевскимъ князьямъ XIV и XV вв. съ исключеніемъ литовскаго Подолья.

33. Территорія его обнимала: восточную часть нынѣшней Волынской губерніи (по рр. Уборть и Случь); губернію Кіевскую безъ уѣздовъ Звенигородскаго, Уманскаго, Таращанскаго, Липовецкаго и южной половины Бердичевскаго; юго-восточную часть Мозырскаго и южную половину Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи; почти весь Остерскій уѣздъ Черниговской губерніи, почти все Посемье (до 1503 года), Посулье и бассейны Псела, Ворсклы и верхняго Донца до Оскола въ Полтавской, Харьковской и Курской губерніяхъ.

34. Въ составъ Смоленскаго воеводства входили: во первыхъ судебно-административный округъ Смоленскаго намѣстника-воеводы, заключавшій въ себѣ волости, которыя принадлежали послѣднимъ Смоленскимъ князьямъ, и изъ которыхъ многія въ изучаемое время перешли во владѣніе служилыхъ князей и пановъ; во вторыхъ (до 1503 года), судебно-административные округа Торопецкій, Брянскій, Мценскій и Любутскій, которые въ качествѣ отдѣльныхъ владѣній вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства не въ одно время съ собственнымъ Смоленскимъ повѣтомъ; въ третьихъ (до 1503 г.), княжество Бѣльское, Вяземское и верхнеокскія (Черниговскаго рода).

35. Территорія Смоленской земли съ ея пригородами до 1503 г. обнимала приблизительно всю нынѣшнюю Смоленскую губернію, захватывая къ ней Торопецкій уѣздъ Псковской губерніи (за исключеніемъ юго-западной озерной части) и восточную часть Холмскаго (до р. Ловать), западныя пограничныя мѣстности Осташковского и южныя Зубцовскаго уѣзда Тверской губ., губернію Калужскую и западныя половины Орловской и Тульской съ бассейнами верхней Оки,

Зуши и нижней Упы включительно); съ 1503 г. по 1514 приблизительно только Порѣчскій, Духовщинскій, Смоленскій (по р. Вопь), Красниискій, Ельнинскій и Рославльскій уѣзды Смоленской губерніи.

36. Витебское воеводство состояло изъ волостей и владѣній, принадлежавшихъ Витебскимъ князьямъ XIV в. (за небольшими исключеніями на югѣ) и изъ владѣній подручныхъ имъ князей Друцкихъ.

37. Территорія его въ наибольшемъ протяженіи обнимала: почти весь нынѣшній Витебскій уѣздъ, Городокскій уѣздъ за исключеніемъ небольшой полосы на западѣ (отъ р. Оболи); Велижскій и юго-западную часть Торопецкаго (до 1503 года); небольшую часть Порѣчскаго уѣзда Смоленской губ.; Оршанскій и Горецкій уѣзды, сѣверо-восточную часть (отъ р. Усвяды) и южную часть (отъ р. Бобра) Сѣнниинскаго уѣзда и нѣкоторыя пограничныя мѣстности Могилевскаго уѣзда Могилевской губерніи.

38. Полоцкое воеводство состояло изъ волостей и владѣній, принадлежавшихъ удѣльнымъ Полоцкимъ князьямъ XIV вѣка, а также изъ волостей подручныхъ имъ князей Лукомскихъ.

39. Территорія его обнимала: нынѣшніе Себежскій, Дриссенскій, Полоцкій и Лепельскій уѣзды Витебской губерніи; юго-западную небольшую часть Витебскаго уѣзда, западную часть Сѣнниинскаго уѣзда (по р. Усвяду, впадающую въ Западную Двину); сѣверную часть Борисовскаго уѣзда Минской губ. (по Березину и ея притокъ Сергуть); сѣверо-восточную часть Дисненскаго уѣзда Виленской губ. (по Березвечь, притокъ Дисны, и Волту, притокъ Западной Двины).

40. Между Смоленскимъ и Кіевскимъ воеводствами находились (до 1503 года) княжества Чернигово-Стародубское и Новгородъ-Сѣверское, обнимавшія нынѣшнюю Черниговскую губернію за исключеніемъ большей части Остерскаго уѣзда, небольшой юго-западной части Черниговскаго и уѣздовъ Суражскаго и Мглинскаго, почти весь Гомельскій уѣздъ Могилевской губерніи, сѣверную часть Путивльскаго и Рыльскаго уѣздовъ Курской губерніи.

41. Браславскій, Вѣницкій и Звенигородскій повѣты литовскаго Подолья обнимали: нынѣшніе Балтскій, Ольгопольскій, Ямпольскій, Брацлавскій и Винницкій уѣзды Подольской губерніи; уѣздъ Литинскій той же губерніи за исключеніемъ сѣверной части (по р. Бугъ); южную часть Бердичевскаго и Сквирскаго (по р. Раставицу, впадающую въ Рось) уѣздовъ Кіевской губерніи, уѣзды Таращанскій, Звенигородскій, Уманьскій и Липовецкій Кіевской губерніи.

ОЧЕРКЪ III.

Составъ общества въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и должностная дѣятельность сихъ послѣднихъ.

Задачи управленія намѣстниковъ-державцевъ.—Господарскіе дворы и дворцы въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и дворныя пашни и угодья.—Происхожденіе этихъ пашенъ и угодій въ связи съ вопросомъ объ отношеніи господарской власти къ землевладѣнію вообще.—Челядь невольная при господарскихъ дворахъ, какъ рабочая сила; ея содержаніе.—Тяглые господарскіе крестьяне и ихъ служба; дякло, мезлева и другія подати ихъ, какъ дополненія къ тяглой службѣ; осадники изъ тяглыхъ крестьянъ и ихъ повинности.—Крестьяне различныхъ спеціальныхъ службъ по господарскому хозяйству: бортники, бобровники, осочники, ловцы, псарцы, сокольники, свинухи, рыболовы, конюхи, кобыльники, ройтинники, лейти, колокарицы, огородники, сторожа, невозники, кухари, садовники и др.; ихъ частныя и общія повинности.—Крестьяне, несшіе спеціальныя службы по господарскому хозяйству сообразно съ своими особенными промыслами: ковали, клепачи, рогатинники, дойлиды, сочники, бондари, судщики, кравцы, мурали, стрихари, железники, гончары, кожемяки, стрыменники, рыболовы, солянники, рудники, угольники, дегтяри, млынари и др.; ихъ частныя и общія повинности (толока).—Данники; дань грошовая, медовая, бобровая, куничная, бѣлочья, житная, пшеничная и другіе платежи и барщинныя повинности данниковъ; куничники и ясачники.—Количественное преобладаніе данниковъ въ составѣ крестьянскаго населенія Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей.—Слуги; ихъ экономическое и юридическое положеніе въ составѣ сельскаго населенія Литовско-Русскаго государства. Разряды слугъ: путные, панцырные, щитные, десятники, конные; ихъ частныя и общія повинности, военныя и крестьянскія.—Общія названія для всѣхъ крестьянъ, составлявшихъ господарскую волость въ тѣсномъ смыслѣ.—Участіе въ работахъ по господарскому хозяйству господарскихъ мѣщанъ и владѣльческихъ крестьянъ.—Дѣятельность и отчетность намѣстниковъ-державцевъ по веденію экономіи господарскихъ дворовъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ.—Слабое развитіе этой дѣятельности въ другихъ областяхъ великаго княжества въ связи со слабымъ развитіемъ самаго господарскаго хозяйства; причины этого.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по обезпеченію

господарскаго хозяйства необходимымъ капиталомъ и крестьянскимъ трудомъ.—Вопросъ о прикрѣпленіи литовско-русскихъ крестьянъ въ литературѣ и неудовлетворительная постановка изслѣдованій. — Непохожіе люди въ господарскихъ волостяхъ; обязательственный характеръ прикрѣпленія.—Мнѣнія по вопросу о происхожденіи этого класса. Значеніе юридическаго принципа давности въ прикрѣпленіи господарскихъ крестьянъ; его историко-экономическія основы и ограниченія; особое положеніе крестьянъ въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ.—Личный характеръ прикрѣпленія частновладѣльческихъ крестьянъ; вліяніе нѣмецко-польскаго шляхетскаго права. Принципъ земской давности въ прикрѣпленіи частновладѣльческихъ крестьянъ. — Происхожденіе крестьянскихъ пустовщинъ въ господарскихъ волостяхъ; борьба крестьянства съ нуждою въ капиталѣ и ея обычный исходъ. — Правительственная помощь крестьянству въ этой борьбѣ и ея недостаточность; продажа крестьянами своихъ земель и неправильныя сужденія по поводу ея въ литературѣ. — Вольные похожіе крестьяне въ Литовско-Русскомъ государствѣ; происхожденіе этого класса.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по осадѣ крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ службъ; старина крестьянскихъ повинностей, какъ принципъ въ этой дѣятельности.—Тивуны на господарскихъ дворахъ, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ по распорядительной дѣятельности и надзору за работами; ихъ происхожденіе и прототипъ. Тивуны на положеніи намѣстниковъ-державцевъ; ихъ происхожденіе и прототипъ; постепенная замѣна ихъ намѣстниками-державцами и ея причины. Тивуны въ роли блюстителей господарскаго имущества и доходовъ.—Собственныя крестьянскія власти въ различныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства; пристава, сотники, сорочники, десятники, приказники, старцы; ихъ происхожденіе и назначеніе въ ряду другихъ властей, въ частности—при намѣстникахъ-державцахъ.—Крестьянскія земли-единицы обложенія службами и податьми; ихъ происхожденіе, составъ, порядокъ владѣнія ими и пользованія.—Дворища, сельца или селища, жеребья и волоки, какъ единицы обложенія; ихъ территоріальное распространеніе.—Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи литовско-русскихъ крестьянъ въ новѣйшей литературѣ; неправильность метода въ его рѣшеніи.—Порядокъ отбыванія въ господарскихъ волостяхъ крестьянскихъ повинностей; волостные разметы и порубы; роль крестьянскихъ властей.—Намѣстники-державцы въ роли сборщиковъ податей съ господарскихъ крестьянъ.—Подати татарскаго происхожденія съ господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ: подымщина, воловщина, поголовщина, посощина, серебщина и ордынщина (съ мѣщанъ и крестьянъ); ихъ назначеніе и роль намѣстниковъ-державцевъ въ сборѣ ихъ.—Оброчныя статьи господарскаго хозяйства въ завѣдываньѣ намѣстниковъ-державцевъ.—Стаціи и подводы, какъ общія повинности господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ; изъятія отъ этихъ повинностей; участіе намѣстниковъ державцевъ въ ихъ сборѣ.—Общественное положеніе господарскихъ мѣщанъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. —Ихъ барщинныя повинности, натуральныя и денежныя подати; административное участіе намѣстниковъ-державцевъ въ от-

правленія мѣщанскихъ повинностей.—Торговыя пошлины, промысловые налоги и доходы съ регалій, собиравшіеся намѣстниками-державцами въ господарскихъ мѣстахъ: мостовое, помѣрное, вага или вѣсчее, торговые пенязи съ клѣтокъ и сборы съ ятокъ мясныхъ, капщина, корчомные пенези, доходы съ воскобоенъ и суконныхъ постригаленъ; отдача ихъ на откупъ частнымъ лицамъ и мѣщанскимъ обществамъ при дарованіи магдебургскаго права.—Мыто старое, восковые и соляные пенязи; отдача ихъ въ вѣрной рукѣ или на откупъ.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по заселенію мѣстъ и устройству мѣщанскаго землевладѣнія; правительственное содѣйствіе ихъ военнослужилому классу въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности въ мѣстахъ.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству и ремонту крѣпостей, мостовъ и военныхъ дорогъ, по организаціи сторожи и погони за непріятелемъ; участіе во всемъ этомъ мѣстныхъ обществъ.—Намѣстники-державцы въ роли начальниковъ мѣстныхъ военныхъ силъ; крестьяне, мѣщане, татары, казаки, бояре, земяне и ихъ почты въ составѣ этихъ силъ; хоружіе, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ. — Бояре и земяне, какъ общественный классъ; распредѣленіе ихъ по областямъ и происхожденіе; шляхетство.—Порядокъ обложенія военною повинностью въ Литовско-Русскомъ государствѣ; принципъ службы съ земли и его поправки въ изучаемое время.—Типы земельныхъ владѣній, съ которыхъ шла военная служба: вотчины, купли, выслуги до воли, до живота, до двухъ животовъ и на вѣчность; различія въ правѣ владѣнія ими. — Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству военнослужилаго землевладѣнія.—Обязанность личной военной службы для землевладѣльцевъ и изъятія изъ нея; составъ землевладѣльческихъ почтовъ.—Судебная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ; общественные классы, состоявшіе подъ ихъ присудомъ, и отличіе намѣстниковъ-державцевъ въ этомъ отношеніи отъ тивуновъ. — Ограниченія судебной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ, вытекавшія изъ вотчинной юрисдикціи землевладѣльцевъ, мѣстской юрисдикціи по магдебургскому праву, юрисдикціи земскихъ судовъ.—Кругъ дѣлъ, подлежавшій разбирательству намѣстниковъ-державцевъ; особые судьи при намѣстникахъ-державцахъ; ихъ происхожденіе и дѣятельность. — Штатъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ при намѣстникахъ-державцахъ, и ихъ дѣятельность.—Судебно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по возбужденію отъ центральнаго правительства. — Доходы намѣстниковъ-державцевъ при отправленіи своей должности; доходы по заставнымъ листамъ и особымъ привилеямъ.—Плата господарю, воеводамъ, старостамъ отъ намѣстничествъ и ея замѣна челобитьемъ.—Сроки держаній и порядокъ ихъ отобранія; ограниченіе воззрѣнія на намѣстничество, какъ на кормленіе.—Общіе выводы.

I.

Въ 1499 году великій князь Александръ, разобравъ недоразумѣнія, возникшія между намѣстникомъ Минскимъ кн. Богданомъ Ивановичемъ Жеславскимъ и мѣщанами Минскими по поводу намѣстничьяго присуда и доходовъ, въ судномъ мѣстѣ писалъ между прочимъ: „та-

всемъ приказали есмо войту, бурмистромъ и радцамъ и всимъ мѣщаномъ, ажбы намѣстника нашого во всемъ послушны были въ нашихъ дѣлѣхъ по тому, *какъ и самихъ насъ*" [1]). Такимъ образомъ, изъ устъ самаго правительства мы получаемъ опредѣленіе должности намѣстника-державцы, какъ представителя великаго князя въ данномъ округѣ, агента по его господарскимъ дѣламъ [2]).

Дѣла эти были довольно разнообразныя. Въ каждомъ данномъ округѣ обыкновенно велось собственное хозяйство великаго князя частью рабскимъ трудомъ, но большею частью трудомъ великокняжескихъ крестьянъ или „людей". Великокняжескіе люди, кромѣ того платили своему господарю различныя подати съ своихъ земель деньгами и натурою и несли различныя повинности. Больше всего дѣлъ у великаго князя въ данномъ повѣтѣ или волости было именно по веденію своего хозяйства и по управленію крестьянскимъ обществомъ, т. е. по устройству крестьянскаго землевладѣнія и службъ, по сбору податей и взысканію повинностей, по суду надъ крестьянами и т. д. Менѣе дѣлъ было по управленію торгово-промышленными людьми, жившими въ господарскихъ „мѣстахъ", потому что эти люди были малочисленнѣе сельскаго земледѣльческаго населенія, и потому что многія „мѣста" въ изучаемое время получили право самоуправленья. Сравнительно съ крестьянами мало давали правительственной работы и различные военно-служилые люди, державшіе свои имѣнья „подъ господаремъ", какъ, напримѣръ, бояре и земяне. Ихъ самихъ было, конечно, гораздо меньше, чѣмъ господарскихъ крестьянъ; повинности и платежи съ ихъ имѣній не были такъ многочисленны и разнообразны, какъ съ крестьянскихъ земель; людьми, жившими на ихъ земляхъ, они преимущественно управляли сами, такъ что приходилось главнымъ образомъ судить и рядить ихъ лично. Еще меньше приходилось имѣть дѣло съ владѣльцами и населеніемъ такихъ имѣній, которыя были пожалованы великимъ княземъ изъ состава волости или повѣта „со всимъ правомъ и панствомъ и власностью, ничого на себе не оставляючи", или въ такомъ видѣ унаслѣдованы были частными лицами. Какъ показываетъ самая формула пожалованья, великій князь отрекался отъ всѣхъ своихъ правъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя онъ имѣлъ на всѣ имѣнья въ государствѣ въ качествѣ представителя верховной политической власти, что иногда и оговаривалось

---

[1]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

[2]) Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № VII

право въ жалованной грамотѣ. Такимъ образомъ, напримѣръ, король Сигизмундъ въ 1513 году утвердилъ за паномъ Богушемъ Боговитиновичемъ и его братьею имѣнья ихъ отчинныя, выслуженныя и купленныя, nihil juris dominii et proprietatis in eisdem bonis et hominibus pro nobis et successoribus nostris reservantes in perpetuum, *juribus nihilominus nostris ducalibus semper per omnia salvis permanentibus* [3]). Владѣльцы такихъ имѣній, бывшіе въ нихъ полными владыками, несли съ нихъ только военную повинность, которую они выполняли своими боярами и слугами, городовую (по постройкѣ укрѣпленій) и дорожную (по устройству большихъ дорогъ), для выполненія которыхъ они выгоняли своихъ крестьянъ; иногда, кромѣ того, должны были давать подводы проѣзжающему господарю или его посламъ и гонцамъ и т. д. Господарское дѣло по отношенію къ такимъ имѣньямъ состояло главнымъ образомъ въ понужденіи ихъ къ выполненію лежавшихъ на нихъ немногихъ государственно-земскихъ повинностей, а также въ обезпеченіи посредствомъ суда личныхъ и имущественныхъ правъ ихъ населенія отъ нарушенія сторонними лицами изъ мѣстнаго общества. Наконецъ, по отношенію къ церковнымъ имѣніямъ, которыя большею частью освобождены были отъ всякихъ повинностей, господарское дѣло состояло главнымъ образомъ въ защитѣ ихъ населенія отъ обидъ и притѣсненій со стороны постороннихъ людей, а также этихъ послѣднихъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны церковныхъ людей, буде церковныя власти не давали надлежащаго удовлетворенія. По всѣмъ перечисленнымъ дѣламъ намѣстникъ-державца былъ представителемъ и агентомъ великаго князя въ своемъ округѣ или повѣтѣ.

II.

Начнемъ съ собственнаго хозяйства великаго князя. Въ каждомъ округѣ, которымъ управлялъ намѣстникъ-державца или тивунъ, находилось обыкновенно нѣсколько великокняжескихъ *дворовъ и дворцовъ*. Такъ назывались собственно усадьбы, въ которыхъ находились хоромы и клѣти для великокняжескихъ урядниковъ и челяди и разныя хозяйственныя постройки для храненія хозяйственныхъ припасовъ, какъ-то: подклѣти и погреба, свирни (амбары), клуни (риги) и гумна, стайни (хлѣва), околы и т. д. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, которые находились на пути господарскихъ проѣздовъ изъ Литвы въ Польшу

---

[3]) Литов. Метр. кн. Запис. VII л. 570—572.

[illegible] въ пути на ловы, находились помѣщенія для великаго князя и его свиты [4]).

Такія усадьбы были и въ городахъ великокняжескихъ или замкахъ, и въ мѣстахъ, и въ селахъ, и, наконецъ, въ одиночку, на подобіе нашихъ нынѣшнихъ хуторовъ. Такъ, напр., господарскій дворъ былъ въ замкѣ или городѣ Минскомъ. Въ 1499 году сидѣвшій въ этомъ городѣ намѣстникъ князь Богданъ Жеславскій жаловался великому князю, „што ихъ мѣщане не хотять млына городского справляти и гребли сыпати по давному", и затѣмъ: „которыи злодѣи съ поличьемъ приводять до мѣста Мѣнскаго або которыи клячи або животина приблудная, то войть все собѣ биралъ, а ему, намѣстнику нашому, до двора нашого ничого не давалъ" [5]). Господарскій дворъ былъ и въ замкѣ Каменецкомъ, какъ это открывается, напримѣръ, изъ листа, выданнаго въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу на держанье въ „заставѣ" Каменца со всѣми его доходами [6]). При замкахъ или городахъ обыкновенно находились и поселенія торговопромышленныхъ людей или мѣста. Но иногда замка или города не было, былъ только господарскій дворъ и при немъ мѣсто. Таковъ былъ, напримѣръ, дворъ Довкги, который держалъ въ „заставѣ" вмѣстѣ со всѣми доходами панъ Богушъ передъ тѣмъ, какъ получилъ въ „заставу" Каменецъ [7]). Господарскіе дворы находились и въ селахъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ пожалованій дворовъ съ „людьми", при чемъ иногда точно обозначается и количество ихъ. Такимъ образомъ, въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ, напр.: „пани Шедиборовой подлѣ Жирмунъ дворъ пашный а къ тому десеть человѣковъ"; или: „у Гомеи Гарману Радивоновичу дворъ Халче съ людми и со всимъ" [8]). Такіе дворы, впрочемъ, чаще всего назывались дворцами. Въ записи подтвержденій, сдѣланныхъ великимъ княземъ Казимиромъ въ Мстиславскомъ княжествѣ, которое онъ взялъ на себя послѣ крамолы и бѣгства князя Юрья Лингвеньевича, находимъ упоминаніе о селѣ Колодезяхъ и Красномъ, а позже съ этими названіями являются уже дворцы Мстиславскіе [9]). Акты иногда даютъ и прямыя указанія въ этомъ

---

[4]) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 17.
[5]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.
[6]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.
[7]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; Акты Запад. Рос. II, № 161.
[8]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 4, 13.
[9]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23; Акты Зап. Рос. I, № 66, 82.

отношенія. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ Васку Бубну дворецъ въ Керновскомъ повѣтѣ, „а повѣдилъ передъ господаремъ, што въ томъ дворци пять чоловѣковъ, а пашня дворная“ [10]). Господарскіе дворцы находились иногда и отдѣльно отъ какого бы то ни было селенія. Такой дворецъ находился, напримѣръ, въ Кременецкомъ повѣтѣ, „миля отъ города“, какъ выражается за неимѣніемъ другихъ обозначеній инвентарь „поданья“ Кременца времени короля Казимира [11]).

При каждомъ господарскомъ дворѣ или дворцѣ, гдѣ бы онъ ни былъ выстроенъ, находились обыкновенно *дворныя земли и угодья*, эксплуатировавшіяся непосредственно на господаря. Такимъ образомъ, напримѣръ, пашня дворная находилась при дворѣ Волковыйскомъ, который былъ административнымъ центромъ всего повѣта Волковыйскаго и находился въ мѣстѣ Волковыйскомъ [12]). Если господарскій дворъ находился въ городѣ или замкѣ, такія земли назывались нерѣдко *замковыми* или *городовыми* [13]). Пашни и угодья дворныя находились, напримѣръ, и при дворѣ Лососиной Слонимскаго повѣта, находившемся въ селѣ, какъ это видно изъ привилея на этотъ дворъ, даннаго въ 1505 году князю Василью Львовичу Глинскому [14]). Подобное же указаніе даетъ и привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1516 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Жуково въ Луцкомъ повѣтѣ „съ челядью невольною, съ слугами путными и со всими людми данними и тяглыми, и съ конюхи, и со всими ихъ землями и теже *дворными*, пашными и бортными, и зъ боры и зъ лѣсы и зъ дубровами“ и т. д. [15]). Само собою разумѣется, что господарскіе дворы и дворцы, лежавшіе отдѣльно отъ селеній, потому и возникали, что въ данной мѣстности были земли и угодья, эксплуатировавшіяся непосредственно на господаря. Помимо этого соображенія въ подкрѣпленіе ему можно привести и прямое свидѣтельство одного акта. Державца Василишскій панъ Якубъ Кунцовичъ, получивъ отъ воеводы Троцкаго князя Константина Ивановича Острожскаго приказъ „обыскать“ въ Василишскомъ повѣтѣ восемь службъ людей и при земли пустовскихъ для дворянина господарскаго Янушка Богдановича Солѣжина а по

10) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 215.

11) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107—108.

12) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

13) Акты Зап. Рос. I, № 151; II, № 102, 114.

14) Акты Зап. Рос. I, № 218.

15) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.

розыскавъ одной земли, взамѣнъ ея далъ, какъ гласитъ привилей Сигизмунда отъ 8 сентября 1523 года, „поля нашого *дворного* на сорокъ бочокъ а сѣножатей на двѣ стыртѣ на рѣцѣ на Невиши, отъ двора нашого Василишскаго въ мили, а на томъ дей поли *у дворищи* паробокъ живалъ, и коли на томъ поли жыто на насъ сѣивано, онъ того жыта стерегивалъ" [16]). Изъ этого видно, что нѣкоторыя господарскія дворныя пашни и угодья иногда переставали эксплуатироваться и въ такомъ случаѣ шли обыкновенно въ раздачу служилымъ людямъ наравнѣ съ другими „пустовскими" землями. Относительно этого въ свою очередь можно привести еще болѣе опредѣленное указаніе источниковъ. Въ 1511 году дворянинъ Семенъ Ивановичъ, получивъ отъ короля на вѣчность село Тугановичи въ Новгородскомъ повѣтѣ Цѣринской волости,—„просилъ въ насъ,—читаемъ въ привилеѣ Сигизмунда,—земли нашое дворное и сѣножати на имя Церквишча отъ Сервечы рѣки у верхъ по рѣцѣ Пѣтушовцѣ по Скитертичы, подлѣ тыхъ же своихъ людей, на пашню дворную; и повѣдилъ намъ, штожъ дей тая земля лежитъ пуста, а пашни дей *дворное* окромъ того досыть" [17]).

III.

Собственное хозяйство великаго князя заводилось обыкновенно на такихъ земляхъ и угодьяхъ, которыми никто помимо не владѣлъ и не пользовался. Такія земли и угодья находились обыкновенно всецѣло въ распоряженіи господаря великаго князя, и никто не могъ занимать ихъ и пользоваться ими безъ разрѣшенія господаря или его урядниковъ. Великіе князья литовскіе со временъ Ягелла и Витовта въ своихъ грамотахъ, данныхъ князьямъ, панамъ, боярамъ, земянамъ и мѣщанамъ, признавали за ними только отчины ихъ, т. е. имѣнья, которыя они унаслѣдовали отъ предковъ, выслуги и куппи, на которыя они имѣли листы или другія достаточныя доказательства, и не признавали права занимать самовольно и эксплуатировать какія либо другія земли и угодья, хотя бы и пустыя, не состоящія ни въ чьемъ пользованіи [18]). Такъ, напр., когда бояринъ Куржлевскій Ганусъ „безъ призволенья" господарскаго распахалъ пущу въ Ракишскомъ повѣтѣ

---

[16]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 133, 134.

[17]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 404.

[18]) *Dzialynskiego* Zbiór praw litewskich, str. 7—20; Акты Зап. Рос. I, 61; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 3—9; 12—15; Литовскій статутъ 1529 года, раздѣлъ I, арт. 8.

и посадилъ за собою господарскихъ людей, а также и своихъ собственныхъ, в. князь Александръ отобралъ у него эти роспаши и велѣлъ ему свести оттуда своихъ людей, а обработанные имъ участки вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ господарскими людьми пожаловалъ въ 1499 году пану Григорью Остиковичу [19]). Въ силу этого всѣ земли и угодья, всѣ имѣнья, оставшіяся почему-либо безъ владѣльцевъ, „спадали" на господаря. На господаря спадали земли и угодья его крестьянъ, которые почему-либо покидали ихъ или вымирали, какъ это будетъ видно изъ многочисленныхъ примѣровъ въ послѣдующемъ изложеніи. Впрочемъ, крестьянскія земли и угодья, какъ увидимъ ниже, и безъ того считались господарскими и были скорѣе въ пользованіи крестьянъ, чѣмъ во владѣніи. На господаря в. князя спадали и земли господарскихъ мѣщанъ, умершихъ безъ наслѣдка. Въ 1500 году 18 декабря великій князь Александръ пожаловалъ, напр., мынцарю своему Индрыху Шлякгиру „кгрунты и сѣножати въ Ковенскомъ повѣтѣ въ мѣстьскомъ фридѣ и лѣсъ промежи нивъ тыхъ и сѣножатей", которыя спали на отца его короля Казимира, послѣ того какъ мѣщане ковенскіе, „господары тыхъ нивъ и сѣножатей и людей", померли, „а наслѣдковъ въ нихъ ничого ся не остало" [20]). На великаго князя спадали и земянскія имѣнья, какъ это видно, напр., изъ привилея короля Александра отъ 21 января 1506 года, выданнаго дворянину Ивану Хребтовичу на разныя имѣнья, между прочимъ на Портско, которое принадлежало земянину Луцкому Юхну Защитовскому, а по смерти его—брату его Михну: „и какъ тотъ Михно вмеръ,—читаемъ въ этомъ привилеѣ,—ино никого ближнихъ Юхновыхъ Защитовского къ тому имѣнью Портску не было, и на насъ, на господаря, то спало" [21]). Въ первомъ очеркѣ было указано на нѣсколько случаевъ, когда спадали на господаря крупныя княжескія имѣнья, оставшіяся „безъ наслѣдковъ", напр., Пинскъ, Кобринъ, Городецъ, Туровъ и др. Въ грамотѣ на права и вольности, выданной князьямъ, панамъ, боярамъ и земянамъ Кіевской земли, находимъ на этотъ счетъ и общее опредѣленіе: „а дѣтей не будетъ, ино ближнему; а будетъ пустый человѣкъ, ни дѣтей, ни племени: ино на насъ (господаря) то имѣнье" [22]). Такимъ путемъ въ распоряженіе господаря переходили и населенныя земли и угодья, съ которыхъ ему должны были идти разныя службы

[19]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145—147.
[20]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 110.
[21]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 248.
[22]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

и доходы, и земли и угодья пустыя, не занятыя и не эксплуатируемыя. Эти послѣднія великій князь раздавалъ на разныхъ условіяхъ разнымъ людямъ или оставлялъ ихъ впустѣ, или же устраивалъ на нихъ собственное хозяйство. Такъ, напр., при великомъ князѣ Александрѣ „справленъ“ былъ дворецъ Кгойдутишки въ Мемижскомъ повѣтѣ на пустовскихъ земляхъ: Ляховой, Селивановой, Лутковой Черневича, Бутковой Кохновича и Гостиловой [23]). Разумѣется, господарскіе дворы и дворцы справлялись иногда и на земляхъ, не тронутыхъ еще культурой, въ такъ называемыхъ „пущахъ“, т. е. глухихъ и дикихъ лѣсныхъ зарусляхъ. Исключеніе изъ общаго порядка представляла только Жмудская земля, жители которой въ своихъ интересахъ добились отъ великаго князя (повидимому, Казимира) обѣщанія не расширять своего хозяйства на пустопорожнихъ земляхъ, не строить новыхъ дворовъ, кромѣ тѣхъ, которые существовали уже во времена Витовта [24]).

Какъ и когда могло установиться такое право великаго князя на всѣ незанятыя земли и угодья, исключившее право самовольнаго занятія ихъ и эксплуатаціи другими лицами? Чтобы могло установиться это право, нужно было: во-первыхъ, чтобы князь въ достаточной мѣрѣ овладѣлъ обществомъ; во-вторыхъ, чтобы обозначились предѣлы государственной территоріи, которая могла сама въ себѣ заселяться, и въ-третьихъ, чтобы земля получила экономическую цѣнность. Всѣ эти условія стали опредѣляться въ западной Руси и до литовскаго владычества подобно тому, какъ опредѣлились они въ то время и въ сѣверо-восточной Руси. Несомнѣнно, что и князья Рюриковичи въ западной Руси, особливо тамъ, гдѣ они прочно осѣлись, уже успѣли настолько овладѣть мѣстными обществами, чтобы всѣ незанятыя еще земли и угодья взять въ свое распоряженіе и располагать ими по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ. Несомнѣнно также, что и предѣлы территорій княжествъ установились также до утвержденья литовскаго владычества. И, наконецъ, несомнѣнно также, что земли и угодья пріобрѣли уже нѣкоторую экономическую цѣнность съ утвержденіемъ осѣдлости, развитіемъ сельскаго хозяйства и ограниченіемъ предѣловъ княжествъ. Указанія на это можно найдти и въ Русской Правдѣ, и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, и въ немногихъ актахъ, уцѣлѣвшихъ отъ этого времени. Однимъ словомъ, уже до литовскаго владычества должна была выработаться и находить себѣ приложеніе въ жизни во многихъ мѣстностяхъ западной Руси идея, что всѣ незаня-

---

[23]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 358

[24]) Акты Зап. Рос. I, № 103.

тыя земли и угодья въ княжествѣ, никому не принадлежащія, суть княжескія. Такимъ образомъ, литовскіе князья въ данномъ случаѣ вступали только въ права русскихъ князей Рюриковичей и затѣмъ въ свою очередь передали ихъ великому князю, соединившему въ своихъ рукахъ бывшія удѣльныя княжества.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ нужды выводить происхожденіе поземельной господарской собственности на Руси Литовской изъ завоеванія, какъ это сдѣлалъ Ярошевичъ и В. Б. Антоновичъ [25]). Но съ другой стороны нельзя и отрицать значенія утвержденія литовскаго владычества въ исторіи землевладѣнія на Руси Литовской, какъ это сдѣлалъ г. Владимірскій-Будановъ [26]). Съ литовскимъ занятіемъ снова высоко поднялся престижъ княжеской власти въ западной Руси, расшатанный и поникшій въ смутную эпоху XIII вѣка. Вмѣстѣ съ этимъ должно было окончательно выясниться и утвердиться право князей на всѣ незанятыя земли и угодья въ предѣлахъ княжествъ, право, которое до этого времени врядъ ли повсюду въ западной Руси достаточно полно опредѣлилось и находило себѣ должное признаніе. Литовскіе князья должны были дорожить землею и угодьями въ большей степени, чѣмъ ихъ предшественники, князья Рюриковичи, въ особенности XI и XII в. в., такъ какъ эти земли и угодья при подвижности тогдашняго крестьянскаго населенія, сбитаго съ своихъ насиженныхъ мѣстъ, съ полей и промысловыхъ „ухожаевъ", въ смутную эпоху XIII в., давали возможность князьямъ устанавливать экономическую власть надъ прибывавшимъ крестьянствомъ, давали возможность развивать собственное сельское хозяйство и промыслы и такимъ образомъ эксплуатировать крестьянскій трудъ. Не лишено было при этомъ значенія и то обстоятельство, на которое указываетъ г. Антоновичъ, именно необходимость для литовскихъ князей подъ сильнымъ давленіемъ внѣшнихъ враговъ увеличивать военныя силы путемъ раздачи земельныхъ участковъ разнымъ людямъ съ обязанностью военной службы. Благодаря всему этому всѣ незанятыя земли и угодья очутились въ распоряженіи князей и de jure перестали быть объектомъ самовольнаго занятія и эксплуатаціи со стороны частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, литовское занятіе западной

---

[25]) Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część I, § 63—66. Wilno 1844; Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I, стр. 138 и слѣд.

[26]) С. его „Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства" въ III книгѣ Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца стр. 63 и слѣд.

Руси, если не было источникомъ разсматриваемаго права, то все-таки было условіемъ или причиною, въ ряду другихъ, содѣйствовавшею его закрѣпленію и выясненію.

Есть нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что идея княжеской собственности съ утвержденіемъ литовскаго владычества достигла даже большей степени въ своемъ развитіи, что князья считали своими собственными и земли занятыя и населенныя. Многія изъ этихъ земель заняты и населены были съ ихъ соизволенія подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей. Эти земли князья естественно считали своими. Этотъ же взглядъ они переносили и на другія земли, занятыя и населенныя безъ ихъ разрѣшенія, но также обязанныя извѣстными повинностями. Чѣмъ ниже былъ общественный классъ въ соціально-политической іерархіи, тѣмъ болѣе удалось имъ провести въ жизнь этотъ взглядъ.

Если уже въ эпоху Русской Правды смерды, по всѣмъ признакамъ, считались владѣльцами княжескихъ земель [27]), то при литовскихъ князьяхъ это опредѣлилось уже вполнѣ. Великому князю Витовту полюбилось одно мѣсто, гдѣ сидѣли люди Городенскаго повѣта Олексичи, „и онъ тыхъ людей своихъ Олексичъ,—какъ показывали в. князю Александру мѣстные старожилы,—съ того села ихъ звелъ и посадилъ ихъ на пущи, *на ихъ же отчинѣ*, за Веретеею, гдѣ и теперъ они сѣдять, а на ихъ селищахъ *справилъ себѣ дворъ*" (Жорославку) [28]). Великій князь Александръ пожаловалъ на вѣчность своему дворянину Сеньку Жеребятичу земли въ Путивльскомъ повѣтѣ, *купли* нѣкоторыхъ „людей" Путивлянъ: „подъ Богданомъ Милковичемъ дву братовъ куплю, а отца его Павла и дядка его Максима; а подъ Дробышомъ, Жолвазскимъ сотникомъ, на имя Порозъ куплю; а подъ Олтухомъ—Кгиреевскую куплю; а подъ Ильинскимъ попомъ, што купилъ у Бобловича; а подъ Орскекиничомъ Давыдомъ Городисское волости и тежъ Нехлѣбовскую куплю Жолвазское волости"; владѣльцы земель вслѣдствіе этого пожалованья, какъ обыкновенно бывало, должны были или служить дворянину Жеребятичу, или идти съ своихъ земель прочь. Они выбрали было другой путь и затѣяли съ дворяниномъ Жеребятичемъ тяжбу предъ великимъ княземъ, жалуясь, штожъ онъ тыи ихъ земли отчинные въ насъ (в. князя) выпросилъ". Великій князь

---

[27]) См. *В. И. Сергѣевича* Русскія юридическія древности, 173—176.
[28]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.

оставилъ ихъ жалобу безъ последствій и написалъ въ новомъ привилеѣ, выданномъ по сему случаю Жеребятичу: *„Ино, хотя быхмо и тыи самыи люди наши данныи ему дали, то есть въ нашой воли господарской*; тыхъ людей жалобы есмо выслухавши, и земель, тыхъ купель, въ Сенка есмо не отняли и еще есмо ему къ тому придали подъ Игнатовою на имя Бородавкою землю, куплю ее, што она мужа своего Игната купила" [29]). Въ актахъ изучаемаго времени находимъ множество примѣровъ пожалованій великими князьями земель и угодій подъ своими господарскими „людьми" или крестьянами. Такъ, напр., въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ слѣдующую запись: „Юрью у Видукляхъ подъ двѣма человѣки, подъ Диркселемъ и зъ братомъ, земля, а самыхъ выгнати"; или: „пану Носутѣ селища подъ бобровники, а бобровники согнати" [30]). Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ писарю Михаилу Васильевичу село Свинухи съ людьми во Владимирскомъ повѣтѣ и приказалъ мѣстному старостѣ дать ему въ то „увязанье". Но староста не хотѣлъ этого сдѣлать, потому что люди пожалованнаго села имѣли отъ короля особый листъ, въ которомъ онъ обѣщалъ не отлучать ихъ отъ замка Владимирскаго. Тогда король написалъ старостѣ: „которые въ томъ селѣ слуги путныи, въ которыхъ нашъ листъ будеть, тыхъ Михаилу не дали есьмо: всхотять ли они по своей доброй воли ему служити, и они нехай ему служать; а не всхотять ли ему служыти, и они, земли свои оставившы, мають пойти прочъ, гдѣ хотячы, а Михайло собѣ тыи земли людми осаживаеть прыхожими; нежли, которые люди тяглые есть въ томъ селѣ и листу нашого не мають, тые мають ему служыти" [31]). Разумѣется, безъ нужды господарь не дѣлалъ практическаго приложенія такого взгляда на крестьянскія земли и угодья, которыя поэтому de facto находились въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, а съ точки зрѣнія поземельныхъ отношеній крестьянъ другъ къ другу и de jure. Но отсюда, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, еще далеко до „полнаго права вѣчнаго и потомственнаго владѣнія ихъ землями наравнѣ съ земянами и боярами", которое признаетъ за ними г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ го-

---

[29]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

[30]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 43, 67.

[31]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 551, 552.

сударствѣ XVI вѣка" [32]). Точно также нельзя согласиться съ нимъ и въ томъ, что конецъ правамъ крестьянъ на землю положила будто бы волочная система: приведенныя указанія источниковъ говорятъ о томъ, что крестьяне не имѣли этого права и до введенія волочной системы.

Есть даже данныя и на то, что идея господарской собственности сдѣлала нѣкоторые успѣхи даже по отношенію къ землямъ и угодьямъ военнослужилаго класса. Въ эпоху Русской Правды землевладѣніе княжеской дружины но всѣмъ признакамъ не было въ такой зависимости, какъ въ XIV вѣкѣ, когда князья властвовали въ поземельныхъ отношеніяхъ бояръ и слугъ, регулировали и направляли ихъ по своему и въ своихъ интересахъ, главнымъ образомъ—въ интересахъ военной службы, которая содержалась теперь съ земли. Среди постоянной вербовки служилыхъ людей и раздачи имъ помѣстій изъ княжескихъ земель (терминъ „помѣстье" по старой памяти употреблялся въ теченіе всего изучаемаго времени [33]) затемнилось и отошло на задній планъ представленіе о свободной боярской земельной собственности и выдвинулось впередъ представленіе о землѣ, съ которой идетъ военная боярская служба князю, и которая, поэтому, находится въ распоряженіи князя, есть въ извѣстномъ смыслѣ его господарская земля. Это представленіе не умирало и послѣ того, какъ права литовско-русскихъ бояръ были обезпечены дарованіемъ имъ извѣстныхъ привилеевъ по образцу польскихъ шляхетскихъ [34]). Поэтому великіе князья считали себя въ правѣ жаловать князьямъ и панамъ въ составѣ извѣстной волости или крупнаго имѣнья и земли, съ которыхъ шла боярская служба. Такъ, великій князь Александръ, подтвердилъ на вѣчность князю Василію Михайловичу Верейскому замокъ Любечъ и дворы Койдановъ, Рубежевичи, Усу, Старинки, Ислочъ, Воложино и Радошковичи съ волостями, данные ему королемъ Казиміромъ; въ составѣ этихъ имѣній записалъ также и села боярскія со всѣми ихъ

---

[32]) Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, стр. 357 358. Кіевъ 1892.

[33]) См. *Владимірскаго-Буданова* „Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства" въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора Летописца, кн. III, стр. 89; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, 160, 161; XVI, л. 136; о помѣстьяхъ говоритъ и извѣстная грамота Мендовга, коею онъ позволилъ литвинамъ записывать Ордену свои имѣнья отчинныя и ленныя, si a nobis teneantur in feudo. *Jaroszewicza* Obraz Litwy I, § 63.

[34]) См. общеземскіе привилеи 1413, 1457, 1492 гг. и областные.

землями и угодьями, при чемъ разъяснилъ: „которымъ бояромъ своимъ подавали князь Василей и его княгини и дѣти ихъ, то бояре мають держати, а съ того мають служити князю Василью и его княгини и дѣтемъ ихъ; и тежъ, которыи бояре отчичы тыхъ имѣней, тыи имъ жо мають служити; а пакъ ли бы зъ нихъ которыи ихъ бояре приѣждчіи або отчичы тыхъ имѣней не хотѣли имъ служыти, а они доброволне со всимъ своимъ мають поити отъ нихъ прочъ, а тыи имѣнья и люди маетъ князь Василей и его княгиня и ихъ дѣти держати и на себе взяти" [35]). Подобныя же права давались и панамъ; такъ, напр., король Сигизмундъ утвердилъ за паномъ Яномъ Литаворомъ дворъ Свержно въ Новгородскомъ повѣтѣ со всѣми селами и людьми, въ томъ числѣ и боярами: et cum omnibus nobilibus ac bojaris, hactenus dictis bojaris Mieszwyczy et Liebiedziowiczy, qui debent servire servicia nobilium; et si noluerint, extunc *rericta terra* pro ipso Johanne Lithawor cum rebus suis mobililus, quibuscunque poterint, quo voluerint migrare sine quovis aresto". Исключеніе изъ такого общаго порядка составляли только такія имѣнія, на которыя боярамъ давались спеціальные привилеи, что они никому не будутъ служить съ нихъ, кромѣ господаря [36]). Служба, лежавшая на боярскихъ земляхъ, несмотря на дарованіе боярамъ привилегій польской шляхты, вообще дѣлала боярское землевладѣніе въ извѣстной степени зависимымъ и условнымъ. Такъ, напр., несмотря на дарованіе права vendendi, commutandi, alienandi, donandi, боярамъ можно было продавать по частямъ или цѣликомъ свои имѣнья лишь при томъ условіи, если отъ этого не пострадаютъ интересы службы и во всякомъ случаѣ съ разрѣшенія господаря, а не только съ вѣдома его. Такъ, великій князь Александръ въ 1495 году позволилъ служебнику пана Юрья Пацовича Сеньку купить землицу у бояръ Ейшишскихъ лишь потому, что „тыи бояре опришные землицы мають, съ чого намъ службу земскую заступати" [37]). Въ 1499 году тотъ же великій князь Александръ утвердилъ за паномъ Яномъ Литаворомъ Хребтовича дворецъ, купленный имъ у тивуна Цѣринскаго Яцка по слѣдущему мотиву: „и тотъ Яцко повѣдилъ передъ нами, што жъ скупилъ въ бояръ Цѣринскихъ въ кого нивку, а въ кого сѣножатку, и дворецъ собѣ тамъ нарядилъ, а намъ съ тыхъ бо-

---

[35]) Литов. Метр. кн. Запис. V. л. 90. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 222.
[36]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390; Акты Зап. Рос. I, № 139.
[37]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 52.

ярь служба сполна идеть" [38]). Съ характеромъ болѣе независимой собственности являются только панскія имѣнья и княжескія, уступленныя господаремъ ихъ владѣльцамъ „со всимъ правомъ и панствомъ". Конечно, и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, бывшая и по отношенію къ нимъ conditio sine qua non владѣнія, но, по крайней мѣрѣ, господарь не считалъ эти имѣнья своими и не передавалъ своей верховной власти надъ ними никому, потому что все, что онъ могъ передать изъ своей верховной власти частнымъ лицамъ, въ сущности было уже передано ихъ владѣльцамъ. Въ этомъ отличіе пановъ отъ простыхъ бояръ, отличіе, которое позволяетъ установить точный, юридическій смыслъ соціальнаго термина „панъ" [39]).

Что касается земель мѣщанъ, то они находились въ одинаковомъ положеніи съ землями военно-служилаго класса (земскіе привилеи, начиная съ привилея Казимира 1457 г., распространялись и на мѣщанъ). Такимъ образомъ, были мѣщанскія земли, съ которыхъ доходы и службу господарь могъ передать частному лицу, и были такія, на которыхъ не распространялось это право. Такъ, король Александръ пожаловалъ дворянину Петрашку Епимаховичу мѣщанъ Полоцкихъ Оксерчинича съ его братьею, Ивана Козчича съ братьею, Саву Микитинича съ братьею — Вшачанъ (Ушачанъ), Матѳея съ братьею и Исидора съ братьею Телитиничей съ ихъ землями, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ „данину" брата—„тымъ обычаемъ: если они ему всхотять служити по своей доброй воли тою службою, которою служили отцу и брату нашому, королемъ ихъ милости, и они нехай служать, а не всхотѣли ль бы ему служити, и они нехай идуть, куда хотять, земли свои оставивши" [40]). Иногда великіе князья жаловали князьямъ и панамъ цѣлыя мѣста, какъ, напр., Сигизмундъ пожаловалъ князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому мѣсто Литовижъ во Владимирскомъ повѣтѣ или, напр., Яну бискупу Виленскому волость Шовленскую въ Жмудской землѣ „зъ бояры, зъ мѣщаны и со всими людми Шовленскими" [41]). Но были и такія мѣста и мѣщан-

[38]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 160.

[39]) Срав. противоположное мнѣніе у *И. Новицкаго* въ его „Очеркѣ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи", стр. 15. Кіевъ 1876.

[40]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 10.

[41]) Ibidem, л. 1, 2 кн. Запис. XII, л. 160, 161.

скія земли и угодья, которыя господарь не считалъ себя въ правѣ раздавать во владѣніе частнымъ лицамъ, и которыя въ этомъ отношеніи представляли аналогію панскимъ имѣньямъ. Вышеупомянутые мѣщане Полоцкіе, которые были пожалованы дворянину Петрашку Епимаховичу, откупили у него свои земли за четыреста копъ грошей и, взявъ съ него листъ, „што жъ вжо ихъ самихъ и ихъ земель не имаеть поискивать, а ни его жона и ихъ дѣти вѣчно", били челомъ королю, прося подтвердить этотъ листъ. Король выдалъ имъ особый привилей (2 августа 1511 года), въ которомъ предоставилъ имъ полное право „тыи земли свои отдати, продати, замѣнити, росширити, прибавити и къ своему вжиточному и лѣпшому обернути, какъ сами наилѣпѣй розумѣючи", прибавивъ съ своей стороны: „а мы вжо не маемъ ихъ самихъ и ихъ земель никому отдавати, а маемъ ихъ держати, *какъ и иныхъ мѣщанъ Полоцкихъ*" [42]). Слѣдовательно, мѣщанъ Полоцкихъ и ихъ земли нельзя было отдавать никому въ частное владѣніе, какъ это и выражено прямо въ жалованныхъ грамотахъ, данныхъ Полоцкой землѣ и городу Полоцку [43]). Подобное же право признано было, какъ извѣстно, и за мѣщанами Витебскими [44]). Такимъ же правомъ пользовались, повидимому, и мѣщане другихъ крупныхъ мѣстъ въ великомъ княжествѣ, которыя лежали около древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ или замковъ, бывшихъ политическими центрами областей Литовско-Русскаго государства. Такія мѣста во время образованія Литовско-Русскаго государства и долгое время послѣ были видными политическими силами, и потому обезпечили за собою извѣстную самостоятельность и независимость. Эта самостоятельность и независимость при томъ же вполнѣ совпадали съ интересами господаря, которому невыгодно было дариться такими мѣстами.

Какъ бы то ни было, но дворныя господарскія земли и угодья обыкновенно брались изъ числа тѣхъ, которыми никто помимо не владѣлъ и не пользовался. Какъ же онѣ разрабатывались и эксплуатировались на господаря?

IV.

При всякомъ господарскомъ дворѣ была челядь невольная, великокняжескіе паробки съ рабами, которые и составляли прежде всего рабочую силу въ великокняжескомъ хозяйствѣ. Въ „уставѣ", данной

[42]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 10.
[43]) Акты Зап. Рос. II, № 61, 70.
[44]) Акты Зап. Рос. I, № 204.

державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1529 году, на этотъ счетъ находимъ слѣдующее прямое указаніе: „Тежъ, абы кождый державца кождого двора, гдѣ есть челядь неволная, было въ дворѣхъ нашихъ мѣлъ досыть и овшельки сохи дворныи, абы челядь неволная дворными сохами робили, къ розмноженью пашни и дворовъ нашихъ“ [45]). Работа челяди на дворной пашнѣ не была нововведеніемъ Сигизмундовой „уставы“, но исконнымъ фактомъ великокняжескаго хозяйства, который велъ свое начало отъ временъ русскихъ князей [46]). Кромѣ работъ по воздѣлыванью и уборкѣ пашенъ, челядь исполняла и разныя другія работы по дому и хозяйству господарскаго двора, напр., стерегла пашню, а женщины пряли ленъ и ткали полотна для господарыни королевы [47]). Жили челядинцы или на господарскомъ дворѣ, или внѣ его, на селѣ и въ своихъ домахъ, имѣя свой хозяйственный обиходъ и свою движимость—„бонду“, благодаря тому, что у нихъ были свои „приробки“ въ пустыхъ земляхъ [48]). Содержалась челядь невольная „мѣсячиною“, которая отпускалась ей съ господарскаго двора, при чемъ тѣ паробки, которые имѣли свои бонды и свои приробки, получали менѣе сравнительно съ тѣми, у которыхъ ничего не было [49]).

Въ исторической литературѣ была сдѣлана попытка различить паробковъ отъ челяди невольной, принявъ за паробковъ особый классъ невольныхъ людей, который служилъ связующимъ звеномъ между невольниками въ тѣсномъ смыслѣ и отчичами, крѣпостными людьми [50]). Паробки—это будто бы тѣ невольные люди, которые имѣли свои бонды и приробки и вообще пользовались нѣкоторыми гражданскими правами, напр., должны были являться „на сокъ“ (исканье слѣда преступника) вмѣстѣ „съ людьми“. Это де спеціальныя права паробковъ, нигдѣ не относимыя къ челяди, холопамъ, рабамъ (о нихъ прямо даже говорится, что „холопу и рабѣ вѣры не няти“). Но такое различеніе паробковъ отъ челяди невольной не имѣетъ подъ собою

---

[45]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 31.

[46]) См., напр., *М. Погодина* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, т. VII, 49—56.

[47]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 7.

[48]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 2; ср. Судебникъ Казимира 1467 о кражѣ паробковъ.

[49]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 2.

[50]) *И. Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 49, 50.

въ дѣйствительности никакой почвы. Въ уставѣ Сигизмунда, данной державцамъ въ 1529 году, прямо говорится: „абы челяди невольной, которыи мають прироби и бонды свои, по полторы копы жыта на рокъ давано". Затѣмъ: обязанность паробковъ являться „на сокъ" вмѣстѣ съ людьми могла существовать и при непризнаніи за ними права свидѣтельства, которымъ рѣшалось дѣло. И, наконецъ, недоразумѣніе устраняется прямыми указаніями источниковъ, изъ котораго видно, что слово „паробокъ" относилось къ мужчинамъ изъ челяди, какъ и слово „холопъ", а „раба"—къ женщинамъ. Въ „инвентарѣ замку Витебского", составленномъ при Александрѣ, въ описаніи дворца Лужосенскаго читаемъ: „клача робочая—одна, двѣ коровѣ а теля сеголѣтнее, овецъ трынадцать зъ молодыми, козъ — осмъ зъ молодыми, гусей—осмнадцать старыхъ и молодыхъ, вепръ—одинъ; а челяди невольное — паробковъ пятнадцать, а жонокъ пять, а робятъ малыхъ пятеро" [51]). Я не буду распространяться о томъ, откуда бралась эта челядь невольная, такъ какъ этотъ вопросъ достаточно выясненъ въ исторической литературѣ [52]).

V.

Кромѣ челяди невольной, рабочую силу въ господарскихъ имѣньяхъ составляли господарскіе люди или крестьяне разныхъ наименованій и прежде всего—*тяглые*, иначе (въ Полоцкой землѣ) *пригонные люди*.

Въ „уставѣ" Сигизмунда для державцевъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта находимъ довольно точное опредѣленіе тяглыхъ людей и ихъ службы: „вси подданныи наши, которыи суть повинны службу уставичьнѣ служити, то есть, люди тяглыи, тыхъ зоставляемъ для роботъ нашихъ дворовъ, яко пашни и подводъ, по старому обычаю". Итакъ, тяглыми людьми назывались тѣ крестьне, которые обязаны были работать и ставить подводы на господарскомъ дворѣ или пашнѣ всегда, когда было нужно. Разумѣется, не всѣ они и не постоянно вслѣдствіе этого работали на господаря. На крестьянскомъ участкѣ, съ котораго шла одна тяглая служба, живало обыкновенно по нѣскольку крестьянскихъ семей, имѣвшихъ нѣсколько рабочихъ рукъ и подводъ, изъ

---

[51]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

[52]) *И. Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 47, 48; *В. Б. Антоновича* Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Зап. Рос. стр. 11—13; *Ѳ. Леонтовича* Крестьяне юго-западной Россіи въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1863 г., № 10, отд. 2, стр. 16—21.

которыхъ часть всегда могла оставаться на крестьянскомъ хозяйствѣ. Господарское хозяйство не требовало постоянной работы отъ тяглыхъ людей и по тому, что, кромѣ тяглыхъ, въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ сгонялись и другіе господарскіе люди, не служившіе тяглой службы, на толоку: „три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три дни ярыны, а сѣно косити по старому“ [53]). Зимою и осенью, когда прекращались полевыя работы, тяглымъ людямъ было сравнительно мало дѣла на господарскомъ дворѣ. Вслѣдствіе всего этого экономный Сигизмундъ предписалъ державцамъ своихъ дворовъ „зоставивши людей на дворныи потребы (тыхъ, на што ся которые потребуютъ,) остатокъ людей тяглыхъ къ пожитку нашому осадити, то есть, або на бочцѣ пшеницы, або вепра будетъ повиненъ подданный нашъ кождый осадного двора нашого къ пожитку нашому дати“ [54]).

Кромѣ работъ на господарской пашнѣ и дворѣ, тяглые люди платили господарю такъ называемое *дякло* и *мезлеву*, — подати натурою со всего, что уродилось и прибыло въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Терминъ „дякло“ обнималъ собою все, что уродилось и прибыло, за исключеніемъ скота, а „мезлева“ относился исключительно къ скоту. Такимъ образомъ, дякла были ржаныя или житныя, пшеничныя, овсяныя, сѣнныя, пентиничныя(?) и дровныя, а мезлева бралась яловицами, свиньями, баранами, курами и яйцами [55]). О томъ, что тяглые люди платили дякло и мезлеву, свидѣтельствуетъ, напр., привилей короля Александра, выданный окольничему Смоленскому Борису Семеновичу на волостку Ровгово, состоявшую изъ 35 тяглыхъ человѣкъ, которыхъ король далъ „и зъ дяклы ржаными и овсяными, и сѣнными, и со всими платы и доходы, и зъ мезлевою, и съ службами“ [56]). Вслѣдствіе этого и люди таглые назывались иногда дякольными. Такъ, въ 1505 году король Александръ, желая дать имѣніе служилымъ татарамъ Банку и Адку, писалъ намѣстнику Марковскому: „што бы еси обыскалъ людей нашихъ тяглыхъ дяколныхъ, осмъ служобъ сполна а три земли пустовскихъ, и имъ бы еси далъ“ [57]), Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Немировичу четырехъ чело-

---

[53]) Акты Зап. Рос. I, № 159, арт. 14.

[54]) Ibidem, арт. 13.

[55]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 9, 10, 11, 12; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.

[56]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199

[57]) Ibidem, л. 206.

мѣхъ Ловецкаго десятка въ Новгородскомъ повѣтѣ, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „а повѣдалъ намъ, што то люди дяколные таглые, а не данные“ [58]) и т. д. Эти подати перелагались иногда и на деньги, особенно дякла сѣнныя, пентиничныя, дровныя и мезлева. Такимъ образомъ, въ записи расходовъ короля Сигизмунда отъ 1509 года читаемъ: „Воеводѣ Кіевскому князю Юрью 2 поставы сукна луньевого въ Оврама (подскарбія); ему жъ 30 копъ съ сѣнныхъ пенязей Свиделькихъ“ [59]). О пенязяхъ сѣнныхъ подякольныхъ упоминаетъ и устава короля Сигизмунда данная старостѣ Городенскому пану Юрью Радивиловичу въ 1514 году [60]). Король Сигизмундъ ввелъ за правило брать деньгами взамѣнъ дяколъ сѣнныхъ, пентиничныхъ и дровныхъ, которыя неудобно было перевозить на мѣста ихъ назначенья (къ городничимъ центральныхъ замковъ) и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предписанія державцамъ въ 1529 году [61]). Такое же предписаніе сдѣлалъ онъ и относительно мезлевы [62]); хотя упоминанія о мезлевщинѣ (мезлева, переложенная на деньги) встрѣчаются и въ болѣе раннихъ актахъ [63]).—Тяглые люди иногда платили и другія подати сверхъ дяколъ и мезлевы. Такъ, въ привилеѣ короля Сигизмунда, выданномъ 25 апрѣля 1513 года пану Ивашку Зеновьевичу на пять человѣкъ тяглыхъ въ Троцкомъ повѣтѣ „у Висманѣхъ“, читаемъ между прочимъ: „а новѣдилъ намъ, што жъ то люди тяглые, и дякла намъ и тежъ пятось меду до ключа Троцкого даютъ“ [64]).

Какъ бы то ни было, но дякло было главною податью тяглыхъ людей, взимавшеюся едва ли не во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Кромѣ собственной Литвы мы встрѣчаемъ его, напр., въ землѣ Берестейской: въ 1525 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Андрею Борисовичу Лозкѣ имѣнья Добрынь и Пожежино въ Берестейскомъ повѣтѣ на вѣчность „и съ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ дякли оржаными и овсяными“ [65]). Въ той части Берестейской земли, которая удержала названье Подлящья, мы также встрѣчаемся съ дякломъ: въ 1512 году король

[58]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 53.
[59]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 432.
[60]) Акты Зап. Рос. II, № 87.
[61]) Акты Зап. Рос, II, № 159, арт. 11.
[62]) Ibidem, арт. 12.
[63]) См., напр., Акты Зап. Рос. II, № 69.
[64]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.
[65]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 271, 272.

Сигизмундъ пожаловалъ пану Ивашкѣ Сопѣгѣ два двора въ Бѣльскомъ повѣтѣ Кнориды и Березницу со всѣмъ и между прочимъ cum datijs alias dziakla"[66]). Дякло взималось и въ княжествахъ Пинскомъ и Кобринскомъ, какъ это видно изъ многихъ актовъ, относящихся къ изучаемому времени и помѣщенныхъ въ „Ревизіи пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ" [67]). О взиманіи дякла въ Кіевской землѣ свидѣтельствуетъ, напр., привилей пану Альбрехту Гаштольду, въ силу котораго король Сигизмундъ пожаловалъ ему селище Жукино въ Кіевскомъ повѣтѣ съ человѣкомъ, „который на томъ селищи сѣдитъ", „и зъ даньми грошовыми, и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ дяклы оржаными и овсяными" [68]). Съ дяклами же ржаными и овсяными утвердилъ король Сигизмундъ 28 іюля 1525 года за княземъ Александромъ Александровичемъ Сангушковичемъ и сыномъ его Ѳедоромъ имѣнья Заледцы и Таготинъ въ землѣ Волынской [69]). Въ 1526 году тотъ же король утвердилъ за земянами браславскими Корутновичами имѣнья ихъ отчизныя, дѣдизныя и материзныя, на которыя у нихъ сгорѣли листы-твердости во время нападенья на Подолье татаръ,—также съ дяклами ржаными и овсяными [70]). Наконецъ, о дяклахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе и въ актѣ, относящемся до Жмудской земли: въ 1526 году 17 іюня король подтвердилъ „земенину земли Жомоитское" Абраму Богдановичу имѣнья, полученныя имъ за женою, „у Бирженьскомъ тавунствѣ у Вешвеньской волости„—Биржаны и Кояны „со всимъ", и между прочимъ съ дяклами ржаными и овсяными [71]).

Дякло было податью, взимавшеюся сверхъ тяглой службы, но оно не было главнымъ признакомъ тяглой службы, какъ утверждаетъ г. Бершадскій [72]). Дякло платили и люди не тяглые или освобожденные отъ тяглой службы. Такъ, напр., въ „реестрѣ двора Волковыйского" находимъ такія заявленія: „Сторожи Рудницкіе Волковыйского повѣту, службы тяглое не служатъ, дякла дають, сѣно косять, на войну зъ державцею ходятъ... А дяколъ даютъ 18, а по чотыре бочки жыта въ

---

[66]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 560, 561.

[67]) Стр. 64, 74, 95, 108, 140, 194, 208, 238, 272, 274, 354, 362.

[68]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 37.

[69]) Литов. Метр. кн. Зап. XII, л. 252, 253.

[70]) Ibidem, л. 313, 314.

[71]) Ibidem, л. 306, 307.

[72]) См. его статью „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ" въ Кіевской Старинѣ 1888 г., № 10, стр. 96—98.

дяклѣ, по четыре овса"; или: „А то бобровники, службы таглое не служать, дякло дають, сѣно косять, на толоку ходять", и затѣмъ: „А то клепачи, службу служать клепацкую, дякло дають, сѣно косять, на войну съ державцею ходять, а службы таглое не служать" [73]. Ниже будуть приведены и другіе примѣры того, что уплата дякла не была главнымъ признакомъ таглой службы. Здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что акты упоминають о людяхъ *тяглыхъ дякольныхъ*, каковая двойная характеристика была бы совершенно лишнею, если бы дякло было дѣйствительно главнымъ знакомъ таглой службы. Въ актахъ мы встрѣчаемъ и просто „таглыхъ" людей, безъ добавленія „дякольныхъ", и просто „дякольныхъ". Принимая во вниманіе необыкновенное разнообразіе крестьянскихъ повинностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ [74], сообразовавшееся съ мѣстною производительностью и потребностями господарскаго хозяйства, а также съ различными привилегіями и изъятіями, ведшими своё начало изъ старины, можно думать, что были таглые люди, не платившіе дякла, и дякольные люди, не несшіе тягла. По крайней мѣрѣ, въ панскихъ имѣньяхъ мы встрѣчаемъ таглыхъ людей, не платившихъ дякла [75], и по аналогіи можемъ заключать и о господарскихъ имѣньяхъ. Что касается дякольныхъ людей, не служившихъ таглой службы, относительно ихъ мы находимъ и прямыя указанія. Мѣщанину Городенскому Миклашу Дерлячичу „спустилъ съ права въ пенязѣхъ"... землю свою отчинную человѣкъ Городенскаго повѣта Миклашъ Довкшевичъ передъ намѣстникомъ старосты Городенскаго пана Станислава Петровича Янушь Фучинскимъ, который выдалъ мѣщанину листъ, „ижъ маеть онъ съ тое земли Мартиновщины службу таглую служити и дякло давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ служивалъ и дякла дивалъ". Но Миклашъ Дерлячичъ повѣдалъ королю, „што жъ съ тое земли тотъ человѣкъ дрова на замокъ вожикалъ и дякла даивалъ, а иншихъ никоторыхъ службъ не служивалъ и подачокъ не даивалъ". Король своимъ листомъ отъ 22 іюля 1511 года утвердилъ за нимъ землю: „и не казали есмо ему съ тое земли службы таглое служити, нижли онъ маеть съ тое земли службу зъ мѣстомъ служити и дякло сполна намъ давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ даивалъ" [76]. Поэтому и въ тѣхъ случаяхъ, когда акты говорятъ о дякольныхъ людяхъ, о дякольной землѣ,

---

[73]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.
[74]) Примѣръ см. въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.
[75]) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII. № 10.
[76]) Литов. Метр. кн. Зап. IX, л. 48, 49.

нельзя разумѣть непремѣнно людей тяглыхъ и ихъ земли [77]). Въ Новгородскомъ повѣтѣ были, напр., крестьяне, платившіе дякло пшеницею,—tributarii, ad tributum siliginis et avenae alias dziakla obligati,— и называвшіеся поэтому *пшеничниками* [78]). Но эти пшеничники прямо отличены отъ тяглыхъ людей въ привилеѣ, выданномъ дворянину Өедору Колонтаеву въ 1508 году на дворъ Новгородскаго повѣта Полонку съ людьми [79]). Если нельзя, такимъ образомъ, считать дякло главнымъ признакомъ тяглой службы, тѣмъ менѣе можно отожествлять тягло и дякло, какъ сдѣлалъ это г. Горбачевскій [80]).

Итакъ, тяглая служба состояла въ обработкѣ и уборкѣ господарской пашни и въ разнообразныхъ работахъ на господарскомъ дворѣ, для которыхъ сгонялись всегда, когда было нужно, тяглые люди, именовавшіеся поэтому въ Полоцкой землѣ *пригонными* [81]). Что пригонные люди Полоцкой земли—одно и то же съ тяглыми, видно, напр., изъ привилея, выданнаго королемъ Сигизмундомъ полоцкому боярину Ядку Сеньковичу 19 августа 1511 г. на четыре службы путныхъ людей. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ здѣсь,—бояринъ полоцкій Ядко Сеньковичъ о томъ, што есмо перво сего дали были ему людей нашихъ пригонныхъ у Полоцкомъ повѣтѣ на имя Лугиндовъ; и твоя милость (воевода Полоцкій панъ Станиславъ Глѣбовичъ) тыхъ людей ему не подалъ для того, ижъ они къ двору нашому Бѣльчицкому нашню пашуть и вси потягли тянуть“ [82]). Въ такомъ же смыслѣ опредѣляется тяглая служба и въ судномъ листѣ по дѣлу людей боярина мстиславскаго Клишка Радчича съ ихъ владѣльцемъ — „о выламованьѣ ему зъ держанья“. Дѣло это разбиралось судьями, „высажеными“ отъ великаго князя Александра, при чемъ жена Клишка Радчича, уполномоченная своимъ мужемъ говорила на судѣ людямъ: „свекоръ дей мой рядца выслужилъ дѣдовъ и отцовъ вашихъ и братью вашу на князи Юрьи (Дингвеньевичѣ) вѣчно, и свекру есте моему и мужу служили вы сами и отцы ваши, и братья ваши тяглою службою: съ сохою и съ серпомъ, и съ косою, и съ топоромъ,

[77]) См., напр., Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 16; VI, л. 155, 219, 245, 246; VIII, л. 207, 208; IX, л. 187, 188 и др.

[78]) Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 137—139; V, л. 301.

[79]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.

[80]) Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго Края и Царства Польскаго, стр. 107. Вильна 1874.

[81]) Акты Зап. Рос. II, № 61. 147.

[82]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 99.

и иную тягль тягнули по тому, какъ и иншіе селане"[83]). Дякло, взимавшееся съ тяглыхъ людей, было только дополненіемъ къ ихъ службѣ, какъ служило оно дополненіемъ къ службѣ и повинностямъ другихъ разрядовъ людей.

Подать эта въ томъ видѣ, въ какомъ она взималась при Казимирѣ и его сыновьяхъ, возникла не на литовско-русской почвѣ, а на польской. Это—sep, отсыпной хлѣбъ или annona ducalis, составлявшая принадлежность jus ducale по польскому праву и взимавшаяся также рожью и овсомъ; кромѣ того, при ней брались vacca, bos, porcus и тому подобное, что обозначалось словомъ narzaz (литовская мезлева)[84]). Не нужно при этомъ думать, что дякло и мезлева были кореннымъ нововведеніемъ: подати натурою взимались и ранѣе, и литовское правительство, вводя дякло и мезлеву по польскому образцу, всего вѣроятнѣе только распространяло и приводило къ одному типу и нормѣ натуральныя подати, существовавшія и ранѣе въ литовско-русскихъ областяхъ. О существованіи въ древнее время натуральныхъ поборовъ мы находимъ прямыя свидѣтельства. Такъ, одинъ старожилъ Витебской земли панъ Василій Микуличъ далъ такое письменное показаніе предъ королемъ Казимиромъ о людяхъ Грушанахъ и ихъ „пошлинахъ": „я, господарь, Олькирда не помню, помню князя великого Витовта, дядю твоего, и то, господару, помню: давывали пятьдесятъ куницъ княгини великой Витовтовой, зъ дыма по куницы, а по три гроши житшины (взамѣнъ жита натурою), а въ кухню по курети и десяти яецъ (то же самое взималось впослѣдствіи и при дяклѣ) и по полгроша"[85]). Въ Задвинскихъ волостяхъ взимались подати, напоминающія мезлевщину,—*яловщина*, или плата за яловицы, и *коневщина*, замѣнившія собою натуральныя подати, очевидно, давняго происхожденія; яловщина взималась также и въ Могилевской волости[86]).

Кромѣ тяглыхъ людей, на господарской пашнѣ и лугахъ работали и другіе разряды крестьянъ, которые тяглой службы не служили,

---

[83]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 67.

[84]) *М. Владимірскаго-Буданова* Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ въ Журн. Минист. Народ. Просв. 1868, авг., стр. 477; *Stanisława Smolki* Mieszko Stary i jego wiek, str. 147. Warszawa 1881. Срав. *Jaroszewicza* Obraz Litwy I. § 89, гдѣ дякло выводится изъ литовскаго docle, дань.

[85]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 33. Срав. Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXI.

[86]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281; Акты Зап. Рос. II, № 86.

но обязаны были ходить на толоку, или подмогу: „три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три дни ярыны, а сѣно косити по старому". Старина эта была давняя; по крайней мѣрѣ, упомянутый уже панъ Василій Микуличъ, помнившій Витовтово время, показывалъ королю Казимиру о людяхъ Грушанахъ Витебской земли, что они изстари „къ жниву три дни, и на яръ жъ три дни ходять, а сѣна четыре стырты ставять, а на Усоячи езъ забиваютъ". Изъ этихъ крестьянъ, которые ходили на толоку и косили сѣно, на первомъ мѣстѣ можно поставить тѣхъ, которые выходили изъ среды тяглыхъ же людей. Бывало иногда, что количество тяглыхъ служебъ превышало потребности господарскаго двора; въ такомъ случаѣ часть крестьянъ освобождалась отъ тяглой службы, взамѣнъ которой взимались съ нихъ деньги. Король Сигизмундъ еще въ 1514 году относительно этого сдѣлалъ такое распоряженіе намѣстникамъ-державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта: „И ты, врадникъ нашъ, маешь колько розумѣючи людей на пашню отставити, которыми бы еси мѣлъ достаточне пашню нашу запахати, а иншихъ маешь на пѣнязехъ осадити, и съ кождого чоловѣка по копѣ грошей въ годъ (беручи), и ты бы еси пенязи въ кождый годъ давалъ до скарбу нашого, а дякла до городничого нашого подлугъ давного обычая; иншіи всякіи доходы наши мають намъ тыи люди давати и на толоку зъ волостью, какъ будетъ обычай, ходити" [87]). По инструкціи 1529 года державцы должны были осадить „остатокъ тяглыхъ людей" на бочкѣ пшеницы, или же каждый подданный долженъ былъ дать „вепра" въ пользу господаря. „А то, въ небытности нашой,—продолжаетъ инструкція 1529 года,—державцы продавши, повинни будуть пѣнязи до скарбу нашого отдавати" [88]).

VI.

На толоку ходили и сѣно косили на господаря и крестьяне, которые несли свои спеціальныя службы при эксплоатаціи различныхъ угодій на господаря, каковы были: бортники, бобровники, осочники, псарцы, ловцы, сокольники, свинухи, конюхи, кобыльники, ройтиники, лейти и т. д.

---

[87]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 33. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

[88]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 13,

Бортниками назывались крестьяне, которые завѣдывали господарскими бортями и „подлазили" ихъ на господаря. Что специальная бортницкая служба состояла именно въ этомъ, можно видѣть изъ акта по раздѣлу имѣній пана Ивана, городничаго Полоцкаго, съ братьями (отъ 7 августа 1533 года), гдѣ читаемъ между прочимъ: „А кгды жъ есмо имѣнья промежы собѣ дѣлили, тогды все дерево бортное на себе выняли и мѣли есмо ни одному человѣку своему дерева бортного давати, одно мѣли подлазники и бортники наши дерево бортное завѣдати и на насъ ходити" [89]). Бортники отдавали медъ ключникамъ, замѣняя иногда и денежною данью, такъ что въ этомъ отношеніи приближались къ разряду крестьянъ, которыхъ называли данниками [90]). Кромѣ спеціальной службы, бортники несли и другія повинности на господарскій дворъ, напр., давали дякло, какъ это видно изъ одного судоваго листа великаго князя Александра по дѣлу людей бортевъ Петка Станковича и Петра Вилтуновича съ бортиномъ Яцкомъ Вешторговичемъ о землѣ [91]). Впрочемъ, бортники не вездѣ платили дякло. Въ инвентарѣ двора Волковыйскаго о нихъ говорится, что они „службы тяглое не служать и дякло не дають". Въ уставѣ 1529 года бортники поставлены въ числѣ тѣхъ крестьянъ, которые обязаны ходить на толоку и косить сѣно.

Бобровниками назывались крестьяне, которые гнали бобровъ на господаря, какъ это видно изъ привилея, выданнаго князьямъ, панамъ и земянамъ земли Кіевской. „А бобровъ,—читаемъ здѣсь,—по церковнымъ селамъ и по князскимъ и по панскимъ и по боярскимъ не гонити: гонити нашимъ бобровникомъ по тымъ полосамъ, куда будуть бобровницы гонивали великого князя Витовтовы, и нашимъ бобровникомъ по тымъ же полосамъ гонити" [92]). Въ качествѣ господарскихъ охотниковъ они получали кормы отъ мѣстныхъ крестьянъ, которые жили по близости отъ господарскихъ бобровыхъ гоновъ. Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1514 году 31 марта боярамъ витебскимъ Глѣбу и Андрею Шапкамъ двѣ службы людей въ Илемницкой волости Витебскаго повѣта, оговорилъ въ привилеѣ: „и вжо тыи люди ихъ не мають бобровниковъ кормити и житницы, и конюховыхъ овсовъ, и порного, и

---

[89]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 185.

[90]) Археографич. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. I, № 17. Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

[91]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 36, 37.

[92]) Акты Зап. Рос, II, № 30. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 55.

воротного давати, нижли тыи люди со всимъ съ тымъ мають имъ служити" [93]). Бобровники, какъ видно, изъ инвентаря замка Волковыйскаго, службы тяглой не служили, давали дякло, косили сѣно и ходили на толоку.

Аналогичную службу несли и *осочники*, которые стерегли господарскія пущи, чтобы никто безъ права и дозволенья не жегъ въ ней золы и не билъ звѣрей [94]), а главное—выслѣживали, или сочили звѣря, вслѣдствіе чего они и называются въ латинскихъ актахъ inquisitores ferarum [95]). Земля осочницкая въ актахъ отличается отъ тяглой; такъ, въ 1513 г. пану Якубу Кунцовичу даны двѣ земли въ Дорсунишскомъ повѣтѣ; тяглая на имя Китеевщина и осочницкая на имя Андреевщина [96]). Изъ этого видно, что осочники тяглой службы не служили, на что, впрочемъ, находится и прямое указаніе въ „уставѣ" Сигизмунда; изъ нея видно, кромѣ того, что осочники вмѣстѣ съ боярами или слугами путными ходили на войну, косили сѣно и ходили на толоку.

Осочники подготовляли работу для господарскихъ ловцовъ и вмѣстѣ съ ними участвовали въ охотѣ, которая производилась на господаря. Ловцы подобно осочникамъ не были тяглыми людьми; такъ въ 1521 г. февраля 19 король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность паньѣ Яновой Якубовича (Щитовича) Софьѣ „у Василишкахъ десеть чоловѣковъ ловцовъ нашихъ Василишскихъ и тяглыхъ людей двадцать службъ" и земли пустовскія [97]). Чѣмъ спеціально служили ловцы, это видно изъ привилея, выданнаго въ 1497 году сентября 11-го на села Лопошъ, Браново и Ревны въ Брянскомъ повѣтѣ, гдѣ читаемъ между прочимъ: „а службъ дей только одна шесть въ тыхъ Ревнахъ, и теперь тамъ сѣдятъ шесть чоловѣковъ, служба съ тыхъ людей идеть ловецкая, *звѣрь сочать*" [98]). Существовалъ, кромѣ того, особый классъ

---

[93]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 237. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 145—147.

[94]) Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

[95]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 60. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

[96]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 566.

[97]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 26, 27.

[98]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 95. Срав. Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

крестьянъ, которые служили службу *псарскую*, т. е. содержали и дрессировали псовъ для господарской охоты и, кромѣ того, по видимому, также сочили звѣря [99].

По господарской охотѣ служили свою службу и *сокольники*, не разъ упоминаемые въ актахъ изучаемаго времени [100], а также, по видимому, *свинухи*, специально сочившіе дикихъ свиней и по актамъ встрѣчающіеся въ имѣньяхъ, находившихся въ Полѣсьѣ [101]. По аналогіи съ осочниками можно заключить, что и эти разряды господарскихъ людей не служили тяглой службы, а ходили на толоку и косили сѣно, что было общимъ правиломъ для всѣхъ вообще нетяглыхъ людей [102].

Если въ господарскихъ пущахъ сочили звѣря на господаря, то въ господарскихъ озерахъ волочили невода также на господаря, при чемъ большая часть рыбы продавалась, а деньги вносились въ скарбъ [103]. Волочили невода разные крестьяне, но были кромѣ того и такіе, на которыхъ это возложено было, какъ специальная повинность. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Пану Ондрею Немировичу озеро Черешло да семь человѣковъ, што къ тому озеру слушаеть“ [104]. Даже охраненіе озеръ составляло иногда специальную повинность крестьянъ. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича озеро Орле въ повѣтѣ тивунства Виленскаго „и пять чоловѣка подовѣки, сторожи того озера, на имя Миколая Войштовтовича а Степана ... видовича, которыи домы свои близко того озера маютъ“ [105]. Были вообще крестьяне, специальная служба которыхъ состояла въ вязаніи неводовъ для господарскаго двора. Въ 1504 году декабря 19 король подтвердилъ князю Василью Львовичу Глинскому людей, кромѣ тыхъ, што неводы къ Берштамъ дѣлають“ [106].

При нѣкоторыхъ господарскихъ дворахъ, гдѣ было изобиліе луговъ и пастбищъ, водились большія стада лошадей, уходъ за которыми составлялъ специальную повинность нѣсколькихъ разрядовъ крестьянъ, каковы были: конюхи, кобыльники, ройтинники, конокормцы

---

99) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 287.

100) См. напр. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 207.

101) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 292, 298.

102) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 14.

103) Ibidem, арт. 16.

104) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 49.

105) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 220.

106) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 305.

и земли. О существованіи конныхъ заводовъ и табуновъ при господарскихъ дворахъ узнаемъ, напр., изъ заставнаго листа, выданнаго 29 декабря 1515 года пану Яну Якубовичу Щитовича на дворъ Василишки Троцкаго повѣта, въ которомъ читаемъ между прочимъ: „а стадо сверепъ нашихъ и кони стадныи въ томъ дворѣ нашомъ маеть ховати опатрие горавдо, такъ, какъ бы намъ въ томъ шкоды не было" [107]). Въ уставѣ 1529 года подобное приказаніе дается всѣмъ вообще державцамъ, „гдѣ бы кольвекъ было стадо у дворѣ нашомъ" [108]).

Что *конюхи* принадлежали къ составу сельскаго крестьянскаго населенія, это видно изъ множества жалованныхъ грамотъ на конюховъ съ ихъ землями и угодьями, на земли пустовскія конюшскія и даже на цѣлыя села конюшскія. Такъ, король Александръ въ іюлѣ 1506 г. пожаловалъ пану Александру Ивановичу Ходковича села въ Жолудскомъ повѣтѣ Рудовляне, Поплочане и Сшудовляне „со всими тыхъ селъ людми... и тежъ зъ солянники, и *съ конюхи*, и съ ковалѣ, которые въ тыхъ же селѣхъ межи тыми жъ людьми живуть, со всими тыхъ людей землями" [109]). Онъ же пожаловалъ еще въ 1499 г. 22 іюля пану Войтеху Кучуковичу восемь пустовщинъ *конюшскихъ* въ Ейшишскомъ повѣтѣ „съ пашными землями и зъ гаи, и съ сѣножатми, и зъ бролеты, и со всимъ по тому, што здавна къ тымъ землямъ прислухало" [110]). Король Сигизмундъ пожаловалъ боярину смоленскому Дробышу сельца „у Смоленскомъ повѣтѣ у-въ Опецкой волости двѣ службѣ конюшскихъ, на имя Залѣсовыхъ а Огрицково" [111]). Спеціальная служба конюховъ была довольно разнообразна, какъ это видно изъ привилея короля Александра, выданнаго въ августѣ 1502 года пану Микитѣ Чапличу на село Радоховку „у Жуковскомъ повѣтѣ": „а повѣдилъ передъ нами,—гласитъ привилей,—што жъ то село есть конюшское, и люди того села передъ тымъ стада нашого стерегивали и иную службу конюшскую служивали" [112]). Король Сигизмундъ, отдавая въ 1523 году въ заставу дворъ Василишки Троцкаго повѣта пану Яну Яновичу Заберезинскому, выговорилъ себѣ между прочимъ: „и пры бытности нашой у великомъ князьствѣ маеть онъ семь коню-

[107]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 229, 230.

[108]) Акты Зап. Рос. II, № 159. арт. 30.

[109]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 316, 317.

[110]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 140.

[111]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 147.

[112]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 211.

хочъ съ того двора нашого посылати ку работѣ стаенъ нашихъ" [113]). Изъ этого видно, что служба конюшская не ограничивалась уходомъ за мѣстными господарскими конными стадами: конюховъ сгоняли и къ разнымъ центральнымъ пунктамъ, гдѣ требовалась ихъ служба. Нѣкоторые изъ нихъ специально несли *дворную* конюшскую службу, при самомъ господарѣ и подъ начальствомъ конюшаго дворнаго, хотя и имѣли свои дома и земли въ волостяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ обычнаго мѣстопребыванія господаря. Такъ, напр., намѣстникъ Остринскій панъ Θедко Хребтовичъ далъ конюху дворному Жолнеру съ братьею поле дворное Хмелище съ болотомъ Онихимовскимъ въ Остринской волости „на селидбу", а король Сигизмундъ 20 сентября 1510 года подтвердилъ ему это своимъ листомъ на вѣчность съ условіемъ: „а намъ съ того конюшскую службу *дворную* служити какъ и передъ тымъ служивали". Актъ этотъ „правилъ" конюшій дворный и Троцкій, намѣстникъ Волкиницкій и Лепунскій панъ Якубъ Кунцовичъ [114]). Въ той же Остринской волости король Сигизмундъ въ февралѣ 1529 года далъ конюху дворному Якубу Бернатовичу Селезню землю Петрашевщину въ придачу къ его отчинѣ, такъ какъ эта земля была его дядковщина, „а дядковичи его—одинъ умеръ, а другій сошелъ прочъ, а близкихъ къ той земли никого нѣтъ". Въ заключеніи этого акта, который приказалъ вписать книги также конюшій дворный, опять встрѣчаемся съ формулою въ родѣ вышеупомянутой: „а намъ съ нее службу супольную конюшскую дворную служить по тому, якъ иншіи конюхи наши дворныи намъ служать" [115]). Тѣ изъ конюховъ, которые ходили за матками и жеребятами, носили имя *кобыльниковъ*. Такъ, 31 декабря 1515 года король Сигизмундъ пожаловалъ „шляхотне врожоному" пану Миколаю Михновичу Рачковича село Лихиничи въ Волковыйскомъ повѣтѣ, „конюхи и кобыльники, семнадцать служобъ" [116]). Кромѣ своей специальной службы конюхи несли и другія повинности. Въ 1511 году іюля 25 король Сигизмундъ выдалъ боярину ковенскому Юркгелису Некрашевича листъ, коимъ онъ вызволилъ его отъ службы конюшской *и дякла* съ земли Яновщины, полученной имъ отъ короля Александра именно на конюшскую службу [117]). Въ этомъ же году августа 7 король Сигизмундъ пожало-

[113]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 86.
[114]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 99, 100.
[115]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 418.
[116]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 155, 156.
[117]) Ibidem, л. 51.

валъ дворянину Костѣ Пищикову „жеребей зъ людми въ Берестейскомъ повѣтѣ у Збирозѣхъ, конюховъ... на имя Дровдиковъ и зъ ихъ братьею и дѣтьми ихъ... и со всими тыхъ людей службами и податьми, *и зъ данью* грошовою и медовою, и куничною, и зъ дяклы, и со всимъ съ тымъ, какъ на насъ держаны" [118]). Конюшская служба бывала иногда только дополненіемъ къ тяглой, вслѣдствіе чего по актамъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ *тяглыми конюхами*. Тяглыхъ конюховъ встрѣчаемъ, напр., въ числѣ крестьянъ, которыхъ король Сигизмундъ утвердилъ на вѣчность въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1511 года за паномъ Якубомъ Кунцовичемъ [119]). Но вообще конюшская служба освобождала отъ тяглой, и конюхи въ актахъ отличаются отъ тяглыхъ людей. Нѣкоторыхъ изъ слонимскихъ конюховъ, предки которыхъ „передъ тымъ служивали службу конюшскую", волостные люди Житовскаго десятка привернули было къ себѣ въ тяглую службу. Но, когда конюхи слонимскіе Кропотчане „очивисто" передъ королемъ ихъ „за ся прійскали къ собѣ въ конюшскую службу", король Сигизмундъ освободилъ ихъ отъ тяглой службы и велѣлъ служить службу конюшскую [120]). На этомъ основаніи и конюшская земля отличается отъ тяглой: въ 1508 г. марта 5 король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Ивашку Янковичу нѣкоторыхъ людей „въ Городенскомъ повѣтѣ въ Мокреци", „а къ тому двѣ земли пустовскихъ тамъ же: одну конюшскую, а другую тяглую, на имя Талютевщыну а Барсуковщыну" [121]).

Рядомъ съ конюхами въ актахъ упоминаются обыкновенно *коноконормцы* и *лейти*, которые, повидимому, несли службу также по содержанію и уходу за господарскими конными стадами. Въ 1516 году января 5 король Сигизмундъ „заставилъ" пану Богушу Боговитиновичу дворъ Троцкаго повѣта Довкги, какъ гласитъ заставной листъ, „зъ мѣстомъ и со всими людми нашими Довговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ конокормцы и со всими ихъ службами" [122]). 26 января того же года король заставилъ дворъ Троцкаго повѣта Жолудокъ кн. Василью Андреевичу Полубенскому также со всими людьми „данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти и со всими ихъ службами" [123]). Такіе же перечни мы встрѣчаемъ и въ за-

[118]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 96, 97.
[119]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 486—488; IX, л. 2—4.
[120]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.
[121]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 289.
[122]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.
[123]) Ibidem, л. 114, 115.

сходныхъ листахъ, выданныхъ: пану Миколаю Станиславовичу, старостичу Жомоитскому, на дворъ Онившты 7 января 1516 г.; пану Юрью Григорьевичу Остиковича на тотъ же дворъ Оникшты 10 іюля 1520 года [124]); пану Якубу Кунцовичу на дворы Волкиники и Лепунь Троцкаго повѣта 25 января того же 1516 года [125]) и т. д. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что конокормцы и лейти по актамъ встрѣчаются только въ предѣлахъ собственной Литовской земли, гдѣ хозяйство великаго князя велось на болѣе широкую ногу, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Конокормцы въ актахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, напр., въ привилеѣ, выданномъ въ 1510 году пану Яну Литавору Хребтовичу, называются equorum pabulatores [126]). Если съ этимъ сопоставить привилей короля Сигизмунда отъ 23 іюня 1510 года, коимъ онъ утвердилъ на вѣчность за дворяниномъ Иваномъ Михайловичемъ Дубицкимъ людей конокормцевъ Неждунцовъ Ошменскаго повѣта „со всими ихъ землями пашными и бортными и зъ сѣножатьми, и зъ гаи, и съ хворостники, и зъ выгоны и съ паствами, и зъ рѣками, и зъ млыны, и со всими ихъ службами и съ податьми", можно придти къ заключенію, что конокормцами назывались крестьяне, владѣвшіе хорошими выгонами и пастбищами и кормившіе на нихъ вмѣстѣ со своими и господарскихъ лошадей. На это послѣднее находимъ и прямое указаніе въ привилеѣ, выданномъ великимъ княземъ Александромъ въ 1494 году татарамъ Тимирчичамъ на землю Трепунскую, съ которой „здавна кормливали три кони: Жбасъ коня кормливалъ, а Русилосъ съ Убочомъ коня кормливалъ, а Юватысъ съ братьею коня кормливалъ" [127]). Это была ихъ спеціальная служба, замѣнявшая тяглую, вслѣдствіе чего и конокормцы отличаются обыкновенно отъ тяглыхъ людей. Въ 1523 году декабря 24 король пожаловалъ пану Юрью Ивановичу Ильинича четыре человѣка въ Троцкомъ повѣтѣ (волости) Балтромеева десятка и двѣ земли пустовскихъ: „а повѣдалъ намъ,—гласитъ привилей,—што жъ тыи люди и земли пустовскіи суть тяглыи, не лейти а ни конокормцы" [128]). Различеніе лейтевъ отъ тяглыхъ людей также постоянно встрѣчается въ актахъ [129]).

---

[124]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156; X, л. 44, 45.
[125]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157, 158.
[126]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 390.
[127]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 44.
[128]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 68.
[129]) Акт. Зап. Рос. II, № 119; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 26, 27 и др.

Въ чемъ состояла специальная леитская служба, разъяснить это мнѣ не удалось на основаніи изученнаго матеріала. Леити, кромѣ специальной службы, платили и *дякло*. Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ нѣкоему Янушку пять человѣкъ леитовъ и три пустовщины въ Ошменскомъ повѣтѣ на вѣчность: „нехай онъ и его справедливыи наслѣдки тыи вышеписаныи люди а тыи три земли пустовскіи держать со всими ихъ землями пашными и бортными и сѣножатьми и съ службами тѣхъ людей и зъ ихъ дяклы и со всимъ" [130]).

По уходу за господарскими лошадьми несли свою службу и *ройтиники* („кони воживали"), хотя по актамъ не ясно, въ чемъ именно состояла эта служба [131]). Но что это была специальная служба, видно изъ одной записи земельныхъ раздачъ короля Сигизмунда, дошедшей до насъ отъ первыхъ лѣтъ его княженья: „Бортку а Якубу Романовичомъ дана земля пустая въ Ешишкахъ на имя Шулповщина на ихъ отчизнѣ на ройтиницкую службу" [132]). Земли ройтиниковъ въ актахъ относятся обыкновенно къ числу крестьянскихъ („людей"), изъ чего видно, что и сами ройтиники принадлежали къ составу крестьянскаго общества; такъ, въ числѣ крестьянскихъ пустовскихъ земель, пожалованныхъ королемъ Сигизмундомъ боярину жмудскому Станиславу Михайловичу „въ Жомоитской земли въ Росенневой волости" упомянуты, между прочимъ: Ендросовщина ройтиникова, Мицювщина ройтиникова" [133]).

Кромѣ перечисленныхъ, были и другіе разряды крестьянъ, которые исполняли специальныя обязанности по хозяйству великаго князя и не служили тяглой службы. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, кромѣ того, что они ходили на толоку и косили сѣно. Въ инвентарѣ замка Волковыйскаго читаемъ, напр.: „*Сторожи* Рудницкіи Волковыйского повѣту, службы тяглое не служать, дякла дають, сѣно косять, на войну зъ державцею ходять" [134]). Упоминаются, кромѣ того, *повозники*, по латыни vectigarii [135]), специальную службу которыхъ, судя по названію, составлялъ „повозъ"—доставка на мѣсто назначенія разныхъ произведеній господарскаго хозяйства. Сюда же можно отнести и *кухарей*, въ составѣ господарскихъ „подданныхъ" занимав-

---

[130]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 349, 350.

[131]) *Н. Горбачевскаго* Словарь древняго актоваго языка, стр. 317.

[132]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

[133]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

[134]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

[135]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567; VIII, л. 390.

никъ среднее положенія между „людьми“ и боярами-шляхтою. Такъ, они сами владѣли иногда людьми: король Александръ пожаловалъ, а Сигизмундъ подтвердилъ 9 мая 1507 года кухарю Манку „землю пустую у Виленьскомъ повѣтѣ у Судеревской волости на имя Грибовщину и человѣка, который на половицы тое земли сѣдѣлъ, на кухарскую службу“. Но, съ другой стороны, ихъ самихъ съ землями иногда отдавали во владѣніе частнымъ лицамъ наравнѣ съ другими крестьянами. Такъ, король Сигизмундъ въ 1520 году пожаловалъ князю Михаилу Козечичу три дворища во Владимирскомъ повѣтѣ „въ Турийской волости“ и кухарей Пушку съ братомъ и братаничами, которымъ принадлежали эти дворища [136]). Къ этому же разряду крестьянъ относится, повидимому, и *садовники*, двѣ службы которыхъ въ селѣ Рудевичахъ Новгородскаго повѣта король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Василію Богдановичу Чижу въ 1522 году вмѣстѣ съ двумя службами конюховъ [137]). Сюда же, какъ извѣстно, принадлежали и *огородники*, воздѣлывавшіе дворные огороды и собственные небольшіе участки [138]).

VII.

На толоку ходили и сѣно косили на господаря и крестьяне, которые несли свои спеціальныя повинности сообразно съ особенными промыслами, которыми они занимались помимо земледѣлія. Таковы были, напр., *ковали, или кузнецы*. Въ инвентарѣ двора Волковыйскаго относительно ихъ находимъ такое указаніе: „А то ковали, дають нороги къ двору, въ мѣстѣ живуть, службы тяглое не служать и дякла не дають, зъ мѣстомъ подачки платять“ [139]). Такъ бывало не вездѣ, и ковали живали по селамъ среди крестьянъ, съ которыми и ходили на толоку и сѣнокосъ къ господарскому двору [140]). Но не всѣ ковали несли издѣльную повинность на господарскій дворъ. Король Сигизмундъ въ 1514 г. предписывалъ намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: „А ковалевъ также маешь съ потребу

---

[136]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155; XV, л. 106.

[137]) Литов. Метр. кн. Запис X, л. 84, 85.

[138]) О нихъ см. *Ѳ. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI столѣтій“ въ Кіевск. Университетск. Извѣстіяхъ 1863, № 11, стр. 28, 29. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 315, 316.

[139]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

[140]) Акты Зап. Рос. II, № 159, § 14.

на дворъ нашъ отставити, а иншыхъ маешь на вроцѣ осадити, и съ нихъ пенязей съ кождого по копѣ грошей беручы, и до скарбу нашого давати" [141]). Однородную службу съ ковалями несли и клепачи, про которыхъ въ упомянутомъ уже инвентарѣ замка Волковыйскаго сказано: „А то клепачи, службу служать клепацкую, дякло дають, сѣно косять, на войну зъ державцею ходять, а службы тяглое не служать". Въ Витебской землѣ были, кромѣ того, еще *рогатинники*, которые „робили на замокъ Витебскій по полтретьядцати рогатинъ съ службы" [142]).

Тяглой службы не служили и *дойлиды* (плотники), а именно дойлидскую, какъ это открывается изъ подтвердительнаго привилея, выданнаго въ 1511 году 29 мая пану Якубу Кунцовичу на людей и земли разныхъ наименованій [143]). Дойлиды, кромѣ своей специальной службы, платили дякло и, вѣроятно, ходили на толоку и косили сѣно подобно другимъ нетяглымъ людямъ. Въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ дойлидамъ Троцкимъ Немойку Кгейчису и Татарину дѣльницу умершаго брата ихъ съ условіемъ: „нехай они тую землю держать и съ того намъ службу служать и дякло дають по тому, какъ и братъ ихъ съ тое земли намъ служивалъ и дякло даивалъ" [144]). Близкую къ дойлидской службу несли *санники, бондари, судники* и т. д. Среди записей земельныхъ раздачъ, произведенныхъ королемъ Сигизмундомъ въ первые годы его правленья, встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующую: „санникамъ Городенскимъ Симону Кононовичу, а Игнату Васильевичу и Ходюку Нелѣповичу дана земля пустая у-въ Одельску на санницкую службу Степщевщина" [145]). Относительно санниковъ въ инвентарѣ замка Волковыйскаго находится и слѣдующее замѣчаніе: „то санники Волковыйскіе, службы тяглое не служать, толко толоку служать а сѣно косять а на войну ходять, а дякла не дають". Бондари также не были тяглыми людьми, какъ это открывается изъ привилея, выданнаго 14 января 1517 г. князю Константину Ивановичу Острожскому на село въ Новгородскомъ повѣтѣ Онохово „зъ людми данными и тяглыми, зъ бондари и зъ ихъ братьею, зъ землями пашными и бортными и съ пустовщинами того се-

---

[141]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.
[142]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 40, 41.
[143]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 486—488.
[144]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.
[145]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 71.

да"[146]). О судникахъ находимъ упоминаніе въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ сентябрѣ 1510 года пану Юрью Ивановичу Ильинича на людей и земли: „а въ Новгородскомъ повѣтѣ,—читаемъ здѣсь,—дали есмо ему людей Лучанъ судниковъ съ братьею ихъ"[147]).

По актамъ мы встрѣчаемъ и много другихъ ремесленныхъ людей, принадлежавшихъ къ крестьянскому сословію, жившихъ въ селахъ и владѣвшихъ земельными надѣлами. Всѣ они несли свою спеціальную службу господарю сообразно съ своимъ ремесломъ, если только она требовалась. Въ 1524 году сентября 20 король Сигизмундъ подтвердилъ *кравцу* Сеньку Ѳедоровичу боярскую землю, двѣ части которой онъ купилъ у боярина Городенскаго Юхна Семашковича, а третья часть, „дѣлница брата его Богушова, спала на него жъ по жонѣ его Кахнѣ, дочцѣ того Богуша". Пожалованье мотивировано тѣмъ, „што онъ, будучы пры насъ, уставичне кравецкою службою намъ служыть, шаты на насъ и на послы робить", и обставлено затѣмъ слѣдующею льготою: „а на службу нашу на войну, коли мы сами господаръ своего царсуною не поѣдемъ, тогды онъ не маеть съ той земли на службу нашу самъ ѣздити, никого тежъ иншого посылати..., нижли маеть намъ служити службою кравецкою"[148]). Конечно, съ этой земли, какъ съ бывшей боярской, кравецъ Сенько Ѳедоровичъ не долженъ былъ и на толоку ходить, и сѣно косить, но это не было общимъ правиломъ, и кравцы, вѣроятно, подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ, должны были нести означенныя повинности.—Въ селѣ Волковичахъ Новгородскаго повѣта, которое выпрацивалъ себѣ у короля Сигизмунда въ 1514 году дворянинъ Василій Вколовъ, по его показанію, жили и люди конюхи и *мучники*, и *мурали*, и *садовники*, и *пташечники*[149]). „Муралемъ Городенскимъ и *стрихаремъ* и *меловникомъ*" король Сигизмундъ въ 1516 году 10 февраля пожаловалъ „у мѣстѣ Городенскомъ" корчму вольную и заказалъ старостѣ, „абы капщизны съ нихъ не бралъ: нехай служать тыми службами, какъ и передъ тымъ служивали"[150]). Перечисленные ремесленники, повидимому, принадлежали къ составу того городскаго населенія, которое находилось въ городовомъ правѣ, а не въ мѣстскомъ, т. е. подъ присудомъ старосты. Но изъ вышеприведеннаго показанія

---

[146]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157.
[147]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, 386, 387.
[148]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 138.
[149]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 88, 89.
[150]) Ibidem, л. 13.

дворянина Вяколова видно, что такіе же ремесленные люди живали и по селамъ. Повидимому, всѣ вообще городскіе ремесленные люди, состоявшіе въ городовомъ или замковомъ правѣ, потому и находились въ такомъ положеніи, что коренное ихъ мѣстожительство было въ селѣ, а не въ „мѣстскомъ фридѣ", какъ выражаются акты.—Изъ записей раздачи имѣній короля Казимира узнаемъ о существованіи въ селахъ *горньчарей*, *лучниковъ*, *кожемякъ*. Горньчаръ пожалованъ „у Красносельцѣхъ" Яну Кготевичу [151]; Мишку Бородѣ пожаловано сельцо лучниково Олексѣйково [152]; пану Ивашку Зеновьевичу пожалованы пять человѣкъ Журидовичи, кожемяки [153]. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ городничему Смоленскому Өедору Полтевичу земли Колупаевщину и Иванову—„*стрыменниковъ* въ Смоленску у-въ Озарничохъ": „а повѣдалъ намъ,—читаемъ въ привилеѣ,—што жъ толко съ тое земли хоживали намъ по десятеру стремень" [154].—Въ 1510 году января 8 король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку Андрею Милошевичу въ Городенскомъ повѣтѣ четыре службы людей *оребниковъ* „со всими ихъ землями пашными и бортными и сѣножатьми, и зъ дяклы, и со всимъ съ тымъ, какъ тыи люди намъ служили къ замку нашому Городенскому" [155].

Тяглой службы не служили, замѣняя ее спеціальною, и крестьяне, разработывавшіе на себя различныя мѣстныя угодья, свои собственныя и даже господарскія; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, ходили и на толоку на господарскую дворную пашню и косили сѣно на господаря. Таковы были, напр., *рыболовы*, *солянники*, *руднимки*, *угольники*, *дегтяри*, *млынари* (мельники) и т. д. По инвентарю замка Волковыйскаго рыболовы служили рыбою, дякла не давали; изъ уставы, данной въ 1529 году державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, узнаемъ, что они обязаны были, кромѣ того, ходить на толоку и косить сѣно на господаря. Въ чемъ состояла спеціальная служба рыболововъ, это видно, напр., изъ привилея великаго князя Александра, выданнаго въ 1498 году дворянину Бокею на службу рыболововъ Ущитскихъ въ Брянскомъ повѣтѣ: „а повѣдалъ передъ нами,—читаемъ въ этомъ привилеѣ, — што жъ съ нихъ идеть намъ дани по

---

[151]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 8.

[152]) Ibidem, л. 19.

[153]) Ibidem, л. 6.

[154]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 56.

[155]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 334. Срав. Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. IV, т. I, № X.

два бобра, а кадь рыбы, а за орѣхи водяныи дають намъ сорокъ грошей" [156]). Солянники въ Волковыйскомъ повѣтѣ служили солью, а именно — давали по бочкѣ соли съ службы и по тысячѣ головажень бѣлой соли; кромѣ того, ходили на войну съ державцею, но службы тяглой не служили и дякла не давали. Тамъ, гдѣ солянники были побѣднѣе, съ нихъ шла одна только солянницкая служба. Такъ, королю Сигизмунду въ 1511 году повѣдали солянникъ Городенскій Станько Юрьевичъ съ сыновьями, „што жъ они служили намъ солянницкою службою а давали въ каждый годъ по бочцѣ соли на замокъ Городенскій", и били челомъ, „абыхмо тое соли на нихъ брати не велѣли и казали имъ служити службою панцерною" [157]). Изъ этого видно, что солянники Городенскіе не несли двухъ службъ, какъ Волковыйскіе. Принадлежность солянниковъ къ составу крестьянскаго общества особенно ясно видна изъ подтвердительнаго привилея короля Сигизмунда, выданнаго въ 1509 году дворянину Ивашку Есмановичу на дворъ Тальковскій въ Слонимскомъ повѣтѣ со всѣми селами этого двора „и людми данными и тяглыми, и солениками, и съ челедью невольною", со всѣми землями и угодьями этихъ людей, „и зъ даньми грошовыми и медовыми, и *солянымы*, а бобровыми и куничными, и зъ дяклы оржаными и овсяными, и съ службами тыхъ людей" [158]).

Аналогичную службу, по всей вѣроятности, несли и *рудники*, упоминаемые въ инвентарѣ замка Волковыйскаго. Здѣсь же упоминаются и *угольники*, которые служать службу угольницкую, а дякла не дають, только дають по вепрю со службы. Въ чемъ состояла угольницкая служба, это видно изъ записи о пожалованіи королемъ Сигизмундомъ въ 1509 году пану Юрью Немировичу двухъ служебъ людей въ Новгородскомъ повѣтѣ „у въ Углѣхъ": „а тыи дей люди иншое службы никоторое не служать, только уголье дають въ замокъ Новгородскій" [159]). Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира встрѣчаемъ *дегтярей*, которые, вѣроятно, служили службу дегтярскую и т. д. [160]).

Привилегированное положеніе среди крестьянъ этого разряда занимали *млынари*, или мельники, которые, кромѣ своей спеціальной повинности, обыкновенно не несли никакихъ другихъ. Въ чемъ со-

---

[156]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.

[157]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

[158]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 327.

[159]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 239, 240.

[160]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 48.

стояла ихъ спеціальная служба, это видно прежде всего, напр., изъ судноаго вырока короля Казимира (отъ 28 февраля 1488 года), которымъ онъ присудилъ „млинарское мѣстцо“ на Ожѣ дочери бывшаго млынаря Доротѣ и ея мужу: „а она маетъ,—гласитъ вырокъ, — на томъ мѣстцы живучы зъ мужомъ своимъ, млынъ нашъ справляти такъ, какъ отецъ ее млынъ нашъ справлялъ“ [161]). Получаемые на мельницѣ „вымелки“ въ количествѣ двухъ третей шли обыкновенно на господаря, а остальная часть въ пользу самого млынаря. Такъ, король Сигизмундъ, утвердивъ въ декабрѣ 1518 г. за служебникомъВаскомъ Колчковскимъ три млына подлѣ города Владиміра, доставшіеся сему послѣднему по женѣ, бывшей въ первый разъ замужемъ за мельникомъ, оговорилъ въ привилеѣ: „а што ся дотычетъ тыхъ мѣрокъ, што предки его съ тыхъ млиновъ давали, тые мѣрки и теперъ онъ маетъ на замокъ двѣ мѣрки давати, а ему третея мѣрка“. Предки, о которыхъ здѣсь говорится, давали двѣ мѣрки еще князю Свидригеллу, который и пожаловалъ имъ эти млыны [162]). Млинарскія „мѣстца“ состояли обыкновенно изъ усадебной земли и огородной. Въ декабрѣ 1510 года король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Литавору Хребтовича „млинище“ Никлевское въ Берестейскомъ повѣтѣ именно съ огородомъ [163]).

VIII.

Отъ только что перечисленныхъ разрядовъ крестьянъ естественный переходъ къ многочисленному классу *данниковъ*, которые производили свои уплаты господарю большею частью также изъ доходовъ, получаемыхъ отъ эксплоатаціи мѣстныхъ угодій. По крайней мѣрѣ это можно сказать относительно дани медовой, бобровой и куничной, платившейся натурою. Самихъ рыболововъ, соляниковъ, угольниковъ, рудниковъ и дегтярей можно назвать своего рода данниками, но ни въ какомъ случаѣ не тяглыми людьми, какъ это дѣлаетъ г. Бершадскій, придавая слову „тяглый“ не свойственный ему по времени и мѣсту общій смыслъ [164]). Если уже обобщать значеніе слова „тяглый“, то скорѣе можно распространить его на тѣ разряды крестьянъ, которые

[161]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.

[162]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 22, 3. Срав. уставу на волоки 1557 г. арт. 23.

[163]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 411.

[164]) Кіевская Старина 1888, № 10, стр. 96—98. Срав. также *И. Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 13.

несли свою службу при эксплоатаціи различныхъ угодій на господаря каковы были: бортники, бобровники, конюхи и т. д. Лучше, однако, не дѣлать этого и держаться въ предѣлахъ словоупотребленія источниковъ, чтобы не вносить путаницы въ изображеніе различныхъ разрядовъ литовско-русскаго крестьянства. Данники не были тяглыми людьми, и вездѣ въ актахъ различаются отъ сихъ послѣднихъ. Такъ, въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Немировичу четырехъ человѣкъ въ Новгородскомъ повѣтѣ Ловецкаго десятка и двѣ земли пустовскихъ согласно его заявленію, подтвержденному и воеводою Новгородскимъ, „што жъ то люди дяколные тяглые, а не данные, и тыи земли пусты лежать, а наслѣдковъ къ нимъ никого нѣтъ" [165]). Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ были господарскіе дворы и дворцы, данники подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ обязаны были ходить на толоку и косить сѣно на господаря, а иногда несли и другія повинности. Такъ, король Александръ пожаловалъ въ Овруцкомъ повѣтѣ боярину кіевскому Яцку Мевю службу данниковъ, Ларивона и Янка Давыдковичей съ ихъ братьею и братаничами, при чемъ Яцко повѣдалъ королю, „што жъ тыи люди служать намъ одною службою, а дають намъ дани трыдцать и шесть ведеръ меду и къ замку нашому по три дни орати и жати и жыта возити и сѣна косити и молотити ходять, и ледъ колють, и огородъ городять и иныя службы къ замку нашому служать" [166]). Повинности, лежавшія на данникахъ сверхъ дани, были неодинаковы, варьируясь сообразно съ потребностями господарскаго хозяйства, съ мѣстною производительностью и съ количествомъ дани. Такъ, великій князь Александръ пожаловалъ князю Дмитрію Путятичу данниковъ, село Положане въ Любошанской волости, о которомъ князь сообщилъ, „што жъ въ томъ селѣ толко одно десять чоловѣковъ, а служба съ нихъ—толко до Троковъ съ косою ходять, а дани дей намъ съ нихъ идеть полтора устава меду прѣсного, а сто грошей, а куницъ шесть" [167]). Въ 1503 году онъ же пожаловалъ „до воли" князю Василью Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ, „а тыми разы, — гласитъ привилей короля,—съ того села дани намъ идеть семъ куницъ, а семъ ведеръ меду, а на службу нашу ходять съ серпомъ и косою" [168]).

---

[165]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 58. Срав. Акты Запад. Рос. I, № 218; II, № 69 и др.

[166]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

[167]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 92.

[168]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 216.

Данники въ Каспльской волости Смоленскаго повѣта, кромѣ дани, тянули еще неводъ на господарскихъ озерахъ [169]) и т. д. Точно такъ же, какъ повинности, варьировались по мѣстностямъ и различные натуральные „платы", которые шли съ данниковъ, кромѣ дани. Такъ, данники волости Борисовской давали сѣно и овесъ господарскимъ лошадямъ, когда ихъ гнали къ Борисову на покормъ [170]); данникъ Сытичъ въ Брянскомъ повѣтѣ, котораго великій князь Александръ въ 1496 году пожаловалъ кн. Тимоѳею Капустѣ, давалъ дани „кадь меду а ведро ловчое и соколъ на городъ" [171]); съ данниковъ, которыхъ Александръ пожаловалъ въ декабрѣ 1498 года князьямъ Ивану и Тимоѳею Филипповичамъ Крошинскимъ въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, шла „кадь меду а пятнадцать грошей, а посощина, а къ двору нашому (господарскому) въ Глушицы мѣра жита а насадка пива" [172]); человѣкъ Кіевскаго повѣта Дитятковичъ, котораго король Казимиръ пожаловалъ пану Роману, а Александръ подтвердилъ его сыну Горностаю въ 1493 году, давалъ господарямъ „дани четыре карамоны меду прѣсного а двѣ ведрѣ а двѣ кузни меду, а три копы грошей, а топоръ, а стого сѣна" [173]); въ Мстиславскомъ княжествѣ вмѣстѣ съ медомъ данники давали хмель [174]) и т. д.

Какъ бы то ни было, но платежъ дани составлялъ главную службу этого разряда крестьянъ. Дань крестьяне платили обыкновенно грошовую, или серебряную, медовую, бобровую и куничную. *Грошовая, или серебряная, дань* бралась собственно съ пашныхъ земель, которыми владѣли данники, а натуральныя съ ихъ угодій. Въ 1533 году король Сигизмундъ приказывалъ воеводѣ Виленскому пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую, взимать дань сполна съ тѣхъ людей, которые держатъ земли пустовскія, пашныя и бортныя: „естли жъ бы хто зъ нихъ держалъ которое пустовщины борти, а не пахалъ пашни, тогды повиненъ будетъ толко дань медовую платити; естли бы хто не держалъ бортей, а держалъ землю пашную, тогды будетъ повиненъ дань грошовую платити и иншыи доходы, што за грошовою данью идетъ" [175]). Грошовая, или серебряная, дань [176])

[169]) Акты Зап. Рос. II, № 23, II.
[170]) Литов. Метр. кн. Запис. V. л. 5.
[171]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.
[172]) Литов. Метр. кн. Запис. V л. 78.
[173]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 84, 85.
[174]) Акты Зап. Рос. I, № 66.
[175]) Литов. Метр. кн, Запис. XV, л. 172—174.
[176]) Акты Зап. Рос. I, № 217.

по актамъ является почти постоянно податью данниковъ, которые по своимъ промысламъ едва ли не болѣе другихъ крестьянъ были въ состояніи ее платить [177]). Впрочемъ, съ пашныхъ земель данники платили иногда, кромѣ того, и житную дань, или дякло [178]). Такъ, въ 1506 году 29 мая король Александръ пожаловалъ князю Петру Михайловичу село Рожанцы въ Берестейскомъ повѣтѣ, два жеребья служебныхъ и два сотныхъ, со всѣми людьми, ихъ землями и угодьями и податьми, въ томъ числѣ — „зъ ихъ данми грошовыми и медовыми, и куничными, и зъ житными" [179]).

Бывало, впрочемъ, что платежи данниковъ ограничивались и одною натурою. Въ книгахъ земельныхъ раздачъ Казимира довольно часто встрѣчаются, напр., такія записи: „Яну Немировичу село Добромыслъ, што ко Клецку тягло, дани съ него идеть тринадцать ушатковъ *прѣсною меду*"; или: „Радивоновичу Васку 12 данниковъ съ лукномъ уставнымъ меду, на рѣцѣ Узлѣ"; или: „Войтку Шапцѣ—пять чоловѣковъ Заверяне, дають 20 пудовъ дани меду"; затѣмъ: „каплану Бѣлскому Ерониму два человѣки,... двѣ ведерки меду прѣсного дають"; „у Бакштахъ пану Кезгайлу перво дали 60 человѣковъ, а нынѣ придали ещо 30; ино то девяносто, дають 10 уставовъ дани меду; „Данилью—три человѣки, а дають дей пудовию меду, будеть ли подобно"; „пану Нацу, старостѣ Берестейскому, осмнадцать человѣвѣковъ, Соховичъ племя да Глѣбовичъ, дають дани 2 колодѣ меду" [180]). Въ приведенныхъ примѣрахъ дань платилась исключительно прѣснымъ медомъ. Къ меду прибавлялись иногда куницы, лисицы или бобры „шерстью". Такъ, Казимиръ пожаловалъ въ Смоленскѣ Яну Черному человѣка Давыдка Мисанова, „а даеть дани пять пудовъ меду а куницу" [181]). Король Александръ, пожаловавъ пану Дмитру Александровичу село Романово въ Житомирскомъ повѣтѣ, состоящее изъ 18 людей данныхъ, тяглыхъ и двухъ носельскихъ слугъ, писалъ въ привилеѣ, согласно его же докладу: „а дани дей намъ съ того села дають

---

[177]) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33; V, л. 78; VI, л. 9, 10, 187, 188; VII, л. 588, 591, 592; VIII, л. 194; X, л. 86—88; Акты Зап. Рос. I, № 39, 72.

[178]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXI, CII; Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 9.

[179]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11. Срав. ibidem, л. 241, 242.

[180]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л 1, 8, 10, 12, 16, 65 и др.

[181]) Ibidem, л. 26.

сорокъ ведеръ меду прѣсного а двенадцать лисицъ шерстью" [182]). Данникъ, котораго пожаловалъ великій князь Александръ дворянину Васку Колонтаеву въ 1498 году, давалъ дани „одну кадь меду прѣсного и бобра" [183]). *Бобровая и куничная дань* уплачивалась и отдѣльно отъ медовой, одна или же въ соединеніи съ какими-нибудь другими данями. Такъ, село Свило, которое великій князь пожаловалъ боярамъ Сенковичамъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, платило только три куницы дани [184]); село Туришчевичи Чечерской волости, которое король Сигизмундъ въ 1510 году пожаловалъ дворянину Костѣ Пищикову, платило дани девять копъ грошей и три бобра [185]). Кромѣ бобровъ и куницъ, въ дань шли, какъ мы уже видѣли, лисицы, а также бѣлки [186]), вслѣдствіе чего въ актахъ мы встрѣчаемся даже съ *бѣлочьею данью*. Такъ, панъ Семенъ Өедоровичъ Полозовича получилъ отъ короля Сигизмунда имѣнье Котчинъ, Деречинъ тожъ, со всѣми его доходами и между прочимъ „въ данми грошовыми и медовыми, и куничными, и бѣлочьи" [187]).

Взамѣнъ меда, бобровъ и куницъ правительство и частные владѣльцы принимали по уставной цѣнѣ и деньги, а иногда и сами назначали денежную плату. Такъ, князь Михаилъ и Өедоръ Мезецкіе и мать ихъ „отписали дани на церкви зъ Ворошиловыхъ двѣ кади, а съ Дертны за кадь меду копа грошей" [188]). Писарь господарскій Ивашко Яцковичъ, выбирая по порученію великаго князя дань съ Задвинскихъ волостей, взялъ „въ Меньжанъ 20 рублевъ, по двѣ копы (рубль), а полтора рубля яловщины, а 20 бобровъ грошми, по 40 грошей бобръ,—то 13 копъ и 20 грошей, а три бобры шерстью, а осмдесятъ куницъ шерстью" [189]) и т. д.

Данники, которые платили свою подать куницами, носили спеціальное названіе *куничниковъ*, а земли ихъ назывались куничными. Въ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли (конца XV в.) въ описаніи села Терисеева на р. Роси читаемъ: „А куничниковъ три, по шести

---

[182]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 3.
[183]) Ibidem. л. 108.
[184]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2.
[185]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 403.
[186]) Акты Зап. Рос. I, № 39.
[187]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 292, 293.
[188]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.
[189]) Ibidem, л. 280, 281.

куницъ даютъ два изъ, а третій куничникъ по три куницы" [190]). Въ 1523 году бояринъ кричевскій Василій Кипріяновичъ выпросилъ у короля Сигизмунда три селища куничныхъ въ Кричевскомъ повѣтѣ Орашково, Чуково, Бабичово [191]). Но болѣе всего куничниковъ было въ Жмудской землѣ, гдѣ они составляли особый и многочисленный разрядъ крестьянства [192]), который отличался даже и отъ данниковъ въ собственномъ смыслѣ. Такъ, запись о пожалованіи въ 1514 году боярину жмудскому Лаврину Петковичу людей въ Поюрской волости, гласитъ: „а то люди таглыи, не данники а ни куничныи" [193]). Куничники ко времени изданія перваго Статута платили свою подать уже не куницами „шерстью", а деньгами, по 16 и затѣмъ по 12 грошей, и хотя не были таглыми людьми, но обязаны были наравнѣ съ другими крестьянами косить сѣно на господаря [194]). Отъ другихъ работъ и „поѣздей" куничники были визволены за плату сначала (въ 1527 году) въ $7\frac{1}{2}$ грошей съ воловой сохи и въ $3\frac{3}{4}$ гроша съ конской, а потомъ (въ 1529 году) въ 30 грошей съ воловой сохи и въ 15 съ конской, вмѣстѣ со всѣми вообще господарскими крестьянами, которыхъ господарь хотѣлъ освободить отъ притѣсненій мѣстныхъ урядниковъ, „для чого жъ многіи люди наши зъ отчизнъ своихъ прочъ ся розышли и земль пустыхъ много ся остало" [195]). Любопытно, что куницы даже и при пожалованіи куничниковъ въ частное владѣніе оставлялись господаремъ въ свою пользу. Такъ, пожаловавъ въ 1522 году тивуну Ойракгольскому пану Миколаю Володковичу десять человѣкъ куничныхъ и пять земель пустовскихъ куничныхъ же въ Тондякгольской волости Жмудской земли, король написалъ въ своемъ привилеѣ: „А што ся дотычеть съ тыхъ людей и земль пустыхъ куницъ, ино тыи вси люди мають намъ въ кождый годъ тыи куницы давати по тому, какъ и передъ тымъ съ тыхъ людей и земль куницы бывали [196]). Въ томъ же году король Сигизмундъ пожаловалъ тивуну Ретовскому Войтеху Арвидовичу три службы людей и четыре пустовщины въ Поюрской и Попильской волостяхъ Жмудской земли: „нижли, тотъ человѣкъ, который въ Поюрской волости, на имя Монивидъ зъ братьею и

---

[190]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.
[191]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 126.
[192]) Акты Зап. Рос. II, № 149, 160.
[193]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 215.
[194]) Акты Зап. Рос. II, № 160.
[195]) Ibidem, № 149, 160.
[196]) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 1.

братаничи мають намъ куницу давати, а ему службу служити" [197]).— Куничниками назывались, кромѣ того, всѣ люди, которые брали въ аренду земли „съ позему пахати" и платили въ древнѣйшее время куницы, позднѣе пенязи [198]). Быть можетъ даже, что это названіе произошло отъ „кунъ" въ смыслѣ денегъ.

Къ разряду данниковъ принадлежали, повидимому, и *ясачники* Кіевской земли, по актамъ встрѣчающееся въ южныхъ частяхъ ея [199]). Очевидно, что такое названіе идетъ здѣсь со времени татарскаго владычества.

Данники составляли преобладающую массу крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало или вовсе не развито было собственное господарское хозяйство и гдѣ изстари уже крестьяне были на такомъ положеніи, благодаря прочно установившейся эксплуатаціи лѣсныхъ и рѣчныхъ угодій. Изъ всѣхъ мѣстностей Литовской Руси въ этомъ отношеніи выдѣлялись особенно такъ называемыя Поднѣпрскія и Задвинскія волости: акты говорятъ о крестьянствѣ этихъ волостей такъ, какъ будто бы оно состояло только изъ данниковъ. Благодаря такому составу мѣстнаго крестьянскаго населенія волости эти занимали особое положеніе и въ отношеніи управленія. При Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутовичѣ данники волостей Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ, т. е. съ Кричова, Пропойска, Чечерска, Горволя, Рѣчицы, Брягиня, Мозыря, Бчича, Бобруйска, Свислочи, Любошанъ, Усвята и Озерища сами, чрезъ своихъ старцевъ, собирали дань и относили до скарба. При Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы правленья Сигизмунда въ эти волости посылались, кромѣ того, писари „править недополнковъ", которымъ волости платили при этомъ ихъ „писарскій доходъ", и которые также чинили судъ и управу данникамъ въ „ихъ обидныхъ дѣлахъ" [200]). По жалобѣ на различныя притѣсненія отъ этихъ писарей и ихъ слугъ король Сигизмундъ въ 1511 г. отмѣнилъ обычай посылать въ волости писарей и предоставилъ волостямъ самимъ вносить всю дань сполна въ установленные сроки, подъ угрозой взысканія „недополнковъ" за дѣцкимъ подскарбія, съ штрафомъ („виною господарскою") и „дѣцкованьемъ" [201]). Такой порядокъ, однако, оказался неудобнымъ,

---

[197]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 52.

[198]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. IV, т. I, № 10.

[199]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 147.

[200]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329. Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Географ. Обществомъ, ч. II, стр. 433, 434.

[201]) Акты Зап. Рос. II, № 75.

и Сигизмундъ опять возвратился къ посылкѣ писарей. Въ 1538 году по жалобѣ людей волости Бобруйской Сигизмундъ снова предоставилъ имъ самимъ собирать дань, чрезъ своего старца, при которомъ долженъ былъ находиться ключникъ отъ замковаго уряда [202]); повидимому, такой же порядокъ былъ введенъ и въ остальныхъ Поднѣпрскихъ волостяхъ. Въ одинаковомъ положеніи съ перечисленными волостями находились волости Дроковская, Олучицкая и Могилевская (въ то время, когда ею владѣлъ непосредственно великій князь), которыя также можно отнести къ числу Поднѣпрскихъ волостей [203]). Къ Задвинскимъ волостямъ, съ которыхъ собирали дань писаря, кромѣ упомянутыхъ уже Озерищской и Усвятской, акты доносятъ еще Торопецкія волости: Дубну, Рожну, Биберево, Любутки и Туры, съ которыхъ великій князь Александръ въ 1496 году велѣлъ побрать дань писарю Иванку Яцковичу, а также Витебскія — Жижецкую, Нежельскую, Плавѣецкую и Озерецкую [204]); впрочемъ, эти волости оставались въ составѣ Литовско-Русскаго государства только до 1503 года.

IX.

Въ работахъ по господарскому хозяйству участвовали и крестьяне, носившіе названіе *слугъ*, главную повинность которыхъ составляла военная служба и ея снаряженіе. Слуги вербовались обыкновенно изъ зажиточныхъ тяглыхъ или какихъ-либо другихъ крестьянъ, такъ какъ съ отправленіемъ на войну связаны были расходы не подъ силу обыкновенной крестьянской „службѣ“. Въ 1514 году королю Сигизмунду билъ челомъ слуга съ Кіева Лавринъ Станкевичъ и просилъ короля вызволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что „они дей люди достаточныи, могутъ намъ (т. е. королю) гораздо службу земскую заступовати“. „Ино мы, гласитъ привилей короля, — на его чоломбитье то вчинили, того его отца Станка и его братью Янка а Мартина съ тыхъ трехъ службъ тяглыхъ вызволили и тыи дякла и вси дачки, што намъ и врядникомъ нашимъ даивали, имъ есмо отпустили; а они маютъ намъ съ того службу земскую заступовати у трехъ зброяхъ, и кони маютъ мѣти добрые и зброи и брони такъ достаточне, какъ и инымъ подданымъ

[202]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

[203]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, 277, 278; Археограф. Сбор., изд. въ Вильнѣ, т. III, № 1.

[204]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.

напимъ — шляхтѣ росказали есмо въ службѣ нашей достаточне ся мѣти" [205]). Изъ тяглыхъ же зажиточныхъ крестьянъ попали въ слуги (путные) и господарскіе люди Полоцкаго повѣта Куриловляне. Господарь пожаловалъ было ихъ боярину полоцкому пану Михаилу, а потомъ кн. Богдану, но они отнялись отъ нихъ, не мало на то выложивши (откупилися), и затѣмъ били челомъ господарю: „абы его милость рачилъ насъ съ тяглое службы вызволити, а мы быхмо его милости путною службою служили",—на что и получили господарскій листъ [206]). Слуги въ рядахъ крестьянства вообще занимали высшее мѣсто и въ экономическомъ, и въ юридическомъ отношеніяхъ, мѣсто, близкое къ боярству (позже они смѣшались съ низшимъ его слоемъ и стали именоваться боярами, тогда какъ высшіе слои боярства получили названія пановъ и земянъ-шляхты). Не всѣ они сами только, съ братьею, дѣтьми и копленниками, обрабатывали свои земли, — какъ всѣ вообще крестьяне,—но были между ними и такіе, которые имѣли своихъ крестьянъ и вели барщинное хозяйство. Такъ, въ числѣ владѣльцевъ семи дворищъ, пожалованныхъ великимъ княземъ Александромъ Ивашку Пашкевичу въ селѣ Песочномъ Мельницкой волости Луцкаго повѣта, былъ слуга, который „*и люди его* на старосту, на замокъ нашъ Лучоскъ, день сѣно кошивали" [207]). Въ 1525 году іюня 27 король Сигизмундъ подтвердилъ пану Яну Юрьевичу Глѣбовича и теткѣ его Маринѣ Войтеховой Яновича имѣнье, которое они купили у слуги путнаго Новгородскаго повѣта Савостьяна Тишковича,—„всю отчизну его въ Городечнѣ зъ домомъ и пашней дворною, и зъ сѣножатми, и зъ гаи" и т. д. [208]). Дворная пашня предполагаетъ существованіе пашни крестьянской („людей"), съ которой она соотносительное понятіе. Изъ этого въ свою очередь можно заключить, что слуги владѣли и бóльшимъ количествомъ земли сравнительно съ обыкновенными крестьянами.

Профессоръ Бершадскій полагаетъ, что земли, съ которыхъ шла панцырная служба, по крайней мѣрѣ, разъ въ пять превосходили земли, съ которыхъ шла тяглая служба, основываясь на томъ, что по сеймовымъ установленіямъ ратникъ въ полномъ вооруженіи долженъ былъ выставляться minimum съ пяти крестьянскихъ службъ. Акты

---

[205]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 218.

[206]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 159.

[207]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.

[208]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 244, 245.

не уполномочивають на такое заключеніе. Выше былъ приведенъ примѣръ превращенія трехъ тяглыхъ службъ прямо въ три панцырныя: людямъ, которые служили три тяглыхъ службы, велѣно было служить „у трехъ зброяхъ", на коняхъ и въ бронѣ „такъ достаточне", какъ предписано было являться на войну всей шляхтѣ. Еслибы панцырная служба требовала земельнаго надѣла разъ въ пять minimum больше по сравненію съ тяглой службой, врядъ ли бы король заставилъ тяглыхъ людей, несшихъ три службы и сообразно съ тѣмъ владѣвшихъ землею, служить тоже тремя панцырными службами, хотя бы они были и зажиточными людьми. Или вотъ еще примѣръ: солянинкъ Городенскій Станко Юрьевичъ, служившій одною соляницкою службою и дававшій съ своей земли бочку соли на замокъ, по его просьбѣ переведенъ былъ въ разрядъ панцырныхъ слугъ и долженъ былъ нести одну панцырную службу „по тому, какъ и иные слуги наши (т. е. господарскіе) панцырники посполъ зъ боярами намъ служать"[209]. Нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы считать землю, съ которой шла бочка соли на замокъ, по размѣрамъ своимъ въ пять разъ больше обыкновеннаго участка, съ котораго шла одна тяглая служба, и самъ г. Бершадскій приравниваетъ соляницкую службу къ обыкновенной тяглой. Принявъ положеніе г. Бершадскаго мы наталкиваемся еще на слѣдующія затрудненія. Въ числѣ владѣльческихъ крестьянъ были несомнѣнно панцырные слуги, которыхъ господарь нерѣдко жаловалъ панамъ и своимъ дворянамъ. Такъ, напр., въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Быку Александровичу человѣка Мартинца въ Овруцкомъ повѣтѣ и его двухъ братьевъ, Олешка и Сидора, которые „одну панцирную службу служивали"[210]; въ слѣдующемъ году Александръ пожаловалъ дворянину Митку Семеновичу сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Еленской волости, въ которомъ жили четыре брата и служили одну панцырную службу[211]) и т. д. Еслибы ихъ участки разъ въ пять-восемь превосходили обыкновенные крестьянскіе участки, а служба ихъ равнялась бы пяти-восьми тяглымъ, тогда пришлось бы принять, что владѣльцы на основаніи сеймовыхъ постановленій панцырныхъ слугъ должны были выгонять на войну само собою, да, кромѣ того, съ восьми-пяти тяглыхъ службъ выставлять одного пахолка въ полномъ вооруженіи и на конѣ. На дѣлѣ этого не было, и панцырные слуги шли не за себя только, а

---

[209]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.
[210]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 109.
[211]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 81.

и за другихъ крестьянъ владѣльца, при чемъ ихъ службы или въ общій счетъ крестьянскихъ службъ. Панцырную службу съ своихъ земель несли между прочимъ путные люди или слуги [212]). Вотъ что читаемъ о нихъ въ сеймовой „уставѣ" 21 января 1529 года: „А што ся дотычетъ слугъ путныхъ, и данниковъ, и Подляшскихъ службъ волочныхъ, тыи вси, хто будетъ ихъ колько мѣти, въ тотъ же почотъ, зъ людми тяглыми восполокъ, маютъ быти повинни къ службѣ земской, а зровнавшися вси, сполнѣ маютъ зъ нихъ службу земскую служити, водлугъ уставы земскоѣ" [213]). Да иначе и быть не могло; въ противномъ случаѣ, частнымъ владѣльцамъ не за чѣмъ было бы и держать у себя особый разрядъ крестьянъ на панцырной службѣ. Можно только признать, что крестьяне, или слуги, несшіе панцырную службу, были зажиточнѣе другихъ, могли вытянуть больше обыкновеннаго рядового крестьянина. Вѣроятно, и земель было у нихъ больше, но земель пріобрѣтенныхъ не пожалованіемъ на панцирную службу. Въ актахъ, утверждающихъ купли-продажи земель, изъ всѣхъ „людей" чаще всего фигурируютъ слуги разныхъ наименованій. Но если они вообще были болѣе крупными землевладѣльцами, то этотъ фактъ былъ только послѣдствіемъ, а не первоначальною причиною ихъ зажиточности, былъ причиною, а не слѣдствіемъ ихъ служебнаго положенія. Мало того, у самихъ бояръ-шляхты часто земельные участки были не больше крестьянскихъ, и мѣстныя крестьянскія власти, какъ увидимъ ниже, часто мѣшали ихъ съ простыми людьми и накметывали на нихъ разныя крестьянскія повинности или пріискивали ихъ къ себѣ въ потягли предъ господаремъ и его намѣстниками.

Что касается правового положенія слугъ, то акты выдѣляютъ ихъ изъ „простыхъ" и „невольныхъ" людей. Въ 1511 году королю Сигизмунду били челомъ „люди служебные" Городенскаго повѣта Сенко Климовичъ и Мицута Ивановичъ, жалуясь на то, что король отдалъ ихъ дворянину Сенку Тверитину „за простыхъ людей", „не вѣдаючи, што жъ то люди служебныи наши (т. е. королевскіе), а наболѣй при дворѣ мѣшкаютъ". Король принялъ во вниманіе ихъ представленіе и приказалъ мѣстному старостѣ привернуть ихъ къ Городну съ ихъ „дѣльницами" [214]). Но „люди служебные", по другимъ актамъ, были никто иные, какъ тѣ же слуги путные [215]). Эти слуги

[212]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257.

[213]) Акты Зап. Рос. II, № 161, арт. 5.

[214]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 141, 142.

[215]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11; XII, л. 101.

путные были люди вольные, которыхъ лично великій князь не отдавалъ никому во владѣніе. Среди актовъ, внесенныхъ въ книги Литовской Метрики, находится множество привилеевъ, коими великіе князья жаловали разнымъ лицамъ въ составѣ имѣнья и путныхъ слугъ „на вѣчность". При внимательномъ разслѣдованіи оказывается, что такія пожалованія надо понимать въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и пожалованія частнымъ лицамъ бояръ на вѣчность, т. е. что жаловались при этомъ не слуги собственно и бояре лично, а только земли, которыми они владѣли, съ ихъ службами, при чемъ въ волѣ самихъ слугъ и бояръ было оставаться или нѣтъ на своихъ отчинахъ, служить или не служить новому господарю. Акты даютъ нерѣдко и прямыя разъясненія въ этомъ смыслѣ. Король Сигизмундъ въ ноябрѣ 1506 года разбиралъ тяжбу боярина полоцкаго Ѳедора Ловейка съ дворяниномъ Петромъ Епимаховичемъ, который хотѣлъ оттягать у него земли съ путными слугами, утверждая, что эти земли и людей пожаловалъ ему король и великій князь на вѣчность за его выслугу. Но оказалось, что Ловейко купилъ земли у путныхъ слугъ ранѣе пожалованія ихъ Петру Епимаховичу и получилъ на нихъ подтвержденіе отъ короля Александра, при чемъ сами путные слуги остались на своихъ земляхъ и служили Ѳедору Ловейку. Вслѣдствіе всего этого королю и панамъ-радѣ „видѣлося: естли тые слуги путные тыми рады сидять домы своими на тои жъ земли за Ловейкомъ, которую жъ ему продали, ино и нынѣ Петрашку ненадобѣ въ нихъ вступатися: то не слушная рѣчь, абы слуги путные мяли кому въ неволю даны быти". Въ концѣ суднаго листа, утвердившаго имѣнье за Ѳедоромъ Ловейкомъ, снова встрѣчаемъ подтвержденіе вольности путныхъ слугъ: „а тые люди, што на Ловейковой земли сидять, всхотять ли по своей доброй воли Ловейку и сестренцу его Васку служыть, и они нехай имъ служать; а не всхотять ли имъ служыти, и они мають служыти, кому хотячы"[216]). Подобныя же подтвержденья мы встрѣчаемъ очень часто въ привилеяхъ, коими жаловались слуги князьямъ, панамъ или боярамъ. Такъ, напр., въ привилеѣ отъ 16 іюля 1511 года, утвердившемъ дворъ Молодечно „у вотчину" за княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Мстиславскимъ, читаемъ: „нѣжьли, которые люди путные и иные люди *вольные* тамъ въ Молодечнѣ, тые и теперь вольны: всхотятъ ли ему служити, и они маютъ ему служити; а не всхотятъ имъ служити, ино имъ пойти добровольно, гдѣ хотячи, землю оставивши"[217]) и т. д. Слуги, такимъ об-

[216]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 259, 260.

[217]) Акты Зап. Рос. II, № 69.

разомъ, въ правахъ своихъ были близки къ боярамъ и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что съ своихъ земель несли многія крестьянскія повинности. Вслѣдствіе этого они и причислялись къ „людямъ“ и назывались нерѣдко „людьми“, напр., людьми путными, людьми служебными, вмѣсто слугъ путныхъ [218]) и т. д.

Въ классѣ слугъ наиболѣе многочисленный разрядъ составляли слуги путные, названные такъ отъ того, что главною повинностью ихъ былъ „путь“, или „листовная служба“. Они ѣздили по разнообразнымъ порученіямъ великокняжескихъ намѣстниковъ - державцевъ, старостъ и воеводъ „до дворовъ, оному врадови прылегълыхъ, а спѣнязми платовъ нашыхъ (т. е. королевскихъ) до Вильни до скарбу и за крывдами подданныхъ, колеею“ [219]). Число ихъ съ теченіемъ времени превзошло служебныя потребности господарскихъ судебно-административныхъ центровъ, и задолго до извѣстной уставы Сигизмунда-Августа о волокахъ мы замѣчаемъ выдѣленіе изъ среды путныхъ слугъ особаго разряда людей служебныхъ, несшихъ „службу служебную“. Такъ, напр., отъ 10 марта 1512 года мы имѣемъ листъ короля Сигизмунда до старосты Городенскаго пана Станислава Петровича, содержащій приказъ отдать часть земли Тимошевщины служебнику Городенскаго повѣта Юшку Глѣбовичу къ его землѣ Илковщинѣ: „нехай онъ тую Илковщину и Тимошевщину држить со всимъ, а намъ съ нее службу особную служебную при дворѣ нашомъ служить“ [220]). Выше было говорено о людяхъ служебныхъ Городенскаго повѣта Сенкѣ Климовичѣ и Мицутѣ Ивановичѣ, которые „наболѣй при дворѣ мѣшкають“. Такимъ образомъ, повидимому, уже ранѣе 1557 года производился тотъ выборъ „служекъ“ изъ всей массы путныхъ слугъ, который по уставѣ 1557 года долженъ былъ производиться королевскими ревизорами. Остававшіяся, такъ сказать, за штатомъ путные слуги не были безполезными въ господарскомъ обиходѣ. Прежде всего, всѣ путные слуги служили военную службу, какъ объ этомъ прямо говоритъ устава, данная королемъ Сигизмундомъ державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ [221]). Это подтверждается и многочисленными указаніями раннихъ актовъ. Такъ, окружная королевская грамота, разосланная въ 1514 году о снаряженіи на войну и выступленіи въ походъ по случаю занятія Москвою Смоленска, адресована

---

[218]) Ibidem, № 69, 161. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 196, 197.
[219]) Памятники Кіевск. Временной Коммиссіи т. II, отд. 2, № 1, арт. 1.
[220]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60, 61.
[221]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 14.

между прочимъ и къ слугамъ путнымъ [222]). Въ томъ же году марта 16 король Сигизмундъ пожаловалъ пану Григорью Станиславовичу Остиковича человѣка путнаго въ Мойшакгольскомъ повѣтѣ Николая Милошевича, который, согласно докладу намѣстника, служилъ королю службою панцырною [223]). Въ 1525 году іюня 28 король подтвердилъ дворянину Ѳедору Романовичу Полозу земли, купленныя имъ „зъ доволеньемъ воеводы Витебского“ у нѣкоторыхъ слугъ путныхъ Витебскаго повѣта: „а съ тыхъ дей земль,—гласитъ подтвердительный привилей короля,—службы панцерныи бывали и дачокъ никоторыхъ не даивали“ [224]). Было почти общимъ правиломъ, что путные люди, отправлявшіе панцырную службу, не несли никакихъ другихъ повинностей (кромѣ, быть можетъ, кошенья сѣна). Въ 1524 году слуги путные Марковскаго повѣта Гринъ Одинцовичъ, Кузьма Васковичъ, Борисъ Ходоровичъ жаловались, какъ на „кривды и тяжкости и новины“, на поползновенія Марковскаго намѣстника брать съ нихъ подводы, посылать ихъ на работы съ топоромъ въ лѣсъ, заставлять возить навозъ (гной) на путныхъ коняхъ, между тѣмъ какъ ранѣе этого они „тыхъ работъ не робливали и подводъ не даивали“ и даже не ѣздили съ листами намѣстника. Король уважилъ ихъ жалобу и приказалъ намѣстнику оставить ихъ въ покоѣ: „нехай бы они намъ панцырною жъ службою служили“ [225]). Такимъ образомъ, путные слуги, отправлявшіе панцырную службу, въ сущности переставали уже быть путными (servitores expeditionarii, какъ ихъ называютъ латинскія грамоты [226]) и только по простой традиціи удерживали свое прежнее имя.

Панцырная служба, какъ довольно тяжелая, вообще освобождала несшихъ ее лицъ отъ всякихъ другихъ повинностей, хотя были и исключенія [227]). Такъ, напр., люди сельца Сковородина въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Катанской волости, кромѣ панцырной службы, сѣяли мѣру ржи къ двору Глушицѣ и мѣру овса, давали посощину въ казну Смоленскую, давали ночлегъ господарскимъ пастухамъ и стадамъ, когда ихъ гнали въ волость Дубровенскаго путя и обратно, и, нако-

---

[222]) Акты Зап. Рос. II, № 88.

[223]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.

[224]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257.

[225]) Ibidem, л. 154, 155.

[226]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 576, 577.

[227]) „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ въ Кіев. Стар. 1888, № 10, 96—98.

неңъ, давали насадку пива къ двору Глушицкому [228]). Съ подобными же повинностями мы встрѣчаемся по актамъ, касающимся и путныхъ слугъ, тѣмъ болѣе, что путные слуги не всегда служили именно панцырную службу, а отправляли военную службу и „водлѣ можности своее". Люди Перелайской волости Троцкаго повѣта—Ямонтъ Мостевичъ, Станько Кгирдимонтовичъ, Яцко Беневичъ, Римкутъ Войнибутовичъ, Талкусъ Ринкгайловичъ при Александрѣ служили путною службою, во время войны ходили только въ заставы, и, сверхъ того, давали съ своихъ земель дякло [229]). Въ 1507 году 2 августа король Сигизмундъ подтвердилъ пану Ивашку Зеновьевича различныя имѣнья и въ томъ числѣ „человѣка путного Антона Зеновьевича зъ его братьею и съ тою бобровщиною, што они давали" [230]). Слуги путные Полоцкаго повѣта, сидѣвшіе на землѣ Кохоновской, по словамъ королевскаго подтвержденія этой земли земянину Ѳедку Михайловичу Маскевича (отъ 10 мая 1508 года), „дають намъ (королю) бобровщины копу грошей, а службу путную служать, а ловчому панскому (воеводы) платять, а на рѣцѣ на Лиснѣ езъ бьють, а шесть корцовъ ржы старое мѣры дають езовничому, езъ забивши; а коли панъ воевода Полоцкій у-въ объѣздъ поѣдеть, и они людямъ нашимъ (королевскимъ) Клясичомъ у перейму помогають, и сторожевщины два гроша дають" [231]). Люди Митрохановы Смоленскаго повѣта Дубровенскаго путя, которыхъ выпросилъ себѣ у короля Александра дворянинъ Михайло Данильевичъ за таглыхъ людей, заявляли королю Сигизмунду въ бытность его въ Смоленскѣ въ сентябрѣ 1508 года, „што жъ они николи тяглою службою не служивали, только путною службою служать и дани нашое дають кадь меду прѣсного до погреба въ замокъ нашъ (королевскій) Смоленскій а двѣ копѣ грошей". Такъ какъ ихъ показаніе подтвердили приказникъ Дубровенскаго путя и вся волость Дубровенская, а также тивунъ Глушицкій, король не велѣлъ дворянину Михайлу Данильевичу вступаться въ этихъ людей, которые по-прежнему должны были служить къ замку Смоленскому [232]). Люди путные Полоцкаго повѣта села Крившиничъ Захарья Ивановичъ, Окула Гридковичъ и Семенъ Гринковичъ давали коня, въ которомъ четвертая часть шла на церковь св. Аѳанасія; люди путные Полоцкаго повѣта

---

[228]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 96.

[229]) Литов. Метр. кн. Запис VI, л. 75, 76.

[230]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 171, 172.

[231]) Ibidem, л. 209, 210.

[232]) Ibidem, л. 284, 285.

Кубличцы, Вѣтринцы и Сушинцы ходили на господарскіе ловы [233]). Чаще всего встрѣчаемся по актамъ съ одною повинностью путныхъ людей—кошеньемъ сѣна на господаря, о которомъ говоритъ и устава 1529 года. Такъ, напр., путные слуги Полоцкаго повѣта Лужане, которые продали свои земли пану Ивану Сопѣгѣ въ 1514 году, кошивали сѣножать „обаполъ" рѣки Мнютицы, протекавшей подъ ихъ селомъ, на замокъ Полоцкій [234]). Въ 1516 году 26 января король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность различныя имѣнья, пожалованныя московскому выходцу Ивану Тимоѳеевичу Плещеева-Юрлова, и въ томъ числѣ „пятнадцать слугъ путныхъ, которыи на войну ходять и сѣно на дворъ Ясвоинскій косять" [235]). По уставѣ 1529 года бояре путные обязаны были не только косить сѣно, но и ходить на толоку на господарскія пашни подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ.

Въ Полоцкой землѣ существовалъ разрядъ *сельскихъ путниковъ*, которые при ближайшемъ разслѣдованіи оказываются никѣмъ инымъ, какъ тѣми же путными людьми [236]) но не тяглыми или пригонными, какъ утверждаетъ г. Новицкій [237]). Любопытно, что классъ этотъ великимъ княземъ Александромъ былъ поданъ подъ магдебургское право наравнѣ съ мѣщанами. Объясненіе этому распоряженію находится въ томъ обстоятельствѣ, что большинство класса, служившаго путную службу, состояло изъ мѣщанъ, пріобрѣтшихъ имѣнья внѣ „мѣста" покупкою у боярь, сельскихъ путниковъ и пригонныхъ людей, и сельскіе путники, повидимому, были только небольшою частью, придаткомъ къ этому классу, его выдѣленіемъ. Сельскіе путники—это часто тѣ же мѣщане, которые отбились отъ „мѣста" и пріобрѣли осѣдлость въ селѣ. Въ 1500 году великій князь Александръ всѣхъ такихъ мѣщанъ, какъ и коренныхъ сельскихъ путниковъ, вернулъ подъ городской присудъ намѣстника; только серебщину они должны были платить по давному вмѣстѣ съ мѣстомъ, а также отправлять военную службу и выполнять городовую работу [238]). Военная служба и была тою „путною службою", которую должны были согласно постановленью

---

[233]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 184, 185, 288.

[234]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 75.

[235]) Ibidem, л. 114, 115.

[236]) Акт. Зап. Рос. I, № 175.

[237]) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 53 пр. 2.

[238]) Акты Зап. Рос. I, № 185.

в. кн. Александра нести всѣ мѣщане, купившіе себѣ земли за мѣстскою чертою [239]).

Къ тому же разряду путныхъ слугъ, какъ кажется, относились и *слуги посельскіе*, упоминаемые въ актахъ, относящихся до Кіевской земли, Волыни и Полѣсья. Въ книгѣ записей пожалованій Казимира читаемъ между прочимъ: „Слугамъ Пинскимъ посельскимъ усе отпущоно, што былъ увелъ на нихъ князь Иванъ Свяславовичъ, а мѣчаномъ по тому жъ" [240]). Въ составъ села Романова, пожалованнаго королемъ Александромъ въ 1505 году пану Дмитру Александровичу входило восемнадцать человѣкъ данныхъ и тяглыхъ и двое слугъ посельскихъ [241]). Слуги посельскіе были въ числѣ „подданныхъ" пана Щаснаго Якимовича, одного изъ крупныхъ Волынскихъ землевладѣльцевъ, который въ 1529 г. приносилъ жалобу старостѣ Луцкому на различные „кгвалты" и „кривды", подѣланные ему въ имѣньѣ кн. Дмитріемъ Буремскимъ [242]) и т. д.

Путные слуги, какъ мы видѣли, несли иногда панцырную службу, называясь только по старой памяти путными. Въ Смоленской землѣ и Витебской такіе слуги назывались и прямо *панцырными слугами*, позже—*панцырными боярами*. Въ спискѣ военно-служилыхъ людей Смоленской земли, составленномъ около 1492 года, встрѣчаемъ слугъ панцырныхъ Юрьевскаго путя, Пацынской волости, Светславскихъ, Мощинскихъ, Молоховскаго путя, Дубровенскаго, Опацкихъ [243]) и т. д. Слугъ панцырныхъ Витебскаго повѣта мы находимъ, напр., въ листѣ воеводы Витебскаго пана Яна Юрьевича Глѣбовича, выданномъ 21 октября 1532 года нѣкоторымъ изъ нихъ относительно ихъ повинностей. Изъ этого листа оказывается, что слуги панцырные въ Витебской землѣ никакихъ повинностей не несли, кромѣ военной службы, которую они отправляли „посполъ зъ бояры". Предшественники пана Яна Юрьевича ввели было имъ „новину", „казали дей имъ дванадцать толокъ въ годъ служити, сѣно косити, на ставы и въ ловы ходити, бобровщину, житьщину, закосное и яловицу давати съ подданными господарскими волости Любашковское". Но Янъ Юрьевичъ, опросивъ мѣстныхъ бояръ относительно ихъ службы, оставилъ ихъ

---

[239]) Акты Зап. Рос. I, № 185. Срав. II, № 61.
[240]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 53.
[241]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 3.
[242]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 96.
[243]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—159.

при старинѣ и освободилъ отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной службы „конемъ" [244]). Въ Смоленской землѣ панцырные слуги иногда несли и другія повинности. Одинъ примѣръ тому уже приведенъ выше; можно подыскать въ добавленіе къ нему еще и другіе. Въ 1503 году король Александръ пожаловалъ дворянину Михаилу Олтуфьевичу Старому сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ Молоховской волости Ходневыхъ, одну службу панцырную: „а съ того дей села дають намъ коня на третій годъ и дань медовую къ манастыру св. Петра" [245]). Человѣкъ панцырный Иванъ Пьянокъ, продавшій въ 1508 году свою землю слугамъ путнымъ Хролу Сергѣевичу и Максиму Ѳедотовичу, несъ съ нея службу панцырную и давалъ на третій годъ корабельникъ [246]).

Вышеупомянутый списокъ военнослужилыхъ людей Смоленскаго повѣта, кромѣ панцырныхъ слугъ, называетъ еще слугъ *щитныхъ и доспѣшныхъ* Радщинскаго пути, Вержавскаго, Светславскихъ, Максимовскаго пути, Дубровенскаго пути, Опацкихъ, Еленскихъ. Съ этими же разрядами слугъ мы встрѣчаемся и по другимъ актамъ. Такъ, въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Тишку Дудину сельцо Кохановское, согласно его показанію, „што жъ тое селцо не тяглое, служба съ того щитная бывала" [247]). Годомъ раньше тотъ же великій князь пожаловалъ Богдану Сопѣжичу человѣка Василья съ братьею Щербиновыхъ въ Еленской волости Смоленскаго повѣта, которые, по показанію намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича, „даивали въ казну полтину грошей, а посощины шестнадцать грошей, а служба съ нихъ доспѣшная" [248]). Слуги щитные, кромѣ своей спеціальной службы, иногда такъ же, какъ и доспѣшные, несли и другія повинности. Такъ, служба Конинымъ въ Молоховскомъ пути платила по золотому на третій годъ; бывало иногда, что слуги щитные давали на третій годъ коня [249]) и т. д. Что касается работы на господарскомъ хозяйствѣ, то положительныхъ указаній на это намъ не удалось найдти ни относительно щитныхъ, ни относительно доспѣшныхъ слугъ. Можно только предполагать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и эти слуги исполняли разныя работы на господаря, какъ это бывало съ людьми, несшими панцырную службу.

---

[244]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 69.
[245]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 124; Срав. IV, л. 169.
[246]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 233, 234.
[247]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.
[248]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.
[249]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169; VIII, л. 285, 286.

Кромѣ путныхъ, панцырныхъ, щитныхъ и доспѣшныхъ въ разныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства существовали еще *слуги конные*. Въ составѣ крестьянъ Болваницкой волости, пожалованной кн. Крошинскому въ 1498 году, были и слуги конные Купріяновы, которыхъ князь Михайло посадилъ на дворной пашнѣ, и которые подобно другимъ крестьянамъ Болваницкой волости были люди вольные, не платившіе никакихъ „дачей и пошлинъ" [250]). Но другіе слуги конные въ той же Смоленской землѣ сверхъ конной службы платили и различныя подати. Люди Дубровенскаго путя Холопко съ братьею Скороходовы жаловались королю Сигизмунду на боярина смоленскаго Ивана Кимбарова, что онъ выпросилъ ихъ у короля Александра за тяглыхъ людей, а они служатъ въ дѣйствительности панцырною службою. Но Кимбаровъ представилъ самый листъ короля Александра, въ которомъ выписано, „што жъ служба зъ нихъ конная бывала, а къ тому даивали тыи люди на третій годъ за конь по рублю грошей". Вслѣдствіе этого Сигизмундъ, подтвердивъ данину брата, отдалъ Кимбарову этихъ людей до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго [251]). Слуги конные въ Бѣлицкой волости Смоленскаго повѣта вмѣстѣ съ другими вольными людьми этой волости платили „дани грошовое пять копъ а одинадцать грошей, а меду три кади а два пуды" [252]).—Слугъ конныхъ встрѣчаемъ и въ Кіевской землѣ. Въ 1507 году декабря 3 Сигизмундъ выдалъ листъ армянину Филиппу на селище пустовское Лисаново „въ Кіевскомъ повѣтѣ Бѣлогородского десятку", съ котораго, по показанію Филиппа, „служба конная бывала" [253]). Въ 1522 году король Сигизмундъ подтвердилъ вручанамъ Конону и Каленику Яковлевичамъ листъ Свидригелла, „ижъ предку ихъ Ларивону далъ землю бортную на имя Тенетиловщыну и велѣлъ ему съ той земли конемъ служити" [254]). Въ слѣдующемъ году королю Сигизмунду били чоломъ слуги кіевскіе Давидъ и Ѳедько Петровичи, „ижъ они сами и отцы, и дѣды ихъ служывали предкомъ нашимъ (короля) конемъ у зброи, а иныхъ служобъ а ни подачокъ никоторыхъ не знали; и били намъ (королю) чоломъ, абыхмо казали имъ намъ служити и не отдавали бы ихъ никому". Король, исполнивъ ихъ желаніе, выдалъ имъ листъ на имя воеводы Кіевскаго, въ кото-

---

[250]) Литов. Метр кн. Запис. VI, л. 112, 113.
[251]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 174, 175.
[252]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112, 113.
[253]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 125.
[254]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 43, 44.

ромъ написалъ: „маютъ они намъ служыти конемъ водлугъ давного обычая“ [255]). Къ этому же разряду конныхъ слугъ принадлежали и слуги, упоминаемые въ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ военной службы, давали подымщину на третій годъ, исключая тѣ случаи, когда ходили на войну; другіе, кромѣ того, косили сѣно, ходили на толоку и сыпали ставъ (со времени княженья Семена Олельковича); нѣкоторые сверхъ того давали медовую дань, болкуновщину (на пріѣздъ в. князя Витовта), ходили въ ловы, робили городъ [256]). И позже, при Александрѣ, мы встрѣчаемъ по актамъ въ Кіевской землѣ „служебныхъ людей“, отправлявшихъ разныя повинности сверхъ военной службы. Такъ, люди служебные сельца Трыполя, пожалованнаго въ 1500 году земянину кіевскому Данилу Дѣдковичу, до этого времени давали воеводѣ Кіевскому по двѣ лисицы и косили сѣно по пяти вozовъ [257]). Какого либо общаго положенія относительно повинностей конныхъ слугъ въ Кіевской землѣ да, вѣроятно, и въ другихъ, не было, какъ не было таковаго и относительно повинностей путныхъ и панцырныхъ слугъ. Все зависѣло отъ величины и производительности земельныхъ участковъ, которыми владѣли конные слуги, отъ мѣстной „старины“ и разныхъ льготъ и изъятій. Тѣ изъ кіевскихъ слугъ, которые обязаны были ходить съ послами въ орду [258]), назывались *ордынцами*. Такихъ слугъ по актамъ мы встрѣчаемъ въ повѣтахъ Путивльскомъ, собственномъ Кіевскомъ, Вруцкомъ, Каневскомъ и Черкасскомъ [259]). Конныхъ слугъ встрѣчаемъ и въ землѣ Волынской: въ 1509 году князь Константинъ Ивановичъ Острожскій выпросилъ у короля Сигизмунда село Птичае въ Кременецкомъ повѣтѣ,—„а передъ тымъ съ того села,—гласитъ привилей короля,—служивано чотыри слуги на коняхъ“ [260]). Наконецъ, слугъ конныхъ встрѣчаемъ по актамъ и въ предѣлахъ собственной Литовской земли. Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку митрополита Кіевскаго Іоны Ваську Петровичу землю пустовскую въ Новгородскомъ повѣтѣ въ Сетеринѣ, которая, по его показанію, была „не данная, служебная конная“ [261]) и т. д.

---

[255]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 109, 110.

[256]) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, № I.

[257]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161.

[258]) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

[259]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 269, 279; Архивъ Юго-Зап., Рос., ч. IV, т. I, № 1.

[260]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

[261]) Ibidem, л. 133.

Въ актахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко и просто слугъ, безъ обозначенія ихъ спеціальной службы, такъ какъ и на дѣлѣ, какъ мы видѣли, спеціализація военной службы не всегда строго проводилась. Такъ, „слуги Деменскіе“ Смоленскаго повѣта Иванъ Широкій съ дѣтьми въ 1496 году получили отъ великаго князя подтвержденье на село на Печкахъ, которое имъ пожаловалъ князь Ѳедоръ и сынъ его Семенъ Воротынскіе [262]). Въ томъ же году „слуги Пьяновскіе“ Брянскаго повѣта жаловались великому князю на боярина Брянскаго Богдана Григорьевича, которому король Казимиръ пожаловалъ село ихъ Брасовское: „и онъ и самихъ ихъ не хотѣлъ отъ себя отпустити и зъ статки ихъ, и жито собѣ забралъ“. Великій князь, разсмотрѣвъ это дѣло, присудилъ село Брасовское Богдану Григорьевичу, а относительно слугъ постановилъ: „а они маютъ поити доброволно, куды всхотять, отъ него прочъ со всими своими статки и зъ житомъ“ [263]) и т. д.

X.

Всѣ перечисленные разряды крестьянъ, объединенные до извѣстной степени мѣстомъ поселенія, общностью нѣкоторыхъ повинностей и административной организаціи, составляли господарскую *волость въ тѣсномъ смыслѣ* и назывались *волостными людьми* въ отличіе отъ господарскихъ мѣщанъ и бояръ, которые стояли отъ нихъ болѣе или менѣе особнякомъ въ этихъ отношеніяхъ. Отличіе волостныхъ людей отъ мѣщанъ и бояръ находимъ во множествѣ актовъ изучаемаго времени. Въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Каменецъ, читаемъ между прочимъ: „А къ тому, коли платъ положимъ на все наше паньство великое князьство Литовское, тогды зъ *волостныхъ* людей маеть намъ серебщызну давати, а зъ *мѣста* ордынщину, также и серебщину и который кольве платъ положимъ. А онъ маеть тотъ дворъ нашъ держати въ мѣстомъ и зъ волостными людьми и съ слугами путными и данными, и бобровники, и зъ осочники“ [264])... Въ противоположность мѣщанамъ, состоявшимъ въ магдебургскомъ правѣ, волостные люди называются иногда *городскими*, какъ состоящіе подъ городскимъ, или замковымъ,

---

[262]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 53.

[263]) Ibidem, л. 54.

[264]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 13.

присудомъ [265]). Волостные люди отличаются, кромѣ мѣщанъ, и отъ бояръ, напр., въ арендномъ листѣ на корчмы Полоцкія, выданномъ въ 1503 году дворянину Михаилу Скепьевскому, гдѣ читаемъ между прочимъ: „Такежъ которыи будуть владыка Полоцкій и бояре, и мѣщане Полоцкіи и волостныи люди корчмы свои держати, тыи корчмы казали есмо ему на насъ забирати“ [266]). Волостные люди въ противоположеніе боярамъ и мѣщанамъ называются нерѣдко *мужами* и даже уменьшительно *мужиками*. Такъ, листъ короля Александра отъ 9 августа 1504 года объ отдачѣ Богушу Боговитиновичу корчмы Кричовской на годъ, адресованъ „намѣстнику Кричовскому Петрашку Епимаховичу и бояромъ Кричовскимъ, и старостѣ мѣста Кричовского и мѣщаномъ, и мужомъ“ [267]). Воевода Виленскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, получивъ жалобу отъ „людей волости Борисовской“, что у нихъ пропало трое коней, которыхъ они затѣмъ признали у служебника воеводы Васка Игнатовича и паробка Воложинскаго Станка, писалъ до намѣстника своего Воложинскаго Бальцера: „што бы еси у того Васка и у паробка опыталъ и достаточне ся довѣдалъ, откуль они тыи кони мають и якъ имъ досталися, и, того певне по нихъ довѣдавшися, достаточне до насъ отписалъ, а тыи клячи, естли будуть тыхъ мужиковъ, казалъ имъ поворочати“ [268]).

Слуги или люди путные обыкновенно обнимаются въ созначеніи названія людей волостныхъ. Кромѣ приведеннаго уже примѣра въ заставномъ листѣ на замокъ Каменецъ, это можно подтвердить и многими другими. Въ привилеѣ на замокъ Кобрынь, выданномъ 6 апрѣля 1519 года пану Венцеславу Станиславовичу Костевича, читаемъ, что король пожаловалъ ему замокъ до живота „зъ бояры и мѣшчаны Кобрыньскими и со всими людми нашими (королевскими) путными и данными, и тяглыми Кобрыньсвое волости“ [269]). Въ томъ же году король выдалъ листъ пану Альбрехту Мартиновичу на держаніе двора Утены въ заставѣ „зъ мѣстомъ и со всими мѣшчаны и зъ людьми всими Утенское волости путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и съ конокормцы, и зъ лейти, и съ псарцы, и ловцы“ [270]). Но

[265]) Акты Зап. Рос, II, № 61.

[266]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 259. Срав. ibidem, л. 260; Акты Зап. Рос. II, № 86.

[267]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 288.

[268]) Литов. Метр. кн. Коронныхъ Переписей XXIV, докум. 33.

[269]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.

[270]) Ibidem, л. 38.

иногда путные слуги выдѣляются изъ состава волостныхъ людей, какъ люди не простые и притомъ мало связанные съ мѣстнымъ крестьянскимъ обществомъ своими повинностями. Такимъ образомъ, въ привилеѣ на дворъ Молодечно, выданномъ въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому, читаемъ, что король пожаловалъ ему дворъ Молодечно „у вотчину, непорушно на вѣки, зъ бояры и зъ мѣщаны и съ Татары тыми, которые на мѣстѣ Молодеченскомъ живутъ, и съ слугами путными, и со всими людми волостными и тяглыми, и данными, и съ конюхи, и съ рыболовы" [271]). Замокъ Бѣльскій выкупили у пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, по словамъ королевскаго листа, „земяне-шляхта и мѣщане и слуги путные и люди волостныи" повѣта Бѣльскаго [272]). Сказанное о путныхъ слугахъ справедливо и относительно слугъ другихъ наименованій

Волостные люди по старой памяти назывались иногда и *смердами*. Въ 1495 году великій князь Александръ, подтверждая пану Василью Хребтовичу имѣнья Конюхи, Защитовъ и Бѣлое Поле во Владимирскомъ повѣтѣ, писалъ: „Ино, коли онъ тое сельцо купилъ въ земянъ Володимерскихъ вѣчно, а не въ смердовъ, и мы призволяемъ ему тое сельцо Конюхи, а Защитовъ а Бѣлое поле купити и подтвержаемъ то ему симъ нашимъ листомъ" [273]). Впрочемъ, это названіе, повидимому, прилагалось только къ массѣ рядового тяглаго крестьянства и не простиралось на высшіе разряды „ремесленныхъ" крестьянъ, людей вольныхъ, служившихъ съ своихъ земель военную службу на ряду съ слугами и юридически имъ равноправныхъ [274]). — Наконецъ, на Подляшьѣ и Подольѣ, а изрѣдка и на Волыни волостные люди (кромѣ слугъ) назывались по польски *хлопами* или *кметями* [275]).

XI.

Мѣщане, несмотря на то, что въ актахъ отличаются отъ волостныхъ людей, на дѣлѣ не вездѣ и не всегда были обособлены отъ нихъ, а тянули вмѣстѣ съ ними въ разныхъ повинностяхъ, въ томъ числѣ и въ работахъ по господарскому хозяйству. Такъ, мѣщане Чудновскіе всѣ ходили на толоку „жита жати и сѣна косити" [276]). Мѣ-

---

[271]) Акты Зап. Рос. II, № 69.
[272]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 104.
[273]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 54.
[274]) См. XV раздѣлъ Статута 1529, арт. 2.
[275]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37; Акты Зап. Рос. I, № 198.
[276]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. VII, т. II, № 1.

щане Кіевскіе косили одинъ день сѣно подъ боркомъ около Кіева, сыпали ставокъ подъ городомъ [277]). Мѣщане Минскіе обязаны были „млынъ городскій робити и оправляти и дерево на тотъ млынъ возити и греблю сыпати подлугъ давного обычая“ [278]). Мѣщане мѣстъ Бѣльскаго повѣта съ своихъ земель должны были между прочимъ „одинъ день въ недѣлѣ службу таглую служити“ [279]). Мѣщане Волковыйскіе должны были пашню господарскую толокою „два дни орати и два дни жати“, а также оправлять господарскій ставъ въ мѣстѣ, подъ дворомъ господарскимъ, на рѣкѣ Волковыѣ; до пожалованья же имъ королемъ Александромъ нѣмецкаго права они, кромѣ того, ходили на дворную работу съ сѣкирою, косили сѣно, ходили до Городна на работу „къ вапну“ [280]). Мѣщане Рѣчицкіе вмѣстѣ съ „волощанами“ забивали господарскіе езы на Днѣпрѣ, возили дрова на замокъ, поправляли хоромы въ замкѣ и передъ замкомъ, городили и пахали огороды овощовые, строили млынъ на р. Ведричѣ [281]), и т. д. Необходимо замѣтить при этомъ, что всѣ эти издѣльныя повинности мѣщанъ были въ обратномъ отношеніи съ тѣми „платами“, которыя они давали на господаря. Чѣмъ богаче было мѣсто, чѣмъ болѣе платило оно господарю разныхъ податей и налоговъ, тѣмъ менѣе работали и мѣщане на господарскомъ хозяйствѣ. Мѣщане первовласныхъ мѣстъ Литовско-Русскаго государства даже и совсѣмъ не участвовали въ дворныхъ таглыхъ работахъ на господаря. Больше всѣхъ работали на господарскомъ хозяйствѣ мѣщане мѣстъ бѣдныхъ, жившіе не столько промышленностью и торговлею, сколько земледѣліемъ.

Вмѣстѣ съ господарскими людьми на работу къ господарскимъ дворамъ выходили нерѣдко и „подданные“ церковные, княжескіе, панскіе, боярскіе или земянскіе. Жалованными грамотами 1387, 1413 и 1457 гг. князья, паны, бояре и земяне-шляхта, а также лица и учрежденія церковныя были освобождены отъ посылки людей съ своихъ имѣній на господарскія работы. Но при господствѣ въ Литовско-Русскомъ государствѣ системы „привилеевъ“, при преобладаніи частныхъ опредѣленій, льготъ и изъятій надъ общими нормами права, нерѣдко были случаи, когда и „подданные“ князей, пановъ или бояръ-шляхты

---

[277]) Акты Зап. Рос. I, № 120.

[278]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

[279]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

[280]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

[281]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67; Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. IV, т. I, № X.

несли повинности на господарскомъ хозяйствѣ. Такъ, несмотря на то, что жалованная грамота 1457 года распространила польскія шляхетскія права на духовныхъ, князей, пановъ, бояръ и земянъ всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго, въ Волынской землѣ до самаго 1501 года люди церковные, княжескіе, панскіе и земянскіе ходили на работу къ господарскимъ замкамъ и дворцамъ „орати и жати и сѣно косити", и только въ этомъ году получили отъ короля Александра освобожденіе отъ этихъ повинностей [282]). И въ другихъ областяхъ мы встрѣчаемся по актамъ съ изъятіями изъ общихъ опредѣленій „земскаго права". Эти изъятія устанавливалъ самъ господарь великій князь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ при пожалованіи имѣнья въ частныя руки. Такимъ образомъ люди бояръ Котовичей вмѣстѣ съ людьми волости Свислоцкой обязаны были, какъ это открывается изъ суднаго листа великаго князя Александра отъ 29 февраля 1499 г., косить сѣно на господаря, возить житщину до замковъ господарскихъ „и всякую тягль мають съ ними тягнути и ни въ чомъ не мають ихъ выдати"; своимъ панамъ они обязаны были только платить дань [283]).— Господарь нерѣдко жаловалъ частнымъ лицамъ только дань съ своихъ людей (даже на вѣчность), которые всѣми другими повинностями, въ томъ числѣ и работами дворными, тянули къ мѣстному господарскому двору. Такъ, люди грезскіе платили дань панамъ Боговитиновичамъ, но изъ нихъ только двое принадлежали имъ „со всѣми землями ихъ пашными и бортными", были ихъ „подданные", а остальные были люди господарскіе [284]). Въ Бобруйской волости король Сигизмундъ подавалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и дворянамъ только дань медовую съ нѣкоторыхъ людей, „а дань грошовую и бобры, и куницы,—гласитъ листъ короля отъ 7 марта 1533 года,—и иншіи всякіи повинности велѣли есмо посполъ зъ волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати" [285]). Дань чаще всего жаловалась церквамъ или монастырямъ, при чемъ люди, обязанные платить дань, оставались господарскими „подданными" и даже жаловались господаремъ частнымъ лицамъ. Такъ король Александръ пожаловалъ на вѣчность, а Сигизмундъ подтвердилъ въ 1523 году монастырю Св. Троицы въ Смоленскѣ кадь меду съ людей данниковъ Демида Майковскаго и его братьи; въ томъ же 1523 году король Сигизмундъ пожаловалъ Пустынскому

---

[282]) Акты Южн. и Запад. Рос. I № 36.

[283]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

[284]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 311.

[285]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

монастырю въ Мстиславлѣ три рубля грошей дани съ села кричовскаго Лобковичей, которое всѣ другіе „поплатки“ по прежнему должно было платить господарю [286]).

XII.

Общее руководительство и надзоръ за всѣми работами по господарскому хозяйству принадлежали намѣстникамъ-державцамъ, которые вообще вели экономію господарскихъ дворовъ и отвѣчали за нее, какъ за свою въ собственномъ смыслѣ правительственную дѣятельность. О хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ можно составить довольно полное представленіе по тѣмъ инструкціямъ, которыя даны были имъ королемъ Сигизмундомъ въ 1514 и 1529 годахъ и въ которыхъ большею частію была нормирована и упорядочена существовавшая практика [287]). Это представленіе въ общемъ будетъ вѣрно и относительно намѣстниковъ-державцевъ (и тивуновъ) Жмудской и русскихъ земель великаго княжества.

По инструкціямъ короля Сигизмунда намѣстникъ-державца, подсчитавъ общее количество урожая, прежде всего выдавалъ десятины церковныя, гдѣ онѣ были, затѣмъ откладывалъ „въ копахъ“ такое количество „жита“, которое по его разсчету нужно было для посѣва будущаго года, затѣмъ оставлялъ въ зернѣ и снопахъ „мѣсячину“ челяди дворной по разсчету на цѣлый годъ; остальное составляло чистый доходъ, въ которомъ третья часть была „къ живности и пожитку“ намѣстника-державцы, а двѣ другія шли въ пользу господарскую. Эти двѣ части должны были лежать „въ копахъ“ до весны, когда съ поднятіемъ цѣны на хлѣбъ державцы должны были продавать ихъ на наличныя деньги или же „на боргъ, за слушнымъ рукоемствомъ заплаты“. При королѣ Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова панованья эту рожь намѣстники-державцы должны были раздавать нерѣдко по господарскимъ „квитацеямъ“ разнымъ лицамъ взамѣнъ жалованья. Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Юндилу 30 бочокъ ржи у Волковыйску зъ двора; сокольнику Миколаю 20 бочокъ ржи въ тивуна Виленского въ Лынкгвенѣ“ и т. д. [288]). Иногда господарь помѣщалъ въ томъ или другомъ

[286]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 237—239.
[287]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583; Акты Зап. Рос. II, № 150.
[288]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 56, 67.

дворѣ безпомѣстнаго дворянина, назначая ему содержаніе изъ дворныхъ запасовъ, въ томъ числѣ и ржи. Такъ, король Сигизмундъ 28 октября 1510 г. назначилъ нѣкоему Тишѣ Радогощанину, пріѣхавшему къ нему въ Краковъ вмѣстѣ съ другими дворянами, которые не имѣли имѣній, „лежанье въ тивунствѣ Виленскомъ, стирта сѣна, 10 бочокъ жита, 10 бочокъ овса, зъ винъ 3 рубли“ [289]). Жито, отложенное на посѣвъ будущаго года, весною должно было, по инструкціи 1529 года, раздаваться „въ отсопъ“ господарскимъ подданнымъ, которые по полученіи новаго урожая за каждую копу жита платили бочку дворную; этимъ новымъ житомъ и засѣвались осенью господарскія пашни. Такимъ же приблизительно образомъ распоряжались намѣстники-державцы и относительно „яринъ“, въ которыхъ имъ до 1529 г. принадлежала также третья часть чистаго дохода, а позже—четвертая. Король Сигизмундъ поставилъ имъ въ обязанность сѣять достатокъ льна съ тѣмъ, чтобы отъ каждой „жонки, которая мѣсячину беретъ“, онъ могъ дать поставъ (холстъ) полотна на каждый годъ. Такъ было уставлено въ 1529 г., а ранѣе, согласно инструкціи 1514 г., намѣстникъ-державца долженъ былъ давать королевѣ скатертей и полотна, сколько „выробять“.

По инструкціи 1529 г. державцы должны были вести точную отчетность по господарскому гумну и предъявлять ее писарямъ, которые для контроля должны были два раза въ годъ, весною и осенью, объѣзжать господарскіе дворы. Этотъ контроль и отчетность существовали и ранѣе, хотя и не были такъ организованы, какъ со времени уставы 1529 года. До насъ дошли инвентари нѣкоторыхъ господарскихъ замковъ и дворовъ отъ временъ короля Казимира [290]), Александра [291]) и Сигизмунда до 1529 г. [292]), въ которыхъ въ числѣ разной наличности господарскаго замка или двора перечислены скирды ржи или яроваго хлѣба, стога сѣна и т. подоб. Эти инвентари составлялись обыкновенно дворянами, которыхъ господарь посылалъ „увязывать“ въ держанье замковъ и дворовъ новыхъ намѣстниковъ [293]), вслѣдствіе чего они и назывались „инвентарями“ или „реистрами поданья“. Для центральнаго правительства они служили средствомъ про-

---

[289]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 465.

[290]) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107, 108.

[291]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 261, 279, 280, 282.

[292]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651; XV, л. 226 и др.

[293]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

вѣрки прежнихъ намѣстниковъ-державцевъ и извѣстнымъ основаніемъ для контроля новыхъ. Этотъ контроль производился обыкновенно писарями, которыхъ господарь ежегодно посылалъ по своимъ дворамъ и волостямъ [294]). Поэтому и инвентари являются иногда вписанными въ книги Метрики, куда великокняжескіе писари кромѣ актовъ, выходившихъ изъ великокняжеской канцеляріи, вносили „на память" и различные документы и замѣтки о собственной финансово-административной дѣятельности. Кромѣ того, хозяйственные инвентари господарскихъ дворовъ держали у себя Виленскій и Троцкій воеводы, которымъ, повидимому, также принадлежалъ извѣстный надзоръ и контроль за веденіемъ господарскаго хозяйства. Когда передавался господарскій дворъ „въ заставу", воевода обыкновенно посылалъ своего служебника „пописати" „што будеть на тотъ часъ въ томъ дворѣ жита, ярого и въ гумнѣ, и на поли посѣяного, и животины и иныхъ рѣчей", и по этому списку принималъ дворъ, когда кончался срокъ заставы [295]). Такіе же инвентари поступали къ воеводѣ, повидимому, въ тѣхъ случаяхъ, когда воеводѣ приходилось „увязывать" кого-нибудь въ держанье замка или двора его повѣта, такъ какъ не всегда для этого посылался господарскій дворянинъ изъ столицы.

Согласно инструкціи 1529 года, державцы, кромѣ того, подлежали контролю конюшихъ дворныхъ: имъ они должны были представлять ежегодно вѣдомости о конскихъ стадахъ каждаго двора, въ которыхъ „каждую свирепу и жеребя мѣти въ регистрѣ на имя, шерстью... и тудѣжъ, што ся которого году примножитъ". Державцамъ вмѣнено было въ обязанность „въ опатрности мѣти, якобы отъ голоду або зъ зимна жеребята або свирепы не здыхали", „мѣти пильность о кони стадныи, абы были добрѣ ховапы". За каждую павшую по недосмотру и нерадѣнію скотину державцы должны были платить „водлѣ уставы земское". Лошади съ господарскихъ дворныхъ стадъ шли частью на продажу, составляя одну изъ доходныхъ статей господарскаго хозяйства, а частью въ раздачу разнымъ лицамъ взамѣнъ жалованія, какъ это видно изъ записей пожалованій короля Казимира, Александра и Сигизмунда.

Внѣ контроля и отчетности были только „огородныи речи", которыя намѣстникамъ-державцамъ предоставлялось „суполно уживати и

---

[294]) См. земскій привилей великаго князя Александра 1492, арт. XXXIII, и уставу 1514. Zbiór praw Litewskich, str. 58—67; Литов. Метр. кн. Запис. VII, 582, 583.

[295]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110, 113, 114, 156 и др.

къ пожитку своему оборочати". Только въ случаѣ пріѣздовъ господаря державцы должны были доставлять на его кухню овощей „водлѣ шацунку и уставы кождого двора".

XIII.

Въ другихъ областяхъ великаго княжества въ изучаемое время не установилось такой строгой отчетности и контроля по гумнамъ и амбарамъ господарскихъ дворовъ, о которой свидѣтельствуютъ уставы, данныя въ 1514 и 1529 гг. намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. Собственное хвзяйство великаго князя не получило въ этихъ областяхъ такого широкаго развитія, какъ въ собственной Литвѣ, отчасти по положенію этихъ областей (особенно Волыни, Подолья, Кіевской земли) вдали отъ центра, въ сосѣдствѣ съ врагами, безпрестанно ихъ разорявшими, отчасти по трудности и даже невыгодности перевода на барщинныя повинности крестьянъ, плативших съ давнихъ временъ своимъ господарямъ дань, свыкшихся со своими „пошлинами" и привязанныхъ къ своей старинѣ (какъ это было особенно въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ). Запашки при господарскихъ дворахъ въ этихъ областяхъ были небольшія, и собираемаго хлѣба большею частію хватало только для прокормленія административнаго и рабочаго персонала, жившаго на господарскихъ дворахъ, а къ господарскому „пожитку" обыкновенно уже ничего не оставалось, а если что и оставалось, то мѣстные урядники обращали въ свою пользу, за что съ нихъ строго не взыскивалось.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ собственное хозяйство великаго князя не только не развивалось въ изучаемое время, но даже замѣтно падало. Въ 1545 году при замкѣ Владимирскомъ на Волыни оставался только одинъ дворецъ съ пашнею и сѣножатьми, на которыхъ работали люди волости Смиденской въ количествѣ ста слишкомъ домовъ. Для такого обширнаго повѣта, какъ Владимирскій, этого было очень мало, и естественно, что королевскій коммиссаръ Фальчевскій, производившій тогда ревизію, не нашелъ въ замкѣ никакихъ хлѣбныхъ запасовъ („наспижованья") [296]. Въ замкѣ Луцкомъ коммиссаръ также не нашелъ „не толко збожа, муки и крупъ, мяса, медовъ прѣсныхъ въ спижарняхъ и въ погребѣхъ, але нигдѣ жадного зернети". Князь староста при этомъ заявилъ, что онъ „не маеть тежъ не толко зъ чого наспижованья чинити, але самому ку живности не до-

[296]) Źródła dziejowe, tom. VI, str. 15, 16.

ставаеть". По его словамъ „одинъ дей дворецъ на Красномъ къ замку тягнеть, въ которомъ дворцы пашни што впашетъ, то дей все на живность выходить и тымъ николи вытрвати не можеть, олижъ дей мусить зъ имѣней своихъ всякую живность провадити, а иншые дей пожитки и доходы велми малые къ тому староству суть". Въ такомъ же родѣ сдѣлалъ заявленіе и ключникъ Луцкій, по словамъ котораго къ ключу Луцкому тянулъ одинъ только дворецъ на Гнидавѣ [297]). Хотя въ этихъ заявленіяхъ было намѣренное преувеличеніе въ цѣляхъ самооправданія, тѣмъ не менѣе картина упадка господарскаго хозяйства выходитъ довольно яркою. Во всемъ Луцкомъ повѣтѣ на господарскомъ хозяйствѣ, да и то съ разными изъятіями и льготами, работало только 124 дворища людей, 11 рыболововъ и 3 огородника, жившіе въ тринадцати селахъ [298]).

Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ и сообщеннымъ тѣмъ же коммиссаромъ, при Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимирскомъ роздано было сто пять селъ, шесть замковъ и четыре двора, двѣ волости, шестнадцать дворищъ и четыре человѣка „окромѣ дворцовъ, што подъ мѣстомъ Луцкимъ и прыселковъ, што къ иншому замку и дворомъ, колко ихъ прыслухаеть" [299]). Такая щедрость, кромѣ другихъ причинъ, объясняется главнымъ образомъ бездоходностью господарскаго хозяйства въ окраинной области, вдали отъ надзора и контроля центра и при частыхъ посѣщеніяхъ татаръ. При замкѣ Кременецкомъ находились два фольварка и одинъ дворъ съ господарскими пашнями и сѣножатьми, на которыхъ работало около 250 человѣкъ съ разными льготами (три дня въ году, орали „вешнины", три дня „паренины", сѣяли, жали и свозили на дворъ жатву) и изъятіями,—число, для цѣлаго повѣта не особенно большое и притомъ значительно меньшее по сравненію съ XV в., когда въ волости Кременецкой насчитывалось до 350 человѣкъ [300]).

На Подольѣ господарскаго хозяйства даже совсѣмъ не существовало, если не брать въ разсчетъ мельницъ, съ которыхъ вымелки шли на замки. Левъ Потѣй, продолжавшій дѣло Фальчевскаго въ повѣтахъ Браславскомъ и Вѣницкомъ, въ своемъ отчетѣ о состояніи замка Браславскаго, писалъ: „А што ся дотычеть наспижованья замкового, того жадного зернети нѣтъ ани мають одколь мѣти, бо не толко фол-

[297]) Źródła dziejowe, tom. VI, str. 47.
[298]) Ibidem, str. 76—78.
[299]) Ibidem, str. 87.
[300]) Ibidem, str. 104; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 86, 87.

варку, але и пашни къ замку, ани одного человѣка не машъ, окромъ млынъ на Богу, зъ того толко ровное поживленіе можеть быть, бо повѣдають, больши стоить, нижли мелеть". При замкѣ Вѣницкомъ, по его словамъ, также не было ни пашни, ни огородовъ, только два млына, на Бугѣ и въ Межиковѣ, но и тѣ, „коли великая вода, не мелють, а коли вода высохнеть, тогды тежъ молоти не можеть; зъ которыхъ дей млыновъ не толко самъ староста и зъ почтомъ своимъ выховатися, але и урядникъ его поживити ся чимъ не маеть" [301]. Потѣй объясняетъ и причину такого плохого состоянія господарскаго хозяйства на Подольѣ: со времени опустошенія Подолья отъ татаръ „не знати гдѣ господарское, а гдѣ земянское естъ, вси селища и пожитки за земяны и мѣщаны и за козаки суть, нижли закрыты, и хотябы не вѣмъ какій пожитокъ зъ того собѣ брали, однакоже повѣдають: ничего не маемъ, и повинностей замковыхъ не хочють тягнути и все въ пустѣ мянують". Онъ предлагалъ отстроить вновь замокъ Звенигородскій и содержать въ немъ постоянный гарнизонъ, чтобы обезопасить населеніе отъ нападеній татаръ: тогда „и села замковыи и вси иншыи пожитки могуть знайтися и выисканы были, зъ чого бы вже староста могъ поживленіе мѣти и на томъ бы скарбъ господарскій не шкодовалъ" [302]. Кромѣ татарскихъ набѣговъ, немаловажнымъ препятствіемъ къ развитію барщиннаго хозяйства вообще, господарскаго и земянскаго, была близость Подолья, а также и Волыни къ польской границѣ. Земяне Вѣницкаго повѣта заявляли Льву Потѣю, что съ ихъ людей службы и пожитковъ мало, „толко въ году тры дня служать, а кто не служить, тотъ по шести грошей даеть, а въ томъ богатшы и пышнѣйшый мужикъ, нижли панъ". „А то для того ся дѣеть,—объясняли они,—што жъ граница польская не далеко: какъ который человѣкъ всхочеть, завинить альбо не завинить, такъ идеть прочь, а выданья и справедливости жадное не мають, и еще приходечы одтоль злодѣйство и шкоду чинять; за которымъ роспущенствомъ хлопскимъ, ижъ и самъ на себя ани на пана ничого не робить, а на болѣй вѣдаеть дорогу, куды втекати" [303]...

Все сказанное справедливо, хотя и не въ такой степени, относительно Кіевской земли, гдѣ господарское хозяйство въ изучаемое время также не развивалось, а падало. Такъ, въ концѣ XV в. при

---

301) Źródła dziejowe, tom VI, str. 113, 121.

302) Ibidem, str. 122, 123.

303) Ibidem, str. 116.

городѣ Житомирѣ было „сѣеное пашни досыть", т. е. въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія административнаго и рабочаго персонала при замкѣ, а также и на случай осады; въ 1545 году, по донесенію Льва Потѣя, „наспижованья жаднаго зернети нѣтъ, а который дворецъ и паробки на замокъ передъ тымъ бывало, то все сгинуло" [304]).

Не въ блестящемъ видѣ рисуется господарское хозяйство и въ земляхъ Смоленской и Витебской. Господарскій дворянинъ, составлявшій „на память" пану Миколаю Ильиничичу, назначенному въ 1499 году въ Смоленскъ, „списокъ речей позосталыхъ по пану Юрью Глѣбовичу", предшественнику Ильинича, ни въ городѣ, ни въ дворцахъ не нашелъ никакихъ хлѣбныхъ запасовъ „ни у свирнѣхъ, ни у гумнѣ". Количество скота въ этихъ дворцахъ такое, что ихъ можно поставить въ этомъ отношеніи на ряду съ крестьянскими дворами. Такъ, въ дворцѣ Красномъ дворянинъ нашелъ „4 волы, коровы 2, гусей 11 утичу 30, куровъ старыхъ 10 а молодыхъ 30, свиней 3"; на Глушицѣ—„волы 2, овецъ 4, свиней 16, куровъ 30 зъ молодыми, гусей 17 зъ молодыми, клача одна"; во дворцѣ Ивановскомъ—„водовъ 8, коровъ, 3, овецъ 22, свиней 10, гусей старыхъ и молодыхъ 20 безъ одное, куровъ 16" и т. д. Запашка при этихъ дворцахъ была такая: при Красномъ—„жито посѣяно 20 мѣръ, овса 20 мѣръ, пшеницы 5 мѣръ, ярицы 6 мѣръ, гречихи 4 мѣри; на Глушицѣ „жита посѣяно 17 четвертокъ, овса 22 мѣри, пшеницы 4 мѣри, ярицы 4 мѣри, ячменю мѣра, гречихи 3 мѣри"; въ Ивановскомъ—„жита посѣяно 70 мѣръ, ярицы 3 четвертки, пшеницы 8 мѣръ, ячменю 8 мѣръ, гречихи 3 мѣри, овса 41 мѣра, гороху полмѣри". Эту запашку нельзя считать значительною и тогдашнюю мѣру нельзя отдалять черезчуръ отъ нынѣшней: пашня при Красномъ обработывалась исключительно дворными сохами, въ которыя впрягалось 4 вола. Если это такъ, и если при этомъ мы примемъ во вниманіе количество челяди, жившей на вышеупомянутыхъ дворахъ: 29 человѣкъ мужиковъ и жонокъ на Красномъ, 28 на Глушицѣ, 63 въ Ивановскомъ, — тогда станетъ понятнымъ, почему не найдено было никакихъ хлѣбныхъ запасовъ ни въ свирняхъ, ни въ гумнахъ смоленскихъ дворцовъ. Очевидно, что запасы всѣ расходились на прокормленіе администраціи и челяди дворной, и господарское хозяйство, такимъ образомъ, было въ сущности хозяйствомъ господарскихъ дворцовъ, которое удовлетворяло

---

[304]) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № 1; Źródła dziejowe, tom VI, str. 138.

ихъ мѣстнымъ потребностямъ, не принося помимо того никакихъ выгодъ господарю. Отсюда—заброшенность этого хозяйства, отсутствіе должнаго контроля, что̀, въ свою очередь, порождало небрежность и хищничество мѣстныхъ правителей. Если не самъ урядникъ, такъ его присные при отъѣздѣ съ уряда спѣшили попользоваться, чѣмъ могли. Въ отчетѣ, представленномъ пану Миколаю Ильиничу въ 1499 г., есть нѣсколько въ этомъ отношеніи характерныхъ обмолвокъ. Такъ, на Глушицѣ „ѣдучи пани (жена Юрья Глѣбовича) взяла овецъ 4", а въ Опецкомъ дворцѣ „дѣвку пани взела неволную тыми разы, безъ панскаго вѣдома" [305]). Получился, такимъ образомъ, своего рода кругъ причинъ и слѣдствій: слабо развившееся по извѣстнымъ географическимъ и историческимъ причинамъ господарское хозяйство не вызвало особенной заботливости о себѣ центральнаго правительства, что̀, въ свою очередь, обусловливало его застой и даже упадокъ. Въ такомъ же приблизительно видѣ рисуется господарское хозяйство и въ Витебской землѣ по инветарю замка Витебскаго, „съ чымъ подано пану Ивану Сопѣгѣ" [306]).

Въ Жмудской землѣ господарское хозяйство не развивалось вслѣдствіе особенностей политическаго строя и положенія этой области въ составѣ Литовско-Русскаго государства. Король Казимиръ и его сыновья давали жителямъ Жмудской земли обязательство не строить новыхъ дворовъ въ ихъ землѣ: „одно оныи дворы мають быть направованы тыи, которыи были часу князя Витовта;" всѣхъ людей, которые не ходили при Витовтѣ на замковыя (дворныя) работы и не косили сѣно, нельзя было, по привилею, заставлять работать. Господарскихъ дворовъ съ пашнями, сколько намъ извѣстно, было въ изучаемое время пять: Вилкея, Велена, Скерстомонь, Ясвойни и Шовли (послѣдній незадолго до 1529 г. былъ пожалованъ Яну, бискупу Виленскому). Въ этихъ дворахъ и сидѣли намѣстники-державцы, получившіе въ 1529 году отъ короля приказъ „въ тыхъ дворѣхъ рядити и справовати, водлугъ уставы дворовъ нашихъ, которую уставили есьмо по Виленскому и Троцкому повѣту" [307]). Большинство же волостей Жмудской земли, въ которыхъ судъ и управу чинили староста и тивуны, назначавшіеся до 1527 года старостами Жмудскими, а съ 1527 года господаремъ [308]), не имѣли господарскихъ дворовъ съ

[305]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 279, 280.
[306]) Ibidem, л. 261.
[307]) Акты Зап. Рос. II, № 160. Срав. ibidem № 149, II.
[308]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86.

пашнями, и мѣстные крестьяне работали не на господаря, а на старосту и тивуновъ, отъ чего были вызволены въ 1527 году и были обложены податью въ пользу господаря съ сохъ [309]). Въ этихъ волостяхъ за исключеніемъ луговъ, на которыхъ косили сѣно на господаря [310]), существовали только оброчныя статьи господарскаго хозяйства, а именно: озера и рѣки съ езами, съ которыхъ платили извѣстный оброкъ „отъ ловенья рыбы" и обязательную подать въ два гроша съ человѣка (такъ называемые пенязи неводничіе), хмелища, отдававшіяся также на оброкъ (пенязи хмелевые) и пущи, въ которыхъ господарь раздавалъ разнымъ лицамъ право разработывать лѣсъ, жечь золу, гнать деготь и смолу на сплавъ за границу и съ платежемъ со всѣхъ этихъ произведеній „мыта" въ пользу господаря [311]).

Не нужно, конечно, представлять себѣ, чтобы и въ собственной Литовской землѣ великокняжеское хозяйство шло вполнѣ удовлетворительно. Дворянинъ Войтехъ Костибальчичъ, при великомъ князѣ Александрѣ вводившій писаря Богуша въ держанье двора Перелаи, далъ такой, не безъ чувства написанный, отчетъ о состояніи этого двора: „Людей волостныхъ 100 и 60 человѣковъ; у гумнѣ жита а ни овса, ни яринъ—жадного куса нѣтъ; на поли посѣяно девеносто бочокъ овса, а въ дворѣ ни одного вола, толко одна кляча старая, а въ дворѣ въ свирнѣхъ ничого нѣтъ" [312]). Не одному Костибальчичу приходилось, вѣроятно, писать такіе отчеты о состояніи господарскихъ дворовъ. Король Сигизмундъ въ 1514 году писалъ державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: „какъ есьмо сѣли на отчызнѣ нашей, у великомъ князьствѣ Литовскомъ, по тыи лѣта ты и иншыи врадники наши, которыи отъ насъ дворы держать, никоторыхъ доходовъ а ни пожытковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ и до того часу не дають, и оборочаете кождый ку своему пожытку, а не къ нашому господарскому" [313]). Изъ этого видно, что въ собственной Литовской землѣ господарское хозяйство страдало главнымъ образомъ отъ недостатка надлежащаго контроля и отчетности, съ установленіемъ которыхъ оно могло давать хорошій доходъ великокняжескому скарбу. Къ установленію надлежащаго контроля и отчетности и направлены

[309]) Акты Зап. Рос. II, № 149, I; 160.

[310]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 7.

[311]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 542, 543; Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 3.

[312]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, 261.

[313]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

были усилія короля Сигизмунда, а posteriori доказывающія, что господарское хозяйство могло быть здѣсь немаловажною доходною статьею. Въ собственной Литовской землѣ, поэтому, должна была получить наивысшее развитіе и хозяйственно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ, которые являются здѣсь въ большей степени съ характеромъ великокняжескихъ прикащиковъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ, гдѣ эта роль ихъ сравнительно мало замѣтна и почти совсѣмъ закрыта ихъ государственною дѣятельностью. Эти замѣчанія необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія и оцѣнки всего того, что читатель найдетъ въ предлагаемомъ очеркѣ относительно хозяйственно административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ. Очеркъ имѣетъ въ виду преимущественно намѣстниковъ-державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, хозяйственная дѣятельность которыхъ рѣзче, выпуклѣе выступаетъ по актамъ. Въ общемъ онъ будетъ справедливъ и относительно хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ и другихъ областей Литовско-Русскаго государства, хотя только въ общемъ; частности же могутъ встрѣтиться и особенныя, отличныя, но изслѣдованіе ихъ пока не могло еще войти въ задачу настоящаго труда. Итакъ, возвратимся къ хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ.

XIV.

Эта дѣятельность въ идеѣ и до извѣстной степени на практикѣ направлена была къ поддержанію и развитію господарскаго хозяйства въ данномъ повѣтѣ. Интрукція 1529 года предписываетъ, „абы кождый державца дворы наши (т. е. господарскіе) будовалъ, оправовалъ, огородилъ, ставы и млыны, гдѣ могуть быти, абы были роблены". По актамъ мы часто встрѣчаемся съ этою строительною дѣятельностью намѣстниковъ-державцевъ. Такъ намѣстникъ Минскій кн. Богданъ Ивановичъ Жеславскій оправлялъ „городской" млынъ и сыпалъ для него греблю, какъ это открывается изъ жалобы его на мѣщанъ Минскихъ, не хотѣвшихъ участвовать въ этихъ работахъ [314]). Намѣстнику Торопецкому писалъ великій князь Александръ о томъ, „что старецъ Старцовое волости и мужи маютъ дворъ тивунскій тыми разы въ городѣ посполъ съ Торопчаны нарадити, а потомъ, коли тотъ дворъ любо сгніеть, а любо опадетъ, а любо—Боже, того не дай—сгоритъ,

[314]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143. Срав. XII, л. 154, 155.

тогды вже одинъ старецъ зъ мужми тотъ дворъ тивунскій мають радити на вѣки". Очевидно, что намѣстникъ распоряжался постройкою и ремонтомъ тивунскаго двора въ Торопцѣ, если великій князь сообщалъ ему, какую долю участія должна принимать въ этихъ работахъ Старцова волость [315]). Въ Рѣчицкомъ повѣтѣ господарскіе подданные „зъ росказаньемъ державцовымъ" строили хоромы въ замкѣ и передъ замкомъ, мельницу на р. Ведричѣ, городили и пахали огороды овощные, „яко слушить на овощныи рѣчы", забивали езъ на Днѣпрѣ на замокъ [316]) и т. д. Поддержаніе земледѣльческаго инвентаря на господарскихъ дворахъ было также на обязанности намѣстниковъ-державцевъ. Король Сигизмундъ предписывалъ имъ: „тежъ, абы кождый державца кождого двора, гдѣ есть челядь неволная, быдла въ дворѣхъ нашихъ мѣлъ досыть, и овшельки сохи дворныи, абы челядь неволная дворными сохами робили къ розмноженью пашни и дворовъ нашихъ".

Заботясь о поддержаніи движимаго и недвижимаго капитала для сельскаго хозяйства великаго князя, намѣстникъ-державца долженъ былъ заботиться и о томъ, чтобы оно было опезпечено крестьянскимъ трудомъ, чтобы для потребностей его было должное количество крестьянскихъ службъ, таглыхъ и спеціальныхъ. Эта забота находила себѣ примѣненіе въ разнообразныхъ случаяхъ. Такъ, пожалованія людей изъ состава волости рѣшались окончательно обыкновенно по заявленію намѣстника-державцы. Получивъ просьбу о пожалованіи людей съ землями, великій князь спрашивалъ намѣстника - державцу прямо или черезъ воеводу, не будетъ ли это его двору шкодно, и только получивъ отрицательный отвѣтъ, утверждалъ имѣнье за просителемъ, а иногда предоставлялъ самому намѣстнику - державцѣ удовлетворить просьбу. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ, пожаловавъ земянину кіевскому Яцку Лозѣ село Теренковичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, писалъ намѣстнику пану Юрью Миколаевичу: „и твоя бы милость ему въ то увязанье далъ; пакъ ли бы тое село было замку нашему щкодно, и твоя бы милость, обравши гдѣ въ Мозырской же волости людей пять чоловѣковъ, што бы были замку нашому недалеце щкодно, и ему далъ" [317]). Намѣстникъ - державца иногда suo motu отмѣнялъ господарское пожалованье на томъ основаніи, что оно будетъ двору

---

[315]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

[316]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

[317]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 65.

шкодно, и замѣнялъ его другимъ или же дѣлалъ о томъ докладъ господарю. Такъ, напр., намѣстникъ Чечерскій князь Семенъ Чорторыйскій не далъ дворянину Гаврилѣ Тишковичу села Золотаревичъ въ Чечерской волости, пожалованнаго ему королемъ, а далъ ему село Рудно въ той же волости, которое король и утвердилъ за нимъ на вѣчность 12 января 1525 г. Поэтому великій князь очень часто прямо или черезъ воеводу поручалъ намѣстнику державцѣ самому „обыскать" извѣстное количество людей съ землями для того или другаго лица съ тѣмъ, чтобы это пожалованіе не было двору шкодно. Примѣровъ этого не мало было приведено во второмъ очеркѣ. При переходѣ крестьянскихъ земель въ руки лицъ другихъ сословій также не рѣдко должна была проявляться эта забота о полнотѣ крестьянскихъ служебъ при господарскомъ дворѣ. Такъ, намѣстникъ Довкговскій панъ Юрій Довойновичъ Якубовича не далъ бояриу Михаилу Вяжевичу Заневскую землю и Совятишки, пожалованныя ему королемъ Александромъ, на томъ основаніи, „што жъ отчычи по одному чоловѣку къ тымъ землицамъ отозвалися". Намѣстникъ, такимъ образомъ, боялся потерять изъ состава господарской волости двѣ души, которыя слѣдовали за своими отчинами въ подданство къ боярину Михаилу Вяжевичу [318]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда господарь жаловалъ земли подъ своими „людьми", намѣстникъ-державца въ тѣхъ же видахъ пріискивалъ для нихъ отмѣну въ „пустовскихъ" земляхъ или „на сыромъ корени". Такъ, намѣстникъ Олитскій Петръ Олехновичъ въ 1494 году долженъ былъ отвести земли „у Куковѣ островѣ" господарскимъ людямъ, пашни которыхъ великій князь пожаловалъ тивуну Троцкому Михну Ивановичу „къ пашни его Клейтинишской" [319]). Когда господарскіе люди продавали свои отчины, намѣстникъ-державца разрѣшалъ эту продажу только при томъ условіи, если покупатели брали на себя и всѣ обязанности, связанныя съ данною землею. Намѣстникъ старосты Городенскаго Станислава Петровича Янъ Фучинскій дозволилъ „человѣку" Городенскому Мартину Докшевичу „съ права" спустить свою отчину „въ пенязѣхъ" мѣщанину Городенскому Миклашу Дерличичу съ условіемъ, „ижь маеть онъ съ тое земли Мартиновщины службу тяглую служити и дякло давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ служивалъ и дякло даивалъ" [320]).

---

[318]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186.

[319]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45.

[320]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 48, 49.

Имѣя въ виду интересы господарскаго хозяйства и общую доходность своего держанья, намѣстникъ-державца „осаживалъ" людьми пустые крестьянскіе участки. Какъ и въ какомъ направленіи могла развиваться эта послѣдняя дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ, станетъ яснымъ только послѣ разсмотрѣнія юридическаго и экономическаго положенія крестьянъ, послѣ рѣшенія вопроса, какъ появлялись пустовщины среди крестьянскихъ земель и откуда брались люди, которыми можно было осаживать эти пустовщины. Для рѣшенія этого вопроса необходимо сдѣлать отступленіе въ настоящемъ изложеніи, которое безъ этого будетъ страдать неясностію и неполнотою.

XV.

Юридическое положеніе литовско-русскихъ крестьянъ въ достатутовую эпоху до сихъ поръ не выяснено въ наличной исторической литературѣ. Изслѣдователи сравнительно мало имѣли подъ руками матеріала, да и изъ того, который былъ въ ихъ распоряженіи, не умѣли выдѣлить юридическаго элемента и принимали за нормы права казусы и факты. Кромѣ того, не мало вредила дѣлу и ненадлежащая постановка изслѣдованій, при которой господарскіе крестьяне не различались отъ частновладѣльческихъ, благодаря чему черты, свойственныя положенію первыхъ, переносились на вторыхъ и обратно. Между тѣмъ положеніе господарскихъ крестьянъ не могло не отличаться отъ положенія частновладѣльческихъ уже по тому одному, что они принадлежали такому крупному вотчиннику, какимъ былъ великій князь, имѣнія котораго разбросаны были по всему государству, вмѣщая въ себѣ чуть не половину всего литовско-русскаго крестьянства. Съ другой стороны, не могло быть безъ вліянія въ данномъ случаѣ и то обстоятельство, что великій князь былъ не простой панъ для своихъ подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государь, котораго они были подданными на ряду съ мѣщанами, боярами, панами и даже князьями; и это вліяніе, можно сказать, было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе будемъ отдаляться во времени назадъ. Хотя съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго права на Литовской Руси, съ отчужденіемъ въ пользу владѣльцевъ разныхъ государственныхъ правъ, великій князь довольно близко подошелъ къ типу пана, но подошелъ все-таки не настолько, чтобы его волости можно было вполнѣ отожествить съ панскими владѣніями. Положеніе крестьянъ въ господарскихъ имѣніяхъ все-таки во многомъ должно было разниться отъ положенія частновладѣльческихъ, и эту разницу, хотя бы in posse, полезно было бы

имѣть въ виду изслѣдователямъ, а не сбивать въ кучу всѣ факты, относящіеся до литовско-русскихъ крестьянъ вообще. Все здѣсь сказанное я и постараюсь подтвердить, насколько это будетъ согласоваться съ цѣлями изслѣдованія.

Первый вопросъ, который здѣсь предстоитъ рѣшить, это тотъ, какимъ образомъ являлись пустовщины въ господарскихъ волостяхъ. Несомнѣнно, что пустовщины являлись не потому только одному, что вымирали владѣвшіе земельными участками крестьяне. Обратившись за разрѣшеніемъ этого вопроса къ существующимъ сочиненіямъ, мы найдемъ въ нихъ указанія на существованіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ двухъ разрядовъ крестьянъ: прикрѣпленныхъ къ землѣ или „непохожихъ“ и вольныхъ „похожихъ“ [321]).—Къ первымъ де относились *отчичи* (иногда *отчичи прироженные, дѣдичи)*, „зависимость которыхъ обусловливалась обязанностью не сходить съ земли, которою они пользуются и платить господину работою и данью“; ко вторымъ *данники*, которые, „платя по условію съ владѣльцемъ извѣстныя дани, были свободны оставить земли, когда хотѣли, и перейти къ другому владѣльцу, предварительно расчитавшись съ первымъ“ [322]). Выходитъ такимъ образомъ, что пустовщины должны были являться естественно, разъ существовалъ классъ крестьянъ, пользовавшійся правомъ свободнаго перехода. Но заключеніе на основаніи вышеприведенныхъ положеній разбивается тотчасъ же, какъ скоро выйдетъ за кругъ фактовъ, на которыхъ эти положенія строились. Въ актахъ мы встрѣчаемъ указанія, говорящія противъ того, что данники были свободные люди, имѣвшіе *право* оставить свои земли, когда хотѣли. Въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Ивану Борисовичу „данника въ Черниговскомъ повѣтѣ, на имя Бутовича и сельцо Смолино; а на томъ дей сельцы князь Александръ посадилъ былъ людъ волный прихожій, на того жъ Бутовича земли“. Изъ этихъ словъ выносится впечатлѣніе, что данникъ Бутовичъ не былъ вольнымъ человѣкомъ, и это впечатлѣніе усиливается послѣдующею оговоркою: „нижьми тыи люди волныи, што князь Александръ посадилъ на той земли, всхотятъ, ему служатъ, а не всхотятъ ему слу-

---

[321]) *Ѳ. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст.“ въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1863, № 10, отд. 2, стр. 9, 10, 14, 24, 25.

[322]) *В. Б. Антоновича* Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Западной Россіи, стр. 13—17; *К. Бестужева-Рюмина* Русская Исторія, т. II, стр. 90; *Д. И. Иловайскаго* Исторія Россіи, томъ III, стр. 83.

жить, и онъ маетъ ихъ отпустити добровольно со всими ихъ статкы" [323]). Про данника здѣсь нѣтъ и рѣчи, и не по тому, что его вольность разумѣлась сама собою, а потому, что онъ не имѣлъ права покинуть свою отчину. Въ актахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко случаи, когда господарь, жалуя пустовщины данниковъ, предоставлялъ владѣльцу ихъ право отыскать и самихъ данниковъ и водворить ихъ на прежнихъ ихъ земляхъ или даже приказывалъ намѣстнику осаживать насильно данниковъ на ихъ „отчины". Такъ, великій князь Александръ, подтвердивъ боярину полоцкому Васку Сенковичу съ братьею село Свило, пожалованное ихъ дѣду и отцу королемъ Казимиромъ,— „а тое село давало дей только три куницы *дани* его милости",—написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „нехай они тое село и тыи люди вси держать по тому, какъ отецъ нашъ, король его милость, отцу ихъ далъ и какъ въ листѣхъ его милости есть написано; и которыи люди будуть того села, ихъ отчины, отъ нихъ ся прочь розошли, а гдѣ они ихъ найдуть, ажъ бы вездѣ ихъ имъ выдавали со всими ихъ статки, съ чимъ бы за кого будуть пришли, а за ними бы не стояли".—Въ 1533 году воевода Виленскій панъ Албрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, державшій волость Бобруйскую, состоявшую изъ данниковъ, получилъ отъ короля Сигизмунда приказъ: „которыи земли пустовскія лежать впустѣ, а ихъ никто не держыть, на таковыхъ повинни будете ваша милость, отчичовъ отыскавшы, и посадити" [324]). Такимъ образомъ, и данниковъ нельзя считать свободными людьми, и слову „отчичи" придавать тотъ смыслъ, который ему приданъ, ибо и данники являются отчичами [325]). Какъ же въ виду всего этого выйти изъ затрудненій и объяснить происхожденіе пустовскихъ земель въ господарскихъ волостяхъ?

XVI.

De jure господарскіе крестьяне - отчичи всѣхъ вообще службъ, за исключеніемъ слугъ и высшихъ разрядовъ „ремесленныхъ" людей, отправлявшихъ также военную службу и еще въ Русской Правдѣ отличаемыхъ отъ смердовъ [326]), не могли покидать своихъ отчинъ, потому что

---

[323]) Акты Зап. Рос. I, № 133, I.

[324]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2; XV, л. 172—174.

[325]) Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CII; *И. Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 52, прим. 2.

[326]) 2 арт. XI, раздѣла Статута 1529 г.; ст. 12 и 13 Русск. Правды по Карамз. списку.

съ этими отчинами переходила на нихъ и обязательная служба господарю. Такъ, когда человѣкъ тяглый Новгородскаго повѣта Лукьянъ Дороневичъ, „оставившы землю, отчизну свою", зашолъ до мѣста Новгородскаго и сѣлъ на церковной землѣ, намѣстникъ воеводы Новгородскаго Новгородскій (т. е. собственной Новгородской волости) черезъ господарскаго „выводчого" сталъ сводить его съ церковной земли и только по челобитью нареченнаго митрополита Іосифа и по представленью его, что этотъ человѣкъ жилъ на церковной землѣ въ покоѣ около 25 лѣтъ, а отчина его уже отдана другому, король Сигизмундъ особымъ листомъ отъ 17 октября 1522 года не велѣлъ выводить его съ церковной земли [227]). Въ Полоцкой землѣ былъ пограбленъ „у выводчомъ" крестьянинъ боярина полоцкаго Андрея Михайловича Климята, по донесенію тивуна Черсвятскаго, „ижъ бы онъ былъ человѣкъ господарскій Черсвятскій Лодошлянинъ". Климята оправдался предъ воеводою (23 іюня 1533 года) и остался въ „покоѣ" лишь потому, что доказалъ, что у него нѣтъ подъ господаремъ отчины: „ачколвекъ есть въ Ладостна, але отецъ его еще за живота своего землю свою, его отчызну, продалъ старцу Лодошненскому Тетери". При этомъ Тетеря, подтвердивъ это, заявилъ, что онъ съ земли „службу господару его милости служыть, а тотъ Климята иншое земли своее подъ господару его милости не маеть" [228]). Значитъ, въ противномъ случаѣ Климяту не оставили бы въ покоѣ и водворили бы на его отчинѣ. Но изъ приведенныхъ примѣровъ видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что крестьяне-отчичи не безусловно были прикрѣплены къ своимъ землямъ и могли покидать ихъ, если имъ удавалось посадить вмѣсто себя другихъ, соглашавшихся нести ту же службу. Господарю нужны были собственно не люди лично, а та служба, которую они несли, и онъ не могъ ничего имѣть противъ оставленія отчичемъ его участка, если съ него полнилась служба и впредь должна была полниться. Обыкновеннымъ, законнымъ путемъ для отчича оставить свой участокъ была продажа его „съ призволенья" господаря или его урядника какому нибудь вольному „прихожему" человѣку, который соглашался исполнять лежавшую на участкѣ службу. Въ актахъ мы находимъ немало подтвержденій такого перехода крестьянскихъ участковъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ. Обработанная и годная для культуры земля при тогдашнихъ крестьянскихъ повинностяхъ, очевидно, нерѣдко об-

---

[227]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35.

[228]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л 178.

ладала такою цѣнностью, что многіе люди соблазнялись ея покупкою, несмотря на то, что съ этимъ связано было потомственное ограниченіе свободы передвиженія вслѣдствіе потомственнаго выполненія лежавшихъ на ней повинностей. Но иногда отчичи покидали и незаконнымъ путемъ свои участки, и тѣмъ не менѣе правительство не возвращало ихъ обратно за давностью лѣтъ и вслѣдствіе того, что участки ихъ тѣмъ временемъ успѣли превратиться въ отчины другихъ крестьянъ, которые сѣли на нихъ и несли съ нихъ службу. Такой примѣръ былъ приведенъ выше. Вообще крестьяне-отчичи прикрѣплены были къ своимъ участкамъ лишь настолько, насколько пребываніемъ своимъ обусловливали исправность и полноту лежавшихъ на ихъ отчинахъ службъ. Правительство не гонялось за лицомъ, а только за службою, и если эта служба была обезпечена трудомъ, то оно и не возвращало крестьянина на его отчину. Въ 1514 году 12 февраля король Сигизмундъ позволилъ дворянину Костѣ Пищикову принять къ себѣ на пожалованный ему жеребій пустой земли въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Помуховскомъ десяткѣ двухъ господарскихъ крестьянъ, которые, „отошедши отъ братьи своее, колко лѣтъ ходили по людемъ по наймомъ"; „а тамъ, — мотировалъ король свое рѣшеніе, — на той земли, гдѣ они передъ тымъ жили, четыре брата ихъ живуть и службу супольно служать" [329]).—Такимъ образомъ, прикрѣпленіе къ землѣ отчичей въ господарскихъ имѣніяхъ носило не личный, а обязательственный характеръ: только тѣ изъ отчичей de iure не могли сойти съ своихъ участковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ такъ или иначе не сложили съ себя и не переложили на другихъ лежавшія на нихъ обязательства. Поэтому нельзя говорить, что отчичъ ни при какихъ условіяхъ не могъ получить права выхода, какъ утверждаетъ г. Новицкій [330]). Это было бы справедливо только при томъ условіи, если бы подъ отчичами разумѣлись не „люди" господарскіе, а челядь, рабы.

XVII.

Сообразно съ этимъ и происхожденіе отчичей нѣтъ надобности относить насчетъ челядинцевъ, какъ дѣлаетъ это г. Антоновичъ, толкуя въ пользу этого терминъ „отчичи прироженые". Амплификація въ словоупотребленіи литовско-русскихъ актовъ — вещь обычная, когда они хотятъ что-нибудь подчеркнуть съ особою силою, на что-нибудь

[329]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.
[330]) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 52.

обратить особое вниманіе, и „отчичи прироженые“ были не кто иные, какъ тѣ же отчичи, т. е. крестьяне, родившіеся и возросшіе на извѣстныхъ земельныхъ участкахъ и получившіе ихъ отъ отца по наслѣдству вмѣстѣ съ обязательствомъ той или другой крестьянской службы. Что касается челядинцевъ, то они обыкновенно потомственно пребывали въ этомъ состояніи, живя при господарскихъ дворахъ и обработывая дворныя пашни; они, какъ мы видѣли, оставались въ этомъ званіи даже и тогда, когда имѣли свои „приробки“ въ дворныхъ же земляхъ. По источникамъ мы не замѣчаемъ ни фактовъ перевода челядинцевъ въ разрядъ отчичей, ни даже мотивовъ возможности такихъ фактовъ. Единственное, съ чѣмъ приходится встрѣчаться въ данномъ случаѣ, это выкупъ свободы самими челядинцами и послѣдующій добровольный переходъ ихъ въ разрядъ крестьянъ. Такъ, королева Елена пожаловала, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ своимъ листомъ боярину Бирштанскаго повѣта Богдану Миколаевичу „чотыри чоловѣка у-въ Оникштенскомъ повѣтѣ, которыи передъ тымъ были паробки и откупились“, со всѣми ихъ землями пашными и бортными и службами, и дачками [331]). Производя „отчичей“ отъ челяди невольной, мы должны будемъ признать большинство литовско-русскаго крестьянства рабскимъ по происхожденію, должны будемъ признать непомѣрное развитіе рабства, которое самъ г. Антоновичъ отрицаетъ.

Но если нельзя выводить отчичей отъ челядинцевъ, то нельзя довольствоваться и тѣмъ объясненіемъ, которое предлагаетъ г. Иловайскій. „Первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостного права или къ уравненію вольныхъ сельскихъ жителей (?) съ невольными,—говоритъ онъ,—былъ земскій привилей 1457 года, по которому Казимиръ IV запрещаетъ перезывать поселенцевъ съ частныхъ имѣній на великокняжескія и обратно“ [332]). Но если уже существовали невольные люди ранѣе 1457 года, значитъ и привилей 1457 года не былъ первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостного права, какъ не былъ онъ первымъ шагомъ и къ уравненію вольныхъ сельскихъ жителей съ невольными, потому что онъ запрещалъ принимать изъ частныхъ имѣній на великокняжескія и обратно только людей невольныхъ и „непохожихъ“, а по другому списку „данныхъ (пожалованныхъ), извѣч-

[331]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 72, 73. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 22, III.

[332]) Исторія Россіи, т. Ш, стр. 84.

нихъ селянитыхъ (отчичей), невольныхъ" [333]). Такихъ первыхъ шаговъ въ законодательствѣ вообще не дѣлалось, потому что законодательство только утверждало и оформливало уже сложившіяся соціальныя отношенія.

Г. Леонтовичъ выводитъ происхожденіе класса „непохожихъ людей" изъ экономическихъ условій, въ какихъ жило литовско-русское крестьянство. „Нуждаясь въ частыхъ пособіяхъ со стороны помѣщика,—говоритъ онъ,—и рѣдко имѣя возможность заплатить ихъ, похожій человѣкъ, долго проживш͏ій на землѣ одного и того же владѣльца по неволѣ дѣлался неоплатнымъ должникомъ, подвергался всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ долговой зависимости. Бѣднякъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ жертвовать личною свободою, какъ единственной гарантіей долговыхъ отношеній".—„Неоплаченныя обязательства перваго поселенца—свободнаго человѣка отзывались на зависимости его потомковъ. Ихъ привязывали къ мѣсту поселенія обязательства, сдѣланныя при первомъ поселеніи и обратившіяся при своей неоплатности въ наслѣдственныя. Потомокъ вольнаго поселенца дѣлался такимъ образомъ старожиломъ, незамѣтно входилъ въ число людей отчизныхъ, наслѣдственныхъ. Отсюда само собой образовалось въ жизни и перешло въ положительное законодательство правило, по которому похожіе люди, прожившіе долгое время на владѣльческой землѣ, должны считаться людьми „отчизными, отчичами". Въ этой хозяйственной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ нужно искать основную причину или, точнѣе говоря, ту *почву* (sic!), на которой возникло укрѣпленіе сельскихъ жителей какъ въ юго-западной, такъ и въ восточной Руси. Укрѣпленіе вездѣ начиналось только съ классовъ, ставшихъ уже въ большую или меньшую зависимость; укрѣпляя ихъ для своихъ цѣлей, государство только пользовалось готовыми, установившимися отношеніями" [334]). Къ этому объясненію отнесся сочувственно и г. Владимірскій-Будановъ, говоря, что „на литовско-русскомъ правѣ всего лучше изучать постепенное бытовое прикрѣпленіе крестьянъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе экономическихъ причинъ". Но тутъ же онъ сдѣлалъ оговорку, какъ бы чувствуя неудовлетворительность объясненія: „тѣмъ не менѣе несомнѣнно громадное вліяніе нѣмецкаго права въ Литвѣ (а именно волочной системы хозяйства и строгаго отдѣленія городскихъ состояній отъ сельскихъ) на раннее и повсемѣстное прикрѣпленіе, а равно и на внутреннюю строгость этого

---

[333]) Zbiór praw litewskich, str. 28—35; Акты Зап. Рос. I, № 61.

[334]) Кіевскія Университетскія Извѣстія 1863, № 10, отд. 2, стр. 18—21.

права" [335]). На нашъ взглядъ изъ объясненія г. Леонтовича можно извлечь только одно, что бѣдность вольныхъ „похожихъ" людей, ихъ задолженность землевладѣльцамъ, вытекавшая изъ необходимости брать „запоможенье" для перваго обзаведенія, содѣйствовали ихъ закрѣпощенью *въ силу давности* [336]). Не говоря уже о томъ, что факты противорѣчатъ этому, что „люди въ пенязѣхъ", какъ увидимъ ниже, не становились старожилами, сколько бы лѣтъ ни прожили, и что статутъ 1529 года прямо выражаетъ, что „кождая застава (а въ томъ числѣ и личности) давности мети не может" (арт. 5 десятаго раздѣла и 8 одиннадцатаго), но самое закрѣпощеніе въ силу давности, самый принципъ права объясненіе г. Леонтовича предполагаетъ уже даннымъ. Г. Леонтовичъ говоритъ только, что крестьяне благодаря своей задолженности часто становились старожильцами, людьми отчинными или отчичами, но онъ не объясняетъ, почему они становились людьми непохожими, предполагая это само собою. По настоящему, ему нужно было бы начать съ разъясненія этого послѣдняго положенія и такимъ образомъ вставить рядъ звеньевъ между понятіемъ „старожиловъ", „отчинныхъ людей", „отчичей" и понятіемъ „непохожихъ" людей, которыя сами по себѣ еще далеко отстоятъ другъ отъ друга. Правда, что, говоря о давности, какъ источникѣ невольничества, онъ замѣтилъ, что „здѣсь дѣйствовало общее начало средневѣковой жизни, въ силу котораго долговременная жизнь на одномъ мѣстѣ въ качествѣ временно-зависимаго человѣка, становилась для него актомъ укрѣпленія". Но эта ссылка—не объясненіе, а только суммарное обобщеніе явленій извѣстной исторической эпохи, имѣвшихъ въ каждой странѣ и у каждаго народа свои собственные корни въ данныхъ его политическаго и экономическаго существованія. Эти данныя для Литовско-Русскаго государства и надо было бы выставить на видъ и освѣтить, а не ссылаться только на чужіе примѣры. Въ настоящемъ мѣстѣ мы и постараемся это сдѣлать, на сколько нужно для цѣлей нашего изслѣдованія.

Принципъ давности, старины, глубоко проникалъ во всѣ жизненныя отношенія Литовско-Русскаго государства въ первое время его существованія, находя примѣненіе и въ государственномъ, и въ гражданскомъ его быту. На немъ основывались отношенія великокняжеской власти къ областнымъ общественнымъ группамъ, къ отдѣльнымъ классамъ общества и отдѣльнымъ лицамъ, права и обязанности кото-

---

[335]) Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 31, прим. 15, Кіевъ 1880.

[336]) Ср. *И. Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 75.

рыхъ опредѣлялись давностью, стариной. Нововведенія проникали въ жизнь и строй Литовско-Русскаго государства на первыхъ порахъ только поверхъ и помимо старины, не трогая и не разрушая ея, и часто были только новой формой стариннаго содержанія. Такое господство принципа старины, давности въ сферѣ государственныхъ отношеній, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, имѣло свой корень въ обстоятельствахъ образованія Литовско-Русскаго государства. Изъ области государственныхъ отношеній принципъ этотъ перешелъ и въ область общественныхъ которыя нераздѣльно были связаны съ государственными, именно въ область землевладѣнія, а отсюда уже и въ область отношеній къ крестьянамъ, къ ихъ труду, который главнымъ образомъ обусловливалъ цѣнность „земскихъ маетностей". Распространеніе и утвержденіе этого принципа въ разнообразныхъ областяхъ жизни должно было совершаться тѣмъ легче, что исторія не дала Литовско-Русскому государству правительства, которое бы мощно и энергично развивало свою дѣятельность по устройству внутреннихъ отношеній изъ центра, не выработала для этого правительства надлежащихъ учрежденій, которыя бы давали ему возможность вѣдать внутреннія отношенія, властвовать въ нихъ и направлять въ своихъ интересахъ, обрекла его на дѣятельность по импульсамъ со стороны мѣстныхъ властей, обществъ и частныхъ лицъ, на утвержденіе и регулированіе отношеній, слагавшихся большею частью помимо его вѣдома и участія.

Ходъ прикрѣпленія крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Образовавшееся великое княжество Литовское захватило на княжескихъ земляхъ и частныхъ имѣньяхъ массу крестьянства (бывшихъ смердовъ), которая жила изстари на своихъ земельныхъ участкахъ, платя дани и различныя подати мѣстнымъ государямъ, неся различныя барщининыя повинности и платя поборы мѣстнымъ землевладѣльцамъ. Хозяйство частныхъ имѣній уже въ эпоху Русской Правды не было въ состояніи держаться на одномъ рабскомъ трудѣ, а требовало и наемныхъ рабочихъ. Быть можетъ, уже въ то время начался и переходъ къ веденію его барщиннымъ крестьянскимъ трудомъ, который въ XIII и XIV вв. получилъ всеобщее распространеніе и въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, и въ собственномъ господарскомъ хозяйствѣ, при тогдашней бѣдности финансовыхъ источниковъ сдѣлавшемся важною доходною статьею. При этомъ господарское хозяйство, какъ мы знаемъ, не обходилось только трудомъ крестьянъ, жившихъ на великокняжескихъ земляхъ, но пользовалось рабочими руками и съ частныхъ имѣній. Для правильнаго

веденія этого хозяйства требовалось извѣстное постоянство въ количествѣ рабочей силы, требовалось, чтобы оно было всегда обезпечено крестьянскимъ трудомъ въ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, не ниже прежняго. По этому литовскіе князья въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ стали держаться правила, что крестьяне, прочно осѣвшіе въ извѣстномъ участкѣ или получившіе его по наслѣдству [337]), не должны были покидать его, потому что съ уходомъ ихъ могла прекратиться и „служба“ съ этого участка. Конечно, если крестьяне какимъ-нибудь образомъ обезпечивали впредь службу съ даннаго участка, они могли и уходить съ него. Такое укрѣпленіе, долженствовавшее служить для князей нѣкоторою гарантіею не только правильнаго веденія ихъ хозяйства, но и правильнаго поступленія податей и налоговъ, не производило, однако, особенно на первыхъ порахъ, рѣзкой перемѣны въ положеніи крестьянъ и потому легко должно было утвердиться de jure. Многіе крестьяне обжились на своихъ „отчинахъ“, хорошо обработали ихъ и сами по себѣ не имѣли никакихъ побужденій оставлять землю, которая пріобрѣла уже рентовую цѣнность и которая могла имѣть уже покупателей. Съ переходомъ на другой участокъ связанъ былъ для нихъ рискъ попасть въ худшія хозяйственныя условія. Кромѣ того, хотя и возникла идея, что всѣ „отчичи“ и „осѣлые“ люди должны быть „непохожими“, на практикѣ она не могла проводиться строго, и ея дѣйствіе подлежало большимъ ограниченіямъ. Административная практика не всегда возвращала крестьянина на его „отчину“, потому что онъ садился нерѣдко на другую господарскую пустовщину, съ которой несъ господарю ту же службу, а иногда и бóльшую. Притомъ же такимъ крупнымъ вотчинникамъ, какъ великій князь Литовскій и удѣльные, даже и невозможно было часто удерживать крестьянъ на ихъ отчинахъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они разорялись и не могли не только служить свою службу господарю, но даже и прокормить себя. Князья не могли поднимать такихъ крестьянъ, снабжать ихъ земледѣльческимъ инвентаремъ и такимъ образомъ или инымъ пользоваться ихъ трудомъ, потому что слишкомъ велика была княжеская вотчина, слишкомъ много набиралось такихъ крестьянъ. Естественно, слѣдовательно, если такіе люди бросали безпрепятственно свои отчины и шли по людямъ кормиться въ наймиты и закупы. Князья должны были мириться съ этимъ въ надеждѣ, что такіе „привбожавшіе“ крестьяне, поправившись на сторонѣ, возвратятся на свои отчины или на другіе земельные участки,

---

[337]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 22, III.

буде ихъ отчины тѣмъ временемъ удастся „осадить“ прихожими людьми. Въ результатѣ всего этого выходило, что „отчичи“, люди „непохожіе“, покинувъ свои отчины, съ теченіемъ времени, какъ увидимъ ниже, дѣлались людьми вольными „похожими“, и таково было положеніе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ въ теченіе всего изучаемаго времени.

Къ этому необходимо прибавить еще нѣсколько словъ относительно самаго характера прикрѣпленія отчичей, чтобы объяснить, какимъ образомъ классъ отчичей, людей „непохожихъ“ отдѣлялъ отъ себя постоянно классъ людей вольныхъ и „похожихъ“. Этотъ характеръ мы лучше всего поймемъ, если уподобимъ литовско-русскую крестьянскую „службу“ московской черной волости, сведенной до предѣловъ большой семьи или равнаго ей крестьянскаго товарищества. Московскій государь обезпечивалъ себѣ исправный взносъ податей и отправленіе повинностей черными крестьянами тѣмъ, что эти подати и повинности налагалъ общею суммою на черную волость, предоставивъ самимъ крестьянамъ справляться съ ними, какъ хотятъ и знаютъ, а въ случаѣ неисправности взыскивалъ съ наличныхъ членовъ волости. Но самый подборъ этихъ членовъ производила сама волость, вступавшая въ ряды съ прихожими крестьянами и сажавшая ихъ на пустыхъ участкахъ; государь не заботился ни о числѣ, ни о личности членовъ волости. Но въ Литовско-Русскомъ государствѣ за нѣкоторыми исключеніями не удержался правительственный обычай имѣть дѣло непосредственно только съ волостями и съ волостей требовать извѣстной общей суммы податей и повинностей. Наоборотъ, правительство здѣсь имѣло дѣло большей частью съ каждымъ отдѣльнымъ тягломъ или крестьянскою „службою“, съ которой оно чрезъ своихъ урядниковъ и крестьянскихъ властей и требовало извѣстныхъ податей и повинностей. При такомъ малочисленномъ составѣ отвѣтственнаго юридическаго лица правительство не могло уже не заботиться о личности и числѣ его членовъ, но опять таки заботилось лишь настолько, насколько требовали этого его хозяйственные и финансовые интересы. Поэтому оно удерживало на данномъ участкѣ извѣстнаго ему „отчича“, являвшагося передъ нимъ представителемъ „службы“, къ которому оно до этого времени предъявляло всѣ свои требованія съ „службы“, удерживало его дѣтей и братью или „потужниковъ“, безъ которыхъ онъ не могъ выполнять своихъ обязательствъ. Но оно не удерживало всѣхъ тѣхъ членовъ крестьянской семьи или товарищества, которые съ теченіемъ времени оказывались лишними и безпрепятственно выпускались на сторону со службы своими преж-

ними „потужниками". Вообще наличное количество членовъ „службы" могло уменьшаться, если часть ихъ „поднимались" одни полнить господарскую службу; могло и увеличиться, если они сами или великокняжескій урядникъ присаживали вольныхъ, „похожихъ", людей въ потужники. Такимъ образомъ классъ „непохожихъ", „отчичей", постоянно долженъ былъ выдѣлять изъ себя классъ вольныхъ „похожихъ" людей, которые, садясь на пустовскихъ земляхъ и засаживая на нихъ давность, переходили въ разрядъ отчичей и т. д. Прикрѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ, слѣдовательно, не имѣло личнаго характера, а только обязательственный. Поэтому, что касается господарскихъ крестьянъ, нельзя говорить о внутренней строгости этого права, на чемъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ удареніе г. Владимірскій-Будановъ.

Точно также нельзя приписывать вмѣстѣ съ нимъ раннее и повсемѣстное прикрѣпленіе крестьянъ въ Литовской Руси дѣйствію нѣмецкаго права, именно—волочной системѣ и строгому отдѣленію городскихъ состояній отъ сельскихъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ было, вопервыхъ, не повсемѣстное. Въ господарскихъ Поднѣпрскихъ волостяхъ, напр., которыя платили дань общею суммою, правительство не слѣдило за отдѣльными „службами", потому что волость платила и за выбылыхъ, и за голтяевъ. Поэтому и „отчичи" тамъ не были „непохожими" людьми и могли свободно покидать ихъ. Такой порядокъ держался до конца изучаемаго времени, когда онъ долженъ былъ уступить мѣсто порядку, существовавшему въ большей части Литовско-Русскаго государства. Поднѣпрскія волости, разоряемыя частью войнами, но большею частью „писарскими въѣздами" за сборомъ даней и притѣсненіями другихъ великокняжескихъ урядниковъ, опустѣли настолько, что оставшіеся данники не могли осилить ни эксплуатаціи всѣхъ пахотныхъ земель и угодій (бортной земли), ни платежа всей дани. Поэтому нѣкоторыя изъ волостей стали бить челомъ объ освобожденіи ихъ отъ платежа дани съ пустовщинъ, которыми они не пользуются, и правительство удовлетворяло обыкновенно ихъ просьбамъ. Такъ, напр., въ 1523 году по челобитью старцевъ и всей волости Могилевской король Сигизмундъ пожаловалъ данниковъ этой волости такимъ листомъ: „не мають они съ тыхъ земль, которыи отъ нихъ подалеку и съ которыхъ они пожитковъ и входовъ своихъ не мають, никоторыхъ даней нашихъ намъ давати ни грошовое, а ни медовое, а ни бобровое, а ни куничное; нижли, которыи земли пустовскіи будуть поблизь ихъ, которыи они будуть пахати и вжытки съ нихъ мѣти, съ тыхъ они земль

имать намъ давати подлугъ давного обычая" [338]). Благодаря особенному положенію Поднѣпрскихъ волостей и по мѣрѣ того, какъ увеличивались финансовыя тягости ихъ, развивалось среди крестьянства этихъ волостей стремленіе къ избыванію отъ платежа дани и поборовъ. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство въ листѣ короля Сигизмунда, адресованномъ въ 1533 году воеводѣ Виленскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую. „Довѣдали есмо,—гласитъ этотъ листъ,—ижъ люди по волостемъ нашымъ таковыи хитрыи обычаи взяли, ижъ, коли часъ прыходить дани нашы выдавати, тогды они опустивши отчызни свои, а черезъ годъ вжываючи, и на тотъ часъ отходятъ по иншымъ волостемъ нашимъ, князьскимъ и паньскимъ; а какъ тотъ часъ оминетъ, они зася къ своимъ домовъ приходить, а инщии, таки тамъ по иншымъ волостемъ мѣшкаючи, а отчизны держутъ и земли пашутъ, а борти лазятъ, а даней вжывать нигдѣ не даютъ, а въ томъ намъ шкода а тяжкости подданнымъ нашымъ дѣютъ, ижъ они за тыхъ сами дань нашу платять". Желая положить этому предѣлъ, король запретилъ мѣстнымъ державцамъ принимать людей въ свою волость изъ другихъ и предписалъ имъ возвращать ушедшихъ изъ волости на ихъ „отчины". Сосѣди такихъ крестьянъ должны были извѣщать державцу или его урядника объ ихъ уходѣ, въ противномъ случаѣ должны были платить за выбывшихъ дань. Этому же наказанію долженъ былъ подвергнуться урядникъ, который не выводилъ такихъ крестьянъ, будучи извѣщенъ объ ихъ уходѣ, а также и тѣ, кто принялъ къ себѣ такихъ крестьянъ и не выдалъ ихъ [339]). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, и въ Поднѣпрскихъ волостяхъ отчичи должны были сдѣлаться людьми непохожими, какъ повсюду въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и въ Поднѣпрскихъ волостяхъ правительство стало имѣть дѣло непосредственно съ крестьянскою „службою", а не съ волостью только.

Это послѣднее обстоятельство нельзя приписывать вліянію нѣмецкаго права, въ частности волочной системы, потому что эта система, какъ будетъ сказано ниже, въ изучаемое время распространилась только на Подляшьѣ и немного на Волыни. Правительственный обычай—имѣть дѣло непосредственно съ крестьянскою „службою" выросъ изъ данныхъ мѣстнаго историческаго развитія и привился къ мѣстнымъ потребностямъ. Онъ объясняется, на нашъ взглядъ, раннимъ

[338]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 105—106.
[339]) Литов. Метр кн. Запис. XV, л. 172—174.

и притомъ широкимъ развитіемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ дворцоваго хозяйства, которое привлекало къ своимъ работамъ крестьянскія силы не по цѣлымъ волостямъ, а часто по деревнямъ и селамъ, выдѣляло изо всей массы крестьянства специальныя „службы" для удовлетворенія своихъ особыхъ потребностей или же пользовалось въ этихъ цѣляхъ существовавшими уже въ крестьянствѣ специалистами, выдѣляя ихъ опять таки изъ общей массы крестьянства въ особыя „службы". Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ, какъ было уже сказано, господарское хозяйство не получило большого развитія, а потому тамъ и удержался порядокъ платежа податей цѣлою волостью, и крестьяне не были прикрѣплены къ своимъ отчинамъ. То же самое было, повидимому, и въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ Литовской Руси, Витебской и Полоцкой земляхъ, гдѣ въ крестьянскомъ населеніи преобладали данники [340]), что и подало поводъ г. Антоновичу неправильно всѣхъ данниковъ признать свободными крестьянами.

XVIII.

Что касается нѣмецко-польскаго права, то и оно имѣло въ изучаемое время значеніе для судьбы крестьянъ, но только не въ господарскихъ волостяхъ, а въ частныхъ имѣніяхъ, и притомъ не тѣми сторонами своими, на которыя указываетъ г. Владимірскій-Будановъ. Вліяніе нѣмецко-польскаго права на положеніе крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ было связано съ распространеніемъ тѣхъ шляхетскихъ правъ и привилегій, которыя г. Владимірскій-Будановъ вывелъ изъ нѣмецкаго „jus ducale" [341]). Эти шляхетскія права и привилегіи дѣйствительно сообщили крѣпостному праву „внутреннюю строгость", какъ выражается г. Владимірскій-Будановъ, иначе говоря, сообщили прикрѣпленію крестьянъ въ частныхъ имѣньяхъ личный характеръ. Конечно, люди отчинные „непохожіе" въ имѣньяхъ частныхъ владѣльцевъ были и ранѣе распространенія шляхетскихъ привилегій. То самое правило, которое дѣйствовало въ отношеніяхъ князей къ своимъ крестьянамъ, должно было одновременно утвердиться и въ отношеніяхъ бояръ къ крестьянамъ, жившимъ въ ихъ имѣньяхъ, потому что владѣніе этими имѣніями носило условный характеръ жалованья за службу. Боярскія имѣнія не противостояли еще рѣзко княжескимъ, господарскимъ, и крестьяне ихъ—крестьянамъ княжескимъ,

---

[340]) См., напр., Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 73.

[341]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1868, № 8, стр. 473—523.

господарскимъ, съ которыми они сообща несли многія повинности и съ которыми вмѣстѣ находились подъ присудомъ князей и ихъ урядниковъ. Однимъ словомъ, были отчинные „непохожіе" боярскіе люди, но не было еще панскихъ „подданныхъ". Повинности частновладѣльческихъ крестьянъ были опредѣлены „стариною", обычаемъ, имѣвшимъ силу закона и дѣйствовавшимъ даже и послѣ, когда распространилось польское шляхетское право, особенно въ боярскихъ имѣньяхъ, которыя принадлежали ихъ владѣльцамъ не съ полнымъ „панствомъ и власностью" [342]). Самое прикрѣпленіе крестьянъ въ частныхъ имѣньяхъ въ виду всего этого мы должны представлять себѣ не въ большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ волостяхъ господарскихъ, такъ что и отъ отчинныхъ боярскихъ крестьянъ могли выдѣляться вольные похожіе люди. Нѣмецко-польское шляхетское право освободило владѣльческихъ крестьянъ отъ обязанности работать на господарскомъ хозяйствѣ и платить разные дворные поборы въ пользу господаря и его урядниковъ, освободило ихъ отъ юрисдикціи сихъ послѣднихъ, замѣнивъ ее юрисдикціею владѣльца, и такимъ образомъ превратило ихъ въ „подданныхъ" пановъ, бояръ-шляхты и другихъ владѣльцевъ. Вмѣстѣ съ этимъ кореннымъ образомъ должно было измѣниться отношеніе къ крестьянской личности. Разъ крестьяне сдѣлались подданными своихъ пановъ, изъ класса „отчичей" частновладѣльческихъ почти уже не могъ отдѣляться классъ вольныхъ похожихъ людей. Паны имѣли теперь право не выпускать „власныхъ" крестьянъ, оказавшихся лишними на данномъ участкѣ земли: если нельзя было осадить ихъ на другомъ участкѣ въ предѣлахъ даннаго имѣнья, то можно было перевести въ другое имѣнье свое или чужое, взявъ за это деньги или получивъ какую-нибудь другую выгоду. Примѣры всего этого встрѣчаются въ актахъ изучаемаго времени и опровергаютъ утвержденіе г. Антоновича, что „зависимость отчичей отъ находившейся въ ихъ пользованіи земли, а не отъ личности владѣльца, и неотчуждаемость ихъ отъ этой земли доставляли имъ положеніе несравненно выше положенія польскихъ крестьянъ" [343]). Такъ, король Александръ въ 1501 году подтвердилъ ключнику Виленскому Станиславу людей и земли, купленныя имъ у боярина Николая Станковича и между прочимъ „и того мужика на имя Микову землю, котораго жъ онъ перво сего купилъ въ него безъ земли" [344]). Г. Леонтовичъ спра-

[342]) См., напр., Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 4, 6, 7.
[343]) Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Зап. Россіи, стр. 18, 19.
[344]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

ведливо указалъ на то, что нѣкоторыя выраженія Статута 1529 года указываютъ на право владѣльцевъ продавать своихъ крестьянъ безъ земли и вообще на личный характеръ прикрѣпленія владѣльческихъ отчинныхъ людей [345]). Этотъ личный характеръ вообще довольно рѣзко выступаетъ по актамъ XV и начала XVI вѣка, до 1529 года. Въ 1499 году татары Довлетіяръ и Бахтіяръ Сеитовичи сыскали „правомъ“ на панѣ Янѣ Петровичѣ людей своихъ отчинныхъ Скорбеевичей, которыхъ онъ забралъ было къ своему двору Княжицамъ, утверждая, что это его „прадѣдина“. Великій князь не только отдалъ татарамъ Скорбеевичей съ ихъ землями, но также написалъ въ своемъ судномъ листѣ: „Такежъ, што который человѣкъ тыхъ же Скорбеевичовъ сѣдитъ *на пана Янове земли Княжицкой*, и мы и того человѣка казали съ тое земли звести и подати тымъ Сеитовичомъ“ [346]). Очевидно, что панъ Янъ Петровичъ, владѣя Скорбеевичами, взялъ отъ нихъ одного человѣка и посадилъ его на какой-нибудь пустовщинѣ своего имѣнья. Но такъ какъ Скорбеевичи всѣ должны были по суду отойти въ подданство къ татарамъ, то великій князь и велѣлъ его свести съ земли пана Яна Петровича. Въ томъ же году, присудивъ землю Саковскую панамъ Яну и Войтеху Юрьевичамъ Саковича, у которыхъ оттягивалъ ее служебникъ ихъ отца Родивонъ Трепаловичъ, великій князь написалъ въ своемъ судовомъ листѣ въ обезпеченіе правъ сего послѣдняго: „што будетъ тамъ мѣти у томъ своемъ дворцы на той земли людей своихъ непохожихъ и челеди неволное и домовыхъ статковъ, жита на поли сѣяного и ярины, коней и животины и иныхъ речей, тое все маетъ собѣ побрати и выжити“ [347]). Тотъ же великій князь Александръ въ 1499 году далъ пану Григорью Остиковичу одинъ дворецъ, который устроилъ бояринъ Ганусъ Курклевскій на нови въ пущѣ господарской безъ надлежащаго разрѣшенія. Но въ пожалованье пошли при этомъ только люди господарскіе, которыхъ бояринъ осадилъ за собою; „а што его люди были властныи,—писалъ король въ своемъ привилеѣ пану Григорью Остиковичу,—и мы тые люди казали ему съ тое земли прочъ звести“ [348]). Личный характеръ прикрѣпленія отчинныхъ людей сказывается и въ томъ, что при мѣнѣ имѣньями паны сводили ихъ съ земель и пере-

[345]) См. 8 и 15 артикулы I раздѣла, 8 и 14 артикулы V раздѣла, 20 и 21 арт. VIII-го и др.

[346]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130, 131.

[347]) Ibidem, л. 134, 135.

[348]) Ibidem, л. 145--147.

водили въ другое имѣнье. Такъ, въ 1524 году панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ и князь Юрій Ивановичъ Дубровицкій, мѣняясь селами, „змову въ томъ вчинили, ижь которыи люди мѣли они на тыхъ селахъ своихъ, тыхъ людей своихъ маютъ они на обѣ сторонѣ съ тыхъ селъ ввести и кождый у своемъ селѣ маютъ ихъ за собою посадити, а тыхъ земель всихъ одинъ другому поступити ся". Любопытно побужденіе, которое заставило мѣнявшихся имѣніями такъ поступить: съ селъ князя Юрья шло дани двѣ полумѣрки меду прѣснаго, а съ селъ пана Гаштольда три полумѣрки [349]). Такимъ образомъ, прикрѣпленіе крестьянъ приняло личный характеръ въ то самое время, когда повинности ихъ еще продолжали оставаться опредѣленными обычаемъ, стариной. Но когда, вслѣдствіе распространенія нѣмецко-польскаго шляхетскаго права, прикрѣпленіе крестьянъ въ частныхъ имѣньяхъ приняло личный характеръ, тогда естественно должно было послѣдовать запрещеніе принимать въ господарскія волости изъ частныхъ имѣній всѣхъ людей „данныхъ, извѣчныхъ, селянитыхъ", каковое запрещеніе и содержится въ извѣстномъ привилеѣ 1457 года. Но это запрещеніе не было, такимъ образомъ, „первымъ шагомъ" къ водворенію крѣпостного права, котораго оно не устанавливало, а только законодательнымъ выраженіемъ или санкціею тѣхъ послѣдствій, которыя вытекали сами собою изъ распространенія шляхетскаго права надъ крестьянами.

XIX.

По отношенію къ господарскимъ крестьянамъ это запрещеніе не имѣло и не могло имѣть равной силы, хотя привилей 1457 года и настаиваетъ на томъ, чтобы князья, паны, бояре-шляхта и мѣщане не принимали въ свои имѣнья господарскихъ людей, „котороѣ бы коли плоти были а любо достойности". Въ господарскихъ волостяхъ отъ класса „отчичей" всегда отдѣлялся классъ вольныхъ „похожихъ" людей, которые садились свободно въ частныхъ имѣньяхъ, несмотря на запрещеніе 1457 года.

Эти вольные „похожіе" люди нерѣдко въ силу давности попадали въ разрядъ непохожихъ отчинныхъ людей владѣльцевъ. Объ этомъ можно заключить прежде всего изъ того, что въ силу давности закрѣплялись за частными владѣльцами имѣнья вообще, въ томъ числѣ и крестьяне съ землями. Земская давность, какъ принципъ укрѣпленія, дѣйствовала, вѣроятно, уже съ самаго образованія Литовско-Русскаго

---

[349]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 171.

государства, которое утверждало въ своихъ областяхъ всяческую старину; съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго права дѣйствіе ея несомнѣнно. Она была признана въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года, въ которомъ Ягелло и Витовтъ обѣщали панамъ и боярамъ литовскимъ потомственное владѣніе *отчинными* имѣньями, а также и въ привилеѣ короля Казимира, въ которомъ онъ гарантировалъ высшимъ сословіямъ вѣчное владѣніе имѣньями, принадлежавшими имъ при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ, буде они докажутъ эту принадлежность или документами, или же просто „достаточнымъ а слушнымъ сведецствомъ". При Александрѣ принципъ земской давности дѣйствуетъ въ прямомъ своемъ выраженіи. Такъ, когда Волнины искали предъ великимъ княземъ своего села подъ бояриномъ смоленскимъ Андреемъ Сытымъ и хотѣли ему отложить его пенязи (село было у него въ „заставѣ"), а отчину взять себѣ, великій князь не лишилъ боярина права владѣнія „для того, што се то *вдавнило*, и много онъ вжо на то село наложилъ", но утвердилъ за нимъ село на вѣчность [350]). Подобно Волнинымъ при великомъ князѣ Александрѣ проигралъ свою тяжбу о половинѣ отчины кн. Семенъ Александровичъ Чорторыйскій въ пользу родственника своего кн. Өедора Михайловича Чорторыйскаго же: отецъ князя Семенъ и онъ самъ не „впоминали" объ этой половинѣ, „а то такъ ся вдавнило", вслѣдствіе чего великій князь Александръ 8 іюня 1498 года и присудилъ эту половину кн. Өедору [351]). Въ „правахъ" короля Сигизмунда, изданныхъ имъ при вступленіи на великое княженіе и потомъ подтвержденныхъ въ статутѣ 1529 года, было „выписано": „хто бы держалъ именье и люди и земли за Казимера Короля во впокои, а о томъ до Короля Олександра будетъ нихто ся не припоминалъ бы и добре таковы листов на то не мѣлъ; тогды то впокои держати мает". На этомъ основаніи княгиня Марья Ровенская въ началѣ Сигизмундова княженья (11 іюля 1507) выиграла процессъ у земянъ волынскихъ Джусичей „о имѣны, Квасиловъ а Корнино, а Колодное, а Бержаны, а Басое, а Ставъ, а Сливное, а Ростовъ у Волынской земли" [352]). На основаніи давности же владѣнья король Сигизмундъ въ 1510 году возвратилъ боярамъ городенскимъ Жадену Олишковичу, Парөею Жуковичу и Сеньку Про-

---

[350]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 89.

[351]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 110.

[352]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 275, 276; Статутъ 1529, раздѣлъ I, арт. 15.

копоничу съ братьею землю Икутевщину, которую выпросилъ было себѣ подъ ними „одверный“ Чижъ. Въ листѣ, выданномъ по сему случаю боярамъ, читаемъ: „и мы подлугъ давности, ижъ ихъ предкове за великого князя Витовта и за Жикгимонта и они сами за отца и брата нашого и за наше пнованье тое земли въ держаньѣ были ажъ и до тыхъ часовъ и тежъ подлугъ того листа князя Александрова судового, ихъ есмо при той земли зоставили: мають они и напотомъ ихъ будучіи тую землю Икутевщину и люди, которыи на той земли сѣдять, держати вѣчно по тому, какъ первѣй того предки ихъ и они сами держали“ [353]). Давность рѣшала дѣло и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне „выламывались“ отъ службы или подданства своимъ панамъ, Люди Вилькейскаго повѣта Якубъ Кибейковичъ, Матей Торвидовичъ и Будко Кгорбейковичъ съ братьею хотѣли освободиться отъ подданства наслѣдникамъ боярина вилькейскаго Словика, утверждая, что Словикъ „впросилъ ихъ за тяглыхъ людей, а они суть бояре“, въ доказательство чего хотѣли „ся выводити“ ковенскими боярами. Но король съ панами радою, выслушавъ заявленія вдовы Словика, что этихъ людей дала мужу ея королева Елена въ то время, когда держала Вилькею, постановилъ такую резолюцію: „А такъ мы, съ паны радами нашими о томъ досмотрѣвшы, и видѣло ся намъ: кгдыжъ тыи люди *такъ долго*, почоншы отъ дапины невѣстки нашое, Словику служили ажъ до сихъ часовъ, а того были въ молчаньи и въ томъ ся не выводили, прысудили есьмо тыхъ людей Словиковой и ее дѣтемъ подлѣ данины невѣстки нашое, Александровое королевое ее милости, и прывилья нашого“ [354]). Въ 1531 году воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался человѣкъ Яковъ Кузьминъ на господарыню свою, боярыню Олехновую Поддубенскаго Ульяну: „есми есть чоловѣкъ вольный, и зашодши за мужа ея, небожчика Олехна, и жилъ есми за нимъ добровольне, а теперь она въ неволю мя вернеть и отъ себе мя отпустити не хочеть, не вѣдаю для чого“. Но боярыня заявила, что еще дѣдъ этого человѣка Яковъ Павловичъ съ сыномъ Кузьмою достались „въ дѣлу“ мужу ея Олехну отъ братьи, въ доказательство чего представила „дѣльчій листъ“, подтвержденный подписями Яцка Сушковича, маршалка прежняго воеводы Витебскаго Ивана Ходкевича, и боярина Ивана Олыфереевича, которые дѣлили ея мужа съ братьями „съ дозволенья ихъ самыхъ“ людьми и землею отчинною. Въ добавленіе къ этому она представила еще „дѣльчій“ листъ своего

---

[353]) ЛитовМетр. кн. Запис. VIII, л. 384.

[354]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 39, 40

мужа, который при жизни дѣлилъ своихъ дѣтей и жену, при чемъ Якова Кузьмина отписалъ своей женѣ. Въ виду всего этого воевода далъ такую резолюцію: „кгды жъ того чоловѣка дѣдъ и отецъ и онъ самъ за Поддубенскимъ мѣшкали ажъ до тыхъ часовъ, а ему въ дѣлу отъ братьи досталися и съ того дѣлу отъ пего николи ся не вымовляли, абы не были его отчичами, и вказали есмо его Поддубенской водлѣ тыхъ листовъ дѣльчихъ и тое *давности*, ижъ тотъ чоловѣкъ маеть за нею жити и ей служыти, яко чоловѣкъ отчызный, а она ему жадное образы и крывды не маеть чинити" [355]). Такимъ образомъ, крестьянипъ могъ потерять свободу для себя и потомковъ, не заявивъ при переходѣ имѣнья къ наслѣдникамъ, что опъ человѣкъ вольный „похожій". Вообще вольные „похожіе" люди не должны были засиживаться на земляхъ владѣльца, ибо только „незасѣдѣлые" могли уйти отъ него, „выходъ" отдавши [356]). По статуту 1588 года достаточно было прожить на землѣ владѣльца десять лѣтъ, или земскую давность, чтобы попасть въ разрядъ отчинныхъ „непохожихъ людей". Это правило, повидимому, дѣйствовало и ранѣе 1588 г.: по статуту 1529 года отчинные люди, бѣжавшіе отъ своего владѣльца къ другому, подлежали выдачѣ лишь въ томъ случаѣ, если не засиживали за новымъ владѣльцемъ десятилѣтней давности [357]), изъ чего можно заключить, что эта давность имѣла свою силу также и относительно вольныхъ похожихъ людей. Дѣйствовала ли она раньше, въ изучаемое время, на это не встрѣчается прямыхъ указаній въ актахъ, служившихъ матеріаломъ для составленія настоящихъ очерковъ. По всѣмъ признакамъ Статутъ 1529 года формулировалъ лишь только то, что и ранѣе дѣйствовало въ жизни. Разумѣется, земская давность не дѣйствовала въ такихъ случаяхъ, когда при осадѣ крестьянъ на владѣльческую землю составлялось условіе, что они могутъ уйти отъ владѣльца, отдавъ ему „выходъ" [358]).

Итакъ, въ извѣстномъ смыслѣ справедливо утвержденіе г. Леонтовича, что „сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ и возникшая отсюда хозяйственная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльческихъ классовъ были первымъ и главнымъ основаніемъ укрѣпленія крестьянскаго сословія" въ Литовско-Русскомъ государствѣ [359])

---

[355]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 31

[356]) Памятники Временной Кіевской Комиссіи, т. I, отд. 2, стр. 1—7.

[357]) Раздѣлъ VII, арт. 28.

[358]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCII.

[359]) Кіевскія Университетскія Извѣстія 1863, № 10, стр. 21.

XX.

Послѣ всего сказаннаго о положеніи крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ можно представить себѣ, какимъ образомъ появлялись крестьянскія пустовщины въ господарскихъ волостяхъ, и какимъ людомъ могли осаживать эти пустовщины намѣстники-державцы. Пустовщины являлись потому, что многіе господарскіе крестьяне, обѣднѣвъ и не будучи въ состояніи служить съ своихъ земель службу господарю и кормить себя, бросали земли и уходили кормиться по людямъ, отдавая себя въ наймиты или закупы или же садясь на землю къ кому нибудь въ долю или въ „пенязѣхъ". Хотя они не имѣли права дѣлать этого, тѣмъ не менѣе правительство не возвращало ихъ на свои отчины за невозможностью поднять ихъ экономически и въ надеждѣ, что они сами поправятся и затѣмъ воротятся на свои отчины или сядутъ на другой господарской землѣ. Другими словами, пустовщины были результатомъ несоотвѣтстствія между количествомъ господарскихъ крестьянъ и количествомъ правительственныхъ средствъ эксплуатировать ихъ трудъ.

Акты изучаемаго времени даютъ намъ множество указаній на происхожденіе пустовщинъ такимъ именно путемъ. Такъ, въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Юрью Якубовичу пять земель пустыхъ въ Волковыйскомъ повѣтѣ, относительно которыхъ панъ повѣдалъ королю, „што жъ передъ тымъ съ тыхъ земль бывало пять служобъ, а тыми разы пусты лежать, а отчичы сошли прочъ и, ходячи по людемъ, кормяться" [360]). Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярину слонимскому Давыду Ивановичу Свитича землю Станевщину, относительно которой бояринъ повѣдалъ королю, „што жъ дей отчичъ тое земли Станевщины на имя Ломша тыми разы живъ, а ходитъ по людямъ въ закупѣхъ". Король выговорилъ о немъ въ привилеѣ: „а естли отчычъ тое земли Станевщыны прыйдеть на тую свою отчынную землю, а всхочеть ему служыти, и онъ нехай ему служыть, а не всхочеть ему служыти, и онъ кому хочеть, тому нехай служыть" [361]). Король Сигизмундъ пожаловалъ городничему Виленскому Занку Ивановичу двѣ земли пустыхъ Станилевщину Молдетовича и Петрелевщину Куталанскаго, согласно его показанію,

---

[360]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.
[361]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 207, 208.

„што жъ отчичи тыхъ земль позапродавалися въ пенязѣхъ нѣкоторымъ людемъ, а иные не въ пенязѣхъ розошлися въ покормы". Позже, въ 1511 году, король дозволилъ ему „тыхъ отчичовъ гдѣ знашодши и пенязи за нихъ отложивши, а которыи будутъ ся въ покормы розошли, побравши, и посажати за собою на тыхъ земляхъ, отчызнахъ ихъ" [362]). Что такое были „люди въ пенязѣхъ", на это до извѣстной степени указываетъ привилей, выданный въ 1513 году пану Якубу Кунцевичу на двѣ земли пустыхъ въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, Ентеевщину тяглую и Андреевщину осочницкую. „А повѣдалъ,—читаемъ здѣсь,—ижъ давно пусты лежать, а службы нѣтъ, а отчычы дей розошлися и кормяться, а иные въ пенязѣхъ робять, по людемъ" [363]). Еще болѣе опредѣленныя указанія даетъ актъ мѣны имѣньями между паномъ Иваномъ Андреевичемъ, подскарбіемъ дворнымъ, и дворяниномъ Ленькомъ Өедоровичемъ Сасинымъ. Панъ подскарбій, уступая Сасину свое имѣнье Гнойницу, вывелъ съ собою челядь невольную, закуповъ, наймитовъ и двухъ бояръ, оставивъ ихъ земли Сасину, а въ имѣньѣ оставилъ своихъ крестьянъ и „людей въ пенязѣхъ". „Люди въ пенязѣхъ", слѣдовательно, не были закупы. Въ актѣ мѣны относительно ихъ условлено: „А которыи люды прыхожіи въ томъ имѣньи были за паномъ Иваномъ у пенязѣхъ, тыи люди мають Ленку служыти; а который бы человѣкъ не хотѣлъ ему служыти, и онъ маеть Ленку пенязи отложыти подлѣ запису своего и отъ него доброволне поити прочъ, а земли ихъ маеть Ленко держати" [364]). Итакъ, люди „въ пенязѣхъ" были крестьяне, которые садились въ имѣнья къ частнымъ владѣльцамъ на крестьянскихъ участкахъ, взявъ у нихъ ссуду и обязавшись служить крестьянскою службою до уплаты долга. Часто это были задолжавшіе и разорившіеся на своихъ отчинахъ господарскіе крестьяне, которые новымъ займомъ и работою при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ надѣялись поправить свое матеріальное положеніе. Отъ этихъ людей „въ пенязѣхъ" отличены, какъ мы видѣли, закупы, въ разрядъ которыхъ также могли попадать обѣднѣвшіе господарскіе крестьяне. Закупы работали вмѣстѣ съ челядью невольною на дворѣ владѣльца и его дворной пашнѣ, чѣмъ и погашали свой долгъ [365]). Въ виду этого, если отъ фактовъ изучаемаго времени позволительно сдѣлать заключеніе и о прошломъ закупничества, нельзя принять тѣ

---

[362]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 55.
[363]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 566
[364]) Литов. Метр кн. Запис. XII, л. 184, 185.
[365]) Статутъ 1529 года, раздѣлъ XI, арт. 8.

объясненія этого института, какія даны у Бѣляева въ его сочиненіи о крестьянахъ древней Руси и у г. Владимірскаго-Буданова въ „Христоматіи по исторіи Русскаго права", и скорѣе можно согласиться съ мнѣніемъ г. Сергѣевича, считающаго закупа наймитомъ, который погашалъ свой долгъ работою [366]). Впрочемъ, наймитомъ его считать вполнѣ нельзя: наймитъ не за долгъ работалъ, а за жалованье, которое ему выдавалось не впередъ, а по мѣрѣ или по окончаніи работы; наймитъ по этому и не былъ такъ связанъ съ господиномъ, какъ закупъ, который обращался въ раба, если уходилъ отъ господина, не заработавъ долга.

Хотя такія выраженія, какъ „позапродавалися въ пенязѣхъ", „розошлися въ покормы", сами по себѣ достаточно характерны для объясненія причины появленія пустовщинъ въ господарскихъ волостяхъ, тѣмъ не менѣе можно привести и точныя слова источниковъ, дающія подобное же указаніе. Въ 1511 году королю Сигизмунду билъ челомъ человѣкъ Городенскаго повѣта Иванъ Оленевичъ съ братьею и просилъ земли пустой, дядковщины его, заявляя, „што жъ дей дядковичъ его на имя Олекса Ходычичъ, не могучы зъ отчызны своее службы послужыти, и сполъ прочъ, и тыми дей разы тая земля, дядковщина ихъ, лежыть пуста" [367]). Такъ юридическое прикрѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ разбивалось факторами экономическими, которые de facto дѣлали господарскаго крестьянина свободнымъ и утверждали его таковымъ въ его собственной мысли. О томъ, что господарскіе крестьяне считали себя людьми вольными, мы имѣемъ прямыя свидѣтельства въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, королю Сигизмунду около 1528 года жаловались крестьяне Полоцкаго повѣта Голомышской волости, люди путные, тяглые и слободичи, на пана Миколая Станиславовича о томъ, „што жъ бы люди были волныи, а онъ ихъ держалъ безъ данины нашое" (т. е. королевской). По разслѣдованіи оказалось, что волость Голомышская дана была королемъ еще отцу пана Миколая, Станиславу Глѣбовичу, со всѣми людьми и со всѣмъ правомъ и панствомъ, вслѣдствіе чего король далъ такой „вырокъ"; „мають тыи люди вся волости Голомышское путные и служебные, и тяглые, и данные и съ слободичы ему и его потомкомъ служыти подлѣ того прывилья нашого, а отъ его и отъ его потомковъ не мають вжо черезъ тое отниматися" [368]). Если, такимъ обра-

[366]) Русскія юридическія древности, т. I. стр. 176—190.

[367]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

[368]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 29, 30.

зомъ господарскіе крестьяне склонны были считать себя людьми вольными, то отсюда, въ свою очередь, должны были возникать не маловажныя послѣдствія въ быту крестьянства, который правительство было не въ состояніи устроять и направлять вполнѣ по своему и въ своихъ интересахъ Это убѣжденіе могло играть извѣстную роль и въ той рѣшимости, съ какою крестьяне бросали свои земли и уходили искать на сторону счастья. Эти переселенія принимали иногда повальный характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянъ притѣсняли великокняжескіе урядники, чиня имъ разные „кривды" и „новины". Въ 1511 году данники Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей заявляли правительству, что „съ великого драпежства и грабежу" писарей, которые въѣзжали къ нимъ править „недополнковъ даней", много данниковъ разошлось, „а тые, которые ся еще остали, не только сполна дани нашое, але и половицы, отъ колька лѣтъ вжо, въ каждый годъ не могуть заплатити" [369]). Въ концѣ изучаемаго времени особенно много выселилось крестьянъ изъ Жмудской земли. Въ 1527 году король писалъ тивунамъ Жмудскихъ волостей, что изъ отчета, представленнаго его ревизорами о состояніи Жмудскихъ волостей, онъ уразумѣлъ, „ижъ въ тыхъ волостехъ подданнымъ нашимъ великіи кривды и непомѣрныи тяжкости врядники тамошніи чинивали, для чого жъ многіи люди наши зъ отчизнъ своихъ прочъ ся розышли и земль пустыхъ много ся остало" [370]). Въ уставной грамотѣ, данной державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей въ 1529 году, правительство снова указывало на „великое утисненіе и обтяжливость", которую чинили подданнымъ Жмудской земли староста и тивуны „многими и тяжкими роботами и непомѣрными подачки и въѣзды своими, чинячи собѣ на нихъ посѣди: для чого жъ тая земля Жомойтская, подданные наши, велико собѣ стоскнули, и многіе люди зъ мѣстецъ своихъ прочь ся розошли и земли многіе опустѣли" [371]).

Впрочемъ, вообще господарскіе крестьяне неохотно бросали свои отчины, и только крайняя нужда заставляла ихъ покидать насиженныя мѣста. Въ актахъ изучаемаго времени сохранились слѣды борьбы ихъ съ этою нуждою и стремленья оставаться на своихъ отчинахъ, въ чемъ имъ оказывало извѣстное содѣйствіе и правительство. Самый уходъ на сторону часто обусловливался этимъ побужденіемъ, и крестьяне нерѣдко возвращались на свои отчины. Фактами этого рода изо-

---

[369]) Акты Зап. Рос. II, № 75.
[370]) Ibidem, № 149, I.
[371]) Ibidem, № 160.

билуютъ жалованыя грамоты, потому что правительство старалось обыкновенно такихъ именно крестьянъ, оказавшихся слабосильными и мало полезными господарю, отдавать въ частное владѣніе (такое именно пожалованье было „двору господарскому не шкодно“). Приведемъ нѣкоторые примѣры. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ тивуну Жолудскому Юрью Стирнелю землю съ людьми, относительно которой Стирнель повѣдалъ королю, „што жъ перво сего тая земля лежала пуста, и отчичы тое земли, сынове Билшевы на имя Нарейко и зъ братьею своею, ходили прочъ и тыми разы алижъ тое весны пришли къ той земли, отчинѣ своей, а иншые дей братья того Нарейка не пришли и до тыхъ часовъ“ [372]). Тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ войту мѣста Витебскаго Өедку Крупичу и брату его Ивашку двѣ земли пустыхъ тяглыхъ двора Лужосенскаго, „на имя Мокеевщину а Шчетинскую“. Послѣ этого пожалованья „тое земли Мокеевшчыны отчичи пришли на имя Филипко а Семенъ Мокеевичы“, вслѣдствіе чего Крупичъ билъ вновь челомъ королю Сигизмунду, который и велѣлъ означеннымъ отчичамъ ему служить [373]). Выдавая привилеи на пустовщины, правительство почти всегда предполагало, что отчичи могутъ вернуться, и потому дѣлало о нихъ необходимыя оговорки. Такъ, король Сигизмундъ, подтверждая пану Гринку Громыкѣ двѣ земли пустыхъ Кузмянскихъ въ тивунствѣ Виленскомъ, въ подтвердительномъ привилеѣ (отъ 24 іюля 1511 года) оговорилъ: „а естли отчичи тыхъ земль вынщуться, а всхотять ли на отчинахъ своихъ жити, и они мають ему жъ съ тыхъ земль служити“ [374]). Подтверждая боярину Өедку Игнатьевичу пустовщины въ въ Бирштанскомъ повѣтѣ „водлѣ листу королевое ее милости Алены“, Сигизмундъ написалъ въ привилеѣ (отъ 19 мая 1513 года): „И естьли бы знашлись наслѣдки тыхъ его земль пустыхъ и хотѣли бы тыи земли свои мѣти, тогды мають, на тыхъ земляхъ своихъ сѣдши, ему служити по своей доброй воли“ [375]) и т. д.

Крестьяне старались поправить свое матеріальное положеніе и не уходя съ своихъ отчинъ. Средствами для этого были долги у зажиточныхъ сосѣдей, долги, которые они погашали доходами своего хозяйства, работами, „заставою“, или „запродажею“, т. е. отдачею въ

---

[372]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 39.
[373]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 484, 485.
[374]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 140.
[375]) Ibidem, л. 68, 69.

пользованіе земель и угодій кредитору, и, наконецъ, продажею своихъ угодій или части своей отчины. Въ 1522 году королю Сигизмунду заявляли дворянинъ Павелъ Родивоновичъ Толоконьскій съ пасынкомъ Ивахномъ, что человѣкъ господарскій Сомилишской волости Войтко Олехновичъ „одолжалъ былъ людемъ многимъ пенязми и, не маючи чымъ тыхъ долговъ своихъ заплатити, просилъ ихъ, абы они дали ему осмъ копъ грошей; и они тую осмъ копъ грошей ему дали, а онъ мѣлъ имъ зъ землею своею служыти за то до тыхъ часовъ, поки бы онъ тыи пѣнязи заплатилъ". Эта сдѣлка состоялась съ разрѣшенія воеводы Троцкаго пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, который выдалъ Толоконьскому особый листъ, подтвержденный затѣмъ (10 ноября 1522 года) и самимъ королемъ [376]). Аналогичныя сдѣлки совершались иногда и безъ разрѣшенія начальства, если при этомъ нисколько не затрогивались интересы господарской службы. Въ 1512 году у короля Сигизмунда просилъ дьякъ Ивашко Горностаевичъ земли Яцковщины „въ Берестейскомъ повѣтѣ Бердичевскаго десятку у Сычковщахъ", при чемъ повѣдалъ о ней, „што жъ дей отчичъ тое земли тотъ Яцко привбожалъ и, недужъ будучи намъ (господарю) съ тое земли службы служити, безъ дозволенья нашого сдалъ тую землю мѣщанину Берестейскому Кулипатцу, а самъ дей тамъ же, на той земли, за тымъ же мѣщаниномъ мѣшкаеть, а тотъ дей мѣщанинъ, тую землю его пашучи, нѣсколько десятъ грошей на замокъ нашъ (господарскій) даетъ". Король отдалъ землю дьяку, при чемъ оговорилъ: „а естли бы тотъ чоловѣкъ Яцко хотѣлъ на той земли за нимъ мѣшкати потому, какъ и теперъ тамъ мѣшкаеть, и онъ нехай на той земли за нимъ мѣшкаеть и ему добровольно служить" [377]). Въ погашеніе долговъ господарскіе люди отдавали въ пользованіе кредиторамъ свои нивы и сѣножати, но результатомъ этого часто бывало то, что они совсѣмъ разорялись и должны были бросать свои отчины. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность боярамъ витебскимъ Шапкамъ землю Коробейниковщину, „которое жъ дей земли отчичъ у мѣстѣ Витебскомъ живеть, а тую землю покинулъ и иные нивы и сѣножати тое земли позапродавалъ людемъ въ пенязѣхъ" [378]). Въ 1526 году королю заявлялъ бояринъ Янъ Вербило, „ижъ люди Пуньское волости на имя Пацели съ товарищами своими заставили ему земли свои на имя Слековщину а Довшковщину, а иншіи поля

---

[376]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 41.

[377]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 61.

[378]) Ibidem, л. 237.

и сѣножати тыхъ жо земль заставили были тыи люди иншимъ людемъ, я што троха тое земли зостало было въ нихъ, и съ того жадное службы не было къ двору нашому (господарскому) Пуньскому, какъ жо и сами тыи люди розошлися прочъ, толко былъ одинъ чоловѣкъ зосталъ на той земли на имя Пацелисъ, и съ того тежъ жадное службы къ двору нашому не было". Въ виду всего этого, по словамъ боярина, князь Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій, отдалъ ему Пацелиса съ „незапроданными" землями и угодьями „до воли господарское", а „запроданныя" земли дозволилъ ему „выкупить". Король утвердилъ распоряженіе бискупа и пожаловалъ боярину все это уже „на вѣчность" [379]). Въ данномъ случаѣ при пожалованіи земли были признаны и права кредиторовъ, ссужавшихъ отчичей земли, изъ чего можно заключить, что сдѣлка между ними состоялась съ вѣдома и разрѣшенья начальства. Въ противномъ случаѣ права кредиторовъ обыкновенно не признавались правительствомъ, которое крестьянскія земли считало господарскими. Въ 1522 году король Сигизмундъ, пожаловавъ боярину Францышку Карсовскому двѣ земли пустыхъ, Строкинишку и Янушишку, и, получивъ отъ него заявленіе, „што жъ дей тамъ обаполныи сусѣди, бояре и люди тяглыи, у вотчичовъ тыхъ земль поля и сѣножати покупили, а иншіи позакупали и розобрали безъ воли нашое" (господарское), писалъ тивуну Виленскому, въ повѣтѣ котораго лежали земли: „и ты бы тѣмъ прыказалъ, ажъ бы они въ тыи поля и сѣножати ничимъ ся не вступали, а пенязей своихъ нехай бы на тыхъ исцѣхъ смотрѣли, кому будуть ихъ давали" [380]). Въ тѣхъ же цѣляхъ—извернуться въ нуждѣ—крестьяне нерѣдко отчуждали по частямъ свои земли или угодья, и эти сдѣлки ихъ разрѣшались мѣстными урядниками и утверждались самимъ господаремъ. Такъ, король Казимиръ позволилъ подконюшему Виленскому Васку Дорошковичу „въ людей Бѣльского повѣта на имя въ Шемотичъ а въ Новоселцовъ, а въ Вервечичъ близко Орлеи прыкупити къ своему имѣнейцу, которое онъ тамъ маеть, въ кого на шесть, а въ иного на десеть бочокъ земли, а цѣлого жеребья и тежъ половины жеребья не дозволилъ его милость ему купити" [381]). Король Александръ въ 1505 году подтвердилъ городничему Городенскому Ѳедьку Гавриловичу Мелешковича его отчинныя и благопріобрѣтенныя имѣнья и между прочимъ зем-

[379]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

[380]) Ibidem, л. 35, 36.

[381]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141.

лицу, которую онъ купилъ у людей тяглыхъ городнянъ, у Олексы Ударича и его сына, третью часть земли Клещовщины, данную ему сторостою въ придачу къ его отчинѣ; „дубровку и два польца" за селомъ Путрошками, которыя онъ купилъ „въ Петька и въ его братьи, въ Тимоня а въ Сенка Окортовичовъ и въ ихъ жонъ, и въ ихъ дѣтей"; землю на тридцать бочекъ солянокъ подлѣ села Путрошекъ, которую онъ купилъ у людей господарскихъ Дубничанъ и т. д. [382]). Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ боярамъ смоленскимъ Василью Митковичу съ братомъ Васкомъ Быховцемъ выслуженныя и благопріобрѣтенныя ими имѣнья и между прочимъ, „што жъ купили въ людей нашихъ (господарскихъ) тяглыхъ Дорсунишское волости на имя въ Доркужиса Имятовича и въ братанича его въ Бортка Миколаевича одну часть земли ихъ за Нѣманомъ отчизное, поле и сѣножать, а въ Етка Тарьевича и въ его жоны и въ ихъ дѣтей часть земли ихъ отчизное и сѣножать и прироблки ихъ старыи и новыи" [383]). Такая продажа по частямъ земель и угодій подчасъ еще болѣе обезсиливала крестьянъ вмѣсто того, чтобы поднять ихъ, и бывала причиною того, что они совсѣмъ бросали свои уменьшившіяся отчины.

XXI.

Эта продажа крестьянскихъ земель и угодій, какъ и „запродажа" ихъ, совершалась съ разрѣшенія начальства, которое въ этомъ случаѣ облегчало владѣльцамъ ихъ усилія выйти изъ затруднительнаго экономическаго положенія, и это разрѣшеніе было безусловно необходимо для законности сдѣлки. Выше владѣльческаго права крестьянъ стояло права господаря, какъ дѣйствительнаго собственника крестьянскихъ земель, который не могъ безразлично относиться къ отчужденію угодій или частей крестьянскихъ земель, потому что съ количествомъ земли стояло въ тѣсной связи, юридической и фактической, и количество повинностей, шедшихъ ему съ крестьянской службы. Тѣмъ болѣе правительство не могло допустить свободной продажи цѣлыхъ крестьянскихъ участковъ, безъ своего контроля и разрѣшенія, потому что такая продажа могла бы въ концѣ концовъ вести къ уменьшенію повинностей и доходовъ съ крестьянскихъ земель, даже если бы покупатели и принимали вмѣстѣ съ землею лежавшія на ней обязательства

[382]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.

[383]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 358, 359.

и на первыхъ порахъ выполняли ихъ Въ актахъ поэтому находимъ не мало случаевъ, когда правительство нарушало сдѣлки на крестьянскія земли, состоявшіяся безъ его разрѣшенія. Такъ, король Казимиръ отнялъ у земяника дорогицкаго Петрашка Климчицкаго землю Голеденскую, которую онъ купилъ „безъ призволенія" королевскаго у людей Дорогицкаго повѣта Андрея Голедня, Любороза и Щефана [384]). Въ 1501 году король Александръ, пожаловавъ на вѣчность городничему Виленскому Занку человѣка Тѣшила Пуподевича съ братьею и землею, написалъ въ привилеѣ: „Тежъ, што будеть тотъ Тѣшило и зъ братьею земли свои попродали або заставили кому въ пенязѣхъ а любо кому отдали, и мы и тыи ихъ земли дали Занку вѣчно, *занъже людемъ нашимъ нельзе земль продавати ани запродавати безъ нашого призволенья*" [385]). Тотъ же король Александръ въ 1505 году подтвердилъ городничему Городенскому „фолварокъ мѣщанина Городенского на имя Богданцовъ, который же фольварокъ тотъ Богданецъ збудовалъ на нашихъ земляхъ дяколныхъ, на Лукьяновой а на Яковлевой Антоновича, а на Семенковича а Филиповыхъ Кожича полѣхъ а на иныхъ нашихъ дяколныхъ земляхъ, покупивши въ нихъ безъ нашого дозволенья" [386]). Король Сигизмундъ въ своихъ привилеяхъ неоднократно выражалъ: „неволно въ людей нашихъ земль безъ дозволенья нашого никому купити", подтверждая такимъ образомъ порядокъ, котораго держались и его предшественники [387]). Побужденіемъ для правительства разрѣшать покупку у крестьянъ цѣльныхъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ шла полная служба, кромѣ благоволенія къ покупателю—„для его выслуги", бывала обыкновенно и экономическая несостоятельность крестьянъ, ихъ безсиліе полнить господарскую службу, такъ что разрѣшеніе въ этомъ случаѣ равнялось пожалованію пустовщины. Въ актахъ нерѣдко можно подмѣтить это побужденіе. Такъ, король Сигизмундъ въ 1510 году 21 іюня уважилъ просьбу боярина смоленскаго Семена Константиновича Жабы, который заявивъ, „што жъ покупилъ земли пашныи и сѣножати въ людей на имя бортевъ Керновское волости въ Кельвенахъ на имя у Ворона, а въ Можейка Яновдовичовъ, а въ Дата, а въ Козорѣза, а въ Яна Коткуда, а въ Тункеля, а въ Наца и въ ихъ братьи и въ братаничовъ ихъ", просилъ короля, „абыхмо останокъ тыхъ бортевъ, земль и ихъ самыхъ отчи-

[384]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 330—332.
[385]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.
[386]) Ibidem, л. 245, 246.
[387]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 252.

човъ, тыхъ вышеписаныхъ людей ему дали" [388]). Въ 1514 году королю Сигизмунду повѣдалъ панъ Иванъ Сопѣга, „што жъ чоловѣкъ нашъ (господарскій) Неменчинское волости на имя Юряга зъ братьею и зъ дѣтми своими для великихъ долговъ продають ему землю свою отчизную тую, на которой сами сидѣли", и просилъ короля дозволить ему эту покупку и подтвердить своимъ листомъ. Король не только позволилъ ему, но и написалъ въ привилеѣ: „Тежъ, естли бы тотъ Юряга зъ братьею своею хотѣли ему служити, ино мы ему дозволяемъ симъ нашимъ листомъ" [389]). Разрѣшая отчужденіе крестьянскаго участка цѣликомъ, правительство могло иногда разсчитывать, что эта продажа поправитъ крестьянина, который съ капиталомъ можетъ сѣсть на пустовщинѣ и будетъ исправнымъ тяглецомъ и плательщикомъ. Продажа крестьянскаго участка, такимъ образомъ, бывала иногда только перенесеніемъ капитала, затраченнаго на данный земельный участокъ, и капитализированной ренты этого участка на обработку другого, лежавшаго впустѣ. Такое перенесеніе мало въ общемъ поправляло крестьянское хозяйство, если только поправляло. Тутъ были нужны другія, болѣе дѣйствительныя, мѣры, и правительство въ концѣ изучаемаго времени обратилось къ нимъ. Выше (стр. 361) мы видѣли, что король Сигизмундъ приказалъ намѣстникамъ-державцамъ ссужать крестьянъ сѣменами для посѣва и хлѣбомъ въ долгъ. Такая мѣра при надлежащемъ развитіи и приведеніи ея въ исполненіе могла бы оказать радикальную помощь крестьянскому хозяйству. Здѣсь пока нѣтъ надобности говорить о томъ, въ какой мѣрѣ эта помощь оказалась дѣйствительною.

Въ исторической литературѣ на основаніи фактовъ отчужденія крестьянами своихъ земель и угодій не разъ дѣлались заключенія, что землевладѣльческія права ихъ, по крайней мѣрѣ, въ изучаемую эпоху ничѣмъ не разнились отъ землевладѣльческихъ правъ бояръ-шляхты. Въ недавнее время это мнѣніе было высказано г. Владимірскимъ-Будановымъ въ его статьѣ: „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ", но особенно развито оно было у г. Новицкаго въ его „Очеркѣ исторіи крестьянскаго сословія въ юго-западной Россіи въ XV—XVII вв." „Спускаясь еще ниже въ сословной іерархіи, къ сельскому земледѣльческому населенію,—говоритъ г. Новицкій,—мы не только не находимъ какихъ либо особыхъ ограниченій относительно поземельныхъ правъ этого населенія, но

[388]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 359, 360.
[389]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 147, 148.

скорѣе имѣемъ основаніе заключать, что права эти ничѣмъ не отличались отъ такихъ же правъ высшихъ сословій". „Поселенцы на княжескихъ земляхъ, „люди господарскіе", „волостные" или „тяглые", иногда не раздѣляемые отъ княжескихъ „слугъ", какъ напримѣръ путники, владѣли поземельною собственностію тоже съ обязанностью службы, но только самая служба ихъ отбывалась въ иной формѣ". „Но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались и правомъ отчужденія своихъ земель, съ тѣмъ только, чтобы новый владѣлецъ отбывалъ ту же, пріуроченную къ извѣстному земельному участку, повинность путную или пригонную. Равно они могли покупать и земли у бояръ и мѣщанъ. Отчужденіе земель путниками постороннимъ лицамъ происходило на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у бояръ, т. е. съ разрѣшенія князя или его намѣстника, и при соблюденіи этого условія признавалось верховною властью вполнѣ законнымъ". Окончательное заключеніе г. Новицкаго свелось къ тому, „что въ достатутовый періодъ землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи; что всѣ свободныя сословія, а слѣдовательно и самое многочисленное изъ нихъ, крестьяне, пользовались въ этомъ отношеніи одинаковыми правами". Онъ укоряетъ г. Леонтовича за то, что тотъ ошибочно распространяетъ положенія Статута и на болѣе раннее время", считая землевладѣніе шляхетской привилегіею. „Законодательныя реформы эпохи Сигизмундовъ, выразившіяся въ изданіи статутовъ, и отчасти начатыя уже при Александрѣ, составляютъ,—по словамъ г. Новицкаго,—не формулировку установившихся общественныхъ отношеній, не кодификацію дѣйствовавшаго уже права, а напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть только отдѣльные факты той ломки, какой подвергались послѣдніе остатки старины, и попытку организовать дальнѣйшую историческую жизнь на новыхъ началахъ, несостоятельность которыхъ доказалъ печальный опытъ послѣдующихъ вѣковъ" [390]). Смѣлость этого заключенія о статутахъ можно поставить въ параллель только съ непродуманностью его, потому что ниже, на 45 стр. своего труда, г. Новицкій толкуетъ уже о томъ, что „первый Литовскій статутъ, изданный Жигимонтомъ въ 1529 году, объединилъ въ систему и формулировалъ сложившійся въ предшествующую эпоху феодальный порядокъ, преимущественно въ отношеніи высшихъ сословій". Но что такое былъ этотъ „феодальный порядокъ", о которомъ говоритъ г. Новицкій, какъ не тѣ же „общественныя отношенія", фор-

---

[390]) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія стр. 12, 13, 15, 29.

мулировкою которыхъ, однако, по его словамъ, не былъ статутъ 1529 года? Вообще, еслибы г. Новицкій въ данномъ случаѣ побольше обратилъ вниманія на тѣ данныя, которыя находятся въ напечатанныхъ литовско-русскихъ актахъ, то и литовскіе статуты не представились бы ему фазисами въ ломкѣ старины, а сводомъ уже дѣйствовавшихъ нормъ права и законодательною формулировкою тѣхъ отношеній, которыя сложились въ Литовской Руси подъ дѣйствіемъ польскаго права. Мало того, еслибы его изученіе захватило архивный матеріалъ въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ тотъ, какой представляли издававшіеся подъ его редакціею акты (разумѣется, этого нельзя ставить ему въ вину), то, быть можетъ, онъ пошелъ бы и далѣе въ этомъ направленіи и призналъ, что ломки старины въ жизни Литовско-Русскаго государства собственно и не было, а былъ только мѣстный историческій процессъ, подготовившій такія общественныя и политическія отношенія, на которыя легко могло наложить свой штемпель, свою форму, польское право. Болѣе внимательное и обширное изученіе источниковъ точно также не даетъ права утверждать и того, что землевладѣльческія права крестьянъ были одинаковы съ правами высшихъ сословій.

Дѣйствительно, и боярское землевладѣніе было въ изучаемое время условнымъ, соединеннымъ съ обязанностью службы господарю; справедливо и то, что отчужденіе боярскихъ земель происходило съ „призволенья" господаря или его намѣстника, и только при этомъ условіи признавалось законнымъ. Но на этомъ и кончается сходство крестьянскаго землевладѣнія съ боярскимъ. Могъ ли господарь de jure лишать пана или боярина-шляхтича его отчины или выслуги? Привилеи, дававшіеся высшимъ литовско-русскимъ сословіямъ, начиная съ 1387 года, даютъ на это отрицательный отвѣтъ: господарь могъ отбирать имѣнія у бояръ-шляхты только за какой-нибудь ихъ „выступъ". Между тѣмъ крестьянина не только de facto, но и de jure господарь могъ лишить его отчины и даже купли, безъ всякой вины съ его стороны, какъ это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ началѣ очерка. Боярское землевладѣніе, какъ видно изъ многочисленныхъ указаній актовъ изучаемаго времени и затѣмъ изъ постановленій Статута 1529, выразившихъ дѣйствовавшее уже до него право, обставлено было многочисленными правилами, которыми обезпечивались интересы владѣльца, его родныхъ и близкихъ. Относительно же крестьянскаго землевладѣнія такихъ подробныхъ правилъ и установленій не было, кромѣ, развѣ, одного, что крестьянинъ могъ искать передъ господаремъ и его намѣстникомъ подъ другими своей отчины.

Въ 1496 году человѣкъ Вилькейскаго повѣта Явкшисъ Миникгиловичъ хотѣлъ оттягать у боярина вилькейскаго Кгинейта землю, доставшуюся ему изъ вторыхъ уже, впрочемъ, рукъ отъ человѣка вилькейскаго Петеря, отчича этой земли. Но бояринъ заявилъ великому князю, что Явкшису „тая земля есть не отчина, нижли ее ищеть по близкости, а свою землю отчинную таки въ себѣ маеть". Вслѣдствіе этого великій князь положилъ такую резолюцію: „Ино, коли тая земля ему не отчина, а онъ ее искалъ по близкости, мы въ томъ волни господаръ, а *человѣку тяглому близкости никоторое нѣтъ*" [391]). Въ противоположность этому бояринъ, даже если бы у него была своя отчина, имѣлъ полное право отыскивать свою землю „по близкости", на что можно найти многочисленныя указанія въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напр., въ 1528 году королю Сигизмунду жаловался дворянинъ Янъ Шеметовичъ на князя Андрея Михайловича Санкгушковича, „штожъ онъ купилъ имѣнья, *близкость его*, у пана Яна Яновича Довойновича два, дворыща зъ людми у Деревку а у Иберизычохъ у-въ Изблянскомъ повѣтѣ за сто копъ грошей", и просилъ,—гласитъ вырокъ короля,—„абыхмо росказали князю Андрею пенязи въ него взяти, а тыхъ дворищъ ему ся поступити водлѣ его близкости". Князь Андрей остался во владѣніи дворищами лишь по тому, что доказалъ, что „панъ Янъ Довойновичъ посполъ зъ жоною своею Ганною и зъ дѣтми своими тыи дворища ему продали на вѣчность первѣй, нижли и иныи имѣнья свои попродавали, а продаючи мѣли то за третюю часть, какъ жо и въ листѣ своемъ купчомъ то ему выписали" [392]).

Боярское имѣнье только тогда спадало на господаря и тогда только онъ былъ въ немъ „воленъ", когда не оставалось никого изъ ближнихъ послѣдняго владѣльца. Такъ, король Казимиръ привернулъ къ двору своему Турійску Владимирскаго повѣта село Сомино лишь послѣ того, какъ умерли владѣльцы его Казаринъ и его племянникъ Тишко „и послѣ нихъ ближнихъ никого ся не остало" [393]). Паны и бояре-шляхта имѣли *право* записывать на своихъ имѣньяхъ извѣстную сумму денегъ своимъ женамъ „въ вѣнѣ", и это право было утверждено за ними еще въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года. Въ силу этой записи родственники могли только тогда наслѣдовать такое имѣніе, когда уплачивали вдовѣ покойнаго записанную ей сумму. Вообще на

[391]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 78.

[392]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38. Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIV.

[393]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93.

имѣнья боярскія падали всякія имущественныя взысканія съ владѣльцевъ, даже и такія, которыя не вытекали вовсе изъ обязательствъ, заключенныхъ съ „призволенья" господаря или его урядниковъ. Такъ, напр., когда бояринъ Виленскаго повѣта Сурминъ обокралъ Станислава Гошейка, слугу воеводы Виленскаго пана Миколая Радивиловича, и долженъ былъ заплатить ему по суду 143 копы грошей, то, за неимѣніемъ у него денегъ, великій князь Александръ отдалъ Гошейку „въ тыхъ его шкодахъ" дворецъ Сурминовскій и 15 человѣкъ челяди невольной съ такимъ условіемъ: „А которыи бы того Сурмина ближніи хотѣли тотъ дворецъ въ него выкупити, и они нехай ему тую его шкоду заплатять, сто копъ и сорокъ копъ и три копы грошей, а тотъ дворецъ собѣ будуть мѣти" [394]). Подобныя взысканія, между тѣмъ, никогда не падали на земли крестьянъ, какъ не ихъ собственность, а только на движимое имущество и личность преступника. Земля же поступала въ полное распоряженіе господаря, который отдавалъ ее, кому хотѣлъ. Въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира находится такая запись: „Тимирѣ, писарю татарскому, у Стравникахъ земля татиная Тюдева (пожалована). А тотъ дей тать за татбу узять зъ жоною и зъ дѣтми" (въ рабство) [395]) и т. д. Вообще, боярское землевладѣніе является несомнѣнно привилегированнымъ, по крайней мѣрѣ, со времени выдачи извѣстныхъ земскихъ привилеевъ 1387, 1413, 1457 гг. Привилегіи и обезпеченія, содержащіяся въ этихъ грамотахъ и вошедшія въ статутъ 1529 г. съ дополненіями и объясненіями, судя по даннымъ разныхъ подтвердительныхъ привилеевъ и судовыхъ листовъ, внесенныхъ въ книги Литовской Метрики, дѣйствовали чуть ли не съ самаго начала XV вѣка. Такимъ образомъ ошибается не г. Леонтовичъ, распространяя положенія Статута и на болѣе раннее время, а г. Новицкій, который ставитъ это ему въ вину.

Чтобы покончить о землевладѣльческихъ правахъ крестьянъ, укажемъ еще на неправильное толкованіе г. Новицкимъ 7 артикула IX раздѣла Статута 1529 года въ пользу землевладѣльческихъ правъ владѣльческихъ крестьянъ. Статья эта какъ разъ говоритъ противъ утвержденія г. Новицкаго. По его словамъ, „права крестьянъ на находящіяся въ ихъ владѣніи земли—если не въ силу положительнаго закона, то по обычаю—были болѣе или менѣе обзепечены и прочны;

[394]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 9.

[395]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 17.

такъ арт. 7 разд. IX предусматриваетъ случай отчужденія крестьянами бортныхъ деревьевъ не только своимъ односельцамъ, но даже жителямъ другого села и другого владѣнія, путемъ продажи или отдачи въ приданое, и о подобныхъ случаяхъ говорится даже, какъ о весьма нерѣдкихъ" [396]). Между тѣмъ внимательное разсмотрѣніе этой статьи приводитъ только къ одному заключенію, что крестьяне могли отчуждать, да и то временно, только пользованіе своими угодьями. Статья гарантируетъ владѣльца отъ того, чтобы это пользованіе не переходило во владѣніе: часто случается между мужиками, говоритъ она, что они заводятъ въ чужія руки „борти або входы", продаютъ пчелы „для недостатку дани", либо въ приданое за дочерьми отдаютъ дерево съ пчелами зятю въ чужое село, а тѣ ставятъ свои знамена на этихъ деревьяхъ и за этими знаменами начинаютъ имѣть входъ въ пущу: въ такихъ случаяхъ, если возникаетъ тяжба между владѣльцами, тогда поступать такъ: „чие старшое уросльшое знамя будет, тому борть и входъ сказати мают, абы ся в тое не вступалъ".— Г. Новицкій указываетъ на то, что „крестьяне, поселенные на земляхъ частныхъ лицъ, имѣли такое же право отчужденія земли, по разрѣшенію владѣльца и съ передачею повинностей", какое имѣли и господарскіе крестьяне [397]). Но случай, на который онъ указываетъ, имѣлъ мѣсто въ церковныхъ владѣніяхъ Галицкой Руси, а не Литовской, и притомъ онъ вовсе не указываетъ на какое-нибудь *право* отчужденія земли, а на на простой фактъ передачи за деньги пользованія земельнымъ участкомъ вмѣстѣ съ обязательною службою владѣльцу. На право же, и притомъ не крестьянское, а владѣльческое, указываютъ, напр., такіе случаи, встрѣчающіеся намъ въ актахъ Литовской Метрики. Въ 1506 г. король Александръ подтвердилъ мѣщанину виленскому Богдану Онковичу, „штожъ отецъ его Онко и онъ за отца нашого, Казимера короля, и за насъ купили *въ бояръ* Виленского повѣта на имя у Андрушка а въ Богдана Ганусовичовъ сѣножатки *людей ихъ* на имя Якубишки а Крикишки, а Терешишки, а Пашкишки, а Рокишки" [398]). Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ пану Войтеху Яновичу между прочимъ человѣка „отчинного и дѣдинного", котораго онъ купилъ у боярина Василія Окушковича и брата его Андрея „на имя Илью и зъ его сыномъ Савинцомъ и съ *полови-*

[396]) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія, стр. 53, 54.

[397]) Ibidem, стр. 14.

[398]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 312.

ною„ земли, отчины Ильины"[399]). Въ 1522 году Сигизмундъ подтвердилъ бояриму жмудскому Рымкгайлу землицу, „што человѣкъ его Монько, будучы на землицы своей купленой, лѣсу сырого проробилъ"[400]) и т. д. Владѣльцы въ качествѣ настоящихъ собственниковъ вели иски не только о земляхъ и угодьяхъ своихъ крестьянъ, но даже и объ ихъ „входахъ" въ пущи. Такъ, напр., панъ Янъ Николаевичъ велъ передъ королемъ Сигизмундомъ тяжбу съ господарскими людьми волости Бчицкой, Хвойничанами, за право своихъ людей Рудобѣлчанъ имѣть „вступъ" въ одинъ островъ (лѣсной), гдѣ находились борти съ клеймами его людей. Эти борти составляли источникъ его доходовъ, потому что съ нихъ ему шла дань медовая, бобры и куницы, вслѣдствіе чего онъ и старался обезпечить ихъ за своими людьми, которые, кромѣ бортей, имѣли тамъ пашни и сѣножати[401]). Конечно, и крестьяне имѣли свои владѣльческія права, но эти права осуществлялись не въ ихъ отношеніи къ господарю или своимъ панамъ, а въ отношеніяхъ другъ къ другу и къ другимъ владѣльцамъ.

XXII.

Перейдемъ теперь къ вопросу, откуда брались вольные „похожіе" люди, которыми намѣстники-державцы могли осаживать пустовщины въ господарскихъ волостяхъ, а князья, паны и бояре шляхта въ своихъ имѣньяхъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже подготовленъ во всемъ томъ, что говорилось здѣсь о прикрѣпленіи крестьянъ и о происхожденіи пустовщинъ въ господарскихъ волостяхъ.

Вольные „похожіе" люди набирались прежде всего изъ тѣхъ лишнихъ людей, которыхъ выпускала отъ себя крестьянская служба. Какъ уже было сказано, классъ этотъ отдѣлялся отъ господарскихъ крестьянъ-отчичей, потому что частные владѣльцы всегда имѣли возможность пристроить всѣхъ лишнихъ крестьянъ къ новымъ службамъ или же передать ихъ въ другія руки, а господарь при обширности и разбросанности своей вотчины долженъ былъ предоставить устроиваться крестьянамъ самимъ. Кромѣ того, не могъ не дѣйствовать по традиціи и взглядъ на господарскаго крестьянина, какъ на свободнаго человѣка, прикрѣпленнаго къ землѣ обязательствомъ службы, при перенесеніи которой на чужія плечи, родныхъ или потужниковъ,

---

[399]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 187—190.

[400]) Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 14.

[401]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 10, 11. Срав. кн. Запис. VI, л. 136, 137.

крестьянинъ могъ сойти съ участка. Въ 1533 году воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича „оправилъ“ людей Пилимона и Кузьму, жившихъ за паномъ Томкомъ Кгетолтовичемъ, и брата ихъ, жившаго за паньею Михайловою Сеньковича. Этихъ людей пріискивалъ тивунъ Черсвятскій съ псарцами Олешниничами въ потягль. Но они заявили воеводѣ: „отцы наши, тры браты, люди были прихожіи, пришли съ Оболецъ на тую землю (у-въ Олешниничохъ), и два браты, дядки наши, сѣли на той земли, а третему брату, отцу нашому, тое земли не достало, и онъ пошелъ прочъ и сѣлъ у Величковичохъ за людьми королевскими путными на доли, а мы ся есмо въ тотъ часъ ещо были не родили“. Это показаніе было подтверждено другими людьми черсвятскими, которые заявили, что „отецъ ихъ былъ человѣкъ прихожій и сѣлъ былъ зъ братьею своею на той земли псарецкой у-въ Олешниничохъ, и коли ся сталъ зъ братьею своею дѣлити, и онъ съ тое земли зышолъ прочъ ещо за пана Яна Заберезинскаго“ (воеводы Полоцкаго въ 1490—1496 гг.) [402]. Впрочемъ, бывали случаи, когда и отъ отчинныхъ частновладѣльческихъ крестьянъ отдѣлялись вольные „похожіе“ люди, и чѣмъ обширнѣе была частная вотчина, тѣмъ чаще возможны были такіе случаи. Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича въ 1533 году жаловался человѣкъ боярыни Полоцкой паньи Михайловой Зеновьевича Опонасъ Семеновичъ, „што жъ за выводчое пограбленъ“ неправильно. Онъ заявилъ воеводѣ, „ижъ не естъ человѣкъ Судиловскій двора господарского Черевятского, але прихожій, отчызна его за паномъ Иваномъ Глѣбовичемъ, городничимъ господарскимъ Полоцкимъ, у Загатьи, нижли, повѣдилъ, ижъ матка его, будучи удовою, якъ была за иншого мужа шла до Судиловичъ, такъ его съ собою маленького до Судиловичъ принесла“. Воевода оправилъ Опонаса и велѣлъ оставить его въ покоѣ: „воленъ онъ, кому хотя, служить“ [403]. По настоящему, Опонасъ, какъ человѣкъ отчинный пана Ивана Глѣбовича, долженъ былъ бы служить ему; но за давностью лѣтъ онъ сталъ вольнымъ „похожимъ человѣкомъ“, при томъ же и отчина его тѣмъ временемъ, вѣроятно, передана была въ другія руки. Такимъ же путемъ появлялись вольные „похожіе“ люди и въ господарскихъ волостяхъ. За невозможностью прокормиться и нести службу господарю на своихъ отчинахъ крестьяне покидали ихъ и „волочились“ по людямъ по наймамъ, въ закупахъ и закладняхъ. Правительство долгое время не съискивало и не возвращало ихъ

402) Литов. Метр. кн., Запис. XVI, л. 177.
403) Ibidem, л. 178.

и не передавало никому изъ частныхъ лицъ право на это, и такимъ путемъ крестьяне за давностью лѣтъ становились вольными „похожими“ людьми. Признавая давность, какъ принципъ прикрѣпленія, правительсво eo ipso должно было признать давность и какъ принципъ освобожденія: господарскій крестьянинъ, котораго долго не выводили, могъ „засидѣть“ за какимъ-нибудь паномъ, сдѣлаться его „непохожимъ“ человѣкомъ, или же осѣсть гдѣ нибудь въ господарской волости на пустовщинѣ или на долѣ съ людьми, а потому вообще по истеченіи извѣстнаго времени не подлежалъ сыску и возвращенію на свою родину въ господарскую волость. Конечно, за это время онъ могъ и не прикрѣпиться нигдѣ, и такимъ образомъ становился вольнымъ „похожимъ“ человѣкомъ.

Въ актахъ находимъ не мало указаній въ этомъ смыслѣ. Въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Юрью Якубовичу пять земель въ Волковыйскомъ повѣтѣ, съ которыхъ, по его показанію, бывало передъ тѣмъ пять службъ, „а тыми разы пусты лежать, а отчичы сошли прочъ и, ходячи по людямъ, кормятся“. Относительно отчичей король написалъ въ привилеѣ: „А естли тыи люди, отчичы тыхъ земель, усхотятъ до него прійти, и они съ тыхъ своихъ отчинъ мають ему служити“ [404]). Король Сигизмундъ далъ радцѣ мѣста Виленскаго Богдану Онковичу двѣ земли пустыхъ, Юркелевщину и Ондросовщину, взамѣнъ его земли, которую тивунъ Виленскій панъ Бутримъ привернулъ къ двору Швинтянскому. Послѣ этого обмѣна Богданъ доложилъ королю, „што жъ дей отчычы тыхъ земль Юркелевшчыны а Ондросовшчыны въ лихолѣтье отходили прочъ; а тыми дей разы прышли къ нему на тыи земли свои, на имя Евнисъ а Ондрясъ зъ братомъ, и хотять ему служити“, и билъ челомъ королю, чтобы онъ дозволилъ ему принять этихъ людей и держать за собою, а земли подтвердилъ бы ему на вѣчность. Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему листъ (19 Октября 1510 года), въ которомъ написалъ между прочимъ: „и мы ему тыхъ людей, отчычовъ тыхъ земль, дозволили приняти и держати за собою, если всхотатъ ему служыти по своей доброй воли“ [405]). Въ февралѣ 1511 года король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Андрею Михновичу землю пустую въ Радуньскомъ повѣтѣ Мицутишки и писалъ Радуньскому намѣстнику: „А придуть ли отчичи тое земли, а всхотять ли ему служыти по своей до-

[404]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.
[405]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 404.

брой воли, и они нехай служать, а не всхотять ли ему служыти, и они мають поити, куда хотячы; а онъ маеть съ тое земли службу земскую заступовати". Во всѣхъ такихъ случаяхъ нельзя разумѣть вольныхъ господарскихъ крестьянъ въ родѣ слугъ путныхъ, а всякихъ вообще крестьянъ. Въ 1514 году 2 февраля король подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго Миколая Миколаевича Андрею Прокоповичу двѣ земли пустыхъ *тяглыхъ*, данныхъ ему въ Румшишской волости намѣстникомъ Румшишскимъ Аврамомъ Езофовичемъ „до воли господарской", при чемъ написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „А естли отчичи тыхъ земль придуть, а всхотять ли на тыхъ земляхъ сѣсти за нимъ, и они мають ему служити, а онъ маеть намъ съ того службу земскую заступовати" [406]). Слѣдовательно, и тяглые люди могли дѣлаться вольными „похожими" людьми. Кромѣ давности, крестьяне могли дѣлаться вольными „похожими" людьми и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ разрѣшенія начальства продавали свои отчины, а сами не шли въ службу къ покупателю. Такими людьми стали, напр., господарскіе крестьяне „Вряславского повѣта Укольское волости" Михно и Юнчо Палевичи, братаничи ихъ Якубъ, Бартошъ, Юшко и Юркель съ своими дѣтьми, которые въ 1514 году съ разрѣшенія господаря продали на вѣчность пану Ивану Сопѣгѣ „землицу ихъ отчизную, на которой отецъ ихъ и они сѣдѣли и съ прикупниною, што отець ихъ и оны сами прикупили въ дядковичовъ своихъ въ Наруша Римшевича а у Андрушка Етовтовича и въ иныхъ" [407]) Очевидно, что этой „землицы" было для нихъ недостаточно, не на чемъ было кормиться всѣмъ и не съ чего служить службу господарю, а землица была хорошо воздѣланная или просто удобная для пана Сопѣги, который давалъ за нее хорошія деньги. Поэтому крестьянская служба, состоявшая изъ родныхъ, и рѣшила продать, деньги подѣлить, а самимъ разойтись по людямъ.

Наконецъ, извѣстный процентъ въ разрядъ вольныхъ „похожихъ" людей долженъ былъ выдѣлять и классъ слугъ, которые сами по себѣ признавались вольными людьми. Въ перечнѣ личнаго состава путныхъ, панцырныхъ, доспѣшныхъ, щитныхъ и конныхъ слугъ Смоленской земли (состав. около 1492), мы довольно часто встрѣчаемъ отмѣтку касательно тѣхъ или другихъ членовъ службъ, что они не живуть на мѣстѣ, а на сторонѣ „по службамъ". Напримѣръ, въ числѣ мощинскихъ панцырныхъ слугъ были: „Павелъ Плюсковъ; дѣти его

[406]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 471; IX, л. 238.
[407]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 83.

Ивашко а Гришко тыи по службамъ, а третій сынъ его Степанъ съ нимъ живеть, а иные малы, негодны на службы; Янъ Путята Мелековъ, а три сыны его съ нимъ у дому: Глѣбъ а Ивашко, а Яковъ а иные по службамъ: Володко, Борисъ, Ѳедько, Гришко, Ивашко; Заня Сенявичъ служилъ пану Мартину, братъ его Станя служилъ владыцѣ, а отецъ ихъ служилъ королю, а и оный служить королю" [408]). Конечно, слуги на сторонѣ искали преимущественно такой же службы, которую они несли дома королю, и которая была ихъ главною профессіею, но могло случаться, что они попадали и въ тяглые крестьяне, тѣмъ болѣе, что и дома они обработывали землю сами и были привычны къ этому занятію.

XXIII.

Послѣ всего сказаннаго можно ясно представить себѣ, какъ и въ какомъ направленіи могла развиваться дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по заселенію господарскихъ волостей. Намѣстники-державцы чрезъ господарскихъ „выводчихъ" сводили съ чужихъ земель господарскихъ крестьянъ, ушедшихъ недавно изъ волости, буде возвращеніе такихъ крестьянъ представляло выгоду и интересъ, или же приглашали крестьянъ разными льготами добровольно вернуться на покинутые ими участки. Особенно эта дѣятельность развивалась въ волостяхъ, опустѣвшихъ или отъ непріятельскаго разоренія, или отъ дурного управленья. Такъ, державца Рѣчицкій панъ Семенъ Полозовичъ при королѣ Сигизмундѣ собиралъ тамошнихъ господарскихъ подданныхъ, которые „оть великого нагабанья непрыятелей... Москвичъ, Тотаръ и Турковъ розышлись было розно прочъ" и осадилъ ими мѣсто и волость Рѣчицкую. Король за эту дѣятельность наградилъ его держаньемъ Рѣчицкимъ „до живота" на особыхъ правахъ, въ возмѣщеніе тѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ при постройкѣ замка Рѣчицкаго и собираніи волости [409]). Державы, гдѣ особенно требовалась эта собирательная дѣятельность, обыкновенно отдавались „въ держанье" до живота. Такъ, король Сигизмундъ въ декабрѣ 1510 года писалъ „ко всимъ бояромъ и слугамъ путнымъ и мѣщаномъ и людемъ волостнымъ Дорсунишского двора", что онъ отдалъ этотъ дворъ съ волостью въ держанье пану Венславу Костевичу: „а онъ маеть тотъ дворъ справляти и люди садити, а мы, видячи его таковую послугу, тотъ дворъ Дорсунишскій

[408]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.
[409]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

ему есмо дали до его живота" [410]). Намѣстники-державцы раздавали пустовщины безземельнымъ людямъ не только по собственной инціативѣ, но и по предписанію господаря. Послѣднее давалось обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда господарь, пожаловавъ кому-нибудь пустовщины, приказывалъ намѣстнику-державцѣ обыскать земли для отчичей пожалованныхъ пустовщинъ, буде они воротятся. Такъ, король Сигизмундъ въ 1519 году, пожаловавъ боярину Сопотку Стецковичу землю пустовскую Романовщину въ Городенскомъ повѣтѣ, предписалъ старостѣ Городенскому; „а естли бы отчычы тыхъ земль прышли, и твоя бы милость напротивку того иншую пустовщыну имъ далъ" [411]). Въ 1522 году, подтвердивъ боярину Францышку Карсовскому землю Строкинишку „въ Лыкменьское волости" и Янушишку „въ Неменчинскомъ повѣтѣ", данныя ему тивуномъ Виленскимъ Андреемъ Яновичемъ Завишича, король Сигизмундъ приказалъ послѣднему: „А естли бы тыхъ земль отчычы хотѣли на тыи земли свои прыити, и ты бы, иншыи земли обыскавшы, напротивку ихъ отчызны имъ подавалъ, съ чого бы они мѣли намъ службу служыти и дачки даваты" [412]) и т. д.

Пустовщины раздавались иногда не только безземельнымъ людямъ, но также и такимъ, которые имѣли свои земли и несли съ нихъ службы. Очевидно, что это были или малоземельные крестьяне, размножившіеся на извѣстномъ участкѣ, который для нихъ сталъ малъ и тѣсенъ, или же зажиточные крестьяне съ капиталомъ, которые могли осилить не одинъ участокъ и не одну службу. Пустовщины раздавались такимъ людямъ обыкновенно „на особную службу". Такъ, намѣстникъ Переломскій Андрей Олехновичъ въ 1494 году далъ господарскимъ подданнымъ Наровичамъ, Мартину съ братьею, „землю пустовскую дяколную на имя Римтишки Бортное волости на особную службу", каковое распоряженіе и было утверждено великимъ княземъ [413]). Намѣстникъ Кревскій при королѣ Александрѣ Мишко Ганусовичъ далъ человѣку кревлянину Андрею Пышконтичу землю пустовскую Туровщину, „которую жъ Костюкъ соколникъ держалъ", „на особную службу" [414]) и т. д. Но иногда намѣстники-державцы должны были придавать пустовщины къ отчинѣ не на особную службу, а на одну и ту же, которая шла и съ отчины. Это былъ одинъ

---

[410]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 409.
[411]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 34.
[412]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35, 36.
[413]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16.
[414]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

изъ способовъ удержать въ волости людей, у которыхъ почему-нибудь отчины были малы. Въ актахъ мы имѣемъ записи о подобныхъ пожалованіяхъ самого господаря, а по аналогіи можешь заключить о такихъ же раздачахъ и намѣстниковъ-державцевъ, тѣмъ болѣе что пожалованья господаря сплошь и рядомъ являются только санкціею распоряженій мѣстныхъ правителей. Такъ, при королѣ Сигизмундѣ въ 1513 году „Бортку а Якубу Романшовичомъ дана земля пустая въ Ешишкахъ на имя Шулповщина къ ихъ отчизнѣ на ройтиницкую службу“ [415]).

Господарскіе крестьяне уходили изъ волостей часто не по малоземелью, а по многоземелью, если такъ можно выразиться, потому что не въ состояніи были по находившемуся въ ихъ распоряженіи капиталу и труду эксплуатировать весь земельный участокъ, съ котораго шла служба, и нести эту службу. Желая остаться на отчинѣ, обыкновенно они сами набирали себѣ вольныхъ похожихъ людей во временные „потужники“, которыхъ сажали на своей отчинѣ „на долѣ“. Такъ, напр., писарь воеводы Виленскаго Николая Радивиловича Сенько Тереховичъ въ 1497 году показывалъ великому князю Александру о пожалованномъ ему селѣ Золотовичахъ „Дубровенскаго путя“: „А избъ тыхъ отчичовъ на томъ селци толко пять, а другая пять истобокъ прихожихъ людцей, долничковъ ихъ, а живуть у-въ одномъ мѣстѣ на томъ же селци, а болши того ничого тамъ дымовъ нѣтъ, а служба съ того селца идеть одна, панцырная“ [416]). Иногда вольные „прихожіе“ люди оставались на крестьянской отчинѣ даже и тогда, когда отчичи вымирали или покидали свою землю. Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярамъ вруцкимъ Ѳедору и Гриню Петрашевичамъ землицу Чегалаевскую въ Овруцкомъ повѣтѣ, относительно которой бояре заявили королю, „што жъ дей наслѣдковъ къ той земли никого не осталося, нижли дей человѣкъ прихожій на имя Яковъ тыми разы тую землю завѣдаеть“ [417]). Но какъ мы видѣли уже выше, иногда вольныхъ „прихожихъ людей“ къ отчичамъ присаживали и намѣстники-державцы, спасая такимъ образомъ господарскую службу [418]). Въ этомъ случаѣ они дѣйствовали такъ же, какъ и частные владѣльцы, которые присаживали къ своимъ крестьянамъ вольныхъ похожихъ людей. Такъ, напр., панъ Альбрехтъ Мартино-

---

[415]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

[416]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 89.

[417]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.

[418]) Акты Зап. Рос. I, № 133, I.

вичъ Гаштольдъ, получивъ отъ короля Сигизмунда два человѣка съ землями, Степана Милевича и Наменка Мартиновича, посадилъ на ихъ земляхъ вольныхъ „похожихъ“ людей: на „Степана Милевича земли—Матея Рудила, а на Номейковшчынѣ Станька Скуковича зъ братьею, Андрея коваля, Стания Довнаровича, плебанѣского человѣка, а Нарутеля Миитодовича“ [419]).

XXIV.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда количество наличныхъ крестьянскихъ службъ превышало потребности господарскаго двора, король Сигизмундъ предписывалъ намѣстникамъ-державцамъ лишнихъ людей „на вроцѣ осадити“. Выше было приведено такое распоряженіе относительно тяглыхъ людей, но такъ же намѣстники-державцы должны были поступать и относительно другихъ службъ. „А колко будеть соляниковъ въ томъ дворѣ нашомъ,—читаемъ въ уставѣ 1514 года,—и ты маешь колко соляниковъ на дворъ нашъ отставити и соль съ нихъ брати подлѣ обычая, чимъ бы еси мѣлъ въ томъ дворѣ нашомъ на годъ обойтися, а зъ иншыхъ маешь соль пенязми брати и до скарбу нашого давати; а ковалевъ также маешь съ потребу на дворъ нашъ отставити, а иншыхъ маешь на вроцѣ осадити, и съ нихъ пенязей съ кождого по копѣ грошей беручы, и до скарбу нашого давати; и бобровниковъ такъ же, што бы было ихъ назвышъ потребы ку службѣ бобровницкой“. Устава 1529 года распространяетъ это распоряженіе и на осочниковъ и рыболововъ; по аналогіи и формѣ самаго распоряженія, въ которомъ осочники рыболовы и ковали взяты только на примѣръ („яко осочниковъ, рыболововъ и ковалевъ“....), можно заключать, что оно относилось и ко всѣмъ крестьянскимъ службамъ вообще. Въ актахъ болѣе ранняго времени намъ не удалось найти указаній на эту ограничительную дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ въ отношеніи издѣльныхъ повинностей и натуральныхъ податей. Во владѣніяхъ удѣльныхъ и служилыхъ князей, спадавшихъ на господаря, мы встрѣчаемъ людей, сидѣвшихъ „на вроцѣ“ и платившихъ съ своей земли опредѣленную подать взамѣнъ натуральныхъ повинностей, но это установилось, очевидно, по соглашенію съ самими оброчниками, когда они садились на пустовщинахъ или на новомъ корню [420]).

---

[419]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 70.

[420]) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № I; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

Точно такъ же могли осаживать прихожихъ крестьянъ „на вроцѣ" и намѣстники-державцы господарскихъ замковъ и дворовъ. По крайней мѣрѣ, въ Торопецкомъ повѣтѣ при великомъ князѣ Александрѣ мы встрѣчаемъ особый классъ „оброчниковъ", который могъ возникнуть такимъ образомъ [421]). Въ Смоленской же землѣ король Казимиръ пожаловалъ „Родивону Бубнову *врочное серебро* на Микулинѣ, а 3 копы грошей, полъ съ казны, а полъ зъ винъ, а ему жъ жеребя" [422]); „Глѣбу Александровичу врочное серебро въ Буйгородку а у Ветличахъ; Роману Охремееву врочное серебро на Катанѣ". Въ юго-западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства оброчная подать называлась чиншемъ; но о немъ будетъ сказано ниже.

Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ служебъ вообще и въ частности по обезпеченію господарскаго хозяйства рабочими руками совершалась обыкновенно въ предѣлахъ, очерченныхъ фактами прошлаго, и была по большей части рутиной. Являясь въ волость, намѣстникъ-державца находилъ обыкновенно извѣстное число пустовскихъ земель „тяглыхъ", т. е. такихъ, съ которыхъ шла издавна тяглая служба, „данныхъ", съ которыхъ шла дань, „осочницкихъ", съ которыхъ шла осочницкая служба и т. д. Осаживая эти пустовщины людьми, намѣстникъ-державца eo ipso возлагалъ на нихъ и ту самую службу, которая съ нихъ шла. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ, какъ приказчикъ, который старался хозяйничать при данныхъ, уже до него опредѣлившихся, потребностяхъ и порядкахъ господарскаго хозяйства, не внося въ нихъ коренныхъ измѣненій, которыя сопряжены были бы съ хлопотами и отвѣтственностью. Но такъ же часто поступалъ при своихъ пожалованіяхъ земель и самъ господарь, уподобляясь хозяину, который ведетъ свое хозяйство заглазно и своими распоряженіями издали стѣсняется разрушать то, что заведено и налажено его приказчиками. Такъ, король Сигизмундъ пожаловалъ ловцу Тумашелису Богдановичу, который билъ челомъ, „што жъ дей отчизну подъ собою малу держить и не маеть, съ чого намъ послужити", землю Андреевщину, дядковщину его, по его просьбѣ: „а онъ маеть намъ,—писалъ король въ привилеѣ,—съ тое земли службою ловецкою служити, бо дей передъ тымъ съ тое земли тая жъ служба ловецкая бывала" [423]). Александръ, пожаловавъ боярину коневскому Юркгелису Некрашевичу землю конюшскую Яновщину

[421]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.
[422]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 55, 85.
[423]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 177.

въ Коневскомъ повѣтѣ, обязалъ его служить съ нея службу конюшскую и давать дякло, и только король Сигизмундъ въ 1511 г. освободилъ его отъ этой службы и дякла и велѣлъ ему служить службою боярскою [424]). Въ 1516 году король Сигизмундъ, подтвердивъ за мѣщаниномъ могилевскимъ Емельяномъ Вороновичемъ землю „данную“ Микулинщину въ Могилевской волости, пожалованную ему королевою Еленою, написалъ въ подтвержденьѣ: „нехай онъ тую землю Микулинщину держить и намъ съ нее службу служить и дань даеть по тому, какъ и передъ тымъ съ тое земли хоживало“ [425]) и т. д. Извѣстная „старина“ въ данномъ случаѣ должна была утверждаться и сохраняться сама собою и въ интересахъ господарскаго хозяйства, которое при данныхъ потребностяхъ нуждалось въ извѣстной наличности тѣхъ или другихъ крестьянскихъ службъ, и въ интересахъ самихъ крестьянъ, которые отъ перехода земельныхъ участковъ на другую службу нерѣдко должны были нести болѣе тяжелое бремя. Такимъ образомъ, еслибы, напр., тяглыя пустовщины не раздавались на тяглую же службу, въ концѣ концовъ должна была бы сократиться и дворная пашня, а для оставшихся тяглыхъ людей служба должна была сдѣлаться тяжелѣе, потому что на нихъ легли бы повинности, которыя прежде разбивались на большее количество рукъ, въ родѣ, напр., ремонта построекъ на господарскомъ дворѣ, воженья дровъ, сторожи и т. под. Еслибы осочницкія или ловецкія пустовщины не раздавались на осочницкую или ловецкую службу, въ концѣ концовъ должны были бы произойти упущенія и въ господарскихъ „оступахъ“ и „ловахъ“ вмѣстѣ съ обремененіемъ наличнаго числа осочниковъ и ловцовъ. Но особенно тяжело было бы отъ этого такимъ общинамъ господарскихъ людей, какъ данники Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, которые платили свою дань сообща въ опредѣленномъ количествѣ [426]). Положимъ, что имъ приходилось платить и за „голтяевъ“ и за „выбылыхъ“ людей, но за то имъ предоставлено было и право пользоваться ихъ пустовскими землями, съ раздачею которыхъ для нихъ исчезалъ этотъ эквивалентъ. Вотъ почему они ревностно пріискивали къ себѣ въ „потягли“ всѣхъ тѣхъ, кто получалъ отъ господаря или захватывалъ самовольно волостныя земли [427]). Здѣсь не осуществлялось какое-либо право волости на землю, какъ утверждаетъ г. Владимірскій-Будановъ,

[424]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.

[425]) Ibidem, л. 101.

[426]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; XII, л. 105, 106; XV, л. 172—174.

[427]) См. напр. Акты Зап. Рос. I, № 91.

стараясь во что бы то ни стало отстоять излюбленную идею общиннаго владѣнія землею въ древней Руси [428]), а право волости брать съ своихъ членовъ подати и повинности въ общую сумму ихъ, положенную на волость. Пустые земельные участки волости эксплуатировались обыкновенно не всею волостью сообща, а отдѣльными членами ея, которые и платили слѣдующую съ нихъ дань [429]). Естественно поэтому, что и съ новыхъ владѣльцевъ такихъ участковъ волость требовала дани въ общую сумму, даже и не касаясь самаго вопроса о правѣ ихъ на землю. При такихъ условіяхъ и раздача пустовскихъ земель на другія службы, какъ и всякія другія измѣненія въ положеніи и бытѣ крестьянъ, совершалась исподоволь и по возможности безъ ощутительнаго обремененія наличныхъ крестьянскихъ службъ. Лежитъ извѣстный земельный участокъ много лѣтъ впустѣ, никто его не беретъ „на особную службу", крестьяне привыкнуть смотрѣть на него, какъ на совсѣмъ для нихъ потерянный, свыкнутся съ нѣкоторымъ прибавкомъ для нихъ службы, послѣдовавшимъ за опустѣніемъ участка, и тогда господарь охотно жалуетъ его тому, кто у него проситъ, хотя бы и на новую службу. Обыкновенный мотивъ пожалованья въ такихъ случаяхъ: „а повѣдалъ намъ, што ж дей тыи земли давно пусты лежать, а наслѣдковъ къ нимъ никого нѣтъ и службы дей съ нихъ не служать" [430]). Эту раздачу земель съ переводомъ ихъ на другую службу производилъ обыкновенно самъ господарь, но подготовлялъ часто и намѣстникъ-державца, который ходатайствовалъ за просителя передъ господаремъ или удостовѣрялъ его показаніе относительно извѣстной земли, что она пуста, службы съ нея нѣтъ а отдать ее двору господарскому не шкодно. Бывало иногда, что намѣстникъ-державца въ такихъ случаяхъ даже давалъ самую землю „до воли и ласки господарской". Такъ, напр., державца Ейшишскій Андрей Якубовичъ Довойновича дозволилъ боярину смоленскому Яцку Ивановичу Голосовича „дѣвку поняти зъ землею тяглою, отчизною ее, на имя Станиславовщыною" и далъ ему особый „дозволеный" листъ, который король Сигизмундъ и подтвердилъ своимъ листомъ отъ 25 января 1525 года [431]).

Если при раздачѣ „пустовскихъ" земель новымъ владѣльцамъ намѣстнику-державцѣ въ большинствѣ случаевъ приходилось руковод-

---

[428]) Кіевскій Сборникъ 1892 г., стр. 383.

[429]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

[430]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

[431]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206.

ствоваться только служебною стариною этихъ земель,—тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ руководствоваться этою стариною по отношенію къ повинностямъ наличныхъ крестьянъ, которыя онъ не видоизмѣнялъ и не увеличивалъ, хотя бы это и требовалось по условіямъ господарскаго хозяйства и вообще въ господарскихъ интересахъ. Предписанія Сигизмунда о переводѣ лишнихъ служебъ съ издѣльныхъ повинностей и натуральныхъ податей на денежныя было крупнымъ нововведеніемъ въ дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ, которые до этого времени въ отношеніи крестьянскихъ повинностей и податей придерживались и обязаны были придерживаться старины. Крестьянская „старина" въ XV и началѣ XVI вѣка вообще уважалась литовско-русскимъ правительствомъ, которое не успѣло еще глубоко проникнуться воззрѣніемъ на крестьянина, какъ на безправнаго „хлопа", и ему нерѣдко говорило то же, что и боярину, и мѣщанину: „мы старины не рухаемъ, а новинъ не уводимъ" [432]). Договорное начало, на которомъ основывалось и строилось Литовско-Русское государство, глубоко проникло въ его жизнь, касаясь даже народной массы, которая въ изучаемое время имѣла также свои права и вольности, хотя и не писанныя и не такія твердыя и прочныя, какъ у высшихъ классовъ. Достаточно указать, напр., на крестьянское землевладѣніе, въ которомъ на ряду съ ясно выраженнымъ правомъ господаря на всѣ крестьянскія земли дѣйствовалъ принципъ наслѣдственности земельныхъ участковъ, уважавшійся господаремъ, совершались торговыя сдѣлки, возможныя только при общей увѣренности въ постоянствѣ владѣнія и сопряженныхъ съ нимъ правъ и обязанностей. Сюда же можно присоединить и неизмѣнность крестьянскихъ повинностей, которыя по актамъ датируются обыкновенно со временъ Витовта, утвердившаго и нормировавшаго, въ свою очередь, стародавніе порядки и обычаи [433]). На Витовтову старину крестьяне обыкновенно ссылаются, какъ на свое право, которое признается и самимъ правительствомъ. При такихъ условіяхъ намѣстники-державцы не могли переводить крестьянъ съ одной службы на другую, какъ не могли они вообще измѣнять крестьянскихъ повинностей, облегчать однихъ крестьянъ и отягощать другихъ. Въ противномъ случаѣ ихъ прежніе „поплечники" обыкновенно пріискивали ихъ къ себѣ въ „супольную" службу. Такъ, когда

[432]) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130; Акты Зап. Рос. I, № 127.

[433]) См., напр., Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 23; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161 и др.

люди тяглые Литовскаго десятка Слонимскаго повѣта привернули къ себѣ въ тяглую службу нѣсколькихъ конюховъ, съ соизволенія, конечно, намѣстника-державцы, конюхи слонимскіе Кропотчане дошли до самаго господаря и „очивисто" передъ нимъ пріискали ихъ къ себѣ въ конюшскую службу, доказавъ, что предки этихъ конюховъ всегда служили службою конюшскою, на что и получили отъ короля Сигизмунда 17 іюля 1511 года „судовый" листъ [434]).

XXV.

Что касается самыхъ работъ по господарскому хозяйству, то непосредственный надзоръ за ихъ правильностью и успѣшностью принадлежалъ съ одной стороны *тивунамъ*, которые были вообще ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ въ ихъ хозяйственно-административной дѣятельности и оберегателями господарскихъ интересовъ, съ другой стороны—*приставамъ, приказникамъ, сотникамъ, сорочникамъ, десятникамъ и старцамъ*, которые выгоняли людей на работу, раскладывали повинности и платежи и вообще слѣдили за тѣмъ, чтобы съ каждаго земельнаго участка полнилась возложенная на него служба не менѣе и не болѣе, чѣмъ было должно, дѣйствуя такимъ образомъ не только въ интересахъ господаря, но и крестьянъ.

Тивуны, какъ сказано, были ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ по надзору за работами, пашнями и другими господарскими „пожитками" [433]). Они были обыкновенно при всѣхъ дворахъ и дворцахъ, которые находились въ повѣтѣ намѣстника-державцы и при которыхъ существовали господарскія дворныя пашни. Впрочемъ, на главныхъ дворахъ, гдѣ была резиденція самого намѣстника-державцы, въ качествѣ помощниковъ его бывали и не тивуны, а *понамѣстники* изъ слугъ намѣстника-державцы [434]). Тивуны по инструкціи 1529 года должны были выбираться державцами изъ мѣстныхъ крестьянъ „лѣпшихъ служобъ". Но тивуны изъ мѣстныхъ крестьянъ не были нововведеніемъ инструкціи 1529 года и существовали ранѣе, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя указанія актовъ изучаемаго времени. Такъ, при дворѣ Грежанахъ въ Кіевскомъ повѣтѣ въ XV в. былъ тивунъ Ходыка изъ мѣстныхъ данниковъ, который держалъ землю Лазоревщину и давалъ съ нея дани копу грошей и по-

---

[434]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

[433]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 34.

[434]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21; № 160, арт. 1,

людямъ двѣ куницы [435]. Между сельцами крестьянъ Болваницкой волости Смоленскаго повѣта было „сельцо Яковлево, што былъ тивуномъ за пана Ивана Вяжевича“ [436]. Въ числѣ земель, которыя пожаловалъ король Александръ нѣкоему Ходку Коревичу въ Лидскомъ повѣтѣ, была земля Юшкова, тивуна Лидскаго, и пустая тяглая Довкговщина (слѣдовательно, первая земля не была тяглая) [437] и т. д. Родоначальниками этихъ тивуновъ, очевидно, были тѣ княжіе „сельскіе“ и „ратайные“ тивуны, о которыхъ говоритъ Русская Правда, полагая за нихъ виру выше обыкновенной крестьянской (12 гривенъ вмѣсто 5, платившихся за смерда).

Тивуны при Казимирѣ и Александрѣ назначались иногда и самимъ господаремъ изъ молодыхъ нечиновныхъ дворянъ или пановъ, но эти тивуны были на самостоятельныхъ постахъ, дѣйствовали одни, безъ намѣстниковъ-державцевъ. По актамъ они обыкновенно выступаютъ въ той же правительственной роли, какъ и намѣстники-державцы, и даже называются иногда намѣстниками, параллельно съ собственнымъ именемъ „тивунъ“ (тивунъ Радуньскій Янушъ Костевичъ, Жолудскій Юрій Смирнель и др.). Такъ, напримѣръ, тивунъ Кревскій Станько Дукуринъ разбираетъ дѣло о землѣ между боярами Миколаемъ Будковичемъ и его дядьями съ одной стороны и кн. Андреемъ Лукомскимъ съ другой [438]; тивунъ Керновскій-Водорадскій извѣщается великимъ княземъ Александромъ о пожалованіи въ его повѣтѣ 12 человѣкъ татарамъ Алыму и Ахметю Вруслановичамъ съ приказомъ дать „увязанье“ въ этихъ людей [439]; тивунъ Виленскій Ганусъ при королѣ Казимирѣ даетъ свѣдѣніе объ одной пустой землѣ, которую просилъ мѣдничанинъ Юшко Кгиргидовичъ, въ Неменчинской волости [440]; тивунъ Перелайскій Михайло Вяжевичъ собираетъ дякла и „грабитъ“ Кгинцевичей за неуплату его [441] и т. д. Тивуновъ съ такимъ значеніемъ мы встрѣчаемъ по источникамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе отодвигаемся назадъ въ XV вѣкъ, и еслибы имѣлось побольше источниковъ отъ XIV вѣка, то мы, вѣроятно, насчитали бы ихъ еще больше, чѣмъ въ XV вѣкѣ. Русь, вошедшая въ составъ великаго княжества Ли-

[435]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

[436]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

[437]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235, 236.

[438]) Лит. Метр. кн. Запис. V, л. 94.

[439]) Литов. Метр. кн. Запис. л. 45 46.

[440]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

[441]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 55.

товскаго, какъ кажется, тивуна поставила преимущественно предъ другими должностными лицами для суда и управы въ волостяхъ (отсюда для этого и особое слово „тивунити") [442]). Литва заимствовала эту должность у Руси, и первое время по пригородамъ и волостямъ ея сидѣли большею частью также тивуны [443]). Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ возрастали въ числѣ и политическомъ вліяніи знатные роды бояръ, съ конца XIV вѣка называвшихся панами, великому князю Литовскому пришлось разсаживать по волостямъ все болѣе и болѣе знатныхъ и даже сановныхъ людей, для которыхъ званіе „тивунъ" было не подходящимъ. Въ этой должности, которая вела свое происхожденіе отъ „тіуна огнищнаго" Русской Правды, до этого времени служили обыкновенно незнатные дворяне, малоимѣстные и дѣлавшіе себѣ карьеру. Что званіе „тивуна" въ глазахъ высшаго класса не могло быть подходящимъ и приличнымъ, тому доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что ex officio тивунъ не могъ имѣть въ своемъ присудѣ шляхту-бояръ, которая обращалась къ его суду только добровольно, съ обоюднаго согласія сторонъ. Кромѣ того, быть можетъ, и самый доходъ тивуна былъ меньше по сравненію съ намѣстничьимъ доходомъ, такъ что и съ этой стороны должность тивуна не подходила для литовскаго панства. Вслѣдствіе всего этого мало-по-малу намѣстники замѣняли собой тивуновъ, особенно въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, гдѣ волости должны были раздаваться преимущественно литовскимъ князьямъ и панамъ. Во второмъ очеркѣ было приведено не мало примѣровъ этой замѣны. Здѣсь можно еще присоединить къ нимъ указаніе на то, что тивуны сидѣли раньше намѣстниковъ-державцевъ и по волостямъ Поднѣпрскимъ и Задвинскимъ. О тивунахъ, державцахъ этихъ волостей, мы находимъ прямое упоминаніе въ грамотѣ короля Сигизмунда, данной имъ въ 1511 году на право самимъ собирать и вносить дани въ скарбъ и до ключей [444]). Тивуны въ качествѣ органовъ общаго суда и управленія сохранились только въ волостяхъ Жмудской земли, гдѣ старина вообще держалась прочнѣе и тверже, чѣмъ въ собственной Литовской землѣ, благодаря ея особному положенію. Въ Жмудской землѣ, кромѣ того, не было важнаго панства, для котораго должность тивуна могла бы быть низкою (за исключеніемъ, быть можетъ, двухъ-трехъ фамилій, изъ которыхъ выходили Жмудскіе старосты). Поэтому старосты Жмуд-

[442]) Лѣтоп. по Ипат. списку, стр. 555.

[443]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VI, № 1.

[444]) Акты Зап. Рос. II, № 75.

скіе со времени Казимира и до самаго 1527 года „кому хотѣли съ подданныхъ нашихъ (т. е. королевскихъ), *панов* и *бояр* земли Жомоитское, тымъ тые тивунства давали“, а послѣ 1527 года тивунства раздавалъ самъ король [445]).

Впрочемъ, и въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ тивуновъ заступили намѣстники-державцы (напримѣръ, въ Мѣдницкой), мы при этихъ послѣднихъ встрѣчаемъ впослѣдствіи тивуновъ, какъ и при всѣхъ вообще намѣстникахъ - державцахъ, чинившихъ судъ и управу въ волостяхъ, гдѣ было развито господарское хозяйство [446]). Но это были уже не тѣ тивуны-правители, которые сидѣли въ волостяхъ раньше, безъ намѣстниковъ. Это были „сельскіе“ и вмѣстѣ „ратайные“ тивуны Русской Правды, помощники намѣстниковъ-державцевъ по хозяйственному управленію и надзору и оберегатели господарскихъ „пожитковъ“ противъ всѣхъ, въ томъ числѣ и самого намѣстника. По инструкціи 1514 года тивуны, состоявшіе при намѣстникахъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, должны были беречь „жита и ярыны, который у гумнѣ на насъ (т. е. короля) двѣ части поставять, и тежъ вины малыи и великіи завѣдати, и какъ писаря нашого пошлемъ, и тивунъ маеть ему то все повѣдити справедливе“. Вслѣдствіе этого намѣстникъ при разбирательствѣ каждаго дѣла обязательно долженъ былъ имѣть съ собою тивуна [447]). Инструкція 1529 года не повторяетъ предписанія о присутствіи тивуновъ на судѣ державцевъ, но подтверждаетъ общее положеніе, что тивуны должны стеречь „господарскихъ пожитковъ“.— Впрочемъ, и эти сельскіе тивуны, непосредственно имѣвшіе дѣло съ крестьянами, знавшіе ихъ повинности и наличность ихъ земель и угодій, разбирали поземельныя столкновенія крестьянъ и различныя мелкія ихъ тяжбы. Въ уставѣ 1529 года по этому поводу читаемъ: „Тежъ, кгды подданый нашъ возметъ державцу на спорчизну якую, на судъ, о землю або о сѣножать, тогды поданый нашъ, который виненъ зостанетъ, маетъ платити яловицу, або полкопы грошей, а врядникъ державцынъ выѣдетъ, тогды десять копъ грошей; а коли понамѣстьничокъ *або тивунъ* выѣдетъ, тогды пять грошей“ [448]).

Итакъ, исторія правителей литовско-русской волости свелась въ изучаемое время къ замѣнѣ тивуна (огнищнаго Русской Правды) на-

---

[445]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81.

[446]) См., напр., Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXVII.

[447]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

[448]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.

мѣстникомъ державцею, при которомъ въ качествѣ помощника по хозяйственному управленью состоялъ тивунъ изъ мѣстной челяди дворной (3 арт. XI раздѣла Статута 1529 г.) или крестьянъ (сельскій или ратайный Русской Правды). Исключеніе въ данномъ случаѣ, какъ уже было сказано, представляла Жмудская земля, гдѣ въ качествѣ волостныхъ правителей удержались тивуны.

XXVI.

Собственныя крестьянскія власти, въ Литовско-Русскомъ государствѣ носили разныя названія, смотря по мѣстностямъ. Въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго княжествъ и въ землѣ Жмудской, т. е. въ исконныхъ литовскихъ областяхъ, мы встрѣчаемъ по актамъ *приставовъ*. По инструкціи 1529 года приставовъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, какъ и тивуновъ, должны были „обирать“ изъ крестьянъ „лѣпшихъ служобъ“ державцы; такъ, повидимому, обстояло это дѣло и раньше. Въ Жмудской землѣ приставовъ по волостямъ „годныхъ, съ подданныхъ нашихъ“ (т. е. королевскихъ) назначалъ староста, которому они платили за это его „доходъ“ [449]). Крестьянскія власти при отправленіи своихъ обязанностей, какъ и урядники собственно дворные, получали извѣстные доходы, напримѣръ, приставы Жмудскихъ волостей получали по 2 пенязя изъ рубля судебныхъ пошлинъ (очевидно, они присутствовали на судѣ державцевъ и тивуновъ, когда разбирались крестьянскія дѣла) и, кромѣ того, разныя другія „подачки“ съ крестьянъ, денежныя и натуральныя [450]). Вотъ почему въ свою очередь они платили „доходы“ назначавшему ихъ на прибыльную должность лицу. Такъ было не въ одной Жмудской землѣ: старосты Городенскіе, напримѣръ, и ихъ урядники брали свои доходы съ сотниковъ, тивуновъ, приставовъ и сорочниковъ [451]); вѣроятно, и намѣстники-державцы Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ брали что-нибудь при назначеніи на должности приставовъ, хотя прямыхъ указаній на это намъ не удалось найти въ актахъ изучаемаго времени.

Пристава были двухъ разрядовъ, волостные и посельскіе, при чемъ вторые были только помощниками первыхъ по отдѣльнымъ селамъ. Въ инвентарѣ двора Бирштанскаго, составленномъ при королѣ Але-

---

[449]) Акты Зап. Рос. II, № 149, I.
[450]) Ibidem. № 160, арт. 1, 9.
[451]) Ibidem, № 87.

ксандрѣ по случаю отдачи его „до живота" королевѣ Еленѣ, находимъ слѣдующій перечень крестьянскихъ службъ: „подъ *волостнымъ* приставомъ Петромъ осмдесять служобъ, подъ приставомъ *посельскимъ* Мацкомъ девеносто и три службы, подъ Римовишомъ сто служобъ а пустовщинъ тридцать и чотыры..., подъ Свинускимъ приставомъ подъ Мелкомъ тридцать и пять служобъ" [452]). Волостной приставъ, такимъ образомъ, какъ и посельскій, завѣдывалъ самъ непосредственно частью крестьянскихъ службъ, но въ то же время онъ былъ и главою другихъ приставовъ волости. На существованіе посельскихъ приставовъ, кромѣ этого, указываетъ дѣленіе волостей на „приставництва".Такъ, король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ тивуну Дирвянскому Венцеславу Бартошевичу три службы людей въ Ковенскомъ повѣтѣ „у Шилойнѣхъ а въ Довкгойнѣхъ приставництва Юрьева" [453]). Посельскіе пристава назывались иногда *десятниками*, а ихъ округа „десятництвами". Такъ, державца Лидскій панъ Юрій Ивановичъ Ильинича въ 1524 году далъ дворянину Өедору Лебедевичу Чеху „до воли господарское" въ повѣтѣ Лидскомъ „полчетверты земли пустыхъ: въ Живоглядовѣ *десятництвѣ* на имя Кирвелевщину а Петковщину въ Мацковщиною, а въ Оношскомъ *прыставництвѣ* на имя Горностаевщину а полземли на имя Милойковщыны" [454]). Десятниковъ встрѣчаемъ по актамъ и въ волости Ейшишской, а десятки въ качествѣ волостного подраздѣленія въ волостяхъ Дубицкой (Супонскій), Василишской (Заболотскій), Троцкой (Балтромеевъ десятокъ) [455]) и др. „Приставництва" и „десятки" назывались или по именамъ приставовъ или десятниковъ, или же по именамъ мѣстностей, гдѣ жили составлявшія ихъ службы людей; въ послѣднемъ случаѣ названіе ихъ было постояннымъ, тогда какъ въ первомъ—временнымъ и случайнымъ.

Для характеристики дѣятельности приставовъ, кромѣ общаго указанія уставы 1529 года, можно подобрать и нѣкоторыя подробности въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напримѣръ, приставъ Жижморскій выгонялъ волостныхъ людей въ „заставу" къ Трокамъ для обереганья господарскаго „скарба" и на кошенье сѣна, а также собиралъ съ нихъ дякла, которыя представлялъ городничему Троцкому; всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не хотѣли выполнять этихъ повинностей

---

[452]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217.

[453]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 51.

[454]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 182, 183.

[455]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 55; VIII л. 309, 310; л. IX, 217; XII, л. 68.

подъ тѣмъ предлогомъ, что они съ роду бояре-шляхта, пріискивалъ къ волости „въ потягли" предъ воеводою Троцкимъ [456]). Приставъ Немонойтскій въ качествѣ представителя волости пріискивалъ нѣкоторыхъ бояръ Немонойтскихъ „посполъ зъ собою сѣно косити" сначала предъ воеводою Троцкимъ Петромъ Яновичемъ, а потомъ, когда воевода рѣшилъ дѣло не въ пользу волости, передъ самимъ великимъ княземъ Александромъ [457]). Приставъ Перелайскій „правилъ" на волостныхъ людяхъ „мезлевщины и сплжи" и выгонялъ ихъ возить сѣно къ Трокамъ, изъ-за чего возникло у него цѣлое дѣло съ слугами путными Перелайскаго повѣта, которое разбиралъ сначала воевода Троцкій панъ Петръ, а потомъ и въ окончательной инстанціи великій князь Александръ [458]). Завѣдывая ближайшимъ образомъ повинностями волости, пристава точнѣе и лучше, чѣмъ сами намѣстники-державцы и ихъ урядники, знали какъ самый размѣръ и количество повинностей, лежавшихъ изстари на волости, такъ и то, кто именно изъ волостныхъ людей и какую повинность обязанъ отправлять. И съ этой стороны они оказывали немаловажную помощь намѣстникамъ-державцамъ, которые во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращались къ наличнымъ и отставнымъ приставамъ. Такъ, когда дворянинъ Олехно Ѳедоровичъ Кривецъ въ 1525 году сталъ пріискивать предъ королемъ Сигизмундомъ въ подданство себѣ нѣкоторыхъ людей Оникштенскаго повѣта, утверждая, что они „братья" его людей Стерковичей, пожалованныхъ ему королемъ до очищенья его отчины отъ непріятеля, и когда король перенесъ это дѣло къ намѣстнику-державцѣ, послѣдній „опытывалъ о томъ приставовъ и всее волости Оникштеньское" и, довѣдывавшись отъ нихъ, „ижъ тыи люди—братья его людей Стерковичовъ и службу зъ ними передъ тымъ здавна одну служыли и дякла посполъ давали", велѣлъ имъ служить Олехну и быть ему послушными [459]).

Въ той части собственной Литовской земли, которая не была исконною территоріею Литовскаго племени, и гдѣ населеніе было смѣшанное, т. е. въ такъ называемой Черной Руси, мы встрѣчаемъ въ роли приставовъ—сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ, существовавшихъ тамъ едва ли не ранѣе самого Мендовга, который первый изъ литовскихъ князей, по нашимъ свѣдѣніямъ, имѣлъ всю Черную Русь

---

[456]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 26.
[457]) Ibidem. л. 50.
[458]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 75, 76.
[459]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 218, 219.

подъ своею властію, и ко времени котораго, слѣдовательно, можно было бы относить одинаковыя для всей Черной Руси установленія. По крайней мѣрѣ, такое же волостное дѣленіе и тѣхъ же самыхъ сотниковъ и десятниковъ мы встрѣчаемъ и въ сосѣдней Берестейской землѣ и въ другихъ русскихъ земляхъ, напр., въ Кіевской, Чернигово-Сѣверской и Полоцкой, изъ чего само собою выходитъ, что это были древнѣйшія русскія установленія (отъ которыхъ происходятъ и соцкіе съ десяцкими сѣверовосточной Руси). Сотниковъ въ Городенскомъ повѣтѣ назначалъ самъ господарь „подлѣ давного обычая“ изъ мѣстныхъ крестьянъ, но доходы съ нихъ, равно какъ и съ тивуновъ, приставовъ (десятниковъ) и сорочниковъ шли въ пользу старосты [460]), который назначалъ этихъ послѣднихъ должностныхъ лицъ также изъ мѣстныхъ крестьянъ. Сотники, сорочники и десятники по актамъ выступаютъ съ совершенно тѣмъ же значеніемъ, какъ и пристава въ Литовской и Жмудской земляхъ. Такъ, напр., сотники и десятники Слонимскіе при королѣ Сигизмундѣ хлопотали о томъ, чтобы вернуть къ себѣ въ тяглую службу нѣкоторыхъ людей, которыхъ конюхи Кропотчане пріискали себѣ въ конюшскую службу [461]). Сотникъ и сорочники Городенскіе вмѣстѣ съ посланцами старосты Городенскаго Станислава Петровича отводили кн. Ѳедору Мосальскому людей съ землями и пустовщины, пожалованныя ему королемъ Сигизмундомъ въ Жорославской волости [462]). Сорочникъ Жорославскій во главѣ всѣхъ волостныхъ людей давалъ показаніе великому князю Александру о томъ, кто до него владѣлъ дворомъ Жорославскою [463]). Сорочники Своротской волости, Невдевской и Цѣринской Новгородскаго повѣта должны были при судебномъ разбирательствѣ тяжбы о землѣ Жуковщинѣ показывать, „штожъ тотъ Жукъ звѣчный былъ человѣкъ городскій (т. е. господарскій) и воротъ въ городѣ стерегивалъ“ [464]). Сорочникъ Цѣринскій въ качествѣ представителя волости тягался съ мѣщанами Новгородскими два раза предъ намѣстниками Новгородскими Миколаемъ Радивиловичемъ и Яномъ Юрьевичемъ, а въ третій разъ предъ самимъ господаремъ Александромъ въ 1499 году, желая освободиться отъ обязанности „стеречь недѣли съ подводами въ Новѣгородку“ (на случай пріѣзда господарскихъ пословъ или гонцовъ). Такъ какъ ве-

---

[460]) Акты Зап. Рос. II, № 87.

[461]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

[462]) Ibidem, л. 93, 94.

[463]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.

[464]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 73.

ликій князь согласно съ своими намѣстниками оправилъ мѣщанъ и велѣлъ Цѣринцамъ стеречь недѣли вмѣстѣ съ мѣщанами, „какъ бывало за великого князя Витовта и Жикгимонта и за отца нашого, короля его милости“, то и сорочникъ Цѣринскій долженъ былъ выгонять подводы къ Новгородку. „А которыи будутъ Цѣринцы *бояритися*,— гласитъ судовый листъ великаго князя,—тыхъ маютъ къ собѣ прінскивати“, т. е. опять же сорочникъ въ качествѣ представителя волости [465]).

Изъ приведенныхъ подробностей вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что сотники были главами крестьянства всего повѣта, сорочники—отдѣльныхъ волостей, входившихъ въ составъ повѣта (Новгородскій, Слонимскій, Волковыйскій и Городенскій повѣты, составлявшіе Черную Русь, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ, содержали въ своемъ составѣ по нѣскольку волостей), а десятники — отдѣльныхъ селъ, подобно приставамъ посельскимъ. Десятники такъ прямо и называются иногда приставами. Мы выше видѣли, что въ Городенскомъ повѣтѣ ниже сотниковъ и сорочниковъ не было десятниковъ, а были приставы. Въ инвентарѣ двора Волковыйскаго послѣ перечня таглыхъ служебъ Иванова десятка, въ числѣ которыхъ упомянутъ самъ *десятникъ* Иванъ, подведенъ такой общій итогъ: „Того Иванова десятка тридцать служобъ и 3 службы и съ текунцы и съ *прыставомъ*“ [466]). Возникновеніе такой лѣстницы крестьянскихъ властей, кромѣ группировки крестьянской осѣдлости, имѣетъ свое начало въ томъ, что крестьяне нѣкоторыми своими повинностями тянули къ центральному двору волости, въ которой они жили, а другими къ центральному двору повѣта и въ составѣ всѣхъ его волостей. Для отдѣльнаго села или группы близнихъ деревень требовался десятникъ или приставъ, для цѣлой волости сорочникъ, а для всѣхъ волостей сотникъ, который долженъ былъ слѣдить за исправностью и полнотою службы всѣхъ волостей и при случаѣ защищать и оберегать ихъ общіе интересы. Вотъ почему мы и не встрѣчаемъ сотни въ качествѣ подраздѣленія повѣтовъ Черной Руси, а только *сорока* и *десятки*. Такъ, въ Новгородскомъ повѣтѣ акты называютъ *Осоцкій сорокъ*, въ которомъ великій князь Александръ пожаловалъ пану Мартину Хребтовичу четыре пустовщины [467]). Изъ десятковъ въ Новгородскомъ повѣтѣ упоминаются: *Осьцкій*, въ которомъ великій князь Александръ въ 1497 году пожаловалъ тому же

[465]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161.

[466]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

[567]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 69.

пану Мартину Хребтовичу двухъ человѣкъ съ ихъ женами и дѣтьми, съ ихъ землями и сѣножатьми и со всѣми ихъ „дачками" [468]; *Ловецкій*, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1507 году пожаловалъ дьяку Ѳедору Михайловичу Святошѣ пять служебъ людей Вязневичей „со всимъ съ тымъ, што къ тому селу здавна слухало" [469]; *Своротовскій* (по р. Своротвѣ), въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Новгородскому Радку Яцковичу пустовщину Сыропятовщину [470]) и др. Въ Слонимскомъ повѣтѣ чаще всего встрѣчаемъ по актамъ десятокъ *Литовскій*, о которомъ была рѣчь въ первомъ очеркѣ; въ Волковыйскомъ повѣтѣ: *Кремяницкій* (по р. Кремяницѣ), въ которомъ король Александръ пожаловалъ пану Миколаю Юндиловичу людей и земли [471]); *Лысковскій*, *Жомоитскій* и *Лопеницкій* (по р. Лопеницѣ), въ которыхъ тотъ же король пожаловалъ людей и земли пану Войтеху Яновичу [472]), и др.; въ Городенскомъ повѣтѣ, гдѣ вмѣсто десятниковъ были пристава, мы не встрѣчаемъ по актамъ и десятковъ.

Подобную же организацію мы видимъ въ Берестейской и другихъ русскихъ земляхъ. Берестейскій повѣтъ также дѣлится на десятки, изъ которыхъ акты упоминаютъ, напр.: десятокъ *Подляшскій*, людей котораго великій князь Александръ въ 1495 году освободилъ отъ обязанности пасти скотъ дворца его Кіевецкаго [473]); *Поболотскій*, въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1522 г. дворянину Лукашу Скирмину два жеребья пустыхъ, Ранцовскій и Беляжинскій [474]); *Бердичевскій*, въ которомъ тотъ же король пожаловалъ въ 1512 году дьяку Ивашку Горностаеву землю Яцковщину „у Сычковщахъ" [475]); *Помуховскій* (по Мухавцу), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1511 году пожаловалъ дворянину Костѣ Пищикову жеребій пустой „въ Старомъ селѣ въ Помуховскомъ десяткѣ", а нѣсколько позже, въ 1515 году, и двухъ отчичей этого жеребья, которые пожелали воротиться на свое старое пепелище [476]), и др. Въ повѣтѣ Каменецкомъ мы встрѣчаемъ

---

[468]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 94.
[469]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 153.
[470]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113.
[471]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 120, 121.
[472]) Ibidem, л. 306, 307.
[473]) Ibidem, л. 29.
[474]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 412.
[475]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 61.
[476]) Ibidem, л. 96, 97, 233.

по актамъ *десятокъ Шостаковскій*, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1512 году пожаловалъ жеребей Коленковскій сельца Войскаго и два жеребья пустыхъ, Русиловскій и Туровскій, кн. Тимоѳею Ивановичу Капустѣ [477]). Десятки предполагаютъ существованіе десятниковъ, а такъ какъ повѣты Берестейскій и Каменецкій заключали въ своемъ составѣ по нѣскольку господарскихъ волостей, то естественно предположить и существованіе въ нихъ сотниковъ. Въ 1506 году король Александръ пожаловалъ князю Петру Михайловичу село Рожанцы въ Берестейскомъ повѣтѣ, которое состояло изъ двухъ жеребьевъ служебныхъ и четырехъ *сотныхъ*. Что такое сотные жеребьи, это явствуетъ изъ контекста жалованной грамоты: „со всими того села людми путными и данными и тяглыми, и зъ ихъ землями пашными и бортными и со всими тыхъ людей входы" [478]). Сотные жеребьи, такимъ образомъ,—тѣ, которые заняты данниками и тяглыми людьми, а названы они такъ, очевидно, потому, что эти люди съ ихъ землями и повинностями были въ вѣдѣніи сотниковъ Берестейскихъ.

Въ той части бывшей Берестейской земли, которая въ изучаемое время удержала названіе Подляшья, и въ которой скорѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, привилось польское право и учрежденія, крестьянскія власти древне-русскаго происхожденія въ изучаемое время, одновременно съ помѣромъ земель на волоки и введеніемъ нѣмецкаго сельскаго устройства, вытѣснялись войтами нѣмецко-польскаго типа. Такъ, король Казимиръ далъ земянину мельницкому Петру Кунацкому войтовство въ селѣ Головчичахъ Мельницкаго повѣта „до его живота" и тамъ же три волоки, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ ему это войтовство на вѣчность [479]). Король Александръ далъ писарю воеводы Троцкаго Еску Ивановичу войтовство на вѣчность въ Бѣльскомъ повѣтѣ на четырехъ жеребьяхъ Кошелевскихъ, на двухъ жеребьяхъ Вервечичскихъ и на лѣсѣ Топчикальскомъ. Еско долженъ былъ размѣрить эти жеребьи на волоки, осадить ихъ вольными прихожими людьми, которые должны были господарю „службу служити и дачки давати по тому, какъ и по инымъ *мѣстамъ* тамошнимъ люди зъ волокъ службу служать и подати дають". Этихъ людей судомъ и управою долженъ былъ вѣдать войтъ, которому жаловались каждая десятая волока изъ вымѣренныхъ имъ, третій грошъ съ судебныхъ штрафовъ (винъ) и мельницы. Войтъ вла-

---

477) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39.
478) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11.
479) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

дѣлъ всѣмъ этимъ на правѣ земской собственности, которое онъ могъ передавать по наслѣдству и отчуждать по доброй волѣ, и, какъ съ земской собственности, долженъ былъ нести земскую службу „поспольство съ иншими земяны Бѣльскими водлѣ вставы и вхвалы земское". Державцы Бѣльскіе, согласно выданному ему привилею, не должны были вступаться въ подначальныхъ ему людей, въ ихъ земли „и ни въ которыи платы и пожитки", за правильнымъ поступленіемъ которыхъ господарю слѣдилъ и отвѣчалъ войтъ, замѣнившій собою, такимъ образомъ, не только сотниковъ и десятниковъ, но отчасти и самого державцу [480]). На такихъ же приблизительно условіяхъ пожаловалъ король Сигизмундъ въ 1525 году земянину мельницкому Томку Хибовскому войтовство въ селѣ Шпакахъ Мельницкаго повѣта, въ 1528 году земянину Бѣльскому войтовство въ Крабовѣ Бѣльскаго повѣта [481]) и т. д.

Сотниковъ и десятниковъ мы встрѣчаемъ по актамъ и въ земляхъ Кіевской, Чернигово-Сѣверской, частью въ Смоленской, а десятниковъ, кромѣ того, въ Полѣсьѣ и въ Полоцкой землѣ. Въ Кіевской землѣ въ качествѣ дѣленія Кіевскаго повѣта находимъ десятокъ Бѣлгородскій, въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1507 году селище пустое Лисаново армянину Филиппу [482]). Десятокъ предполагаетъ существованіе и десятника. Сотниковъ и притомъ въ качествѣ представителей отдѣльныхъ волостей мы встрѣчаемъ въ той части Кіевской земли, которая нѣкогда входила въ составъ Сѣверской, а именно, въ повѣтѣ Путивльскомъ [483]). Эти сотники были изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ это открывается изъ привилея, выданнаго въ 1499 году дворянину Сеньку Жеребятичу на нѣкоторыя земли въ Путивльскомъ повѣтѣ, которыя великій князь взялъ подъ своими людьми, въ томъ числѣ подъ Дробышемъ, Жолвазскимъ сотникомъ [484]). Въ южныхъ окраинныхъ волостяхъ Кіевской земли, какъ и въ сосѣдней Подольской, въ качествѣ крестьянскихъ властей выступаютъ *атаманы*, установленные здѣсь еще татарами для завѣдыванія доходами [485]). По древнѣйшей люстраціи Кіевской земли атаманы были по селамъ изъ мѣстныхъ слугъ, которые на войну и въ ловы хоживали, но, кромѣ того, платили и подымщину, а со временъ князя Семена Олельковича

[480]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.
[481]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236, 402, 403.
[482]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 125.
[483]) Акты Зап. Рос. I, № 178.
[484]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.
[485]) К. *Stadnickiego* Synowie Gedymina I, str. 121, nota 2.

ходили на толоку, косили сѣно и несли разныя другія повинности [486]. Позднѣе, при королѣ Сигизмундѣ, атамановъ встрѣчаемъ въ Черкасахъ въ качествѣ представителей не только крестьянъ, но и мѣщанъ, которые въ Черкасахъ несли многія повинности сообща съ волостными людьми [487]; атаманы были крестьянскими волостями и въ селахъ сѣверныхъ волостей Кіевской земли, напр., въ селѣ Шепеличахъ на р. Припяти [488].

Кромѣ Путивльскаго, и другіе повѣты бывшей Черниговo-Сѣверской земли имѣли сотниковъ въ качествѣ крестьянскихъ властей и представителей. Отъ 1499 года сохранился судовый листъ великаго князя Александра по дѣлу *сотниковъ Брянскихъ* съ намѣстникомъ, княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Жеславскимъ „о крывды и повинн". Сотники, очевидно, отъ лица волостей жаловались на князя: „коли ѣздитъ со Бранска на нашу (господарскую) службу або на свои потребы до своихъ имѣній, и беретъ дей въ насъ подводы и велитъ намъ на себе станы справляти и стацыями поднимати, а здавна дей мы намѣстникомъ Брянскимъ подводъ не даивали и становъ на нихъ не справливали и стацыями ихъ не поднимывали". На судѣ, который производилъ по комиссіи отъ великаго князя канцлеръ панъ Николай Радивиловичъ, все это подтвердилось показаніями брянскихъ бояръ, и великій князь оправилъ сотниковъ: „бо мы никому новины не вводимъ, а старины не рушаемъ" [489]. Сотники были также и въ повѣтѣ Любутскомъ: въ числѣ пустыхъ земель, розданныхъ здѣсь Казимиромъ, было и селище Михнево сотниково, которое пожаловано Булгаку калужанину и зъ бортною землею" [490]. По отдѣльнымъ селамъ Черниговo-Сѣверской, какъ и Кіевской земли, существовали десятники; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ Стародубской волости были Крюковъ десятокъ и Масловъ, а, слѣдовательно, и десятники [491].

Въ Торопецкомъ повѣтѣ мы встрѣчаемъ соцкихъ, которые завѣдывали повинностями крестьянъ собственной Торопецкой волости [492], а по селамъ въ собственномъ Смоленскомъ повѣтѣ десятниковъ изъ слугъ щитныхъ (напр., Ермола въ Вержавскомъ пути и Степанко Мо-

[486]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.
[487]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 86.
[488]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VI, № V.
[489]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130.
[490]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.
[491]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 709.
[492]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

лоховской [493]) и другихъ крестьянъ. Въ качествѣ же волостныхъ начальниковъ и представителей въ собственномъ Смоленскомъ повѣтѣ являются *приказники* изъ мѣстныхъ слугъ (напр., Филимонъ, слуга и приказникъ Рославскій) или вольныхъ крестьянъ (напр., приказникъ въ Бѣлицкой волости Ананка), а иногда и изъ бояръ [494]). Роль приказниковъ по актамъ обрисовывается въ томъ же видѣ, какъ приставовъ, сотниковъ, и десятниковъ. Въ 1495 году великій князь Александръ, пожаловавъ писарю Ивашку Сопѣжичу Дмитровъ въ держанье до живота, писалъ приказнику Дмитровскому и всѣмъ людямъ Дмитровцамъ: „и вы бы его во всемъ были послушны по тому, какъ и первыхъ намѣстниковъ нашихъ. А што тамъ въ васъ дани нашое идеть намъ, тую дань казали есмо ему, збираючы на васъ, и слати до скарбу нашого" [495]). Приказники, которымъ ближайшимъ образомъ адресованъ былъ этотъ листъ великаго князя, должны были заботиться о выполненіи крестьянами ихъ волости всѣхъ повинностей и бить въ этомъ отношеніи помощниками намѣстника, посредниками между нимъ и крестьянами. Они должны были точно знать всѣ владѣнія и повинности крестьянъ, вслѣдствіе чего къ нимъ обращалось и центральное правительство и мѣстные урядники за справками. Такъ, напр., когда бояринъ смоленскій Тишко Дудинъ просилъ у намѣстника Смоленскаго Юрья Глѣбовича сельца пустого Кохановскаго въ Еленской волости на особную службу, при чемъ заявилъ „штожъ тое сельцо не тяглое, служба съ того щитная бывала, а давно лежитъ пусто, а наслѣдка къ нему никого нѣтъ", намѣстникъ „опытывалъ" о томъ приказника Еленскаго и мужей, и только послѣ подтвержденія ими заявленія боярина выдалъ ему на сельцо листъ, который великій князь Александръ и подтвердилъ своимъ листомъ [496]). Когда люди Дубровенскаго путя Митрохановы подали жалобу королю Сигизмунду на дворянина Михаила Данильевича въ томъ, что онъ выпросилъ ихъ у покойнаго короля Александра за тяглыхъ людей, а они издавна люди путные, то за разрѣшеніемъ этого дѣла обратились къ тивуну Глушицкому, который вѣдалъ дворную пашню и потому зналъ всѣхъ работавшихъ на ней людей, и къ приказнику и людямъ волости Дубровенской, которые и показали, „ижъ тые люди николи тяглою службою не служы-

---

[493]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.
[494]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.
[495]) Ibidem., л. 62.
[496]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.

вали, только путною службою служать и дань нашу (господарскую), кадь меда прѣсного, дають до погреба нашого въ замокъ Смоленскій а двѣ копѣ грошей". Согласно этому заявленью король Сигизмундъ и оправилъ людей Митрохановыхъ, приказавъ имъ служить путною службою, а Михаилу не велѣлъ въ нихъ вступаться [497]). Любопытно, что приказникъ въ данномъ случаѣ явился на судъ по приглашенію людей Митрохановыхъ, очевидно, радѣя объ интересахъ всей волости, на которую ложились лишнія тяжести вслѣдствіе отхода ея членовъ въ подданство князей, пановъ или бояръ. Въ такихъ случаяхъ приказникъ съ мужами своей волости выступалъ иногда по собственной иниціативѣ и въ качествѣ истца. Такъ, напр., приказникъ Рославскій съ мужами жаловался въ 1495 году великому князю Александру на Бориса Семеновича (окольничаго Смоленскаго), „рекомо бы онъ забралъ за себе семь селъ ихъ волости безъ данины предковъ нашихъ (господарскихъ) и отца нашого" и „отнялъ въ нихъ дуброву, выгонъ Городецкій". Хотя это заявленіе не подтвердилось, такъ какъ Борисъ Семеновичъ представилъ на все нужные документы, тѣмъ не менѣе, самый искъ очень характеренъ для приказниковъ и ихъ дѣятельности по обереганію крестьянскихъ интересовъ. Приказники тѣхъ волостей, которые назывались путами, носили названіе путниковъ [498]). Въ этой должности мы видимъ изрѣдка и бояръ (напр., Семена Ѳедькова Кудина въ Вержавскомъ пути, Михалищу—въ Радщинскомъ), такъ какъ въ Смоленской землѣ бояре нѣкоторыми повинностями примыкали къ волостнымъ людямъ, и слугъ панцырныхъ (напр., Овдюха въ Молоховскомъ пути, Глѣба—въ Дубровенскомъ), которые еще болѣе, чѣмъ бояре связаны были съ волостями [499]). Путники въ Смоленской землѣ вовсе не были „приказчики изъ княжескихъ дворовыхъ (?), управлявшіе княжескими имуществами или получившіе помѣстье за исправленіе извѣстныхъ обязанностей (почтовой гоньбы и т. п.)", какъ утверждаетъ г. Владимірскій-Будановъ, мѣшая въ одно и приказчиковъ великокняжескихъ (которыми были только намѣстники и тивуны), и путныхъ слугъ, которые никогда не имѣли такого значенія [500]). Судя по названію приказники въ Смоленской землѣ также назначались господаремъ или его намѣстникомъ, какъ и пристава, сотники, десятники, въ другихъ областяхъ. Волостные люди, если и принимали

---

497) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 284, 285.

498) Акты Зап. Рос. I, № 55.

499) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

500) Христоматія по исторіи русскаго права, вып. II, стр. 21, прим. 5.

здѣсь какое-нибудь участіе, такъ развѣ только указывали, рекомендовали, кого имъ желательно было имѣть на этой должности [501]).

О десятникахъ, какъ о крестьянскихъ властяхъ, упоминаютъ и акты, относящіеся къ Полѣсью [502]) и къ Полоцкой землѣ. Полоцкіе десятники вѣдали части волостей, которыя назывались здѣсь *станами*. Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался десятникъ Кушликовскій Иванъ Лопунъ „и въ инышими людьми господарскими, поплечники своими, стану Кушликовского“ на людей монастыря Меньонскаго, которые должны были тянуть вмѣстѣ съ Кушликовцами на станъ и давать стаціи на господаря и воеводъ Полоцкихъ, но этого не исполняли [503]). Что станы были частями волостей Полоцкихъ, на это не мало указаній можно найти въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напр., въ 1525 году 12 іюля король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Өедору Путятѣ земли, которыя онъ купилъ у слугъ путныхъ Черсвятской волости Суйскаго стану [504]). На станы дѣлились и тѣ волости Полоцкой земли, которыя въ изучаемое время отошли отъ нея и принадлежали къ Виленскому повѣту. Въ 1522 году Сигизмундъ подтвердилъ боярину Богдану Ивановичу Толоконскому двѣ земли пустыхъ „въ волости Браславской въ Добельскомъ стану“, Минютевщину и Жвирблевщину, которая-далъ ему державца Браславскаго повѣта Павелъ Ивановичъ Сопѣга [505]). Изъ этого видно, что дѣленіе на станы въ Полоцкой землѣ было очень давняго происхожденія, возникло еще до утвержденья въ ней литовскаго владычества, которое здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не измѣнило старины.

Въ такъ называемыхъ Поднѣярскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, которыя вносили свою дань прямо въ скарбъ и до ключей Виленскаго и Троцкаго, эту дань, какъ и дрогіе платежи и повинности, разметывали по людямъ и собирали *старцы* этихъ волостей [506]). По инструкціи, данной въ 1523 году державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, старцевъ, какъ и другихъ крестьянскихъ властей, должны были опредѣлять державцы. Но въ Поднѣярскихъ и Задвинскихъ волостяхъ старцы въ изучаемое время назначались самимъ го-

[501]) Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 78.
[502]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 279.
[503]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 227, 228.
[504]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 249, 250.
[505]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 67.
[506]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

сподаремъ, которому они платили отъ своего „старченья", бывшаго для нихъ доходною должностью. Такъ, въ 1482 году 30 ноября въ Трокахъ старченье Рѣчицкое взялъ Бокаръ и далъ за него королю два корабельника (за намѣстничество Рѣчицкое король въ то же время получилъ восемь корабельниковъ); отъ Могилевскаго серебрянаго старченья король въ то же время получилъ 13 копъ, а отъ медоваго Андрейко далъ 4 копы грошей (въ Могилевской волости данники также преобладали надъ другими разрядами крестьянъ) [507]). Въ волости Олучицкой передъ 1529 годомъ находился старецъ волостной, собиравшій дань, которому старченство далъ самъ господарь. Объ этомъ заявлялъ старецъ и люди Олучицкой волости, жаловавшіеся королю Сигизмунду на намѣстника Олучицкаго Никифора Бобоѣдова, который подѣлалъ имъ „крывды и драпежства великіи", а вышеупомянутаго старца велѣлъ „кромъ жадное прычыны" повѣсить [508]). Дѣятельность и значеніе старцевъ по актамъ обрисовываются въ такомъ же приблизительно видѣ, какъ дѣятельность и значеніе перечисленныхъ выше крестьянскихъ властей. Такъ, старцы въ Бобруйской волости собирали дань грошовую, медовую, бобровую и куничную и отвозили до скарбу и ключа [509]). Они же „меты метывали" на волость, т. е. раскладывали и собирали деньги „на ихъ волостную потребу". Но такъ какъ здѣсь обнаружились злоупотребленія съ ихъ стороны, то король Сигизмундъ въ 1533 году предписалъ, чтобы они собирали дань подъ надзоромъ и „свѣдомомъ" вижа мѣстнаго державцы, который долженъ былъ надзирать за раскладкою и другихъ платежей, или „розметовъ" [510]). Старцы Задвинскихъ волостей Озерищской и Усвятской вѣдали и другія повинности волостныхъ крестьянъ, кромѣ даней и денежныхъ разметовъ, напр., выгоняли ихъ волочить на господаря озеро Вымно, строить тивунскій дворъ [511]), и т. д. Какъ представители волостей, старцы отъ лица ихъ вели иски противъ намѣстниковъ-державцевъ и другихъ должностныхъ лицъ по поводу ихъ кривдъ и новинъ и т. д. Кромѣ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей старцевъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ волостяхъ, сосѣднихъ съ ними, но обыкновенно не при-

[507]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.

[508]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531, 532.

[509]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; XV, л. 172—174; Акты Зап. Рос. II, № 75.

[510]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

[511]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.

числявшихся къ нимъ, напр., въ Борисовской [512]), Могилевской и Олучицкой, въ Завской волости Кіевскаго повѣта, съ которой шла дань до ключа Кіевскаго [513]), въ Марковской и Куренской волостяхъ [514]), въ княжествѣ Мстиславскомъ [515]) и, наконецъ, въ волостяхъ Полоцкихъ [516]). Это наводитъ на мысль, что старцы въ этой мѣстности въ качествѣ должностныхъ лицъ старѣе литовскаго владычества, что эта мѣстность издавна представляла особый экономическій и общественно-бытовый районъ. На это, впрочемъ, имѣются и прямыя указанія источниковъ, которые характеризуютъ этотъ районъ какъ область осѣдлости крестьянъ-данниковъ, платившихъ съ своихъ промысловъ гроши, медъ, бобры и куницы [517]).

Такимъ образомъ, г. Владимірскій-Будановъ совершенно правъ, считая старцевъ туземными русскими властями, но онъ не совсѣмъ правъ, утверждая существованіе старцевъ во всей Руси, бывшей подъ властью Литвы. Въ южныхъ и частью въ западныхъ областяхъ ея мы встрѣчаемъ крестьянскія власти по большей части съ другими названіями (сотники, сорочники, десятники), хотя также древнерусскихъ. Точно также и дѣленіе на сотни, сорока и десятки нельзя распространять на всю Литовскую Русь, какъ дѣлаетъ г. Владимірскій-Будановъ, ибо эти дѣленія были только тамъ, гдѣ были сотники, сорочники, десятники. Одинаково неправильно описалъ крестьянскія власти и г. Леонтовичъ, не различивъ тивуновъ отъ крестьянскихъ властей въ собственномъ смыслѣ (тивуновъ можно уподобить старостамъ въ помѣщичьихъ имѣньяхъ, помощникамъ приказчиковъ; только въ Полоцкихъ волостяхъ, гдѣ были господарскіе дворы, на Полѣсьѣ и Волыни, тивуны, повидимому, совмѣщали это значеніе съ значеніемъ крестьянскихъ властей), а этихъ послѣднихъ по мѣстностямъ [518]).

---

[512]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 73.

[513]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 11.

[514]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38, 39.

[515]) Акты Зап. Рос. I, № 82, 217.

[516]) Ibidem, I, № 174.

[517]) Акты Зап. Рос. III, № 19, § 33.

[518]) См. *Владимірскаго-Буданова*. „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.“ въ Кіевскомъ сборникѣ 1892 г., стр. 380, 371; *Ѳ. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи“ въ Кіевск. Университ. Извѣст. 1863, № 11, 18—22.

Крестьянскія власти имѣли отношеніе къ такимъ повинностямъ, которыя были болѣе или менѣе общими для всего крестьянскаго населенія волости, въ родѣ, напр., работъ на господарской пашнѣ, лугахъ, на рѣкахъ и озерахъ, въ лѣсу и на дворѣ; то же самое и въ отношеніи натуральныхъ и денежныхъ податей, въ родѣ, напр., дякла и дани. Но онѣ мало или даже вовсе не касались разныхъ спеціальныхъ повинностей нѣкоторыхъ крестьянъ своей волости, въ родѣ, напр., осочницкой, ловецкой, псарецкой, конюшской, дойлидской, ковальской, клепацкой, рогатинницкой и другихъ службъ, за отправленіемъ которыхъ слѣдили главнымъ образомъ дворные урядники. Впрочемъ, гдѣ населеніе села или волости состояло изъ крестьянъ одной спеціальной службы, тамъ и крестьянскія власти вѣдали эту службу. Въ Городенскомъ повѣтѣ, напр., встрѣчаемъ сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ разныхъ спеціальныхъ службъ [519]). Для того, чтобы представить яснѣе дѣятельность крестьянскихъ властей и дворныхъ урядниковъ по взысканію съ крестьянъ лежавшихъ на нихъ податей и повинностей, необходимо изобразить тѣ условія, среди которыхъ она могла развиваться, т. е. дѣйствовавшую въ Литовско-Русскомъ государствѣ систему обложенія податьми и повинностями и въ связи съ этимъ устройство крестьянскаго землевладѣнія.

XXVII.

Литовско-Русское государство для цѣлей обложенія воспользовалось тѣми земельными единицами, которыя въ теченіе времени даны были естественнымъ развитіемъ семейно-родовой коопераціи и совладѣнія крестьянъ [520]). Понятное дѣло, что эти земельныя единицы не могли быть равными ни по размѣрамъ своимъ, ни по доходности. Сообразно съ этимъ и повинности пали на нихъ неодинаковыя. Не нужно только представлять себѣ, чтобы онѣ чрезвычайно разнообразились по своимъ размѣрамъ и доходности: существовала извѣстная средняя величина ихъ, къ которой онѣ болѣе или менѣе приближались, и которая вытекала изъ самаго происхожденія ихъ. Поэтому и

---

[519]) Акты Вилен. Археогр. Коммиссіи, т. XVII.

[520]) Какъ долго просуществовали въ крестьянскомъ быту Малороссіи родовая кооперація и совладѣніе землею, объ этомъ см., напр., въ статьѣ *И. В. Лучицкаго* „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи“. Сѣверный Вѣстникъ 1889, № 1, стр. 76.

въ наложеніи повинностей оказалось возможнымъ соблюсти извѣстное равенство и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи издѣльныхъ повинностей сдѣлать эти земельные участки единицами обложенія, т. е. требовать съ нихъ по одному ратнику на войну или по одному работнику для господарскаго хозяйства. Отсюда явилась и возможность параллельно съ числомъ крестьянскихъ участковъ вести счетъ и числу тѣхъ или другихъ „службъ“, которыя шли съ этихъ участковъ. Неравенство земельныхъ участковъ уравновѣшивалось обыкновенно тѣмъ, что крестьяне, владѣвшіе большими участками, чѣмъ другіе, несшіе одну и ту же службу, въ добавленіе къ этой службѣ платили еще что-нибудь съ своей земли деньгами или натурою. Выше, при перечисленіи разныхъ разрядовъ крестьянъ и ихъ повинностей, было приведено не мало указаній на это. Такъ, напр., тяглые люди сверхъ издѣльныхъ повинностей, дякла и мезлевы давали иногда „штось моду“ до ключей; бортники сверхъ своихъ издѣльныхъ повинностей и дани медовой платили иногда дякло; конюхи сверхъ своей спеціальной службы давали иногда дякло, иногда еще дань грошовую, медовую и куничную, а иногда служили и тяглую службу; слуги панцырные сверхъ своей службы платили иногда и дань медовую и т. д. Бывали случаи и обратные, когда крестьяне, несшіе извѣстную службу, отправляли ее не сполна, такъ какъ ихъ участки были меньше другихъ и по размѣрамъ, и по доходности, напр., не на всѣ толоки выходили не давали дякла, которое вообще бралось съ этой службы, и т. д. Г. Бершадскій до извѣстной степени правъ, говоря, что „подъ именемъ службы разумѣлась въ Литвѣ совокупность самыхъ разнообразныхъ по мѣсту и времени обязанностей, лежавшихъ на томъ или иномъ участкѣ земли“ [521]). Не нужно только было сразу начинать съ этого опредѣленія и опускать совсѣмъ изъ вниманія той средней нормы, къ которой приближались крестьянскія повинности, и которая называлась въ собственномъ смыслѣ „службою“.

Крестьянскіе земельные участки, бывшіе единицами обложенія, въ большей части областей Литовско-Русскаго государства не имѣли никакихъ спеціальныхъ названій, а назывались просто „землями“ съ прибавленіемъ имени крестьянъ, бывшихъ владѣльцами или представителями службы въ данное или прежнее время, или же какого-нибудь другого, уже чисто географическаго прозвища. Въ записной книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Римкгайлу

---

[521]) Кіевская Старина 1888, № 10, стр. 93.

земля пустая у Сомилишской волости, наслѣдка нѣтъ, не конокормская; служити ему опришнею службою, какъ и первые служивали" [522]). Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ людямъ Переломской волости Наровичамъ „землю пустовскую дяколную на имя *Римтишки* Бортной волости на особную службу", которую имъ далъ намѣстникъ Переломскій [523]). Король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ человѣку кревлянину Пышконтичу „землю пустовскую на имя *Туровщину*, которую жъ Костюкъ соколникъ держалъ, на особную службу" [524]). Въ 1511 году тотъ же король подтвердилъ человѣку Остринской волости Богдану Сѣрковичу землю *Зубейковщину* въ Городенскомъ повѣтѣ, которую далъ отцу его Сѣрку панъ Янъ Насута по приказанью короля Казимира „на особную службу и дякло" [525]). Въ актахъ мы находимъ упоминаніе о доляхъ земель, изъ чего слѣдуетъ, что „землями" въ этихъ случаяхъ назывались земельные участки, бывшіе единицами обложенія службою. Въ 1494 году великому князю Александру заявилъ писарь воеводы Виленскаго Миколая Радивиловича Сенько Тереховичъ, „штожъ купилъ (съ дозволенья в. князя) въ мѣщанина смоленского въ Артема Клекота землю пашную и бортную и сѣножать, куплю его въ Дубровенскомъ пути, двѣ доли, на имя Тугощичи"; къ этому онъ добавилъ, „што жъ на третей части тое жъ земли Тугощицкое сѣдить... чоловѣкъ на имя Михаилъ и зъ дѣтми и зъ братаничи своими", и просилъ великаго князя пожаловать ему на вѣчность „человѣка того зъ дѣтми и зъ братаничи и зъ данью и зъ берегомъ бобровымъ". Великій князь уважилъ его просьбу и выдалъ ему на то особый листъ [526]). Въ 1524 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Өедору Лебедевичу полчетверты земли пустыхъ въ Лидскомъ повѣтѣ: „въ Жывоглядовѣ десятницствѣ на имя Кирвелевщину а Петковщину зъ Мацковщиною, а въ Онюшскомъ прыставництвѣ на имя Горностаевщину а *полземли* Милойковщины" [527]).

„Земля" въ смыслѣ единицы обложенія состояла изъ пахотной земли и различныхъ угодій, относительно которыхъ акты изучаемаго времени даютъ множество указаній. Такъ, въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Өедку Копылу земля а *бе-*

---

[522]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 5.
[523]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16.
[524]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.
[525]) Ibidem, л. 42.
[526]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 86.
[527]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 182, 183.

режокъ въ той же земли, а чоловѣкъ Паѳомовичъ"[528]). Ясно, что бережокъ принадлежалъ къ крестьянской землѣ, что подтверждается, впрочемъ, и прямымъ указаніемъ, приведеннымъ выше относительно Тугощицкой земли. Въ 1504 году король Александръ подтвердилъ дворянину своему Ѳотьяну Шембелю „*гаі сосновый* и съ полемъ, што около того гаю", который онъ купилъ у людей господарскихъ городнянъ Ѳедца Кричкевича, братанича его Гринца Есиповича, ихъ женъ и дѣтей [529]). Въ 1499 году Александръ пожаловалъ пану Войтеху Кучуковичу въ Ейшишскомъ повѣтѣ восемь пустовщинъ конюшскихъ: Сойдутишки, Мустовтишки, Биликишки и т. д. „съ пашными землями и въ гаи, и *съ сѣножатми, и зъ болоты* и со всимъ по тому, што здавна къ тымъ землямъ прислухало"[530]). Въ 1506 году король Александръ подтвердилъ дворянину Ивашку Богдановичу Гостьскому въ Овруцкомъ повѣтѣ человѣка Мартинца съ братьею „и зъ землею пашною и бортною и съ сѣножатьми и со всимъ съ тымъ, што тыи люди здавна завѣдывали и въ держаньи были"[531]). Король Сигизмундъ въ 1526 году подтвердилъ на вѣчность боярину Яну Вербилу двѣ земли пустыхъ, Слековщину и Довкшовщину, „съ польми оремыми и сѣножатьми, зъ гаи *и зъ лѣсы, и зъ рѣками, съ кустовьемъ* и со всимъ съ тымъ, какъ ся тыи двѣ пустовщины зъ себѣ мѣли"[532]). Къ „землямъ", съ которыхъ полнились крестьянскія службы, „прислухали" и бортныя деревья, которыя „подлазили" крестьяне въ господарскихъ пущахъ, при чемъ права крестьянъ оставались ненарушенными даже и тогда, когда эти пущи переходили во владѣнье къ частнымъ лицамъ. Такъ, подтвердивъ въ 1513 году пану Богушу Боговитиновичу имѣнья Топчикалы и Кошели въ Бѣльскомъ повѣтѣ, король Сигизмундъ написалъ въ своемъ привилеѣ: „А которыхъ людей нашихъ и людей боярскихъ въ той его границы дерево бортное звѣчное, то маютъ люди наши и боярскіи, кромѣ иншихъ пожитковъ, завѣдати по давному"[533]). Крестьяне около этихъ бортныхъ деревьевъ иногда разработывали нивы и сѣножати, на которыя обыкновенно также признавалось ихъ право, сохранявшееся за ними и при переходѣ лѣса въ частное владѣнье. Въ 1516 году король Сигизмундъ

[528]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 36.
[529]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 244.
[530]) Ibidem, л. 140.
[531]) Ibidem, л. 252.
[532]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.
[533]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 573 - 575.

далъ писарю Коптю Васильевичу въ обмѣнъ на его имѣнье Гощово имѣнье Вейсеи съ прибавкою двадцати служебъ людей въ Переломскомъ повѣтѣ „зъ данью медовою и зъ скуничною и бобровою и житною, со всими тыхъ людей цынши, съ поборы, съ службами, зъ роботами и зъ ихъ уходомъ, и зъ землями бчелными въ нашихъ лѣсѣхъ и пановъ и бояръ нашихъ, въ которыхъ здавна уходы суть" [534]). И наоборотъ: крестьяне, становясь частновладѣльческими, продолжали сохранять свои права на бортныя деревья и земли въ господарскихъ пущахъ или островахъ (лѣсныхъ) наряду съ господарскими [535]). Въ концѣ концовъ выходило иногда и такъ, что крестьяне одного владѣльца имѣли „бортныи ухожаи" въ лѣсахъ другого, какъ, напримѣръ, упомянутаго выше пана Богуша Боговитиновича [536]). Кромѣ бортныхъ деревьевъ, нивъ и сѣножатей, крестьяне имѣли иногда и другіе „ухожаи" въ господарскихъ лѣсахъ, которые съ теченіемъ времени признавались за неотъемлемую принадлежность земель, съ которыхъ они служили свою службу, и не отходили отъ этихъ земель въ случаѣ пожалованій лѣса въ частное владѣніе. Такъ, людямъ господарскимъ Вязовчанамъ и людямъ пана Олехна Сирутевича (очевидно, бывшимъ нѣкогда господарскими) вольно было въ ловахъ имѣнья пана Яцынича Яворска „дрова и лыка брати и бѣлки ловити послѣ ловенья звѣрю Яцынина по тую границу, по которую они дерево свое бортное маютъ"; ихъ старыя нивы и сѣножати оставались неприкосновенными въ этихъ ловахъ послѣ пожалованья ихъ Яцыничу, только больше они не имѣли права припахивать [537]). Господарь вообще дозволялъ крестьянамъ и даже боярамъ эксплуатировать богатства своихъ лѣсныхъ пущъ, имѣя въ виду и собственные финансовые и военно-служебные интересы. Постоянная эксплуатація и давность ея порождали извѣстное право лицъ, которое связывалось нераздѣльно съ землею, съ которой они служили, и оставалось нетронутымъ, когда и эта земля и господарская пуща переходили въ частныя руки, въ руки новыхъ владѣльцевъ. Такъ создались тѣ запутанныя отношенія по владѣнію и эксплуатаціи угодій, которыя подавали поводъ къ постояннымъ тяжбамъ и регулировать которыя пытался девятый раздѣлъ Статута 1529 года. Кромѣ лѣса, права эксплуатаціи утверждались и по отношенію къ водамъ, рѣкамъ и озерамъ. Такъ, въ 1522 году 1 октя-

[534]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 628.
[535]) Литов. Метр. кн., Запис. XV, л. 10, 11.
[536]) Ibidem, л. 12.
[537]) Ibidem, л. 60.

бря король Сигизмундъ по жалобѣ тивуновъ и бояръ шляхты Жмудской земли писалъ старостѣ Жмудскому: „абы твоя милость въ пущахъ и озерахъ и рѣкахъ входовъ и пожытковъ ихъ звѣчистыхъ мѣти не заборонялъ, нижли бы твоя милость казалъ лововъ нашихъ боронити, гдѣ ловливалъ великій князь Витовтъ и иныи предкове наши" [538]). Въ господарскія рѣки и озера несомнѣнно имѣли „вступъ" и крестьяне, которые платили дань господарю рыбою и носили спеціальное названіе рыболововъ.

„Земли" въ смыслѣ единицъ обложенія не только въ древнее, но и въ изучаемое время находились большею частью во владѣніи крестьянскихъ семей или родовъ, которые только въ случаѣ своей малочисленности принимали къ себѣ въ „потужники" стороннихъ людей и сообща съ ними отправляли возложенную на нихъ службу. Семейно-родовая кооперація и совладѣніе не только дали Литовско-Русскому земельныя единицы для обложенія, но и продолжали быть живыми силами, которыя выполняли требованія государственнаго обложенія. Указаній на это въ актахъ безчисленное множество. Король Александръ въ 1505 году подтвердилъ пану Ѳедку Гавриловичу Мелешковича между прочимъ „одну службу въ Слонимскомъ повѣтѣ на имя Игната и его братью Матьѳея и Заня Махновичовъ [539]). Король Сигизмундъ въ 1507 году пожаловалъ Спасскому монастырю въ Смоленскѣ двѣ службы людей въ Каспльской волости „на имя Павла съ братьею Кастрычиныхъ, а Зенова съ братьею Малетиныхъ" [540]). Въ 1516 году онъ подтвердилъ подскарбію дворному пану Ивану Андреевичу купленнаго имъ у боярина сомилишскаго Якуба Довкговича „чоловѣка его отчизного на имя Кгоня и зъ его братьею зъ Ромашкомъ а зъ Бурдемъ, а зъ Якубомъ, а зъ Мицомъ, одну службу, со всею землею тыхъ людей" [541]). Тотъ же король пожаловалъ дворянину Олехну Ѳедоровичу Кривцу людей Стерковичей въ Оникштенскомъ повѣтѣ. Но братья этихъ людей Дань Войшвиловичъ, Буйкгвилъ Кголмоновичъ, Романъ Данюшовичъ, Мартинъ Малждучевичъ и Бутко Державичъ не хотѣли было ему служить и быть послушными. Тогда, по приказанью короля, державца Оникштенскій панъ Юрій Григорьевичъ опытывалъ о томъ приставовъ и волость Оникштенскую, которые и показали, „ижъ тые люди—братья его людей Стерковичовъ и службу

---

[538]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 82—84.
[539]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.
[540]) Акты Зап. Рос. II, № 23, II.
[541]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 187.

зъ ними передъ тымъ здавна одну служыли и дякла посполъ давали", въ чемъ сознались и сами виновники опроса. Панъ Юрій „водлугъ свѣдецства волостного и ихъ сознанья", велѣлъ имъ служить Кривцу, а король своимъ листомъ отъ 4 апрѣля 1525 года подтвердилъ это распоряженье [542]). Въ данномъ случаѣ землею владѣла и служила съ нея одну „супольную" службу разросшаяся крестьянская семья, или родъ. Но въ актахъ попадаются случаи, когда землю на особную службу беретъ одинъ крестьянинъ, очевидно, капиталистъ или же имѣющій много сыновей. Такъ, въ маѣ того же 1525 года король подтвердилъ конюху дворному Остринской волости Михну Наружевичу „землю пустовскую конюшскую на имя Игунекелевщину", которую ему далъ мѣстный державца „на особную службу" [543]).

На ряду съ этимъ и гораздо чаще мы встрѣчаемъ случаи, когда семья или родъ не справляются съ службой и принимаютъ къ себѣ стороннихъ людей въ „потужники". Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ Никольскому на р. Словишнѣ монастырю (въ Мозырскомъ повѣтѣ) „человѣка на имя Малея и зъ его потужникомъ со Опонасцомъ и съ Кондратомъ — одну службу" [544]). Намѣстникъ Аинскій панъ Яцко Ратомскій по приказанью короля обыскалъ боярину смоленскому Ивану Ѳедоровичу Казарину „на хлѣбокормленье" три службы людей: „Александра съ дѣтьми у Кошчычахъ, а въ Кошелевичахъ Паньва Моисеевича *зъ братьею и съ потужники его*, а Микитыну Карловича" [545]). Въ 1532 году король Сигизмундъ разрѣшилъ дворянину Петру Гриньковичу купить и держать до воли господарской дворецъ въ Городенскомъ повѣтѣ на Зиновщинѣ, который держалъ „зъ данины" господарской городничій и хоружій Витебскій Романъ Гарасимовичъ. Дворецъ этотъ заключалъ въ себѣ четыре службы „на имя: Васцовичы зъ дѣтми и зъ дядковичы; а Тимошину зъ братомъ Василевичы; а Опанасовичы и Нежковича *и зъ дѣтми ихъ и ихъ потужники Нецуковичы*, съ Омельяновыми пасынки; а Ондрейца Моисеевича зъ дѣтми и зъ дядковичы, Гриньцомъ Ивановичомъ а съ Яцыною Богдановичомъ" [546]). Потужники вообще постоянно отличаются отъ „братьи" въ широкомъ смыслѣ (родственниковъ),

---

[542]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 218, 219.
[543]) Ibidem, л. 229.
[544]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 145.
[545]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 178, 179.
[546]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 101.

изъ чего слѣдуетъ, что подъ этимъ именемъ разумѣются сторонние люди, принятые въ товарищество по владѣнію землею и несенію съ нея повинностей. Такъ, король Александръ пожаловалъ пану Войтеху Яновичу въ 1504 году нѣсколько людей въ Волковыйскомъ повѣтѣ „и зъ ихъ братьею и съ потужники ихъ, съ суполными службами тыхъ людей" [547]). Король Сигизмундъ въ 1523 году подтвердилъ на вѣчность дворянину Янушку Богдановичу Сопѣжича восемь службъ людей въ Василишскомъ повѣтѣ: „въ Бакштахъ Якова Прокориловича, Ивашка Говеновича, Пацка Корейвича а Радка Риморовича, а въ Заболотьи люди—Сенка Кудиновича, Хилимона Купигоровича, Яца Старчевича, Давыда Кубельника *и съ братьею и съ потужники ихъ*, которыми они тую осмъ служобъ здавна служывали и дяколъ тежъ осмъ Троцкихъ, какъ передъ тымъ давали, такъ и теперь дають, по полторы бочки жыта а по полторы овса" [548]). Положеніе потужниковъ разъясняетъ одно судебное дѣло, разбиравшееся въ Полоцкой землѣ въ 1533 году. Воеводѣ Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался человѣкъ господарскій полоцкій изъ Сомина, Горасимко Ходотовичъ, на человѣка господарскаго Саву Денисовича, „што жъ онъ держитъ землю мою отчызную, а мнѣ ее поступитися не хочеть". Сава по этому поводу далъ такое объясненіе: „То земля не твоя отчызная, але зъ вѣковъ моя отчызна, нижли предки мои припустили къ той земли отца и дядка твоего Отрохима, ажбы имъ у службѣ помогали. Ино отецъ твой Ходотъ умеръ, а дядко твой Отрохимъ часу валечного съ тое земли пошолъ прочъ, и што онъ, на той земли живучы, земли розробылъ и дерева придѣлалъ, и я ему за то и посилье его, полтину грошей заплатилъ, и тую землю, отчызну мою, держу и службу съ нее суполную служу и поплатки плачу, якъ и передъ тымъ съ тое земли бывало". На это объясненіе Горасимко возражалъ: „я того не вѣдаю, естли предки твои отца моего припустили къ той земли, одно я вѣдаю, што на той земли отецъ мой до живота своего жылъ, а я ее за отчызну ищу". Но воевода однако оправилъ Саву Денисовича, показаніе котораго было подтверждено „мужами тамошними", при чемъ въ мотивировкѣ своей резолюціи поставилъ особенное удареніе на томъ, что „предки того Савы добровольне были къ той земли отца его припустили для помоганья собѣ службы, и якъ дядко его съ тое земли

[547]) Литов. Метр. кн. Запис. V. л. 306 308.

[548]) Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 133, 134. Срав. *И. В. Лучицкаго* „Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи" въ Юридическомъ Вѣстникѣ, 1890, т. I, стр. 398, 399.

мочь, и онъ и посилье его ему заплатилъ, а съ тое земли службу суполѣную служить и поплатки платить“ [549]). Значитъ, въ томъ случаѣ, когда потужниковъ присаживало къ отчичамъ начальство для подмоги, когда безъ нихъ служба не могла полниться, и они долгое время, отцы и дѣти, засиживались на доли съ отчичами, то въ такихъ случаяхъ и потужники дѣлались совладѣльцами кореннымъ отчичамъ и сами становились отчичами. Вотъ почему нерѣдко жаловались они вмѣстѣ съ отчичами на вѣчность частнымъ лицамъ, какъ необходимая принадлежность той земли, на которой они осѣли. Кромѣ того, потужники могли дѣлаться владѣльцами и въ тѣхъ случаяхъ, когда покупали у отчичей часть земли, съ которой шла одна служба, и въ силу этой покупки становилась потужниками. Но, какъ мы видѣли, потужники могли и не быть владѣльцами той земли, которую обработывали, а только пользователями ея въ извѣстной долѣ. Не при такой ли крестьянской ассоціаціи и возникъ классъ крестьянъ-*господарей* въ Малороссіи [550])?

Приведенное судебное дѣло важно и въ томъ отношеніи, что даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію того, какимъ образомъ происходило иногда, что съ одной „земли“ шла не одна, а нѣсколько службъ. Такъ, королева Елена пожаловала боярину Яну Вербилу семь службъ людей въ Езненской волости „и съ тыми землями, на которыхъ тыи люди сидять, на имя Котишки а Талейкишки“ [551]). Здѣсь на одну землю приходится среднимъ числомъ по три съ половиною службы. Очевидно,—судя по названію,—эти двѣ земли находились нѣкогда во владѣніи двухъ крестьянскихъ семей, которыя служили съ нихъ двѣ службы. Увеличиваясь численно естестественнымъ путемъ или принимая къ себѣ потужниковъ, эти семьи все болѣе и болѣе разработывали пустой господарской земли, расширяя такимъ образомъ свои отчины. Правительство въ цѣляхъ поощренія земледѣльческой культуры долгое время не прибавляло имъ службы, подобно тому какъ давало оно „слободы“ всѣмъ вообще крестьянамъ, разработывавшимъ пущи и заводившимъ пашни на сыромъ корню. Когда же прошло достаточно времени, хозяйство на расширенныхъ крестьянскихъ участкахъ установилось прочно и вмѣстѣ съ тѣмъ наличное количество рабочихъ рукъ стало многочисленнымъ, правительство, не разбивая

[549]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 214, 215.

[550]) Ѳ. *Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи“ въ Кіевск. Университетск. Извѣстіяхъ 1863, № 10, стр. 27, 28.

[551]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

самихъ участковъ на болѣе мелкіе и принимая ихъ по прежнему за двѣ „земли", наложило на нихъ болѣе службъ, вмѣсто двухъ—семь. Въ актахъ, впрочемъ, встрѣчаемъ случаи и распаденія такихъ земель на самостоятельныя единицы обложенія. Такъ, въ записной книгѣ земельныхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Яцку Викгайловичу призволилъ (великій князь Казимиръ) земли половицу купити у Тричелевичохъ, а Тричелевичи и съ половины таки имають намъ служити у Вилькійской волости, а Яцко и съ купли, и съ тое половицы, такежъ имаеть намъ служити опришнею службою, какъ и Тричелевичи" [552]). Такимъ образомъ, земля разбилась здѣсь на два самостоятельныхъ участка, съ которыхъ вмѣсто одной пошли двѣ службы. Такимъ же путемъ дробились на отдѣльныя службы крестьянскіе роды и семьи и въ частныхъ имѣньяхъ. Въ 1516 году королю Сигизмунду заявлялъ панъ Богушъ Боговитиновичъ, что онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ державъ своихъ людей, пожалованныхъ ему королемъ Александромъ, такъ, какъ они къ Пунямъ служили; но такъ какъ эти люди, „служачи ему лѣсу его зъ его дозволеньемъ не мало розробили", то онъ, „хотячи собѣ съ того пожитокъ учинити и розширити подлѣ привилья короля Александра", приказалъ,—„гдѣ колве въ которой службѣ будетъ колько братаничовъ або братовъ, або сыновъ жонатыхъ, и онъ казалъ тымъ подѣлитися, на особныя службы казалъ поити". Панъ на всякій случай,—еслибы люди вахотѣли выламываться изъ его подданства, просилъ короля вписать ихъ имена въ подтвердительный листъ, который король и выдалъ ему [553]). Расширеніемъ отчины путемъ разработки прилегающей пустопорожней земли можно объяснить и тѣ случаи, когда крестьянская семья или родъ служатъ не одну, а нѣсколько службъ. Такъ, король Александръ пожаловалъ „до своее воли", а король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ „въ отчыну" дворянамъ Василью и Ивану Глѣбовичамъ-Корсаковичамъ съ братьею „люди въ Полоцкомъ повѣтѣ на Порвакъ на имя Селивестра съ тремя сынми и пятма братаничи его, съ которыхъ же людей идеть четыре службы" [554]). Впрочемъ, это могло происходить и отъ того, что сильная экономически крестьянская семья или родъ сверхъ своей отчины брали на „особную" службу и другіе земельные участки, которые пустѣли по сосѣдству.

---

[552]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 5.
[553]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 122.
[554]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 203.

Что касается самой формы владѣнія и пользованія крестьянскими участками, съ которыхъ шли „службы“ господарю, то она была различна. Крестьянскіе роды владѣли и пользовались своими пашнями и угодьями нерѣдко сообща. Въ 1513 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Ивану Зеновьевичу двухъ людей тяглыхъ „у Лепуньскомъ повѣтѣ у Прибанѣхъ“, Сенька Довкшевича съ братьею и Монка Бакшиловича съ братьею. „А повѣдилъ намъ,—гласитъ привилей короля,—што жъ тыи люди въ братьею своею *недѣлены* и двѣ службы намъ служать и дякла намъ и тежъ штось троха меду дають“ [555]). Въ 1516 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность тивуну Тондякгольскому Миколаю Володкевичу, „што купилъ у слугъ путныхъ Тондякгольскихъ на имя у Войдата Судимонтовича и въ его братаничовъ, у Пашка а въ Миклоша Юрьевичовъ, у въ Юрца Стеквиловича, а въ Наца Стекговича, землю отчизную *сумѣсную*“ [556]). Въ 1523 году король пожаловалъ тивуну Дирванскому Венцлаву Бартошевичу четыре службы людей тяглыхъ „у Жомоитской земли Телешовской волости у Неворонахъ на имя Мицка Дыркгайловича а Дровгейтиса, а Петра Рогкотойтиса, а Кгендра *и зъ ихъ братьею недѣленою* и зъ сынми“ [557]). Въ томъ же году бояринъ Ейшишскаго повѣта Янъ Миколаевичъ выпросилъ у короля землю пустовскую Невѣровщину въ томъ же повѣтѣ, исторія которой, по словамъ королевской грамоты, была такова: „а одну службу намъ съ нее служыли, а были дей между собою *недѣлны*, а потомъ дей они змерли, а тая дей землица отъ колкось десять лѣтъ пуста лежить, а службы дей съ нее и дачки никоторое нѣтъ“ [558]). Общее владѣніе и пользованіе землею не разрушалось иногда и въ томъ случаѣ, если крестьянская семья или родъ принимали въ свою среду стороннихъ людей, которые въ этомъ случаѣ назывались *сябрами*, какъ и другіе совладѣльцы-родственники. Что у крестьянъ бывали также сябры, какъ и у бояръ и у мѣщанъ, объ этомъ узнаемъ, напр., изъ подтвердительнаго привилея великаго князя Александра, выданнаго пану Юрью Зеновьевичу на землю Щолвенскую, которую онъ купилъ у людей Полоцкаго повѣта „въ Харпиныхъ дѣтей на имя въ Зенова и въ братьи его, у Василя а въ Янова—обель вѣчно“: „такежъ въ той его земли купленой Щолвенской,

555) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.
556) Ibidem, л. 189.
557) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 89.
558) Ibidem, л. 123.

—гласитъ листъ великаго князя,—сѣдятъ сябры тыхъ людей, што ему тыи земли продали, на имя Тречевичи: Кгреити зъ братомъ Матеемъ, а Довути, а Петръ, а Евнейко". Любопытно, что великій князь подтвердилъ пану Юрью не только купленную имъ у Харниныхъ дѣтей землю, но и „сябры тыхъ людей Тречевичовъ" [559]). Доли сябровъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ, какъ и доли родичей, переходили къ тѣмъ людямъ, съ которыми они были совладѣльцами. Въ 1495 году намѣстнику Витебскому князю Михаилу Ивановичу донесли на Гостмирцовъ Ивана, Еска и Ивана, „што жъ они держать за собою служебную землю на имя Грицевщину опричъ своее отчизное земли". Намѣстникъ послалъ боярина витебскаго Илью Мостычина разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Гостмирцы заявили этому посланному: „нѣтъ, господине, подъ нами служебное земли, отчызну свою держимъ, а тотъ, господине, Грицъ сябръ былъ отца нашого, на нашой отчызной земли жилъ". „Свѣтки", представленные гостмирцами, повѣдали боярину также согласно съ этимъ заявленіемъ: „мы, господине, за Койцовича (намѣстникъ Витебскій въ пятидесятыхъ годахъ XV столѣтія) помнимъ, а службы есмо не видали а ни слыхали съ тое земли". Наконецъ, тивунъ старый Яковъ, котораго бояринъ также допрашивалъ по этому дѣлу, сказалъ: „я, господине, держалъ въ Любашковѣ тивунство съ шестьдесятъ лѣтъ, а съ тое Грыцовщыны не вѣдалъ есми на службу ходечы". Въ виду такихъ показаній намѣстникъ оправилъ Гостмирцовъ, взялъ у нихъ пересудъ и землю имъ подалъ „тую Грицевщину, ихъ отчизну" [560]). Такимъ образомъ, г. Лучицкій совершенно правъ, выводя институтъ сябровства изъ родоваго или, какъ онъ выражается, семейно-общиннаго землевладѣнія и приравнивая его сему послѣднему [561]). Крестьянскіе сябры по актамъ встрѣчались намъ въ Витебской и Полоцкой земляхъ; г. Лучицкій доказалъ существованіе ихъ въ Черниговo-Сѣверской землѣ, такъ что можно предполагать существованіе ихъ и въ другихъ областяхъ великаго княжества.

Крестьянскіе семьи и роды владѣли своими отчинами иногда и раздѣльно и только сообща служили съ нихъ службу. Въ 1522 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Ковенскаго повѣта Николаю Кгинейтовичу землю пустовскую въ Ковенскомъ повѣтѣ Довятовщину: „а съ тое дей земли—читаемъ въ привилеѣ короля,—одна служба и

---

[559]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 153.

[560]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 66.

[561]) См. его статью „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи" въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1889, № 1 и 2.

дякло бывало, нижли дей чотыры браты, отчычы тое земли, подѣлили были на четверъ тую землю и однакъ таки съ тое земли одну службу служыли и дякло одно даивали" [562]). Иногда такая подѣленная земля снова объединялась въ однихъ рукахъ, когда вымирали или отходили прочь съ своихъ дѣльницъ отчичи ея. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ тивуну Троцкому Михну Ивановичу землю пустовскую Волчковщину, исторія которой была такова: „Волчко мѣлъ чотыри сыны на имя Кгойлюша а Вешка, а Нацуса, а Петкуса; ино дей тые сынове его по животѣ отца своего роздѣлили были тую землю на четверо, а потомъ дей тры брата тыхъ вмерли, Вешкусъ а Нацусъ и Петькусъ, а тотъ дей четвертый братъ ихъ Кгойлюшъ одинъ таки тую землю держалъ, и затымъ и тотъ Кгойлюшъ вмеръ" [563]). Въ 1512 году королю Сигизмунду билъ челомъ служебникъ Городенскаго повѣта Юшко Глѣбовичъ, которому король ранѣе того далъ землю пустовскую Илковщину, и повѣдалъ, „ижъ дей дядко того Илка на имя Тимошъ сѣдѣлъ на нѣкоторое части тое земли и вжо дей тотъ Тимошъ давно умеръ, а дѣти дей его съ тое земли пошли прочъ и тая дей земля тыми разы пуста лежить, а службы намъ съ нее нѣтъ"; вслѣдствіе этого Юшко просилъ короля дать ему землю Тимошевщину въ той его землѣ Илковщинѣ „на особную службу", потому что это была прежде одна земля. Король уважилъ его просьбу, и такимъ образомъ раздѣленная земля снова объединилась во владѣніи одного хозяина [564]). Но слѣды дѣленія переживали иногда самую раздѣльность владѣнія, сохраняясь въ названіяхъ отдѣльныхъ частей крестьянскаго участка. Въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ боярину жолудскому Гринку „землю пустовскую въ Жолудскомъ повѣтѣ на имя Ганцевщину а Миковщину", данную ему до господарской воли намѣстникомъ Жолудскимъ: „а повѣдалъ намъ",—гласитъ привилей королевскій,—„што жъ то земля одна, нижли дей на ней два брата сидѣли и одну службу служили, а тую землю мѣли *недѣльну*" [565]). Сплошь и рядомъ, однако, дѣленіе устанавливалось прочно, хотя служба продолжала исчисляться и отправляться со всей земли сообща. Для такихъ частей земель существовало и особое названіе—*слѣдъ*. Въ 1475 году король Казимиръ пожаловалъ пану Михаилу Кезгайловичу землю подъ Андрейкомъ, Наумовымъ братомъ, въ Новгородскомъ повѣтѣ, которую далъ этому

---

[562]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 34.

[563]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 180.

[564]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60, 61.

[565]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 144. Срав. кн. Запис. XVI, л. 54—58.

Андрейку панъ Юшко Кгойцевичъ безъ воли господаря. „А передъ тымъ тая земля,—читаемъ въ записи пожалованья,—одна была, а нинѣ подѣлена на пять слѣдовъ: подъ тымъ Андрейкомъ три слѣды а подъ Демяномъ и подъ Онципоромъ два слѣды". Въ то же время король пожаловалъ пану Михаилу „путного человѣка на имя Тереню зъ двѣма слѣды, а тые два слѣды далъ Терени великій князь Витовтъ противъ его отчины" [566]). Въ 1524 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность пану Шимку Мацковичу земли пустовскія въ Остринскомъ повѣтѣ, которыя ему даны были уже раньше, и въ которыя увязалъ его панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, державца Остринскій, причемъ въ подтвердительномъ привилеѣ помѣтилъ: а што ся дотычеть тое земли Пацковщины, панъ Александръ тое Пацковщину и Головщину землю ему за одну землю далъ, для того, штожъ дей то были два слѣды, а служба одна" [567]). Владѣльцы слѣдовъ, такимъ образомъ, несли не цѣлую службу, а только часть ея, помогали другимъ владѣльцамъ слѣдовъ той же земли нести лежавшую на всей землѣ службу. Въ 1534 году воеводѣ Полоцкому жаловался человѣкъ господарскій Корнило Якубовъ на Максима, попа церкви дворной въ Полоцкѣ св. Троицы, „ижъ онъ слѣдъ Онанкинъ, который же есть близъ Костьнаша, держить, а въ службѣ намъ, которая съ тое земли бывала, помогати не хочеть". Попъ заявилъ, что слѣдокъ этотъ пожалованъ на церковь еще королемъ Александромъ „на противку огорода тоежъ церкви святое Троицы, который принятъ на кляшторъ святого Бернадына", и съ тѣхъ поръ съ этого слѣда никакой службы не бывало, въ доказательство чего представилъ и листъ короля Александра. Но воевода, однако, не учинилъ конца дѣлу, а отложилъ его до господаря: „маемъ его милости пытати,—написалъ онъ въ судебномъ протоколѣ: которые земли предки его милости и тежъ его милость на церкви подавали, съ которыхъ передъ тымъ которые службы бывали, естли и теперь съ тыхъ земль тыежъ службы по старому мають быти або ни" [568]). Воевода былъ, очевидно, въ недоумѣніи въ виду дѣйствующаго права относительно слѣдовъ и королевскаго пожалованья. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что слѣды въ извѣстномъ отношеніи становились земельными единицами, удерживая постоянное названіе и поступая даже въ раздачу стороннимъ владѣльцамъ. Крестьяне въ актахъ являются также нерѣдко со слѣдами,

---

566) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 30.
567) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 145.
568) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 237.

а не съ землями—службами. Такъ, отъ 1495 г. имѣемъ листъ великаго князя Александра, коимъ онъ утвердилъ за писаремъ своимъ Ивашкомъ Сопѣжичемъ имѣнье, полученное имъ въ обмѣнъ отъ Васка Сопѣжича,—половину Опакова „со всимъ съ тымъ, што ся ему въ дѣлу достало, коли дѣлился съ братьею своею людми и данники, зъ данми медовыми и грошовыми, и куничными, и слободичы, и съ посажаны, и литву, зъ ихъ землями пашными и бортными и зъ сѣножатми и со всими ихъ *слѣды* и входы и пожитки и платы, и зъ торгомъ и зъ мытомъ Опаковскимъ" [569]). Изъ этого отрывка подтвердительной грамоты видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что раздѣлу подлежали и угодья, которыя и соозначаются въ понятіи слѣда. На это, впрочемъ, можно найдти и прямыя указанія: при Казимирѣ бояринъ Ошменской волости Якубъ Милошевичъ продалъ Вежкгайлу Ивашковичу „слѣдъ человѣка своего отчинного на рѣцѣ на Или, нивы и сѣножати и часчи, бобровые гоны по рѣцѣ по Или и рыба ловити" [570]). Конечно, нѣкоторыя угодья не могли въ собственномъ смыслѣ дѣлиться, и вмѣстѣ съ слѣдомъ передавалось только право на извѣстную долю шедшихъ съ нихъ „пожитковъ", на участіе въ ихъ эксплуатаціи.

Г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Помѣстья Литовскаго государства" объяснилъ „слѣдъ" такимъ образомъ: „Слѣдомъ называется участокъ, обработываемый силами одного человѣка; самое наименованіе происходитъ отъ обработки, составляющей признакъ (слѣдъ) присутствія и культурной дѣятельности человѣка"; „слѣдъ есть всегда участокъ одного человѣка" [571]). Приведенныя выдержки источниковъ относительно слѣдовъ показываютъ, какъ мало подходитъ къ дѣйствительности такое опредѣленіе. Слѣдъ могъ быть участкомъ и не одного человѣка (разумѣя его даже въ смыслѣ семьи), а нѣсколькихъ, равно какъ и одинъ человѣкъ могъ владѣть нѣсколькими слѣдами. Это не постоянная какая-нибудь величина, а мѣняющаяся сообразно съ тѣмъ, на сколько отдѣльныхъ частей распалась земля, съ которой шла одна служба. Самое этимологическое объясненіе названія „слѣдъ" слишкомъ искуственно у г. Владимірскаго-Буданова. Гораздо проще вывести это названіе изъ самаго процесса дѣлежа общей пашни или сѣнокоса, какъ онъ происходитъ у крестьянъ и по сіе время; крестьяне или проводятъ борозду, или же простой слѣдъ (на лугахъ) по

---

[569]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 24.

[570]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 74.

[571]) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. III, стр. 67, 68.

намѣченной главомъ линіи. Что слово „слѣдъ“ указываетъ на дѣлежъ земли, объ этомъ можно заключить и по тому, что слово „слѣдъ“ употребляется иногда взамѣнъ слова „дѣльница“ [572]).

Въ Смоленской землѣ части „земель“ низывались *вытями*. Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1510 году монастырю св. Троицы въ Смоленскѣ землю пашную и бортную, бобровые гоны и сѣножати, записанные монастырю однимъ изъ его старцевъ, Варсонофіемъ Гольцовымъ, а имъ въ свою очередь купленные „съ дозволеньемъ господарскимъ“ у одной мѣщанки смоленской, прибавилъ къ подтвержденью: „и што тежъ зъ иншихъ вытниковъ, которые жъ люди зъ ними тую землю мѣли и по той земли посполу бобровые гоны гонивали и давывали до казны по дванадцати грошей, и то есмо имъ на церковь Божью къ тому жъ манастырю Святой Троицы пожаловали“ [573]).

Въ Волынской землѣ и Турово-Пинскихъ княжествахъ земельные участки, бывшіе единицами обложенія, назывались *дворищами*, указывая тѣмъ прямо на свое происхожденіе отъ той совокупности земель и угодій, которая эксплуатировалась крестьянскою семьей или родомъ, жившимъ на одномъ дворѣ. О такомъ значеніи дворищъ, объ ихъ составѣ и формѣ владѣнія ими написана въ недавнее время обстоятельная статья г. Владимірскимъ-Будановымъ, помѣщенная въ „Кіевскомъ Сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“. Изъ этой статьи, къ которой мы и отсылаемъ читателя, съ полной ясностью можно убѣдиться въ томъ, что дворище представляетъ во всемъ аналогію съ описанною въ настоящемъ очеркѣ „землею“, какъ единицею обложенія. Типъ земельныхъ участковъ, служившихъ единицами обложенія, былъ во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства болѣе или менѣе одинаковъ, различаясь только особою терминологіею, смотря по мѣстностямъ. Въ Волынской землѣ и Турово-Пинскомъ Полѣсьѣ земельные участки крестьянскихъ семей и родовъ назывались дворищами. Такъ какъ г. Владимірскій-Будановъ привелъ въ своемъ изслѣдованіи факты, относящіеся преимущественно къ Полѣсью, то въ настоящемъ очеркѣ можно будетъ ограничиться свидѣтельствами источниковъ, показывающими, что дворища были единицами обложенія и въ Волынской землѣ. Въ 1495 году великій князь Александръ далъ дьяку Манцу Калусовскому три дворища „села Вербична у Володимирскомъ повѣтѣ въ Туриску“ съ людьми и со всѣми ихъ землями и угодьями, со всѣми ихъ повинностями и платежами, взамѣнъ той земли, которая взята была у

---

572) Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. II, № I.

573) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л.336—338.

него подъ мѣсто Высокое въ Дорогицкомъ повѣтѣ и размѣрена на волоки [574]). Въ 1498 году Александръ далъ земянину волынскому Олизару Петрашковичу Трескѣ „двѣ дворища въ Луцкомъ повѣтѣ въ Городени на имя Кракосовское а Лашовское вѣчно ему самому и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучимъ ихъ счадкомъ со всимъ по тому, што здавна къ тымъ дворищомъ слушало“ [575]). Въ томъ же году пожаловано было дворянину Ивашку Пышневичу пять дворищъ въ Песочномъ въ Мельницкой волости Луцкаго повѣта: „а повѣдалъ намъ,—гласитъ привилей в. князя,—што жъ тыи дворища суть данныи, а даивали намъ чотыри ведра меду прѣсного, а съ того пятого дворища служба путная служивана“ [576]). Въ 1512 году король Сигизмундъ подтвердилъ князю Константину Ивановичу Острожскому „два дворища служебныхъ у Кремяницкомъ повѣтѣ на имя Мокрое а Костенецъ“, данныхъ ему королемъ Александромъ [577]). Въ 1524 году тотъ же король пожаловалъ дворянину Василью Семеновичу Нечаю четыре дворища пустыхъ въ Супуновѣ въ Кременецкомъ повѣтѣ [578]). Въ 1532 году Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность князю Михаилу Өедоровичу Козечичу имѣнье Мокрецъ въ Турійской волости Владимирскаго повѣта, въ которомъ было пять дворищъ съ людьми, а шестое пустое, „на имя: Бѣликовское, Ходоровское, Кошелевское, Дегтеревское, Михновское, Корчмишское“, и кромѣ того придалъ ему два дворища бобровниковъ, „Василя а Игната, а Ивана зъ братьею ихъ и зъ ихъ службами и зъ землями“ тамъ же, въ Мокрецѣ. Привилей подробно описываетъ и самый составъ дворищъ: „а дали есьмо ему тые вси вышеписанные дворыща въ Мокрецы зъ людми и зъ ихъ землями пашными и бортными и сѣножатьми, и зъ лѣсы: съ боры, зъ дубровами, зъ гаи, зъ дубники, зъ лядищи, зъ паствами и выгоны, зъ ловы звѣрынными и съ пташьими, а съ сокольи гнѣзды, и зъ ловищы, и зъ рѣками и зъ рѣчками, съ потоки, ставы, ставищы, зъ млыны и ихъ вымелки, зъ бобровыми гоны и береги и зъ зеремены, зъ даньми грошовыми и медовыми, и куничными, бобровыми, съ цынпы, платы, повозы и подводы и со всими иными доходы и поплатки, которыи и зъ стародавна съ тыхъ вышейписаныхъ дворыщъ и людей и земль ихъ на насъ и на предковъ нашихъ шли“ [579]).

---

[574]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55.
[575]) Ibidem, л. 105.
[576]) Ibidem. л. 109.
[577]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 40.
[578]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 149.
[579]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 105, 106.

Терминъ „дворище“ употреблялся и въ другихъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства, но не въ томъ значеніи, какъ въ Волынской землѣ и Полѣсьѣ, а въ значеніи усадебной земли. Такъ, въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Юрью Зеновьевичу дворище и огородъ въ мѣстѣ Браславскомъ [580]). Въ 1520 году, когда король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Ѳедору Бакѣ сельцо Ясеновичое—двѣнадцать служебъ людей, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Волковыйскаго заявили ему, „штожъ дей нѣкоторые люди того сельца домы и дворища свои звѣчные въ мѣстѣ нашомъ (господарскомъ) Волковыйскомъ маютъ, а такъ дей въ селѣ земли собѣ позакупали“ [581]). Изрѣдка, впрочемъ, слово „дворище“ въ томъ же значеніи, какое оно имѣло на Волыни и Полѣсьѣ, попадается въ актахъ, относящихся къ сосѣдней съ Полѣсьемъ области Черной Руси, т. е. къ повѣтамъ Новгородскому и Городенскому. Въ 1515 году королю Сигизмунду билъ челомъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Чорторыйскій и просилъ у него „людей и дворищъ въ Новгородскомъ повѣтѣ, слугъ путныхъ на имя: Миленевича а Михалковича, а Малышевича, а Ходоровича, а Горбачевича; а въ Кореличохъ Новгородского же *стяну шести* служобъ дворищъ татарскихъ: Юхна Мосыревича а Болота Кожича, а Разлуковичовъ, а Тулатовичовъ, а Велинковичовъ, а Шиломановичовъ; а трехъ дворищъ Садовницкихъ зъ людми: Тереховичовъ а Кокаречичовъ, а Медвѣдичовъ“. Король пожаловалъ ему всѣ эти дворища, выговоривъ только для татаръ право служить ему по доброй волѣ: „а всхотять ли съ тыхъ земель соити прочъ, тогды онъ маеть ихъ съ тыхъ земель спустити, не гамуючы“ [582]).

Въ Смоленской землѣ въ такомъ же значеніи, какъ дворище въ Волынской, выступаетъ по актамъ *сельцо* и *селище*. Очевидно, что населеніе разбросано было здѣсь преимущественно мелкими поселками въ два, три, пять, много десять дворовъ, въ которыхъ жили родственники или потужники, несшіе одну службу, вслѣдствіе чего и „сельцо“ является здѣсь равнозначащимъ „службѣ“, „землѣ“ и „дворищу“. Съ такимъ значеніемъ намѣчается сельцо даже по краткимъ записямъ пожалованій короля Казимира. Такъ, въ 1452 году въ Смоленской землѣ дано было Ивашку Юрову „сельцо Мордвиново на Вехрѣ; пусто дей, а онъ отчины не держить своее; ино, будеть-ли пусто, а не

[580]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 77.

[581]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 34. Срав. кн. Запис. XVI, л. 175, 176.

[582]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200. Срав. кн. Запис. X, л. 85.

данное“ [583]). Въ 1494 году писарь воеводы Виленскаго Сенько Тереховичъ выпросилъ у короля сельцо Золотовичи въ Дубровенскомъ пути, въ которомъ жили люди господарскіе Гридко Мартиновичъ и Жданецъ Антоновичъ съ братьею. Всего было въ сельцѣ десять избъ, изъ которыхъ пять принадлежали отчичамъ, а пять людямъ прихожимъ, дольничкамъ ихъ, и со всѣхъ нихъ шла одна панцырная служба [584]). Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Ивану Өедоровичу Плюскову два сельца въ Смоленскомъ повѣтѣ „зъ двѣма службами“—Оняковыхъ и Скубятиныхъ [585]). Въ томъ же году великій князь пожаловалъ дворянина Васка Сонѣжича „селцомъ въ Мощини на имя Дубровки съ однымъ человѣкомъ на имя Павелцомъ Кулаковымъ и зъ землею пашною и бортною“ [586]). Ему же великій князь пожаловалъ до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго два сельца въ Дубровенскомъ пути, Хоминичи и Шишолово: „а повѣдалъ намъ,—гласитъ листъ великаго князя,—што жъ дей ты люди двѣма службами намъ служать, а дани намъ дають одну кадь меду“ [587]). Въ 1495 году великій князь пожаловалъ городничему Смоленскому Өедору Полтевичу сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ Максимовской волости съ людьми и ихъ потужниками, съ которыхъ „одна служба идетъ побережная“ [588]). Король Сигизмундъ пожаловалъ боярину смоленскому Дробышу „сельца у Смоленскомъ повѣтѣ у-въ Опецкой волости—двѣ службы конюшскихъ, на имя Залѣсовыхъ и Огризково, а третюю *землю* путную Терешкову“ на вѣчность ему самому, женѣ и дѣтямъ и будущимъ потомкамъ, а „особо“ одному Дробышу пожаловалъ землю пустую конюшскую Купріяновскую; въ 1514 году король пожаловалъ всѣ эти *сельца* дворянину Петру Стецковичу Хлюпича, который женился на вдовѣ Дробыша [589]) и т. д. Подобное же значеніе „сельцо“ имело и въ княжествѣ Мстиславскомъ, составлявшемъ нѣкогда часть Смоленской земли, и даже и въ сосѣднихъ волостяхъ Черниговской земли [590]). Послѣдній изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ показываетъ, что сельца пустыя въ Смоленской зем-

---

[583]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 30.
[584]) Ibidem., л. 86, 89.
[585]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 22.
[586]) Ibidem, л. 23.
[587]) Ibidem, л. 104.
[588]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 57.
[589]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 147.
[590]) Акты Зап. Рос. I, № 65, 133.

и назывались просто „землями" съ прибавленіемъ имени владѣльца. Но иногда удерживалось и названіе „сельцо пустое" въ смыслѣ земельной единицы обложенія. Такъ, въ книгѣ пожалованій короля Казимира находимъ между прочимъ слѣдующую запись: „Семену Кимбаресу—три человѣки у Ильѣ, а селцо пустое Хотево,—хоживало полкади меду,—да бережокъ" [591]). Еще чаще въ такихъ случаяхъ употреблялось слово „селище". Въ 1508 году королю Сигизмунду билъ челомъ дворянинъ кн. Василій Уваровичъ и просилъ „дву селецъ зъ людьми у Смоленскомъ повѣтѣ у Буйгородской волости, Воротишина а Дементьева, а селища пустого Хотыничъ, а у Вержавскомъ повѣтѣ другого селища пустого въ Коровчина". Король исполнилъ его просьбу и пожаловалъ ему сельца и селища „въ людьми и въ бобровыми гоны, и въ данью, и съ посощиною, и съ поплатки грошовыми" [592]).

Селище въ значеніи земли, какъ единицы обложенія [593]), употреблялось и въ другихъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства, гдѣ господствовали мелкодворныя поселенія. Съ селищами въ такомъ значеніи мы встрѣчаемся по актамъ въ княжествѣ Мстиславскомъ [594]) и въ повѣтахъ Брянскомъ, Мценскомъ и Любутскомъ [595]), которые въ изучаемое время тѣсно примыкали къ Смоленской землѣ, въ повѣтѣ Кричевскомъ, входившемъ нѣкогда въ составъ Смоленской земли [596]). Изрѣдка встрѣчаемъ „селище" въ значеніи отдѣльнаго крестьянскаго участка и въ актахъ, относящихся къ землямъ Кіевской и Витебской. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ земянину кіевскому Васку Жеребятичу „въ Кіевскомъ повѣтѣ въ Милославичохъ селище на имя Чотаново на одну соху" [597]). Въ 1522 году Сигизмундъ пожаловалъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду „селище въ Кіевскомъ повѣтѣ на имя Жукиво и съ человѣкомъ, который на томъ селищи сѣдитъ", на вѣчность [598]). Король Казимиръ далъ Богдану Сопѣжичу „человѣка тяглого у Витебскомъ повѣтѣ на имя Ходотка Теремкова и въ землею, а селища три пустыи на имя Давыдово, а Рад-

---

[591]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 38.

[592]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.

[593]) Для Смоленской земли см. особенно запись о Смоленской посощинѣ. Акты Зап. Рос. I, № 55.

[594]) Акты Зап. Рос. I, № 82.

[595]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 26, 27, 32.

[596]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 126.

[597]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 132. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 158.

[598]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 87.

цово, а Лопатино"; Богданъ представилъ великому князю Александру въ въ 1494 году и листъ короля, „што ему того одного человѣка его милость далъ и тые три *земли* пустовскіе", и великій князь подтвердилъ ему ихъ своимъ листомъ отъ 6 апрѣля того же года [599]). Въ 1533 году воеводѣ Витебскому жаловался тивунъ княгини Жилинской Ганны Борисовны Туловскій по имени Артемъ на людей господарскихъ Витебскаго повѣта, на Костька и на Степана Павлова, Ивана и Богдана Петрова Стугревъ, „што жъ они пашуть селище на имя Отрохимовщину Туловского двора, и якъ ся тотъ человѣкъ Отрохимъ звелъ, и они съ того селища князю его милости долю давали, а теперчи который годъ тое селищо пашуть, а доли съ того не даютъ". Судебное разслѣдованіе показало, что это дѣйствительно земля двора Туловскаго, а не людей Стугревъ, которые говорили: „слыхали есмо отъ предковъ своихъ, ижъ на томъ мѣстѣ передъ тымъ жилъ дядко нашъ Малышко и тую землю дядка нашого за одну отчизну держали". Вслѣдствіе этого воевода „всказалъ" землю княгинѣ Жилинской [600]). Слово „селище" нерѣдко замѣняетъ собой въ актахъ „дворище". Въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ Иванку Пашкевичу семь дворищъ въ Луцкомъ повѣтѣ въ Мельницкой волости со всѣмъ, ничего на себя не оставляя, „зъ людми и зъ ихъ землями пашными и зъ бортными и зъ сѣножатьми, и зъ данью грошовою и медовою и съ тою пошлиною, што на замокъ... Лучоскъ, старостѣ на полюдье, на годъ дають по копѣ грошей, и зъ сторожовщиною, и што за дрова дають на городъ по дванадцати грошей, и жито, и овесъ, и сѣно дають; такежъ съ тыхъ *селищъ* слуга и люди его на старосту на замокъ... Лучоскъ день сѣна кошивали" [601]). Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ земянамъ вѣницкимъ—Левону Берендею, Антону, Ювладу, Вакулѣ, Павлу „селище пустое" въ Кременецкомъ повѣтѣ на рѣкѣ Случи и на Борчаевѣ—Кузмино, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „А што будеть первѣй сего братъ нашъ Александръ король его милость альбо мы вжо того жъ *дворища* Кузмина кому дали, тые нехай теперь тое держать подлѣ первого данья" [602]).

Подобно „дворищу" слово „селище" обозначаетъ нерѣдко и простое мѣсто бывшаго поселка, усадебную и огородную землю. Въ 1495

---

[599]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 12.
[600]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 64, 65.
[601]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.
[602]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 185.

году великому князю Александру жаловался панъ Войтехъ Яновичъ на бояръ волковыйскихъ Пашковичей: „тые Пашковичи держать подъ собою селища мои, поля и сѣножати земли моее Малковщины, што ваша милость, господарю нашъ, мене пожаловали землею Малковщиною“ [603]). Въ 1503 году король Александръ подтвердилъ пану Миколаю Юндиловичу въ Волковыйскомъ повѣтѣ Кремяницкаго десятка „селищо и поле подъ Дубою Челеевичовъ надъ рѣкою Кремяницою, гдѣ они сами сидѣли, на имя Иваново, а Полуяново, и Тишово, а Демьяново, а Лаврово, а Андреево Дмитровичовъ,— всѣхъ тыхъ селищъ и съ тымъ полемъ надъ Дубою на полтретьядцать бочекъ ратушныхъ и сѣножать тыхъ же Дмитровичовъ, што ниже его пруда“ [604]), и т. д.

Въ частяхъ бывшей Берестейской земли, т.-е. въ повѣтахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Кобринскомъ, Бѣльскомъ, Мельницкомъ и Дорогицкомъ, для обозначенія крестьянскихъ земельныхъ участковъ установилось слово „жребій“. Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ, напр.: „У Берестьи Левону Шоломичу два жеребьи пустыхъ, а на третемъ два чоловѣка, дають сорокъ грошей а три ручки меду; а жеребьемъ имя: Вороновъ, Быковъ, Блювиничи“ [605]). Панъ Ходкевичъ Александръ съ дозволенья короля Казимира далъ брату своему Тишку выслугу свою въ Каменецкомъ повѣтѣ, что выслужилъ на в. кн. Сигизмундѣ „чотыри чоловѣки на имя Григорьевичи а Микуличи, а тры жеребьи пустыхъ: Дремлевскій а Брязковскій, а Левовскій“ [606]). Въ 1510 году у короля Сигизмунда просилъ дворянинъ Щастный Ощеричъ „жеребья въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Долгой на рѣцѣ на Льснѣ на имя Постоловскаго“.—„А повѣдалъ намъ,—гласитъ привилей короля,—што жъ дей тотъ жеребей тыми разы пустъ, а не данный, нижли дей только идеть съ него по шести грошей на годъ“ [607]). О жеребьяхъ, какъ земельныхъ единицахъ обложенія въ Кобринскомъ повѣтѣ, упоминаетъ инвентарь Кобринскаго монастыря св. Спаса, выдержки изъ котораго напечаталъ г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI вѣка“ [608]). Въ 1514 году у короля Си-

[603]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 60, 61.

[604]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 120, 121.

[605]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.

[606]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 633; VI, л. 140, 141.

[607]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 372.

[608]) Кіевскій Сборникъ, стр. 370, 371. Срав. Акты Вилен. Археограф. Коммиссіи VI, отд. 4-е, № 2.

гизмунда просилъ дворянинъ Миклашъ Плонскій „земль пустовскихъ, чотырехъ жеребьевъ у Бѣльскомъ повѣтѣ на имя Кудовщины а Жолкутевщины, а Чирщины, а Вареничинщины". „И повѣдилъ передъ нами,—гласитъ жалованная грамота короля,—што жъ дей тыи жеребьи здавна лежать пусты, а службы намъ съ нихъ никоторое нѣтъ, нижли дей одинъ жеребій Скудовщинныйляхъ Варуитехъ держитъ зъ доволеньемъ старостъ Бѣльскихъ, а другій дей жеребій Чирщину держить Миклашъ Боровый, а съ того дей жеребья бочку соли даеть на замокъ нашъ" [609]). Въ томъ же году король подтвердилъ бобровничему Подляшскому Павлу Свирминовичу „жеребей въ Дорогицкомъ повѣтѣ въ Буяцахъ на имя Козловскій" [610]). Въ 1525 году король Сигизмундъ пожаловалъ купцу Өедору Данильевичу два жеребья въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Шумки и Гаврильчичи: „и повѣдалъ намъ,—читаемъ въ привилеѣ короля,—што жъ на тыхъ двухъ жеребьяхъ по два человѣки: на Гаврилчицкомъ—Иванъ Рунцка а братъ его Өедко, а на Шумковскомъ Еремей а Андрей Чунорновичи; а зъ нихъ двѣ службы тяглыхъ зъ вѣковъ до замку нашого бывало, а тыи двѣ жеребьи *не есть широки*" [611]). Послѣдняя фраза характерна въ томъ отношеніи, что указываетъ на неодинаковую величину жеребьевъ и на ихъ естественное происхожденіе, такое же, какъ „земель", „дворищъ" и „селищъ", вопреки утвержденью г. Владимірскаго-Буданова [612]). Въ дополненіе къ этому указанію можно привести еще слѣдующее. Намѣстникъ Мельницкій Немира Грималичъ размѣрилъ на волоки три жеребья въ селѣ Шпаковъ Мельницкаго повѣта и вымѣрилъ изъ нихъ цѣлыхъ пятьдесятъ волокъ. Чтобы судить о размѣрахъ этихъ жеребьевъ, даже не переводя ихъ на современныя земельныя мѣры (всего около 950 десятинъ), нужно принять во вниманіе, что крестьяне, которые пожелали бы сѣсть на этихъ волокахъ должны были платить „по полукопью (30) грошей цыншу, кромѣ овсовъ, куръ и иншихъ рѣчей" съ каждой волоки [613]). Между тѣмъ бывало иногда, какъ мы видѣли, что съ цѣлаго жеребья платилось только по сорока грошей и даже по шести. Неравенство жеребьевъ въ Берестейской землѣ выступаетъ даже гораздо рѣзче, чѣмъ неравенство „земель" и „дворищъ". Нѣкоторые жеребьи были совершенно подъ силу одной крестьянской

---

609) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 173.

610) Ibidem, л. 232.

611) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 231.

612) Кіевскій Сборникъ, стр. 369.

613) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236.

семьѣ. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Мартину Заранковичу „въ Берестейскомъ повѣтѣ жеребій пустовскій у Воняи на имя Боратинскій, на которомъ же жеребьи сѣдѣлъ чоловѣкъ нашъ (господарскій) Ильяшъ“ [614]. Но на ряду съ этимъ бывали такіе жеребьи, какъ, напр., жеребей конюховъ Дровдиковъ въ селѣ Збировахъ того же Берестейскаго повѣта, на которомъ жили: Василій, Евфимъ и Левонъ Дробышевичи, Омелъ, Павелъ и Евфимъ Хоцковичи, Останко Оникеевичъ, Петрашъ и Некрашъ Пашковичъ съ сыномъ Прокопомъ, Колюхъ Цилиновичъ съ сыномъ Костенемъ, Омель Байковичъ съ братаничемъ Маркомъ, Андрей, Оверко, Трушъ, Лавринецъ и Хильцъ Осподарвевичи, Лащъ и Мацко Лучкевичи съ братаничами Паршомъ и Вацкомъ Коховичами, Свиридъ съ братаничемъ Жукомъ—всего 25 взрослыхъ и, вѣроятно, женатыхъ мужчинъ [615]. Сообразно съ этимъ и количество службы, податей и повинностей, было неодинаково, и жеребьи еще меньше были опредѣленными и равными единицами обложенія, чѣмъ „земли“ и „дворища“. Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Степану Андреевичу „въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Тристяницкой волости на рѣцѣ на Льснѣ село на имя Демидовичи, а въ томъ дей селѣ чотыры жеребьи: Носковскій а Чебереповскій, а Поддубовскій, а Лосновскій, а на тыхъ дей чотырохъ жеребьѣхъ людей семі служобъ на имя: Богданъ Кадлобъ съ сынми своими а Ондрей Чебереповичъ, а братъ его Жукъ Чеберековичъ зъ братомъ, а Демидъ зъ братомъ же, а Левко Чебереповичъ, а Андрей Носковичъ, а братъ его Кузма Носковичъ“ [616]. Такимъ образомъ, на каждый жребій въ данномъ случаѣ приходилось почти по двѣ службы; болѣе всего служебъ, очевидно, лежало здѣсь на Чебереповскомъ жеребьѣ.

Послѣ всего сказаннаго нельзя говорить объ „искусственномъ“ происхожденіи берестейско-подляшскаго жеребья. Очевидно, что это земельная единица такого же происхожденія, какъ и перечисленныя выше, данная естественнымъ развитіемъ семейно-родовой крестьянской кооперацiи и совладѣнія. Государство взяло ее за единицу обложенія въ той величинѣ ея, которая чаще всего встрѣчалась, а тѣ жеребьи, которые по своей величинѣ рѣзко отклонялись отъ другихъ, обложило двойною, тройною и вообще большею службою. Жребій вообще представляетъ полную аналогію „землѣ“ и „дворищу“ не только

---

[614]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 168.

[615]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 96, 97.

[616]) Литов. Метр. кн Запис. VIII, л. 468; VII, л. 566, 567.

по значенію своему, но и по составу и формѣ владѣнія имъ. Въ составъ жеребья входили не только пахотныя земли, но и угодья. Такъ, король Александръ въ 1506 году пожаловалъ дворянину Павлу Раѵковичу въ уплату долга въ 400 золотыхъ людей Митковичей въ Мельницкомъ повѣтѣ, сидѣвшихъ на двухъ жеребьяхъ, „зъ ихъ платы грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ ихъ службами, и зъ дяклы, и зъ землями пашными и бортными, и зъ ихъ входы и зъ лѣсы, и зъ сѣножатьми, и зъ ловы, и зъ ловищи звѣринными и пташьими, и съ ставы, и съ ставищи, и зъ млыны и зъ ихъ вымелками" [617]). Всѣми этими землями и угодьями крестьянскія семьи или роды владѣли и пользовались или сообща, или раздѣльно; послѣднее чаще всего встрѣчалось на большихъ жеребьяхъ, гдѣ сидѣли разросшіеся крестьянскіе роды или принявшіе къ себѣ потужниковъ. Отдѣльныя части жеребьевъ нерѣдко усвоивали особыя названія. Такъ, въ 1506 году королю Александру билъ челомъ дьякъ писаря Богуша Боговитиновича Михайловичъ и просилъ „жеребья *одного* пустовского въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Городищи на имя Кобылщинского а Вахновского, а Мординского; а повѣдалъ намъ, „што жъ тотъ жеребей пустъ, а службы намъ съ него нѣтъ" [618]). Въ 1516 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Юрью Ивановичу Ильинича „половицу жеребья въ Каменицкомъ повѣтѣ Рыжковщину и люди, которыи на той половици жеребья сидѣли, на имя Дениса а Артема, а Яца Пелищовичовъ" [619]). Тотъ же король Сигизмундъ пожаловалъ земянамъ Бѣльскимъ Андрею Брезыньскому и Войтку Петровичу „осмъ земль у Бреньской волости на имя Луцевщыну а Левенщыну, а Коштюновщыну, а Мендюковщыну, а Мишковщыну, а Сеневщыну, а Юрковщыну, а Соцовщыну, а тыхъ земль осми только два жеребья" [620]) и т. д.

Въ Берестейско-Подляшской землѣ дѣленіе на жеребьи все болѣе и болѣе вытѣснялось въ изучаемое время искусственнымъ дѣленіемъ на равныя земельныя единицы—волоки. Земельныя единицы, данныя естественнымъ развитіемъ крестьянской семейно-родовой кооперации и совладѣнія въ такой странѣ, какъ Подляшье, гдѣ было множество пустыхъ земель, дикихъ зарослей и болотъ, слишкомъ разнообразились по своей величинѣ и потому не могли служить удобными объектами обложенія. Вслѣдствіе этого, а также благодаря географической близости

617) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 249; срав. л. 207.

618) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 253.

619) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 115, 116.

620) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.

и этнографическому сродству этой области съ Польшею сюда рано проникла дѣйствовавшая въ Польшѣ волочная система вмѣстѣ съ нѣмецко-польскимъ крестьянскимъ устройствомъ и стала вводиться исподоволь въ частныхъ имѣньяхъ, а также и въ господарскихъ волостяхъ. Въ послѣднихъ вводилъ уже ее великій князь Витовтъ, когда созывалъ и осаживалъ „кметей" на пустыхъ земляхъ: „теды 14 дни презъ еденъ рокъ вшелкій кмѣть въ волови робилъ въ повѣтѣ" [621]). При королѣ Казимирѣ, когда садили мѣсто Высокое въ Дорогицкомъ повѣтѣ, то между прочимъ „помѣрили на волоки" землю дьяка Манца Калусовскаго, которую онъ купилъ въ Лутовѣ, и взамѣнъ которой великій князь Александръ пожаловалъ ему въ 1495 году три дворища села Вербична въ Турійской волости Владимирскаго повѣта [622]). Король Александръ пожаловалъ Еску Ивановичу, писарю воеводы Троцкаго Миколая Миколаевича, „войтовство въ Бѣльскомъ повѣтѣ на четырехъ жеребьѣхъ Кошелевскихъ, а на другихъ двухъ жеребьѣхъ земли Вервечичскихъ, а на лѣсѣ Топчикальскомъ, которыи жъ земли и лѣсъ онъ поднялся его милости на волоки розмѣряти и мѣсто людьми осадити прихожими вольными". Эти люди, высидѣвшіе волю „подлѣ обычая тамошнего" должны были „давати плату съ кождое волоки на годъ по золотому а по два корцы овса, а по гусяти, а по двою куровъ, а по тридцати яицъ, а одинъ день въ недѣлю службу тяглую служити", платить и служить такъ, какъ платили и служили съ волокъ и по инымъ мѣстамъ тамошнимъ. Войтъ получилъ право выдѣлить себѣ изъ всѣхъ волокъ десятую къ одной сторонѣ и брать въ свою пользу „третій пенязь съ присуда" и вымелки съ мельницы, за что въ свою очередь, кромѣ управленія всѣми крестьянами, посаженными на вымѣренныхъ имъ волокахъ, долженъ былъ „службу земскую заступовати по тому, какъ иные войтове мѣстъ нашихъ (господарскихъ) тамошнего края службу земскую заступують" [623]). Въ 1514 году король Сигизмундъ приказалъ старостѣ Бѣльскому пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду мѣсто „новосадити" на рѣкѣ Нарвѣ, для котораго велѣлъ отмѣрить триста волокъ. Выданный по сему случаю привилей короля гласитъ: „Нехай они, мѣсто наше, на тыхъ волокахъ сидятъ и ихъ пашуть и вживають. А не мають они никоторыхъ служобъ служити а ни подводъ давати подъ насъ, господаря, и подъ послы и гонцы чюжоземцы, которыи къ намъ будутъ ѣздити, и подъ наши, а

---

[621]) Акты Зап. Рос. I, № 189.

[622]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55.

[623]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

никоторыхъ податокъ и стацей и иншихъ давати: только маютъ они въ кождый годъ на рокъ, на день святого Мартина, давати намъ съ каждое кърчмы по золотому черленому капщины, а циншу врочистого зъ волоки по полукопью грошей литовское монеты а по двое куровъ, по двѣ бочцѣ овса, а по возу сѣна; и коли прiѣдемъ до того мѣста нашего, тогда маетъ насъ тымъ быти поднимано, а кромѣ того не маютъ жадныхъ стацей намъ а никому давати. И маютъ ся справовати и рядити во всихъ членкахъ такъ звычайне и достаточне, какъ у мѣстѣ нашомъ коруны Польское у Хелмѣ справуютъ" [624]). Размѣреніе на волоки производилось и для мѣста Милейчицкаго, которое король Сигизмундъ приказалъ садить въ 1516 году въ Берестейскомъ повѣтѣ [625]), и для мѣстечка Войни въ томъ же повѣтѣ въ 1519 году [626]). Около 1525 года староста Мельницкій Немира Грималитъ размѣрилъ на волоки три жеребья въ селѣ Шпакахъ Мельницкаго повѣта и, сдѣлавъ войтомъ на этихъ жеребьяхъ земянина мельницкаго Томка Хибовскаго, велѣлъ ему „люди осаживати на цинну", „по полукопью грошей" съ волоки, кромѣ овса, куръ и другихъ платежей; „и къ тому войтовству прыдалъ ему тры волоки въ кождомъ поли и ставокъ зъ млыномъ и третій грошъ съ кождое вины", за что онъ долженъ былъ служить службу земскую „на кони съ щитомъ" [627]). Въ 1528 году король Сигизмундъ велѣлъ „волю новую садити" въ повѣтѣ Бѣльскомъ „въ лѣсѣ на имя у Крабовѣ" и быть войтомъ земянину Марку Залѣсскому, которому онъ пожаловалъ десятую волоку, третій пенязь съ каждой вины, корчму вольную „и иныи вси доходы войтовскіи" [628]) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что волочное измѣреніе въ Берестейско-Подляшской землѣ вводилось постепенно на сыромъ корню или же на опустѣвшихъ жеребьяхъ, и что на ряду съ нимъ существовало и было въ силѣ старинное дѣленіе на жеребьи. Послѣ этого нельзя говорить о раннемъ распространеніи волочной системы „въ Бѣлоруссіи и Полѣсьѣ", какъ дѣлаетъ это г. Иловайскій, слѣдуя въ этомъ отношеніи г. Владимірскому-Буданову (въ послѣднее время, впрочемъ, значительно измѣнившему свой взглядъ на этотъ предметъ) [629]).

---

624) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 85.

625) Ibidem, л. 124, 125.

626) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17. Срав. XI, л. 62; XIII, л. 1—7.

627) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236.

628) Ibidem, л. 629.

629) Исторія Россіи, т. III, стр. 85; Кіевскій Сборникъ, стр. 258.

XXVIII.

„Вслѣдствіе этой (волочной) системы,—говоритъ г. Иловайскій,—тамъ (въ Бѣлоруссіи и Полѣсьѣ) рано разрушилось общинное крестьянское землевладѣніе, и образовалась чрезвычайная дробность поселеній, такъ что село состояло иногда изъ двухъ или трехъ дворовъ". Изъ приведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ фактовъ, относящихся до крестьянскаго землевладѣнія XV и начала XVI вѣка, видно, что волочная система нисколько не повинна въ томъ, въ чемъ обвиняетъ ее г. Иловайскій. Раздѣльное владѣніе землею и дробность поселеній (напр., въ Смоленской землѣ, гдѣ крестьянскіе участки назывались „селищами") вытекли изъ мѣстныхъ данныхъ историческаго развитія, а не были дѣломъ какихъ нибудь правительственныхъ заимствованій со стороны. Съ другой стороны и объ общинномъ землевладѣніи, какъ о дѣйствительномъ факторѣ экономической и общественной жизни литовско-русскаго крестьянства, можно говорить, только принимая его въ предѣлахъ крестьянской семьи, рода или товарищества, выполнявшаго одну „службу" господарю. Но такое общинное землевладѣніе существовало въ изучаемую эпоху на ряду съ раздѣльнымъ, иногда уступая мѣсто этому послѣднему, а иногда замѣняя его. При этомъ, какъ увидимъ ниже, оно вовсе не составляло спеціальной особенности крестьянскаго быта, но въ равной мѣрѣ имѣло мѣсто и въ быту военнослужилаго класса. Изслѣдователи, впрочемъ, и не разумѣютъ это общинное землевладѣніе. „Земли всего села, говоритъ г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія,—нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлитъ ихъ на дворища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что эта послѣдняя (?) можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ, бортяхъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка ея совершается сообща" [630]). Но тѣ данныя источниковъ, на которыя онъ опирается въ этомъ утвержденіи, на нашъ взглядъ вовсе не говорятъ въ его пользу. Справедливо, что село, заключавшее въ себѣ одно дворище или развившееся изъ одного дворища, могло владѣть и обрабатывать нѣкогда землю сообща, и до этихъ поръ можно слѣдовать за г. Владимірскимъ-Будановымъ. Но у насъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ для утвержденія, что село,

---

[630]) Кіевскій Сборникъ, стр. 377.

состоявшее изъ многихъ, чуждыхъ другъ другу, семей или родовъ и захватившее своею культурою большое пространство земли, нѣкогда владѣло и разрабатывало его сообща. Г. Владимірскій-Будановъ указываетъ на то, что „повсюду въ селахъ (въ лѣсной полосѣ особенно часто) остается земля, не подѣленная на дворища и составляющая общую собственность села". Но такія земли могли возникнуть и при частномъ владѣніи землею и не быть остаткомъ общиннаго владѣнія. Ходъ дѣла можно представить себѣ такимъ образомъ. Поселившись въ извѣстномъ мѣстѣ и образовавъ село, крестьянскія семьи принимались за разработку нови подъ пашню. Земля, разработанная каждою семьею, лугъ, скошенный ею, разъ на всегда дѣлался ея достояніемъ, входилъ въ составъ его дворища или жеребья; въ составъ послѣдняго входили также бортные и другіе „ухожаи" въ сосѣдней лѣсной пущѣ или степи. Съ увеличеніемъ количества членовъ села расширялось и пространство, захваченное ихъ культурою, пока оно не доходило до предѣловъ, до которыхъ доходила соха и топоръ сосѣдняго села, или до такихъ мѣстъ, которыя недоступны были для культуры. Такъ опредѣлялась граница села, т. е. всѣхъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ или родамъ, пущъ и степныхъ пространствъ, въ которыхъ они имѣли свои входы и которыми въ извѣстномъ смыслѣ пользовались сообща. Въ этой границѣ могли находиться и различныя пустопорожнія земли, которыя были обойдены по своему плохому качеству при первомъ насажденіи культуры. Съ опредѣленіемъ пространственныхъ границъ экономической культуры села само собой должно было установиться общее владѣніе и пользованіе всѣми землями и угодьями, которыхъ еще не коснулся частный трудъ крестьянской семьи или рода. Частному лицу нельзя было теперь захватывать эти земли и угодья, не становясь въ привилегированное положеніе по отношенію къ своимъ односельчанамъ и не нанося имъ извѣстнаго имущественнаго ущерба, если не въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Конечно, на первыхъ порахъ, когда въ предѣлахъ экономической культуры села оставалось еще много незанятыхъ земель и угодій, нѣкоторое время могла свободно еще продолжаться разработка ихъ и захватъ отдѣльными лицами. Но здѣсь вопросъ только во времени: рано или поздно, но должно было утвердиться право всего села на незанятыя въ его чертѣ земли и угодья [631]). Здѣсь въ миньятюрѣ долженъ былъ совершаться

[631]) См. факты, приведенные г. Лучицкимъ въ его статьѣ „Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи" въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1890, т. I, стр. 395—397, 400, 401, 408—413.

тотъ же процессъ, который совершался en grand въ цѣломъ государствѣ и приводилъ къ появленію въ чертѣ государства особыхъ „государственныхъ“ земель.

Г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что права сельской общины сохранялись даже и на тѣ земли и угодья, которыя находились въ частномъ владѣніи дворищъ. Въ доказательство онъ указываетъ на то, что сельчане сообща жаловались въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь занималъ крестьянскій участокъ безъ пожалованья князя, или когда крестьяне сосѣдняго села захватывали ихъ земли. Все это, по его мнѣнію, „лишь слабые остатки той тѣсной солидарности селъ, имущественной и личной, какая господствовала раньше“. Но на ряду съ этимъ онъ утверждаетъ, что „общинныя права цѣлаго села на земли, занятыя дворищами и частными лицами (?) тѣсно связаны съ повинностями крестьянъ къ князю“. „Какое основаніе для жалобы ихъ“? спрашиваетъ г. Владимірскій-Будановъ по поводу крестьянскихъ процессовъ отъ имени всего села. „Очевидно, что члены сельской общины заинтересованы въ томъ, чтобы каждый членъ общины занималъ землю на опредѣленныхъ правахъ, чтобы потомъ не возникало недоразумѣній при общемъ отправленіи повинностей. Отсюда права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ“ [³³²]). Послѣднія объясненія на нашъ взглядъ ближе къ истинѣ, хотя и не подходятъ къ ней совсѣмъ, потому что въ нихъ опять таки замѣшины общинныя права села на земли отдѣльныхъ крестьянскихъ семей. Крестьяне могли вести процессы о захватѣ пустыхъ земель „безъ господарской данины“, вовсе и не касаясь вопроса о правѣ своемъ на захваченную землю, но только пріискивая себѣ въ тяглю новаго владѣльца. Выше было указано, что выходъ изъ состава крестьянскихъ земель извѣстнаго участка могъ отразиться обремененіемъ крестьянъ лишнимъ тягломъ, въ особенности въ издѣльныхъ повинностяхъ, а тамъ, гдѣ существовало общее обложеніе волости, и въ денежныхъ и натуральныхъ податяхъ. Крестьяне вели процессъ не за землю, а за право свое требовать съ даннаго участка извѣстнаго количества повинностей и податей въ общую сумму, приходившуюся съ нихъ. О землѣ дѣло шло тогда, когда захвачена была стороннимъ лицомъ или сосѣднимъ селомъ общая земля всего села. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда односельчане хлопотали за одного изъ своихъ сочленовъ, у котораго захвачена была земля, сказывалось не право

³³²) Кіевскій Сборникъ, стр. 379.

ихъ на захваченную землю, а простая сосѣдская и повинностная солидарность. Цѣлымъ селомъ легче было отстоять на судѣ права крестьянина, чѣмъ ему одному лично, а отстоять было необходимо, потому что съ отходомъ земли отъ села труднѣе стало бы служить службу господарю. Что касается права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ, то г. Владимірскій-Будановъ не приводитъ для этого утвержденія данныхъ источниковъ. Въ актахъ, служившихъ матеріаломъ для составленія настоящаго очерка, намъ не попадалось ни малѣйшихъ признаковъ этого участія. Пустовскія земли раздаетъ обыкновенно намѣстникъ-державца или тивунъ волости, а утверждаетъ на вѣчность часто самъ господарь великій князь; даже во временное пользованіе на годъ, на два или на нѣсколько лѣтъ раздаютъ земли великокняжескіе урядники. Единственно, что можно допустить въ данномъ случаѣ, это право волостей, платившихъ дань общею суммою (Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ) раздавать пустовщины во временное пользованіе съ условіемъ платить лежавшія на нихъ дани и отбывать повинности. Но и тутъ дѣятельную роль играли мѣстные намѣстники-державцы, какъ это видно изъ листа короля Сигизмунда къ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую [633]).

Г. Владимірскій-Будановъ не ограничивается констатированіемъ права общиннаго землевладѣнія селъ, но утверждаетъ таковое и для волостей, въ составъ которыхъ входило по нѣсколько селъ. Аргументація его въ данномъ случаѣ отчасти такая же, какъ и въ предыдущемъ: солидарность волости въ отношеніи повинностей будто бы есть „слѣдъ общеволостныхъ правъ въ отношеніяхъ имущественныхъ“, какъ будто бы эта солидарность не могла установиться и при господствѣ частнаго землевладѣнія. Но особенно сильнымъ орудіемъ въ рукахъ г. Владимірскаго-Буданова являются порядки, существовавшіе на окраинахъ государства. „На окраинахъ государства,—говоритъ онъ,—и именно южныхъ, общинное владѣніе землею цѣлыхъ волостей съ центральнымъ городомъ во главѣ уцѣлѣло до половины XVI столѣтія почти во всей своей первобытной непосредственности, основанной на томъ, что частная собственность на землю здѣсь является еще и ненужною, и даже невозможною (въ виду постоянныхъ опасностей отъ татаръ). Тамъ „пашутъ (черкашане) мѣщане и бояре въ полѣ, гдѣ хотятъ“; земля (въ Каневскомъ повѣтѣ) по полямъ издавна была свободна, пока кн. Путивльскій не ввелъ десятины; тамъ (въ Барѣ) „поля

---

[633]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

покупать не нужно, но кто имѣетъ плугъ и воловъ, можетъ орать, сколько хочетъ". Жители тамошнихъ волостей говорили: „своего не маемъ, одно Божіе, да господарское" [634]). Спрашивается, гдѣ тутъ какое-либо *владѣніе*, хотя бы и общинное? Самъ г. Владимірскій-Будановъ понимаетъ, что тутъ владѣнія въ собственномъ смыслѣ нѣтъ. „Хотя такое общее пользованіе первоначально возникаетъ не изъ принадлежности правъ какой-либо группѣ населенія (sic), а изъ отсутствія чьихъ-либо правъ; хотя пустыня разсматривается, какъ res nullius, или по древне-русскому воззрѣнію, какъ земля Божья да государева, но, въ концѣ концовъ, такой порядокъ проникается уже юридическимъ сознаніемъ: члены общины, мѣщане и бояре, защищаютъ его судомъ противъ своихъ старостъ". Что защищаютъ мѣщане и бояре противъ старостъ? Вѣдь не исключительное свое право пахать и сѣять на земляхъ, которыя были res nullius, пустынею, съ исключеніемъ отсюда старостъ? Я думаю, что г. Владимірскій-Будановъ не рѣшится утверждать этого, и не это онъ, повидимому, хотѣлъ сказать, хотя логически выходитъ изъ его утвержденія именно это заключеніе. Мѣщане и бояре защищаютъ свои права только на ту землю, которая для нихъ ограничилась или естественнымъ путемъ, или въ силу пожалованія, какъ это видно изъ тѣхъ фактовъ, которые приводитъ самъ же г. Владимірскій-Будановъ (на 384 стр.). Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта ограниченная земля вся находилась въ общемъ владѣніи и пользованіи волости. Для этого г. Владимірскому-Буданову нужно было бы доказать, что въ чертѣ ея не было участковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, переходившихъ по наслѣдству, покупаемыхъ, или, по крайней мѣрѣ, что выше частнаго права надъ участками стояло право общины. Но онъ не только не доказываетъ этого, а утверждаетъ какъ разъ противное. „Владѣя огромными пространствами свободной земли, община-волость нисколько не заинтересована ограниченіемъ правъ на имущество тѣхъ лицъ, которыя своею личною предпріимчивостью образуютъ экономическіе культурные оазисы среди лѣсовъ и степей, заводятъ пасѣки, хутора и проч. Наоборотъ, община скорѣе заинтересована въ пользу этихъ частныхъ предпріятій, которыя въ цѣломъ даютъ ей большую экономическую силу. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная частная оккупація идетъ во вредъ цѣлой общины или другихъ частныхъ лицъ, наступаетъ необходимость ограниченій. Словомъ, подъ обширною сферою цѣлой волости свободно

---

[634]) Кіевскій Сборникъ, стр. 383.

могутъ развиваться и всѣ прочіе виды землевладѣнія (территоріальныхъ и родовыхъ общинъ и частныхъ семействъ)". Итакъ, частное землевладѣніе въ общинномъ, т. е. два въ сущности противоположные юридическіе института одинъ въ другомъ! Г. Владимірскій-Будановъ оговаривается, что „подходить къ изученію этихъ пестрыхъ явленій съ нынѣшними формальными понятіями гражданскаго права почти нѣтъ возможности". Подходить къ изученію съ формальными понятіями, разумѣется, не слѣдуетъ, но не нужно и гоняться за тѣмъ неуловимымъ призракомъ, который представляетъ изъ себя первоначальное общинное землевладѣніе, какъ его понимаетъ г. Владимірскій-Будановъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи.

Явленія сельской и волостной солидарности и даже общиннаго владѣнія съ нѣкоторыми угодьями и пахатными землями объясняются и безъ предположенія, что вся земля нѣкогда состояла во владѣніи и пользованіи села или волости, исключая, конечно, тѣ случаи, когда село возникло вслѣдствіе естественнаго размноженья одной семьи— (такихъ случаевъ на западной Руси было множество, какъ показываютъ патронимическія названія многочисленныхъ селъ). Формальныя понятія въ изученіе предмета внесены именно тѣми изслѣдователями, которые подобно г. Владимірскому-Буданову усердно разыскиваютъ первоначальное общинное землевладѣніе въ древней Руси. На нашъ взглядъ извѣстный интересъ имѣетъ только изученіе семейно-родового или равнаго ему товарищескаго общаго владѣнія землею, потому что только это землевладѣніе было *дѣйствительнымъ факторомъ* народной экономической и общественной жизни. На ряду съ этимъ интереснымъ является и то, какъ среди частнаго, семейно-родового или товарищескаго крестьянскаго землевладѣнія возникаетъ общинное владѣніе и пользованіе *нѣкоторыми* землями и угодьями цѣлыхъ селъ, состоящихъ изъ разныхъ родовъ, являясь *результатомъ развитія экономической культуры села и его тягло-податной исторіи*, а не какимъ-нибудь остаткомъ неизвѣстной старины. Интересныя данныя по этому вопросу сгруппированы въ статьѣ И. В. Лучицкаго о займащинѣ и формахъ заимочнаго владѣнія въ Малороссіи. Но, къ сожалѣнію, эти данныя не получили и здѣсь настоящаго толкованія, ибо и г. Лучицкій приписалъ стариннымъ исконнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ въ средѣ землевладѣнія то, что объясняется состояніемъ экономической культуры и условіями колонизаціи Малороссіи за то время, къ которому его данныя относятся. Какія явленія возникали въ средѣ крестьянскаго землевладѣнія подъ вліяніемъ тягло-податной системы, на это указываетъ, напр., слѣдующій любопытный фактъ,

который при желаніи можно, пожалуй, также принять за остатокъ древняго общиннаго землевладѣнія волости: воеводѣ Полоцкому пану Яну Юрьевичу Глѣбовича въ 1538 году, били челомъ „люди вси волости Госплянское и Гостиловское (принадлежавшей ему), абы его милость дозволилъ имъ вси земли ихъ пашные и бортные и дань медовую и грошовую на ровныи части межи нихъ поровновати и по службамъ подѣлити". Панъ воевода „то имъ дозволилъ передъ врадникомъ своимъ сее весны вчинити и, якъ вчинятъ, о томъ хавалъ его милость до себе имъ отписати" [635]). Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ общинномъ землевладѣніи волости; крестьяне до 1538 года владѣли своими участками порознь, порознь же продолжали владѣть ими и послѣ 1538 года; если они производили въ 1538 году передѣлъ, то только въ цѣляхъ болѣе удобнаго и справедливаго отбыванія повинностей, и притомъ съ разрѣшенія и подъ надзоромъ своего пана, настоящаго собственника ихъ земли.

XXIX.

Послѣ всего сказаннаго о системѣ обложенія податьми и повинностями и объ устройствѣ крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ, можно довольно ясно представить себѣ дѣятельность крестьянскихъ властей и дворныхъ урядниковъ по взысканію податей и повинностей. Такъ какъ эти подати и повинности для каждаго отдѣльнаго крестьянскаго участка, полнившаго „службу", были опредѣлены стариною и обычаемъ, то имъ большею частью не приходилось ломать голову надъ раскладкою ихъ по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Нужно было только хорошо знать тягло-податную старину каждаго участка и въ предѣлахъ ея предъявлять требованія, когда было нужно, къ старшему въ крестьянской семьѣ или въ родѣ, представителю службы, а равно оказывать ему помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не справлялся съ своею братьею и потужниками. Крестьянскія власти, конечно, должны были принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы на волости не было недоимковъ; но если бы таковыя оказывались, и если урядникъ дворный не могъ или не считалъ нужнымъ взыскать ихъ посредствомъ „грабежа", т. е. конфискаціи движимости, то онѣ такъ и оставались недоборомъ господарскаго двора. Исключеніе представляли только волости Поднѣпрскія, которыя должны были платить и за выбылыхъ, и за голтяевъ. Великій князь Александръ

---

[635]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 283.

въ 1500 году писалъ въ Поднѣпрскія волости: „А которые будуть у васъ земли пустовскіе або люди голтяйные, абы то по себѣ *роскинули* на болшого болшей, а на меншого меншей, *какъ здавна бывало*, абы ни одинъ грошъ дани нашое на васъ не осталъ“ [636]). Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ, такимъ образомъ, дѣло крестьянскихъ властей усложнялось „розметами“, которые они налагали на членовъ волости для покрытія недоимокъ. Они плохо справлялись съ этою задачею, и правительство ежегодно посылало къ нимъ писарей своихъ „править недополнковъ“, которые своими „въѣздами“ еще болѣе увеличили недоимки волостей. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, не безупречна была и дѣятельность самихъ крестьянскихъ властей. Королю Сигизмунду жаловались всѣ люди Бобруйскіе, „ижъ старцы частыи меты мечуть на волость, а тыи пенязи беручы на свои потребы оборочають“. Вслѣдствіе этого король предписалъ мѣстному державцѣ: „старцы тыхъ розметовъ сами вжо не мають на волости метати; нижли, коли на ихъ потребу волостную пенязей потреба вкажеть, тогди они мають, зволившыся вся волость и весполокъ съ старцы, объявити то врадпику твоей милости, а врадникъ маеть имъ прыдати вижа, передъ которымъ они вижомъ мають на всю волость розметъ кинути такъ, якъ бы сума не перевышала, одно толко, колко бы имъ на тую потребу пенязей вказывало“ [637]).

Разметы приходилось дѣлать, какъ видно изъ приведенной выдержки листа короля Сигизмунда, не только для пополненія недоимковъ дани, но и на разныя другія „волостныя потребы“. Такъ, освобождая Старцеву волость отъ обязанности сообща съ Торопецкою волостью „поднимать“ стаціями (кормами) и подводами писаря, въѣзжавшаго за сборомъ дани, великій князь Александръ писалъ въ своемъ листѣ: „мають они особно свои стацыи и проторы въ свою волость сами розметывати“ [638]). Разметы приходилось дѣлать крестьянскимъ властямъ вообще при отправленіи экстраординарныхъ повинностей, ложившихся цѣликомъ на всю волость, въ родѣ, напр., подводной или городовой работы. Король Сигизмундъ въ 1511 году подтвердилъ замянину бѣльскому Миколаю Петрыковскому двѣ земли пустовскихъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Пухмовщину и Гриневщину, данныхъ ему до воли господарской намѣстникомъ Бѣльскимъ Миколаемъ Миколаевичемъ Радивиловича еще при королѣ Александрѣ, съ такими

---

[636]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

[637]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

[638]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107; Акты Зап. Рос. I, № 146.

условіями: „а съ того маеть *порубы* до гаевника давати и куницу, и дань медовую, и обѣдъ нашъ зъ иншими людьми поднимати, а службы тяглое и дякла, и *порубовъ* подводныхъ, и иныхъ тяглыхъ подачокъ не надобно ему съ тое земли платити подлугъ листу пана Миколая" [639]). Люди господарскіе волости Непоротовской, Осташко со своими поплечниками, жаловались въ 1533 году воеводѣ Полоцкому на людей полоцкой боярыни Ульяны Михайловой Сеньковича Войлю и его товарищей Могильнянъ: „которая городня (стѣна въ замкѣ Полоцкомъ) положона на насъ робити, и мы есмо межи собою для наймованія плотниковъ ку роботѣ тое городни *пометъ* положили, а они того помету не хотять намъ помочи платити, а намъ однымъ самымъ съ тяжкостью его заплатити" [640]) и т. д. Впрочемъ, и отправленіе экстраординарныхъ повинностей во многихъ волостяхъ было до извѣстной степени опредѣлено и упорядочено, такъ что крестьянскимъ властямъ и тутъ приходилось дѣйствовать въ установленныхъ рамкахъ и границахъ. Такъ, напр., въ отношеніи подводной повинности волость дѣлилась на „недѣли", и каждая такая часть должна была ставить въ извѣстномъ пунктѣ и держать на готовѣ подводы въ ожиданіи господаря или его пословъ и гонцовъ. Такъ, напр., королю Сигизмунду въ 1528 году повѣдалъ князь Юрій Ивановичъ Гольшанскій, „ижъ мы,— гласитъ привилей короля, — первѣй сего дали ему село въ Бобруйской волости на имя Балашевичи; лечъ тыхъ двухъ селъ, *што въ той же недѣли Балашовской*, Приваличи и Ивановичи, ему есмо не дали"; князь просилъ короля подтвердить ему село на вѣчность и вызволить его „отъ роботъ замковыхъ, то есть Кіевского и Бобруйского и иншихъ замковъ нашихъ (господарскихъ), и отъ *недѣли* Бобруйское, и отъ подниманья стацей пословъ и гонцовъ, и отъ всякихъ иншихъ службъ и поплатковъ нашихъ (господарскихъ) и тежъ врадниковъ нашихъ",—что и было исполнено королемъ [641]). Въ поясненье къ тому, что значило освободить отъ недѣли Бобруйской, можно привести жалобу старца и всѣхъ людей Бобруйской волости Виленской половины, принесенной въ 1529 году на людей пана Венцлава Костевича Зубаревичей и Колчичанъ. „Здавна, за отца нашого Казимира короля его милости,—гласитъ судовый листъ Сигизмунда, — *недѣли подводъ посполу зъ ними стерегивали*, и городы и мосты робливали, и въ

---

[639]) Литов, Метр. кн. Запис. IX, л. 44. Срав. Ревизію пущъ и переходовъ звѣриныхъ, стр. 272, 335, 343, 344, 352, 358.

[640]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 125, 126.

[641]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 393.

подачкахъ и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали, а теперъ имъ въ томъ ни въ чомъ помогати не хотять" [642]).

XXX.

Крестьянскія власти помогали намѣстникамъ-державцамъ не только въ надзорѣ и распоряженіяхъ по дворнымъ работамъ, но и по сбору съ господарскихъ крестьянъ разныхъ натуральныхъ и денежныхъ податей и платежей, которые намѣстники-державцы передавали въ скарбъ великаго князя или въ центральный городъ области. Одною изъ самыхъ распространенныхъ натуральныхъ податей было, какъ мы уже видѣли выше, *дякло*, взимавшееся рожью (иногда пшеницею), овсомъ, сѣномъ и дровами съ прибавкою куръ и яицъ, и *мезлева*, взимавшаяся живностью: яловицами, баранами, свиньями, курами и яйцами. Относительно дяколъ король Сигизмундъ въ инструкціи 1529 года предписывалъ державцамъ жито и овесъ собирать натурою „о светомъ Симонѣ Іюдѣ" и „суполно" отдавать городничимъ; „которое жыто и овесъ городничіи наши, въ кождомъ повѣтѣ кождого году мають водлѣ торгу продавати, а пѣнязи до скарбу нашего отдавати". Куръ и яйца король оставлялъ для кухни своей, а въ небытности его державцы должны были брать за курицу и десять яицъ грошъ и отдавать деньги въ скарбъ [643]). Что касается сѣна, дровъ и и пентиниковъ (?), то державцы, по инструкціи 1529 года, должны были собирать ихъ „пѣнязьми" и по старому отдавать „на врядъ замковый", т. е. городничему. *Городничіе* существовали въ центральныхъ замкахъ областей, бывшихъ главными базисами ихъ обороны. Должность ихъ состояла въ надзорѣ за исправностью укрѣпленій, въ снабженіи ихъ всѣхъ необходимымъ, въ надзорѣ и руководствѣ постройкою и починкою укрѣпленій. Хлѣбъ и овесъ, который они собирали, предназначался собственно на содержаніе „залоги", или гарнизона, и продавался ими только въ тѣ годы, когда не было надобности содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ. По актамъ городничіе въ предѣлахъ собственной Литовской земли являются въ Вильнѣ, Трокахъ, Новгородкѣ, Городнѣ и Ковнѣ; на такъ называемой Руси литовской—въ Минскѣ [644]); на Подляшьѣ — въ Берестьѣ и Каменцѣ [645]); затѣмъ — въ

---

[642]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

[643]) Арт. 9 и 10 уставы 1529 года.

[644]) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115.

[645]) *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis urzędników i dygnitarzy, str. IX.

Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Луцкѣ [646]), Владимирѣ [647]) и Кременцѣ [648]). Намѣстники-державцы по общему правилу должны были доставлять дякла городничимъ тѣхъ замковъ, къ которымъ ихъ волости вообще тянули судомъ и управою. Но за дальностью разстоянья бывали и исключенія; такъ, напр., державца Волковыйскій отдавалъ дякла и колодину городничему Городенскому, а не Троцкому [649]). Точно такъ-же и въ военное время направленіе дякольнаго хлѣба мѣнялось по распоряженію центральной власти. Такъ, въ 1535 году долженъ былъ идти дякольный хлѣбъ въ Кіевъ: 500 бочекъ съ Городна, съ Мельника 100 бочекъ, съ Каменца тоже 100, съ Слонима 200 [650]). Намѣстники-державцы и до 1529 года собирали дякла и, какъ это видно изъ записной книги пожалованій короля Казимира, даже расходовали его по господарскимъ „квитацеямъ", или ассигновкамъ, до сдачи городничему [651]). Вмѣстѣ съ дякломъ городничему шла и *колодина*, о которой упоминаютъ многочисленные заставные листы короля Сигизмунда [652]). Судя по названію, колодиною называлась повинность представлять для замковыхъ укрѣпленій колоды или же платить за нихъ деньгами. Иногда вмѣстѣ съ дякломъ шли и *глинные пенязи*, какъ напр. съ Перелайской волости собиралось „жито дякольное и овесъ и сѣно подякольное, а полтина глинная" [653]). Глинные пенязи брались, очевидно, взамѣнъ обязанности доставлять глину на постройку укрѣпленія. — Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ и Задвинскихъ, состоявшихъ изъ данниковъ, дяклу соотвѣтствовала *житщина*, взимавшаяся и деньгами, и натурою. Относительно Задвинскихъ волостей приведено было свидѣтельство источниковъ въ началѣ очерка, а относительно Поднѣпрскихъ волостей такое же свидѣтельство находимъ въ судномъ листѣ великаго князя Александра по дѣлу волости Свислоцкой съ людьми бояръ Котовичей о воженьѣ житщины до замковъ господарскихъ [654]).

---

[646]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 31.

[647]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 220.

[648]) *Bonieckiego* Poczet rodów, str. IX.

[649]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

[650]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 202—206; 235.

[651]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 49, 82, 83.

[652]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110, 113, 114, 156, 230, 231; X, л. 13, 14, 16, 17, 23, 24, 47, 48.

[653]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 63. Срав. X, л. 31.

[654]) Литов. Метр кн. Запис. V, л. 82, 83.

Что касается *мезлевы*, то инструкція 1529 года предписываетъ собирать ее деньгами: за яловицу тридцать грошей, за курицу и десять яицъ одинъ грошъ. Ранѣе мезлева взималась намѣстниками-державцами натурою. Въ 1516 году король Сигизмундъ, заставивъ дворъ Довкги пану Богушу Боговитиновичу въ 600 копахъ грошей, выговорилъ себѣ: „маеть онъ съ того двора нашого въ кождый годъ намъ давати по шестидесятъ бочокъ жита а по шестидесятъ бочокъ овса, а по шестидесятъ возъ сѣна (слѣдовательно, это было дякло), а мезлева сполна, *яловицы и вепри и иныи речи*, маеть съ тоей волости намъ давана быти кождый годъ подлугъ давного обычая" [655]). Подобное же условіе встрѣчаемъ въ заставномъ листѣ, выданномъ въ томъ же году кн. Василью Андреевичу Полубенскому на дворъ Жолудокъ [656]). Въ заставномъ листѣ на дворъ Оникшты, выданномъ въ томъ же году пану Миколаю, старостичу Жомоитскому, находимъ и объясненіе этой натуральной подати. „Маеть онъ,—читаемъ здѣсь,—съ того двора нашого въ кождый годъ намъ давати по сту бочокъ жита и по сту бочокъ овса, а *спижу великоденную и колядную*, яловици и бораны и иншіи речи маютъ съ того двора на насъ даваны быти въ кождый годъ по давному" [657]). Итакъ, мезлева — своего рода праздничное приношеніе, которымъ обязаны были крестьяне по отношенію къ своему государю. Мезлева, впрочемъ, не всегда при „заставахъ" дворовъ шла господарю, а часто и его кредитору. Въ 1517 году король заставилъ пану Якубу Кунцевичу въ 400 копахъ грошей дворы Троцкаго повѣта Волкиники и Лепунь съ ихъ волостями, при чемъ въ условіяхъ заставы между прочимъ поставилъ: „и коли пріѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ тогды маеть онъ насъ стаціями поднимати и *мезлевою*, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукамъ для того: коли мѣшкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ" [658]). Приведенныя выдержки заставныхъ листовъ косвеннымъ образомъ указываютъ и на то, что дякла и мезлева собирались намѣстниками - державцами, которые были, такъ сказать, передаточными инстанціями для этихъ податей между крестьянскими властями съ одной стороны, городничимъ и самимъ господаремъ съ другой. Терминъ „мезлевщина", встрѣчающійся въ жалованной грамотѣ, выданной въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому на

[655]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.
[656]) Ibidem., л. 113, 114.
[657]) Ibidem, л. 156.
[658]) Ibidem, л. 158.

дворъ Молодечно съ волостью, указываетъ, повидимому, на то, что въ отдаленныхъ отъ центра волостяхъ государства мезлева, кажется, уже ранѣе 1529 года взималась деньгами, а не натурой. Впрочемъ, это пока одна только догадка. Особую, сходную съ мезлевою, подать, именно *яловщину*, плату за яловицы, вносили деньгами волости Витебской земли [659]), при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эту подать собиралъ намѣстникъ - державца [660]). Нѣкоторые изъ Витебскихъ волостей вмѣсто яловщины платили *коневщину*, т. е. плату за коней, которыхъ они въ былое время давали господарю [661]).

Къ натуральнымъ податямъ, которыя собирали намѣстники-державцы и тивуны, относились и дани: медовая, бобровая, куничная и др. Въ 1495 г. великій князь Александръ, извѣщая приказника и мужей волости Дмитровской въ Смоленскомъ повѣтѣ объ отдачѣ ея „въ держанье до живота" писарю Ивашку Сопѣжичу, писалъ между прочимъ: „А што тамъ въ васъ дани нашое идеть намъ, грошей и меду, и бобровъ, и куницъ, тую дань казали есмо ему, збираючи на васъ, и слати до скарбу нашого" [662]). Меды данные, бобры и куницы и въ уставѣ 1529 года являются въ числѣ тѣхъ дворныхъ доходовъ, которые должны были собирать державцы, и въ которыхъ они обязаны были давать отчетъ предъ господарскими писарями-ревизорами два раза въ годъ, весною и осенью [663]); то же самое и въ уставѣ, данной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей [664]). Исключеніе въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, составляли только волости Поднѣпрскія и Задвинскія, которыя сами отправляли дань до скарба и ключей Виленскаго и Троцкаго, а „недоимковъ править" пріѣзжали къ нимъ писари. Впрочемъ, бывали случаи, когда сборъ дани и въ этихъ волостяхъ поручался мѣстнымъ державцамъ. Въ 1529 году король Сигизмундъ взялъ изъ рукъ дворянина Никифора Бобоѣдова волость Олучицкую за то, что онъ въ ней „нерядне ся справовалъ"; велѣлъ „кромъ жадное прычыны" повѣсить старца волостного, которому далъ старченье самъ король, а волости подѣлалъ „крывды и драпежства великія". Вмѣстѣ съ тѣмъ король написалъ державцѣ Кричевскому кн. Василью Семеновичу Жилинскому, „ижъ бы онъ

[659]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 12; VI, л. 280, 281.
[660]) Акты Зап. Рос. II, № 86
[661]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.
[662]) Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 62.
[663]) Арт. 26, 32.
[664]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 2, 3, 12.

тую волость къ замку нашому Крычовскому держалъ и тую дань, тридцать копъ грошей, всю сполна въ кождый годъ выбравшы, до скарбу нашого отсылалъ" [665]). Въ данномъ случаѣ державца собиралъ дань денежную, которую только и платила волость; но есть примѣры участія намѣстниковъ-державцевъ въ сборѣ и натуральной подати съ Поднѣпрскихъ волостей. Въ 1533 году король Сигизмундъ, освободивъ волость Бобруйскую отъ въѣзда писарей за собираніемъ дани, писалъ мѣстному державцѣ: „старцы сами посполъ зъ вижомъ вредника твоей милости, подъ свѣдомомъ его, мають сполна вси дани нашы, якъ грошы, такъ *и медъ и бобры и куницы*, выбрати и меду посполъ съ тымъ вижомъ отвозити до ключа нашого на рокъ, на Божье Нароженье, а пенязи на запусты великіи до скарбу нашого" [666]). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно также, что и денежная дань въ большинствѣ случаевъ собиралась намѣстниками-державцами.

Кромѣ дани и дякла, бывшаго своего рода данью, намѣстники-державцы собирали съ крестьянъ и разные другіе платежи натурою, какъ напр., солью (съ соляниковъ), рыбою (съ рыболововъ), углемъ (съ угольниковъ), рудою (съ рудниковъ), льномъ, хмелемъ (въ Жмудской землѣ шли пенязи льняные и хмелевые) [667]), санями, рогатинами и т. д., смотря по спеціальнымъ службамъ крестьянъ, описаннымъ въ началѣ настоящаго очерка.

Намѣстники-державцы, по инструкціямъ 1514 и 1529 годовъ, собирали съ крестьянъ и *осадное*, т. е. тѣ денежные оброки, которыми замѣнялись издѣльныя повинности крестьянъ по распоряженію самихъ намѣстниковъ-державцевъ или по распоряженію высшей власти [668]). Къ этому разряду можно отнести и *подать съ сохъ*, которую установилъ король Сигизмундъ въ Жмудской землѣ въ 1527 году. Видя разореніе крестьянъ отъ дѣйствовавшей въ этой землѣ системы податей и повинностей, король вызволилъ ихъ „отъ всѣхъ посадей и платовъ и доходовъ" господарскихъ и предписалъ: „мають они намъ давати съ сохи воловоѣ по пятнадцати грошей, а съ конскоѣ сохи по полъ-осма гроша; а кто не маетъ воловъ а ни клячи, ино отъ земли пять грошей; а куничники мають намъ давати куницы водлѣ давного обычая, а отъ сохъ ихъ воловыхъ по полъ-осма гроша, а отъ конь-

[665]) Лит. Метр. кн. Зап. VII, л. 531, 532.
[666]) Лит. Метр. кн. Зап. XV, л. 172—174.
[667]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 3.
[668]) Лит. Метр. кн. Зап. XII, л. 142.

свихъ по половицы того" [669]). Въ 1529 году эта подать была увеличена вдвое, но за то куничникамъ была дана льгота—вмѣсто 16 грошей вносить за куницу 12 грошей и 3 пенязя державцамъ и тивунамъ, „кто будетъ выбирати куничные пѣнязи" [670]). Платы съ сохъ выбирали также державцы и тивуны, которымъ король, посылая въ 1530 году ревизора въ Жмудскую землю, писалъ: „А кто будетъ зъ васъ платъ нашъ пѣняжный, отъ сохъ и за иныи пожитки уставленный, того году до скарбу нашого не отдалъ, того всего казали есьмо ему достаточнѣ довѣдатися" [671]). Къ „платамъ врочистымъ", которые собирали намѣстники-державцы, относился и *чиншъ*, который давали господарскіе подданные съ волокъ чрезъ своихъ войтовъ [672]). Чиншъ въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства брался не только съ волокъ, а и съ земель неразмѣренныхъ, соотвѣтствуя „вроку" или „оброку" въ восточныхъ областяхъ. Такъ, въ 1505 году король Александръ подтвердилъ пану Микитѣ Чапличу село Радоховку въ Жуковской волости Луцкаго повѣта между прочимъ „съ цыншы" [673]). Король Сигизмундъ въ 1508 году, заставивъ пану Ѳедору Янушевичу замокъ Владиміръ со всѣми его дворами, фольварками и волостями, въ числѣ доходныхъ его статей обозначилъ и „цинши" [674]). Въ 1511 году онъ подтвердилъ пану Григорью Станиславовичу Остиковича дворъ Кгекгужинъ въ Троцкомъ повѣтѣ съ дворцами, при чемъ въ числѣ доходныхъ статей этого имѣнья опять-таки обозначены „цинши" [675]). Въ инструкціи, данной державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, поэтому въ числѣ доходовъ, которые должны были собирать державцы, являются и „пенязи чиншевыи" (арт. 37).

Взамѣнъ издѣльныхъ повинностей брались и разныя другія подати, мелкія, соотвѣтствовавшія той или другой повинности въ частности, въ собираніи которыхъ намѣстники-державцы также принимали извѣстное участіе. Такъ, въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ Ивашку Пашкевичу семь дворищъ въ Мельницкой волости Луцкаго повѣта „зъ данью грошовою и медовою, и съ тою пошлиною, што на замокъ нашъ Лучоскъ, старостѣ на полюдье, на годъ даютъ

---

669) Акты Зап. Рос. II, № 149, 1.
670) Ibidem, № 160, арт. 2, 4.
671) Ibidem, № 149, II.
672) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.
673) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 238.
674) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.
675) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 549, 550

по копѣ грошей, и *зъ сторожовщиною*, и што за дрова дають на городъ по дванадцати грошей, и жито и овесъ и сѣно дають" [676]). Сторожовщина бралась и по волостямъ Полоцкой земли на содержанье перевоза на Двинѣ близъ города Полоцка [677]) и вообще на содержаніе городскихъ сторожей [678]). Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ взималась *дубасчина* или *дубасное*, судя по названію, — взамѣнъ обязанности ставить барки, или дубасы, на Днѣпръ для казенныхъ надобностей [679]).

XXXI.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ намѣстникамъ - державцамъ приходилось собирать и разныя другія подати и налоги съ крестьянъ. Такъ, въ землѣ Кіевской и Подольской они собирали *подымщину* (обыкновенно на третій годъ черезъ два) съ крестьянъ не только господарскихъ, но и владѣльческихъ, пока господарь не предоставилъ права владѣльцамъ собирать подымщину съ своихъ крестьянъ въ свою пользу. Распоряженіе это въ Кіевской землѣ состоялось въ 1529 году, а въ Подольской еще въ 1507 г. [680]).

Въ землѣ Волынской намѣстники собирали съ господарскихъ и владѣльческихъ крестьянъ *воловщину*, пока владѣльцы не получили ее въ свою пользу [681]). Воловщину собирали намѣстники - державцы также и въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Кіевской земли, а именно: въ Звягольскомъ, Житомирскомъ, Чудновскомъ и Мозырскомъ, а также и въ повѣтѣ Свислоцкомъ, который нѣкогда входилъ въ составъ Кіевской земли. Въ книгѣ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира находится между прочимъ слѣдующая запись: „пану Сенюшку Романовичу (намѣстнику—Житомирскому) и бояромъ житомирскимъ 100 копъ и полъ 65 копъ *воловщинныхъ*" [682]). Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ дворянину Счасному Полозовичу село Жаховичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, съ котораго шло на короля: дани шесть копъ грошей, три полуколодки и ведро меду, четыре бобра и двѣ ку-

---

[676]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97. Срав. Źródła dziejowe, tom. VI, str. 100.

[677]) Акты Зап. Рос. I, № 175; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 209, 210.

[678]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 219, 220.

[679]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83; XV, л. 13, 65—67.

[680]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1; Акты Зап. Рос. II, № 26, 30, 164.

[681]) Акты Запад. Рос. I, № 201; Акты Южн. и Зап. Рос. 1, № 36.

[682]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 27.

ницы; воловщины — тринадцать грошей, помѣрнаго—два гроша, доводничаго, тивунщины и данничаго полтретья ведра меду и двадцать грошей [683]). Въ 1506 году король Сигизмундъ выдалъ князю Константину Ивановичу Острожскому слѣдующій привилей: „которые люди его и тежъ люди бояръ его у-въ Острозѣ и въ Полономъ, и въ Дубнѣ, и *въ Звгли, и въ Чуднове, и въ Турове*, и въ Здѣтелѣ, въ тыхъ его замкохъ и въ иныхъ его дворѣхъ, которые онъ гдѣ маетъ у отчинѣ нашой, великомъ князствѣ Литовскомъ, завжды, за предковъ нашихъ, *воловщину* даивали, мы въ особливое ласки нашое и тежъ для его службы *воловщину* людемъ его и тежъ людемъ бояръ его отпустили: ижо отъ тыхъ часовъ люди его и тежъ люди бояръ его воловщины не мають давать намъ и нашимъ наслѣдкомъ вѣчно" [684]). Изъ этого видно, что до 1508 года воловщину съ Звягля и Чуднова собиралъ и отдавалъ великому князю кн. Острожскій; но Звягль и Чудновъ были нѣкогда великокняжескими волостями, и въ это-то время воловщину собирали съ нихъ великокняжескіе намѣстники. Король Сигизмундъ отпустилъ людямъ князей Вишневскихъ и пановъ Котовичей въ Свислоцкомъ повѣтѣ, „старыи пошлины: дубасчину, *воловщину*, сѣнничое, што тые люди ихъ хоживали къ Рудоминѣ сѣна косити" [685]) и т. д.

Въ Брянскомъ повѣтѣ аналогичная съ подымщиною и воловщиною подать называлась *поголовщиною* (объектомъ обложенія былъ здѣсь рабочій человѣкъ). Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Князю Дмитрею Путятичу на кождый годъ по двадцати копъ грошей зъ мыта Браньского и съ корчомъ, пoки Браньскъ держить, а ему жъ по тринадцати кадей меду прѣсного зъ дани на кождый жо годъ, а по двадцати копъ грошей съ поголовщины на кождый жо годъ, поки Браньскъ держить" [686]). Въ 1496 году великій князь Александръ, пожаловавъ князю Тимоѳею Капустѣ дворъ Лопашъ въ Бранскомъ повѣтѣ съ четырьмя людьми и одного человѣка данника по имени Сытича, написалъ въ привилеѣ: „а поголовщину съ тыхъ людей отпустили есмо ему" [687]). Ясно, такимъ образомъ, что поголовщина была прямая подать въ Брянскомъ повѣтѣ, собиравшаяся съ крестьянъ намѣстниками въ пользу господаря.

---

[683]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 4.

[684]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

[685]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 18.

[686]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26.

[687]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.

Къ числу такихъ же податей принадлежала и смоленская *посощина*, взимавшаяся со всѣхъ тѣхъ селищъ, съ которыхъ не шла боярская служба [688]). Военная служба слугъ не освобождала отъ посощины. Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году пожаловалъ Богдану Сопѣжичу „дву чоловѣковъ у Смоленскомъ повѣтѣ у Еленской волости на имя Гридка бортника зъ братьею Нефедковичовъ а Василя зъ братьею Щербиновыхъ“, при чемъ намѣстникъ Смоленскій писалъ о нихъ: „тотъ Гридко зъ братьею данный человѣкъ, дaвaлъ намъ кадь меду прѣстного, а тотъ Василь зъ братьею давали въ казну нашу (господарскую) полтину грошей, а посощины шестьнадцать грошей, а служба съ нихъ доспѣшная“ [689]). Посощина въ Смоленской землѣ взималась съ крестьянъ не только господарскихъ, но и владѣльческихъ, и шла въ смоленскую казну, пока владѣльцы по земскому привилею 1457 года не получили ея въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, при Александрѣ и Сигизмундѣ владѣльцы крестьянъ собираютъ ее уже въ свою пользу. Въ 1502 году король Александръ подтвердилъ князьямъ Ивану и Тимоѳею Филипповичамъ Крошинскимъ имѣнья ихъ отчинныя въ Смоленской землѣ со всѣми людьми—данниками, слободичами и куничниками, со всѣми ихъ землями и угодьями „и зъ даньми грошовыми и медовыми, и куничными, и бобровыми, и *посощинами*, и съ серебщинами, и всякими иными поплатки и податьми“ [690]). Посощина въ Смоленской землѣ древнѣе литовскаго владычества: она существовала и въ тѣхъ частяхъ, которыя отторгнуты были отъ нея ранѣе окончательнаго утвержденія литовскаго господства, напр., въ княжествѣ Мстиславскомъ [691]).

Всѣ эти подати, повидимому, унаслѣдованы Литвою отъ временъ татарскаго ига, и различныя названія обозначаютъ различныя стадіи въ процессѣ обложенія татарскою данью. Въ Брянскомъ повѣтѣ, отъ котораго неподалеку имѣли свое мѣстопребываніе татарскіе баскаки, сохранился чисто татарскій способъ обложенія — поголовщина; въ Кіевской землѣ и на Подольѣ, гдѣ татары нѣкогда жили въ перемежку съ русскимъ населеніемъ, но гдѣ дань на татаръ собирали русскіе атаманы, установлена была подать, болѣе соотвѣтствовавшая платежнымъ силамъ населенія, но съ сохраненіемъ любимаго татарами числа— подымщина; въ Волынской землѣ и Смоленской подать эта, собирав-

688) Акты Зап. Рос. I, № 55.
689) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.
690) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208.
691) Акты Зап. Рос. II, № 27.

шаяся мѣстными князьями, еще болѣе приблизилась въ дѣйствительнымъ платежнымъ силамъ населенія, будучи взимаема съ воловьяго плуга или конской сохи, но опять таки съ сохраненіемъ числа. Объекты обложенія, впрочемъ, и въ одной мѣстности бывали различные, такъ что на ряду съ посощиною или воловщиною существовала и подымщина; такая варіація была естественна при разнообразіи занятій и имущественной наличности. Такимъ образомъ, напр., въ княжествѣ Мстиславскомъ крестьяне платили посощину и подымщину, и какую-то тамщину (ямщину?) [692]), на Волыни воловщину и подымщину [693]), въ Кіевской землѣ, какъ мы видѣли выше, подымщину и воловщину. Подымное или подымщина взималась также и въ Берестейско-Подляшской землѣ какъ съ мѣщанъ, такъ и съ волостныхъ людей [694]), между тѣмъ съ Полѣсья, примыкавшаго нѣкогда также къ Волыни, взималась, какъ мы видѣли выше, воловщина.

Всѣ эти унаслѣдованныя отъ временъ татарскаго ига подати, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ предназначались на военныя издержки, на оборону отъ татаръ. Освободивъ въ 1509 г. князей, пановъ и земянъ Волынской земли отъ уплаты съ своихъ крестьянъ воловщины, король Сигизмундъ вписалъ въ привилей Волынской земли слѣдующее обязательство: „нижьли, коли панове рада наша великого князства Литовскаго *для которое великое потребы земское* зволять который платъ съ своихъ людей дати; тогды князи и панове и вся шляхта Волыньское земли мають намъ такожъ тотъ платъ съ своихъ людей давати" [695]). Посощина въ Смоленской землѣ вносилась въ мѣстную казну, которая расходовалась областнымъ начальствомъ также на военныя издержки, пушкарямъ и другимъ служилымъ людямъ.

Въ самой Литовской землѣ, на Руси, въ землѣ Жмудской, Витебской и Полоцкой правительство для военныхъ цѣлей собирало подать со всѣхъ крестьянъ и мѣщанъ, которая называлась *серебщиною;* съ отмѣною воловщины и подымщины подать эта стала собираться и въ Кіевской землѣ, и на Волыни. Серебщина въ Литовско-Русскомъ государствѣ до половины XV вѣка была постоянною или, по крайней мѣрѣ, періодическою податью, которая взималась не только съ господарскихъ крестьянъ и мѣщанъ, но и съ княжескихъ, панскихъ и боярскихъ „подданныхъ". Очевидно, это была та самая подать (ributum),

---

[692]) Акты Зап. Рос. I, № 82; II, № 27.

[693]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLVI.

[694]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390, 448; XI, л. 31, 32.

[695]) Акты Зап. Рос. II, № 54.

платить которую обязаны были по Городельскому привилею 1413 года паны и бояре на ряду съ другими военными повинностями, постройкою и починкою замковъ, мостовъ и дорогъ. На военное назначеніе этой подати указываетъ латинское названіе ея въ земскомъ привилеѣ 1457 года—contributio. Едва ли она и не произошла отъ татарскаго *серебра*, которое взималось съ русскихъ областей въ XIV вѣкѣ [696]: Литва, найдя эту подать въ русскихъ областяхъ и взявъ ее въ свое распоряженіе, распространила ее и на тѣ земли, которыя не уплачивали дани татарамъ, въ цѣляхъ общей борьбы съ татарами и другими врагами Литвы и Руси. На такое происхожденіе серебщины намекаетъ и то обстоятельство, что въ Смоленской землѣ и оторванномъ отъ нея Мстиславскомъ княжествѣ слово „серебщина" было именемъ нарицательнымъ, замѣнявшимъ собою и подымщину, и посощину [697]). По земскому привилею 1457 года князья, паны, бояре и мѣщане были освобождены „отъ вытягненія серебщизны" постоянной, и то же самое было подтверждено земскимъ привилеемъ 1492 г. [698]). Но тѣмъ не менѣе господарь по совѣту и согласію пановъ рады, на „вальныхъ соймахъ", на которые съѣзжалась военнослужилая знать государства, опредѣлялъ сборъ *серебщины* „для великое земское потребы" со всѣхъ имѣній: господарскихъ, духовныхъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ,—съ мѣстъ и волостей. Особенно часто серебщина стала назначаться въ эпоху напряженной борьбы, которая велась съ Московскимъ государствомъ въ первые годы Сигизмундова княженья и потребовала большихъ издержекъ отъ правительства. Серебщина, такимъ образомъ, превратилась во временную подать, которая собиралась во время приготовленій къ войнѣ или въ теченіе самой войны, и при томъ въ количествѣ, требовавшемся войною, а не въ опредѣленной нормѣ. Такъ, напр., въ 1507 году князь-бискупъ, паны-рада, воеводы, князья, земяне, вдовы и вся вообще шляхта, бывшіе на сеймѣ въ Вильнѣ,—„зволили его милости господарю зъ людей своихъ на тотъ годъ серебщизну дати съ воловоѣ сохи по шести грошей, а съ коньскоѣ сохи по три гроши; а хто землю держитъ подъ собою, а воловъ и клячъ не маетъ, а зъ земли поживу маетъ, тотъ однакъ три гроши маетъ дати" [699]). Такъ было постановлено въ февралѣ 1507 г., но уже въ мартѣ того же года король, будучи на сеймѣ въ Городнѣ

[696]) Акты Зап. Рос. I, № 4.
[697]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208; Акты Зап. Рос. I, № 43, 82.
[698]) Акты Зап. Рос. I, № 61; Zbiór praw litewskich, str. 58—61.
[699]) Акты Зап. Рос. II, № 12.

съ панами-радою, духовными и свѣтскими, и со всѣми землями, для своей и земской великой нужды положилъ на всю отчину свою, великое княжество Литовское и даже на украинные города серебщину въ такомъ размѣрѣ: „отъ кождоѣ сохи воловоѣ по пятнадцати грошей, а отъ коньскоѣ по полъосма гроша, а отъ человѣка, который сохъ не маеть, отъ земли по шести грошей, а отъ огородника по три гроши" [700]). Въ 1535 году серебщина собиралась въ размѣрѣ 12 грошей съ воловой сохи, шесть съ конской и т. д. [701]). Въ виду этого довольно странно читать у г. Ясинскаго въ его примѣчаніяхъ къ сводному тексту уставныхъ грамотъ Литовско-Русскаго государства, что де „подать эта въ различное время взималась въ размѣрѣ 3 или 5 грошей" [702]).

На мѣста подать эта налагалась господаремъ съ „порадою" пановъ-рады общею суммою. Такъ, король Казимиръ, подтвердивъ Константину греку купленное имъ въ Новгородскомъ мѣстѣ „мѣстце", съ котораго „не было никоторое потягли зъ мѣстомъ", написалъ въ своемъ подтвердительномъ листѣ отъ 12 мая 1483 года: „И мы ему отпустили зъ мѣстомъ никоторое потягли не тягнути и службы не служити; и подводъ не давати, и серебщины малое и великое не платити ему и его дѣтемъ и ихъ щаткомъ" [703]). Великій князь Александръ, отводя въ 1493 году землю подъ мѣстомъ и въ мѣстѣ Смоленскомъ для владыки съ правомъ имѣть тамъ опредѣленное количество дворовъ, писалъ въ своемъ листѣ: „а тыхъ его людей нашому намѣстнику Смоленскому, а ни околничимъ не судити, а ни рядити, а никоторыхъ пошлинъ съ нихъ не брати на себе: *нижоли, коли положимъ серебщизну на все мѣсто*, тогды посполу зъ мѣстомъ мають тые его люди намъ давати поборъ и иные подачки, по тому, какъ первѣй сего, издавна люди владычные, которые есмо взяли на насъ, даивали намъ" [704]). Въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ серебщину сообща съ мѣстами платили и люди волостные, господарскіе и частновладѣльческіе, при чемъ серебщина взималась здѣсь черезъ два года на третій, приближаясь такимъ образомъ къ постоянной подати, хотя размѣръ ея опредѣлялся по усмотрѣнію центральнаго правительства. Въ уставной

---

700) Акты Зап. Рос. II, № 17.

701) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200.

702) Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 138, пр. 167. Кіевъ 1889.

703) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 114.

704) Акты Зап. Рос. I, № 144; I. Срав. ibidem, № 185; II, № 13, 70.

грамотѣ, данной около 1498 года Старцевой волости Торопецкаго повѣта, читаемъ между прочимъ: „А Торопчаномъ и соцкимъ Торопецкимъ не надобѣ въ нихъ вступатися, завѣдати ихъ старцу, и дань, и *серебщину*, и тивунщину збирати самимъ, опрочъ Торопчанъ" [705]). Изъ этого видно, что въ собственной Торопецкой волости Торопчане, т. е. мѣщане, собирали серебщину сообща съ соцкими волостныхъ крестьянъ. Въ волости Могилевской бояре, мѣщане и люди данники давали сообща серебщину „завжды на третій годъ, колько мы господарь на нихъ положимъ", какъ выражается уставная грамота короля Сигизмунда отъ 1514 года [706]). То же было, напр., и въ волости Бобруйской, какъ это видно изъ заявленія людей этой волости обѣихъ половинъ, Виленской и Троцкой, поданнаго королю Сигизмунду въ 1533 г. [707]).

Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда серебщина платилась сообща мѣстнымъ обществомъ, намѣстникамъ-державцамъ было мало дѣла по сбору ея: нужно было только побуждать мѣщанскія и крестьянскія власти къ собиранію ея и доставленію въ срокъ и въ полномъ количествѣ. Дѣло ихъ значительно усложнялось тамъ, гдѣ серебщина собиралась по сохамъ или земельнымъ участкамъ, и гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло не съ цѣлымъ обществомъ, а съ частями его и даже съ отдѣльными плательщиками. Въ 1507 году, напр., король съ панами-радою „росказали тую серебщизну брати, тымъ обычаемъ: державцы наши мають тую серебщизну выбирати, безъ всякого умѣшканья, кождый у своемъ повѣтѣ, зъ нашихъ людей; а хоружій кождый у своемъ повѣтѣ маеть выбирати зъ людей боярскихъ и дворянскихъ и вдовьихъ и татарскихъ подъ свѣдомомъ кождого державцы нашего; а князей и пановъ радъ нашихъ зъ ихъ имѣней намѣстники ихъ мають обирати и до скарбу нашого отдавати и присѣгу чинити, потому жъ, какъ и наши врадники, передъ подскарбимъ земскимъ, што справедливе выбирали, ни одноѣ сохи и ни одного гроша не втаили и до скарба нашого сполна отдали" [708]). При такомъ условіи намѣстники-державцы должны были принимать дѣятельное участіе въ сборѣ серебщины и контролировать ея взиманіе даже съ отдѣльныхъ плательщиковъ.

---

705) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.
706) Акты Зап. Рос. II, № 86.
707) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.
708) Акты Зап. Рос. II, № 17.

Однородною съ серебщиною была подать, извѣстная подъ именемъ *ордынщины* и взимавшаяся едва ли не на уплату поминковъ Крымскому хану. Кромѣ названія, на это указываетъ и то обстоятельство, что подать эта взималась большею частью натурою, соболями и сукнами [709]). Подать эта раскладывалась общею суммою по мѣстамъ [710]) и по волостямъ Поднѣпрскимъ, которыя платили ее сообща съ мѣстами, какъ и серебщину. Такъ, великій князь Александръ въ 1499 г. постановилъ такую резолюцію по дѣлу волости Свислоцкой съ людьми бояръ Котовичей: „тые люди Котовичовъ Горане а Бродчане, а Максимовичы зъ людми нашими Свислоцкое волости маютъ всякую тягль тянути: и городы рубити, и ордынщину давати, и дубащину платити, и пословъ и гонцовъ поднимати, и недѣли стеречы съ подводами у Свислочы на городищы и на рѣцѣ на Березыни и на броду, и мосты маютъ съ ними мостити, и въ Рудникохъ сѣно косити, и жытщину до замковъ нашихъ возити, и всякую тягль маютъ съ ними тягнути и ни въ чомъ не маютъ ихъ выдати" [711]). Изъ инструкціи, данной въ 1533 г. пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую, узнаемъ, что Поднѣпрскія волости въ тѣ годы, когда платили ордынщину, не платили серебщины. „А што ся тчнетъ серебщыны и ордынщыны,—писалъ король,—мы до подскарбего земского пана Горностая писали, естли будетъ сего року ордынщына съ нихъ выбрана, абы серебщыны съ нихъ брати не велѣлъ и казалъ имъ въ томъ дати покой". Изъ этой инструкціи видно также, что и въ Бобруйской волости въ платежѣ ордынщины участвовали частновладѣльческіе крестьяне, которые обязаны были платить своимъ панамъ только дань, а во всемъ остальномъ тянуть вмѣстѣ съ волостью [712]). Кромѣ волостей Поднѣпрскихъ, мы нигдѣ еще не встрѣчаемъ примѣровъ совмѣстнаго платежа ордынщины мѣстомъ и волостью, и утвержденіе г. Леонтовича, что ордынщина платилась городами съ повѣтами является, такимъ образомъ, слишкомъ широкимъ обобщеніемъ [713]).

Такъ какъ ордынщина платилась сообща, общею суммою, то и сборъ ея составлялъ внутреннее дѣло мѣщанскихъ обществъ, которыя уплачивали ее нерѣдко изъ своихъ общественныхъ доходовъ. Намѣстники-державцы были только передаточною инстанціей между

[709]) Акты Зап. Рос. I, № 193.
[710]) Акты Зап. Рос. II, № 13, 61, 70, 168.
[711]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.
[712]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.
[713]) Кіевскія Университет. Извѣстія 1863 г. № 11, стр. 33 и слѣд.

плательщиками и скарбомъ. Какъ бы то ни было, но ближайшимъ образомъ господарь возлагалъ обязанность сбора и отвѣтственность за него на намѣстниковъ-державцевъ. Въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году королемъ Сигизмундомъ пану Богушу Боговитиновичу на замокъ Каменецъ съ повѣтомъ читаемъ: „коли плать положимъ на все панство великое князьство Литовское, тогды зъ волостныхъ людей маеть намъ серебщыну давати, а зъ мѣста ордынщину, также и серебщыну и который кольве плать положимъ" [714]).

XXXII.

Кромѣ податей натуральныхъ и денежныхъ, получившихъ въ изучаемое время (за исключеніемъ серебщины и ордынщины) значеніе помѣщичьихъ доходовъ, благодаря тому, что частнымъ владѣльцамъ предоставлено было право взимать ихъ съ крестьянъ въ свою пользу,— намѣстники-державцы собирали господарскіе доходы и съ разныхъ хозяйственныхъ оброчныхъ статей. Здѣсь на первомъ планѣ можно поставить земли пустовскія, которыя по инструкціи 1529 года державцы должны были „наймовати на пѣнязи або на меды", т. е. сдавать ихъ въ аренду. Примѣры этой сдачи встрѣчаются и ранѣе 1529 года, такъ что инструкція подтверждаетъ то, что уже было и не только въ господарскихъ, но и въ княжескихъ и боярскихъ имѣньяхъ. Такъ, уже въ инвентарѣ двора Грежанъ, составленномъ въ моментъ перехода Кіевской земли подъ управленіе великокняжескихъ намѣстниковъ, читаемъ: „Левонъ держитъ землю Ратоновщину, а с тое земли хоживало семъ ведеръ меду, а полюдья ведро меду, а две куницы, а ловчому чотыри гроши, бобровнику три гроши; ино тая земля много лѣтъ залегла пуста, ничого с нее не хоживало; въ сий же годъ Левону дали изъ третину дань давати, што бы тая земля пуста не лежала" [715]) и т. д. Князья Одоевскіе въ Бѣлицкой волости Смоленской земли продали боярину Мартину Болваницкому землю данную съ бобровыми гонами въ селѣ Чепиничахъ, а бояринъ отдалъ ее „изъ трети" человѣку Онофрейцу, который и сталъ ему давать дани вадь меду и двадцать грошей [716]). Въ княжествѣ Мстиславскомъ пустыя селища отдавали крестьянамъ пахать „съ поземя", за опредѣ-

---

[714]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; XI, л. 7.
[715]) Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII, т. II, № 1.
[716]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 57.

женное количество грошей[717]). „Съ пезему" брали пахать пустовщины и въ господарскихъ волостяхъ Витебской земли, какъ это видно изъ одного заявленья намѣстника Лужосенскаго Молодена воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича, при чемъ такой порядокъ существовалъ, по словамъ листа воеводы, „за отца нашого (былъ намѣстникомъ въ Витебскѣ въ 1503—1508 г. г.) и за первыхъ воеводъ" [718]). Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пустовщинъ было мало, земля была хорошая, намѣстникамъ - державцамъ удавалось иногда раздавать пустовщины во временное пользованіе съ тѣмъ, чтобы съ нихъ шла полная служба. Такъ, напр., въ Бѣльскомъ повѣтѣ землю Бакуновщину въ 1511 году держалъ одинъ крестьянинъ, служилъ съ нея службу и платилъ всѣ подати, имѣя въ то же время подъ собою свою отчину [719]). Но зато бывало иногда, что намѣстники - державцы раздавали крестьянамъ пустовщины за подарки, „съ поклона", не требуя съ нихъ ничего въ пользу господарскую. Въ 1513 году у короля Сигизмунда просилъ земянинъ Берестейскій Сидоръ Өедоровичъ жеребей Гоненовскій въ Берестейскомъ повѣтѣ: „а повѣдилъ передъ нами,—читаемъ въ жалованной грамотѣ Сигизмунда,—што жъ дей тотъ жеребей пустъ, а отчича къ нему нѣтъ, нижли дей тыми разы нѣкоторни люди нашн Берестейское жъ волости тотъ жеребей пашутъ безъ данины нашое, съ поклоновъ, а службы намъ съ него нѣтъ" [720]). Земли, раздававшіяся съ поклоновъ, такъ и назывались *поклонными*. Такъ, намѣстникъ Кричевскій князь Василій Семеновичъ Жилинскій далъ, а король Сигизмундъ подтвердилъ въ 1523 году своимъ листомъ, боярину кричевскому Василію Кипріяновичу съ братаничами два селища пустыхъ, одно куничное Случаковское, а другое поклонное Васильевское [721]). Точно такъ же и въ Жмудской земле „отмети" съ пустыхъ земель державцы и тивуны брали въ свою пользу, и только въ 1529 году король запретилъ имъ пользоваться этимъ доходомъ: „тежъ отмети, которые бирали державцы и тивуны съ пустыхъ земель, того вжо тивуны не мають на себе брати: то привлащаемъ на насъ, абы тымъ рыхлѣй тые земли людьми были осажены" [722]). Въ 1530 году, посылая въ Жмудскую землю писаря Андрея Мацковича, король пору-

[717]) Акты Зап. Рос. I, № 82.

[718]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 48, 49.

[719]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 13.

[720]) Ibidem, л. 212.

[721]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 126.

[722]) Акты Запис. Рос. II, № 160, арт. 2.

чилъ ему между прочимъ раздавать пустовщины и выбирать съ нихъ „мѣдницы медовъ прѣсныхъ“ [723]).

За пользованіе лѣсными господарскими или крестьянскими пустовскими угодьями (бортями и ловами) намѣстники-державцы собирали „пенязи куничные и поборные“ [724]). Что эти деньги взимались за пользованіе лѣсными угодьями, на это намекаетъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ обширныхъ повѣтахъ деньги эти собирались гаевникомъ. Въ 1512 году король писалъ старостѣ Берестейскому пану Юрью Ивановичу Ильинича: „мовили нам подскарбіи наши, штожъ дей гаевникъ Берестейскій Өедько—пьяница и того врядy не пилечъ, и которые дей пенязи поборные на людехъ нобралъ, тые дей пенязи попропивалъ: и они на тотъ врядъ гаевництво обрали дворянина нашого Черневского“ [725]). Куничные и поборные пенязи упоминаются и въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Каменецъ, на ряду „съ гаевництвомъ“, „бобровничествомъ“ и „лѣсничаньемъ“ [726]). — Не маловажную статью господарскихъ доходовъ составляли „буды“ или „купы“ въ пущахъ. Устава 1529 года гласитъ о нихъ: „Тежъ при которомъ-кольвекъ дворѣ нашомъ суть пожитки съ куповъ въ лѣсѣ, то есть смолы, ванчосъ, клепки, попелъ, тое суполно на насъ зоставуемъ“. Обыкновенно эта хозяйственная статья сдавалась въ аренду — на откупъ, — такъ что намѣстники-державцы, кромѣ надзора за правильностью ея эксплуатаціи, не имѣли къ ней никакого отношенія. Такъ, напр., въ 1515 году король Сигизмундъ отдалъ на откупъ нѣмцу Ганусу Бѣлому четыре буды въ Пуньской, Дорсунишской, Биританской и Вилькейской пущахъ съ такимъ условіемъ: „маеть отъ тамъ дерево на ванчусъ и клепки робити и попелъ жечи, а намъ маеть отъ того давати двѣстѣ копъ грошей на годъ,... а мыто намъ маеть платити по тому, какъ и иныи платять“. [727]) Примѣровъ непосредственной эксплуатаціи будъ чрезъ господарскихъ крестьянъ, намъ не встрѣчалось въ актахъ изучаемаго времени, если только на такую эксплуатацію не указываютъ господарскіе дегтяри, упоминавшіеся выше.

Наконецъ, намѣстники-державцы и тивуны должны были распоряжаться ловлею рыбы въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ, при чемъ

[723]) Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

[724]) Арт. 37 уставы 1529 года.

[725]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 35.

[726]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; XI, л. 7.

[727]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 219.

двѣ части улова должны были продавать, а деньги отдавать въ скарбъ, а третью брали себѣ [728]); ранѣе этого намѣстники-державцы брали рыбы, сколько имъ было „на пожитокъ слушного" [729]). Въ нѣкоторыхъ областяхъ господарскія рыбныя ловли отдавались на откупъ за деньги, какъ напр., въ Жмудской землѣ [730]).

XXXIII.

Намѣстники-державцы въ качествѣ главныхъ приказчиковъ въ господарскихъ имѣньяхъ не только должны были заботиться о поддержаніи и развитіи господарскаго хозяйства, о сборѣ и доставленіи доходовъ съ него господарю, но и обязаны были принимать и кормить господаря съ его свитою въ случаѣ пріѣзда ихъ въ данное имѣнье, а равно господарскихъ пословъ и гонцовъ, поднимать ихъ „стаціями", какъ говорилось въ то время, и доставлять имъ подводы для переѣзда до слѣдующаго имѣнья. Въ 1529 году король Сигизмундъ, отправляя послами къ великому князю Московскому пановъ Матея Войтеховича и Василья Богдановича Чижа съ дьякомъ Андреемъ Мацкевичемъ, писалъ державцамъ дворовъ, которые находились на пути въ Москву: Мѣдницкому, Ошменскому, Кревскому, Красносельскому, Мѣнскому, Борисовскому и Рошскому: „И вы бы пану Матею и слугамъ его давали на каждомъ стану яловицу а десятеро куря; въ постныи дни рыбъ и хлѣба и иныхъ стравныхъ речей съ потребу, а вшатокъ меду, а бочку пива въ тры вшатки; а на кони его сѣна съ потребу и овса пять бочокъ, а къ тому паству на кони; тежъ давали бы есте ему жъ дванадцать подводъ зъ возы и съ проводники вездѣ по дорозѣ, почонши отъ насъ тою дорогою по тымъ дворомъ вышеписаннымъ и до границы Московской, и оттоль зася до насъ тою жъ дорогою, нигдѣ ничымъ не мѣшкая" [731]). Относительно стацій самому господарю въ уставѣ 1514 года находимъ слѣдующее предписаніе, обращенное къ намѣстникамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта: „маешь насъ всякими стацеями поднимати, какъ было за отца и брата нашого, королевъ ихъ милости; а коли быхмо казали тобѣ стацею давати намъ до Вильни або гдѣ индѣ, або на войну за нами везти, тогды ты, врадникъ нашъ, маешь тую стацею до насъ проводити безъ замѣ-

---

[728]) Арт. 16 уставы 1529 года.

[729]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

[730]) Акты Зап. Рос. II, № 160. арт. 3.

[731]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 495.

шканья по тому, по чому будеть и передъ тымъ здавна за предковъ нашихъ тое стацеи даивано, и какъ со всихъ людей нашихъ у волости.... будеть"[732]). Стаціи и подводы намѣстники-державцы должны были давать господарю даже и тогда, когда дворы у нихъ были „въ заставѣ". Такъ, король Сигизмундъ, заставивъ въ 1516 году дворъ Оникшты пану Миколаю, старостичу Жмудскому, обязалъ его между прочимъ: „какъ пріѣдемъ до Оникштъ онъ маеть насъ стацеями поднимати и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати подлугъ давного обычая"[733]). Въ 1520 году король отдалъ пану Яну Яновичу Заберезенскому на четыре года дворъ Меречь на выбиранье пенязей его, 1000 копъ грошей; панъ Заберезенскій долженъ былъ собирать въ свою пользу всѣ доходы съ двора Мереча и пользоваться всѣмъ, „нижли,—гласитъ выданный ему листъ короля,—коли мы будемъ тамъ у Мречы, тогды онъ маеть насъ стацеями и иными речьми поднимати подлѣ давного обычая"[734]). Стаціи державцы давали не изъ своихъ доходовъ, а собирали ихъ съ тѣхъ же волостныхъ людей, какъ это видно изъ только что приведенныхъ выдержекъ актовъ; въ дополненіе къ нимъ можно указать на уставу, данную въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ земель, гдѣ читаемъ: „кгды ся кольвекъ намъ пригодитъ тамъ до которого двора, або до земли Жомойтскоѣ пріѣхати, тогды отъ кождого человѣка намъ повинни будуть давати вси стацею, яко: яловицъ, воловъ, гусей, куровъ, барановъ, вепровъ, овса и сѣна, меду и пива; а того на иншій часъ неповинни будуть давати, одно, коли быхмо сами персуною своею тамъ пріѣхали"[735]). О томъ, что подводную повинность отправляли господарскіе волостные люди, было говорено выше.

Въ стаціяхъ и подводахъ господарскимъ крестьянамъ помогали мѣщане, какъ увидимъ ниже, и крестьяне частныхъ владѣльцевъ, если не были освобождены отъ того спеціальными привилеями. Земскій привилей 1457 года оставилъ стаціи на всѣхъ вообще частныхъ имѣньяхъ; земскій привилей, данный великимъ княземъ Александромъ при вступленіи на престолъ, подтвердилъ эту обязанность владѣльцевъ. Что касается подводной повинности, то земскій привилей короля Сигизмунда отъ 1506 года даетъ относительно этого такое разъясненіе: Et licet kmethones ipsorum Baronum et Nobilium a dandis

---

732) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

733) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156.

734) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.

735) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 6.

podwodys nobis, et successoribus nostris liberavimus, nihilominus tamen pro Oratoriis nunciisque et Cursoribus tam nostris quam etiam ad nos, et undecunque venientes debent Podwodae ipsi dari et custodiri cum solito numero equorum in locis solitis et consuetis [736]). Акты изучаемаго времени еще болѣе разъясняютъ дѣло о подводной повинности владѣльческихъ крестьянъ, въ томъ именно смыслѣ, что владѣльческіе крестьяне не обязаны были доставлять подводы только для хозяйственной надобности господарскихъ дворовъ, но должны были поднимать какъ стаціями, такъ и подводами проѣзжающаго господаря со свитою, пословъ и гонцовъ. Такъ, напр., въ 1499 году великій князь Александръ пожаловалъ дворянину Богдану Колонтаеву данника Олейка съ братьею и съ землею въ Пьяновѣ Брянскаго повѣта, при чемъ написалъ въ своемъ привилеѣ: „въ того его чоловѣка сотникомъ не надо ся вступати и ни розметовъ на нихъ метати; нижли, коли мы сами господарь будемъ во Брянску або послове нашы, тогды и на того его чоловѣка мають розметы повладати такъ, какъ и на иныхъ нашихъ людей“ [737]). Въ Волынской землѣ мѣстные князья и паны давали подводы подъ господарскихъ пословъ и гонцовъ, какъ это видно изъ судебнаго дѣла между княземъ Иваномъ Корецкимъ и паномъ Богданомъ Гостьскимъ „о неотмѣниваньѣ подводъ Корецкихъ въ Гощи“, разбиравшагося великимъ княземъ Александромъ [738]). Въ Кіевской землѣ, какъ это видно изъ ея привилея, люди княжескіе, панскіе и боярскіе стерегли недѣли въ Чернобыли [739]). Для Виленскаго повѣта можно указать на примѣръ двора и волости Молодеченской, пожалованной въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому со всѣмъ правомъ и панствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ такою обязанностью: „нѣжьли, коли мы сами господарь пріѣдемъ до того двора Молодечна, тогды мають насъ стацеею поднимати, какъ здавна бывало, тежъ пословъ нашихъ великихъ; а подводы подъ послы и гонци наши мають давати по давному“ [740]). То же было и въ землѣ Полоцкой, какъ это видно изъ жалобы пана Путяты Өедковича, предъявленной въ 1532 году воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича на городничаго Полоцкаго Ивана Глѣбовича, „ижъ передъ

---

[736]) Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 12—15; Zbiór praw litewskich, str. 95—99.

[737]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82.

[738]) Ibidem, л. 1, 2.

[739]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

[740]) Ibidem, № 69.

тымъ съ стародавна люди его съ Усомья да зъ Гомья на стану Суйскомъ господара короля его милости и пановъ воеводъ Полоцкихъ посполь зъ людьми его поднимывали, а теперь поднимати и въ томъ имъ помочни быти не хотять". Городничій выигралъ дѣло, потому что представилъ привилей короля, которымъ „рачилъ его милость тыхъ людей его отъ того стану вызволити" [741]). Дѣйствіе системы частныхъ изъятій при общихъ нормахъ права проявлялось и здѣсь съ полною силою. Такъ, великій князь Александръ въ 1493 году освободилъ людей волости Кремяной и Буйгородцевъ (одну службу) Смоленскаго повѣта, принадлежавшихъ князю Константину Крошинскому „отъ даванья стацыи и отъ чиненья становъ" на самого господаря и его пословъ, мотивировавъ это пожалованье такъ: „бо то есмо ему давали за его службу" [742]). Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность пану Богдану Семеновичу Сопѣгѣ волость Ельную въ Смоленскомъ повѣтѣ „зо всимъ на все на вѣчность", при чемъ оговорилъ: „а подводъ намъ и врядникомъ нашимъ тыи люди его съ тое волости не мають давати; и тежъ стацыи на врядники нашы Смоленскіи не мають готовити и давати, нижли, коли мы сами господаръ будемъ у Смоленску, тогды они мають намъ на нашъ прыѣздъ стацею давати по давному, какъ и передъ тымъ даивали; а подводъ какъ намъ, такъ и врадникомъ нашымъ Смоленскимъ, не мають давати" [743]). Въ 1510 году король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку село Тудеговичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, при чемъ оговорилъ: „и не мають тыи люди его въ Мозыры службъ никоторыхъ на насъ служити, недѣли не мають стеречи и подводы и стацей на врадника нашого Мозырского и на пословъ и гонцовъ не мають давати" [744]). Чаще всего владѣльческіе крестьяне освобождались отъ стацій и подводъ на пословъ и гонцовъ, но обязаны были поднимать всѣмъ этимъ господаря въ случаѣ пріѣзда его въ мѣстность. Такъ, въ 1506 г. король Александръ пожаловалъ князю Ивану Ѳедоровичу Полубенскому путныхъ и тяглыхъ людей въ Полоцкомъ повѣтѣ Ловожскаго стана съ такимъ условіемъ: „А што перво сего тые люди его воеводъ Полоцкихъ и пословъ и гонцовъ нашихъ на томъ стану Ловожскомъ стаціями и подводами поднимывали, того вжо тымъ людемъ его ничого не надобѣ знати; нижли, коли мы сами господаръ тою дорогою

---

[741]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 168.
[742]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 90,
[743]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 296, 297.
[744]) Ibidem, л. 409, 410.

поѣдемъ, тогды они насъ маютъ поднимати подлѣ давного обычая, какъ передъ тымъ бывало, а большей того не маютъ никому стацей и подводъ давати" [745]). Въ 1516 году король пожаловалъ дворянину Матеею Заморенку село Коптевичи въ Бчицкой волости Мозырскаго повѣта между прочимъ съ такимъ правомъ: „а подводами тыи люди его пословъ и гонцовъ нашихъ не маютъ поднимати и стацей давати" [746]). Въ 1529 году это право распространено было на всѣхъ землевладѣльцевъ Кіевской земли. Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ этомъ году Кіевской землѣ, читаемъ: „А што люди церковные, и князьскіе и паньскіе и боярскіе стерегивали недѣли въ въ Чернобыли, и подводы даивали воеводамъ и посломъ и гоньцомъ нашимъ и Татарскимъ: мы имъ и людемъ ихъ, въ ласки нашое, то вѣчно отпустили" [747]). Принимали-ли намѣстники-державцы административное участіе въ сборѣ стацій и подводъ съ владѣльческихъ крестьянъ (разумѣется, тѣхъ имѣній, которыя находились въ ихъ повѣтахъ), на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, хотя такое участіе болѣе, чѣмъ вѣроятно.

Терминъ „стація" заимствованъ отъ Польши [748]), но повинность, обозначаемая этимъ терминомъ, по всѣмъ признакамъ, происхожденія русскаго: давать стаціи и подводы значило *рядить станъ* на господаря, воеводу, пословъ и гонцовъ [749]). На югѣ, въ Кіевской землѣ, стація въ актахъ XV вѣка обозначается особымъ именемъ, не встрѣчающимся въ актахъ, относящихся до другихъ земель, — „болкуновщина", которая давалась на пріѣздъ Витовта [750]).

XXXIV.

Резюмируя все, что сказано было до сихъ поръ о дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, ихъ можно назвать главными приказчиками въ господарскихъ имѣньяхъ и сборщиками податей и разныхъ господарскихъ доходовъ въ своихъ округахъ, короче—хозяй-

---

745) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 315.

746) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 120, 121.

747) Акты Зап. Рос. II, № 164.

748) *М. Владимірскаго-Буданова* „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ" въ Журн. М. Н. Просв. 1868 г., августъ, стр. 477.

749) Акты Зап. Рос. II, № 164.

750) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

ственно-финансовыми агентами великаго князя. Это заключеніе составляется на основаніи дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ въ обществахъ господарскихъ крестьянъ, или волостныхъ людей; но оно остается въ силѣ и послѣ разсмотрѣнія дѣятельности ихъ въ мѣстахъ, среди мѣщанъ. Да и иначе быть не могло, если мы примемъ во вниманіе, что такое были мѣста вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ частности мѣста въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

„Мѣстами" въ Литовско-Русскомъ государствѣ по польскому примѣру стали называться поселенія, гдѣ установился торгъ, существовали товарные склады и лавки, винныя, пивныя и медовыя корчмы и другія торговыя и промышленныя учрежденія. Этимъ именемъ обозначались, такимъ образомъ, и большіе старинные русскіе и литовскіе города, и промышленныя села, которыя издавна были судебно-административными центрами волостей и резиденціями волостныхъ правителей [751]). Поэтому и классъ мѣщанъ состоялъ изъ довольно разнообразныхъ общественныхъ элементовъ. Въ составѣ его были люди, исключительно занимавшіеся торговлею (иногда крупною, внѣшнею и внутреннею) или разными ремеслами, какъ это было большею частью въ старинныхъ литовско-русскихъ городахъ, и люди, занимавшіеся торговлею и ремеслами только въ придачу къ земледѣлію, какъ это было большею частью въ торгово-промышленныхъ поселеніяхъ, группировавшихся вокругъ господарскихъ дворовъ, гдѣ жили намѣстники-державцы и тивуны великаго князя. Какъ на типъ такихъ торгово-промышленныхъ селъ можно указать, напр., на мѣстечко Перемиль, находившееся при замкѣ Перемильскомъ, гдѣ до 1511 года сидѣлъ особый намѣстникъ великаго князя. Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ это мѣстечко князьямъ Вишневскимъ Ѳедору и Ивану Михайловичамъ за ихъ службу на вѣчность „съ торгомъ и зъ ярморкомъ, зъ мыты старыми грошовыми и соляными и съ промытою, и съ правомъ майтбарскимъ, которое жъ право тое мѣстечко съ стародавна маеть, и зъ войтовствомъ Перемильскимъ, и со всими людьми и платы мѣстьскими, и съ корчмами и съ капщинами, и чинши, и доходы и вжитки, и зъ городищемъ (замокъ, очевидно былъ въ разрушеніи), и зъ землями церковными, который земли прислухаютъ здавна къ костелу нашого римского закону,—и на тыхъ земляхъ костелъ маютъ

[751]) Намекъ на это уже даютъ 27 и 29 статьи Русской Правды (по Карамзинскому списку).

збудовати и каплана съ своее руки тамъ мѣти, — съ фолварки и зъ землями мѣстьскими пашными и бортными, съ пасѣками и съ огороды, и съ хмѣльники“ [752]). Сообразно съ этимъ мѣщане разныхъ мѣстъ занимали и неодинаковое положеніе въ соціально-политической іерархіи Литовско-Русскаго государства. Въ то время, какъ мѣщане старинныхъ большихъ городовъ, какъ напр., Полоцка, Витебска, Кіева, Вильны, Трокъ и др., рѣзко обособились отъ волостныхъ людей и стояли на положеніи, которое дѣлало ихъ своего рода высшимъ сословіемъ въ государствѣ, мѣщане по небольшимъ мѣстечкамъ едва отдѣлились отъ волостныхъ крестьянъ, съ которыми они сообща работали на господарскомъ хозяйствѣ, сообща несли разныя повинности и платили подати. Затѣмъ: въ то время, какъ мѣщане такихъ городовъ, какъ Полоцкъ и Витебскъ, были обезпечены политически настолько, насколько князья и паны, т. е. не могли быть отданы господаремъ въ подданство частнымъ лицамъ, мѣщане незначительныхъ городовъ и селеній считались только поселенцами въ господарскихъ имѣньяхъ и жаловались нерѣдко вмѣстѣ съ этими имѣньями частнымъ лицамъ на ряду съ крестьянами. Намѣстникамъ-державцамъ приходилось по большей части имѣть дѣло съ такими именно мѣщанами. Въ чемъ же состояло это дѣло?

XXXV.

Мѣщане нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ выше было указано, помогали крестьянамъ въ различныхъ работахъ по господарскому хозяйству, въ которыхъ иниціатива, общій надзоръ и руководство принадлежали намѣстникамъ-державцамъ. Значитъ, то дѣло, которое выполнялъ намѣстникъ-державца или тивунъ по отношенію къ крестьянамъ, выполнялъ онъ и по отношенію къ мѣщанамъ, и даже едва-ли не въ большей степени, потому что мѣщане, жившіе въ самой резиденціи волостнаго правителя, были, такъ сказать, всегда подъ его глазомъ. Во многихъ мѣстечкахъ мы не замѣчаемъ даже никакихъ особыхъ мѣстскихъ властей, которыя въ данномъ случаѣ были бы посредниками между великокняжескимъ урядникомъ и мѣщанами, изъ чего можемъ заключить, что великокняжескій урядникъ непосредственно или чрезъ своихъ слугъ вѣдалъ мѣщанъ въ ихъ повинностяхъ. Впрочемъ, въ русскихъ земляхъ сплошь и рядомъ одни и тѣже власти были и у крестьянъ, и у мѣщанъ. Такъ, напр., атаманы въ Кіевской землѣ, какъ уже выше было указано, вѣдали повинности и были представителями

---

[752]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 45, 46.

не только крестьянъ, но и мѣщанъ; соцкіе въ Торопцѣ вѣдали не только волостныхъ людей, но и мѣщанъ Торопецкихъ, которые сообща съ волостными людьми строили и поправляли тивунскій дворъ, подъимами подводами и стаціями писаря, который пріѣзжалъ править недополнковъ даней, платили серебщину и поднимали стаціями и подводами сборщиковъ серебщины [753]) и т. д.; старцы въ волостяхъ Поднѣпрскихъ, гдѣ мѣщане сообща съ волостными людьми платили серебщину и ордынщину и отправляли повинности, повидимому, также были не только крестьянскими, но и мѣщанскими властями. Исключеніе представляла волость Кричевская, отторгнутая отъ Смоленской земли и имѣвшая особаго *старосту мѣста* Кричевскаго на подобіе того, который былъ и въ самомъ Смоленскѣ [754]). Кромѣ того, мѣста съ магдебурскимъ правомъ имѣли свое особое начальство, которое и отвѣчало передъ намѣстникомъ-державцею за исправность мѣста въ отправленіи повинностей, въ томъ числѣ и работъ по господарскому хозяйству, буде мѣсто было къ этому обязано. Такими селами-мѣстами какъ извѣстно, завѣдывали *войты* [755]).

Къ числу мѣщанскихъ повинностей принадлежали и поземельныя подати, которыя въ разныхъ мѣстностяхъ носили разныя названія, и которыя шли къ господарю опять-таки черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, мѣщане чудновскіе, которые пахали землю, платили (около 1471 года) по 20 грошей съ человѣка [756]). „Платъ" этотъ былъ то же самое, что и дань или ясакъ; поэтому и въ средѣ мѣщанъ Кіевской земли были ясачные люди [757]). Въ предѣлахъ собственной Литовской земли мѣщане платили со всѣхъ земель дякла и пенязи, которые за дякломъ идутъ [758]). Въ землѣ Берестейско-Подляшской мѣщане платили подымное. Въ записяхъ пожалованій короля Сигизмунда, сдѣланныхъ имъ въ началѣ его княженья, читаемъ между прочимъ: „Олеши Животову 6 локотъ сукна лунского зъ восковъ Берестейскихъ; ему жъ 6 копъ въ Тункеля зъ подымныхъ" [759]); въ 1518 году Сигизмундъ заставилъ пану Яну Миколаевичу Радивиловича замокъ Дорогичинъ „зъ мѣстомъ и зо всими людьми повѣту Дорогицкого,

---

[753]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.
[754]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 288.
[755]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.
[756]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.
[757]) Акты Зап. Рос. I, № 120.
[758]) Акты Зап. Рос. II, № 13.
[759]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 448.

и съ корчомными пенязми, и *съ подымщиною*, и зъ мытомъ Дорогицкимъ, и со всими доходами и зъ винами"; судя по контексту заставного листа подымщина взималась именно съ мѣщанъ [760]). Мѣщане берестейско-подляшскихъ мѣстъ, владѣвшіе размѣренными на волоки участками, платили съ нихъ опредѣленный чиншъ деньгами и натурою. Такъ, мѣщане мѣстъ Бѣльскаго повѣта давали „плату съ кождое волоки на годъ по золотому а по два корцы овса, а по гусяти, а по двою куровъ, а по тридцати яицъ" и одинъ день въ недѣлю службу тяглую служили. На такихъ условіяхъ король Сигизмундъ приказалъ въ 1507 году писарю воеводы Троцкаго Еску Ивановичу садить мѣсто въ Бѣльскомъ повѣтѣ на четырехъ жеребьяхъ Коппелевскихъ и на двухъ Верхечичскихъ, которые онъ долженъ былъ размѣрить на волоки, при чемъ относительно мѣщанъ прибавилъ, что они, высидѣвши волю, должны были „съ кождое волоки службу служити и дачки давати по тому, какъ и по инымъ мѣстамъ нашимъ тамошнимъ люди зъ волокъ службу служать и подати дають" [761]). Мѣщане Нарвскаго мѣста, которое поручено было садить старостѣ Бѣльскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду въ 1514 году, должны были давать ежегодно „диншу врочистого зъ волоки по полуконью (30) грошей литовское монеты а по двое куровъ, по двѣ бочцѣ овса а по возу сѣна" [762]). Мѣщане Клещелязскіе Бѣльскаго повѣта давали съ каждой волоки по полукопью грошей литовской монеты (по 10 пенязей въ грошѣ) и по бочкѣ соляной овса трясенаго [763]). Мѣщане мѣста Милейчицкаго въ Берестейскомъ повѣтѣ, пользовавшіеся разными льготами и изъятіями, должны платить ежегодно: „зъ волоки—по золотому черленому; а хто маеть полволоки, тотъ маеть давати по ползолотому; а хто треть волоки, тотъ треть золотого; а хто не маеть волоки, только одно дворищо, тотъ маеть давати только шесть грошей" (это, очевидно, вышеупомянутая подымщина). Кромѣ того, король постановилъ: „а коли мы сами персоною нашою панскою пріѣдемъ до Милейчичъ, тогды мають они на нашъ пріѣздъ давати зъ дому по полчетверти овса а по курити, а посполу вси вопу гусей а четыре камени лою на свѣчи; а которого року мы у Милейчичахъ не будемъ, ино имъ того овса и куровъ, и гусей, и лою невадобѣ давати, а никоторыхъ иныхъ дачокъ опромѣ того не

---

[760]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 31, 32; кн. Запис. VIII, л. 387—390.
[761]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165—166.
[762]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 85.
[763]) Акты Зап. Рос. II, № 123.

маютъ давати и службъ никакихъ не служити и подводъ не давати" [764]). Въ 1519 году король Сигизмундъ установилъ съ мѣщанъ Воинскихъ Берестейскаго повѣта слѣдующій платъ: „маютъ намъ давати съ тыхъ трехъ волокъ на годъ по золотому черленому або по полуконью и по шести грошей плоскихъ, а по корцу овса, а по куряти, а по десети яецъ; а въ кого будетъ двѣ волоки, тотъ маетъ дати на годъ по двѣ доли золотого а тыхъ речей; а который одну волоку будетъ мѣть, тотъ маетъ на годъ давати золотого и тыхъ речей третюю часть; а зъ двора и зъ огорода вердунокъ на годъ; а къ тому со всего мѣста маютъ намъ въ кождый годъ давати копу гусей а два камени лою съ броваровъ мѣстскихъ, и съ сохачокъ платъ маетъ тежъ въ кождый годъ на дворъ нашъ даванъ быти;... зася плебану Воинскому маютъ зъ волоки давати на годъ по копѣ жита а по два гроша коледы" [765]). Въ 1531 году чиншъ Воинскихъ мѣщанъ былъ измѣненъ сообразно съ нѣкоторыми новыми льготами, которыя имъ были даны: мѣщане съ каждыхъ трехъ полуволочковъ должны были давать „по двадцати грошей а по курети, а по десети яицъ, а по полкорци овса; а зъ дву полуволочковъ чотырнадцать грошей; а въ одного полуволочка семъ грошей; а кто полуволочковъ не маетъ, лечъ на самыхъ огородѣхъ мѣшкаетъ, съ таковыхъ домовъ по шести гроши, а большей того ничого не маютъ давати" [766]). —Поземельныя подати вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими „податками" и повинностями при пожалованіи магдебурскаго права замѣнялись нерѣдко общею суммою, которую должно было уплачивать мѣсто. Такъ, очевидно, бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда поземельные платежи мѣщанъ не составляли важной статьи господарскихъ доходовъ съ мѣста. Мѣщане Волковыйскіе, напр., при пожалованьѣ имъ магдебурскаго права вызволены были отъ платежа дяколъ и пенязей, которые за дякломъ идутъ, отъ подводъ на урядника Волковыйскаго и его слугъ, отъ сторожи на дворѣ, исключая случаи пріѣзда въ Волковыйскъ самого господаря, отъ хожденья на работу съ топоромъ, отъ кошенья сѣна, отъ хожденья на работу до Городна „къ вапну"; но за то они обязаны были давать ежегодно по 30 золотыхъ всѣ вмѣстѣ [767]). Мѣщане Новгородскіе „для доброволеньства", которое имъ дано было вмѣстѣ съ пожалованьемъ магдебурскаго права, должны были платить ежегодно въ скарбъ господарскій по ня-

[764]) Литов. Метр. кн. Запис. IX л. 124, 125.
[765]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17, 18; XIII, л. 1—3.
[766]) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 3—4.
[767]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

тидесять золотыхъ угорскихъ [768]) и т. д. Поземельный платъ съ волокъ, какъ мы уже знаемъ, шелъ въ скарбъ чрезъ руки мѣстныхъ великокняжескихъ урядниковъ, напр., съ мѣщанъ Лосицкихъ собиралъ его намѣстникъ Мельницкій и Лосицкій Немира Грималичъ [769]); вѣроятно, и другіе поземельныя подати мѣщанъ уплачивалися также чрезъ намѣстниковъ-державцевъ подобно всѣмъ другимъ платамъ.

Кромѣ поземельной подати, на всѣхъ мѣщанъ, какъ было уже выше сказано, налагались чрезвычайныя подати въ видѣ *серебщины* и *ордынщины*, которыя шли, какъ мы видѣли, также черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ. Серебщина въ Поднѣпрскихъ волостяхъ налагалась на мѣщанъ и волостныхъ людехъ періодически, чрезъ два года на третій, а въ остальныхъ мѣстахъ безъ срока, по мѣрѣ надобности, какъ это видно изъ грамоты короля Сигизмунда, выданной въ 1511 году мѣщанамъ Новгородскимъ на магдебурское право [770]). Система частныхъ изъятій и привилегій дѣйствовала и въ данномъ случаѣ, и въ актахъ мы находимъ не мало примѣровъ освобожденія отъ платежа серебщины и ордынщины отдѣльныхъ мѣстъ и даже отдѣльныхъ мѣщанъ. Такъ, въ 1524 году королю Сигизмунду били челомъ мѣщане Троцкіе и повѣдали, „што жъ отъ частыхъ серебщинъ и отъ ордынщинъ и отъ иныхъ платовъ нашыхъ зъубожали велми, а иншии дей многіе мѣщане наши прочъ ся для того розошли"; вслѣдствіе этого мѣщане просили короля дать имъ „на колко лѣтъ воли" отъ платежа всѣхъ податей и налоговъ. Король далъ имъ волю на три года, исключивъ только жидовъ, а тѣмъ, которые бы пожелали вновь поселиться въ мѣстѣ, далъ волю на шесть лѣтъ отъ всѣхъ платовъ, кромѣ корчомныхъ пенязей [771]). Въ слѣдующемъ году дана была такая же льгота на десять лѣтъ мѣщанамъ Берестейскимъ по случаю опустошительнаго пожара, уничтожившаго „домы ихъ вси со всими статки и куплями ихъ на корень" [772]). Король Александръ освободилъ отъ платежа серебщины домъ Ивашковой Вулгаковича и ея сына Ивана, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ эту привилегію [773]).

---

768) Акты Зап. Рос. II, № 71.

769) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

770) Акты Зап. Рос. II, № 71.

771) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 190.

772) Ibidem, л. 225, 226.

773) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

XXXVI.

Черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ шли и разные косвенные налоги, собиравшіеся на господаря въ мѣстахъ въ видѣ торговыхъ пошлинъ и промысловыхъ налоговъ. Изъ инструкцій, данныхъ въ 1529 году державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, можно заключить, что намѣстники-державцы и тивуны собирали мыта рѣчныя, перевозъ, капщины, куничное отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ, пенязи торговые, помѣрные и поборные и т. д. [784]). Это заключеніе подтверждается и частными свидѣтельствами актовъ изучаемаго времени, изъ которыхъ видно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не исключительно намѣстники-державцы и тивуны собирали косвенные налоги въ мѣстахъ, и что существовавшая относительно этого практика была довольно разнообразная.

Въ 1486 году король „продалъ“ на два года за 140 золотыхъ *мостовое* Городенское и *бочечное помѣрное* Мерецкое жидамъ городенскимъ Еньку Яцковичу съ сыновьями. Согласно арендному листу доходы эти должны были уже собирать жидъ Енько и сыновья его Ицхакъ и Мошка. Но раньше этого мостовое Городенское и бочечное помѣрное Мерецкое собирались тамошними намѣстниками черезъ ихъ слугъ. Одновременно съ извѣщеніемъ объ отдачѣ въ аренду мостового въ Городнѣ и бочечнаго помѣрнаго въ Меречи король писалъ намѣстникамъ Городенскому и Мерецкому: „А што вы собрали отъ того року до тыхъ часовъ отъ мостового Городенского а отъ бочечного Мерецкого, и ты, княже (Александръ Юрьевичъ, намѣстникъ Городенскій), прислалъ къ намъ Туньвелемъ сорокъ грошей безъ двy грошей, и ты, пане Михайло (намѣстникъ Мерецкій), далъ намъ двѣ копѣ грошей безъ осми грошей, ино то насъ дошло, а остановъ тыхъ грошей, што есте потомъ собрали до тыхъ часовъ, ажбы есте то имъ отдали“ [785]). И впослѣдствіи мы встрѣчаемся по актамъ съ отдачею въ аренду „мыта мостового“ Городенскаго, при чемъ намѣстнику наказывается отъ великаго князя не вступаться ничѣмъ въ это мыто и защищать откупщика отъ обидъ [786]).—Впрочемъ, „мостовое“ и перевозъ“ были собственно платежами за пользованіе мостомъ и перевозомъ, вмѣстѣ съ которыми взималось и мыто въ собственномъ смыслѣ.

---

[784]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 25, 27, 37; № 160, арт. 3.

[785]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

[786]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 165.

Что это было такъ, на это указываетъ, напр., привилей, выданный въ 1514 году жиду берестейскому Михаилу Езофовичу. Король Сигизмундъ дозволилъ ему построить „за его пенези" мостъ на р. Бугѣ въ Дорогичинѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ перевозъ, и предоставилъ ему право „на томъ мосту, хто черезъ мостъ поѣдеть, мостового брати отъ купецкого возу по полугрошу, а отъ животины продажное по два пенязи для поправленья мостового, коли его вода сказить". „А окромъ купцовъ,—гласитъ королевскій листъ, выданный Михелю Езофовичу,—не маеть онъ ни въ кого, хто вольве черезъ мостъ тотъ поѣдеть, мостового ничого брати, нижли которыи люди наши и земянскіи Дорогицкого повѣта здавна давали на перевозъ збожа, то мають ему потому жъ на томъ мосту давати. Также, которыи купцы будуть лѣтѣ у бродъ, а зимѣ на ледъ ѣздити, а не на мостъ, тыи не мають ему того мостового платити. А мѣщане Дорогицкіи мають въ каждый годъ, давши ему съ каждого дому по грошу, доброволне иншого никоторого мостового не даючи, черезъ тотъ мостъ и съ коморниками своими, которые въ нихъ мѣшканье въ домѣхъ наймують, ѣздити, и то, естли будуть передъ тымъ на перевозъ съ дому по грошу давали. *А на которое мыто здавна на насъ тамъ хоживало зъ возу по грошу*, тое и нынѣ мають намъ къ мыту нашому зъ воза давати" [787]). Поэтому и мостовое Городенское, хотя и называется иногда мытомъ, отличается отъ мыта въ собственномъ смыслѣ. Въ 1504 году король Александръ продалъ войту Троцкому Никелю мыто и мостовое Городенское на годъ за сто золотыхъ [788]). Такимъ образомъ, мостовое и перевозъ не были торговыми пошлинами въ настоящемъ смыслѣ; но такъ какъ они собирались съ купецкихъ возовъ въ количествѣ неодинаковомъ сравнительно съ другими подводами, то до извѣстной степени приближались къ торговымъ пошлинамъ и имѣли значеніе косвенныхъ налоговъ.

Такое же значеніе имѣло и *бочечное помѣрное*, взимавшееся на торгу при перемѣрѣ продававшагося зерна. „Каждый человѣкъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Рѣчицы,—гласитъ устава, данная въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому Семену Полозовичу,—маеть збожье всякое продавати и купити въ бочку мѣры Мозырское и Бобруйское и иншыхъ замковъ нашихъ тамошнихъ, и помѣрного мають давати по два пенязи" [789]). Помѣрное при пожалованіи магдебургскаго права отдава-

[787]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 78, 79.
[788]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 263.
[789]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

лись обыкновенно „на потребы мѣстскіе“ вмѣстѣ съ другими великокняжескими доходами въ мѣстахъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1507 году „для лѣпшого потверженья и помноженья мѣста Волковыйского и мѣщанъ всихъ, далъ и даровалъ пререченому мѣсту вси клѣтки и ятки мясные, которые нынѣ суть и напотомъ могутъ причинены быти, къ полѣпшенью мѣстскому, со всими пожитки и доходы, и воскобойню на забиванье воску, и вагу, и помѣрное, и тежъ пострыганье суконъ, сколько ихъ можетъ быти въ мѣстѣ; тежъ зложенье и шинкованье пива и меду и вина, которое ся Нѣмецкимъ языкомъ зоветься протарство, и помѣрное медовое, што зоветься ведро, чимъ медъ мѣрять подлѣ обычая тамошнего, и шинкованье вина горѣлого“ [790]). Тѣже доходы великокняжескіе были уступлены и мѣсту Кіевскому при пожалованіи ему магдебургскаго права [791]), а равно и мѣсту Полоцкому, Брестскому [792]) и др., и въ числѣ ихъ *помѣръ* мѣстскій [793]). Отъ платежа помѣрнаго иногда освобождались люди княжескіе и панскіе, напр., въ Луцкѣ, гдѣ эта пошлина взималась въ пользу мѣста только съ мѣщанъ и гостей [794]).

Одинаковое съ „помѣромъ“ значеніе имѣла и *вага* или *важное* (*вагове*), отличаясь отъ него только объектомъ обложенія. Вага также обыкновенно собиралась намѣстниками-державцами въ пользу господаря. Въ уставѣ, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому Семену Половевичу, читаемъ между прочимъ: „а вага тежъ маетъ быти въ томъ мѣстѣ нашомъ, въ которую медъ и воскъ важити, а важого ему отъ камени меду и воску по два пенязи“ [795]). При пожалованьѣ мѣстамъ магдебургскаго права вага отдавалась обыкновенно „на мѣстскіе потребы“, какъ это мы видѣли на примѣрѣ мѣста Волковыйскаго [796]); впрочемъ, бывали случаи, какъ, напр., въ Кіевѣ, когда вага шла на господаря и при дѣйствіи магдебургскаго права [797]). Вага отдавалась иногда и въ аренду подобно другимъ доходнымъ статьямъ и вмѣстѣ съ ними; такъ, въ 1486 году король Казимиръ продалъ жидамъ Кіевскимъ Мордечѣ Гадаевичу и Перху Юдиничу „мыто и подужное Браны-

790) Акты Зап. Рос. II, № 13.
791) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.
792) Акты Зап. Рос. II, № 61, 73 и др.
793) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 229.
794) Акты Зап. Рос. II, № 54.
795) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.
796) Срав. Акты Зап. Рос. II, № 71 и др.
797) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

ское, и корчму, и перевозъ, и важочье" на три года за 360 копъ грошей [798]). Великій князь Александръ въ 1498 году продалъ краковянину Лерину Геришу мыто Луцкое и вагу на три года за 500 копъ грошей [799]). Что касается подужнаго или *подужчины* то она взималась и въ Рѣчицѣ мѣстнымъ державцею на господаря вмѣстѣ съ мытомъ и, вѣроятно, также и въ другихъ мѣстахъ. Повидимому, это была юшлина, взимавшаяся съ пустыхъ подводъ, ѣхавшихъ на торгъ за покупками [800]).

По инструкціямъ 1529 года намѣстники-державцы должны были собирать въ пользу господаря *торговые пенязи* въ мѣстахъ. Торговые пенязи взимались съ лавокъ или „клѣтокъ"; „а торговлею хто-кольвекъ чымъ торгуетъ,—читаемъ въ привилеѣ мѣстечку Клещелявямъ на магдебургское право,—хлѣбомъ, солью, лоемъ, або иными рѣчьми, маетъ давати по грошу; а зъ ятокъ мясныхъ маетъ давати кождый рѣзникъ и кождого торгу по плечу мяса бараньего на дворъ нашъ" [801]). Клѣтки и ятки мясные, какъ мы видѣли выше, уступались иногда „на мѣстскіе потребы" при пожалованіи магдебургскаго права. Съ ятокъ мясныхъ бралась иногда и другая плата взамѣнъ мяса натурою, которое, очевидно, потреблялось административнымъ персоналомъ господарскихъ дворовъ. Такъ, въ мѣстѣ Высокомъ мѣщане съ ятокъ должны были платить господарю „по каменю лою (сала) а по полуфунту перцу" [802]).

Кромѣ перечисленныхъ доходовъ, при пожалованіи магдебургскаго права „на потребы мѣстскіе" уступался нерѣдко и тотъ великокняжескій доходъ, который въ инструкціи 1529 года названъ „куничнымъ отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ", и который собирался также намѣстниками-державцами; кромѣ того, уступался и платъ съ шинкованья вина горѣлаго [803]), что все называлось однимъ именемъ *капщины* [804]). Эта уступка не была общимъ правиломъ, и въ мѣстахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, эти налоги шли сплошь и рядомъ въ пользу господаря. Такъ, въ грамотѣ на магдебургское право,

---

[798]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

[799]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 326.

[800]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

[801]) Акты Зап. Рос. II, № 123.

[802]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.

[803]) Акты Зап. Рос. II, № 13, 73; Литов. Метр кн. Запис. IX, л. 77, 78; XII, л. 96 и др.

[804]) Акты Зап. Рос. II, № 73.

данной Новгородку Литовскому въ 1511 году, читаемъ: „тежъ зъ вина горѣлого платъ даемъ на замокъ нашъ, подлѣ давного обычая" [805]); мѣщане Клещелязскіе, получившіе хелмское право, должны были платить господарю между прочимъ „капщизны, хто пиво варитъ, полкопы грошей, а хто медъ сытитъ, полкопы жъ грошей.... а хто колъвекъ будетъ виномъ шинковати, тотъ маетъ отъ вина дати по десети грошей" [806]); въ мѣстечкѣ Воини, получившемъ въ 1522 году нѣмецкое право, платъ „зъ броваровъ мѣстскихъ" долженъ былъ идти на дворъ господарскій, въ количествѣ трехъ грошей отъ четырехъ солянокъ (бочекъ) солоду [807]) и т. д.

Пиво и медъ подлежали обыкновенно одному обложенію—капщинѣ и при производствѣ, и при торговлѣ ими, такъ какъ оба эти занятія по большей части сосредоточивались въ однихъ рукахъ [808]). Поэтому, напр., въ жалованной грамотѣ на хелмское право, данной мѣщанамъ Клещелязскимъ въ 1523 году читаемъ между прочимъ: „А што ся дотычетъ тыхъ людей которые хотѣли бы сѣсти на волокахъ проробленыхъ, тымъ тежъ далъ его милость (воли на два годы отъ цыншу, а высѣдѣвши два годы, такожъ маютъ цыншъ давати: але, естли бы хто корчму мѣлъ пивную або медовую, або торгу вживалъ, таковый передъ ся маетъ давати платъ водлѣ уставы выпѣсаноѣ" [809]). Эта выписанная устава состояла въ томъ, что всякій, кто варилъ пиво или сытилъ медъ, долженъ былъ платить полкопы грошей [810]). Но иногда торговля ими подлежала особому обложенію, а торговля виномъ горѣлымъ почти всегда. Такъ, король Сигизмундъ, пожаловавъ мѣсту Волковыйскому „зложеніе и шинкованіе пива и меду и вина, которое жъ нѣмецкимъ языкомъ зоветься шротарство",—„платъ корчомный велѣлъ его милость имъ давати въ кождый годъ, водлѣ давного обычая" [811]).

Корчомные пенязи, по инструкціямъ 1529 года и по другимъ актамъ изучаемаго времени, шли въ господарскій скарбъ черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, въ записяхъ денежныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „пану Солтану Але-

---

[805]) Акты Зап. Рос. II, № 71.

[806]) Ibidem, № 123.

[807]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17, 18.; XIII, л. 1—4.

[808]) См. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 155.

[809]) Акты Зап. Рос. II, № 123.

[810]) Срав. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 124, 125 и др.

[811]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

ксандровичу 20 копъ грошей съ корчомъ Слонимскихъ и Молчадскихъ въ него жъ"[812]). Въ уставѣ, данной въ 1529 году пану Семену Полозовичу по случаю отдачи ему въ держаніе до живота волости Рѣчицкой, читаемъ между прочимъ: „а корчмы въ томъ нашомъ мѣстѣ Рѣчицы медовыи и пивныи и винныи державца нашъ маеть на замокъ нашъ держати"[813]). Иногда „выбирать" корчомные пенязи господарь посылалъ особыхъ дворянъ. Великій князь Александръ, позволивъ въ 1499 году пану Ивашку Сопѣгѣ завести корчму въ домѣ, который онъ купилъ въ мѣстѣ Браславскомъ, съ тѣмъ, чтобы вся капщина медовая и пивная шла съ нея на Икаженскую церковь св. Духа, написалъ въ выданномъ по сему случаѣ привилеѣ: „А наши намѣстники Браславскіе я тежъ дворяне наши тыи, которыхъ посылаемъ поплатъ корчомный выбирати до Браславля, съ того дому зъ его корчмита не мають никоторое капщины брати"[814]). Такимъ образомъ, дворяне въ данномъ случаѣ были помощниками намѣстниковъ-державцевъ. Такой способъ сбора корчомныхъ пенязей практиковался и при Сигизмундѣ, какъ это видно изъ привилея, выданнаго въ 1518 году пану Юрью Глѣбовичу на держанье двора Волковыйскаго съ его волостьми до живота, при чемъ Юрій Глѣбовичъ получилъ въ свою пользу и нѣкоторые великокняжескіе доходы: „и тежъ дворяне наши,—читаемъ здѣсь,—которыи коли будуть корчомныи пенези правити, въ тые корчомные пенези и въ свои доходы не мають ни во што вступати"[815]). Сборъ корчомныхъ пенязей намѣстниками-державцами, тивунами и господарскими дворянами предполагаетъ существованіе частныхъ корчомъ, которыя устраивались и содержались частными лицами на свои средства подъ условіемъ платежа въ пользу великаго князя извѣстной суммы, взимавшейся за цѣлый годъ. Но иногда свобода частныхъ лицъ ограничивалась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что господарь предоставлялъ комунибудь за деньги исключительное право держать корчмы въ данномъ мѣстѣ или, какъ говорилось въ то время, продавалъ корчмы. Такъ, въ 1487 году король Казимиръ продалъ корчмы Вруцкія мѣстнымъ мѣщанамъ за 36 копъ и 40 грошей въ годъ съ условіемъ: „а мають толко жъ корчомъ мѣти, колко передъ тымъ было, а болшей имъ корчомъ не мѣти". Въ 1489 году король возобновилъ контрактъ, при чемъ, извѣщая объ этомъ намѣстника Вруцкаго пана Горностая Ро-

---

812) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 75.
813) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.
814) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 131, 132.
815) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

мановича, наказывалъ ему: „прото жъ, што бы еси ихъ отъ кривдъ боронилъ и не далъ бы еси тамъ иншому никому корчмы варити“ [816]). Въ 1488 году король продалъ жидамъ луцкимъ Израилю, Еску и Юдѣ мыто и корчму Звягольскую на три года за 15 копъ, при чемъ писалъ намѣстнику Звягольскому: „и корчмы бы еси своей не держалъ въ мѣстѣ и заповѣдалъ бы еси слугамъ своимъ и мѣщанамъ, што бы корчмы въ мѣстѣ не варили и по селомъ, нижли бы нехай только мѣли два разы або три въ году склады, а и складовъ большей того не казалъ бы еси варити въ мѣстѣ и по селомъ“ [817]). Подъ складами разумѣются здѣсь пиво и медъ, которые варились въ складчину передъ большими праздниками, и которые могли, слѣдовательно, наносить ущербъ торговлѣ корчмы. Доходы съ корчомъ были регаліею, которою частныя лица пользовались временно или потомственно только по спеціальному привилею, полученному отъ великаго князя. Отсюда и могли возникать такія распоряженія, какія мы находимъ въ арендномъ листѣ великаго князя Александра на корчму Вруцкую отъ 18 августа 1501 года. „А мѣти имъ (откупщикамъ),—писалъ великій князь,—тую корчму только въ дву домѣхъ, а въ тыи три годы не надобѣ тамъ никому корчомъ держати: княземъ и паномъ, и бояромъ, и дворяномъ нашимъ; а естли бы хто хотѣлъ тамъ опричъ ихъ корчмы держати, въ томъ закладаемъ на насъ вины нашое сто рублевъ грошей“ [818]). Въ томъ же году великій князь, продавъ корчму Бобруйскую на годъ за 40 копъ грошей, писалъ намѣстникамъ обѣихъ половинъ Бобруйской волости, Виленской и Троцкой: „а въ тотъ годъ не надобѣ тамъ въ Бобруйску никому корчомъ держати: княземъ и паномъ, и бояромъ, и писаромъ, и дворяномъ нашимъ, которыхъ коли шлемъ до Бобруйска для нашихъ потребъ а тежъ для ихъ доходовъ“ [819]). Писари и дворяне, посылавшіеся съ правительственными порученіями въ волости, проживая въ нихъ подолгу, старались извлечь для себя побольше выгодъ изъ своего пребыванія въ мѣстности и заводили у себя корчмы, разсчитывая на всѣхъ тѣхъ, кто пріѣзжалъ или приходилъ къ нимъ по дѣламъ. Повидимому, это было злоупотребленіе, вошедшее въ обычай, съ которымъ мирилось правительство.

Впрочемъ, это могло быть со стороны правительства своего рода жалованьемъ на службу. Въ 1503 году король Александръ, уступивъ

---

[816]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21, 25.
[817]) Ibidem, л. 23.
[818]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 179.
[819]) Ibidem, л. 181.

Ивану Новокрещеному корчму Минскую въ пожизненную аренду съ платою по 200 копъ грошей въ годъ, писалъ намѣстнику Минскому: „А хотя бы который князи и панове, и бояре, и дворяне наши, и мѣщане листы наши тыми разы на корчмы волныи мѣли, и ты бы листы въ нихъ отнималъ и корчомъ имъ не казалъ держати. Такежъ, естли быхмо и напотомъ кому, запаметавши того, корчму волную дали, ино тыи нихто тамъ у мѣстѣ Мѣнскомъ корчомъ своихъ не маютъ мѣти, нижли толко одно его корчмы тамъ маютъ быти" [820]). Въ актахъ находимъ и еще болѣе прямыя указанія на то, что корчмы давались великимъ княземъ въ видѣ жалованья за службу. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ писалъ Смоленскимъ правителямъ: „Приняли есмо пушкаря на замокъ нашъ Смоленскъ Саву и зъ братьею его, Осташовыхъ дѣтей, а на поживенье дали есмо имъ корчму волную тамъ мѣти. И вы бы въ тую ихъ корчму не казали никому вступатися: нехай они тамъ корчму держать и поживенье собѣ съ нее маютъ дотолѣ, поки они на томъ замку нашомъ будуть намъ служити" [821]). Въ 1516 году король пожаловалъ мураламъ Городенскимъ, стрихарямъ и меловникамъ корчму вольную въ мѣстѣ Городенскомъ и приказалъ мѣстному старостѣ не брать съ нихъ капщины: „нехай служать тыми службами, какъ и передъ тымъ служивали" [822]). Корчмы вольныя жаловались иногда господаремъ, какъ и имѣнья, на поправленіе отъ непріятельскаго разоренія. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Семену Ямонтовичу Подберезскому корчму Борисовскую на годъ „для его службы и великого впаду, который же стался ему въ имѣніяхъ его отъ поганства татаръ" [823]). Въ 1511 году пожалована была городничему Минскому Волчку Шепелевичу корчма вольная въ мѣстѣ Минскомъ на годъ и въ одномъ домѣ — „мѣстскіи корчмы особно, а его особно одна", — по просьбѣ его, мотивированной тѣмъ, что онъ „зъ Божьего допущенья отъ поганства татаръ у шкоды великіе попалъ и не маеть ся тыми разы чимъ поживити" [824]). Убытки, понесенные на войнѣ, также вознаграждались иногда пожалованіемъ корчмы вольной. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году пожаловалъ корчму Рошскую „для поживенья" князю Өедору Андреевичу Прихабскому, кото-

[820]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 224, 225.
[821]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.
[822]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113.
[823]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.
[824]) Ibidem, л. 115.

рый на службѣ господарской имѣлъ тридцать коней „и тамъ нь шкоды великіе попалъ“ [825]).

Но наряду съ этимъ при Сигизмундѣ, какъ и при его предшественникахъ, практиковалась отдача корчомъ въ аренду, часто вмѣстѣ съ другими регаліями. Такъ, въ 1523 году король продалъ мытнику Берестейскому Михелю Езофовичу на три года „корчмы Могилевскіи медовыи и пивныи, и винныи, и зъ воскобойнею, и зъ вѣсовымъ, и со всимъ съ тымъ, што къ тому зѣсовому прыслухало“, за 1000 копъ грошей. Въ эти три года никто не имѣлъ права сытить медъ, варить пиво и держать горѣлое вино; въ противномъ случаѣ все это конфисковалось, и половина шла на господаря, а половина на откупщика. Исключеніе составили только праздничные склады: „а складовъ тамъ у кождый годъ по праздникомъ маеть сычено быти дванадцать, а кождый складъ маеть купити меду за рубль грошей, а сытити передъ его (откупщика) слугой и важыть“ [826]). Часто корчмы отдавались господаремъ своимъ кредиторамъ на извѣстное число лѣтъ „для выбиранья пенязей ихъ“, которое, такимъ образомъ, связывалось для нихъ съ извѣстнымъ рискомъ въ случаѣ недобора. Такъ, въ 1508 году Сигизмундъ отдалъ рядцѣ Смоленскому Богдану Онковичу корчмы Бобруйскую и Свислоцкую на девять лѣтъ за долгъ въ 472 копы грошей, которыя задолжалъ еще отцу его король Александръ. Въ арендномъ листѣ король оговорилъ однако: „а естли бы хто хотѣлъ намъ повышити плату нашого за тые корчмы, ино тотъ маеть за всю тую деветь лѣтъ пенези его ему заплатити, а корчмы тые къ своей рудѣ мѣти“ [827]). Изъ этого видно, что аренда погашала весь долгъ господарскій, такъ что кредиторъ бралъ ее на свой рискъ и страхъ. Въ 1511 году Сигизмундъ отдалъ на шесть лѣтъ корчму Рошскую медовую, пивную и винную поляку Якубу Боболецкому, которому король Александръ остался долженъ за его службу 347 копъ грошей. „А онъ маеть, — писалъ король въ арендномъ листѣ, — въ тую шесть годовъ тые пенези свои триста копъ и сорокъ копъ и семъ копъ грошей съ тое корчмы собѣ заплатити“ [828]) и т. д. — Съ отдачею корчомъ въ аренду всѣ лица, имѣвшія или производившія хмельные напитки, должны были продавать ихъ откупщикамъ. „А хто бы зъ инншого города

[825]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 101.
[826]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 85, 86.
[827]) Литов. Мерт. кн. Запис. VIII, л. 100.
[828]) Ibidem, л. 115; IX, л. 12.

албо мѣста,—читаемъ въ арендномъ листѣ великаго князя Александра на корчмы Смоленскія,—вино горѣлое до Смоленска привезъ, тотъ маеть вздоймомъ тое вино продати тымъ же корчмитомъ нашимъ, а иному никому не маеть его продавати мимо нихъ, а ни шинковати имъ нарозно" [829]). Что касается платежа арендной суммы, то она обыкновенно вносилась самими откупщиками въ скарбъ великокняжескій сполна или только въ остаткѣ, который получался по уплатѣ денегъ по господарскимъ „квитацеямъ", или ассигновкамъ. Откупщики, впрочемъ, не любили этихъ ассигновокъ, которыя падали на нихъ часто не во время и вносили путаницу въ ихъ разсчетъ со скарбомъ, а потому иногда выпрашивали себѣ право вносить деньги въ скарбъ полною суммою сразу или въ опредѣленные сроки. Въ 1498 году великій князь Александръ, продавъ корчмы Вруцкія на годъ мѣстнымъ мѣщанамъ, написалъ поэтому въ арендномъ листѣ: „а мають пенези сами отдати, а въ нихъ господаръ не маеть давати никому" [830]). Передавали ли откупщики корчомъ деньги въ скарбъ черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, хотя такіе случаи были возможны.

При пожалованьѣ магдебурскаго права въ пользу мѣщанскихъ обществъ господарь уступалъ обыкновенно *воскобойню и суконную постригальню*, которыя также были его доходными статьями въ мѣстахъ. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ мѣщанамъ Волковыйскимъ „воскобойню на забиваніе воску" и „пострыганье суконъ, сколько ихъ можетъ быти въ мѣстѣ", „для лѣпшого подтверженья и помноженья мѣста Волковыйского и мѣщанъ всихъ" [831]). Мѣсту Новгородскому въ 1511 году король пожаловалъ также воскобойню: „и воски топленыи мають печатью своею мѣстскою знаменовати, а съ того пожитки къ посполитому доброму мѣстскому мають заховати" [832]). Общественныя воскобойни возникли въ Литовской Руси по требованіямъ фиска и вмѣстѣ съ тѣмъ торговаго интереса, такъ какъ онѣ гарантировали и должный вѣсъ, и чистоту „каменей" воска, бывшаго одною изъ главныхъ статей внутренней и внѣшней отпускной торговли. Мѣсту Берестейскому при пожалованьѣ магдебурскаго права также даны были „постригальня и забой восковый" [833]). Мѣсту Кіев-

---

[829]) Литов. Метр, кн. Запис. VI, л. 171, 172.

[830]) Ibidem, л. 174. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 443 и др.

[831]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

[832]) Ibidem, № 71.

[833]) Ibidem, № 173.

скому также предоставлено было право „постригочовъ мѣти, колко можетъ быти“ и воскобойню „на забиванье воску“ „со всѣми пожитки и доходы“ [834]). Какимъ образомъ собирались эти доходы на господаря, на это намъ не пришлось найти указаній въ актахъ изучаемаго времени, но по аналогіи съ корчмами можно предположить, что право сбивать воскъ и стричь сукна предоставлялось частнымъ лицамъ за плату, которая, какъ и корчомные пенязи, шла въ скарбъ черезъ руки мѣстныхъ правителей.

XXXVII.

Изъ торговыхъ пошлинъ *мыто* въ собственномъ смыслѣ, которому подлежали товары привозимые и продаваемые въ мѣстахъ или только провозимые, не собиралось намѣстниками-державцами и тивунами. Литовско-Русское государство держалось въ данномъ случаѣ порядка, который установился издавна въ западной Руси, гдѣ по источникамъ еще въ XI и XII вв. встрѣчаемъ особыхъ *мытниковъ* [835]). Да иначе и быть не могло, такъ какъ хлопотливыя обязанности сборщика мыта требовали для выполненія своего спеціальныхъ должностныхъ лицъ. Конечно, намѣстники-державцы и тивуны могли отряжать для этого своихъ слугъ, но такой способъ сбора мало обезпечивалъ господарскій интересъ. Поэтому великіе князья Литовскіе подобно русскимъ своимъ предшественникамъ поручали сборъ мыта особымъ лицамъ „къ вѣрной руцѣ“. Такъ, великій князь Александръ въ 1496 году въ бытность свою въ Берестьѣ разсчитывался съ ключникомъ Берестейскимъ Левкомъ Боговитиновичемъ и Немирою, „што держали отъ его милости мыто Берестейское къ вѣрной руцѣ“ [836]). Отъ 1499 года въ записяхъ Литовской Метрики дошла до насъ „квитація зъ учиненья личбы“, выданная ключнику Кіевскому Сеньку Половоничу и мытникамъ Кіевскимъ Сеньку и Михаилу Цыбулѣ, которые держали мыто Кіевское отъ великаго князя „къ вѣрной руцѣ“ [837]). Впрочемъ, иногда мыто отдавалось „къ вѣрной руцѣ“ и мѣстному державцѣ, какъ, напр., это было въ Рѣчицѣ въ 1529 году. Отдавая замокъ Рѣчицкій съ волостью въ пожизненное держаніе пану Семену Половоничу, король

---

[834]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

[835]) *Н. Аристова* Промышленность древней Руси, стр. 221, 222. С.-Петербургъ 1866.

[836]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171.

[837]) Ibidem, л. 275.

Сигизмундъ написалъ въ грамотѣ, выданной ему по сему случаю: „А што сь дотычеть мыта Рѣчыцкого сухимъ путемъ и водою и подужчыны, тое мыто и подужчыну маеть онъ на замокъ нашъ брати по тому, какъ у первомъ прывильи нашомъ ему выписано: а хто купить коня або вола, або корову, або овцу и козу, мають мыто давати отъ коня по чотыры грошы, а отъ вола по два гроши, а отъ коровы по грошу, а отъ овцы и козы по полугрошью" [838]) и т. д. Мытники за свой трудъ получали „доходецъ", который назывался „объсткою", „увѣсткою" и „обѣсчимъ", такъ какъ взимался съ купцовъ при объявленіи ими своихъ товаровъ [839]).

Но большею частью мыто отдавалось на откупъ частнымъ лицамъ, и эта практика была господствующею въ теченіе изучаемаго времени. Такъ, въ записяхъ пожалованій короля Казимира отъ первыхъ лѣтъ его княженья читаемъ: „Берестейское мыто Бенку Шаневичу вѣчно на кождый годъ по триста копъ грошей, а коли мыто полѣпшиться, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати" [840]). Въ 1486 году король Казимиръ продалъ мыто Путивльское на три года за тысячу сто копъ грошей жидамъ Рабею, Симшину сыну, и ихъ товарищамъ [841]). Въ 1495 году великій князь Александръ продалъ мыто Минское на три года мѣстнымъ мѣщанамъ за 120 копъ грошей въ годъ, при чемъ запретилъ намѣстнику Минскому вмѣшиваться въ мыто и промыту, судить и рядить откупщиковъ и давать на нихъ дѣцкихъ: „кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межи нихъ смотрѣти въ тотъ часъ, пока выдержать мыто наше" [842]). Тогда же сдано было на откупъ и мыто Кричевское на три года съ платою по 35 копъ грошей въ годъ, а въ 1499 году этотъ контрактъ былъ возобновленъ, при чемъ великій князь наказывалъ намѣстнику, старцу и всѣмъ мужамъ: „што бы есте ихъ въ мытныхъ речахъ не судили, ни рядили и дѣцкихъ своихъ не давали" [843]). Мѣстнымъ правителямъ поручалось только оборонять мытниковъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны. Въ 1495 году великій князь Александръ, сдавъ на откупъ мыто и корчму Путивльскія на три года за 800 копъ грошей, писалъ своему намѣстнику въ Путивлѣ: „кому коли въ нихъ подаемъ пенязи на квитацы-

---

[838]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.
[839]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 98, 99.
[840]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63.
[841]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21, 22.
[842]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 166.
[843]) Ibidem, л. 177.

яхъ зъ мыта нашого, и тыи бы нехай року ждали, а до року бы ихъ не габали и силою квитацей на нихъ не наметывали и моцно пенязей въ нихъ не брали"; намѣстникъ долженъ былъ оберегать откупщиковъ отъ всѣхъ этихъ насилій и самъ не вступаться въ мыто и промыту, не судить ихъ и не рядить [844]). Кромѣ того, мѣстные правители должны были оказывать мытникамъ содѣйствіе и помощь противъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы уклоняться отъ платежа мыта. Въ арендномъ листѣ на мыто Луцкое, выданномъ въ 1505 году королемъ Александромъ, читаемъ между прочимъ: „Естли бы хто хотѣлъ тое мыто наше объѣжчати иншими дорогами, мыта намъ не заплативши, для того они мають слугъ своихъ положити по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыхъ мытниковъ слуги то стерегивали: и которыи купцы будуть тое мыто проѣжчати иншими дорогами, мыта нашого не заплативши, въ тыхъ мають они товаръ ихъ на насъ забирати. И ты бы (староста Луцкій и Каменецкій кн. Семенъ Юрьевичъ) имъ не таковыхъ помоченъ былъ" [845]). Вмѣстѣ съ мытомъ отдавались на откупъ иногда и другія пошлины, которыя брались одновременно съ мытомъ. Такъ, въ 1486 году король Казимиръ продалъ жидамъ кіевскимъ Мордечѣ Годаевичу и Перку Юдиловичу мыто и подужное Брянское, и перевозъ, и важочье, и корчму на три года за 360 копъ грошей широкихъ, при чемъ наказалъ своему намѣстнику Брянскому оборонять ихъ отъ притѣсненій, не позволять купцамъ новыми дорогами объѣзжать мыто Брянское, а также наметывать на нихъ до срока расплаты „квитацеи" [846]). Въ 1494 году великій князь Александръ сдалъ жидамъ берестейскимъ на три года за 700 копъ грошей „мыто Берестейское и Дорогицкое, и Городенское, и Бѣльское „съ перевозы и зъ вагами и со всими доходы" [847]). Въ 1498 году онъ сдалъ на три года мыто и вагу Луцкія за 500 копъ грошей въ годъ [848]); въ 1504 году король сдалъ войту Троцкому Никелю мыто и мостовое Городенское на годъ за сто золотыхъ: „нехай онъ тое мыто и мостовое и промыту завѣдаеть по давному, какъ первыи мытники завѣдывали" [849]) и т. д. Кромѣ того, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ мытомъ отдавались на откупъ и другія доходныя статьи, какъ, напр., корчмы и др.

---

[844]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 168.
[845]) Ibidem, л. 259, 260.
[846]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.
[847]) Литов. Метр. кн. Запис VI, 165.
[848]) Ibidem, л. 174.
[849]) Ibidem, л. 263.

Особую доходную статью составляло мыто, которое бралось съ воска и соли—*восковые и соляные пенязи*, которые въ актахъ обыкновенно отличаются отъ „мыта". Купцы, привозившіе воскъ и соль, предъявляли ихъ въ особыя „коморы", гдѣ и взималась съ нихъ пошлина деньгами или натурою (солью). Вслѣдствіе этого и самыя мыта восковое и соляное назывались *коморами восковыми и соляными*. Въ 1518 году король Сигизмундъ сдалъ на восемь лѣтъ пану Авраму Езофовичу „мыто Берестейское со всими мыты старими, какъ было за отца нашого Казимира короля его милости, зъ Городенскимъ а Дорогицкимъ, зъ Бѣлскимъ, съ Каменецкимъ, зъ Мелницкимъ, што по дорогамъ и на перевозѣ суть, которые передъ тымъ здавна, за отца нашого къ тому мыту Берестейскому прислухали и тежъ комору Берестейскую восковую и соляную" [850]). Что коморы восковыя и соляныя были не что иное, какъ мѣста сбора мыта съ воска и соли, на это указаніе получаемъ въ арендномъ листѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ 1529 году жидамъ на тѣ же мыта и коморы „и съ коморами Луцкими, Володымирскими восковыми и соляными и со всими мыты по дорогамъ и по перевозомъ сухимъ путемъ и водою". „А естли бы хто,—читаемъ здѣсь,—которыи хотѣли *мыта* наши старыи и новыи, восковыи и соленыи, проѣждчати безъ цеховъ и безъ квитъ ихъ съ товары або зъ воски и съ солью, мыта або восковничого и соленичого имъ не заплативши, и они маютъ таковыхъ въ промытѣ забирать, и половина промыты маетъ быти на насъ, а не на старостъ нашихъ, а на нихъ половина" [851]). Воскъ былъ едва ли не главнымъ предметомъ вывоза за границу, а соль—главнымъ предметомъ ввоза изъ за границы [852]), такъ что восковые и соленые пенязи были пошлиною и вывозною и ввозною. Съ камня ($^6/_7$ пуда) воску въ изучаемое время взималось обыкновенно по шести грошей, а съ мѣха соли 4 гроша или: отъ лашта (15 бочекъ) по 45 грошей, отъ бочки по 3 гроша. Такъ, въ первый годъ княженья Сигизмунда всего воску было пропущено за границу черезъ Полоцкъ 14411 каменей, а пенязей взято съ него 1441 копа и 6 грошей; на другой годъ воску было пропущено 4812 каменей, а пенязей взято было 481 копа и 12 грошей. Соли черезъ Полоцкъ было пропущено 19375 мѣховъ, а пенязей взято 1291 копа 40 грошей, а на другой годъ 10850 мѣховъ, а пенязей было

---

[850]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 28.

[851]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 163—165.

[852]) Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

взято 723 копы и 20 грошей [853]). Въ 1522 году Ганусъ Судорманъ чинилъ „личбу“ съ коморъ восковыхъ и соляныхъ Виленской, Ковенской, Техоновской и Тыкотинской за три года, при чемъ показалъ: чрезъ коморы Ковенскую, Техновскую и Тыкотинскую прошло соли 12454 лашта и 14 бочекъ, а мыта собрано 9301 копа и 12 грошей, по 45 грошей отъ лашту; чрезъ Виленскую комору прошло 15387 камней, а приходу отъ воску 6538 копъ и 42 гроша, „отъ каменя по шести грошей“ [854]). Такъ какъ все это были мыта старыя, которыя Сигизмундъ сдавалъ на откупъ, „какъ бывало здавна, за отца нашого Казимира и брата нашого Александра, королей и великихъ князей ихъ милости“, то отсюда можно заключить, что вышеуказанная норма восковой и соляной пошлины оставались неизмѣнною въ теченіе изучаемаго времени.

Восковые и соляные пенязи собирались „въ вѣрной рукѣ“ особыми должностными лицами (обыкновенно изъ торговаго класса), которые назывались *восковничими и соленичими*. Такъ, король Сигизмундъ въ 1507 году поручилъ завѣдать воски „въ вѣрной руцѣ“ въ мѣстѣ Городенскомъ бурмистру Ѳедку, мѣщанамъ Андреяну и Станку Бутевичу, писарю мѣстскому Ганусу и двумъ жидамъ городенскимъ, Игудѣ и Лазарю: они должны были брать отъ каждаго камня воску по шести грошей и, кромѣ того, себѣ „за працу“ по грошу съ каждыхъ шести каменей [855]). Иногда должности восковничаго и соленичаго соединялись въ однѣхъ рукахъ, иногда были въ различныхъ; между восковничими и соленичими разныхъ мѣстъ устанавливались нерѣдко іерархическія отношенія. Такъ, король Сигизмундъ въ 1509 году далъ право восковничему и соленичему Берестейскому Михаилу Ребичковичу (брату извѣстнаго пана Аврама Езофовича) „брать личбу и пенязи“ у восковничихъ и соленичихъ Луцкихъ, Владимирскихъ, Дорогицкихъ и Бѣльскихъ. „А Михель вжо,—гласитъ при этомъ королевскій листъ,—маеть тыми пенязьми отбывати князей и пановъ и дворянъ нашихъ тыхъ, кому будемъ въ него давати жалованья нашого на квитацеяхъ“. Михелю дана была и половина „обѣстки“, которая взималась восковничими и соленичими отъ воска и соли въ свою пользу (очевидно, это и была вышеупомянутая плата „за працу“), но Михель за то долженъ былъ отъ себя посылать и ѣздить самъ къ господарю по надобностямъ своей должности, избавляя отъ этого подчиненныхъ

---

[853]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 105.

[854]) Литов. Метр. кн. Запис. XI л. 88—90. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 149, II

[855]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 95.

восковничихъ и соленичихъ [856]). Въ данномъ случаѣ существовала полная аналогія съ мытниками, между которыми также существовали иногда іерархическія отношенія, такъ какъ мыта извѣстныхъ мѣстъ „прислухали" къ одному „головному" мыту, напр., мыто Дорогицкое „прислухало" къ мыту Берестейскому [857]). Но, кромѣ сбора „къ вѣрной руцѣ", коморы восковая и соляная отдавались иногда и на откупъ, хотя и рѣже, чѣмъ другія доходныя статьи великокняжескаго скарба, такъ какъ самый предметъ обложенія облегчалъ правительству учетъ лицъ, собиравшихъ эти пошлины „къ вѣрной руцѣ" Такъ, въ 1531 году король сдалъ комору восковую и соляную Полоцкую за 300 копъ грошей [858]); выше былъ приведенъ случай сдачи въ аренду коморъ восковыхъ и соляныхъ въ землѣ Берестейско - Подляшской и Волынской и т. д. Коморы восковая и соляная сдавались иногда господаремъ своимъ кредиторамъ „до выбиранія пенязей" ихъ. Это бывало обыкновенно тогда, когда мытники по господарскимъ ассигновкамъ переплачивали болѣе, чѣмъ собирали съ восковъ и соли. Такъ, въ 1509 году король Сигизмундъ, разсчитавшись съ Аврамомъ Езофовичемъ и оставшись у него въ долгу въ 5630 копахъ грошей, отдалъ ему комору соляную въ Ковнѣ, восковую и соляную въ Полоцкѣ „къ вѣрной руцѣ" до тѣхъ поръ, пока онъ выберетъ весь свой долгъ [859]). Что касается намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, то они не участвовали въ сборѣ восковыхъ и соляныхъ пенязей, какъ и старыхъ мытъ, такъ какъ эти пошлины собирались въ большихъ городахъ, бывшихъ обыкновенно резиденціями воеводъ и старостъ, или изъ этихъ городовъ—мытниками, восковничими и соленичими или откупщиками.

Въ Кіевѣ собиралось отдѣльно, кромѣ того, *мыто оргишовое* (съ скота, пригонявшагося изъ степей?). Это оргишовое мыто въ 1508 году король Сигизмундъ отдалъ „къ вѣрной руцѣ" мытнику Кіевскому Шамаку, при чемъ половина сбора должна была идти въ скарбъ, а половина мытнику въ уплату 660 копъ грошей, которые ему задолжалъ король. Мыто должно было собираться такимъ образомъ: какъ придетъ оргишъ до Кіева, Шамакъ обязанъ былъ извѣстить короля и не брать мыта до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ отъ короля дьякъ и не перепишетъ вмѣстѣ съ Шамакомъ оргишъ [860]).

---

[856]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 109.
[857]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118 и др.
[858]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 167.
[859]) Ibidem, л. 108.
[860]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 101. Срав. XV, л. 65—67.

Мыта, восковые и соленые пенязи расходовались, какъ мы видѣли, подобно другимъ господарскимъ доходамъ на мѣстѣ, по ассигновкамъ, или „квитацеямъ", которыя налагались на сборъ или на откупную сумму; въ скарбъ вносился только излишекъ, если только онъ получался. Кромѣ денегъ, съ мыта, восковъ и соли жаловались сукна, шубы, соль, шелковыя матеріи и т. д., изъ чего можно заключить, что пошлины уплачивались нерѣдко самими товарами. Особенно много такихъ пожалованій встрѣчаемъ въ записяхъ Казимирова княженья. Это наводитъ на мысль, что система сбора торговыхъ пошлинъ натурою въ XV вѣкѣ дѣйствовала полнѣе, чѣмъ въ XVI-мъ, а въ XIV, быть можетъ, полнѣе, чѣмъ въ XV в.

Необходимо въ заключеніе указать на то, что торговыя пошлины и сборы Литовско-Русское государство унаслѣдовало отъ древнихъ русскихъ княжествъ, вошедшихъ въ его составъ. Лѣтописи и немногіе дошедшіе до насъ акты XII и XIII в. говорятъ о сборѣ мыта въ западной Руси, перевоза, мостовщины, помѣрнаго, вѣсчаго, вощанаго вѣса, пошлины отъ соли и т. д. [861]).

Въ пользу господаря взимались по отдѣльнымъ мѣстамъ налоги и подъ другими названіями, напр., *верховщинные пенязи* во Владимирѣ, *чижовое* въ Ковнѣ и т. д. Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Старостѣ Луцкому пану Петру Яновичу 20 копъ зъ мыта Луцкого, ему жъ двадцать копъ зъ мыта Берестейского, ему жъ 10 копъ *верховщинныхъ* у Володимири" [862]). Въ 1498 году передъ великимъ княземъ Александромъ Ѳедько писарь положилъ „на личбѣ" между прочимъ „Володимирскихъ капныхъ пенязей и *верховщины* а циншовыхъ Литовижскихъ пятдесятъ копъ и четыре копы и полтретьядцать грошей" [863]). Въ 1495 году дьякъ Зенько положилъ „на личбѣ" передъ господаремъ въ Вильнѣ 291½ копу, 140 золотыхъ и одинъ „золотой корабельникъ"; тогда же и Аврамъ, городничій Ковенскій, далъ „чижового" 47 копъ (Зенько давалъ отчетъ по прошлымъ сборамъ [864]). Какое значеніе имѣли эти налоги, и въ какомъ отношеніи они находились къ перечисленымъ выше, на это намъ не удалось найти соотвѣтствующихъ указаній въ источникахъ, равно какъ и на то, кто собиралъ эти налоги.

---

[861]) *Н. Аристова* Промышленность древней Россіи, стр. 220—228.

[862]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28.

[863]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 173.

[864]) Ibidem, л. 165.

XXXVIII.

Итакъ, намѣстники-державцы и тивуны въ мѣстахъ были сборщиками господарскихъ доходовъ и финансовыми агентами великаго князя, хотя здѣсь, какъ мы видѣли, они должны были раздѣлять это значеніе съ разными другими должностными лицами. Какъ и въ селахъ намѣстники-державцы должны были вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и о возможной полнотѣ платежныхъ силъ, принимать мѣры къ устройству мѣстъ и замѣщенію пустыхъ мѣщанскихъ участковъ прибылыми людьми. Если въ селахъ, гдѣ жили господарскіе непохожіе люди, часто появлялись пустовщины, тѣмъ болѣе должны были онѣ появляться въ мѣстахъ, гдѣ населеніе по свойству своихъ занятій было болѣе подвижное, чѣмъ въ селахъ, и de jure не было прикрѣплено къ мѣсту поселенія. По отношенію къ мѣщанамъ большихъ и старинныхъ городовъ, какъ Витебскъ и Полоцкъ, объ этомъ имѣются прямыя свидѣтельства актовъ [865]). Но то же самое по нѣкоторымъ выраженіямъ и указаніямъ актовъ мы можемъ заключать и о мѣщанахъ небольшихъ мѣстъ. Такъ, король Александръ, получивъ отъ войта Порововскаго Давида Турчина увѣдомленіе, „што жъ многіе мѣщане Порововскіе разошлисе съ Поровова прочъ“, приказалъ ему „тыхъ мѣщанъ и иныхъ зъзывати“ (не „выводити“) и осаживать ими мѣсто, давая имъ волю, „а волю высѣдѣвши, и они мають намъ и поплатки мѣстскіи, какъ передъ тымъ съ тыхъ мѣстецъ поплатки мѣстскіи даиваны“ [866]). Въ 1525 году король Сигизмундъ по случаю большого пожара, истребившаго замокъ и мѣсто Берестейское, „не хотячи, — какъ гласитъ его листъ,—ижбы тыи мѣщане наши для таковое пригоды и впаду своего отъ насъ господаря зъ мѣста нашого Берестейского розышлися“, освободилъ ихъ отъ всякихъ платежей на десять лѣтъ [867]). Мѣщане великаго княжества Литовскаго въ отношеніи своихъ „земскихъ“ правъ были сравнены съ высшими сословіями, князьями, панами и боярами-шляхтою [868]), а, слѣдовательно, подобно имъ имѣли и право свободнаго передвиженія, не ограниченнаго въ финансовыхъ и повинностныхъ

---

[865]) Акты Зап. Рос. I, № 204, II, № 70.

[866]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 301, 302.

[867]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 225, 226. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 123.

[868]) Акты Зап. Рос. I, № 61; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 61; XVI, л. 276, 277.

интересахъ господаря. Господарь поэтому льготами старался удержать населеніе своихъ мѣстъ, которое почему либо стремилось покидать ихъ. „Осаживать" мѣсто поручалось обыкновенно „мѣстскому" начальству, буде мѣсто пользовалось магдебурскимъ правомъ. Выше былъ приведенъ примѣръ такого порученія, даннаго войту Порозовскому. Въ добавленіе къ этому можно привести еще свидѣтельство источниковъ относительно мѣста Волковыйскаго. Въ 1523 году королю Сигизмунду повѣдалъ старый бурмистръ мѣста Волковыйскаго Олишко Черневичъ, „ижъ войтъ Волковыйскій и бурмистръ дали ему двѣ полоски земли мѣстское пустовское Опимаховщины къ его землицы отчызной для того, што жъ въ него землица отчызная мала и не мѣлъ съ чого службы нашое служыти и дачокъ мѣстскихъ давати",—и билъ челомъ, чтобы король подтвердилъ ему землю своимъ листомъ [869]). Такимъ образомъ, войтъ и бурмистръ, раздавая земли въ мѣстахъ, дѣйствовали только, какъ агенты господарскіе. Всѣ вообще пустыя земли, въ томъ числѣ и мѣстскія, считались господарскимъ достояніемъ, во владѣніе которымъ можно было вступить только съ утвержденья господаря. На этомъ основаніи и всѣ выморочныя недвижимыя имущества мѣщанъ спадали па господаря; примѣръ тому приведенъ былъ въ началѣ настоящаго очерка. Въ мѣстахъ безъ магдебурскаго устройства пустыя „мѣстца" раздавали обыкновенно намѣстники-державцы и тивуны. Такъ, державца Рѣчицкій панъ Семенъ Полозовичъ при королѣ Сигизмундѣ осаживалъ не только волость, но и мѣсто Рѣчицкое [870]). Въ 1510 году король приказалъ намѣстнику Слонимскому Яну Николаевичу „увязать" дворянина Ѳедора Волошина въ дворъ Рябтовскій въ мѣстѣ Слонимскомъ, который спалъ на господаря, и къ которому не было никого близкихъ, „нижли дей тотъ дворъ держить мѣщанинъ слонимскій безъ данины нашое, але зъ дозволеньемъ намѣстника твоего Слонимского" [871]). Даже мѣста съ магдебурскимъ правомъ господарь поручалъ иногда осаживать намѣстникамъ-державцамъ, особенно вновь. Такъ, король Сигизмундъ поручилъ державцѣ Волковыйскому пану Матею Войтеховичу садить мѣсто въ Волковыйскомъ повѣтѣ па Свислочи на магдебурскомъ правѣ [872]) и т. д.

---

[869]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 71.

[870]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

[871]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 382.

[872]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 134, 135. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 123.

Намѣстники-державцы, кромѣ того, регулировали поземельныя отношенія мѣщанъ, разрѣшали судебныя тяжбы о землѣ, утверждали купли-продажи, дарственные акты и духовныя завѣщанія на тѣхъ основаніяхъ, какъ и по отношенію къ шляхетскому землевладѣнію, съ которымъ мѣщанское землевладѣніе представляло полную аналогію. Устраивая осѣдлость въ мѣстахъ, они дѣйствовали, какъ представители господаря, на которомъ лежала обязанность охранять интересы мѣстнаго населенія, и у котораго связанъ былъ съ этимъ собственный финансовый интересъ. Осѣдлость въ мѣстахъ, около и внутри городскихъ стѣнъ, устраивалась, кромѣ того, и въ цѣляхъ военныхъ, для осаднаго сидѣнья на случай нападенія непріятеля. Князья, паны и бояре-шляхта, имѣвшіе свои усадьбы или „дворы" въ селахъ, обыкновенно выпрашивали себѣ у господаря пустыя усадьбы въ городахъ и мѣстахъ, гдѣ и устраивали себѣ осадные дворы, или покупали таковые у мѣщанъ, испрашивая себѣ освобожденіе отъ мѣстскихъ „служобъ и дачокъ". Такъ, дворянинъ Суринъ Путятичъ выпросилъ себѣ у короля Александра „мѣстечко въ мѣстѣ Кіевскомъ въ Сколнякохъ домокъ собѣ нарадити для пригоды отъ поганства татаръ". Но такъ какъ по случаю смерти воеводы кн. Димитрія Путятича ему не было дано „увязанье", то Сигизмундъ приказалъ преемнику кн. Путятича, пану Юрью Михайловичу Монтовтовича, дать ему это „увязанье" [873]). Въ мѣстѣ Полоцкомъ также были такіе дворы князей, пановъ и бояръ, какъ это видно изъ подтвердительнаго привилея, даннаго Полоцкой землѣ королемъ Сигизмундомъ въ 1511 году [874]). Дворы эти были необходимою принадлежностью княжескихъ, панскихъ и боярскихъ имѣній и разсматривались, какъ ихъ составныя части. Панья Ѳедора, дочь Пашка Дохновича, записала по смерти своей мужу своему Василью Хребтовичу „имѣнье свое отчизное, на имя Яблонное, а дворъ свой у замку у-въ окольнемъ Луцку", а панъ Василій Хребтовичъ въ свою очередь отписалъ все это зятю своему князю Андрею Михайловичу Санкгушковича [875]). Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Ѳедору Ѳедоровичу Четвертинскому имѣнья во Владимирскомъ повѣтѣ Уйму и Цеведичи „со всими людми и зъ дворомъ городскимъ и мѣстцкимъ у Володимири, *которыи къ тымъ имѣньямъ прислухаютъ*" [876]) и т. д. Если у князя, пана или боярина не было дома въ

[873]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155. Сравн. Акты Зап. Рос. II, № 164.
[874]) Акты Зап. Рос. II, № 70.
[875]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 175.
[876]) Ibidem, л. 214.

городѣ, онъ старался часто пріобрѣсти его покупкою или въ приданое за женою. Такъ, земянинъ браславскій Ивашко Красносельскій купилъ подворье въ мѣстѣ Луцкомъ „для убѣжища поганства татаръ"; король Сигизмундъ утвердилъ за нимъ эту покупку и отпустилъ ему съ этого подворья „службу и дачки мѣстскіи вси" [877]). Бояринъ Городенскаго повѣта Петръ Гриньковичъ пріобрѣлъ за женою домъ въ мѣстѣ Берестейскомъ недалеко отъ рынка и билъ челомъ королю вызволить этотъ домъ „отъ службы и отъ подводъ и отъ всякихъ поплатковъ мѣстьскихъ и отъ прысуду мѣстьского". Король исполнилъ его просьбу и 11 октября 1523 года выдалъ ему на то особый листъ, въ которомъ между прочимъ написалъ: „а который подворникъ отъ него будетъ въ томъ дому мѣшкати, маетъ его староста Берестейскій судити" [878]). Князья, паны и бояре держали въ городахъ и мѣстахъ свои дома не для одного осаднаго сидѣнья, а и на случай пріѣздовъ и жительства въ городѣ по дѣламъ, какъ это должно было часто бывать въ центральныхъ городахъ областей. По нѣкоторымъ признакамъ, высшіе классы военнослужилаго сословія Литовско-Русскаго государства причастны были и къ торговому обороту, совершавшемуся въ мѣстахъ. По крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно утверждать это о боярствѣ земель Полоцкой и Витебской [879]). Хозяйственные интересы, такимъ образомъ, также побуждали служилыхъ людей пріобрѣтать недвижимыя имущества въ мѣстахъ. Служилые люди, если не сами торговали въ мѣстахъ, держали на своихъ подворьяхъ слугъ и людей, которые „ся обыходили купецтвомъ або ремесломъ" и платили своимъ господарямъ „поземъ" [880]). Въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности въ городахъ и мѣстахъ служилые люди несомнѣнно пользовались правительственымъ посредничествомъ намѣстниковъ - державцевъ и тивуновъ, подобно тому, какъ пользовались они имъ въ пріобрѣтеніи своихъ земскихъ имѣній вообще.

XXXIX.

До сихъ поръ мы видѣли намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ въ роли приказчиковъ въ господарскихъ имѣньяхъ и сборщиковъ податей, налоговъ и разныхъ господарскихъ доходовъ съ крестьянъ господарскихъ и владѣльческихъ и мѣщанъ. Этимъ, однако, не ограни-

---

877) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 71.

878) Ibidem, 118.

879) Акты Зап. Рос. II, № 61, 70.

880) Ibidem, № 70, 164.

чивалось правительственное значеніе намѣстниковъ-державцевъ по отношенію къ поименованнымъ классамъ общества. Намѣстники-державцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантами мѣстныхъ крѣпостей, которые ихъ строили и снабжали провіантомъ и, наконецъ, военачальниками, которые выводили вооруженныя силы на ратное поле. Въ этомъ направленіи также развивалась ихъ дѣятельность по отношеніи къ названнымъ классамъ общества. Начнемъ съ постройки и ремонта укрѣпленій, военныхъ дорогъ и мостовъ.

Эта постройка и ремонтъ входили въ число обычныхъ обязанностей намѣстниковъ-державцевъ (замки были, впрочемъ, далеко не во всѣхъ резиденціяхъ намѣстниковъ-державцевъ). Поэтому король Сигизмундъ, заставивъ въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу дворъ Каменецъ, написалъ въ заставномъ листѣ: „А што онъ, будучы тамъ замокъ нашъ, пенязей своихъ наложыть, то маемъ ему заплатити“ [881]). Объ этой дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ встрѣчаемъ и другія извѣстія въ источникахъ изучаемаго времени. Такъ, король Сигизмундъ въ началѣ своего княженія ассигновалъ пану Дмитру Александровичу, намѣстнику Житомирскому, „на оправу“ замка Житомирскаго сто копъ грошей съ недополнковъ дани волостей Поднѣпрскихъ [882]), изъ чего видно, что содержаніе этого замка въ боевой готовности и исправности было на обязанности мѣстнаго намѣстника. Державца Рѣчицкій панъ Семенъ Полозовичъ, по словамъ королевскаго листа, выданнаго ему на держанье замка Рѣчицкаго „до живота“, „на пустомъ мѣстѣ на насъ господаря замокъ збудовалъ и оборонами всякими за свои властныи пенязи тотъ замокъ нашъ воспомогъ“ [883]) Впрочемъ, господарь и намѣстники-державцы своими пенязьми только помогали строить и ремонтировать замки, такъ какъ это лежало собственно на обязанности мѣстнаго населенія. Относительно этого и въ памятникахъ общаго законодательства, и въ частныхъ привилеяхъ находимъ множество указаній и подробностей. Такъ, Ягелло освобождая въ 1387 году литовскихъ бояръ отъ всѣхъ работъ на господаря, оговорилъ въ своемъ привилеѣ: nisi dum ad castri novi constructionem tota terra Lithuanica vocaretur; extunc quivis ad faciendum laborem pro constructione aut reformatione castri antiqui sit astrictus [884]). Въ 1413 году Ягелло и Витовтъ, пожаловавъ ли-

[881]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.
[882]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 449.
[883]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.
[884]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

товскимъ князьямъ, панамъ и боярамъ права и вольности польской шляхты, опять оговорили, что паны по старому обычаю должны будутъ строить (своими людьми) замки и военныя дороги (vias expeditionales) [885]). По земскому привилею 1457 года, подданные князей, пановъ, бояръ - шляхты и мѣщанъ также освобождались отъ всѣхъ работъ на господаря, „выймуючи роботы на будованье городовъ нашихъ новыхъ потребныхъ а старыхъ поправленіа“, а также „мостовъ новыхъ чиненіа, старыхъ поправленіа“. [886]). То же самое подтверждено въ земскихъ привилеяхъ в. князя Александра 1492 года и короля Сигизмунда 1506 [887]), а также и въ первомъ Литовскомъ Статутѣ 1529 года [888]). Въ привилеяхъ, выданныхъ отдѣльнымъ областямъ великаго княжества, также встрѣчаемся съ обязанностью людей церковныхъ, княжескихъ, панскихъ и боярскихъ строить укрѣпленія. Такъ, въ привилеѣ Кіевской земли читаемъ: „А городки Кіевскіе по старому: дѣлати города кождому надобѣ“ [889]). То же самое находимъ и въ грамотахъ, выданныхъ частнымъ лицамъ. Въ 1499 году великій князь Александръ по жалобѣ бояръ полоцкихъ, Богдана и Глѣба Остафьевичей, Михайла и Ивашка Зеновьевичей, на намѣстника Полоцкаго, который ввелъ имя „новину“, именно заставилъ ихъ рубить восемь городенъ въ замкѣ Полоцкомъ вмѣсто двухъ, писалъ намѣстнику Полоцкому: „мають они тыи свои двѣ городни робити по старому подлугъ давного обычая; а тобѣ, намѣстнику нашому, и городничему Полоцкому посокирщины зъ ихъ людей не надобѣ брати“ [890]). Въ томъ же году великій князь Александръ выдалъ „вырокъ“ по дѣлу людей Свислоцкой волости съ людьми бояръ Котовичей, коимъ онъ присудилъ послѣднимъ „всякую тягль тянути“ съ людьми Свислоцкой волости и между прочимъ „городы рубити“ [891]). Панскіе люди Бобруйскаго повѣта, какъ это видно изъ заявленія, поданнаго королю Сигизмунду въ 1529 году старцемъ и людьми волости Бобруйской, „недѣли подводъ посполу зъ ними стерегивали и городы и мосты робливали, и въ подачкахъ городовыхъ, и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали“ [892]).

---

[885]) Zbiór praw litewskich, str. 7—20.
[886]) Акты Зап. Рос. I, № 61.
[887]) Zbiór praw litewskich, str. 58—67; 95—99.
[888]) Раздѣлъ I, арт. 22.
[889]) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.
[890]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.
[891]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.
[892]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

Въ 1528 году іюня 10 король присудилъ людямъ князей Вишневецкихъ и пановъ Котовичей „городы нашы Свислочь и Кіевъ и иныи, которыхъ будеть потребъ, посполъ зъ нашими людми Свислочаны робити и мосты мостити по тому, какъ передъ тымъ бывало" [893]. Подъ людьми Свислочанами здѣсь разумѣются и мѣщане, которые сообща вели процессъ противъ людей кн. Вишневецкихъ и пановъ Котовичей. Объ участіи мѣщанъ въ постройкѣ городскихъ укрѣпленій говоритъ и листъ великаго князя Александра по дѣлу мѣщанъ и мужей Торопецкихъ съ людьми волости Старцовой, въ которомъ читаемъ между прочимъ: „а городъ имъ съ Торопчаны рубити и сторожу давати на городъ по давному" [894]). Итакъ, замки и дороги строили и ремонтировали мѣщане и люди волостные господарскіе, княжескіе, панскіе и боярскіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда князьямъ, панамъ и боярамъ - шляхтѣ было недостаточно подмоги господарскихъ подданныхъ, правительство отпускало извѣстную сумму денегъ на наемъ вольныхъ рабочихъ рукъ. Такъ, король Александръ ассигновалъ земянамъ Вѣницкимъ 30 копъ грошей „на оправленье города" [895]). Общій надзоръ и руководство при работахъ принадлежали намѣстникамъ-державцамъ, которымъ въ этомъ помогали *городничіе*, существовавшіе въ значительныхъ замкахъ, бывшихъ въ держаньѣ намѣстниковъ-державцевъ, какъ, напр., въ Минскѣ, Каменцѣ, Кременцѣ [896]).

Кромѣ постройки и починки укрѣпленій, намѣстники - державцы принимали и другія мѣры по организаціи мѣстной обороны. Въ окраинныхъ замкахъ, напр., подъ ихъ „осмотрѣніемъ" снаряжалась мѣщанами и волостными людьми „польная сторожа". Такъ, въ инструкціи, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому пану Семену Полозовичу, король писалъ: „што ся дотычеть сторожы полное ото всякихъ непрыятелей нашыхъ, яко отъ Москвичъ, такъ и отъ Татаръ и отъ Турковъ, мають вси подданыи наши тамошніи Рѣчыцкіи и зъ мѣста, и зъ волости, и тежъ князьскіи и паньскіи, и боярскіи люди, тую сторожу полную тымъ обычаемъ заступовати: они вси Рѣчычане мають выправляти на тую сторожу полную два чоловѣки добрыхъ а годныхъ на добрыхъ конѣхъ подъ осмотрѣньемъ державцы нашого, а держав-

[893]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 13.

[894]) Литовс. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

[895]) Ibidem, 277, 278 и т. д.

[896]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115; *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. IX.

ца нашъ Рѣчыцкій панъ Семенъ маеть на тую сторожу полную посполъ зъ ними своими попязми третего человѣка выправляти" [897]). Въ случаѣ вторженія татарскихъ загоновъ или другихъ непріятельскихъ шаекъ державцы собирали мѣстныхъ жителей и вели ихъ въ погоню. Это была всеобщая повинность, лежавшая на всѣхъ классахъ общества, какъ и польная сторожа: ею обязаны были не только бояре, но всѣ мущины, способные носить оружіе. Объ этомъ узнаемъ изъ привилея 1387 года, который говоритъ о погонѣ, какъ о старинной всеобщей повинности. То же самое подтверждаетъ, напр., и привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1514 году Кіевскимъ мѣщанамъ. „Тежъ мають они,—читаемъ здѣсь,—сторожю мѣти въ поли отъ татаръ кождого часу подлѣ давного обычая тамъ, гдѣ передъ тымъ стерегивали; и тежъ, коли бы было потребъ, колко разовъ до року зъ нами або зъ нашими подданными потегнути въ погоню за татары, они мають конне а збройне, кождый своею головою подлѣ своего статку, такъ, какъ на войну слушить, безъ кождого умѣшканья и ослушанья, какъ мы имъ або врадникъ нашъ росскажеть тагнути" [898]).

XL.

Если въ погоню по горячимъ слѣдамъ непріятеля намѣстники-державцы выводили всѣхъ способныхъ носить оружіе, поголовно, то на театръ военныхъ дѣйствій или въ сборный пунктъ войска они выводили изъ своихъ повѣтовъ только военнообязанныхъ. Этими военнообязанными были прежде всего, какъ мы видѣли выше, многіе крестьяне, напр., соленики, угольники, санники, клепачи, садовники, кухари, кравцы, сторожа, сокольники, осочники [899]), а въ особенности—многочисленный разрядъ слугъ разныхъ наименованій. Военнообязанные крестьяне выправляли съ намѣстниками-державцами ратника съ каждой службы. Мѣщане также принадлежали къ этимъ военнообязаннымъ, но отправляли службу со всего мѣста „водлѣ уставы". „А мѣщаномъ Волковыйскимъ,—читаемъ въ подтвердительномъ привилеѣ короля Сигизмунда, данномъ въ 1507 году мѣсту Волковыйскому на магдебурское право,—велѣлъ его милость на службу свою, на войну, ходити, водлѣ уставы, какъ и изъ иныхъ мѣстъ" [900]).

---

[897]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 210.
[898]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 78, 79.
[899]) См. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I.
[900]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

Кромѣ того, мѣщане часто владѣли земскими имѣньями не въ мѣстскомъ „фридѣ", съ которыхъ они должны были нести „опришнюю" военную службу.

Въ актахъ мы находимъ множество примѣровъ такого владѣнья. Такъ, великій князь Витовтъ далъ мѣщанину полоцкому Өедору Свищову „селцо въ Полоцкомъ повѣтѣ въ Скоморошовичохъ на Коровайни"; потомки его покупили земли „на Суши и на Ухвищи" у своей братьи-мѣщанъ, у бояръ и людей господарскихъ Полоцкаго повѣта въ разныхъ мѣстахъ, а король Александръ въ 1502 году подтвердилъ все это за ними своимъ листомъ [901]). Въ записяхъ „земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Есву, мѣстичу смоленскому, земля Онтипина а съ нее четыре пуды меду" [902]). Есву пожалована была земля и вмѣстѣ съ тѣмъ дань съ нея, которая, очевидно, была замѣнена военною службою. Въ 1487 году король Казимиръ пожаловалъ мѣщанину виленскому Степану Ршанину двухъ конюховъ въ Виленскомъ повѣтѣ, Демковыхъ сыновей, со всею ихъ землею отчинною „вѣчно ему и его жонѣ и его дѣтемъ" [903]). Онъ же дозволилъ писарю Өедку Григорьевичу купить село Всяю у мѣщанина полоцкаго Кунцы Евлашковича Кожчича [904]). Великій князь Александръ пожаловалъ мѣщанину виленскому Богдану Онковичу человѣка въ Неменчинской волости Юркгеля Римшевича съ его землею [905]). Въ 1497 году тотъ же великій князь дозволилъ писарю воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Миколаевича Радивиловича Сеньку Тереховичу купить два села въ Смоленскомъ повѣтѣ, Рѣпинское и Шустово, у мѣщанина смоленскаго Васька Лещика [906]). Онъ же пожаловалъ мѣщанину виленскому Андрею Миколаевичу четыре службы людей въ Рудоминской волости Виленскаго повѣта; король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему данину предшественника своимъ листомъ [907]). Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность мѣщанину мерецкому Григорью Андрушковичу имѣнья, купленныя имъ у бояръ мерецкихъ, съ условіемъ: „а намъ маеть съ того службу земскую заступовати" [908]). Въ 1522 бурмистръ мѣста Виленскаго Ер-

---

901) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 109, 110.
902) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 36.
903) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.
904) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 150.
905) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 312.
906) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.
907) Литов. Мерт. кн. Запис. VIII, л. 126.
908) Ibidem, л. 405.

мола Слотовичъ получилъ отъ короля Сигизмунда человѣка тяглаго въ Виленскомъ повѣтѣ въ Рокоптишской волости Юрья Юхновича съ братьею, съ которыхъ шла одна служба; въ слѣдующемъ году онъ получилъ землю въ Ловаришкахъ Андрушковщину, „а у Мемижской волости въ Дилусахъ землю Юшковщыну а человѣка Юшмеля, конюха съ братьею и съ землею ихъ" и, кромѣ того, землю пустовскую Янкову Войдиловича, „а въ Неменчыньской волости Жнипяньского повѣту двукъ братовъ рожоныхъ землю, Михайловщину а Станкелевщыну" [909]). Въ 1522 году король подтвердилъ подконюшему Виленскому Шимку Мацковичу куплю его у свирнаго Виленскаго Станка Ивашковича, „дворецъ, его выслугу, на рѣчцѣ на Рѣши съ пашнею дворною и съ сѣножатми, и зъ гаи, и зъ дубровами, и съ хоромами, и съ человѣкомъ купленымъ, на имя Янелемъ Ждановичемъ, и его жоною и зъ дѣтми, которого человѣка купилъ онъ у мѣщанина Виленского Яна въ Янчулевича, и зъ другимъ человѣкомъ волнымъ, на имя зъ Егирдѣемъ, и его хоромами" [910]) и т. д. Развитіе мѣщанскаго землевладѣнья внѣ мѣстской черты и на „земскомъ правѣ" можно констатировать и не одними частными примѣрами, а и нѣкоторыми общими указаньями актовъ. Нѣкоторый намекъ на это даетъ уже земскій привилей 1457 года, который предполагаетъ для мѣщанъ владѣніе крестьянами [911]). Но это владѣніе можно еще пріурочивать къ фольварочному хозяйству, къ хуторамъ, которые находились по близости отъ мѣста и на мѣстской землѣ. Вполнѣ опредѣленное и точное указаніе на мѣщанское землевладѣніе внѣ мѣстской черты даетъ грамота, выданная въ 1510 году мѣщанамъ Полоцкимъ, въ которой читаемъ между прочимъ: „Также, што мѣщане покупили земли у бояръ Полоцкихъ, або въ сельскихъ путниковъ, або въ данныхъ, або въ пригонныхъ людей: ино тыи мѣщане маютъ съ тыхъ земль служити намъ военною службою" [912]). Привилей, подтвержденный Полоцкой землѣ Сигизмундомъ въ 1511 г., приравниваетъ мѣщанъ въ правахъ землевладѣнья боярамъ [913]). Въ листѣ короля Сигизмунда, посланномъ въ 1528 году державцамъ и тивунамъ Жмудской земли по поводу переписи крестьянъ въ имѣньяхъ для опредѣленія военной повинности съ нихъ, читаемъ между прочимъ: „писали есмо о томъ до старосты Жомоитского

[909]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 66, 73.

[910]) Ibidem, л 58.

[911]) Акты Зап. Рос. I, № 61.

[912]) Акты Зап. Рос. II, № 61.

[913]) Ibidem, № 70.

пана Станислава Станиславовича Яновича, абы его милость вамъ всимъ, тивуномъ нашымъ, росказалъ и обралъ у кождомъ тивунствѣ по два земянины, годныхъ вѣры, и до васъ и тыхъ земянъ приставилъ дьяка своего и казалъ всихъ бояръ нашихъ шляхту, дѣлныхъ братью и недѣлныхъ, и ихъ имѣнья и люди службами, колко въ которой службѣ домовъ, тежъ люди плебаньскіе и мѣщанскіе, имѣнья земскіе, фольварки отчызныи и выслуженыи и купленыи, и колко въ которого человѣка сохъ воловыхъ и коней, и маетность всю кождого чоловѣка пописати; а земянинъ кождый и мѣщанинъ, пописавши имѣнья свои — и люди, и сохи ихъ, мають передъ вами, тивуны нашыми, и передъ тыми двѣма земянины нашыми обраными и дьякомъ пана старостинымъ присягу вдѣлати на томъ, ижъ вѣрне а справедливе все пописали, а ничого не втаили отъ васъ, а плебани мають то передъ вами повѣдати подъ духовенствомъ своимъ" [914]). Итакъ, въ Жмудской землѣ мѣщане являются землевладѣльцами въ селахъ на ряду съ боярами шляхтою, съ которыми вмѣстѣ и отправляютъ военную службу. Подобное же указанье, наконецъ, находимъ мы и въ самомъ Статутѣ 1529 г. [915]).

Въ числѣ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, которыхъ виправляли на войну намѣстники - державцы, были и *татары*. Извѣстно, что Витовтъ по возвращеніи изъ похода на Донъ въ 1397—1398 г. поселилъ множество плѣнныхъ татаръ по Виліи, Вакѣ и Лососнѣ въ Троцкомъ, Лидскомъ, Ошмянскомъ, Новгородскомъ, Каменецкомъ и Брестскомъ повѣтахъ, обязавъ ихъ нести одну только военную службу. Кромѣ плѣнныхъ, не мало прибыло въ Литву и добровольныхъ выходцевъ изъ татаръ, особенно вслѣдствіе домашнихъ распрей и междоусобій [916]). Первыя извѣстія о литовскихъ татарахъ вполнѣ подтверждаются свидѣтельствами актовъ изучаемаго времени. Наиболѣе полныя извѣстія о татарахъ получаемъ изъ „пописа" военнослужилаго класса и его службы, составленнаго въ 1528 году. Татары по этому „попису" являются испомѣщенными, преимущественно въ разныхъ мѣстахъ Троцкаго воеводства (между прочимъ на Вакѣ и на Лососнѣ), также и въ Новгородскомъ повѣтѣ. Многіе изъ нихъ владѣльцы крестьянъ, вслѣдствіе чего ѣздятъ на войну самъ-другъ, самъ-третей, самъ-шесть и т. д.; но многіе „казаки, што людей не мають", а нѣкоторые

---

[914]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.

[915]) 22 арт. I разд.; 1 арт. II разд.; 7 арт. III разд. и др.

[916]) *Jaroszewicza* Obraz Litwy II, § 49; *А. Барбашева* Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы, стр. 95, прим. 67. С.-Петербургъ 1885.

даже „на огородѣхъ сѣдятъ, пашни не маютъ". Татары дѣлятся на стяги, которыми командуютъ хоружіе тоже изъ татаръ, а казаки ставятся подъ начальство хоружихъ своими атаманами [917]). Въ актахъ находимъ множество и частныхъ указаній въ такомъ родѣ. Такъ, великій князь Александръ въ 1496 году присудилъ татаркѣ Бактышѣ имѣнье Гнѣдковичи, которое хотѣли у ней оттягать ея тетки; при этомъ великій князь мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что „князь Исупъ, отецъ ихъ, даючи ихъ замужъ, подавалъ имъ люди ихъ, съ того имѣнья вывѣновалъ" [918]). Въ 1498 году Александръ присудилъ татарамъ Сеитовичамъ, Довлихтіяру и Бахтіяру, людей Скорбеевичей, которыхъ отнялъ было у нихъ панъ Янъ Петровичъ, воеводичъ Троцкій,—присудилъ на томъ основаніи, что это—люди ихъ отчинные, выслуга отца ихъ на королѣ Казимирѣ [919]). Онъ же въ 1494 году пожаловалъ татарамъ Алыму и Ахметю Вруслановичамъ 12 человѣкъ Бридянцевъ въ Керновскомъ повѣтѣ [920]). Въ 1502 году Александръ пожаловалъ писарю татарскому Абрагиму Тимирчичу пять служебъ людей и три пустовщины въ Роготной въ Бѣлицкомъ повѣтѣ; татарамъ Исаку и Легимбердею—девять службъ людей и три пустовщины въ Красносельскомъ повѣтѣ; Банку и Адку—восемь службъ людей и три пустовщины въ Марковскомъ повѣтѣ [921]) и т. д. Татары-землевладѣльцы состояли при тѣхъ-же самыхъ правахъ, какъ и бояре-шляхта. Такимъ образомъ, напр., великій князь жаловалъ ихъ вмѣстѣ съ имѣньями въ частное подданство, оставляя неприкосновенною ихъ личную свободу. Такъ, король Сигизмундъ въ 1515 году пожаловалъ князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому въ Новгородскомъ повѣтѣ людей и земли, между ними шесть служебъ дворищъ татарскихъ: Юхна Мосыревича, Болота Кожича, Разлуковичей, Тулатовичей, Велинковичей, Шиломоновичей, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „который татарове на тыхъ дворищахъ сидятъ, естли бы они хотѣли, на тыхъ земляхъ своихъ будучи, ему служити, и они нехай князю Ѳедору служатъ; а всхотятъ-ли съ тыхъ земль соити прочъ, тогды онъ маеть ихъ съ тыхъ земль спустити, не гомуючи ничимъ" [922]). Въ распоряженіяхъ своими имѣньями татары подчинялись

---

[917]) Литов. Метр. кн. Публичн. Дѣлъ I, л. 108 117.

[918]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58.

[919]) Ibidem, л. 70.

[920]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45, 46.

[921]) Ibidem, л. 205, 206.

[922]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200.

общимъ установленіямъ земскаго или шляхетскаго права. Такимъ образомъ, напр., татаринъ Муратъ Мамтиковичъ умирая отписалъ племяннику своему Сеину Айдаровичу третью часть отчины своей въ Кричинѣ, „а двѣ части тое жъ земли, отчызны своее, отписалъ иншымъ близскимъ своимъ" [923]). Въ 1525 году дворянинъ Василій Вколовъ, купивъ у татарина Майка Богдановича Таутовича службу людей отчинныхъ въ селѣ Бронницахъ, взялъ съ его родственниковъ листъ „выреченный, ижъ близскіи того Майка Васко а Легушъ Собачковичи тое близкости своее, которую тотъ Майко ему продалъ, выреклися" [924]) и т. д.

Хотя татарскіе стяги выводили на войну татарскіе хоружіе, но они, какъ и всѣ хоружіе вообще, были въ данномъ случаѣ только помощниками намѣстниковъ-державцевъ, дѣйствовали подъ ихъ надзоромъ и отвѣтственностью. При томъ же во многихъ повѣтахъ татары были въ незначительномъ числѣ, не составляли цѣлаго стяга и выправлялись на войну вмѣстѣ съ другими военнослужилыми землевладѣльцами намѣстниками-державцами. Кромѣ Троцкаго и Виленскаго воеводствъ, татары по актамъ встрѣчаются и въ другихъ областяхъ великаго княжества въ качествѣ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ. Князья Кіевскіе Олелько и Семенъ, напр., роздали села и селища, тянувшія къ Остру, боярамъ, слугамъ, сокольникамъ и *татарамъ* кіевскимъ [925]).

Въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли въ составѣ мѣстнаго военнаго люда мы встрѣчаемъ, кромѣ того, *русскихъ казаковъ*,—классъ, который возникъ и развился по всѣмъ признакамъ едва-ли не изъ татарскаго ядра. По всей вѣроятности, казаками первоначально въ Черкасскомъ повѣтѣ назывались испомѣщенные татары, мелкіе землевладѣльцы, не имѣвшіе крестьянъ, сами обрабатывавшіе свои поля и вѣдавшіеся въ отношеніи повинностей своими атаманами. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, являются передъ нами по описи 1528 года казаки Новгородскіе. Казаки Новгородскіе частью обрусѣли, какъ это видно изъ перечня ихъ именъ; по всей вѣроятности, то же самое случилось и съ Черкасскими казаками. Съ теченіемъ времени, въ ихъ составъ стали входить и русскіе, которымъ правительство давало земли на военную службу. Это были тѣ же самые люди, которые въ другихъ повѣтахъ назывались слугами (въ Кіевской землѣ они являются

---

[923]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209.

[924]) Ibidem, л. 223.

[925]) Акты Зап. Рос. I, № 77.

подъ начальствомъ атамановъ); но въ Черкасскомъ повѣтѣ они примкнули къ готовому уже татарскому контингенту казаковъ и усвоили названіе казаковъ. На это намекаетъ и одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о черкасскихъ казакахъ, именно—„списанье речей, у казаковъ Черкасскихъ отобраныхъ черезъ Сенька Полозовича". Казаки дѣлятся, по этому документу, на роты, при чемъ начальникомъ одной изъ ротъ является какой-то князь Дмитрій; они имѣютъ своихъ *бурсниковъ*, стало быть, владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность [926]). Г. Антоновичъ въ предисловіи къ 1 тому III части Архива Юго-Западной Россіи (стр. XXVI) принимаетъ упоминаемаго здѣсь князя Дмитрія за кн. Дмитрія Вишневецкаго. Но это врядъ ли такъ: князь Вишневецкій дѣйствовалъ въ качествѣ казацкаго предводителя позже Евстафія Дашковича, старосты Черкасскаго и Каневскаго, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія; упоминаемый въ „списаньѣ речей" (около 1503 г.) князь Дмитрій является не казацкимъ предводителемъ вообще, а начальникомъ роты казацкой. Скорѣе всего, это былъ врещеный татарскій князекъ на подобіе тѣхъ, которые держали татарскія хоругви по описи 1528 г.; самыя имена казаковъ—Душбекеничъ, Мандрика намекаютъ на нерусское происхожденіе ихъ, хотя на ряду съ ними стоятъ и чисто русскія имена.— Черкасскіе казаки являются землевладѣльцами на ряду съ боярами и мѣщанами и по королевской грамотѣ 1528 года, выданной Пустынскому монастырю на уходы данные, бобровые гоны, ставленье сѣтокъ, рыбныя ловли по озерамъ [927]). Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются по актамъ и казаки въ землѣ Полоцкой: въ 1522 году Сигизмундъ пожаловалъ „до воли" казаку полоцкому Артему Яковлевичу землю пустовскую въ Полоцкомъ повѣтѣ—Ситны, съ которой давно не было никакихъ службъ и дачекъ [928]). Въ грамотѣ нѣтъ обычнаго прибавленья, что владѣлецъ долженъ служить съ земли прежнюю службу; слѣдовательно, земля давалась на службу казацкую, т. е. военную.

Но основной контингентъ ополченья, которое выходило изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, составляли бояре, земяне и слуги. Поэтому бояре (и земяне) и слуги обыкновенно и фигурируютъ въ актахъ, гдѣ говорится объ отправленіи военной службы. Такъ, въ окружномъ королевскомъ посланьѣ, адресованномъ къ державцамъ

---

[926]) Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. III, т. I, № 1.

[927]) Акты Зап. Рос. II, № 153.

[928]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 21.

относительно сбора земскаго ополченья къ Минску, читаемъ: „Прото жъ приказуемъ тобѣ, ажбы еси со всими своими бояри и со всими слугами конне а збройне подлѣ уставы и ухвалы земское ѣхалъ на службу нашу до Мѣнска и на тотъ рокъ положенный тамъ бы есте воеводѣ Троцкому, гетману нашому навышшому, князю Костентину его милости на тотъ рокъ у Мѣнску ся оказали и въ реестра се его милости написали" [929]).

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что ополченье бояръ и земянъ не смѣшивалось съ крестьянскимъ и выправлялось подъ начальствомъ своихъ *хоружихъ*, которые соотвѣтствовали польскимъ каштелянамъ [930]). Чинъ хоружаго является на Литовской Руси одновременно съ польскою идеею шляхетства, которая обособила боярина или земянина отъ „простаго" человѣка. Даты его восходятъ поэтому до княженья Витовта. Въ 1527 году королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ дорсунишскій Андрей Моисеевичъ и повѣдалъ, „што жъ дей ещо прадѣдъ и дѣдъ, и отецъ его, почонъ отъ дяди нашого великаго князя Витовта и за отца и брата нашого, славное памяти королей ихъ милости, и въ данины ихъ милости хоружое Дорсунишское (держали), и николи дей зъ домовъ ихъ тотъ врадъ не выхоживалъ"; бояринъ поэтому просилъ короля утвердить его въ этой должности, что и было исполнено [931]). Въ актахъ изучаемаго времени находимъ множество упоминаній о хоружихъ, при чемъ они являются какъ въ повѣтахъ державцевъ, такъ и въ повѣтахъ старостъ и даже воеводъ. Такимъ образомъ, встрѣчаемъ, напр., хоружаго Сомилишскаго [932]), Жижморскаго [933]), Остринскаго [934]), Керновскаго [935]) и др.; хоружаго Луцкаго и Владимирскаго [936]), Городенскаго [937]), Берестейскаго, Дорогицкаго [938]) и др.; хоружаго Полоцкаго, Новгородскаго, Троцкаго [939]) и др. Хоружіе

[929]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 76.

[930]) 2 и 10 арт. II разд. Статута 1529 г.

[931]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 341, 342.

[932]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235.

[933]) Ibidem, л. 113; XV, л. 97, 98.

[934]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 43.

[935]) Ibidem, л. 335.

[936]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 62, 76; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXV, CXCVII.

[937]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 236.

[938]) *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. IV.

[939]) Ibidem, str. V, VI; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 114, 115.

дѣйствовали подъ надзоромъ и руководствомъ намѣстниковъ-державцевъ и были только ихъ помощниками. Намѣстники-державцы за неисправное исполненіе обязанностей отставляли ихъ отъ должности и замѣняли другими лицами „до воли господарской". Король Сигизмундъ далъ хоружое Лидское боярину Богдану. Но мѣстный державца панъ Юрій Ивановичъ Ильинича, „бачачи того Богдана, ижъ онъ неслушне а нерядне ся справуеть", отнялъ у него должность и отдалъ Мицку Нарковичу, написавъ въ то же время королю, „ижъ тотъ Мицко есть годнѣйшій, нижли тотъ Богданъ". Король своимъ листомъ отъ 12 февраля 1524 года утвердилъ распоряженіе державцы [940]). Хоружіе помогали намѣстникамъ-державцамъ главнымъ образомъ въ томъ, что слѣдили за полнотою и исправностью отбыванія военной службы боярами и земянами, чтобы никто не оставался дома и служилъ сообразно величинѣ своего имѣнья съ даннымъ числомъ людей, „абы тыи почты водлѣ попису ку службѣ были выправованы и што бы ни въ чомъ оный почетъ людей не былъ уменьшенъ" [941]). Кромѣ того, хоружіе „подъ свѣдомомъ" державцевъ выбирали серебщину съ людей боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ [942]). Вслѣдствіе этого и отвѣтственность возлагалась не на хоружихъ только, а и на державцевъ. Вышеупомянутая окружная грамота короля Сигизмунда грозитъ конфискаціею имѣній за утайку земянъ по домамъ державцамъ и хоружимъ совмѣстно [943]).

XLI.

Ополченье бояръ выправлялось изъ большинства повѣтовъ Литовско-Русскаго государства. Что касается *земянъ*, то они выправлялись изъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Польшею областей, гдѣ они занимали то же общественное положеніе, какъ и бояре-шляхта въ другихъ областяхъ великаго княжества. „Пописъ" 1528 года помѣщаетъ бояръ въ предѣлахъ собственной Литвы, Жмуди и въ русскихъ областяхъ, за исключеніемъ Берестейско-Подляшской земли и Волынской [944]). Это общее указанье подтверждается и дополняется многочисленными частными указаніями актовъ изучаемаго времени. Не касаясь свидѣтельствъ

[940]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 137.
[941]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 202—206.
[942]) Акты Зап. Рос. II, № 17, 161.
[943]) Срав. 10 арт. II разд. Статута 1529 года.
[944]) Литов. Метр кн. Публич. дѣлъ I, л. 100, 101; 117—201.

о боярахъ, которые попадаются на каждомъ шагу, приведемъ нѣкоторыя свидѣтельства о земянахъ.

Въ записяхъ о денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ раздачахъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: *„земянамъ берестейскимъ* Гриньку и Пацку 10 копъ грошей зъ мыта Берестейского" [945]). Земяне Берестейскіе коллективно въ 1499 били челомъ великому князю Александру о томъ, чтобы онъ по старинѣ раздавалъ имъ волости Берестейскія въ держанье по очереди, по годамъ „колеею" [946]). *Земянинъ каменецкій* Дороѳей Макаровичъ въ 1514 году продалъ пану Юрью Ивановичу Ильинича дворецъ свой Макаровщину на р. Льснѣ въ Каменецкомъ повѣтѣ [947]). *Земяне дорогицкіе* Нагорка и Шпица въ 1489 году отвѣчали передъ королемъ по жалобѣ на нихъ пана Литавора Хребтовича, будто бы они забрали земли его имѣній „и дворы собѣ порадили и пашни роспахали" [948]). Въ „вырокѣ" великаго князя Александра (отъ 24 іюня 1495 года) по дѣлу земянъ дорогицкихъ Водынскихъ съ земянами Погорѣльскими „о кгрунты и границы" упоминаются въ качествѣ „свѣтковъ" тяжущихся „люди добрые земяне, Ляхове и Русь" [949]). Король Казимиръ пожаловалъ *земянину мельницкому* Петру Крнацкому войтовство въ селѣ Головчичахъ и три волоки земли [950]).—*Земянамъ Бѣльскимъ* великій князь Александръ въ 1501 году пожаловалъ тѣ же права, какія даны были уже землѣ Дорогицкой [951]). Въ жалованной грамотѣ, выданной въ 1507 году королевѣ Еленѣ на замокъ Бѣльскъ съ его повѣтомъ, вмѣсто земянъ являются уже бояре Бѣльскіе [952]), что служитъ указаньемъ на тождество этихъ общественныхъ классовъ. Относительно этого можно привести и еще болѣе прямое свидѣтельство. Въ 1528 году король Сигизмундъ подтвердилъ земянину бѣльскому Григорью Тимоѳеевичу землицу Рѣчковщину, которую ему далъ староста Бѣльскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ съ условіемъ служить съ этой земли службу „по тому, какъ и иншіе *бояре* Бѣльскіе служатъ" [953]).

---

[945]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 61.
[946]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 140.
[947]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42.
[948]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 134.
[949]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37. 38.
[950]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.
[951]) Акты Зап. Рос. I, № 189.
[952]) Акты Зап. Рос. II, № 8.
[953]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 393.

О земянахъ въ землѣ Волынской мы встрѣчаемъ первыя опредѣленныя свидѣтельства уже въ актахъ Свидригелла. Въ 1445 году Свидригелло пожаловалъ шляхетнымъ Ѳедору Жуку и Ходору имѣнье Рычеговъ, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „а съ того намъ имають служити и нашимъ намѣстникомъ двумя стрѣлцема на заволаную войну, яко иніи земляне служать" [954]. Ранѣе того и въ землѣ Волынской, какъ и въ другихъ областяхъ великаго княжества, военнослужилые землевладѣльцы назывались боярами. Въ 1392 году король Ягелло пожаловалъ права земли Львовской baronibus, militibus, *bojarinis*, nobililus et clientibus земли Луцкой [955]. Даже въ записяхъ Казимирова княженья упоминаются бояре въ землѣ Волынской: „Олешку, *боярину володимирскому*,—читаемъ въ нихъ,—село Олизарово Шиловича Горюховъ у Луцку до воли" [956]. При Казимирѣ, впрочемъ, чаще всего встрѣчаемся по актамъ съ земянами Волынскими. *Земяниномъ* луцкимъ названъ, напр., панъ Олизаръ Шиловичъ, которому король Казимиръ въ 1450 году пожаловалъ имѣнья въ Луцкомъ повѣтѣ [957]. Въ 1488 году король позволилъ войту Владимирскому Ѳедку Иванову съ войтовства Владимирскаго и Литовижскаго „на войну не ходити до его живота ни съ однымъ старостою Луцкимъ, а ни зъ маршалкомъ Волыньскоѣ земли, а ни зъ намѣстникомъ Володимирскимъ, а ни зъ *земьляны* Волыньскоѣ и Володимирьскоѣ земли" [958]. Земяне слѣдуютъ послѣ князей и пановъ и въ привилеяхъ, коими великіе князья Александръ и Сигизмундъ подтверждали права, данныя Волынской землѣ королемъ Казимиромъ [959].

Кромѣ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго повѣтовъ Волынской земли [960], земянъ мы встрѣчаемъ по актамъ въ Браславскомъ и Вѣницкомъ повѣтахъ литовскаго Подолья и въ сосѣднихъ съ Волынью повѣтахъ Кіевской земли. Въ записяхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Ѳедьку Дашковичу, *земянину браславскому*, 10 копъ въ мыта Кіевского"; „на Вѣницу дано 100 бочекъ жыта въ ключника Луцкого а 60 копъ

---

[954]) Акты Зап. Рос. I, № 45.

[955]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XIII.

[956]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л 65.

[957]) Акты Зап. Рос. I, № 53. Срав. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LII.

[958]) Акты Зап. Рос. I, № 92.

[959]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36; Акты Зап. Рос. II, № 54

[960]) Акты Зап. Рос. I, № 321.

грошей въ скарбу, 30—намѣстнику пану Кмитѣ а 30 копъ *земяномъ*" [961]) Въ 1505 году король Александръ подтвердилъ земянину браславскому Өедьку Дашковичу различныя имѣнья, на которыя у него пропали листы твердости: „а то дей звѣдомо *земяномъ Браславскимъ всимъ*, што жъ тые имѣнья и селища—его дѣдина и отчина" [962]). Въ 1507 году король Сигизмундъ не велѣлъ намѣстнику Браславскому кн. Михаилу Васильевичу Збаражскому брать подымщину съ людей земянъ Браславскихъ [963]) и т. д. Земянъ встрѣчаемъ въ Житомирскомъ и Вруцкомъ повѣтахъ Кіевской земли наряду съ боярами, при чемъ акты употребляютъ иногда одно названіе вмѣсто другого. Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „*земянину житомирскому Пирхалу* 5 копъ зъ мыта Володимирского; ему жъ 7 копъ въ мыта Кіевского". Нѣсколько ниже тотъ же Пирхало по случаю пожалованья ему волости Олевской въ держанье называется бояриномъ кіевскимъ [964]). Въ 1499 году великій князь Александръ, отдавъ на откупъ корчму Вруцкую мѣстнымъ мѣщанамъ, приказалъ намѣстнику Вруцкому князю Григорью Борисовичу Глинскому оборонять ихъ „отъ *земянъ Вруцкихъ*" [965]). Въ „вырокѣ" короля Сигизмунда отъ 18 августа 1510 г. по дѣлу бояръ Вруцкаго повѣта Вилавскихъ съ дворяниномъ Суринымъ, который выпросилъ было ихъ себѣ у короля за простыхъ людей, читаемъ между прочимъ: „а они повѣдили передъ нами, што жъ они звѣчныи бояре Вилавскіи, и сослалися о томъ на *всихъ бояръ* Вруцкихъ; ино панъ Яцко Мезь и Костюшко Митковичъ и иншіи *земяне* и мѣщане Вруцкіи писали къ намъ, повѣдаючи, што жъ они *бояре* звѣчные, а служать намъ посполъ зъ иншими *земяны* Вруцкими" [966]). Встрѣчаемъ земянъ и въ собственномъ Кіевскомъ повѣтѣ. Въ 1496 году великій князь Александръ освободилъ людей *земянина кіевскаго* Андрея Пряжовскаго Шершневичей въ Завской волости отъ платежа ведра меду до ключа Кіевскаго [967]). Король Сигизмундъ въ 1507 году далъ земянину кіевскому Васку Жеребятичу селище Чоботово въ Милославичахъ въ Кіевскомъ повѣтѣ [968]). Въ 1524 тотъ же король подтвердилъ земянину кіевскому

[961]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28, 80.
[962]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 5.
[963]) Акты Зап. Рос. II, № 26.
[964]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28, 36.
[965]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 178.
[966]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 379.
[967]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 77.
[968]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 132.

Тишку Проскурѣ въ Кіевскомъ повѣтѣ село Колдыревичи, землю пустую Пасынковщину на Тетеревѣ, а другую Серновщину въ Завской волости [969]). Земяне кіевскій и *путивльскій* написаны въ числѣ свидѣтелей въ грамотѣ на село Гатное съ угодьями, выданной кн. Борисомъ Ѳеодоровичемъ Глинскимъ Николо-Пустынскому монастырю въ 1500 г. [970]). Поэтому и при перечисленіи военнослужилыхъ землевладѣльцевъ Кіевской земли упоминаются обыкновенно и земяне. Такъ, король Казимиръ пожаловалъ въ 1489 г. 150 копъ гр. на подѣлъ „паномъ и княземъ, и бояромъ, и земяномъ всимъ Кіевскимъ" [971]). Король Сигизмундъ подтвердилъ въ 1507 году „право доброволное хрестіянское" князьямъ, панамъ, боярамъ и земянамъ—всей шляхтѣ Кіевской [972]).

Спорадически земяне встрѣчаются и въ другихъ повѣтахъ Литовско-Русскаго государства, куда они проникли, по всей вѣроятности, изъ западныхъ областей. Такъ, въ 1495 году великій князь Александръ разбиралъ тяжбу писаря Ѳедка Любича съ *земянами клецкими* Ѳедкомъ и Васкомъ Олизаровичами объ имѣньѣ Грицевичахъ „на рѣцѣ на Ланѣ у Клецкомъ повѣтѣ" [973]). Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ 1510 году пану Войтеху Яновичу на его имѣнья, читаемъ между прочимъ „а *земянинъ волковыйскій* Андрей, Пашковъ сынъ Ошменцовича, продалъ ему два человѣка своихъ отчинныхъ и дѣдинныхъ въ Дор гичанѣхъ" [974]) и т. д. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ земянину василишскому Юхну Яновичу Богоматчичу двѣ земли пустыхъ, Конютишки и Можиришки, въ Ейшишскомъ повѣтѣ [975]) и т. д. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ названіе „земянинъ" могло просто замѣнять собою названіе „бояринъ". Чѣмъ ближе ко времени изданія Статута 1529 года, тѣмъ чаще встрѣчаемся съ подобною замѣною, а въ Статутѣ 1529 года названіе „бояринъ" уже совершенно вытѣснено названіемъ „земянинъ", хотя въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ актахъ онъ еще въ полномъ употребленіи и земянами называются только военнослужилые люди

---

969) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 141.

970) Акты Зап. Рос. I, № 178.

971) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 80.

972) Акты Зап. Рос. II, № 30. Сравн. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I т. VI, № IX.

973) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 285.

974) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 187, 190.

975) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

перечисленныхъ выше западныхъ областей Литовско-Русскаго государства. Впрочемъ, даже и здѣсь, напр., въ Подольѣ названіе „бояре“ по старой памяти употреблялись иногда вмѣсто названія „земяне“ [976]).

Г. Антоновичъ въ своей статьѣ о Кіевской землѣ съ XIV по XVI столѣтіе различаетъ земянъ и бояръ не географически, а по общественному положенію и ставитъ бояръ ниже земянъ, считая бояръ классомъ переходнымъ отъ земянъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому. „Они отличались отъ земянъ тѣмъ, — говоритъ онъ, — что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію“ [977]). Ниже будутъ приведены доказательства того, что это послѣднее утвержденіе г. Антоновича для даннаго времени не имѣетъ подъ собою никакихъ основаній. Да и вообще все его различеніе земянъ и бояръ не что иное, какъ перенесеніе фактовъ и отношеній позднѣйшаго времени, когда названіе „земянинъ“, какъ *болѣе опредѣленный* соціальный терминъ, замѣнило собою названіе „бояринъ“, оставшееся за низшимъ разрядомъ военнослужилаго класса, называвшагося въ изучаемое время боярствомъ. Бояръ въ изучаемое время нельзя строго различать отъ земянъ: тѣ люди, которые въ западныхъ областяхъ великаго княжества назывались земянами, въ другихъ областяхъ назывались боярами-шляхтою, и оба эти названія нерѣдко взаимно замѣняютъ другъ друга. Исторически извѣстно, кромѣ того, что названіе „земянинъ“ замѣнило собою названіе „бояринъ“ въ западныхъ областяхъ. Какая-же была тому, однако, причина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ возможность видѣть, что земянъ можно отдѣлять до извѣстной степени отъ бояръ и въ изучаемое время, но не въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлано у г. Антоновича.

Въ то время, когда Литовско-Русское государство завязало тѣсныя сношенія съ Польшею и стало подвергаться воздѣйствію ея гражданственности, боярство этого государства представляло уже классъ довольно сложнаго общественнаго происхожденія и состава. Въ составѣ его были прежде всего крупные землевладѣльцы, составлявшіе правительственный классъ удѣльныхъ княжествъ и стоявшіе на общественной лѣстницѣ выше рядовыхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ.

---

[976]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 125.

[977]) Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, томъ I, стр. 249, 250. Срав. *Владимірскаго-Буданова* Христоматію по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24, прим. 3.

Этихъ послѣднихъ удѣльные князья въ своихъ грамотахъ на вѣрность королю, примѣняясь къ польскимъ фактамъ и отношеніямъ, называютъ нерѣдко *земянами* въ параллель польскимъ земянамъ; бояре въ такихъ случаяхъ стоятъ выше земянъ. Такимъ образомъ, напр., въ присяжной записи кн. Дмитрія-Корибута Новгородъ-Сѣверскаго, выданной въ 1388 г. на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской, читаемъ, что онъ выдалъ эту запись „доброю радою нашихъ бояръ и всѣхъ *землянъ* и нашею доброю волею“ [978]). Въ 1448 году кн. Ѳедоръ Львовичъ Воротынскій, получивъ въ держанье отъ короля Козельскъ, въ своей присяжной записи, выданной по сему случаю королю, написалъ между прочимъ: „А бояромъ Козельскимъ и *земяномъ*, и мѣстичомъ, и всимъ Козличомъ ѣздити къ господару нашому Казимиру, королю Польскому и великому князю Литовъскому, о чомъ имъ будетъ надобѣ“ [979]). Съ другой стороны, въ предѣлахъ собственной Литовской земли, въ Жмудской и другихъ областяхъ великаго княжества боярами называются не только высшій правительственный классъ [980]), но и простые военнослужилые землевладѣльцы. Въ привилеѣ Ягелла, выданномъ Литовскому боярству въ 1386 году, слово „бояринъ“ переводится просто латинскимъ armiger [981]). Въ Городельскомъ же привилеѣ 1413 г. высшій правительственный классъ отдѣляется отъ боярства особыми именами: barones, nobiles, proceres; то же самое и въ земскомъ привилеѣ короля Казимира 1457 года [982]). Этотъ военнослужилый классъ, по всей вѣроятности, отложился при высшемъ правительственномъ классѣ бояръ подобно тому, какъ въ княжествахъ сѣверо-восточной Руси отложился классъ дѣтей боярскихъ. Но уже въ то время классъ этотъ былъ наполненъ различными элементами изъ простонародья. Панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича, получивъ отъ короля Сигизмунда дворъ Жорославку Городенскаго повѣта, хотѣлъ было привернуть къ волости Жорославской Жадина Олишковича съ братаничами, Сенька Прокоповича, Васка Пароеновича, Шулгу Андреевича и Радка Мацковича съ братьею. Но лица эти били челомъ королю „што жъ они съ давнихъ часовъ..,.. служать службою боярскою посполъ зъ бояры Городеньскими“. Въ доказательство они представили разные документы, свидѣтельствовавшіе объ

[978]) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № X.

[979]) Акты Зап. Рос. I, № 48.

[980]) Codex epistolaris Vitoldi, № CLXXIX.

[981]) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

[982]) Ibidem, str. 7—20; 28—35.

этой службѣ ихъ самихъ и предковъ ихъ при Александрѣ и Казимирѣ, и, кромѣ того, листъ Витовта, „што жъ великій князь Витовтъ еще дѣдовъ ихъ отъ тяглое службы вызволилъ а казалъ имъ служити службою военною" [983]). Бояринъ ошменскій Михайло Рымковичъ прибилъ Яна Ганцевича и присужденъ былъ къ уплатѣ ему шляхетскаго безчестья, т. е. 12 рублей грошей. Но онъ не хотѣлъ платить этихъ денегъ, утверждая, что Янъ Ганцевичъ не шляхтичъ. Янъ Ганцевичъ представилъ въ опроверженье этого показанья листъ пана Станька Нарушевича, въ которомъ было написано, „што жъ, коли великій князь Жыкгимонтъ ко Бранску тагнулъ, тогды съ тяглое службы предка его вызволилъ, а велѣлъ ему боярскою службою служити" [984]). Въ 1443 году князь Александръ Владимировичъ Кіевскій пожаловалъ слугу своего Ларіона Валевскаго,—не велѣлъ ему съ слугами служить службу, платить подати и пошлины и стеречь недѣли въ Чернобыли, но велѣлъ служить съ боярами [985]). Это наполненіе боярскаго класса людьми изъ простонародья, которые переводились на боярскую службу, продолжало совершаться и въ изучаемое время, какъ тому были приведены примѣры выше [986]). Въ концѣ изучаемаго времени боярами стали называться даже слуги путные, какъ это видно, напр., изъ уставы короля Сигизмунда, данной въ 1529 году державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ.

Наполненіе боярскаго класса элементами изъ простонародья имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что при уравненіи литовско-русскаго военнослужилаго класса въ правахъ съ польскою шляхтою не всѣ бояре были признаны въ достоинствѣ этой шляхты, а только бояре доказаннаго благороднаго происхожденія, — которые и стали называться поэтому боярами-шляхтою. Правда, что въ актахъ изучаемаго времени попадаются случаи признанія шляхетскаго достоинства за лицами, которыя сами и ихъ предки служили боярскою службою [987]). Но на ряду съ тѣмъ мы встрѣчаемъ и категорическое заявленіе со стороны правительства, что боярская служба сама по себѣ еще не даетъ шляхетства,—такъ что должны признать, что и въ первыхъ случаяхъ доказательства шляхетства обставлялись какими нибудь другими подробностями. Вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ не получилъ

---

983) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209.

984) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

985) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. IV, т. I, № 1.

986) См. еще, напр., ibidem, № II, X.

987) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74, 82; XII, л. 209, 210.

съ Михайла Рымковича шляхетскаго безчестья и не признанъ былъ королемъ Сигизмундомъ шляхтичемъ, на томъ основаніи, что, хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но „шляхетства не далъ". Король присудилъ Махаила Рымковича къ уплатѣ Яну Ганцевичу, „какъ которому путному слугѣ", безчестья въ рубль грошей [988]). Въ Жмудской землѣ образовался даже цѣлый классъ *бояръ посѣдныхъ*, служившихъ боярскую службу, но не признававшихся шляхтою. Грамота короля Сигизмунда, посланная въ 1528 году къ державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей о народной переписи, отдѣляетъ бояръ посѣдныхъ отъ шляхты Жмудской и ставитъ ихъ на ряду съ крестьянами. Шляхту, ея имѣнья и людей, а также людей плебанскихъ и мѣщанскихъ должны были по этой грамотѣ „пописать" тивуны вмѣстѣ съ дьякомъ пана старосты и съ двумя выборными земянами. „А што ся дотычеть,—гласитъ королевская грамота,—во всихъ тивунствахъ нашихъ бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ по мѣстомъ, и людей тяглыхъ всихъ, и куничныхъ, мы тыхъ бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ, и всихъ людей нашыхъ службами, и колко въ которой службѣ дымовъ, и ихъ сохи воловыи, и кони, и маемость кождого человѣка, и земли пустовскія..... росказали есьмо секретарю нашему пану Скопу и дворянину нашому Яну Овирдовичу пописати" [989]). Къ крестьянамъ приближаетъ названныхъ бояръ и самое названіе ихъ посѣдными, ибо *посяди невольные* были повинности крестьянскаго населенія въ Жмудской землѣ [990]).— Съ теченіемъ времени установилось правиломъ признавать шляхетство только за тѣми людьми, служившими боярскую службу, которые могли подтвердить его *клейнотами*, т. е. какими либо документами или свидѣтельствами объ ихъ благородномъ происхожденіи. Бояре доказывали свое шляхетство, напр., документами, свидѣтельствовавшими, что предки ихъ волости держивали. Въ 1509 году бояре смоленскіе Досуговы, которыхъ у короля Александра выпросилъ было за щитныхъ людей бояринъ смоленскій Ѳедко Мирославичъ, выводили свое шляхетство листами великаго князя Сигизмунда и пана Ивана Гаштольдовича, изъ которыхъ видно было, что предки ихъ въ Смоленской землѣ волости держивали. Кромѣ того, окольничіе Смоленскіе показали о Досуговыхъ, „ижъ они люди добрыи, бояре" [991]). Доказательствомъ

---

[988]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

[989]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.

[990]) Литов. Метр кн. Запис. IX, л. 174; Акты Зап. Рос. II, № 149.

[991]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 285, 286.

шляхетства служило и нахожденье „братьи“, т. е. родни въ числѣ бояръ-шляхты. Такъ, когда при великомъ князѣ Александрѣ приставъ и волость Немонойтская прiискивали нѣкоторыхъ бояръ „посполъ съ собою сѣна косити“, послѣднiе представили листъ воеводы Троцкаго пана Петра Яновича, который судилъ уже ихъ по новоду этого и нашелъ правыми. Но, когда великiй князь, не удовольствовавшись этимъ, спросилъ у нихъ клейноты,—„ижъ бы есте зъ вѣка были бояре“,—бояре указали, какъ на свою братью, на бояръ ейшишскихъ Новкуновцевъ. Великiй князь поручилъ намѣстнику Ейшишскому спросить Новкуновцовъ, дѣйствительно ли эти бояре имъ братья, и имѣются ли у нихъ самихъ клейноты на шляхетство. Новкуновцы подтвердили показанье бояръ и представили о своемъ шляхетствѣ судовый листъ пана Радивила, въ которомъ прямо было сказано, „што жъ они зъ вѣка бояре шляхта суть“. На основанiи всего этого великiй князь выдалъ такой вырокъ: „не надобѣ имъ сѣна зъ волостью косити и иныхъ служобъ служити, нехай они службу намъ служать боярскую, какъ иншiи которыи бояре - шляхта“ [992]). Дѣло о шляхетствѣ рѣшалось иногда и простымъ показанiемъ бояръ одноповѣтниковъ. Такъ, когда дворянинъ Суринъ выпросилъ у короля Сигизмунда бояръ Вруцкаго повѣта Вилавскихъ за простыхъ людей, тѣ сослались на всѣхъ бояръ Вруцкихъ, которые вмѣстѣ съ намѣстникомъ Вруцкимъ Яковомъ Меземъ и мѣщанами Вруцкими подтвердили королю, „штожъ они бояре звѣчные, а служать намъ посполъ зъ иншыми *земяны* Вруцкими“. Король Сигизмундъ въ такомъ смыслѣ выдалъ имъ свой листъ 18 августа 1510 года, и этотъ листъ сталъ ихъ клейнотомъ [993]).

Если такъ, то понятнымъ становится, почему названiе „земянинъ“ замѣнило собою въ западныхъ областяхъ названiе „бояринъ“, стало на его мѣсто. Въ среду боярства въ этихъ областяхъ былъ несомнѣнный приливъ польскихъ земянъ [994]). Эти земяне въ виду шаткаго, не вполнѣ опредѣленнаго, соцiально - политическаго смысла названiя „бояринъ“ удерживали свое названiе „земянъ“, которое было для нихъ гарантiею противъ того, чтобы ихъ считали за простыхъ людей. Мало по малу и туземные военнослужилые землевладѣльцы, претендовавшiе на благородство своего происхожденiя и приравнивавшiе себя къ земянамъ, принимали это названiе, которое въ Поль-

---

[992]) Литов. Метр. кн Запис. V л. 50.

[993]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 379.

[994]) Относительно Волыни см. Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № 1.

шѣ обозначало шляхту и, слѣдовательно, должно было отдѣлить ихъ отъ простыхъ людей, несшихъ одинаковую съ ними службу. Такъ было несомнѣнно въ Берестейско-Подляшской области и въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли; такъ было, по всей вѣроятности, на Волыни и Подольѣ. На Волыни само правительство пошло на встрѣчу этому стремленью военнослужилаго класса, вызванному наплывомъ въ него земянъ изъ польскихъ областей. Извѣстно, что Ягелло въ 1432 году даровалъ Волынскому боярству права львовскихъ *земянъ*; Свидригелло, княжившій на Волыни въ качествѣ польскаго ленника и во всемъ подражавшій Польшѣ, такъ прямо и называлъ волынскихъ бояръ панами и земянами. Но несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ шелъ за теченіемъ, выходившимъ изъ среды самого общественнаго класса, который даже въ этимологической конструкціи своихъ фамилій сталъ подражать полякамъ [995]). Итакъ, земянами въ западныхъ областяхъ назывался тотъ классъ, который въ другихъ областяхъ великаго княжества назывался *боярами-шляхтою*.

XLII.

Каждый бояринъ и земянинъ съ даннаго земельнаго участка, съ котораго установилась одна боярская служба, долженъ былъ лично и на свой счетъ выѣзжать на войну. То же самое правило дѣйствовало и относительно другихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ: слугъ, мѣщанъ, татаръ и т. д. Размѣръ такихъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ ѣхалъ ратникъ на войну, не былъ строго опредѣленнымъ, какъ и размѣръ земельныхъ участковъ, съ которыхъ полнились крестьянскія службы. Все зависѣло здѣсь отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершалось пожалованье и принять земли, и отъ повинностей, которыя оставались на данномъ участкѣ помимо военной службы, отъ зажиточности лица, принимавшаго землю на военную службу и т. д. Въ актахъ мы часто встрѣчаемъ случаи пожалованья и принятія обыкновенныхъ крестьянскихъ участковъ на боярскую службу. Такъ, великій князь Казимиръ пожаловалъ Юшку Егирвидовичу на боярскую службу землю Дробовщину въ Неменчинской волости, которая была прежде ловецкою землею [996]). Король Александръ въ 1506 г., по челобитью дьяка пана Богуша Боговитиновича—Михайловича Каменецкаго, пожаловалъ ему въ Городищѣ въ Каменецкомъ повѣтѣ же-

---

[995]) Źródła dziejowe, tom. VI, str. LVIII, LXXI.

[996]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

ребій пустой, съ котораго прежде шло плату шесть грошей,—на земскую службу [997]). Король Сигизмундъ въ 1511 г., по просьбѣ боярина коневскаго Юркгелиса Некрашевича, вызволилъ его отъ конюшской службы и дякла съ земли конюшской Яновщины, которую онъ получилъ отъ короля Александра на конюшскую службу,—велѣлъ ему служить съ нея боярскую службу, „на войну ѣхати посполъ зъ бояры Коневскими" [998]). Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярамъ ейшишскимъ Станку Ондровичу и брату его Матею землю пустую тяглую Равклевщину „на особную службу боярскую" [999]). Въ 1525 году король разрѣшилъ боярину смоленскому Яцку Ивановичу Голосовича „у Ейшышскомъ повѣтѣ дѣвку поняти зъ землею тяглою, отчизною ее, на имя Станиславовщыною", съ условіемъ служить съ этой земли службу земскую, т. е. боярскую [1000]). Но на ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ случаи пожалованья на боярскую службу земель въ размѣрѣ большемъ сравнительно съ однимъ крестьянскимъ участкомъ. Такъ, великій князь Александръ въ 1494 году пожаловалъ дворянину своему Сенку Плѣшкину *три сельца*, т. е. крестьянскихъ участка, въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, Шевнинское, Радивоновское и Селивестровское, съ такимъ условіемъ: „не надобѣ ему и его женѣ, и ихъ дѣтемъ, и ихъ щадкомъ съ тыхъ селецъ дани давати и службъ тятлыхъ служити; нижли маеть намъ онъ съ тыхъ селецъ боярскую службу служити, какъ иншіи бояре Смоленскіе" [1001]). Тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Занку Ивановичу Шеневича „сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ на Вхини на имя Еѳановское"; король Сигизмундъ придалъ ему „землю пустовскую тяглую въ Катаньской волости въ Тюрковѣ на имя Еѳановскую" и написалъ въ привилеѣ, выданномъ боярину 7 августа 1511 года: „а намъ съ того сельца Еѳановского, што на Иванѣ-водѣ, и зъ земли Еѳановское пустое службу земскую заступаеть" [1002]). Вообще въ размѣрахъ земель, съ которыхъ шли боярскія службы, по всѣмъ признакамъ, было еще больше разнообразія, чѣмъ въ размѣрахъ земель, съ которыхъ шли крестьянскія службы. Эти послѣднія тяготѣли къ нѣкоторой средней нормѣ, опре-

---

997) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 253.
998) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.
999) Ibidem, л. 86.
1000) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206.
1001) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 43.
1002) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 11.

дѣлявшейся возможностью эксплоатаціи для большой крестьянской семьи. Боярскіе же участки создавались болѣе искусственно: иногда бояринъ получалъ землю, равнявшуюся по размѣрамъ нѣсколькимъ крестьянскимъ участкамъ, въ видѣ особой милости или по соображенію, что боярская служба по тяжести далеко превосходитъ крестьянскія службы; иногда зажиточный бояринъ выпрашивалъ одну крестьянскую землю на особную боярскую службу, находя это выгоднымъ для себя и надѣясь вытянуть съ нея военную службу съ лихвою для себя и своей семьи; наконецъ, бывало иногда, что разбогатѣвшій мужикъ, желавшій выйти изъ „простыхъ“ людей, билъ челомъ господарю на панцырную службу съ своего земельнаго участка. Такъ крестьяне, служившіе службу конню и збройно вмѣстѣ съ боярами, съ теченіемъ времени попадали въ бояре, но большею частію въ слуги разныхъ наименованій: панцырные, конные, путные и т. д. Такіе бояре, мелкіе землевладѣльцы, не всегда имѣли крестьянъ и часто сами, своими семейными силами, обработывали свои земли. Въ „пописѣ“ коней, т. е. конныхъ ратниковъ, которыхъ должны были выставлять военнослужилые землевладѣльцы согласно сеймовому постановленью 1528 года, часто попадаются такія обозначенія: „То—бояре, которые людей своихъ не мають, только сами головами своими повинни на службу ѣхати“ [1003]). Въ сеймовой „ухвалѣ“ 1529 года относительно этихъ бояръ-землевладѣльцевъ находимъ такое постановленье: „А што ся дотычетъ убогоѣ шляхты, господарскихъ подданныхъ тыхъ, которыи ся убого мають въ домкахъ своихъ, а ни одного человѣка своего не мають: съ тыхъ кождый маетъ служити и ѣхати самъ, водлѣ можности своее“, т. е. на конѣ и въ вооруженіи по средствамъ своимъ, а не по сеймовой „уставѣ“ [1004]).

Бояре, земяне, татары, мѣщане получали отъ господаря и такіе земельные участки, съ которыхъ они должны были не только сами ѣхать на войну, но и выводить съ собою опредѣленное количество вооруженныхъ слугъ. Свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются въ актахъ еще удѣльной эпохи. Такъ Свидригелло Ольгердовичъ въ 1445 году „съ кролевьскымъ приказаньемъ“ далъ имѣнье Рычеговъ шляхетнымъ Ѳедору, Жуку и Ходору съ братомъ Игнаткомъ на вѣчность, при чемъ оговорилъ: „а съ того намъ имають служити и нашимъ намѣстникомъ двума стрѣльцема на заволаную войну, яко иніи земляне слу-

---

[1003]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 11—19 и др. Срав. 1 арт. II раздѣла Статута 1529 г.

[1004]) Акты Зап. Рос. II, № 161.

жать"[1005]). Казимиръ въ 1446 году (индикта 9) подтвердилъ нѣкоему Пузу дѣльницу брата его съ условіемъ „двѣ службы ему служити"[1006]). Количество служебъ, возложенное на имѣнье при пожалованіи его, оставалось обыкновенно безъ измѣненья и при увеличеніи числа владѣльцевъ. Въ спискѣ бояръ и слугъ Смоленской земли, составленномъ въ самомъ концѣ княженья Казимира, часто встрѣчаются примѣры отправленія двухъ служебъ тремя, напр. братьями, у которыхъ имѣются взрослые дѣти. Вотъ наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ, касающійся бояръ Радщинскаго путя: „Матвѣй Шестаковъ, въ него сыновъ осмъ, одинъ сынъ у роздѣлѣ; Данила Шестаковъ, братъ его, въ него сыновъ шесть; пять съ нимъ живуть, одинъ у службѣ, а три малыхъ; Рыба Шестаковъ, братъ ихъ, въ него сыновъ семъ, три по службамъ, три малыхъ; Иванъ Шестаковъ, братъ же ихъ, въ него сыновъ шесть, два по службамъ, а чотыри малыхъ; Милешъ Шестаковъ, братъ же ихъ, въ него три сыны—два молодца, а третій малъ; Оливарова жена Богдана, брата ихъ удова, въ нее сыновъ чотыри а вси малы;—*а вси тыи Шестаковы двѣма службами служать*"[1007]). Указанье на отправленье военной службы въ опредѣленномъ количествѣ *съ земли* встрѣчаемъ и въ актахъ княженья Александра и Сигизмунда. Такъ, въ 1495 году великій князь Александръ отдалъ въ опеку дочерей пана Яна Мишковича Яковича женихамъ ихъ Яну Котовичу и Миколаю Завишичу съ имѣньемъ, которое онѣ унаслѣдовали отъ отца, при чемъ оговорилъ: „а они мають намъ съ тыхъ имѣней службу земскую заступати по осми коней у зброяхъ; а коли ся они съ тыми дѣвками поймуть, и они тогды тые имѣнья межи собою подѣлять"[1008]). Въ 1523 году королю Сигизмунду били чоломъ бояре пинскіе Анцушко, Сенько, Василевскій и Богдановичъ и заявили, „што жъ дей братьи ихъ чотыры, а имѣньицо мають вельми убогое и тыми дей разы то имѣньицо на чотыри части роздѣлили и не мають съ чого вси чотыри братья службы земское послужити, гдѣ жъ дей передъ тымъ толко два брата на службу земскую ѣжчывали; нижли дей небощыкъ князь Ѳедоръ Ерославича прыдалъ имъ къ тому имѣньицу чотыры дворища зъ людьми, а три земли пустовскихъ, они дей съ того приданья третего коня у зброи на службу... выправляють". Бояре просили, чтобы имъ дозволено было

1005) Акты Зап. Рос. I, № 45.
1006) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 29.
1007) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.
1008) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

„по два брата на перемѣну зъ отчыны ихъ на службу нашу (т. е. господарскую) и земскую ѣздити, а съ тыхъ земль, што имъ князь Өедоръ Ярославовича прыдалъ, третего коня мѣти"; въ этомъ смыслѣ они и получили отъ короля листъ [1009]). Въ данномъ случаѣ особымъ королевскимъ листомъ на землѣ оставлялось то же количество службы, которое было и ранѣе, изъ чего можно заключить, что при раздѣлахъ боярскихъ имѣній и вообще при переходахъ къ новымъ владѣльцамъ количество службъ могло и измѣняться.

Это обстоятельство на ряду съ другими соображеніями экономическаго характера и родственными чувствами заставляло бояръ-шляхту и земянъ очень часто владѣть имѣньями безъ раздѣла. Въ актахъ встрѣчается такъ много примѣровъ совмѣстнаго владѣнья родственниковъ-бояръ и земянъ, что приводить ихъ нѣтъ никакой надобности; на нихъ можно натолкнуться чуть-ли не въ любомъ сборникѣ актовъ. Статутъ 1529 года, считаясь съ распространеннымъ среди шляхты фактомъ совмѣстнаго землевладѣнья, постановлялъ между прочимъ: „А коли бы было колко братьи неделное тогды с нихъ годнѣйшый зымени ихъ сумесного один межи ними маeт войну служити тымже обычаемъ какъ вышше поставлено" [1010]). Имѣньями могли владѣть совмѣстно даже лица, не состоявшія между собою въ отношеніяхъ родства, какъ это видно изъ 32 артикула VI раздѣла того же Статута; они называются здѣсь *сябрами*. Бояре-шляхта и земяне, сообща отправлявшіе военную службу, назывались обыкновенно *бурсниками* [1011]). Такимъ образомъ, военная служба и боярское землевладѣніе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ имѣли много сходства съ службами и землевладѣніемъ крестьянъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Этимъ положеніемъ ограничивается и доля истины, содержащейся въ приведенныхъ выше утвержденіяхъ нѣкоторыхъ изслѣдователей о полной будто бы аналогіи крестьянскаго и боярскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ изучаемое время. Нѣкоторыя добавленія къ этому замѣчанію читатели найдутъ ниже въ предлагаемомъ очеркѣ.

Съ начала XVI вѣка, когда борьба Литовско-Русскаго государства съ сосѣдями сдѣлалась особенно напряженною, правительство, оставляя въ силѣ старинную организацію отправленія военной службы съ земли, внесло въ нее нѣкоторыя поправки и улучшенія въ цѣляхъ большей боеспособности своего войска и болѣе равномѣрнаго распре-

---

1009) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 90.

1010) 1 арт. II раздѣла.

1011) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 77.

дѣленія тягостей военной службы. На „вальныхъ сеймахъ", собиравшихся довольно часто, постановлялось обыкновенно, чтобы землевладѣльцы съ даннаго числа крестьянскихъ служебъ выставляли ратника въ вооруженіи и на конѣ „водлугъ вставы и ухвалы сейма". Вслѣдствіе этого, напр., въ 1507 году на Виленскомъ сеймѣ было постановлено, чтобы паны, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта подъ присягою переписали своихъ людей и списки подали господарю. „А то для тоѣ причины тымъ обычаемъ уставлено, — гласитъ сеймовое постановленье, —абы господарь его милость вѣдалъ, какъ хто его милости зъ имѣнья служити будетъ, подлѣ списковъ тыхъ, на которыхъ будуть люди всихъ его милости подданныхъ пописаны; албо тежъ, што ся будетъ господарю его милости въ томъ видѣти, его милость роскажетъ, хто какъ маетъ съ своего имѣнья служити" [1012]). Въ настоящемъ случаѣ распредѣленіе военной службы принадлежало пока еще самому господарю, но позднѣе мы встрѣчаемъ уже прямыя постановленія сеймовъ относительно этого. Такъ Виленскій сеймъ въ 1528 г. мая 1-го постановилъ, „ижъ хто-кольвекъ маетъ людей своихъ въ имѣньяхъ своихъ, тотъ повиненъ съ кождыхъ осми служобъ людей ставити пахолка, на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечъ або кордъ, сукня цвѣтная, павеза и остроги двѣ" [1013]). Въ сеймовомъ постановленьѣ 21 января 1529 года находимъ разъясненье, что самъ владѣлецъ имѣнья шелъ въ счетъ „пахолковъ добрыхъ", которые выставлялись съ каждыхъ восьми служебъ, и, кромѣ того, слѣдующую статью: „А хто бы зъ шляхты не мѣлъ осьми служобъ суполныхъ, а мѣлъ бы людей своихъ шесть або пять служебъ, або мнѣй; однако жъ и тотъ повиненъ самъ ѣхати къ службѣ земской, на таковомъ кони и въ таковой зброи, не водлугъ уставы, але водлѣ можности своее" [1014]). Отъ военной службы не избавлялись, какъ выше было сказано, и убогіе шляхтичи, не имѣвшіе совсѣмъ крестьянъ. Изъ актовъ и 2 артикула II раздѣла Статута 1529 года видно, что количество крестьянскихъ служебъ, съ которыхъ долженъ былъ выправляться на войну „добрый пахолокъ", не было постояннымъ и не предназначалось въ намѣреніяхъ правительства таковымъ, но — „якъ на тот часъ будеть потреба указывати", такъ и долженъ былъ установить сеймъ. Сеймовыя постановленія, слѣдовательно, не разрушали старинной органи-

[1012]) Акты Зап. Рос. II, № 12.

[1013]) Ibidem, № 152.

[1014]) Ibidem, № 161, арт. 4.

заціи въ отправленіи военной службы съ земли, а имѣли въ виду въ массѣ войска держать отборный контингентъ, измѣняя его количество сообразно съ потребностями времени и экономическими силами военно-служилаго сословія.

XLIII.

По Статуту 1529 года военнослужилые землевладѣльцы должны были отправлять свою службу съ имѣній какъ отчинныхъ, такъ и купленныхъ и выслуженныхъ. Эти три рода владѣній выступаютъ во многихъ артикулахъ Статута 1529 года, и при томъ каждый съ особенными, ему только свойственными, чертами. Различаются они и въ актахъ, изданныхъ ранѣе Статута, съ самаго конца XIV вѣка. Въ чемъ же состоятъ ихъ различія?

Подъ именемъ *отчинъ* разумѣются имѣнія, переходившія по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ; если это наслѣдство шло отъ дѣда, имѣнья назывались *дѣдинами* [1015]) и даже *прадѣдинами* [1016]), а владѣтели ихъ отчичами и дѣдичами. Этотъ типъ земельныхъ владѣній несомнѣнно существовалъ въ западной Руси еще до утвержденья въ ней литовскаго владычества [1017]). По всей вѣроятности, и въ предѣлахъ собственной Литвы онъ возникъ еще прежде, чѣмъ стало образовываться Литовско-Русское государство. По крайней мѣрѣ, у Прусскихъ nobiles, по свидѣтельству нѣмецкихъ лѣтописцевъ XIII в., была hereditas paterna — замки или укрѣпленныя усадьбы, гдѣ у нихъ было много рабовъ, коней, охотничьихъ собакъ и птицъ, разной домашней утвари и одеждъ [1018]); даже крестьяне были наслѣдственными владѣльцами своихъ участковъ [1019]). Извѣстная грамота Мендовга 1259 года, коею онъ уступилъ ордену Жмудь и призналъ право рыцарей владѣть имѣньями на Литвѣ, полученными по завѣщанію, предполагаетъ существованіе въ предѣлахъ Литовской земли двухъ родовъ земельныхъ имѣній, отчинныхъ и полученныхъ на ленномъ правѣ, jure pheodali [1020]). Существованіе отчинныхъ имѣній предполагается и

[1015]) Акты Зап. Рос. I, № 84, II. Такъ же и въ Польшѣ; см. *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 123. Warszawa 1881.

[1016]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130.

[1017]) См. напр., Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 485, 493.

[1018]) *Н. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 17, пр. 3.

[1019]) Ibidem, стр. 24, 25 пр. 1.

[1020]) Scarbiec dyplomatów I, № 181.

въ извѣстномъ привилеѣ, выданномъ литовскому боярству Владиславомъ Ягелломъ въ 1387 году и въ позднѣйшихъ земскихъ привилеяхъ [1021]).

Въ этихъ земскихъ привилеяхъ великіе князья обѣщали князьямъ, панамъ и боярамъ не отнимать у нихъ отчинъ; то же самое обѣщали они и въ привилеяхъ, данныхъ различнымъ землямъ отдѣльно [1022]). Изъ этого, по справедливому замѣчанію г. Владимірскаго-Буданова, нельзя дѣлать вывода, что ранѣе 1387 года не существовало права наслѣдства, и всѣ имѣнья по смерти ихъ владѣльцевъ спадали на господаря, изъ рукъ котораго и получали ихъ наслѣдники [1023]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и ограничиться утвержденіемъ, что земскіе привилеи „подтверждаютъ существовавшіе извѣка обычаи, предупреждая отрицательною формою своихъ постановленій ихъ нарушеніе". Право наслѣдства несомнѣнно существовало, но оно дѣйствовало при такихъ условіяхъ и такъ часто нарушалось, что торжественныя подтвержденія его въ земскихъ привилеяхъ были далеко не простою формальностью. Значитъ, весь вопросъ сводится въ настоящемъ случаѣ къ тому, почему и какъ могли отходить у военно-служилаго класса отчины. Въ актахъ изучаемаго времени можно получить относительно этого не мало указаній, ибо, не смотря на дарованіе военнослужилому классу привилегій польской шляхты и въ томъ числѣ права неотъемлемаго владѣнія отчинами, отчины нерѣдко отбирались, въ особенности у бояръ „посполитыхъ" [1024]), мѣщанъ, татаръ и имъ под. служилыхъ людей.

Выше было уже указано на то, что великіе князья до извѣстной степени считали себя собственниками земель, съ которыхъ шла военная боярская служба, и жаловали боярскія отчины князьямъ и панамъ, предоставляя владѣльцамъ или служить князю или пану, или уйти съ земли. Такъ было въ то время, когда литовско-русскому боярству даны были привилегіи польской шляхты. Въ XIII и XIV вѣкахъ князья, вѣроятно, еще менѣе церемонились съ боярскими отчинами и въ случаѣ надобности прямо отбирали ихъ у владѣльцевъ, въ особенности, если это были мелкіе рядовые бояре. Примѣры такой

[1021]) Срав. Запись о Смоленской посощинѣ, которая говоритъ о боярскихъ отчинахъ до Витовта. Акты Зап. Рос. I, № 55.

[1022]) *М. Ясинскаго* Уставныя грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 160—162. Кіевъ 1889.

[1023]) Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 28, прим. 11, Кіевъ 1880.

[1024]) Выраженіе Статута 1529 г.

правительственной практики встрѣчаются даже и въ изучаемое время. Въ 1508 году королю Сигизмунду заявляли земяне вѣницкіе Тарасовичи, Берендей съ братьею, „што жъ дей..... Александръ король его милость отнялъ въ нихъ имѣнье ихъ отчинное у Вѣницкомъ повѣтѣ на имя Вонячыно, а далъ Остафью Дашковичу"; они просили короля воротить имъ отчину, что и было исполнено [1025]). Впрочемъ, простой произволъ въ такихъ случаяхъ едва ли имѣлъ много мѣста. Отчины отнимались скорѣе всего потому, что правительство смѣшивало ихъ съ имѣньями, которыя отдавались только во временное владѣніе, и скорѣе всего съ тѣми, которыя давались „до воли господарской".

Обычай раздавать имѣнья во временное владѣніе, „до воли господарской", существовалъ едва ли не съ самаго образованія Литовско-Русскаго государства. Въ теченіе изучаемаго времени онъ былъ въ полной силѣ, и въ актахъ мы находимъ множество примѣровъ пожалованій имѣній „до воли господарской". Въ записяхъ земельныхъ раздачъ Казимира читаемъ между прочимъ: „пану Дякгирду *чоловѣкъ* Нетишка до воли;..... у Красноселцѣхъ Яну Кготевичу *землица* Лойпуновая пустая, безъ наслѣдка, до воли;..... у Любошанѣхъ Андрею Немировичу село Молодиловичи и зъ данью до воли;.... князю Митку Всеволодичю Онтоново Косого селцо да Кулибакино селцо, да Мицнево село до воли;.... Жаку конюху *земля* у Новѣгородку Охремцова до воли" [1026]). Подобные же случаи встрѣчаемъ на каждомъ шагу при чтеніи актовъ княженья Александра и Сигизмунда. Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году пожаловалъ кн. Өедору Өедоровичу Мезецкому волость Городечну „до воли", а еще ранѣе того, въ 1496 году, кн. Семену Ивановичу Можайскому Карачевъ [1027]). Въ 1496 году онъ пожаловалъ до воли пану Василью Хребтовичу имѣнье Горухово во Владимирскомъ повѣтѣ; въ 1499 году кн. Богдану Өедоровичу данника въ Кіевскомъ повѣтѣ въ Завской волости; въ 1503 году князю Василью Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ [1028]) и т. д. Король Сигизмундъ въ 1509 году пожаловалъ толмачу Рамадану людей въ Радуньской волости и двѣ пустовщины „до воли"; въ томъ же году онъ пожаловалъ старостѣ мѣста Смоленскаго пану Авраму Езофовичу человѣка Сомилишской волости Некраша Бутевича и

[1025]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 225.

[1026]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 2, 8, 9, 21, 51.

[1027]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76; Акты Зап. Рос. I, № 139.

[1028]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 68, 154, 216 и др.

землицу пустовскую Петрашовщину, принадлежавшую прежде брату Некраша: „нехай онъ того чоловѣка и пустовщыну держыть до нашое воли" [1029]). Въ 1527 году Сигизмундъ подтвердилъ бурмистру мѣста Виленскаго Ермолѣ Слотовичу землю пустовскую Юрковщину въ Меминжской волости до воли [1030]) и т. д. Имѣнья, данныя до воли, иногда отбирались у ихъ владѣльцевъ и отдавались другимъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году далъ пану Юрью Глѣбовичу имѣнье Клевицу, которое онъ передъ тѣмъ пожаловалъ было до воли своей дворянину Ѳедору Колонтаеву [1031]). Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому замокъ Степань съ мѣстомъ и съ волостьми „и тую третюю часть замку Степаня и мѣста, и всихъ волостей Степаньскихъ, которая жъ спала была на дѣлу на князя Юрья Ивановича Дубровицкого". При этомъ король мотивировалъ такимъ образомъ свое пожалованье: „бо тое имѣнье Степанъ далъ былъ отецъ нашъ король и великій князь Казимиръ князю Юрью Ивановичу до своее воли; а што кольве отецъ нашъ король Казимиръ кому далъ до его милости воли, то естъ въ нашей воли; кгдыжъ тотъ замокъ Степань естъ въ нашой воли, мы вземши его къ нашой руцѣ, зъ особливое ласки нашое дали есмо и вѣчне даровали, записуемъ и вѣчне записали симъ нашимъ привилеемъ князю Костянтину Ивановичу Острозскому" [1032]) и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бывало иногда, что имѣнья, данныя до воли господаря, переходили къ наслѣдникамъ первыхъ владѣльцевъ и отбирались уже у нихъ. Такъ, великій князь Александръ, утверждая въ 1501 году три дворища съ людьми „Жуковского повѣта у Клевани" за княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Чорторыйскимъ, написалъ въ привилеѣ: „дали были есмо тыи дворища первѣй сего воеводѣ Троцкому, небожчику пану Петру Яновичу, и послѣ пана Петра сынъ его панъ Янъ тыи дворища держалъ, а листы нашими того есмо имъ были не подтвердили на вѣчность" [1033]). Король Сигизмундъ далъ путивльскимъ боярамъ Пашѣ и Якиму людей въ Ейшишскомъ повѣтѣ „не на вѣчность". По смерти Якима Паша одинъ держалъ этихъ людей и умирая оставилъ на своемъ имѣньѣ жену съ сыномъ; жену понялъ за себя го-

---

[1029]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 305—307.
[1030]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 135.
[1031]) Акты Зап. Рос. II, № 40.
[1032]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 500, 501.
[1033]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 194.

сподарскій дворянинъ Михайло Овцынъ и часть Якимову держалъ безъ господарской данины. Въ 1522 году Сигизмундъ распорядился съ этимъ имѣньемъ такимъ образомъ: „коли жъ тыи люди даны были тымъ путивльцомъ двумъ братомъ не на вѣчность, а тотъ Паша часть брата своего безъ данины нашое держалъ, а тыми разы по нихъ наслѣдокъ одинъ ся осталъ, а тотъ тежъ Михайло тыи вси люди держалъ безъ данины нашое, мы зъ ласки нашое половицу тыхъ людей дали дворянину нашому Василью Тишковичу, а пры другой половицы тыхъ людей зоставили есмо сына того Пашы путивльцова“ [1034]). Косвеннымъ указаніемъ на то, что имѣнья, данныя до воли господарской, переходили нерѣдко къ дѣтямъ и родственникамъ лицъ, получавшихъ ихъ, служитъ тотъ артикулъ земскаго привилея в. князя Александра, которымъ имѣлось въ виду предохранить эти имѣнья отъ превращенія въ частныя вотчины. Item donationes et concessiones olim genitoris nostri,—читаемъ здѣсь,—quas alicui donavit aut providit, et cum hoc literis suis confirmavit, perpetue tenebimus; *sed cui idem genitor noster dedit aliquid ad arbitrium et voluntatem suam, illud et nos pro arbitrio et voluntate nostra et dominorum consilii nostri reservamus*; nostras etiam donatioes faciemus et dabimus ad arbitrium nostrum. Et si alicui voluerimus confirmare ad perpetuitatem, istud etiam est in voluntate nostra [1035]).

При такомъ потомственномъ владѣніи помѣстьями и при тогдашнемъ состояніи государственной регистратуры, естественно, должны были случаться довольно часто отобранія отчинъ у наслѣдниковъ. Акты изучаемаго времени, особенно записи пожалованій короля Казимира, переполнены примѣрами подтвержденій разнымъ лицамъ отчинъ, при чемъ нерѣдко эти подтвержденья прямо обозначаются, какъ возвращенія отчинъ; напримѣръ: „у Дорогичинѣ Миколайку.... вернулъ отчину его Купятинъ, што Несвѣдскій держалъ“; или: „у Луцку Сачку лучанину село Свищовъ да Лычино и што къ тому селу слушаеть, какъ за Бѣликомъ было: занюжъ за нимъ были села Несвидскихъ, и то опять отчичомъ вернули,—противъ того“ [1036]). Въ 1496 году великій князь Александръ по суду вернулъ окольничему Смоленскому Ивашку Кривцу, Яну, Павлу и Михаилу Басичамъ и Андрею Свиридову имѣнье Погоновичи, которое онъ далъ было пану Богдану Сопѣгѣ, не зная

[1034]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 3.

[1035]) Zbiór praw litewskich, str. 58—64.

[1036]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34, 64.

что оно отчина Басичей, перешло къ нимъ отъ отца ихъ Басы, которому пожаловалъ король Казимиръ на вѣчность" [1037]). Очевидно, слѣдовательно, отобранія отчинъ были нерѣдки, и обѣщанія не отнимать имѣній, если они окажутся отчинными (такой смыслъ по конспекту земскихъ привилеевъ имѣютъ обѣщанія не отнимать отчинъ), были вовсе не простою формальностью, а имѣли реальное, жизненное значеніе, возвѣщали, если не новое право, то новую политику, и съ полнымъ правомъ могли быть вставлены въ число привилеевъ.

Великіе князья старались обставлять свои обѣщанія нѣкоторыми указаніями на то, какія имѣнія они будутъ признавать отчинными. Самое опредѣленное указаніе на этотъ счетъ дано въ земскомъ привилеѣ короля Сигизмунда отъ 1506 года: Quicunqe subditorum nostrorum in praedictis terris Magni Ducatus Lithuaniae similiter suis bonis immobilibus haereditariis, litteras aut immunitates non habent sufficientes, tum fidedignorum testimonio probaveriut, bona hujusmodi tempore Magnorum Ducum Lithuaniae Withowdi vel Sigismundi aut divi Casimiri, parentis nostri, si vel suos legittimos parentes, aut praedecessores pacifice possedisse [1038]). Подобныя же указанія находимъ и въ Статутѣ 1529 года: „хто бы держалъ имѣнье и люди и земли за Казимера короля во впокои, а о том до короля Олександра будет никто ся не привпоминаль бы и добре таковы листов на то не мелъ; тогды то во впокои держати мает и волную моцъ мает имѣнья своего третюю част продати даровати и в пожитки добровольные привести" [1039]). Итакъ, имѣнье считалось отчинною, если оно находилось въ рукахъ даннаго владѣльца и его предковъ, по крайней мѣрѣ, при двухъ послѣднихъ господаряхъ. Принципъ десятилѣтней земской давности, опредѣлявшій права владѣнія въ тяжбахъ между собою частныхъ лицъ, не дѣйствовалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда истцомъ являлось правительство.

Хотя отчинность владѣнья можно было доказывать свидѣтельскими показаніями, но землевладѣльцы, естественно, предпочитали документы и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ старались выхлопатывать у господаря подтвержденья на отчины. Такихъ подтвержденій, какъ уже сказано, встрѣчается множество въ актахъ изучаемаго времени. Эта заботливость объ укрѣпленіи отчинныхъ владѣній служитъ косвеннымъ указаніемъ на постоянныя опасности для этихъ владѣній, на легкую

[1037]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58.
[1038]) Zbiór praw litewskich, str. 95—99.
[1039]) Раздѣлъ I, арт. 15. Срав. арт. 19.

возможность ихъ утраты. Приведемъ нѣкоторые характерные примѣры подтвержденій отчинъ. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Хребтовичомъ всимъ дано ихъ *отчизну* и со всимъ по тому, какъ отецъ ихъ держалъ, и по тому, какъ небощикъ панъ Олехно Довойновичъ держалъ" [1040]). Хребтовичи выхлопотали себѣ подтвержденье, очевидно, потому, что отчина ихъ была недавняго происхожденія и могла попасть въ разрядъ помѣстій, которыя давались „до живота" или „до воли господарской". Подтвержденья на отчины обыкновенно давались и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ увеличивались новыми пожалованьями или куплями. Въ тѣхъ же записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ: „Михайлу Ромболтовичу семъ человѣка у Вилкомири, его жъ отчина; а къ тому придалъ ему три человѣки княжихъ людей у Вилькомири" [1041]). Иногда подтвержденье выдавалось наслѣдникамъ лица, отчина котораго увеличивалась пожалованьемъ. Такъ, въ 1499 году великому князю Александру била челомъ вдова пана Миколая Шеметовича съ сыновьями своими Яномъ и Станиславомъ „о мужа своего небожчика пана Миколаевы имѣнья отчинныи, што въ Жомойти дворъ на имя Шовкъяны и тежъ въ томъ дворѣ въ Шовкъянѣхъ, што дали есмо были небожчику пану ее торгъ мѣти и двѣ корчмы, и другіи дворы—Лидовяны и Коркляны въ Жемойти жъ, и Гнѣзная и Нетеча въ Троцкомъ повѣтѣ"; великій князь исполнилъ ея просьбу и выдалъ ей свой листъ [1042]). Въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ земянину Вѣницкому Ивашку Супроновичу „имѣнейца отчинные у Вѣницкомъ повѣтѣ на рѣцѣ на Згари Микулинцы а Почапинцы и половину Мезекова" и, кромѣ того, селище Супруново, данное ему по его челобитью и по ходатайству кн. Константина Ивановича Острожскаго [1043]). Чаще всего подтвержденья на отчины съ выслугами и куплями брались у новыхъ господарей. Хотя новые господари обѣщали обыкновенно не отнимать отчинъ и выслугъ, но служилые люди предпочитали этимъ обѣщаніямъ подтвердительные частные привилеи на имѣнья. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій короля Казимира находимъ много подтвержденій отчинъ въ княжествѣ Мстиславскомъ, когда оно отнято было у кн. Юрья Лингвеньевича, въ землѣ Волынской, когда она спала на великаго князя

[1040]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 51.

[1041]) Ibidem, л. 72.

[1042]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 151.

[1043]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 5.

по смерти Свидригелла [1044]); точно такъ же много подтвержденій на отчины встрѣчаемъ и въ тѣхъ книгахъ Литовской Метрики, которыя составлялись въ первые годы Сигизмундова княженья. Желаніе документомъ закрѣпить владѣніе отчиною иногда прямо выражалось въ челобитныхъ просителей. Такъ, въ 1498 году у великаго князя Александра просилъ подтвержденья на отчину Рутчичи „въ Ятвезкомъ" бояринъ Тихно Ясенскій, выставляя мотивомъ просьбы неимѣнье документовъ на отчину [1045]).

Закрѣпляя документами владѣніе отчинами, служилые люди имѣли, впрочемъ, въ виду не столько правительство, сколько свою же братью—князей, пановъ и бояръ, которые могли подпросить подъ ними отчинныя имѣнья. Правительство по собственной иниціативѣ, вѣроятно, рѣдко отнимало у кого отчины. Если же это бывало, то обыкновенно по винѣ разныхъ челобитчиковъ, которые выпрашивали себѣ имѣнья, „не повѣдаючи отчичовъ", какъ пустыя, оставшіяся „безъ наслѣдковъ", или какъ имѣнья, данныя настоящимъ владѣльцамъ ихъ „до воли господарской". Неудовлетворительное состояніе государственной регистратуры благопріятельствовало этому, такъ какъ правительство не имѣло подъ руками такихъ списковъ и описей, которыя бы давали ему возможность быть въ курсѣ и легко оріентироваться въ фактахъ и отношеніяхъ военнослужилаго землевладѣнія. Правда, что уже въ изучаемое время велись книги великокняжеской канцеляріи и по главнымъ городамъ книги городскія или замковыя, но составъ ихъ былъ случайный: въ нихъ попадали только разные привилеи и подтвержденья на имѣнья, а также судовые листы, содержавшіе рѣшенія великаго князя или его урядниковъ по тяжбамъ объ имѣньяхъ. Здѣсь не было систематическихъ и полныхъ списковъ даже на подобіе тѣхъ, которые стали составляться уже при Сигизмундѣ Августѣ, и образцомъ которыхъ можетъ служить, напр., сборникъ документовъ на владѣнія пинскихъ землевладѣльцевъ, составленный въ 1551 году, а также ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, составленная въ 1559 году. Литовско-Русское государство, внутренняя политика котораго съ самаго образованія его глубоко была проникнута индифферентнымъ консерватизмомъ, не выработало ни въ своей столицѣ, ни въ областныхъ центрахъ учрежденій, которыя бы энергически и suo motu развивали свою дѣятельность по устройству общественныхъ отношеній. Общественныя отношенія складывались большею частью сами собою, и

1044) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23, 24, 55, 56.

1045) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 68.

учрежденія дѣйствовали преимущественно по возбужденію отъ частныхъ лицъ и общественныхъ группъ.—Такъ было и въ дѣлѣ устройства военно-служилаго землевладѣнія. Правительство сплошь и рядомъ жаловало имѣнья на основаніи показанія челобитчиковъ, не провѣряя ихъ и только въ жалованныхъ грамотахъ оговаривая: „естли будеть такъ, какъ повѣдили". Предварительныя справки объ имѣньяхъ у мѣстныхъ урядниковъ наводились обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти имѣнья принадлежали къ составу господарской волости въ тѣсномъ смыслѣ. Если же это были имѣнья, находившіяся въ частномъ владѣніи, правительство легко поступалось ими и отдавало приказъ мѣстнымъ урядникамъ ввести во владѣніе или дать „увязанье", оговаривая только: „ажъ не будеть наслѣдковъ, ажъ будеть пусто" и т. д. Такихъ условныхъ пожалованій находимъ множество въ актахъ изучаемаго времени. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ, напр.: „князю Сонкгушковичу двѣ селци у Берестьи, Романово Горбачевича да Ивашково Букгино, ажъ будеть подобно, ажъ се будеть годити, не будеть ли наслѣдковъ; Кузмѣ Волошину земля пустая у Кремянецкомъ повѣтѣ на имя Берегъ: а наслѣдка не будеть, ино ему, съ рѣкою и въ бобровыми гоны; волошину Андрею Борздому сельцо Дрибово, ажъ будеть пусто, а наслѣдка не будеть" [1046]). Въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ Васку Колонтаеву землю Звонкову боярскую „у Пьяновѣ" въ Брянскомъ повѣтѣ, если окажется справедливымъ показаніе Колонтаева, „што жъ тая землица давно лежыть пуста, а наслѣдка въ нее никого нѣтъ." [1047]). Но мѣстные урядники не всегда имѣли охоту и даже возможность провѣрять показанія челобитчиковъ и давали имъ прямо „увязанье", предоставляя наслѣдникамъ, буде таковые оказалисъ бы, доходить своей отчины или близкости „правомъ". Понятно, слѣдовательно, что служилые люди стремились обставить по возможности большимъ количествомъ „листовъ-твердостей" свои владѣнья.

Отчины отбирались и передавались во владѣніе постороннимъ лицамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы ихъ не служили съ нихъ и не могли исправно служить военную службу. Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году отдалъ татарину князю Майку Асанчуковичу „семъ служебъ въ людми Кумеляны а землицу боярскую Богдана Некрашевича въ Кревскомъ повѣтѣ вѣчностью"; при этомъ свое пожалованіе онъ мотивировалъ такимъ образомъ: „тотъ Богданъ

1046) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1, 32.
1047) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 108.

отчину свою всю роспродалъ, а самъ въ си жъ годъ не былъ съ нами на службѣ нашой" [1048]). Служилые люди, бывшіе не въ состояніи отправлять съ своихъ имѣній военную службу, нерѣдко и сами бросали свои отчины. Эти отчины иногда возвращались ихъ наслѣдникамъ, но не какъ отчины, а какъ данины, что и выражалось прямо въ грамотахъ. Такъ въ листѣ короля Казимиря, писанномъ 12 марта 1467 года намѣстнику Смоленскому, Любуцкому и Мценскому пану Миколаю Немировичу, читаемъ: „Билъ намъ чоломъ Ярмо Шиловичъ о свою дѣдину и отчизну Олотово, а повѣдалъ намъ, што жъ дей ни за кимъ, не отдали есмо никому. И мы ему дали дѣдину его отчину со всимъ, какъ отецъ и дѣдъ его держалъ, а онъ намъ маеть съ того службу служити" [1049]). Очевидно, что отецъ Ярма Шиловича покинулъ свою отчину, не будучи почему-нибудь въ состояніи служить съ нея, и она спала на короля, который въ видѣ милости и пожалованья воротилъ ее Ярму. Въ такомъ же смыслѣ надо понимать и слѣдующую запись отъ времени княженья того же Казимира: „Ивашку Ортюшковичу стародубцю землица бортная Коренщина, отчизна его, а повѣдалъ: пусто, а не королева, а не данная" [1050]). Близкій къ этимъ случай представляетъ и слѣдующее возвращеніе отчины: „Грималовичомъ король вернулъ отчину ихъ, што былъ испросилъ Несвѣдскій, коли отчимъ ихъ къ Ляхомъ возилъ, бояся Болщковны" [1051]). Очевидно, что отчина Грималовичей спала на короля, какъ скоро они покинули ее и перестали служить съ нея, чѣмъ и воспользовался для себя Несвѣдскій.

Приведемъ въ параллель къ этому слѣдующіе случаи. Въ 1451 году король Казимиръ пожаловалъ княгинѣ Михайловой съ сыномъ Юшкомъ „село подъ Игнатомъ Юряжичомъ Меньшое на Церрѣ, занюжъ вже Игнатъ не можетъ служити; а Игнату далъ былъ король же" [1052]). Среди записей пожалованій того же короля Казимира находятся и слѣдующія: „Мунчи на отмѣну подъ Микиткою Досуговичомъ боярское помѣстье, ажъ будеть изгожо, ино дати" [1053]). Въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ „вѣчно и непорушно" писарю Ивашку Сопѣгѣ сельцо Смолинъ Конецъ въ Болваницкой волости

[1048]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 113.
[1049]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 35.
[1050]) Ibidem, л. 31.
[1051]) Ibidem, л. 39.
[1052]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.
[1053]) Ibidem, л. 39.

Смоленскаго повѣта, которое выслужилъ на королѣ Казимирѣ бояринъ болваницкій Мартинъ, и землю данную съ бобровыми гонами, которую тотъ же бояринъ Мартинъ купилъ у князей Одоевскихъ въ Чепиничахъ Бѣлицкой волости. „И тотъ Мартинъ,—читаемъ въ листѣ в. князя Александра,—тое село и зъ людми зъ сема службами и съ тою бѣлицкою Чепиницкою землею держалъ и до сихъ часовъ, а вжо при старости, а жоны и дѣтей не маеть" [1054]). Очевидно, что вмѣстѣ съ тѣмъ и служба перестала идти исправно съ этого имѣнья, если господарь счелъ себя въ правѣ отобрать его у владѣльца и отдать другому лицу. Дворянинъ Сенько Володковичъ выслужилъ на королѣ Казимирѣ имѣнье Гостомль въ Кіевскомъ повѣтѣ и владѣлъ имъ нѣсколько лѣтъ, но потомъ отъѣхалъ въ Мстиславль „мѣшкати". Тогда князь Иванъ Дашковичъ, пріѣхавъ къ великому князю Александру, донесъ, „што жъ онъ мѣшкаеть во Мстиславли, а съ того имѣнья зъ бояры Кіевскими службы... не служить", и выпросилъ имѣнье для себя. Сенько началъ было съ нимъ тяжбу, но рѣшеніемъ великаго князя 24 іюля 1496 года имѣнье было утверждено за Дашковичемъ [1055]). Мѣщанинъ дорогицкій Пидайко, держа въ заставѣ въ 100 копахъ грошей имѣнье Милковичи въ Дорогицкомъ повѣтѣ, „близкость" земянъ Горбовскихъ, не выѣхалъ съ него на службу господарскую. По донесенію гетмана, король Сигизмундъ 31 августа 1522 года отобралъ у него имѣнье и отдалъ Станиславу Горбовскому, который долженъ былъ внести 100 копъ въ скарбъ, а не Пидайку, такъ какъ король „за выступъ" Пидайка взялъ эти деньги къ своимъ рукамъ [1056]).

Изъ всего этого видно, что съ точки зрѣнія службы отчины не отличались отъ другихъ родовъ земельныхъ владѣній и одинаково обставлены были ею, какъ необходимымъ условіемъ владѣнія. Эта обусловленность отчиннаго владѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣсняла и право отчужденія отчинъ. Извѣстно, что для отчужденія отчинъ требовалось „призволенье" господаря или его урядниковъ, какъ требовалось оно и для отчужденія имѣній, купленныхъ и выслуженныхъ [1057]). По отношенію къ имѣньямъ крупныхъ землевладѣльцевъ, князей и пановъ, это „призволенье" было только необходимою формальностью для

[1054]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 57.

[1055]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 81.

[1056]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 21.

[1057]) См. земскіе привилеи 1413, 1457, 1492, 1506 и 15 арт. I раздѣла Статута 1529 года.

укрѣпленія имѣнья за новымъ владѣльцемъ и для врученія правительству свѣдѣній, съ кого требовать впредь военной службы съ данныхъ имѣній. Иное дѣло по отношенію къ мелкимъ землевладѣльцамъ,—боярамъ, земянамъ, мѣщанамъ, татарамъ, которые считались, какъ было уже сказано, потомственными владѣльцами господарскихъ земель на условіи военной службы. Для нихъ „призволенье" на отчужденіе отчинъ цѣликомъ или по частямъ могло быть и не пустою формальностью, въ виду того, что это отчужденіе тѣсно сопряжено было съ вопросомъ объ исправности военной службы. И тѣ, кто отчуждали отчины (въ особенности по частямъ), и тѣ, кто пріобрѣтали, не были относительно этого внѣ сомнѣнія, и потому „призволенье" правительства было въ такихъ случаяхъ настоящимъ разрѣшеніемъ, которое иногда могло быть и не дано.—По крайней мѣрѣ, въ актахъ изучаемаго времени попадаются намеки на это, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ, которые приведены на стр. 311 и 312 настоящаго очерка.

Г. Владимірскій-Будановъ считаетъ проявленіемъ обусловленности отчиннаго владѣнія и ограниченіе въ правѣ отчужденія отчинъ, которое въ изучаемое время дозволялось только въ размѣрѣ третьей части ихъ. „Типъ полнаго вотчиннаго права,—говоритъ онъ,—значительно поникъ передъ неполнымъ въ эпоху литовскаго владычества (XIV—XV вв.); даже послѣ привилегіи Казиміра, въ 1-мъ Статутѣ (Р. I, арт. 15 и 16), позволяется отчуждать только 3-ю часть имѣнья; 2-й Ст. въ Р. III, арт. 33-мъ уничтожилъ это ограниченіе; но относительно выслуженныхъ имѣній—„выслуги" постановлено, что они могутъ быть отчуждаемы только съ согласія государя; эти жалованныя земли даются или „леннымъ правомъ або до *животъемъ або до воли* и ласки нашое господарское (см. арт. 34)". Однако и полное вотчинное право никогда не исчезало вполнѣ [1058]). Едва ли, однако, можно согласиться съ тѣмъ смысломъ, который приданъ въ этомъ объясненіи ограниченію владѣльцевъ въ правѣ распоряжаться своими отчинами. Это ограниченіе, какъ увидимъ ниже, не было безусловнымъ, и отчинники могли въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣликомъ отчуждать свои отчины. Эти случаи какъ нельзя ясно показываютъ, что въ ограниченіи права отчужденія отчинъ на вѣчность проявлялось не право великаго князя на отчины военно-служилаго класса, дѣлавшее отчинное право неполнымъ, а право семьи и рода. Можно развѣ одно только удержать изъ объясненія г. Владимірскаго-Буданова—именно,

---

[1058]) Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 28, примѣч. 10.

что ограниченіе въ правѣ распоряженія отчинами въ интересахъ семьи и рода оказывалось и въ интересахъ господаря, когда семьи и рода не было, и когда ихъ мѣсто заступалъ господарь.

Изъ памятниковъ общаго законодательства объ этомъ ограниченіи впервые говоритъ болѣе или менѣе опредѣленно Статутъ 1529 года. Шестнадцатый артикулъ его перваго раздѣла гласитъ: „Тежъ дозволили есмо третюю часть имени (по контексту съ 15 арт., отчиннаго) продати на вѣчность. А втакже естли бъ была потреба на службу нашу земскую пенезеи тогды можетъ и тые две части заставити въ толку, за штобы тые части стояли одножъ над вышъ того не маеть брати ани теж вечне от ближних можеть отдалити". Латинскій текстъ поясняетъ, почему нельзя было брать и давать въ долгъ въ такихъ случаяхъ больше стоимости двухъ третей имѣнья: nam propinqui ejus redimendo non tenebuntur solvere plus, nisi quantum valeant. Итакъ, категорическія заявленія Статута ясно говорятъ, кого имѣло въ виду ограниченіе права отчужденія отчинъ третьею частью ихъ. „Ближніе", а не государь, являются заинтересованною стороною и во всѣхъ актахъ изучаемаго времени, гдѣ говорится объ отчужденіи отчинъ.— Необходимо при этомъ замѣтить, что правило объ отчужденіи только трети отчинныхъ имѣній является дѣйствующимъ уже по актамъ Казимирова княженья, между тѣмъ какъ въ памятникахъ общаго законодательства оно выступаетъ ясно впервые только въ статутѣ. Правда, что земскій привилей 1492 года говоритъ о правѣ выкупа родственниками отчины, но на ряду съ этимъ ничего не говоритъ о томъ, что можно было отчуждать совсѣмъ третью часть отчины [1059]). Между тѣмъ въ жизни это правило было уже въ полной силѣ.—Отъ 1484 года дошелъ до насъ декретъ короля Казимира по дѣлу дочерей Олехна Андрошевича Алжбеты и Олены съ дядею своимъ Сенкомъ Андрошевичемъ „о имѣнья и статки дядка ихъ небожчика Товтка Андрошевича". Сенко положилъ передъ королемъ тестаментъ брата своего Товтка Андрошевича, „ижъ ему отписалъ въ тестаментѣ третюю часть имѣнья своего, а тые двѣ доли имѣнья и челяди и статковъ своихъ отписалъ ему жъ, а съ того ему жъ велѣлъ долги свои поплатить и душу свою поминать". Но король рѣшилъ „подлѣ права земского, какъ уставено": „што записалъ Сеньку братъ его Товтко третюю часть имѣнья своего и челяди и статковъ, то онъ маеть держать подлѣ права; а тые двѣ дольницы имѣнья и челяди и статковъ присудили есмо Сенку и зъ братаннами его зъ Алжбетою и зъ Оленою на полы

[1059]) Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

подѣлити; а братанны его мають ему третюю долю тыхъ долговъ заплатити, што онъ платилъ за своего брата, а за ихъ дядка за Товтка"[1060]). Итакъ, даже брату можно было завѣщать только третью долю отчиннаго имѣнья, если были на лицо другіе братья или ихъ прямые наслѣдники. Точно такъ же ранѣе 1492 года дѣйствовало и право выкупа отчины. Въ 1487 году королю Казимиру жаловался земянинъ Луцкій Оношко на зятя своего Ивашка и его братью Семашковичей, „што жъ купилъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ въ отца ихъ Зденижъ вѣчне, а Семашковичи въ тое имѣнье увезалися моцью, а его съ того имѣнья вонъ выгнали". При разслѣдованіи оказалось, что имѣнье—отчина Семашковичей, вслѣдствіе чего и староста Луцкій, ранѣе разбиравшій это дѣло, „тое имѣнье, отчизну ихъ, имъ присудилъ и далъ имъ въ тое имѣнье увязанье и казалъ имъ дать Оношку тридцать копъ грошей". Король утвердилъ судъ пана старосты и только обязалъ Семашковичей уплатить Оношку еще шесть копъ „за его наклады" на имѣнье [1061]). Въ данномъ случаѣ король разсматривалъ продажу отчиннаго имѣнья, какъ заставу, а потому и обязалъ наслѣдниковъ заплатить покупателю его деньги. Впрочемъ, Оношко, еслибы захотѣлъ, могъ удержать третью часть имѣнья Зденижа, такъ какъ отчичъ могъ свободно продать третью часть отчины отъ ближнихъ, а родственники имѣли право на выкупъ только двухъ третей имѣнья. Въ 1494 году великому князю Александру жаловался земянинъ кіевскій Кузьма Григорьевичъ на намѣстника Звягольскаго Яцка Мезинца, „рекомо бы онъ держить островъ дядка его Ивашковъ Ковылинского, на имя Коначый". Яцко заявилъ, что этотъ островъ онъ купилъ у Ивашка Ковылинскаго за шесть копъ грошей. Вслѣдствіе этого великій князь присудилъ островъ Яцку Мезинцу: „бо дядко можеть отъ братаничовъ своихъ и отъ сестренцовъ третюю часть имѣнья своего продати, кому бы хотѣлъ, а то еще меншій, нижли третяя часть, какъ же и самъ Кузма тотъ передъ нами вызналъ" [1062]). Въ томъ же году великому князю жаловался судья Мельницкій съ братомъ Миколаемъ Серпацкимъ на земянъ дорогицкихъ Свяшка и Мартина Абрамовичей, „што жъ предокъ того Мацка а Миколая запродалъ ихъ предку землю свою отчинную у пенязѣхъ, на имя Горбачовскую"; эту землю они де хотѣли у нихъ выкупить, но земяне денегъ не брали. Абрамовичи за-

---

1060) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 119.
1061) Ibidem, л. 129, 130.
1062) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 11, 12.

явили, „што жъ предокъ ихъ тую землю въ ихъ предка купилъ еще за великого князя Жыкгимонта, а они передъ тымъ о тую землю вспоминанья никоторого не мѣли". Великій князь присудилъ Серняцкимъ только двѣ трети земли Горбачовской, не входя даже въ разсмотрѣніе того, была ли земля продана въ дѣйствительности или только запродана, а третью часть присудилъ Абрамовичамъ „подлугъ купленины предка ихъ" [1063]). Примѣровъ въ такомъ родѣ можно сколько угодно набрать въ актахъ изучаемаго времени; приведемъ еще нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ. Князь Андрей Семеновичъ Мосальскій, умирая бездѣтнымъ, взялъ себѣ племянника своего кн. Ѳедора Ивановича Мосальскаго „за сына мѣсто на вдѣлъ свою" (sic) и записалъ ему имѣнья свои: „а мѣлъ онъ мѣшкати на его имѣньяхъ съ княгинею своею, дядиною своею, до живота ее". Князь Ѳедоръ хотѣлъ было одинъ держать имѣнья дяди и не давалъ въ нихъ дѣльницъ братьямъ своимъ Дмитрію и Семену. Но великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло 11 апрѣля 1496 года, рѣшилъ такимъ образомъ: „нелзѣ было дядку его князю Андрею одному тыхъ имѣней своихъ отписывати, иншое братьи его отъ того отдаляючи; нижли такъ право вказуеть: можеть третюю часть имѣней своихъ отписати, кому бы хотѣлъ по своее доброе воли". Вслѣдствіе этого в. князь допустилъ кн. Ѳедора „на тыхъ имѣньяхъ дядка своего мѣшкати съ дядиною его, княгинею Андреевою, до живота ее"; послѣ же онъ долженъ былъ „тыми всими имѣньи дядка его зъ братьею своею подѣлитися и поровнати" [1064]). Въ 1497 году великій князь утвердилъ за паномъ Миколаемъ Радивиловичемъ треть имѣній боярина Богдана Рачевича, которую тотъ, умирая бездѣтнымъ, записалъ ему „подлѣ обычая права земского отъ ближнихъ своихъ" [1065]). Князь Василій Львовичъ Глинскій купилъ у боярина Божана Дашковича имѣнье Заболотье „въ третьей части". Но племянники Божана Заранко и Сидоръ по смерти дяди начали искъ передъ королемъ Сигизмундомъ о свою дядковщину, утверждая, что дядя ихъ Божанъ уже ранѣе продажи Заболотья пораспродалъ третью часть своихъ имѣній или даже болѣе. Король, разбиравшій это дѣло 5 января 1507 года, далъ имъ „дѣльчихъ", которые должны были выѣхать на мѣсто и довѣдаться, дѣйствительно ли Божанъ продалъ третью часть имѣній своихъ въ Волковыйскомъ повѣтѣ. Если это оказалось бы справедливымъ, „тогды,—постановилъ

[1063]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21.

[1064]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 74.

[1065]) Ibidem, л. 84.

король,— князь Василій маеть того имѣнья въ Заболотьи поступити, а пенязи свои трыдцать рублевъ грошей, што дядку ихъ Божану далъ и тежъ на што доводъ слушный князь Василей вчынить, колко будеть на тое имѣнье наложилъ, кромѣ тыхъ трыдцати рублевъ грошей, то Дашковичы тежъ мають платити; а паки будеть нижей третее части тамъ у Волковыйску продано, тогды тая третяя часть маеть быти наполнена зъ Заболотья и на томъ, чимъ онная первая продажа будеть наполнена, князь Василей остати маеть, а остатокъ того имѣнья Заболотья вжо Дашковичы къ своей руцѣ будуть мѣти“ [1066]). Въ 1524 году король подтвердилъ пану Ивану Андреевичу Сопѣгѣ, „што жъ жона его, дочка князя Ѳедора Михайловича Четвертеньского, пани Богдана, записала ему на вѣчность третюю часть во всихъ имѣньяхъ своихъ отчызныхъ: у Вышковѣ, въ Лукомѣ, у Четвертни, у Навозѣ, у Годомичохъ, у Копыляхъ, у Суску, у Славожычохъ, у Пасачевичохъ, у-въ Олишковичохъ, и къ тому вси речы свои рухомыи и статокъ домовый весь, отдаляючы отъ того всю братью свою и сестры и вси ближніи свои“ [1067]) и т. д.

Прямые и боковые наслѣдники могли и потерять право выкупа своей отчины или близкости. Въ 1498 году великому князю Александру жаловался Левъ Шудовичъ на Богдана Вараксича, что онъ продалъ сельцо на Петеши, принадлежавшее его дядѣ Григорью Симоновичу, писарю воеводы Виленскаго Сеньку Тереховичу, „насъ не обсылаючи, а мы есть къ тому близшіе“. Богданъ заявилъ великому князю: „тое селцо на Петеши дядко мой Сенко Дичко, еще будучи ключникомъ Троцкимъ, купилъ въ Григорья Симоновича за отца моего влостные пенязи и тое селцо дядко мой Сенко Дичко за отца моего влостные пенязи мнѣ спустилъ обѣль вѣчно. А коли дядко мой Сенко Дичко тое селцо у Григорья Симоновича купилъ, тогды Григорій Симоновичъ, дядко ихъ, усихъ тыхъ ближнихъ своихъ обсылалъ, абы они тое селцо окупили, не хотячи мимо ближнихъ своихъ иному никому продати, и они не хотѣли у него того селца окупити“. Это показанье подтвердилъ и Ѳедко Ромашковичъ, старшій племянникъ Григорья Симоновича, добавивъ съ своей стороны: „и мы не мѣли пенязей, чимъ тое селцо откупити, и дядко нашъ Григорій зъ нашимъ призволеньемъ, усихъ насъ, тое селцо продалъ Сенку Дичку обѣль вѣчно“. Великій князь спросилъ Льва Шудовича: „было ль пакъ тобѣ которое упоминанье Сенку Дичку, ижъ бы онъ того селца иному никому не про-

---

1066) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 264.

1067) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 189.

давалъ мимо васъ ближнихъ за отца нашого, короля его милости"? Такъ какъ Левъ на то доводу никакого не далъ, великій князь оправилъ Богдана и присудилъ сельцо на Петешп писарю Сеньку Терехевичу [1068]). Бояринъ смоленскій Андрей Сытый отказалъ Пречистой Богоматери Смоленской село Волнинныхъ въ Смоленскомъ повѣтѣ. Волнины стали искать подъ нимъ это село, отчину ихъ, и хотѣли ему отложить его пенязи (село было имъ, стало быть, куплено), а отчину себѣ взять. Но великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло 29 марта 1499 года, отказалъ въ искѣ Волнинымъ „для того, што се то вдавнило" [1069]). При королѣ Сигизмундѣ по тому же самому потеряли право выкупить свою отчину бояре ошменскіе Михайло и Янъ Милошевичи и Матей Юшковичъ. Вдова пана Станка Довкшевича, которая продала ихъ отчину служебнику пана Григорья Станиславовича Остиковича Сеньку Звягѣ, заявила на судѣ, „ижъ панъ ее тыи люди и земли купилъ тежъ вѣчне и держалъ дей то во покои ажъ до смерти своее отъ тридцати лѣтъ або и далѣй; и вмираючи то мнѣ отписалъ, а и я дей тежъ то держала послѣ пана своего во покои до тыхъ лѣтъ, поки есми Сенку Звязѣ то продала, а вколичинаны дей есми о томъ жадного ни отъ кого не мѣла". Король вслѣдствіе этого не велѣлъ означеннымъ боярамъ вступаться въ свою отчину [1070]). Статутъ 1529 года постановилъ, что всякій, кто не бралъ „приупоминанья", т. е. не вчиналъ иска о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ въ теченіе десяти лѣтъ, тратилъ его и долженъ былъ вѣчно молчать [1071]). Эта „устава давности земское" имѣла силу и относительно отчинъ [1072]).

Съ согласія родныхъ владѣлецъ могъ продать на вѣчность болѣе трети своей отчины и даже всю, и покупатель въ такомъ случаѣ былъ гарантированъ отъ выкупа имѣній. Король Александръ въ 1501 году подтвердилъ ключнику Виленскому Станиславу имѣнье въ Добучевѣ, которое онъ купилъ у боярина Виленскаго повѣта Миколая Станковича, „дѣлницу отчины его, отъ дву братовъ третюю часть, съ призволеньемъ братьи его и ближнихъ его" [1073]). Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Юрью Юрьевичу Немировича „што жъ купилъ въ боярина новгородскаго въ Гриня Петрушковича Шубича

[1068]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 88.
[1069]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 89.
[1070]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 381, 382.
[1071]) 27 арт. I раздѣла.
[1072]) 12 арт. V раздѣла.
[1073]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

и въ его жоны и въ ихъ дѣтей дворъ отчинный того Граня въ Купицку...со всимъ съ тымъ, съ чымъ ему на дѣлу достался тотъ дворъ отъ брата его, Ѳедкова сына Шубича, на имя отъ Ѳедка". Въ купчемъ листѣ, который представилъ Юрій Юрьевичъ Немировича, было выписано, „што жъ тотъ Гринь Шубичъ, который ему тотъ вышеписаный дворъ продалъ передъ тыми людьми добрыми, который жъ въ томъ листѣ купчомъ выписаны, опытывалъ дядиное свое Ѳедковое Шубича и ее сына Ѳедка, того вышереченого брата своего, естли бы они хотѣли за тотъ дворъ тыи пенязи отложити, за который онъ тотъ дворъ продалъ; и они ся съ того выреклм тымъ обычаемъ, ижъ пенязей не маютъ, чимъ того двора окупити, и вѣчно его отступилися" [1074]). Въ 1526 году король подтвердилъ дворянину Ивану Богушевичу Воговитиновича, „што жъ братъ его стрыечный Боговитинъ Львовичъ далъ и даровалъ и доброволне ему записалъ имѣнье свое на имя Вортоль со всимъ, ничого на себе и на братью и ближнихъ своихъ не оставляючи, какъ жо и братья его рожоная, пана Львовы сыны Иванъ а Богданъ, съ того имѣнья Вортоля выреклися". Иванъ Богушевичъ представлялъ королю „и того выреченья ихъ листы вызнаныи и тежъ листъ записный того самого Боговитина" [1075]). Въ 1529 году король подтвердилъ на вѣчность пану Шимку Мацкевичу дворецъ Кгервидане въ Виленскомъ повѣтѣ, куплю его у бояръ Буйковичей. Въ подтвердительномъ листѣ король писалъ: „Бояры нашы Юрій а Станиславъ Буйковичи, будучы у молодости своей и не доросши лѣтъ своихъ, и посылаючи съ того имѣнейца своего на службу нашу земскую и платячи долги отца своего, впали въ накладъ и долгъ великій и въ головщины, и не могучы съ того имѣнья службы земское заступовати и видячы то, ижъ тыи, которымъ они винни въ долѣхъ, ихъ за шыю водятъ, и для того хотячы тое имѣнье свое за большую суму на вѣчность продати, обсылали всихъ ближнихъ своихъ, абы хто въ нихъ тотъ дворецъ за большую суму, нижъ въ чомъ заставенъ былъ, на вѣчность купилъ. Ино нихто зъ ближнихъ въ нихъ того дворца купити не хотѣлъ; гдѣжъ тыи бояре наши Буйковичи, пришодши обличне передъ насъ господаря, то оповѣдили и били намъ чоломъ, абыхмо дозволили имъ тотъ дворецъ отъ ихъ близкихъ кому иному продати" [1076]).

1074) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л 168, 169.
1075) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 311.
1076) Ibidem, л. 422, 423.

Итакъ, ограниченіе въ правѣ отчужденія отчинъ имѣло въ виду интересы семьи и рода и не можетъ быть признано проявленіемъ обусловленности отчиннаго владѣнія со стороны господарскаго права. Съ согласія родственниковъ владѣлецъ могъ цѣликомъ продать свою отчину на вѣчность; даже и не прибѣгая къ соглашенію съ родными онъ могъ „заставить" ее безъ намѣренія выкупа въ суммѣ ея стоимости, и родственники могли осуществить свое право на отчину или близкость лишь настолько, насколько имѣли въ рукахъ матеріальныхъ средствъ для выкупа.

Обычай, предоставлявшій кровнымъ и близкимъ преимущественное право покупки отчиннаго имѣнья, а въ случаѣ отчужденія его въ чужой родъ — право выкупа, едва ли перешелъ на Литовскую Русь только вмѣстѣ съ польскимъ шляхетскимъ правомъ [1077]). По нѣкоторымъ признакамъ, онъ существовалъ и на Руси, не бывшей подъ властью Литвы [1078]), такъ что и корни его надо искать въ данныхъ историческаго развитія именно русской общественной жизни. Очевидно, этотъ обычай выросъ на почвѣ, гдѣ господствовало родовое совладѣніе землею, и былъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ и воззрѣній, которыя были порождены этимъ родовымъ совладѣніемъ, и которыя обыкновенно его переживали. Въ западной Руси, какъ мы видѣли выше, родовое совладѣніе господствовало издавна въ крестьянскомъ быту, господствовало оно и въ быту военно-служилыхъ классовъ, которые были выдѣленіемъ отъ народной, крестьянской массы. Г. Лучицкій въ своей статьѣ „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи" собралъ данныя, указывающія на живучесть этой формы землевладѣнія даже въ XVIII вѣкѣ. Но еще болѣе живучимъ, чѣмъ сама эта форма, какъ оказывается изъ этихъ же данныхъ, былъ вышеупомянутый обычай, въ силу котораго родичи и близкіе имѣли преимущественное передъ чужеродцами право покупки отчиннаго имѣнья и даже выкупа, обычай, крѣпко державшійся даже безъ законодательной поддержки [1079]). Въ изучаемое время онъ нашелъ себѣ поддержку и въ судебной практикѣ, и въ законодательствѣ, которыя приняли за правило, что отчинникъ безъ согласія родныхъ можетъ отчуждать только третью часть отчины, а остальныя двѣ трети кровные и близкіе могутъ выкупить. Это правило является дѣйствующимъ въ послѣдніе годы правленья на Руси Литовской Казимира.

[1077]) *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 124, 125; 194.

[1078]) *К. А. Неволина* Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 159—161; V, 60—75.

[1079]) Сѣверный Вѣстникъ, 1889, № 1, стр. 78—88.

И въ порядкѣ наслѣдованія отчинъ проявлялась та же тенденція къ удержанію ихъ въ данномъ родѣ, какъ это было и въ Польшѣ. Возьмемъ сначала тотъ случай, когда отчинникъ умиралъ безъ дѣтей. Въ такомъ случаѣ его жена могла оставаться на имѣньѣ мужа „до живота своего" или до тѣхъ поръ, пока сидѣла на вдовьемъ стольцѣ, т. е. до выхода за мужъ, послѣ чего имѣнье переходило къ близкимъ мужа. Такъ опредѣлено въ земскихъ привилеяхъ 1387, 1457, 1495 и 1506 года [1080]). Статутъ 1529 года измѣнилъ положеніе бездѣтныхъ вдовъ, принимая во вниманіе „иж которые вдовы пустые седять на вдовемъ столцы, много ся от них шкоды делает речи посполитой, а то тымъ, иж не бывают службы služоны так якъ бы мели быти, и теж ближнихъ много имена утрачают". Вслѣдствіе этого было постановлено, что бездѣтная вдова должна „толко на вене осести", т. е. на той части имѣнья, которую записалъ ей мужъ въ вѣнѣ, „совито", т. е. вдвойнѣ, противъ ея „внесенья" въ домъ, и держать эту часть до живота или до выхода замужъ, а остальныя части должны были „на ближние спасти"; еслибы мужъ не записалъ ей ничего въ вѣнѣ, тогда она должна была осѣсть на третьей части и держать ее пожизненно, „до живота", или до выхода замужъ, послѣ чего и эта часть спадала на ближнихъ [1081]). Мужъ имѣлъ право записать женѣ въ вѣнѣ не болѣе третьей части имѣнья своего отчиннаго, и то не на вѣчность, а „въ сумѣ пенязей". Такое правило установилось, повидимому, не задолго до изданья Статута. Въ 1507 году бояринъ Сомилишскаго повѣта Станко Довкгяловичъ, взявъ за женою 30 копъ грошей „въ монетѣ великого князства Литовского и хотячи ей за то досыть вчынити", записалъ ей шестьдесятъ копъ грошей на *половинѣ* имѣнья своего отчиннаго, „на дворцу и селѣ, которое лежыть подлѣ озера Олеса" [1082]). Въ уставной грамотѣ, данной Кіевской землѣ, говорится только о томъ, что мужъ долженъ записать вѣно женѣ не на всемъ имѣньѣ, а на одной „подобной" части [1083]). Но уже въ 1526 году князь Александръ Өедоровичъ Збаражскій, получивъ по женѣ „посагу зъ выправою и со всимъ триста гривенъ грошей", „и противку того вѣновалъ ей на *третей части* имѣней своихъ отчизныхъ, на имя на Середнемъ Порыцку, а на другомъ на Гриковичахъ со всими доходы, какъ ся тыи двѣ имѣнья здавна въ собѣ мають, шестьсотъ гривенъ

1080) Срав. *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 110, 118, 121.
1081) 3 арт. IV раздѣла.
1082) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.
1083) Срав. *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 115, 188.

грошей"[1084]). Вѣно, записанное покойнымъ мужемъ, ближніе должны были непремѣнно уплатить вдовѣ при выходѣ ея замужъ, если желали получить сполна всю близкость свою, въ томъ числѣ и ту часть, на которой было записано вѣно[1085]). Такъ, панъ Станиславъ Кондратовичъ, отписавъ около 1506 года своей женѣ Маринѣ дворъ Дявилтово до живота ея, „естли бы она сидѣла на вдовьемъ столцы", оговорилъ въ записи: „а пошла ль бы за мужъ, тогды ближніи мають отложити ей полтораста копъ грошей широкихъ, а тотъ дворъ Дявилтово къ своей руцѣ взяти"[1086]). Князь Александръ Өедоровичъ Збаражскій, предоставивъ женѣ держать записанныя ей въ вѣнѣ имѣнья до живота, также оговорилъ: „а естли бы она похотѣла по его смерти замужъ пойти, тогды братья его мають шестьсотъ гривенъ грошей вѣна ей отложити, а тыи двѣ имѣнья къ своимъ рукамъ взяти". Вдова могла отписать свое вѣно кому хотѣла, и ближніе мужа должны были разсчитаться съ указаннымъ въ завѣщаніи вдовы лицомъ, какъ съ нею самою. Панъ Андрей Волотовичъ, умирая бездѣтнымъ, записалъ своей женѣ на отчинномъ имѣньѣ Звинячей вѣна 600 копъ грошей. Казимиръ, на котораго спала Звинячая, пожаловалъ ее на вѣчность князю Александру Санкгушковичу, женившемуся, на вдовѣ Волотовича. По смерти кн. Александра вдова его записала триста копъ грошей вѣна, полученнаго отъ перваго мужа, пасынку своему князю Андрею Александровичу; а другія триста копъ сестричнѣ своей, женѣ князя Юрья Четвертенскаго. Великій князь Александръ, подтвердивъ Звинячую князю Андрею, обязалъ его заплатить княгинѣ Четвертенской триста копъ[1087]). Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1524 году вѣновную запись кн. Семена Чорторыйскаго, выданную имъ женѣ Ульянѣ на имѣнье Спорово, написаль въ своемъ листѣ: „А естли бы она за другого мужа пошла, а похотятъ ли дѣти або близкіи князя Семеновы тое имѣнье Спорово къ своей руцѣ мѣти, и они мають первѣй тую суму шесть сотъ копъ грошей княгини Ульянѣ або тому, кому она по жывотѣ своемъ то отпишеть, отложыти, тажъ мають тое имѣнье зъ ихъ моцы выняти"[1088]).—Такъ было до Статута 1529 года; Статутъ, со своей стороны, постановилъ, что если вдова просидѣла „до

[1084]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 312.

[1085]) См. земскіе привилеи 1457, 1492 и 1506 гг. и уставную грамоту Полоцкой земли 1511 года въ Актахъ Зап. Рос. II, № 70.

[1086]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 319, 320.

[1087]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 162, 163.

[1088]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 152.

живота" своего на имѣньѣ, записанномъ ей въ вѣнѣ, она не имѣетъ права завѣщать свое вѣно кому-либо полностью, т. е. свое внесенье и „привѣнокъ", или „оправу" мужа. Вдова въ такомъ случаѣ могла отказывать только „внесенье" свое, т. е. ту сумму денегъ, которую она внесла въ домъ мужа въ видѣ приданаго. Уплата этого „внесенья" для ближнихъ мужа была conditiosine qua non входа во владѣніе его имѣньемъ [1089]).

Возьмемъ затѣмъ тотъ случай, когда по смерти отчинника оставалась жена съ сыновьями. По Статуту 1529 года, если умершій поручилъ опеку надъ дѣтьми и имѣньями кому-нибудь изъ пріятелей своихъ, хотя бы и чужому, жена его должна была оставаться на вѣнѣ своемъ, точнѣе—на той части, которая записана ей въ вѣнѣ. Еслибы она пошла замужъ, тогда опекунъ не долженъ былъ выкупать у нея эту часть, а только сыновья его, когда „доростутъ лѣтъ своихъ". Сыновья должны были сами рѣшить, выкупать ли имъ часть отчины, записанную въ вѣнѣ матери, или взять ее безъ выкупа со смертью матери. Если умершій отчинникъ не поручилъ никому опеки, тогда жена должна была беречь дѣтей и сидѣть на вдовьемъ стольцѣ во всемъ имѣньи мужа до тѣхъ поръ, пока не выростутъ сыновья. Когда сыновья доростали до своихъ лѣтъ, тогда вдова должна была „осести толко на вене своем", а сыновья должны были вступить во владѣніе всѣми имѣньями и скарбами отцовскими и служить съ нихъ службу земскую. Если жена не имѣла отъ мужа вѣновной записи, тогда она получала во всемъ равную съ сыновьями часть, „у скарбехъ и у именяхъ рухомых и лежачих", и должна была владѣть ею пожизненно, а по смерти ея эта часть шла „въ дѣлъ" сыновьямъ; еслибы вдова захотѣла пойти замужъ, эта часть спадала на сыновей, которые не обязаны были дать ей вѣнца (crinile), разъ отецъ ничего не записалъ ей въ вѣнѣ. Когда по смерти отчинника оставался только одинъ сынъ, невѣнованная жена получала третью часть до живота, а двѣ трети получалъ сынъ, доросшій до своихъ лѣтъ [1090]). Эти опредѣленія Статута, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ главныхъ основаніяхъ своихъ были нечѣмъ инымъ, какъ формулировкою порядка, дѣйствовавшаго издавна на Руси и въ Польшѣ [1091]).

[1089]) 1 арт. IV раздѣла.

[1090]) 2, 4, и 7 арт. IV раздѣла.

[1091]) См. 106 и 111 ст. Русской Правды по Карамзинскому списку. Срав. *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 121.

Теперь возьмемъ тотъ случай, когда по смерти отчинника оставались одни сыновья безъ матери и сестеръ. Если они были малолѣтніе, тогда ими опекались или лица, назначенныя отцомъ, или „стрыеве або ближніе", при неимѣніи которыхъ господарь или паны-рада поставляли опекуномъ „кого обчого доброго чловѣка" [1092]). Всѣ предписанія Статута относительно опекуновъ, конечно, направлены къ тому, чтобы обезпечить за малолѣтними ихъ имѣнья, и отчины въ особенности. Когда сыновья подростали, они вступали во владѣніе своею отчиною и держали ее или „сполне" или „въ дѣлу", который производился между ними на основаніи равенства [1093]). Если одинъ изъ братьевъ умиралъ бездѣтнымъ, то оставшіеся въ живыхъ дѣлили между собой также поровну его дѣльницу [1094]). Умирающій братъ могъ отписать свою дѣльницу одному изъ братьевъ, но съ правомъ для другихъ выкупить свои части въ этой дѣльницѣ, точно такъ же, какъ могъ записать онъ „въ пенязѣхъ" свою „дѣльницу" и всякому постороннему человѣку. Панъ Богданъ Андреевичъ Сологубовича записалъ свою часть въ отчинныхъ имѣньяхъ: Ивенцѣ, Кіевцѣ, Косичахъ, Гребени, Кобыличахъ, Теляковѣ и Повидишкахъ, своему брату Юрью, „будучи зъ Божьяго допущенья у хоробѣ и по тыи лѣта видечи отъ него ласку и прыязнь и наклады его ку собѣ и почестность тую, которую въ той его немоцы онъ къ нему мѣлъ и данину пенязьми и иными речьми и тежъ службы земскіи, которыи жъ за него онъ своими наклады чотыри кроть заступовалъ". В. князь Александръ въ 1500 году утвердилъ эту запись съ слѣдующею оговоркою: „а естли бы нѣкако братъ его панъ Миколай Андреевичъ хотѣлъ дѣлницу мѣти въ части пана Богдановы у-въ отчинѣ, и онъ маеть брату своему пану Юрью за вси тыи вышейписаные наклады, за данину и за истраву и тежъ, што чотыри кроть за него службу земскую намъ заступовалъ, пенязи отложити подлѣ вызнанья и привилья брата ихъ пана Богданова" [1095]).

Въ томъ случаѣ, когда по смерти отчинника оставались сыновья и дочери, сыновья обязаны были выдать своихъ сестеръ замужъ и дать за ними приданое, „посагъ" или „выправу". „Посагомъ" въ Польшѣ назывались наличныя деньги („готовизна") или недвижимыя имущества, которыя давались въ приданое за дѣвицами и служили для

[1092]) 7 арт. IV раздѣла.

[1093]) 24 арт. VIII раздѣла.

[1094]) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 121, 122.

[1095]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 100.

нихъ, такъ сказать, основнымъ капиталомъ, постояннымъ обезпеченіемъ ихъ имущественной самостоятельности въ новой семейной ассоціаціи; при „посагѣ" давалась и „выправа" изъ одеждъ, драгоцѣнностей и денегъ на расходы [1096]). Впрочемъ, понятіе „посага" обнимало иногда и то, что̀ называлось собственно „выправою", такъ что для обозначенія приданаго употреблялось и одно слово „посагъ" [1097]). Въ литовско-русскихъ актахъ изучаемаго времени, какъ мы видѣли выше, также различаются посагъ и выправа, хотя также не всегда. Статутъ 1529 года говоритъ о „внесеньѣ" жены, о „выправѣ" дочерей, о „посагѣ", употребляя послѣдній терминъ въ общимъ смыслѣ приданаго (dos). Но онъ строго различаетъ отъ этихъ понятій „вѣно", которое слагалось изъ „посага", или „внесенья", жены въ домъ мужа и „опра-вы", или „привѣнка" (dotalitium), записаннаго противъ этого внесенья мужемъ на своемъ имѣньѣ. Въ актахъ, впрочемъ, вѣномъ называется иногда и посагъ или выправа [1098]), а вмѣсто глагола „выправить", дать „посагъ", употребляется, „вывѣновать" [1099]). Размѣръ „посага" или „выправы" опредѣлялся или родительскою волею, или закономъ. Братья должны были выдать своихъ сестеръ такъ, „якъ отецъ або матка записали". Если родители не сдѣлали относительно этого никакого распоряженія, тогда братья должны были дать сестрамъ, по скольку отецъ съ матерью дали дочерямъ, уже выданнымъ замужъ. Наконецъ, еслибы братьямъ пришлось впервые выдавать сестеръ замужъ, или еслибы они не въ состояніи были выдать ихъ такъ, какъ отецъ съ матерью выдали первыхъ дочерей, тогда судьи должны были оцѣнить все имѣнье ихъ, „и за што,—гласитъ статутъ 1529 года,—станет четвертая часть, хотя много сыновъ, а одна дочка, тогды мает дати тое выправы, чого четвертая част именя стоит, а хотя теж один сын а много сестръ, тогды теж на вси сестры четвертая часть шацунку розделити, и кождой выправу ровную с тое четвертое части маеть дати" [1100]). Впрочемъ, эта „дѣвичья четвертка" едва ли не впервые установлена Статутомъ 1529 года, потому что и въ Польшѣ quartalitio puellaris только около того же времени входитъ въ обычай, а въ законодательство даже и позже [1101]). До этого же времени на Литвѣ, какъ и

[1096]) *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 114—117.

[1097]) Ibidem, str. 190, 191.

[1098]) См., напр., Акты Зап. Рос. I, № 189.

[1099]) См. выше, стр. 530.

[1100]) 8 арт. IV раздѣла.

[1101]) *Tadeusza Czackiego* O litewskich i polskich prawach, tom II, str. 7. Kraków 1861.

въ Польшѣ дѣйствовало право, въ силу котораго братья должны дать сестрамъ надлежащее приданое — partem competentem, какъ выражаются польскіе статуты [1102]), „посагъ слушный", какъ выражаются акты литовско-русскіе. Размѣръ этого приданаго опредѣлялся обычаемъ. Король Казимиръ присудилъ боярину слонимскому Талку Некрашевичу по смерти двухъ братьевъ его всю отчину его съ такимъ условіемъ: „масть мачоху свою въ той чести держати, какъ пры отцы его была и домомъ володѣла; а невѣсткамъ своимъ маеть дать за вѣна одной трыдцать грывенъ, а другой сорокъ грывенъ, а заплативши имъ тые пенязи, маеть имѣнье взять все къ своей руцѣ, отчизну свою;... а будетъ ли сестрамъ его посагъ не добре данъ и не гораздо будеть ихъ замужъ выправено, не такъ, какъ на нихъ слушить, и онъ маеть имъ еще што придать, какъ на нихъ слушить подлѣ обычая, какъ есть обычай писанъ" [1103]). Въ Польшѣ этотъ писанный обычай опредѣлялъ, чтобы за дочерью воеводъ давалось посагу 100 гривенъ (centum marcas), за дочерью простыхъ шляхтичей 40; если же братья наслѣдники не въ состояніи были дать такой посагъ, тогда имѣнье оцѣнивалось, и изъ него выдавалась достаточная часть (pars contingens) [1104]). Въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ изучаемое время мы встрѣчаемся по большей части съ приданымъ въ 300 гривенъ для дочерей знатныхъ пановъ; бояре и земяне-шляхта даютъ посагу за дочерьми 20, 30 и 40 гривенъ.

Въ качествѣ посага на Литвѣ, какъ и въ Польшѣ [1105]), давалась иногда и часть отчиннаго недвижимаго имѣнья, которая переходила къ дѣтямъ получившей, а при неимѣніи таковыхъ возвращалась въ родъ. Въ 1496 году великому князю Александру жаловались земяне Владимирскіе Андрей Тириковичъ и сестренцы его Богданъ и Кондратъ Гринковичи (Андрей былъ, повидимому, ихъ опекуномъ) на земянина Богданца, „што жъ дали ему были по сестрѣ своей дворище на имя Давыдовское,—ино тая сестра ихъ, за нимъ будучы, вмерла, а дѣтей съ нимъ не мѣла, и онъ имъ и того дворища не хотѣлъ поступити". Богданецъ оправдывался тѣмъ, что жена его записала ему дворецъ въ 14 копахъ грошей, и представилъ листъ намѣстника Владимирскаго пана Василья Хребтовича, которымъ дворище присуждалось ему. Но великій князь рѣшилъ: „коли тая сестра ихъ, за нимъ

[1102]) *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 190, 191, XLIII.

[1103]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129.

[1104]) *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str XLIII.

[1105]) Ibidem, str. 115.

будучы, а дѣтей не мѣла, не могла отчины ихъ мужу своему записывати отъ нихъ отъ ближнихъ" [1106]). Посагъ, полученный женщиною въ видѣ части отчиннаго недвижимаго имущества, разсматривался, какъ ея отчинная дѣльница, и въ распоряженіи имъ она должна была подчиняться общему правилу объ отчужденіи отчинъ. Въ 1503 году король Александръ присудилъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду имѣнья и скарбы, посагъ сестры его, бывшей замужемъ за паномъ Яномъ Радивиловичемъ, которому она отписала было ихъ, умирая бездѣтною „не подлугъ того, какъ же естъ обычай у правѣхъ христіянскихъ". Король „зламалъ" ея тестаментъ на томъ основаніи, что не только въ великомъ княжествѣ, но и въ коронѣ Польской—таковъ обычай: „коли дѣвка будеть выдана замужъ, а вмреть, дѣтей не маючи, тогды тотъ посагъ, который будеть за нею данъ, маеть зася отданъ быти въ тотъ же домъ, съ которого дому тая дѣвка будеть выдана" [1107]). Любопытно, что представленіе о посагѣ, какъ объ отчинной дѣльницѣ, переносилось иногда и на посагъ, полученный женщиною деньгами и разною движимостью. Кромѣ только что приведеннаго случая, можно указать на постановленіе привилея, выданнаго Бѣльской землѣ въ 1501 году. Здѣсь, впрочемъ, вдовѣ предоставляется на добрую волю возвратить или не отдавать посагъ обратно въ домъ отцовскій: въ послѣднемъ случаѣ она теряетъ „право близкости и тежъ часть отцовску", еслибы она ей приходилась [1108]). Воззрѣніе на посагъ, какъ на дѣльницу отчины, проявлялось, однако, лишь въ томъ случаѣ, если получившая посагъ женщина умирала бездѣтною; въ противномъ случаѣ дѣти ея дѣлили свою материзну поровну, сыновья и дочери. Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что посагъ въ видѣ части общаго недвижимаго имущества братья не обязаны были выдавать сестрѣ: съ отчиннаго имѣнья она имѣла право получить только деньги „готовизною", одежды и украшенія, однимъ словомъ—„выправу", какъ выражается Статутъ 1529 года [1109]); если же посагъ давался частью отчины, то на то была добрая воля родителей или братьевъ. Основная тенденція земскаго права въ данномъ случаѣ была та же, что и въ предыдущихъ, т. е. сохраненіе отчины въ родѣ. Эта тенденція не была навѣяна извнѣ, а велась изстари: „аже будеть сестра

[1106]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 59.
[1107]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 225, 226.
[1108]) Акты Зап. Рос. I, № 189.
[1109]) 3 арт. IV раздѣла.

въ домоу,—гласитъ Русская Правда, — то тои задници не имати, но отдадять ю братіа за моужь, како си могоуть".

Какъ поступалось въ томъ случаѣ, когда по смерти отца не было сыновей, а только дочери?—

Великопольскій статутъ, составленный при Казимирѣ Великомъ, исключаетъ въ этомъ случаѣ дочерей изъ наслѣдованія отчины: стрыечные братья (fratres patrueles) вступаютъ во владѣніе своею близкостью и обязуются выдать своихъ двоюродныхъ сестеръ замужъ съ обычною „выправою" [1110]). И только король, принаравливая великопольское узаконеніе къ Вислицкому Статуту, приписалъ артикулъ, въ силу коего стрыечные братья, если хотѣли имѣть близкость свою, въ теченіе года должны были выплатить наслѣдницамъ за имѣнья деньги по оцѣнкѣ стороннихъ людей, въ противномъ случаѣ имѣнья удерживали дочери-наслѣдницы [1111]). Воззрѣніе, что дочь не наслѣдница отчины, иногда проявляется и въ судебно-административной практикѣ литовско-русскаго правительства. Король Казимиръ въ 1489 году позволилъ боярину брянскому Ивану Евлахову понять за себя жену покойнаго Ивашка Курова съ его имѣньями—Городцомъ, Олешнею и Молвотиномъ и съ обязанностью выдать съ этихъ имѣній замужъ двухъ дочерей Курова, „какъ они лѣтъ своихъ доростуть" [1112]). Дочерямъ, такимъ образомъ, предоставлено было въ данномъ случаѣ то, на что онѣ могли разсчитывать при братьяхъ. Но въ большинствѣ случаевъ по литовско-русскимъ актамъ мы встрѣчаемся съ наслѣдованіемъ дочерьми отцовскихъ имѣній при неимѣніи сыневей. Бояринъ путивльскій Сенько Жеребятичъ, женившись на вдовѣ Ивашка Разчинича, у котораго осталось двѣ дочери, Опроня и Ульяна, хотѣлъ было присвоить себѣ его имѣнья Везень и Бѣловѣжки „съ селищи и съ пашными землями и зъ бортными" и озера Любимно и Опросно, и всѣ „входы и приходы", и купли. По жалобѣ Ивана Новокрещеннаго, женатаго на Опронѣ, великій князь Александръ 28 апрѣля 1498 года далъ такой „вырокъ": „тые имѣнья Ивановой женѣ Опронѣ а свести его Ульянѣ отчизна, а Сеньку ничимъ ани женѣ его не пріѣдуть" [1113]). Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ случай какъ разъ обратный тому, который приведенъ выше. Въ актахъ мы находимъ множество „призволеній" господарскихъ „понять" дѣвку съ имѣньемъ, ея

[1110]) *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 191, XLIII.

[1111]) Ibidem, str. 193, LIII.

[1112]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 131, 132.

[1113]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

отчиною. Такъ король Казимиръ въ 1484 году позволилъ Юхну Зеновьевичу взять замужъ дочь Андрея Денисковича съ имѣньемъ Вельгоромъ, котораго она была единственной наслѣдницей. Вмѣстѣ съ этимъ король сдѣлалъ распоряженіе, чтобы опекуны дѣвицы, ея дѣдъ Ивашко Бабинскій и дядя Сенко Денисовичъ, „поступили ся" своей опеки, и послалъ дворянина Сенька Полозовича ввести Юхна во владѣніе имѣньемъ[1114]). Иногда подобное распоряженіе дѣлалось въ пользу жениховъ, присватавшихся къ несовершеннолѣтнимъ наслѣдницамъ. Въ 1495 году великому князю Александру заявили Янъ Котовичъ и Миколай Завишичъ, „што жъ змовили за себе дочки пана Яновы Мишковича Яковича, старшую змовилъ Миколай Завишичъ, а меншую змовилъ Янъ Котовичъ, нижли дей ещо тые дѣвки лѣтъ не доросли, а имѣньи ихъ опекаеться дядко ихъ Станько Юрьевичъ". Паны просили великаго князя дать имъ въ опеку эти имѣнья „до тыхъ мѣстъ, поки ся они съ тыми дѣвками поймуть". Великій князь исполнилъ ихъ просьбу съ условіемъ: „а они мають намъ съ тыхъ имѣней службу земскую заступати по осми коней у зброяхъ"; въ заключеніе своего дозволенья прибавилъ: „а коли ся они съ тыми дѣвками поймуть, и они тогды тые имѣнья межи собою подѣлять" [1115]). Благодаря тому, что дочери наслѣдовали отчинныя имѣнья, великіе князья принимали участіе въ устройствѣ ихъ замужества въ интересахъ правильнаго отбыванія военной службы. Это участіе переходило нерѣдко въ принужденіе, особенно въ XIV и первой половинѣ XV вѣка, такъ что и тѣ статьи земскихъ привилеевъ, гдѣ говорится о правѣ свободной выдачи дочерей и родственницъ замужъ, можно разсматривать, какъ дѣйствительную привилегію. Въ этихъ статьяхъ гарантируется право родителей, родныхъ, опекуновъ устраивать бракъ; 18 артикулъ IV раздѣла Статута 1529 года гарантируетъ уже прямо право женщины, вступающей въ бракъ: „маемъ мы самы и потомки наши княгинь и паней и вдовъ и княженъ и паненъ и девокъ заховати при волностях их, а кгвалтомъ ни за кого ихъ не маемъ давати безъ ихъ воли, нижли кождой з них с порадою приятелей их, за кого хотя, за того волно пойти". Такое обезпеченіе, равно какъ и самое вмѣшательство великихъ князей, объясняется именно тѣмъ, что женщины наслѣдовали недвижимыя имущества, съ которыхъ шла военная служба господарю. Но несмотря на предоставленіе права родителямъ и роднымъ выдачи

[1114]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 120.
[1115]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

замужъ дѣвицъ juxta beneplacitum eorum, principe irrequisito, въ актахъ изучаемаго времени мы постоянно встрѣчаемся съ призволеньями великаго князя, которое брали даже сами родители на право принять зятя къ дочери въ имѣнье, котораго она единственная наслѣдница. Такое призволенье занесено, напримѣръ, въ записи земельныхъ раздачъ Казимира въ такой формѣ: „Дровмутисъ принялъ Пузоса за сына мѣсто къ дочцѣ, а по Дровмутевѣ животѣ ино Пузосу тое, што онъ держалъ, а ему служити, какъ Дровмутисъ служилъ" [1116]). Если оставались двѣ дочери, имѣніе могло перейти къ той, которая первая выходила замужъ, при чемъ ея сестрѣ должно было выдать только выправу съ отчины. У стараго татарина Исупа умеръ его единственный сынъ наслѣдникъ, оставивъ жену и двухъ дочерей. Король Казимиръ разрѣшилъ Исупу выдать внуку за сына татарина Сеитя и далъ Сеитю такой листъ: „Ино, коли вжо тотъ Исупъ старъ, а дѣтей въ него ничого нѣтъ, только двѣ внуки а невѣстка вдова, и мы ему дозволили одну внуку его за сына своего поняти и имѣнье тое Тупалы а Гнѣдковичи сыну его тому дали на особную службу, которій внуку его пойметь, а другую внуку его казали есмо ему выправити замужъ, какъ естъ обычай; а тотъ Исупъ и его невѣстка маеть въ томъ имѣньи жити до своее смерти; а естли тая невѣстка его всхочеть замужъ пойти, ино ему ее выправити подлѣ обычая" [1117]). — Такія распоряженія дѣлались правительствомъ преимущественно относительно мелкихъ имѣній, отъ дробленія которыхъ могла пострадать господарская служба; крупныя же панскія и княжескія имѣнья обыкновенно дѣлились между сестрами, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. — При неимѣніи сыновей отчины переходили даже къ замужнимъ дочерямъ, получившимъ уже свою выправку. Великій князь Казимиръ утвердилъ за нѣкіимъ Петромъ Малеву гору въ Берестейскомъ повѣтѣ „по женѣ" [1118]). Великій князь Александръ по жалобѣ боярыни Бирштанскаго повѣта Ивашковой на зятя своего Яцка Тамутевича, „што жъ ее выгоняеть зъ имѣнья мужа ее", урядилъ такимъ образомъ: „маеть она въ томъ имѣньи мѣшкати до смерти своее, на чомъ же мужъ ее оставилъ, а по его жыготѣ тогды мають тые зятеве ее тое имѣнье собѣ взять по жонахъ своихъ" [1119]).

[1116]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 60.
[1117]) Литов. Метр. кн. Запис IV, л. 70.
[1118]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 63.
[1119]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 18.

Затья брали по жонамъ своимъ имѣнья не въ собственность себѣ, а только въ фактическое пользованіе. Настоящими владѣльцами считались ихъ жоны и дѣти, которыя въ распоряженіи такими имѣньями должны были соблюдать общія правила, касающіяся отчинныхъ имѣній. Сообразно съ этимъ въ 1481 году жена пана Ивана Ильинича Анна Довкгирдовна записала мужу своему „имѣней своихъ, отчины своее, третюю долю", дворъ Лынтупы съ людьми и съ землями „и съ всимъ, што къ тому двору слушаеть издавна", дворецъ Едупи съ землею и съ людьми, земли слугъ своихъ: Станькову, Мацкову, Жеребилову, Богданову Колотовтовича, Миколаеву и Маркову, съ людьми и съ землями „и со всимъ по тому, какъ они держали". „А повѣдала намъ,—гласитъ подтвердительный привилей короля,—же то есть третина отчины ее во всемъ имѣньи, въ земляхъ и въ людѣхъ и во всемъ" [1120]). Подобную же запись сдѣлала въ 1528 году земянка Софья Александровна въ пользу своего мужа Миколая Мировскаго, „отдаляючи отъ тое третее части всихъ близскихъ своихъ" [1121]). Если такой записи не было, мужъ совершенно исключался изъ наслѣдованія, и имѣнье поступало въ ровный дѣлъ между сыновьями и дочерьми владѣтельницы. Въ 1484 году король Казимиръ, выслушавъ жалобу пана Михна Доркгевича на пана Яна Довойновича, который женился на матери Михна и по смерти ея хотѣлъ было завладѣть ея отчиною, постановилъ такое рѣшеніе: „Ис досмотрѣвши есмо о томъ, и присудили тыи имѣнья ее Ольбяза и Любешова и Бискупичи и Росное и иншіи села, што къ тому слушають, Михну и сестрѣ его Кахнѣ, а пана Яновымъ дѣтемъ Андрею а Яну, а сестрамъ ихъ Альжбетѣ а Ядвизѣ, а Ганнѣ а Малкгоретѣ—всимъ имъ по дѣльницамъ тые имѣнья роздѣлити на осмеро, какъ жо право земское уставено" [1122]). „Материзна" вообще дѣлилась поровну между всѣми дѣтьми обоего пола. Въ 1503 году жена пана Олехна Малышковича Настасья жаловалась королю Александру на своихъ родныхъ братьевъ князей Михаила, Андрея и Александра Петьковичовъ и на сестеръ: Ядвигу, жену пана Неврапа Володковича, Александру, жену пана Григорья Станковича, Людмилу, жену пана Юрья Сологубовича, Авдотью, жену пана Немира, и Софью, жену пана Кезкгайла Яновича, „што жъ они не хотять ей, сестрѣ своей дѣлу дати въ имѣньяхъ материзныхъ на имя у Свиранѣхъ, а у Ворнянѣхъ, а у Строяной, а у Ясени, а у Трокиникохъ,

[1120]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 113, 114.

[1121]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 383, 384.

[1122]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 118.

а у Бесѣдахъ". Братьи и сестры „отбывали" ее заявленіемъ, „што жъ матка ихъ, отходя съ сего свѣта, отписала имъ, сыномъ и дочкамъ своимъ, тыи имѣнья свои по дѣльницамъ роздѣлити, а ей, сестрѣ ихъ панеи Настасьи, не казала въ тыхъ своихъ имѣньяхъ дѣлницы дати, нижли казала имъ всимъ съ тыхъ имѣней дати ей сто копъ грошей". Но король, разсмотрѣвъ это дѣло съ панами-радою, нашелъ, „иже тотъ тестаментъ нарядным а неслушнымъ обычаемъ матка ихъ писала", и присудилъ „тыи имѣнья, материзну ихъ, вси на мѣсто змѣшавши, имѣнья бояръ ихъ и людей боярскихъ, то межи ними подѣлити и поровняти по дѣльницамъ, какъ одному брату, такъ и другому, а сестрамъ всимъ потому жъ дѣльницы таковыи жъ ровно въ братьею маютъ быти" [1123]). Статутъ 1529 года, формулируя дѣйствовавшее уже до него право, постановилъ: „А естли бы имене пришло которым колвек спадком материстое; тогды сестра промежи брати ровную делницу того имени маеть мети, а въ отчизного выправа" [1124]). Въ этомъ случаѣ литовско-русское право, повидимому, значительно уже отклонилось отъ стариннаго русскаго права, нашедшаго себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ. Русская Правда гласитъ: „А матерня часть дѣтемъ не надобѣ но кому мати въсхощеть, тому дасть: дасть ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять; безъ языка ли оумреть, то оу кого ли боудетъ на дворѣ была и мертва и кто ю кормилъ, тому взяти" [1125]). Въ изучаемое время мать могла свободно распорядиться только движимымъ имуществомъ, а недвижимымъ въ томъ только случаѣ, если это не была ея отчина; изъ отчины же могла отписать, кому угодно, только третью часть. Въ 1499 году князья Одинцевичи Дмитрій, Богданъ и Григорій, искали „правомъ" на братѣ своемъ Иванѣ скарба матери своей. Князь Иванъ повѣдалъ предъ великимъ княземъ Александромъ, „што жъ матка ихъ вси скарбы свои и челядь отписала дочцѣ своей, а сестрѣ ихъ, княжнѣ Марьѣ; и тая сестра ихъ мѣшкала въ брата своего въ князя Ивана ажъ и до смерти своее и вмираючи тыи вси скарбы и челядь, материзну свою, отписала князю Ивану, брату своему, въ духовници". Великій князь рѣшилъ дѣло въ пользу князя Ивана" [1126]). Тотъ же великій князь 29 марта 1495 года подтвердилъ княгинѣ Михайловой Васильевича Татьянѣ имѣнье, записанное ей мужемъ, исторія котораго была такова: „свекрови ее кнегини Васильевой Аннѣ дѣти ее

[1123]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 222, 223.

[1124]) 13 арт. VI раздѣла.

[1125]) Ст. 114 по Карамзинскому списку.

[1126]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 133.

князь Семенъ а Михайло, а Θедоръ Васильевичи, вынемшы со всее отчизны своее, дали и записали ей вѣчно село Посконъ а Гребино зъ Якимкомъ данникомъ... и дозволили ей листомъ своимъ по ее животѣ все тое кому хотя отдати и записати; ино дей свекровь ее, княгиня Василевая, отходячи сего свѣта, тое село со всимъ отписала въ духовницы сыну своему, мужу ее князю Михаилу, кромѣ иныхъ дѣтей" [1127]). Но отчинными имѣньями, какъ мы уже видѣли, женщина не могла такъ произвольно распоряжаться.—Наслѣдники, получившіе материзну, въ распоряженіи ею должны были слѣдовать тѣмъ же предписаніямъ земскаго права, какія имѣли силу относительно отчинъ [1128]).

При неимѣніи прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола женщины получали не только отчину, но и „близкость". Въ 1495 году великій князь Александръ утвердилъ за женою земянина волынскаго Богдана Холоневскаго „половицу имѣнья Варковичъ, близкость ее", по смерти брата ея Олехна, у котораго изъ близкихъ болѣе никого не осталось [1129]). Тотъ же великій князь въ 1494 году присудилъ имѣнье умершаго боярина Минскаго повѣта Миклаша малолѣтней дочери его, также покойнаго, брата Петраша: жена Петраша, мать наслѣдницы, должна была только уплатить съ имѣнья вѣно, записанное Миклашомъ своей женѣ Ганкѣ [1130]) и т. д. Такимъ образомъ литовско-русское право въ отношеніи наслѣдованія женщинѣ держалось старинной традиціи русскаго права, согласовавшейся и съ малопольскимъ правомъ, въ силу коей при неимѣніи братьевъ наслѣдовали сестры [1131]).

Если у умершаго отчинника не оставалось ни дѣтей, ни родственниковъ, въ такомъ случаѣ имѣнье спадало на господаря, который вступалъ въ право и обязанности рода и могъ въ свою очередь передать эти права и обязанности частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ напр., если у покойнаго оставалась вдова, господарь давалъ ей прожитокъ, кормилъ ее на имѣньѣ покойнаго ея мужа или же возлагалъ эту обязанность на того, кому жаловалъ имѣнье. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „Θедку Вяжевичу село Дмитреево Непролеево на Словажи, а жона Дмитреева кормити ему до смерти а дер-

[1127]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.
[1128]) См., напр., 17 артикулъ V раздѣла и др.
[1129]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21, 22.
[1130]) Ibidem, л. 20.
[1131]) См. 104 Русской Правды по Карамзинскому списку.

жати за матку"[1132]). Въ 1500 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Василью Мосальскому имѣнья въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Пацынской волости—Жолтоносовичи, Колыхалово, Жуково и Настаганцы за Днѣпромъ съ обязанностью кормить до живота вдову Ивана Протасьева, которому принадлежали эти имѣнья[1133]). Если умершій отчинникъ отписалъ женѣ на имѣньѣ пенязи, эти пенязи долженъ былъ выплатить ей тотъ, кому доставалось имѣнье по господарскому данью. Точно такъ же господарь или тотъ, кому онъ жаловалъ имѣнье, долженъ былъ уплатить долги, лежавшіе на имѣньѣ[1134]). Сплошь и рядомъ переходъ такихъ имѣній къ частнымъ лицамъ совершался посредствомъ браковъ ихъ съ вдовами, оставшихся на имѣньяхъ. Эти браки въ изучаемое время заключались съ „привволенья" господаря, который особымъ листомъ утверждалъ за женихомъ имѣнье, на общемъ основаніи всѣхъ пожалованій. Въ 1483 году королю Казимиру докладывалъ конюшій Новгородскій, тивунъ Воложинскій, Зенько Евлашковичъ о томъ, „што хочеть за него пойти Ивашкова жона Ольгишевича Ѳвдотья", „и просилъ насъ, — гласитъ листъ короля, — абыхмо призволили ее понять ему съ тымъ имѣньемъ на имя Тихинцы, што дали были есмо небожчику Ольгишу, свекру ее". Король призволилъ Зеньку этотъ бракъ и утвердилъ за нимъ имѣнье со всѣмъ, „какъ держалъ Ольгишъ а сынъ его Ивашко", для котораго оно было отчиною[1135]). „Неякій Микита" въ 1495 году „понялъ вдову съ имѣньемъ (въ Черкасскомъ повѣтѣ) на имя Ѳедковую Рачковича, а къ тому дей имѣнью ближнихъ никого нѣтъ", и просилъ великаго князя Александра дозволить ему держать имѣнье и нести съ него службу. Великій князь дозволилъ и выдалъ ему надлежащій листъ[1136]) и т. д. Всѣ подобныя дозволенья нельзя разсматривать, какъ простыя подтвержденья мужнихъ отчинъ жонамъ, — а какъ пожалованья господаремъ имѣній, спадавшихъ на него, новымъ мужьямъ этихъ жонъ. Жоны не были наслѣдницами мужнихъ отчинъ даже при неимѣніи дѣтей и близкихъ у ихъ мужей; единственно, на что онѣ имѣли право, это на пожизненное пользованіе отчинами мужей. Относительно этого прямое указаніе даетъ привилей Кіевской земли[1137]); о томъ же сви-

---

1132) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23.

1133) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 99.

1134) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 248, 249.

1135) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 114, 115.

1136) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 51.

1137) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

дѣтельствуютъ и частные акты изучаемаго времени. Жена пана Станислава Вештортовича Софья „зостала на вдовьемъ столцу на тыхъ имѣньяхъ, которые предки мужа ее на Казимери короли его милости выслужили". Король Сигизмундъ выдалъ ей листъ, „ижъ она на тыхъ имѣньяхъ маеть бити до живота своего, а по смерти ее тые имѣнья мають на насъ прійти". Въ 1521 году она заявила королю,—„што жъ ей, будучы на вдовьемъ столцы въ тыхъ имѣньяхъ, кривды и втиски великіе дѣють, а она, будучы вдовою, не можеть отъ тыхъ кривдъ оборонити", и била челомъ, чтобы король позволилъ ей замужъ пойти, „за кого будеть ей воля" й не „рушалъ" ее съ имѣній до ея живота. Король далъ свое согласіе и въ этомъ смыслѣ выдалъ ей привилей [1138]). Со стороны короля въ данномъ случаѣ была особая милость, такъ какъ обыкновенно отчины мужей отбирались у ихъ жонъ, какъ скоро онѣ переставали сидѣть на вдовьихъ столахъ.

Право господаря заступать мѣсто родныхъ въ наслѣдованіи отчинъ простиралось до того, что умиравшій безъ дѣтей и близкихъ отчинникъ не могъ завѣщать свое имѣнье или продать его цѣликомъ въ чужія руки подобно тому, какъ не могъ онъ этого сдѣлать и при имѣніи дѣтей или близкихъ. Великій князь Александръ пожаловалъ Скиндирю имѣнья пана Миколая Жикгимонтовича. Но оказалось, что покойный отписалъ одно имѣнье, именно Ольжово, на церковь и, кромѣ того, пану Андрею Сирутевичу третью часть „со всихъ имѣней своихъ". Тогда в. князь съ панами-радою урядилъ такъ: „што онъ небожчикъ отписалъ имѣнье на церковь и пану Андрею Сирутевичу, то одна маеть быти третяя часть" [1139]). Такая строгость въ ограниченіи права распоряженія отчинами едва ли была наслѣдіемъ отъ древней Руси и, по всѣмъ признакамъ, установилась только въ изучаемую эпоху. Акты изучаемаго времени сохранили не мало слѣдовъ борьбы, которая велась противъ правительственнаго воззрѣнія на право распоряженія отчинами, не мало фактовъ распоряженія отчинами вопреки этому воззрѣнію, изъ чего можно заключить, что воззрѣніе это не было исконнымъ на Руси Литовской. Косвеннымъ указаніемъ на это служатъ и обѣщанія великихъ князей не отдавать боярскихъ жонъ силою замужъ: очевидно, что имѣнья мужей первоначально не отбирались у ихъ вдовъ, но князья въ интересахъ военной службы понуждали вдовъ къ вторичному замужеству. Самъ господарь дѣлалъ часто уступку старинному воззрѣнію и дозволялъ бездѣтнымъ отчинникамъ

1138) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 69.
1139) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 71.

брать постороннихъ людей „за сына (или дочь) мѣсто“ и отписывать имъ имѣнья на вѣчность. Въ 1493 году в. князю Александру билъ челомъ воевода Виленскій панъ Миколай Радивиловичъ и просилъ имѣнья Судереви близъ Вильны, которое держалъ Войтко Шедиборовичъ Швенторогъ. Воевода представилъ и листъ Войтка, „которымъ ему, отходя сего свѣта, тое имѣнье записалъ вѣчно не маючи никого ближнихъ роду своего“.—„Ино тое имѣнье,—гласитъ подтвердительный листъ в. князя,— мяло было на насъ на господаря спасти, коли ближнихъ къ тому нѣтъ: прото мы зъ ласки нашое тое имѣнье вышеписаное дали пану Миколаю *подлѣ запису отчича того имѣнья*; а дали есмо вѣчно ему и его жонѣ и ихъ дѣтемъ и потомъ будучимъ ихъ сщадкомъ“[1140]). Подобныхъ подтвержденій встрѣчается множество въ актахъ изучаемаго времени, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простыми казусами, а съ нѣкотораго рода порядкомъ, обычаемъ, который ограничивалъ дѣйствующее право. Отступленья отъ предписаній этого права разрѣшались особенно охотно въ пользу родныхъ, которые не были наслѣдниками. Король Казимиръ и его преемникъ в. князь Александръ подтвердилъ князю Петру Михайловичу Мосальскому имѣнья въ Черниговскомъ повѣтѣ: Новую Слободку, Шереповъ, Зарудье и сельцо на Боловѣсѣ, которыя достались ему такимъ образомъ: „Тетка его, матки его сестра рожоная, была за Ивашкомъ Григорьевичомъ, бояриномъ черниговскимъ, и плоду съ нимъ дѣтей не мѣла, и по смерти мужа взяла его собѣ за сына мѣсто и записала ему имѣнья мужа своего“ [1141]). Въ 1495 году великій князь Александръ подтвердилъ Микулѣ Радчичу имѣнье Нѣмковичи, которое досталось ему такимъ образомъ: „отецъ нашъ король Казимиръ его милость, призволилъ дядиной его Гринковой Микулича Сонцѣ его за сына мѣсто взяти, а велѣлъ ему опекатися ею въ томъ имѣньи въ Нѣмковичохъ до ее живота,... а по дядиной его животѣ отецъ нашъ король тое имѣнье Нѣмковичи далъ ему у вотчину со всимъ съ тымъ, што къ тому имѣнью слушало“ [1142]).—Господарь, раздававшій панамъ, боярамъ и мѣщанамъ собственныя дворныя земли съ людьми на военную службу, тѣмъ охотнѣе поступался такими имѣньями, которыя спадали на него за неимѣніемъ кровныхъ и близкихъ умершаго владѣльца. Въ 1499 году в. князь Александръ подтвердилъ боярину брянскому Семену Колонтаеву имѣнье Стрышевичи въ Брянскомъ повѣтѣ,

[1140]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 78.

[1141]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 61, 62.

[1142]) Ibidem, л. 50.

которое ему и дѣтямъ его записалъ отчимъ жены его за неимѣніемъ дѣтей и близкихъ [1143]) и т. д.

Ни въ чемъ такъ рѣзко не проявлялось различіе купленныхъ имѣній отъ отчинъ, какъ въ правѣ свободнаго распоряженія ими: „куплю" можно было отдать въ приданое за дочерью, продать или отказать кому угодно цѣликомъ, не спрашиваясь родныхъ, которые не имѣли на нее никакого права. „Купля" приравнивалась въ этомъ отношеніи движимому имуществу, деньгамъ, которыя она собою замѣнила [1144]). Въ данномъ случаѣ литовско-русское право вполнѣ сходилось съ польскимъ, которое держалось такого же принципа въ отношеніи къ купленнымъ имѣньямъ [1145]). Хотя изъ памятниковъ законодательства впервые только Статутъ 1529 года ясно говоритъ о купленныхъ имѣньяхъ, но изъ частныхъ актовъ изучаемаго времени видно, что Статутъ формулировалъ только дѣйствовавшее право [1146]). Полная свобода въ правѣ распоряженія купленными имѣньями была старинною традиціею русскаго права, которая держалась и на Руси сѣверо-восточной [1147]). Имѣнья, купленныя безъ явки господарю или его уряднику не считалось законною собственностью пріобрѣтшихъ ихъ лицъ. Правительство обусловило куплю-продажу имѣній, равно какъ мѣну ими и дареніе, своимъ „дозволеньемъ": nostro tamen cousensu ad hoc specialiter accedente, — гласитъ Городельскій привилей 1413 года. Это „дозволенье" давало возможность правительству слѣдить за передвиженіемъ земельной собственности и отчасти регулировать его какъ въ интересахъ военной службы, такъ и въ интересахъ частныхъ лицъ, права которыхъ оно должно было защищать. Кромѣ того, оно было источникомъ дохода для господаря и его урядниковъ, которые брали за „листы дозволеные" пошлины (по Статуту 1529 года „от чловѣка по два гроши, а от десети воз сеножати по грошу" [1148]). Сдѣлки, состоявшіяся безъ „дозволенья" правительства, могли быть разрушены по почину или самого правительства, или частныхъ лицъ. Великому князю Александру жаловались мѣщане новгородскіе Мацъ и Иванъ Носовичи на татарина Богдана Собачку, который выпросилъ у в. князя землю Чигиревщину, между тѣмъ какъ эта земля куплена ими на

[1143]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82.
[1144]) См. 18 арт. V разд. Статута 1529 г.
[1145]) *R. Hube* Ustawodawstwo kazimiezza Wielkiego, str. 190, XLIII.
[1146]) См., напр., Акты Зап. Рос. II, № 107.
[1147]) *К. А. Невомина* Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 171, 172.
[1148]) 15 арт. I раздѣла.

вѣчность у татарина Чигиря. В. князь приказалъ имъ положить предъ нимъ „листы дозволеныи" короля Казимира, „призволилъ ли его милость тую землю имъ купити". Такъ какъ мѣщане не представили этихъ листовъ, в. князь присудилъ землю татарину Собачкѣ и написалъ въ своемъ „вырокѣ": „заньже не могуть татарове земль своихъ продавати вѣчно безъ призволенья отца нашого"; мѣщанамъ онъ предоставилъ: „тыхъ пенязей своихъ они не замай смотрять на томъ, кому будуть давали" [1149]). Впрочемъ, какъ было уже сказано, правительственное „дозволенье" далеко не для всѣхъ имѣло одинаковое значеніе: для низшихъ разрядовъ военнослужилаго класса оно было часто настоящимъ разрѣшеньемъ, тогда какъ для высшихъ только необходимою формальностью, актомъ укрѣпленья. Сдѣлка купли-продажи часто совершалась и безъ предварительнаго разрѣшенья господаря или его урядниковъ. Покупатель представлялъ купчій листъ господарю и выхлопатывалъ отъ него подтвержденье, которое имѣло такимъ образомъ значеніе „дозволенья", выданнаго, такъ сказать, заднимъ числомъ. Такихъ подтвержденій купленныхъ имѣній находится безчисленное множество въ актахъ изучаемаго время, хотя на ряду съ ними попадаются и въ собственномъ смыслѣ „дозволеныи листы" какъ самого господаря, такъ и его урядниковъ. Оба эти типа документовъ существовали несомнѣнно уже при королѣ Казимирѣ, какъ это видно изъ записей его земельныхъ пожалованій, вкратцѣ передающихъ содержаніе выданныхъ имъ листовъ. Здѣсь читаемъ между прочимъ: „У Новѣгородцѣ пану Михаилу, воеводѣ Виленскому, призволилъ король купити имѣньицо у Янка Билейковича обель у вотчину"; „Левону Шоломичу призволили есмо Невѣрово село держати, што у Невѣра купилъ за сто копъ, а съ того села служити ему, какъ и Невѣръ намъ служилъ" [1150]). В. князь Александръ въ 1498 году подтвердилъ князю Константину Ивановичу Острожскому имѣнье Шепле, купленное имъ у земянъ волынскихъ Миколая Бернатовича и брата его Юхна" [1151]). Въ слѣдующемъ году тотъ же великій князь выдалъ подтвержденье боярину смоленскому Василью Мирославичу, который представилъ ему купчій листъ на двѣ сѣножати по рѣкѣ Нерадѣ: „и вина въ томъ на насъ на господаря выписана, — гласитъ подтвержденье в. князя, — естли бы Василій Даниьевичъ а любо братъ его Өедоръ, а любо жоны

1149) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 48.
1150) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 33.
1151) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

ихъ, або дѣти ихъ тыхъ сѣножатей на Васильи Мирославичи и на его дѣтѣхъ поискивали" [1152]). Значитъ, сдѣлка состоялась ранѣе „довволенья" великаго князя, который утверждалъ ее, а не разрѣшалъ. Впрочемъ, какого либо различія по сущности дѣла здѣсь не было, и подтвержденье разсматривалось, какъ „дозволенье", и наоборотъ. Владыка Смоленскій Іосифъ купилъ у Ѳедка Шостова имѣніе Ярковичи въ Смоленскомъ повѣтѣ; тѣмъ не менѣе онъ просилъ в. князя Александра, „абыхмо призволили ему тое имѣнье у Ѳедка купити и потвердили ему то нашимъ листомъ". Этотъ листъ, выданный великимъ княземъ 6 октября 1498 года, былъ такимъ образомъ въ одно и то же и дозволеньемъ и подтвержденьемъ [1153]). Иногда, впрочемъ, подтвержденье давалось особо и послѣ дозволенья на покупку имѣнья. Королю Сигизмунду въ 1510 году билъ челомъ дворянинъ Андрей Лозка, прося подтвердить ему особымъ листомъ на вѣчность имѣнье, которое онъ „въ дозволеньемъ" короля купилъ у нѣмца Гануса Гейнища въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Милейчичахъ, жеребій Казикайловскій, „которую жъ землю... Александръ король его милость тому нѣмцу далъ и привильемъ своимъ потвердилъ". Лозка выхлопатывалъ себѣ сначала дозволенье на покупку, а потомъ подтвержденье, очевидно, на всякій случай, чтобы, такъ сказать, прочнѣе закрѣпить за собою имѣнье, которое по происхожденію своему было господарскою даниною и могло дать поводъ къ претензіямъ на него со стороны правительства или частныхъ лицъ.

Перейдемъ теперь къ выслуженнымъ имѣньямъ. Имѣнья эти жаловались господаремъ или во временное владѣнье съ обязательствомъ нести съ нихъ военную службу, или „обель вѣчно", „у вотчину", и также, разумѣется, съ обязанностью нести съ нихъ военную службу. Для обозначенія перваго рода имѣній акты употребляютъ иногда слово „помѣстье", которое въ XIV вѣкѣ едва ли не было обычнымъ названіемъ для имѣній, жаловавшихся во временное владѣніе. — Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Мунчи на отмѣну подъ Микиткою Досуговичомъ *боярское помѣстье*, ажъ будеть изгожо, ино дати"; „Тишку Ревятичу *помѣстье*, што Сава держалъ" [1153]). Изъ этихъ записей видно, что помѣстьемъ назывылось имѣнье, данное во временное владѣніе, и при томъ на неопредѣлен-

---

[1152]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 119.

[1153]) Акты Зап. Рос. I, № 160.—Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 533, 534; IX, л. 70, 71; 95, 96; 227.

[1153]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 39, 53.

ный срокъ, „до воли господарской". — Съ такимъ же характеромъ выступаетъ помѣстье и въ актахъ Сигизмундова княженья. Въ 1507 году король Сигизмундъ, извѣщая намѣстника Вруцкаго пана Сенька Романовича о томъ, что бояре вруцкіе Ѳедоръ и Гринь Петрашевичи просили у него землю пустую Чегалаевскую въ Овруцкомъ повѣтѣ, написалъ ему: „И самъ писалъ еси о томъ къ намъ, повѣдаючы, ижъ они намъ слуги добрые, абыхмо ихъ *помѣстьемъ* какимъ осмотрѣли. Ино, будеть ли къ той землицѣ наслѣдка никого не остало, а человѣкъ прихожій ее завѣдаеть, и мы имъ тую землицу дали со всимъ съ тымъ, што здавна къ той землицы прислухало, а они маютъ намъ сь тое земли земскую службу заступовати" [1154]). Въ этомъ листѣ нѣтъ ни слова о томъ, что земля дается боярамъ до живота или на вѣчность, изъ чего слѣдуетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой пожалованье „до воли господарской". Изъ другихъ актовъ изучаемаго времени мы знаемъ, что какъ скоро въ грамотѣ нѣтъ упоминанья о пожалованьѣ имѣнья до живота или на вѣчность, такое пожалованье надо разсматривать, какъ данину до воли господарской [1155]). На такое значеніе „помѣстья" намекаетъ и то, что терминъ этотъ какъ и тотъ, отъ котораго онъ былъ произведенъ, именно „мѣсто", употреблялся въ актахъ иногда въ приложеніи къ крестьянскимъ участкамъ, которые de jure были своего рода даньемъ до воли господарской или панской ихъ владѣльцамъ. Въ 1533 году воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича производилъ судебное слѣдствіе по поводу того, что нѣкій Охромей, очевидно, бояринъ, осадилъ за собою бѣглеца изъ зарубежья, не объявивши о томъ предварительно „въ городѣ", „якъ есть обычай" (относительно всякой находки). „А Ѳедоръ Полоцкій,—читаемъ въ актѣ слѣдствія,—слуга Охромеевъ, повѣдилъ: тогды былъ у-въ имѣньи пана своего, якъ тые люди зъ заграничья къ нему пришли, ижъ имъ въ дворѣ пана своего далъ ѣсти и пити и животину покормити, и до пана своего сына того человѣка Исая на имя Ѳедька послалъ черезъ слугу Охромеевого жъ Семена, абы панъ его тыхъ людей за собою осадилъ и имъ *помѣстье* далъ, а до замку ихъ обявитися первѣй не послалъ [1156]). Такимъ образомъ, помѣстьями назывались и крестьянскіе участки, и боярскіе. Въ обоихъ случаяхъ употребляется и первообразное „мѣсто". Въ записяхъ земельныхъ пожалованій Казимира читаемъ: „У Смоленску Семену Кимбарову *мѣсто*

1154) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л.

1155) Акты Зап. Рос. I, № 133, 139.

1156) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 136.

на имя Хотеево да человѣкъ Мерзлякъ"; „Ивану Рудаку за Мезоцкомъ *мѣсто* пустое Збуново"; „у Клецку Петрищу зъ братомъ Мирашово мѣсто да людци Левоновичи до воли"; „Рачку Строчевичу Грицево *мѣсто* у Радуни: а Вештортолисъ держалъ половину тое земли, ино то ему жъ, а къ тому индѣ обыскати"; „пани Кезкгайловой земля конюхова и брата его у Керновской волости, а тому конюху у Ясвянской волости *конюское мѣсто*, а тому конюху индѣ обыскати"; „Пашку Войниловичу Хадисово *мѣсто* а Плетушно, а къ тому три человѣки"; „Роману Семенково *мѣсто* а пашня а человѣкъ Войшвиловича" [1157]) и т. д. „Мѣстцами" называются крестьянскіе участки и въ уставной грамотѣ, выданной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей [1158]).

Изъ всего этого позволительно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Мѣстами и помѣстьями на Руси, вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, назывались первоначально участки княжескихъ (или владѣльческихъ) земель, на которыхъ осаживались крестьяне, и которыми они владѣли до тѣхъ поръ, пока угодно было князю (или частному владѣльцу). Въ эпоху напряженной военной дѣятельности, какая развивалась въ XIII и XIV вв., множество крестьянъ переводилось съ крестьянскихъ повинностей на военную службу, поступало въ разрядъ слугъ разныхъ наименованій, при чемъ правовое основаніе ихъ землевладѣнія оставалось безъ измѣненія. Такъ возникъ типъ владѣній, которыя находились въ частныхъ рукахъ до воли господарской и съ условіемъ военной службы. Послѣ этого правительство стало уже вновь осаживать вольныхъ людей на своихъ земляхъ на такихъ условіяхъ, и термины „мѣсто" и „помѣстье" перешли изъ сферы крестьянскаго землевладѣнія въ сферу военнослужилаго, хотя, какъ видно, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ они удержались и въ сферѣ крестьянскаго землевладѣнія.

Если такъ, то понятно, почему терминъ „помѣстье" съ теченіемъ времени долженъ былъ исчезнуть изъ оффиціальнаго языка Литовской Руси въ приложеніи къ военнослужилому землевладѣнію и замѣниться описательнымъ наименованіемъ „данины" или „выслуги до воли господарской". Какъ слово, обозначающее собственно крестьянскую, мужицкую землю, терминъ этотъ былъ неудобенъ для военнослужилаго класса, начинавшаго все болѣе и болѣе проникаться гоноромъ и амбиціею польской шляхты. Еще въ приложеніи къ боярскимъ

[1157]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 22, 26, 33, 40, 46, 60.
[1158]) Акты Зап. Рос. II, № 160.

землямъ слово „помѣстье" изрѣдка попадается въ актахъ изучаемаго времени, но мы ни разу не встрѣтили его въ приложеніи къ землямъ, пожалованнымъ князьямъ и панамъ. Между тѣмъ и князья и паны подобно простымъ боярамъ сплошь и рядомъ получали отъ господаря имѣнья до воли его. Примѣровъ тому сколько угодно можно подискать въ актахъ изучаемаго времени. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „Пану Раговѣ Якшичу десеть человѣковъ,—лукно меду дають,—до воли"; „князю Митьку Всеволодичю Онтоново Косого селцо да Кулибакино селцо да Мицнево село до воли"; „у Черниговѣ князю Борису Глинскому дворъ Домыслинъ до воли"; пану Яну Немировичу 8 человѣкъ конокормцевъ на Городишчи до воли" [1159]). Великій князь Александръ въ 1492 году пожаловалъ пану Григорью Остиковича до воли „людцей Дуриничовъ, што тамъ посполъ зъ его людми, трехъ человѣковъ, на имя Чупріяна а Ивана, а Андрея", „со всимъ по тому, какъ намъ (господарю) служили и дань давали" [1160]). Въ 1498 году Александръ пожаловалъ до воли цѣлую волость Городечню въ Смоленскомъ повѣтѣ кн. Ѳедору Ѳедоровичу Мезецкому [1161]). Онъ же пожаловалъ пану Василью Хребтовичу имѣнье Горухово во Владимирскомъ повѣтѣ до воли [1162]); князю Василью Андреевичу Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ также „до воли" [1163]) и т. д. Король Сигизмундъ въ 1519 году пожаловалъ до воли пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича дворецъ Городенскаго повѣта Молявицу [1164]); въ 1524 году подтвердилъ также до воли бурмистру мѣста Виленскаго Ермолѣ Слотовичу землю пустовскую Юрковщину въ Мемижской волости, данную ему воеводою Виленскимъ [1165]) и т. д.

Примѣровъ пожалованій на неопредѣленное время, „до воли господарской", находится великое множество въ актахъ изучаемаго времени, гораздо больше, чѣмъ примѣровъ пожалованій „до живота", „до дву животовъ" или до какого-нибудь другого срока. Это служитъ указаніемъ на то, что форма пожалованья „до воли" была, такъ сказать, болѣе жизненною, чѣмъ другія, и болѣе древнею. Повидимому, и из-

---

[1159]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 9, 21, 28, 50.
[1160]) Ibidem, л. 76.
[1161]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.
[1162]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 68.
[1163]) Ibidem, л. 216.
[1164]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29, 30.
[1165]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 135.

вѣстная грамота Мендовга подъ именемъ ленныхъ владѣній обозначаетъ имѣнья, данныя до воли господарской, помѣстья. Хотя де jure между литовско-русскимъ помѣстьемъ и феодальнымъ леномъ была большая разница, но на дѣлѣ она уменьшалась. Выше было указано на то, что множество имѣній, данныхъ господаремъ „до воли" переходило по наслѣдству. Въ добавленіе къ этому можно указать на то, что такія имѣнья даже подлежали иногда куплѣ-продажѣ: такъ велика была увѣренность въ обладаніи ими. Городничій и хоружій Витебскій Романъ Гарасимовичъ имѣлъ „въ данины господарской" дворецъ въ Городенскомъ повѣтѣ на Зиновщинѣ, „посполите" съ имѣніемъ дворянина Петра Гринковича. Живя въ сосѣдствѣ, оба владѣльца „шкоды и наклады, межы собою са справуючы, великіи на обѣ стороны приняли". Романъ Гарасимовичъ, не хотя быть въ такомъ „сусѣдствѣ", хотѣлъ было „спустить дворецъ и людцей сусѣдомъ". Но Петръ Гринковичъ, опасаясь еще большихъ „шкодъ и накладовъ„, купилъ у него дворецъ и „втекъ" до господаря, прося его допустить къ куплѣ. Король Сигизмундъ 15 декабря 1532 года далъ ему довволенье и подтвердилъ куплю „до воли нашое господарское" [1166]).

Имѣнья жаловались и на опредѣленное время, хотя срокъ владѣнія и ни разсчитывался заранѣе.

Къ такимъ пожалованьямъ нужно отнести прежде всего имѣнья, отдавшіяся частнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе, *„до живота"*. Въ 1501 году король Александръ пожаловалъ боярину кіевскому Яцку Мезю одну службу людей въ Овруцкомъ повѣтѣ, Ларивона и Янка Давыдковичей съ братьею и братаничами, „до живота его" [1167]). Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ дворъ Трыстяницу пану Андрею Александровичу, намѣстнику Лидскому, „до его живота" [1168]). Въ 1523 году онъ пожаловалъ боярину Шимку Митковичу десять служобъ людей куничниковъ „въ земли Жомоитской у Веленьскомъ повѣтѣ у Жосецкой волости" и четыре земли пустовскихъ „межы тыми жъ людьми" [1169]). Иногда „до живота" жаловались или подтверждались имѣнья, данныя прежде „до воли господарской". Въ 1522 году королю Сигизмунду билъ челомъ дворянинъ панъ Дмитрій Богдановичъ Остафьевича „и повѣдилъ передъ нами,—гласитъ листъ короля,—ижъ мы первѣй сего дали ему осмъ служобъ людей въ Полоцкомъ повѣтѣ,

---

[1166]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 105.

[1167]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

[1168]) Литов. Метр кн. Запис. VIII, л. 154.

[1169]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 73.

сельцо на имя Полошовичы, съ людьми Угольницкого стану, а у Кривицахъ семь земль пустовскихъ и человѣка Мартинка Рыбку, и на то онъ листъ, данину нашу первую, съ подписью руки нашое и тежъ листъ увяжчій воеводы Полоцкого, старосты Дорогицкого, пана Петровъ Станиславовича передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ". Король пожаловалъ все это ему до живота его: „а по его жывотѣ тыи земли верхуменены мають зася въ нашы руки господарскіи прыити; и воленъ онъ тамъ прыбавити и росширити и къ своему лѣпшому и вжиточному обернути, какъ самъ найлѣпѣй розумѣючы" [1170]). Акты даютъ намъ примѣры пожалованій *„до дву животовъ"*, т. е. отцу и сыну въ пожизненное владѣніе. Тотъ же король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому дворъ Смолняны „до дву животовъ, его милости до живота и сыну его милости князю Ильи тежъ до живота" [1171]). Въ 1523 году онъ пожаловалъ пану Юрью Миколаевичу Радивиловича „остатокъ людей всихъ и земль пустовскихъ" двора Городенскаго повѣта Жорославки, не розданныхъ еще въ частное владѣніе, „до дву животовъ, его милости до живота и сыну его милости пану Миколаю до живота" [1172]) и т. д.

Къ этому же типу владѣній подходятъ имѣнья, которыя господарь жаловалъ *„на пожывенье"* или *„у хлѣбокормленіе"* подданнымъ своимъ, которые лишились своихъ отчинъ вслѣдствіе непріятельскаго захвата. Имѣнья эти давались господаремъ „до очищенья отчинъ" этихъ подданныхъ. Такихъ пожалованій особенно много дошло до насъ отъ конца XV и начала XVI вв., эпохи крупныхъ территоріальныхъ уступокъ, сдѣланныхъ литовско-русскимъ правительствомъ въ пользу Москвы. Большинство военно-служилыхъ землевладѣльцевъ въ уступленныхъ областяхъ перешло на службу къ Московскому государю, но нѣкоторые нашли болѣе выгоднымъ для себя остаться на службѣ у прежняго государя, который, цѣня ихъ вѣрность, обыкновенно вознаграждалъ ихъ потери пожалованіемъ имѣній. Но такъ какъ территоріальныя уступки, сдѣланныя Москвѣ, считались временными, и правительство надѣялось воротить утраченныя на востокѣ области, то и имѣнья оно жаловало служилымъ людямъ изъ этихъ областей только „до очищенья ихъ отчинъ". Въ 1500 году в. князь Александръ пожаловалъ дворянину Василью Семеновичу Сопѣжичу два сельца въ

[1170]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 29.

[1171]) Акты Зап. Рос. II, № 118.

[1172]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 76.

Дубровенскомъ пути Смоленскаго повѣта, Хоминичи и Пишолово, до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго [1173]). Въ томъ же году Александръ пожаловалъ окольничему Смоленскому, намѣстнику Молодеченскому, Ивану Кошкѣ, дворецъ Годутишскій Виленскаго повѣта въ Мемижской волости „до тыхъ часовъ,—гласитъ листъ великаго князя,—поки отчину его одышчемъ отъ непріятеля нашого великого князя Московского" [1174]). Казначей Смоленскій князь Константинъ Крошинскій по случаю занятія его отчины Москвою получилъ сначала „на хлѣбокормленіе" дворъ Побоево Волковыйскаго повѣта. Въ 1503 году онъ билъ челомъ королю о томъ, что „не маеть ся гдѣ съ жоною и зъ дѣтми своими подѣтца", такъ какъ на дворѣ Побоевѣ „не маеть чимъ поживить", и просилъ короля осмотрѣть его какимъ-нибудь инымъ „хлѣбокормленьемъ". Король пожаловалъ ему дворъ Дубно въ Городенскомъ повѣтѣ „до тыхъ часовъ, поки отчизну ихъ очистимъ" [1175]). Дворъ Побоево король пожаловалъ въ томъ же году князю Ивану Семеновичу Глинскому, который также лишился своей отчины, въ хлѣбокормленіе [1176]). Въ томъ же году королю билъ челомъ и князь Мстиславскій о томъ, „штожъ тотъ замокъ его Мстиславль скажонъ отъ Москвичъ и отъ Татаръ; а съ чого передъ тымъ собѣ поживенье мѣлъ, съ другого замку своего со Мглина, ино тотъ замокъ осѣлъ непріятель нашъ великій князь Московскій"; князь просилъ короля, „абыхмо его пожаловали имѣньицомъ, съ чого бы собѣ поживенье мѣлъ", и получилъ волостку Спегляны Кревскаго повѣта. Жалованная грамота, выданная королемъ князю Мстиславскому 14 окт., гласитъ: „Маетъ онъ тую волостку держати со всимъ, по тому какъ на насъ держана до тыхъ часовъ, поки, дасть Богъ, тотъ его замокъ Мглинъ зъ рукъ непріятельскихъ вземши и ему подадимъ; а естли надъ княземъ Михайломъ Божья ся воля станетъ, Богъ душу его съ того свѣта возьметъ: ино мы не маемъ кнегини его и дѣтей ихъ съ тоѣ волости рушити, до тыхъ же часовъ, поки тотъ замокъ Мглинъ зъ рукъ непріятельскихъ вземши и имъ подадимъ" [1177]). Въ 1506 году король Александръ далъ „на поживенье" Михаилу Гагину „въ Жолудку дворецъ Можейковскій съ челядью и зъ животиною и зъ людьми" [1178]);

[1173]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 104.
[1174]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 155.
[1175]) Акты Зап. Рос. I, № 202.
[1176]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 228.
[1177]) Акты Зап. Рос. I, № 205.
[1178]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 252.

король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ ему это имѣнье съ дворцомъ Бинкушскимъ „до очищенья его имѣней въ Кіевѣ и въ Путивли“ [1179]). Тотъ же король пожаловалъ боярину смоленскому Нагишкѣ пять служебъ людей и двѣ пустовщины „у Бряславскомъ повѣтѣ у-въ Укольской волости“ на хлѣбокормленіе, такъ какъ отчину его забралъ великій князь Московскій; въ 1523 году онъ подтвердилъ его сыну Богдану свою данину „до тыхъ часовъ, поки отчызну его очистимъ“ [1180]). Въ изучаемое время великому князю Литовскому не удалось отвоевать земли, забранныя Москвою, такъ что и пожалованныя имъ „до очищенья отчинъ“ имѣнья переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д. По актамъ, впрочемъ, можно встрѣтить примѣры отобранія имѣній данныхъ „до очищенья отчины“. Такъ, въ 1509 году король Сигизмундъ отобралъ у вышеупомянутаго окольничаго Смоленскаго Ивана Кошки дворъ Гойдутишки на томъ основаніи, что „тыми дей разы вжо тыи имѣнья его вси въ нашой сторонѣ“, и пожаловалъ князю Василью Семеновичу Жилинскому за его службу „и тежъ за его отчину, которую жъ онъ мѣлъ у Вязмѣ“ [1181]). Необходимо замѣтить, кромѣ того, что выраженіе „на хлѣбокормленіе“ не имѣло спеціальнаго значенія, и по актамъ мы встрѣчаемъ пожалованья „у хлѣбокормленіе“ и „до воли господарской“, и до „живота“, а не только „до очищенья отчины“. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „князю Юрью Пронскому дано село Комоности, што панъ Римовидъ держалъ, у хлѣбокормленье; а просили князь бискупъ и вся рада панове“ [1182]). Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ земянину Андрею Мицковичу, писарю старосты Жомоитскаго, десять человѣкъ и четыре пустовщины въ Жмудской землѣ „на поживенье“ [1183]). Тотъ же король далъ окольничему Смоленскому Михаилу Басѣ дворъ Перелаю „на кормленье“ и выдалъ ему листъ, „ижъ онъ тотъ дворъ нашъ Перелаю маеть держати со всимъ до своего живота; а по животѣ его, естли бы намъ господарю потреба вскавывала тотъ дворъ къ нашой руцѣ мѣти, тогды, не давшы жонѣ и дѣтемъ его имѣнья до очыщенья отчизны ихъ, не мѣли есьмо того двора зъ рукъ ихъ выймовати“ [1184]) и т. д. Такимъ образомъ, имѣнья у „хлѣбокормленье“

[1179]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 133.
[1180]) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 81.
[1181]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 307.
[1182]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.
[1183]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л 36.
[1184]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 529, 530.

давались вовсе не однимъ князьямъ, какъ предполагаетъ г. Владимірскій-Будановъ на основаніи двухъ-трехъ примѣровъ, взятыхъ изъ записей пожалованій Казимира. Точно такъ же совершенно нельзя согласиться съ нимъ, что хлѣбокормленіе давалось въ вознагражденіе за личную обязанность служить военную службу, такъ какъ на отчинахъ будто бы „не лежало прямой обязанности службы" [1185]). Выше мы видѣли, какъ мало такое утвержденіе приложимо къ дѣйствительности изучаемаго времени.

Имѣнья, данныя до воли господарской „на хлѣбокормленіе" или „на поживенье", а равно такъ же и въ пожизненное владѣніе, подтверждались часто въ вѣчное и потомственное владѣніе, „у-въ отчину". Такъ, король Казимиръ далъ „до своее воли" волость Ужицу боярамъ смоленскимъ Борису, Никифору, Андрею и Митку Семеновичамъ, а великій князь Александръ подтвердилъ имъ на вѣчность. „И мы тыхъ листовъ, — гласитъ привилей, выданный в. княземъ въ 1492 году, — гораздо осмотрѣли и тую волость Ужицу Борису Семеновичу и его братьи за ихъ службу зъ ласки нашое даемъ и потвержаемъ симъ нашимъ листомъ, вѣчно и непорушно, имъ самимъ и ихъ жонамъ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучымъ ихъ счадкомъ, со всимъ по тому, какъ и отецъ ихъ держалъ" [1186]). Въ 1496 году великій князь Александръ подтвердилъ на вѣчность князю Ивану Путятичу два дворища Мосори въ Мельницкомъ повѣтѣ, данныхъ ему прежде „до воли господарской" [1187]). Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность, въ потомственное владѣніе, пану Авраму Езофовичу дворецъ Гринковскій и двѣ пустовщины, Костеневскую и Бутевщину, данныя ему прежде въ пожизненное владѣніе, „до живота его" [1188]). Въ томъ же году король далъ „у отчину" дворянамъ Василью и Ивахну Глѣбовичамъ Корсаковичамъ, „што жъ его милость братъ нашъ (король Александръ) далъ отцу ихъ Глѣбу Остафьевичу люди въ Полоцкомъ повѣтѣ на Горкахъ, на имя Селивестра съ тремя сынми а пятма братаничы его, до своее воли" [1189]). Въ томъ же году онъ пожаловалъ на вѣчность дворянину Тризнѣ съ братьею Карповичамъ двѣ части двора Полонки Волковыйскаго повѣта, данныхъ королемъ Александромъ „противъ ихъ отчины, до тыхъ часовъ, поки бы отчину ихъ всю сполна

[1185]) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. Ш, стр. 88.
[1186]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.
[1187]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 87.
[1188]) Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 303, 304.
[1189]) Ibidem, л. 203.

очистилъ, которую жъ ихъ отчыну непріятель нашъ великій князь Московскій забралъ и посѣлъ у-во Брянску"[1190]). Въ 1516 году Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность пану Ивану Тимоѳеевичу Плещеева Юрлову, московскому выходцу, шестьдесятъ человѣкъ въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, данныхъ ему первоначально „на хлѣбокормленье"[1191]). Въ слѣдующемъ году онъ подтвердилъ на вѣчность боярину Якову Кузмину село Борюхъ въ Луцкомъ повѣтѣ и дворище пустое Черниковское въ селѣ Колкѣ, пожалованныя ему прежде только „на пожывенье"[1192]) и т. д.

Имѣнья жаловались часто во временное владѣніе лишь потому, что правительство не имѣло относительно нихъ точныхъ свѣдѣній и не могло сразу рѣшить, будетъ ли пожалованье ихъ въ вотчину „не шкодно". Такія пожалованья въ актахъ обозначаются, какъ данины „до осмотрѣнья" господарскаго, иногда „до лѣпшого осмотрѣнья". Выше уже было указано на то, какъ мало литовско-русское правительство находилось въ курсѣ внутреннихъ отношеній областей, какъ мало сравнительно знало оно наличность и состояніе какъ государственныхъ, такъ и частныхъ имѣній. Въ своихъ пожалованьяхъ имѣній оно, какъ мы видѣли, часто руководилось показаніями просителей, предоставляя своимъ мѣстнымъ органамъ провѣрять эти показанія и чинить исполненія по его распоряженіямъ лишь въ томъ случаѣ, буде это будетъ „двору господарскому не шкодно". Другою гарантіею противъ убыточности пожалованій была отдача просимыхъ имѣній предварительно только во временное владѣніе. Королю Казимиру въ 1487 году билъ челомъ дворянинъ Ѳедько Колонтаевъ, прося пожаловать ему селище Митковщину „во Браньску", при чемъ повѣдалъ, „што жъ дей тое селищо пусто, а наслѣдка къ нему нѣтъ, а здавна дей тое было село боярское, а не данное, а ни тяглое, а городу не шкодно". Хотя все это подтвердилъ своимъ письмомъ къ королю намѣстникъ Брянскій кн. Дмитрій Путятичъ, тѣмъ не менѣе король пожаловалъ селище до своего „осмотрѣнья"[1193]). Великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ Васко Сопѣжичъ и просилъ сельцо Стригиныхъ въ Смоленскомъ повѣтѣ. Великій князь написалъ намѣстнику пану Юрью Глѣбовичу, чтобы онъ гораздо довѣдался, не будетъ ли это замку Смоленскому шкодно. Намѣстникъ отписалъ великому князю, „што жъ

[1190]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 215.
[1091]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115, 158.
[1192]) Ibidem, л. 158.
[1193]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 127.

тое сельцо слушаеть къ двору нашому (господарскому) Ивановскому, а коли быхмо то ему отдали, тогды бы двору нашому шкодно было"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ дать Васку Сопѣжичу сельцо въ Мощини Дубровки съ однимъ человѣкомъ, которое держалъ бояринъ князя Семена Воротынскаго Семенъ Капуста. „И мы ему тое сельцо,—писалъ в. князь намѣстнику,—дали до нашого осмотрѣнья, до тыхъ часовъ, поки въ насъ самъ будешь и о томъ намъ достаточне повѣдишь" [1194]). Въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Ѳедку Богдановичу Хребтовича имѣнье Сѣнно въ Новгородскомъ повѣтѣ „до воли, до лѣпшого довѣданья" [1195]). Въ 1508 году король Сигизмундъ изъ Кракова писалъ панамъ-радѣ о пожалованьѣ дворянину Ѳедору Колонтаеву двора Клевицы, что князь Василій Глинскій держалъ, „до нашого лѣпшого осмотрѣнья" [1196]) и т. д.

Такой порядокъ, конечно, не всегда соблюдался при пожалованіи имѣній, и иногда господарь жаловалъ съ перваго же раза имѣнье на вѣчность въ потомственное владѣніе, или въ вотчину. Такъ было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительство хорошо знало имѣнье и увѣрено было въ пользѣ и выгодѣ пожалованья. Поэтому наряду съ подтвержденіями имѣній въ вотчину мы имѣемъ и прямыя пожалованья въ вѣчное, потомственное владѣніе. Великій князь Казимиръ пожаловалъ пану Довкгирду дворъ княжій Ловаришки „во вотчину"; пану Петрашу Сенежичи „у вотчину"; князю Ѳедору Воротынскому въ 1447 году пожаловалъ „три волости: Городечна съ Калуговичи, што было дано Ходыцѣ Басичу, што Павелъ Полтевъ держалъ, а Ковылна а Демана съ Снопотцомъ, што Гринко Мишковичъ держалъ, у вотчину"; Ванку Ситковичу король далъ Лугань „у отчину" (въ Смоленской землѣ); „пану Кгастовту, воеводѣ Троцкому, у Луцку Полона, што Окуна держалъ, у вотчину" [1197]) и т. д. Великій князь Алексаидръ въ 1495 году пожаловалъ „у вочину" Зенку Евлашковичу, намѣстнику Торопецкому, „два братеника въ Новгородскомъ повѣтѣ у Полужьи, людей Любецкихъ". „А повѣдалъ намъ,—читаемъ въ листѣ великаго князя до намѣстника Новгородскаго,—што жъ съ нихъ одна служба и дякло одно, а и ты о томъ самъ передъ нами повѣдилъ, што жъ съ нихъ служба и дякло одно" [1198]). Ясно, такимъ образомъ,

---

1194) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 23.
1195) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 47.
1196) Литов Метр. кн. Запис. VIII, л. 206.
1197) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3, 11, 26, 36, 64.
1198) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 48.

что эти крестьяне непосредственно передъ пожалованіемъ ихъ Зенку Евлашковичу находились въ господарскомъ владѣніи.

Но было бы ошибочно думать, что имѣнье, пожалованное въ отчину, сразу пріобрѣтало всѣ свойства отчины. Для перваго владѣльца оно было выслугою, въ распоряженіи которою онъ не былъ подчиненъ тѣмъ стѣсненіямъ, какъ въ отношеніи къ отчинѣ. Панъ Ѳедко Чапличъ умирая бездѣтнымъ, записалъ своимъ братаничамъ Микитѣ и Ивашку имѣнье Глупонинъ, которое онъ выслужилъ на великомъ князѣ Свидригеллѣ, „тежъ и другое имѣнье на имя Русивль, отчинное, свою дѣльницу, записалъ имъ вѣчно". По смерти его земяне Ивашко Охремовичъ и Михно Омельянскій, женатые на племянницахъ его, стали искать на Микитѣ и Ивашкѣ Чапличахъ „дядковщину" жонъ своихъ. Великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло, 20 марта 1494 года выдалъ такой „вырокъ": „мають они тое имѣнье отчинное на имя Русивль съ сестрами своими зъ Ивашковою жоною Охремовича а зъ Омельянского на полы дѣлити по близкости послѣ дядиное свое Ѳедковое жывота (бо не могъ онъ того вчинити, ихъ, братаненъ своихъ, отъ того отдалити); а тое имѣнье Глупонинъ, выслугу дядка ихъ, мають они таки держати вѣчно подлугъ запису дядка своего Ѳедка Чаплича, какъ имъ то записалъ" [1199]). Великій князь, издавая эту резолюцію, стоялъ, очевидно, на той точкѣ зрѣнія, что жены истцовъ должны были имѣть посагъ съ своей близкости, какъ и съ отчины; Глупонинъ, какъ выслуга ихъ дяди, не былъ для нихъ близкостью, а потому онъ и оставленъ былъ за племянниками, согласно волѣ завѣщателя. Король Александръ далъ нѣкоему Ходку Коревичу землю Юшковщину въ Лидскомъ повѣтѣ, которая принадлежала тивуну Лидскому, и землю пустую тяглую Довкговскую тамъ же и подтвердилъ ему своимъ листомъ „на вѣчность". „И тотъ Ходко, вмираючи, тыи земли вышейписаныи а къ тому землицу Сенковщину, што держалъ тотъ же Юшко, со всими землями куплеными и мѣновными и закуплеными записалъ жонѣ своей Алжбетѣ Богдановнѣ, отдаливши всихъ ближнихъ своихъ". Алжбета вышла въ третій разъ замужъ за дворянина короля Сигизмунда Павла Довкгирдовича и записала ему свои имѣнья, полученныя отъ Ходка, „отдаливши дочку свою первого мужа Венславу" [1200]). Привилей, выданный Кіевской землѣ, относительно права свободнаго распоряженія выслугами гласитъ: „А князи и панове, которые выслуги держатъ, а кому подтвердимъ листы нашими, въ

[1199]) Лито . Метр. кн. Запис. V, л. 4.

[1200]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235, 236.

томъ волни, по души къ церкви дати, замѣнити и продати, и отдати, зъ нашимъ призволеньемъ"[1201]). Выслуга пріобрѣтала всѣ свойства отчины съ того момента, когда она обычнымъ путемъ, не по завѣщанію, переходила къ законнымъ наслѣдникамъ, и съ того момента она и называлась отчиною. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій Казимира читаемъ: „У Жомойти у Росейняхъ Довьяліюсъ мѣнилъ и зъ бискупомъ Жомойтскимъ на его куплю а *своею отчиною, што отецъ его выслужилъ на Витовтѣ*: потому имъ и держати, какъ мѣнили"[1202]). Въ 1498 году в. князь Александръ подтвердилъ татарамъ Довлихтіяру и Бахтіяру Сеитовичамъ, имѣнье, которое отнялъ было у нихъ воеводичъ Троцкій панъ Янъ Петровичъ, „люди ихъ *отчинныи* Скорбеевичи, *выслугу отца ихъ*, которыхъ жо отецъ ихъ выслужилъ" на королѣ Казимирѣ[1203]) и т. д. Здѣсь дѣйствовало то же правило, какое дѣйствовало и относительно купленныхъ имѣній, которыя также становилось отчинами, какъ скоро по закону переходили къ наслѣдникамъ купившихъ ихъ лицъ[1204]).

Г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Помѣстья литовско-русскаго государства" толкуетъ пожалованья „на вѣчность", какъ пожалованья до живота. Это толкованіе онъ основываетъ на слѣдующихъ записяхъ пожалованій Казимира: „Берестейское мыто Бенку Шаневичу вѣчно на кождый годъ по триста копъ грошей, а коли мыто полепшиться, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати"[1205]); „што Микита на насъ выслужилъ и на што листы наши маеть, тое бы таки писарь нашъ Микита держалъ вѣчно до своего живота". Это послѣднее выраженіе: „вѣчно до своего живота,—говоритъ г. Владимирскій-Будановъ, — уясняетъ намъ, что значила „вѣчность" въ оффиціальномъ языкѣ грамотъ; она обозначаетъ вѣкъ—жизнь человѣка, какъ и въ приведенномъ выше случаѣ пожалованія Шаневичу Берестейскаго мыта „вѣчно"[1206]). На нашъ взглядъ слово „вѣчно" въ обоихъ случаяхъ употреблено въ цѣлью выразить постоянство, неизмѣнность факта, — есть простой оттѣнокъ въ выраженіи мысли, а не самое выраженіе ея, которое заключено въ словахъ: „а подъ нимъ никому не подкупати", „до живота". Поэтому и въ актахъ оно часто

1201) Акты Зап. Рос. II, № 30.
1202) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 29.
1203) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 70.
1204) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 78, 79.
1205) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 63.
1206) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. Ш, стр. 91.

соединяется съ словомъ „непорушно“, которое есть его синонимъ, и эта амплификація, очевидно, разсчитана на то, чтобы яснѣе, точнѣе формулировать характеръ пожалованья. И въ настоящее время слово „вѣчно“ употребляется иногда, какъ синонимъ выраженіемъ: постоянно, неизмѣнно, всегда, очень часто. На такое толкованіе, какое дано у г. Владимірскаго-Буданова, не уполномочиваютъ другія указанія, которыя можно найдти въ актахъ изучаемаго времени. Въ нихъ вездѣ пожалованья на вѣчность сопровождаются перечисленіемъ: „ему самому и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучимъ ихъ счадкомъ“, и замѣчаніемъ: „воленъ онъ и его справедливые наслѣдки то продати, замѣнити, по души дати и къ своему пожиточному а лѣпшому обернуши, какъ самъ наилѣпѣй розумѣючи“. Если такъ, то сами собой падаютъ и тѣ разсужденія, которыя г. Владимірскій - Будановъ ведетъ касательно значенія пожалованій „у вотчину“, отправляясь отъ недоказаннаго положенія, что слово „вѣчно“ означаетъ въ литовско-русскихъ актахъ „до живота“. Пожалованье въ отчину означало пожалованье въ потомственное владѣніе, съ правомъ передать имѣнье не только дѣтямъ, но и дальнѣйшимъ нисходящимъ; пожалованье же съ правомъ передачи только дѣтямъ называлось пожалованьемъ „до двух животовъ“.

Намъ поневолѣ пришлось, быть можетъ, дольше, чѣмъ слѣдуетъ, остановиться на различныхъ видахъ землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ отчасти именно въ виду статьи г. Владимірскаго-Буданова „Помѣстья литовско-русскаго государства“. Статья эта, интересная по темѣ, написанная по неизданному архивному матеріалу, уже успѣла произвести извѣстное впечатлѣніе, успѣла повлiять на взгляды ученыхъ въ своемъ направленіи. Между тѣмъ ея научная цѣнность не находится въ уровнѣ ни съ этимъ впечатлѣніемъ, ни съ ея вліяніемъ. Г. Владимірскій - Будановъ взялъ только одну книгу записей (и при томъ сокращенныхъ) Литовской Метрики, относящихся ко времени Казимирова правленья, произвелъ анализъ и толкованіе этихъ записей, уединивъ ихъ отъ актовъ не только позднѣйшихъ, но и современныхъ, изданныхъ уже въ разныхъ сборникахъ, и построилъ на основаніи всего этого рядъ выводовъ. Благодаря этому ему не удались ни толкованія, ни выводы въ той мѣрѣ, какая требовалась важностью и интересомъ затронутаго вопроса, и статья его, такимъ образомъ, оказалась съ характеромъ произведенія, преждевременно попавшаго изъ ученаго портфеля въ печать.—Въ виду этого авторъ настоящихъ очерковъ, нисколько не претендуя на то, чтобы исчерпать вопросъ, который ждетъ еще будущихъ изслѣдованій, счелъ нужнымъ внести

необходимыми поправки къ статьѣ г. Владимірскаго-Буданова, единственной въ своемъ родѣ и потому могущей оказывать ненадлежащее вліяніе на ходъ и направленіе научныхъ работъ въ данной области, особенно по напечатаннымъ источникамъ. Для цѣлей настоящаго изслѣдованія изображеніе основныхъ чертъ военно-служилаго землевладѣнія на Руси Литовской, какъ онѣ сложились въ силу мѣстныхъ историческихъ условій и факторовъ и подъ дѣйствіемъ польскаго „земскаго права", имѣетъ значеніе и какъ фактическая иллюстрація основного положенія, его проникающаго, какъ доказательство, что мѣстный историческій процессъ на Руси Литовской подготовлялъ тѣ гражданскія и государственныя отношенія, на которыя налагала свои формы польская гражданственность.

XLIV.

Въ устройствѣ военно-служилаго землевладѣнія намѣстникамъ-державцамъ до 1529 года принадлежала дѣятельная роль. Акты сохранили множество указаній на раздачу намѣстниками-державцами имѣній разнымъ лицамъ съ обязанностью военной службы „до воли господарской". Врядъ ли эта раздача обусловливалась только личными отношеніями мѣстныхъ правителей къ этимъ лицамъ, „поклонами" этихъ послѣднихъ; по всѣмъ признакамъ, она вызывалась заботою о пополненіи военно-служилаго контингента даннаго повѣта или воеводства и объ исправности военной службы. Къ такому заключенію приводятъ постоянныя подтвержденія, которыя выдавало центральное правительство лицамъ, получившимъ имѣнья отъ мѣстнаго правителя „до воли господарской". Приведемъ нѣкоторые примѣры. Великій князь Александръ въ 1499 году подтвердилъ пану Ивашку Сопѣжичу землю пустую въ повѣтѣ Браславля Литовскаго, при чемъ написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „клалъ передъ нами листъ намѣстника Браславского пана Юрья Зеновьевича, што жъ онъ далъ ему пустовщину у Браславскомъ повѣтѣ близко озера Икажна на имя Земцову" [1207]). Въ 1506 году тому же Александру билъ челомъ земянинъ кременецкій Олекса Сковородка и повѣдалъ, „што жъ намѣстники Кремянецкіи, князь Андрей Александровичъ далъ ему селищо пустое на имя Кобыльню, а панъ Юрьи Монтовтовичъ далъ ему село пустое въ Кузминскомъ повѣтѣ на имя Лановцы, и тежъ придалъ ему, къ его отчинѣ Вязовцомъ, рогъ Кузминского лѣсу"; Олекса положилъ предъ

1207) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130, 131.

королемъ и листы этихъ намѣстниковъ и просилъ пожаловать его „тыми селищи и рогомъ", что король и исполнилъ [1208]). Въ 1508 году королю Сигизмунду билъ челомъ о подтвержденьѣ пяти пустовщинъ въ селѣ Путрошичахъ конюшій Городенскій Богданъ Гринкевичъ; „а повѣдилъ намъ,—гласитъ подтвердительный листъ короля, — што жъ дей вжо тыи земли держыть съ призволеньемъ маршалка нашого, намѣстника Волковыйского, пана Яна Яновича Заберезенского". Король подтвердилъ земли съ условіемъ: „а намъ съ того службу земскую заступаеть" [1209]). Очевидно, что съ этимъ условіемъ далъ пустовщины и намѣстникъ Волковыйскій. Въ 1514 году король писалъ намѣстнику Жолудскому: „Билъ намъ чоломъ подконюшій Виленскій Шимко Мацковичъ и повѣдилъ передъ нами, што жъ дей ловчій нашъ, намѣстникъ Ожскій и Переломскій, панъ Миколай Юрьевичъ Пацевичъ, какъ отъ насъ Жолудокъ держалъ, далъ ему землицу пустовскую леитскую въ Жолудскомъ повѣтѣ на имя Можейковщину до нашое воли, а онъ дей тое землици въ держаніи ажъ и до тыхъ часовъ; ино и самъ панъ Миколай передъ нами повѣдилъ, ижъ тую землицу ему далъ держати до нашое воли; и онъ билъ намъ чоломъ, абыхмо ему на то нашъ листъ дали. И мы ему на то сесь листъ нашъ дали: нехай онъ тую землицу Можейковщину держить со всимъ съ тымъ, што къ ней здавна прислухало, а намъ съ того службу земскую заступаеть; а хотя бы отчичи тое землицы выискалися, и мы ему дозволили тыхъ отчичовъ на тую землю приняти" [1210]). Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ опять случай отдачи пустовщины на земскую службу. По формѣ жалованной грамоты не видно, чтобы земля подтверждена была королемъ на вѣчность. Но бывали и такіе случаи. Въ томъ же году король подтвердилъ на вѣчность дворянину Михну Ивановичу двѣ земли пустовскихъ въ Лидскомъ повѣтѣ, Караковщину и Семеновщину, которыя далъ ему до господарской воли намѣстникъ Лидскій панъ Юрій Ивановичъ Ильинича [1211]). Въ томъ же году королю заявилъ служебникъ воеводы Виленскаго, канцлера пана Николая Николаевича Радивиловича, Андрей Прокоповичъ, что подскарбій земскій, намѣстникъ Румшишскій, панъ Аврамъ Езофовичъ далъ ему двѣ земли пустовскихъ тяглыхъ въ Румшишской волости, Нарейковщину и Мицовщину, до господарской воли. Андрей представилъ и листъ намѣстника и билъ

[1208]) Акты Зап. Рос. I, № 221.

[1209]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232, 233.

[1210]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 93, 94.

[1211]) Ibidem, л. 146.

челомъ королю, „абыхмо его съ того не рушили". Король выдалъ ему въ этомъ смыслѣ свой листъ, добавивъ: „А естли отчичи тыхъ земль придуть, а всхотять ли на тыхъ земляхъ сѣсти за нимъ, и они мають ему служити, а онъ маеть намъ съ того службу земскую заступовати" [1212]). Въ 1522 году король подтвердилъ боярину Бирштанскаго повѣта Ѳедьку Игнатьевичу, „што жъ державца Бирштаньскій князь Матѳей Микитиничъ далъ ему чотыры земли пустыхъ у Бирштаньскомъ повѣтѣ, на имя Петковщыну а Мацовщыну, а Кивиновщыну, а Якубовщыну до воли" [1213]). Въ 1523 году королю били челомъ служебные Матей Рымковичъ и Шимко Юшковичъ „и повѣдили передъ нами, — гласитъ листъ короля,—што жъ конюшій нашъ дворный и Троцкій, державца Василишскій, Лепуньскій, Волкиницкій и Стоклишскій, панъ Якубъ Кунцовичъ далъ отцомъ ихъ землю у Лепуньскомъ повѣтѣ, на имя Михнову Ѳедевича, къ ихъ землицѣ Кгинейтовщинѣ для того, ижъ они отчызну свою мѣли малу и не мѣли намъ съ чого послужити, и казалъ имъ съ тыхъ обѣюхъ земль одну службу намъ служыти; и били намъ чоломъ, абыхмо имъ на то дали нашъ листъ". Король исполнилъ ихъ просьбу [1214]). Приведенная выдержка изъ королевскаго листа ясно указываетъ на то, что, раздавая пустыя земли, намѣстники-державцы руководились интересами господарской службы. Разумѣется, здѣсь было много мѣста злоупотребленіямъ съ ихъ стороны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они придавали пустыя земли къ отчинамъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что отчины эти малы, не съ чего служить ихъ владѣльцамъ. Этимъ объясняется распоряженіе короля Сигизмунда, внесенное въ уставу, данную державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта въ 1529 году: „Тежъ уставляемъ и грозно приказуемъ, абы паны воеводове, такъ тежъ старосты и вси державцы наши, черезъ то, никому, какого будь стану, не смѣли земль пустовскихъ давати, яко въ воеводствахъ, такъ и въ староствахъ, такъ тежъ и во всихъ дворѣхъ нашихъ, до нашое воли господарскоѣ. А хто бы за таковою даниною отъ пановъ и за листомъ ихъ которыи земли наши пустовскіи державъ, росказали есмо тымъ писаремъ нашимъ, у таковыхъ тыи земли наши отбирати и зася къ тому двору нашому привлащати, въ которомъ дворѣ тыи земли будуть знайдены" [1215]).

[1212]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.
[1213]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 88.
[1214]) Ibidem, л. 70, 71.
[1215]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 36.

Несмотря на это грозное приказанье, намѣстники державцы продолжали раздавать имѣнья „до воли и ласки господарское", и правительство было настолько непослѣдовательно, что признавало и подтверждало ихъ распоряженія. Въ книги Литовской Метрики записанъ листъ, выданный державцею Бирштанскимъ 1 мая 1532 года, въ которомъ читаемъ: „Билъ мнѣ чоломъ боярынъ господарскій Михайло Ѳедоровичъ Семичовъ и просилъ въ мене людей въ повѣтѣ Бирштаньскомъ, на имя Довьята Ѳедевича и зъ братьею и зъ братаничомъ, а Якуба Ивашковича и зъ братьею, а Богдана Димъятовича зъ братьею, а Янеля Викговича, которыи жъ люди суть вбоги, службы супольной здавна не могуть супольно послужыти господарю, а пустовщынъ собѣ на пашню дворную на имя... И я на его чоломбитье вчынилъ и далъ есьмо тыи люди ему чотыры службы... а пустовщины, якъ ся тыи люди и земли въ собѣ мѣли и какъ на господаря держано, до воли и ласки господарское" [1216]).

Но и кромѣ такой раздачи имѣній, намѣстники-державцы должны были принимать участіе въ устройствѣ военнослужилаго землевладѣнія и другими способами, частью по возбужденью отъ центральнаго правительства, которое требовало отъ нихъ справокъ о жалуемыхъ имѣньяхъ и утверждало ихъ за просителями только по полученіи этихъ справокъ, поручало имъ „обыскивать" земли для просителей, давать имъ „увязанье" въ нихъ и т. д.; частью по возбужденью отъ самихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, которые черезъ нихъ выпрашивали себѣ имѣнья у господаря, обращались къ нимъ за разрѣшеньемъ продать-купить имѣнье, записать кому-нибудь, помѣняться и т. д.

Выше (на стр. 371, 372) было приведено нѣсколько примѣровъ обращенія центральнаго правительства къ намѣстникамъ-державцамъ за справками относительно жалуемыхъ имѣній и съ порученіемъ приискать людей и земли для пожалованья разнымъ лицамъ. Приведемъ въ добавленье къ нимъ еще нѣсколько примѣровъ того и другого рода. Бояринъ брянскій Иванъ Васильевичъ выслужилъ на великомъ князѣ Сигизмундѣ имѣнье Жирятинъ въ Брянскомъ повѣтѣ. По смерти его князь Иванъ Андреевичъ, державшій Брянскъ изъ рукъ короля Казимира, отнялъ у брата покойнаго боярина, Карпа, Жирятинъ. Сынъ этого Карпа Еня билъ челомъ великому князю Александру „о свою близскость". Тогда великій князь поручилъ намѣстнику Брянскому кн. Ѳедору Ивановичу Жеславскому „опытать" мѣстныхъ бояръ, дѣй-

---

[1216]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 104, 105.

ствительно ли имѣнье Жирятинъ дядковщина Ени Карповича, и, когда получилъ отъ намѣстника утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему дать Енѣ „увязанье“: „нехай онъ тое имѣнье самъ держить, а намъ съ того службу служить“ [1217]). Король Сигизмундъ, у котораго воевода Троцкій панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича просилъ въ Мойшакгольскомъ повѣтѣ человѣка путнаго Миколая Милошевича съ его братаничами и двухъ земель пустовскихъ, Кганусишекъ и Кгинтишекъ, писалъ о томъ намѣстнику Мойшакгольскому, приказывая довѣдаться, „какій то есть человѣкъ, а што за служба съ него, и земли тыи пусты аль не пусты“. Получивъ отвѣтъ, согласный съ показаніемъ просителя, король пожаловалъ ему людей и земли на вѣчность и приказалъ намѣстнику: „и ты бы его милости у нихъ увязанье далъ“ [1218]). Въ 1522 году, извѣщая державцу Волковыйскаго пана Юрья Глѣбовича о пожалованіи дворянину Ѳедору Бакѣ двѣнадцати служебъ людей въ селѣ Ясеновичахъ, король писалъ ему: „нижли здѣся войтъ мѣста Волковыйского и бурмистры и радцы повѣдили передъ нами, што жъ дей нѣкоторые люди того сельца домы и дворища свои звѣчные въ мѣстѣ нашомъ Волковыйскомъ маюць, а таки дей въ селѣ земли собѣ позакупали въ людей нашихъ: прото жъ, што бы еси о томъ ся довѣдалъ, естли то суть люди мѣщане Волковыйскіе, а тамъ земли собѣ позакупали и тыхъ имена ажбы еси къ намъ отписалъ“ [1219]) и т. д. Въ 1514 году король Сигизмундъ писалъ державцѣ Бряславскому пану Ивану Семеновичу Сопѣгѣ, „абы, обыскавши у Бряславскомъ повѣтѣ чотыри человѣки а двѣ земли пустовскихъ, и ему (боярину Кгетовту Калениковичу) далъ“. Державца исполнилъ приказъ короля, который и утвердилъ людей и земли за бояриномъ на вѣчность [1220]).—Намѣстники-державцы по просьбѣ разныхъ лицъ ходатайствовали предъ господаремъ о пожалованіи имъ имѣнья. Такъ, намѣстникъ Вруцкій панъ Сенько Романовичъ ходатайствовалъ предъ королемъ Сигизмундомъ за бояръ Ѳедора и Гриня Петрашевичей и писалъ королю, по словамъ жалованной грамоты, „ижъ они намъ слуги добрые, абыхмо ихъ помѣстьемъ какимъ осмотрѣли“ [1221]). Съ вѣдома и разрѣшенья намѣстниковъ державцевъ происходили и различныя сдѣлки и пере-

[1217]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19.
[1218]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.
[1219]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 34.
[1220]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 117, 118.
[1221]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.

мѣны въ сферѣ какъ военнослужилаго, такъ и крестьянскаго землевладѣнія. Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ 1506 году боярину Митку Ѳедоровичу на людей и земли въ Браславскомъ повѣтѣ, читаемъ между прочимъ: „повѣдилъ передъ нами, што жъ купилъ двѣ землицы въ Браславскомъ повѣтѣ, на имя Девкутевщину а Кубовщину, зъ дозволеньемъ пана Юрья Зеновьевича въ тотъ часъ, какъ онъ отъ насъ Браславль держалъ“ [1222]). Королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ Слонимскаго повѣта Давыдъ Сытичъ „и повѣдалъ передъ нами,—гласитъ королевскій листъ,—ижъ онъ мѣнялъ огороды и селищи зъ людьми нашыми Слонимское волости зъ Богданомъ а зъ Мартиномъ Пацевичи,... какъ же и маршалокъ земскій, державца Слонимскій, небощыкъ панъ Янъ Миколаевичъ о томъ ся довѣдывалъ, ижъ то есть безъ шкодного нашого господарского, и дозволилъ ему съ тыми людми нашыми тыми огороды и селищи мѣняти и листъ свой дозволеный на то ему далъ;... и тотъ онъ листъ небощыка пана Яновъ дозволеный и тежъ листъ мѣновный тыхъ людей нашыхъ на тую мѣну свою передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ“,—что король и исполнилъ [1223]) и т. д. Такимъ образомъ, предписаніе земскихъ привилеевъ 1457, 1492, 1506 г.г. продавать, мѣнять, отчуждать и дарить имѣнья передъ господаремъ или передъ намѣстниками (по другому списку „врадники“, лат. officiales) имѣло въ виду не однихъ только намѣстниковъ главныхъ городовъ областей, но и второстепенныхъ. Статутъ 1529 года предоставилъ князьямъ, панамъ и земянамъ-шляхтѣ „продати и променити и отдати и записати“ „пришодши обличне передъ насъ господаря, а без бытности нашое панов воевод и маршалковъ нашихъ земского и дворного и старост нашихъ, въ котором повѣтѣ хто з нихъ бутеть“ [1224]). Повидимому, число правительственныхъ мѣстъ, гдѣ можно было получить дозволенье на отчужденье или пріобрѣтенье имѣнья, здѣсь ограничено было столицею и главными городами областей. Но принимая во вниманіе, что ко времени изданья Статута 1529 г. терминъ „староста“ сталъ прилагаться нерѣдко къ мѣстнымъ правителямъ, имѣвшимъ свою резиденцію въ пригородахъ областей, нельзя допустить такое ограниченіе, а пропускъ державцевъ нужно отнести къ простой редакціонной неисправности закона.

[1222]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 311.

[1223]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 222.

[1224]) 15 арт. I раздѣла.

XLV.

Въ частныхъ случаяхъ люди, владѣвшіе земскими маетностями и не принадлежавшіе къ крестьянскому сословію, освобождались иногда отъ обязанности военной службы. Такъ, великій князь пожаловалъ какому-то Васку смолнянину привилей—„войну не ходити а ни подводъ давати, зъ городомъ не тягнути“ [1225]). Онъ же продалъ нѣкоему Ивану Луду войтовство Владимирское и Литовижское „вѣчно ему и дѣтемъ его, и потомъ будучимъ щадкомъ ихъ, зъ землями пашными и съ сѣножатьми, и зъ озеры, и зъ млыны, и со всими платы и вжитки, которые здавна къ тымъ войтовствамъ Володимерскому а Литовижскому слушають“. Войты съ своихъ имѣній по общему порядку должны были отбывать земскую службу, но Казимиръ Ивана Луда особымъ листомъ „вызволилъ съ тыхъ обѣихъ войтовствъ на войну не ходити до его живота зъ старостою Луцкимъ и зъ намѣстникомъ Володимерскимъ, и зъ маршалкомъ Волынскоѣ земли, и съ князи и съ паны Волынское земли“. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ сыну Ѳедку „тые войтовства и на войну нехоженья“ [1226]). Въ 1498 году онъ пожаловалъ ему дворище Зчарки близъ Литовижа и отпустилъ „ему и его жонѣ, и ихъ дѣтямъ, и потомъ будучимъ ихъ счадкомъ съ того дворища на войну не ходити, ни иное никоторое службы не служити“ [1227]). Но подобныя изъятія были сравнительно рѣдки, и всѣ владѣльцы земскихъ имѣній должны были нести съ нихъ военную службу, выставлять извѣстное количество конныхъ ратниковъ.

Въ числѣ этихъ ратниковъ должны были быть непремѣнно сами землевладѣльцы своею „парсуною“. Отъ этой обязанности они освобождались только за старостью или болѣзнью (форобою“) и въ такомъ случаѣ должны были выставить за себя родственника или слугу. Въ 1523 году королю Сигизмунду билъ челомъ тивунъ Поюрскій, „што жъ онъ самъ старъ и недужъ на службу нашу на войну ѣздити для старости своей, а сына дей въ собѣ одного маеть“, и просилъ короля освободить его отъ службы „парсуною“. Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему листъ до гетмана наивысшаго кн. Константина Ивановича Острожскаго, въ которомъ писалъ: „маеть онъ сына своего и съ своими слугами на службу нашу на войну посылати; а

[1225]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 21.
[1226]) Ibidem, л. 83. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 92, 121.
[1227]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

естли бы сына его при немъ не было, и онъ маеть которого доброго человѣка на свое мѣстцо посылати водлѣ ухвалы земское" [1228]). По Статуту 1529 года даже и здоровый человѣкъ, имѣвшій годнаго къ военной службѣ сына, могъ замѣниться имъ. Для этого онъ долженъ былъ представиться съ нимъ гетману и получить отъ него разрѣшеніе [1229]). Старые бездѣтные землевладѣльцы, которыхъ некому было замѣнить, чтобы не оказаться неисправными въ господарской службѣ, принимали къ себѣ родственниковъ или чужихъ „за сына мѣсто" и записывали имъ свои имѣнья съ „призволенья" великаго князя. Такихъ записей и господарскихъ подтвержденій находится множество въ записяхъ Литовской Метрики. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ записей, въ которыхъ ясно выражены мотивы принятья „за сына мѣсто". Въ 1501 году великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ Олехно Васильевичъ Хребтовича и повѣдалъ, „што жъ бояринъ слонимскій Сенько Толтикгиновичъ, будучи при старости *для нашое* (господарское) *службы* взялъ его собѣ за сына мѣстъ и записалъ ему дворецъ, выслугу свою, на Грывдѣ и землю пустовскую на имя Пилиповщину, со всею землею пашною и дворною и зъ людьми, какъ самъ держалъ"; Олехно просилъ великаго князя утвердить все это за нимъ на вѣчность, что и было исполнено [1230]). Въ 1522 году королю Сигизмунду билъ челомъ свирный Станько Ивашковичъ и повѣдалъ, „ижъ бояринъ Виленьского повѣту Войтко Петковичъ Жудвей и зъ жоною своею Доротою, будучы при старости, а дѣтей въ себѣ не маючы, и *не могучы службы нашое и земское заслуговати,* взяли его за сына мѣстъ и имѣнейцо свое у Рубнѣ ему записали"; свирный просилъ короля дать ему на это имѣнье листъ, который и былъ выданъ 3 октября [1231]) и т. д. Чаще всего бездѣтные военнослужилые землевладѣльцы записывали свои имѣнья (разумѣется, съ соблюденіемъ закона, дѣйствовавшаго относительно отчинъ) своимъ ближнимъ или дальнимъ родственникамъ, которые обязывались держать ихъ въ чести, беречь въ покоѣ и заступать за нихъ земскую службу. Въ 1495 году, напр., великому князя Александру билъ челомъ бояринъ минскій Дашко Сенковичъ и, доложивъ, „што жъ вжо самъ старъ, дѣтей не маеть", просилъ дозволить ему „тотъ его дворецъ и того человѣка на имя Ермака Хомича записати по своемъ животѣ сестрен-

---

[1228]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 118.

[1229]) 2 арт. II раздѣла.

[1230]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.

[1231]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 30

цомъ его, Яну Корейвичу и его братьи". Великій князь дозволилъ и выдалъ листъ, въ которомъ написалъ: „и имъ то потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно подлугъ листу отца нашого и его милости данины (имѣнье было выслужено Дашкомъ на королѣ Казимирѣ): не хай они тотъ дворецъ и того человѣка держать, а намъ съ того службу служать по тому, какъ и первѣй того служба наша шла, а того дядка своего мають они до смерти ховати и въ чьсти его держати" [1232]). Бояринъ Ошменскаго повѣта Петръ Матьясовичъ повѣдалъ королю Сигизмунду, „ижъ дядко его Адамъ Петрашовичъ веспоЛокъ зъ жоною, будучи при старости и не маючи дѣтей въ себе, а видячы, ижъ онъ вже недужъ службы нашое (господарское) и земское служити, и для тое причины взяли его собѣ, яко то близского, за сына мѣсто и записали ему третюю часть имѣнья своего отчизного....... и ку тому купленину свою и што тежъ позакупалъ, на имя Тамашовщину, и иншіи земли,...... а рухомыхъ речей: коней, быдла и челяди невольное, што маеть у дому своемъ, то пакъ же все ему записалъ, а онъ до смерти его маеть за него службу нашу земскую заступовати; а тотъ Адамъ съ того имѣнья своего на службу нашу какъ коньми, такъ и зброями и всякими речьми, што на то прислуша, маеть выправовати; и того имѣнья мають они оба вживати ажъ до своего живота; а по животѣ того Адама тотъ Петръ маеть третюю часть имѣнья его, купленину и што тежъ тотъ Адамъ позакупалъ, ото всихъ близскихъ держати"; Петръ Матьясовичъ представилъ королю и листъ записной дяди „подъ печатьми людей добрыхъ" и просилъ подтвердить ему все это на вѣчность, что король и исполнилъ. Изъ условія этой записи и принятья „за сына мѣсто" ясно видно, что въ подобныхъ случаяхъ имѣлось въ виду избавиться отъ личной службы, замѣнить свою „парсуну" пріемнымъ сыномъ. Впрочемъ, Петръ Матьясовичъ выхлопоталъ себѣ у короля льготу. „И къ тому повѣдилъ передъ нами,—читаемъ въ подтвердительномъ листѣ короля отъ 17 февраля 1527 года,—ижъ онъ мѣшкаеть у мѣстѣ нашомъ Виленьскомъ и торгомъ ся обыходить для пожитку своего, и естли бы коли для омешканья не поспѣлъ на службу нашу съ того имѣнья ѣхати, абыхмо дозволили ему на свое мѣстцо такъ доброго, яко онъ, на службу нашу послати". Король далъ ему разрѣшеніе: „не маеть онъ самъ съ того имѣнья на службу нашу и земскую ѣздити, нижли маеть чоловѣка доброго съ того имѣнья на службу нашу и земскую посылати,

---

[1232]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 28.

какъ онъ самъ, съ тымъ почтомъ людей, который тотъ Адамъ съ того имѣнья служилъ" [1233]). Но если бы это разрѣшенье не было дано, Петръ Матьясовичъ непремѣнно долженъ былъ бы лично выѣзжать на войну, по смыслу того обязательства, которое онъ принялъ на себя предъ дядею своимъ Адамомъ Петрашовичемъ.

Отъ личной службы не освобождались и бояре, въ имѣньяхъ которыхъ не жило такого количества крестьянъ, съ какого, по сеймовымъ „ухваламъ", выставлялся ратникъ въ полной аммуниціи, не освобождались даже и тѣ, которые не имѣли ни одного человѣка и сами пахали свою землю [1234]). Вслѣдствіе этого и въ упоминавшемся уже не разъ „пописѣ шляхты и ихъ людей" 1528 г. часто находимъ такія оглавленія: „То—бояре, которые людей своихъ не маютъ, только сами головами своими повинни на службу ѣхати" [1235]). Но такіе бояре выѣзжали на войну на конѣ и въ аммуниціи „не водлугъ уставы, але водлѣ можности своее" [1236]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда военнослужилый человѣкъ владѣлъ нѣсколькими имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, онъ долженъ былъ лично выѣзжать на войну съ своего отчиннаго „головного" имѣнья. Такъ постановлено въ Статутѣ 1529 года [1237]); но это, по всѣмъ даннымъ, давній порядокъ, существованіе котораго подтверждаютъ самыя исключенія изъ него. Такъ, напр., въ 1507 году король Сигизмундъ выдалъ привилей боярину кіевскому Ивашку Полозовичу: „самъ онъ головою своею маеть службу нашу и земскую зъ имѣней Пинскихъ заступовати, а съ Кіевскихъ имѣней казали есмо ему слугами своими службу служыти подлугъ нынѣшнее ухвалы земское.....; а по его жывотѣ дѣти его сами головами своими маютъ съ Кіевскихъ имѣней службу нашу заступовати" [1238]). Правило относительно личной службы землевладѣльцевъ, которые держатъ имѣнья свои подъ господаремъ, проведено въ Статутѣ 1529 года съ полною строгостью. „Хочемъ теж и приказуем грозно,—гласитъ 2 арт. II раздѣла,—абы вси подданные наши военную службу повинни не инде бы ся шиховали ани ся инде становили парсонами своими толко под

[1233]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 342—344.

[1234]) Акты Зап. Рос. II, № 161.

[1235]) Литов. Метр. кн. Публич. Дѣлъ I, л. 11—19 и др. Срав. 1 арт. II раздѣла Статута 1529 года.

[1236]) Акты Зап. Рос. II, № 161; 1 арт. II раздѣла Статута 1529 г.

[1237]) 2 арт. II раздѣла.

[1238]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 290, 291.

хоругвью своею поветовою, в котором повете сут осели, кроме особного расказанья гетманскаго. А естли бы который с нихъ службу мел въ нѣкоторого пана рад нашихъ або врадников або тежъ въ кого иного, тотъ будеть повинен местце свое подле пана своего, которому прислухает, ким иным войны неповинным осадити, а местца своего хоруговного яко повиннейшого жадною мерою опустити и омешкати не смел под страченем именя своего..... И теж которые слуги князские и панские маючи под князми и паны именя, а другие именья подъ Господаремъ покупили, тогды в часъ потребы оставившы пана своего мают ся подле хоругве становити для тых именей своих, которы под Королемъ покупили".

По Статуту 1529 года военную службу должны были отправлять и „вдова также и кождый сирота, лета суполные маючы або не маючи, и всякій оный чловекъ именье маючы". Статутъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, лишь подтверждаетъ то, что уже и ранѣе имѣло силу закона. Въ земскомъ привилеѣ короля Александра 1492 года находимъ, напр., такой артикулъ: Item, viduae quae remanserint in bonis haereditariis post mortem maritorum, ad servitia terrestria et bellicas expeditiones juxta facultatem possessionum obligabuntur [1239]). Разумѣется, женщины и малолѣтніе избавлены были отъ личной обязанности являться въ войско и должны были высылать только свои „почты" подъ начальствомъ „добрыхъ" слугъ. Но отвѣтственность ихъ за исправность военной службы была такая же, какъ и совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Это заставляло многихъ женщинъ даже на старости лѣтъ выходить замужъ, чтобы имѣть во главѣ своихъ „почтовъ" надежныхъ людей, которые могутъ довести эти почты въ сборный пунктъ и держать ихъ въ войскѣ въ полномъ составѣ. Многія женщины съ этою цѣлью записывали имѣнья родственникамъ или чужимъ или продавали ихъ, предпочитая жить съ движимаго капитала, чѣмъ съ имѣній, которыя за неисправность военной службы отбирались. Бывали даже случаи, когда женщины бросали имѣнья за невозможностью нести исправно съ нихъ военную службу. Такъ, въ 1529 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность земянину Бѣльскаго повѣта Григорью Тимоѳеевичу землицу Рѣчковщину, исторія которой, по словамъ королевскаго листа, была такова: „которое жъ земли отчича Корицкій забилъ, и только на той земли вдова сидѣла, а дѣтей не мѣла, а намъ отъ нея службы никоторое не было; и при-

1239) Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

шодшы передъ его милость (старосту Бѣльскаго пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда) самодобровольно тую землю спустила (Григорью Тимоѳеевичу), на што жъ его милость и листъ ему свой далъ,.... въ которомъ же листѣ стоить выписано, ижъ росказалъ его милость ему съ тое земли намъ службу служыть по тому, какъ и иншіи бояре Бѣльскіе служать" [1240]). За исправностью военной службы съ имѣній несовершеннолѣтнихъ владѣльцевъ слѣдили опекуны, которые и отвѣчали предъ владѣльцами, если тратили ихъ имѣнья по случаю неисправности въ отбываніи военной службы [1241]).

Военная служба шла и съ тѣхъ имѣній, которыя принадлежали духовнымъ лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ. Въ ряды духовенства вступали иногда люди, владѣвшіе земскими маетностями, съ которыхъ они по прежнему должны были нести военную службу, такъ какъ эти имѣнья составляли ихъ личную собственность. Статутъ 1529 г., подтверждая уже дѣйствовавшее право, категорически говоритъ о томъ, что съ имѣній землевладѣльцевъ, вступившихъ въ духовное званіе, должна была идти военная служба, а ихъ „парсоны" были „въ ласцѣ господарской", т. е. отъ воли господаря зависѣло вызвать ихъ лично на войну или дозволить имъ поставить на свое мѣсто „доброго слугу". Но еслибы духовное лицо приняло въ залогъ имѣнье, съ такого „закупного" имѣнья оно обязано было непремѣнно лично выѣзжать на войну" [1242]). Санъ не препятствовалъ литовско-русскому духовенству даже пріобрѣтать земскія имѣнья въ личную собственность, вслѣдствіе чего, естественно, должна была падать на него и обязанность военной службы. Въ 1498 году владыка Смоленскій Іосифъ купилъ у дворянина Ѳедка Шостова имѣнье Ярковичи въ Смоленскомъ повѣтѣ. Великій князь подтвердилъ это имѣнье владыкѣ *вѣчно*: „нижьли, не маетъ того имѣнья владыка къ церкви привлащати, а ни записати, а маетъ намъ съ того имѣнья земскую службу отправляти, такую, какъ и передъ тымъ съ того имѣнья служба бывала" [1243]). Изъ этого видно, что собственныя церковныя имѣнья, принадлежавшія церкви, какъ учрежденію не несли военной службы. Изъ другихъ актовъ изучаемаго времени видно, что и собственныя церковныя имѣнія далеко не всѣ освобождены были отъ обязанности военной службы. Извѣстная налич-

---

[1240]) Литов. Метр. кн. Запис XII, л. 393.

[1241]) 1 и 8 арт. V раздѣла Статута 1529 года.

[1242]) 2 и 3 арт. II раздѣла Статута 1528 г.

[1243]) Акты Зап. Рос. I, № 160. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 74. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 154.

ность такихъ имѣній несомнѣнно была, именно—имѣнія, пожалованныя церкви великимъ и удѣльными князьями литовскими, пріобрѣтенныя церковью въ давнія времена и освобожденныя князьями отъ военной службы (сюда могли принадлежать и имѣнья, пріобрѣтенныя церковью еще въ тѣ времена, когда военная служба не связана была тѣсно съ землевладѣніемъ). Извѣстно, напр., что Ягелло въ 1387 году выдалъ католическому духовенству на Литвѣ привилей, коимъ онъ освободилъ его имѣнья отъ всякихъ повинностей [1244]). Удѣльные князья съ своей стороны, жалуя церквамъ и монастырямъ имѣнья, освобождали ихъ отъ всякихъ повинностей [1245]). То же дѣлали съ дозволенья господаря и князья служилые, паны, бояре и другіе землевладѣльцы [1246]). Но на ряду съ этими имѣньями съ теченіемъ времени церкви стали принадлежать и земельныя имущества, съ которыхъ она должна была нести военную службу. Князья, паны, бояре-шляхта и мѣщане, получивъ право записывать и продавать церкви свои имѣнья, не получили вмѣстѣ съ тѣмъ права очищать эти имѣнья отъ военной и другихъ государственныхъ повинностей, которыя и падали часто на церковь вмѣстѣ съ имѣньями. Въ 1508 году, напр., королю Сигизмунду повѣдалъ владыка Луцкій Кириллъ, „што жъ маршалокъ... староста Володимерскій панъ Ѳедоръ Янушевичъ, зъ волею панеѣ своеѣ пани Ѳенны, посполитою рукою дали и записали къ церкви Божьей къ Святому Іоанну Богослову, въ Луцку, имѣнья свои отчизные, въ Луцкомъ повѣтѣ, на имя Колодези а Жабче,.... на памятъ души своеѣ и предковъ своихъ“,—и просилъ подтвердить особымъ листомъ. Король исполнилъ эту просьбу и написалъ въ своемъ листѣ: „а владыка Кириллъ и по немъ будучыи епископи маютъ съ тыхъ имѣней людей своихъ на службу земскую посылати, посполу съ князи и паны и земяны, противъ всякого непріятеля нашого, подлугъ уставы и ухвалы земли Волыньскоѣ“ [1247]). Службу земскую съ своихъ имѣній несли и монастыри, напр., Кіево-Печерскій монастырь при Сигизмундѣ выставлялъ десять человѣкъ „на конѣхъ у зброяхъ“ [1248]). Разумѣется, господарь, подтверждая церкви записанныя имѣнья, могъ освобождать ихъ отъ военной повинности. Статутъ 1529 года сдѣлалъ общимъ прави-

---

[1244]) Scarbiec dyplomatów I, № 540.

[1245]) См., напр., Акты Зап. Рос. I, № 43, 82, 177.

[1246]) См., напр., Археографическій сборникъ, изданный въ Вильнѣ т. I, № 10 и 11.

[1247]) Акты Зап. Рос. II, № 82.

[1248]) Ibidem, № 112.

ломъ, чтобы съ имѣній, записанныхъ на церковь православными и католиками, отправлялась военная служба. „Хто бы хотел куплю на церковь записати,—гласитъ 18 артикулъ V раздѣла,—мает записати тым обычаем, который колве духовны тое имене будет держати, толко маеть с того имени службу земскую конно а збройно служити водле уставы и уфалы земское, юж от чого часу уставуем. Иж хто бы записал имене на костел, тогды с того имени также мает служба быти яко и первей была". Конечно, съ такихъ имѣній духовные должны были не лично отправлять военную службу, а только посылать добрыхъ слугъ съ „почтами".

Изъ кого же состояли эти „почты", которые выводили на войну военнослужилые землевладѣльцы? Князья и паны, получившіе по наслѣдству или отъ господаря цѣлыя волости и вообще крупныя имѣнья, имѣли въ составѣ ихъ своихъ бояръ и земянъ, которыми и „заступовали" земскую службу. Эти бояре и земяне находились на такомъ же положеніи, какъ бояре и земяне, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ. Они могли владѣть своими земельными участками вѣчно и непорушно, но съ непремѣнною обязанностью служить владѣльцу имѣнья, къ составу котораго принадлежали ихъ имѣнья. Такъ, княгиня Марья, жена кн. Василья Михайловича Верейскаго, пожаловала „боярина своего Мицка Коробку землею на имя Вяжевщиною вѣчно и нерухомо ему и его дѣтемъ, поки онъ самъ служыть моимъ дѣтемъ, и дѣти его внучатомъ моимъ, и со всимъ съ тымъ, што к той земли потягло изъ старины" [1249]). Владѣльцы не могли согнать своихъ бояръ съ имѣній, если это были отчины ихъ или выслуги на вѣчность, подобно тому, какъ самъ господарь не могъ по закону отбирать у своихъ бояръ отчинъ ихъ и выслугъ на вѣчность. Въ 1499 году великому князю Александру жаловалась боярыня мстиславская Кахна, вдова Ивашка Ольгишевича, на князя Михаила Ивановича, что онъ, пріѣхавъ до Мстиславля, отнялъ у нея имѣнье Хвостово съ приселками, которое пожаловалъ свекру ея Василью Ольгишевичу покойный князь Юрій Лингвеньевичъ „вѣчно". Боярыня представила и привилей князя Юры, послѣ чего великій князь съ панами радою присудилъ возвратить ей имѣнье и ея ребенку, съ которымъ она осталась по смерти мужа: „нижли она и дитя ее мають съ того имѣнья служити князю Михаилу Мстиславскому" [1250]). Но если владѣльцы не могли произвольно ли-

---

[1249]) Литов. Метр. кн. Корон. Переп. XXIV, док. 28.

[1250]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 156.

шать своихъ бояръ и земянъ земель, тѣмъ не менѣе эти имѣнья признавались неотъемлемою принадлежностью, составными частями княжескихъ и панскихъ волостей и раздѣляли вмѣстѣ съ ними ихъ судьбу. Такъ, въ томъ же 1499 году великій князь Александръ, присудивъ Слуцкъ и Копыль князю Семену Михайловичу, подтвердилъ ему ихъ на вѣчность „со всими князи и бояры..... и зъ ихъ имѣньи" [1251]). Поэтому, когда въ 1528 году боярыня Матруна, владѣвшая въ княжествѣ Слуцкомъ имѣньемъ Скепьевомъ, стала было выламываться изъ подданства князю Юрью Семеновичу, король Сигизмундъ присудилъ ея имѣнье къ Слуцку. Боярыня указывала на то, что Скепьево и дворецъ Ходковскій въ Турцѣ пожаловалъ предку ея мужа Митку Гущѣ кн. Александръ Владимировичъ на вѣчность, съ правомъ „тыи имѣнья отдати и продати и замѣнити и къ своему лѣпшому и вжиточному обернути", въ доказательство чего представила и самый привилей кн. Олелька. Но князь Юрій Семеновичъ заявилъ королю, „ижъ предокъ его князь Александро тыи имѣнья Митку Гущы далъ, але отъ себе ихъ не вызволилъ, же бы мялъ съ тыми имѣньи кому иному добровольне служыти"; кромѣ того, король Александръ присудилъ отцу его кн. Семену Слуцкъ и Копыль съ дворами и волостьми, въ томъ числѣ и Скепьевомъ, „и отъ тыхъ часовъ отецъ и матка его и онъ самъ держали то во впокои и съ того дворца Ходковскаго тотъ истый Василій Скепьевскій и по немъ тая жона его Матруна были слугами предкамъ его и ему самому, а о томъ припоминанья жадного отъ нихъ не было ажъ и до тыхъ часовъ" [1252]). Лично бояре и земяне, какъ и въ господарскихъ имѣньяхъ, были, конечно, свободны и при желаніи могли оставить свои земли и служить, кому хотѣли. Такъ, король Сигизмундъ, подѣливъ отчинными и материнскими имѣньями вдову пана Яна Миколаевича и брата ея пана Петра Станиславовича, написалъ въ „дѣльчемъ листѣ": „а бояре съ обу сторонъ, земли оставивши, кому хотять, тому мають служити, а одинъ къ другому маеть ихъ пустити со всими ихъ статки домовыми, а съ челядью купленою, и со всими рухомыми речьми, и зъ житомъ и яринами, што у гумнѣ, и што въ земляхъ посѣяно, а ничимъ не мають гамованы быти" [1253]). Въ 1528 году тотъ же король писалъ князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому: „што есьмо смотрѣли тебе съ бояры чечериньскими Иваномъ Борисовичемъ а съ Ѳедкомъ Нестеровичомъ, которыи имѣнья

[1251]) Акты Зап. Рос. I, № 163.
[1252]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51, 52.
[1253]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 86—8.

держали въ Тетериньскомъ повѣтѣ Костюковичы а Ногоевичы, мы тыи имѣнья присудили тобѣ къ Тетерыну; а што ся дотычетъ статковъ ихъ, пенязей и коней, быдла и збожья, и сѣна и рухомыхъ иныхъ речей, и ихъ накладовъ, съ тымъ со всимъ казали есьмо имъ съ тыхъ имѣней *повыпровадитисъ*, а тобѣ есьмо очевисте росказали доброволне ихъ оттоль со всимъ выпустити" [1254]). Бояре и земяне частновладѣльческіе лишь въ томъ случаѣ могли перейдти на службу къ другому лицу съ имѣньемъ, если оно записано было имъ съ правомъ служить, кому хотятъ. О такихъ записяхъ довольно часто упоминаютъ акты изучаемаго времени, большею частью подтвержденья господарскія этихъ записей. Такъ, напр., панъ Миколай Жикгимонтовичъ при Казимирѣ или въ началѣ княженья Александра записалъ слугѣ своему Шимку Яновичу людей и земли „тымъ обычаемъ, што жъ онъ то воленъ отдати и продати *и съ тымъ служити, кому бы хотѣлъ*" [1255]). Панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича пожаловалъ Степану Чаплину, „вбачивши его вѣрную а пильную службу, которую жъ онъ ся заховалъ, служачы отцу а матцѣ его ажъ до смерти ихъ и ему зъ дѣтства его до усхованья лѣтъ его", „дворецъ свой отчинный въ Берестовицкомъ повѣтѣ на имя Павлишки, который жо держалъ боярынъ его Богданъ Старышчинъ, и зъ людми, и съ челядью невольною, и зъ статки домовыми, и зъ землями пашными и бортными" и, кромѣ того, нѣкоторыя другія имѣнья; при этомъ онъ выдалъ Степану, его женѣ и дѣтямъ привилей: „мають со всею его тою даниною по своей доброй воли служити намъ (королю) або кому похотять". Король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ всѣ эти имѣнья Степану Чаплину въ потомственное вѣчное владѣніе [1256]). Панъ Янъ Станиславовичъ Глѣбовича записалъ, а король Сигизмундъ въ 1518 году подтвердилъ дворянину Яну Стецковичу Ростросовича имѣнье Дудичи на Исколти; „а въ томъ листѣ пана Яновомъ стоить, ижъ онъ воленъ съ тымъ имѣньемъ служити намъ господару або кому будеть его добрая воля" [1257]). Въ 1523 году королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ Матей и повѣдалъ, „ижъ князь Янъ Талимонтовичъ далъ ему и его жонѣ и ихъ дѣтемъ за его службу человѣка своего на имя Ѳедка Кгладышовича и зъ его сынми зъ Бартошомъ и Стецомъ и Матейцомъ, и зъ землею ихъ, и со всимъ съ тымъ, какъ ся тотъ чоловѣкъ

[1254]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 33.
[1255]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 144.
[1256]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 219, 220.
[1257]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 15.

здавна въ собѣ маетъ, и казалъ ему по своемъ жывотѣ и по жывотѣ жоны своее съ тымъ чоловѣкомъ служыти кому его воля". Бояринъ представилъ королю и листъ—данину князя Яна и просилъ подтвердить на вѣчность, что король и исполнилъ [1258]). Въ 1529 году королю билъ челомъ бояринъ Сенько Михайловичъ и повѣдалъ, „што жъ державца Бирштаньскій князь Матѳей Микитиничъ, узнавши его къ собѣ вѣрную службу, и зъ ласки своее далъ ему сельцо имѣнья своего Головчынского на имя Овсековское Иванковичовъ, въ которомъ жо сельцы передъ тымъ три человѣки, а на тотъ часъ одинъ человѣкъ, на имя Никифоръ, въ томъ сельцы остался, а два сошли прочъ,—и къ тому сельцу далъ ему три земли пустовскихъ и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучымъ ихъ щадкомъ вѣчно и на вѣки непорушно,..... ничого на себе и на дѣти, и потомки, и на ближніи свои не оставляючи, и дозволилъ ему съ тымъ имѣнейцомъ пры своемъ жывотѣ и по смерти своей *кому хотя служыти* и то отдати, продати и замѣнити и къ своему лѣпшому и вжыточному обернути, какъ самъ наилѣпѣй розумѣючы" [1259]). По просьбѣ его король подтвердилъ ему сельцо и земли, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Такія имѣнья выходили уже совершенно изъ состава даннаго княжескаго или панскаго владѣнія, становились такою же свободною собственностью, какъ и то цѣлое, часть котораго они прежде составляли, и которымъ владѣльцы пользовались „съ полнымъ правомъ и панствомъ". Разумѣется, и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, какъ вообще съ княжескихъ и панскихъ, но эти имѣнья не считались „подъ господаремъ", и господарь не могъ de jure отдать ихъ владѣльцевъ снова въ частное подданство. Бояре съ такими имѣньями иногда били челомъ на службу господарю, который, такимъ образомъ, пріобрѣталъ на эти имѣнья тѣ же права, какія имѣлъ на имѣнья своихъ собственныхъ бояръ. Князь Семенъ Романовичъ Кобринскій пожаловалъ своему боярину Данилу Кгирдеевичу село Пришихвосты „вѣчно ему и его жонѣ, и дѣтемъ ихъ, и напотомъ будучымъ ихъ счадкомъ"; сынъ его, князь Иванъ Семеновичъ, съ матерью „тое село Пришихвосты и жеребей въ Городци Киршовскій и въ Ходлинѣ зеремя подтвердили ему своимъ листомъ". Въ 1509 году сынъ Данила Кгирдеевича Еско билъ челомъ королю Сигизмунду, „хотячы намъ съ тымъ имѣньемъ служити", какъ гласитъ листъ короля Сигизмунда,—

1258) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 70.
1259) Ibidem, л. 420, 421.

на что король изъявилъ свое согласіе и далъ ему особый листъ [1260]). Иногда такіе землевладѣльцы записывались съ имѣньями на службу къ князьямъ, панамъ и другимъ землевладѣльцамъ, и въ такомъ случаѣ ихъ имѣнья входили въ составъ владѣній этихъ послѣднихъ. Но тѣ военнослужилые землевладѣльцы, которые имѣли свои имѣнья подъ господаремъ, не могли записываться съ ними на службу къ частнымъ лицамъ. Они могли, конечно, передать ихъ въ другія руки, но тотъ, кто принималъ эти имѣнья, принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лежавшія на нихъ обязательства служить съ нихъ непосредственно господарю. Служба, которую несъ бояринъ непосредственно господарю, какъ увидимъ ниже, не отожествлялась и не приравнивалась службѣ, которую могъ нести тотъ же бояринъ въ „почтѣ" князя или пана. Поэтому господарь уничтожалъ записи своихъ бояръ и земянъ, по которымъ они обязывались кому-нибудь служить съ своими имѣньями. Въ 1522 году королю Сигизмунду жаловался земянинъ Янъ Славскій съ сыномъ своимъ Станиславомъ на вдову пана Миколая Миколаевича Алжбету и ея сыновей Яна и Станислава: „отнялъ дей у мене отецъ ихъ, небожчыкъ панъ воевода Виленскій, имѣнья моего властного Микитинского землю". Паны воеводичи отвѣчали: „отецъ дей нашъ тое земли въ него не отнималъ, нижли онъ самъ съ тымъ имѣньемъ своимъ отцу нашому на вѣчность служыти поддался и прывилей свой, который на тое имѣнье въ собѣ мѣлъ, отцу нашому отдалъ и отецъ нашъ къ тому имѣнью прыдалъ ему земли иншого имѣнья своего и свой прывилей ему на тыи земли далъ". Славскій возразилъ на это: „тыи дей земли, которыи мнѣ отецъ ихъ, небожчыкъ панъ воевода, далъ, суть здавна моего жъ имѣнья земли Микитинскіи, и хочу дей то перевести людьми добрыми". Судя по всему этому, покойный воевода захватилъ эти земли у мелкопомѣстнаго сосѣда, постоянно притѣснялъ его и довелъ его до того, что онъ счелъ за лучшее, чтобы избавиться отъ этихъ притѣсненій и воротить свои земли, поддаться на службу всесильному пану. По смерти его Славскій, опираясь на то, что онъ не имѣлъ въ сущности права записываться съ имѣньемъ на службу къ пану, и подалъ вышеприведенную жалобу королю. Послѣдній, отложивъ рѣшеніе о земляхъ, приданныхъ покойнымъ воеводою Славскому, до судебнаго разбирательства на мѣстѣ, велѣлъ воеводичамъ вернуть Славскому его привилей на имѣнье [1261]). Значитъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда бояре и слуги записывались съ имѣнья-

---

[1260]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 315, 316.

[1261]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 65—63.

ми на службу къ князьямъ или панамъ, и господарь не нарушалъ ихъ записей,—имѣнья ихъ были свободною маетностью, которую они не держали подъ господаремъ. Эти имѣнья могли пріобрѣтаться не только по дарственной записи, но и покупкою отъ князей, пановъ и другихъ владѣльцевъ, державшихъ ихъ съ полнымъ правомъ и панствомъ. Такъ, въ 1541 году служебникъ вдовы пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда Ѳедоръ Петеля, получивъ отъ нея три службы людей въ Койдановѣ, записался ей на службу со своими людьми куплеными. „А такъ я тежъ,—читаемъ въ его записи,—што маю въ себе куплѣныхъ людей, што отецъ мой небожчикъ купилъ въ Станислава а въ Мартина Шимковичовъ Скиндеровичовъ людей и земль ихъ за пятдесятъ копъ грошей, а въ Яна Андреевича Скиндиревича жъ также людей и земль ихъ за тридцать копъ грошей—именя ихъ Суетицкого, которыхъ людей осмъ служебъ,—а такъ и с тыми людми моими куплеными маю еи милости, панеи моей милостивой, я самъ и потомъки мои службу военную конно а збройно служити, такъ, якъ и иншыи бояре ее милости шляхта,—еи милости и потомкомъ ее милости на вѣчность“ [1263]). Изъ приведенной записи видно, что побужденіемъ бояръ и земянъ записываться съ своими имѣньями на службу господарю, князьямъ и панамъ было желаніе увеличить свои имѣнья придачею со стороны тѣхъ, къ кому они записывались на службу. Кромѣ того, къ этому могли склонять и притѣсненія, чинившіяся имъ могущественными сосѣдями, какъ было, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ съ земяниномъ Славскимъ. Корни разсматриваемаго явленія на Руси Литовской, слѣдовательно, были тѣ же, что̀ и корни коммендаціи въ западно-европейскихъ государствахъ въ эпоху возникновенія феодальныхъ отношеній.

Точно такъ же и система частнаго подданства была на Руси Литовской сложная, какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ. Бояре частныхъ владѣльцевъ могли получать отъ своихъ пановъ также крупныя имѣнья, съ которыхъ они должны были не лично только, но съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ выѣзжать на войну. Такъ, панъ Войтехъ Монивидовичъ, подстолій великаго княжества и намѣстникъ Новгородскій (въ 1471—1475 гг.), далъ слугѣ своему Пашку Кощеевичу землю, „брата его дѣльницу Мишкову, и съ сѣножатьми, со всимъ, што братъ его Мишко держалъ“, и сверхъ того человѣка Грица Нефедцевича съ братьею и ихъ землею: „а Пашко маеть со всего того,—писалъ

[1263]) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXIV, док. 41.

онъ въ своей жалованной грамотѣ, — служити ми (двѣ) ма службами" [1263]). Панъ Григорій Григорьевичъ Остиковича далъ нѣкоему Миколаю Войтеховичу имѣнье въ Мусникахъ „и мѣлъ ему тое имѣнье въ цѣлости заховати, на што жъ и прывилей свой подъ завѣсистыми печатьми на паркгаменѣ далъ, а службу съ него пану своему на трехъ конѣхъ служити конно и збруйно мѣлъ" [1264]). Про бояръ господарскихъ и говорить нечего: они сплошь и рядомъ владѣли такими имѣньями, съ которыхъ должны были выѣзжать на войну самъ-другъ, самъ-третей и т. д., какъ это видно изъ „пописа" ихъ, произведеннаго въ 1528 году. Списокъ господарскихъ бояръ Смоленской земли конца XV вѣка показываетъ, что въ такихъ случаяхъ бояре выѣзжали на войну съ взрослыми сыновьями, племянниками и другими родственниками; по аналогіи можно предполагать то же самое и относительно княжескихъ и панскихъ бояръ. Но могли быть случаи, когда господарскіе и частновладѣльческіе бояре въ этихъ случаяхъ отправляли военную службу съ своими *боярами*. Относительно господарскихъ бояръ существуютъ прямыя и опредѣленныя указанія въ источникахъ изучаемаго времени. Господарскій бояринъ Малхеръ Яновичъ Войтковича записалъ женѣ своей Ганнѣ по своемъ животѣ третью часть имѣній отчинныхъ „*зъ бояры, съ слугами путными*, зъ людми тяглыми и челядью неволною, и зъ землями пашными и бортными, и сѣножатми, зъ гаи и лѣсы" и т. д.; король Сигизмундъ въ 1524 году подтвердилъ Ганнѣ и ея второму мужу, дворянину Миколаю Андреевичу, записанныя имѣнья на вѣчность [1265]). Бояре господарскіе могли получать въ подданство бояръ вмѣстѣ съ имѣньями, которыя имъ доставались какимъ нибудь путемъ. Такъ, бояринъ господарскій Митя Ивановичъ помѣнялся съ паномъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ имѣньями: ему далъ имѣнье Сырчинъ, выслуженное у королевы Елены, а отъ него получилъ Пузыришки „*со всими бояры* того имѣнья и *слугами путными* и зъ людми данными и тяглыми и зъ ихъ землями" [1266]). Эти боярскіе бояре состояли въ такомъ же отношеніи подданства къ своимъ „господарямъ", или „панамъ", въ какомъ эти послѣдніе находились въ отношеніи къ господарю великому князю или къ князьямъ и панамъ. Въ 1542 году воеводѣ Виленскому жаловалась боярыня Виленскаго повѣта Дороменовая Милохна на боярина

[1263]) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXIV, док. 29.

[1264]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 126, 127.

[1265]) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 187, 188.

[1266]) Ibidem, л. 84.

того же повѣта Ивана Савича: „*бояринъ его*, на имя Мисюта, перехововалъ баробка моего, который въ мене втекъ, черезъ заказъ, а онъ ми справедливости вчинити не хотѣлъ". Воевода постановилъ „о паробка маеть въ него на того боярына права просити; а естли бы права не далъ, повиненъ будеть его передъ нами поставити" [1267]). Итакъ, бояре могли даже судить своихъ бояръ, какъ и другихъ подданныхъ.

Кромѣ князей, пановъ и крупныхъ землевладѣльцевъ изъ бояръ-шляхты, бояре были и у духовныхъ лицъ и учрежденій, напр., у владыки Смоленскаго [1268]), у Кіево-Печерскаго монастыря [1269]) и т. д.

Въ составѣ землевладѣльческихъ „почтовъ", кромѣ бояръ, выходили на войну такъ же, какъ и изъ господарскихъ волостей, слуги разныхъ наименованій, а за недостаткомъ ихъ крестьяне другихъ наименованій. О существованіи слугъ въ имѣньяхъ князей, пановъ и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ приведено не мало свидѣтельствъ на предшествующихъ страницахъ настоящихъ очерковъ. Эти свидѣтельства, можно сказать, попадаются на каждомъ шагу при чтеніи актовъ изучаемаго времени, и потому нѣтъ никакой надобности останавливаться на нихъ въ настоящемъ мѣстѣ. Приведемъ только нѣсколько фактовъ, касающихся слугъ бояръ и вообще мелкихъ землевладѣльцевъ. Такіе слуги часто жаловались имъ господаремъ, при чемъ владѣльцы не имѣли права требовать съ нихъ другой службы, кромѣ той, которую они служили и господарю. Въ 1506 году король Александръ пожаловалъ дворянину Стефану людей путныхъ въ Полоцкомъ повѣтѣ Шоловиничей съ такимъ условіемъ: „а мають тые люди ему служити не мнѣй, нижли тою службою, какъ и намъ самому господару служили; а всхотять ли отъ него прочъ поити для нѣкоторое его налоги, и они мають со всими своими статки поити отъ него прочъ доброволно гдѣ хотя, нижли Стефанъ и его жона и ихъ дѣти мають землю ихъ держати вѣчно со всимъ, какъ тая земля ихъ здавна въ своихъ границахъ маеть ся" [1270]). Король Сигизмундъ въ 1511 году пожаловалъ боярамъ невельскимъ Полоцкой земли Михаилу и Ивану людей путныхъ въ Кубличахъ „на имя: Ивана Матѳеева, Охрема, Ермола, Давида, Рыся, Ѳедота, Макара, Ивана Ермоловича, Ѳѳонаса, Нефедья, Матшака", и написалъ въ своемъ привилеѣ: „нехай они служать имъ

[1267]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 42.
[1268]) Акты Зап. Рос. I, № 148.
[1269]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № VII.
[1270]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 313, 314.

потому, какъ на насъ служили были" [1271]) и т. д. Наконецъ, извѣстная запись о Смоленской посощинѣ прямо говоритъ о томъ, что бояре въ своихъ имѣньяхъ осаживали нерѣдко на земляхъ слугъ [1272]).

Откуда набирались бояре и слуги частновладѣльческіе? По всѣмъ даннымъ, классъ этотъ того же происхожденія, что классъ бояръ и слугъ господарскихъ. Литовская Русь получила по наслѣдству отъ древней Руси классъ бояръ и слугъ, военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, лично свободныхъ, которые при нежеланіи нести службу своему господарю могли покидать его и переходить къ другому. Этотъ классъ литовско-русскіе князья пополняли элементами изъ простонародья и пришлыми. Пока существовала на Руси Литовской удѣльная система, бояре и слуги переходили отъ одного князя къ другому. Удѣльныхъ князей смѣнили крупные землевладѣльцы, князья и паны, получившіе свои имѣнья частью отъ господаря съ княжескими правами и властью надъ обществомъ, живщимъ въ ихъ имѣньяхъ, обязанные предъ господаремъ правительственнымъ сотрудничествомъ („радою"), военною службою и нѣкоторыми другими повинностями, связанными съ обязанностью защищать страну отъ непріятелей. На это же положеніе перешли и удѣльные князья, уцѣлѣвшіе при утвержденіи единодержавія, и перешли, надо сказать, легко, такъ какъ и удѣльный строй Литовской Руси не много разнился отъ того, который его замѣнилъ. Самъ господарь съ своими имѣньями занялъ среди этихъ землевладѣльцевъ, положеніе самаго крупнаго и вліятельнаго собственника, пожалованью котораго обязаны были своимъ происхожденьемъ многія имѣнья этихъ землевладѣльцевъ. Теперь понятно, какимъ образомъ могли появиться частновладѣльческіе бояре и слуги. Многіе изъ нихъ достались по наслѣдству,—именно бояре и слуги князей; многіе перешли въ частное подданство вслѣдствіе пожалованія господарскаго; князья, паны и другіе крупные землевладѣльцы могли пополнить ихъ контингентъ переводомъ въ бояре и слуги крестьянъ различныхъ службъ. И, наконецъ, бояре и слуги, въ теченіе всего изучаемаго времени не терявшіе личной свободы, доставшейся имъ по наслѣдству отъ древней Руси, могли поступать на службу къ частнымъ владѣльцамъ, уходя отъ господаря. Между господаремъ съ одной стороны, князьями, панами и другими крупными землевладѣльцами—съ другой, въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ тотъ же уговоръ, хотя и не писанный, ка-

[1271]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 168.
[1272]) Акты Запад. Рос, I, № 69.

кой заключали между собой князья сѣверо-восточной Руси въ XIV и XV в: „а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля". Въ актахъ изучаемаго времени сохранились указанія на переходъ господарскихъ бояръ на службу къ частнымъ владѣльцамъ. Такъ, напр., при Казимирѣ нѣкій Андрей Пыруленокъ, получивъ „мѣстцо у Смоленску у Валѣхъ", нѣкоторое время служилъ господарю, а потомъ перешелъ на службу къ владыкѣ Смоленскому Михаилу [1273]). Извѣстный уже списокъ господарскихъ бояръ и слугъ Смоленской земли, перечисляя всѣхъ членовъ ихъ семей, сплошь и рядомъ ставитъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ отмѣтку: „по службамъ". Разросшіяся семьи и роды бояръ и слугъ обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, такъ какъ всѣмъ на отчинѣ часто не съ чего было и не было надобности служить. Ушедшіе поступали на службу къ частнымъ владѣльцамъ и служили имъ либо „съ сукна", либо съ имѣній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное или потомственное владѣніе. Часто они даже и не бросали своихъ имѣній подъ господаремъ, являясь подданными и военнообязанными слугами двухъ владѣльцевъ. Съ другой стороны, частновладѣльческіе бояре и слуги пріобрѣтали нерѣдко имѣнья подъ господаремъ. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ: „У Смоленску сельцо Антипино Устейского—слугѣ пана Контолтову Миколаю, што держалъ Еско, и того дей Еска въ животѣ не стало, а съ того дей селца намъ службы нѣтъ; ино, будеть ли такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ,—и мы ему дали, а ему намъ особная служба служити" [1274]). Король Александръ далъ, а Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1507 году боярину пана Александра Ивановича Ходковича „два чоловѣки Волковыйского повѣта, на имя Шовяля а Микулу, и зъ ихъ землею отчинною Козловщиною вѣчно ему, его жонѣ и ихъ дѣтемъ" [1275]). Въ 1514 году король подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича Андрею Прокоповичу двѣ земли пустовскихъ, Нарейковщину и Мицовщину, которыя ему далъ намѣстникъ Румшишскій панъ Аврамъ Езофовичъ до господарской воли: „а онъ маеть,—писалъ король,—намъ съ того службу земскую заступовати" [1276]). Такъ создавались довольно запутанныя отношенія по службѣ, которыя Статутъ 1529 года разрѣшалъ такимъ образомъ: всѣ должны становиться „парсонами своими толко под

[1273]) Литов. Метр. кн. Запис. IV л. 129.
[1274]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34.
[1275]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144.
[1276]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

хоругвю своею повѣтовою, в которомъ повете сут осели". „А естли бы который с нихъ службу мел в некоторого пана рад нашихъ або врадниковъ або тежъ в кого иного, тотъ будеть повиненъ местце свое подле пана своего, которому прислухает, ким иным войны не повинным осадити, а местца своего хоруговного яко повиннейшого жадною мерою опустити и омешкати не смел подъ страченем имения своего". „И теж которые слуги князские и панские маючи под князми и паны имения, а другие именья подъ Господаремъ покупили, тогды в часъ потребы оставившы пана своего мают ся подле хоругове становити для тых именей своих, которы подъ Королемъ покупили. А естли бы хто таковый подъ хоруговью подъ которою имене купил стати не хотел, тогды тот именье на Господара тратит" [1277]).

Что бы покончить съ вопросомъ о военной службѣ, укажемъ въ заключеніе на то, что всѣ военнослужилые землевладѣльцы должны были на свой счетъ отправлять военную службу, „своими наклады". Объ этомъ уже говоритъ привилей, выданный Ягелломъ литовско-русскому боярству въ 1387 году. Ad expeditionem autem, dum incubuerit,—читаемъ здѣсь,—*juxta vetustam consuetudinem* transitum teneantur facere *damnis propriis et expensis*. Господарь давалъ только иногда „вспоможенье" деньгами или натурою (панцырями, сукнами, конями, провіантомъ), какъ это видно изъ приходо-расходныхъ записей [1278]). Но эти раздачи не были введены въ систему, и постояннымъ жалованьемъ пользовались только дворяне, которые не имѣли подъ собою имѣній; вообще же чаще всего получали жалованье лица, близко стоявшія къ двору. Литовско-русское правительство мало заботилось объ облегченіи тягостей военной службы для среднихъ и мелкихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, и это обстоятельство въ ряду другихъ подготовляло почву, на которой выростали и крѣпли симпатіи этого класса къ политическому строю Польши, его стремленья къ участію въ управленьѣ государствомъ,—стремленья, ясно обнаружившіяся съ первыхъ-же лѣтъ правленья Сигизмунда-Августа.

XLVI.

Намѣстники-державцы были не только управителями господарскихъ имѣній, сборщиками податей и налоговъ, комендантами крѣпостей и начальниками мѣстныхъ военныхъ силъ, но и главными судьями надъ господарскими подданными, которые имѣли земли въ ихъ повѣ-

---

[1277]) 2 арт. II раздѣла.

[1278]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 1—85; VIII, л. 413—466.

тахъ. Судъ былъ одною изъ главныхъ связей, которыя соединяли людей, жившихъ въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, и дѣлали изъ этихъ повѣтовъ областныя подраздѣленія, мелкія областныя единицы. Кто же подлежалъ юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ?

Въ 1516 году король Сигизмундъ, отдавъ въ заставу пану Богушу Боговитиновичу дворъ Довкги съ волостью, данный ему прежде въ держанье, написалъ въ заставномъ листѣ: „А што ся дотычеть бояръ повѣта Довкговского, онъ маеть ихъ судити *по давному*"; что касается людей, т. е. крестьянъ Довкговскаго повѣта, то они всецѣло были поставлены подъ юрисдикцію пана Богуша, и воеводѣ Троцкому запрещено было всылать дѣцкихъ въ волость и судить волостныхъ людей [1279]). Подобное же указаніе мы встрѣчаемъ и въ другихъ заставныхъ листахъ короля Сигизмунда, напр., въ листѣ, выданномъ въ томъ же году пану Якубу Кунцевичу на дворы Волкиники и Лепунь, данные ему прежде также въ держанье. „А бояръ нашихъ повѣту Лепуньского и Волкиницкого маеть онъ судити, какъ и *передъ тымъ*", читаемъ въ этомъ листѣ [1280]). По заставному листу, выданному въ 1518 году тому же Якубу Кунцевичу на дворъ Василишки съ волостью, король предоставлялъ ему: „А бояръ и осочниковъ Василишскихъ маеть онъ судити и рядити по тому, какъ и первые врадники наши" [1281]). Такое же право предоставлялъ онъ ему и по заставному листу на дворъ Стоклишки, выданному въ 1521 году: „А бояръ и осочниковъ Стоклишскихъ маеть онъ судити и рядити по тому, какъ и первые намѣстники суживали и ряживали" [1282]).—Итакъ, намѣстники-державцы судили не только мѣстныхъ господарскихъ крестьянъ, но и бояръ-шляхту. Заставной листъ, выданный въ 1519 году князю Василью Семеновичу Жилинскому, присоединяетъ сюда и мѣщанъ. Ему былъ заставленъ „замокъ Крычовъ зъ мѣстомъ и зъ мѣщчаны мѣста Крычовского, и зъ мѣщчаны посельскими, и тежъ со всими людми волости Крычовское, и зъ ихъ службами, и зъ мытомъ, и съ корчмами, *и съ прысудомъ* и зъ винами, и со всими иными доходы, который здавна на намѣстниковъ Крычовскихъ хоживали" [1283]). Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, въ мѣстахъ съ магдебурскимъ устройствомъ мѣщане имѣли свой особый судъ, а намѣстники-державцы судили ихъ въ рѣд-

[1279]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.
[1280]) Ibidem, л. 157—158.
[1281]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.
[1282]) Ibidem, л. 41—42.
[1283]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44.

нихъ и исключительныхъ случаяхъ. „А которыи князи и панове, и земяне, и духовные,—читаемъ въ заставномъ листѣ короля Сигизмунда на замокъ Каменецъ, — имѣнья свои маютъ въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маеть судити и радити подлугъ того, какъ первшіи державцы Каменецкіи" [1284]). Итакъ, намѣстники-державцы, судили князей, пановъ и духовныхъ, владѣвшихъ имѣньями въ ихъ повѣтахъ.

Въ актахъ изучаемаго времени можно найти не мало и частныхъ указаній относительно присуда намѣстниковъ - державцевъ, которыя подтверждаютъ только что приведенныя. Такъ, панъ Ѳедко Хребтовичъ въ бытность свою намѣстникомъ въ Бѣлицѣ судилъ панью Миколаевую Шеметовича съ княземъ Иваномъ Львовичемъ Глинскимъ „о землю Марковщину и о Петрашовщину, которіи земли держать люди ее, и тежъ о сѣножати, и о половину лѣса и пропаши, и о поле конюха бѣлицкого Павла Нарейковича". Онъ „тамъ на тыи земли выѣздилъ и того смотрѣлъ и водлѣ свѣдоцства стороннихъ свѣтковъ панее Миколаевое людемъ тыи земли и сѣножати и половину лѣса и пропашей и поле того конюха присудилъ". Король Александръ, которому князь Глинскій жаловался на вдову Миколая Шеметовича, оправилъ ее и предоставилъ князю „тамъ судьи вести" и того всего на пану Ѳедку правомъ искати" [1285]). Панъ Мартинъ Хребтовичъ въ бытность намѣстникомъ Жолудскимъ судилъ Мацка Андрушковича, которому великій князь Александръ пожаловалъ землю Трещевщину, съ братаничами Треща—Терехомъ, Жилоною и Хомою и присудилъ землю Мацку [1286]). Державца Переломскій и Радуньскій п. Янушъ Костевичъ судилъ бортина Переломской волости Янушка Мелковича и его братью Петра и Петрашка съ конюхами Радуньской волости Матеемъ Романовичемъ и его братьею Михайломъ и Петкомъ Якубовичами и Стецкомъ Довкгяловичемъ „о землю дядковшчыну ихъ, на имя Мейровшчыну, и того Янушка и зъ его братьею въ томъ панъ Янушъ правыхъ знашолъ и тую землю Мейровшчыну имъ прысудилъ, и листъ свой судовый на то имъ далъ". Король Сигизмундъ 19 ноября 1518 года подтвердилъ этотъ судъ пана Костевича своимъ листомъ [1287]) и т. д.

Въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ не было намѣстниковъ - державцевъ, и мѣсто ихъ заступали тивуны, судъ находился въ рукахъ этихъ последнихъ. Въ числѣ пожалованій короля Казимира встрѣчаются и ассигновки на полученіе денегъ съ винъ, т. е. судебныхъ пеней, у

[1284]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

[1285]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9.

[1286]) Литов. Метр кн. Запис. VIII, л. 297, 298.

[1287]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 19.

того или другого тивуна. Такъ, дана была Михаилу Бѣлоусовичу „полтина грошей зъ вины въ тивуна Немоноитского и Олитского у Олехна Нетевича; Өедьку — три рубли у тивуна Виленского зъ винъ“ [1288]) и т. д. Судебныя пени находились въ рукахъ тивуновъ именно потому, что они творили судъ [1289]). Такъ, тивунъ Кревскій Станько Дукурнъ судилъ князя Андрея Лукомскаго съ бояриномъ Миколаемъ Будковичемъ и его дядьями о землю пашную и бортную на Жеренѣ и о „гвалты“, которые онъ имъ подѣлалъ, и присудилъ на немъ за эти гвалты въ пользу Будковича и его дядей 40 копъ грошей [1290]). Тивуны въ Жмудской землѣ, какъ видно изъ уставы, данной имъ въ 1529 году, „всякіе справы и суды“ отправляли [1291]) и т. д. Ко времени изданія Статута 1529 г., какъ уже сказано было выше, тивуны большею частью переименованы были въ державцевъ, но эти державцы не имѣли права привлекать къ суду „шляхту и бояръ“, которые могли передъ ними становиться только добровольно: ихъ имѣли право судить воеводы, маршалки дворные и старосты. Такъ какъ это ограниченіе касалось только „новыхъ державцевъ“, то отсюда само собой слѣдуетъ, что старые державцы, давно носившіе это имя и переименованные изъ намѣстниковъ, имѣли право привлекать къ своему суду и шляхту-бояръ, и что тивуны такого права не имѣли.

XLVII.

Однако, старинное начало подсудности въ судоустройствѣ Литовско-Русскаго государства изучаемаго времени подверглось уже значительнымъ ограниченіямъ и сильно видоизмѣнилось. Прежде всего подвергся ограниченіямъ принципъ территоріальности. Отдѣльныя лица часто получали изъятія отъ суда намѣстниковъ-державцевъ и право судиться только господаремъ. Такъ, великій князь Александръ, пожаловавъ князю Тимоөею Капустѣ сельца въ Брянскомъ повѣтѣ Лопошъ, Врачово и Ревны, освободилъ его отъ суда намѣстниковъ Брянскихъ: „его самого и его людей не мають судити; кому будеть до него або до людей его которое дѣло, ино мы господарь маемъ сами судити або нашимъ врадникомъ прыкажемъ, а и дѣцкимъ намѣстникомъ Брянскимъ на его людей не потреба давати“ [1292]). Чаще всего освобожда-

---

[1288]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 17, 58.

[1289]) Судебникъ Казимира 1467 года въ Актахъ Зап. Рос. I, № 67.

[1290]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 94.

[1291]) Акты Зап. Рос. II, № 160.

[1292]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93—94. Срав. 8 арт. VI раздѣла Статута 1529 года.

лись отъ суда намѣстниковъ-державцевъ откупщики мытъ, корчомъ и другихъ господарскихъ доходныхъ статей съ тою цѣлью, чтобы поставить ихъ въ независимое положеніе по отношенію къ мѣстнымъ правителямъ и избавить отъ притѣсненій какъ самихъ откупщиковъ со стороны мѣстныхъ урядниковъ, такъ и жителей со стороны мѣстныхъ откупщиковъ. Великій князь Александръ, напр., отдавъ въ 1495 году на откупъ мыто въ Минскѣ мѣстнымъ мѣщанамъ, писалъ намѣстнику своему: „и што бы еси ихъ не судилъ, а ни рядилъ, и дѣцкихъ бы еси своихъ на нихъ не давалъ, а и намѣстникъ бы твой тежъ на нихъ дѣцкихъ своихъ не давалъ: кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межи ними смотрѣти въ тотъ часъ, поки выдержать мыто наше" [1293]). Въ 1501 году тотъ же великій князь по случаю отдачи въ аренду мыта и корчмы Мозырской нѣкоторымъ мѣщанамъ писалъ намѣстнику Мозырскому и старцу, и мѣщанамъ мѣста Мозырскаго, и всѣмъ мужамъ волости Мозырской: „а ихъ бы есте не судили, а ни рядили и во всемъ имъ дали вповой: кому будеть до нихъ которое дѣло, ино мы сами господаръ о томъ ихъ маемъ смотрѣти" [1294]). Въ 1511 году король Сигизмундъ, отдавъ корчму медовую, пивную и винную въ Оршѣ поляку Якубу Боболецкому на шесть лѣтъ въ уплату 346 копъ грошей, которыя задолжалъ ему еще покойный король Александръ, писалъ своему намѣстнику Рошскому князю Өедору Ивановичу Жеславскому: „Тежъ бы еси его и тыхъ людей его, которымъ онъ тую корчму отъ себе полецилъ завѣдати, ни судилъ, ни рядилъ и дѣцкихъ своихъ не давалъ: кому до него дѣло будеть, тотъ нехай намъ на него жалуеть; ино мы сами господарь въ въ томъ ему съ ними справедливость вчинимъ" [1295]) и т. д.

Но, кромѣ случайныхъ изъятій изъ намѣстничьяго присуда, были постоянныя изъятія нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, для которыхъ въ мѣстности появился свой собственный судъ. Начало подсудности такимъ образомъ, оставаясь по прежнему территоріальнымъ, одновременно съ тѣмъ пріобрѣло сословный характеръ. Юрисдикція намѣстниковъ-державцевъ ограничилась прежде всего правомъ суда, которое получили землевладѣльцы надъ людьми, жившими въ ихъ имѣньяхъ. Это право ранѣе другихъ, даже ранѣе литовскаго владычества, пріобрѣла православная церковь. Литовскіе же князья какъ

[1293]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 166.

[1294]) Ibidem, л. 179.

[1295]) Литов. Метр. кн Запис. IX, л. 12.

въ своихъ общихъ грамотахъ, которыми они подтверждали права православнаго духовенства [1296]), такъ и въ частныхъ жалованныхъ грамотахъ постоянно признавали за духовенствомъ право суда надъ церковными людьми. Такъ, напр., князь Юрій Лингвеньевичъ Мстиславскій, пожаловавъ въ 1443 году Онуфріевскому монастырю село Головчино и Колесниковское, написалъ въ жалованной грамотѣ: „и тыхъ людей монастырскихъ нашимъ намѣстникомъ и тивуномъ и всимъ нашимъ заказникомъ не судить, а ни радить“ [1297]). Князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, предоставивъ въ 1500 году Пустынскому монастырю Пречистой Богоматери садить людей на новѣ на церковной землѣ, счелъ нужнымъ прибавить въ своемъ листѣ: „А кого коли они за себе людей прызовутъ и на ново за собою посадятъ, ино нашимъ намѣстникомъ и тивуномъ и иншымъ нашымъ урядникомъ не надобѣ у тыхъ ихъ людей вступать, судити, ни радити и никоторыхъ пошлинъ намъ на тыхъ людехъ не брати, ни службы имъ нашей никоторой не знати“ [1298]). Супруга князя Михаила, княгиня Ульяна, пожаловавъ въ 1537 году храму св. Тройцы въ Мстиславлѣ человѣка тяглаго съ его землею и угодьями, написала въ жалованной грамотѣ: „маеть тотъ человѣкъ верхуписаный тымъ священникомъ служить и податки вси давати, какъ намъ служывалъ и подачки давывалъ. А намъ самымъ и потомкамъ нашымъ, и нашымъ намѣстникомъ, ни нашымъ врадникомъ ни во што того человѣка не вступатися, ни судити, а ни радити и детскихъ не посылати“ [1299]). Въ 1522 году король Сигизмундъ по просьбѣ священника церкви св. Іоанна Богослова въ Витебскѣ пожаловалъ ему землю подлѣ церкви, „гдѣ жъ бы собѣ мѣлъ священникъ сволко чоловѣковъ посадить для церкви Божей, ижъ тая церковь Божая на поли стоить за мѣстомъ, а велми зъубожена отъ непрыятелей“. При этомъ въ жалованной грамотѣ король оговорилъ: „А кому будеть дѣло до тыхъ людей церковныхъ, ино священницы мають сами тыи свои люди и радити и ими справовати водлугъ давины нашое господарское“ [1300]). Вообще юрисдикція православнаго духовенства надъ людьми, жившими въ его имѣньяхъ, въ изучаемое время была уже общераспространеннымъ фактомъ [1301]). По привилею

[1296]) Акты Зап. Рос. II, № 65.

[1297]) Акты Зап. Рос. I, № 43.

[1298]) Археографич. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. II, № 3.

[1299]) Ibidem, № 14.

[1300]) Археографич. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. I, № 11.

[1301]) Акты Зап. Рос. I, № 118, 144, 145, 174, 209; II, № 30; Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 112 и др.

Ягелла отъ 22 февраля 1387 года освобождены были отъ суда и винъ урядниковъ великокняжескихъ всѣ люди, жившіе въ имѣньяхъ католическаго духовенства [1302]). Что касается частныхъ владѣльцевъ, то до сближенія съ Польшею, если и давалась кому нибудь право суда, то только въ отдѣльности, по особымъ грамотамъ, какъ это было на Руси сѣверо-восточной [1303]). Послѣ сближенія съ Польшей, открывшаго широкій путь вліянію нѣмецко-польскаго права, право вотчиннаго суда мало по малу распространилось на всѣхъ землевладѣльцевъ свободныхъ состояній. Такъ, по Городельскому привилею 1413 года право вотчиннаго суда дано было панамъ и благороднымъ боярамъ, принявшимъ католицизмъ, такъ какъ права ихъ всецѣло были сравнены съ правами польской шляхты, которая въ то время пользовалась уже правомъ вотчинной юрисдикціи. Привилей 1457 года распространилъ это право на всѣхъ вообще князей, пановъ, бояръ-шляхту и мѣщанъ.

По поводу привилея 1457 года г. Новицкій утверждаетъ, „что изъятіе отъ подсудности княжескимъ судамъ и отъ требованія къ суду чрезъ дѣтскихъ здѣсь еще не безусловно, а грамотою только опредѣляется, что ему должно предшествовать требованіе отъ владѣльца удовлетворенія путемъ представленія виновнаго въ судъ“. „Такимъ образомъ, — заключаетъ г. Новицкій, — привилегію землевладѣльца составляло пока только перенесеніе на его лицо правительственной судебной функціи дѣцкаго, представлявшее финансовую выгоду, каковою была также и передача владѣльцу права на полученіе гражданскаго взысканія; но самая юрисдикція, опредѣленіе вины, оставлена пока за судомъ“. По мнѣнію г. Новицкаго, о вотчинномъ судѣ въ собственномъ смыслѣ говоритъ только Судебникъ 1468 года [1304]). Но если такъ, то какъ же можно говорить о томъ, что уже Городельскій привилей 1413 года далъ право вотчиннаго суда всѣмъ землевладѣльцамъ-католикамъ? А между тѣмъ г. Новицкій утверждаетъ и этотъ фактъ [1305]). Или, быть можетъ, привилей 1457 года относился только къ православнымъ землевладѣльцамъ? Этого, конечно, г. Новицкій утверждать не будетъ. Въ своемъ толкованіи онъ ссылается на русскій текстъ грамоты 1457 года и на уставную грамоту, выданную въ 1507 г. Кіевской землѣ. Русскій текстъ грамоты 1457 года содержитъ обѣща-

---

[1302]) Scarbiec dyplomatów I, № 540.

[1303]) *В. И. Сергѣевича* Русскія юридическія древности, стр. 328—333.

[1304]) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-запад. Россіи, стр. 19.

[1305]) Ibidem, стр. 18.

ніе великаго князя не давать дѣцкахъ на подданныхъ „княжатъ, рытеревъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ“: „оли жъ бы первѣй отъ пана, которому жъ тотъ подданъ, который кривду вчинилъ, *правда пожадана была;* ачь бы онъ на рокъ не хотѣлъ къ праву поставити, тогды нашъ дѣцкій, а любо нашихъ заказниковъ имать быти посланъ; а виноватый, который вину заслужилъ, пану своему, а не иному, будетъ обязанъ заплатити“. То же самое приблизительно говоритъ и уставная грамота, выданная въ 1507 году жителямъ Кіевской земли: „А на церковные люди и на князскіе и на боярскіе дѣцкихъ не давати, первѣй обослати листомъ, што бы къ праву сталъ, а любо человѣка поставилъ; а не станетъ, а любо человѣка не поставитъ, до кого дѣло будетъ: ино тогды дѣцкого дати, а вину государю осуженую заплатити, чый будетъ человѣкъ“ [1306]). Но такъ ли нужно понимать эти мѣста грамотъ, какъ понимаетъ г. Новицкій? Обращаясь къ латинскому тексту грамоты 1457 года, мы находимъ категорическое утвержденіе вотчиннаго суда: Item non debemus concedere ministeriales alias Dzieckie super subditos praedictorum ducum, baronum, nobiliumque, donec fuerit prius apud dominum cujus subditus injuriam fecerit justicia postulata. Et si ipsi (e), in certo termino *justiciam non fecerit,* tunc ministerialis noster aut officialium nostrorum mitti debet, ut reus qui mulctandus fuerit, hujusmodi mulctam domino suo et non alteri luere tenebitur [1307]). Что касается Кіевской земли, то подтвердительная грамота, выданная въ 1529 году, заключая въ себѣ вышеприведенное постановленіе, на ряду съ этимъ говоритъ: „А людей ихъ (церковныхъ, княжескихъ, панскихъ и боярскихъ), которые въ мѣстѣ нашомъ мѣшкаютъ, не маютъ они (мѣщанскія власти) судити, а ни радити: судити тыхъ людей *господаремъ ихъ,* хто кому служитъ“ [1308]). Такимъ образомъ, вышеприведенныя мѣста общеземскаго привилея 1457 года и Кіевской уставной грамоты 1507 года нельзя понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ понялъ ихъ г. Новицкій, не сопоставивъ ихъ съ указаніями другихъ источниковъ.

Ключъ къ ихъ уразумѣнію даетъ Судебникъ Казимира, на который ссылается г. Новицкій, отчасти грамота великаго князя Александра, адресованная въ 1495 году къ намѣстнику Черкасскому Кмитѣ Александровичу, и, наконецъ, Статутъ 1529 года. По Судебнику господарскіе люди и частновладѣльческіе должны были искать на людяхъ

1306) Акты Зап. Рос. I, № 61; II, № 30.
1307) Zbiór praw litewskich, str. 28—35.
1308) Акты Зап. Рос. II, № 164.

княжескихъ, панскихъ и боярскихъ предъ ихъ господарями, которыхъ господарскіе намѣстники или тивуны должны были въ такихъ случаяхъ обсылать. Если владѣлецъ станетъ отводить и не дастъ суда, тогда можно было брать на него дѣцкаго у господаря или у воеводъ. Если же владѣлецъ своимъ судомъ не удовлетворялъ истца, тогда назначался „обчій“ судъ. Такъ поступалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжба шла между людьми разныхъ владѣльцевъ: „а не удѣлаетъ ли права ино обчій судъ, рокъ положивъ со обу сторонъ“. Но и помимо этого интересы истца обезпечивались до извѣстной степени присутствіемъ на судѣ представителя его пана. Грамота, писанная великимъ княземъ Александромъ къ намѣстнику Черкасскому въ 1495 г., говоря о тяжбахъ между господарскими и частновладѣльческими подданными, даетъ слѣдующее предписаніе: когда княжескіе, панскіе или боярскіе люди искали на господарскихъ, судъ долженъ былъ чинить намѣстникъ *съ судьею* владѣльца; vice versa отсюда можно заключать, что въ случаѣ иска господарскихъ людей къ частновладѣльческимъ, судилъ владѣлецъ съ представителемъ намѣстника. „Мы на то вамъ право нашо дали,— гласитъ эта грамота,—всей земли Кіевской, што врадникъ нашъ не маетъ слугъ и людей князьскихъ, паньскихъ и боярьскихъ ни судити, ни рядити, а ни винъ и ни пересудовъ на нихъ брати; нижьли коли *зъ нашимъ человѣкомъ* пригодиться князьскому або паньскому чоловѣку, а любо боярьскому право мѣть, ино тогды вряднику нашому судити его чоловѣка *зъ его судьею*: а коли будетъ нашъ чоловѣкъ виненъ, ино зъ него намъ вина; а коли князьскій або паньскій чоловѣкъ, а любо боярьскій чоловѣкъ будетъ виненъ, ино вина тому чіи чоловѣкъ“ [1309]). Статутъ 1529 года дѣлаетъ къ этому еще слѣдующія дополненія, которыя окончательно разъясняютъ дѣло: „Теж естли бы была кривда которому подданому нашему земянину або чловеку от слуг албо от людей князских албо панских, *кроме кгвалту або наезды домовое*, а о иншые вси жалобы ни мы ани воеводы наши на люди князские або панские не маем дѣцких давати, олиж первей обослати того пана чие люди сут, приказуючы ему абы учинил справедливость *перед вижом нашим або перед врадовымъ*. А естли оный разы два на обсылане справедливости вчинити не хотел; тогды в чием повете оного пана тот подданный седить, то возмешы децкого от воеводы або от старосты, и тамже въ том повете перед правом поставити мает; а оный маетъ тамъ права доводити передъ повѣтовыми

[1309]) Акты Зап. Рос. 1, № 130.

судьею. Естли ж оны подданный панскій зостанет винен оному, хто на нем ищетъ; тогды иного ни чого не мает платити толко тое, в чомъ зостанет винен, а тому децкому, который по него ездилъ, децкованое. А што ся дотычеть вины хотя бы он вину прометную або бы заказаная вина на немъ была; тогды не мает его нихто тою виною карати толко его власный панъ. А што ся дотычет земли; тогды не маетъ позывати ни слуги ани чловека только самого пана"[1310]). Такимъ образомъ, и вышеприведенныя мѣста земскаго привилея 1457 года и Кіевской уставной грамоты 1507 года надо понимать, какъ процессуальныя подробности, касающіяся тѣхъ только случаевъ, когда стороннимъ лицамъ приходилось княжескихъ, панскихъ и боярскихъ подданныхъ или ихъ владѣльцевъ вызывать на судъ господарскихъ урядниковъ. Это бывало тогда, когда владѣльцы отказывали въ судѣ. Кромѣ того, какъ видно изъ уставной грамоты, данной землѣ Волынской, прямо передъ мѣстнымъ господарскимъ урядомъ вчинались иски противъ частновладѣльческихъ подданныхъ по дѣламъ о разбоѣ съ поличнымъ (приличнымъ), кгвалтѣ, шляхетской ранѣ, поджогѣ, „абы ся злодѣйство не множило"[1311]). На Подляшьѣ, гдѣ дѣйствовало польское право, разбой или грабежъ на большой дорогѣ, нападеніе на домъ, изнасилованіе женщинъ и поджогъ были также старостинскими артикулами[1312]). Статутъ 1529 года „кгвалтъ" и „наѣзду" домовую также ставитъ на разборъ мѣстныхъ урядниковъ, и при томъ въ видѣ правила, общаго для всего государства.—Изъятія изъ вотчинной юрисдикціи уголовныхъ дѣлъ первостепенной общественной важности подсказывалось самою жизнью и, конечно, не можетъ быть всецѣло отнесено на счетъ вліянія Польши. Извѣстно, что и на Руси сѣверо-восточной судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ не отдавался въ руки вотчинниковъ. Польское право вліяло въ данномъ случаѣ на подробности, на опредѣленіе круга дѣлъ, изъятыхъ изъ вотчинной юрисдикціи, такъ какъ самая вотчинная юрисдикція въ своихъ положительныхъ чертахъ, въ качествѣ и количествѣ, установилась подъ его вліяніемъ.

Итакъ, вотчинный судъ несомнѣнно существовалъ уже въ 1457 году. Изъ его подробностей нужно отмѣтить прежде всего, что господарскіе люди подавали жалобу обыкновенно своему начальству, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ, которые обсылали

[1310]) 10 арт. VI раздѣла.

[1311]) Акты Южн. и Зап. Рос I, № 86; Акты Зап. Рос. II, № 54.

[1312]) Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 64.

уже отъ себя владѣльца и посылали своего судью или вижа для присутствованья на судѣ владѣльца. Указанія памятниковъ общаго законодательства подтверждаются и частными свидѣтельствами актовъ. Въ 1531 году мѣщанинъ господарскій витебскій Микула Опонасовъ жаловался воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича на одного изъ бояръ князя Дмитрія Романовича Сѣнскаго на Васка Ходанова сына „о томъ, што жъ въ него на доброволной дорозѣ, не доѣзжаючи села въ дву верстѣхъ, на Сукремнѣ, отнялъ полтретяддать копъ грошей широкое личбы и сорокъ куницъ, а пятсотъ бѣлки доброе, а трыста локотъ сукна бѣлого, а трыдцать шапокъ хвольдровыхъ, а пять литръ шолку“.—„И князь Дмитрей,—гласитъ запись, внесенная въ воеводскую замковую книгу,—самъ положилъ ему рокъ въ пятницу предъ масленицою запустъ русскихъ, на который же рокъ маеть ему безъ кождое отволоки на того боярына своего право дати“ [1313]). Итакъ, господарскіе подданные подавали жалобу мѣстному господарскому уряду, который отъ себя ужъ обращался къ владѣльцу съ требованіемъ для нихъ суда и управы. До Статута эта обсылка совершалась одинъ разъ, и если владѣлецъ не давалъ суда, тогда можно было брать на него дѣцкаго отъ господаря или пановъ-рады. Статутъ постановилъ, что господарскій урядникъ долженъ былъ обсылать владѣльца два раза, и вотъ примѣръ такой вторичной обсылки. Боярыня господарская Дороменовая Милохна жаловалась въ 1542 году воеводѣ Виленскому на боярина Виленскаго повѣта Ивана Савича: „бояринъ его на имя Мисюта переховывалъ паробка моего, который отъ мене втекъ, черезъ заказъ, онъ ми справедливости вчинити не хотѣлъ“. Воевода постановилъ: „а о паробка маеть въ него на того боярына права просити; а естли бы права не далъ, повиненъ будетъ его передъ нами поставити“ [1314]). Изъ этого видно также, что владѣльцы судили и свободныхъ людей, находившихся у нихъ на службѣ, бояръ-шляхту, а не однихъ только крестьянъ и паробковъ. Владѣльцы судили и своихъ урядниковъ, или намѣстниковъ, по жалобамъ на нихъ постороннихъ людей. Панъ Мартинъ Шеметъ съ матерью заявлялъ въ томъ же году воеводѣ Виленскому въ тяжбѣ съ сыновьями пана Миколая Будила Юрьемъ и Станиславомъ: „Отецъ ихъ, небожчикъ панъ Миколай Будило, за листы и за вижомъ небожчика пана Олбрахта Мартиновича выдалъ мнѣ паробка моего Матейца Дѣдечка, а потомъ зъ имѣнья

1313) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 41.
1314) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 48.

моего съ онымъ паробкомъ семеро челяди, пять паробковъ, а двѣ жонки, выведено; въ тотъ часъ стало ми ся шкоды о полтретьядцать копъ грошей. Я того паробка засталъ на имѣньи отца ихъ Свирскомъ и намѣстнику отца ихъ Свирскому, на имя Боярину, приручилъ зъ жоною и зъ дѣтми самого шостого". Сыновья Будила въ отвѣтъ на это заявили: „тотъ намѣстникъ намъ служить; если ему кривда дѣеться отъ него, мы зъ нимъ на имѣньи вчинимъ справедливость" [1315]). Княжескіе, панскіе и боярскіе подданные въ свою очередь, когда имъ приходилось вести тяжбу съ людьми господарскими, обращались къ своимъ панамъ, которые и искали для нихъ права у господарскихъ урядниковъ и сплошь и рядомъ отъ лица ихъ вели самый процессъ. Такъ, напр., бояринъ Виленскаго повѣта Миколай Богдевичъ предъ воеводою Виленскимъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ искалъ на бояринѣ Янѣ Кулукѣ „за кгвалтъ и бой" своихъ людей и за головщину жонки 40 копъ грошей. Кулукъ, „подлѣ суда пана воеводина", „переедналъ" своего противника восмью копами грошей [1316]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда начиналась тяжба между подданными разныхъ владѣльцевъ, князей, пановъ и бояръ, судъ чинилъ также панъ или господарь отвѣтчика; если же онъ „отводилъ" судъ, тогда можно было брать на него дѣцкаго у господаря или воеводъ (пановъ-рады), и онъ долженъ былъ, заплативъ дѣцкованье, или лично являться въ судъ, или поставить своихъ людей. Этотъ судъ по Статуту долженъ былъ производиться на первомъ „сойме", назначенномъ господаремъ или панами-радою для всей земли. Еслибы позванный не явился и на этотъ судъ, тогда онъ долженъ былъ стать предъ панами-радою „на тые роки, которые есмо паном радомъ кождого року положили збиратися до Вилни: будуть вси дѣла тые судити и имъ до сыт чинити нерозежчаючися" [1317]). Гдѣ производился этотъ судъ до 1529 года, на это намъ не удалось найти прямыхъ указаній въ актахъ. Всего вѣроятнѣе, предъ мѣстными господарскими урядниками, въ присудѣ которыхъ были князья, паны и бояре лично, или же предъ господаремъ и панами радою [1318]).

Кромѣ подданныхъ князей, пановъ, бояръ и другихъ землевладѣльцевъ, намѣстники-державцы не судили господарскихъ мѣщанъ, состоявшихъ въ магдебургскомъ правѣ, и крестьянъ, садившихся на во-

---

[1315]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ, л. 59, 60.

[1316]) Ibidem, л. 22, 23.

[1317]) 6 и 10 арт. VI раздѣла.

[1318]) Сравн. Акты Зап. Рос. I, № 145.

локи и состоявшихъ подъ присудомъ своего войта. Такъ, король Александръ, пожаловавъ мѣсту Волковыйскому магдебургское право, далъ право мѣщанамъ „о дѣлѣхъ великихъ и малыхъ, о злодѣйство и о розливанье крови, мужобойства, отнятья члонковъ и о иныхъ всихъ проступкахъ“ отвѣчать только передъ своимъ войтомъ „А въ дѣлѣхъ ихъ всихъ вышеписаныхъ далъ его милость войту зуполную моцу судити и осудити, карати, и стинати, и на кола бити, потоплятн, якожъ то право Нѣмецкое Майтборское во всихъ своихъ роздѣлѣхъ и члонкахъ держитъ и жадаетъ“. „А зъ моцы и судовъ врадника Волковыйского ихъ его милость вызволилъ: нижьли, што ся дотычетъ кгвалту, пожоги, розбою, всилства, то его милость на себе взялъ и на врядники свои“. Такимъ образомъ, и въ собственной Литовской землѣ за намѣстниками при изъятіяхъ изъ ихъ присуда оставлялись нѣкорыя уголовныя дѣла, обыкновенно тѣ же, какія въ Польшѣ составляли „старостинскіе артикулы“. Въ случаяхъ тяжбы мѣщанъ съ господарскими волостными людьми, равно также и съ боярами, устанавливался смѣсный судъ: „А которому мѣщанину дѣло будетъ до волостного человѣка, ино маетъ державца Волковыйскій, або намѣстникъ его, въ нашомъ дворѣ зъ войтомъ судити, а которому человѣку волостному дѣло будетъ до мѣщанина, ино войтъ маетъ зъ намѣстникомъ на ратуши судити подлѣ ихъ права“ [1319]). Таково было общее правило; но бывали и исключенія, въ силу которыхъ войтъ не могъ судить ни одного дѣла не въ присутствіи намѣстника или его представителя. Такъ, напр., великій князь Александръ, пожаловавъ мѣсту Минскому магдебургское право, два гроша съ винъ, которые по общему порядку, наблюдавшемуся въ такихъ случаяхъ, должны были идти на господаря, предоставилъ собирать въ свою пользу намѣстнику Минскому кн. Богдану Ивановичу Жеславскому и написалъ въ своей грамотѣ: „войту намѣстника его при собѣ мѣти при малыхъ судѣхъ и при великихъ, а безъ него не мають кождого дѣла судити; зъ великое вины мають намѣстнику нашому давати два гроши, а войту третій грошъ, а зъ малое вины намѣстнику два пенязи, а войту третій пенязь“. [1320]). Конечно, участіе на войтовскомъ судѣ намѣстника или его представителя было здѣсь чисто пассивное: намѣстникъ смотрѣлъ здѣсь только за своимъ прибыткомъ. Войты въ селахъ, садившихся на нѣмецкомъ правѣ, также имѣли юрисдикцію, которая ограничивала юрисдикцію господарскихъ намѣстниковъ. Вообще не было

[1319]) Акты Зап. Рос. II, № 13.

[1320]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

разницы между этими селами и мѣстами, находившимися около резиденціи господарскихъ намѣстниковъ низшаго ранга [1321]).

На Подляшьѣ судебная дѣятельность всѣхъ вообще господарскихъ намѣстниковъ въ изучаемое время ограничивалась со стороны земскихъ шляхетскихъ судовъ, которые составлялись изъ судьи, подсудка и писаря, выбираемыхъ земянами-шляхтою. О введеніи этихъ судовъ было уже сообщено выше, на стр. 19 и 20 перваго очерка. Дѣятельность ихъ распрострaнялась на князей, пановъ и земянъ-шляхту цѣлыхъ „земель", изъ которыхъ состояло Подляшье, т. е. повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго. Но каждая изъ этихъ земель, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ, подраздѣлялась на нѣсколько мелкихъ судебно-административныхъ округовъ, или волостей. Часть этихъ волостей находилась въ держаньѣ особыхъ намѣстниковъ-державцевъ, такъ что предѣлы дѣйствія земскихъ судовъ были гораздо шире судебныхъ округовъ намѣстниковъ-державцевъ. Земскіе суды на Подляшьѣ судили шляхту по всѣмъ дѣламъ, кромѣ старостинскихъ артикуловъ [1322]). Кромѣ того, всѣ тяжбы о землѣ разбирались господарскими намѣстниками-старостами сообща съ судьею и подсудкомъ. „А што ся дотычетъ на землю выѣзжанья для границъ,—читаемъ въ наказѣ короля Сигизмунда отъ 2 іюля 1511 года,—тамъ маетъ выѣзжати староста съ судьею и съ подсудкомъ, а свѣтки маетъ пописовати и листы судовые давати писарь старостинъ" [1323]). По частнымъ свидѣтельствамъ актовъ, земельныя тяжбы также разбираются такимъ именно общимъ судомъ. Такъ, при королѣ Казимирѣ намѣстникъ Дорогицкій панъ Якубъ Довойновичъ съ судьею, подсудкомъ и земянами Дорогицкими разбиралъ тяжбу земянина Людвика Яновича съ Петромъ, Яномъ и Миколаемъ Немириничами о землю „Нѣмыи" и лѣсъ, присудили все это Людвику „и въ книги земскіе то ввели и листъ судовый ему на то дали" [1324]). При Александрѣ намѣстникъ Бѣльскій панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича съ подсудкомъ Бѣльскимъ Лубою разбиралъ тяжбу о землю земянъ Брезинскихъ съ Брозками и Пашковичемъ [1325]) и т. д. Судья, подсудокъ и писарь въ земельныхъ дѣлахъ дѣйствовали безъ старосты лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось нотаріальнымъ порядкомъ закрѣплять имѣнья

[1321]) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 402, 403.
[1322]) Акты Зап. Рос. I, № 189, арт. 7, 8; II № 64.
[1323]) Акты Зап. Рос. II, № 64.
[1324]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 6.
[1325]) Литов. Метр .кн Запис. VI, л. 106, 107.

до окончательнаго утвержденья ихъ со стороны господаря. Такъ, напр., панъ Станиславъ Соколовскій, не имѣя наслѣдниковъ и близкихъ къ своимъ имѣньямъ „зъ ласки братерское", записалъ ихъ на вѣчность пану Станиславу Петровичу предъ судьею Дорогицкимъ и подсудкомъ, оставивъ „про живность свою" въ пожизненномъ владѣніи имѣнья Соколово и Купятино. Въ своемъ листѣ, который былъ вписанъ въ книги земскія Дорогицкія, онъ „вырекъ ся, ижъ и тыхъ имѣней Соколова а Купятина не маеть ни въ чомъ вщербляти а никому даровати, ани записывати, але во всемъ ихъ маеть въ цѣлости заховати до своего живота". Король Сигизмундъ своимъ листомъ отъ 4 февраля 1508 г. утвердилъ эту запись пана Соколовскаго, „бачачи, ижъ тые имѣнья панъ Станиславъ Соколовскій ему слушнымъ а раднымъ обычаемъ записалъ, и тежъ маючи взглядъ на высокую пораду и пильную знаменитую, накладную а вѣрную службу вельможного пана Станислава Петровича" [1326]). Въ томъ же году королю заявилъ панъ Янъ Стецковичъ, „што жъ земянинъ дорогицкій Станиславъ Соколовскій никимъ не принужонъ а ни отъ кого не намовенъ, лечъ самъ своею доброю волею, съ порадою добрыхъ пріятелей своихъ, продалъ и записалъ ему имѣнье свое въ Дорогицкомъ повѣтѣ на имя Рогово со всимъ по тому, какъ самъ держалъ, и пришедши передъ судью и подсудка Дорогицкого остаточне на вѣчность резыкгновалъ и въ книги земскія увелъ". Панъ Янъ представилъ и „выписъ съ книгъ подъ печатьми судьи и подсудка Дорогицкого" и билъ чоломъ королю подтвердить ему имѣнье своимъ листомъ, что и было исполнено [1327]). Въ 1524 году король подтвердилъ земянину дорогицкому пану Григорью Дмитровичу Лазовскому вымѣненныя имъ селища и огороды и половину имѣнья Лазовскаго, куплю его, мотивируя свое подтвержденье такимъ образомъ: „и на тую онъ мѣну и на куплю свою выписъ съ книгъ земскихъ Дорогицкихъ подъ печатью судьи Дорогицкого и подсудка передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо на то дали ему нашъ листъ" [1328]).

XLVIII.

Въ предѣлахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, намѣстники-державцы чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи

[1326]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204.

[1327]) Ibidem, л. 205.

[1328]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 168.

закономъ почти не была ограничена. Правда, что Судебникъ Казимира дѣла о насильственномъ захватѣ земель и наѣздахъ на имѣнья переноситъ на судъ господаря. „А которые бы сами собою,—гласитъ онъ,—порубы дѣлали а любо наѣзды чинили: ино кому сталася кривда, тотъ имать ся намъ жаловати; а пакъ ли не пригодиться насъ у великомъ князьствѣ Литовскомъ, и онъ имаеть паномъ радѣ нашой жаловати; и паномъ воеводамъ нашимъ по того посылати и велѣти предъ собою моцно поставити, а и досмотрѣти, будетъ ли то такъ чинилъ, а всадити его у казнь и держати до нашого щасного прiѣханья: бо тотъ изъ права земского выступилъ а надъ право сягнулъ, какъ у верху писано. Мы пакъ, снемся съ паны радою нашою великого князьства Литовскаго, осмотримъ того, какою казнью казнити" [1329]). Но, сопоставляя это законоположенiе съ указанiями другихъ источниковъ, мы придемъ къ заключенiю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ ограниченiемъ судебной компетенцiи мѣстныхъ правителей, но съ предоставленiемъ потерпѣвшимъ жаловаться въ такихъ случаяхъ прямо господарю и панамъ-радѣ, минуя мѣстныхъ правителей. Но, если потерпѣвшiе обращались къ мѣстнымъ правителямъ, послѣднiе судили дѣла и о насильственныхъ захватахъ земель, и о нападенiяхъ на имѣнья (кгвалтъ), равно какъ и другiя важныя уголовныя дѣла. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ земляхъ они не могли приводить въ исполненiе своихъ рѣшенiй по этимъ и другимъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ, касавшимся шляхты, до указа господаря. „А коли проступитъ бояринъ,—читаемъ въ уставной грамотѣ Кiевской земли,—ино намѣстнику нашому осудивъ и за поруку давши до насъ отложити; мы пакъ, волни будемъ въ той винѣ, взяти и отпустити" [1330]). Въ уставной грамотѣ Волынской земли читаемъ: „А князей и пановъ и земянъ, старостѣ нашому злыми словы не соромотити, у казнь и у вѣжу ихъ не сажати; а естли бы который ся провинилъ въ чомъ, князь, або панъ, або земянинъ, ино старостѣ насъ обослати: какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, што бы мѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подлѣ науки нашое то вчинити" [1331]). Изъ другихъ, почти одновременныхъ Судебнику, источниковъ узнаемъ, что въ важныхъ дѣлахъ предоставлялось отзываться отъ суда мѣстныхъ правителей прямо до господаря. Вотъ почему и князь Θедоръ Львовичъ Воротынскiй, получивъ въ 1448 году „въ намѣстничьство" городъ

[1329]) Акты Зап. Рос. I, № 67.
[1330]) Акты Зап. Рос. II, № 30.
[1331]) Ibidem. № 54.

Козельскъ, писалъ въ своей присяжной записи: „А бояромъ Козельскимъ, и земяномъ, и мѣстичомъ, и всимъ Козличомъ ѣздити къ господару нашому Казимиру, королю Польскому и великому князю Литовъскому, о чомъ имъ будетъ надобѣ" [1332]). Въ 1496 году великій князь Александръ по случаю жалобъ бояръ Ясвоинскихъ на Мартина, бискупа Жмудскаго и намѣстника Ясвоинскаго, писалъ ему: „Такожъ, коли о которомъ великомъ дѣлѣ они отзовутся до насъ до господаря, и ты бо имъ того не заборонялъ; а о посполитыхъ дѣлѣхъ можешь и самъ досмотряти межи ними и справедливость чинити" [1333]). Такимъ образомъ, судебная компетенція намѣстниковъ-державцевъ ограничивалась главнымъ образомъ фактически, желаніемъ тяжущихся, которые въ великихъ дѣлахъ отзывались отъ суда мѣстныхъ правителей до господаря. Намѣстники-державцы, какъ и другіе правители, не имѣли права ставить такія рѣшенія, коими рѣшался вопросъ о чьемъ либо шляхетствѣ, такъ какъ нобилитація была исключительнымъ правомъ господаря. Но самыя дѣла, вызывавшія этотъ вопросъ, могли возбуждаться передъ ними, разбираться и даже рѣшаться, если не было никакихъ сомнѣній въ шляхетствѣ; въ противномъ случаѣ намѣстники переносили дѣло на судъ къ господарю. Поэтому и общеземскій привилей великаго князя Александра, говоря о дѣлахъ, кои приходится рѣшать господарю, упоминаетъ и дѣла о шляхетствѣ; кромѣ того, къ числу дѣлъ, восходящихъ на судъ къ господарю, онъ присоединяетъ тяжбы объ отчинныхъ имѣньяхъ. Item si *quando aliquorum causae graves*, — гласитъ онъ, —*super bonis hereditariis, vel fama seu honoris derogatione, coram nostram serenitatem venerint*, omnibus justiciam facere debemus. Привилей устанавливалъ четыре „рока" въ годъ для разбирательства такихъ дѣлъ на тотъ случай, если господарь будетъ занятъ спѣшными неотложными дѣлами (negotiis arduis) и обѣщалъ на послѣднемъ давать рѣшеніе немедленно, безъ отволоки [1334]). Статутъ 1529 года, оставляя въ силѣ эту статью касательно дѣлъ о шляхетской чести, всѣ остальныя дѣла перенесъ на судъ пановъ радныхъ, которымъ король опредѣлилъ съ этой цѣлью съѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ. „Теж уставуем для кривдъ шляхты, которые ся от пановъ деють або урадников наших и панских *в землях въ грабежох у квал-*

[1332]) Акты Зап. Рос. I, № 48.
[1333]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 78.
[1334]) Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

тех и головщинах, або теж и межи паны самыми и их поддаными; для чого ж уставуем на зъехане таковых делъ два роки на годъ на которые панове повинни будуть зъежчатися на местце положоное до Вилни, а жаден ся не мает ничимъ вымовляти кром одной хоробы, о семой суботе а о светом покрове на которых же речах (рокахъ?) яко на завитых кождый панъ одинъ одному мает быти правъ; и теж кому дадуть вину иж бы был сужон не водлуг прав, маеть каждому отказывати, и на тых же речах (рокахъ) мает быти прав. Вшакже тые суды нигде инде мает сужоны быти одно на палацу нашом господарском у Вилни" [1335]). Такимъ образомъ, къ важнѣйшимъ дѣламъ, въ которыхъ можно было жаловаться прямо господарю, кромѣ вышеупомянутыхъ, принадлежали безправный „грабежъ" и убійство (головщины). До установленія судныхъ коммиссій изъ пановъ-радныхъ дѣла эти рѣшались господаремъ съ панами-радою. Когда учреждены били эти коммиссіи, они получили значеніе господарскаго суда. „Естли бы хто,—гласитъ 8 артикулъ VI раздѣла Статута,—мел листы наши таковые, абы его нихто не судил кромѣ насъ господара; тогды таковы не мается перед правом тыми листы нашими закривати и до насъ отзывати, але мает перед паны радами нашими права достояти на том земском року, бо мы *з рамени нашего господарского оставляемъ комисарми* панов рад нашихъ, абы справедливост подданым нашим чинили". Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что до господаря можно было отзываться отъ суда мѣстныхъ правителей не только низшаго ранга, но и отъ намѣстниковъ главныхъ городовъ земель, отъ воеводъ и старостъ. Въ привилеѣ, выданномъ Кіевской землѣ королемъ Сигизмундомъ, читаемъ: „А хто бы не вступая у право, передъ нашимъ воеводою отозвался на насъ на господаря, того пустити передъ насъ, а призвавши ихъ, обоихъ сутяжцовъ, передъ собою дати имъ рокъ подобный передъ нами имъ стати: а который бы зъ нихъ на тотъ рокъ передъ нами къ праву не сталъ, вымѣняя службы нашое, або (боже уховай!) немоцы, а отволокая правомъ; тогды воевода нашъ маетъ моцно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждого отзыванья передъ насъ, и справедливость тому вчинити на обѣ стороны" [1336]). Въ привилеѣ великаго князя Александра, данномъ землѣ Волынской, было выписано: „который князь, або панъ, або земянинъ, стоячи у правѣ передъ старостою, або передъ намѣстники отзовется до насъ господаря на вышшое право: ино старостѣ и на-

---

[1335]) 5 арт. VI, раздѣла Статутъ 1529 г.

[1336]) Акты Зап. Рос. II, № 30.

мѣстникомъ нашимъ того имъ не забороняти и къ намъ ихъ пускати, рокъ положивши, коли мають передъ нами стати" [1337]).

Г. Ясинскій въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ сводному тексту уставныхъ грамотъ Литовско-Русскаго государства утверждаетъ, что будто бы переносъ дѣла на судъ господарскій возможенъ былъ только въ гражданскихъ искахъ, а по дѣламъ уголовнымъ судъ долженъ былъ производиться въ предѣлахъ земли. Въ доказательство своего утвержденія онъ ссылается на извѣстныя статьи Витебской и Полоцкой уставныхъ грамотъ: „Также, который ся отъ насилья жаловати будеть намъ Витблянинъ на Витблянина жъ, пріѣхавъ въ Литву: и безъ истьца намъ на него дѣцкого зъ Литвы не слати, давати ему нашъ листъ къ нашому воеводѣ, *хотя бы о смертной винѣ*" [1338]). Но развѣ эта статья говоритъ о томъ, что судъ по уголовнымъ дѣламъ могъ производиться только въ предѣлахъ земли? Статья устанавливаетъ только порядокъ судопроизводства во избѣжаніе волокиты и лишнихъ расходовъ отвѣтчика, говоритъ о томъ, что господарь не будетъ вызывать чрезъ дѣцкаго къ своему суду отвѣтчика по жалобѣ, поданной прямо ему, помимо воеводы, даже еслибы дѣло шло о смертной винѣ, и будетъ судить лишь тогда, когда истецъ самъ представитъ отвѣтчика. Самъ г. Ясинскій долженъ былъ признать это и согласиться, что и уголовныя дѣла въ такихъ случаяхъ могли разбираться господаремъ внѣ предѣловъ земель [1339]). Съ другой стороны, даже и въ такомъ видѣ правило это едва ли можетъ быть признано общимъ для всего государства, а только мѣстною привилегіею земель Витебской, Полоцкой и Жмудской, которыя вообще удержали изъ своей политической старины больше, чѣмъ другія земли. Приведенныя выше статьи Судебника, уставныхъ грамотъ Кіевской и Волынской земель прямо говорятъ о томъ, что дѣла могли восходить на судъ господаря и разбираться имъ по желанію одной стороны. Что это не были гражданскія только дѣла, на это выше также приведены были достаточныя свидѣтельства.

Стороны могли отзываться до господаря, „не вступуя въ право", въ противномъ же случаѣ должны были отказывать одна другой „и права достояти аже до конца", „абы въ том волокиты не было" [1340]).

[1337]) Акты Зап. Рос. II, № 54.

[1338]) Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 70.

[1339]) Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 121, примѣч. 79.

[1340]) Акты Зап. Рос. II, № 30; 2 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.

Выраженіе „не вступуя въ право" не надо понимать въ томъ смыслѣ, что отзываться до господаря можно было только до начала судебнаго состязанія. Какъ видно изъ частныхъ свидѣтельствъ актовъ, стороны отзывались до господаря и во время самаго судоговоренія. Судопроизводство на Руси Литовской въ изучаемое время носило строго-формальный характеръ, и дѣла рѣшались не убѣжденіемъ судей, а чисто внѣшними средствами, которыми располагали стороны, въ родѣ, напр., письменныхъ документовъ, показаній „свѣтковъ" и т. д. Стороны могли отзываться отъ судей до господаря, не принимая отъ противника послѣдняго доказательства, которое должно было рѣшить дѣло. Великому князю Александру жаловались земяне дорогицкіе Погорѣльскіе на земянина Водынскаго „о землю ихъ властную". Великій князь выслалъ на мѣсто „тамъ того межы ними смотрѣти" намѣстника Лидскаго пана Станислава Петровича и намѣстника Дорогицкаго пана Якуба Довойновича. „И они,—гласитъ судовый листъ в. князя,—тамъ выѣздили и того межы ними смотрѣли. Погорѣльскіе дали пятьдесять свѣтковъ, земянъ дорогицкихъ и людей нашихъ Дорогицкого повѣту; и Водынскій тымъ свѣткомъ не хотѣлъ вѣрити и о то позвался передъ насъ. И мы того сами межи ними смотрѣли и росказали есмо Водынскому съ тыхъ свѣтковъ осмонадцать человѣковъ выбрати, кого бы онъ межи ними хотѣлъ, а тыи мѣли свѣтки присягнувши свѣтчити. И тамъ казали есмо на тое дѣло выѣхати намѣстнику Дорогицкому пану Якубу Довойновичу и намѣстнику Мелницкому, судьи Бѣлскому, пану Рачку Пучицкому слушати присяги тыхъ свѣтковъ и конецъ тому промежу нихъ вчинити, и на чомъ бы тыи свѣтки присягнули, то мѣли и завести и потолѣ имъ границы положыти" [1341]).

При строго-формальномъ характерѣ судопроизводства судъ господарскихъ урядниковъ былъ обыкновенно окончательнымъ. Поэтому, если недовольная сторона послѣ суда возбуждала вновь дѣло предъ господаремъ, противной сторонѣ обыкновенно достаточно было сослаться на бывшій уже судъ, чтобы выиграть тяжбу. Господарь въ такихъ случаяхъ предоставлялъ недовольной сторонѣ вѣдаться съ судьею и на немъ искать своихъ убытковъ. Такъ, напр., въ вышеприведенной тяжбѣ земянъ Погорѣльскихъ съ Водынскимъ господарь, рѣшивъ дѣло въ пользу Погорѣльскихъ, написалъ въ судовомъ листѣ: „нехай они тую землю держать по тому, какъ имъ панъ Якубъ а панъ Рачко ограничили, а Водынскому естли будетъ о томъ которое дѣло, и онъ

[1341]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 38.

того нехай на судьяхъ нашихъ ищеть, а не на нихъ, коли они его будуть негоразло судили". При королѣ Сигизмундѣ панъ Левъ Боговитиновичъ искалъ имѣнья Вортоля на панѣ Юрьѣ Ивановичѣ Ильинича. Высланные королемъ на мѣсто судьи присудили имѣнье пану Юрью Ивановичу, и король съ панами радою на великомъ сеймѣ въ Берестьѣ, выслушавъ судъ этихъ судей, утвердилъ имѣнье на вѣчность за паномъ Юріемъ Ивановичемъ. „И потомъ панъ Левъ Боговитиновичъ,—гласитъ позднѣйшій судовый листъ короля,—въ тотъ же часъ по сказаньи нашомъ, опустившы пана Юрья Ильинича, искалъ на тыхъ судьяхъ передъ нами того имѣнья, ижъ они тое имѣнье въ него отсудили безъ прысяги свѣтковъ, не водлугъ обычая права земского". Король приказалъ судьямъ собрать вновь свѣтковъ, чтобы они вторично обвели границы имѣній тяжущихся и дали присягу, и послалъ на мѣсто отбирать ихъ показанія и присягу пановъ Ивана Семеновича Сопѣгу и Немиру Грималича. „И тые свѣтки передъ ними по тымъ же границамъ земли завели и чотыры ихъ присягнули, а тры присягати не хотѣли". По докладу объ этомъ, король „за тое имѣнье за Вортоль, которое судьи ихъ отъ пана Лва отсудили, на всихъ тыхъ судьяхъ, которые тамъ межы ними съ обу сторонъ были, толко жъ земли *зъ ихъ имѣній*" пану Льву присудилъ. Но судъ ихъ король оставилъ въ полной силѣ и выдалъ вторично пану Юрью Ивановичу подтвержденье на имѣнье Вортоль. Когда сыновья пана Льва Боговитиновича хотѣли было вернуть Вортоль и снова возбудили о немъ дѣло предъ королемъ, Сигизмундъ выдалъ такой „вырокъ", помѣченный 3 августа 1522 года: „Ино мы, выслухавши суда и прывилья пана Юрья Ивановича Ильинича, и не видѣлося намъ того нашого суда и прывилья пану Юрью ломати,—зоставили есмо пана Юрья Ильинича пры томъ имѣньи Вортоли водлѣ прывилья нашого первого" [1342]). Таковъ былъ старинный порядокъ, державшійся и въ изучаемое время. Необходимо, однако, замѣтить, что онъ все болѣе и болѣе подвергался ограниченіямъ и вырождался въ порядокъ апелляціонно-кассаціонный. Онъ уже не удовлетворялъ юридическаго сознанія ни общества, ни правительства, вслѣдствіе чего и частныя лица обращались къ суду господарскому съ исками противъ лицъ, уже оправленныхъ судомъ мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ, а господарь не всегда довольствовался этимъ судомъ, но считалъ нужнымъ произвести новыя разслѣдованія, а въ судѣ дѣлалъ измѣненія и дополненія. Такъ, напр., королю Ка-

---

[1342]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 77, 78.

зимиру въ 1487 году жаловался земянинъ Луцкій Оношко на зятя своего Ивашка и его братьевъ Семашковичей, „што жъ купилъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ въ отца ихъ Зденижъ вѣчне, а Семашковичи въ тое имѣнье увезалися моцно, а его съ того имѣнья вонъ выгнали". Жалоба эта подана была королю, не смотря на то, что объ этомъ Оношка съ Семашковичами уже судилъ староста Луцкій, при чемъ присудилъ имѣнье Семашковичамъ съ обязанностью уплатить тридцать копъ грошей Оношку „за его наклады". Король, выслушавъ судъ пана старосты, описанный въ его судовомъ листѣ, представленномъ Семашковичами, хотя не нарушилъ суда старосты, но велѣлъ Семашковичамъ приплатить еще десять копъ грошей [1343]). Такимъ образомъ, король въ данномъ случаѣ исправлялъ судъ своего урядника, не дѣлая его, однако, отвѣтственнымъ за нѣкоторый убытокъ, нанесенный Оношку. Въ 1496 году предъ великимъ княземъ Александромъ приставъ Немонойтскій и волость пріискивали бояръ Юрья Динкгайловича, Юшка Миколаевича, Наца Айнаровича, Мацка Бутримовича и Радивила Немировича „посполъ зъ собою сѣна косити". Не смотря на заявленье бояръ, „што жъ ихъ о томъ смотрѣлъ воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ Яновичъ и въ томъ ихъ правыхъ нашолъ и листъ свой судовый имъ на то далъ",—заявленье, подтвержденное представленіемъ самого судоваго листа, великій князь „надто" спросилъ бояръ: „маете ль вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре"? „И они,—гласитъ далѣе господарскій судовый листъ,—повѣдили братью свою бояръ у Ейшишскомъ повѣтѣ на имя Новкуновцовъ. И мы писали до подкоморего нашого, намѣстника Ейшишского, пана Петрашка Радивиловича, ажъ бы тыхъ Новкуновцовъ опыталъ, братья ли имъ естъ они, тежъ бы ся и того довѣдалъ тыхъ Новкуновцовъ, зъ роду бояре ль суть.... И того всего довѣдавшы, панъ Петрашко и къ намъ отписалъ, и мы подлугъ листа пана воеводина и его суда и подлугъ тыхъ Новкуновцовъ свѣдоцства, тыхъ бояръ Немонойтскихъ въ томъ есмо правыхъ нашли: не надобѣ имъ сѣна зъ волостью косити и иныхъ службъ служити, нехай они службу намъ служать боярскую, какъ и иншіи которые бояре-шляхта" [1344]). Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ вторичный искъ передъ господаремъ противъ оправленныхъ судомъ мѣстнаго правителя лицъ и дополнительное разслѣдованье со стороны господаря. Приведенное дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что старинный порядокъ, предписывавшій искать

[1343]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129, 130.

[1344]) Литов. Метр. кн. Запис V, л. 50.

предъ высшимъ судомъ убытковъ не на противной сторонѣ, а на судьѣ, не могъ во многихъ случаяхъ имѣть даже приложенія, какъ, напр., въ тяжбахъ объ отправленіи государственныхъ повинностей, тѣсно связанныхъ съ сословнымъ положеніемъ тяжущихся. Тотъ же великій князь разсматривалъ тяжбу князя Ивана Корецкаго съ паномъ Богданомъ Сенковичемъ Гостьскимъ, который не хотѣлъ обмѣнивать въ Гощѣ подводъ Корецкихъ, „гдѣ жъ здавна мѣниваны были". Не смотря на то, что объ этомъ ихъ судилъ уже по порученью короля Казимира панъ Петръ Яновичъ въ бытность своего старостою Луцкимъ „и въ томъ князя Ивана оправилъ и листъ ему на то судовый далъ", великій князь счелъ нужнымъ съ своей стороны довѣдаться достаточно и только тогда „оправилъ" князя Корецкаго [1345]). Сами урядники господарскіе позволяли иногда тяжущимся отзываться до господаря уже послѣ своего суда и назначали обѣимъ сторонамъ срокъ для явки на судъ господаря. Такъ, поступилъ, напр., староста Луцкій князь Семенъ Юрьевичъ. Земянинъ Кирдѣй хотѣлъ было вывести съ мѣста Луцкаго нѣкоего Луку съ братомъ, какъ своихъ отчинныхъ людей. Но Лука и братъ его подали жалобу старостѣ Луцкому князю Семену Юрьевичу, утверждая: „отецъ дей нашъ служилъ его отцу пану Ванку по доброй воли, и послѣ отца нашого мы, ему челомъ вдаривши, и пошли до мѣста Луцкого и тамъ есмо мешкали....., а панъ Ванко, отецъ его, и онъ не габали насъ ничимъ". Такъ какъ это послѣднее показанье подтвердили всѣ мѣщане Луцкіе, староста оправилъ Луку съ братомъ. „И Кирдей дей,—гласитъ судовый листъ в. князя Александра,—былъ о томъ отозвался до насъ, и рокъ имъ староста положилъ, што жъ мѣли стати передъ нами о Покровѣ Пречистое и листъ о томъ до насъ писалъ". Итакъ, дѣло и послѣ суда старосты вторично должно было разбираться господаремъ. Такъ какъ Кирдей въ назначенный срокъ не сталъ предъ господаремъ, послѣдній оправилъ Луку съ братомъ и написалъ старостѣ, чтобы онъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ Кирдею: „мають они вже отъ Кирдея во всемъ въ покои быти, не маеть ихъ ничимъ габати" [1346]). Статутъ 1529 года остался на старинной точкѣ зрѣнія только касательно тѣхъ случаевъ, когда судьи судили „не подле права писаного", т. е. не по Статуту. „А естли бы ся видело,—гласитъ 2 арт. VI раздѣла,—подле всказаня которой сторонѣ кривда, а бачила бы сторона ижъ ей не подле права писаного сказывано; тогды маетъ листа просити в судей сказаня своего, которым

[1345]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 1.
[1346]) Ibidem, л. 92.

обычаемъ всказали на нем, а суди повинни будут ему листъ дати под печатою своею, а онъ мает зъ оными судьями перед нами або перед паны радами нашими на первомъ соймѣ говорити и лист тых судей вказати". „А естли бы оного судью узнано,—гласитъ 1 арт. того же раздѣла,—иж не подле права писаного всказалъ мает ему шкоды и наклад оправити а тот суд ни во што обернути; а кому будет суд присудилъ або на ком што узято, то маеть ему вернути без доводу, а што бы шкодовал въ накладех и у стравах, на што довод слушный учинит або присягнет, то мает ему судья заплатити". Порядокъ иска на судьяхъ Статутъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „А впакже который бы з державец наших таковою речью был обвинен, таковый кождый мает припозванъ быти перед воеводу повету своего, и будеть повинен суд свой оказывати. А естли бы хто с панов рад наших воевод и старост, которые не сут въ поветех, також обвинен мел быти, тогды так же мает на першом сойме то отказывати або на року земском". Здѣсь нѣтъ пока еще въ собственномъ смыслѣ апелляціи отъ низшаго суда къ высшему, но практика, какъ можно видѣть изъ вышеприведенныхъ случаевъ, шла впереди закона. Поэтому и установленіе аппелляціи по Статуту 1566 [1347]) не было нововведеніемъ, а только законодательною формулировкою того, что дѣйствовало уже въ жизни.

Дѣла, восходившія на разбирательство къ самому господарю, иногда возвращались обратно въ мѣстность къ намѣстникамъ-державцамъ, которымъ господарь поручалъ собрать всѣ данныя, касающіяся дѣла на мѣстѣ. Король Александръ взялъ у подключчаго Виленскаго Богдана Павловича людей и землю въ Русотинѣ и далъ пану Станиславу Петровичу, а Богдану Павловичу взамѣнъ далъ сельцо въ Марковскомъ повѣтѣ на Узлѣ. Но люди этого сельца—Крюкъ, братаничъ его Степанъ, Воронъ, Сенько, жаловались королю Сигизмунду на Богдана Павловича, будто бы онъ забралъ ихъ безъ листовъ и данины короля Александра. „И мы,—гласитъ привилей короля Сигизмунда, выданный Богдану Павловичу 9 ноября 1507 года,—писали до намѣстника Марковского до Мордаса Мишкевича, абы ся о томъ достаточне довѣдалъ и къ намъ отписалъ. И панъ Мордасъ, довѣдавши ся того достаточне, писалъ къ намъ, повѣдаючы, ижъ Богданъ Павловичъ гораздо тые люди держить подлѣ данины брата нашого Александра короля его милости" [1348]). Въ данномъ случаѣ король напра-

[1347]) 61 арт. IV раздѣла.

[1348]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 183, 184.

вилъ слѣдствіе къ намѣстнику потому, что одною изъ сторонъ были господарскіе люди, и намѣстникъ легко могъ узнать все, что до нихъ касается. Но обыкновенно данныя по земельнымъ тяжбамъ собирали на мѣстѣ *ѣздоки*, которыхъ тяжущіеся брали у господаря „съ своее руки". Судебникъ Казимира по поводу этого предписываетъ: „А таможъ кому будеть до кого какое дѣло, будеть земное дѣло, ино ѣздокы побрати; а будуть иныи которыи дѣла, ино судьи брати, и искати правомъ". Впрочемъ, ѣздоки посылались иногда, повидимому, и господаремъ, независимо отъ желанія сторонъ. Воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Янъ Юрьевичъ отнялъ у писаря Громыки Исаевича имѣньицо отчинное подлѣ Минска, сельца—Онцыпоровское, Гридковское и Брачину Ораньковщину, на томъ основаніи, „ижъ бы тое имѣнейцо его звѣчное было Волменское". „И мы,—гласитъ судовый листъ короля Александра,—перво сего посылали тамъ писара нашого небощыка пана Ѳедка Грыгорьевича а пана Богдана Корейвича а Каспора Гармановича и казали имъ достаточне о томъ довѣдатися и тамошнихъ бояръ и людей околичныхъ опытати, куда здавна тое имѣнейцо прыслухало. И они, тамъ выѣздивши и тамошнихъ бояръ и людей околичныхъ опытавшы и достаточне о томъ довѣдавшыся, намъ отказали, што жъ тое имѣнейцо отчына и дѣдина его, а здавна къ Мѣнску прыслухаеть" [1349]). Въ данномъ случаѣ ѣздоки посылались по выбору господаря, чтобы вѣрнѣе обезпечить правосудіе въ тяжбѣ писаря съ вліятельнымъ паномъ. Отсюда видно, кромѣ того, что ѣздоки посылались собственно для собранія на мѣстѣ данныхъ, на основаніи которыхъ господарь долженъ былъ постановить свое рѣшеніе. Въ 1496 году іюля 25 въ Вильнѣ панъ Янъ Заберезинскій „розмовлялъ передъ господаремъ его милостью съ паномъ старостою Жомоитскимъ о сѣножатѣхъ на прудѣхъ: панъ Янъ рекъ, ажъ бы панъ староста звѣчныи сѣножати Каменецкіи покосилъ, а панъ староста мовилъ, абы то были сѣножати звѣчныи Налибоцкіи". Оба пана „ся слали на околичныхъ бояръ и людей со ста рублевъ грошей", т. е. бились объ закладъ въ пользу господаря. Дѣло это могло быть рѣшено, конечно, только путемъ опроса мѣстныхъ бояръ и людей, вслѣдствіе чего господарь великій князь постановилъ: „мають собѣ на тое дѣло ѣздоки взяти" [1350]). Но особенно хорошо значеніе ѣздоковъ выясняется изъ дѣла, разсказаннаго въ судовомъ листѣ воеводы Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича отъ 26 ноября 1533 года. Воеводѣ

[1349]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 119.
[1350]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 384.

жаловался боярянъ Семенъ Ваньковичъ изъ Освея на господарскаго человѣка Полоцкаго повѣта Лисненской волости Захарью: „которую землю Городиловскую Өиошкову панъ мой мнѣ далъ, ино онъ тое земли сѣножать мою, которая жъ есть межи озера Лисна и рѣки Нечерчицы того лѣта покосилъ". Захарья на это возразилъ: „то сѣножать мнѣ съ нимъ цотовая, тое сѣножати ему прійдется половица, а мнѣ другая". Но Семенъ настаивалъ, „ижъ въ тую сѣножать нѣтъ ему жадного вступу". Оба они просили воеводу дать имъ „тому праву рокъ" и ѣздоковъ на сѣножать. Воевода выслалъ на „рокъ" ѣздоковъ со стороны Захарьи боярина полоцкаго Климa Ловейковича и служебника своего Ленарта, а съ Семеновой стороны выѣхалъ намѣстникъ Освейскій пана Петра Станиславовича Волкъ, „и тамъ передъ ними о тую сѣножать съ обу сторонъ доводъ чинили и свѣтки ставили". Ѣздоки, выслушавъ ихъ „и кождого свѣтка свѣдоцство на реистръ выписавши, къ намъ принесли подъ печатью дворянина господарского Васка Черкаса, который тамъ при нихъ былъ, яко сторона, и тую речь до насъ имъ на нашъ (воеводинъ) розсудокъ дали"[1351]). Итакъ, дѣло ѣздоковъ состояло въ отобраніи показаній тяжущихся и ихъ свидѣтелей, въ составленіи протокола своего слѣдствія и сообщенія его господарю или судьѣ для постановленія окончательнаго рѣшенія.

Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло исключительно о землѣ и могло быть рѣшено издали на основаніи документовъ на владѣніе и протоколовъ опроса мѣстныхъ жителей. Но земельныя тяжбы часто осложнялись взаимными исками, которые возникали на мѣстѣ, во время судебнаго слѣдствія, „о бояхъ, наѣздкахъ, кгвалтахъ, татьбахъ" со стороны тяжущихся землевладѣльцевъ и ихъ подданныхъ. Для такихъ дѣлъ, требовавшихъ присутствія на мѣстѣ слѣдствія самого судьи, либо господарь посылалъ отъ себя судей съ полномочіемъ изрекать „вырокъ", либо тяжущіеся брали у него судей „съ своее руки". Въ 1475 году 8 мая король Казимиръ изъ Трокъ писалъ пану Михаилу Кезкгайловичу, воеводѣ Виленскому, пану Ивану Ходковичу, намѣстнику Витебскому, и пану Яну Кучуку, намѣстнику Лидскому: „жаловала намъ княгини Семеновая Трабская, што жъ дей князь Иванъ Юрьевичъ и зъ братьею кривду ей чинять у земли и у инщихъ речѣхъ. Прото жъ, што бы есте имъ рокъ подобный положили и, на тотъ рокъ выѣхавши, о томъ досмотрѣйте и справедливо то учините,

---

[1351]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 225, 226.

какъ бы имъ о томъ кривды не было. А до князя Ивана и до братьи его писали жъ есмо, што бы передъ вами конечно к праву стали и права бы были послушны" [1352]). Король Александръ пожаловалъ пану Михну Ивановичу, тивуну Троцкому и Езненскому, островъ въ Олитскомъ повѣтѣ на имя Куковъ. „И въ томъ островѣ въ Куковѣ, — гласитъ королевское подтвержденье, выданное пану Михну 11 сентября 1504 г.,—почалъ былъ ему кривды дѣлати плебанъ Пунскій князь Янъ въ земли и сѣножатѣхъ, и въ рѣки того острова, на имя въ Петруну а въ Воду, вступался и езы на нихъ билъ. Ино въ *росказанья нашого* смотрѣли межи ними намѣстникъ Пунскій панъ Александръ Ходковичъ а конюшій нашъ дворный, намѣстникъ Жолудскій, панъ Мартинъ Хребтовичъ, а намѣстникъ Волкиницкій и Лепунскій панъ Якубъ Кунцевичъ и въ томъ во всемъ пана Михна правого знашли, а тыи земли и сѣножати въ томъ островѣ въ Куковѣ ему отъѣхали и ограничили" [1353]) и т. д. Гораздо чаще по актамъ въ такихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ судей, взятыхъ „зъ рамени господарского" тяжущимися, каждымъ „съ своее руки", судей „полюбовныхъ", „прошоныхъ". Въ 1499 году великому князю Александру жаловался владыка Смоленскій Іосифъ на князей Горскихъ: „што жъ дей они ему великіи кривды подѣлали въ имѣнью его въ церковномъ въ Чуриловичохъ на Горахъ, въ земли, черезъ судъ пана Якуба Раловича, што перво сего отецъ нашъ, король его милость, казалъ того ему досмотрѣти съ предкомъ его, съ владыкою Смоленскимъ Мисаиломъ; и тогды панъ Якубъ того межи ними смотрѣлъ, и во всемъ нашолъ владыку правого, въ земли и въ ловѣхъ, и листъ ему свой судовый далъ; и они хотѣли тотъ судъ пана Якубовъ ни за што мѣти, для того, ижъ послѣ того ся на владыку жаловали королю его милости". Великій князь въ принципѣ рѣшилъ дѣло въ пользу владыки и урядилъ между ними такъ, „што жъ они мають держатися суда пана Якубова, подлѣ листа его судового". Но при этомъ приказалъ имъ „судьи побрати, што бы они тамъ выѣхали и то поправили, хто будетъ черезъ тыи грани переступилъ, *и о иньшыи дѣла*, о которыи жъ жаловалъ намъ владыка, казали есмо имъ всего того межи ними наконецъ досмотрѣти". Князья взяли у господаря „съ своее руки судьями" намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича и князей Дмитрія и Богдана Одинцевичей, а владыка „съ своее руки" взялъ пана Доброгоста Нарбутовича, окольничаго Смоленскаго князя Олехна Глазынича, казначея Смоленскаго

[1352]) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 7.

[1353]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 243, 244.

князя Константина Крошинскаго и конюшаго Смоленскаго Василья Полтева. „И они на тотъ рокъ тамъ выѣхали и того межи ними смотрѣли, што ся дотыкало суда пана Якубова и иныхъ дѣлъ, и въ томъ во всемъ нашли владыку правого и листъ свой судовый на то ему дали". Судьи произвели и самое разграниченье, „имъ грани поклали и тесьни потесали", и господарь приказалъ князьямъ чрезъ эти грани ни во што ся вступати. Князья Горскіе не хотѣли было судиться передъ этими судьями съ владыкою, „што они ему иныи кривды тамъ же почипили, опрочъ суда пана Якубова, у гонѣхъ бобровыхъ и въ земляхъ и въ иншыхъ дѣлѣхъ". Тогда судьи, сообразно съ инструкціею великаго князя, дали владыкѣ увязанье въ бобровые гоны и въ земли. Но владыка затѣмъ жаловался великому князю, что князья отняли у него эти гоны и земли „моцно". Князья отвѣчали предъ великимъ княземъ: „мы ся теперѣ въ тое не вступуемъ, нижьли о томъ намъ суда не было съ нимъ, а ни съ предки его". Тогда великій князь урядилъ между ними такимъ образомъ: „естли будетъ княземъ того жаль, и они владыцѣ маютъ заплатити тыи шкоды, што ему на томъ розъѣздѣ сталися, и тамъ судьи повести" [1354]).

Иногда полюбовные судьи брались и не у господаря, но приводились тяжущимися сторонами на „рокъ" по уговору, и судъ ихъ имѣлъ такую же обязательную силу, какъ и судъ судей, взятыхъ „зъ рамени господарского". Князь Өедоръ Михайловичъ уговорился съ княземъ Юрьемъ Ивановичемъ Дубровицкимъ „справедливость вчинити" о кривдахъ, которыя подѣланы были имъ и его подданными князю Дубровицкому и его подданнымъ, и „о покаженьѣ границъ" между имѣньями Дубровицкими и Чорторыйскими. Князья „и судей на то зъ обу сторонъ межы собою взяли, ижъ мѣли ихъ тамъ на рокъ вывести", при чемъ князь Чорторыйскій далъ князю Дубровицкому на себя листъ, въ которомъ написалъ: „естли бы онъ самъ не сталъ и судей своихъ на тотъ рокъ тамъ не вывелъ або тыхъ людей своихъ, до которыхъ будеть дѣло....., не поставилъ, тогды тыи права свои тратить" и кромѣ того платитъ вины господарю 500 копъ грошей и князю Дубровицкому столько же; „а тые судьи, которое бы стороны тамъ выѣхали, мѣли предъ ся судити и всказъ учынити". Князь Дубровицкій на „рокъ" выѣхалъ съ своими судьями и подданными, но князь Чорторыйскій не явился. Тогда судьи князя Дубровицкаго, выслушавъ показанья его свѣтковъ, „усказъ вчынили и границы покажоныи поправили, и шкоды

[1354]) Акты Зап. Рос. I, № 145.

подданнымъ его, на што они доводъ слушный передъ ними учинили, на его людѣхъ усказали". Когда князь Чорторыйскій „подлѣ умовы и запису своего досыть чинити" не хотѣлъ, князь Дубровицкій пожаловался королю Сигизмунду. Только извиненіе „форобою" спасло князя Чорторыйскаго отъ проигрыша дѣла. Король 20 декабря 1528 года постановилъ, чтобы они снова вывели судей „на рокъ подъ страченьемъ права у трехъ недѣляхъ по семой субботѣ". Князь Дубровицкій взялъ у короля судьями „съ своее руки" старосту Пинскаго пана Ивана Михайловича, чашника пана Николая Андрюшковича и городничаго Городенскаго пана Мартина Мелешковича, а князь Чорторыйскій кн. Семена Одинцевича и кн. Ивана Андреевича Полубенскаго. Король присоединилъ къ своему приговору еще слѣдующую статью: „Што ся дотычеть тыхъ шкодъ князя Юрьевыхъ, которые онъ на тую *копу* въ стравныхъ речахъ наложилъ, князь Чорторыйскій маеть ему то напервѣй права заплатити, на чомъ на тыхъ стравныхъ речахъ врядники его присягу вчинять, а што будеть тымъ судьямъ або свѣтъкомъ своимъ пенезми и иншими речьми далъ, того ему не повиненъ платити" [1355]). Такъ какъ при разбирательствѣ земельныхъ тяжбъ и различныхъ столкновеній приходилось „вести копу", т. е. вызывать къ опросу мѣстныхъ жителей, бояръ и людей, то и суды эти назывались обыкновенно *копными*. Возникновеніе такого названія объясняется тѣмъ, что судебное слѣдствіе въ то время не раздѣлялось строго отъ суда, считалось самимъ судомъ, такъ какъ въ сущности рѣшало дѣло. Что названіе копнаго суда прилагалось къ судамъ, производившимся на мѣстѣ судьями, которыхъ стороны брали „съ своее руки", на это прямое указаніе можно получить, напр., „въ выровѣ" по дѣлу князя Андрея Лукомскаго съ паномъ Ѳедоромъ Богдановичемъ Сопѣжича. „И Ѳедоръ Сопѣжичъ повѣдилъ передъ нами,—читаемъ здѣсь,—ижъ онъ тыхъ слугъ своихъ на его имѣнье не насылалъ, нижли дей *судьи полюбовныи* присудили людемъ моимъ на его людѣхъ нѣкоторыи шкоды за пчолы. Ино люди мои неоднокроть о томъ князю Андрею жаловали, абы то казалъ людемъ своимъ *подмъ суда копного* платити. И онъ тыхъ сужоныхъ речей людемъ моимъ заплатити не казалъ, и люди мои сами за тыи свои присужоныи шкоды намѣстничка его на дорозѣ поимали и ко мнѣ привели, и я его въ томъ обсылалъ, абы его на рукоемство взялъ, и онъ его взяти не хотѣлъ, и тыхъ его людей слуги мои не имали, а шкодъ не дѣлали" [1356]).

[1355]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51.
[1356]) Ibidem, л. 26, 27.

Приведемъ еще нѣкоторыя данныя изъ актовъ, характеризующія дѣятельность судей, взятыхъ сторонами „съ своее руки". Писарь земскій Дорогицкій Янъ Сѣкирка, задолжавъ воеводинѣ Троцкой, женѣ пана Григорья Станиславовича, „початокъ заплаты тымъ пеняземъ ей учинилъ, а о бранье достоли ихъ у право городовое Дорогицкое ее позывалъ". Но она не явилась и заочно взяла „увязанье" въ его имѣнье. По жалобѣ писаря, король Сигизмундъ 20 марта 1531 года писалъ старостѣ Дорогицкому, судьѣ и подсудку: „Мы казали съ обу сторонъ комисарей, прыятелей своихъ обравши, на то посадити, которыи жъ комисары мають межи ними яко о тыхъ пенязѣхъ, такъ и о всихъ шкодахъ слушное *розознанье* и конецъ вчынити. Естли жъ тыи ихъ прыятели высажоныи межы ними въ томъ наконецъ справедливости вчынити не могли, и вы бы казали имъ передъ собою стати и въ томъ имъ розсудкомъ своимъ сказанье вчынили водлѣ Статуту права вашого земли Дорогицкое; пакъ ли жъ бы и передъ вами конечная справедливость имъ не могла ся сточыти, и вы бы ихъ отослали зася до насъ господаря: мы сами хочемъ о томъ межи ними досмотрѣти и справедливость тому вырокомъ нашимъ наконецъ вчынити"[1357]). Изъ этого видно, что и отъ суда „пріятелей" дѣла могли отходить къ суду мѣстныхъ правителей, какъ и отъ послѣдняго къ суду господаря либо по желанію тяжущихся, либо по желанію судей, затруднявшихся найти и приложить законъ къ данному случаю. Плебанъ Крошинскій князь Войтехъ жаловался панамъ-радѣ на дворянина господарскаго Алексѣя Овсяника, „ижъ бы ему отъ него крывды великіи ся стали въ земляхъ, въ кгвалтѣхъ, въ грабежѣхъ, въ наѣздкахъ и въ иншихъ речѣхъ". Паны-рада велѣли имъ взять судей на мѣсто. Но судьи Овсяника съ судьями плебанскими споръ учинили, „хотячы Овсянику на плебанѣ кгвалтъ прысудити за то жъ, ижъ плебанъ мутвицу Овсяникову съ своее гребли зметалъ". Тогда судьи плебана обратились къ панамъ-радѣ за разрѣшеніемъ спора, и паны дали имъ науку: „хто бы въ земли былъ правъ, тотъ и въ кгвалтѣхъ". Но судьи Овсяника съ „права" съѣхали и конца дѣлу не учинили. Не обращая на это вниманія судьи плебана „подлѣ росказанья пановъ-радъ" „такъ сказали: на чомъ плебанъ и люди присягнуть, то Овсяникъ маеть платити". Но Овсяникъ, очевидно, и не думалъ платить, потому что плебанъ долженъ былъ жаловаться на него самому господарю. Господарь приказалъ „о томъ межи ними досмотрѣти и справедливость

[1357]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 77.

тому вчынити“ судьямъ дворнымъ: маршалку князю Андрею Михайловичу Санкгушковичу, маршалку и державцѣ Волковыйскому пану Матею Войтеховичу, тивуну и подконюшему Виленскому пану Шимку Мацковичу и дворянину пану Богдану Довкгирдовичу. Но судьи, выслушавъ судовый листъ судей плебана затруднились въ рѣшеніи этого довольно сложнаго дѣла и „отказали“ то господарю и панамъ-радѣ и „самихъ ихъ очивисто ставили“. Господарь съ панами-радою, одобривъ въ принципѣ судъ плебанскихъ судей, приказалъ плебану присягнуть на третій день въ своихъ „шкодахъ“, что и было исполнено. „Водлѣ присяги“ плебана господарь приказалъ судьямъ дворнымъ „тую сто копъ грошей на Овсянику сказати и роки трои заплатѣ положити по двадцати дней отъ дня святого Августына“. Господарь, кромѣ того, постановилъ: „чого судьи не судили, мы казали имъ съ обу сторонъ знову тамъ судьи вывести и о томъ межи собою росправитися; а што ся дотычеть боевъ и грабежовъ и шкодъ людей плебанскихъ, то есьмо тежъ людемъ его дали на прысягу и рокъ есьмо той прысезѣ положили на светого Августына за чотыры недѣли: на чомъ тыи люди плебанскіи передъ дворениномъ нашымъ Иваномъ Мостыкою у церкви въ Крошнѣ у своей параѳеи прысягу вчынять, то Овсяникъ маеть имъ платити“ [1358]). Приведенное дѣло характерно въ томъ отношеніи, что указываетъ на участіе высшаго суда въ дѣятельности низшихъ судовъ въ теченіе самого процесса, на сліяніе низшихъ судовъ съ высшимъ въ одномъ судопроизводствѣ. Въ этомъ отношеніи характерно также и слѣдующее дѣло. Панья Алжбета, жена воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Миколаевича, жаловалась панамъ-радѣ на судовомъ „рокѣ“ на вдову князя Михаила Ивановича Мстиславскаго, „же бы князь Михайла небощыкъ Мстиславскій, а по смерти его она, всю пущу ее спустошили и звѣрь побили а грабежи невымовныи имѣнью ее милости Селищамъ, Груздову, Маньковскому, Смыцкому подѣлали“, и на то представила „реистръ шкодъ своихъ“. Княгиня Мстиславская съ своей стороны жаловалась на панью, „якобы ее милость пущу властную Молодеченьскую отнимала и грабежы имѣнью ее Молодечыну а Ожуничомъ подѣлала“, и также представила „реистръ шкодъ своихъ“. Паны, выслушавъ эти реистры, „взнали то, ижъ ростырки и грабежы межы ихъ милостью ни съ чого ся иного не стали, толко о пущу, и на томъ то зоставили, же ихъ милость *ѣздоковъ* мають вести, и рокъ *копъ* завитый положили“. Панья взяла „съ своее руки

[1358]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 30, 31.

судьями" князей Василья и Ивана Андреевичей Полубенскихъ и пана Станислава Довгирда, а княгиня—пановъ Шимка Мацковича и Кмиту Кунцевича и князя Тимоѳея Ивановича Пузыну. Паны-рада, извѣстивъ объ этомъ выпрошенныхъ судей и приказывая имъ выѣхать на „ровъ" на мѣсто, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили имъ и свое рѣшеніе, къ которому они пришли въ принципѣ по этому дѣлу: „хто въ пущы будетъ винеңъ, тотъ и въ грабежохъ". Этимъ „вырокомъ", присланнымъ подъ печатью пановъ, судьи должны были руководиться и ни въ чемъ отъ него не отступать въ дѣлѣ о пущѣ, которое они должны были разсмотрѣть сначала, прежде другихъ дѣлъ, „кому бы межы подданныхъ ихъ милости до кого дѣло было". Панья и княгиня съ своими судьями пріѣхали въ назначенный день на мѣсто, куда съѣхались господарскій дворянинъ и „не мало земянъ". Судьи нашли, что княгиня первая должна вести границу своихъ владѣній. Княгиня стала вести, но „неслушне",—„все по чужой земли великою дорогою Полоцкою вела, а границы ни одной а никоторого знаку ку граниченью не вказала и еще за великій логъ перешла, чого жъ ся сама передъ паны ихъ милостью вырекла". Панья послѣ этого просила судей, „абы сказаньє вчынили и пры властности, отчызнѣ и дѣдизнѣ ее, пры пущы зоставили". Но судьи княгини съ судьями паньи „въ томъ ся не згожали", на томъ основаніи, что „въ статутахъ правъ писаныхъ того артыкула нѣтъ, яко бы то мяло сужоно быти, хто по чужымъ землямъ ведетъ, а границъ не вказуетъ и свою помененую границу переходитъ". Судьи разъѣхались, не учинивъ конца дѣлу, и отослали тяжущихся къ панамъ-радѣ. „Ваша милость,—писали они 15 ноября 1531 года,—вѣдаете, которымъ обычаемъ межы ихъ милостью розсудокъ вашей милости господарскій вчынити"[1359]). Благодаря такому сліянію высшаго суда съ низшимъ, благодаря неопредѣленности компетенціи судей, чинившихъ судъ на мѣстѣ, не всегда можно различить ѣздоковъ отъ судей, и въ актахъ они иногда смѣшиваются. Судьи по настоящему дѣлу называются то ѣздоками, то судьями; не всегда различаются они и въ Статутѣ 1529 года.

Судьи для производства суда на мѣстѣ брались тяжущимися не только отъ господаря, но и отъ воеводъ. Въ 1534 году воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался дворянинъ господарскій Иванъ Служчичъ на мѣщанина полоцкаго Грыдка Буцьковича, что онъ „въ нѣскольку мѣсцохъ границы его властные звѣчыстые показилъ и моцью кгвалтомъ, перешодши границу земли его, допахалъ".

[1359]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 94, 95.

Воевода приказалъ „на то собѣ съ обу сторонъ судей побрати". „Панъ Иванъ,—гласитъ судовый листъ воеводы,—взялъ въ насъ съ своее руки судьями князя Андрея Андреевича Лукомского и намѣстника нашого Черсвятского Яна Лося, а Буцько взялъ съ своее руки судьями боярина господарского Полоцкого Андрея Михайловича, и рокъ собѣ съ обу сторонъ тому праву передъ нами очивисто приняли подъ страченьемъ права, окромѣ форобы а службы господарское". Судьи выѣхали на мѣсто и произвели опросъ „свѣткамъ", выставленнымъ тою и другою стороною; въ числѣ этихъ „свѣтковъ" были слуги и крестьяне самихъ тяжущихся и подданные сосѣднихъ землевладѣльцевъ князя Ильи Константиновича Острожскаго, паньи воеводиной Виленской и т. д.; но не учинивъ конца дѣлу, предоставили его на рѣшеніе воеводѣ вмѣстѣ со спискомъ показаній „свѣтковъ" [1360]). Но иногда „копа" рѣшала дѣло, и воеводѣ приходилось только привести въ исполненіе ея рѣшеніе. Тотъ же воевода посылалъ, напр., коморника своего Иванка Волынца дѣцкимъ „справить" на людяхъ игуменьи Полоцкой Ушачанахъ полторы копы грошей для князя Богдана Глинскаго, „што на нихъ копа присудила" [1361]).—Брались ли судьи тяжущимися отъ намѣстниковъ-державцевъ? И на этотъ вопросъ приходится отвѣчать утвердительно. Господарскіе крестьяне въ тяжбахъ между собою о землю, сѣножати и т. под. брали обыкновенно или „вряднива" намѣстника-державцы, или „понамѣстничка", или тивуна [1362]). Ихъ „спорчизны" разрѣшались обыкновенно „копнымъ правомъ" предъ этими лицами. Король Сигизмундъ по жалобѣ людей Куренской волости Марковскаго повѣта писалъ державцѣ Марковскому: „и вжо черезъ то намѣстникъ твой на волость къ нимъ уѣзжчати и слугъ своихъ усылати и стацеи на нихъ правити не маетъ, кромѣ того, естли который мужъ *на копу намѣстника твоего подойметъ*, и тежъ кромъ дѣцкихъ, естли кто на кого дѣцкого озметъ, тогды намѣстникъ твой маетъ на копу ѣздити и дѣцкихъ давати, кому будетъ потреба" [1363]). Бояре и другіе привилегированные землевладѣльцы брали, вѣроятно, судей „съ своее руки" у намѣстника-державцы и также вели копу. Впрочемъ, такихъ случаевъ, вѣроятно, было сравнительно мало, потому что привилегированные землевладѣльцы въ земельныхъ тяжбахъ и взаимныхъ обидахъ, которыми онѣ осложнялись, обыкно-

---

[1360]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 234.

[1361]) Ibidem, л. 171, 172.

[1362]) Акты Зап. Рос. II, № 159. арт. 21.

[1363]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

венно обращались къ суду господаря, а съ другой стороны и сами намѣстники-державцы при незначительности разстояній въ такихъ случаяхъ нерѣдко выѣзжали лично на мѣсто и чинили судъ.

Обращеніе къ полюбовному третейскому суду было очень обычно на Руси Литовской въ изучаемое время и должно было въ значительной степени уменьшать судебную дѣятельность господарскихъ урядниковъ. Это обращеніе часто совершалось даже безъ ихъ посредничества, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе недовольства рѣшеніемъ вотчиннаго суда устанавливался „обчій" судъ, рекомендовавшійся, какъ мы выше видѣли, самимъ закономъ. Этотъ „обчій" судъ отправляли судьи полюбовные, которые выбирались сторонами, и рѣшеніе ихъ имѣло такую же силу, какъ и рѣшеніе господарскихъ урядниковъ. Въ 1534 году 1 марта на судѣ воеводы Полоцкаго княгиня Ѳедя Ротницкая на жалобу князя Яна Вяземскаго, будто бы она приказала повѣсить его человѣка „нѣтъ вѣдома для чего", чинила такой отказъ: „мнѣ на томъ человѣку судьи полюбовные князь Андрей Мелешковскій и зъ иными судьями двадцать копъ грошей присудили за шкоды мои и роки были ему ку заплатѣ мнѣ отъ него тыхъ пенезей положили, а князь Янъ его мнѣ въ тыхъ пенязѣхъ выдалъ, а тые роки какъ вжо минули, а мнѣ тое заплаты водлѣ суда тыхъ судей тотъ злодѣй а ни князь Янъ за него платити не хотѣлъ, и я, стерегучися того, абы ми ся отъ того злодѣя большая шкода не стала, естли быхъ его выпустила, и казаламъ его обѣсити". Князь Янъ сталъ было утверждать, что она повѣсила его, „того року, отъ тыхъ судей ку заплатѣ положоного, не дождавши", но не могъ доказать этого, и воевода оправилъ княгиню Ротницкую [1364]).

Судебная дѣятельность господарскихъ урядниковъ уменьшалась и со стороны копныхъ судовъ, отправлявшихся безъ ихъ участія въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшіе отъ преступленія собирали окольныхъ жителей искать преступника, „на сокъ". Отказаться отъ этого нельзя было подъ страхомъ быть обвиненнымъ копою. Когда владыка Смоленскій Іосифъ пожаловался в. князю Александру на князей Горскихъ, „што жъ которыи ся татбы становятъ отъ людей ихъ, и они (люди владыки) на сокъ людей ихъ зовутъ и они не ходятъ", великій князь урядилъ между ними, „што жъ маютъ съ обу сторонъ на сокъ людей своихъ и паробковъ посылати тамъ, гдѣ ся шкода станетъ, а хто не выйдетъ, тотъ безъ суда виноватъ" [1365]). Вотъ образчикъ та-

---

[1364]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 247, 248.

[1365]) Акты Зап. Рос. I, № 145.

кого копнаго суда, описанный въ судебномъ „вырокѣ" воеводы Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича: „которая шкода сталася была людемъ пана Троцкого, старосты Жомоитского, пана Петра его милости Станиславовича Селедцовскимъ, и они дей о томъ копу збирали, и съ копы тые вси шкоды присудили на человѣцѣ пана Глѣба Есмановича на имя на Павлѣ на Купріянову для того, ижъ дей тое ночи, которое ся тая шкода стала, ночовалъ въ него въ дому тотъ чоловѣкъ нашъ дубровенскій Ятко, ижъ онъ того Ятка на копѣ не поставилъ" [1366]). Копа собиралась потерпѣвшими и въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ было на кого нибудь подозрѣніе. Если подозрѣваемый не явился на копу, его обвиняли безъ суда. Воеводѣ Полоцкому 17 іюля 1535 года жаловался городничій Полоцкій Иванъ Глѣбовичъ съ Грицкомъ Юрьевскимъ на Стася, слугу господарскаго подданнаго Полоцкаго Васка Ракусы, по поводу того: „што жъ въ людей пана городничого у Ходора Трыбуха а у Курыла Быстры украденъ конь и свирѣпа, а въ человѣка Грыдкова у Петра такежъ конь; ино дей тые люди ихъ для того копу збирали, и копнымъ дей обычаемъ за тые два кони и за третего—свирѣпу присужоно тымъ людемъ ихъ на томъ слузѣ Ракусиномъ Стасю за кождого коня по рублю, грошей на узкую личбу", но Стась денегъ не заплатилъ. Вызванный на судъ къ воеводѣ господинъ Стася Ракуса заявилъ „ижъ того слугу своего на копѣ ставилъ, нижли дей отъ того права отозвался до насъ (воеводы)". „И мы,—пишетъ воевода въ судовомъ листѣ,—казали пану городничому и Юрьевскому съ тыхъ копниковъ сколько старшихъ мужей передъ нами поставити *ку отказу того суда* и положили есмо имъ рокъ ку постановенью тыхъ копниковъ передъ нами въ пятницу по святой Малкгоретѣ". Ракуса ни самъ не сталъ въ назначенный день, ни слугу своего не поставилъ, между тѣмъ какъ городничій и Юрьевскій поставили предъ воеводою пять человѣкъ: Тараса, человѣка пана Ивана Зеновьевича, Ходора съ Болотницы, человѣка жены пана Ивана Зеновьевича, Нестера Луковку, человѣка пана Глѣба Зеновьевича, и людей Грицка Юрьевскаго Андрея Сосну и Самсона Мальцевича. Копники показали: „трыкроть для тое шкоды копу збирали, и Ракуса на тые роки на оную копу самъ не становился а ни того слуги своего не ставилъ, и для того дей есмо тую шкоду на томъ слузѣ его Стасю тымъ людемъ пана городничого и Юрьевского присудили, и въ той шкодѣ взялъ дей его Ракуса на свои руки". „И мы,—гласитъ вырокъ

[1366]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 224.

воеводы,—водлѣ отказу суда тыхъ копниковъ тую шкоду полтретья рубля грошей тымъ людемъ пана городничого и Юрьевского казали на томъ слузѣ Ракусиномъ отправити". [1367]). Если власти приводили въ исполненіе рѣшенія копныхъ судовъ, то съ другой стороны и мужи копники были отвѣтственны за неправый судъ, какъ и другіе судьи. Передъ воеводою Полоцкимъ Яномъ Юрьевичемъ Глѣбовича жаловался дворянинъ Тиша Быковскій на князя Богдана Глинскаго: „ты у пана его милости взялъ на люди игуменины Вчановцы, которые суть въ мене у-въ опецѣ дѣцкого, и люди мои въ томъ не мало шкодують, а тобѣ ничого винни це были". Князь Богданъ отвѣчалъ: „мнѣ копа усказала на людѣхъ твоихъ полторы копы грошей", и представилъ воеводѣ листъ, „въ которомъ копа описуеть, што тые люди игуменины Вчановцы не вышли на копу, и они присудили на нихъ ему полторы копы грошей: за яловицу полкопы грошей, а за двои пчолы копу грошей". Тиша возразилъ: „тые люди не ходять на тую сторону рѣки на копу, а съ тое стороны такежъ не ходять люди на сю сторону рѣки, нижли обсылають ва обѣ стороны, ажбы промежи себе винного искали, коли на которой сторонѣ которая ся шкода станеть". Воевода остановился на томъ: „маеть князь Богданъ тую свою копу предъ нами постановити отъ сего дня, которая субота есть, на завтра Матки Божее Внебовзятья за двѣ недѣли, и кгды тую копу поставить, и если тая копа узмовить, мы тую полтора копы грошей князю на нихъ присудили, яко въ листѣ копномъ описано, тогды онъ маеть быти въ томъ правъ, а люди пана Тишины мають собѣ съ копою говорити; пакъ ли жъ оная копа къ тому листу ся знати не будеть а узмовить: мы князю Богдану тое полторы копы грошей на нихъ не присудили, тогды князь маеть быти въ томъ виноватъ и будетъ повиненъ оные шкоды оправляти, ижъ неслушне бралъ дѣцкого, а съ копою маеть о томъ мовити; а естли бы тежъ на тотъ рокъ копы не поставилъ, тогды предъ ся маеть въ томъ виненъ быти" [1368]).

Копные суды въ этомъ видѣ были не чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ той дѣятельности, которая въ эпоху Русской Правды совершалась въ такъ называемыхъ „вервяхъ". Извѣстно, что въ то время искали по верви разбойника, поджигателя, конѐваго татя, клѣтнаго (домоваго), кто кралъ чужихъ бобровъ, пчелъ и т. д. Точно такъ же и въ изучаемое время копа собиралась тогда,

---

[1367]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 264, 265.
[1368]) Ibidem, л. 188, 189.

когда нужно было въ мѣстности разыскать преступника, разбойника, поджигателя, татя, покравшаго лошадей, сѣно или хлѣбъ съ гумна, бобровъ и птицъ изъ чужихъ ловушекъ и сѣтей, медъ изъ борти и т. д. Этотъ розыскъ естественно долженъ былъ превратиться въ судъ, такъ какъ въ древнее время представленіе доказательствъ, нахожденіе преступника, уже рѣшало дѣло, и „вырокъ" судьи былъ уже простою формальностью, а съ другой стороны, при отысканіи преступника, копѣ приходилось оцѣнивать доказательства виновности и невиновности. Даже въ частностяхъ можно видѣть сходство копнаго процесса съ тѣмъ, что дѣлалось въ старину въ верви. Такъ, напр., если слѣдъ татя приводилъ разыскивающихъ къ селу, село должно было или найти татя въ себѣ, или платить за воровство, если неудавалось отвести, „отсочить" оть себя этотъ слѣдъ [1369]). Итакъ, копный судъ возникъ на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей отсюда власти ихъ надъ ними. Эта круговая отвѣтственность и власть, ведшія свое начало изъ незапамятной старины, оказались наиболѣе крѣпкими связями, которыя продолжали соединять жителей въ мѣстныя общества въ то время, когда другія связи были между ними уже порваны, когда они считались даже подданными разныхъ „господарей", когда по управленію и суду вступили въ новыя сообщничества. Даже въ 1588 году правительство предписывало: „на руси и инъде где здавна копы бывали тамъ мають быти и теперъ копы отправованы *на старыхъ коповищахъ* тымъ обычаемъ яко первей того бывало". Мало того, оно распространяло это жизненное учрежденіе даже и по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ его не было, и предписывало: „а естли бы укривжоный злодействомъ хотелъ шкоды своее доходити копою, тогды вси въ той околицы въ околъ на милю со всихъ чотырехъ сторонъ мають казати подъданнымъ своимъ на копу сходитися, а то ся маеть розумети в передъ на тые местца гдѣ до сихъ местъ копы не бывали, которые коповища каждый подъкоморий въ повете своемъ назначити и села тыхъ хто ся тамъ становити будеть описати маеть" [1370]). Предѣлы этихъ копныхъ „околицъ", такимъ образомъ, устанавливались чисто искусственнымъ путемъ, по соображенію условій сосѣдства. Готовыя, установившіяся уже дѣленія на волости и ихъ подраздѣленія, не принимались въ разсчетъ. Отсюда позволительно сдѣлать заключеніе, что и границы копныхъ околицъ,

---

[1369]) См. 88 Русской Правды по Карамз. списку; 6 арт. XIV раздѣла Статута 1566 и 9 арт. XIV раздѣла Статута 1588.

[1370]) 9 арт. XIV раздѣла Статута 1588.

установившіяся естественнымъ путемъ, не совпадали съ предѣлами волостей и извѣстныхъ намъ подраздѣленій ихъ или, по крайней мѣрѣ, не всегда совпадали. Судя по тому, что и названіе „вервь" имѣетъ чисто спеціальное и узкое значеніе и не употребляется для обозначенія мѣстныхъ обществъ въ широкомъ смыслѣ подобно названію „волость", можно думать, что и верви Русской Правды были дѣленіемъ, не совпадавшимъ съ волостнымъ. Верви, повидимому, были первымъ общественнымъ сцѣпленіемъ, которое вышло изъ узкихъ рамокъ кровнаго союза. Послѣ нихъ образовывались болѣе крупные общественные союзы—волости, княженія и земли, поглощавшія въ себѣ по нѣскольку вервей, но жизнь въ этихъ послѣднихъ не прекращалась совершенно. Онѣ остались въ качествѣ мѣстныхъ обществъ, обязанныхъ круговою отвѣтственностью за преступленіе, совершенное въ ихъ предѣлахъ, съ властью разыскивать преступника и произносить приговоръ о виновности своего сочлена. На сѣверовостокѣ Руси верви исчезали, и съ значеніемъ ихъ позднѣе являются волости. Но дѣло въ томъ, что самыя волости на сѣверовостокѣ Руси, повидимому, не были дальнѣйшимъ шагомъ въ группировкѣ мѣстныхъ обществъ, не пошли въ своемъ объемѣ далѣе того, что обнимали верви.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда приходилось искать преступника, копы собирались и производили судъ по нѣкоторымъ гражданскимъ правонарушеніямъ, которыя случались между сосѣдями. Но такіе копные суды были особымъ видомъ полюбовныхъ разбирательствъ, признаннымъ, впрочемъ, обязательнымъ. Такъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда у кого нибудь совершалась потрава, потерпѣвшій собиралъ окольныхъ людей, свидѣтельствовалъ ее и затѣмъ вызывалъ владѣльца скота на копу: во что оцѣнивала копа потраву, то владѣлецъ скота и долженъ былъ выплатить [1371]). По составу своему такія копы, вѣроятно, были однородны съ тѣми, которыя собирались тяжущимися, когда разбирали ихъ споръ полюбовные судьи, т. е. состояли изъ однихъ окольныхъ жителей, бывшихъ свидѣтелями потравы.

Не смотря на то, что благодаря обращенію тяжущихся къ суду господарскому, суду полюбовныхъ судей и копному, масса дѣлъ отвлекалась отъ разбирательства намѣстниковъ-державцевъ, послѣдніе не справлялись со всею правительственною работою, которую задавала имъ ихъ судебная обязанность. Паны, державшіе волости, отвлекались постоянно какъ своими собственными дѣлами, по имѣньямъ, въ которыхъ они были господарями, такъ и „справами господарскими и зем-

1371) 2 арт. XII раздѣла Статута 1529 года.

скими", потому что они были обыкновенно придворными сановниками, членами рады великаго княжества и, кромѣ того, часто господарскими намѣстниками въ другихъ волостяхъ (знатные паны постоянно держали по нѣскольку господарскихъ дворовъ съ волостями). Обыкновенно они поручали вести все управленіе, чинить судъ и управу въ волостяхъ, своимъ слугамъ, которые назывались ихъ *намѣстниками*. Но такой порядокъ съ теченіемъ времени въ примѣненіи къ шляхтѣ, которая все болѣе и болѣе росла какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ правительства, долженъ былъ оказаться неподходящимъ. Поэтому и король Сигизмундъ въ Статутѣ 1529 года постановилъ: „воеводы и старосты и державцы наши мают кожды у своем повете обрати двохъ земяниновъ людей добрых а годныхъ веры и ку присязе привести, а встановити тым обычаем: коли пан воевода и староста и державца нашъ коли за некоторыми справами нашими або земскими не поспешны будут которых правъ судити; тогды тые два замянины весполовъ з намѣстники и маршалки тых панов врадников наших маютъ того смотрети и то справовати водле тыхъ писаных прав, которые есмо усей земли дали; и писари присяжные тых пановъ воевод и старост и державецъ наших маютъ также при них быти и то все пописывати и к тому вин наших и теж вин и иных доходов панов своих смотрети; а безъ тых пановъ земянъ присяжных, естли бы обеюхъ не было, тогды не мают наместникове аня маршалкове судити, нежли бы одинъ с тых земянинъ вставичне при них мел быти" [1372]). Эти судьи, впрочемъ, по всѣмъ даннымъ, не участвовали въ разбирательствѣ дѣлъ, касавшихся исключительно крестьянъ, такъ что и учрежденіе ихъ можно разсматривать, какъ прелюдію ко введенію шляхетскихъ земскихъ судовъ. Генеалогію же ихъ надо выводить отъ тѣхъ ассистентовъ, которыхъ господарскіе намѣстники обязательно должны были имѣть при себѣ во время разбирательства дѣлъ, касающихся князей, пановъ, бояръ и земянъ шляхты. Въ уставной грамотѣ Волынской земль по поводу этого читаемъ: „а князя и пана и земянина старостѣ и *намѣстникомъ* нашимъ одному ихъ не судити: маетъ при собѣ посадити князей и пановъ и земянъ, тежъ маетъ его судити" [1373]). Впрочемъ, такой сословный характеръ судебныхъ присутствій въ свою очередь былъ производнымъ, возникъ подъ дѣйствіемъ польской шляхетской идеи, на Волыни проявившимся ранѣе

[1372]) 3 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.
[1373]) Акты Зап. Рос. II, № 54.

и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ (за исключеніемъ, конечно, Подляшья). Первоначальныя же судебныя присутствія при литовско-русскихъ намѣстникахъ, данныя собственно русскою исторіею, не имѣли такого сословнаго характера. Выше было упомянуто, что великій князь Александръ, освобождая откупщиковъ мыта и корчмы въ Мозырѣ отъ намѣстничьяго суда, писалъ о томъ не только намѣстнику, но и старцу Мозырскому, мѣщанамъ и всѣмъ людямъ волости Мозырской. Такая форма обращенія объясняется не тѣмъ только, что великій князь доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія объ увольненіи откупщиковъ отъ мѣстнаго суда и о подачѣ впредь жалобъ на нихъ самому господарю, но и тѣмъ, что старецъ и отдѣльныя лица изъ мѣщанъ и волостныхъ людей присутствовали на судѣ намѣстника и имѣли въ немъ извѣстную долю участія: „а ихъ бы есте не судили, а ни радили",—обращается къ нимъ господарь въ своей грамотѣ. Даже на судѣ намѣстниковъ, сидѣвшихъ въ центральныхъ городахъ областей и имѣвшихъ при себѣ бояръ и должностныхъ лицъ по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей, встрѣчаемъ мѣщанъ. „А ему (воеводѣ), — читаемъ въ уставной грамотѣ Витебской земли,—судити по цѣлованью, нашимъ судомъ, *досмотрѣвши права* съ князи и зъ бояры, и *зъ мѣщаны*, и осудивши его казнити у Витебску по ихъ праву" [1374]). Въ уставной грамотѣ Полоцкой земли находимъ то-же самое: „А воеводѣ нашому Полоцкому мѣщанъ одному не судити, судити его съ бояры и мѣщаны; а осудивши его, въ Полоцку жъ казнити виноватого, по ихъ праву, съ Полочаны по испросу" [1375]). Впрочемъ, объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

XLIX.

Намѣстники-державцы и бывшіе на ихъ положеніи тивуны пріѣзжали въ свои резиденціи съ своими слугами, которые помогали имъ въ управленіи. Изъ среды этихъ слугъ выходили разныя должностныя лица, и прежде всего *намѣстники* намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Эти намѣстники были такими же уполномоченными, какъ сами намѣстники-державцы и тивуны были уполномоченными господарскими. Великій князь Александръ, сдавъ въ 1494 году на откупъ корчмы въ Минскѣ, писалъ намѣстнику Минскому пану Миколаю Ильиничу: „што бы еси самъ и намѣстнику своему приказалъ, ажбы

[1374]) Акты Запад. Рос, I, № 204.
[1375]) Акты Зап. Рос. II, № 70.

еси въ мѣстѣ нашомъ Мѣнскомъ нихто корчомъ не мѣлъ, вымѣняя тыхъ, которымъ есмо продали". Въ слѣдующемъ году в. князь, отдавъ на откупъ на три года мыто Минское, вмѣстѣ съ запрещеніемъ вступаться въ мыто и промыту писалъ намѣстнику: „и што бы ихъ не судилъ а ни рядилъ, а дѣцкихъ бы еси своихъ на нихъ не давалъ, *а и намѣстникъ бы твой тежъ на нихъ дѣцкихъ не давалъ*: кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межи ними смотрѣти въ тотъ часъ, поки выдержать мыто нашо" [1376]). Въ 1501 году великій князь, утверждая старину Пинскихъ мѣщанъ относительно подводной повинности, писалъ: „и великій князь Жикгимонтъ и отецъ нашъ, король его милость, писали до нихъ, штожъ имъ только давати намѣстникомъ Пинскимъ гребцовъ по двунадцати, до первого села, до обмѣны, коли поѣдетъ до Кнубова, або до Нобля рѣкою; а намѣстникомъ ихъ, *коли поѣдутъ дворовъ Пинскихъ осмотривати*, по чотыри гребцы, а слузѣ его по два гребцы, а вышей того имъ не казано давати" [1377]). Въ привилеѣ, выданномъ тѣмъ же господаремъ кравцу Давиду Турчину на войтовство въ Порововѣ, читаемъ между прочимъ: „а державцамъ нашимъ Волковыйскимъ, нынѣшнему а потомъ будучому, и ихъ намѣстникомъ не надобѣ въ тое войтовство и въ ставокъ и млынъ и суды и пересуды и во вси его суды и доходы войтовскіе вступати се" [1378]). Король Сигизмундъ, получивъ жалобу отъ конюховъ слонимскихъ на сотника и десятниковъ Слонимскихъ, которые стали привертывать ихъ къ себѣ въ таглую службу, вопреки суду господарскому, и даже по этому поводу ихъ „разграбили", писалъ (17 іюля 1511 года) намѣстнику Слонимскому пану Яну Миколаевичу, „а не будетъ его самого на тотъ часъ, ино его намѣстнику": „приказуемъ тобѣ, абы еси сотнику и десятникомъ приказалъ подъ виною нашою, абы имъ въ томъ дали впокой: нехай они служать намъ съ тыми конюхи нашими съ Кропотчаны конюшскую службу подлѣ суда нашого" [1379]). Изъ этого листа видно, что намѣстники намѣстниковъ-державцевъ замѣняли ихъ на время отсутствія. Но даже и тогда, когда намѣстники-державцы присутствовали въ волостяхъ, лица, замѣнявшія ихъ, находились при нихъ и помогали имъ въ управленіи повѣтомъ. Какъ нужна была помощь намѣстникамъ-державцамъ, на это указываетъ между прочимъ фактъ существованія при нихъ „пона-

[1376]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 163, 166.
[1377]) Акты Зап. Рос. I, № 190.
[1378]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 302, 303.
[1379]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

мѣстничковъ", которые выѣзжали, напр., разбирать тяжбы между крестьянами о землѣ [1380]), несмотря на то, что при нихъ были, какъ выше было сказано, тивуны и даже *подтивуны* [1381]). Кромѣ того, подобно господарю, они держали иногда въ своихъ резиденціяхъ маршалковъ, которые по ихъ порученію чинили судъ по отдѣльнымъ дѣламъ.

Слуги намѣстниковъ-державцевъ ѣздили отъ нихъ *дѣцкими*, когда кого нибудь приводомъ нужно было представить на судъ намѣстника-державцы или его намѣстника, когда, затѣмъ нужно было произвести полицейскимъ порядкомъ имущественное взысканіе (движимостью) по суду [1382]). Они получали за свой трудъ „дѣцкованье", которымъ, впрочемъ, дѣлились съ своимъ паномъ. Изъ среды нихъ выходили и *вижи* намѣстниковъ-державцевъ, на обязанности которыхъ лежало оффиціальное засвидѣтельствованіе различныхъ правонарушеній и удовлетвореній по нимъ и вообще обезпеченіе частныхъ лицъ „урядовымъ" свидѣтельствомъ въ цѣляхъ полученія правосудія [1383]). Посылка вижей давала возможность мѣстнымъ правителямъ, не выѣзжая изъ своей резиденціи, чинить правосудіе по дѣламъ, требовавшимъ знакомства съ правонарушеніемъ на мѣстѣ. Воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловались опекунъ игуменьи Полоцкой Тиша Быковскій и бояринъ полоцкій Томко Кгетолтовичъ на бояръ полоцкихъ Путяту и Семена Ѳедьковичей, „што жъ дей они зъ имѣнья своего Ульского церковные звѣчистые земли кгвалтомъ моцью, на имя Яновскую а Василевскую, пашные и бортные, и сѣножати за себе позабирали и на деревѣ бортномъ клейна свои поклали и новые грани въ тыхъ же земляхъ собѣ починили,.... и въ тыхъ дей земляхъ церковныхъ борть пана Томкову забрали". Они „подняли" на разбирательство этого дѣла самого воеводу, который выѣзжалъ на мѣсто и разбиралъ дѣло о земляхъ. „А што ся тканеть дерева бортного скаженого,—гласитъ вырокъ воеводы,—на то дали есмо тымъ людемъ церковнымъ и пану Томку вижомъ служебника нашого Сироту, который маеть того дерева кажоного осмотрѣти и переписати, а якъ перепи-

---

1380) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.; № 160, арт. I.

1381) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 222.

1382) Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 70, 159, 160; 34 и 36 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 171, 172.

1383) 8 арт. V разд., 10, 31, 34, 36. арт. VI разд., 2, 13, 15, 19 арт. XII разд. Статута 1529 г.; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 207—210, 253—254.

шеть, такъ маемъ на томъ съ паны бояры земли Полоцкое сѣсти и того съ обу сторонъ межи ними досмотрѣти и конецъ тому вчинити" [1384]). Воевода Виленскій разбиралъ въ 1542 году сентября 22 жалобу пана Августина Фурса на боярыню Виленскаго повѣта Олену, вдову Михна Ревутевича, „о потравенье збожья и побранье быдла и починенье многихъ шкодъ на земляхъ имѣнья Городилова". Фурсъ представилъ воеводѣ и документъ въ доказательство своего иска, по поводу котораго объяснилъ: „што жъ обводилъ вижомъ, зъ двора Марковского взятымъ, Юхномъ Олехновичомъ,—тотъ вижъ зъ людьми сторонними, ошацовавши шкоду мою на тыхъ поляхъ, на реистръ подъ печатью своею мнѣ далъ" [1385]). Вижамъ, которыхъ частныя лица брали отъ господарскихъ урядниковъ, платилось *вижовое* сообразно съ рангомъ мѣстныхъ правителей [1386]); повидимому, они не сполна пользовались имъ, какъ и дѣцкіе дѣцкованьемъ. Дѣятельность вижей давала возможность обходиться во многихъ случаяхъ безъ посылки судей на мѣсто и, такимъ образомъ, уменьшала и ограничивала дѣятельность копныхъ судовъ, совершавшихся на мѣстѣ, при участіи судей, посланныхъ отъ господаря или уряда, или взятыхъ сторонами „съ своее руки". Но по отношенію къ копнымъ судамъ, отправлявшимся безъ участія этихъ судей, учрежденіе вижей было однимъ изъ благопріятныхъ условій. Приглашеніе вижей въ качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, третьей стороны, сообщало большую силу и законность ихъ рѣшеніямъ [1387]), а, слѣдовательно, и располагало частныхъ лицъ доходить своего копнымъ правомъ. Необходимо замѣтить, кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приглашеніе вижей давало возможность произвести имущественное взысканіе безъ посредства дѣцкихъ, такъ что вижи отчасти замѣняли собою дѣцкихъ. „Теж естли бы што кому судьи обчыи присудили,—гласитъ 31 арт. VI раздѣла Статута 1529 года,—и рокъ заплатѣ положили, а оный бы на тые роки того платити не хотелъ; тогды тые судьи мають взяти вижа у дворе нашом, который колвек наближе будеть, и при ономъ вижи мают того пограбити, и тотъ грабеж дати тому, кому што присудять, и рокъ виноватому положити подъ утраченьемъ того грабежу, иж бы тотъ грабеж выкупилъ". Это постановленье Статута 1529 года, очевидно, имѣетъ

[1384]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 253, 254.
[1385]) Литов. Метр. кн. Судн. Дѣлъ XI, л. 43—45.
[1386]) 34 арт. VI раздѣла Статута 1529 года.
[1387]) 35 арт. VI раздѣла Статута 1529.

въ виду сокращеніе волокиты. Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не производился платежъ по судебному рѣшенію (какихъ судей—все равно), брался дѣцкій у господаря или мѣстныхъ правителей. Статутъ предоставилъ взысканіе самимъ судьямъ, которые должны были производить его предъ вижемъ урядовымъ [1388]). Но еще болѣе, чѣмъ къ дѣцкому, приближался вижъ къ *увязчему*, который вводилъ во владѣнье имѣньями, присужденными кому нибудь по суду „за долгъ або за которую колвекъ иншую причину" [1389]).

Дѣцкими, вижами и увязчими посылались, по всѣмъ признакамъ, не одни и тѣ же лица, которымъ это належало по должности, но разныя, такъ что отправленіе этихъ обязанностей носило характеръ исполненія отдѣльныхъ порученій. Въ противоположность этому *писарями и дьяками* при мѣстныхъ правителяхъ были постоянно извѣстныя лица, спеціалисты своего дѣла, которыхъ привозили и увозили съ собою ихъ паны. При намѣстникахъ-державцахъ по актамъ встрѣчаемъ обыкновенно дьяковъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году пожаловалъ Алексѣю Левоновичу, дьяку намѣстника Слонимскаго пана Яна Миколаевича, трехъ человѣкъ въ селѣ Мелкіяновичахъ въ Литовскомъ десяткѣ Слонимскаго повѣта [1390]). При воеводахъ и старостахъ, кромѣ дьяковъ, встрѣчаемъ и писарей въ качествѣ начальниковъ надъ дьяками, такъ какъ и канцелярское дѣлопроизводство при воеводахъ и старостахъ было болѣе обширнымъ и сложнымъ, чѣмъ при намѣстникахъ-державцахъ, но объ этомъ еще будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ

Намѣстники-державцы поручали иногда своимъ слугамъ и отдѣльныя отрасли управленія. Такъ, напр., державца Марковскій панъ Янъ Миколаевичъ при королѣ Сигизмундѣ установилъ своихъ лѣсничихъ для господарской пущи, находившейся въ его повѣтѣ [1391]) и т. д. Но кромѣ должностныхъ лицъ, выходившихъ изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ, при нихъ находились и нѣкоторыя должностныя лица, назначавшіяся изъ мѣстнаго общества, главнымъ образомъ изъ среды военнослужилаго класса. Таковыми были, кромѣ упоминавшихся уже *хоружихъ*, *городничіе*, которые назначались господаремъ для важнѣйшихъ замковъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые были въ державьѣ намѣстниковъ-державцевъ. Ихъ обязанности были изложены выше (на

[1388]) Срав. 36 арт. VI раздѣла.

[1389]) 17 арт. VIII раздѣла Статута 1529 г.

[1390]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 230.

[1391]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

стр. 474, 475); здѣсь умѣстно будетъ прибавить, что они распоряжались подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ намѣстниковъ-державцевъ, были ихъ помощниками въ своемъ дѣлѣ, а не самостоятельными должностными лицами. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать по аналогіи съ тѣмъ положеніемъ, которое они занимали при намѣстникахъ главныхъ городовъ земель. Великому князю Александру жаловались бояре полоцкіе Богданъ и Глѣбъ Остафьевичи, Михаилъ и Ивашко Зеновьевичи на то, что намѣстникъ Полоцкій ввелъ имъ новину, обязавъ ихъ рубить 8 городень, тогда какъ они рубили обыкновенно двѣ городни. Великій князь „вдѣлалъ по старому: маютъ они тыи свои двѣ городни робити по старому, подлугъ давного обычая; а тобѣ, намѣстнику нашому, и городничому Полоцкому посокирщины зъ ихъ людей не надобѣ брати" [1392]). Должность эта унаслѣдована Литовско-Русскимъ государствомъ отъ древней Руси, которая имѣла, какъ извѣстно, городниковъ, получавшихъ свои „оуроци" [1393]). Была ли это въ древнее время постоянная должность, или же она замѣщалась лишь только тогда, когда было нужно, сказать трудно по недостатку данныхъ. Должность городничаго въ изучаемое время на Руси Литовской была постоянною, хотя существовала и не во всѣхъ городахъ, а только въ наиболѣе важныхъ. Впрочемъ, и тутъ бывали исключенія. Король Казимиръ въ 1460 году писалъ намѣстнику Полоцкому пану Олехну Судимонтовичу: „говорили намъ бояре Полоцкіе и мѣщане и все поспольество, што жъ дей городничого въ нихъ здавна не бывало у Полоцку, а коли дей надобѣ городъ Полтескъ робити, намѣстникъ нашъ, который городъ Полтескъ отъ насъ держитъ, тотъ дѣло городовое росказываетъ дѣлати нашимъ людемъ, которые наши люди зъ волостей нашихъ Задвинскихъ Полтескъ робливали издавна, и пригономъ Полоцкимъ и инымъ волостемъ, которые издавна городъ Полтескъ рубливали. И били намъ чоломъ, абыхмо вчинили по старому, приказали быхмо тобѣ, абы ты росказывалъ городъ Полтескъ рубити, коли будетъ его надобѣ рубити. И мы ихъ пожаловали, *городничого не надобѣ намъ имъ давати*: коли ся пригодитъ дѣло городовое, ино ты, намѣстникъ нашъ, а любо иный, который потомъ будетъ отъ насъ городъ Полтескъ держати, маетъ приказывати а роздавати дѣло волостемъ Задвинскимъ и Полоцкимъ пригономъ и инымъ волостемъ, которые будутъ издавна городъ Полтескъ рубливали; недей будетъ такъ, какъ и будетъ издавна, при

[1392]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

[1393]) Ст. 108 Русской Правды по Карамз. списку.

дяди нашомъ при великомъ князѣ Витовтѣ и Жикгимонтѣ" [1394]). Но уже при великомъ князѣ Александрѣ мы снова по актамъ встрѣчаемъ городничихъ въ Полоцкѣ. Изъ замковъ, дававшихся въ держанье намѣстникамъ-державцамъ, городничихъ, какъ было уже сказано выше, имѣли, напр., Минскъ, Каменецъ.

Въ Браславлѣ Литовскомъ встрѣчаемъ *подконюшаго* Васка, у котораго панъ Ивашко Сопѣга купилъ домъ въ мѣстѣ Браславскомъ, въ которомъ онъ съ дозволенья великаго князя Александра устроилъ корчму пивную и медовую съ тѣмъ, чтобы доходъ съ нея шедъ на церковь Св. Духа на Икажнѣ [1395]). Не былъ-ли Браславль когда-нибудь стольнымъ городомъ, такъ какъ конюшихъ и подконюшихъ мы встрѣчаемъ по актамъ въ такихъ именно городахъ?

При нѣкоторыхъ намѣстникахъ-державцахъ, въ повѣтахъ которыхъ находилось много лѣсовъ съ господарскими бортными деревьями и звѣриными гонами, встрѣчаемъ особыхъ должностныхъ лицъ, которые завѣдывали эксплуатаціею лѣсныхъ пущъ, именно: гаевниковъ, лѣсничихъ, бобровничихъ. Король Сигизмундъ въ 1518 году заставилъ пану Богушу Боговитиновичу замокъ Каменецъ „зъ мѣстомъ и зъ волостными людьми, и съ слугами путными и данными, и бобровники, и зъ осочники, *и зъ гаевницствомъ и бобровничствомъ, и зъ лѣсничымъ*, и зъ дяклы оржаными и овсяными, и съ пашнею, и съ куничными пенязьми и поборными и съ иншими всякими платы и доходы, которыи передъ тымъ на насъ на господаря и на врадниковъ нашихъ хоживали". Должности гаевника, бобровничаго и лѣсничаго выясняются изъ дальнѣйшаго текста заставнаго листа. „А што передъ тымъ,—читаемъ здѣсь,—на нашъ прыѣздъ гаевникъ Каменецкій давалъ кони, того вже онъ не маеть давати. А зъ дани медовое маеть брати собѣ третюю часть, а намъ маеть давати двѣ части. А бобровыи гоны вси мають на насъ быти. А пущу нашу Каменецкую всю маеть завѣдати и сторожу добрую мѣти, абы звѣру нашому шкоды не было; а отъ кого бы намъ шкода была, того намъ маеть объявити; а самъ звѣру нашого въ той пущы ловити не маеть, нижли маеть ловити по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыи намѣстники Каменецкіи ловливали, и то кромѣ зубровъ" [1396]). Итакъ, гаевникъ завѣдывалъ въ господарскихъ пущахъ бортными деревьями, которыя крестьяне „подлазили" или на господаря, или на себя подъ условіемъ платежа опредѣленной дани медомъ; бо-

---

[1394]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 14.

[1395]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 131, 132.

[1396]) Литов. Метр. кн. Запис VII, л. 592, 593.

бровничій завѣдывалъ бобрыми гонами, надзиралъ и руководилъ битьемъ бобровъ на господаря, а лѣсничій оберегалъ господарскія пущи отъ браконьеровъ. Эти должностныя лица по своимъ вѣдомствамъ были, однако, только помощниками намѣстниковъ - державцевъ. Косвеннымъ указаніемъ на это служитъ самый фактъ отдачи гаевництва, бобровничаго и лѣсничаго пану Богушу Боговитиновичу вмѣстѣ съ намѣстничествомъ въ Каменцѣ. Очевидно, что должностная дѣятельность гаевника, бобровничаго и лѣсничаго находилась въ зависимости отъ руководства и надзора державцы, была только дополненіемъ ихъ его собственной дѣятельности. Для болѣе успѣшнаго оберегания своихъ „пожитковъ" и для предоставленія дохода большему числу лицъ, господарь назначалъ особыхъ гаевниковъ, бобровничихъ и лѣсничихъ, не слагая, однако, при этомъ, заботы о своихъ пущахъ и доходахъ съ нихъ съ намѣстника - державцы, старосты или воеводы, въ чьемъ повѣтѣ находились пущи. Поэтому, и распоряженія, касающіяся до пущъ и доходовъ съ нихъ, обыкновенно адресовались не только гаевникамъ, бобровничимъ и лѣсничимъ, но и намѣстникамъ. Такъ, напр., въ 1493 году великій князь Александръ, пожаловавъ плебану Дорогицкому „шесть ручокъ меду прѣсного" изъ дани своей „до воли", писалъ объ этомъ намѣстнику Дорогицкому пану Якубу Довойновичу и гаевнику Дорогицкому [1397]). Намѣстники въ силу этого съ своей стороны часто дѣлали распоряженія, касающіяся вѣдомства гаевниковъ, бобровничихъ и лѣсничихъ. Такъ, напр., панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича въ бытность свою намѣстникомъ въ Бѣльскѣ далъ земянину Миколаю Петрыковскому двѣ земли пустовскихъ, Пухмовщину и Гриневщину, „и казалъ ему съ тое земли порубы и куницу и дань медовую *до гаевника давати*, а обѣдъ нашъ (господарскій) посполу зъ иншими людьми поднимати" [1398]). Очевидно, что и земли тѣхъ людей, которые „подлазили" бортныя деревья въ господарскихъ пущахъ, были въ вѣдѣніи гаевниковъ. Панъ Миколай Юрьевичъ въ бытность намѣстникомъ въ Дорогичинѣ отвелъ земянину Михаилу Косенскому двѣ земли, въ Сморклевичахъ Моршковскую и въ Чорной Куновскую, согласно пожалованью короля, и написалъ въ листѣ „увязчемъ", что это замку господарскому будетъ не шкодно. „И вжо тыми разы, — гласитъ королевское подтвержденье,—казали есмо о томъ достаточне ся довѣдати воеводѣ Новгородскому, маршалку нашому, старостѣ До-

---

[1397]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2, 3.

[1398]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 94.

рогицкому пану Яну Яновичу Заберезенскому, естли бы то было такъ подлѣ листу увяжчого пана Миколая. И панъ Янъ, опытавши писаря и *гаевника Дорогицкого*, намъ отказалъ, ижъ то замку нашому не шкодно и листъ свой на то ему далъ" [1399]). Подчиненное положеніе гаевника по отношенію къ старостѣ Дорогицкому проявляется и въ томъ, что судъ гаевника былъ нившею инстанціею по отношенію къ суду старосты. „А што ся тычетъ того, — читаемъ въ наказѣ короля Сигизмунда,—коли ся шкода станетъ дереву нашому бортному, тогды на тое дѣло маютъ выѣхати гаевникъ, а вижъ городскій, а два коморники, судьинъ и подсудковъ, а писаръ городскій, и маютъ тую рѣчъ судити и конецъ вчинити; а естли бы они не могли тому конца вчинити, абы бы кому видѣла ся кривда: тогды они маютъ то отказати передъ старостою и судьею и подсудкомъ, и они маютъ тому конецъ вчинити" [1400]). Итакъ, гаевникъ является правительственнымъ сотрудникомъ старосты Дорогицкаго; по аналогіи можно заключить то же самое и о гаевникахъ, находившихся при намѣстникахъ-державцахъ. Такое же положеніе, по всѣмъ даннымъ, занимали и бобровничіе съ лѣсничими. Необходимо замѣтить, что эти должности не всегда сосуществовали, такъ что и гаевниковъ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ повѣтахъ безъ лѣсничихъ и бобровничихъ, и послѣднихъ безъ гаевниковъ и порознь другъ отъ друга. Какого либо однообразія въ данномъ случаѣ не было, и должности учреждались сообразно мѣстнымъ особенностямъ въ господарскомъ хозяйствѣ и мѣстнымъ потребностямъ въ управленіи. Такимъ образомъ, въ Саражской волости Бѣльскаго повѣта встрѣчаемъ гаевника и не встрѣчаемъ лѣсничаго и бобровничаго [1401]); въ Бирштанскомъ и Дорсунишскомъ повѣтахъ встрѣчаемъ гаевниковъ и т. д. Въ 1518 году король Сигизмундъ заставилъ князю Матеею Микитиничу, намѣстнику Бирштанскому, дворъ Бирштаны Троцкаго повѣта „зъ бояры и зъ мѣстомъ, и со всими людми того двора нашого путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и конокормцы, и зъ лейти, и зъ ловцы, и псарцы и зъ ихъ всякими службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ пенязьми корчомными, и зъ дяклы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, *и зъ лѣсничымъ Бирштанскимъ*, и со всимъ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ держанъ былъ; и тежъ дозволили есьмо въ кождый годъ въ пущи нашой Бирштаньской звѣру

1399) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 170.

1400) Акты Зап. Рос. II, № 64.

1401) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144.

на себе бити по чотыры олени, а по чотыры вепры, а сернъ што потреба" [1402]). Въ 1524 году король пожаловалъ воеводѣ Виленскому, канцлеру, старостѣ Бѣльскому и Мозырскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду дворъ Дорсунишки въ держанье до живота „*зъ лѣсничимъ* и зъ мытомъ, и зъ езомъ, и съ перевозомъ Дорсунишскимъ" [1403]). При иныхъ намѣстникахъ-державцахъ вовсе не встрѣчаемъ этихъ должностныхъ лицъ, и пущами господарскими они завѣдуютъ сами. Такъ, въ заставномъ листѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ 1516 году намѣстнику Волкиницкому и Лепунскому пану Якубу Куцовичу на дворы, находившіеся въ его держаньѣ, читаемъ: „а пущу нашу Волкиницкую и Лепуньскую маетъ панъ Якубъ отъ насъ завѣдати, какъ и передъ тымъ" [1404]). Но съ другой стороны, встрѣчаемъ гаевника, лѣсничаго и бобровничаго въ округѣ, который по значенію своему равнялся части повѣта, какимъ завѣдывалъ намѣстникъ-державца. Какъ было уже сказано въ первомъ очеркѣ, въ Берестейскомъ повѣтѣ существовалъ десатокъ Подляшскій, люди котораго пасли животину въ Берестейскомъ дворцѣ Кіевцѣ [1405]). Изъ другихъ указаній источниковъ узнаемъ о существованіи пущи въ мѣстности, гдѣ былъ этотъ десятокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гаевника, лѣсничаго и бобровничаго Подляшскихъ. Въ 1511 году король Сигизмундъ писалъ старостѣ Берестейскому пану Юрью Ивановича: „Дали есмо *гаевнитство Подляшское* земянину Берестейскому Яну Копытовскому со всимъ по тому, какъ и первыи гаевники державали, и ты бы ему въ то увязанье далъ" [1406]). *Лѣсничій Подляшскій* панъ Андрей Борисовичъ Лозка является въ числѣ судей, которые выѣзжали на мѣсто разбирать тяжбу пана Льва Боговитиновича съ старостою Берестейскимъ паномъ Юрьемъ Ивановичемъ Ильинича объ имѣньѣ Вортолѣ [1407]). Въ 1514 году Сигизмундъ подтвердилъ *бобровничему Подляшскому* Павлу Скирминовичу жеребій Козловскій въ селѣ Буяцахъ Дорогицкаго повѣта [1408]) и т. д.

Въ Каменецкомъ повѣтѣ, какъ и въ другихъ округахъ Берестейско-Подляшской земли встрѣчаемъ по актамъ *подкоморихъ*, учрежденныхъ по польскому образцу для разграниченья земель и разбиратель-

---

1402) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 6, 7.
1403) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 133.
1404) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157, 158.
1405) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.
1406) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 6.
1407) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 77, 78.
1408) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 232.

ства земельныхъ тяжебъ на мѣстѣ [1409]), затѣмъ, въ Берестейско-Подляшской землѣ и въ Городенскомъ повѣтѣ—*войскихъ*, установленныхъ также по примѣру Польши [1410]); въ чемъ состояла эта должность, намъ не удалось найти указаній. Болѣе подробныя разысканія откроютъ, быть можетъ, существованіе по разнымъ мѣстностямъ и другихъ должностныхъ лицъ при намѣстникахъ-державцахъ.

L.

Несмотря на существованіе особыхъ должностныхъ лицъ для завѣдыванья отдѣльными отраслями управленья, намѣстники-державцы были органами общаго управленья въ своихъ повѣтахъ, такъ какъ и дѣятельность этихъ особыхъ должностныхъ лицъ совершалось не безъ ихъ участія, общаго руководства и надзора. Къ такому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе судебно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ по возбужденью отъ центральнаго правительства. Имъ приходилось исполнять разнообразныя правительственныя порученья, которыя не ограничивались какимъ либо однимъ родомъ дѣлъ и не касались какихъ либо отдѣльныхъ классовъ. По требованію центральнаго правительства намѣстникъ-державца наводилъ, напр., справку о той или другой землѣ, объ имѣньѣ, на которое являлись просители у господаря, и отсылалъ эту справку по назначенію. Примѣры тому были приведены выше, когда шла рѣчь объ условіяхъ пожалованья пустыхъ и населенныхъ земель (стр. 371—372). Иногда господарь поручалъ наведеніе справокъ дворянину, котораго посылалъ къ намѣстнику-державцѣ, а послѣднему приказывалъ не препятствовать ему. Такъ, напр., король Сигизмундъ въ 1522 году, извѣщая державцу Ожскаго и Переломскаго пана Януша Станиславовича о томъ, что панъ Иванъ Сопѣга просилъ тридцать служебъ людей въ Переломскомъ повѣтѣ къ своему имѣнью Лепунамъ, писалъ ему: „Ино мы для того послали тамъ дворанина нашого и казали ему тыхъ людей довѣдатися и пописати, колько съ тыхъ людей дачокъ и служобъ, а которые службы и дачки намъ съ нихъ идуть, и намъ отказати. И твоя бы милость тому дворянину нашому тыхъ людей попи-

[1409]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 296; *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XXI.

[1410]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37; IX; л. 209; XII, л. 271, 272 XV, л. 131, 134 *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XLVIII, XLIX.

совати не заборонялъ“ [1411]). Въ случаѣ пожалованья кому либо людей и земель намѣстникъ-державца, по порученью центральнаго правительства, вводилъ во владѣніе или давалъ „увязанье“. Въ 1442 году великій князь Казимиръ королевичъ писалъ намѣстнику Клецкому пану Ивашку Рогатинскому: „Просилъ въ насъ панъ Ѳедко Немировичъ данниковъ у Клецкой волости на имя Огаревичи. И мы ему дали тые люди противъ тыхъ селъ Туровскихъ, и ты бы его увязалъ въ тые люди и у село у Огаревичи“ [1412]). Въ 1473 году, извѣщая намѣстника Минскаго о пожалованьѣ писарю Васку Любичу села въ Минскомъ повѣтѣ и двухъ человѣкъ, Климовичей и Чолятичей, король писалъ ему: „и ты бы его *велѣлъ* во все тое увязати“ [1413]). Въ 1484 году Казимиръ, пожаловавъ сокольнику Заньку землицу въ Лидскомъ повѣтѣ по женѣ, дочери сокольника же Гридя, извѣщалъ объ этомъ для соотвѣтствующихъ распоряженій намѣстника Лидскаго и писалъ: „нехай онъ тую землю держить по тому, какъ и тотъ Гридя держалъ, а намъ съ тое земли службу служить, какъ и первѣй того намъ съ тое земли служба шла“ [1414]). Намѣстники-державцы вводили во владѣніе имѣньями не только пожалованными, но и купленными и вымѣненными. Тотъ же король Казимиръ писалъ намѣстнику Каменецкому пану Ивашку Рогатинскому: „Просилъ у насъ Александро Ходкевичъ и братъ его Тишко, што жъ быхмо призволили Александру продать Тишку брату своему чотыре человѣка на имя Грыгорьевичи а Микульчычы и тры жеребьи пустыи: Дремлевскій, а Бряковскій, а Невовскій, противъ данья великого князя Жикгимонта, дяди нашого. И ты бы тымъ людемъ велѣлъ слухати Тишка потому жъ, какъ слухали брата его Александра“ [1415]). Великій князь Александръ въ 1486 году приказалъ намѣстнику Вруцкому князю Григорью Борисовичу Глинскому отобрать у земянки Ленковой монастырь св. Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны и дать въ него „увязанье“ княгинѣ Дашковой [1416]). Король Сигизмундъ въ 1507 году, пожаловавъ дворянину Ивашку Мотову дворъ въ мѣстѣ Мозырскомъ, велѣлъ „увязать“ его намѣстнику Мозырскому пану Якубу Ивашенцовичу [1417]). Въ томъ же

1411) Литов. Метр. кн. запис. X, л. 70, 71.
1412) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34.
1413) Ibidem, л. 47.
1414) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 120.
1415) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 633.
1416) Акты Зап. Рос., I, № 140.
1417) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

году, извѣщая намѣстника Ошменскаго о пожаловани конюху дворному Петру Войтовичу пустой земли тяглой Совкиновщины, король писалъ: „а онъ маеть намъ съ тое земли службу служити конюшскую при дворѣ нашомъ; а ты бы ему въ то увязанье далъ“ [1418]). Въ 1514 году король писалъ намѣстнику Мозырскому пану Юрью Миколаевичу Радивиловича: „Билъ намъ чоломъ писарь нашъ, намѣстникъ Перевальскій, панъ Ѳедко Михайловичъ Светоша и вказывалъ передъ нами листъ сестренца своего, дворянина нашого небожчика Ивана Булатова, што жъ онъ осталъ ему виненъ нѣкоторою сумою пенязей и, отходячи того свѣта, отписалъ ему имѣнейцо свое, што на насъ былъ выслужилъ въ Мозырскомъ повѣтѣ, село на имя Новоселки, и поручилъ ему душею своею опекати. И билъ намъ чоломъ писарь нашъ Ѳедко Светоша, абыхмо того отъ него имѣнейца не отдаляли, а тымъ быхмо таки его пожаловали.—И твоя бы милость въ то ему увязанье далъ и не казалъ былъ твоя милость иншому никому въ тое село уступатись, и стацей и подводъ, и розметовъ недѣльныхъ и иныхъ всякихъ податей съ тыхъ людей его не казалъ бы твоя милость брати, и казалъ бы твоя милость имъ во всимъ дати впокой“ [1419]). Изъ этого видно, что самыя порученія, которыя возлагало центральное правительство на намѣстниковъ-державцевъ по вводу во владѣніе, обусловливались значеніемъ ихъ, какъ органовъ общаго управленія которые вѣдали государственныя повинности и гражданскія отношенія людей, жившихъ въ ихъ повѣтахъ. Иногда намѣстникамъ-державцамъ поручалось не только ввести кого либо во владѣніе, но и ограничить пожалованное имѣнье. Въ томъ же 1514 году скарбному Троцкому Вацлаву Сенковичу выданъ листъ до намѣстника Стоклишскаго Кгетовта, содержаніе котораго запись Литовской Метрики передаетъ такимъ образомъ: „Дано сѣножать на имя Довнишки на рѣцѣ на Виркни напротивку его сѣножати; казано, абы отмѣрилъ тое сѣножати толко, колко и его было, и ему увязанье далъ“ [1420]). Въ 1522 году король приказалъ намѣстнику Чернобыльскому пану Михаилу Павшѣ „подать“ человѣка путнаго въ Чернобыльскомъ повѣтѣ въ Бѣлгородской волости Мартина Зенковича дворянину Матѳею Заморенку „и зъ землею Крывскою, на которой тотъ чоловѣкъ сѣдить“ [1421]) и т. д.

[1418]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 176.
[1419]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 232, 233.
[1420]) Ibidem, л. 233.
[1421]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 44.

Такъ какъ „увяжчіе" получали доходъ за свою „працу", то господарь посылалъ часто вводить во владѣніе кого-нибудь изъ своихъ дворянъ. Доходы отъ „увязаній" въ имѣнья не были непремѣнною принадлежностью намѣстниковъ-державцевъ, и если они пользовались ими, то единственно въ силу отдѣльныхъ распоряженій господаря. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжалъ дворянинъ изъ столицы „увязывать" въ имѣнье, намѣстникъ-державца долженъ былъ иногда ex officio принимать нѣкоторое участіе въ актѣ ввода во владѣніе. Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда вводъ во владѣніе совершался по суду. Намѣстникъ Дорогицкій панъ Якубъ Довойновичъ, разобравъ на мѣстѣ по порученію великаго князя Александра, тяжбу между земянами дорогицкими Станиславомъ Патрикозскимъ и Максимомъ Колоцкимъ о третьей части имѣнья Патриковъ, присудилъ ее Колоцкому. Но Патрикозскій послѣ суда выгналъ Колоцкаго изъ имѣнья, „люди ему перебилъ и пограбилъ". Колоцкій пожаловался великому князю, и послѣдній, утвердивъ за нимъ имѣнье, кромѣ того, присудилъ ему на Патрикозскомъ „кгвалту" 12 рублей грошей, столько же „вины" въ свой скарбъ, а „шкоды и грабежи" Колоцкому. Все это великій князь велѣлъ „моцно справити" дворянину своему Михаилу Падейковичу, а намѣстнику Дорогицкому приказалъ, если понадобится, дать дворянину помочь, „съ кимъ бы онъ то на немъ справилъ" [1422]) и т. д.

По порученью изъ центра намѣстникъ-державца пріискивалъ людей и земли для пожалованья разнымъ лицамъ. Въ 1502 году король Александръ, пожаловавъ татарамъ Исаку и Легимбердею Кенковичамъ девять служебъ людей и три пустовщины въ Красносельскомъ повѣтѣ, писалъ намѣстнику Красносельскому пану Ивашку Зеновьевичу: „И ты бы обыскалъ имъ три земли пустовскихъ и въ тыи люди и въ земли пустовскіи имъ бы еси увязанье далъ: нехай они на томъ собѣ домки збудують, а намъ съ того служать" [1423]). Король Сигизмундъ, по просьбѣ боярина Кгетовта Калениковича, писалъ державцѣ Браславскому пану Ивану Семеновичу Сопѣгѣ, „абы, обыскавши у Браславскомъ повѣтѣ чотыри чоловѣки а двѣ земли пустовскихъ, и ему далъ". „И панъ Сопѣга,—гласитъ подтвержденье короля отъ 26 октября 1514 года,—подлугъ писанья листу нашого чотыри человѣки а двѣ земли пустовскихъ намѣрилъ и ему далъ на имя" [1424]) и т. д.

[1422]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 42.
[1423]) Литов. Метр. кн. Запис. 17 л. 205.
[1424]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 217, 218.

Выше было указано, что намѣстники-державцы по порученію отъ господаря производили судебныя слѣдствія на мѣстѣ. Иногда имъ давались даже такія порученія, какъ постройки костела. „Маршалокъ и писарь нашъ,—читаемъ въ одномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 3 августа 1511 года,—намѣстникъ Довкговскій панъ Богушъ Боговитиновичъ, какъ отъ насъ Жижморы державъ, поставилъ костелъ въ Жижморахъ нашого Римского закона святого Жикгимонта зъ нашого росказанья"[1425]) и т. д. Можно въ актахъ понабрать и еще много другихъ примѣровъ разнообразныхъ правительственныхъ порученій, дававшихся намѣстникамъ-державцамъ, но и приведенныхъ достаточно для характеристики ихъ значенія, какъ органовъ общаго управленія.

LI.

При отправленіи своей должности намѣстники-державцы получали разные доходы, которые разсматривались, какъ жалованье за ихъ службу господарю вообще, а не только за ту, которую они выполняли въ качествѣ мѣстныхъ правителей. Намѣстничества разсматривались, какъ кормленья, какъ одно изъ средствъ содержанія высшаго слоя военнослужилаго класса, и такой взглядъ былъ не только у господаря, но и въ самомъ этомъ слоѣ, такъ что намѣстничества сдѣлались своего рода общимъ достояніемъ этого высшаго общественнаго слоя, источникомъ его доходовъ, который долженъ былъ обязательно ему принадлежать. Какъ мы уже выше видѣли, великіе князья въ своихъ грамотахъ, выданныхъ русскимъ областямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздавать въ держанье мѣстнымъ боярамъ (въ томъ числѣ, конечно, и князьямъ). Того же правила, какъ это достаточно можно было видѣть изъ фактовъ, собранныхъ во второмъ очеркѣ, они держались и въ отношеніи намѣстничествъ и тивунствъ въ собственной Литовской землѣ и Жмудской, раздавая ихъ мѣстнымъ служилымъ князьямъ и панамъ (знатнымъ и родовитымъ боярамъ). Побужденіемъ, которымъ они руководились въ отдѣльныхъ случаяхъ при раздачѣ держаній, были заслуги и исполнительность того или другого лица; судебно-административныя способности стояли на второмъ планѣ. Item morte obeunte tenutario, aut villico quocunque,—гласитъ общеземскій привилей великаго князя Александра,—in vilnensi, aut trocensi districtibus, vilnensis et trocensis palatini in suis districtibus tenutas a nobis *secundum exigentiam*

[1425]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 50.

meritorum, vel obsequiorum, et qui etiam videbuntur nobis idonei, illis petant, seu impetrent Et eodem modo fiat in omnibus aliis districtibus.[1426]). Мало того, намѣстничества раздавались иногда прямо на пропитаніе, когда служилый человѣкъ почему-нибудь терялъ свое „поживленье". Такъ, король Сигизмундъ по челобитью князя Михаила Осовицкого о томъ, „ижъ отчизна его вся отошла въ сторону непріятеля Московского, далъ ему „въ держанье" дворъ Ясвойни до тѣхъ поръ, пока отчина его не будетъ очищена. Паны-рада просили короля взять у него дворъ Ясвойни и дать Ивану Тимоѳеевичу Юрлову, который повѣдалъ, „ижъ имѣнье бы лѣпшое князь Михайло Микулино зъ стороны непріятеля нашого къ его рукамъ пришло, а къ тому князя Богдана Путивльского имѣнья онъ у своей моцы держитъ". Король отобралъ было у князя Осовицкаго дворъ Ясвойни и отдалъ Юрлову, но князь Осовицкій представилъ королю листъ его, въ которомъ онъ писалъ, „ижъ, не очистивши отчизны его, не маемъ его съ того двора нашого Ясвойни рушати", и, кромѣ того, относительно Микулина и имѣній князя Богдана заявилъ, „ижъ съ того не маеть се чимъ поживити и на чомъ мешкати, бо Микулинъ—волостка мала, а отъ непріятеля нашого Московского скажона, а тыи имѣнья князя Богдановы у Кіевскомъ повѣтѣ отъ поганства татаръ спустошоны". Вслѣдствіе этого король выдалъ ему 10 ноября 1526 года новый листъ на держанье двора Ясвойни, въ которомъ написалъ: „Ино, ачколвекъ были есмо Ивану Юрлову тотъ дворъ нашъ подъ нимъ дали, однако жъ, паметуючи на вѣрныи заслуги его, ижъ онъ, оставивши отчизну свою, замки и волость у непріятеля нашого Московского, а самъ пріѣхалъ къ намъ господару своему прирожоному, *а звлаща не маетъ ся на чомъ теперъ поживити*, а намъ безъ причины слушное не годится листовъ нашихъ никому ломати, на его чолобитье то вчинили есмо, тотъ дворъ нашъ Ясвойни ему есмо зася держати дали, *со всимъ съ тымъ, што здавна на державецъ нашихъ прихоживало, и какъ передъ тымъ онъ отъ насъ самъ держалъ*, и не маемъ его съ того двора нашого рушати а ни подъ нимъ кому давати, а ни заставляти до его живота" [1427]). Воззрѣніе на „держанія", какъ на кормленья, приводило иногда къ тому, что лица, державшія замки и волости, передавали ихъ съ согласья великаго князя своимъ роднымъ и близкимъ людямъ. Такъ, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, получивъ отъ великаго князя Александра за свою служ-

[1426]) Zbiór praw litewkich, str. 58—67.

[1427]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 338.

бу замки Браславъ, Вѣницу и Звенигородъ „до живота", въ 1517 году при личномъ свиданіи съ королемъ Сигизмундомъ повѣдалъ ему, „ижъ *маеть волю* тыи замки наши (т. е. господарскіе) спустити сестренцу своему князю Роману Андреевичу Александровича Сенгушковича", и просилъ короля о дозволеніи это сдѣлать. „Ино мы,—гласитъ королевскій листъ,—зъ ласки нашое на жаданье его милости, для службы князя Романа, и тыи замки наши Браславль и Вѣницу и тежъ Звинигородъ князю Роману дали отъ насъ держати до его живота со всимъ по тому, какъ князь Костентинъ его милость держалъ. А естли бы ся намъ его на тыхъ замкохъ нашихъ мѣти не видѣло, мы тыи замки наши маемъ, въ него вземши, никому иному не маемъ ихъ отдавати, нижли маемъ ихъ зася дати князю Костентину его милости" [1428]). Взглядъ на „держанья", какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычаѣ давать по нѣскольку державій въ разныхъ мѣстахъ государства, вслѣдствіе чего мѣстные правители должны были поручать вести управленье за себя своимъ слугамъ.—Какіе же доходы получали намѣстники державцы?

Здѣсь было большое разнообразіе по отдѣльнымъ областямъ и даже повѣтамъ отчасти вслѣдствіе разнообразія доходовъ самого господаря, которые шли чрезъ руки намѣстниковъ-державцевъ, отчасти въ силу установившихся мѣстныхъ обычаевъ и, наконецъ, въ силу особыхъ привилеевъ и „уставъ", которыя давались намѣстникамъ-державцамъ и съ теченіемъ времени пріобрѣтали значеніе прецедента, обычая. Нѣкоторыя статьи были, впрочемъ, болѣе или менѣе общими для всѣхъ намѣстниковъ-державцевъ.

Выше было указано на то, что собственное хозяйство великаго князя достигло наибольшаго развитія въ собственной Литовской землѣ, и что намѣстники-державцы здѣсь рѣже всего выступаютъ съ характеромъ великокняжескихъ приказчиковъ. Этимъ приказчикамъ въ видѣ жалованья господарь уступалъ часть урожая, и намѣстники-державцы, какъ было уже выше сказано, получали третью часть съ жита и ярины, а съ 1529 года съ яринъ только четвертую. „Огородныи речи" имъ предоставлено было „суполно уживати и къ пожитку своему оборочати", за исключеніемъ случаевъ пріѣзда господаря, когда намѣстники-державцы должны были доставлять овощей „водлѣ шацунку и уставы кождого двора". Въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ производился ловъ рыбы на господаря, намѣстникамъ-державцамъ предоставлено

[1428]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 158, 159.

было брать третью часть улова въ свою пользу. На такомъ же положеніи были и намѣстники-державцы въ дворахъ Жмудской земли Вилькеѣ, Веленѣ, Скерстомонѣ и Ясвойнѣ [1429]). Доходами съ разныхъ статей господарскаго хозяйства намѣстники-державцы пользовались и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Такъ, напр., въ въ Каменецкомъ повѣтѣ, входившемъ нѣкогда въ составъ Подляшья и лежавшемъ въ лѣсной области, по сосѣдству съ Бѣловѣжскою пущею, намѣстники-державцы могли ловить на себя по извѣстнымъ мѣстамъ звѣрей [1430]). Въ Рѣчицкомъ повѣтѣ державцѣ вольно было бить звѣрей въ пущахъ господарскихъ людей и высылать съ этою цѣлью стрѣльцовъ. Городовымъ рыболовамъ вольно было всегда ловить рыбу въ Днѣпрѣ на державцу; мѣщане и волостные люди должны были забивать одинъ езъ на Днѣпрѣ „на замокъ", и, кромѣ того, тѣ изъ нихъ, которые имѣли свои езы на Днѣпрѣ и на другихъ господарскихъ рѣкахъ, рѣчкахъ и озерахъ, должны были отдавать на замокъ державцѣ десятую рыбу. Державца пользовался огородами, и мѣщане съ волостными людьми должны были эти огороды „городити и пахати такъ, яко слушить на овощовыи речы" [1431]). Что касается господарскаго хлѣбопашества и скотоводства внѣ предѣловъ собственной Литвы, то эти статьи, какъ уже сказано было, существовали почти исключительно для прокормленья мѣстнаго административнаго и рабочаго персонала, и часть ихъ продуктовъ шла несомнѣнно въ пользу намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Въ волостяхъ Жмудской земли, которыя находились въ держанвѣ старосты и тивуновъ, господарскія пахатныя земли эксплуатировались даже всецѣло въ пользу старосты, считались принадлежностью ихъ урядовъ, такъ что господарскихъ дворовъ въ собственномъ смыслѣ не было, а были дворы старостинъ и тивунскіе. Мѣстные крестьяне работали на нихъ; но такъ какъ староста и тивуны стали чрезчуръ обременять и угнетать ихъ этими работами, чѣмъ вызвали усиленную эмиграцію изъ Жмудской земли, то король Сигизмундъ въ 1527 году освободилъ Жмудскихъ крестьянъ отъ барщинныхъ повинностей и платежей въ пользу старосты и тивуновъ и замѣнилъ все это податью съ сохъ и кормили [1432]). Устава 1529 года, данная державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей, начинается съ подтвержденья этого освобожденья: „На-

---

[1429]) Акты Зап. Росс. II, № 160, арт. 13.

[1430]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

[1431]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

[1432]) Акты Зап. Рос. II, № 149.

первѣй, вси роботы, которые подданые наши чинили *въ дворѣхъ и въ пашняхъ* небожчику пану *старостѣ и тивуномъ* и доходы ему и всимъ тивуномъ, и намѣстникомъ ихъ даивали, и посѣди чинили: то людемъ нашимъ все отпускаемъ" [1433]).

Продукты, которые намѣстники - державцы получали для своего прокормленья съ господарскаго сельскаго хозяйства, имѣли значеніе и отчасти замѣнили собою тѣ кормы, которые шли намѣстнику въ старину отъ мѣстныхъ непривилегированныхъ жителей. Эти кормы удержались только тамъ, гдѣ не было дворныхъ господарскихъ пашенъ и гдѣ намѣстники-державцы даже иногда и не жили постоянно, а только въѣзжали „на полюдье". Въ составъ повѣтовъ, въ которыхъ чинили судъ и управу намѣстники-державцы, входило иногда по нѣскольку волостей, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ волостей не имѣли совершенно господарскихъ дворовъ. Намѣстники-державцы выѣзжали въ эти волости для суда и управы въ извѣстное время, и мѣстные жители должны были давать имъ при этомъ вмѣстѣ съ „полюдьемъ" и кормы. Въ 1509 году королю Сигизмунду били челомъ старецъ и вся волость Бчицкая о томъ, „што жъ имъ намѣстники Мозырскіи крывды почали дѣлати и новины уводити: въ той волости Бчицкой намѣстника своего держать, а они дей того намѣстника его поднимають стацеею и иными речьми, а въ томъ дей имъ кривда и тяжкость великая ся дѣеть, а здавна дей намѣстники Мозырскіи въ той волости Бчицкой намѣстниковъ своихъ не держивали, нижли дей, коли бывало намѣстникъ Мозырскій пріѣдеть въ году по полюдье свое, и они на него сычивали носатку меду, а по лисицѣ даивали съ кождого дыму". Король подтвердилъ старину волости Бчицкой и приказалъ намѣстнику Мозырскому не нарушать ее ни въ чемъ [1434]). Волость Бчицкая, какъ извѣстно, состояла изъ данниковъ, господарскаго двора съ пашнею не имѣла, и потому старина въ отношеніи къ ней должна была прочнѣе удержаться. Кормы мы встрѣчаемъ и въ другихъ Поднѣпрскихъ и сосѣднихъ съ ними волостяхъ, состоявшихъ изъ данниковъ. Въ 1526 году король Сигизмундъ по жалобѣ волости Кричевской писалъ державцѣ Кричевскому князю Василью Семеновичу Жилинскому, чтобы онъ не бралъ съ мѣщанъ и людей волостныхъ „стацію" всю сполна по прежней „уставѣ", а только половину, какъ о томъ ему было приказано ранѣе. „А то тымъ обычаемъ,—разъяснялъ король въ своемъ

[1433]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. I.
[1434]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 324.

листѣ,—ижъ они теперъ маютъ намѣстникомъ Крычовскимъ въ кождый годъ за страву давати пенези по петинадцать копъ грошей узскихъ а по пети яловицъ, а за яловицу по полукопью грошей узскихъ, а по пети полтей мяса, а полоть по десети грошей узскихъ; а патдесятъ бочокъ жыта солянокъ, а пятдесятъ бочокъ овса солянокъ же, а полтретья ста возовъ сѣна, а за возомъ сѣна пенязей никоторыхъ не давати; а дровъ на недѣлю лѣтѣ по пяти возовъ, а зимѣ по десети возъ" [1437]). Вообще изъ всѣхъ областей Литовско-Русскаго государства такъ называемая Русь едва ли не болѣе другихъ сохранила старинные порядки и установленья относительно намѣстниковъ-державцевъ, часто даже въ формѣ переживанья. Такимъ образомъ, напр., державца Могилевскій панъ Юрій Зеновьевичъ, несмотря на то, что получилъ Могилевъ въ держанье не на одинъ годъ, по „уставѣ", данной ему королемъ Сигизмундомъ, долженъ былъ получать доходы, которые прежде шли годовымъ намѣстникамъ. „А державца нашъ панъ Юрьи,—читаемъ въ этой „уставѣ",—маетъ съ нихъ брати въ кождый годъ: *узъѣзду* своего пятьдесять копъ грошей, а полюдованья, коли у волость не поѣдетъ, пятьдесятъ же копъ грошей" [1438]) и т. д. Въ концѣ изучаемаго времени кормы были установлены для державцевъ и тивуновъ Жмудской земли. „А што ся дотычетъ на выхованье державцовъ и тивуновъ,—читаемъ въ уставѣ 1529 года,—тые рѣчи такъ уставуемъ: кождому державцу и тивуну отъ кождоѣ службы людей нашихъ маетъ дано быти пять грошей, кождого году, а зъ дву службъ одна бочка овса, або за тую бочку два грошы, а зъ дву службъ одинъ возъ сѣна, або за возъ сѣна грошъ, а по двоѣ куръ, або за нихъ грошъ; а съ чотырехъ службъ одна бочка пива, которая жъ вышей не маетъ быти шацована пѣнязьми, одно за пять грошей, въ тотъ обычай: естли бы которые не дали бочки пива, тогды маютъ дати грошей пять, або мнѣй, яко могутъ упросити заплатити, што ся имъ въ томъ лѣпѣй видѣти будетъ; а съ одноѣ службы маетъ дати кождый по одному бохону хлѣба таковому, яко бы бохонъ стоялъ за полгроша" [1439]). Установленье кормовъ послѣдовало въ Жмудской землѣ послѣ освобожденья господарскихъ крестьянъ отъ барщинныхъ работъ на старосту и тивуновъ, изъ чего слѣдуетъ, что и этими барщинными работами выполнялась прежде обязанность крестьянъ кормить госпо-

---

[1437]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530, 531.

[1438]) Акты Зап. Рос. II, № 87.

[1439]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 11.

дарскихъ урядниковъ. Отсюда прямой выводъ, что часть продуктовъ, которую получали съ господарскаго хозяйства въ свою пользу намѣстники-державцы въ другихъ областяхъ, и которая получалась также барщиннымъ трудомъ мѣстныхъ крестьянъ, а иногда и мѣщанъ, имѣла значеніе кормовъ, выдаваемыхъ имъ со стороны мѣстнаго населенія. Нѣкоторые разряды мѣстнаго населенія и при этомъ давали кормы намѣстникамъ-державцамъ натурою. Такъ, напр., мясники давали имъ часть мяса съ своихъ „ятокъ". Но это „мясное", впрочемъ, имѣло значеніе торговой пошлины и замѣняло собою торговые и поборные пенязи, которые платили другіе торговцы намѣстникамъ - державцамъ При томъ же намѣстники-державцы не всегда пользовались этими доходами, какъ объ этомъ было уже сказано на стр. 505 настоящаго очерка. Такое же значеніе, повидимому, имѣли и *сохачки*, платившіяся господарскимъ урядникамъ каждую субботу въ мѣстахъ Берестейскаго повѣта торговыми людьми [1440]).

Установленіе такого порядка, при которомъ намѣстники-державцы получали свои кормы изъ продуктовъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, было вполнѣ естественно. Выше было уже указано на то, что намѣстники-державцы по большей части замѣнили собою тивуновъ въ господарскихъ дворахъ съ правительственными полномочіями, прототипомъ которыхъ были еще тивуны огнищные Русской Правды. Должность эта была очень распространена въ Западной Руси и на Литвѣ въ XIII и XIV вв., такъ какъ соотвѣтствовала правительственнымъ требованіямъ, вызваннымъ широкимъ развитіемъ дворцоваго княжескаго хозяйства. Тивуны, принадлежа къ числу дворныхъ княжескихъ слугъ, или дворянъ, а иногда даже къ числу челяди, естественно, должны были получать содержаніе изъ княжескаго же двора, изъ продуктовъ княжескаго хозяйства. На такое же положеніе стали и намѣстники-державцы, которыхъ господарь сталъ назначать хозяйничать, чинить судъ и управу въ своихъ дворахъ вмѣсто тивуновъ. Кормы съ мѣстнаго непривиллегированнаго населенія въ ихъ пользу стало неумѣстно собирать и потому, что это населеніе теперь работало на пашняхъ и угодьяхъ господарскаго двора и давало такимъ образомъ содержаніе всѣмъ, кто жилъ на этомъ дворѣ. Но какъ скоро населеніе переставало почему-нибудь такимъ путемъ давать содержаніе мѣстнымъ правителямъ, такъ возстановлялись и древніе кормы, какъ мы видѣли на примѣрѣ Жмудской земли. Любопытно, что вмѣстѣ съ установленьемъ кормовъ въ Жмудской землѣ было отмѣнено и постоянное пребываніе

[1440]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 29; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67; IX, л. 124, 125.

на волостяхъ ея тивуновъ, которые въ старину живали обыкновенно постоянно въ мѣстности; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ тивуны вступили въ то положеніе, въ которомъ мы видимъ нѣкоторыхъ намѣстниковъ въ русскихъ волостяхъ, напр., въ Бчицкой, Куренской и др. По уставѣ 1529 года имъ предоставлено было выѣзжать въ свои волости только два раза въ годъ,—„первый разъ на свято Божьего Нароженья, а другій о послѣдней Матцѣ Божьей",—и оставаться каждый разъ не болѣе трехъ недѣль, а въ общей сложности не болѣе шести недѣль. Въ теченіе этого времени они должны были собирать господарскіе и свои собственные доходы „и всякіе справы и суды справовати", а намѣстниковъ и слугъ послѣ себя не имѣли права оставлять. Такимъ образомъ, реформа мѣстнаго управленія Жмудской земли въ извѣстномъ смыслѣ была возстановленьемъ древне-русской старины на новой почвѣ.

Кромѣ продуктовъ съ господарскаго хозяйства и равныхъ имъ по значенью кормовъ съ мѣстныхъ жителей, намѣстники-державцы получали разнообразные доходы при отправленіи своей судебно-административной дѣятельности. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить судебныя пошлины и другіе доходы, шедшіе имъ, какъ судьямъ. Въ пользу ихъ шелъ *пересудъ*, который взимался въ гражданскихъ искахъ съ истцовъ, выигравшихъ дѣло въ извѣстномъ процентѣ съ суммы иска [1442]). Пересудъ едва ли не былъ дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ *помочнаго*, которое по Русской Правдѣ платилось оправданнымъ отвѣтчикомъ. Въ изучаемое время „помоцнее" платилось въ Бѣльской землѣ на Подляшьѣ судьѣ и подсудку въ количествѣ пяти грошей оправданнымъ отвѣтчикомъ [1443]). До 1509 года и пересудъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства платился оправданнымъ отвѣтчикомъ, и только послѣ изданной на этотъ счетъ „уставы" 1509 г. пересудъ сталъ взиматься единственно съ истца, доискавшагося своего [1444]).—Намѣстники-державцы и тивуны получали въ свою пользу и *повинное*, т. е. извѣстный процентъ съ „винъ" или штрафовъ, которые шли въ пользу господаря [1445]). Изъ „винъ" только

[1441]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 12.

[1442]) Акты Зап. Рос. II, № 52, 86; 159, арт. 22; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530, 531; Статутъ 1529 г., раздѣлъ VI, арт. 11.

[1443]) Акты Зап. Рос I, № 189.

[1444]) Акты Зап. Рос. II, № 52.

[1445]) Ibidem, № 86, 160, арт. 9; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 536.

малыя шли въ пользу намѣстниковъ-державцевъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ Въ 1514 году Сигизмундъ взялъ на себя всякія вины, малыя и великія; но въ 1529 году вины не свыше 50 грошей были отданы въ пользу намѣстниковъ-державцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ повинное было отмѣнено [1446]). Въ Жмудской землѣ наоборотъ: *полтина повинная* (вины въ 50 грошей?) была отмѣнена, и тивуны взамѣнъ ся должны были получать повинное въ видѣ 10% съ господарскихъ винъ [1447]). Вмѣстѣ съ повиннымъ акты называютъ обыкновенно еще *выметное*, которое шло въ пользу мѣстныхъ правителей-судей, въ томъ числѣ и намѣстниковъ-державцевъ [1448]). Выметное платилось намѣстнику-державцѣ тогда, когда „хто ся на него чимъ выкинеть". Что означало „выкинуться" на кого-нибудь, это ясно видно изъ слѣдующей записи одного судебнаго дѣла, разбиравшагося при великомъ князѣ Александрѣ въ 1495 г. „Панъ Литаворъ маршалокъ, — читаемъ въ этой записи,—а панъ Юрьи Ильиничъ передъ великимъ княземъ его милостью *у стола выкинулися его милости со ста рублевъ* на томъ, што жъ взяли собѣ ѣздоковъ съ обу сторонъ о сѣножати и о землю бортную, што на Миранцѣ рѣцѣ отъ Свержня. Панъ Юрьи рекъ: естли я не доищуся съ обу сторонъ Мири рѣки сѣножатей а борти судеревное отъ Свержня, и я дамъ великому князю сто рублевъ грошей, а тымъ доводомъ, што жъ предки дей мои къ Мири за великого князя Витовта а Жикгимонта тые сѣножати съ обу сторонъ тое рѣки Мири держали, а борть за рѣчкою отъ Свержня судеревъ. А панъ Литаворъ рекъ: естли дей я на то доводу не вчиню, што жъ отъ Свержня на Мири сѣножати здавна звѣчныи Сверженскіи, ино дей я дамъ его милости сто рублевъ грошей" [1449]). Итакъ, „выкинуться" на кого нибудь значило побиться объ закладъ въ пользу третьяго, обыкновенно господаря, воеводу или намѣстника-державцу. Символическимъ выраженіемъ этого дѣйствія было приставленье шапокъ тяжущихся (предполагалось, что въ шапкахъ находится сумма заклада, который и долженъ быть взять изъ шапки проигравшаго дѣла), такъ что вмѣсто выраженій: „выкинуться", „выдаться" со стольки то рублей [1450]) употреблялось иногда „ставить шапку". Упомянутые панъ Литаворъ и панъ Юрій Ильиничъ въ январѣ 1498 года тягались предъ

[1446]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583; Акты Зап. Рос. II, № 159.
[1447]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 9.
[1448]) Ibidem, № 86, 87.
[1449]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 51.
[1450]) Акты Зап. Рос. I, № 148.

великимъ княземъ въ Городнѣ „о ловы межи Мирянки и Иницы". „И панъ Литаворъ,—читаемъ въ судовомъ листѣ великаго князя Александра,—давалъ доводы и *шапку ставилъ*, што предкове его тыхъ лововъ въ держаньи были и онъ самъ. И панъ Юрей Ильиничъ на свѣтки ся не слалъ а шапки не приставилъ. И мы приказали пану Литавору тые ловы держати межи Мирянки и Иницы, а панъ Юрій Ильиничъ нехай собѣ права ищеть" [1451]). Если такъ, то и выраженіе „вергнуть шапку", которое встрѣчается въ другихъ актахъ, не надо понимать въ смыслѣ бросанья шапокъ вверхъ, какъ толкуетъ г. Владимірскій-Будановъ и по его слѣдамъ г. Ясинскій [1452]), а въ смыслѣ бросанья шапокъ на столъ предъ судьею (отсюда выраженье „выкинуться у стола"). Ставленье шапокъ происходило при особыхъ обстоятельствахъ, когда тяжущіеся „посваряться", и потому естественно превращалось въ бросанье ихъ на столъ. „Выметное" платилось, конечно, въ томъ случаѣ, когда пари принимали обѣ стороны; въ противномъ случаѣ, непринявшая пари сторона проигрывала искъ, но не платила „выметнаго". „А коли о чемъ посваряться,—читаемъ въ уставной грамотѣ Витебской земли,—и выдадуться въ колцѣ оба, то вина на насъ; а выдасться одинъ, а другій не выдасть ся, за то ихъ намъ не казнити". Уставная грамота Смоленской земли выражается относительно „выдавки" еще опредѣленнѣе: „што одинъ выдасть ся, тутъ вины нѣтъ; а коли оба выдадуть ся, ино судомъ дошодъ, на виноватомъ вина взяти" [1453]). Выметное платилось обыкновенно господарю; но отъ воли тяжущихся зависѣло „выкинуться" и на мѣстнаго господарскаго урядника, вслѣдствіе чего въ числѣ доходовъ намѣстниковъ-державцевъ обозначается обыкновенно и ихъ „выметное". О „выметномъ" въ пользу намѣстниковъ-державцевъ говоритъ, напр., устава, разосланная намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1514 году.—Въ пользу намѣстниковъ-державцевъ могли поступать и нѣкоторые *заклады или заруки*, которые большею частью шли, однако, въ пользу господаря. Что такое заклады или заруки, и откуда вытекалъ этотъ источникъ доходовъ для господаря и мѣстныхъ правителей, ясно можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ фактовъ, записанныхъ въ книгахъ Литовской Метрики. „Што ся правовали,—читаемъ

[1451]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 70.

[1452]) Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 49, прим. 10; Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 189, пр. 375.

[1453]) Акты Зап. Рос. I, № 204, 213. *М. Ясинскаго* Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 189.

въ записяхъ княженья Александра,—предъ великимъ княземъ его милостью панъ Станиславъ Бартошевичъ съ тивуномъ Троцкимъ Жданомъ о тыхъ земляхъ и о людѣхъ, што въ Жомойти имъ господарь король его милость далъ и тежъ великій князь, ино его милость казалъ межи ними досмотрѣти пану старостѣ Жомоитскому, а дотолѣ нихто бы зъ нихъ не сягнулъ ни на чіего чоловѣка *подъ закладомъ его милости подъ сту рублій*" [1454]). Или: „Жаловали великому князю земяне дорогицкіи Жадло Глуховскій а Станиславъ братъ его зъ Глуховичъ же на пана Станислава Корчевского, што жъ имъ кривды великіи и грабежы подѣлалъ и имъ на горло отповѣдаеть. *Заручылъ* его милость господаръ великій князь Станиславу Корчевскому *подъ виною своею двѣстѣ рублевъ грошей*, ажбы имъ не отповѣдалъ, и о томъ до него имъ листъ свой его милость далъ, подъ тою жъ своею виною ему заручаючы" [1455]). Итакъ, закладомъ или зарукою на господаря называется штрафъ, которымъ господарь послѣ принятія жалобы угрожалъ одной изъ тяжущихся сторонъ или обѣимъ съ цѣлью пріостановить до окончательнаго разбирательства дальнѣйшія обиды и правонарушенья. „Вину" на господаря залагалъ иногда мѣстный судья съ цѣлью остановить дальнѣйшія правонарушенья послѣ своего разбирательства. Такъ, намѣстникъ Ковенскій Станько Костевичъ, разобравъ тяжбу тивуна Кгекгужинскаго Михна Ивановича и бояръ Лепницкихъ съ людьми Курмекгольцами по поводу перевоза и признавъ неосновательною претензію послѣднихъ на сборъ мыта съ гостей, по словамъ листа великаго князя Александра, постановилъ: „а естли бы они хотѣли черезъ то перевозъ мѣти подъ своимъ селомъ, и онъ на насъ заложилъ вины двванадцать рублевъ грошей" [1456]). Но иногда сами частныя лица, уладивъ взаимныя недоразумѣнія и помирившись, скрѣпляли свое „едманье" зарукою или закладомъ на господаря. Князья Горскіе, на которыхъ владыка Смоленскій Іосифъ собирался бить челомъ великому князю Александру, пріѣхавшему въ 1497 году въ Смоленскъ, не допуская его до великаго князя, „переедналн", „и такъ съ нимъ вмовили: што забороняли ему двора собѣ ставити въ Чуриловичохъ на Горахъ, ино вжо маетъ владыка тамъ собѣ дворъ ставити, на своей земли, гдѣ всхочетъ, и люди маетъ садити, а имъ лововъ своихъ не мѣти во владычней земли..., а и шкодъ никоторыхъ двору и людемъ его не мають чинити; и записъ свой на то владыцѣ

[1454]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 28.

[1455]) Ibidem, л. 36.

[1456]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 102.

дали, штожъ вжо имъ съ того вряду своего не выступити подъ закладомъ нашимъ (господарскимъ) сто рублевъ грошей" [1457]). Закладъ или зарука устанавливались и въ пользу мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ. Бояринъ Василишскаго повѣта Васко Михайловичъ, занявъ деньги у Игната, писаря короля Александра, далъ ему на себя запись, „ижъ мѣлъ ему тыи его пенязи и золотыи на рокъ заплатити своими властными пенязми и золотыми; а естли бы на рокъ ему тыхъ его пенязей и золотыхъ не заплатилъ, тогды мѣлъ его дѣльницу Игнатъ на вѣчность мѣти". „*И вину на насъ на господаря*,—гласитъ листъ короля Александра отъ 13 іюля 1503 года,—*и на врядника нашого Василишского* тотъ Васко и съ сынми своими въ томъ своемъ листѣ записалъ, ижъ не мѣлъ того дѣла взрушавати" [1458]). Панъ Индрихъ съ дозволенья воеводы Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича купилъ у своей жены и ея дѣтей отъ перваго мужа Андрея и Ивана уголъ земли и взялъ съ нея запись, въ которой она обязалась за себя, своихъ сыновей и потомковъ не подыскивать подъ нимъ земли: „а если бы кто изъ нихъ мѣлъ тое земли подъ нимъ поискивати, описала въ томъ же листѣ, ижъ тотъ маеть на городъ *воеводѣ Полоцкому гривну золота заплатити*" [1459]).—По уставѣ 1529 года въ пользу намѣстниковъ-державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ должна была идти въ количествѣ двѣнадцати грошей и мировая пошлина, которая въ земляхъ Витебской и Полоцкой называется *змирщиною*. Змирщина въ Витебской и Полоцкой земляхъ шла въ пользу господаря. Уставныя грамоты этихъ земель гласятъ: Тежъ, которыи Витбляне межи собою побьются, а за дѣцкимъ поеднаються, ино намъ куница шерстью зъмирщины"; а которые Полочане межь собою побьются, а за дѣцкимъ простяться, ино намъ куница шерстью змирщины" [1460]). Но на Подляшьѣ эта пошлина въ количествѣ пяти грошей шла въ пользу судьи и подсудка [1461]). Въ собственной Литовской землѣ она была предоставлена въ пользу намѣстниковъ-державцевъ, какъ сказано, по уставѣ 1529 г., но при томъ только съ одниxъ крестьянъ, „мужикъ съ мужикомъ кгды ся побъетъ" [1462]).—Намѣстники-державцы брали въ свою пользу *поколодное* или *повежное* съ тѣхъ, кого сажали въ

[1457]) Акты Зап. Рос. I; № 146, I.
[1458]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 233.
[1459]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 250, 251.
[1460]) Акты Зап. Рос. I, № 204, II, № 70.
[1461]) Акты Зап. Рос. I, № 189.
[1462]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 24.

колоду или въ вежу. Король Сигизмундъ, по жалобѣ людей Куренской волости Марковскаго повѣта на „кривды" и „новины" со стороны державцы пана Яна Миколаевича, писалъ ему между прочимъ: „а коли дей которого человѣка хотя не за вину врадникъ твой у колоду усадить, и онъ дей беретъ на нихъ *поколодного* по дванадцати грошей, а передъ тымъ дей поколодного они давали по грошу" [1463]). Въ уставѣ, данной державцѣ Рѣчицкому пану Семену Полозовичу въ 1529 году, читаемъ: „а который бы чоловѣкъ былъ осажонъ въ казнь нашу замковую, маетъ давано быти державцы *повежного* по чотыри гроши" [1464]). На Подляшьѣ повежное платилось „сторожовѣ вежи, вежнему", по два гроша, исключая тѣ случаи, когда кто-нибудь посаженъ былъ въ тюрьму по старостинскимъ артикуламъ: тогда всѣ „вины" шли на старосту [1465]).

Тамъ же платилось *ротное* судьѣ и подсудку, когда они снимали съ кого-нибудь присягу. Платилось ли ротное въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, на это намъ не удалось найти указаній; быть можетъ, взамѣнъ его платилось вижовое, когда отъ мѣстнаго господарскаго уряда посылался вижъ для слушанья присяги. За выѣздъ на землю для разбирательства возникшей изъ-за нея тяжбы намѣстники-державцы получали извѣстную плату съ проигравшаго дѣло; устава, данная державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1529 году, опредѣляетъ за этотъ трудъ въ пользу державцы яловицу или 30 грошей [1466])

Впрочемъ, такія пошлины, какъ поколодное, повежное, ротное нельзя назвать судебными въ собственномъ смыслѣ. Онѣ представляютъ переходный типъ по сравненію съ пошлинами судебными въ собственномъ смыслѣ и доходами отъ административной дѣятельности. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи являются *вижовое, дѣцкованье и увязчее*, и въ особенности послѣднее, которое платилось иногда за трудъ ввода во владѣнье и не по суду, а въ силу пожалованья господаря. Хотя эти доходы платились слугамъ мѣстныхъ правителей, но несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ, что и паны ихъ получали часть изъ этихъ доходовъ. Къ такому заключенью относительно намѣстниковъ-державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣта приводитъ слѣдующій артикулъ данной имъ въ 1529 году уставы: „Такъ же

[1463]) Литов. Метр кн. Запис. XV, л. 5, 6.
[1464]) Ibidem. 65—67.
[1465]) Акты Зап. Рос. I, № 189.
[1466]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.

дѣцкованье, тое маетъ быти держано черезъ державецъ нашихъ водлѣ Статуту земского, то есть, помильное" [1467]). Что касается увязчаго, то вѣроятность пользованія имъ со стороны намѣстниковъ-державцевъ вытекаетъ изъ того, что „увязывать“ господарь поручалъ собственно намѣстникамъ-державцамъ, а тѣ посылали уже отъ себя слугъ или дворянъ, жившихъ при нихъ. Естественно, что и доходъ шелъ въ пользу намѣстниковъ-державцевъ, а слуги получали часть уже изъ ихъ рукъ.

Доходы, получавшіеся намѣстниками-державцами при отправленіи ихъ административной дѣятельности, сильно разнообразились по отдѣльнымъ мѣстностямъ, сообразно съ особенностями въ экономической производительности отдѣльныхъ мѣстностей, общественномъ составѣ и тѣхъ задачахъ, которыя въ силу всего этого падали на мѣстное управленіе. Такимъ образомъ, въ собственной Литовской землѣ, гдѣ господарское дворцовое хозяйство достигло наибольшаго развитія, и гдѣ намѣстники-державцы болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ являются съ характеромъ господарскихъ приказчиковъ, нѣкоторые доходы шли имъ именно, какъ дворцовымъ приказчикамъ. Они получали, напр., *поклоны* при раздачѣ мѣстнымъ крестьянамъ зерна изъ господарскихъ житницъ „въ отсопъ“ или „на пенязи", при раздачѣ пустовщинъ во временное пользованіе (въ Жмудской землѣ этотъ послѣдній доходъ назывался *отметями*) и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ выступаютъ на видъ по актамъ другіе доходы, какъ напр., *обвѣстки*, которыя платились въ Могилевѣ купцами, уѣзжавшими торговать на сторону [1468]) и т. д. Вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ, какъ и въ древней Руси, чуть ли не каждая отрасль административной дѣятельности вызывала особые сборы въ пользу административнаго персонала. Крестьяне платили, напр., *выгончое* тѣмъ лицамъ, которыя выгоняли ихъ къ главнымъ замкамъ областей для починки или постройки вновь укрѣпленій, *посѣкерщину* тѣмъ, кто надзиралъ за работами [1469]) и т. д. Намѣстникамъ - державцамъ, какъ органамъ общаго управленья, приходилось выполнять разнообразную административную дѣятельность, а, слѣдовательно, получать и разнообразные доходы. Болѣе или менѣе общими были доходы съ крестьянскихъ властей при назначеньѣ ихъ или утвержденьѣ (гдѣ эти власти выбирались во-

---

1467) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 23.
1468) Ibidem, № 86, 147.
1469) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 451; XV, л. 102, 103.

лостью) и *выводныя куницы*, которыя брались съ жениховъ, выводившихъ невѣстъ изъ мѣста или волости на сторону [1470]).

Кромѣ собственно намѣстничьихъ или волостельскихъ доходовъ, намѣстники - державцы по особому пожалованью отъ господаря получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ изучаемое время большею частью господарю. Эти сборы обыкновенно переживали самыя должности, къ которымъ они были прежде пріурочены, и собирались господаремъ на себя или же роздавались имъ, какъ „волостки" разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ. Такимъ образомъ въ записяхъ денежныхъ и разныхъ другихъ раздачъ короля Казимира читаемъ: „Хоружому Луцкому Даману 15 копъ зъ мыта въ Луцку, ему жъ *данничое* въ Мозыри на годъ послѣ первыхъ; Лазору — *тивунщизна малая* въ Мозыри на годъ послѣ первыхъ" [1471]). Немного ниже въ той же книгѣ находимъ слѣдующія записи: „Волынцомъ въ Люблинѣ: Михаилу Маскевичу *тивунщина великая* Мозырская на годъ послѣ Киселя; Ѳедьку Линевскому тивунщина малая на годъ послѣ Порицкого; Роману Михайловичу *бобровщина* на годъ послѣ Олехна Охремовича; Михаилу Головничу *ловчое* на годъ послѣ Ѳедька Шелововского"; писарю Ѳедьку Гавриловичу Казиміръ пожаловалъ въ 1489 году тивунщину Брагинскую на годъ послѣ первыхъ [1472]). Всѣ эти пожалованья имѣютъ характеръ простыхъ ассигновокъ на полученье жалованья и не связаны съ отправленьемъ соотвѣтствующей должности. Вышеупомянутые сборы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими того же типа чаще всего встрѣчаемъ по актамъ въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, при чемъ они являются положенными въ опредѣленномъ количествѣ на крестьянскіе участки, собираются крестьянскими властями на ряду съ данью и передаются вмѣстѣ съ нею въ скарбъ непосредственно или же черезъ руки мѣстныхъ урядниковъ, а также писарей, которые пріѣзжаютъ править недополнковъ. Слѣдовательно, тѣ, кто получали эти сборы въ свою пользу, получали ихъ въ изучаемое время не за отправленье соотвѣтствующей должности. Эти сборы до такой степени сроднились съ обыкновенною данью, что при пожалованьѣ селъ передавались вмѣстѣ съ нею въ пользу частныхъ лицъ. Въ подтвержденье всему этому можно привести слѣдующія данныя источниковъ. „А Торопчаномъ и соцкимъ Торопец-

---

[1470]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.
[1471]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 64.
[1472]) Ibidem, 79, 80.

кимъ,—читаемъ въ приговорѣ в. князя Александра мужамъ Старцовой волости,—не надобѣ въ нихъ вступати ся; завѣдати ихъ старцу *и дань, и серебщину и тивунщину збирати самимъ*, опрочъ Торопчанъ" [1473]). Писарь Ивашко Якубовичъ, получивъ приказанье отъ в. князя Александра собрать дань на людяхъ волостей Задвинскихъ, писалъ въ своемъ отчетѣ отъ 21 марта 1496 года: „Въ Дубничъ взялъ есми дани 15 рублевъ, а рубль по двѣ копѣ, а 100 грошей коневщины, а *тивунщины* 2 рубли, отослалъ до подскарбего;.... въ Туранъ 7 рублевъ по двѣ копы, а яловщины копу, *тивунщины* рубль" и т. д. И затѣмъ: „До Вильни Зенько прислалъ индикъ 14 мѣсяца іюля 16 день 4 ста копъ безъ рубля грошей съ шести волостей: съ Торопецкое а зъ Биберевское, съ Озерецкое, съ Нежельское, съ Озерищское а Усвятицкое; а куничныхъ грошей прислалъ 7 копъ, а шерстью куницъ 9; *а тивунщины* Жижецкое 2 рубли грошей, а яловщины 20 копъ и полкопы грошей; а отъ намѣстництва (Торопецкаго?) князю великому двѣ копѣ, а воеводѣ копу, а писаремъ копу" [1474]). Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ дворянину Счасному Полозовичу село Жуховичи въ Мозырскомъ повѣтѣ съ людьми и со всѣми доходами съ нихъ, которые шли прежде на господаря: „а повѣдалъ намъ,—читаемъ въ привилеѣ короля,—што жъ дей съ того дани на насъ идеть шесть копъ грошей а три полуколодки меду и ведро меду, а чотыры бобры, а двѣ куницы, а тринадцать грошей воловщины, а два гроша намѣрного, *а доводничого и тивунщины и данничого* полтретья ведра меду а двадцать грошей" [1475]). Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему село „и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ тивунщиною и зъ данничимъ, *и съ сокольничимъ*, и съ доводництвомъ, и со всими иными поплатки и податьми, которымъ колве именемъ могуть названы або менены быти" [1476]). Король Сигизмундъ подобно своимъ предшественникамъ, отцу и брату, раздавалъ эти сборы въ видѣ жалованья, и въ записяхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ пожалованій его читаемъ между прочимъ: „Князю Ивану Путятичу а Петрушку Мушатичу тивунщчина Мозырская на два года, всихъ отодвинувши подлугъ первыхъ листовъ его милости;... Остафъю Дашковичу тивунщина Рѣчицкая и Чечерская и Горвольская на сюю осень; земенину кіевскому Михайлу Павшы тивунщчына

[1473]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.
[1474]) Ibidem, 280, 281.
[1475]) Ibidem, л. 4.
[1476]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 178, 179.

Бобруйская послѣ князя Ивана Сенского; князю Володку Ивановичу тивунщчына Любошанская на годъ послѣ первыхъ" [1477]) и т. д. Всѣ эти сборы жалуются господаремъ на ряду съ другими доходами, и тутъ же встрѣчаемъ, напр., такія записи: „Писару Ѳедку Святоши на 8 копъ грошей (выдана квитація) съ недополнковъ дани въ Громыки, за шубу лисью отмѣна; Торопчаномъ двадцать корцовъ жита въ намѣстника Витебского; Миклушу Чеху, пушкару, 10 копъ грошей зъ восковыхъ пенязей Полоцкихъ; князю Василью Полубенскому 50 копъ грошей у мѣщанъ Дорогицкихъ, што мѣли чоломбитья дати" [1478]) и т. д. На то, что пожалованье тивунщины, данничаго, доводничаго, сокольничаго и бобровщины въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ было простымъ жалованьемъ дохода, прямое указанье даетъ заставной листъ короля Сигизмунда, выданный 20 марта 1519 года пану Альбрехту Мартыновичу Гаштольду на замокъ Мозырь. Король отдалъ ему до уплаты долга въ 1500 копъ грошей замокъ Мозырь „зъ мѣстомъ и зъ волостью Мозырскою и Пчыцкою, и со всими даньми грошовыми и бобровыми, и куничными, и съ корчомными пенязьми (медовая дань по прежнему должна была идти до ключа), и зъ мѣстомъ, и зъ рѣчкою Туромъ и съ платомъ, который съ тое рѣчки на насъ хоживалъ, и съ езы на рѣцѣ на Прыпяти и на Пчычы, и тежъ съ тивунщчыною, и зъ данничымъ, *и иными доходы, што коли зъ данины намое бояре або дворяне наши бирали*, и со всими иными платы и доходы" [1479]). Но иногда эти доходы отдавались намѣстникамъ-державцамъ; такъ, напр., державца Могилевскій по уставѣ, данной ему королемъ Сигизмундомъ, получалъ половину тивунщины, а другая половина въ количествѣ 40 копъ грошей шла въ скарбъ [1480]). Въ виду этого и названіе тивунъ, которое прилагается иногда къ лицамъ, собиравшимъ тивунщину, имѣетъ переносный, а не прямой и буквальный смыслъ. Въ 1499 году великій князь Александръ, отдавъ на откупъ корчму въ Чечерскѣ мѣстному мѣщанину,—написалъ въ своемъ листѣ: „А и тивуномъ нашимъ, которыи будутъ въ Чичерску тивунщину брати, мимо нашу корчму не надобѣ иныхъ корчомъ сытити" [1481]). Тивуномъ здѣсь названъ, очевидно, тотъ, кому пожалована тивунщина, а не какой либо дѣйствительный тивунъ. Дѣйстви-

---

[1477]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 426, 431, 444, и др.
[1478]) Ibidem, л. 426, 427.
[1479]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 37.
[1480]) Акты Зап. Рос. II, № 86.
[1481]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 270.

тельные тивуны, равно какъ и данничіе, ловчіе, сокольничіе, доводничіе отправляли свою должность и собирали доходы въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ въ старину [1482]), а въ изучаемое остались только одни сборы ихъ. Такія же переживанья попадаются и въ другихъ повѣтахъ русскихъ областей. Король Казимиръ пожаловалъ *данничое* въ Каменцѣ Василью Малышевичу; Сигизмундъ пожаловалъ пану Сенку Полозовичу замокъ Вручій „зъ мѣстомъ и зъ людми, и *съ тивунствомъ* Вруцкимъ держати по тому, какъ первыи врадники наши держивали до его живота“ [1483]).

Намѣстники - державцы по особому пожалованью или особой „уставѣ“, которая съ теченіемъ времени получала значеніе прецедента или обычая, получали въ свою пользу и часть собственныхъ господарскихъ доходовъ. Господарь въ такихъ случаяхъ руководился или тѣмъ, что намѣстничьи доходы въ данномъ повѣтѣ были очень малы, или заслугами лицъ, или же, наконецъ, тѣмъ, что намѣстники-державцы принимали на себя нѣкоторыя лишнія обязательства, которыя не связаны были съ ихъ должностью. Такимъ образомъ, напр., въ городѣ Вѣницѣ при Казимирѣ намѣстнику шелъ корчомный платъ съ 15 корчомъ, по 15 грошей съ корчмы [1484]). Въ 1486 году тотъ же король Кизимиръ пожаловалъ князю Дмитрію Путятичу „на каждый годъ по двадцати копъ грошей зъ мыта Браньского и съ корчомъ, поки Браньскъ держить“ [1485]) Великій князь Александръ, пожаловавъ мѣщанамъ Минскимъ магдебургское право, взялъ на себя два пенязя (двѣ части) „зъ винъ мѣстскихъ“ и отдалъ ихъ намѣстнику Минскому князю Богдану Ивановичу Жеславскому [1486]) Король Сигизмундъ при отдачѣ замка Вручаго въ держанье пану Сенку Полозовичу въ 1507 г. пожаловалъ ему и корчмы Вруцкія: „а онъ намъ подвезался съ тыхъ корчомъ сторожу въ поли отъ поганства татаръ завжды держати и тежъ пушкара на замку нашомъ Вруцкомъ своимъ накладомъ ховати“ [1487]). Въ 1518 году король отдалъ пану Юрью Глѣбовичу дворъ свой Волковыйскъ въ держанье „до живота“ „съ пенезми корчомными и зъ дяклы оржаными и овсяными, и съ сѣномъ подякольнымъ, и ко-

---

[1482]) Срав. Акты Зап. Рос. I, № 39.

[1483]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 79; VIII, л. 406, 407.

[1484]) Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, № 1.

[1485]) Литов Метр. кн. Запис. IV, л. 26.

[1486]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

[1487]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 406, 407.

лодиною, и зъ всими доходами врадниковъ и дворанъ... зъ мѣстъ и зъ волостей Волковыйское и Порозовское и Новодворское". Такое пожалованье объясняется тѣмъ, что король вынужденъ былъ взять у него дворъ Меречъ, отданный ему въ держанье до живота съ обѣщаніемъ не отнимать его, и, кромѣ того,—гласитъ королевскій листъ,—„паметуючи на его вѣрную службу ко отцу и брату нашому, королемъ ихъ милости, и къ намъ, *и тежъ для сказы имѣнья его* на его чоломбитье то вчинили" [1488]). Въ томъ же году король отдалъ князю Семену Чорторыйскому волости Чечерскъ и Пропойскъ со всѣми данями и господарскими доходами. „А онъ слюбилъ намъ,—гласитъ привилей короля,— у Пропойску замокъ тамошними людми нашими Пропойчичаны и Чычеряны а къ тому своимъ накладомъ збудовати" [1489]). При отдачѣ волости Олучицкой въ держанье дворянину Никифору Бобоѣдову Сигизмундъ далъ людямъ этой волости „уставу", „ижъ мѣли они въ кождый годъ до скарбу нашого по двадцати копъ грошей дани давати, а тому державцы ихъ Бобоѣдову по десяти копъ грошей"; но когда король отнялъ у Бобоѣдова Олучицкую волость (въ 1529 г.), то написалъ державцѣ Кричевскому князю Василью Семеновичу Жилинскому, „ижъ бы онъ тую волость къ замку нашому Крычовскому держалъ и тую дань, трыдцать копъ грошей, всю сполна въ кождый годъ выбравшы, до скарбу нашого отсылалъ" [1490]). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ намѣстники-державцы получали часть господарскихъ доходовъ въ свою пользу уже по обычаю. „А штось дотычеть дани нашое, грошовое и медовое и тивунщины,—читаемъ въ уставѣ короля Сигизмунда, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому,—то они мають давати на замокъ нашъ державцы нашому *подлѣ стародавного обычая*" [1491]).

Наконецъ, намѣстники-державцы получали всѣ или большую часть господарскихъ доходовъ съ своихъ повѣтовъ въ силу обязательствъ, данныхъ со стороны господаря. Таковы были прежде всего такъ называемыя „заставы въ сумѣ пенязей", т. е. отдача господарскихъ доходовъ въ видѣ процентовъ на занятую господаремъ сумму и до уплаты этой суммы, и пожалованья господарскихъ доходовъ на извѣстное число лѣтъ „для выбиранья пенязей", взятыхъ въ долгъ господаремъ. Отдача замковъ и дворовъ съ волостями въ заставу

[1488]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.
[1489]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 33.
[1490]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 532, 532.
[1491]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

„въ сумѣ пенязей“ или „на выбиранье пенязей“ особенно часто стали практиковаться королемъ Сигизмундомъ, который въ этомъ нашелъ одно изъ средствъ для покрытія текущихъ расходовъ, превышавшихъ доходы. Литовско-Русское государство уже съ конца XV в., съ начала напряженной борьбы съ Москвою, жило въ кредитъ своихъ подданныхъ, откупщиковъ мытъ и корчомъ, выходившихъ по большей части изъ евреевъ, и богатыхъ пановъ, которые, ссужая правительство деньгами, получали замки, дворы и мѣста съ волостями съ правомъ для покрытія процентовъ по ссудѣ, а иногда и долга, получать въ свою пользу не только намѣстничьи, но и великокняжескіе доходы цѣликомъ или частью. Чаще всего замки, дворы и мѣста съ волостями получали на этихъ условіяхъ князья и паны, уже державшіе ихъ въ качествѣ намѣстниковъ-державцевъ. Король Сигизмундъ далъ пану Богушу Боговитиновичу дворъ Довкги „у держанье“ и далъ ему листъ, въ которомъ обѣщалъ не рушать его съ того двора до живота. „Нижли тыми разы,—писалъ король 5 января 1516 года,—будучи намъ съ паны радами нашими на соймѣ Берестейскомъ, взяли есмо въ него шестьсотъ копъ грошей, которыми жъ пенязми служебнымъ платили есмо имъ за ихъ службу, и въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему тотъ же дворъ нашъ Троцкого повѣту Довкги зъ мѣстомъ и со всими людми нашими Довкговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ конокормцы, и со всими ихъ службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и съ корчомными пенязми, и зъ дяклы съ оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиники, и съ колодиною, и ставы и зъ млыны, и съ озеры, и со всими иными поплатки и пожитки, которые зъ мѣста и зъ волости Довкговское на насъ хоживали“. Король выговорилъ только въ свою пользу слѣдующее: „нижли маеть онъ съ того двора нашого въ кождый годъ намъ давати по шестидесятъ бочокъ жита а по шестидесятъ бочокъ овса, а по шестидесятъ возъ сѣна, а мезлева сполна — яловицы, вепры и иныи речи—маеть съ тоей волости намъ давана быти кождый годъ подлуги давного обычая; а коли пріѣдемъ до Довкговъ, онъ маетъ насъ поднимати стацыями подлѣ давности и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати по давному“. Панъ Богушъ Боговитиновичъ долженъ былъ держать на этихъ условіяхъ дворъ Довкги до уплаты ему занятыхъ господаремъ 600 копъ грошей, при чемъ и послѣ того господарь обѣщалъ не рушать его съ того двора до живота, согласно первому привилею. „Нижли по той заплатѣ нашой,—писалъ король,—маеть онъ тотъ дворъ нашъ отъ насъ къ нашой руцѣ держати по тому, какъ и первѣй сего, а тыи платы и доходы верхуписаные вжо

мають на насъ быти. А естли Божья воля станеть надъ нимъ, а мы ему тыхъ пенязей не заплатимъ, ино жона и дѣти его мають тотъ дворъ держати дотолѣ, поки тежъ тыи пенязи мы имъ заплатимъ; а не отдавши тыхъ пенязей, не маемъ въ нихъ того двора нашого зъ рукъ вынимати" [1492]). Итакъ, часть господарскихъ доходовъ съ мѣста и волости Довкговской, отданная по заставному листу пану Богушу Боговитиновичу, имѣла значеніе процентовъ, которые господарь уплачивалъ ему по своему долгу. Эта часть разнообразилась, смотря по величинѣ долга и доходности заставленныхъ дворовъ. Въ слѣдующемъ году король отдалъ „въ заставѣ", до уплаты 400 копъ грошей, конюшему дворному и Троцкому, намѣстнику Волкиницкому и Лепуньскому, лѣсничему Городенскому, пану Якубу Кунцовичу дворы Волкиники и Лепунь со всѣми доходами, выговоривъ для себя только стацію: „и коли пріѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ, тогды маеть онъ насъ стаціями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукамъ для того: коли мешкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ" [1493]). Тотъ же панъ Якубъ Кунцовичъ получилъ въ 1518 г. новый заставной листъ на дворъ Василишки, въ которомъ король писалъ: „А што онъ мѣлъ съ того двора нашого стацеи давати по сту бочокъ жыта а по сту возъ сѣна, тое стацеи вжо не маеть онъ намъ давати" [1494]). Въ 1518 году король отдалъ пану Богушу Боговитиновичу замокъ Каменецъ со всѣми доходами до уплаты взятыхъ у него 1000 копъ грошей, а въ свою пользу выговорилъ слѣдующее: „А съ Каменца доходовъ и платовъ выняли есьмо на насъ на господаря съ тое заставы корчомныи пенязи а двѣ доли дани медовое, а бобровыи гоны вси. А коли мы господарь сами прыѣдемъ до Каменца, тогды онъ маеть насъ одинъ день стацыею поднимати. А къ тому, коли платъ положимъ на все наше паньство, великое князьство Литовское, тогды зъ волостныхъ людей маеть намъ серебщыну давати, а зъ мѣста ордынщыну, также и серебщыну и который кольве платъ положимъ" и т. д. [1495]).

Наряду съ заставами, какъ сказано, практиковалась отдача замковъ и дворовъ со всѣми или частью доходовъ съ нихъ на извѣстное число лѣтъ „на выбиранье сумы пенязей". Въ 1520 году король Сигизмундъ отдалъ на такомъ основаніи князю Василью Ивано-

---

[1492]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.
[1493]) Ibidem, л. 157, 158.
[1494]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.
[1495]) Литов. Метр. кн. Запис. VII л. 592, 593.

88

вичу Соломерецкому замокъ Могилевъ съ волостью на три года со всѣми доходами. „Нижли одно дань медовую на насъ выймуемъ,— писалъ король въ своемъ листѣ: а какъ тая три годы выйдеть, и мы зъ ласки нашое тотъ замокъ нашъ Могилевъ даемъ ему отъ насъ въ держанье, а дани и доходы вси маютъ зася на насъ быти по тому, какъ и передъ тымъ бывало"[1496]). Отдача замковъ и дворовъ со всѣми доходами „на выбиранье пенязей" въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ имѣла значеніе отдачи на откупъ господарскихъ доходовъ и, повидимому, сопряжена была для покупщиковъ съ извѣстнымъ рискомъ. Однако, на дѣлѣ такая операція часто оказывалась прибыльною, и мы нерѣдко встрѣчаемъ по актамъ случаи принятія извѣстнаго замка или двора, заставленныхъ „въ сумѣ пенязей", „на выбиранье" этихъ пенязей въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ. Въ этомъ же 1520 году король позволилъ пану Яну Яновичу Забезинскому отложить 1000 копъ грошей наслѣдникамъ пана Станислава Григорьевича и взять изъ ихъ рукъ дворъ Меречъ, заставленный въ этой суммѣ, а затѣмъ въ теченіе четырехъ лѣтъ выбирать свои пенязи изъ доходовъ этого двора, послѣ чего держать его „въ держаньѣ до живота". Король выговорилъ себѣ только право пользоваться стаціей съ этого двора во время пребыванья своего въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и, кромѣ того, въ пользу людей своихъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: „А маетъ онъ зъ людей нашихъ службы и платы мѣти, которіе передъ тымъ на насъ бывали, а вышей того служобъ и платовъ никоторыхъ не маеть онъ на людѣхъ нашихъ собѣ примышляти"[1497]). Изъ привилея, выданнаго въ слѣдующемъ году пану Юрью Миколаевичу на тотъ же дворъ Меречъ, ясно видно, что̀ въ такихъ случаяхъ прельщало покупщиковъ: прельщала не надежда выбрать дѣйствительно свои пенязи въ урочные года съ лихвою, а право держать потомъ „въ держаньѣ до живота" замокъ или дворъ, которое могло съ избыткомъ возмѣстить всякіе убытки. Панъ Юрій Миколаевичъ выпросилъ у короля позволенье отложить Яну Яновичу Заберезинскому 1000 копъ грошей за дворъ Меречъ, спустилъ королю и даровалъ еще 1000 копъ съ дворовъ Городенскихъ, бывшихъ у него въ заставѣ, и взамѣнъ всего этого взялъ у него дворъ Меречъ „въ держанье до живота". Въ привилеѣ, выданномъ ему на дворъ Меречъ, король написалъ: „А платы и доходы наши, которіе передъ тымъ зъ мѣста и зъ волости Мерецкое на насъ хоживали, тые платы

[1496]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28.
[1497]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 39.

и доходы вси мають намъ даваны быти подлѣ давного обычая; а онъ тыи доходы маеть на себе брати, которіе передъ тымъ на врадниковъ нашихъ хоживали. И ачбы была которая великая потреба наша и земская тотъ дворъ нашъ въ которой сумѣ заставити, однакожъ мы не маемъ того двора нашого никому въ заставу въ держанье давати а ни его съ того двора рушати до его живота" [1498]). Итакъ, отпуская господарю долгъ или принимая замокъ или дворъ со всѣми доходами „на выбиранье пенязей" въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ, его кредиторы въ большинствѣ случаевъ совершали замаскированную сдѣлку покупки пожизненнаго прибыльнаго намѣстничества, иначе говоря, давали господарю отъ этого намѣстничества „чоломбитье". Въ тѣхъ случаяхъ, когда отдача замка или двора, или мѣста съ волостью „на выбиранье пенязей" не соединена была съ дальнѣйшимъ „держаньемъ до живота", и условія „выбиранья пенязей" были далеко не тѣ, что въ первомъ случаѣ. Въ 1522 году король Сигизмундъ позволилъ пану Григорью Григорьевичу Остиковича выкупить дворъ Бирштаны у князя Матѳея Микитинича и затѣмъ „до выбиранья сумы своее держати, вытручаючи по сту копъ на рокъ" [1499]). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ дворъ Бирштаны былъ отданъ въ аренду за 100 копъ грошей въ годъ—плюсъ тѣ проценты, которые должны были идти на внесенную паномъ Григорьемъ Остиковичемъ выкупную сумму.

Кредитныя сдѣлки, объектомъ которыхъ служило держанье господарскихъ замковъ, дворовъ и мѣстъ съ волостями и со всѣми доходами, господарскими и намѣстничьими, служатъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій преобладающаго воззрѣнія на правительственныя должности, какъ на источникъ доходовъ господаря и его урядниковъ. Эти сдѣлки заключались не только между господаремъ и панами, но и между панами, которые передавали другъ другу взятые отъ господаря „въ заставу" замки и дворы съ волостями. Такъ, напр., въ 1522 году король дозволилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому „спустить" своему братаничу пану Миколаю дворъ Ошмену, который онъ держалъ въ 700 копахъ грошей, послѣ чего вошелъ въ новыя условія съ паномъ Миколаемъ: послѣдній „спустилъ" ему 400 копъ грошей, а король въ своей стороны отдавалъ ему дворъ Ошмену по уплатѣ оставшихся 300 копъ грошей въ держанье „до живота" [1500]). Иногда паны перекупали другъ у друга „заставы", и господарь разрѣшалъ тому

[1498]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40, 41.

[1499]) Ibidem, л. 31.

[1500]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 64, 65.

или другому лицу выкупить дворъ у того, кто его держалъ въ заставѣ, хотя бы этотъ послѣдній самъ и не желалъ отступаться отъ своей „заставы".

Въ заключеніе о заставахъ и объ отдачѣ замковъ и дворовъ „на выбиранье пенязей" необходимо прибавить, что отдавались не только господарскіе доходы, но и доходы другихъ урядниковъ, буде таковые собирались съ волости. Такимъ образомъ, и въ заставномъ листѣ, выданномъ пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Довкги, читаемъ: „а панъ воевода Троцкій не маетъ въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати, а ни тежъ тое волости повѣта Довкговского людей не маеть судити; и вжо врадники наши Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не маютъ ни по што у волость того двора нашого всылати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не маютъ правити". То же самое находимъ и въ заставныхъ листахъ, выданныхъ пану Якубу Кунцовичу на дворы Волкиники и Лепунь и позже на дворъ Василишки. Панъ Богушъ Боговитиновичъ получилъ замокъ Каменецъ въ заставу между прочимъ „зъ гаевництвомъ и бобровничествомъ, и зъ лѣсничымъ" Каменецкимъ. „На выбиранье пенязей" замки и дворы обыкновенно отдавались также съ доходами всѣхъ господарскихъ урядниковъ. Въ листѣ, выданномъ пану Яну Яновичу Заберезинскому „на выбиранье пенязей" съ двора Мереча въ теченіе четырехъ лѣтъ, читаемъ: „И въ тую чотыри годы не маеть панъ воевода Троцкій въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати и людемъ судити и рядити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій, не маютъ въ тую волость сами въѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не маютъ правити". То же самое находимъ и въ листѣ, выданномъ пану Григорью Григорьевичу Остиковича на держанье двора Бирштанъ съ условіемъ ежегоднаго погашенія 100 копъ грошей изъ суммы, которую ему задолжалъ король.

Застава замка, двора и мѣста съ волостью и отдача ихъ „на выбиранье пенязей" обыкновенно соединялись съ отдачею ихъ въ держанье или намѣстничество. Но такъ бывало не всегда, и господарь иногда отдавалъ „на выбиранье пенязей" одни свои доходы, а намѣстничество само собою и отдѣльно. Король Сигизмундъ заставилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому замокъ Дорогичинъ съ мѣстомъ и со всѣми доходами до уплаты ему 900 копъ грошей. „Ино,—гласитъ королевскій листъ отъ 4 марта 1516 года,—судья Дорогицкій Миколай Водынскій со всими земянами Дорогицкими били намъ чоломъ, абыхмо дозволили имъ и тые пенязи девять сотъ копъ грошей пану

Яну отложити, а имъ быхмо дали на пять годъ тыи пенязи выбирати съ платовъ *нашихъ* Дорогицкихъ, съ которыми были есмо пану Яну тотъ замокъ нашъ заставили, а какъ тая пять годовъ выйдеть, тогды тыи вси платы зася до скарбу нашого маютъ браны быти по тому, какъ передъ тымъ бираны были". Король согласился на это предложеніе и выдалъ земянамъ Дорогицкимъ соотвѣтствующій листъ [1501]. Но намѣстникомъ, или старостою, Дорогицкимъ по прежнему остался, конечно, панъ Янъ Яновичъ, и тѣ доходы, которые шли на его „врядъ", онъ по прежнему собиралъ въ свою пользу.

LII.

Мы уже видѣли, что господарскіе кредиторы часто поступались своими деньгами въ пользу господаря, лишь бы получить отъ него замокъ или дворъ съ волостью въ держанье до живота. Эта уступка, какъ уже было сказано, имѣла характеръ челобитья, которое въ изучаемое время платилось господарю отъ намѣстничества и другихъ урядовъ. Въ записяхъ приходовъ короля Казимира (1482 г.) читаемъ между прочимъ: „Рѣчицкое намѣстнитство взялъ Ивачъ, королю отъ того далъ 8 корабельниковъ; а старченье Рѣчицкое взялъ Комаръ, королю далъ два корабельника. У Вилни дано намѣстництво Могилевское Митку Стародубцу, королю далъ шестьдесятъ золотыхъ вгорскихъ; отъ серебреного старченья Могилевского Юрко далъ 13 копъ; отъ медового старченья Андрейко далъ 4 копы; отъ Велижского намѣстництва Ходоръ далъ три копы; отъ Озерецкого намѣстнитства Гриша далъ три корабельники" [1502]. Намѣстничества и другіе уряды въ XV вѣкѣ, повидимому, прямо иногда продавались господаремъ тѣмъ, кто больше дастъ, при чемъ не всегда господарь обращалъ вниманье на принадлежность лица къ правящему классу. Намекъ на это даютъ безвѣстныя имена лицъ, которыя получили въ 1482 году намѣстничества; едва ли они не были изъ среды мѣстныхъ мѣщанъ или волостныхъ людей. Что такіе случаи были возможны, на это прямое указаніе находимъ въ „вырокѣ" великаго князя Александра въ тяжбѣ Старцовой волости съ Торопецкою. „А коли дамо отъ насъ Торопецъ держати,—читаемъ здѣсь,—тамошнему ихъ *мѣщанину або волостному чоловѣку Торопецкому*, тому ихъ не надобѣ судити ни радити: маеть ихъ судити и радити ихъ старецъ" [1503]. Впрочемъ, это

[1501]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118.
[1502]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.
[1503]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

едва ли не простой отголосокъ старины, не примѣнявшейся уже на дѣлѣ. Подобный порядокъ вещей не могъ быть пріятенъ тому классу, который считалъ намѣстничества и уряды своимъ достояніемъ. Въ угоду ему и, быть можетъ, уступая даже его настояніямъ, великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщалъ не требовать ничего съ назначенья на должности, развѣ только кто что дастъ по доброй волѣ и по чести; того же правила должны держаться воеводы и старосты, по представленью которыхъ господарь раздавалъ державы. A provisione autem ac donatione seu collatione,—гласитъ общеземскій привилей 1492 года,—spiritualium et secularium dignitatum, *tenutarum* et officiorum quorumcunque, nihil debemus postulare, neque etiam domini palatini et capitanei, ab officialibus et tenutariis, quicquid recipere, aut exigere debent, solum quod per aliquem nobis, vel ipsis, pro honestate sua, libere condonatum fuerit. Разумѣется, такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, и господарь могъ по прежнему продавать намѣстничества, если не перевѣшивали другія соображенья, напр., желанье пожаловать кого-либо за службу державою или дать кормленье.

Во всякомъ случаѣ и при Александрѣ, и при Сигизмундѣ мы встрѣчаемся по актамъ *съ челобитьемъ*, которое давали господарю намѣстники-державцы при полученьѣ своего уряда. Среди записей различныхъ листовъ короля Александра послѣ привилея, выданнаго въ 1495 году писарю Ивашку Сопѣжичу на держанье Дмитрова въ Смоленскомъ повѣтѣ, находимъ слѣдующую замѣтку: „А далъ его милость на прозбу пана воеводы Виленского тотъ Дмитровъ Ивашку Сопѣзѣ до его живота, а отъ того въ него взялъ пятдесятъ золотыхъ“ [1504]). Въ записяхъ приходовъ великаго князя Александра читаемъ между прочимъ: „Намѣстникъ Дроковскій далъ отъ намѣстництва 4 копы грошей; намѣстникъ Брягинскій — 2 копѣ грошей; намѣстникъ Мозырскій далъ 12 копъ грошей великому князю; старецъ Мозырскій далъ 4 копы грошей“ и т. д. [1505]). Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1510 году пану Юрью Ивановичу Ильинича староство Берестейское съ ключомъ послѣ того, какъ умретъ князь Александръ Юрьевичъ, державшій тогда Берестье, взялъ отъ него авансомъ и челобитье, въ чемъ и росписался въ выданномъ на староство листѣ: „а онъ вжо намъ отъ того чоломбитья далъ сто золотыхъ“ [1506]). Не-

[1504]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 62.
[1505]) Ibidem, л. 277, 278.
[1506]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346.

обходимо замѣтить, что „чоломбитье" платилось господарю а при пожалованьѣ имѣній [1507]), и иногда большое. Панъ Костевичъ, напр., за пожалованье ему замка Кабрина до живота далъ королю „чолобитья" 1000 копъ грошей [1508]). Самъ господарь въ своихъ привилеяхъ на имѣнья свидѣтельствуетъ, что ему платилось не малое челобитье. Король Сигизмундъ пожаловалъ было служебнику пана Станислава Яновича, старосты Жмудскаго, Шимку Митковичу десять службъ людей и четыре земли пустовскихъ въ Жосецкой волости Веленскаго повѣта. Но получивъ донесеніе отъ державцы Веленскаго, что это будетъ двору господарскому шкодно, онъ взялъ назадъ свое пожалованье и написалъ старостѣ: „Ино мы, зъ ласки нашое на его чоломбитье а къ тому обачывшы, ижъ онъ намъ отъ того перво сего не малое чоломбитье далъ, дали есьмо напротивъ тыхъ людей и земль иныхъ десять служобъ людей тяглыхъ а ни куничныхъ, а чотыры земли пустовскихъ" и т. д. [1509]).

LIII.

Сроки, на которые въ изучаемое время раздавались волости „въ держанье", были различны. Изъ фактовъ, сгруппированныхъ во второмъ очеркѣ, видно, что въ русскихъ областяхъ великаго княжества, именно въ земляхъ Кіевской, Смоленской, Витебской и Полоцкой, держался еще старинный обычай раздавать намѣстничества мѣстнымъ боярамъ на годъ, хотя дѣйствіе этого обычая было уже ограничено немногими волостями. Кромѣ того, и соблюдался онъ не строго, такъ что вмѣсто одного года волости давались на два, на три года и болѣе. Въ листѣ короля Сигизмунда, данномъ пану Ивану Полозу 31 марта 1527 года, читаемъ: „дали есьмо имъ, всимъ бояромъ Кіевскимъ, у жалованье Чорнобыль заробити и по годомъ держати для успоможенья ихъ, съ чого бы они мѣли намъ службу служыти; якожъ вже тотъ замокъ нашъ Чорнобыль держали напервѣй Павша небожщыкъ а Крыштофъ, а Дмитръ Ивашенцовичъ по два годы, а теперъ дали есьмо тотъ замокъ нашъ на два жъ годы держати дворанину нашому Заморенку; для чого жъ онъ билъ намъ чоломъ, абыхмо ему по выдержаньи Заморенковѣ тотъ замокъ нашъ Чорнобыль дали на два годы держати" [1510]). „Билъ намъ чоломъ дворанинъ нашъ Грышко

[1507]) Акты Зап. Рос. II, № 28, 112.
[1508]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.
[1509]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 111, 112.
[1510]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 77, 78.

Ивановичъ,—читаемъ въ другомъ листѣ того же короля Сигизмунда (отъ 10 августа 1508 года),—и просилъ насъ, абыхмо дали ему волость нашу Велижскую держати отъ насъ на колько годовъ. И мы ему тую волость нашу дали отъ насъ держати въ держанье на тры годы и на то есмо дали ему сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью" [1511]). Чаще волости давались на неопредѣленное время, „до воли господарской", и еще чаще „до живота"; послѣднее, впрочемъ, иногда и нарушалось, но не во вредъ намѣстниковъ-державцевъ, которыхъ господарь жаловалъ болѣе выгоднымъ „врядомъ" или „державою" и во всякомъ случаѣ равнымъ [1512]). Какъ уже было сказано выше, князья и паны, державшіе господарскіе замки и дворы съ волостями, старались укрѣпить за собою держанья пожизненно, и этому стремленью, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, не противорѣчилъ и господарскій интересъ. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ, напр., въ листѣ короля Сигизмунда отъ 12 декабря 1523 года,—подчашый нашъ, державца Василишскій и Марковскій, панъ Янъ Миколаевичъ Радивиловича о томъ, што есьмо перво сего дали ему дворъ нашъ Марково въ держанье,—ино онъ повѣдалъ передъ нами, што жъ тотъ дворъ нашъ былъ спустошонъ, и пашня наша за первшыхъ врадниковъ нашихъ залегла была, и онъ, хотячы ся намъ пану своему въ томъ заховати, и за своего держанья пашни нашое болше прибавилъ, и дворъ нашъ своимъ накладомъ и ставы, и сажавки на насъ справуеть, и выстерегаючыся того, абыхмо того двора нашого подъ нимъ кому иншому не дали або его у пенязѣхъ не заставили, билъ намъ чоломъ, абыхмо тотъ дворъ нашъ Марково въ держанье ему дали до его жывота" [1513]). Король въ виду собственной пользы, конечно, удовлетворилъ просьбу челобитчика. Выше было упомянуто о пожалованьѣ князю Семену Александровичу Чечерска и Пропойска, которые были уже у него въ держаньѣ, въ держанье до живота вслѣдствіе того, что онъ обѣщалъ королю отстроить замокъ Пропойскъ. Привилеевъ на держанья до живота находится множество въ актахъ изучаемаго времени, хотя на ряду съ ними попадаются и такіе, въ которыхъ срокъ не обозначенъ, напр., привилеи, выданные въ 1527 году: князю Петру Тимоѳеевичу Масальскому—на держанье волости Любошанской „по животѣ пана Юрья Немировича, державцы Любошаньского", князю Ивану Михайловичу Вишневецкому—на дер-

[1511]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 230.

[1512]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 371.

[1513]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 128, 129.

жанье замка Рѣчицкаго „по животѣ пана Семена Полозовича, державцы Рѣчицкого“, пану Яну ·Аврамовичу—на держанье двора Утены [1514]) и т. д. Въ пожизненное держанье раздавались преимущественно волости, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя, гдѣ намѣстники-державцы дѣйствовали на правахъ господарскихъ приказчиковъ, получая въ пользу часть доходовъ съ этого хозяйства. Энергичное и заботливое веденіе этого хозяйства со стороны господарскихъ урядниковъ, конечно, возможно было только при увѣренности, что имъ долго придется пользоваться своимъ процентомъ изъ его доходовъ. Краткіе сроки держаній въ данномъ случаѣ могли повести только къ хищничеству съ ихъ стороны, на что нѣкоторыя указанія были приведевы выше. Такимъ образомъ, и собственный интересъ господаря, и интересъ мѣстныхъ правителей приводилъ къ установленію обычая раздавать волости съ господарскими дворами и дворцами въ держанье „до живота“. На неопредѣленный же срокъ, до воли господарской, раздавались преимущественно такія волости, гдѣ не было или гдѣ было слабо развито собственное господарское хозяйство; таковы же были и волости, раздававшіяся на года.

Въ связи съ возникновеніемъ правительственнаго обычая раздачи урядовъ и державъ „до живота“ стоитъ, очевидно, и возникновеніе особаго закона, который предусматривалъ, за что и какимъ порядкомъ могли отбираться уряды и державы у должностныхъ лицъ. Общеземскій привилей великаго князя Александра на этотъ счетъ опредѣлялъ, что всякій, кто окажется расточителемъ и „шкодникомъ“ господарскихъ „добръ“, лишается своей державы; отобраніе державы производится по совѣту господаря съ панами-радою и по выслушаніи обѣихъ сторонъ, обвинителя и отвѣтчика. Officia vero omnia,—читаемъ здѣсь,—*et tenutae*, sine consilio nostrorum consiliariorum, per nos, non debent cuique auferri. Si quis autem officialium tamquam dissipator, et damnificator nostrorum bonorum apud nos delatus fuerit, utraque pars coram nobis debet personaliter constitui, auditaque causa reus secundum demerita puniendus erit: sed absque culpa officia auferre non debebimus [1515]). Статутъ 1529 года почти буквально повторяетъ этотъ артикулъ общеземскаго привилея 1492 г.: „Теж державцы дворовъ наших и тивунове на причины заочные через насъ не мают быти никому отниманы. Але коли бы который з урадниковъ, яко роспроситель а шкодникъ двора нашего в нас

[1514]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 347—349, 357.
[1515]) Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

был обвиненъ; обоя сторона маеть перед нами очивисто стати, а выслухавши тую речь винный подле заслуги мает каранъ быти, але без вины держане отнимати не будем" [1516]). Устава, данная въ томъ же году державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, расширяетъ понятіе вины, за которую господарь могъ отнять держанье, и выдвигаетъ на видъ не только хозяйственный интересъ господаря, но и общественный. „Тежъ тивуновъ,—читаемъ здѣсь,—не отдаляемъ отъ ихъ держаней, выймуючы, за слушною причиною и за кривдою подданыхъ нашихъ; а естли быхмо которого собѣ съ нихъ въ томъ непожиточного дознали, тогды таковото тогожъ часу зъ уряду отдалимъ я иншому вѣрнѣйшому его отдадимъ, кому будетъ наша воля господарьская" [1517]). Интересъ общественный долженъ былъ выступить въ данномъ случаѣ по тѣсной связи его съ господарскимъ, такъ какъ отъ обидъ и притѣсненій управителей пустѣли господарскія волости. На это обыкновенно ссылаются и мѣстные жители въ своихъ жалобахъ на господарскихъ урядниковъ, указывая, что не они только страдаютъ, но и самъ господарь. Такъ въ 1529 году королю Сигизмунду жаловались на намѣстника Олучицкаго Никифора Бобоѣдова старецъ и вся волость Олучицкая, что онъ „кромъ жадное прычыны" приказалъ повѣсить старца волостного, „имъ самымъ крывды и драпежства великіи подѣлалъ, для которыхъ же дей драпежствъ многіи люди наши (т. е. господарскіе) съ тое волости прочъ разошлися", и просили короля взять ихъ изъ рукъ Бобоѣдовыхъ и привернуть къ замку Кричевскому. Король исполнилъ ихъ просьбу [1518]). Такимъ образомъ, грубая идея „кормленья" въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и дѣйствіи въ жизни должна была найти себѣ предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвать въ правительственномъ сознаніи противоположную идею государственной должности, хотя пока въ смутномъ и неясномъ очертаніи.

LIV.

Резюмируя все сказанное въ настоящемъ очеркѣ и сопоставляя отчасти съ тѣмъ, что содержится въ первыхъ двухъ, приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Въ большинствѣ повѣтовъ, въ которыхъ судъ и управу чинили намѣстники-державцы, велось собственное господарское хозяйство,

---

[1516]) 5 арт. III раздѣла.

[1517]) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 19.

[1518]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 581, 532.

разработывались на господаря пахатныя земли и эксплуатировались различныя угодья.

2. Но особенно развито было господарское хозяйство въ собственной Литовской землѣ; здѣсь было наибольшее количество господарскихъ дворовъ и дворцовъ съ дворными пашнями и угодьями.

3. Повидимому, уже отъ удѣльной эпохи этихъ дворовъ и дворцовъ съ пашнями и угодьями господарь получилъ въ собственной Литовской землѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ.

4. На это предположеніе наводитъ тотъ фактъ, что въ собственной Литовской землѣ господарь замѣнилъ собою болѣе многочисленныхъ, но болѣе мелкихъ князей, чѣмъ въ другихъ областяхъ, князей, для которыхъ собственное хозяйство было однимъ изъ главныхъ средствъ содержанія.

5. Первоначальное возникновеніе княжескаго дворцоваго хозяйства въ собственной Литовской землѣ, какъ и въ русскихъ земляхъ, стоитъ въ связи съ развитіемъ рабства и захватомъ князьями пустыхъ земель и угодій въ свое распоряженіе: дворцовое хозяйство явилось первоначально средствомъ эксплуатаціи рабскаго труда въ приложеніи къ этимъ землямъ и угодьямъ.

6. Въ дальнѣйшемъ развитіи дворцовое княжеское и потомъ господарское хозяйство сдѣлалось однимъ изъ средствъ эксплуатаціи труда крестьянскаго населенія Литовской земли. Это населеніе въ теченіе XIII и XIV вѣковъ увеличилось выходцами изъ Пруссіи, Жмуди и Руси, такъ что въ XV и началѣ XVI вѣка собственная Литовская земля была самою населенною областью великаго княжества. Обиліе рабочихъ рукъ при сравнительной густотѣ населенія дало возможность примѣнить ихъ къ разнообразнымъ потребностямъ дворцоваго хозяйства, расширить само это хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ взять съ крестьянъ барщиннымъ трудомъ то, что не всегда можно было получить деньгами или натурою.

7. Въ изучаемое время господарь съ семьею, съ своими придворными сановниками и урядниками и со всею прислугою проживалъ обыкновенно въ собственной Литовской землѣ; здѣсь же онъ часто проѣзжалъ во время своихъ переѣздовъ въ Польшу и обратно въ великое княжество, здѣсь же и охотился. Естественно, слѣдовательно, что и дворцовое хозяйство, имѣвшее цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей господаря натурою, должно было поддерживаться и вестись болѣе всего именно въ Литовской землѣ.

8. Послѣ уніи съ Польшею и разгрома силъ Ордена въ Грюнвальденской битвѣ собственная земля Литовская оказалась въ луч-

шихъ условіяхъ, чѣмъ другія области, относительно внѣшней безопасности, что также было благопріятнымъ условіемъ для поддержанія и развитія господарскаго хозяйства преимущественно на Литвѣ.

9. Наконецъ, въ собственной Литовской землѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, возможенъ былъ надзоръ и контроль по веденію господарскаго хозяйства.

10. Въ русскихъ областяхъ великаго княжества дворцовое княжеское хозяйство возникло еще ранѣе литовскаго владычества, какъ средство эксплуатаціи рабскаго труда.

11. При литовскихъ князьяхъ оно велось уже не только рабскимъ трудомъ, но и барщиннымъ трудомъ крестьянскаго населенія; но переходъ къ этому начался едва ли не ранѣе литовскаго владычества.

12. Въ изучаемое время господарское хозяйство въ русскихъ областяхъ великаго княжества не только не шло далѣе того, чего достигло въ удѣльное время, но замѣтно падало.

13. Причины тому—отчасти положеніе этихъ областей въ объединенномъ Литовско-Русскомъ государствѣ, затруднявшее контроль и надзоръ изъ центра, отчасти разоренія и опустошенія со стороны внѣшнихъ враговъ, при которыхъ поддержка и веденіе хозяйства становились часто не подъ силу даже собственной энергіи и заботливости частныхъ владѣльцевъ, а тѣмъ болѣе господарю, который велъ хозяйство заглазно и издалека, черезъ своихъ приказчиковъ (намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ).

14. Наименьшаго развитія господарское хозяйство достигло въ такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними, крестьянство (и мѣщанство) которыхъ состояло изъ данниковъ.

15. Благодаря промысловому приволью, которое представляли для здѣшняго, сравнительно немногочисленнаго населенія лѣса, рѣки и озера, крестьяне (и мѣщане) этихъ волостей долгое время оказывались въ состояніи уплачивать дань общею суммою, положенною на ихъ волости, и для господаря не было расчета переводить ихъ на барщинныя повинности, заводить собственное хозяйство, тѣмъ болѣе, что и окраинное положеніе этихъ волостей не благопріятствовало этому.

16. Въ Жмудской землѣ господарское хозяйство не дѣлало успѣховъ по сравненію съ удѣльною эпохою вслѣдствіе особаго политическаго положенія этой области: привилей Жмудской земли гарантировалъ ее отъ пріумноженья господарскихъ дворовъ и дворцовъ и

оставилъ господаря только при тѣхъ дворахъ и дворцахъ, которые существовали при Витовтѣ.

17. Господарское хозяйство полностью велось только въ четырехъ или пяти волостяхъ Жмудской земли; въ остальныхъ дворныя господарскія пашни сдѣлались достояніемъ старосты и тивуновъ, которые до 1527 года разработывали ихъ въ свою пользу барщиннымъ трудомъ мѣстныхъ господарскихъ крестьянъ, а за господаремъ оставались только сѣножати и оброчныя статьи: рѣки, озера, хмелища, пущи и т. д. Въ 1527 году барщинныя повинности Жмудскихъ крестьянъ въ пользу старосты и тивуновъ были отмѣнены и замѣнены податью съ сохъ въ пользу господаря и кормами въ пользу мѣстныхъ правителей.

18. Рабочую силу въ господарскомъ хозяйствѣ въ изучаемое время, какъ и въ предшествующее, составляла прежде всего господарская челядь невольная, паробки и жонки.

19. Челядь невольная получала свое содержаніе съ господарскаго двора въ видѣ такъ называемой мѣсячины; тѣ паробки, которые имѣли свои домки и „бонду", а въ поляхъ „приробки" получали и мѣсячины меньше.

20. Юридическое положеніе обоихъ разрядовъ дворной челяди было одинаковое, вопреки утвержденью г. Новицкаго.

21. Кромѣ челяди невольной, на господарской пашнѣ и дворѣ работали всегда, когда было нужно, господарскіе тяглые люди, называвшіеся въ Полоцкой землѣ пригонными.

22. Этотъ барщинный трудъ составлялъ главное содержаніе и признакъ тяглой службы, но не уплата дякла, какъ думаетъ г. Бершадскій.

23. Дякло платили и не тяглые крестьяне, и наоборотъ: тяглые люди не всегда платили дякло.

24. Дякло и мезлева въ томъ видѣ, въ какомъ они взимались при Казимирѣ и его сыновьяхъ, сильно напоминаютъ аналогичныя подати польскихъ крестьянъ и едва ли не были заимствованы литовскимъ правительствомъ у Польши.

25. Натуральные поборы, изъ которыхъ слагались дякло и мезлева, по нѣкоторымъ признакамъ, существовали въ западной Руси и ранѣе сближенія съ Польшею; литовское правительство, вводя дякло и мезлево по польскому примѣру, всего вѣроятнѣе, только распространяло и приводило къ одному типу и нормѣ уже существовавшія натуральныя подати.

26. На подмогу челяди дворной и тяглымъ людямъ въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ, т. е. во время пахоты, косьбы сѣна и жнитва выходили и другіе господарскіе крестьяне и даже мѣщане небольшихъ мѣстъ.

27. Эта повинность, называвшаяся толокою, варьировалась по мѣстностямъ и сообразно съ количествомъ другихъ повинностей, лежавшихъ на господарскихъ крестьянахъ и мѣщанахъ; чаще всего толока брала у крестьянской службы двѣнадцать дней въ году на пахоту и жнитво, не включая сюда сѣнокосъ, на который крестьяне и мѣщане также обязаны были ходить.

28. Кромѣ толоки, нетяглые господарскіе крестьяне и мѣщане въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, выполняли и разныя другія экстренныя работы по господарскому хозяйству.

29. По отдѣльнымъ мѣстностямъ и въ силу изъятій изъ общаго правила на толоку и на нѣкоторыя экстренныя работы по господарскому хозяйству выходили и частновладѣльческіе крестьяне, вообще отъ всего этого освобожденные.

30. При эксплуатаціи различныхъ угодій господарское хозяйство пользовалось трудомъ особыхъ разрядовъ крестьянъ, которые появились вмѣстѣ съ развитіемъ этой эксплуатаціи и по большей части занимали отдѣльное отъ тяглыхъ людей положеніе.

31. Эксплуатація лѣсныхъ угодій на господаря создала особые разряды господарскихъ бортниковъ, бобровниковъ, осочниковъ, ловцовъ, псарцовъ, сокольниковъ и т. д.

32. Эксплуатація пастбищъ вызвала къ жизни конюховъ, кобыльниковъ, ройтиниковъ, коновормцевъ и лейтей.

33. Были особые разряды крестьянъ, которые несли свою службу по эксплуатаціи рѣкъ и озеръ на господаря.

34. Различныя спеціальныя потребности господарскаго хозяйства вызвали къ жизни и другія крестьянскія службы, какъ напр., сторожей, кухарей, садовниковъ, огородниковъ и т. д.

35. Всѣ эти разряды господарскихъ крестьянъ, несшіе свою службу по спеціальнымъ потребностямъ господарскаго хозяйства, имѣли свои земли и угодья, которыя разработывали въ свою пользу.

36. Кромѣ спеціальныхъ повинностей, всѣ они обыкновенно ходили на толоку, въ отдѣльныхъ случаяхъ и на другія работы по господарскому хозяйству, платили затѣмъ дякло, дань грошовую, медовую, бобровую, куничную, хотя общаго правила въ данномъ отношеніи не было.

37. Повинности и подати, составлявшія прибавленье къ главной и специальной службѣ этихъ крестьянъ, сильно разнообразились сообразно съ тяжестью главной и спеціальной службы, съ величиною крестьянскихъ участковъ и мѣстною производительностью.

38. То же самое справедливо и въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ другихъ наименованій и службъ.

39. Нѣкоторые изъ разрядовъ господарскихъ крестьянъ, несшихъ спеціальную службу по эксплуатаціи угодій на господаря, занимали по сравненію съ тяглыми людьми высшее положеніе и экономическое, и юридическое. Это видно, напр., изъ того, что они обязаны были ходить на войну и оплачивались болѣе высокою головщиною. Таковы были, напр., осочники, псарцы, сокольники и т. д.

40. Для своихъ потребностей господарское хозяйство пользовалось, кромѣ того, спеціалистами и ремесленниками, существовавшими среди крестьянъ и мѣщанъ независимо отъ этихъ потребностей; таковы были, напр., ковали, клепачи, рогатинники, дойлиды, санники, бондари, судники, кравцы, мурали, стрихари, меловники, гончары, кожемяки, лучники, стрыменники и т. д.

41. Эти спеціалисты и ремесленные люди платили господарю или трудомъ по своей спеціальности, или же издѣліями (напр., рогатинники и стрыменники); кромѣ того, они ходили на толоку и несли, какъ уже сказано, и другія повинности, а также и подати.

42. Экономическое и юридическое положеніе „ремесныхъ" людей было высшее по сравненію съ положеніемъ тяглыхъ людей, такъ какъ они обыкновенно подлежали военной повинности, и головщина ихъ была выше головщины простыхъ мужиковъ, или тяглыхъ людей.

43. Такое положеніе ихъ обозначилось уже ранѣе литовскаго владычества, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Русская Правда.

44. Изъ этого слѣдуетъ, что тяглые люди вели свое происхожденіе по прямой линіи отъ того класса сельскаго населенія, который обозначенъ въ Русской Правдѣ подъ именемъ смердовъ и отъ котораго также отличены „ремественники".

45. Кромѣ тяглыхъ людей, отъ „смердовъ" вели, по всѣмъ даннымъ, свое происхожденіе данники, которые въ актахъ изучаемаго времени отличаются обыкновенно отъ тяглыхъ людей.

46. Этимъ именемъ обозначаются обыкновенно крестьяне, платившіе дань грошовую или серебряную, медовую, бобровую и куничную натурою или деньгами.

47. Данники называются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ куничниками, а въ южныхъ повѣтахъ Кіевской земли ясачниками.

48. Къ этому же разряду близко подходятъ, хотя и не называются именемъ данниковъ, люди дякольные, пшеничники, рыболовы, соляники, угольники, дегтяри и млынари, платившіе подати произведеніями своего хозяйства и промысловъ.

49. Господарскіе данники и другіе близко стоящіе къ нимъ разряды крестьянъ, кромѣ даней и другихъ податей, обыкновенно ходили на толоку, косили сѣно на господаря и исправляли нѣкоторыя другія работы по господарскому хозяйству, хотя не всѣ и не во всѣхъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства.

50. На толоку ходили и сѣно косили на господаря даже и господарскіе слуги разныхъ наименованій, отправлявшіе военную службу и вербовавшіеся изъ зажиточнаго крестьянства.

51. По своему экономическому и юридическому положенію слуги представляли классъ переходный между крестьянами и боярами. Хотя они были сами землевладѣльцами, но часто владѣли такими имѣньями, которыя давали имъ возможность имѣть челядь и крестьянъ; лично они были всегда свободны и могли, когда хотѣли, сойти съ своихъ земель, не были, слѣдовательно, „невольными селянитыми людьми" или, какъ иначе выражаются акты, „непохожими".

52. Хотя имѣнья слугъ обыкновенно превышали своими размѣрами участки тяглыхъ и другихъ крестьянъ, но въ данномъ случаѣ не было какого либо общаго правила, въ силу котораго слуги обязательно имѣли земли, въ нѣсколько разъ превышавшія участки обыкновенныхъ, рядовыхъ крестьянъ, вопреки утвержденью г. Бершадскаго.

53. Въ слуги попадали люди тяглые и крестьяне другихъ служебъ, отличавшіеся зажиточностью; если слуги бывали болѣе крупными землевладѣльцами, то этотъ фактъ, очевидно, былъ послѣдствіемъ, а не первоначальною причиною ихъ зажиточности, причиною, а не слѣдствіемъ ихъ служебнаго положенія.

54. Наиболѣе многочисленный разрядъ слугъ составляли слуги или люди путные, спеціальною новинностью которыхъ былъ „путь" или" листовная служба", т. е. разъѣзды по разнообразнымъ порученіямъ мѣстнаго урядника.

55. Число ихъ въ изучаемое время превышало служебныя потребности господарскихъ судебно-административныхъ центровъ, и изъ нихъ сталъ выдѣляться особый разрядъ людей „служебныхъ", а за остальными названіе путныхъ слугъ удерживалось по простой традиціи.

56. Главная повинность путныхъ слугъ въ изучаемое время, можно сказать, была военная.

57. Путные слуги въ Полоцкой землѣ назывались сельскими путниками; повидимому, и слуги посельскіе, встрѣчающіеся по актамъ въ Полѣсьѣ, Волыни и Кіевской землѣ были то же, что и путные слуги.

58. Кромѣ путныхъ слугъ, по разнымъ мѣстностямъ Литовско-Русскаго государства существовали слуги господарскіе панцырные, щитные, доспѣшные и конные.

59. Эти названія, указывающія на родъ вооруженія и снаряженія на войну, удерживались часто по простой традиціи, а на дѣлѣ спеціализація военной службы проводилась не строго.

60. Всѣ перечисленные разряды господарскихъ крестьянъ составляли обыкновенно господарскую волость въ тѣсномъ смыслѣ и называются въ актахъ людьми волостными въ противоположность мѣщанамъ и боярамъ, мужами и мужиками.

61. Слуги, впрочемъ, иногда не входятъ въ соозначеніе волостныхъ людей и отличаются отъ нихъ, такъ какъ и своими повинностями они не всегда были связаны съ волостью (когда служили одну военную службу).

62. Въ Полоцкой землѣ къ разряду путныхъ слугъ близко подходили мѣщане, купившіе земли у бояръ, сельскихъ путниковъ, данниковъ и пригонныхъ людей: они должны были служить съ этихъ земель путную, или военную, службу.

63. Въ другихъ областяхъ великаго княжества съ земель, пріобрѣтенныхъ за мѣстскою чертою, мѣщане обязывались служить ту же службу, какая и прежде шла съ этихъ земель; однако, какъ зажиточные люди, мѣщане часто переводились съ крестьянскихъ службъ на военную.

64. Объектами обложенія барщиннымъ трудомъ, военною повинностью и податьми въ Литовско-Русскомъ государствѣ служили тѣ земельныя единицы, которыя даны были въ теченіи времени естественнымъ развитіемъ семейно-родовой коопераціи и совладѣнія крестьянъ.

65. Эти земельныя единицы состояли изъ пахотныхъ земель, сѣножатей и различныхъ угодій; съ ними неразрывно связаны были различные „ухожаи“, „входы“ или „вступы“ въ общественныхъ крестьянскихъ, господарскихъ и частновладѣльческихъ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ.

66. Въ собственной Литовской землѣ, въ Жмуди, въ земляхъ Полоцкой и Витебской эти земельныя единицы по актамъ называются обыкновенно просто „землями“ съ прозвищемъ, произведеннымъ отъ

имени владѣльца, или же съ прибавленіемъ собственнаго имени географическаго урочища.

67. Въ Волынской землѣ и Полѣсьѣ эти земельныя единицы назывались „дворищами"; въ Смоленской землѣ и въ повѣтахъ ея пригородовъ, а также въ повѣтахъ, входившихъ въ составъ Смоленской земли ранѣе литовскаго владычества,—„сельцами" и „селищами"; въ Берестейско-Подляшской области—„жеребьями". Селищами въ актахъ называются иногда крестьянскія земельныя единицы также и въ земляхъ Витебской и Кіевской; названіе „селище" замѣняетъ собою иногда въ актахъ терминъ „дворище".

68. Названіе „дворище" указываетъ на то, что эта земельная единица дана была коопераціею и совладѣніемъ крестьянской семьи или рода, жившаго на одномъ дворѣ.

69. Названіе „селище" указываетъ на разбросанность и дробность поселеній крестьянскихъ семей или родовъ, жившихъ другъ отъ друга особнякомъ и составлявшихъ особыя сельца.

70. Такимъ образомъ, разбросанность и дробность поселеній, которую можно замѣтить въ нѣкоторыхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства въ изучаемое время, не были послѣдствіемъ введенія волочной системы, вопреки утвержденью г. Иловайскаго.

71. Волочная система въ изучаемое время вводилась исподоволь на Подляшьѣ, преимущественно на опустѣвшихъ земляхъ или же на новѣ, и пока еще не вытѣснила стариннаго дѣленія крестьянскихъ земель на жеребьи.

72. Названіе „жеребей" указываетъ на первоначальный дѣлежъ земли, производившійся между крестьянскими семьями или родами, селившимися вмѣстѣ; но получавшіеся при первоначальномъ дѣлежѣ удобной земли участки съ теченіемъ времени увеличивались нивами, которыя разработывали крестьянскія семьи въ сосѣдней пущѣ, и различными „входами", которые онѣ также пріобрѣтали по сосѣдству на незанятыхъ угодьяхъ, и жеребьи становились разнообразными и по размѣрамъ, и по доходности.

73. За исключеніемъ волокъ, и всѣ остальныя крестьянскія земельныя единицы не были равны ни по своимъ размѣрамъ, ни по доходности, такъ какъ онѣ не были результатомъ искусственной разверстки земель а результатомъ первоначальнаго захвата или дѣлежа и дальнѣйшихъ разработокъ и пріобрѣтеній со стороны крестьянскихъ семей или родовъ.

74. Впрочемъ, по отдѣльнымъ районамъ существовала извѣстная средняя величина, къ которой вышеуказанныя земельныя единицы бо-

лѣе или менѣе приближались, что и дало возможность сдѣлать ихъ единицами обложенія барщиннымъ трудомъ и военною повинностью.

75. Эта средняя величина вытекла также изъ самаго происхожденія этихъ земельныхъ единицъ, обусловилась тѣмъ среднимъ количествомъ членовъ, которыхъ могла содержать въ себѣ при тогдашнихъ условіяхъ хозяйственная, семейно-родовая ассоціація крестьянъ.

76. Неравенство тягостей, которое возникало при обложеніи крестьянъ, владѣвшихъ не вполнѣ равными участками, барщиннымъ трудомъ и военною повинностью, уравновѣшивалось тѣмъ, что одни крестьяне платили лишнія подати, а другіе—наоборотъ: не доплачивали вполнѣ того, что полагалось платить ихъ разряду, или же не несли нѣкоторыхъ барщинныхъ повинностей.

77. Подати, которыя шли съ крестьянскихъ земельныхъ единицъ, опредѣлены были стариною, обычаемъ, и еще болѣе разнообразились въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ барщинныя и разныя другія повинности, хотя и тутъ по отдѣльнымъ районамъ можно подмѣтить извѣстную среднюю величину ихъ для болѣе или менѣе значительнаго количества крестьянскихъ единицъ.

78. Семейно-родовая кооперація и совладѣніе крестьянъ не только дали Литовско-Русскому государству земельныя единицы для тягло-податнаго и военнаго обложенія, но продолжали быть живыми силами, которыя въ изучаемое время выполняли требованія этого обложенія: вышеуказанныя земельныя единицы находились по большей части во владѣніи и пользованіи крестьянскихъ семей и родовъ, которые и несли съ нихъ сообща разнообразныя службы господарю (или пану).

79. Крестьянскія семьи и роды владѣли и пользовались землями и угодьями или сообща, или раздѣльно, но службу служили сообща; общее владѣніе и раздѣльное существовали рядомъ и часто заступали одно другое.

80. Части подѣленныхъ земельныхъ единицъ со всѣми ихъ угодьями и „ухожаями" назывались „слѣдами", а въ Смоленской землѣ „вытями".

81. Крестьянскія семьи или роды въ тѣхъ случаяхъ, когда были не въ состояніи осилить эксплуатаціи всей земли и угодій и служить съ нихъ полностью службу, принимали къ себѣ въ долю постороннихъ людей, которые пользовались извѣстною частью земли и угодій и соотвѣтственно съ тѣмъ помогали имъ въ службѣ, были ихъ „потужниками".

82. Посторонніе люди, которыхъ крестьянскія семьи или роды добровольно принимали къ себѣ въ долю, не были владѣльцами въ этой долѣ.

83. Потужники становились владѣльцами въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ присаживало къ крестьянскимъ семьямъ и родамъ правительство, или когда ихъ доли были слѣды, пріобрѣтенные ими покупкою у крестьянъ „отчичей".

84. Потужники могли становиться и „сябрами" крестьянъ отчичей, когда пріобрѣтали не выдѣленныя части земель и угодій, а право общаго пользованія въ извѣстной долѣ: посторонніе люди въ такихъ случаяхъ становились членами товарищества, сообща владѣвшаго и пользовавшагося землею и угодьями.

85. Паи сябровъ въ общемъ пользованіи не были равны, такъ какъ опредѣлялись числомъ преемниковъ у каждаго изъ сябровъ предшественниковъ.

86. Такимъ образомъ, и сябринное владѣніе нельзя назвать общиннымъ въ собственномъ смыслѣ.

87. Крестьянскія семьи и роды, и замѣнявшія ихъ товарищества, составлявшія село, владѣли нѣкоторыми землями и угодьями сообща и сообща пользовались ими.

88. Нѣкоторыя угодья сдѣлались общимъ достояніемъ села въ силу своей естественной недѣлимости. Таковы выгонъ около села, озеро, рѣка, лѣсъ съ бортными деревьями.

89. Общественныя пашни и сѣножати возникли или въ лѣсахъ, бывшихъ общимъ достояніемъ, или въ мѣстахъ, обойденныхъ при первомъ насажденіи культуры, при захватѣ и разработкѣ земель и угодій отдѣльными семьями или родами.

90. Появленіе ихъ относится къ тому моменту, когда опредѣлялась пространственная граница экономической культуры села, и когда для отдѣльныхъ семей и родовъ являлась надобность обратиться къ разработкѣ незанятыхъ земель и угодій внутри этой границы.

91. Такой процессъ совершался не только въ давнопрошедшія времена, но и въ изучаемое время, потому что экономическая культура и въ изучаемое время не переставала расширяться, не переставала захватывать дѣвственныя пущи и степи.

92. Такимъ образомъ, и общинное владѣніе селъ нѣкоторыми семьями и угодьями не было остаткомъ общиннаго владѣнія всѣми землями и угодьями, существовавшаго будто бы въ отдаленныя времена, но простымъ результатомъ развитія экономической культуры и тягло-поданной исторіи селъ.

93. Такимъ же образомъ могли возникнуть общественныя земли и угодья цѣлыхъ волостей.

94. Солидарность крестьянъ волости въ отношеніи повинностей могла установиться и при частномъ крестьянскомъ землевладѣніи и не есть слѣдъ общеволостныхъ правъ въ отношеніяхъ имущественныхъ, вопреки утвержденью г. Владимірскаго-Буданова.

95. По крайней мѣрѣ, въ изучаемое время въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, плативших дань общею суммою, по раскладкѣ на наличныхъ членовъ волости всей дани, приходившейся съ выбылыхъ и голтяевъ, господствовало частное землевладѣніе крестьянскихъ семей, родовъ и товариществъ.

96. Солидарность крестьянъ волости въ отношеніи повинностей, по всѣмъ даннымъ, есть результатъ политической исторіи крестьянства, а не исторіи землевладѣнія.

97. Эта солидарность въ изучаемое время сохранялась всего болѣе въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, гдѣ мало развито было дворцовое хозяйство.

98. Крестьянство (и мѣщанство) этихъ волостей тяготилось, однако, солидарностью въ платежѣ дани, и правительство сдѣлало ему облегченіе, освободивъ отъ платежа дани съ пустовщинъ, лежавшихъ далеко отъ селеній и мало разбиравшихся въ пользованіе.

99. Въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, гдѣ развилось дворцовое княжеское и потомъ господарское хозяйство, и гдѣ по волостямъ постоянно находились дворцовые урядники, крестьяне сообща, по раскладкѣ на наличныхъ членовъ волости, несли немного повинностей. Таковы были подводная повинность, стація господарю, его посламъ и гонцамъ, городовыя и мостовыя работы и нѣкоторыя другія повинности.

100. Вмѣстѣ съ дворцовымъ княжескимъ и потомъ господарскимъ хозяйствомъ долженъ былъ вырости правительственный обычай имѣть дѣло не съ волостью, а съ отдѣльными крестьянскими службами, или тяглами: дворцовое хозяйство привлекало къ своимъ работамъ крестьянскія силы не по цѣлымъ волостямъ, а по селамъ и деревнямъ, выдѣляло изъ массы крестьянства многочисленныя спеціальныя службы для удовлетворенія своихъ особыхъ потребностей или же пользовалось въ этихъ цѣляхъ существовавшими уже въ крестьянствѣ ремесленными людьми, выдѣляя ихъ опять таки изъ общей массы крестьянства въ особыя службы.

101. Такое же дѣйствіе оказывала и развивавшаяся параллельно съ тѣмъ раздача земель съ жившими на нихъ крестьянами, съ ихъ службами и податьми, во владѣніе частнымъ лицамъ.

102. Съ утвержденьемъ правительственнаго обычая имѣть дѣло не съ цѣлыми волостями, а съ отдѣльными службами, или таглами, возникло и прикрѣпленье крестьянъ къ землѣ.

103. Это прикрѣпленье не коснулось, однако, высшаго слоя земледѣльческаго населенія—„слугъ“ и нѣкоторыхъ разрядовъ „ремесленныхъ“ людей, отправлявшихъ военную службу и представлявшихъ классъ полугородской и полусельскій.

104. Въ отношеніи ихъ и въ изучаемое время сохранялась старинная традиція, разсматривавшая ихъ, какъ людей „вольныхъ похожихъ“.

105. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ господарскихъ волостяхъ не было, однако, безусловнымъ, а носило обязательственный характеръ: крестьяне были прикрѣплены къ землѣ настолько, насколько пребываніемъ своимъ обусловливали исправность лежавшей на землѣ службы.

106. Вслѣдствіе этого отъ класса людей „непохожихъ“ отдѣлялись постоянно люди „вольные похожіе“. Это были крестьяне, продавшіе свои земли съ разрѣшенья господаря другимъ, которые принимали на себя и ихъ обязательства, или выпущенные на волю своими родичами и потужниками, которые брались полнить за нихъ службу.

107. Обработанная и годная для культуры земля съ угодьями обладала въ то время такою цѣнностью, что такіе случаи были возможны, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и акты изучаемаго времени.

108. Но и помимо этого, въ силу экономическихъ причинъ, прикрѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ, не могло быть строгимъ.

109. Прикрѣпленные de jure къ землѣ крестьяне, обѣднѣвъ и не будучи въ состояніи служить службу господарю, покидали свои отчины, расходились по людямъ кормиться или отработывать свой долгъ, или же присаживаться къ кому-нибудь въ долю.

110. Таковы были наймиты, закупы, люди въ пенязѣхъ, дольнички и потужники.

111. Правительство рѣдко возвращало ушедшихъ крестьянъ на ихъ отчины въ надеждѣ, что они со временемъ вернутся на покинутыя земли, и за невозможностью поднимать ихъ экономически.

112. Такая политика находила себѣ поддержку и въ стремленіяхъ самого крестьянства возвращаться на покинутыя отчины и вообще удерживать ихъ въ своемъ владѣніи.

113. Средствомъ для этого была также продажа и запродажа (сдача на аренду) крестьянами своихъ земель и угодій по частямъ.

114. Правительство разрѣшало эти сдѣлки въ надеждѣ, что они помогутъ крестьянамъ вывернуться изъ нужды и исправно отбывать свою службу.

115. Обѣднѣвшіе и обезсилѣвшіе крестьяне съ разрѣшенія правительства продавали и цѣликомъ свои отчины.

116. Продажа и запродажа крестьянами земель и угодій не можетъ служить доказательствомъ, что землевладѣльческое право крестьянъ было то же, что у другихъ сословій, что утверждаетъ г. Новицкій.

117. Эта продажа и запродажа совершалась подъ контролемъ и разрѣшеніемъ правительства и столько же въ интересахъ послѣдняго, сколько въ интересахъ самихъ продавцовъ.

118. Крестьянское землевладѣніе не было обставлено такими гарантіями, какъ шляхетское-боярское и мѣщанское, и господарь могъ отбирать земли у крестьянъ, когда ему было угодно, чего не могъ онъ дѣлать въ отношеніи бояръ-шляхты и мѣщанъ.

119. Землевладѣльческія права крестьянъ существовали не въ ихъ отношеніи къ господарю, а въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ землевладѣльцамъ другихъ сословій.

120. Крестьяне, долгое время не возвращавшіеся на свои отчины, въ силу давности и вслѣдствіе того, что отчины ихъ тѣмъ временемъ могли быть осажены прихожими людьми, становились вольными похожими.

121. Обязательственный характеръ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ въ господарскихъ волостяхъ, стремленіе крестьянства къ удержанію своихъ отчинъ, сильныя ограниченія прикрѣпленія со стороны экономическихъ факторовъ даютъ право предполагать, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ de jure должно было легко и незамѣтно установиться, на почвѣ административной практики, ибо это прикрѣпленіе не производило, въ особенности на первыхъ порахъ, рѣзкихъ измѣненій въ быту и положеніи крестьянства.

122. Сообразно съ этимъ, и общеземскій привилей 1457 года не былъ первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостнаго права на Руси Литовской,—вопреки утвержденью г. Иловайскаго,—ибо онъ предполагаетъ уже существованіе людей извѣчныхъ селянитыхъ, или непохожихъ.

123. За вышеупомянутыми исключеніями, непохожими людьми стали признаваться всѣ крестьяне „отчичи“, т. е. получившіе землю по наслѣдству отъ отцовъ, и люди „засѣдѣлые“, пробывшіе на сво-

ихъ земляхъ долгое время (по нѣкоторымъ даннымъ, свыше десяти лѣтъ).

124. Такое утвержденіе права на крестьянскій трудъ въ силу давности не было единичнымъ фактомъ, но однимъ изъ частныхъ проявленій общаго прицип̆а литовско-русскаго права, въ силу котораго давность, старина была источникомъ права.

125. Задолженность крестьянства не способствовала прикрѣпленію его въ силу давности, вопреки утвержденію г. Леонтовича: она создавала такія формы зависимыхъ отношеній крестьянъ (закупы, люди въ пѣнязѣхъ), которые исключали дѣйствіе принципа давности.

126. Сообразно съ тѣмъ характеромъ, который имѣло прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ-отчичей, ихъ происхожденье нельзя относить вмѣстѣ съ г. Антоновичемъ насчетъ челядинцевъ.

127. Для такого предположенія, кромѣ того, нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній въ источникахъ.

128. Точно также нельзя съ г. Антоновичемъ противополагать отчичей данникамъ, ибо и данники были отчичами и людьми непохожими.

129. Съ другой стороны, въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, платившихъ дань общею суммою, отчичи, которые были данниками, не были людьми непохожими.

130. Такъ продолжалось въ теченіе изучаемаго времени; вскорѣ послѣ изданья Статута 1529 года и данники Поднѣпрскихъ волостей стали людьми непохожими, такъ какъ правительство вслѣдствіе разныхъ причинъ и здѣсь принуждено было имѣть дѣло съ отдѣльными крестьянскими службами.

131. Вышеприведенными положеніями опровергается также и утвержденье г. Владимірскаго-Буданова, что будто бы „несомнѣнно громадное вліяніе нѣмецкаго права въ Литвѣ (а именно волочной системы хозяйства и строгаго отдѣленія городскихъ состояній отъ сельскихъ) на раннее и повсемѣстное прикрѣпленіе, а равно и на внутреннюю строгость этого права“. Волочная система хозяйства, какъ выше было указано, распространялась въ изучаемое время и не довольно только на Подляшьѣ, прикрѣпленіе крестьянъ было не повсемѣстное, а о внутренней строгости права въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ не можетъ быть пока и рѣчи.

132. Нѣмецко-польское право имѣло вліяніе на судьбу крестьянъ и въ изучаемое время, но только не господарскихъ, а частновладѣльческихъ, и притомъ не тѣми сторонами, на которыя указываетъ г. Владимірскій-Будановъ.

133. Его вліяніе тѣсно связано съ распространеніемъ тѣхъ шляхетскихъ правъ и привилегій, которыя г. Владимірскій-Будановъ вывелъ изъ нѣмецкаго jus ducale.

134. Эти права и привилегіи и сообщили прикрѣпленію частновладѣльческихъ крестьянъ „внутреннюю строгость“, иначе говоря — личный характеръ, такъ какъ почти совершенно порвали связь частновладѣльческихъ крестьянъ съ господаремъ.

135. Обязательства частновладѣльческихъ крестьянъ по отношенію къ господарю состояли въ подводной повинности и стаціяхъ на господаря, пословъ и гонцовъ, въ городовой и мостовой работѣ и, наконецъ, въ платежѣ серебщины и другихъ, равныхъ съ нею по значенію, податей на военныя издержки; но по отношенію ко всѣмъ этимъ повинностямъ господарь имѣлъ дѣло не съ крестьянами частновладѣльческими непосредственно, а съ ихъ владѣльцами.

136. Въ силу изъятій изъ общаго правила частновладѣльческіе крестьяне освобождались даже и отъ этихъ повинностей; впрочемъ, въ видѣ исключеній изъ общаго правила, они несли по отдѣльнымъ мѣстностямъ и разныя другія повинности въ пользу господаря, между прочимъ и по господарскому хозяйству.

137. На Руси, вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, для управленья дворцовымъ княжескимъ хозяйствомъ, для суда и управы и для сбора различныхъ княжескихъ доходовъ назначались по волостямъ большею частью „тивуны“.

138. Прототипомъ ихъ были тивуны огнищные Русской Правды.

139. Литва заимствовала эту должность у Руси, и первое время послѣ соединенья съ Русью по пригородамъ и волостямъ ея также сидѣли большею частью тивуны изъ молодыхъ и незначительныхъ княжескихъ дворянъ.

140. Но съ теченіемъ времени, когда возрасли въ числѣ и политическомъ вліяніи знатные бояре, съ конца XIV вѣка именовавшіеся панами, понадобилось сажать на мѣста тивуновъ знатныхъ лицъ, для которыхъ названіе „тивунъ“ было неподходящимъ, и которые стали именоваться намѣстниками, позже державцами.

141. Однако, въ центрахъ волостей, гдѣ было развито господарское хозяйство, и послѣ того встрѣчаемъ тивуновъ. Но это были уже тивуны, назначавшіеся намѣстниками-державцами изъ челяди дворной или мѣстныхъ крестьянъ для надзора за барщинными работами и для обереганья господарскаго добра; такіе тивуны были и въ другихъ дворахъ и дворцахъ, существовавшихъ въ данной волости или повѣтѣ.

142. Прототипомъ ихъ были тивуны сельскіе или ратайные Русской Правды.

143. Къ концу изучаемаго времени тивуны въ качествѣ самостоятельныхъ волостныхъ правителей остались только въ Жмудской землѣ.

144. Намѣстники - державцы, заступавшіе собою волостныхъ тивуновъ тамъ, гдѣ было развито господарское хозяйство, тѣмъ самымъ дѣлались главными дворцовыми приказчиками.

145. Разъ создался такой типъ намѣстника, онъ легко могъ распространяться всюду, гдѣ существовало господарское хозяйство, и значеніе дворцовыхъ приказчиковъ могли получать и намѣстники, не имѣвшіе въ качествѣ предшественниковъ тивуновъ.

146. Древній типъ намѣстника лучше всего сохранился въ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства, и крестьянское населеніе состояло изъ данниковъ.

147. Таковы были волости, раздававшіяся въ русскихъ земляхъ мѣстнымъ боярамъ въ держанье по годамъ.

148. Въ большинствѣ же волостей намѣстники вышеуказаннымъ путемъ получили значенье дворцовыхъ приказчиковъ и близко подошли въ этомъ къ польскимъ старостамъ.

149. Такое сближеніе было, слѣдовательно, результатомъ мѣстнаго историческаго процесса и не вызвано было вліяніемъ идей польскаго устройства мѣстнаго управленія.

150. Значеніе намѣстниковъ-державцевъ, какъ дворцовыхъ приказчиковъ, всего рѣзче выступаетъ по актамъ, въ собственной Литовской землѣ.

151. Въ качествѣ дворцовыхъ приказчиковъ намѣстники-державцы вели экономію и отчетность по гумнамъ и житницамъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ.

152. Учитывать намѣстниковъ-державцевъ на мѣстѣ посылались два раза въ годъ писари; общій учетъ писарямъ и намѣстникамъ-державцамъ по Виленскому и Троцкому повѣтамъ производили воеводы Виленскій и Троцкій съ подскарбіемъ земскимъ и маршалкомъ дворнымъ.

153. Извѣстный надзоръ и контроль по господарскому хозяйству въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ принадлежалъ и воеводамъ.

154. Средствомъ для контроля служили между прочимъ инвентари, составлявшіеся при отдачѣ господарскаго двора съ волостью въ держанье или „въ заставу“.

155. По содержанію господарскихъ конныхъ заводовъ и табуновъ намѣстники - державцы Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ поставлены были подъ контроль конюшихъ дворныхъ.

156. Хозяйственныя постройки и ремонтъ на господарскихъ дворахъ и дворцахъ производились по распоряженіямъ и подъ главнымъ надзоромъ намѣстниковъ-державцевъ.

157. На ихъ же обязанности было и поддержаніе земледѣльческаго и всякаго другого инвентаря на господарскихъ дворахъ.

158. Кромѣ того, на ихъ заботѣ лежало и обезпеченіе господарскаго хозяйства необходимымъ кростьянскимъ трудомъ въ формѣ тяглыхъ и спеціальныхъ служебъ.

159. Поэтому пожалованья крестьянъ изъ состава господарской волости рѣшались окончательно по заявленью намѣстниковъ-державцевъ, что пожалованье двору господарскому „не шкодно".

160. Поэтому же намѣстники-державцы отмѣняли иногда пожалованья господаря и замѣняли ихъ другими или же дѣлали докладъ господарю о томъ, что пожалованье двору господарскому шкодно.

161. При пожалованьѣ земель и угодій подъ господарскими крестьянами намѣстники-державцы давали оставшимся безъ земель крестьянамъ пустовщины въ предѣлахъ своего повѣта.

162. Крестьянамъ, у которыхъ отчины были почему-нибудь малы, намѣстники-державцы придавали земель и угодій либо изъ пустовщинъ, либо изъ пущъ, чтобы они исправно могли служить свою службу господарю.

163. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не могли справиться со всею своею землею и служить съ нея полностью службу господарю, намѣстники-державцы присаживали къ нимъ въ „дольнички" вольныхъ похожихъ людей, становившихся ихъ „потужниками".

164. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и вообще полученія наибольшаго количества доходовъ намѣстники-державцы осаживали пустовщины вольными похожими людьми или же раздавали ихъ крестьянамъ, уже имѣвшимъ отчины, на особную службу.

165. Эти крестьяне большею частью принимали на себя и тѣ обязательства, которыя прежде лежали на землѣ.

166. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другія издѣльныя повинности не требовались по условіямъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, крестьяне принимали землю на оброкѣ или „на вроцѣ".

167. Этотъ оброкъ въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства назывался чиншемъ.

168. Иногда, по требованіямъ господарскаго хозяйства или же по другимъ соображеніямъ, намѣстники-державцы раздавали пустовщины и на новую службу, не ту, которая шла прежде съ этихъ земель.

169. Но большею частью дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ службъ при раздачѣ пустовщинъ совершалась въ предѣлахъ, очерченныхъ фактами прошлаго.

170. Извѣстная „старина" въ данномъ случаѣ должна была утверждаться и сохраняться сама собою какъ въ интересахъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, требовавшаго извѣстнаго постоянства повинностей съ волости, такъ и въ интересахъ самихъ крестьянъ, на которыхъ вслѣдствіе раздачи пустовщинъ на новыя службы могли падать лишнія тягости.

171. Крестьянская „старина" въ XV и началѣ XVI вѣка уважалась литовско-русскимъ правительствомъ, которое не успѣло еще проникнуться глубоко воззрѣніемъ на крестьянина, какъ на безправнаго хлопа.

172. Намѣстники-державцы не могли измѣнять крестьянскихъ повинностей, облегчать однихъ крестьянъ и отягощать другихъ, и этимъ они должны были руководствоваться и при раздачѣ пустовщинъ.

173. Распоряженія Сигизмунда I о переводѣ на оброкъ крестьянъ тяглыхъ и спеціальныхъ служебъ, оказавшихся лишними для мѣстнаго господарскаго хозяйства, были крупною новостью въ политикѣ литовскаго правительства въ отношеніи къ крестьянству, такъ какъ ранѣе всѣ измѣненія въ сферѣ крестьянскихъ повинностей производились исподоволь и путемъ частныхъ мѣропріятій.

174. Распоряженія Сигизмунда вызваны были, вѣроятно, увеличеніемъ расходовъ скарба, которое стояло въ связи съ войнами и которое заставляло какъ можно болѣе брать съ крестьянъ и трудомъ, и податьми.

175. Быть можетъ, оказалось при этомъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между наличнымъ количествомъ тяглыхъ и спеціальныхъ крестьянскихъ служебъ и дѣйствительными потребностями господарскаго хозяйства, происшедшее отъ сокращенія сего послѣдняго или несоразмѣрнаго съ его расширеніемъ приращенія тяглыхъ и спеціальныхъ крестьянскихъ служебъ.

176. Во всякомъ случаѣ, приведеніе ихъ въ исполненіе должно было увеличить тяжесть крестьянскихъ служебъ, не переведенныхъ на оброкъ, а, быть можетъ, и переведенныхъ.

177. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и доходовъ намѣстники-державцы сводили съ частныхъ имѣній и возвращали на отчины господарскихъ непохожихъ людей.

178. По изложеннымъ выше причинамъ эта дѣятельность ихъ, однако, не получила большого развитія.

179. Гораздо большіе успѣхи имѣла дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по возвращенію крестьянъ на отчины разными льготами.

180. По работамъ, которыя производились на господарскомъ хозяйствѣ, намѣстникамъ-державцамъ принадлежало только общее руководство и надзоръ.

181. Непосредственное руководство и надзоръ принадлежали тивунамъ, которые назначались намѣстниками-державцами изъ челяди дворной или крестьянъ лучшихъ служебъ и находились по всѣмъ дворамъ и дворцамъ даннаго повѣта.

182. Эти тивуны были ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ по хозяйственно-административной дѣятельности и оберегателями господарскаго двора отъ покушеній на него всѣхъ, въ томъ числѣ и самого намѣстника-державцы.

183. Вслѣдствіе этого они обязаны были вѣдать всю наличность господарскихъ дворовъ и количество судебныхъ пошлинъ, и ихъ показанія были средствомъ для контроля самихъ намѣстниковъ-державцевъ.

184. Въ нѣкоторыхъ дворахъ помощниками намѣстниковъ-державцевъ были „понамѣстники", стоявшіе выше тивуновъ, въ другихъ „подтивуны", стоявшіе ниже.

185. На работы выгоняли крестьянъ собственныя крестьянскія власти, носившія по разнымъ мѣстностямъ Литовско-Русскаго государства разныя названія.

186. Въ собственной Литовской землѣ и Жмудской эти власти являются подъ именемъ „приставовъ волостныхъ и посельскихъ"; посельскіе пристава называются въ актахъ и „десятниками".

187. Существованіе разныхъ степеней крестьянскихъ властей, кромѣ группировки крестьянской осѣдлости, объясняется тѣмъ, что повинностями крестьяне тянули и къ центральному двору волости или повѣта и къ мѣстнымъ дворамъ и дворцамъ.

188. Въ повѣтахъ так называемой Черной Руси, слившейся въ изучаемое время съ собственною Литовскою, землею крестьянскія власти являются подъ именемъ „сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ".

189. Сотники вѣдали крестьянъ всего повѣта, сорочники отдѣльныхъ волостей, десятники — подраздѣленій волостей, называвшихся „десятками"; въ Городенскомъ повѣтѣ вмѣсто десятниковъ по актамъ являются пристава.

190. Подобныя же крестьянскія власти существовали и въ Берестейско-Подляшской области; въ собственномъ Подляшьѣ въ изучаемое время они замѣнялись войтами нѣмецко-польскаго типа.

191. Сотники и десятники существовали и въ земляхъ Кіевской и Черниговo-Сѣверской; въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Кіевской земли со временъ татарскаго владычества въ качествѣ крестьянскихъ властей существовали „атаманы".

192. Въ Смоленской землѣ волостные крестьянскіе старшины назывались „приказниками" и „путниками" (въ волостяхъ, называвшихся „путями"), а частями волостей завѣдывали десятники; въ Торопецкомъ повѣтѣ въ качествѣ волостныхъ властей были и „соцкіе", и „старецъ".

193. Въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ, состоявшихъ изъ данниковъ, волостныя власти назывались „старцами".

194. Въ качествѣ низшихъ крестьянскихъ властей по волостямъ Полоцкимъ и на Полѣсьѣ встрѣчаются десятники; въ качествѣ высшихъ, повидимому, тивуны, которые здѣсь совмѣщали значеніе низшихъ великокняжескихъ приказчиковъ и крестьянскихъ старшинъ; такъ же было, кажется, и на Волыни.

195. Крестьянскія власти въ изучаемое время назначались или самимъ господаремъ, какъ, напр., сотники въ Городенскомъ повѣтѣ, старцы въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, или главнымъ правителемъ въ области, какъ, напр., пристава по волостямъ Жмудскимъ, назначавшіеся старостою, или же намѣстниками-державцами, какъ, напр., пристава въ волостяхъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ.

196. Крестьянскія власти при отправленіи своей должности получали различные доходы, вслѣдствіе чего подобно другимъ должностнымъ лицамъ платили тому, кто ихъ назначалъ, „челобитье".

197. Сами крестьяне не выбирали своихъ должностныхъ лицъ; единственно, что можно утверждать, это—рекомендацію со стороны крестьянъ господарю или его урядникамъ, которые назначали излюбленныхъ крестьянами лицъ.

198. Тѣмъ не менѣе, крестьянскія власти выступали передъ господаремъ или его урядниками представителями крестьянъ и поборниками ихъ интересовъ всякій разъ, когда эти интересы такъ или иначе нарушались, напр., когда мѣстные урядники вводили крестьянамъ различныя „новины" и дѣлали различныя „кривды", когда отъ крестьянъ „отнимались" тѣмъ или другимъ путемъ ихъ „поплечники", несшіе одинаковыя съ ними повинности, вслѣдствіе чего остававшимся тяжелѣе было служить службу господарю и т. д.

199. Специализація крестьянскихъ службъ повела въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и къ специализаціи крестьянскихъ властей, которыя имѣли подъ собою крестьянъ только одной данной службы; таковы были, напр.,

сотники, сорочники и десятники въ повѣтахъ такъ называемой Черной Руси.

200. Но вообще крестьянскія власти имѣли подъ собою крестьянъ всѣхъ или нѣсколькихъ разрядовъ, существовавшихъ въ данномъ повѣтѣ или волости.

201. Впрочемъ, они вѣдали ихъ преимущественно въ отношеніи повинностей, бывшихъ болѣе или менѣе общими и мало, а быть можетъ, и вовсе не касались нѣкоторыхъ спеціальныхъ повинностей, которыми завѣдывали особые дворцовые урядники, напр., подконюшіе, гаевники, лѣсничіе, бобровничіе, сокольничіе, ловчіе, несшіе свои обязанности по эксплуатаціи угодій на господаря, или же слуги намѣстника-державцы, или же самъ онъ непосредственно.

202. Кромѣ выгона крестьянъ на работы, крестьянскія власти помогали намѣстникамъ державцамъ и въ сборѣ въ пользу господаря натуральныхъ и денежныхъ податей съ крестьянъ волости.

203. Эта обязанность легла на намѣстниковъ-державцевъ именно въ силу того, что въ этой должности слился древнерусскій намѣстникъ съ тивуномъ.

204. Одною изъ самыхъ распространенныхъ натуральныхъ податей было дякло, взимавшееся рожью (иногда пшеницей), овсомъ, сѣномъ, дровами и пентиниками (?) съ прибавкой куръ и яицъ; въ изучаемое время уже начался переводъ послѣднихъ статей (сѣна, дровъ, пентиниковъ, куръ и яицъ) на деньги.

205. Въ сборѣ дякла намѣстники-державцы были передаточною инстанціею между крестьянскими властями и городничимъ центральнаго замка области, куда поступало дякло на содержаніе „залоги", или гарнизона.

206. Въ военное время дякло направлялось и въ зàмки другихъ областей; если же не было надобности содержать въ зàмкахъ залоги, дякольная рожь и овесъ продавались городничими, и деньги отсылались въ скарбъ.

207. Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда резиденціею самого намѣстника-державцы былъ значительный зàмокъ, дякло не вывозилось изъ предѣловъ его повѣта.

208. Намѣстники-державцы до сдачи дякла городничему и сами городничіе расходовали дякольный хлѣбъ по господарскимъ ассигновкамъ.

209. Вмѣстѣ съ дякломъ городничіе получали съ нѣкоторыхъ волостей еще „колодину" и „глинные пенязи".

210. На ряду съ дякломъ намѣстники-державцы собирали и отсылали до господаря мезлеву яловицами, баранами, свиньями, курами и яйцами; въ отдѣльныхъ случаяхъ мезлева взималась и деньгами, а въ силу уставы 1529 года это сдѣлалось общимъ правиломъ.

211. Въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ взимались взамѣнъ дякла и мезлевы житщина и яловщина; аналогичною податью была и коневщина.

212. Къ числу натуральныхъ податей, собиравшихся намѣстниками-державцами въ пользу господаря принадлежали и дань медовая, которую они отправляли до ключей центральныхъ городовъ областей, бобровая, куничная и бѣлочья, которую они отправляли въ скарбъ, поборы солью, рыбою, углемъ, рудою, льномъ, хмелемъ, санями, рогатинами и т. д., что по большей части шло на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго господарскаго хозяйства; взамѣнъ натуры взимались и деньги по уставной цѣнѣ.

213. Намѣстники-державцы собирали и дань денежную для отсылки прямо въ скарбъ или же главному правителю области—воеводѣ.

214. Исключеніе представляли въ данномъ случаѣ только волости Поднѣпрскія, Задвинскія и нѣкоторыя другія, состоявшія изъ данниковъ.

215. За сборомъ дани въ эти и другія волости, гдѣ не было дворцоваго княжескаго хозяйства, въ старину въѣзжали данничіе.

216. При Витовтѣ Поднѣпрскимъ и Задвинскимъ волостямъ предоставлено было собирать дань чрезъ своихъ старцевъ и отсылать медовую дань до ключей центральныхъ городовъ Литовской земли (Витебской и Смоленской?), а остальную въ скарбъ.

217. Впослѣдствіи въ Поднѣпрскія и Задвинскія волости стали посылаться для взысканія недоимокъ писари.

218. Съ освобожденіемъ Поднѣпрскихъ волостей отъ въѣзда писарей намѣстникамъ-державцамъ вмѣнены въ обязанность надзоръ и контроль по сбору дани крестьянскими властями.

219. Намѣстники-державцы собирали въ пользу господаря и оброки, которые установлены были взамѣнъ разныхъ издѣльныхъ повинностей: осадное въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, платъ съ сохъ въ Жмудской землѣ, чиншъ въ западныхъ областяхъ, „врокъ“ или оброкъ“ въ восточныхъ, „сторожовщину“ и др.

220. Всѣ перечисленныя подати взимались большею частью въ опредѣленномъ, хотя и неравномъ количествѣ съ каждаго крестьянскаго участка, съ котораго шла служба господарю.

221. Исключеніе представляли волости Поднѣпрскія и Задвинскія, съ которыхъ дань шла общею суммою, и въ которыхъ на наличныхъ плательщиковъ раскладывались всѣ недоимки съ отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ.

222. Такимъ образомъ, и дѣло крестьянскихъ властей усложнялось здѣсь „разметами" этихъ недоимокъ по наличнымъ крестьянскимъ службамъ.

223. Натурою или деньгами собирали намѣстники-державцы и доходы съ различныхъ оброчныхъ статей господарскаго хозяйства: пенязи или медъ съ крестьянскихъ пустовщинъ, разбиравшихся въ пользованіе различными лицами „съ позему" (въ Жмудской землѣ эти пенязи и меды назывались „отметями"), „куницы", собиравшіяся за то же самое, „пенязи куничные и поборные", собиравшіеся за пользованіе господарскими лѣсными угодьями (въ нѣкоторыхъ повѣтахъ эти пенязи собирались особыми должностными лицами—гаевниками и лѣсничими), пенязи отъ ловленья рыбы въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ и т. д.

224. Такъ какъ оброчныя статьи господарскаго хозяйства сдавались въ аренду разнымъ лицамъ безъ различія сословій, то и крестьянскія власти едва ли помогали намѣстникамъ-державцамъ въ сборѣ этихъ доходовъ.

225. При помощи крестьянскихъ властей намѣстники-державцы собирали съ господарскихъ людей подати на военныя нужды.

226. Въ землѣ Кіевской и Подольской подать эта называлась „подымщиною", въ землѣ Волынской, Полѣсьѣ и въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли „воловщиною", въ Брянскомъ повѣтѣ „поголовщиною", въ Смоленской землѣ „посощиною".

227. Эти названія заимствованы отъ различныхъ объектовъ первоначальнаго обложенія; при разнообразіи занятій и имущественной наличности и въ одной и той же области объекты первоначальнаго обложенія были различны, такъ что на ряду съ посощиною встрѣчаемъ, напр., подымщину (въ княжествѣ Мстиславскомъ), на ряду съ подымщиной—воловщину (на Волыни, въ Кіевской землѣ, въ Берестейско-Подляшской области).

228. Съ теченіемъ времени, однако, эти подати, какъ и всѣ другія, ложились на землю, такъ что по актамъ изучаемаго времени мы встрѣчаемъ воловщину, посощину и подымщину шедшими съ крестьянскихъ земель въ опредѣленномъ количествѣ.

229. Подымщина, воловщина и посощина были постоянными

податьми и взимались сначала не только съ господарскихъ, но и частновладѣльческихъ крестьянъ.

230. Частные владѣльцы получили эти подати въ свою пользу сначала въ силу привилеевъ, дававшихся отдѣльнымъ лицамъ, а потомъ въ силу привилеевъ общихъ.

231. Въ Смоленской землѣ частные владѣльцы освобождены были отъ платежа господарю посощины съ своихъ крестьянъ въ силу земскаго привилея 1457 г., въ Подольѣ—отъ платежа подымщины въ 1507 г., въ Волынской землѣ—отъ платежа воловщины въ 1509 г., въ Кіевской землѣ—отъ платежа подымщины въ 1529 году.

232. Подати эти, по всѣмъ признакамъ, унаслѣдованы были Литовско-Русскимъ государствомъ отъ временъ подчиненія вышеупомянутыхъ областей татарамъ.

233. Въ другихъ русскихъ областяхъ Литва также, повидимому, нашла дань, платившуюся татарамъ, или серебро, а затѣмъ, взявъ эту дань въ свое распоряженіе, распространила ее подъ именемъ серебщины и на собственную Литовскую землю, и на Жмудскую.

234. Подать эта расходовалась на оборону отъ татаръ и на другія военныя издержки, равно какъ и вышеупомянутыя равнозначительныя ей подати.

235. Со времени изданія общеземскаго привилея 1457 года серебщина изъ постоянной подати превратилась во временную, которая собиралась во время войнъ съ господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ по рѣшенію господаря съ панами-радою на „вальныхъ соймахъ".

236. Количество ея опредѣлялось всякій разъ сообразно съ нуждами по особой „уставѣ".

237. Объектами обложенія были сохи воловыя и конскія; съ людей, не имѣвшихъ сохъ, но пользовавшихся землею или огородами' серебщина взималась въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ съ сохъ.

238. Изъ этого видно, что серебщина въ сущности была то же, что и воловщина, посощина, подымщина и поголовщина.

239. Поэтому та же перемѣна, которая произошла съ 1457 года въ областяхъ, платившихъ серебщину, произошла нѣсколько позднѣе и въ другихъ областяхъ: хотя господарь освободилъ частныхъ владѣльцевъ отъ платежа посощины, подымщины, воловщины, но за то они обязаны были платить теперь серебщину во время войнъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и владѣльцы въ областяхъ, издавна платившихъ серебщину.

240. Въ сборѣ серебщины съ частновладѣльческихъ крестьянъ намѣстникамъ-державцамъ помогали хоружіе; князья и паны, не служившіе военную службу подъ хоруговью повѣтовою, представляли серебщину въ скарбъ чрезъ своихъ намѣстниковъ.

241. На мѣста серебщина налагалась общею суммою, по совѣту пановъ-рады.

242. Общею суммою платили серебщину и крестьяне господарскіе и частновладѣльческіе въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, сообща съ мѣщанами, и при томъ періодически на третій годъ.

243. На мѣста общею суммою налагалась и „ордынщина", взимавшаяся едва ли не на уплату поминковъ Крымскому хану.

244. Господарскіе и частновладѣльческіе крестьяне Поднѣпрскихъ волостей платили ордынщину сообща съ мѣщанами въ тѣ года, когда не платили серебщины.

245. Намѣстники-державцы были передаточными инстанціями между мѣщанскими и крестьянскими властями и скарбомъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда серебщина и ордынщина взимались общею суммою, и принимали извѣстное участіе въ сборѣ этихъ податей.

246. Кромѣ серебщины и равнозначительныхъ ей податей, частновладѣльческіе крестьяне на ряду, а иногда и сообща съ господарскими, давали „стаціи" и подводы господарю, посламъ и гонцамъ.

247. Освобождались они отъ этихъ повинностей только въ силу частныхъ привилеевъ, пожалованныхъ господаремъ тому или другому владѣльцу.

248. Доставлять стаціи и подводы господарю, посламъ и гонцамъ было на обязанности намѣстниковъ-державцевъ.

249. Но собирались стаціи съ крестьянъ ихъ властями, которыя разметывали ихъ по волости, такъ какъ стаціи падали на волость общею суммою.

250. Эти разметы падали иногда и на крестьянъ частновладѣльческихъ, которые обязаны были помогать въ этомъ крестьянамъ господарскимъ; въ сборѣ стацій съ нихъ намѣстники-державцы, вѣроятно, должны были принимать большее участіе, чѣмъ въ сборѣ съ крестьянъ господарскихъ.

251. Отправленіе подводной повинности также вызывало „порубы" и „пометы", но большею частью не по всей волости, а только по частямъ ея, которыя держали подводы на готовѣ въ опредѣленныхъ пунктахъ по недѣлямъ.

252. Поэтому и для обозначенья подводной повинности употре-

блялось выраженіе „стеречь недѣли", и самыя части волости, сообща отправлявшія подводную повинность, назывались „недѣлями".

253. Это дѣленіе обнимало и частновладѣльческихъ крестьянъ.

254. Черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ шли господарю и поземельныя подати, собиравшіяся съ мѣщанъ ихъ мѣстскими властями или непосредственно самими намѣстниками-державцами.

255. Исключеніе представляли мѣщане Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, платившіе дань сообща съ волостными людьми: эту дань собирали съ нихъ общія власти мѣщанъ и крестьянъ—старцы (въ Торопецкомъ повѣтѣ соцкіе), которые и отправляли ее въ скарбъ и до ключей центральныхъ городовъ.

256. Кромѣ этихъ старцевъ, общими властями мѣщанъ и крестьянъ были атаманы въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли.

257. Отдѣльныя мѣсткія власти появились въ Литовско-Русскомъ государствѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ въ мѣстахъ магдебурскаго права.

258. Только старосты мѣстъ въ Смоленской землѣ и нѣкоторыхъ частяхъ ея, отдѣлившихся отъ нея подъ литовскимъ владычествомъ, были плодомъ національнаго русскаго развитія.

259. Быть можетъ, прежде такіе старосты мѣстъ существовали и въ мѣстахъ другихъ русскихъ областей великаго княжества, ведя свое происхожденіе отъ градскихъ старцевъ первоначальной лѣтописи, но въ изучаемое время старосты по актамъ встрѣчаются только въ мѣстахъ вышеупомянутыхъ.

260. Въ мѣстахъ, не получившихъ магдебурскаго права, мы либо совсѣмъ не видимъ особыхъ властей, кромѣ резидирующихъ въ нихъ господарскихъ урядниковъ и ихъ слугъ, либо встрѣчаемъ однѣ и тѣ же власти у крестьянъ и мѣщанъ.

261. Къ поземельнымъ податямъ мѣщанъ, кромѣ дани, относились: ясакъ, платившійся мѣщанами Кіевской земли, дякло и пенязи за дякломъ, которые давали мѣщане литовскихъ мѣстечекъ, подымщина въ Берестейско-Подляшской землѣ, и, наконецъ, чиншъ, который мѣщане платили деньгами и натурою съ размѣренныхъ волокъ въ той же Берестейско-Подляшской области.

262. При пожалованьѣ магдебурскаго права поземельныя подати вмѣстѣ съ другими „податками" и повинностями замѣнялись иногда общею суммою, которую должно было уплачивать мѣсто.

263. Руками намѣстниковъ-державцевъ правительство собирало часто и второстепенные косвенные налоги.

264. Таковы были мыто „мостовое“ и „перевозъ“ (мыта рѣчныя), „помѣрное бочечное (съ продававшагося на торгу зерна) и медовое“ (съ продававшагося прѣснаго меда), „вага“ или „вѣсчее“, „торговые пенязи“ (съ лавокъ), „куничное“ отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ, или „капщина“, платъ съ шинкованья вина горѣлаго.

265. Сборъ всѣхъ этихъ пошлинъ иногда сдавался въ аренду, иногда уступался въ пользу мѣстской казны при пожалованьѣ мѣстамъ магдебурскаго права.

266. Намѣстники-державцы собирали и „корчомные пенязи“ съ корчомъ, существовавшихъ въ мѣстѣ, и отсылали ихъ въ скарбъ; впрочемъ, выбирать корчомные пенязи посылался иногда и дворянинъ изъ центра.

267. Корчомныхъ пенязей не платили тѣ лица, которымъ господарь въ видѣ жалованья за службу жаловалъ право имѣть корчмы вольныя.

268. Право держать кормы въ данномъ мѣстѣ часто продавалось господаремъ частнымъ лицамъ, какъ монополія, на извѣстное число лѣтъ; въ такомъ случаѣ корчомные пенязи вносились обыкновенно самими откупщиками въ скарбъ.

269. Продажа корчомной монополіи была однимъ изъ средствъ погашенія государственныхъ долговъ.

270. Вмѣстѣ съ корчомною монополіею продавались иногда и другія регаліи, какъ, напр., воскобойни и суконныя постригальни; при пожалованьѣ мѣстамъ магдебурскаго права доходы съ нихъ обыкновенно уступались въ пользу мѣста.

271. Намѣстники-державцы ex officio не были сборщиками великихъ или старыхъ мытъ.

272. Эти мыта деньгами и товарами собирали на господаря особыя довѣренныя лица, или мытники, которымъ господарь давалъ держать мыто „въ вѣрной руцѣ“, и которые за свой трудъ собирали съ купцовъ „доходецъ“, называемый въ актахъ „обѣсткою, узвѣсткою, обѣсчимъ“.

273. Иногда, въ видѣ исключеній, господарь поручалъ собирать мыто „въ вѣрной руцѣ“ тому или другому намѣстнику-державцѣ.

274. Большею частью, однако, мыта сдавались на откупъ частнымъ лицамъ или цѣлымъ компаніямъ преимущественно изъ евреевъ, которые также назывались мытниками.

275. Сборъ мыта съ воска, главнаго предмета отпускной торговли, и съ соли, главнаго предмета привоза, производился деньгами

и товаромъ въ особыхъ „коморахъ", восковыхъ и соляныхъ, и отдѣльно отъ мыта съ другихъ товаровъ.

276. Этотъ сборъ производился „къ вѣрной руцѣ" особыми должностными лицами, которые назывались „восковничими" и „соленичими", и которые за свой трудъ также получали „обѣстку".

277. Иногда восковая и соляная коморы съ ихъ доходами сдавались на откупъ частнымъ лицамъ или компаніямъ преимущественно изъ евреевъ, иногда—„на выбиранье пенязей" восковничимъ и соленичимъ, которые переплатили по господарскимъ ассигновкамъ болѣе, чѣмъ собрали.

278. Для сбора мытъ на главныхъ дорогахъ и въ главныхъ мѣстахъ остановки купеческихъ каравановъ были устроены мытныя заставы, объѣзжать которые купцы не смѣли подъ страхомъ платежа „промыта".

279. За этимъ слѣдили слуги мытниковъ, которые въ случаѣ надобности обращались къ мѣстнымъ урядникамъ, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ, и тѣ обязаны были оказывать имъ содѣйствіе и помощь.

280. Мытники на торговыхъ дорогахъ были обыкновенно подчинены главному мытнику, находившемуся въ городѣ, гдѣ эти торговые пути сходились или пересѣкались.

281. Такая организація существовала въ изучаемое время независимо отъ судебно административнаго и военнаго дѣленія областей.

282. Подводя итогъ тому, что сказано о значеньѣ и дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ въ господарскихъ мѣстахъ, ихъ можно назвать сборщиками господарскихъ доходовъ и финансовыми агентами господаря, хотя это значенье и дѣятельность получили здѣсь меньше развитія, чѣмъ въ волостяхъ.

283. Это значенье перешло къ намѣстникамъ-державцамъ, всего вѣроятнѣе, отъ тивуновъ, которыхъ они замѣнили.

284. Въ силу этого значенья они обязаны были заботиться о полнотѣ платежныхъ силъ въ мѣстахъ, принимать мѣры къ устройству мѣстъ и замѣщенію пустыхъ мѣщанскихъ земель прибылыми людьми.

285. Эта дѣятельность должна была развиваться тѣмъ болѣе, что населеніе мѣстъ по свойству своихъ занятій было болѣе подвижное, чѣмъ въ селахъ, и de jure не было прикрѣплено къ землѣ.

286. Въ мѣстахъ съ магдебургскимъ устройствомъ мѣщанъ „осаживали" войтъ и бурмистры, дѣйствуя и какъ агенты господарскіе, и

какъ агенты мѣста, которому отъ того легче становилось выплачивать разныя подати, взимавшіяся съ мѣста общею суммою.

287. Осѣдлость въ мѣстахъ устраивалась и въ цѣляхъ военныхъ: таковы были осадные дворы, которые устраивали себѣ въ мѣстахъ, расположенныхъ около замковъ и огороженныхъ стѣнами, князья, паны, бояре и земяне на мѣщанскихъ усадьбахъ, пріобрѣтенныхъ покупкою или въ силу пожалованья господаремъ мѣщанскихъ пустовщинъ.

288. Кромѣ того, военнослужилые люди держали дворы въ мѣстахъ и на случай своихъ пріѣздовъ по дѣламъ.

289. Хозяйственный разсчетъ также заставлялъ ихъ пріобрѣтать дворы въ мѣстахъ: на подворьяхъ своихъ они держали слугъ и людей, которые занимались купечествомъ и ремесломъ и платили своимъ господарямъ „поземъ".

290. Въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности въ городахъ и мѣстахъ военнослужилые люди пользовались правительственнымъ посредничествомъ между прочимъ и намѣстниковъ-державцевъ, которые разрѣшали ихъ сдѣлки съ мѣщанами и дѣлали нужныя представленья и сообщенья господарю.

291. Возведеніе и ремонтъ укрѣпленій въ резиденціяхъ намѣстниковъ державцевъ производились по распоряженіямъ и при надзорѣ намѣстниковъ-державцевъ.

292. Укрѣпленія, равно какъ и военныя дороги, строились и ремонтировались господарскими и частновладѣльческими мѣщанами и крестьянами.

293. Укрѣпленія и дороги строились и ремонтировались обыкновенно по частямъ, по разверсткѣ между отдѣльными группами обязанныхъ къ тому мѣщанъ и крестьянъ.

294. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство отпускало деньги на наемъ вольныхъ рабочихъ рукъ для постройки или ремонта укрѣпленій и дорогъ.

295. Намѣстники-державцы расходовали при этомъ и свои деньги, за что господарь обыкновенно жаловалъ имъ какой либо изъ своихъ доходовъ или выдавалъ имъ привилей на держанье замка до живота.

296. Въ значительныхъ замкахъ, бывшихъ резиденціями намѣстниковъ-державцевъ, помощниками ихъ по постройкѣ укрѣпленій были городничіе.

297. Прототипомъ городничихъ были, очевидно, городники Русской Правды.

298. На обязанности намѣстниковъ-державцевъ была и организація „польной“ и замковой „сторожи“, каковую повинность несли мѣщане и крестьяне господарскіе и частновладѣческіе.

299. Въ окраинныхъ мѣстностяхъ на обязанности намѣстниковъ-державцевъ было и снаряженіе погони за непріятелемъ, къ чему обязаны были всѣ мужчины, способные носить оружіе.

300. На войну намѣстники - державцы выводили изъ состава крестьянства слугъ и крестьянъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ службъ, стоявшихъ и экономически, и юридически выше простыхъ мужиковъ, по ратнику съ каждой службы.

301. Кромѣ крестьянъ, на войну съ намѣстниками - державцами выходили и мѣщане со всего мѣста и „водлѣ уставы“.

302. Мѣщане, владѣвшіе земскими имѣньями внѣ мѣстской черты, независимо отъ этого отправляли военную службу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и бояре-шляхта и земяне.

303. Одинаковымъ обязанностямъ соотвѣтствовали и одинаковыя землевладѣльческія права мѣщанъ, бояръ-шляхты и земянъ.

304. То же самое справедливо и относительно служилыхъ татаръ.

305. Въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли на войну съ намѣстниками-державцами ходили и землевладѣльцы—казаки.

306. Классъ этотъ, равнозначительный слугамъ, отложился здѣсь, по нѣкоторымъ признакамъ, вокругъ татарскаго ядра, т. е. составился изъ татаръ-казаковъ, не имѣвшихъ крестьянъ и съ теченіемъ времени обрусѣвшихъ, и русскихъ зажиточныхъ крестьянъ.

307. Высшій разрядъ военно-служилыхъ людей, выходившихъ на ратное поле изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, составляли бояре и земяне.

308. Земяне существовали въ повѣтахъ Берестейско-Подляшской области, въ землѣ Волынской и на Подольѣ, въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли, а спорадически и въ другихъ повѣтахъ Литовско-Русскаго государства.

309. Названіе земянъ постепенно усвоивали и бояре, существовавшіе въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, и въ Статутѣ 1529 года названіе „земянинъ“ уже почти совершенно вытѣснило названіе „бояринъ“.

310. Изъ актовъ изучаемаго времени видно, что и въ западныхъ областяхъ названіе „земянинъ“ замѣнило собою названіе „бояринъ“, которое по старой традиціи, впрочемъ, употребляется иногда и въ актахъ изучаемаго времени.

311. Поэтому для изучаемаго времени нельзя строго различать земянъ и бояръ и утверждать вмѣстѣ съ г. Антоновичемъ, что земяне были выше бояръ, которые представляли классъ переходный отъ земянъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому.

312. Доля истины, заключающаяся въ утвержденьѣ г. Антоновича, состоитъ въ томъ, что земяне по общественному положенію были выше того низшаго слоя боярства, который не входилъ въ соозначеніе бояръ-шляхты.

313. Классъ литовско-русскихъ бояръ ко времени сближенія Литовско-Русскаго государства съ Польшею былъ довольно сложнаго общественнаго происхожденія и состава.

314. Въ составѣ боярства былъ, вопервыхъ, высшій правительственный классъ, существовавшій въ собственной Литовской и русскихъ земляхъ въ удѣльное время; со времени сближенія съ Польшею классъ этотъ получилъ въ большей части названіе пановъ.

315. Названіе бояръ удерживалъ, кромѣ того, и военнослужилый классъ, отложившійся при этомъ правительственномъ классѣ и называвшійся на Руси сѣверо-восточной дѣтьми боярскими.

316. Къ этому классу примкнули многіе изъ простонародья, которыхъ князья великій и удѣльные перевели съ крестьянскихъ служебъ на боярскую, т. е. на военную, и которые также стали называться боярами.

317. Этотъ низшій слой боярства остался внѣ шляхетства, идея котораго съ ея практическими послѣдствіями перешла въ Литовско-Русское государство изъ Польши.

318. Въ составъ бояръ-шляхты попали только тѣ, которые имѣли „клейноты", т. е. документы, свидѣтельствующіе о принадлежности ихъ предковъ къ упомянутымъ высшему и среднему разрядамъ бояръ, или вообще какимъ нибудь образомъ могли доказать благородство своего происхожденія.

319. Въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, куда приливали земяне изъ Польши, и русскіе бояре-шляхта мало по малу усвоили названіе земянъ, какъ терминъ, болѣе опредѣленнымъ образомъ выражавшій ихъ общественное положеніе.

320. Всѣ военнослужилые землевладѣльцы отправляли свою службу лично и съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ, сообразно съ размѣрами своихъ имѣній.

321. Хотя съ большаго количества земли должно было идти и больше ратниковъ на войну, но точнаго разсчета въ данномъ случаѣ не было.

93

322. Точно такъ же разнообразились въ своихъ размѣрахъ и тѣ земельные участки, съ которыхъ владѣльцы отправляли боярскую службу только лично, ибо создавались болѣе искусственно, чѣмъ крестьянскіе участки.

323. Земли, съ которыхъ шли боярскія службы, обыкновенно находились въ общемъ или раздѣльномъ владѣніи семей и родовъ, которые служили съ нихъ службу сообща.

324. Бывали случаи, что землею сообща владѣли и отправляли съ нея военную службу и люди, не состоявшіе въ родствѣ другъ съ другомъ; съ точки зрѣнія землевладѣнія они были по отношенію другъ къ другу сябрами, а съ точки зрѣнія военной службы бурсниками.

325. При королѣ Сигизмундѣ издавались сеймовыя постановленія, имѣвшія въ виду внести поправки и улучшенія въ старинную организацію отправленія военной службы съ земли.

326. Въ силу этихъ постановленій военнослужилые землевладѣльцы, имѣвшіе крестьянъ, должны были съ извѣстнаго количества крестьянскихъ службъ выставлять ратника въ полномъ вооруженіи согласно сеймовой „уставѣ".

327. Эти постановленія не разрушали, однако, стариннаго принципа службы съ земли, а имѣли въ виду въ массѣ войска создать отборный контингентъ, измѣняя его количество сообразно съ потребностями времени и экономическими силами военнослужилаго класса.

328. Всѣ землевладѣльцы, имѣвшіе крестьянъ меньше установленнаго minimum'а или же не имѣвшіе ихъ вовсе, должны были все равно отправлять военную службу „водлѣ можности своее".

329. Военная служба обязательно должна была идти со всякаго рода имѣній: съ отчинъ или дѣдинъ (прадѣдинъ), съ купленныхъ имѣній и пожалованныхъ до воли господарской, до живота и на вѣчность.

330. Съ этой стороны право владѣнія всѣми имѣньями было одинаково условнымъ, такъ какъ по закону всякій, кто переставалъ служить военную службу, терялъ свое имѣнье, каково бы у него ни было.

331. Различіе въ правѣ владѣнія перечисленными родами имѣній, вытекавшее изъ самого происхожденія ихъ, касалось времени владѣнія, а также распоряженія имѣньями.

332. Отчинами назывались имѣнья перешедшія по наслѣдству къ дѣтямъ отъ отца; если это наслѣдство шло отъ дѣда и прадѣда, отчины назывались также дѣдинами и прадѣдинами.

333. Этотъ типъ имѣній несомнѣнно существовалъ въ западной Руси еще до утвержденія въ ней литовскаго владычества; и въ са-

мой Литовской землѣ, по нѣкоторымъ даннымъ, онъ возникъ прежде, чѣмъ стало образовываться Литовско-Русское государство.

334. Обѣщанія Ягелла не отнимать у бояръ отчинныхъ имѣній, содержащіяся въ земскихъ привилеяхъ 1387 и 1413 г., не устанавливали впервые права наслѣдства отчинъ.

335. Тѣмъ не менѣе эти привилеи и послѣдующіе имѣли въ виду дать не простое формальное подтвержденье того, что существовало изстари, а нѣкоторую дѣйствительную гарантію.

336. Есть основанія думать, что князья въ прежнее время нерѣдко отбирали отчины у бояръ, такъ какъ считали боярскія земли, какъ и крестьянскія, своими.

337. Такое воззрѣніе утвердилось вмѣстѣ съ обязанностью военной службы съ боярскихъ земель, съ переводомъ многихъ крестьянъ на боярскую службу и съ раздачею княжескихъ земель съ обязанностью этой службы.

338. Даже и въ изучаемое время, послѣ дарованья литовско-русскимъ боярамъ правъ польской шляхты, господарь считалъ себя въ правѣ, не отнимая отчинъ у бояръ прямо, жаловать ихъ въ составѣ волостей князьямъ и панамъ: бояре въ такихъ случаяхъ должны были или покинуть свои отчины, или же служить новымъ панамъ.

339. Только такія имѣнья, которыя принадлежали ихъ владѣльцамъ съ полнымъ правомъ и панствомъ, составляли въ данномъ случаѣ исключеніе: господарь не считалъ себя въ правѣ передавать свои права на нихъ частнымъ лицамъ, потому что все, что онъ могъ передать изъ своихъ правъ, было de facto и de jure уже передано владѣльцамъ этихъ имѣній.

340. Въ этомъ отличіе „пановъ" отъ простыхъ бояръ, которое позволяетъ установить точный юридическій смыслъ соціальнаго термина „панъ".

341. Такое положеніе занялъ высшій правительственный слой литовско-русскаго боярства, состоявшій изъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

342. По существу дѣла появленіе землевладѣльцевъ съ полнымъ правомъ и панствомъ было ни чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ правъ удѣльныхъ и служилыхъ князей на землевладѣльцевъ, не носившихъ княжескаго титула.

343. Такое перенесеніе въ единичныхъ случаяхъ могло совершаться и независимо отъ польскаго вліянія, напр., въ силу покупки имѣній у князей или наслѣдованія имъ.

344. Кромѣ того, если вѣрить генеалогическимъ преданіямъ, нѣкоторыя панскія фамиліи прямо вели свое происхожденіе отъ князей

345. Такимъ образомъ, и контингентъ панства, и самый его типъ были даны мѣстнымъ литовско-русскимъ развитіемъ, а польское вліяніе распространило этотъ типъ и дало ему извѣстную окраску и названіе.

346. Среднему и низшему слою военнослужилаго класса польское вліяніе дало только гарантію неотъемлемости отчинныхъ имѣній при исправности военной службы, но не измѣнило самыхъ основъ владѣнія этими имѣньями, которыя de jure продолжали быть господарскою собственностью.

347. Кромѣ воззрѣнія на боярскія отчины, какъ на княжескія земли, находящіяся въ потомственномъ пользованіи бояръ съ условіемъ военной службы, къ отобранію отчинъ у бояръ даже въ изучаемое время приводило нерѣдко смѣшеніе ихъ съ имѣньями, данными до воли господарской.

348. Обычай раздачи имѣній до воли господарской въ изучаемое время примѣнялся, въ широкихъ размѣрахъ, а въ прежнее время, повидимому, еще болѣе.

349. Имѣнья, данныя до воли господарской, очень часто не отбирались у ихъ владѣльцевъ и переходили къ дѣтямъ и дальнѣйшимъ потомкамъ; при такомъ условіи и при тогдашнемъ состояніи регистратуры ихъ легко было смѣшивать съ отчинами, и наоборотъ: отчины легко было смѣшивать съ имѣньями, данными до воли господарской.

350. Великіе князья въ земскихъ привилеяхъ признавали отчинами тѣ имѣнья, которыя находились въ рукахъ даннаго владѣльца или его предковъ, по крайней мѣрѣ, при двухъ послѣднихъ господаряхъ.

351. Хотя отчинность владѣнья можно было доказывать свидѣтельскими показаніями, но владѣльцы естественно предпочитали документы и очень часто выхлопатывали подтвержденья на свои отчины отъ господаря.

352. Для отчужденья отчинъ требовалось разрѣшеніе господаря или его урядниковъ.

353. По отношенію къ имѣньямъ князей и пановъ „призволенье" было только необходимою формальностью для укрѣпленья имѣнья за новымъ владѣльцемъ и для врученія правительству свѣдѣній, съ кого впредь требовать военной службы.

354. По отношенію къ мелкимъ военнослужилымъ землевладѣльцамъ это „призволенье" имѣло болѣе дѣйствительное значеніе, такъ какъ съ отчужденіемъ имѣнья или его части могъ связываться тѣсно вопросъ объ исправности съ него военной службы.

355. Но владѣльцы лично могли отчуждать только треть своей отчины.

356. Въ этомъ ограниченіи проявлялось, однако, не право господаря на отчины, дѣлавшее вотчинное право владѣльцевъ неполнымъ, какъ думаетъ г. Владимірскій-Будановъ, а право семьи и рода.

357. Съ согласія кровныхъ родныхъ и близкихъ владѣльцы могли и цѣликомъ отчуждать свои отчины.

358. Съ другой стороны кровные и близкіе имѣли только преимущественное предъ чужеродцами право покупки двухъ третей отчины или близкости и право выкупа этихъ двухъ третей въ случаѣ продажи ихъ въ чужой родъ, которая поэтому до поры до времени носила характеръ „запродажи" или „заставы".

359. Не будучи въ состояніи купить или выкупить эти двѣ трети, кровные и ближніе теряли на нихъ право.

360. Обычай, предоставлявшій кровнымъ и близкимъ преимущественное предъ чужеродцами право покупки отчины и близкости и право выкупа, выросъ на почвѣ родоваго совладѣнія землею, которое господствовало въ западной Руси и въ быту крестьянъ, и въ быту военнослужилыхъ классовъ, и былъ выраженіемъ юридическихъ воззрѣній, порожденныхъ этимъ совладѣніемъ и обыкновенно его переживавшихъ.

361. Но если корни этого обычая надо искать въ данныхъ историческаго развитія русской общественной жизни, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что польское земское право, вліявшее на судебную практику и законодательство, въ значительной степени способствовало его укрѣпленію.

362. Тоже самое справедливо и относительно порядка наслѣдованія отчинъ, въ которомъ проявлялась таже тенденція къ удержанію ихъ въ данномъ родѣ.

363. Въ силу этой тенденціи жена не наслѣдовала бездѣтному мужу въ его отчинѣ, а имѣла право оставаться на отчинѣ мужа „на вдовьемъ стольцѣ", т. е. пожизненно или до выхода замужъ.

364 .Статутъ 1529 года въ интересахъ военной службы постановилъ, чтобы вдова по смерти бездѣтнаго мужа оставалась не на всей его отчинѣ, а только на той части, которая записана ей въ вѣнѣ, или же на третьей части, если мужъ ничего не записалъ ей въ вѣнѣ.

365. Съ точки зрѣнія maximum'а это было одно и то же, такъ какъ незадолго до изданія перваго Статута установилось, а Статутомъ 1529 года было подтверждено, правило записывать женамъ въ вѣнѣ не болѣе одной трети отчины.

366. Вдовы могли завѣщать свое вѣно кому угодно и распорядиться имъ, какъ хотѣли; Статутъ 1529 года внесъ сюда ограниченье въ томъ смыслѣ, что вдовы, просидѣвшія на вдовьемъ стольцѣ до живота, могли завѣщать кому угодно только „внесенье" свое, а не „привѣнокъ" или „оправу" мужа.

367. Кровные или близкіе мужа должны были выплатить сумму, записанную въ вѣнѣ, въ противномъ случаѣ утрачивали ту часть отчины или близкости, которая была записана въ вѣнѣ.

368. При малолѣтнихъ сыновьяхъ, которымъ умирающій отецъ не назначилъ опекуна, вдова оставалась на всей отчинѣ мужа до совершеннолѣтія дѣтей, послѣ чего садилась на вѣнѣ своемъ, т. е. на той части отчины мужа, которую онъ записалъ ей въ вѣнѣ.

369. Не выкупая у матери эту часть при жизни ея, сыновья получали ее безъ выкупа послѣ смерти (только „внесенье" матери они должны были выплатить тому, кому она его завѣщала).

370. Вдова, не имѣвшая отъ мужа вѣновной записи, получала во всемъ равную съ сыновьями часть и пользовалась ею пожизненно или до выхода замужъ, послѣ чего эта часть шла „въ дѣлъ" сыновьямъ.

371. Тенденція къ удержанію отчины въ родѣ проявлялась и въ распредѣленіи наслѣдства между сыновьями и дочерьми.

372. При братьяхъ дочери по смерти отца имѣли право только на полученіе „посага" или „выправы" деньгами, одеждами, украшеніями и вообще разною движимостью.

373. Размѣръ „посага" или „выправы" опредѣлялся обычаемъ; Статутъ 1529 года установилъ, что братья не обязаны выдавать за своими сестрами, одною или нѣсколькими, въ общей сложности болѣе того, чего стоила четвертая часть ихъ отчины.

374. Въ качествѣ посага отецъ или братья могли, но не обязаны были, давать дѣвицамъ недвижимое имѣнье, которое разсматривалось въ такомъ случаѣ, какъ ихъ отчинная дѣльница, и въ распоряженіи которымъ онѣ должны были подчиняться общимъ правиламъ объ отчинахъ.

375. Впрочемъ, воззрѣніе на отчинное имѣнье, полученное въ посагѣ, какъ на дѣльницу отчины, проявлялось во всей строгой последовательности лишь въ томъ случаѣ, если получившая такой посагъ женщина умирала бездѣтною, въ противномъ же случаѣ имѣнье отходило въ новый родъ, дѣлилось между сыновьями и дочерьми умершей поровну.

376. При неимѣніи сыновей отчину наслѣдовали и дочери.

377. Однако, право это не установилось твердо и не выяснилось настолько, насколько право сыновей.

378. Господарь иногда отдавалъ отчину кому-нибдь помимо прямыхъ наслѣдницъ съ обязанностью выдать ихъ за мужъ, такъ что дочери получали въ такомъ случаѣ лишь то, на что они имѣли право при братьяхъ.

379. Иногда имѣнье получала одна изъ сестеръ, бывшая замужемъ, съ обязанностью выдать остальныхъ замужъ.

380. Но большею частью отчинныя имѣнья дѣлились между сестрами поровну.

381. Мужья брали по жонамъ своимъ имѣнья не въ собственность себѣ, а только въ фактическое пользованіе: настоящими собственниками были ихъ жоны.

382. Въ распоряженьѣ отчинными имѣньями, женщины подчинялись общимъ предписаніямъ земскаго права относительно отчинъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, однако, что дѣти ихъ обоего пола наслѣдовали имъ въ равной долѣ.

383. Сыновья, получившіе „материзну", въ распоряженіи ею должны были слѣдовать уже вполнѣ предписаніямъ земскаго права относительно отчинъ.

384. Если у умершаго отчинника не оставалось ни дѣтей, ни кровныхъ и близкихъ одного съ нимъ рода, имѣнье его спадало на господаря, который вступалъ въ права и обязанности рода и въ свою очередь могъ передать эти права и обязанности частнымъ лицамъ.

385. Право господаря заступать мѣсто родичей въ наслѣдованіи отчинъ простиралось до того, что отчинникъ, умиравшій безъ законныхъ наслѣдниковъ, не могъ завѣщать свое имѣнье, продать его или подарить цѣликомъ чужеродцу.

386. Въ такой строгости право это едва ли было результатомъ развитія юридическаго сознанія общества въ западной Руси, а скорѣе всего логическимъ выводомъ изъ родоваго права, который подсказанъ былъ литовско-русскому правительству его матеріальнымъ интересомъ.

387. Акты изучаемаго времени сохранили множество слѣдовъ борьбы общества съ этимъ правительственнымъ воззрѣніемъ, множество примѣровъ распоряженія отчинами вопреки этому воззрѣнію.

388. Само правительство, считаясь съ воззрѣніемъ общества, на дѣлѣ не осуществляло строго своего права на выморочныя имущества, а дозволяло отчинникамъ при жизни усыновлять чужеродцевъ и передавать имъ отчины.

389. Купленныя имѣнья разсматривались, какъ эквивалентъ движимаго имущества, и въ частности денегъ, которыя они собою замѣнили; поэтому владѣльцы имѣли право свободнаго и неограниченнаго распоряженія ими.

390. Полная свобода въ правѣ распоряженія купленными имѣньями была старинною традиціею русскаго права, которая держалась одновременно и на Руси сѣверо-восточной.

391. Сдѣлки купли-продажи, равно какъ мѣна имѣньями и дареніе, хотя и совершались съ дозволенья господаря или его урядниковъ, но это дозволенье имѣло большею частью формальный характеръ.

392. Тѣмъ не менѣе, сдѣлки, состоявшіяся безъ этого дозволенья, могли быть и разрушены, какъ незаконныя.

393. Дозволенье господаря и его урядниковъ на отчужденіе имѣній давало возможность правительству слѣдить за передвиженіемъ земельной собственности и отчасти регулировать его въ интересахъ военной службы (по отношенію къ мелкимъ боярскимъ имѣньямъ), а кромѣ того, было источникомъ дохода для господаря и его урядниковъ.

394. Этимъ объясняется и обязательность этого дозволенья, которое на дѣлѣ давалось, впрочемъ, часто и заднимъ числомъ, въ формѣ подтвержденья актовъ купли-продажи, мѣны или даренія.

395. Для обозначенія имѣній, которыя давались съ обязательствомъ военной службы на неопредѣленное время, „до воли господарской", въ актахъ изучаемаго времени употребляется иногда терминъ „помѣстье"; въ XIV, а быть можетъ и въ XIII в., этотъ терминъ едва ли не былъ обычнымъ и общеупотребительнымъ.

396. Терминъ этотъ, равно какъ и тотъ, отъ котораго онъ произведенъ, — „мѣсто", въ актахъ изучаемаго времени употребляются также и для обозначенія крестьянскихъ участковъ, бывшихъ de jure своего рода даниной до воли господарской или панской ихъ владѣльцамъ.

397. Это значеніе „мѣста" и произведеннаго отъ него „помѣстья", повидимому, было первоначальнымъ.

398. Термины „мѣсто" и „помѣстье", вѣроятно, перешли въ область военнослужилаго землевладѣнія вмѣстѣ съ переводомъ крестьянъ на боярскую, т. е. на военную, службу.

399. Путемъ такого перевода создался, повидимому, и самый типъ владѣнія до воли господарской съ условіемъ военной службы; позже по этому типу устраивалось землевладѣніе и независимо отъ перевода съ крестьянской службы на военную.

400. Какъ слово, обозначавшее не только боярскую, но и мужицкую землю, терминъ „помѣстье" съ теченіемъ времени пересталъ употребляться въ приложеніи къ имѣньямъ военнослужилаго класса, какъ не подходящій для земель благородныхъ, не „простыхъ" людей, и замѣнился описательнымъ названіемъ „выслуги до воли господарской".

401. Это описательное названіе составлено по примѣру Польши, гдѣ существовалъ такой же типъ земскихъ имѣній, въ изучаемое время все болѣе и болѣе исчезавшій.

402. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ изучаемое время практиковалась въ широкихъ размѣрахъ раздача имѣній на военную службу до воли господарской.

403. Къ тому же типу владѣній подходятъ и имѣнья, дававшіяся „на поживенье" или „у хлѣбокормленье" до очищенья отчины, занятой непріятелемъ.

404. Въ хлѣбокормленіе до живота, до воли господарской и до очищенья отчины имѣнья давались не однимъ только князьямъ, вопреки утвержденью г. Владимірскаго-Буданова.

405. Эти имѣнья съ точки зрѣнія обязанности военной службы нельзя противополагать отчинамъ, какъ дѣлаетъ г. Владимірскій-Будановъ, утверждающій, что имѣнья въ хлѣбокормленіе давались за личную обязанность военной службы, тогда какъ на отчинахъ будто бы не лежало прямой обязанности службы.

406. Имѣнья, данныя до воли господарской или до живота, не рѣдко подтверждались „въ вотчину".

407. Во многихъ случаяхъ имѣнья жаловались до воли господарской лишь потому, что правительство не имѣло нужныхъ свѣдѣній объ имѣньѣ, по полученіи которыхъ подтверждало его въ вотчину.

408. Иногда имѣнья жаловались „до осмотрѣнья господарского", съ явно выраженнымъ намѣреніемъ подтвердить ихъ впослѣдствіи въ вотчину.

409. Пожалованье въ вотчину обозначало пожалованье въ вѣчное и потомственное владѣніе.

410. Для перваго владѣльца пожалованное въ вотчину имѣнье носило характеръ выслуги, благопріобрѣтеннаго имѣнья, и въ распоженіи имъ онъ не былъ стѣсненъ предписаніями земскаго права относительно отчинъ: эти предписанія имѣли силу только для его наслѣдниковъ.

411. Точно такъ же отчинами для дѣтей становились и другія благопріобрѣтенныя отцомъ имѣнья.

412. Для обозначенія пожалованья въ вотчину употреблялось и выраженье „на вѣчность".

413. Это выраженье нельзя считать, вмѣстѣ съ г. Владимірскимъ-Будановымъ, равнозначительнымъ выраженью „до живота": въ источникахъ, на которые онъ ссылается въ доказательство своего утвержденья, выраженье „вѣчно" употреблено, какъ синонимъ „непорушно", а не какъ синонимъ „до живота".

414. Въ устройствѣ военнослужилаго землевладѣнія принимали извѣстное участіе и намѣстники-державцы: центральное правительство въ своихъ пожалованьяхъ часто подтверждало лишь только распоряженья намѣстниковъ-державцевъ.

415. Особенно часто намѣстники-державцы раздавали пустовскія земли на земскую, т. е. на военную, службу.

416. При этомъ замѣтно они руководились интересами этой службы, хотя здѣсь было и широкое поле для злоупотребленій и корыстныхъ побужденій съ ихъ стороны.

417. Вслѣдствіе этого устава 1529 г. запретила намѣстникамъ-державцамъ раздавать пустыя земли до воли господарской.

418. Но и помимо этого, намѣстники-державцы участвовали въ устройствѣ военнослужилаго землевладѣнія, давая справки центральному правительству о различныхъ имѣньяхъ, которыя оно намѣревалось пожаловать, посылая ходатайство за челобитчиковъ вмѣстѣ съ справками и, наконецъ, разрѣшая различныя сдѣлки на имѣнья.

419. Отъ личной военной службы съ имѣній освобождались отдѣльныя лица въ силу особыхъ привилеевъ, полученныхъ ими.

420. Кромѣ того, за старостью или болѣзнью землевладѣльцы могли ставить вмѣсто себя сына, родственника или слугу.

421. Бездѣтные землевладѣльцы принимали къ себѣ на имѣнье чужихъ или родственниковъ „за сына мѣсто", и эти лица заступали за нихъ земскую службу.

422. Статутъ 1529 г. представилъ право и здоровымъ людямъ замѣняться сыномъ, годнымъ къ службѣ.

423. Въ тѣхъ случаяхъ, когда служилый человѣкъ владѣлъ имѣньями въ нѣсколькихъ повѣтахъ, лично онъ долженъ былъ выѣзжать на войну съ главнаго имѣнья и становиться подъ хоругвью того повѣта, въ которомъ находилось это главное имѣнье, а съ остальныхъ выправлять „почты", т. е. отряды слугъ.

424. Женщины и малолѣтніе отправляли съ своихъ имѣній „почты" (за малолѣтнихъ распоряжались опекуны).

425. Поступленіе въ духовное званье не освобождало отъ личной обязанности военной службы: отъ воли господаря зависѣло призвать или не призвать землевладѣльцевъ, принявшихъ духовный санъ, на службу; „почты" же съ своихъ имѣній они обязательно должны были выправлять.

426. Духовные, принимая земскія имѣнья „въ заставу", должны были обязательно нести съ нихъ военную службу лично.

427. Имѣнья, принадлежавшія изстари церковнымъ учрежденіямъ, не несли военной службы.

428. Но имѣнья, записанныя на церковь въ XV и началѣ XVI вѣка военнослужилыми землевладѣльцами, далеко не всѣ освобождены были отъ военной службы, и церковныя учрежденія посылали съ нихъ на службу господарскую „почты".

429. Статуть 1529 г. принялъ за общее правило, чтобы съ имѣній, записанныхъ православными и католиками на церковь, отправлялась военная служба.

430. Въ составъ „почтовъ" крупныхъ землевладѣльцевъ входили между прочимъ ихъ бояре; по актамъ бояръ встрѣчаемъ у князей, пановъ, высшихъ духовныхъ лицъ, у церковныхъ учрежденій и даже у бояръ-шляхты.

431. Этотъ классъ составился различнымъ образомъ: князья унаслѣдовали своихъ бояръ отъ удѣльнаго времени, а отъ князей въ свою очередь унаслѣдовали ихъ многіе паны; князья, паны, высшія духовныя лица и церковныя учрежденія, кромѣ того, получили бояръ вслѣдствіе пожалованія господаремъ боярскихъ земель въ составѣ имѣній; и наконецъ, крупные землевладѣльцы по примѣру господаря раздавали въ своихъ имѣньяхъ земли на боярскую службу пришлымъ людямъ, преимущественно боярскаго же званія, или же переводили на боярскую службу крестьянъ.

432. Бояре по традиціи, перешедшей отъ древней Руси, считались de jure людьми свободными и могли переходить на службу отъ господаря къ частнымъ владѣльцамъ и обратно.

433. Разросшіяся семьи и роды бояръ обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, и тѣ поступали на службу къ частнымъ владѣльцамъ и служили имъ либо „съ сукна", либо съ имѣній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное и потомственное владѣніе.

434. Такіе бояре часто не теряли своихъ отчинъ и подъ господаремъ, являясь подданными и военно-обязанными слугами двухъ владѣльцевъ.

435. Но отбывать военную службу лично они должны были непремѣнно господарю, а частнымъ владѣльцамъ—чрезъ своихъ замѣстителей; частнымъ владѣльцамъ лично они служили по управленію ихъ имѣньями.

436. Участки частновладѣльческихъ бояръ бывали иногда такъ велики, что они отправляли съ нихъ военную службу не лично только, а съ извѣстнымъ числомъ слугъ.

437. Бояре и земяне частныхъ владѣльцевъ находились приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ и бояре, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ.

438. Владѣльцы по закону не могли произвольно лишать ихъ отчинъ и выслугъ на вѣчность, какъ не могъ дѣлать этого и самъ господарь по отношенію къ своимъ боярамъ.

439. Но за то ихъ имѣнья признавались неотъемлемою принадлежностью, составными частями княжескихъ и панскихъ волостей, и раздѣляли вмѣстѣ съ ними ихъ судьбу; вслѣдствіе этого бояре обязательно должны были служить въ „почтѣ" того, къ кому переходили во владѣніе эти волости.

440. Если они не хотѣли служить, то могли уйти, покинувъ свои земли, такъ какъ лично были свободны.

441. Бояре и земяне частновладѣльческіе лишь въ томъ случаѣ могли перейти на службу къ другому владѣльцу или къ господарю съ своимъ имѣньемъ, если оно было записано имъ съ правомъ служить, кому хотятъ.

442. Такія имѣнья выходили уже совершенно изъ состава данной княжеской или панской волости и становились такою же свободною собственностью, какъ и то цѣлое, часть котораго они прежде составляли, и которое владѣльцы держали съ полнымъ правомъ и панствомъ.

443. Разумѣется и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, какъ и вообще съ княжескихъ и панскихъ, но эти имѣнья не считались „подъ господаремъ", и господарь не могъ de jure отдать ихъ владѣльцевъ снова въ частное подданство.

444. Такимъ путемъ создавался классъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, занимавшій среднее мѣсто между панами и господарскими боярами.

445. Эти землевладѣльцы сплошь и рядомъ съ своими имѣньями записывались на службу къ господарю или частнымъ владѣльцамъ.

446. Побужденіемъ было желаніе ихъ увеличить свои имѣнья придачею со стороны тѣхъ, къ кому они записывались на службу; къ

этому могли склонять и притѣсненія, чинившіяся имъ могущественными и вліятельными сосѣдями.

447. На имѣнья, съ которыми владѣльцы били челомъ на службу господарю, князьямъ и панамъ, господарь, князья и паны пріобрѣтали такія же права, какъ и на имѣнья своихъ собственныхъ бояръ и земянъ.

448. Бояре, державшіе имѣнья подъ господаремъ, не могли записываться съ ними на службу къ частнымъ владѣльцамъ, и служба, которую они несли непосредственно господарю, не отожествлялась и не приравнивалась службѣ, которую они могли нести въ „почтѣ" князя или пана.

449. Кромѣ бояръ, въ составѣ частновладѣльческихъ „почтовъ" выходили на войну и слуги разныхъ наименованій.

450. Происхожденіе частновладѣльческихъ слугъ было-то же самое, что и происхожденіе бояръ.

451. Изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ выправлялись на войну и военнообязанные крестьяне, какъ и изъ господарскихъ волостей.

452. Бояре, земяне и слуги господарскіе и частновладѣльческіе, обязанные отправлять военную службу не лично только, а съ „почтомъ", также выводили на войну своихъ крестьянъ.

453. Мелкими землевладѣльцами изъ князей и пановъ, которые держали свои имѣнья въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, боярами и земянами предводительствовали особые хоружіе.

454. Должность хоружихъ появилась на Руси Литовской едва ли не вмѣстѣ съ польскою идеею шляхетства, которая рѣзко обособляла боярина и земянина отъ простого человѣка.

455. Впрочемъ, происхожденіе этой должности можно объяснить и инымъ образомъ, именно тѣмъ, что по волостямъ, гдѣ развивалось военнослужилое землевладѣніе, въ качествѣ правителей долгое время находились лица, не облеченныя военною властью и командованіемъ, именно тивуны; вслѣдствіе этого и возникла надобность создать особыхъ должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ было выводить военнослужилыхъ людей на ратное поле или въ сборный пунктъ.

456. Хоружіе слѣдили за исправностью и полнотою военной службы, что бы никто изъ бояръ, земянъ и другихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ подъ ихъ хоруговью, не оставался дома и служилъ сообразно съ величиною своего имѣнья; въ этомъ случаѣ они дѣйствовали, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ.

457. Кромѣ того, „подъ свѣдомомъ" намѣстниковъ-державцевъ хоружіе выбирали серебщину съ людей боярскихъ, дворянскихъ, вдо-

выхъ и татарскихъ. Отвѣтственны за все это были въ равной мѣрѣ какъ хоружіе, такъ намѣстники-державцы.

458. Всѣ военнослужилые землевладѣльцы на свой счетъ снаряжались на войну и содержали себя и свои „почты" „своими наклады".

459. Господарь давалъ иногда только „вспоможенье", но эти раздачи не были введены въ систему; чаще всего получали жалованье лица, близко стоявшія къ двору или имѣвшія протекцію.

460. Кромѣ того, господарь на постоянномъ жалованьѣ содержалъ безземельныхъ дворянъ, которые выполняли различныя порученія при дворѣ, а также ѣздили и на войну.

461. Въ своемъ присудѣ намѣстники-державцы имѣли господарскихъ крестьянъ, мѣщанъ, не состоявшихъ въ правѣ магдебурскомъ, и всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, имѣнья которыхъ находились въ ихъ повѣтахъ.

462. Только тѣ державцы, которые переименованы были изъ тивуновъ, не имѣли права судить шляхту-бояръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тяжущіеся добровольно становились предъ ними; то же самое справедливо, конечно, и относительно самихъ тивуновъ.

463. Отдѣльныя лица, въ особенности князья и паны, получали изъятія отъ суда намѣстниковъ-державцевъ и право судиться только господаремъ.

464. Отъ суда намѣстниковъ-державцевъ освобождались обыкновенно откупщики мыта, корчомъ и другихъ господарскихъ доходныхъ статей во избѣжаніе притѣсненій со стороны мѣстныхъ правителей.

465. Крестьяне, мѣщане и даже бояре частныхъ владѣльцевъ въ изучаемое время находились въ присудѣ сихъ послѣднихъ.

466. Ранѣе другихъ владѣльцевъ, даже ранѣе литовскаго владычества, право это пріобрѣла православная церковь.

467. Учрежденія католической церкви пользовались этимъ правомъ съ самаго начала распространенія католицизма на Литвѣ.

468. До сближенія Литвы съ Польшею, вѣроятно, и отдѣльныя лица изъ бояръ получали право суда надъ людьми, жившими въ ихъ имѣньяхъ, подобно тому, какъ это было и на Руси сѣверо-восточной; служилые князья въ силу своего званія пользовались правомъ вотчиннаго суда.

469. На всѣхъ землевладѣльцевъ Литовско-Русскаго государства эта привилегія распространилась вмѣстѣ съ дарованіемъ имъ правъ польской шляхты.

470. Ранѣе другихъ получили право вотчиннаго суда паны и бояре Литовской земли, принявшіе католицизмъ; привилей 1457 года

сравнялъ съ ними въ этомъ отношеніи пановъ, бояръ и даже мѣщанъ-землевладѣльцевъ русскихъ областей.

471. По иску господарскихъ крестьянъ, мѣщанъ и бояръ на крестьянахъ, мѣщанахъ и боярахъ частнаго владѣльца судъ производилъ послѣдній, но вчинался искъ обыкновенно предъ господарскимъ урядникомъ (намѣстникомъ), который обсылалъ затѣмъ владѣльца съ требованіемъ дать судъ и управу и посылалъ своего вижа или судью для присутствованія на судѣ владѣльца.

472. Если владѣлецъ, несмотря на требованіе господарскаго урядника (по Статуту 1529 года, вторичное), не давалъ суда и управы, тогда можно было просить на него дѣцкаго у господаря или пановъ рады, или у воеводы.

473. Вызванный чрезъ дѣцкаго долженъ былъ, заплативъ дѣцкованье, лично отвѣчать по дѣлу своихъ подданныхъ или поставить ихъ самихъ предъ судомъ.

474. Судъ этотъ до 1529 года производился, повидимому, мѣстными господарскими урядниками, въ присудѣ которыхъ частные владѣльцы были лично, или же господаремъ и панами-радою.

475. По Статуту 1529 года этотъ судъ долженъ былъ производиться на первомъ сеймѣ, который назначитъ господарь или паны-рада для всей земли; еслибы позванный не явился и на этотъ судъ, онъ долженъ былъ стать предъ судебною коммиссіею изъ пановъ-рады, которой опредѣлено было съѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ.

476. Въ тѣхъ случаяхъ, когда начиналась тяжба между подданными разныхъ владѣльцевъ, князей, пановъ, бояръ или духовныхъ, судъ долженъ былъ производить также „господарь" или панъ, отвѣтчика, котораго обсылалъ съ требованіемъ дать судъ и управу „господарь", или панъ, истца, посылавшій на судъ и своего представителя; „господарь", или панъ, истца могъ и лично быть на этомъ судѣ.

477. Если „господарь", или панъ, отвѣтчика не давалъ суда, тогда дѣло шло тѣмъ же порядкомъ, какъ и при искахъ господарскихъ подданныхъ на подданныхъ частнаго владѣльца.

478. Владѣльцы, однако, не судили своихъ подданныхъ по дѣламъ о разбоѣ съ поличнымъ, „кгвалтѣ", поджогѣ, изнасилованіи женщинъ и, кромѣ того, о шляхетской ранѣ.

479. Исключеніе, повидимому, представляли лишь удѣльные князья и равнозначительные имъ владѣльцы, не состоявшіе въ присудѣ господарскихъ урядниковъ.

480. Изъятіе изъ вотчинной юрисдикціи уголовныхъ дѣлъ первостепеннаго общественнаго интереса подсказывалось самою жизнью и

не можетъ быть всецѣло отнесено на счетъ вліянія польскаго права, которое могло сказаться только на подробностяхъ, на опредѣленіи круга дѣлъ, изъятыхъ изъ вотчинной юрисдикціи.

481. Дѣла, изъятыя изъ вотчинной юрисдикціи, разбирались мѣстными правителями, въ томъ числѣ и намѣстниками-державцами.

482. Кромѣ подданныхъ частныхъ владѣльцевъ, намѣстники-державцы не судили и господарскихъ мѣщанъ, состоявшихъ подъ магдебурскимъ правомъ и судившихся своимъ мѣстскимъ судомъ, за исключеніемъ, однако, перечисленныхъ выше уголовныхъ дѣлъ.

483. Намѣстники-державцы присутствовали на мѣстскомъ судѣ или посылали своихъ представителей на этотъ судъ, когда разбирались дѣла по искамъ на мѣщанахъ со стороны господарскихъ волостныхъ людей, и на оборотъ: на судѣ намѣстниковъ-державцевъ присутствовали войты, когда разбирались дѣла по искамъ па господарскихъ волостныхъ людяхъ со стороны мѣщанъ, состоявшихъ въ правѣ магдебурскомъ.

484. На Подляшьѣ мѣстные господарскіе урядники не судили князей, пановъ и земянъ, за исключеніемъ опять таки перечисленныхъ выше уголовныхъ дѣлъ; по всѣмъ остальнымъ дѣламъ князья, паны и земяне лично судились въ земскихъ судахъ.

485. Эти суды слагались изъ судьи, подсудка и писаря, назначаемыхъ господаремъ по выбору и представленію мѣстной шляхты, а иногда и помимо этого.

486. Земельные тяжбы на Подляшьѣ разбирались намѣстниками-старостами сообща съ судьею и подсудкомъ,—такъ что намѣстники-старосты въ этихъ случаяхъ были предсѣдателями земскихъ судовъ.

487. Въ предѣлахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, намѣстники-державцы чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи закономъ почти не была ограничена.

488. Она ограничивалась главнымъ образомъ фактически, желаніемъ тяжущихся, которымъ предоставлено было въ великихъ дѣлахъ отзываться отъ суда мѣстныхъ правителей до господаря, т. е. переносить дѣло на его судъ.

489. Къ этимъ великимъ дѣламъ относились: насильственный захватъ имѣнья, нападеніе на домъ, или „кгвалтъ" домовый, безправный „грабежъ", убійство, тяжба объ отчинномъ имѣньѣ, о шляхетской чести и нѣкоторыя другія.

490. Для разбирательства всѣхъ этихъ дѣлъ, восходившихъ до господаря отъ суда мѣстныхъ правителей, въ 1529 году была учре-

ждена судебная коммисія изъ пановъ радныхъ, которая должна была съѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ и рѣшать дѣла безапелляціонно, какъ и самъ господарь.

491. Стороны имѣли право отзываться до господаря, „не вступуя въ право“, т. е. не принимая окончательнаго доказательства, коимъ рѣшалось дѣло.

492. Но всѣ перечисленныя „великія“ дѣла могли разбираться и рѣшаться намѣстниками-державцами, буде стороны не заявляли желанья судиться у господаря; намѣстники-державцы, какъ и другіе мѣстные правители, не имѣли права постановлять только такія рѣшенія, которыми рѣшался вопросъ о чьемъ либо шляхетствѣ, такъ какъ нобилитація была исключительнымъ правомъ господаря: такія дѣла они должны были переносить на окончательное рѣшеніе господаря.

493. Мѣстные правители въ силу привилеевъ, пожалованныхъ нѣкоторымъ землямъ, не могли приводить въ исполненіе своихъ рѣшеній по важнымъ уголовнымъ дѣламъ безъ указа на этотъ счетъ отъ господаря.

494. При строго-формальномъ характерѣ судопроизводства судъ господарскихъ урядниковъ былъ обыкновенно окончательнымъ; потерпѣвшій отъ неправаго суда долженъ былъ вѣдаться съ судьею и на немъ искать своихъ убытковъ.

495. На намѣстниковъ-державцевъ можно было въ такихъ случаяхъ жаловаться воеводѣ того повѣта, въ которомъ находились ихъ державы, и воевода долженъ былъ дать на нихъ судъ и управу.

496. Такой порядокъ, однако, уже не удовлетворялъ юридическаго сознанія ни общества, ни правительства, все болѣе и болѣе подвергался ограниченіямъ и вырождался въ порядокъ апелляціонно-кассаціонный: въ актахъ находится не мало примѣровъ того, что и частныя лица обращались къ суду господарскому съ исками противъ лицъ, уже оправданныхъ судомъ мѣстныхъ правителей, и господарь не довольствовался этимъ судомъ, но считалъ нужнымъ произвести новыя разслѣдованія, а въ судѣ дѣлалъ измѣненія и дополненія, не дѣлая судей отвѣтственными за нѣкоторыя упущенія.

497. Поэтому установленіе апелляціи по Статуту 1566 года не было кореннымъ нововведеніемъ, а только законодательною формулировкою того, что издавна подготовлялось и уже дѣйствовало въ судебной практикѣ.

498. Въ земельныхъ тяжбахъ господарь поручалъ иногда намѣстникамъ-державцамъ собирать на мѣстѣ данныя, по которымъ онъ постановлялъ свое рѣшеніе.

499. Но чаще всего данныя по земельнымъ тяжбамъ собирали на мѣстѣ особые „ѣздоки“, которыхъ либо господарь самъ отъ себя посылалъ съ этою цѣлью, либо брали у него тяжущіеся, каждый съ своей стороны.

500. Ѣздоки посылались въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло исключительно о землѣ и могло быть рѣшено господаремъ заглазно, на основаніи документовъ на владѣніе и протоколовъ опроса мѣстныхъ жителей.

501. Если земельныя тяжбы осложнялись или грозили осложниться взаимными исками сторонъ „о бояхъ, наѣздкахъ, кгвалтахъ, головщинахъ и татьбахъ“ и поэтому требовали присутствія на мѣстѣ слѣдствія самого судьи, господарь обыкновенно либо отъ себя посылалъ судей („комисарей“) съ полномочіемъ изрекать приговоръ на мѣстѣ, либо давалъ таковыхъ судей („пропоныхъ, полюбовныхъ“) тяжущимся, каждому съ его стороны.

502. Иногда полюбовные судьи брались и не у господаря, но приводились тяжущимися „на рокъ“ по взаимному уговору, и судъ ихъ имѣлъ такую же обязательную силу, какъ и судъ судей, взятыхъ „въ рамени господарского“.

503. Отъ суда полюбовныхъ судей дѣла могли восходить на судъ господаря и пановъ рады либо по желанію тяжущихся, либо по желанію самихъ судей, затруднявшихся найти и приложить законъ къ данному случаю.

504. Господарь съ панами радою часто въ такихъ случаяхъ, не принимая дѣла на свое разбирательство, давали судьямъ необходимыя частныя разъясненія, такъ что въ одномъ судопроизводствѣ сливалась дѣятельность и высшаго, и низшихъ судовъ.

505. Благодаря такому сліянію высшаго суда съ низшимъ и благодаря также неопредѣленности компетенціи судей, чинившихъ судъ на мѣстѣ, не всегда по актамъ можно различать ѣздоковъ отъ судей, какъ смѣшиваются они и въ самомъ Статутѣ.

506. Ѣздоки и судьи для разбирательства дѣлъ на мѣстѣ брались тяжущимися не только отъ господаря, но и отъ мѣстныхъ правителей, въ томъ числѣ и отъ намѣстниковъ-державцевъ.

507. Обращеніе къ суду полюбовныхъ судей было очень распространено на Руси Литовской въ изучаемое время и должно было значительно уменьшать количественно судебную дѣятельность господаря, пановъ-рады и мѣстныхъ правителей.

508. Такъ какъ при разбирательствѣ на мѣстѣ земельныхъ тяжбъ и различныхъ столкновеній тяжущимся приходилось „вести копу“,

т. е. представляетъ для опроса окольныхъ жителей, то и суды эти называются иногда „копными“.

509. Возникновеніе такого названія объясняется тѣмъ что судебное слѣдствіе въ старину не раздѣлялось строго отъ суда, считалось самимъ судомъ, такъ какъ рѣшало дѣло.

510. Этой особенности древняго права въ извѣстной степени обязаны были своимъ происхожденіемъ и копные суды, отправлявшіеся безъ участія судей, взятыхъ сторонами у господаря или мѣстнаго урядника или приведенныхъ по взаимному уговору.

511. Эти суды отправлялись въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшіе отъ преступленья собирали окольныхъ жителей искать межъ себя преступника, „на сокъ“.

512. На сокъ обязаны были выходить всѣ жители данной копной „околицы“, и никто не смѣлъ уклоняться отъ этой повинности подъ страхомъ быть обвиненнымъ въ преступленіи.

513. Такъ какъ нахожденіе преступника по различнымъ признакамъ уже рѣшало дѣло, и „вырокъ“ судьи былъ простою формальностью, такъ какъ, съ другой стороны, при отысканіи преступника копѣ приходилось выслушивать и оцѣнивать доказательства виновности и невиновности, то и копный розыскъ естественно превращался въ судъ.

514. Копные суды въ этомъ видѣ были ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ (а быть можетъ, и простымъ продолженіемъ) той дѣятельности, которая въ старину происходила въ „вервяхъ“.

515. Эти суды возникли на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей отсюда власти надъ ними.

516. Эта круговая отвѣтственность и власть, ведшія начало изъ глубокой старины, оказались наиболѣе крѣпкими связями, которыя продолжали соединять жителей въ мѣстныя общества послѣ того, какъ другія связи были между ними порваны, послѣ того какъ они сдѣлались подданными разныхъ „господарей“, вступили въ новыя общества по несенію повинностей и по судебно-административному подчиненію.

517. Границы копныхъ околицъ не совпадали съ предѣлами волостей и извѣстныхъ намъ подраздѣленій волостей или, по крайней мѣрѣ, не всегда совпадали; въ копныхъ околицахъ заключались сплошь и рядомъ села разныхъ владѣльцевъ.

518. Судя по тому, что и названіе „вервь“ имѣетъ спеціальное значеніе и не употребляется для обозначенія мѣстныхъ обществъ въ широкомъ смыслѣ, подобно названію „волость“, можно думать, что и

„верви" Русской Правды были дѣленіемъ, которое не совпадало съ волостнымъ.

519. Верви были, повидимому, первымъ общественнымъ сцѣпленіемъ, которое вышло изъ узкихъ рамокъ кровнаго союза.

520. Послѣ нихъ образовывались болѣе крупные общественные союзы — волости, княженія и земли, поглощавшія по нѣскольку и по многу вервей, но жизнь въ этихъ послѣднихъ не прекращалась: онѣ остались въ качествѣ мѣстныхъ обществъ, связанныхъ круговою отвѣтственностью за преступленіе, совершенное въ ихъ предѣлахъ, съ властью разыскивать преступника и произносить приговоръ о виновности своего сочлена.

521. Это учрежденіе оказалось настолько жизненнымъ, что оно не только дожило до изучаемаго времени въ видѣ копныхъ судовъ, но продолжало существовать долгое время и послѣ и даже искусственно насаждено было тамъ, гдѣ его не было.

522. Копы собирались и производили суды даже по нѣкоторымъ гражданскимъ правонарушеніямъ, которыя случались между сосѣдями, напр., по дѣламъ о потравѣ.

523. Такіе копные суды были особымъ видомъ полюбовнаго разбирательства, признаннымъ по закону, впрочемъ, обязательнымъ.

524. По составу своему такія копы, вѣроятно, были однородны съ тѣми, которыя собирались съ тяжущимися, когда ихъ споръ разбирали полюбовные судьи, т. е. состояли изъ ближайшихъ къ мѣсту правонарушенія жителей.

525. Эти жители собирались собственно для освидѣтельствованія правонарушенія и его размѣровъ и для оцѣнки убытковъ потерпѣвшаго; такъ какъ все это рѣшало дѣло, то особое судебное разбирательство признано было излишнимъ, и копы, такимъ образомъ, выполняли судебную функцію.

526. Несмотря на то, что благодаря обращенію тяжущихся къ суду господаря, полюбовныхъ судей и копному масса дѣлъ отвлекалась отъ разбирательства намѣстниковъ - державцевъ, послѣдніе лично не справлялись со всею работою, которую задавала имъ ихъ судебная обязанность.

527. Князья и паны, бывшіе намѣстниками - державцами, постоянно отвлекались какъ своими собственными дѣлами, по имѣньямъ въ которыхъ они были „господарями", такъ и „справами господарскими и земскими", такъ какъ они были придворными урядниками, членами рады великаго князя и, кромѣ того, часто намѣстниками-державцами въ другихъ повѣтахъ.

528. Поэтому они поручали отъ себя чинить судъ и управу въ своихъ державахъ своимъ намѣстникамъ и маршалкамъ.

529. Статутъ 1529 года опредѣлилъ, что бы державцы выбирали двухъ земянъ въ своемъ повѣтѣ для производства суда вмѣстѣ съ намѣстниками державцевъ въ ихъ отсутствіе.

530. Учрежденіе этихъ „присяжныхъ земянъ", повидимому, имѣло въ виду интересы военнослужилаго класса и можетъ быть разсматриваемо, какъ прелюдія къ учрежденію шляхетскихъ земскихъ судовъ во всемъ государствѣ.

531. Но и прежде суды намѣстниковъ-державцевъ, какъ и всѣхъ вообще мѣстныхъ правителей, отправлялись обязательно въ присутствіи лицъ изъ мѣстнаго общества. Статутъ 1529 года сдѣлалъ изъ судебныхъ ассистентовъ постоянную должность, далъ имъ больше участія въ судѣ и сообщилъ имъ сословный характеръ.

532. Послѣднее, впрочемъ, замѣчается уже и въ земскихъ грамотахъ, данныхъ землѣ Волынской: старосты въ силу этихъ грамотъ обязательно должны были сажать съ собою князей, пановъ и земянъ при разбирательствѣ дѣлъ, касающихся кого либо изъ ихъ сословій.

533. Намѣстники намѣстниковъ - державцевъ выходили обыкновенно изъ среды ихъ слугъ, большею частью—бояръ, и были такими же уполномоченными лицами, какъ сами намѣстники-державцы были уполномоченными господарскими.

534. Изъ среды слугъ намѣстниковъ - державцевъ выходили ихъ „дѣцкіе", „вижи" и „увязчіе", „писари" и „дьяки".

535. Дѣцкіе посылались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было полицейскимъ порядкомъ вызвать кого-нибудь въ судъ или произвести имущественное взысканіе (движимостью).

536. Они получали за свой трудъ „дѣцкованье", которымъ, вѣроятно, дѣлились съ намѣстниками-державцами: дѣцкованье принадлежало къ уряду намѣстниковъ-державцевъ, которые отдавали его уже отъ себя своимъ слугамъ.

537. На обязанности вижей лежало оффиціальное засвидѣтельствованіе различныхъ правонарушеній и удовлетвореній по нимъ и вообще обезпеченіе частныхъ лицъ „урядовымъ" свидѣтельствомъ въ цѣляхъ полученія правосудія.

538. Посылка вижей давала возможность мѣстнымъ правителямъ, не выѣзжая изъ своей резиденціи, чинить правосудіе по дѣламъ, требовавшимъ знакомства съ правонарушеніемъ на мѣстѣ.

539. Вижи часто приглашались на копные суды въ качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, третьей стороны, и это приглашеніе сообщало

большую силу и законность ихъ рѣшеніямъ и располагало частныхъ лицъ доходить своего „копнымъ правомъ".

540. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вижи замѣняли собою дѣцкихъ; но еще болѣе подходили они иногда по значенью къ увязчимъ.

541. Увязчіе вводили во владѣніе имѣньями, пожалованными или присужденными по суду.

542. Вижи и увязчіе получали за свой трудъ „вижовое" и „увязчее", которымъ они, повидимому, дѣлились съ назначившими ихъ на должность мѣстными правителями.

543. Письмоводствомъ при намѣстникахъ-державцахъ завѣдывали дьяки; писари въ качествѣ начальниковъ надъ дьяками попадаются, по актамъ, при старостахъ и воеводахъ, канцелярское дѣлопроизводство которыхъ было болѣе обширнымъ и сложнымъ.

544. Своимъ слугамъ намѣстники-державцы поручали, кромѣ того, отдѣльныя отрасли управленія, напр., ставили ихъ лѣсничими при господарской пущѣ.

545. Кромѣ должностныхъ лицъ, выходившихъ изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ, при этихъ послѣднихъ находились въ нѣкоторыхъ большихъ повѣтахъ и должностныя лица, назначавшіяся господаремъ изъ мѣстнаго военнослужилаго класса.

546. Кромѣ упоминавшихся уже хоружихъ и городничихъ, къ нимъ принадлежали: „подконюшіе" (въ повѣтѣ Браславля Литовскаго) „гаевники", „бобровничіе" и „лѣсничіе" и др.

547. Гаевники завѣдывали бортными деревьями въ господарскихъ лѣсахъ, которыя господарскія бортники „подлазили" или на господаря, или на себя подъ условіемъ платежа опредѣленной дани медомъ; бобровничіе завѣдывали бобровыми гонами и руководили битьемъ бобровъ на господаря; лѣсничіе оберегали господарскія пущи отъ браконьеровъ.

548. Но всѣ эти должностныя лица состояли въ подчиненіи, были подъ надзоромъ и руководствомъ намѣстниковъ-державцевъ и имѣли значеніе ихъ помощниковъ.

549. Въ повѣтахъ Берестейско-Подляшской области при намѣстникахъ господарскихъ состояли, кромѣ того, „подкоморія", учрежденные по польскому образцу для разграниченья земель и разбирательства земельныхъ тяжбъ на мѣстѣ.

550. Изъ всего вышесказаннаго о намѣстникахъ-державцахъ явствуетъ, что они были органами общаго управленія въ своихъ повѣтахъ.

551. Къ такому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе судебно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ по возбужденію отъ центральнаго правительства: имъ приходилось исполнять разнообразныя правительственныя порученія, которыя не ограничивались какимъ либо однимъ родомъ дѣломъ или какимъ либо однимъ классомъ общества.

552. При отправленіи своей должности намѣстники-державцы получали разные доходы, которые разсматривались, какъ жалованье за ихъ службу господарю вообще, а не только за ту, которую они несли въ качествѣ мѣстныхъ правителей; самыя намѣстничества разсматривались, какъ „кормленья", какъ одно изъ средствъ содержанія высшаго, правительственнаго, слоя военнослужилаго класса.

553. Такой взглядъ былъ не только у правительства, но и въ самомъ этомъ слоѣ военнослужилаго класса.

554. Въ силу этого взгляда великіе князья Литовскіе въ привилеяхъ, выданныхъ русскимъ землямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздавать въ держанье мѣстнымъ князьямъ и боярамъ; того же правила они держались и въ отношеніи намѣстничествъ и тивунствъ въ собственной Литовской землѣ и Жмудской.

555. Побужденіемъ, которымъ руководились великіе князья въ отдѣльныхъ случаяхъ при раздачѣ держаній были военныя и другія заслуги, дѣйствительныя или мнимыя, того или другого лица; мало того, намѣстничества давались иногда прямо на пропитаніе разнымъ лицамъ, терявшимъ почему-нибудь свои имѣнья.

556. Воззрѣніе на держанья, какъ на кормленья, приводило иногда къ тому, что лица, державшія замки и волости, передавали ихъ съ согласія господаря своимъ родственникамъ и близкимъ людямъ.

557. Воззрѣніе на держанья, какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычаѣ давать по нѣскольку держаній, и притомъ въ разныхъ мѣстахъ государства, вслѣдствіе чего мѣстные правители должны были замѣняться часто своими намѣстниками.

558. Доходы намѣстниковъ-державцевъ сильно разнообразились по отдѣльнымъ областямъ и даже повѣтамъ отчасти вслѣдствіе разнообразія доходовъ, которые шли самому господарю черезъ ихъ руки, отчасти въ силу особыхъ „уставъ" на этотъ счетъ, которыя съ теченіемъ времени пріобрѣтали иногда значеніе прецедента, обычая.

559. Въ собственной Литовской землѣ и въ части Жмудской, гдѣ господарское хозяйство достигло наибольшаго развитія, намѣстники-

державцы получали часть урожая озимаго хлѣба и яроваго, овощи съ огородовъ, часть улова рыбы, который производился на господаря, и т. д.

560. Старосты и тивуны Жмудской земли эксплуатировали въ свою пользу пахотныя земли, принадлежавшія дворамъ, которые были ихъ резиденціями; такъ продолжалось до 1527 года.

561. Въ другихъ областяхъ великаго княжества хлѣбопашество и скотоводство при господарскихъ дворахъ и дворцахъ велись почти исключительно для прокормленья административнаго и рабочаго персонала этихъ дворовъ и дворцовъ, и часть ихъ продуктовъ шла несомнѣнно въ пользу намѣстниковъ-державцевъ.

562. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ намѣстникамъ-державцамъ предоставлялась эксплуатація господарскихъ угодій (частью) въ свою пользу.

563. Продукты, которые намѣстники-державцы получали съ господарскаго сельскаго хозяйства, имѣли значеніе и отчасти замѣняли собою тѣ „кормы", которые шли въ старину намѣстникамъ отъ непривилегированныхъ жителей.

564. Поэтому въ изучаемое время кормы намѣстникамъ-державцамъ встрѣчаемъ по актамъ лишь въ такихъ волостяхъ, гдѣ не было господарскихъ дворныхъ пашенъ, и гдѣ намѣстники-державцы даже иногда и не жили постоянно, а только въѣзжали „на полюдье".

565. Поэтому и въ Жмудской землѣ, какъ скоро отмѣнены были барщинныя работы крестьянъ на старосту и тивуновъ, установлены были и кормы въ пользу старосты и тивуновъ.

566. Установленіе такого порядка, при которомъ намѣстники-державцы стали получать свои кормы изъ продуктовъ господарскаго хозяйства, ближайшимъ образомъ объясняется тѣмъ, что намѣстники-державцы въ мѣстномъ управленіи были преемниками тивуновъ.

567. Тивуны, принадлежа къ числу дворныхъ княжескихъ слугъ, а иногда даже къ челяди дворной, и управляя дворцовымъ хозяйствомъ, естественно, должны были получать и содержаніе съ княжескихъ дворовъ.

568. На такое же положеніе стали и намѣстники-державцы, которыхъ господарь сталъ назначать хозяйничать, чинить судъ и управу въ своихъ дворахъ вмѣсто тивуновъ.

569. Въ концѣ концовъ и объясненіе вышеуказанному порядку лежитъ въ развитіи дворцоваго хозяйства по волостямъ.

570. Но отъ пользованія частью продуктовъ съ господарскаго хозяйства, отъ эксплуатаціи нѣкоторыхъ господарскихъ угодій (частичной) далеко еще до владѣнія государственными имуществами, которое г. Владимірскій-Будановъ, слѣдуя Даниловичу, приписалъ намѣстни-

камъ-державцамъ, изучаемаго времени (въ Христоматіи по исторіи русскаго права, вып. II, стр. 33, прим. 19).

571. При отправленіи суда намѣстники-державцы получали въ свою пользу: извѣстный процентъ съ суммы иска, называвшійся „пересудомъ", съ истца, доискавшагося своего, а до 1509 г. и съ оправданнаго отвѣтчика; „повинное", или извѣстный процентъ съ „винъ", т. е. судебныхъ штрафовъ, шедшихъ въ пользу господаря, а иногда взамѣнъ этого „вины малыя" (не свыше 50 грошей); „выметное", т. е. деньги, которыя условливались платить намѣстнику-державцѣ тяжущіеся, державшіе между собою судебное пари; „заклады" или „заруки", которыя тяжущіеся устанавливали по обоюдному соглашенію въ пользу намѣстника-державцы съ цѣлью пресѣчь дальнѣйшія правонарушенія; „поколодное" или „повежное" съ тѣхъ, кого выпускали изъ колоды и тюрьмы; наконецъ, повидимому, часть „вижового", „дѣцкованья" и „увязчого."

572. Доходы, получавшіеся намѣстниками-державцами отъ ихъ административной дѣятельности, сильно разнообразились по отдѣльнымъ мѣстностямъ, какъ разнообразилась и самая административная дѣятельность ихъ.

573. Таковы были, напр., „поклоны", которые они получали при раздачѣ крестьянамъ сѣмянъ изъ господарскихъ житницъ „въ отсопъ" или „на пенязи" и при раздачѣ пустовщинъ, „обвѣстки" съ купцовъ и т. д.; болѣе или менѣе общими доходами были доходы съ крестьянскихъ властей при ихъ назначеньѣ или утвержденьѣ и „выводныя куницы" съ жениховъ, выводившихъ невѣстъ изъ мѣста или волости на сторону.

574. По особому пожалованью отъ господаря намѣстники державцы получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ изучаемое время, переживъ ихъ, собирались господаремъ въ свою пользу, какъ обыкновенныя подати, или же раздавались частнымъ лицамъ въ видѣ жалованья.

575. Таковы были „тивунщина великая и малая", „бобровщина", „ловчое", „доводничое", „данничое" и „соколничое" въ Поднѣпрскихъ, Задвинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ.

576. По особому пожалованью или „уставѣ" отъ господаря намѣстники-державцы получали иногда и часть собственныхъ господарскихъ доходовъ или за свои особыя заслуги, или за то, что принимали на себя нѣкоторыя обязательства, которыя прямо не связаны были съ ихъ должностью.

577. „Въ заставу" или „на выбиранье пенязей" намѣстники-державцы получали и всѣ или большую часть господарскихъ доходовъ въ своемъ повѣтѣ.

578. При „заставѣ" господарскіе доходы шли въ видѣ процентовъ на занятую господаремъ у намѣстника-державцы суммы до уплаты этой суммы.

579. Часть господарскихъ доходовъ, шедшая въ такихъ случаяхъ намѣстникамъ-державцамъ, разнообразилась по величинѣ сообразно съ суммою долга и доходностью повѣта.

580. Вмѣстѣ съ господарскими доходами уступались при этомъ обыкновенно и доходы другихъ урядниковъ, мѣстныхъ и центральныхъ.

581. При отдачѣ замка или двора съ повѣтомъ „на выбиранье пенязей" господарскіе доходы и доходы другихъ урядниковъ шли въ погашеніе господарскаго долга съ процентами.

582. Это погашеніе совершалось или въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, или въ опредѣленномъ количествѣ денегъ каждый годъ.

583. Такимъ образомъ отдача господарскихъ замковъ и дворовъ съ волостями „на выбиранье пенязей" имѣла характеръ отдачи на откупъ или въ аренду всѣхъ доходовъ съ нихъ.

584. Съ отдачею замка или двора съ волостью „на выбиранье пенязей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ соединялась обыкновенно отдача его послѣ того „въ держанье до живота", такъ что для откупщика при этой сдѣлкѣ было мало риска.

585. До какой степени выгодны были пожизненныя держанья, или намѣстничества, видно изъ того, что господарскіе кредиторы отступались часто совсѣмъ отъ своего долга, лишь бы получить отъ господаря привилей на держанье замка или двора съ волостью „до живота".

586. Застава замка, двора и мѣста съ волостью и отдача ихъ „на выбиранье пенязей" обыкновенно соединялись съ отдачею ихъ въ намѣстничество, но не всегда: бывали случаи, когда господарь отдавалъ „на выбиранье пенязей" одни свои доходы, а намѣстничество само собою и отдѣльно.

587. Тѣмъ менѣе можно повторять за Даниловичемъ, что литовско-русскіе намѣстники eo ipso были и арендаторы великокняжескихъ имуществъ: если они и бывали таковыми, то случайно, вслѣдствіе долговыхъ обязательствъ господаря.

588. Отдача замковъ и дворовъ съ волостями „въ заставу" и „на выбиранье пенязей" особенно часто стала практиковаться при королѣ Сигизмундѣ, который нашелъ въ ней одно изъ средствъ для

покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ напряженною борьбою съ Москвою.

589. Намѣстники-державцы, какъ и другіе урядники при назначеньѣ на должность платили господарю „челобитье".

590. Въ XV вѣкѣ назначенье на должности часто имѣло характеръ настоящей продажи ихъ, вслѣдствіе чего и намѣстничества отдавались иногда состоятельнымъ людямъ изъ мѣщанъ и волостныхъ людей.

591. Великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщалъ не требовать ничего съ назначенья на должности и довольствоваться тѣмъ, кто что дастъ по доброй волѣ.

592. Такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, а потому и послѣ того встрѣчаемся по актамъ съ „челобитьемъ", которое платилось господарю при назначеньѣ на должности, при чемъ, конечно, могла имѣть мѣсто и конкурренція лицъ, добивавшихся должности.

593. Челобитье получали также воеводы и старосты, по представленью которыхъ господарь раздавалъ дворы съ волостями за исключеніемъ окраинныхъ замковъ.

594. Въ земляхъ Кіевской, Смоленской, Витебской и Полоцкой въ изучаемое время все еще держался старинный обычай раздавать намѣстничества на годъ, хотя дѣйствіе этого обычая простиралось уже на немногія волости, и соблюдался онъ не строго (намѣстничества давались на два, на три и болѣе лѣтъ).

595. На годъ раздавались въ держанье такія волости, гдѣ не было собственнаго хозяйства великаго князя.

596. Намѣстничества раздавались также и на неопредѣленное время, „до воли господарской"; но преобладала раздача намѣстничествъ „до живота".

597. Въ пожизненное держанье раздавались преимущественно волости, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя, гдѣ намѣстники-державцы дѣйствовали на правахъ господарскихъ приказчиковъ, получая часть доходовъ съ этого хозяйства.

598. И собственный интересъ господаря, и интересъ его приказчиковъ приводилъ къ установленію обычая раздавать такія волости въ пожизненное держанье: краткіе сроки держаній вели только къ расхищенію господарскаго добра; надлежащая энергія и заботливость со стороны урядниковъ возможны были только при увѣренности, что имъ долго придется пользоваться ихъ плодами.

599. Господарь, однако, отбиралъ иногда волости, данныя въ держанье до живота съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ болѣе прибыльными.

600. Державы отбирались и въ тѣхъ случаяхъ, когда урядники оказывались „роспрошителями и шкодниками" господарскаго хозяйства и когда своими притѣсненіями и „кривдами" разгоняли населеніе, отъ чего страдали господарскіе доходы.

601. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ по тѣсной связи съ господарскимъ долженъ былъ выступить и общественный интересъ.

602. Вообще же грубая идея кормленья въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и дѣйствіи въ жизни должна была найти себѣ предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвать въ сознаніи правительства и общества противоположную, хотя пока и смутную идею государственной должности.

ОЧЕРКЪ IV.

Правительственная дѣятельность и значеніе въ областяхъ воеводъ и старостъ.

Воеводы и старосты въ роли мѣстныхъ правителей въ волостяхъ, не раздававшихся въ особое держанье; способъ ихъ управленія (преимущественно при помощи слугъ).—Связь съ этими волостями въ отношеніи барщинныхъ и другихъ повинностей волостей, раздававшихся въ особое держанье; подчиненіе и этихъ послѣднихъ волостей вѣдѣнію и власти воеводъ и старостъ.—Государственныя повинности крупныхъ княжескихъ и панскихъ имѣній, не входившихъ въ составъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, тивуновъ и другихъ мѣстныхъ правителей; изъятія отъ этихъ повинностей.—Воеводы и старосты, какъ главные администраторы и высшіе судьи по дѣламъ о выполненіи барщинныхъ на господаря и государственно-земскихъ повинностей.—Отношеніе къ нимъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ по дѣламъ господарскаго дворцоваго хозяйства и сбору податей и пошлинъ.—Господарскіе урядники по отдѣльнымъ отраслямъ управленія при воеводахъ и старостахъ: окольничіе (въ Смоленской землѣ), казначеи (въ Смоленской землѣ и Брянскомъ повѣтѣ), городничіе, конюшіе и подконюшіе, тивуны, ключники и подключіе, данничіе, ловчіе, бобровничіе, сокольничіе, гаевники, лѣсничіе и др.; происхожденіе, права и обязанности этихъ должностныхъ лицъ и отношеніе ихъ къ воеводамъ и старостамъ.—Воеводы и старосты, какъ высшіе военачальники въ областяхъ, и подчиненіе имъ другихъ мѣстныхъ правителей въ ихъ военныхъ округахъ; значеніе маршалка Волынской земли при старостѣ Луцкомъ.—Дѣятельность воеводъ и старостъ по устройству военно-служилаго землевладѣнія въ качествѣ главныхъ правителей областей; намѣстники-державцы и тивуны, какъ ихъ органы въ этой дѣятельности.—Воеводы и старосты, какъ главные и высшіе судьи въ областяхъ; подчиненіе ихъ юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, а также крупныхъ землевладѣльцевъ, не состоявшихъ въ присудѣ сихъ послѣднихъ; изъятія изъ юрисдикціи воеводъ и старостъ.—Судебно-административныя „рады“ при воеводахъ и старостахъ; ихъ происхожденіе.—Судебная дѣятельность воеводъ и старостъ на областныхъ съѣздахъ, или „соймахъ“; происхожденіе этихъ соймовъ.—Избраніе

должностныхъ лицъ и законодательная дѣятельность на областныхъ соймахъ.— Воеводы и старосты, какъ политическіе представители областей.—Общія заключенія.

I.

Какъ видно изъ фактовъ, сгруппированныхъ во второмъ очеркѣ, тивуны и замѣнившіе ихъ намѣстники-державцы были типичными и наиболѣе распространенными мѣстными правителями въ собственной Литовской землѣ, въ такъ-называемой Руси, тѣсно къ ней примыкавшей, въ землѣ Жмудской и отчасти въ Кіевской. Въ этихъ областяхъ намѣстники-державцы и тивуны, можно сказать, выполняли большую часть текущей правительственной работы. Въ другихъ областяхъ также встрѣчаетъ правителей того же типа, но немногихъ: текущее управленье въ нихъ сосредоточено главнымъ образомъ въ рукахъ намѣстниковъ, переименованныхъ въ воеводъ и старостъ; кромѣ того, по отдѣльнымъ волостямъ въ земляхъ Витебской, Полоцкой и Смоленской встрѣчаемъ годовыхъ намѣстниковъ изъ мѣстныхъ бояръ. Но и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ намѣстники-державцы и тивуны преобладали въ составѣ мѣстной администраціи, на долю воеводъ и старостъ приходилась значительная часть правительственной работы. Прежде всего, какъ уже было указано во второмъ очеркѣ, воеводы и старосты вѣдали судомъ и управою извѣстный контингентъ волостей, не раздававшихся въ особое держанье и составлявшихъ воеводства и староства въ тѣсномъ смыслѣ. Часть этихъ волостей попала въ управленье къ воеводамъ и старостамъ, какъ къ намѣстникамъ извѣстныхъ городовъ области, а часть—какъ къ лицамъ, замѣнившимъ собою удѣльныхъ князей. Отъ удѣльныхъ князей воеводы и старосты получили извѣстную долю правительственной власти и значенія по отношенію къ областямъ въ полномъ ихъ составѣ, такъ какъ не всѣ функціи удѣльныхъ князей господарь перенесъ на себя непосредственно, какъ не уничтожилъ онъ совершенно и политической особности и самобытности областей. Въ качествѣ преемниковъ и замѣстителей удѣльныхъ князей воеводы и старосты выполняли также не мало правительственной работы.—Разсмотримъ сначала дѣятельность ихъ, какъ правителей извѣстныхъ волостей въ областяхъ.

Эта дѣятельность вырисовывается по актамъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ и дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ. Воеводы и старосты являются приказчиками по дворцовому хозяйству, сборщиками податей и пошлинъ, комендантами крѣпостей, распоряжающимися ихъ постройкою и ремонтомъ и завѣдывающими обо-

роною повѣта, начальниками мѣстныхъ военныхъ силъ, завѣдывающими ихъ организаціею и устройствомъ военнослужилаго землевладѣнія, и общими для всѣхъ жителей судьями по нѣкоторымъ дѣламъ и въ извѣстныхъ случаяхъ. Отъ всей этой дѣятельности воеводы и старосты получають тѣ же доходы обычные и экстраординарные, какъ и намѣстники-державцы; такъ же, какъ и послѣдніе, они получають свои воеводства и староства большею частью „до живота" или „до осмотрѣнья лѣпшимъ а пожиточнѣйшимъ врядомъ".

На страницахъ, 303, 320, 364—368 третьяго очерка уже приведены были нѣкоторыя данныя относительно того, что при замкахъ, служившихъ резиденціями воеводъ (Кіевскаго, Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго) и старостъ (Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго, Браславскаго и Вѣницкаго) велось господарское хозяйство. Нѣкоторыя данныя о томъ, что воеводамъ и старостамъ приходилось завѣдывать господарскимъ хозяйствомъ можно почерпнуть, кромѣ того, въ подробностяхъ втораго очерка. Тамъ, напр., указаны господарскіе дворы и дворцы въ волостяхъ Рокоптишской, Меммжской, Ловаришской и Рудоминской, находившихся въ держаньѣ воеводства Виленскаго (стр. 108 — 110); господарскіе дворы Осташинъ, Негнѣвичи и др., которые были держаны къ замку Новгородскому (стр. 128—132); указано на существованіе господарскаго хозяйства въ собственной Троцкой волости, находившейся въ держаньѣ воеводства Троцкаго (стр. 140), на существованіе господарскаго хозяйства при замкѣ Городенскомъ, бывшемъ резиденціею намѣстника-старосты (стр. 179), при замкѣ Берестейскомъ, бывшемъ также резиденціею намѣстника-старосты (стр. 183), при замкѣ Мельницкомъ (стр. 189) и, наконецъ, при замкѣ Брянскомъ (стр. 282). Въ дополненіе приведемъ здѣсь подобныя же указанія относительно другихъ намѣстниковъ-старостъ. Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ невѣсткѣ своей, королевѣ Еленѣ, въ пожизненное владѣніе замокъ Бѣльскъ съ мѣстами Саражемъ и Брянскомъ „и со всими боярами и слугами путными *и людми тяглыми* и данники Бѣлского повѣта"[1]). Существованіе тяглыхъ людей въ Бѣльскомъ повѣтѣ даетъ основаніе предполагать, что въ немъ велось собственное хозяйство великаго князя. На это, впрочемъ, можно привести и прямыя указанія источниковъ. Тамъ существовалъ, напр., дворъ господарскій Клещелязи, при которомъ панъ Миколай Миколаевичъ по порученію короля Сигизмунда оса-

---

[1]) Акты Зап. Рос. II, № 8.

дилъ мѣсто [2]); существовалъ дворъ Саражъ, къ которому староста Бѣльскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ привернулъ землю Беюковскую съ тремя человѣками, принадлежавшую боярину смоленскому Григорью Жабѣ, давъ ему взамѣнъ Янка и брата его Петра Кгелейковичей съ землею ихъ [3]) и т. д. д. Воевода Полоцкій, староста Дорогицкій, панъ Петръ Станиславовичъ получилъ отъ короля въ заставу замокъ Дорогичинъ „со всими людми нашими (т. е. господарскими) повѣту Дорогицкого путными и данными, *и тяглыми, и зъ ихъ всими службами*, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, што передъ тымъ на насъ и на врадниковъ нашихъ хоживали, и съ подымщиною, и зъ волчосомъ, и съ ставы, и зъ млыны“ [4])... Здѣсь мы опять встрѣчаемъ тяглыхъ людей, а слѣдовательно и дворные господарскіе пашни съ угодьями; отдѣльныя статьи господарскаго хозяйства, впрочемъ, прямо указаны въ заставномъ листѣ.

Итакъ, въ волостяхъ, находившихся подъ управленіемъ воеводъ и старостъ, несомнѣнно велось хозяйство на господарскихъ дворныхъ пашняхъ и угодьяхъ. Воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, должны были получать кормы съ этого хозяйства, а излишекъ составлялъ господарскій доходъ, который шелъ или на прокормленіе гарнизона, буде онъ находился въ резиденціи воеводы или старосты, или въ раздачу въ видѣ жалованья, или въ продажу (само собою разумѣется, что и челядь дворная содержалась на счетъ же доходовъ господарскаго хозяйства). На такое распредѣленіе доходовъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ, находившихся въ распоряженіи воеводъ и старостъ, были даны нѣкоторыя указанія уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 364—368). Приведемъ въ дополненіе еще нѣкоторыя другія. Король Александръ пожаловалъ костелу Витебскому десятину „съ фольварковъ и зъ дворовъ нашихъ (господарскихъ), ку Витебску слухающихъ, то есть Витебско, Любошково, Тулово, Лужесна, Лемница, со всякого зерна осѣвкового, зъ ярыны и озимины, и со всего овощу огородного“ [5]). Въ уставѣ, данной въ 1514 году старостѣ Городенскому пану Юрью Миколаевичу Радивиловича, читаемъ между прочимъ: „такъ же и жыта, которыи ся сѣють по тымъ дворомъ нашимъ Городенскимъ, напередъ какъ пожонши жыто маетъ, староста отдати челяди нашой невольной мѣсячину на весь годъ, а потомъ съ

---

[2]) Ibidem, № 123.

[3]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 224, 225.

[4]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 92.

[5]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 296, 297.

жыта и зъ ярынъ всякихъ выймуемъ на насъ двѣ части, а на старосту третья часть маетъ быти; и тыи двѣ части, которыи выймуемъ на насъ, маютъ быти ставлены въ гумнахъ нашихъ, а не маеть то рушано быти безъ нашого вѣдома господарского" [6]). Господарь или раздавалъ этотъ хлѣбъ по частямъ на мѣстѣ, или бралъ его цѣликомъ, для чего посылался иногда особый дворянинъ, или же, наконецъ, приказывалъ продать этотъ хлѣбъ, а деньги внести въ скарбъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно предположить по аналогіи съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно намѣстниковъ-державцевъ. На то, что господарь посылалъ иногда отбирать свои хлѣбные запасы цѣликомъ, имѣемъ и прямое указаніе. Король Сигизмундъ 29 февраля 1511 года принималъ отчетъ отъ Васка Хитраго, о которомъ въ записи его приходовъ читаемъ: „взялъ, повѣдаеть, отъ пана Станислава Петровича, старосты Городенского, шесть сотъ полубочковъ жита безъ девяти; а отъ городничого Городеньского пана Ѳедка Гавриловича триста и двадцать и чотыри полубочки жыта, а 16 поставовъ сукна луньского, кождый поставъ по 10 копъ личачи" [7]). Ясное дѣло, что у старосты былъ взятъ хлѣбъ, уродившійся на господарскихъ дворныхъ пашняхъ, а не собранный съ крестьянъ: послѣдній находился и взятъ былъ у городничаго Городенскаго. Въ военное время старосты, какъ и намѣстники-державцы, иногда отправляли господарскій хлѣбъ въ украинные замки, которымъ наиболѣе грозила опасность, и въ которыхъ содержались наиболѣе многочисленныя залоги. Среди актовъ и документовъ 1535 года встрѣчаетъ между прочимъ запись „о жыта разсыланье по украиннымъ мѣстомъ". „До Кіева жито,—читаемъ здѣсь,—маеть послано быти: на первѣй панъ Виленьскій, староста Городеньскій, обѣцалъ передъ господаремъ и передъ всими паны радами дати до Кіева жыта зъ Городна пять сотъ бочокъ: сто бочокъ маеть отослати до Слуцка своими подводами (это едва ли не было его собственное жито), а подъ чотырыста бочокъ солянокъ маютъ быти подводы зъ дворовъ господарскихъ до Слуцка, коли попишуть дворы. А къ тому до Кіева зъ Берестья 100 бочокъ жыта, зъ Мельника 100 бочокъ жыта, съ Каменца, 100 бочокъ, Слонима 200 бочокъ" [8]). Изъ приведенныхъ фактовъ съ достаточною ясностью обнаруживается, что воеводы и старосты хозяйничали не на себя только, но и на господаря. Исклю-

[6]) Акты Зап. Рос. II, № 87.

[7]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 114.

[8]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 235.

ченіе въ данномъ случаѣ за старостою Жмудскимъ, который обрабатывалъ дворныя пашни всецѣло на себя, такъ что и господарскіе тяглые люди и другіе крестьяне несли барщинныя повинности на старосту; объ этомъ, впрочемъ, была уже рѣчь на стр. 369 и 680 третьяго очерка.

Луга и пастбища, рѣки, озера и лѣсныя угодья въ волостяхъ воеводъ и старостъ такъ же, какъ и въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, эксплуатировались большею частью на господаря. „А озера вси у повѣтѣ Городеньскомъ,—читаемъ, напр., въ вышеупомянутой уставѣ старостѣ Городенскому,—и ѣзы по рѣкамъ, то тежъ маетъ быти къ нашому пожитку господарскому". Король Александръ въ составѣ десятины пожаловалъ костелу Витебскому десятую часть улова рыбы на замокъ Витебскій [9]), изъ чего видно, что рыба ловилась здѣсь на господаря. Объ эксплуатаціи другихъ угодій на господаря будетъ еще рѣчь впереди. Впрочемъ, несомнѣнно, что отчасти и воеводы, и старосты эксплуатировали господарскія угодья на себя, какъ это мы видѣли и въ отношеніи намѣстниковъ-державцевъ. Такъ, напр., Кіевскіе воеводы ѣздили въ пущи господарскіе въ ловы и въ степь съ соколами, для чего держали при себѣ особыхъ сокольниковъ [10]); воеводы Витебскіе, Смоленскіе и Полоцкіе также ѣздили въ ловы [11]) и даже имѣли собственныхъ ловчихъ, которые завѣдывали охотою на нихъ и отличались отъ „господарскихъ" или „земскихъ" ловчихъ, завѣдывавшихъ господарскою охотою [12]). Такъ какъ и ловлею рыбы въ господарскихъ озерахъ и рѣкахъ Витебской земли завѣдывали урядники Витебскаго намѣстника-воеводы, то отсюда позволительно заключить, что намѣстникъ-воевода пользовался частью улова. Въ 1497 году великому князю Александру жаловался намѣстникъ Витебскій на волости Озерищскую и Усвятскую, „што жъ они не хотять волочити озера Вымна, а здавна дей, за первыхъ намѣстниковъ Витебскихъ, тое озеро они волочывали". На это старцы Озерищскій и Усвятскій и мужи возразили: „правда естъ, волочывали есмо тое озеро, але *то намъ первыи намѣстники Витебскіе новину учинили, привернули насъ моцно къ тому озеру*". Въ доказательство они представили листы Витовта, Сигизмунда и короля Казимира, по

---

[9]) Литов. Метр. кн. Запис. V, 296, 297.

[10]) Акты Зап. Рос. I, № 120.

[11]) Акты Зап. Рос. I, № 204, 213; II, № 70.

[12]) Акты Зап. Рос. I, № 213; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 209, 210; XVI, л. 24, 47.

тамъ не было ничего не написано въ ихъ пользу, а глухо было только сказано, что имъ озера господарскія волочить, а *неводничимъ намѣстниковъ Витебскихъ* грошей съ нихъ не брать. Намѣстникъ Витебскій сталъ доводить на нихъ князьями и боярами земли Витебской, и въ концѣ концовъ они сознались, что издавна озеро Вымно волочивали. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ расширеніемъ рыболовства, какъ повинности крестьянъ, которое произвели намѣстники Витебскіе, пользуясь неопредѣленностью на этотъ счетъ волостныхъ грамотъ. Такъ поступили они, очевидно, не въ интересахъ только господаря, а и въ своихъ собственныхъ, подобно тому, какъ и господарскія пашни дворныя они расширяли отчасти и въ своихъ собственныхъ интересахъ. Тогда же намѣстникъ Витебскій жаловался великому князю на всю волость Озерищскую, „што жъ они не хотять на рѣцѣ на Лужеснѣ лукъ косити и езовъ забивати подъ Сваридовичы а подъ Лихочовымъ: издавна они тыи луки копывали, а езы забивывали подъ Сваридовичы а подъ Лихочевичы, а и *езовничыи державцовъ Витебскихъ* передъ тымъ на тыхъ езѣхъ лежывали“. Старецъ и мужи сначала было утверждали то же самое, что и по поводу озера Вымна, но потомъ, уличаемые „князьми и бояры“, сознались, что это была исконная ихъ повинность. Езовничихъ мы встрѣчаемъ и въ землѣ Полоцкой и, повидимому, также въ качествѣ урядниковъ воеводы [13]). Старосты Городенскіе держали на себя мельницы на Нѣманѣ и другихъ рѣкахъ своего повѣта [14]) и т. д. Впрочемъ, какого либо общаго правила въ этомъ отношеніи не было, и въ каждомъ воеводствѣ или староствѣ были свои порядки, которые велись изстари и выработались при разнообразныхъ условіяхъ и вліяніяхъ.

Въ отдѣльныхъ волостяхъ своихъ держаній воеводы и старосты по веденію господарскаго хозяйства, по сбору различныхъ податей и налоговъ, по суду и управѣ среди крестьянъ и по другимъ мелкимъ, но многочисленнымъ дѣламъ, обыкновенно замѣнялись своими намѣстниками. Во второмъ очеркѣ было указано, напр., что воевода Виленскій держалъ своихъ намѣстниковъ въ волостяхъ Мемижской, Рудоминской и Быстрицкой, бывшихъ въ держаньѣ его воеводства (стр. 109, 110); воевода Витебскій держалъ намѣстниковъ въ волостяхъ Лужосенской и Илемницкой (стр. 248); намѣстникъ-воевода Смоленскій въ Вопецкой волости или пути (стр. 270) и т. д. Мало того, даже волости, въ которыхъ находились самыя резиденціи воеводъ и

---

[13]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64; VIII, л. 209, 210.

[14]) Акты Зап. Рос. II, № 87.

старостъ, поручались ими въ управленье намѣстникамъ. Такимъ образомъ, акты упоминаютъ о намѣстникѣ Виленскомъ воеводы Виленскаго, о намѣстникѣ Троцкомъ воеводы Троцкаго, о намѣстникѣ Новгородскомъ воеводы Новгородскаго [15]) и т. д. Этихъ послѣднихъ намѣстниковъ, судя по ихъ названію, надо различать отъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ воеводы и старосты оставляли въ своихъ резиденціяхъ вмѣсто себя во время своихъ отъѣздовъ. Такимъ образомъ, въ актахъ княженья Александра встрѣчаемъ Богдана Кевлу, намѣстника воеводы Виленскаго, и Богдана Войдиловича, Виленскаго намѣстника воеводы Виленскаго [16]), при Сигизмундѣ—Войдена, намѣстника воеводы Новгородскаго Яна Яновича Заберезинскаго и Новгородскаго намѣстника того же воеводы—Холмовскаго [17]) и т. д. Правители областей назначали своихъ намѣстниковъ въ нѣкоторыя волости иногда только временно, на опредѣленный срокъ. Такимъ образомъ, напр., староста Луцкій давалъ отъ себя слугамъ своимъ „въ жалованье" ярмарки въ Жидичинѣ и Дорогобужѣ, „намѣсничьство по годомъ держати". Эти слуги судили и рядили всѣхъ людей, съѣзжавшихся на ярмарки, въ томъ числѣ и подданныхъ князей, пановъ и земянъ [18]). Въ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства и гдѣ населеніе состояло изъ данниковъ, воеводы и старосты обыкновенно не держали своихъ намѣстниковъ, подобно тому, какъ не держали своихъ намѣстниковъ въ такихъ волостяхъ своихъ повѣтовъ и намѣстники-державцы. Какъ мы видѣли въ третьемъ очеркѣ намѣстники-державцы въѣзжали въ такія волости на полюдье, для суда и управы и сбора своихъ доходовъ. Воеводы и старосты въ изучаемое время большею частью уже не имѣли права въѣзжать въ такія волости на полюдье, а должны были судить и рядить на городѣ. „А на Черствяти,—читаемъ въ привилеѣ Полоцкой земли,—воеводинымъ слугамъ не судити, судити тивуну по старой пошлинѣ; также на Невлѣ судьѣ не быти и по всей волости Полоцкой, судити воеводѣ Полоцкому на городѣ". Выше въ томъ же привилеѣ сказано: „А по волости нашой воеводѣ нашому Полоцкому не ѣздити; а поѣдетъ ли коли въ ловы, ино по станомъ не дарити" [19]). Изъ этого ясно, какой объѣздъ запрещенъ воеводѣ: запрещено полюдье, объѣздъ для суда и управы и полученія дохода. То же самое гласитъ

---

[15]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35, 45, 259; Акты Зап. Рос. II, № 128.

[16]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 35, 85; VI, л. 70.

[17]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 37, 38; 152.

[18]) Акты Зап. Рос. II, № 54.

[19]) Акты Зап. Рос. II, № 70.

и привилей Витебской земли [20]). Привилей, данный королемъ Александромъ Смоленской землѣ, говоритъ объ объѣздѣ воеводою *дворовъ* Смоленскихъ и о ѣздѣ на ловы въ такой формѣ, которая даетъ основаніе думать, что по волостямъ, гдѣ не было господарскихъ дворовъ, воевода не ѣздилъ: „панъ Миколай Радивиловичъ,—читаемъ здѣсь,—воевода Виленскій, канцлеръ нашъ, какъ отъ его милости (короля Казимира) Смоленскъ держалъ, хотѣлъ имъ новины вводити тые: коли зъ города Смоленска ѣздживалъ по дворомъ Смоленскимъ або въ ловы, тогды въ нихъ подводы бривалъ зъ мѣста подъ себе и подъ свои рѣчи" [21]) и т. д. Здѣсь нѣтъ ни слова о выѣздѣ на полюдье, хотя волости, состоявшія исключительно изъ данниковъ, были въ землѣ Смоленской, и въ нихъ ѣздили выбирать дань, какъ увидимъ ниже, особые данничіе. Такія же волости были въ изучаемое время, хотя и въ остаткахъ, и въ землѣ Волынской, при чемъ населеніе ихъ давало полюдье старостѣ на замокъ, изъ чего видно, что самъ староста уже не въѣзжалъ въ нихъ на полюдье. Такъ, напр., великій князь Александръ въ 1499 году подтвердилъ Ивашку Пашкевичу „въ Луцкомъ повѣтѣ у Мелницкой волостцѣ у Песочномъ семъ дворищъ зъ людми и зъ ихъ землями пашными и зъ бортными, и зъ сѣножатьми, и зъ данью грошовою и медовою, и съ тою пошлиною, што на замокъ нашъ Лучоскъ, *старостѣ на полюдье*, на годъ даютъ по копѣ грошей, и зъ сторожовщиною, и што за дрова даютъ на городъ по дванадцати грошей, и жито, и овесъ, и сѣно даютъ" [22]). Въ общемъ такихъ волостей въ держаньяхъ воеводъ и старостъ было сравнительно мало, а потому и управленье въ своихъ держаньяхъ воеводы и старосты вели преимущественно при помощи своихъ намѣстниковъ. Въ распоряженьѣ и подъ начальствомъ этихъ послѣднихъ состояли тивуны дворные и собственныя крестьянскія власти, о которыхъ достаточныя свѣдѣнія были уже даны въ третьемъ очеркѣ.

Воеводы и старосты принимали, конечно, и личное дѣятельное участіе въ управленіи ввѣренными имъ повѣтами, подобно тому, какъ и самъ господарь, поручая чинить судъ и управу въ областяхъ своимъ намѣстникамъ, судилъ и рядилъ обращавшихся къ нему по различнымъ дѣламъ областныхъ жителей и давалъ различные указы и распоряженія мѣстнымъ правителямъ. Личная дѣятельность воеводъ и

---

[20]) Акты Зап. Рос. I, № 204.

[21]) Акты Зап. Рос. I, № 213. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 209, 210 объ объѣздѣ воеводы Полоцкаго.

[22]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.

старостъ имѣла мѣсто, конечно, болѣе всего въ ихъ резиденціяхъ и волостяхъ, ближайшихъ къ ней. Въ актахъ встрѣчаемся съ распорядительною дѣятельностью воеводъ и старостъ даже по устроенію господарскаго хозяйства. „Также,—читаемъ въ привилеѣ Смоленской земли, и тую новину панъ Миколай ввелъ было имъ (мѣщанамъ Смоленскимъ): велѣлъ имъ со всего мѣста люди выгоняти на Есеную прудовъ сыпати, а здавна того мѣщане не дѣлывали, нижьли тяглые люди пруды сыпывали“ [23]). Впрочемъ, такія указанія сравнительно рѣдко попадаются въ актахъ, потому что эту дѣятельность выполняли преимущественно намѣстники и другіе урядники воеводъ и старостъ.

Но за то довольно много встрѣчаемъ въ актахъ указаній на дѣятельность воеводъ и старостъ по устройству крестьянскаго землевладѣнія и служебъ. Воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, осаживали крестьянъ на пустовщинахъ или на сыромъ корню на ту или другую службу, выводили господарскихъ непохожихъ людей изъ мѣстъ или съ имѣній частныхъ владѣльцевъ и т. д. Такимъ образомъ, напр., намѣстникъ-староста Городенскій Янъ Насутичъ, державшій Городно отъ короля Казимира, далъ „человѣку“ Сѣрку землю Зубковщину въ Скидельской волости (тогда принадлежавшей къ староству Городенскому) „на особную службу и дякло“ [24]). Панъ Станиславъ Петровичъ, бывшій старостою Городенскимъ при королѣ Сигизмундѣ, далъ человѣку Городенскаго повѣта Ивану Оленевичу съ братьею землю Моисейковщину „на особную службу и дякло“. Король 15 іюля 1511 года подтвердилъ Ивану Оленевичу съ братьею землю и писалъ старостѣ: „нехай они тую землю Моисейковщину держать, а намъ съ нее службу особную служать и дякло дають по тому, какъ и передъ тымъ съ тое земли служба и дякло шло“. Король, кромѣ того, писалъ старостѣ. „И тежъ повѣдилъ передъ нами, што жъ дей дядковичъ его на имя Олекса Ходычичъ, не могучи зъ отчизны своее службы послужити, и пошолъ прочъ, и тыми дей разы тая земля дядьковщина ихъ лежить пуста; и били намъ чоломъ, абыхмо то придали имъ къ ихъ отчизнѣ, бо дей въ нихъ земли отчизное велми мало, не мають намъ службы суполное послужити. Прото, абы твоя милость того достаточне ся довѣдалъ, естли будеть то намъ не шкодно, и твоя бы милость имъ призволилъ тую Ходыковщину пахати дотоль, поки тотъ дядковичъ ихъ на тую отчизну

---

[23]) Акты Зап. Рос. I, № 213. Срав. ibidem, № 153.

[24]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л 42.

свою прійдеть"[25]). Такимъ образомъ, староста Городенскій, какъ и намѣстники-державцы, и suo motu устраивалъ крестьянское землевладѣніе и службы, получая утвержденье своимъ распоряженіямъ отъ господаря, и былъ также исполнителемъ распоряженій и указаній по этой части, полученныхъ отъ господаря. Староста Жмудскій придавалъ земли господарскимъ крестьянамъ, отчины которыхъ были малы: въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ боярину кгедройтскому Балтромею Станьковичу 20 человѣкъ пожалованныхъ ему королемъ Александромъ въ Дирвянской волости Жмудской земли, „зъ ихъ братьею и зъ братаничы, и зъ сыныи, и со всими ихъ землями пашными, *и съ прыдаными, што имъ будеть панъ староста Жомоитскій придалъ*"[26]). О дѣятельности воеводъ по возвращенію господарскихъ непохожихъ людей на ихъ отчины нѣкоторыя свѣдѣнія были уже даны въ третьемъ очеркѣ (стр. 376).

При раздачѣ господаремъ пустыхъ и населенныхъ земель военнослужилымъ людямъ и духовенству воеводы и старосты давали справки о жалуемыхъ имѣньяхъ и стерегли за тѣмъ, чтобы отъ этой раздачи не терпѣло господарское хозяйство. Король Казимиръ писалъ намѣстнику Новгородскому пану Мартину Гаштольдовичу: „Здѣсе просилъ у насъ панъ Иванъ Ходковичъ, маршалокъ нашъ, намѣстникъ Лидскій, сѣножати, што у Подстариньи, верхъ Мышчцовъ, и повѣдалъ намъ, што жъ дей тая сѣножать близко его людей. И мы и тебе о тую сѣножать пытали, абы намъ тая сѣножать не была шкодна, и ты намъ повѣдалъ, што жъ тая сѣножать близко пана Ивановыхъ людей, а намъ не есть шкодно. Прото жъ, естли будеть такъ, какъ ты намъ повѣдалъ, и мы тую сѣножать маршалку пашому пану Ивану Ходковичу дали есмо"[27]). Въ 1482 году августа 15 Казимиръ писалъ намѣстнику Смоленскому: „Билъ намъ чоломъ князь Андрей Вдача и просилъ въ насъ трехъ селецъ у Смоленсву пустыхъ, на имя Вележининова а Шовырино, а Тереховское, а и ты намъ повѣдалъ, же то годно ему дати, таковское. Ино мы ему тые три сельца дали, Вележининова а Шовырино, а Тереховское". Обязанность воеводъ и старостъ блюсти въ такихъ случаяхъ интересы господарскаго хозяйства еще яснѣе обнаруживается въ листѣ Казимира къ тому же намѣстнику Смоленскому Миколаю Радивиловича отъ 2 сентября того же года. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ здѣсь,—казначей Смоленскій князь

[25]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.
[26]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 185.
[27]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

Костентинъ Крошинскій и просилъ въ насъ селца на рѣцѣ на Гати, гдѣ живуть псарци наши, на имя Захарья Корниловъ зъ братьею а Сава Пилиповичъ зъ братьею, а Ѳедорецъ Митиничъ Синяковъ, а повѣдалъ намъ, што жъ съ того селца одна намъ служба псарецкая идеть. И мы тебе о томъ пытали, и ты намъ повѣдалъ, ижъ годно ему тое дати, не велико естъ, а служба одна съ того сельца псарецкая, и инялся еси тымъ псарцемъ индѣй гдѣ обыскавши землицу дать противъ того такову жъ. И мы князю Костентину тое сельцо дали со всимъ, какъ тыи псарци держали, а ты бы тымъ псарцемъ, индѣй гдѣ обыскавшы землицу, и далъ имъ противъ того, ажбы они намъ службу служыли, какъ и съ тое земли первое служывали"[28]). Хотя въ приведенныхъ отрывкахъ актовъ говорится о намѣстникахъ Новгородскомъ и Смоленскомъ, но позднѣйшіе воеводы Новгородскіе были не кто иные, какъ тѣ же намѣстники, съ новымъ только титуломъ, и все, что справедливо относительно намѣстниковъ, справедливо и относительно заступившихъ ихъ воеводъ и наоборотъ. То же самое нужно сказать и относительно другихъ намѣстниковъ, переименованныхъ въ воеводы и старосты. По представленью воеводъ и старостъ о томъ, что пожалованье будетъ двору господарскому шкодно, господарь отказывалъ челобитчикамъ или давалъ имъ другія имѣнья. Въ 1510 году король Сигизмундъ писалъ старостѣ Городенскому пану Станиславу Петровичу: „Што перво сего билъ намъ чоломъ дьякъ нашъ Андрей Милошевичъ и просилъ въ насъ пущи нашое въ Городенскомъ повѣтѣ на двѣ версты верхъ рѣчки Слои, и мы о томъ писали до твоей милости, абы еси, того довѣдавшися, естли бы то намъ не шкодно было, и къ намъ отписалъ. И твоя милость отписалъ до насъ, повѣдаючи, што тое пущи шкодно намъ ему дати, и пишешь твоя милость за нимъ, абыхмо его чимъ иншимъ осмотрѣли и пожаловали". Андрей Милошевичъ просилъ у короля людей Городенскаго повѣта оребниковъ, четыре службы: Андрея Носчевича, Чудина Крошчина, Сенька Бологовича и Маня Гавриловича, и пустой земли Митрошевщины. „Маршалокъ и секретарь нашъ,—писалъ король старостѣ,—намѣстникъ Витебскій и Браславскій панъ Иванъ Сопѣга передъ нами повѣдилъ, што твоя милость писалъ до него о тыи люди оребники, ижъ то намъ не шкодно. Ино мы зъ ласки нашое за его службу тымъ его пожаловали, тыи чотыри службы людей нашихъ оребниковъ и землю пустую Митрошевщину есмо дали

---

[28]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 115, 116.

со всими ихъ землями пашными и бортными, и сѣножатми, и зъ дяклы, и со всимъ тымъ, какъ тыи люди намъ служили и замку нашому Городенскому. И твоя бы милость ему въ тыи люди и въ землю пустую увязанье далъ" [29]). Оребниковъ и землю пустовскую, очевидно, пріискалъ дьяку староста Городенскій взамѣнъ пущи. Руководился ли онъ при этомъ дѣйствительно хозяйственными интересами господаря или же поступилъ такъ на руку дьяку, для насъ въ данномъ случаѣ безразлично: заявлялъ онъ радѣніе во всякомъ случаѣ о господарскомъ интересѣ. Иногда воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, собственною властью отмѣняли шкодное господарскому двору пожалованье господаря и замѣняли его тѣмъ, что отдать было не шкодно, разумѣется, съ окончательнаго утвержденья господаря. Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1518 году дворянину Лукашу Гринковичу три земли пустовскихъ въ Городенскомъ повѣтѣ „у Виртилишскомъ селѣ"— Дробышевщину, Куриловщину и Куцовщину, писалъ старостѣ Городенскому пану Юрью Миколаевичу Радивиловича, чтобы онъ, „довѣдавшися, если бы тыи земли пусты были, и ему въ то увезанье далъ". „И онъ повѣдилъ передъ нами,—писалъ король вторично старостѣ,— ижъ твоя милость водлугъ росказанья нашого того ся довѣдалъ, ижъ тые земли пусты лежать, и ему въ одну землю въ Куриловщину увязанье далъ, а въ тые двѣ, у Дробышовщину а Куцовщыну, не далъ для того, ижъ есть промежку людьми нашими и имъ на переказѣ, а потомъ твоя милость, обыскавши двѣ земли пустовскихъ, на имя Малышовщыну Масленчича а Моисеевщину Туровицъ, и ему напротивку того далъ; какъ же онъ первшій листъ данину нашу и тежъ листъ твоей милости увяжчій передъ нами вказывалъ, и билъ намъ чоломъ, абыхмо на тые тры земли дали нашъ листъ" [30]). И самъ господарь, извѣщая воеводу или старосту о пожалованьѣ кому-нибудь людей съ землями или земель, приказывалъ прежде, чѣмъ ввести лицо во владѣніе ими, довѣдаться, не будетъ ли это ему, господарю, шкодно, и, если окажется дѣйствительно шкодно, обыскать другихъ людей. Король Сигизмундъ, пожаловавъ земянину дорогицкому Михаилу Косинскому двѣ земли пустыхъ въ Дорогицкомъ повѣтѣ въ Сморклевичахъ, Дулевскую и Мошковскую, писалъ старостѣ Дорогицкому пану Миколаю Юрьевичу: „естли бы то замку нашому не шкодно, абы ему въ тыи двѣ земли увязанье далъ". „Ино онъ (Косинскій) тыми разы,— писалъ король въ своемъ листѣ отъ 8 февраля 1514 года,—покла-

---

[29]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 335.

[30]) Литов. Метр. кн. Запис. л. XI, 27.

далъ передъ нами листъ увяжчій пана Миколаевъ, тамъ пишеть, што ся тычеть тоей земли Дулевской, въ то ему увязанье не далъ для того, ижъ то замку нашому шкодно, а однакже, *зъ росказанья нашого* обравши двѣ земли тамъ же въ Сморклевичохъ, на имя Моршковскую а въ Чорной Куновскую, и его въ то увезалъ". Провѣривъ это распоряженье черезъ новаго старосту, пана Яна Яновича Заберезинскаго, который показалъ, что это замку господарскому не шкодно, король выдалъ Косинскому листъ-подтвержденье [31]). Иногда господарь, не имѣя свѣдѣній о томъ, какихъ людей и какія земли можно пожаловать безъ „шкоды", прямо поручалъ воеводамъ и старостамъ „обыскать" такихъ людей и такія земли. Такъ, король Казимиръ писалъ до пана Ивана Вяжевича, державшаго отъ него Смоленскъ, „ижбы далъ Мисаилу владыцѣ земли пустовскоѣ городскоѣ на двадцать человѣковъ, на чомъ бы могъ ихъ посадити, и дворы бы тыи люди могли себѣ збудовати зъ огороды; и панъ Иванъ, столько земли обыскавши, далъ" [32]). Король Сигизмундъ по просьбѣ дворянина Лукаша Скирмина писалъ старостѣ Берестейскому князю Александру Юрьевичу, „ажбы обыскалъ у Берестейскомъ повѣтѣ два жеребьи пустыхъ и ему далъ". Староста исполнилъ приказанье короля „обыскалъ въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Поболотскомъ десятку два жеребьи пустыхъ, на имя Ранцовскій а Веляжинскій, и его въ то увезалъ"; король подтвердилъ эту данину своимъ листомъ отъ 2 іюля 1512 года [33]) Воеводы и старосты, какъ и намѣстники-державцы, слѣдили за тѣмъ, чтобы крестьянскія земли не выходили изъ службы двору господарскому. Великій князь Александръ далъ было пану Григорью Остиковичу дворъ Кгекгужинъ, „што первѣй того держалъ панъ Мордасъ и сынъ его панъ Стасъ, со всимъ по тому, какъ они держали". Но панъ Станько Костевичъ, намѣстникъ-староста Ковенскій, отнялъ у него нѣкоторыхъ людей дворца Кгекгужинскаго и привернулъ къ Ковну. На судѣ передъ великимъ княземъ онъ оправдывалъ свое дѣйствіе такимъ образомъ: „коли небожчикъ отецъ вашое милости король далъ дворецъ Жейменскій, што слушалъ къ Кгекгужинамъ, цара Шидихматову сыну зъ двадцатма чоловѣки и зъ дворною пашнею, а тыи люди Кгекгужинскіи были прилучоны къ тому двору" [34]). Хотя великій князь не принялъ въ соображеніе этотъ фактъ и отдалъ лю-

---

[31]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, 170.

[32]) Акты Зап. Рос. I, № 118.

[33]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л 463.

[34]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 101, 102.

дей пану Григорью Остиковичу, тѣмъ не менѣе самый поступокъ пана Станька соотвѣтствовалъ его обязанности, какъ господарскаго намѣстника. Поэтому и всѣ сдѣлки на крестьянскія земли должны были совершаться съ вѣдома и разрѣшенья воеводъ и старостъ, въ силу котораго обыкновенно утверждалъ эти сдѣлки и самъ господарь. Въ 1496 году передъ великимъ княземъ Александромъ тягались о землю люди Корничаны съ бобровникомъ Левономъ. „И тотъ Левонъ,— читаемъ въ судовомъ листѣ великаго князя,—повѣдилъ передъ нами, што жъ тую землю купилъ въ иншого берестянина, на имя въ Ещины, съ произволеньемъ пана Яна Насутича, какъ отъ отца нашого, короля его милости, Берестей держалъ, и съ тое земли службу особную служить и дань давалъ ажъ и до тыхъ часовъ". Великій князь на основаніи всего этого оправилъ Левона и отказалъ въ искѣ Корничанамъ [35]). Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ пану Ивашку Зеновьевичу различныя имѣнья, въ томъ числѣ и земли, купленныя у людей Полоцкаго повѣта, мотивировавъ свое подтвержденье такимъ образомъ: „и на вси на тыи люди и земли данину-листы брата нашого и листы дозволеныи его жъ милости *и державецъ Полоцкихъ*, и тежъ листы купчыи, и записъ панее Якубовое, тещи своее,.. передъ нами вказывалъ" [36]). Староста Ковенскій панъ Юрій Ивановичъ Ильинича разрѣшилъ престарѣлому человѣку ковенскому Юшку Кинбутовичу взять боярина ковенскаго Балтромея Яновича „за сына мѣсто"—и передать ему землю съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ служилъ съ нея туже службу, какъ и Юшко. Король 8 ноября 1523 г. подтвердилъ разрѣшеніе старосты и укрѣпилъ землю за бояриномъ [37]). Не иначе, какъ съ разрѣшенія воеводъ и старостъ и съ окончательнаго утвержденья господаря, господарскіе крестьяне могли мѣняться своими землями съ князьями, панами, боярами или земянами. Земли ихъ считались достояніемъ господаря, и потому воеводы и старосты должны были блюсти за тѣмъ, чтобы этою мѣною не нанесенъ былъ косвенно убытокъ господарю. При какихъ условіяхъ разрѣшались такіе обмѣны, можно видѣть, напр., изъ подтвердительнаго листа короля Сигизмунда, выданнаго въ 1525 году боярину смоленскому Григорью Софоновичу Денисова Жабѣ. „Тежъ повѣдилъ передъ нами,—читаемъ здѣсь,—што жъ люди наши Суражское волости (Бѣльскаго повѣта)—Бутко а сынъ его Степанъ, а Богданъ, а Мико-

---

[35]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 74.

[36]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 171, 172.

[37]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 128.

лай Рачковичи, а Нарко зъ братомъ своимъ Гринемъ и зъ сынми своими Сидоромъ а Ѳедемъ, а зъ Малашомъ мѣли поля и сѣножати свои промежи его земль Клевиновское а Кгелейковское, а онъ також промежи тыхъ людей земль мѣлъ свои земли, поля и сѣножати; и зъ дозволеньемъ пана воеводы его милости Виленьского (Альбрехта Мартиновича Гаштольда, бывшаго старостою Бѣльскимъ) тыми польми и сѣножатьми и съ тыми людьми нашыми вышейречеными мѣнилъ тымъ обычаемъ: которыи поля и сѣножати люди наши мѣли межи тыхъ его земль, тыхъ поль и сѣножатей они ему ся поступили; а которыи поля и сѣножати онъ мѣлъ межи земль тыхъ людей нашихъ, онъ також тыхъ поль и сѣножатей нашимъ людемъ ся поступилъ, какъ жо зъ росказанья пана воеводы Виленьского намѣстникъ его Суражскій Лавринъ Унучковичъ тамъ выѣджчалъ *и ровности тыхъ обоихъ поль и сѣножатей осмотривалъ и тыхъ людей нашыхъ опытывалъ*, естлибы имъ тая мѣна съ тымъ Григорьемъ была ровна, а не шкодна,—ижъ передъ нимъ повѣдили, ижъ тая мѣна ровна, а шкоды никоторое въ томъ не мають" [38]) и т. д.

Въ устройствѣ крестьянскаго землевладѣнія и служебъ воеводы и старосты преслѣдовали интересы господарскаго хозяйства и возможно большее полученіе доходовъ и господарскихъ, и своихъ собственныхъ. Подобную же дѣятельность и, очевидно, въ тѣхъ же видахъ развивали они и въ господарскихъ мѣстахъ. Правда, что мѣста при резиденціяхъ воеводъ и старостъ въ изучаемое время пользовались уже правомъ самоуправленья, и устройствомъ мѣщанскаго землевладѣнія въ нихъ уже завѣдывало мѣстское начальство [39]), но въ держаньѣ воеводъ и старостъ были, кромѣ того, мелкія мѣстечки, не пользовавшіяся правомъ самоуправленья, и въ нихъ-то они и распоряжались, какъ въ селахъ. Таково было, напр., мѣстечко Воинь, находившееся въ центрѣ волости Воинской, въ которой судилъ и рядилъ намѣстникъ старосты Берестейскаго; это мѣстечко получило магдебургское право только въ 1522 году [40]). Нѣкоторыя изъ этихъ мѣстечекъ даже происхожденіемъ своимъ обязаны были организаторской дѣятельности разсматриваемыхъ правителей. Такъ мѣстечко Клещелязи осадилъ на землѣ Бѣльскаго повѣта панъ Миколай Миколаевичъ въ бытность свою старостою Бѣльскимъ. Но такъ какъ онъ привернулъ мѣщанъ въ тяглыя работы къ пашни дворной Кле-

---

[38]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 224, 225.

[39]) Акты Зап. Рос. II, № 71.

[40]) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 1—4.

щелязской, то ихъ не мало разошлось прочь. Тогда король Сигизмундъ, видя, что это шкодно пожиткамъ господарскимъ велѣлъ снова осаживать мѣсто воеводѣ Виленскому, старостѣ Бѣльскому, пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду. „Ино панъ воевода, — гласитъ подтвердительный листъ короля, данный мѣстечку Клещелязямъ 22 марта 1523 года,—водлѣ росказанья нашого, *хотячи тое мѣсто наше Клещелязи розширити къ пожитку нашому господарскому*, далъ имъ право хелмское, по которому праву они мають ся справовати и рядити, и на то имъ листъ свой далъ" [41]) и т. д. Въ мѣстахъ, находившихся при резиденціяхъ воеводъ и старостъ, были и дворы князей, пановъ, бояръ и земянъ, даже татаръ [42]). Воеводы и старосты принимали извѣстное участіе въ устройствѣ этого владѣнія; напр., намѣстникъ-воевода Смоленскій Иванъ Вяжевичъ далъ нѣкоему Андрею Пыруленку мѣсто „у Валѣхъ" [43]). Но это участіе было собственно однимъ изъ видовъ дѣятельности ихъ по устройству военнослужилаго землевладѣнія, о чемъ будетъ еще рѣчь впереди.

Воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, завѣдывали сборомъ въ своихъ держаньяхъ разнообразныхъ податей и пошлинъ. Въ записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Ивашку Кривцу 2 кади меду прѣсного въ пана Ивана Ильинича зъ дани Смоленское" [44]). Великій князь Александръ, пожаловавъ плебану Дорогицкому князю Андрею шесть ручекъ меду прѣснаго изъ дани Дорогицкой „до воли", выдалъ ему листъ до намѣстника-старосты Дорогицкаго пана Якуба Довойновича и гаевника Дорогицкаго, состоявшаго подъ его начальствомъ по сбору дани съ бортниковъ, имѣвшихъ входы въ господарскихъ пущахъ. Въ 1494 году тотъ же великій князь писалъ воеводѣ Кіевскому князю Дмитрію Путятичу и ключнику Кіевскому Сенку Полозовичу: „Били намъ чоломъ старецъ Завскій и со слугами путными и со всими людми волости Завское и повѣдили передъ нами, што жъ по вси тые лѣта поганство-татарове ихъ бирывали, и того году брали ихъ шестинадцати чоловѣковъ, а иныхъ не брали. Ино, которыхъ будуть того году поганство-татарове брали, тымъ есмо дань нашу отпустили, медовую и грошовую, на два года для ихъ сказы отъ поганства. И вы бы въ

---

[41]) Акты Зап. Рос. II, № 123.

[42]) Ibidem, № 70, 164; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155, 293—294, 341—344; IX, л. 175, 222; XII, л. 71, 90, 118, 217—218 и др.

[43]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129.

[44]) Ibidem, л. 19.

тые два годы тое дани на нихъ съ шестинадцати чоловѣковъ не брали; и какъ тые два года выйдуть, и они мають зася тую дань всю сполна намъ давати по давному, какъ и передъ тымъ даивали" [45]).—Медовую дань принималъ и хранилъ ключникъ, находившійся, впрочемъ, въ подчиненіи у воеводы, а грошовую дань принималъ, очевидно, уже самъ воевода. Приведенный листъ великаго князя Александра указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ отношеніи повинностей мѣстнаго населенія воевода имѣлъ компетенцію, одинаковую съ компетенціею намѣстника-державцы, т. е. не имѣлъ права измѣнять повинностей. Поэтому и волость Завская обратилась съ просьбою объ облегченіи для нѣкоторыхъ своихъ членовъ непосредственно къ самому государю. Вѣроятно, и при организаціи крестьянскаго землевладѣнія и служебъ воеводы и старосты руководились въ отношеніи наложенія повинностей стариною, такъ же, какъ и намѣстники-державцы, хотя разумѣется, здѣсь было болѣе для нихъ свободы.—Подати съ волокъ на Подляшьѣ шли также черезъ руки мѣстныхъ старостъ и во всякомъ случаѣ собирались подъ ихъ вѣдѣніемъ и надзоромъ. Король Александръ придалъ плебану Лосицкому „на поживенье ку костелу" „платъ за волокъ людей лядскихъ и русскихъ, по шести грошей съ кождое волоки съ русское, за грошъ по десети пенезей або по два полугрошки монеты великого князства Литовского, въ кождый годъ на светого Мартина день". Король Сигизмундъ, подтвердивъ данье своего брата, сообщилъ объ этомъ къ свѣдѣнію намѣстнику-старостѣ Мельницкому и Лосицкому Немирѣ Грималичу [46]). Утвержденье, что намѣстники-старосты на Подляшьѣ завѣдывали сборомъ господарскихъ доходовъ, повидимому, опровергается листомъ короля Сигизмунда отъ 29 мая 1523 г., даннымъ пану Петру Станиславовичу на держанье замка Дорогичина. Обозначивъ права старосты, король писалъ: „нижли онъ въ доходъ нашъ и врядниковъ нашихъ, што намъ съ повѣту и зъ мѣста Дорогицкого прыходить, не маеть ничимъ вступатися: мають тыи вси доходы врядники наши на насъ выбирати отъ мала до велика и до скарбу нашого отдавати водлугъ давного обычая, лечъ онъ маеть доходовъ своихъ смотрѣти, што на старосту Дорогицкого прыходять". Послѣдняя фраза даетъ ключъ къ пониманію всего приведеннаго мѣста: король не устраняетъ старосту отъ завѣдыванья своими доходами, а лишь запрещаетъ ему брать въ свою пользу господарскіе доходы, такъ какъ съ этого момента онъ держитъ замокъ Дорогичинъ

---

[45]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2—3, 11.

[46]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

„не заставнымъ обычаемъ, *але какъ державца*“ [47]). До этого же времени панъ Петръ Станиславовичъ держалъ замокъ Дорогичинъ въ заставѣ въ 1000 копахъ грошей и получалъ въ свою пользу всѣ доходы: и господарскіе, и старостинскіе, и доходы другихъ урядниковъ господарскихъ. Урядники, собиравшіе господарскіе доходы на Подляшьѣ, какъ мы уже видѣли выше состояли въ вѣдѣніи и подчиненіи старостъ и дѣйствовали, какъ ихъ помощники. Вѣроятно, и сборъ различныхъ натуральныхъ податей съ крестьянъ въ держаньяхъ воеводствъ и старостъ совершался подъ вѣдѣніемъ ихъ. По крайней мѣрѣ, прямое указаніе въ этомъ смыслѣ имѣемъ относительно старосты Городенскаго. „Билъ намъ чоломъ,—писалъ король старостѣ Городенскому 18 іюня 1511 года,—тотъ солянникъ Городенскій на имя Станко Юрьевичъ и зъ сынми своими Стацомъ а съ Петромъ, а зъ Мартиномъ, што жъ они служили намъ солянкцкою службою и даивали въ кождый годъ по бочцѣ соли на замокъ нашъ Городенскій, и били намъ чоломъ, абыхмо тое соли брати на нихъ не велѣли и казали имъ служити службою панцерною. Ино мы имъ въ томъ ласку нашу вчинили, тую соль имъ есмо отпустили; и твоя бы милость вже тоя соли на нихъ брати не велѣлъ: нехай они намъ служать панцерною службою, на войну ходя, по тому, какъ и иные слуги наши панцерныи посполъ зъ боярами намъ служать“ [48]).

Что касается промысловыхъ налоговъ и торговыхъ пошлинъ, то о порядкѣ ихъ сбора и о томъ участіи, которое принимали въ немъ воеводы и старосты даны были нѣкоторыя свѣдѣнія уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 502—518), попутно съ данными относительно намѣстниковъ-державцевъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя относителъно воеводъ Кіевскаго и Смоленскаго, характеризующія положеніе, которое они занимали въ дѣлѣ сбора торговыхъ пошлинъ и промысловыхъ налоговъ. Московскій посолъ Еропкинъ, ѣздившій въ Литву въ 1488 году подавалъ отъ имени своего правительства такую жалобу: А се на Московскіе земли на гостехъ пошлинъ прибавили въ Литовской землѣ: напередъ того имали въ Кіевѣ тридцатое одно да съ воза по 30 грошей, да Вышегородскаго съ саней по два гроша. А какъ княгини Настасьи въ черници постриглася, и княгини Настасья да князь Семенъ прибавили: хто ся перевезетъ въ суднѣ черезъ Нѣпръ, съ того имали другое тридцатое въ Кіевѣ Вышегородское; а хто переѣдетъ ледомъ Нѣпръ, иного съ

---

[47]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 92, 93.

[48]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

того другово тридцатого не имали; а какъ наѣхалъ на Кіевъ Иванъ Хотховичъ, и онъ и зимѣ уставилъ другое тридцатое въ Кіевѣ Вышегородское, да по третьему грошу съ воза Вышегородского же прибавилъ. А какъ Мартынъ на Кіевъ наѣхалъ, и онъ прибавилъ тридцатое въ Чернобылѣ. А въ Кіевской волости въ Чернобылѣ напередъ того имали по три гроши съ воза" [49]). Итакъ, воеводы, замѣнившіе удѣльныхъ князей и облеченные, въ особенности на первыхъ порахъ, ихъ властью устанавливали новыя мыта „къ пожитку господарскому", а, быть можетъ, также и собственному: упомянутые въ жалобѣ московскаго посла воеводы (1470—1484) [50]) едва ли не собирали мыто чрезъ своихъ слугъ. Въ 1486 году король Казимиръ продалъ мыто Кіевское и Вышегородское и Житомирское жидамъ кіевскимъ и троцкимъ—Симхѣ, Рабчику, Садку и Шомаку Даниловичамъ, Самодыкѣ и Рижку на три года, за 950 копъ широкихъ грошей въ годъ. Извѣщая объ этомъ воеводу Юрья Пацевича, король наказывалъ ему оборонять арендаторовъ отъ тѣхъ, кто бы сталъ наметывать на нихъ данныя господаремъ „квитацеи", или ассигновки, „до року". „А и самъ бы еси имъ ни въ чомъ кривды не чинилъ и въ мыто бы еси нашо и въ промыту не вступался, а и инымъ никому тежъ не надобѣ въ мыто и въ промыту вступати: нехай мыто и промыто вѣдають они, мытники наши, по давному, *какъ издавна было за великого князя Витовта и за Жикгимонта.* Также гостиного товару не надобѣ никому печатать, нехай они, мытники наши, гостиный товаръ печатають по старому. А и ты бы, пане воеводо; въ мытное дѣло нашо не вступался ни во што, а и намѣстнику своему тежъ бы еси не велѣлъ вступатися: нехай мыто вѣдають мытники наши по давному" [51]). Этотъ листъ короля Казимира ссылкою на порядки при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ подтверждаетъ нашу догадку, что при Казимирѣ, послѣ упраздненія удѣльнаго стола въ Кіевѣ, сборомъ мыта завѣдывали нѣкоторое время воеводы. Впрочемъ, уже при воеводѣ Иванѣ Хотковичѣ „до исказы Кіевской", случившейся, какъ извѣстно, въ 1484 [52]), мыто Кіевское держали жиды Симха и Рабей [53]). Съ 1486 г. мыто Кіевское отдавалось обыкновенно на откупъ, и воеводы Кіевскіе

---

[49]) Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. XXXV, стр 60.

[50]) *Wolffa* Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 19

[51]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 20; *С. А. Бершадскаго* Документы и регесты къ Исторіи литовскихъ евреевъ, т. I, № 10.

[52]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VIII, 215.

[53]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 20.

болѣе не вступались въ мытное дѣло. Это не значить, однако, что они не собирали никакихъ торговыхъ пошлинъ. Изъ привилея, выданнаго великимъ княземъ Александромъ мѣщанамъ Кіевскимъ въ 1494 г., узнаемъ, что „осмьникъ" воеводы собиралъ съ мѣщанъ Кіевскихъ „корговщину", съ комяги, т. е. судна, по три гроша, когда суда ихъ шли на низъ; когда же приходили изъ Черкасъ съ рыбою, тогда онъ бралъ „десятое" на городъ; если суда приходили съ рыбою сверху, тогда бралъ мыто свое съ рыбы на торгу. Воеводѣ мѣщане платили и капщину, давали „отъ капи съ корчмы по полтрети копы грошей, а писчого грошъ", а если не уплачивали къ сроку, платили капщину „съ дѣцкованьемъ". Воеводы же собирали, повидимому, и торговые пенязи съ лавокъ, какъ это видно изъ слѣдующей статьи: „А въ которомъ дому сами войтове живуть, съ того дому капи не давати; а што коморы торговые у нихъ въ тыхъ же домѣхъ, съ того плату тежъ не давати". Мясники давали воеводамъ яловицы на Петровъ день; кто привозилъ въ городъ продавать медъ, съ того брали медовое помѣрное: „съ посудины съ вѣка съ полугрошку, а отъ колоды меду—грошъ, а за носатку меду два гроши" [54]). Листъ великаго князя Александра, данный тѣмъ же мѣщанамъ Кіевскимъ въ 1499 году о томъ, какіе уряды должны раздавать отъ себя воеводы и какія пошлины собирать на городъ, къ перечисленнымъ выше сборамъ присоединяетъ еще „обѣсчее". „Коли которыи купцы,—читаемъ въ этомъ листѣ,—а любо казаки приходять до Кіева, а въ которого мѣщанина стануть на подворьи, тотъ мѣщанинъ маеть ихъ обѣстити воеводѣ Кіевскому, або намѣстнику его, *подлугъ давнего обычая*; а естли бы который зъ васъ мѣщанъ не хотѣлъ купца або казака воеводѣ обѣстити, на томъ воеводѣ Кіевскому дванадцать копъ грошей вины". Этотъ же листъ даетъ новое указаніе на то, что воевода чрезъ осмника собиралъ торговые пенязи. „Такожъ,—читаемъ въ немъ,—которыи перекупники на ряду сѣдять, и хлѣбы продають и иныи ярины, тыи вси мають давати осмьнику воеводину, въ каждую суботу, отъ товару по пензѣ; а который человѣкъ похочеть новотный на ряду сѣсти и тыми стравными рѣчами торговати, тотъ маеть дати осмнику куницу, дванадцать гро-

[54]) Акты Зап. Рос. I, № 120. Упоминаемый здѣсь „вѣкъ" разъясняетъ немного, кто такое были „вѣчники", упоминаемые въ записныхъ книгахъ Казимирова правленья. Въ нихъ читаемъ между прочимъ: „Селявѣ—три челядины Добротича и дворъ Губинъ, вѣчниковъ"; „Елку—Исарино село, вѣчниково" и т. д. (Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 22, 36). Вѣчники были либо бортники, либо крестьяне-мастера, приготовлявшіе посуду для меда.

шей" (срав. стр. 505 и 683 третьяго очерка). Воевода собиралъ на городъ нѣкоторые налоги на мѣщанскія ремесла: лучники должны были давать ему луки „къ Великодню и къ Божьему Нароженью, какъ и передъ тымъ даивали", ковали и чеботари—топоры и чоботы, „подлугъ давнего обычая" [55]). Всѣ эти вещи шли на военныя и хозяйственныя потребности господарскаго замка и двора, гдѣ жилъ воевода. При королѣ Сигизмундѣ воеводы завѣдывали въ мѣстѣ Кіевскомъ тѣми же сборами, какъ и при Казимирѣ и Александрѣ [56]). Въ Смоленскѣ рядничіе намѣстниковъ-воеводъ Смоленскихъ взимали „взвѣстку на Москвичахъ, на Тверичахъ и на иныхъ купцахъ чужоземцахъ" [57]). Этотъ доходъ былъ господарскій, и потому господарь предоставлялъ иногда частнымъ лицамъ собирать его въ свою пользу, устраняя, такимъ образомъ, рядничаго намѣстника-воеводы отъ сбора этого дохода. Такъ, король Александръ далъ мѣщанину смоленскому Олисею Лисневу „доходецъ въ мѣстѣ Смоленскомъ, узвѣстку брати, за тые пенязи, што онъ отъ староства давалъ" ему самому „и врядникомъ его милости"; но спустя нѣкоторое время онъ „зася взялъ то на себе, а рекъ Лисневу на иншомъ мѣстцу вказати заплату тымъ пеняземъ" (Лисневъ, очевидно, заплативъ королю челобитье, скоро смѣщенъ былъ со староства Смоленскаго) [58]). Относительно Смоленска необходимо имѣть въ виду, что, такъ какъ отъ удѣльной эпохи въ немъ осталось болѣе должностыхъ лицъ, чѣмъ гдѣ либо, то и торговыя пошлины съ промысловыми налогами, собиравшіяся въ другихъ городахъ воеводами или старостами при помощи своихъ слугъ, здѣсь собирались разными господарскими урядниками. Такимъ образомъ, напр., „съ рѣзниковъ, которые въ мѣстѣ живуть и мяса продають, тотъ доходъ окольничіи бирали" [59]); платъ съ корчомъ въ тѣ года, когда кормы не сдавались господаремъ на откупъ, собирали „къ вѣрной руцѣ" окольничіе и казначей [60]) и т. д. Сопоставляя все, сказанное здѣсь о порядкѣ сбора косвенныхъ налоговъ, съ тѣмъ, что было уже дано относительно этого въ третьемъ очеркѣ, приходимъ къ выводу, что въ сборѣ косвенныхъ налоговъ воеводы и старосты принимали не большее, если не меньшее участіе, чѣмъ намѣстники-державцы. Они собирали обыкновенно

---

[55]) Акты Зап. Рос. I, № 170.

[56]) Акты Зап. Рос. II, № 3; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 72.

[57]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

[58]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 98, 99.

[59]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

[60]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 98, 99.

нѣкоторыя рѣчныя мыта, „взвѣству“ или „обѣсчее“, помѣрное, торговые пенязи, платъ съ ятокъ мясныхъ (натурою), иногда капщину и корчомные пенязи. Но такъ же, какъ относительно намѣстниковъ-державцевъ, это не было общимъ и твердымъ правиломъ. Такимъ образомъ, напр., воевода Виленскій собиралъ чрезъ своихъ слугъ капщину съ корчомъ въ мѣстахъ второстепенныхъ, находившихся въ держаньѣ его воеводства, а въ Полоцкѣ господарь давалъ мѣстнымъ боярамъ на годъ волостку—собирать „варныи куници“ [61]) и т. д.

Дѣятельность воеводъ и старостъ, какъ финансовыхъ агентовъ господаря развивалась и еще въ одномъ направленіи, помимо прямого сбора косвенныхъ налоговъ. Въ изучаемое время право осаживать новыя мѣста въ государствѣ, заводить въ нихъ или селахъ корчмы, учреждать новые торги и мыта принадлежало исключительно господарю, и если это дѣлали частные владѣльцы, то только съ разрѣшенія господаря. Такихъ разрѣшеній, данныхъ лицамъ разныхъ сословій, въ актахъ изучаемаго времени находится большое количество. Приведемъ нѣкоторые, наиболѣе характерные, примѣры. Въ 1495 году великій князь Александръ писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу: „Билъ намъ чоломъ панъ Миколай Сиревичъ и просилъ насъ, абыхмо дозволили ему торгъ мѣти въ имѣнью его въ Жагорѣхъ, а повѣдилъ передъ нами, што жъ торгомъ по двором нашимъ Жомоитскимъ не шкодно есть. Ино, естли будеть торгомъ по нашымъ дворомъ не шкодно, и мы ему тотъ торгъ въ имѣнью его въ Жагорѣхъ дали мѣти“ [62]). Значитъ, если бы учрежденіе торга въ Жагорахъ оказалось шкоднымъ для торговъ по господарскимъ дворамъ, староста долженъ былъ воспрепятствовать приведенію въ исполненіе господарскаго дозволенья. Въ 1499 году тотъ же великій князь Александръ, пожаловавъ пану Григорью Остиковичу „обрубъ пущи“ на нѣмецкой границѣ на р. Сюсяѣ, писалъ въ своемъ привилеѣ: „Тежъ зъ особное ласки нашое даемъ и даруемъ и дозволили есмо ему мѣсто собѣ садити въ той пущи людми прихожими и замокъ збудовати, гдѣ са ему будеть видѣти и которымъ именемъ найменовати и назвати, и торгъ и ярмарки въ томъ мѣстѣ мѣти и со всими пожитки ярмарскими и съ торговыми, и со всими ихъ платы, и тамъ складъ купцомъ мѣти, и корчмы и платы корчомныи; а которыи гости и купцы чужоземцы будуть пріѣжчати съ товари своими до того его мѣста, съ тыхъ

[61]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 137; VIII, л. 428.
[62]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 42.

онъ маеть собѣ мыто брати отъ воза по два гроши; а который тежъ человѣкъ чужоземецъ прійдеть до того его мѣста, маеть обѣститися ему самому або его намѣстнику" [63]). Около 1503 года король Александръ дозволилъ писарю своему Левшѣ Боговитиновичу „въ его имѣньи у Вортели замокъ збудовати на старомъ городищи на островѣ", а мѣстечку его, „которое жъ подъ тымъ его замкомъ", пользоваться правомъ магдебургскимъ; кромѣ того, дозволилъ въ этомъ мѣстечкѣ „торгъ мѣти въ недѣлю, а ярмарокъ въ кождый годъ на часъ, который онъ собѣ обереть; и тежъ гостемъ добровольно бы со всихъ панствъ нашихъ и мѣстъ ѣздити до того его мѣстечка до Левкова и торговати въ камень и въ фунтъ подлѣ Виленское ваги, а въ воршинъ Берестейскій; тежъ мѣщаномъ бы его Левковскимъ волно торговати вездѣ по великому князьству Литовскому со всякою куплею по тому, какъ и иныхъ паньскихъ мѣстъ мѣщане торгують по нашимъ мѣстомъ у великомъ князьствѣ Литовскомъ" [64]). Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1507 году князю Константину Ивановичу Острожскому имѣнье Звяголь въ Кіевскомъ повѣтѣ, данное ему на вѣчность королемъ Александромъ, писалъ въ подтвердительномъ листѣ: „а къ тому, зъ особливоѣ ласки нашое дозволяемъ ему и дозволили есмо въ томъ его имѣнью Звягли замокъ справити, и мѣсто садити, и торгъ во всякую недѣлю мѣти и ярмарокъ въ каждый годъ на святого Дмитрея день; а мыто на него маеть брано быти со всихъ тыхъ купцовъ, которые-колвекъ будуть тамъ пріѣзжати съ купцами своими, отъ копы по полугрошу, и подтверждаемъ то симъ нашимъ листомъ вѣчно на вѣки вѣкомъ" [65]). Въ томъ же году королю заявилъ дворянинъ Мартинъ Вѣковичъ, что въ его имѣньѣ Лялѣхъ, которое онъ имѣетъ въ Жмуди въ Видукльской волости, стекается много народа, и билъ челомъ о дозволеньѣ „въ томъ его имѣньи въ Лялѣхъ мѣсто садити и торгъ справити, и корчмы держати". Король разрѣшилъ ему это подъ условіемъ: „естьли будеть нашимъ мѣстомъ и торгомъ не шкодно" [66]). Въ слѣдующемъ году, подтвердивъ пану Богдану Семеновичу Сопѣгѣ волость Ельную Смоленскаго повѣта, король дозволилъ ему „и городъ зарубити, и мѣсто садити, и корчмы мѣти, и дворы собѣ будовати, и ставы и млыны справити, и къ своему

---

[63]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145—147.

[64]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 300, 301.

[65]) Акты Зап. Рос. II, № 29, III.

[66]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 223.

лѣпшому а вжиточному обернути, какъ самъ найлѣпѣй розумѣючы" [67]). Въ 1509 году Сигизмундъ разрѣшилъ князю Юрью Ивановичу Дубровицкому имѣть вторую ярмарку въ имѣньѣ его Дубровицѣ „на день Святого Крижа, то есть на Воздвиженье Честнаго Креста"; въ томъ же году онъ дозволилъ пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича въ его имѣньѣ Ваневѣ „мѣсто садити съ корчмами и зъ иншими вжитки, какъ онъ самъ налѣпѣй будетъ розумѣти, подъ правомъ холмскимъ", а на томъ мосту, „который онъ своими людьми черезъ рѣку Наровъ тамъ въ томъ своемъ имѣньи збудовалъ", брать мыто въ слѣдующемъ размѣрѣ: „отъ бочки товару отъ одное по грошу, а отъ коня по грошу, отъ великого быдла—отъ вола або отъ яловицы по полгроша, а отъ малого быдла по бѣлому пенязю, отъ пѣшого человѣка по пенязю" [68]). Въ 1510 году выхлопоталъ себѣ право брать мыто въ своемъ имѣньѣ Дряжневѣ панъ Немира Грималичъ: „зъ быдляты, которую будуть проводати, по два пенязи брати, а зъ воза по полугрошью, а отъ плота, которыи плоты рѣкою Бугомъ проводять, по грошу". Онъ мотивировалъ свое челобитье королю тѣмъ, „што жъ дей многіе люди и купцы быдло гонять на продажу чрезъ имѣнье его Дряжнево, и многіе купцы ѣздять на ярмарки черезъ тое жъ имѣнье его на гребли его, которыи жъ онъ гребли зъ великою трудностью а працею оправляеть, и они тыи гребли его казять, и тежъ многіи люди тою рѣкою Бугомъ, которая подъ тымъ его имѣньемъ бѣжить, плоты, дрова провадять и езы его, которыи онъ по той рѣцѣ маеть, розбивають и казятъ, и въ томъ дей ему шкода ся дѣеть" [69]). Отъ 1511 года также имѣемъ королевскій привилей такого же рода. Панъ Мордасъ Мишкевичъ повѣдалъ королю, „што жъ онъ въ имѣньи своемъ отчинномъ, на имя въ Жодишкахъ, замокъ зарубилъ и мѣсто осадилъ, а наши дей (т. е. господарскіе) торги отъ того имѣнья его далеко", и просилъ короля дозволить ему „въ томъ его имѣньи торгъ и корчмы мѣти". „Ино, — писалъ король въ своемъ листѣ, — естли то будеть нашимъ торгомъ не шкодно, и мы зъ ласки нашое за его къ намъ вѣрную службу дозволили есмо ему въ томъ его имѣньи въ Жодишкахъ въ понедѣлокъ торгъ и корчмы держати безъ всякое переказы" [70]). Послѣ того, какъ панъ Мордасъ записалъ Жодишки пану Григорью Станиславовичу Остиковича, котораго онъ взялъ „за сына мѣсто", король

[67]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 296, 297.
[68]) Ibidem, л. 328, 329, 355.
[69]) Ibidem, л. 365, 366.
[70]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 94, 95.

подтвердилъ послѣднему право имѣть торгъ и держать корчмы и кромѣ того, дозволилъ ему имѣть четыре ярмарки каждый годъ: „первый ярморокъ на день Матки Божьи первое, другій ярморокъ на Святое Ганны день, а третій ярморокъ на день Святого Миколая, четвертый ярмарокъ на Святого Яна день"; „и езъ на рѣцѣ Вельи подъ тымъ вышеписанымъ дворомъ и городомъ Жодишскимъ дозволили есмо ему мѣти и съ кождого плоту дерева рубленого и зъ дровъ, и съ кождого судна великого и малого, которые съ куплею пойдуть, по грошу мыта брати" [71]).—Даже корчмы вольныя, т. е. не подлежащія уплатѣ государственнаго налога, въ частнымъ имѣньяхъ дозволялось заводить не иначе, какъ съ разрѣшенія господарскаго. Такъ, въ 1512 году королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ жмудскій Станиславъ Михайловичъ, и просилъ, что бы ему было дозволено имѣть корчму вольную въ его имѣньѣ Сейсяхъ. Король дозволилъ ему это и писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу: „нехай онъ собѣ тамъ корчму держить и платъ съ нее на себе береть; и твоя бы милость не заборонялъ ему тамъ корчмы мѣти до нашое воли" [72]). Корчмы вольныя давались и на вѣчность, при чемъ получившія ихъ лица могли отчуждать ихъ, какъ и имѣнья. Такъ, напр., сыновья пана Петра Олехновича, которому король Сигизмундъ далъ право имѣть корчму вольную въ имѣньѣ его Колошанахъ, спустили эту корчму боярину ошменскому Богдану Пикилевичу, отдали ему господарскій привилей на эту корчму и, кромѣ того, свой особый листъ. По челобитью боярина король 1 окт. 1522 года подтвердилъ ему корчму вольную: „нехай онъ тую корчму на своей земли отчызной маеть подлѣ великой дороги, подлугъ первое данины и листа нашого небощыку пану Петру Олехновичу и листу сыновъ его, который они на то ему дали" [73]) Учрежденіе новыхъ торговъ, мытъ и корчомъ въ частныхъ имѣньяхъ такъ или иначе затрогивало матеріальные интересы господаря; кромѣ того, оно порождало для владѣльцевъ право собирать пошлины и косвенные налоги съ людей, не состоявшихъ въ ихъ подданствѣ. Поэтому и санкція господаря въ такихъ случаяхъ была безусловно необходима, и ее добивались даже такіе князья, какъ Острожскій. Въ 1522 году князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, купивъ у пана Яна Яновича Довойновича имѣнье Сатыевъ въ Луцкомъ повѣтѣ Волынской земли и выхлопатывая у короля подтвердительный листъ на это имѣнье, билъ челомъ о дозволеньѣ

[71]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 102, 103.

[72]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 568.

[73]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 29.

„въ томъ имѣньи замокъ збудовати и мѣсто осадити и торгъ на кождой недѣли въ четвергъ мѣти"; король исполнилъ его просьбу и въ этомъ смыслѣ написалъ ему подтвердительный привилей [74]); въ 1526 году король разрѣшилъ ему строить замокъ, осаживать мѣсто, заводить корчмы и собирать мыто на р. Уллѣ въ купленномъ имъ имѣньѣ Низголовѣ въ Полоцкомъ повѣтѣ [75]); въ 1529 году князь Острожскій выхлопоталъ у господаря право при замкѣ Чернеховѣ садить мѣсто на магдебургскомъ правѣ, завести въ немъ корчмы, имѣть торгъ въ пятницу на каждой недѣлѣ и ярмарку „на Обрѣзанье Господне, то есть на новое лѣто", брать мыто „отъ накладного воза по два гроша" [76]) и т. д. Даже въ своемъ родовомъ и исконномъ владѣніи, въ городѣ Острогѣ, князь Острожскій имѣлъ торги, если не въ силу пожалованья, то въ силу подтвержденья господарскаго. Въ 1527 году онъ представлялъ королю листы Казимира, Александра и самого Сигизмунда на торги „въ замкохъ и мѣстѣхъ своихъ Волынскихъ: *у-въ Острозѣ* два торги, одинъ въ недѣлю, а другій въ пятницу, *а въ Дубнѣ* въ субботу, въ *Ровномъ* въ пятницу, *въ Дорогобужи* въ среду, въ Сатыевѣ въ четвергъ". При этомъ онъ просилъ короля запретить всѣмъ другимъ князьямъ, панамъ и земянамъ Волынской земли имѣть торги въ своихъ имѣньяхъ по тѣмъ же днямъ, ссылаясь на то, что „въ томъ тымъ его милости торгомъ сказа и шкода великая дѣеть"; и перенести ихъ торги на другіе дни. Король выдалъ ему въ этомъ смыслѣ привилей 1 апрѣля 1527 года [77]).

Изъ этого ясно видно, что господарское соизволеніе было источникомъ права частныхъ владѣльцевъ на корчмы, торги и мыта, и въ этомъ отношеніи князья стояли въ одномъ ряду съ боярами. Это право подвергалось ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ по распоряженью господаря. Примѣръ тому мы видѣли въ только что приведенномъ распоряженьѣ короля Сигизмунда о перенесеньѣ торговъ въ княжескихъ, панскихъ и земянскихъ имѣньяхъ на дни, не совпадающіе съ днями торговъ по имѣньямъ князя Острожскаго. Освобождая отдѣльныхъ лицъ изъ торговаго класса или мѣщанъ извѣстныхъ городовъ отъ платежа мыта, господарь относилъ свое распоряженіе не только къ лицамъ, собиравшимъ мыто на него, но и къ частнымъ владѣльцамъ, собиравшимъ мыто въ свою пользу. Такъ, великій князь Александръ въ 1497 году, по случаю упадка бла-

---

[74]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 22.
[75]) Ibidem, л. 374.
[76]) Ibidem, л. 414.
[77]) Ibidem, л. 347.

госостоянія Кіевскаго мѣста отъ ежегодныхъ нападеній крымскихъ татаръ, освободилъ мѣщанъ Кіевскихъ отъ платежа мыта и въ своемъ привилеѣ написалъ: „ино у которыхъ мѣщанъ Кіевскихъ зъ ратуша Кіевского будетъ листъ подъ ихъ печатью мѣстскою, тымъ мѣщаномъ мыта не надобѣ давати нигдѣ, по нашимъ мытомъ, и по князскимъ и по панскимъ и по боярскимъ, и по духовнымъ и по свѣтскимъ, и сухимъ путемъ и водою“ [78]). Въ 1500 году Александръ далъ такую же льготу мѣщанамъ Смоленскимъ на пятнадцать лѣтъ [79]); въ 1511 году король Сигизмундъ отпустилъ мыто по всей своей державѣ мѣщанамъ Полоцкимъ [80]); въ 1524 году Сигизмундъ выдалъ купцу Нисану Симшичу листъ, вывволявшій его „отъ плаченья мыта старого, кромѣ восковничого и соленичого, по всему великому князьству Литовскому, по мытомъ нашимъ (господарскимъ) и князьскимъ, и паньскимъ, и духовнымъ, и боярьскимъ“ [81]) и т. д. Что владѣльцы должны были безусловно выполнять господарскія распоряженія объ освобожденіи купцовъ отъ платежа мыта, это съ полною ясностью открывается между прочимъ изъ судоваго листа короля Сигизмунда по дѣлу мѣщанъ Владимирскихъ съ дворяниномъ Петрашкомъ Калусовскимъ. Этотъ листъ свидѣтельствуетъ также и о томъ, что владѣльцы сами ни въ какомъ случаѣ не могли устанавливать мыто въ своихъ имѣньяхъ, даже въ видѣ мостовой пошлины, а могли сдѣлать это только съ соизволенія господаря, и такой порядокъ существовалъ уже при Витовтѣ. Мѣщане жаловались королю на Калусовскаго, „што жъ бы онъ имъ кривды дѣлалъ и новину уводилъ, мыто на нихъ на добровольной дорозѣ бралъ по грошу а по сту головаженъ соли, гдѣ дей здавна мыто николи не бывало“. Калусовскій въ свое оправданіе представилъ привилей великаго князя Витовта, „што жъ бы великій князь Витовтъ далъ якомусь жиду, на имя Шаню, тое имѣнье Калусово и его потомкомъ со всимъ, зъ землями пашными и бортными и зъ мытомъ гребельнымъ и мостовымъ“. Но мѣщане съ своей стороны, представивъ привилеи в. князя Сигизмунда и королей Казимира, Александра и Сигизмунда на то, „што жъ имъ мыта не давати во всемъ повѣтѣ Володимирскомъ“, заявили: „а на томъ дей мѣстцы, гдѣ Петрашко Калусовскій мыто береть, ни мосту а ни гребли нѣтъ, и мыта тамъ не даивали на томъ мѣстцы, нижли дей ново

---

[78]) Акты Зап. Рос. I, № 149; II, № 3.
[79]) Акты Зап. Рос. I, № 182.
[80]) Акты Зап. Рос. II, № 70.
[81]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 192.

мыто тамъ встановилъ". Калусовскій и самъ признался, что ни моста, ни гребли тамъ нѣтъ. Король оправилъ мѣщанъ и мотивировалъ свое рѣшеніе прежде всего тѣмъ, что мѣщане освобождены отъ платежа мыта, между тѣмъ какъ Калусовскій бралъ съ нихъ мыто; если что онъ и имѣлъ право брать, такъ мыто мостовое и гребельное; но въ имѣньѣ его ни мосту, ни гребли нѣтъ, а слѣдовательно, онъ произвольно установилъ мыто, на что не имѣлъ права [82]). Любопытно, что право собирать въ свою пользу мыто соляное и восковое, наиболѣе доходное, обыкновенно не уступалось владѣльцамъ на вѣчность. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій собиралъ по всѣмъ имѣньямъ мыто восковое и соляное на себя; но послѣ его смерти это мыто въ составѣ другихъ господарскихъ мытъ Волынской земли пошло въ аренду королевѣ Бонѣ [83]).

Послѣ всего сказаннаго, понятно, какое отношеніе могли имѣть воеводы и старосты къ разсматриваемымъ источникамъ господарскихъ доходовъ, помимо участія въ сборѣ самихъ доходовъ. Какъ господарскіе агенты, обязанные блюсти его интересъ, они должны были слѣдить за тѣмъ, что бы пожалованьемъ частному владѣльцу права на сборъ мыта или на учрежденье торга не нанесенъ былъ ущербъ господарскимъ доходамъ. Недаромъ господарь выдавалъ такія пожалованья часто условно: „естли намъ не будеть шкодно"; очевидно, онъ имѣлъ въ виду то разслѣдованіе, которое долженъ былъ произвести воевода или староста, и его докладъ по этому поводу. Акты сохранили и прямыя свидѣтельства, что воеводы и старосты въ такихъ случаяхъ выступали финансовыми агентами господаря. Король Сигизмундъ дозволилъ было дворянину своему Мартину Миколаевичу Вѣковича „въ имѣньи его, которое маеть у Троцкомъ повѣтѣ у Опицкой волости, на имя у Кгружахъ, торгъ и корчмы мѣти и мѣстечко садити". „Ино дей,—читаемъ въ листѣ короля отъ 14 окт. 1524 года,—воевода Троцкій, маршалокъ нашъ дворный, небощыкъ панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича того торгу ему не далъ мѣти; и на то онъ листъ, данину нашу первую, передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему дали тотъ торгъ мѣти у другомъ его имѣньи отчизномъ на рѣцѣ на Ликмели и на Круи, а повѣдалъ намъ, ижъ торгомъ нашимъ не шкодно" [84]) и т. д. Въ этомъ направленіи, конечно, развивали свою дѣятельность и намѣстники-державцы, но гораздо менѣе,

[82]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 475.
[83]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 168.
[84]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 285.

чѣмъ воеводы и старосты. Намѣстники-державцы имѣли дѣло большею частью съ средними и мелкими землевладѣльцами, которые не получали отъ господаря права строить замки, осаживать мѣста, заводить корчмы, учреждать торги и т. д.

Подобно намѣстникамъ-державцамъ воеводы и старосты должны были поднимать пріѣхавшаго господаря стаціею. Напр., въ уставѣ, данной старостѣ Городенскому Юрью Миколаевичу Радивиловича въ 1514 году королемъ Сигизмундомъ, читаемъ: „коли будемъ мѣшкати въ Городнѣ, тогды староста Городенскій маетъ насъ со всихъ тыхъ дворовъ всякими стацеями поднимати, такъ, какъ было за отца и брата нашого, королей ихъ милости; а коли быхмо не мѣшкали въ Городнѣ, а казали быхмо ему стацею давати намъ до Вилни, або гдѣ-кольвекъ, а любо на войну за нами вести, тогды панъ староста маетъ тую стацею намъ давати, подлѣ давного обычая" [85]). Вѣроятно, и другіе старосты и воеводы обязаны были давать стаціи господарю съ дворовъ, находившихся въ ихъ державьѣ, хотя прямыхъ указаній въ источникахъ на этотъ счетъ автору не удалось найдти въ источникахъ, бывшихъ въ его распоряженіи. Мѣста при резиденціяхъ воеводъ и старостъ также давали стаціи господарю. „Тежъ стацей, — читаемъ въ подтвержденьѣ короля Сигизмунда, данномъ мѣщанамъ Полоцкимъ въ 1510 году „на право майдеборское и иншіе вольности ихъ", — не маютъ они посломъ нашимъ и инымъ никому не давати, *только олижъ на нашъ пріѣздъ маютъ стацею давати*" [86]) и т. д. Впрочемъ, такъ какъ мѣста, находившіяся при резиденціяхъ воеводъ и старостъ, въ изучаемое время пользовались правомъ самоуправленья, то и стаціи собирались, вѣроятно, мѣстскимъ начальствомъ и отсылались по назначенію, а воеводы и старосты знали только волостныхъ людей.

Подобно намѣстникамъ-державцамъ воеводы и старосты были и комендантами мѣстныхъ крѣпостей, которые распоряжались ихъ постройкою и ремонтомъ и завѣдывали охраною и обороною ввѣренныхъ имъ территорій. На стр. 524 и 568 третьяго очерка были приведены данныя относительно этого, касающіяся намѣстника-воеводы Полоцкаго. Приведемъ еще нѣкоторыя въ дополненіе къ нимъ. Хотя при Александрѣ и Сигизмундѣ и существовалъ въ Полоцкѣ городничій, помогавшій воеводѣ по городовому дѣлу, тѣмъ не менѣе воевода поручалъ надзоръ за работами и своимъ слугамъ. Въ листѣ воеводы Полоцкаго, излагающемъ разбирательство тяжбы мѣста Полоцкаго съ

---

[85]) Акты Зап. Рос. II, № 87.

[86]) Ibidem, № 61.

волостями по поводу „сыпанья горы замковое и роботы обѣихъ острогов", читаемъ между прочимъ: „И мы спытали того служебника нашого, которому есмо роботу острожную приказали, естли которая робота роблена съ тыхъ дворищъ" [87]) и т. д. Въ 1522 году король Сигизмундъ писалъ къ воеводѣ Кіевскому по поводу жалобъ мѣщанъ Кіевскихъ на его „новины" и „кривды": „А цепники и рядовники маютъ жито и ярины жати подлѣ давного обычая; а серповщинъ они не маютъ никоторыхъ давати. А ты а ни врадники твои не маютъ ихъ судити и рядити, кромѣ войтъ, бурмистри и радци. А *острогъ* мѣщане наши свои дѣлницы маютъ робити; а князьскіе и паньскіе, и духовные люди по тому жъ дѣльницы свои маютъ оправляти" [88]). Король писалъ обо всемъ этомъ воеводѣ, очевидно, потому, что воевода завѣдывалъ всѣмъ этимъ. Въ 1545 году королевскому ревизору, осматривавшему главные замки Волынской земли, князья, паны и земяне заявляли по поводу запущеннаго состоянія Луцкаго замка: „И къ тому дей князь староста и городничій сами своими особами а ни врадники ихъ обецне въ замку не мѣшкаютъ и того не пригледаютъ, и урядниковъ уставичныхъ не ховаютъ, не только дей до году абы одинъ врадникъ у старосты стрывалъ, але часомъ и на одной недѣли два перемѣняются"; и далѣе: „*передъ тымъ городничый особливый и мостовничый особливый бывали, подъ справою и дозрѣнiемъ старостинымъ*, кождый своего враду смотрѣлъ и стерегъ, и завжды добрая справа яко въ замку, такъ и на мѣстѣ бывала" [89]). Итакъ, комендантомъ Луцкой крѣпости былъ староста; въ его распоряженіи и подъ его надзоромъ были городничій и мостовничій, завѣдывавшіе постройкою, ремонтомъ и содержаніемъ въ исправности замка и моста. Городничій и мостовничій слѣдили за тѣмъ, что бы князья, паны, земяне и господарскія волости строили и мостили свои городни. Но нѣкоторыя части господарскихъ замковъ строились на господарскіе доходы, получавшіеся въ повѣтѣ, напр., въ замкѣ Володимирскомъ вежи, въ замкѣ Луцкомъ часть деревяннаго паркана [90]) и т. д. Эти части строились воеводами и старостами, которые отряжали на работы своихъ слугъ для распоряженія и надзора за наемными рабочими. Воеводы и старосты воздвигали иногда замки на окраинахъ своихъ повѣтовъ въ помощь главному замку;—такимъ образомъ, напр., панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ въ бытность

---

[87]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 194—198.
[88]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 72.
[89]) Źrodła dziejowe, tom VI, str. 44.
[90]) Ibidem, str. 6, 32.

старостою Бѣльскимъ построилъ на р. Нарвѣ замокъ того же имени [91]). Въ вѣдѣніи воеводъ и старостъ, какъ главныхъ начальниковъ, которымъ ввѣрены были охрана общественнаго спокойствія и безопасности отъ внѣшнихъ непріятелей находилась и замковая, и полевая сторожа. Князья, паны и земяне Волынскіе, указывая королевскому ревизору, пріѣхавшему въ 1545 году въ Луцкъ, на нерадѣніе старосты о замкѣ, на то, что онъ не живетъ въ немъ, говорили: „А теперъ дей каждый собѣ старшый, и за тымъ жадное радности и справы доброе нѣтъ, и сторожи тежъ, которыи суть у воротъ, по своей воли хочутъ стерегти, а не хотятъ, и они въ мѣстѣ пьютъ и ночуютъ, а ворота и въ ночи и въ день никому не заборонены; а хотя бы кому боронили, и отъ свыволныхъ стерегли, и леда кого въ замокъ не пустили, ино ихъ бьютъ и гвалтомъ ходятъ, а того нихто прысмотрѣты не хочетъ" [92]). Въ 1522 году, выслушавъ жалобы мѣщанъ Кіевскихъ на „кривды" и „новины", починенные имъ воеводою Андреемъ Немировичемъ, и признавъ ихъ только отчасти основательными, король писалъ воеводѣ: „въ томъ мѣщаномъ очевисте росказали, ажбы какъ наши мѣщане, такъ князскіе, панскіе и духовные вси посполу стерегли (на полѣ татаръ); естли бы коли Богъ помогъ твоей милости татаръ поразити, нехай бы они ихъ чергами стерегли". Изъ этого же королевскаго листа узнаемъ, что воевода снаряжалъ и погоню за татарами, въ которой должны были принимать участіе всѣ жители, имѣвшіе лошадей. „Коли дей который мѣщанинъ,—писалъ король, излагая жалобу мѣщанъ,—коня не маеть, и ты дей кажешь имъ зъ собою на погоню ходити, а передъ тымъ таковые пѣшіе мѣщане въ замокъ хожывали; и тежъ дей въ мѣщанъ нашихъ кони на поли и зброи отнимаешь и слугамъ своимъ даешь; и татаръ дей поиманыхъ велишь имъ стеречи и водити" [93]) и т. д.

Воеводы и старосты подобно намѣстникамъ-державцамъ сами выводили или выправляли на войну князей, пановъ, бояръ и земянъ съ ихъ „почтами", мѣщанъ и военно-обязанныхъ крестьянъ, владѣвшихъ землями въ повѣтахъ ихъ держаній. Въ 1488 году король Казимиръ далъ привилей войту Владимирскому Ѳедку Иванову—„зъ войтовства Володимерьского и Литовижьского на войну не ходити, до его жывота, ни съ однымъ старостою Луцкимъ, а ни зъ маршалкомъ Волыньское земьли, а ни зъ намѣстникомъ Володимерьскимъ,

---

[91]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 107, 108.

[92]) Źrodła dziejowe, tom VI, str. 44.

[93]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 62. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 203.

а ни съ земьляны Волыньскоѣ и Володимерьскоѣ земьли" [94]). Въ грамотѣ, данной въ 1522 году Кіевопечерскому монастырю, читаемъ между прочимъ: „А коли служба наша и земская бываетъ, ино они мають посылати на службу нашу съ паномъ воеводою Кіевскимъ десять человѣкъ, на конѣхъ у зброяхъ" [95]). Въ 1524 году, извѣщая старосту Городенскаго пана Юрья Миколаевича о готовящемся нападеніи на украйну царя Перекопскаго съ вспомогательными силами Турокъ, король писалъ ему: „А про то жедаемъ твоей милости, яко пана а рады нашое, абы твоя милость рачилъ собратися со всими слугами своими и быти на одномъ мѣстцу поготову, конно а збройно: а какъ другимъ листомъ нашимъ вашу милость обошлемъ, ажъ бы ваша милость рачили тамъ до Берестья ѣхати. А и княземъ и паномъ, и бояромъ, и дворяномъ нашимъ всимъ, которыи имѣнья свои мають у повѣтѣ твоей милости Городенскомъ, также бы твоя милость казалъ имъ поготову быти, коннѣ а збройнѣ, и съ собою на тотъ рокъ,.... до Берестья ѣхати" [96]). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ староста Городенскій, является главнымъ начальникомъ военныхъ силъ всего Городенскаго повѣта, въ томъ числѣ и тѣхъ округовъ его, которые находились въ держаньѣ особыхъ намѣстниковъ-державцевъ (стр. 176—177 втораго очерка); но, во всякомъ случаѣ, онъ выводилъ военныя силы и староства Городенскаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. Подобный же листъ былъ адресованъ въ 1533 году воеводѣ Виленскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду по случаю донесенія старосты Черкасскаго о томъ, что царь Перекопскій самъ своею головою и съ большимъ войскомъ перешелъ Днѣпръ и стоитъ въ тринадцати миляхъ отъ Черкасъ, намѣреваясь идти далѣе разорять государство. Король писалъ воеводѣ: „А про то, што бы твоя милость въ воеводствѣ и повѣтѣхъ своихъ (воевода былъ старостою Бѣльскимъ и Мозырскимъ), всимъ хоружимъ, княземъ и паномъ, и княгинямъ и панямъ вдовамъ, и бояромъ и дворяномъ, и всимъ подданымъ нашимъ грозно приказалъ, ажъ бы они того часу, ничого не мѣшкая, къ той ся службѣ нашой справили и знарядили, конно и збройно, и были бы вси поготову съ тымъ почтомъ, водлѣ уставы нашоѣ и ухвалы земскоѣ; и якъ мы другимъ листомъ нашимъ обошлемъ, а на который рокъ, на которомъ мѣстцы кажемъ имъ быти, и они бы нехай вжо вси на тотъ рокъ, на томъ мѣстцы, конно и збройно тамъ были, безъ всякоѣ вымовы и безъ

---

[94]) Акты Зап. Рос. I, № 92.

[95]) Акты Зап. Рос. II, № 112.

[96]) Ibidem, № 129.

кождого сплошеньства, и такъ бы ся къ той послузѣ поспѣшили, чымъ нарыхлѣй къ отпору тому непріятелю нашому тягнули, яко на кгвалтъ прислушитъ" [97]). И въ данномъ случаѣ, королевское распоряженіе касалось воеводы, очевидно, какъ главнаго начальника военныхъ силъ воеводства въ широкомъ смыслѣ. Но воеводы выступаютъ иногда по актамъ и въ роли непосредственныхъ начальниковъ того ополченія, которое собиралось въ повѣтахъ ихъ державій, въ воеводствахъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ описи Овруцкаго замка 1545 года читаемъ между прочимъ: „Папове киевские, которые въ повѣте Овруцкомъ имѣня свои к тому замку и вмѣстѣ дворы свои маютъ, суть подъ присудомъ воеводы киевского, винни ехати на послугу господарскую при воеводѣ киевскомъ, якъ ихъ обошлетъ, а при старостѣ овруцкомъ ездити не винни, кромѣ свое доброе воли" [98]). Такимъ образомъ, воеводы были одновременно и главнокомандующими въ цѣлыхъ областяхъ, и командирами извѣстной части областного ополченія, которую они лично вели или выправляли на войну, и подъ своею личною отвѣтственностью.

Эту отвѣтственность раздѣляли вмѣстѣ съ ними хоружіе повѣтовъ, находившихся въ ихъ державьѣ; эти хоружіе были подъ рукою воеводъ и старостъ точно такъ же, какъ были хоружіе и подъ рукою намѣстниковъ-державцевъ. Объ этомъ была уже рѣчь въ третьемъ очеркѣ (стр. 533, 534). Въ дополненіе къ тому, что уже было сказано въ третьемъ очеркѣ, укажемъ здѣсь, что въ Волынской землѣ сверхъ хоружихъ повѣтовыхъ—Луцкаго, Владимирского и Кременецкаго существовалъ еще общій хоружій Волынской земли, заступавшій собою временно маршалка земли Волынской [99]). Урядъ хоружихъ былъ не только почетный, но и доходный. Доходы хоружимъ шли главнымъ образомъ при выбираніи серебщины съ боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ крестьянъ. Въ Полоцкой землѣ хоружій получалъ жалованье съ нѣкоторыхъ волостей по особой „уставѣ", которая получила силу обычая. Въ 1533 году воеводѣ Полоцкому жаловался хоружій господарскій Полоцкій панъ Ѳедоръ Епимаховичъ на подданныхъ господарскихъ, „на всю волость Собезскую и Ольбецкую, што жъ они передъ тымъ *съ стародавнаго обычая* хоружимъ Полоцкимъ, предкомъ моимъ, и мнѣ самому плачивали по десети копъ грошей", а теперь платить не хотятъ. На это волостные уполномоченные

---

[97] Акты Зап. Рос. II, № 173.

[98]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. IV, т. I, № X.

[99]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 65; XV, л. 95, 96; Źródła dziejowe, tom VI, str. 151—153.

отвѣчали: „Мы якъ тогды, такъ и теперь ку тому ся знаемъ, што десять копъ грошей хоружимъ платимъ, нижли теперь вжо толко семь копъ платимъ, а трохъ копъ не доходитъ за тымъ, што господарь его милость поплечниковъ нашихъ, которые зъ нами плачивали, паномъ бояромъ роздалъ". Хоружій возражалъ: „я о томъ ничого не вѣдаю, одно—якъ передъ тымъ платили десять копъ грошей сполна, такъ и теперь мнѣ платите". Но воеводѣ „ся то не видѣло, ижъ бы они мѣли платити и за тые, которые суть розданы", а потому онъ положилъ такую резолюцію: „одно маютъ они, тые волости Собезская и Ольбецкая, семь копъ грошей платити, колько передъ тымъ который зъ нихъ будетъ плачивалъ" [100]). Хоружихъ назначалъ обыкновенно самъ господарь или по челобитью лица, или по представленью воеводы или старосты, которые назначали то или другое лицо на этотъ урядъ „до воли господарской"; при этомъ они руководились иногда желаньемъ мѣстной шляхты. Король Сигизмундъ далъ было хоружство Городенское дворянину своему Марку Гринковичу. Но бояре Городенскіе не пожелали имѣть его хоружимъ, и староста, по ихъ желанью, отдалъ хоружство боярину Яну Миколаевичу Толонковича „до воли господарской". При свиданіи съ королемъ въ Варшавѣ староста ходатайствовалъ за Толонковича, въ чемъ его поддержали и нѣкоторые бояре Городенскіе; король утвердилъ хоружство за Толонковичемъ и выдалъ ему на то листъ 12 сентября 1526 г. [101]).

Въ устройствѣ военнослужилаго землевладѣнія въ повѣтахъ своего держанья воеводы и старосты принимали такое же участіе, какъ и намѣстники-державцы. Воеводы и старосты собственною властью давали иногда имѣнья, въ особенности пустовскія земли, на земскую службу. Такія раздачи, впрочемъ, имѣли силу только „до воли господарской", и если господарь не подтверждалъ имѣнья своимъ листомъ, оно могло отойти отъ владѣльца. Панъ Юрій Пацевичъ въ бытность свою воеводою Кіевскимъ далъ дворянину Сенку Володковичу имѣнье Гостомль, на которое владѣлецъ, однако, не получилъ подтвержденья короля Казимира. Князь Иванъ Дашкевичъ Глинскій выпросилъ это имѣнье для себя у великаго князя Александра, и когда Сенко Володковичъ хотѣлъ было оттягать имѣнье судомъ, то проигралъ дѣло, потому что Юрій Пацевичъ показалъ, что имѣнье онъ далъ ему собственною властью, но не по распоряженью короля. Великій князь

---

[100]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 114, 115.
[101]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 321.

Александръ, разбиравшій это дѣло, постановилъ: „коли Сенько листу отца нашого на то не мѣлъ, а панъ Юрей Пацевичъ далъ былъ ему тое имѣнье Гостомль безъ воли отца нашого, короля его милости, присудили есмо тое имѣнье Гостомль князю Ивану Дашкевичу Глинскому, по тому, какъ перво есмо ему тое имѣнье дали: нехай онъ тое имѣнье держить, а намъ съ того служить" [102]). Вслѣдствіе этого воеводы и старосты обыкновенно только на время давали имѣнья, „до воли господарской", что и отмѣчали въ своихъ листахъ. Такъ, воевода Новгородскій Янъ Яновичъ Заберезинскій далъ нѣкоему Андрею Мацковичу двѣ земли пустыхъ въ Новгородскомъ повѣтѣ, Малыковщину и Текуновщину, „до воли господарской"; король Сигизмундъ своимъ листомъ отъ 30 августа 1522 года подтвердилъ эти земли Андрею Мацковичу [103]). Староста Бѣльскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ позволилъ Андреевой Бородчиной спустить земянину Бѣльскаго повѣта Алексѣю Есифовичу и дѣтямъ его землицу въ Годышовѣ, „полслужбы люди жеребья Перкова", такъ какъ они не могли съ нея служить службу и давать подачки, „а къ тому нѣкоторыи земяне тое земли ее не мало розобрали, а она оборонитися имъ не могла". Дозволенье старосты, однако, имѣло только временное значеніе, потому что Алексѣй Есифовичъ нарочно долженъ былъ обращаться къ королю за подтвержденьемъ, каковое и получилъ 12 февраля 1529 года [104]).—Не имѣя права раздавать населенныя и пустыя земли на вѣчность, воеводы и старосты часто ходатайствовали предъ господаремъ за челобитчиковъ, и ходатайства ихъ, какъ лицъ знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями, обыкновенно уважались господаремъ. Въ 1487 году король Казимиръ писалъ воеводѣ Кіевскому пану Юрью Пацевичу: „што писалъ еси до насъ, што тамъ держалъ землю Карпъ Лупандичъ, а далъ былъ ему землю тую ещо небощикъ князь Семенъ, а потомъ тотъ Карпъ Лупандичъ побѣгъ до Волохъ, а тая земля пуста зостала, а службы намъ съ нее не было, и ты тую землю далъ Тишку; и тыми разы пишешь до насъ, просячи насъ, абыхмо таки того Тишка при той земли оставили. Ино нехай онъ тую землю держить, а намъ съ той земли служить службы по тому, какъ и передъ тымъ намъ съ тое земли служба шла. А какъ дасть Богъ, будемъ у вотчинѣ нашой у великомъ княжствѣ Литов-

---

[102]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 71, 72. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 38, 95.

[103]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 21.

[104]) Ibidem, л. 412, 413.

скомъ, а ты тогды при насъ жо будешь, и мы тогды, довѣдавшися горазд о томъ, и тому дѣлу конецъ вчинимъ, а до тыхъ мѣстъ нехай онъ тую землю держить" [105]). Въ слѣдующемъ году Казимиръ писалъ подобный же листъ воеводѣ Виленскому Олехну Судимонтовичу: „Што еси просилъ въ насъ подкоморему нашему Юшку Стирнелю земли въ Кревскомъ повѣтѣ конокормское, што передъ тымъ Минкгалъ держалъ, а потомъ Карелъ Индрыховичъ Нушъ,—данину, и мы на твоее милости прозбу тую ему землю дали со всимъ по тому, какъ Минкгалъ держалъ и потомъ Карелъ Индриховичъ. И твоя бы милость въ тую землю далъ ему увязанье" [106]). Отъ 1511 года имѣемъ листъ короля Сигизмунда до воеводы Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича, въ которомъ король писалъ: „Били намъ чоломъ бояре Полоцкіе Михайло и Иванъ Невельскіе и просили въ насъ людей нашихъ путныхъ Полоцкого повѣту въ Кубличахъ, на имя Ивана Матѳеева, Охрема, Ермола, Давыда, Рыся, Ѳедота, Макара, Ивана Ермоловича, Ѳѳонаса, Нефедья, Матшака, а повѣдали намъ, што жъ отчина ихъ отошла въ сторону великого князя Московского и не мають ся на чомъ поживити, а тыхъ дей людей только двѣ службѣ путныхъ; ино и твоя милость намъ о томъ повѣдилъ такимъ же обычаемъ *и жедалъ насъ за ними*, абыхмо ихъ тымъ пожаловали противъ ихъ отчизны. И мы имъ въ томъ ласку нашу вчинили, тыи люди имъ есмо дали; твоя бы милость велѣлъ ихъ въ то увязати: нехай они намъ служать потому, какъ на насъ служили были" [107]). Воеводы и старосты ходатайствовали предъ королемъ за челобитчиковъ, даже и не указывая точно предметъ пожалованья, а просто прося „чимъ осмотрѣть и пожаловать". Въ такомъ смыслѣ староста Луцкій кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій писалъ королю Сигизмунду „за земяниномъ Волынскимъ Ивашкомъ Чапличомъ", указывая на его разоренье, „ижъ, какъ замокъ Ровный горѣлъ, онъ въ томъ замку мѣлъ все свое схованье, и што-кольве мѣлъ статку своего, пенязей, зброи и иныхъ речей,—то все погорѣло, праве ни при чомъ зосталъ". Чапличъ просилъ у короля „сельца въ Луцкомъ повѣтѣ въ Жуковской волостцѣ, на имя Гуменниковъ"; „а повѣдалъ намъ,—писалъ король старостѣ,—што жъ въ томъ сельци только пять чоловѣковъ, а то дей люди не даныи а ни служебныи, нежли дей только на роботу ходять къ Жукову, а замку нашому то дей не шкодно". „Прото,—при

---

[105]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 135.
[106]) Литов. Метр. кн. Корон. Переписс. XXVII, л. 8.
[107]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 168.

казывалъ король старостѣ,—абы твоя милость о томъ ся довѣдалъ, естли бы было такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ; будеть ли замку нашому не вельми шкодно, мы на твоее милости писанье и на его челобитье и для его вѣрное службы то вчинили, то сельцо Гуменниковъ ему есмо дали; и твоя бы милость ему въ то увязанье далъ, а къ намъ бы еси о томъ отписалъ" [108]).

Но чаще всего воеводы и старосты принимали участіе въ устройствѣ военнослужилаго землевладѣнія по возбужденью центральной власти, которая передавала имъ свои распоряженія и поручала привести ихъ въ исполненіе. Господарь поручалъ имъ обыскивать людей и земли для челобитчиковъ въ своихъ державахъ. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „у Рудоминску пану Товтвилу Монтовтовичу—земля подъ Войштовтомъ и подъ братомъ его Корюшомъ, а имъ воеводѣ обыскати иная такая жъ, съ чого бы могли послужити" [109]). Въ 1496 великій князь Александръ по челобитью дворянина Васка Сопѣжича объ осмотрѣньѣ его какимъ-нибудь имѣньемъ,—такъ какъ де отчина его отошла къ великому князю Московскому,—поручилъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу обыскать ему и дать какое нибудь село. Юрій Глѣбовичъ далъ ему два села пустовскихъ въ Мощини, Щербиново и Свирково, и „землицу бортную съ селищкомъ Безменовскимъ"; великій князь подтвердилъ все это Васку Сопѣжичу [110]). Король Сигизмундъ по челобитью дворянина Лукаша Скирмина писалъ старостѣ Берестейскому князю Александру Юрьевичу, „ажбы обыскалъ въ Берестейскомъ повѣтѣ два жеребьи пустыхъ и ему далъ". Староста отыскалъ два жеребья, Ранцовскій и Белажинскій, и далъ въ нихъ дворянину „увязанье" и отписалъ объ этомъ королю, который и утвердилъ своимъ листомъ его распоряженье [111]). Въ 1514 году тому же королю билъ челомъ дворянинъ Василій Уколовъ о томъ, „што жъ отчизну его всю непріятель нашъ князь Московскій забралъ во Брянску, и которого села половину въ Новгородскомъ повѣтѣ, на имя Негневичи, отцу его дано, и онъ зъ братьею и зъ маткою своею самъ четвертъ не можетъ ся на томъ поживити и намъ съ чого послужити"; Уколовъ просилъ короля, „абыхмо дали ему сколько человѣковъ, а къ тому земль пустовскихъ въ Новгородскомъ повѣтѣ въ селѣ, на имя у Вол-

[108]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 375.
[109]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3, 5.
[110]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 56.
[111]) Литов. Метр. кн. Запис. л. VIII, 412.

ковичохъ; а повѣдалъ намъ,—гласитъ королевскій листъ,—што жъ въ томъ селѣ у Волковичохъ есть люди конюхи и мучники, и мурали, и садовники, и пташечники". „Прото,—писалъ король воеводѣ Новгородскому Яну Яновичу Заберезинскому,—што бы твоя милость, пане воеводо, обыскалъ въ томъ селѣ у Волковичохъ какихъ людей семъ человѣковъ служобъ а три земли пустовскихъ тамъ же, або индѣ гдѣ, и ему въ то увязанье далъ" [112]). Но обыкновенно челобитчики въ своихъ просьбахъ уже обозначали то или другое имѣнье, опредѣляя его составъ и состояніе въ данный моментъ. Въ этихъ случаяхъ господарь посылалъ за справками къ воеводамъ и старостамъ, буде просимыя имѣнья находились въ ихъ державахъ, съ цѣлью провѣрить показанія челобитчиковъ, а также узнать, не будетъ ли пожалованье этихъ имѣній „шкоднымъ" господарскому замку или двору. Приведемъ здѣсь нѣкоторые примѣры этихъ обращеній въ дополненіе къ тѣмъ, которые были уже изложены выше. Нѣкто Ивашко Русиновичъ просилъ у великаго князя Александра села Сомина во Владимирскомъ повѣтѣ. „И мы о томъ,—писалъ великій князь въ жалованной грамотѣ,—сами очевисто опытывали намѣстника Володимерского пана Василья Хребтовича, какое то есть село, и што намъ съ него плату идеть. И онъ передъ нами повѣдилъ, што жъ тое село вышейписаное Сомино держалъ Козарынъ, а опослѣ того Козарына держалъ братаничъ Козарыновъ Тишко, и того Тишка тыи жъ люди Соминцы забили, и послѣ нихъ ближнихъ никого ся не остало, и отецъ нашъ король его милость тое село прывернулъ къ Володимеру къ двору нашому Турейску; и тежъ повѣдилъ передъ нами, што жъ съ того села Сомина хоживало намъ чотыры колоды овса, а чотыры бочки пива, и съ корчомъ хоживало плату по сорову грошей, а за яловица або за вепра по двадцати грошей, и тежъ тыи люди Соминцы на роботу хоживали къ двору нашому Турейску". Получивъ эти свѣдѣнія, великій князь утвердилъ Сомино за просителемъ [113]). Въ привилеѣ, выданномъ королемъ Александромъ земянину Михну Верещачичу на имѣнье Затурцы въ Луцкомъ повѣтѣ, читаемъ: „Повѣдилъ передъ нами, што жъ дядько его, отца его у первыхъ братъ, Олехно Глѣбовичъ держалъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ на имя Затурцы и потомъ умеръ, а жоны и дѣтей въ себе не мѣлъ, хто бы къ тому имѣнью его близкій мѣлъ быти, выменяя онъ одинъ близкій есть. И перво сего просилъ насъ, абыхмо его къ тому имѣнью дядка его по близости допу-

---

[112]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 88, 89.

[113]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93.

стили, а повѣдилъ намъ, што жъ то ему есть дѣдина и отчина. И мы въ той речи писали до старосты Луцкого, маршалка Волынское земли, намѣстника Каменецкого, князя Семена Юрьевича, абы ся того довѣдалъ, близкій ли онъ естъ къ тому имѣнью дядка своего чиль не близкій, и о томъ до насъ отписалъ. И князь Семенъ здѣсе передъ нами очевисто повѣдилъ, иже въ той речи опытывалъ всихъ князей и пановъ, и земянъ Волыньское земли, и они передъ нимъ повѣдили, ижъ тое имѣнье дядка его ему естъ дѣдина и отчина, и близкого иного никого къ тому нѣтъ, вымѣняя онъ къ тому имѣнью близкій естъ" [114]). Но обыкновенная процедура въ такихъ случаяхъ бывала короче и проще: господарь жаловалъ имѣнье согласно показанью объ немъ челобитчика и извѣщалъ о томъ воеводу или старосту, приказывая ввести челобитчика во владѣнье имѣньемъ, если въ дѣйствительности все окажется такъ, какъ онъ показалъ. Въ 1489 году король Казимиръ пожаловалъ старцамъ Николо-Пустынскаго монастыря селище пустое Княжичи за двѣ мили отъ Кіева за Днѣпромъ. „А повѣдали намъ,—писалъ король воеводѣ Кіевскому Юрью Пацовичу, —штожъ дей то селищо пусто еще за великого князя Витовта, а къ тому дей селищу нѣтъ ничого, только одно озерцо; а намъ дей съ того селища ничого плату нѣтъ. Про тожъ, естли то будетъ такъ, какъ они намъ повѣдали, и мы имъ тое селищо дали, до нашое воли: и ты бы имъ въ томъ селищи дозволилъ пашню пахати" [115]). Въ 1512 году король Сигизмундъ писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу; „Билъ намъ чоломъ боярынъ Жомоитскій Станиславъ Михайловичъ и повѣдилъ передъ нами, што жъ дей ихъ братьи пять, а отчыну малу маютъ и не маютъ дей намъ съ чого послужыти,—и просилъ въ насъ пять земль пустыхъ въ Жомоитской земли въ Росеньской волости, на имя Шедуковщину Визкгайловича а Мейнартовщины Висякговича, а Ендросовщины ройтиниковы, а Монтовидовы Шендяновича повозниковы, а Мацковщины ройтиниковы; а повѣдилъ передъ нами, што жъ дей то земли не данные и не куничные. Ино, естли будетъ такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ, и мы ему тые двѣ земли дали. И твоя бы милость ему въ то увязанье далъ" [116]). Разумѣется и въ тѣхъ случаяхъ, когда пожалованье было безусловно, воеводы и старосты получали извѣщеніе о немъ и приказъ дать „увязанье".

---

[114]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 222.

[115]) Акты Зап. Рос. I, № 39. Срав. II, № 9.

[116]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

„Увязывать", впрочемъ, не всегда поручалось воеводамъ и старостамъ, какъ не всегда поручалось это дѣло и намѣстникамъ-державцамъ. Въ 1507 году, извѣщая намѣстника-воеводу Смоленскаго Юрья Андреевича о пожалованьѣ княгини Олпопѣ Мезецкой пяти служебъ людей въ Вѣжкахъ въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, король писалъ ему: „а ввязати ее въ тые люди послали есмо дворянина нашого Мишка Крыжина" [117]). Въ 1509 году король Сигизмундъ, пожаловавъ князю Өедору Мосальскому село Алексѣйчичи въ Городенскомъ повѣтѣ съ нѣкоторыми службами въ другихъ селахъ, писалъ старостѣ Городенскому Станиславу Петровичу: „И для того послали есмо тамъ дворянина нашого Занка Еловича и казали есмо ему его въ тое село и въ люди тые и въ земли пустовскіе увязати. И твоя бы милость съ тымъ нашимъ дворяниномъ послалъ которого служебника своего, и казалъ обобрати людей съ одного всихъ сумою пятьдесятъ человѣковъ съ службами и съ тыми людми што въ томъ селѣ, а къ тому четыри земли пустовскихъ ему подати" [118]). Въ 1516 году князю Константину Ивановичу Острожскому „дано шесть служебъ людей въ Новгородскомъ повѣтѣ, сельцо на имя Охоново, какъ же за нимъ воевода Новгородскій писалъ, а увезати его милость въ то послано дворянина князя Василья Пузыну" [119]). Чаще всего особые „увязчіе" посылались изъ центра въ тѣхъ случаяхъ, когда вводъ въ имѣнье совершался по суду, хотя и это не было общимъ правиломъ, такъ что и по суду вводить во владѣніе приходилось иногда воеводамъ и старостамъ. Въ 1499 году великій князь Александръ, присудивъ имѣнья Варевцы, Берновъ и Кокотовъ Михайлу Павшичу и Ивашку Семеновичу, у которыхъ оттягивали эти имѣнья князья Полубенскіе, Иванъ и Левъ, приказалъ совершить вводъ во владѣніе воеводѣ Кіевскому кн. Дмитрію Путятичу [120]). Разумѣется, воеводы и старосты не лично „увязывали" въ имѣнья, а посылали своихъ слугъ или „увязчихъ", которые, пріѣхавъ въ имѣнье вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ, собирали крестьянъ и постороннихъ „добрыхъ людей", при которыхъ и объявляли о томъ, что имѣнье принадлежитъ отнынѣ такому-то, а крестьянамъ приказывали слушаться новаго владѣльца; къ крестьянамъ посылалась обыкновенно объ этомъ особая грамота отъ господаря [121]).

[117]) Акты Зап. Рос. II, № 9.

[118]) Ibidem, № 56.

[119]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 227.

[120]) Литов. Метр. кн. Запис. VI л. 270.

[121]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 163—165.

Съ вѣдома и разрѣшенья воеводъ и старостъ, какъ и намѣстниковъ-державцевъ, происходили различныя сдѣлки и переходъ имѣній въ средѣ военнослужилаго класса, хотя окончательное утвержденье и здѣсь было за господаремъ. Панъ Миколай Радивиловичъ въ бытность свою воеводою въ Смоленскѣ разрѣшилъ служебнику своему Андрею Ивашковичу купить у господарскихъ людей Волниныхъ село служебное, съ котораго шла одна служба панцырная, съ условіемъ служить тремя панцырями. Но за окончательнымъ утвержденьемъ Андрей Ивашковичъ все таки обратился къ королю Казимиру, каковое и получилъ 23 января 1487 г. [122]). Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ подсудку Бѣльскому Станиславу Малиновскому „кгрунтихъ и сѣножатки", купленные имъ у мѣщанъ Бронскихъ. „И на то листъ дозволеный,—читаемъ въ королевскомъ подтвердительномъ листѣ,—воеводы Троцкого пана Миколая Миколаевича передъ нами вказывалъ, который же листъ ему панъ Миколай далъ еще въ оный часъ, какъ Бѣлескъ держалъ отъ брата нашого Александра, короля его милости, и въ томъ листѣ выписано, што жъ тые Андрейковичи тую землицу свою передъ войтомъ Бронскимъ вѣчно Малиновскому здали и въ книги мѣстскіе то записали" [123]). Челобитчики при просьбѣ о подтвержденьѣ представляли иногда даже „увязчіе листы" воеводъ и старостъ, а не только „дозволенье"; очевидно „увязанье" воеводы и старосты давали въ тѣхъ случаяхъ, когда въ подтвержденьѣ господаря не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и оно выхлопатывалось только для формы, какъ листъ-твердость на случай претензій на имѣнье со стороны частныхъ лицъ. Въ 1514 году королю Сигизмунду бояринъ Жмудской земли Адамъ Ганусовичъ представилъ листъ старосты Жмудскаго Станислава Яновича, „въ которомъ жо листѣ пишетъ тымъ обычаемъ, што жъ бояринъ нашъ (господарскій) Петрашъ Ямонтовичъ зъ сынми своими зъ Миколаемъ и зъ Лукашомъ, пришодши передъ пана старосту очевисто, сами вызнанье вчинили, ижъ тотъ Петрашъ зъ дозволеньемъ братьи своее рожоное, Довкгирдовымъ и Петковымъ, и ближнихъ, продалъ (Адаму Ганусовичу) дворъ свой властный, всю свою дѣльницу, вымокъ матки ихъ, который же дворъ тому Петрашу и брату его Довкгирду наполъ въ дѣлу достался послѣ матки ихъ, на имя дворъ Кгирдишки, а потомъ братъ того Петраша, на имя Довкгирдъ Ямонтовичъ, продалъ ему дворецъ, свою часть, которую жъ

---

[122]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 126.

[123]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII л. 145.

мѣлъ, также Кгирдишки жъ, вѣчно". Въ силу этого листа, названнаго „увязчимъ", король подтвердилъ имѣнье Адаму Ганусовичу своимъ листомъ [124]). Въ подтвердительномъ листѣ Сигизмунда, выданномъ въ 1523 году дворянину Андрею Мацковичу на разныя имѣнья, читаемъ между прочимъ: „Также повѣдилъ, што жъ купилъ въ боярина Новгородского повѣта Радка Яцковича, зъ дозволеньемъ воеводы Новгородского пана Яна Яновича Заберезеньского, дворецъ на рѣцѣ на Свотровѣ у Новгородскомъ повѣтѣ, который дворецъ тотъ бояринъ справилъ собѣ на пустовщынѣ Сыропятовщынѣ, которую жъ землю пустовскую мы ему дали Своротовского десятку" [125]). Такимъ образомъ, и извѣстное постановленіе Статута 1529 года о томъ, что продавать-покупать имѣнья, мѣняться ими и дарить ихъ можно только предъ господаремъ, а въ его отсутствіе предъ маршалками дворнымъ и земскимъ, или въ повѣтахъ предъ воеводами и старостами, было только простою фомулировкою дѣйствовавшаго права. По Статуту право воеводъ и старостъ на разрѣшеніе сдѣлокъ на имѣнья ограничивалось только имѣньями отчинными. „А што ся дотычеть данины нашое господарское,—читаемъ въ 15 арт. I раздѣла,—тогды не маеть продано быти, а ни отдано перед паны радами и маршалки и старосты нашими, нижли перед нами Господаремъ з волею нашою господарскою". И это ограниченіе врядъ ли было нововведеніемъ Статута 1529 года: при существованіи разныхъ видовъ пожалованій,—до воли господарской, до живота, до двухъ животовъ, на вѣчность, оно само собою должно было выдвинуться въ жизни и, вѣроятно, ранѣе 1529 года.—Предъ воеводами и старостами совершались нерѣдко дѣлежи отчинными имѣньями, которые вписывались въ замковыя книги подобно всѣмъ актамъ, совершавшимся „на врядѣ" воеводъ и старостъ. Такъ, напримѣръ, предъ воеводою Витебскимъ паномъ Яномъ Юрьевичемъ Глѣбовича въ 1530 году 3 сентября подѣлился съ братьями отчиннымъ имѣньемъ бояринъ витебскій Иванъ Зелепуга. „А естли бы который зъ нихъ,—читаемъ въ „дѣльчемъ" актѣ, утвержденномъ воеводою,—хотѣлъ другому которую въ тыхъ имѣньяхъ шкоду або наѣздку вчинити, або одинъ безъ другого мѣлъ въ братьи ихъ части купити, то на таковомъ заруки маеть быти на господаря по десять копъ грошей, а на пана воеводу Витебского десять ру-

[124]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 171, 172.
[125]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113.

блевъ"[126]). Если дѣлежъ имѣньями былъ сложенъ, тогда отчинники брали отъ воеводъ судей „дѣльчихъ", которые и производили разверстку на мѣстѣ[127]). Воеводы и старосты устанавливали и опеку надъ малолѣтними дѣтьми. „А опеку тыхъ дѣтей Ивашковыхъ,—читаемъ въ одномъ „выровѣ" воеводы Виленскаго отъ 11 августа 1542,—присудили есмо Кмитѣ, яко брату старшему: маеть Кмита ихъ зъ имѣньемъ и зъ статками въ опецѣ своей мѣти до лѣтъ ихъ; и кгды лѣта мѣти будуть, маеть имъ имѣнье и статокъ отца ихъ Кмита все въ цѣлости подавати"[128]). По смерти духовныхъ лицъ, завѣдывавшихъ церковными имѣньями, воеводы и старосты назначали „справцу" для этихъ имѣній, который управлялъ ими впредь до прибытія преемника умершему; напр., по смерти архіепископа Полоцкаго Наѳанаила воевода Полоцкій назначилъ „справцею" архіерейскихъ дворовъ боярина господарскаго Охромея Орефича, который и чинилъ судъ и управу въ этихъ имѣньяхъ до того времени, пока не вступилъ на кафедру Полоцкую слѣдующій архіерей — Мисаилъ; Охромею Орефичу были подчинены и „дворные" архіерейскіе урядники, намѣстники и тивуны[129]).

Въ повѣтахъ своихъ держаній воеводы и старосты являются по актамъ такими же судьями, какъ намѣстники-державцы въ своихъ повѣтахъ, съ такими же правами и компетенціею. Какъ и намѣстники-державцы, воеводы и старосты не могли только произносить приговоры, коими рѣшался вопросъ о чьемъ-либо шляхетствѣ: такія дѣла они должны были переносить на окончательное рѣшеніе господаря. Панъ Иванъ Глѣбовичъ, городничій Полоцкій, заявивъ жалобу Полоцкому уряднику воеводы Полоцкаго на Сенька Проселка, „ижъ онъ, будучи у пивѣ у-въ одного чоловѣка господарского, и человѣка его збилъ", взялъ на него дѣцкаго на томъ основаніи, „што жъ онъ естъ городцкій слуга, а не шляхта, не потреба его позвы позывати, але таковыхъ черезъ дѣцкихъ ку праву ставити". Проселокъ пожаловался воеводѣ, утверждая, что онъ шляхтичъ и потому долженъ вызываться „листы позовными", а не черезъ дѣцкаго, въ чемъ ему отъ него „жаль и крывда дѣеться". На судѣ предъ воеводою городничій возражалъ Проселку: „твой отецъ былъ дѣда моего Остафея отчизный человѣкъ нижли отецъ мой, небожчикъ Панъ Глѣбъ, былъ ласкавъ до него и

[126]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 19, 20. Срав. 24 арт. VIII раздѣла Статута 1529 г.

[127]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 45—47.

[128]) Ibidem, л. 26, 27.

[129]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 183, 184.

его выпросилъ у дѣда моего, отца своего пана Остафья". Проселокъ на это отвѣчалъ: „правда есть, што отецъ мой служилъ дѣду и отцу твоему и отъ дѣда твоего пана Остафья Марково деветь годъ держалъ и имѣнье подъ нимъ въ Залѣсьи мѣлъ, але шляхта былъ". Въ доказательство онъ представилъ клейнотъ,—листъ короля Александра, писанный на жалобу матери его до воеводы Полоцкаго, пана Юрья Пацовича. Но городничій съ своей стороны представилъ копію съ листа короля Сигизмунда, писаннаго до воеводы Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича, въ которомъ братья Проселка Мартинъ Проселокъ и Васко Богатыревичъ написаны „слугами городовыми". Кромѣ того, городничій поставилъ передъ воеводою двоюроднаго дядю Проселка, старика, „который же вжо есть што и часъ на остаточномъ концы живота своего", и онъ показалъ: „люди есмо служебные пріѣзчіе, служили есмо пану Остафью Корсаковичу, дѣду пана городничого, и подъ его милостью мѣли есмо земли въ Залѣсьи; и потомъ служили есмо пану Глѣбу Остафьевичу, отцу пана городничого, а того не вѣдаю, естьли есмо шляхта зъ роду нашого". „И мы,—гласитъ „вырокъ" воеводы отъ 16 августа 1533 года,—то убачивши, ижъ *то есть не наша речъ судити о шляхетство*, але господарская, съ обу сторонъ рѣчи есмо выслухавши, и съ тыхъ листовъ ихъ копіи писати казали и дали есмо тую речь до господаря его милости: и кгды, дасть Богъ, будеть его милость у панствѣ его милости, великомъ князьствѣ Литовскомъ, тогды они мають съ собою о томъ мовити передъ его милости обличностью господарскою"[130]). Въ слѣдующемъ 1534 году тому же воеводѣ жаловался Микула Хрещовъ съ братьею на бобровничаго Полоцкаго Яцка Богдановича Быстрейскаго, „ижъ бы имъ примовилъ, абы не были шляхтичы, але дворяне городовые". Бобровничій и передъ воеводою подтвердилъ то же самое. „И мы, — записалъ воевода въ замковыя книги,—имъ то дали на ровсудокъ до господара его милости"[131]). Кромѣ дѣлъ о шляхетствѣ, всѣ другія дѣла воеводы и старосты имѣли право разбирать и рѣшать окончательно. Но такъ же, какъ и намѣстники-державцы, они не могли препятствовать сторонамъ отзываться до господаря, какъ о томъ уже было сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 641, 642, 643), а въ земляхъ Кіевской и Волынской не могли приводить въ исполненіе своихъ рѣшеній по важнымъ дѣламъ безъ указа господаря (стр. 639).

---

130) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 121, 122.

131) Ibidem, л. 237.

Въ присудѣ воеводъ и старостъ находились господарскіе крестьяне разныхъ наименованій, господарскіе мѣщане, не состоявшіе въ магдебургскомъ правѣ, князья, паны, бояре и земяне и другіе военнослужилые землевладѣльцы. Кромѣ того, по дѣламъ о разбоѣ съ поличнымъ, „кгвалтѣ", поджогѣ и изнасилованіи женщины воеводы и старосты, какъ было уже сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 633), судили всѣхъ вообще жителей въ повѣтахъ своихъ держаній. Впрочемъ, эти „старостинскіе артикулы" не вездѣ соблюдались въ такомъ именно количествѣ: въ Кіевѣ напр., мѣщане по дѣламъ о поджогѣ должны были призываться на судъ войта, а не воеводы [132]). Воеводы и старосты разбирали, кромѣ того, дѣла по искамъ на подданныхъ князей и пановъ, бояръ, земянъ и другихъ владѣльцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы „отволовали право" (стр. 632—635 третьяго очерка). На Подляшьѣ старосты Бѣльскій, Дорогицкій и Мельницкій, однако, не судили земянъ-шляхту, которые состояли въ присудѣ земскихъ судовъ, по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ „старостинскихъ артикуловъ" кромѣ того, земельныя тяжбы они разбирали совмѣстно съ земскимъ судомъ, какъ обо всемъ этомъ было уже сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 637, 638). Судебная дѣятельность воеводъ и старостъ такъ же, какъ и намѣстниковъ-державцевъ, фактически уменьшалась отъ перехода дѣлъ къ господарю, а отъ господаря часто къ судьямъ-коммиссарамъ, которыхъ господарь посылалъ разбирать тяжбу на мѣстѣ, или къ судьямъ „полюбовнымъ прошонымъ", которыхъ стороны брали сами для разбирательства ихъ тяжбы; много дѣлъ рѣшалось помимо воеводъ и старостъ, кромѣ того, судьями полюбовными, которыхъ стороны сами приводили или брали отъ воеводъ и старостъ, и, наконецъ, копными судами. Подробности относительно всего этого, а равно о значеніи суда воеводъ и старостъ, объ обстановкѣ, при которой онъ совершался, большею частью даны уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 642—663). Кромѣ того, общія опредѣленія относительно суда воеводъ и старостъ читатель можетъ надти въ сводномъ текстѣ „Уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства", изданномъ г. Ясинскимъ (стр. 181—195). Нѣкоторыя дополненія здѣсь необходимо сдѣлать только относительно присуда воеводъ и старостъ въ мѣстахъ, объ отношеніяхъ, существовавшихъ между „городскимъ" и „мѣстскимъ" присудами. По привилею, полученному городомъ Полоцкомъ на магдебургское право, и дополнительному къ нему привилею

---

[132]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

великаго князя Александра отъ 12 іюля 1499 года, войтъ съ бурмистрами и радцами не имѣли права разбирать земельныя тяжбы мѣщанъ и путныхъ людей: „Што ся тычетъ права земляного, кому бы до кого дѣло было о земли, будь боярину до мѣщанина а любо до путника, а любо мѣщанину а любо путнику до боярина: тые суды маетъ судити намѣстникъ нашъ Полоцкій *съ старшими боярами* Полоцкими, подлугъ давного обычая. Тежъ которыи бы ся дѣла пригодили о границахъ земляныхъ, хто бы кому границу сказилъ; то тежъ маетъ намѣстникъ нашъ Полоцкій ѣхати, а любо бояръ сослати, того дѣла судити подлугъ давного обычая". Кромѣ того, по искамъ иностранцевъ, „коли отколѣ послы пріѣдутъ о обидныхъ дѣлѣхъ земскихъ, съ Новагорода, со Пскова, зъ Лукъ або зъ Нѣмецъ", судъ долженъ былъ производить опять таки намѣстникъ съ старшими боярами, „призвавши къ собѣ войта и старшихъ мѣщанъ, будетъ ли ся што тыкати дѣла мѣстского,... какъ и передъ тымъ бывало". Наконецъ, путники, живущіе въ Дрисецкой волосткѣ, должны были судиться по старому у бояръ, которые держали эту волостку по годамъ. Войтъ съ бурмистрами и радцами не имѣли права судить боярскихъ людей, жившихъ въ городѣ и на мѣстѣ, на земляхъ отчинныхъ или купленныхъ, и писать ихъ въ магдебургское право: они должны были собща съ мѣстомъ только платить серебщину и другіе „поплатки"; кромѣ того, войтъ, и мѣщане не имѣли права боярскихъ „холопьи невольноѣ и робъ и людей въ пѣнязехъ пріимати а ни судити ихъ въ томъ нѣмецкимъ правомъ": судить ихъ долженъ былъ намѣстникъ Полоцкій „городскимъ правомъ" [133]). Въ слѣдующемъ году великій князь выдалъ новый привилей городу Полоцку, въ силу коего произошли важныя перемѣны въ отношеніяхъ между мѣстскимъ и городскимъ присудами. Всѣ мѣщане, которые издавна жили въ селахъ и служили господарю вмѣстѣ съ сельскими путниками и подъ именемъ ихъ, были выключены изъ состава мѣщанскаго общества и отданы въ присудъ городовой; въ магдебургскомъ правѣ оставлены были только такіе сельскіе путники, которые имѣли дома въ Полоцкѣ и какую-либо недвижимую собственность. Мѣстское начальство получило право разбирать земельныя тяжбы мѣщанъ между собою, а урядникъ Полоцкій и бояре болѣе уже не имѣли права вступаться въ такія дѣла, судить и рядить; только въ тѣхъ случаяхъ, если истцомъ или отвѣтчикомъ въ земельной тяжбѣ былъ „городскій чоловѣкъ", намѣстникъ долженъ былъ посылать на смѣстный судъ боярина господарскаго или слугу

---

[133]) Акты Зап. Рос. I, № 175.

своего. Всѣ люди владыки Полоцкаго, игуменьи, боярскіе и поповскіе, живущіе въ мѣстѣ, должны были слушаться права магдебургскаго, равно и „ремесники: пекары, мясники, пивовары, дойлиды" и др.; намѣстникъ Полоцкій съ боярами не должны были въ нихъ вступаться; всѣ мѣщане, заложившіеся за намѣстника, владыку, игуменью, бояръ, игуменовъ и поповъ, возвращались подъ право магдебургское [134]). Такія отношенія между мѣстскимъ и городовымъ присудомъ de jure продолжали существовать въ Полоцкѣ и въ правленье Сигизмунда, хотя de facto и нарушались иногда, какъ это видно изъ жалобы мѣщанъ Полоцкихъ на воеводу Петра Станиславовича, поданной около 1527 года [135]). Приведенные здѣсь факты изъ исторіи магдебургскаго права въ Полоцкѣ показываютъ, что даже въ одномъ городѣ отношешенія между замковымъ урядомъ и мѣстскимъ управленьемъ были de jure въ разное время разныя. Тѣмъ болѣе справедливо это относительно разныхъ городовъ. Въ области подсудности различіе замѣчается главнымъ образомъ относительно господарскихъ и частновладѣльческихъ ремесленныхъ и торговыхъ людей, жившихъ въ мѣстахъ. Въ однихъ городахъ, какъ въ Волковыйскѣ, они не только тянутъ съ мѣщанами въ повинностяхъ и платежахъ, но и состоятъ въ магдебургскомъ правѣ [136]); въ другихъ городахъ они тянутъ съ мѣщанами только въ повинностяхъ и платежахъ, а судятся своими панами, господарскіе люди—мѣстными замковыми урядниками: такъ было, напр., въ Кіевѣ, Минскѣ [137]) и до 1500 года въ Полоцкѣ. Для Кіева необходимо еще отмѣтить юрисдикцію воеводина осмника по мелкимъ преступленьямъ, совершившимся на рѣкѣ или на берегу, „какъ бы отъ берега палицею докинути", и юрисдикцію намѣстника митрополичьяго и воеводы по блуднымъ дѣламъ [138]). Въ силу особыхъ привилеевъ отдѣльныя лица выключались изъ права городоваго и включались въ право мѣстское магдебургское и наоборотъ. Князь Свидригелло Ольгердовичъ пожаловалъ нѣкоему Семену мельнику, „млынъ у Володимери на Лузѣ и далъ ему съ того млына брати третюю мѣрку, а двѣ мѣрки на замокъ Володимерскій давати"; потомъ внуку этого Семена Шимку Стринскому онъ пожаловалъ дворище „за стайнею

---

[134]) Акты Зап. Рос. I, № 185.

[135]) Акты Зап. Рос. II, № 61, 147.

[136]) Ibidem, № 13.

[137]) Акты Зап. Рос. I, № 207; II № 164; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

[138]) Акты Зап. Рос. I, № 170.

на горѣ", позволилъ выстроить еще два млына, одинъ „межи городомъ и церковью русскою Пречистое Богоматери на Рибнику", а другой „на Риловцы", „и съ права городового его вызволилъ, а привернулъ его въ право мѣстское майтборское". Служебникъ господарскій Васко Колчковскій, къ которому перешли по женѣ эти мельницы и дворище, въ 1518 году билъ челомъ королю, „абыхмо,—гласитъ королевскій листъ,—тыи млыны и дворищо потвердили ему нашимъ листомъ на вѣчность и съ права мѣстского, въ которомъ тые предки первого мужа жоны его были, его вызволили а казали быхмо ему быти *въ земскомъ правѣ въ городовомъ*". Король исполнилъ эту просьбу и написалъ ему въ привилеѣ: „кому-кольвекъ будетъ въ чомъ до него дѣло, тотъ маетъ на немъ того правомъ искати передъ старостою нашимъ Володимерскимъ" [139]).

Воеводы и старосты еще болѣе, чѣмъ намѣстники-державцы, держали при себѣ слугъ, которые помогали имъ въ управленьѣ, отправляли при нихъ различныя должности и выполняли ихъ различныя порученія, а въ окраинныхъ замкахъ составляли постоянный гарнизонъ и конвой воеводъ и старостъ. Всѣ эти слуги находились на иждивеніи своихъ пановъ, которымъ господарь давалъ иногда вспоможенье на ихъ содержаніе. Такъ, король Сигизмундъ, назначивъ воеводою въ Кіевъ пана Юрья Михайловича Монтовтовича и принимая во вниманіе, „ижъ онъ маетъ, на томъ замку нашомъ украинномъ мѣшкаючы, не малую суму слугъ ховати ку службѣ нашой, а поживитися съ тыми слугами своими не маетъ чимъ", придалъ ему „на поживенье" къ воеводству Кіевскому платъ съ корчомъ и мыто, кромѣ оргиша, и половину плату съ корчмы Черкаской съ того времени, „какъ Дѣдко року своего додержитъ" [140]). Король Александръ далъ князю Василью Львовичу Глинскому „за его вѣрную службу" староство Берестейское съ урядомъ ключа Берестейскаго до живота, а „ку захованью слугъ на замку Берестейскомъ" придалъ ему 50 копъ съ корчомъ и 50 копъ съ мыта Берестейскаго на каждый годъ. Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему староство съ ключомъ, причемъ князь Глинскій отказался отъ ста копъ грошей съ мыта и корчомъ, но за то получилъ въ свою пользу поборные пенязи и куницы Берестейскія [141]). Но кромѣ собственныхъ слугъ воеводъ и старостъ, при нихъ проживали иногда и господарскіе дворяне, которымъ на-

---

[139]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 22, 28.

[15]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 151.

[141]) Ibidem, л. 154.

значалось „лежанье" въ резиденціяхъ воеводъ и старостъ, и которые кормились отъ дававшихся имъ правительственныхъ порученій. Король Сигизмундъ, пожаловавъ дворянину Яцку Путятѣ двѣ службы людей щитвыхъ въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, писалъ 4 августа 1510 года намѣстнику Смоленскому: „и ты бы которому дворянину нашому велѣлъ его въ то увязати, што тамъ дворяне наши тыми разы при тобѣ мѣшкають" [142]. Въ Полоцкѣ существовали особые городскіе дворяне, по общественному своему положенію стоявшіе, какъ мы уже видѣли, ниже бояръ-шляхты. Они также посылались по различнымъ порученіямъ, напр., ѣздили съ послами Полоцкими въ Новгородъ, Псковъ, Луки, Ригу „о земьскихъ дѣлахъ обидныхъ" [143]). Очевидно, эти дворяне остались въ Полоцкѣ отъ удѣльнаго времени.

Но большею частью воеводы и старосты въ такихъ случаяхъ обходились при помощи своихъ слугъ. Изъ среды этихъ слугъ выходили намѣстники воеводъ и старостъ, чинившіе суды и управу въ отдѣльныхъ волостяхъ ихъ державій и въ самыхъ резиденціяхъ во время отсутствій воеводъ и старостъ. Изъ числа слугъ воеводъ были и маршалки ихъ, которымъ они поручали производить судъ по отдѣльнымъ дѣламъ въ городѣ, и которыхъ посылали разбирать земельныя тяжбы на мѣстѣ, производить раздѣлъ имѣньями и т. д. Такъ, напр., намѣстникъ Витебскій князь Михаилъ Ивановичъ Жеславскій, которому донесли на Гостмирцевъ Ивана, Еска и Ивана, „што жъ они держать за собою служебную землю на имя Грицевщину опричъ своее отчизное земли", высылалъ въ 1495 г. на мѣсто довѣдаться объ этомъ боярина Витебскаго Илью Мостычина и маршалка своего Костюшка. „Съ посланья пана Ивана Ходкевича въ тотъ часъ, кгды Витебскъ держалъ", его маршалокъ Яцко Сушковичъ вмѣстѣ съ Иваномъ Олферьевичемъ дѣлили боярина витебскаго Олехна съ братьею, „зъ дозволенья ихъ самыхъ", людьми и землею ихъ отчизною [144]). Воевода Витебскій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича, разобравъ тяжбу князя Дмитрія Романовича Виденицкаго и его жены Ѳеньки съ бояриномъ витебскимъ Гуркомъ Олехновичемъ о наслѣдствѣ и присудивъ послѣднему третью часть, „на раздѣлъ тыхъ речей на три части" „высадилъ" городничаго господарскаго Витебскаго Романа Гарасимовича съ боярами, а также намѣстника своего Витебскаго Лукаша Бевскаго и маршалка своего Ивана Суморока. Въ судовомъ листѣ того же воеводы по дѣлу кня-

---

[142]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 167, 168.

[143]) Акты Зап. Рос. I, № 175.

[144]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 31, 66.

гини Анны Борисовны Жилинской и сына ея Ивана съ бояриномъ господарскимъ Иваномъ Зеленугою о насильственномъ захватѣ земель читаемъ между прочимъ: „И положили есмо той присезѣ ихъ рокъ въ понедѣлокъ пришлый и на тотъ рокъ послали есмо городничого господарского Вытебского пана Романа Гарасимовича а ключника господарского Вытебского Григорья Олферьевича, а намѣстника нашого Витебского Лукаша Безского, а маршалка нашого Ивана Сумарока тое присеги межи ними догледѣти“ [145]. Упомянутый здѣсь Лукашъ Безскій является потомъ маршалкомъ у того же пана Яна Юрьевича Глѣбовича, ставшаго воеводою Полоцкимъ. Этотъ маршалокъ стоитъ во главѣ судной коммиссіи, которая по порученью воеводы разбираетъ разныя дѣла. Такъ, напр., 21 іюня 1533 года маршалокъ Лукашъ Безскій и намѣстникъ воеводы Черсвятскій Янъ Лось слушали жалобу одной подданной боярыни Левоновой на Михна Левоновича, который ее „пхнулъ и кордомъ вдарилъ“; присудили Михну „тую жонку, яко тяглую, рублемъ грошей навезати“. Въ тотъ же день маршалокъ и намѣстникъ Черсвятскій вмѣстѣ съ намѣстникомъ пана Петра Станиславовича Селедцовскимъ Венцлавомъ Смоликомъ разбирали тяжбу боярина Яцва Голубцевича съ человѣкомъ Гридкомъ Отрехимовымъ. Бояринъ утверждалъ, что Гридко — его „паробокъ невольный“, убѣжавшій отъ него; въ доказательство онъ ссылался на судовый листъ Богдана, намѣстника бывшаго воеводы Полоцкаго пана Петра Станиславовича. Но когда судьи потребовали на лицо этотъ судовый листъ, бояринъ заявилъ, что листъ украденъ у него Гридкомъ. Гридко отвергъ это и поставилъ шацу „до книгъ пана Богдановыхъ“; но бояринъ не согласился на это судебное пари: „бо не вѣдаю, естли то записано въ книги, нижли готовъ есми о томъ послатися до устного сознанья пана Богданова“. Судьи, не чиня конца дѣлу, перенесли его въ тотъ же день на судъ самого воеводы, который оправилъ Гридка на томъ основаніи, что бояринъ не заявлялъ уряду о пропажѣ листа и не бралъ копіи съ него изъ книгъ замковыхъ: „бо въ таковыхъ речахъ зъ уряду листы судовые съ книгъ маютъ даваны быти“ [146]. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что такія же порученія, какія давались маршалкамъ, давались и другимъ слугамъ, однимъ или вмѣстѣ съ мѣстными господарскими урядниками. Воеводы

[145]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 43—45; 54—58.

[146]) Ibidem, л. 176, 181. Срав. Литов. Метр. кн. Суд. дѣлъ XI, л. 21 о судѣ маршалка воеводы Виленскаго.

Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича въ 1530 году жаловались Гостиловцы на Госплянцевъ „о дерево бортное яловое и о подписъ, ижъ свой на ихъ подписъ клали“. „И мы,—гласитъ запись воеводы,—росказали врадннку нашому Левонидову тамъ выѣхати и того, межи ними довѣдавшися, досмотрѣти, и на што они доводъ чинятъ, то тые маютъ держати, а на што доводу не маютъ, на чомъ зъ нихъ которые присегнуть, то тые маютъ держати“ [147]). Въ 1533 году бояринъ полоцкій Яцко Богдановичъ Голубцевича жаловался воеводѣ на боярина Полоцкаго Андрея Михайловича: „онъ кгвалтомъ моцъю гоны бобровые цотовые погонилъ на Начы рѣцѣ, мене не обсылаючы“. Но Андрей заявилъ, что онъ бобровъ билъ „во власности жоны моее, гдѣ жъ тобѣ никоторого вступу нѣтъ“. „И мы,—гласитъ судовый листъ воеводы,—имъ рокъ земскій положили двенадцать недѣль; а кгды тотъ рокъ пришолъ, мы на тую землю *ѣздоковъ* выслали, городничого господарского пана Ивана Глѣбовича а служебника нашого Молодена, которые жъ намъ отказали тымъ обычаемъ... И мы водлугъ статутъ господарскихъ, за листы и за годнѣйшимъ доводомъ Андреевымъ, тую землю, тотъ островъ и тые бобровые гоны ему есмо и его жонѣ присудили“ [148]).—Изъ среды слугъ воеводъ и старостъ выходили и ихъ дѣцкіе, увязчіе и вижи. Такъ, напр., воевода Полоцкій посылалъ въ 1533 году коморника своего Ивана Волынца *дѣцкимъ* для взысканья съ людей игуменьи Полоцкой Вчановцевъ полторы копы грошей, присужденныхъ на нихъ копою въ пользу кн. Богдана Глинскаго. Дѣцкій пріѣхалъ съ вяземъ и „стороною“, людьми городничаго Витебскаго—намѣстникомъ Сташкомъ и старцемъ Власовскимъ Семеномъ Васильевичемъ. Когда Вчановцы не захотѣли заплатить добровольно, дѣцкій „пограбилъ“ у нихъ три клячи съ жеребенкомъ [149]). Въ томъ же году воевода Полоцкій, получивъ отъ господаря увѣдомленье о пожалованіи дворянину Володку имѣнья Кшоловъ съ приказаньемъ ввести его во владѣніе, послалъ съ листомъ „увязчимъ“ служебника своего Веницу, который, пріѣхавъ въ имѣнье вмѣстѣ съ Володкомъ, собралъ „земцы того имѣнья“ и „иншыхъ людей добрыхъ“ и въ присутствіи ихъ совершилъ актъ ввода во владѣнье [150]). На то, что и вижами посылались обыкновенно слуги воеводъ и старостъ, указанія источниковъ были приведены уже въ третьемъ очеркѣ (стр.

---

[147]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 3.

[148]) Ibidem, л. 155—157.

[149]) Ibidem, л. 171, 172. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 54.

[150]) Ibidem, л. 163—165.

665, 666).— Изъ среды слугъ воеводъ и старостъ выходили упоминавшіеся выше осмникъ воеводы Кіевскаго, рядничій намѣстника-воеводы Смоленскаго (въ Брянскѣ „редничое" было одною изъ волостокъ, которыя раздавалъ господарь), „мытники" воеводъ и старостъ, ихъ сокольничіе, ловчіе, езовничіе, неводничіе. Въ Витебскѣ существовали даже особые конюшіе воеводы на ряду съ конюшими земскими. Въ 1531 году воеводѣ Витебскому жаловался его конюшій Иванъ Борейшинъ на людей Брушанскихъ: „который доходъ перво сего здавна даивали *конюшимъ первыхъ воеводъ Вытебскихъ*, а теперь того дохода мнѣ давати не хотятъ". Брушане возражали: „мы почонши зъ давныхъ лѣтъ ажъ до тыхъ часовъ николи доходовъ жадныхъ никоторому конюшому не даивали, на што жъ и листъ господарскій въ себе маемъ, черезъ который господаръ его милость насъ съ тыхъ доходовъ вызволилъ". Но въ листѣ, который они представили, господарь писалъ только воеводѣ Янушу Костевичу (1514—1517) на ихъ жалобу: „естли бы было такъ, какъ они повѣдили, будуть ли они здавна тыхъ доходовъ конюшимъ не даивали, абы и теперь не давали". Иванъ Борейшинъ ставилъ шапку до Ивана Чернаго, конюшаго намѣстника Витебскаго пана Юрья Глѣбовича (1503—1508), до Богдана Бѣлиницкаго, конюшаго пана Януша Костевича, и до Щурипскаго, конюшаго пана Ивана Сопѣги, „на томъ, ижъ тые конюшіе передъ тымъ листомъ и послѣ того листу тыи доходы свои на нихъ бирали". Брушане не сослались на поименованныхъ лицъ, и воевода рѣшилъ дѣло въ пользу своего конюшаго. При разбирательствѣ этого дѣла между прочимъ присутствовалъ *конюшій Витебскій* Василій Копоть [151]. Существованіе особыхъ конюшихъ намѣстниковъ-воеводъ Витебскихъ даетъ основаніе предполагать, что въ Витебскомъ повѣтѣ господарскіе луга и пастбища эксплуатировались отчасти и въ пользу намѣстниковъ-воеводъ, подобно тому, какъ эксплуатировались отчасти въ ихъ пользу и „буды" въ господарскихъ пущахъ [152]), бывшія въ другихъ повѣтахъ исключительно господарскою доходною статьею. — Наконецъ, изъ числа служебниковъ воеводъ и старостъ были ихъ писари и дьяки. Писари были начальниками дьяковъ, какъ это обнаруживается изъ одного судоваго листа великаго князя Александра отъ 1499 года, въ которомъ читаемъ между прочимъ: „И онъ (панъ Григорій Станьковичъ) въ томъ межы ними смотрѣлъ и судъ свой намъ отказалъ, што жъ сынъ Ѳедковое Юрьи передъ нимъ самъ ся прызналъ, ижъ тотъ листъ

[151]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 34.

[152]) Акты Зап. Рос. I, № 127.

отца нашого судовый, што Тишко па тую свою куплю и выслугу мѣлъ, коли служилъ *въ писаря нашого Ѳедкова Григорьевича въ Яцка дьяка*, содралъ" [153]) и т. д. По актамъ встрѣчаемся, напр., съ писаремъ воеводы Виленскаго Миколая Радивиловича Сенькомъ Тереховичемъ, которому великій князь Александръ въ 1494 году подтвердилъ разныя имѣнья въ Смоленскомъ повѣтѣ [154]); съ писаремъ воеводы Троцкаго пана Миколая Миколаевича Ескомъ Ивановичемъ, которому король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ войтовство въ одномъ селѣ Бѣльскаго повѣта [155]), съ писаремъ старосты Жмудскаго земяниномъ Андреемъ Мацковичемъ, которому король въ 1512 году пожаловалъ „на поживенье" десять человѣкъ и четыре пустовщины въ землѣ Жмудской, съ порученьемъ старостѣ „обыскать" людей и пустовщины [156]); съ писаремъ старосты Дорогицкаго [157]) и т. д.; изъ дьяковъ по актамъ встрѣчаемъ, напр., Сопотка Стецковича, дьяка воеводы Виленскаго пана Миколая Миколаевича, которому король Сигизмундъ въ 1512 году пожаловалъ людей и пустовщины въ Мойшакгольскомъ повѣтѣ по случаю потери имъ отчины, отошедшей въ сторону в. кн. Московскаго и разоренья другаго его имѣнья, подлѣ Клецка, отъ поганства-татаръ [158]).

Воеводы и старосты подобно намѣстникамъ-державцамъ почти совсѣмъ не получали кормовъ отъ мѣстныхъ жителей. Большинство ихъ осталось въ дворцахъ удѣльныхъ князей, при которыхъ было полное хозяйственное обзаведеніе, скотъ и различные съѣстные припасы. Кромѣ того, и въ волостяхъ, находившихся въ ихъ держаньѣ, существовали въ большинствѣ случаевъ господарскіе дворы и дворцы, а сами они вошли въ роль господарскихъ приказчиковъ, замѣнили тивуновъ и стали не только кормиться съ господарскаго хозяйства, но и получать съ него, какъ мы видѣли, извѣстный процентъ чистаго дохода. Какъ на остатокъ древнихъ кормовъ, можно указать, напр., на мясо, которое давалось каждую субботу въ Новгородкѣ Литовскомъ на замокъ, съ ятокъ мясныхъ; но „коледы и волочобного" (полюдья?) мѣщане уже не платили, „подлѣ давного обычая" [159]); такимъ же

---

153) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 634.
154) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 86.
155) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.
156) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 36.
157) Акты Зап. Рос. II, № 64.
158) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 552.
159) Акты Зап. Рос. II, № 71.

остаткомъ, быть можетъ, были и „гостинцы отъ варь", которые получалъ воевода Полоцкій, впрочемъ, уже не натурою (пивомъ, медомъ и виномъ горѣлымъ), а деньгами въ размѣрѣ полукопы грошей отъ всякой вари [160]); деньгами же онъ получалъ и платъ отъ ятокъ мясныхъ и съ „колачницъ" [161]); нѣкоторыя господарскія волости въ Полоцкой землѣ, напр., Кушлейковская и Бордзиловская, обязаны были давать проѣзжающему воеводѣ стаціи „яловицами, бараны и иншими речьми", которыя взыскивали съ нихъ *становничіе* воеводъ [162]) и т. д. Отъ суда воеводы и старосты получали тѣ же доходы, какъ и намѣстники-державцы,—т. е. извѣстный процентъ съ „винъ", которыя они собирали на господаря, пересудъ, заклады или заруки, выметное часть дѣцкованья, и т. д. [163]) Воеводы и старосты такъ же, какъ и намѣстники-державцы, получали доходы отъ назначенья на должность крестьянскихъ властей, какъ о томъ было уже сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 424, 427), „челобитье" и „увязчее" за утвержденье извѣстнаго лица во владѣньѣ имѣньемъ и доходъ отъ раздачи пустовщинъ во временное пользованіе. Въ 1507 году король Сигизмундъ, пожаловавъ боярамъ торопецкимъ Нефеду и Михалку (потерявшимъ свою отчину вслѣдствіе московскаго завоеванія) людей въ Лужосенской волости Витебскаго повѣта, приказывалъ намѣстнику Витебскому: „и ты бы имъ въ то увязанье далъ *безъ челобитья и безъ увязчого*, бо дей они вельми стравилися и не маютъ тобѣ чого дати" [164]). Челобитье платилось воеводамъ и старостамъ, очевидно, за то, что они хлопотали предъ господаремъ о пожалованьѣ имѣнья; но, какъ видно, изъ настоящаго случая, воеводы и старосты брали свое челобитье даже и тогда, когда имѣнье жаловалось безъ ихъ участія. Отъ раздачи пустовскихъ земель во временное пользованіе староста Жмудскій получалъ въ свою пользу „отмети", а Кіевскій воевода раздавалъ пустовскія мѣщанскія дворища и выгоны пахать исполу на себя. „А што жаловали намъ,—писалъ король воеводѣ Кіевскому 18 іюня 1522 года,—ижъ твоя милость дворища и выгоны ихъ (мѣщанъ) роздаешь пахати людемъ князскимъ и панскимъ, и духовнымъ, ино мы тобѣ очевисте росказали, ажбы ты дворища и выгоны ихъ давалъ имъ ро-

---

[160]) Ibidem, № 70.

[161]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 173.

[162]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 218, 219.

[163]) Акты Зап. Рос. I, № 113; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 367, 368; XVI, л. 19, 29; 28—30 и др.; Статутъ 1529 г. раздѣлъ VI, арт. 25.

[164]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.

бити и зъ собою на полы, а князскимъ и панскимъ, и духовнымъ людемъ абы еси дворищъ и выгоновъ ихъ пахати не давалъ" [165]). Воеводы и старосты получали доходъ отъ „листовъ дозволевыхъ", коими они утверждали куплю-продажу, мѣну и другія сдѣлки на недвижимыя имѣнья: хотя эти доходы получали собственно писари ихъ, но, вѣроятно, не полностью, а только частью, часть же отдавали своимъ панамъ [166]); за разрѣшеніе вывести невѣсту въ другую волость воеводамъ и старостамъ шли свадебныя или выводныя куницы съ крестьянъ (и мѣщанъ?) [167]) и т. д.—По особому пожалованью отъ господаря воеводы и старосты получали въ свою пользу и доходы другихъ урядниковъ господарскихъ, и собственные господарскіе доходы. Выше былъ приведенъ, напр., тотъ фактъ, что князь Василій Львовичъ Глинскій получилъ отъ короля Александра староство Берестейское съ урядомъ ключа Берестейскаго, т. е. съ доходами, которые получалъ ключникъ, и ежегодную субсидію съ мыта и корчомъ Берестейскихъ въ размѣрѣ 100 копъ грошей. Братъ его кн. Иванъ Львовичъ въ 1507 году получилъ отъ короля замокъ Новгородскій съ ключомъ и городничимъ „и со всимъ съ тымъ, какъ первые державцы тотъ замокъ държивали", съ правомъ титуловаться воеводою [168]). Въ 1507 году королю Сигизмунду заявилъ воевода Троцкій панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича, „што жъ дей даней никоторыхъ къ воеводству Троцкому къ своей живности не маеть", и просилъ короля пожаловать ему дань вмѣстѣ съ писарскимъ доходомъ съ Рудыхъ Бѣлокъ въ Бчицкой волости Мозырскаго повѣта, что король и исполнилъ [169]). Въ томъ же году король придалъ старостѣ Луцкому кн. Константину Ивановичу Острожскому къ замку Луцкому 200 копъ грошей съ мыта Луцкаго ежегодной субсидіи „до воли" своей [170]). О субсидіи воеводѣ Кіевскому пану Юрью Михайловичу Монтовтовича было сказано выше; въ 1508 году король пожаловалъ воеводѣ Кіевскому кн. Юрью Александровичу „въ каждый годъ по триста копъ грошей, для успоможенья", безъ обозначенія источника, откуда должно было выходить это „успоможенье" [171]).

---

[165]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 72.
[166]) Статутъ 1529, раздѣлъ I, артик. 15.
[167]) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.
[168]) Ibidem, № 7.
[169]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194.
[170]) Акты Зап. Рос. II, № 29, IV.
[171]) Ibidem, № 44.

Воеводы и старосты могли получать и всѣ или почти всѣ доходы съ своихъ державій—и господарскіе, и урядниковъ господарскихъ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти державья находились у нихъ въ заставѣ. Панъ Өедоръ Янушевичъ, ссудивъ королю Александру 1400 золотыхъ угорскихъ „на его милости и великого князства Литовского потребизну", получилъ за то „староство Луцкое и маршалковство Волыньское" „со всими мѣсты и съ селми, и зъ дворми, и зъ данями, съ платы и приходы и съ припадки, и со всими приходы, до того-то староства и маршалковства съ старины слушаючими",—за исключеніемъ мыта, изъ котораго король далъ ему 200 копъ грошей „широкое личбы, а монеты литовское". Въ своемъ привилеѣ король Александръ обязался за себя и своихъ преемниковъ не отнимать у него всего этого „безъ певное вины"; „и естли бы пререченое тое староство и маршалковство отъ того пана Өедора отняти бы его милость хотѣлъ або его милости потомъ будучіи также хотѣли вчинити, тогды напередъ нишею державою и честью, и врядомъ такъ добрымъ и пожиточнымъ, какъ и тое держанье—староство Луцкое, мѣло бы ему дапо и осмотрѣно быти, а пререченую суму тисячу и чотыриста золотыхъ угорскихъ мѣлъ бы его милость и потомъ его милости будучыи напередъ ему заплатити и отдати слушне и зъ его взяткомъ"[172]). По смыслу заставного листа выходитъ, такимъ образомъ, что, если бы король уплатилъ Өедору Янушевичу 1400 золотыхъ, онъ все равно долженъ былъ бы оставить его при староствѣ до живота, но только, разумѣется, съ правомъ получать одни старостинскіе доходы; если же почему-нибудь ему понадобилось бы взять изъ руки Өедора Янушевича староство Луцкое съ маршалковствомъ Волынской земли, тогда опъ долженъ былъ дать ему такую же прибыльную и почетную должность. Панъ Өедоръ Янушевичъ не удержалъ „до живота" староство Луцкое и маршалковство Волынское: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, бывшій старостою Луцкимъ и маршалкомъ земли Волынской, возвратился изъ плѣна, и король счелъ справедливымъ возвратить ему эти уряды, а пану Өедору Янушевичу далъ, какъ гласитъ его привилей отъ 23 декабря 1507 года, „замокъ нашъ Володимиръ зъ мѣстечкомъ нашимъ Литовижомъ и зъ монастыромъ нашимъ Светого Спаса, и со всими дворы нашими и фольварки и волостями: напервѣй дворъ нашъ Турейскъ и села наши, што къ нему прислухають, Болблы а сельцо Асоловичы, а село Смедино, што на замокъ всякую работу робять

[172]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141—143.

и дань дають, и тежъ село Свинухи, што въ немъ суть служебныи,— и зъ мытомъ великимъ и малымъ, што на насъ бирывано, и съ корчмами Володимерскими и Турейскими, и со всими платы и доходы, и зъ данями всякими грошовыми и медовыми, и съ цынши всякими, и съ припацки, ничого на насъ не оставляючы а ни выймучы". Всѣ эти господарскіе доходы должны были идти пану Ѳедору потому, что и замокъ Владимиръ отдавался ему въ заставу въ 1400 копахъ грошей: „маеть онъ,—читаемъ далѣе въ королевскомъ листѣ,—со всимъ на себе держати ажъ и до живота своего; а по его жывотѣ не маемо мы а ни наши потомки того замку отъ жоны и отъ дѣтей его и отъ его ближнихъ отнимати, олижъ тые пенязи, тую суму тисячу золотыхъ имъ заплативши слушне и зъ его взяткомъ, а чотыриста золотыхъ по своемъ жывотѣ намъ онъ поступилъ". Впрочемъ, панъ Ѳедоръ Янушевичъ получилъ право на держанье до живота замка Владимира только „врядомъ", а „заставою"—до воли господарской: „А не маемо мы а ни наши потомки никому иншому дозволяти того замку въ него выкупати, лечъ, сами пенязи его, суполную суму тисячу и чотырыста золотыхъ ему заплативши слушне и зъ его взяткомъ, и ему жъ зася дати отъ насъ держати тотъ замомъ ажъ и до живота его". Ко всему этому, что бы удовольствовать пана Ѳедора Янушевича и относительно „чти", король прибавилъ: „А маемо его старостою въ листѣхъ нашихъ писати; такежъ напротивъ тое чти староства Луцкого, маршалства Волыньское земли, дали есмо ему маршалство наше до живота его держати, а мѣстце даемъ ему въ радѣ нашой сѣдати межи паны радами нашими" [173]). Въ 1520 году король, взявъ у пана Юрья Миколаевича Радивиловича три тысячи копъ грошей, записалъ ему эту сумму „на Городнѣ, замку и мѣстѣ, со всими дворы и людьми, къ Городну прислухаючими, и опроче тыхъ, которые жъ онъ маеть особно записано (Озеръ и Крипокъ), и со всимъ повѣтомъ и волостями, и зъ землями, и съ уряды Городенскими, то есть городничое, конюшое и ключництво, и лѣсничое, и тежъ зъ мытомъ мостовымъ, и зъ пенезми корчомными, и со всими польми и сѣножатьми, и лѣсы, и борми, и гайми, и хворосты, и дубники, и сосники, и съ пущами, и зъ дубровами, и зъ бортями, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ меды, со всимъ, откуль-кольвекъ передъ тымъ до ключа нашого на насъ прихожывали, и зъ ловы звѣриными оленьними, и лоси и сарнами; але только,—

---

[173]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.

писалъ король, — въ тыхъ пущахъ допущаемъ ловити, гдѣ и иныи старосты, предкове его, ловливали, а зубра не допущаемъ ему ловити". „То *имѣнье* наше верхуписаное,—читаемъ далѣе въ заставномъ листѣ,—тотъ вельможный панъ Юрьи и жона и дѣти его, и потомкове его мають держати такъ долго, покуль ему и жонѣ и дѣтемъ, и потомкомъ его мы або потомки нашы тую суму три тисечы копъ грошей заплатимъ; а коли будеть заплачоно, тогды тое имѣнье Городно со всимъ на насъ и на наши потомки маеть ся вернути и спасти. И надто того перреченого и вельможного пана Юрья *на врадѣ* того староства Городенского до живота его зоставляемъ и зоставили есмо его, а не маемъ съ того староства рушати а никому иному давати, олижбы есмо его лѣпшимъ а почстившимъ и пожиточнѣйшимъ врадомъ осмотрѣли" [174]).

Итакъ, съ отдачею староствъ въ заставу соединялось обыкновенно отдача ихъ въ держанье „врядомъ" до живота. Воеводства и староства, впрочемъ, и безъ того давались обыкновенно до живота или до пожалованья болѣе почетною и прибыльною должностью. Король Александръ далъ князю Василью Андреевичу Полубенскому „замокъ Володимеръ держати съ корчмами и со всими доходы намѣстничьими". Въ 1507 году князь билъ челомъ королю Сигизмунду о томъ, что бы его „съ того вряду не рушили до живота". Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему подтвердительный листъ, въ которомъ писалъ между прочимъ: „а онъ маеть съ тыхъ пенязей корчомныхъ пушкари на томъ замку ховати; и не маемъ въ него того замку отнимати безъ вины до живота его" [175]). О пожалованьѣ староства Берестейскаго съ ключомъ въ держанье до живота было уже сказано выше. Въ 1510 году король пожаловалъ пану Миколаю Миколаевичу Радивиловича урядъ воеводства Виленскаго и канцлерства великаго княжества „до живота его милости" [176]) и т. д. Указанія на то, что при этомъ платилось господарю челобитье, были даны уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 702). Здѣсь необходимо еще прибавить, что въ держаньяхъ воеводъ и старостъ чинили судъ и управу „справцы съ посланья господарского" въ то время, когда воевода или староста умиралъ или съѣзжалъ, а новый на его мѣсто не былъ назначенъ господаремъ или почему-нибудь долгое время не пріѣзжалъ. Такъ, напр., по смерти воеводы

---

[174]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 48, 49.

[175]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 145.

[176]) Ibidem, л. 353, 354.

Виленскаго Миколая Радивиловича (16 іюля 1509 г.) и до вступленья въ должность новаго воеводы Миколая Миколаевича Радивиловича (назначеннаго 12 іюня 1510 г.) въ Вильнѣ „съ полецанья господарского" чинилъ судъ и управу маршалокъ, намѣстникъ Слонимскій, панъ Янъ Миколаевичъ [177]); въ Полоцкѣ послѣ того, какъ съѣхалъ воевода Петръ Станиславовичъ, и до пріѣзда новаго воеводы Яна Юрьевича Глѣбовича (1532 г.) судъ и управу чинилъ „съ посланья господарского" дворянинъ Михаилъ Григорьевичъ Ловейковича [178]) и т. д.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію правительственной дѣятельности и значенія воеводъ и старостъ, какъ преемниковъ и до извѣстной степени замѣстителей въ областяхъ удѣльныхъ князей. Начнемъ прежде всего съ отношенія, какое они имѣли къ населенію волостей и повѣтовъ, не бывшихъ въ ихъ держаньѣ, въ сферѣ повинностей и податей.

Господарскія волости, находившіяся подъ управленіемъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, своими повинностями и податьми тянули не къ однимъ только мѣстнымъ судебно-административнымъ сосредоточіямъ и не стояли въ отношеніи повинностей и податей изолированно какъ другъ отъ друга, такъ и отъ волостей, находившихся въ держаньѣ воеводъ и старостъ. Наоборотъ, между ними въ этомъ отношеніи существовали связи, начало которыхъ нужно относить еще къ удѣльному времени. Въ 1460 году король Казимиръ писалъ намѣстнику Полоцкому пану Олехну Судимонтовичу: „Говорили намъ бояре Полоцкіе и мѣщане, и все поспольество, што жъ дей городничого въ нихъ здавна не бывало въ Полоцку, а коли дей надобѣ городъ Полтескъ робити, намѣстникъ нашъ, который городъ Полтескъ отъ насъ держить, тотъ дѣло городовое росказываеть дѣлати нашимъ людемъ, *которые наши люди зъ волостей нашихъ Задвинскихъ Полтескъ рубливали издавна, и пригономъ Полоцкимъ и инымъ волостемъ, которые издавна городъ Полтескъ рубливали*; и били намъ чоломъ, абыхмо вчинили по старому, приказали быхмо тобѣ, абы ты росказывалъ городъ Полтескъ рубити, коли будеть его надобѣ рубитъ". Король исполнилъ ихъ просьбу и писалъ намѣстнику: „недей будеть такъ, какъ и будеть издавна при дяди нашомъ при великомъ

---

177) Литов. Метр. кн. Запис. л. VIII, л. 381, 382.

178) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 130.

князѣ Витовтѣ и Жикгимонтѣ" [179]). Итакъ, городовое дѣло прежде всего было связью, которая соединяла различныя волости въ областяхъ на почвѣ общей повинности. Въ 1495 году великому князю Александру били челомъ бояре жижморскіе Войтко Олехновичъ, Павелъ Бенковичъ и Иванко Ганусовичъ и жаловались, „што жъ городничій Троцкій правитъ на нихъ дяколъ, тежъ велятъ имъ сѣно косити къ Старымъ Трокомъ, и приставъ Жижморскій выгоняетъ ихъ въ заставу къ Трокомъ до скарбу нашого (господарского); а они дей передъ тымъ издавна дякла не даивали и сѣна не кошивали, и въ заставу до скарбу не хоживали". Бояре заявили, что „перво сего о томъ ихъ смотрѣлъ съ приставомъ Жижморскимъ Талкомъ воевода Троцкій, небожчикъ панъ Мартинъ Кгаштовтовичъ и опытывалъ тамошнихъ бояръ обаполныхъ—Якуба Костевича, Яна Нарбутовича, Бартоша Тудолкговича а Юшка Нарковича, а Стяквила Кончевича, естли бы тые бояре передъ тымъ дякла даивали и сѣна кошивали, и въ заставу до скарбу хожывали; а тые бояре тогды передъ нимъ посвѣтчили, што жъ они здавна дякла не даивали и сѣна не кошивали, и въ заставу къ городу до скарбу не хожывали: и панъ Мартинъ, того досмотрѣвши, и на томъ имъ и листъ свой судовый далъ". Бояре представили и самый листъ, на основаніи котораго великій князь ихъ оправилъ [180]). Изъ этого дѣла видно, такимъ образомъ, что крестьяне волостей, находившихся въ державьѣ намѣстниковъ-державцевъ, дякломъ тянули къ главнымъ городамъ области, гдѣ сидѣли воеводы и старосты, и хотя, какъ мы видѣли въ третьемъ очеркѣ, дякло и собирали намѣстники-державцы, но лишь въ качествѣ органовъ городничихъ, къ которымъ крестьяне должны были свозить дякольный хлѣбъ (стр. 474, 475); городничіе спеціально вѣдали сборъ этой подати и въѣзжали въ волости править недоимки. Кромѣ того, волости, находившіяся въ державьѣ намѣстниковъ-державцевъ, должны были отряжать людей на караулъ къ центральному городу области и посылать рабочихъ къ господарскимъ дворамъ, находившимся внѣ ихъ предѣловъ.—Размѣры господарскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ волостяхъ не соотвѣтствовали количеству имѣющихся въ нихъ рабочихъ рукъ, обязанныхъ барщиннымъ трудомъ на господаря, вслѣдствіе чего на работы сгонялись крестьяне изъ другихъ державъ. Такъ, напр., къ Трокамъ ходили косить сѣно изъ волости Любошанской; Могилевцы изъ вѣковъ сѣно въ Борисовѣ кошивали (стр. 104 и 125

[179]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 14.

[180]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 26.

втораго очерка); волости Озерищская и Усвятская волочили озеро Вымно на замокъ Витебскій (стр. 770, 771 четвертаго очерка) и т. д. Сюда можно присоединить еще слѣдующія указанія. Въ 1508 году королю Сигизмунду били челомъ архимандритъ и братья монастыря Св. Спаса въ Смоленскѣ и просили двѣ службы людей въ Каспльской волости Смоленскаго повѣта, Костричиныхъ и Малетиныхъ. „А повѣдили намъ,—читаемъ въ жалованной грамотѣ короля,—штожъ тыи люди намъ дають двѣ четверти меду прѣсного до погреба нашого, и городъ нашъ Смоленскъ робятъ и хоромы оправляютъ, и послы поднимаютъ, и неводъ на озерѣхъ нашихъ тягнутъ, и двадцать грошей до казны нашое дають въ кождый годъ". Пожаловавъ этихъ людей монастырю, король освободилъ ихъ отъ всѣхъ повинностей на себя: „нижьли тыи люди городъ нашъ Смоленскій мають робити по давному, посполу зъ людьми монастырскими". Въ томъ же 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ князьямъ Василью и Андрею Соколенскимъ три села въ Полоцкомъ повѣтѣ въ Черсвятской волости, гдѣ, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ (стр. 254), чинилъ судъ и управу городской Полоцкій тивунъ. Въ листѣ, выданномъ князьямъ Соколенскимъ, читаемъ между прочимъ: „нехай они тыи люди держать и зъ ихъ землями пашными и бортными, и зъ сѣножатьми, и зъ службами тыхъ людей и податьми, *и со всимъ съ тымъ, какъ тыи люди къ замку нашому служивали* и въ своихъ границахъ мають ся"[181]). Въ 1522 году король Сигизмундъ, заставивъ дворъ Ошмену пану Яну Яновичу Забезинскому въ 500 копахъ грошей, выговорилъ себѣ между прочимъ: „и пры бытности нашой у великомъ князьствѣ маеть онъ семъ конюховъ съ того двора нашого посылати ку роботѣ стаенъ нашыхъ, и люди, которыи передъ тымъ въ заставу къ замку нашому Виленскому хожывали, тыи люди и теперь мають въ заставу ходити по давному"[182]). Ниже, при разсмотрѣніи должностной дѣятельности господарскихъ урядниковъ, состоявшихъ при воеводахъ и старостахъ, будутъ указаны еще и другія связи, соединявшія волости между собою и съ областными центрами. Въ настоящемъ мѣстѣ необходимо отмѣтить, что связь волостей, находившихся въ держаньѣ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, съ центральными замками областей и между собою порождала власть надъ ними замковыхъ урядниковъ. Эта власть, сталкиваясь съ властью мѣстныхъ правителей, производила большую путаницу въ управленіи и тяжело отзывалась на управляемыхъ. Король

---

[181]) Акты Зап. Рос. II, № 23, II; Литов. Метр. кн. Запис. VIII. л. 224.
[182]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 85.

Сигизмундъ въ уставѣ, данной державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, предписывалъ по этому поводу: „Такожъ, абы замковыи врядники, такъ замку Виленьского, яко и Троцкого до иншихъ дворовъ нашихъ не слали дѣцкихъ своихъ: бо то есть великая сказа подданымъ нашимъ и замѣшанье во всихъ дворѣхъ нашихъ, а овшеки, ижь то большъ чинятъ они для своихъ пожитковъ, а не для оправы замковоѣ, штобъ того дозрѣть, чого который замокъ потребуетъ. А о томъ ижъ бы замковый врядникъ мѣлъ завжды порозумѣнье и розмову съ урядники або зъ державцами тыхъ дворовъ которыи повинны службы до замку служити, того больши стерегучи, яко бы подданыи наши лупежствомъ непотребнымъ не были утиснены, а оправы вси замковыи за згодою врядниковъ были справлены" [183]). Приведенная статья указываетъ, что описанныя связи привязывали къ центральнымъ замкамъ далеко не всѣ волости, находившіяся подъ управленьемъ намѣстниковъ-державцевъ. Въ Виленскомъ повѣтѣ, напр., волости, тянувшія къ Браславлю Литовскому, къ Минску, Могилеву, едва ли въ то же время служили къ замку Виленскому; еще съ большею вѣроятностью можно утверждать это относительно волостей Троцкаго повѣта, тянувшихъ къ Слониму и Каменцу. Эти повѣты имѣли менѣе, чѣмъ другіе, связей съ центральными городами областей, Вильною и Троками: не даромъ и намѣстники-державцы, управлявшіе ими, уже въ изучаемое время именовались старостами, что служитъ указаніемъ на большую независимость ихъ отъ воеводъ, чѣмъ обыкновенныхъ намѣстниковъ-державцевъ; въ актахъ намъ не попадалось указаній и на то, что бы Виленскіе и Троцкіе урядники въѣзжали въ эти волости. Очевидно, что населеніе этихъ повѣтовъ тянуло повинностями и податьми только къ своимъ замкамъ.

Нѣкоторые центральные замки областей, бывшіе резиденціями воеводъ и старостъ, притягивали къ себѣ податьми и повинностями господарскихъ мѣщанъ и крестьянъ изъ другихъ судебно-административныхъ округовъ. Въ привилеѣ, данномъ великимъ княземъ Александромъ мѣщанамъ Волковыйскимъ на магдебургское право и подтвержденномъ королемъ Сигизмундомъ въ 1507 году, читаемъ между прочимъ: „имъ до Городна на роботу къ вапну не ходити"; и далѣе: „а къ Берестью, въ заставу, маютъ ходити водлѣ давного обычая" [184]). Волостные люди Волковыйскаго повѣта, какъ

---

[183]) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 33.

[184]) Ibidem, № 13.

уже было сказано въ третьемъ очеркѣ (стр. 475), представляли дякло и колодину городничему Городенскому. Между тѣмъ Волковыйскъ съ мѣстомъ и повѣтомъ входилъ, какъ мы уже видѣли во второмъ очеркѣ, въ составъ судебно-административнаго округа Троцкаго воеводы. Въ 1514 году король писалъ старостѣ Дорогицкому пану Яну Яновичу Заберезинскому: „Што еси просилъ насъ о дань Городенскую тую, которая зъ Дорогичина къ Городну на насъ идеть, абыхмо тую дань тобѣ дали,—ино мы тую дань Городеньскую, што зъ Дорогичина идеть, тобѣ дали до тыхъ часовъ, поки твоя милость тотъ замокъ нашъ Дорогичинъ отъ насъ будешь держати; а ты намъ подвезался поднимати насъ медомъ своимъ, коли тамъ въ Подляшьи будемъ, въ Мелнику и въ Дорогичинѣ, на двѣ недѣли. И ты бы вжо тую дань на себе бралъ; а што идеть за тою данью грошей данныхъ, мы тыи гроши данныи даемъ тобѣ только на сесь на одинъ годъ" [185]). Къ Городну же тянули своими повинностями и конюхи Остринской волости, принадлежавшей къ повѣту Троцкому [186]). Такое сплетеніе повѣтовъ въ отношеніи повинностей и податей ведетъ свое начало, очевидно, отъ удѣльной эпохи, въ данномъ случаѣ—отъ времени, когда Городно было резиденціею Витовта, и когда во владѣніи сего послѣдняго были земля Городенская съ сосѣдними повѣтами Черной Руси и Берестейско-Подляшская область. Связи, установившіяся при Витовтѣ, поддерживались и въ изучаемое время, такъ какъ Городно не потеряло своего значенія резиденціи, стольнаго города, и было обычнымъ мѣстопребываніемъ господаря на ряду съ Вильною и Троками.

Господарскіе крестьяне выгонялись на городовое дѣло нерѣдко и за предѣлы областей, въ которыхъ они жили, къ замкамъ украиннымъ. Въ 1545 г. королевскому ревизору показывали князья, паны и земяне Владимирскаго повѣта: „И за пановацьемъ славное памяти Казимира короля его милости зъ Божого допущенья тотъ замокъ былъ згорѣлъ, по которомъ згорѣнью оного замку самъ дей его милость король Казимеръ и зъ королевою рачилъ тутъ у Володымеру пріѣхати и казалъ его заробити волостми литовскими—Слонимскою, Волковыйскою, Билскою, Берестейскою и иншыми волостми тамошними и борты Ожскими и Переломскими" [187]). Въ записяхъ правительственныхъ распоряженій при великомъ князѣ Александрѣ читаемъ между

[185]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 41.

[186]) Ibidem, л. 42.

[187]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 6.

прочимъ: „зъ Мерсчи отправлены люди зъ волостей Черкасъ рубити: съ Кричова 100 чоловѣкъ съ тотары; а съ Пропойска, съ Олучичъ, зъ Дрокова чоловѣковъ 100; зъ Рѣчицы 50 чоловѣковъ, зъ Брагиня 50 чоловѣковъ; а Могилевъ, а Чичерескъ, а Бобруескъ—обѣ половицы, а Любошаны, а Свислочь, а Пчичъ, а Мозырь—тыи волости его милость оставилъ для иныхъ замковъ украинныхъ". „Зъ Вильны отправлены люди зъ волостей Кіева оправяти индикта 14 (1496 г.): зъ Могилева девеносто чоловѣковъ, съ Свислочи 30 чоловѣковъ, съ Бобруйска съ обѣюхъ половицъ 60 чоловѣковъ, съ Чичерска 80 чоловѣковъ, съ Пчича а зъ Мозыра 80 чоловѣковъ, зъ Горволя 30 чоловѣковъ". „Люди посланы до Луцка замка оправляти: зъ Бѣльска 150 чоловѣковъ съ татары, съ Каменца 100 чоловѣковъ, зъ Мелника 50 чоловѣковъ, съ Слонима а Здитова 200 чоловѣковъ, зъ Волковыйска 100 чоловѣковъ, зъ Дорогичина 150 чоловѣковъ" [188]). То же самое находимъ и въ записяхъ правительственныхъ распоряженій короля Сигизмунда [189]). Но эти повинности господарскихъ крестьянъ были экстраординарныя, а не обычныя ихъ „пошлины"; онѣ уже знаменуютъ собою успѣхи, которые дѣлало государственное объединеніе Литовской Руси.

III.

Въ составѣ повѣтовъ воеводъ и старостъ, кромѣ округовъ, находившихся въ держаньѣ самихъ воеводъ и старостъ, намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, находились еще крупныя частныя имѣнья, по величинѣ болѣе или менѣе подходившія къ этимъ округамъ и на ряду съ ними, но не въ составѣ ихъ, выполнявшія государственно-земскія повинности. Во второмъ очеркѣ были указаны многія изъ такихъ имѣній и приведены примѣры происхожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ путемъ господарскаго пожалованья на вѣчность цѣлыхъ повѣтовъ, отдававшихся ранѣе въ особое держанье намѣстникамъ и тивунамъ. Отсылая читателя къ этимъ указаніямъ, въ настоящемъ мѣстѣ остановимся на государственно земскихъ повинностяхъ съ этихъ имѣній.

Здѣсь на первомъ планѣ придется поставить, конечно, военную службу, которую владѣльцы такихъ имѣній несли на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочіе военнослужилые землевладѣльцы. Указанія на это приведены были во второмъ и третьемъ очеркахъ; кромѣ того,

---

[188]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 277—279.

[189]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 420; XV, л. 236.

объ этомъ ясно говоритъ 2 раздѣлъ Статута 1529 года, содержащій статьи объ оборонѣ земской. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ здѣсь выдержки изъ военной переписи, произведенной въ 1528 г. на основаніи сеймоваго постановленія о томъ, сколько людей должны выставлять военнослужилые землевладѣльцы на войну. „Напервѣй,—читаемъ здѣсь,—почотъ пановъ-радъ ихъ милости: князь Янъ, бискупъ Виленскій, зъ имѣней своихъ свѣтскихъ, кромъ духовныхъ, маеть ставити ку службѣ земской 236 коней; князь Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій, зъ имѣней своихъ свѣтскихъ, кромъ духовныхъ, маеть ставити ку службѣ земской 122 кони; князь Миколай, бискупъ Жомоитскій, зъ имѣней своихъ свѣтскихъ маеть ставити ку службѣ земской 79 кони; панъ Кгаштолтъ, воевода Виленскій, со всихъ имѣней своихъ маеть ставити ку службѣ земской 466 коней; князь Констентинъ, воевода Троцкій, со всихъ имѣней своихъ маеть ставити ку службѣ земской 426 коней;.... панъ Янъ Яновичъ Заберезинскій со всихъ имѣней своихъ маеть ставити ку службѣ земской 197 коней; панъ Станиславъ Станиславовичъ, панъ Троцкій, староста Жомоитскій, 371 конь, а кромъ того со всихъ имѣней панее его и съ падчерицею маеть ставено быти 246 коней; панъ воевода Кіевскій 43 кони; а кромъ того зъ имѣней панее его, хто ихъ кольвекъ будеть держати, маеть быти ставено 17 коней; панъ Григорій Остиковичъ 116 коней; панъ Юрей Григорьевичъ, воеводичъ Троцкій, 131 конь; панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича со всихъ имѣней своихъ маеть ставити 148 коней, а кромъ того зъ имѣней панее его маеть ставено быти 88 коней;.... панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича со всихъ имѣней своихъ маеть ставити 189 коней, а кромъ того зъ зоставныхъ людей 6 коней;... панъ Миколай Миколаевичъ Кезкгайловича маеть ставити 151 конь;... панъ Петръ Станиславовичъ, воевода Полоцкій, маеть ставити со всихъ имѣней 224 коней“ и т. д. [190]). Чтобы оцѣнить значеніе приведенныхъ чиселъ, ихъ надо сопоставить съ числами ратниковъ, которыхъ выставляли бояре изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ. Ниже въ той же переписи читаемъ: „Сума тыхъ бояръ Ошменскихъ: ку службѣ земской 370 и шесть коней маютъ въѣхати;... сума всихъ бояръ Мѣдницкихъ: маютъ ставити ку службѣ земской 138 коней“; Минскіе бояре выставляли 86 коней, Аенскіе—14, Лидскіе—86; Новгородскіе бояре—370, „кромъ сокольниковъ, садовниковъ и кухарей“; Марковскіе—27, Рудоминскіе—329, Мемижскіе—92, Кер-

[190]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 1—7.

новскіе—262 и т. д. За „почтомъ пановъ-радъ“ въ переписи слѣдуетъ „реестръ почтовъ княжецкихъ“, но не всѣхъ князей, а преимущественно тѣхъ, имѣнья которыхъ находились въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ, отчасти Витебскаго и Полоцкаго. Самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ изъ этихъ князей является князь Юрій Семеновичъ Слуцкій, обязанный выставлять 433 коня; другіе выставляютъ, напр., такіе почты: князь Михайло Ивановичъ Мстиславскій—32 коня; кн. Өедоръ Жеславскій—31 конь; князь Андрей Санкгушковичъ-Коширскій 39 коней; князь Василій Полубенскій 49 коней; князь Иванъ Вишневецкій 38 коней, „кромъ Волынскихъ имѣней“; кн. Матөей Микитиничъ 79 коней; кн. Богданъ Өедоровичъ Одинцевича—30 коней; почты остальныхъ князей меньше, чѣмъ приведенные [191]). За реестромъ почтовъ княжескихъ помѣщенъ „реестръ сумы паней и вдовъ воеводиныхъ, старостиныхъ и иныхъ многихъ кнегинь и паней“. По этому реестру наиболѣе крупные почты выставляютъ: жена воеводы Виленскаго Миколая Миколаевича Алжбета—260 коней; жена воеводы Подляшскаго Януша Костевича—83 коня; панья Литаворова—76 коней; панья воеводиня Троцкая Алжбета Станиславовна—90 коней; жена Петра Яновича, воеводы Троцкаго,—32 коня; жена пана Миколая Зеновьевича—30 коней; дочь пана Немиры Немировича—33 коня; жена Якуба Кунцовича 38 коней [192]) и т. д. Крупные землевладѣльцы лично выводили свои отряды на войну и сами не состояли подъ начальствомъ повѣтовыхъ хоружихъ, такъ какъ ихъ имѣнья равнялись по значенью повѣтамъ, въ которыхъ были господарскіе хоружіе. Если имѣнья разбивались между родичами, тогда эти землевладѣльцы составляли особое хоружство и выбирали изъ среды себя хоружаго, какъ это можно видѣть на примѣрѣ князей Гедройтскихъ и Свирскихъ (стр. 111, 112 второго очерка). Поэтому паны, крупные землевладѣльцы, именуются въ Статутѣ 1529 года панами хоруговными.

Кромѣ военной службы, князья, паны и другіе крупные владѣльцы несли съ своихъ волостей и другія повинности, связанныя съ войною. Какъ мы уже видѣли въ третьемъ очеркѣ, князья и паны въ Кіевской землѣ и Подольской платили подымщину или воловщину (въ Кіевской землѣ), въ Волынской землѣ воловщину, въ Брянскомъ повѣтѣ поголовщину, въ Смоленской землѣ посощину, князья „верховскіе“, т. е. верхнеокскіе—„полѣтнее“, въ другихъ областяхъ—сереб-

---

[191]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 7—8.
[192]) Ibidem, л. 8.

щину. Подати эти, какъ уже было сказано, собирались сначала ежегодно и шли на военныя издержки. Съ теченіемъ времени онѣ замѣнились временною серебщиною, которая назначалась господаремъ и панами-радою на „вальныхъ соймахъ". Эта серебщина съ подданныхъ князей и пановъ собиралась либо самими владѣльцами, либо ихъ намѣстниками [193]).—Князья и паны должны были посылать людей съ своихъ имѣній на городовое дѣло и на дорожное, строить или чинить „городки" въ главномъ замкѣ и на мостахъ. Кромѣ общихъ указаній, сгруппированныхъ въ третьемъ очеркѣ (стр. 523—525), здѣсь можно сослаться на отчетъ по ревизіи замковъ Владимирскаго, Луцкаго и Кременецкаго, въ которомъ перечислены всѣ княжескія и панскія имѣнія, на обязанности которыхъ было строить городни въ замкахъ и на мостахъ [194]). Любопытно, что въ числѣ этихъ имѣній нѣтъ волостей князей Острожскихъ, которыя по всѣмъ даннымъ не тянули къ Луцку городовою повинностью, хотя и считались въ повѣтѣ Луцкомъ. Волости эти строили, очевидно, и ремонтировали только собственные замки князей Острожскихъ, которые имѣли такое же оборонительное значеніе, какъ и господарскіе замки. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ аналогію съ господарскими волостями, которыя не тянули городовою работою къ центральнымъ замкамъ областей, а къ ихъ пригородамъ.

Наконецъ, къ числу государственныхъ повинностей княжескихъ и панскихъ имѣній, находившихся внѣ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, относится и обязанность давать стаціи и подводы господарю, посламъ и гонцамъ, о чемъ свѣдѣнія даны уже въ третьемъ очеркѣ (стр. 492—495). Тамъ же приведены и примѣры отдѣльныхъ изъятій изъ этихъ повинностей.

IV.

Итакъ, главные города въ областяхъ были средоточіями, къ которымъ тянули нѣкоторыми повинностями не только повѣты господарскихъ намѣстниковъ, но и крупныя имѣнья частныхъ владѣльцевъ. Эти общія повинности вѣдали воеводы и старосты, какъ преемники и замѣстители князей въ областяхъ: отъ нихъ исходили распоряженія, касающіяся выполненія этихъ повинностей, и взысканія за неисполл-

[193]) Акты Зап. Рос. II, № 17, 161.

[194]) Памятники Врем. Кіев. Коммиссіи, т. IV, от. II; Źródła dziejowe, tom VI.

неніе ихъ; они же рѣшали и всѣ столкновенія и недоразумѣнія, возникавшія на этой почвѣ. Нижеслѣдующіе факты послужатъ подтвержденьемъ и иллюстраціею этому. При королѣ Казимирѣ воевода Троцкій панъ Андрей Саковичъ разбиралъ тяжбу бояръ Радуньскихъ Олехна Андреевича, Андрея Нецевича и Нацка съ братьею съ приставомъ и волостью Радуньскою, которые пріискивали ихъ косить сѣно (очевидно, къ Трокамъ) и давать дякло [195]). Въ 1496 году великій князь Александръ писалъ тивуну Перелайскому Михаилу Вяжевичу „и инымъ тивуномъ, хто и напотомъ отъ насъ будеть Перелаю держати“: „Жаловали намъ тые Перелайчане, на имя Ямонтъ Мостевичъ а Станько Кгирдимонтовичъ, а Яцко Беневичъ, Римкусъ Войнибутовичъ, Талкусъ Рипкгайловичъ, што жъ дей ты имъ кривды дѣлаешь и новины уводишь, велишь дей имъ до своего двора дерево возити и тежъ, коли съ нами у ловы ѣздишь, кажешь дей имъ сурбы рядити собѣ и речей своихъ стеречи; такежъ дей приставъ Перелайскій новину жъ имъ уводитъ, правитъ на нихъ мезлевщины и спижи и сѣно кажеть имъ возити къ Трокомъ, а они дей передъ тымъ тою службою не служивали, и мезлевого не даивали, и сѣна не воживали, нижли дей служать намъ службою путною и въ заставу ходять и дякло дають. *И о томъ ихъ перво сего смотрѣлъ съ тобою и съ приставомъ Перелайскимъ воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ и ихъ въ томъ правыхъ знашолъ и тые новины имъ отставилъ, и на то имъ листъ свой судовый далъ*“. Подтверждая судъ воеводы, великій князь наказывалъ тивуну: „приказуемъ тобѣ, ажбы еси черезъ то кривдъ имъ не чинилъ и новинъ не уводилъ и далъ бы имъ впокой“ [196]). Изъ этого листа видно, что воевода былъ высшимъ судьею въ области, къ которому обращались крестьяне съ жалобами на мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ по поводу ихъ „кривдъ“ и „новинъ“, при чемъ компетенція его простиралась даже на мѣстныя крестьянскія повинности. Панъ Иванъ Богдановичъ Сопѣга въ бытность воеводою Витебскимъ (1517—1526 г.) разослалъ служебниковъ своихъ съ господарскимъ дворяниномъ Яномъ Коневникомъ выгонять людей изъ панскихъ имѣній на работу къ замку Витебскому. Такъ какъ люди Полуберезскіе, принадлежавшіе пану Миколаю Ильиничу, „дѣльницъ своихъ въ томъ замку водлѣ стародавного обычая заробити не хотѣли“, онъ приказалъ ихъ „пограбити“, вслѣдствіе чего у нихъ конфисковали 14 ло-

---

[195]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74.
[196]) Ibidem, л. 75, 76.

шадей и вола, продали все это и на вырученныя деньги задѣлали ихъ части въ замкѣ [197]). Въ 1533 году люди волости Нищанской Полоцкаго повѣта жаловались воеводѣ на людей Собезской волости: „Предки и отцы ихъ и они сами зъ стародавна зъ вѣковъ, коли робимъ на дворѣ господарскомъ якій-кольвекъ пригонъ, тогды робимъ на три части: мы одну часть, они другую, а волость Нещедренская третюю часть, — тогды они зъ нашое третее части четвертый грошъ, а коли дерево спускаемъ, — четвертый брусъ знимывали, бо они хоружому дають шесть копъ грошей, а мы чотыры копы, они жъ дають шесть пудовъ меду, а мы чотыры пуды. Ино, якъ есмо поправовали тую великую свѣтлицу, якъ ся была стѣна вызпула, и хоромы старые поправовали, и свирень у Мошонцѣ за пана Петра его милости Станиславовича, воеводы бывшого, робили, и они въ тыхъ трехъ роботахъ четвертое части и четвертого гроша зъ насъ сняти не хотѣли водлѣ стародавного обычая, въ чомъ же ся намъ крывда великая дѣеть". Люди волости Собезской утверждали, что они дѣйствительно всякій пригонъ работаютъ сообща съ Нищанскою волостью, по поровну, въ размѣрѣ третьей части. Волость Нищанская въ доказательство правоты своихъ претензій хотѣла сослаться на плотниковъ, которые работали по найму „свирень у Мошонцѣ", но Собезская волость не захотѣла послаться на этихъ свѣтковъ; точно такъ же не пожелала она послаться и на десятниковъ, которые собирали „пригонные пометы", и на людей пана Глѣба Ивановича Зеновьевича Виховичей, которые прежде были поплечниками господарскихъ людей Нищанской волости. Тогда Нищанская волость рѣшилась душами своими „поправити", и волость Собезская пустила ее къ присягѣ, которая по взаимному соглашенію должна была состояться „на Собежи у церкви Светого Николы". „Ино,— гласитъ вырокъ воеводы,—волость Собезская тыхъ людей волости Нищенское ку присезѣ не вели и ку тому ся признали, што зъ ихъ третей части четвертый грошъ и четвертый брусъ у пригонѣ знимають. И мы въ томъ знашли волость Нищанскую правую" [198]). Въ 1535 году тому же воеводѣ жаловались люди волости Ситненской: „сами не вѣдаемъ, для которое причины мостовничій велить намъ мостъ передъ вороты въ замку у великихъ воротъ мостити и за замкомъ, гдѣ узводъ бывалъ, а того есмо передъ тымъ не робливали, лечъ верхъ на свирнѣ робимъ и накрываемъ, а тые мосты обадва, въ замку и

[197]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI. л. 32.
[198]) Ibidem, л. 133, 134.

за замкомъ передъ вороты, и фундаментъ, на чомъ вежа стоитъ, алижъ по самые обланки мѣщане повинни робити". Однако, имъ не удалось доказать справедливость этого, и воевода утвердилъ распоряженія мостовничаго [199]) и т. д.

V.

Намѣстники главныхъ городовъ областей, переименованные въ воеводъ и старостъ, были главными господарскими приказчиками и сборщиками господарскихъ доходовъ не въ одних только своихъ державахъ въ тѣсномъ смыслѣ: такое же значеніе до извѣстной степени они имѣли и для повѣтовъ, отдававшихся въ держанье другимъ намѣстникамъ или тивунамъ. Выше уже было указано на то, что они разбирали столкновенія крестьянъ этихъ повѣтовъ съ ихъ властями и даже съ мѣстными господарскими урядниками по дѣламъ о повинностяхъ. Въ добавленіе къ этому необходимо указать на то, что по временамъ имъ поручалась ревизія всей наличности господарскихъ дворовъ, находившихся въ держаньѣ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ бывало обыкновенно при отдачѣ дворовъ съ волостьми въ заставу. Въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1516 году князю Василью Андреевичу Полубенскому на дворъ Жолудокъ Троцкаго повѣта, читаемъ между прочимъ: „А што будеть тыми разы въ томъ дворѣ нашомъ жыта у гумнѣ и посѣяно, и тежъ коней и животины, и иныхъ речей, то все росказали есмо *воеводѣ Троцкому,* маршалку нашому дворному, пану Григорью Станиславовичу Остиковича казать пописати и тыи списки въ цѣлости заховати; и коли дасть Богъ мы тыи пенези, шесть сотъ копъ грошей, ему отдадимъ, онъ маеть тотъ дворъ нашъ со всимъ съ тымъ зася на насъ поступити" [200]). Заставивъ въ томъ же году дворъ Виленскаго повѣта Оникшты пану Миколаю, старостичу Жмудскому, король писалъ въ своемъ листѣ: „А што будеть на тотъ часъ въ томъ дворѣ нашомъ жита и ярого въ гумнѣ и на поли посѣяного, и животины, и иныхъ речей, то есмо росказали пописати и тыи списки въ цѣлости заховати *воеводѣ Виленскому*, канцлерю нашому, пану Миколаю Миколаевичу, и коли ему тую суму пенязей отдадимъ, онъ маеть тежъ того двора намъ ся поступити со всимъ съ тымъ, съ чимъ будеть въ насъ взялъ" [201]). Несомнѣнно, что въ такихъ случаяхъ воеводы не только сдавали госпо-

---

[199]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 262, 263.

[200]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113, 114.

[201]) Ibidem, л. 156.

дарскіе дворы съ ихъ наличностью въ частное пользованіе, но и обратно принимали. Такъ какъ воеводы нерѣдко давали увязанье въ уряды въ своемъ повѣтѣ, то весьма вѣроятно, что и намѣстники-державцы, и тивуны вводились ими въ держанье, при чемъ также составлялись списки или инвентари „поданья", служившіе основаніемъ для контроля державцевъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ въ изучаемое время намѣстники главныхъ городовъ стягивали въ свои руки извѣстные господарскіе доходы со всѣхъ или большинства волостей, и эти доходы шли большею частью на удовлетвореніе мѣстныхъ господарскихъ и земскихъ нуждъ, расходовались управленьемъ центральнаго города. Такъ было, напр., въ Кіевѣ. Изъ привилея, выданнаго великимъ княземъ Александромъ Кіевскимъ мѣщанамъ, узнаемъ, что въ Кіевѣ былъ особый господарскій *скарбъ*: „скарбу нашого и воеводы нашого Кіевского,—читаемъ здѣсь,—не надобѣ имъ стеречи" [202]). Въ этотъ скарбъ, какъ мы видѣли уже во второмъ очеркѣ, поступала грошовая дань съ сѣверскихъ и степныхъ волостей, между прочимъ и съ Путивльскихъ (стр. 245—246). Въ Смоленскѣ была *казна*, которою завѣдывалъ казначей подъ главнымъ начальствомъ намѣстника-воеводы, и въ которую между прочимъ поступали и господарскіе доходы съ волостей Смоленскихъ, отдававшихся въ особое держанье. Въ 1493 году великій князь Александръ, пожаловавъ Богдану Сопѣжичу двѣ службы людей въ Еленской волости Смоленскаго повѣта, Гридка бортника съ братьею Нефедковичей и Василья съ братьею Щербиновыхъ, послалъ приказъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу: „ажбы еси о томъ довѣдался, какіе то будуть люди, и до насъ отписалъ". „И ты,—гласитъ листъ великаго князя, писанный затѣмъ къ намѣстнику,—до насъ отписалъ, иже тотъ Гридко зъ братьею данный человѣкъ, даивалъ намъ кадь меду прѣстного, а тотъ Василь зъ братьею даивали *въ казну нашу* полтину грошей, а посощины шестьнадцать грошей, а служба зъ нихъ доспѣшная, а намъ будеть не шкодно" [203]). Посощина, собиравшаяся въ землѣ Смоленской съ господарскихъ людей, стягивалась также въ Смоленскую казну; сюда же до 1457 года вносили ее и частные владѣльцы съ своихъ крестьянъ (стр. 34 перваго очерка). Что касается Литовской земли, то въ ней не было особыхъ скарбовъ при воеводахъ и старостахъ, но былъ господарскій скарбъ, въ кото-

---

[202]) Акты Зап. Рос. I, № 120.

[203]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

рый стягивались неизрасходованные на мѣстѣ господарскіе доходы съ державъ; но тѣмъ не менѣе эти доходы не проходили сюда мимо воеводъ и старостъ. По крайней мѣрѣ, положительныя свѣдѣнія объ этомъ имѣемъ относительно Виленскаго и Троцкаго воеводъ. Послѣ изданія уставы 1529 года король и паны-рада постановили, чтобы съ державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣта и писарей, „которыи маютъ по тымъ дворомъ, одинъ по Виленьскому, а другій по Троцкому повѣту, ѣздити и вси рѣчы, которыи маютъ къ пожытку нашому (господарскому) пописывати и вставляти", брали „личбу" воеводы Виленскій и Троцкій, каждый по своему повѣту, совмѣстно съ подскарбіемъ земскимъ. Но панъ Виленскій, маршалокъ дворный, панъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича заявилъ королю, „ижъ то есть речь вряду его милости, маршалства дворного, личбу зъ державецъ дворовъ нашихъ брати, бо дей обычай здавна бывалъ таковый, ижъ тыи справы дворныи прыслушаютъ къ уряду его милости, а естли бы его милость того не справовалъ, было бы то съ ущипкомъ вряду его милости". „Ино,—писалъ король,—кгды жъ тотъ обычай здавна былъ, намъ ся не годитъ никому врядовъ внимати, але повышати и старый обычай пополняти, дозволили есьмо пану Виленьскому на кождомъ року, какъ будете ваша милость зъ державецъ и съ писарей личбу брати, зъ вашою милостью быти" [204]). По смыслу всего этого выходитъ, что маршалокъ дворный и ранѣе былъ только ассистентомъ при воеводахъ, когда они принимали отчетъ отъ державцевъ. Но если такъ, то, значитъ, воеводы обладали и свѣдѣніями о теченіи господарскихъ приходовъ и расходовъ въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, были въ курсѣ той хозяйственной и финансово-административной дѣятельности, которая развивалась въ этихъ повѣтахъ.

VI.

Итакъ, господарскія волости, раздававшіяся въ держанье помимо намѣстниковъ главныхъ городовъ областей, тѣмъ не менѣе не выходили окончательно изъ ихъ вѣдѣнія и власти. Эти волости въ отношеніи отдѣльныхъ повинностей вѣдались, кромѣ того, особыми урядниками, состоявшими при намѣстникахъ главныхъ городовъ въ качествѣ правительственныхъ сотрудниковъ по спеціальнымъ отраслямъ управленія. Общія указанія на это находимъ въ заставныхъ листахъ, выданныхъ королемъ Сигизмундомъ на разные дворы Виленскаго,

---

[204]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530.

Троцкаго и Городенскаго повѣтовъ. Такъ, напр., заставивъ пану Богушу Боговитиновичу дворъ Троцкаго повѣта Довкги, король Сигизмундъ писалъ въ своемъ заставномъ листѣ отъ 5 января 1516 года: „А панъ воевода Троцкій не маеть въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати а ни тежъ тое волости повѣта Довкговского людей не маеть судити; и вжо и врядники наши Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ не мають ни по што у волость того двора нашого всылати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не мають правити“ [205]) Въ заставномъ листѣ того же короля на дворъ Меречь, выданномъ въ 1520 году пану Яну Яновичу Заберезенскому, читаемъ: „И въ тую чотыри годы не маеть панъ воевода Троцкій въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати и людемъ судити и рядити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій не мають въ тую волость сами въѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не мають правити“ [206]). Подобныя же указанія мы встрѣчаемъ и относительно волостей Виленскаго повѣта. Оникштенской, Ошменской и Любошанской, а также относительно волостей Троцкаго повѣта—Дорсунишской, Стоклишской, Волкиницкой и Лепунской, Ейшишской, Василишской, Жолудской, относительно Скидельской волости Городенскаго повѣта (стр. 89, 97, 104, 143, 145, 151, 152, 157, 159, 177 второго очерка) и т. д. Въѣздъ перечисленныхъ урядниковъ въ волости, раздававшіяся въ держанье намѣстникамъ и тивунамъ, очевидно, ведетъ свое начало отъ удѣльнаго времени, когда области были княжествами, а перечисленные урядники состояли при особахъ князей въ качествѣ ихъ министеріаловъ. Подобныя же должностныя лица остались отъ удѣльнаго времени при намѣстникахъ главныхъ городовъ и въ другихъ областяхъ, кромѣ собственной Литовской земли. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что не всѣ они выѣзжали въ волости, и что должностная дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ развивалась только въ главномъ городѣ, гдѣ они жили, не касаясь волостей непосредственно.

Таковы были, напр., *окольничіе* въ Смоленскѣ. По актамъ они являются *постоянными* членами той судебно-административной „рады“, которая находилась при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ и вмѣстѣ съ нимъ вела текущее управленье въ Смоленской землѣ, при чемъ въ составѣ этой „рады“ они занимаютъ высшее положеніе послѣ самого намѣстника-воеводы и владыки. Какъ было уже сказано во вто-

---

[205]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.
[206]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.

ромъ очеркѣ (стр. 267), всѣ распоряженія, касающіяся Смоленской земли, господарь адресовалъ обыкновенно намѣстнику-воеводѣ, владыкѣ, окольничимъ, казначею и старостѣ мѣста Смоленскаго. Къ окольничимъ спеціально господарь обращался за различными справками относительно мѣстныхъ фактовъ и отношеній, такъ какъ имъ, какъ постояннымъ участникамъ въ текущемъ управленіи и мѣстнымъ старожиламъ, эти факты и отношенія были извѣстны лучше, чѣмъ кому-либо другому. Такъ, король Казимиръ, предъ которымъ тягались изъ-за селища Мовѣевскаго монастырь Архангела Михаила съ Борисомъ Семеновичемъ, не довольствуясь докладомъ намѣстника, который „опытывалъ тамъ у Смоленску о томъ старыхъ людей", еще „пыталъ" о томъ же дѣлѣ окольничихъ Смоленскихъ князя Олехна Глазынича и Ѳедора Алексѣева. „И они,—гласитъ судовый листъ короля,—передъ нами повѣдали тымъ же обычаемъ, ижъ тое селище церковное изъ вѣку, нижьли вжо, какъ мы будучи господаремъ на великомъ князьствѣ Литовскомъ, дали тое селищо Сеньку Александрову" [207]). Великій князь Александръ, которому билъ челомъ бояринъ смоленскій Копоть Васильевичъ о подтвержденьѣ ему сельца пустого Шумятина въ Рославлѣ въ Смоленскомъ повѣтѣ, за справками обращался опять таки къ окольничему, вышеупомянутому Борису Семеновичу: „и онъ повѣдилъ передъ нами, ижъ тое сельцо Шумятино — отцу его выслуга" [208]). Намѣстникъ Смоленскій чинилъ судъ въ Смоленскѣ на господарскомъ дворѣ „съ окольничими и иншими врядники". Кромѣ того, мелкія дѣла окольничіе разбирали и одни, подобно тому, какъ разбирали дѣла при господарѣ маршалки (маршалки же, какъ мы видѣли, производили судъ и при воеводахъ, старостахъ и намѣстникахъ державцахъ).

Окольничіе при помощи своихъ слугъ *и подвойскихъ* понуждали мѣщанъ къ выполненію разныхъ повинностей, лежавшихъ на нихъ. Такъ, напр., когда пріѣзжалъ посолъ или гонецъ въ Смоленскъ, окольничіе посылали своихъ слугъ и подвойскихъ собирать съ мѣщанъ деньги на наемъ подводъ [209]). Повидимому, и на барщинныя работы мѣщанъ выгоняли тѣ же слуги окольничихъ вмѣстѣ съ подвойскими. Такъ можно думать по аналогіи съ Витебскомъ, гдѣ подвойскіе являются именно въ этой роли. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ въ одномъ судовомъ листѣ великаго князя Александра,—мѣщанинъ Витебскій, на

---

[207]) Акты Зап. Рос. I, № 87.
[208]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 186, 187.
[209]) Акты Зап. Рос. I, № 213.

имя Данило Логвиновичъ, и повѣдалъ передъ нами, што жъ издавна дѣдъ его и отецъ службу путную конемъ служивали; ино, какъ отецъ его привбожалъ, и подвойскіе Витебскіе кривду отцу его вдѣлали и новину увели, привернули его въ службу тяглую и въ подводу съ тяглыми людьми" [210]). Въ Смоленскѣ, какъ видно изъ привилея, даннаго Смоленской землѣ королемъ Александромъ, также существовали тяглые мѣщане, которыхъ на службу выгоняли, по всей вѣроятности, тѣ же подвойскіе, и при томъ сообща съ слугами окольничихъ, какъ сообща съ этими же слугами они понуждали мѣщанъ къ выполненію подводной повинности. Подвойскихъ назначалъ намѣстникъ-воевода; в. князь Александръ по этому поводу писалъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу: „а подвойскихъ бы которыхъ збродневъ отставилъ и обралъ бы на подвойщанье добрыхъ людей, не збродневъ, которые бы мѣщаномъ любы были" [211]). — Окольничіе, кромѣ того, выполняли нѣкоторыя полицейскія функціи, въ особенности на торгу. Въ листѣ в. кн. Александра, адресованномъ въ 1497 году „намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу и владыцѣ Смоленскому Іосифу, и окольничимъ Смоленскимъ, и казначею Смоленскому князю Костянтину Крошинскому" по поводу отдачи корчомъ въ Смоленскѣ въ аренду нѣкоторымъ изъ тамошнихъ мѣщанъ, читаемъ между прочимъ: „А мѣру имъ всимъ, хто будеть медъ и пиво держати, равну мѣти; а хто бы зъ нихъ хотѣлъ мѣру болшую а любо меншую мѣти, на томъ казали есмо окольничому Смоленскому Ивану Кощцѣ вину нашу справити дванадцать грошей.... А хто бы хотѣлъ имъ въ тыхъ корчмахъ кривду дѣлати а любъ бы хто иныи мимо ихъ корчмы варилъ, о томъ о всемъ приказали есмо околничому Смоленскому Ивашку Кощцѣ ихъ отъ кривдъ боронити и во всемъ имъ помочью быти, ажбы ся скарбъ нашъ не понижалъ" [212]). Благодаря своей полицейской дѣятельности на торгу, окольничіе получали въ свою пользу и нѣкоторые доходы съ торговыхъ людей, напр., съ мясниковъ.

Въ составъ судебно-административной рады при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ входилъ, какъ мы уже видѣли, и *казначей* Смоленскій. Въ его непосредственномъ вѣдѣніи находилась казна Смоленская. Въ записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „князю Костентину Крошинскому 16 копъ грошей а 8 ло-

---

[210]) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 18, 19.

[211]) Акты Зап. Рос. I, № 213. О подвойскихъ на Волыни въ XIV в. см. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № II.

[212]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171, 172.

коть сукна флеринскаго и 5 локоть адамашки *съ казны въ него жъ*; а 4 кади меду зъ двора Өедоровского, а 10 копъ грошей, а 2 мѣха соли зъ мыта въ Смоленску (доходы съ мытъ не поступали, слѣдовательно, въ казну), а жеребя третякъ въ пана Михаила" [213]). Кромѣ того, казначей вмѣстѣ съ окольничими, какъ уже было сказано выше, собирали корчомные пенязи „къ вѣрной руцѣ" въ тѣ года, когда корчмы не отдавались въ аренду. — Кромѣ Смоленска, казначея по актамъ встрѣчаемъ еще въ Брянскѣ (стр. 281 втораго очерка).

Въ прочихъ главныхъ городахъ областей не встрѣчаемъ окольничихъ и казначея, такъ что эти должностныя лица составляли особенность Смоленска и Брянска. Другіе урядники, встрѣчающіеся при намѣстникахъ главныхъ городовъ, являются уже съ инымъ характеромъ, чѣмъ окольничіе и казначей, именно, они развиваютъ свою дѣятельность не только въ городѣ при главномъ намѣстникѣ области, но и въ волостяхъ, входящихъ въ составъ области. Таковы были прежде всего *городничіе*, которые „росказывали городовую роботу", собирали дякла и выѣзжали въ волости „править" дякла. О происхожденіи этой должности, о роли и значеніи городничихъ были уже даны свѣдѣнія въ третьемъ и отчасти въ четвертомъ очеркахъ [214]). Здѣсь нужно только прибавить, что городничіе главныхъ городовъ Литовской земли собирали корчомные пенязи въ мѣстахъ при этихъ городахъ (въ этихъ мѣстахъ корчмы обыкновенно не отдавались на откупъ). Въ 1508 году король Сигизмундъ, подтвердивъ Ивашку Черкасу право имѣть корчму вольную въ мѣстѣ Виленскомъ, писалъ городничему Виленскому Занку Ивановичу: „и ты бы въ него отъ тое корчмы капныхъ пенязей не бралъ" [215]). Въ 1522 году король писалъ пану Ульриху Гозѣ „и инымъ городничимъ Виленскимъ, хто и напотомъ будеть городничое Виленьское держати", „абы у Марка Лобковского съ корчмы, которую онъ маеть въ дому своемъ въ мѣстѣ Виленьскомъ волную, капщыны не правилъ" [216]). Въ листѣ, выданномъ въ 1524 году мѣщанамъ Троцкимъ на разныя льготы по случаю того, что они отъ ордынщинъ, серебщинъ и другихъ платежей, „зъубожали велми", читаемъ между прочимъ: „А которыи ново прыйдуть и въ томъ мѣстѣ нашомъ будуть ся садити, тымъ есьмо дали воли и отъ платовъ на-

---

[213]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 56.

[214]) См. также *С. А. Бершадскаго* „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ" въ Кіевской Старинѣ 1888, № 9, стр. 79—84.

[215]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 233.

[216]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 33.

шихъ ихъ есьмо вызволили на шесть лѣтъ, кромя пенязи корчомныи маютъ давати до городничого нашого, какъ передъ тымъ даивали"[217]). Изъ привилея, выданнаго въ 1511 году мѣщанамъ Новгородскимъ на магдебургское право, узнаемъ, что такой же порядокъ существовалъ и въ мѣстѣ Новгородка Литовскаго[218]). Корчомные пенязи собирались городничими потому, что они предназначены были на ежегодный ремонтъ крѣпостей, который производился господаремъ отчасти и на свой счетъ, наемными рабочими. Объ этомъ узнаемъ изъ привилея короля Сигизмунда, выданнаго Васку Дашковичу на городничее Ковенское: „дали ему городничое Ковенское,—читаемъ здѣсь,—отъ насъ держати для того, ижъ онъ намъ подвезался тотъ замокъ нашъ Ковенъ оправляти муромъ и деревомъ, а што на то пенязей своихъ выложытъ, тыи пенязи мастъ онъ собѣ выбрати съ корчомныхъ пенязей Ковенскихъ"[219]).—За постройкою и ремонтомъ мостовыхъ городенъ смотрѣли особые *мостовничіе*, которыхъ по актамъ встрѣчаемъ въ Смоленскѣ, Луцкѣ, Кременцѣ и Полоцкѣ, и прототипомъ которыхъ были, очевидно, „мостьники" Русской Правды[220]).

Господарскими конюшнями и конскими заводами, находившимися при дворахъ, бывшихъ нѣкогда мѣстопребываніемъ удѣльныхъ князей, завѣдывали особые *конюшіе*. Даже въ Вильнѣ и Трокахъ, несмотря на то, что въ этихъ городахъ проживалъ обыкновенно господарь, при которомъ находился конюшій дворный, въ изучаемое время продолжали существовать, кромѣ того, конюшіе Виленскій и Троцкій, какъ и въ удѣльное время. Конюшіе чинили судъ и управу господарскимъ конюхамъ, тянувшимъ своею службою къ главнымъ господарскимъ дворамъ въ области. Въ записяхъ расходовъ короля Сигизмунда читаемъ поэтому: „Богдану Гриньковичу (конюшему Городенскому) 15 копъ *зъ винъ конюшскихъ Городенскихъ* въ него жъ"[221]). Конюшіе вѣдали и конюшское землевладѣніе, съ которымъ тѣсно связаны были и самыя повинности конюховъ. Въ 1511 году король Сигизмундъ писалъ тому же конюшему Городенскому Богдану Грипкевичу: „Били намъ челомъ тые конюхи наши Остринское волости, на имя Андрей

---

217) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 190.

218) Акты Зап. Рос. II, № 71.

219) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 411, 412.

220) Акты Зап. Рос. I, № 213; *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XVII, XVIII; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 262, 263, и др.

221) Литов. Метр кн. Запис. VIII, л. 435.

а Олехно Омельяновичи и просили въ насъ земли пустовское у-въ Остринскомъ повѣтѣ, на имя Омельяновщины, на особную службу, а повѣдили намъ, што жъ тую землю отецъ ихъ держалъ и съ нее дей службы никоторое не служилъ, нижли дей только серебщину съ той земли даивалъ и на толоку хаживалъ. Ино, естли будеть такъ, какъ они намъ повѣдили, мы имъ тую землю на особную службу дали конюшскую: нехай они тую землю держать, а намъ съ нее особную службу конюшскую служать, какъ и иншіи конюхи наши Остринскіи, а подачки съ тое земли дають по тому, какъ будуть отци ихъ съ тое земли подачки даивали"[222]). Изъ этого листа видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что конюхи, тянувшіе своими повинностями къ конюшнямъ, которыми завѣдывали конюшіе, живали и по волостямъ, отдававшимися въ держанье намѣстникамъ-державцамъ. Этимъ и объясняется въѣздъ конюшихъ въ эти волости, о которомъ было сказано выше. Впрочемъ, и помимо этого конюшіе въѣзжали въ эти волости править свои и господарскіе доходы. Какіе это могли быть доходы, можно видѣть, напр., изъ привилея, даннаго королемъ Александромъ Смоленской землѣ. Ссылаясь на листъ короля Казимира, этотъ привилей гласитъ: „Тежъ въ томъ же листѣ его милости выписано, абы конюшые брали съ конского и зъ животинного стада зъ мѣстского куницу, по двадцати грошей на лѣто, подлѣ давного обычая, какъ передъ тымъ бывало, за великого князя Витовта и за Жикгимонта"[223]) и т. д. „Конюшое", какъ доходный урядъ, отдавался на ряду съ другими „волостьми" мѣстнымъ панамъ и боярамъ. Въ „списаньѣ бояръ Витебскихъ и волостей, которіе имъ назначоно держати" (при Казимирѣ), читаемъ: „тые два вряды держати: Копоть—конюшое, Герасимъ—городничій"; и далѣе: „Ивашко Дашковичъ—ключникъ а братъ его Олехно—ловчій"[224]). Въ записяхъ распоряженій короля Сигизмунда въ 1524 году помѣчено между прочимъ: „Боярыну Витебскому Тимоѳею Ивашковичу дано врядъ конюшое Витебское на два годы со всимъ по тому, какъ и первшіи конюшіи тотъ врадъ держывали"[225]).—Конюшій входилъ въ составъ судебно-административной рады при мѣстномъ господарскомъ намѣстникѣ; поэтому и въ привилеѣ выданномъ Волынской землѣ, читаемъ: „Тежъ который слуга, або чоловѣкъ князьскій, або паньскій, а любо землянскій убьетъ кого, ино старосты и намѣстники наши, и

---

[222]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42.
[223]) Акты Зап. Рос. I, № 213.
[224]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 108, 109.
[225]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 166.

маршалокъ земскій, и ключникъ, и конюшый, на нихъ головщины бирали" (до короля Казимира) [226]).—Кромѣ конюшихъ въ Вильнѣ и Трокахъ были еще и *подконюшіе* [227]).

Какъ было уже сказано во второмъ очеркѣ (стр. 92), отъ удѣльнаго времени остались въ главныхъ городахъ областей между прочимъ и *тивуны*. Эти тивуны въ прежнее время творили судъ на княжемъ дворѣ, но въ изучаемое время нѣкоторые изъ нихъ были уже вытѣснены отсюда въ подгородніе господарскіе дворы, къ которымъ тянули повинностями, судомъ и управою ближайшія и даже отдаленныя волости, составлявшія „повѣты тивунства". Такимъ образомъ, напр., резиденціею тивуна Виленскаго былъ подгородній господарскій дворъ Вильна, резиденціею Троцкаго тивуна — дворъ Старые Троки; Кіевскій тивунъ также пересталъ чинить судъ и управу въ Кіевѣ [228]) и т. д. Значеніе тивуновъ, какъ урядниковъ стольнаго города, сохранилось лишь въ томъ, что они въѣзжали въ волости намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ за сборомъ доходовъ, принадлежавшихъ имъ изстари; по актамъ мы знаемъ это относительно тивуновъ Виленскаго и Троцкаго. Какіе это были доходы, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ изучаемаго времени.

Въ главныхъ господарскихъ дворахъ, бывшихъ нѣкогда мѣстопребываніемъ удѣльныхъ князей, въ изучаемое время продолжали существовать погреба или „подклѣты", въ которые поступала и въ которыхъ хранилась медовая дань съ волостей, принадлежавшихъ прежде къ удѣльнымъ княжествамъ, а въ изучаемое время къ повѣтамъ воеводъ и старостъ. Погреба находились въ завѣдываніи *ключниковъ*, а самая должность и вѣдомство ихъ назывались *ключомъ*. Такіе ключи существовали въ Вильнѣ и Трокахъ. Сюда поступалъ, напр., прѣсный медъ съ волостей Поднѣпрскихъ, какъ о томъ было уже сказано во второмъ и третьемъ очеркахъ. Такъ какъ Виленскій и Троцкій ключники въѣзжали и въ другія волости, раздававшіяся въ держанье намѣстникамъ и тивунамъ, то отсюда можно заключить, что и съ этихъ волостей медовая дань шла до ключей Виленскаго и Троцкаго. Ключники въѣзжали, впрочемъ, только въ экстренныхъ случаяхъ, такъ какъ медовая дань собиралась обыкновенно мѣстными властями и представлялась ключникамъ въ Вильну и Троки вмѣстѣ съ тѣмъ доходомъ, который шелъ

---

[226]) Акты Зап. Рос. II, № 54; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36.

[227]) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 2; V, л. 11; IX, л. 93, 94, 124, 233 и др.

[228]) Акты Зап. Рос. I, № 207.

имъ за этою данью. Медовая дань поступала и до ключа Новгородскаго, какъ это видно изъ слѣдующей расходной записи короля Казимира: „князю Ивану Юрьевичу колода меду прѣсного съ ключа Троцкого въ Дичка; ему жъ колода меду прѣсного съ ключа Новгородского въ Зенька" [229]). То же самое говорятъ акты и о ключѣ Берестейскомъ. „Жаловали намъ,—читаемъ въ одномъ судовомъ листѣ короля Сигизмунда отъ 1507 года,—тыи люди Берестейского повѣта, на имя Гаврыло а Сенко, а Вакула, а Левонъ, а Масина, а Ониско Веремковичъ, а Неронъ и со всею братьею и зъ дѣтьми и потужники своими на земянъ берестейскихъ на Микиту а на Матьяса, а на Коробана, што жъ бы они съ своихъ дву жеребьевъ земли, на имя съ Песоцкого а зъ Рогушинского, забрали за себе ихъ земли семь жеребьевъ, съ которыхъ же бы они дани даивали до ключа нашого Берестейского колоду меду прѣсного" [230]). О томъ, что до ключа Кіевскаго шла медовая дань, было уже сказано выше (стр. 781, 782). Въ дополненіе укажемъ здѣсь на листъ великаго князя Александра, писанный въ 1496 году ключнику Кіевскому Сеньку Полозовичу „и инымъ ключникомъ нашимъ, хто и напотомъ отъ насъ будетъ ключъ Кіевскій держати". „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ здѣсь,—земянинъ кіевскій Андрей Пряжовскій и повѣдилъ передъ нами, што жъ люди его въ Завской волости, на имя Шершневичи, издавна даивали въ ключъ Кіевскій ведро меду прѣсного, и билъ намъ чоломъ, абыхмо тое ведро меду отпустили ему. Ино мы для сказы отъ поганства, зъ ласки нашое то вчинили и тое ведро меду ему есмо отпустили вѣчно: не надобѣ его людемъ Шершневичомъ того ведра меду давати въ ключъ Кіевскій" [231]). Кромѣ прѣснаго меду до ключей шли и денежные доходы, взимавшіеся въ видѣ дополненія къ медовой дани, въ родѣ, напр., грошей накадныхъ, а также деньги, платившіяся взамѣнъ меда. По крайней мѣрѣ, съ ключей господарь жаловалъ нерѣдко, кромѣ меда прѣснаго и воску, еще деньги и различныя вещи. Въ записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Перштынскому шуба лисья завыйковая съ ключа Виленского; князю Андрею Полубинскому возъ соли съ ключа Берестейского; охмистру королевое Марцышу шуба лисья завыйковая съ ключа Мѣнского; пану Собенскому шуба лисья завыйковая съ ключа Новгородского; возницѣ Мисурку 2 копѣ грошей съ ключа Ковенского; Горбовскому 2 возы

[229]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 74.
[230]) Литов. Метр. кн. Запс. VIII, л. 272, 273.
[231]) Литов. Метр. кн. Запис. VI л. 77.

соли съ ключа Луцкого; Быку Вороновицкому шуба лисья завыйковая съ ключа Новгородского“ [232]) и т. д. Король Александръ, задолжавъ ключнику Виленскому Григорью Исаевичу Громыкѣ 48 копъ и десять грошей, велѣлъ тыи пенязи выбрати ему съ ключа Виленского зъ даней волостныхъ“ [233]). Различное сырье, которое жаловалось съ ключей помимо меда, поступало туда взамѣнъ денегъ, такъ какъ такіе предметы, какъ соль, мѣха, воскъ, сукна, были въ то время ходячею цѣнностью, имѣли значеніе денегъ. Къ Луцкому ключнику, кромѣ всего этого, поступали всѣ вообще доходы съ волостей „повѣта ключництва Луцкого“ (стр. 116—218 второго очерка). Поэтому и съ ключа Луцкаго встрѣчаемъ, напр., такія пожалованья короля Казимира: „ловцу Гиревцу 5 колодъ ржи въ ключника Луцкого; мѣщаномъ Звинигородскимъ Левонтею а Герману 20 бочокъ ржи съ ключа Луцкого; князю Андрею, Браславскому намѣстнику, 30 копъ грошей—10 копъ зъ мыта Луцкого, а 10 копъ въ ключника Луцкого съ цыншовыхъ князей, а сто бочокъ ржи зъ дворовъ, што подъ ключомъ, а 10 копъ зъ Взвягольское дани въ Ельца“ [234]) и т. д. Въ Луцкомъ повѣтѣ ключникъ сдѣлался такимъ же мѣстнымъ правителемъ, какъ тивуны въ повѣтахъ Виленскомъ и Троцкомъ, хотя и не терялъ своего прежняго значенія—пріемщика и хранителя медовой дани со всѣхъ вообще господарскихъ данниковъ этого повѣта. Медъ, хранившійся ключниками, шелъ на удовлетвореніе дворцовыхъ потребностей, а также въ раздачу духовенству и служилымъ людямъ въ видѣ жалованья. 20 августа 1496 года ключникъ Кіевскій Сенько Полозовичъ давалъ отчетъ въ Вильнѣ предъ писаремъ Ивашкомъ Владыкою. „Приходу положилъ,—читаемъ въ записи этого писаря,—сѣверское и полское дани триста судовъ и 14 судовъ, то естъ кораимановъ. Росходу тое дани положилъ: до твоей милости, до господаря, отослалъ до Вильни двѣстѣ судовъ и осмеронадцатеро судовъ,—то сѣверское дани; а иное на листы твоее милости давалъ пану Станиславу Глѣбовичу, а иное выдалъ князю Дмитрею Путятичу, воеводѣ Кіевскому, а пану Сеньку Олизаровичу, а князю Богдану, намѣстнику Путивльскому, 13 судовъ сѣверское дани, а иное давалъ на русскіи церкви, и бискупу Кіевскому, и каноникомъ, и инымъ давалъ. Все на личбѣ сполна положилъ триста судовъ и 14 судовъ, а на все листы вказалъ“ [235]). Въ

[232]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 14, 15, 54.
[233]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 308.
[234]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 67, 74 ,80.
[235]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 170,

записяхъ расходовъ короля Казимира читаемъ: „мѣщанину Виленскому Матѳею колода меду прѣсного съ ключа Городенского; войту и бурмистромъ и радцомъ мѣста Виленского уставъ меду прѣсного зъ ключа Виленского; князю Ивану Васильевичу, намѣстнику Мѣнскому, 4 бочки соли зъ мыта въ Ковнѣ, ему жъ колода меду прѣсного съ ключа Троцкого; пани Яновой Насутовича 2 колодѣ меду съ ключа Берестейского" [236]) и т. д. Господарь жаловалъ съ ключей даже воскомъ, который получался при выработкѣ кислаго меду, а иногда и кислымъ медомъ; Казимиръ пожаловалъ, напр., служебнику Михну камень воску съ ключа Троцкаго, а мѣщанамъ Полоцкимъ „вставъ меду прѣсного а бочка меду кислого съ ключа Виленского" [237]) и т. д.

Въ числѣ волостокъ, розданныхъ королемъ Казимиромъ въ 1489 году смолнянамъ, упоминается *часництво* [238]). Въ записяхъ пожалованій Казимира въ Смоленской землѣ, когда онъ былъ еще только великимъ княземъ Литовскимъ, упоминается ключъ медовый [239]). Едва ли это не одна и та же должность, предметомъ вѣдомства которой былъ погребъ Смоленскій, поглощавшій медовую дань съ смоленскихъ волостей. Такъ, напр., кадь меду прѣснаго и двѣ копы грошей вносили до погреба въ замокъ Смоленскій путные люди Дубровенскаго путя Митрохановы; въ погребъ Смоленскій вносили кадь меду данники Буйгородской волости Демидъ Майковскій съ братьею, а при этой кади платили господарю и урядникамъ Смоленскимъ „пудовню меду малиновную и дванадцать грошей, а вѣщое, а вставное, а пищое—мѣрку хмелю" [240]). Впрочемъ, часництво и ключъ медовый могли быть и двумя должностями, если судить по аналогіи съ Вильною и Троками, гдѣ, кромѣ ключниковъ, существовали еще и *подключіе*. Подключіе завѣдывали господарскимъ медовареніемъ и тѣми людьми, которые его производили. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ въ одномъ подтвердительномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 11 мая 1514 года,—служебникъ воеводы Виленского, канцлера нашого, пана Миколая Миколаевича Радивиловича Дашко Ѳедоровичъ и вказывалъ передъ нами листъ нашъ, што жъ есмо дали ему мѣстцо пустовское у Виленскомъ мѣстѣ на Онтокольни медоварское, на имя Мисевское, и повѣдилъ передъ нами, што жъ онъ иншое мѣстцо купилъ на отмѣну того мѣстца и чоло-

---

[236]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 14, 53.
[237]) Ibidem, л. 46, 68.
[238]) Ibidem, л. 85.
[239]) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 21.
[240]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 237, 284, 285.

вѣка на томъ мѣстцы для службы медоварское посадилъ, на имя Мартинца, который же намъ службу медоварскую служить. И мы пытали о томъ подключочого нашого Виленского Ивана Вязмитина, и онъ повѣдилъ передъ нами, што жъ съ того мѣстца служба намъ медоварская идеть" [241]) и т. д. Подключіе, какъ и ключники, не только завѣдывали своимъ спеціальнымъ дѣломъ, но и помогали воеводамъ въ общемъ управленьѣ повѣтомъ. Такъ, напр., „зъ росказанья" воеводы Виленскаго, канцлера, старосты Бѣльскаго и Мозырскаго пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, „намѣстникъ его милости Виленьскій Кмита Кунцовичъ а подключій Виленьскій Словакъ смотрѣли преора и всю братью закону святого Доминика у Вильни съ паномъ Станиславомъ Войтеховичомъ Нарбутовича о земли людей ихъ костельныхъ Дровиничанъ" [242]).

Въ нѣкоторыхъ областяхъ, гдѣ были волости данниковъ, не раздававшіяся въ особое держанье и тянувшія судомъ и управою къ главнымъ городамъ, изъ этихъ главныхъ городовъ высылались для сбора дани особые *данничіе*. Такъ было, напр., въ Смоленской землѣ при королѣ Казимирѣ, который раздавалъ боярамъ волостки—собирать данничое чорное, „врочное серебро въ Буйгородку и у Ветличахъ", „врочное серебро въ Катанѣ" [243]) и т. д.; такъ было, повидимому, и въ Берестейской землѣ, гдѣ мѣстнымъ земянамъ принадлежали волостки: данничее, житщина, бобровничее и ловчее (стр. 21 перваго очерка). Впрочемъ, эти волостки могли быть простыми доходами, уже не сопряженными съ соотвѣтствующею должностною дѣятельностью, какъ это мы видѣли въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ.

Ловчихъ, кромѣ Берестья, встрѣчаемъ еще въ Смоленскѣ, Брянскѣ и Витебскѣ (стр. 248, 267, 281 второго очерка). Въ Смоленскѣ ловчее было реальною должностью, съ которою сопряжены были не только извѣстныя права, но и обязанности. Въ 1509 году люди Смоленскаго повѣта Василій Нефедовичъ и Никифоръ Максимовичъ Кишкины стали „выламываться" изъ подданства мѣщанину смоленскому Левону Величковичу, утверждая, что онъ выпросилъ ихъ у короля Александра, „повѣдаючы, ижъ бы они были псарци и село псарецкое держать", а на самомъ дѣлѣ они служатъ панцерную службу. Король поручилъ разобрать это дѣло воеводѣ Троцкому пану Миколаю Миколаевичу.

---

[241]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 150.
[242]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 259.
[243]) Литов. Метр. кн Запис. Ш. л. 20; IV, л. 85.

„И онъ (Левонъ Величковичъ) поставилъ передъ нимъ свѣтковъ, ловчыхъ Смоленскихъ Василья Чертова а Ивана Жыбрыка, и тые ловчые передъ нимъ свѣтчыли тымъ обычаемъ, што жъ дѣдъ ихъ Кишка *былъ подъ рукою ловчого, звѣрь сочывалъ*, а службу дей съ того села панцерную служывалъ" [244]). Итакъ, ловчіе въ Смоленской землѣ завѣдывали господарскою охотою, имѣли подъ рукою псарцовъ (и ловцовъ), съ которыми выслѣживали и били звѣря. Имѣли ли такое значеніе ловчіе въ Брянскѣ и Витебскѣ, положительныхъ указаній на это намъ не удалось найти въ актахъ изучаемаго времени. Въ собственной Литовской землѣ господарскою охотою завѣдывалъ ловчій, находившійся при особѣ господаря, въ его придворномъ штатѣ [245]).

Въ Новгородкѣ Литовскомъ и Витебскѣ отъ удѣльнаго времени остался *сокольничій* [246]), который завѣдывалъ сокольниками и господарскою соколиною охотою. Сокольниковъ болѣе всего встрѣчаемъ именно въ Новгородскомъ повѣтѣ, въ составѣ высшаго слоя крестьянства, который отправлялъ военную службу [247]). Спорадически сокольниковъ встрѣчаемъ и въ другихъ повѣтахъ, напр., въ Кревскомъ, Лидскомъ [248]) и др.

Въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Подляшскомъ округѣ Берестейской земли и въ Луцкѣ встрѣчаемъ господарскихъ *бобровничихъ*, которые руководили битьемъ бобровъ на господаря и завѣдывали господарскими бобровниками. О томъ, что въ Полоцкой землѣ эксплуатировались бобровые гоны на господаря, узнаемъ, напр., изъ листа короля Казимира, писаннаго 12 августа 1484 года намѣстнику Полоцкому пану Богдану Андреевичу Сопѣгѣ. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ здѣсь,—боярынъ Полоцкій Сенько Епимахъ и просилъ въ насъ рѣчки тамъ въ Полоцку, на имя Белейцы, а повѣдалъ намъ, што жъ дей намъ съ тое рѣчки никоторого пожытку нѣтъ, *только дей бобры на насъ тамъ бьютъ въ той рѣчцѣ*, и намѣстникъ дей твой даетъ въ той рѣчцѣ рыбы ловить мѣщаномъ, кому хочетъ. Ино, естли будетъ такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ, и мы дали ему по той рѣчцѣ Бѣлейцѣ езы бити и рыбу ловити удолжъ милю, почонъ отъ устья Бѣлого озера и до озера Листна, бо такъ онъ намъ повѣдалъ, ижъ только одна миля

---

[244]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 287.

[245]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 235, 236.

[246]) *Bonieckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. XXIV.

[247]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 26—34.

[248]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 58; IX, л. 207.

тое рѣчки вдолжъ межы тымъ озеромъ; а бобровъ есмо ему не дали по той рѣчцѣ бити, бобры маютъ тамъ на насъ бить, а ему только одна рыба ловити въ той рѣчцѣ" [249]). Благодаря такимъ пожалованьямъ, возникло право господаря бить бобровъ по частнымъ имѣньямъ; извѣстная статья Полоцкаго земскаго привилея: „а бобры гнати по старой пошлинѣ", очевидно, имѣетъ въ виду это право и гарантируетъ землевладѣльцевъ отъ распространенія его на имѣнья, не подлежавшія ему ранѣе. Мало того, при пожалованіи населенныхъ имѣній на крестьянахъ оставлялась иногда повинность бить бобровъ на господаря и давать бобровничему господарскому его доходъ. Такъ, при королѣ Сигизмундѣ люди Кудвинцы Витебскаго повѣта, служившіе Ширковичу, должны были сообща съ людьми княгини Жилинской Туловскими гнать бобровъ по р. Городнѣ и Лососиной; „а што бобровъ вбьють, тые маютъ на полы дѣлити, половину на господара его милость къ замку Вытебскому, а другую половину кнегини Жилиньской". Люди Ширковича платили и бобровничему господарскому его доходъ [250]). Итакъ и въ Витебской землѣ велась бобровая гоньба на господаря. Въ Луцкомъ повѣтѣ еще въ 1545 году встрѣчаемъ господарскіе бобровые гоны въ завѣдываньѣ господарскаго бобровничаго [251]). Привилеи, дававшіеся въ изучаемое время землямъ Жмудской и Кіевской, указываютъ на то, что и въ этихъ земляхъ существовала господарская бобровая охота и были, вѣроятно, господарскіе бобровничіе, хотя упоминаній объ нихъ въ актахъ намъ не удалось найти. Бобровничіе, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ актовъ, разъѣзжали по волостямъ господарскимъ и частнымъ имѣньямъ для битья бобровъ и сбора своихъ доходовъ. Съ теченіемъ времени, однако, повинность частновладѣльческихъ крестьянъ бить бобровъ на господаря замѣнялась особымъ оброкомъ, который получилъ названіе „бобровничаго" (этимъ же именемъ назвался и доходъ самого бобровничаго, который теперь, очевидно, слился съ господарскимъ въ одну подать). Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича показывалъ Яцко Быстрейскій: „Я есть отъ господара его милости бобровничимъ въ Полоцку, мушу того смотрѣти, абыхъ платъ господарскій бобровничое сполна выбиралъ. Гдѣжъ на онъ часъ, якъ ми господаръ его милость тотъ врадъ далъ, не моглемъ вѣдати, што хто того плату господару его милости виненъ платити, нижли одно хто ми въ тотъ часъ далъ, тому

[249]) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 117.

[250]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 45, 46.

[251]) Źródła dziejowe, tom VI, str. XXIX.

я бралъ. И мовилемъ нынѣшнему пану Троцкому, старостѣ Жомоитскому, абы его милость, будучи на онъ часъ (1521—1532) воеводою Полоцкимъ, казалъ закликати, ижъ бы жаденъ, што хто того плату господарю его милости повиненъ платити, не утаивалъ. И его милость подъ виною господарскою тридцатьма копами грошей, а на себе, воеводу, десетма копами, заказалъ, абы того нихто не таилъ и то, што хто повиненъ, водлѣ стародавного обычая платилъ; якожъ его милость на онъ часъ, довѣдавшися такихъ, которые черезъ закличъ того плату господарского таили и несполна платили, винами каралъ. А потомъ мовилемъ пану подскарбему, абы ми его милость далъ науку, ижъ я, не вѣдаючи, што хто того плату бобровничого господару его милости повиненъ платити, якъ бы ся мѣлъ въ томъ справовати. И панъ подскарбій то до господара его милости допустилъ и зъ росказанья господарского доискался реистровъ старыхъ въ скарбѣ господарскомъ, въ которыхъ выписано, што хто бобровничого даетъ, и далъ ми тые реистра, водлѣ которыхъ казалъ ми тотъ платъ на господара его милость выбирати“ [251]). Замѣна бобровой гоньбы, какъ барщинной повинности, особымъ оброкомъ, всего вѣроятнѣе, стояла въ связи съ истребленіемъ бобровъ и фактическимъ прекращеніемъ господарской охоты во многихъ мѣстахъ, гдѣ она существовала прежде; на это, впрочемъ, имѣются кое-какія свидѣтельства и въ актахъ [252]). Приведенное показаніе Яцка Быстрейскаго любопытно и какъ свидѣтельство современника о томъ, что воевода былъ высшимъ администраторомъ и судьею по выполненію разныхъ повинностей на господаря, и что даже различныя спеціальныя отрасли управленья не были внѣ его вѣдома и власти, несмотря на существованіе особыхъ урядниковъ, завѣдывавшихъ ими. Но если воеводы и старосты вѣдали и различныя спеціальныя отрасли управленья, то за то и урядники съ спеціальнымъ вѣдомствомъ участвовали въ общемъ управленіи земли, какъ это увидимъ ниже на примѣрѣ тѣхъ же бобровничихъ.

При нѣкоторыхъ старостахъ существовали въ качествѣ должностныхъ лицъ съ спеціальнымъ вѣдомствомъ *лѣсничіе и гаевники*. Свѣдѣнія объ этомъ, а равно объ ихъ вѣдомствѣ, были уже даны отчасти въ третьемъ очеркѣ (стр. 669—672). Здѣсь укажемъ на то, что лѣсничіе существовали также и при намѣстникѣ-старостѣ Городенскомъ. Королю Сигизмунду билъ челомъ конюшій Городенскій Богданъ Гринковичъ и просилъ пущи въ Городенскомъ повѣтѣ на нѣмецкой гра-

---

[251]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 179—181.

[252]) Ibidem, л. 45, 46.

ницѣ Прусской. „И мы, — гласитъ выданный ему привилей, — перво сего писали до конюшого нашого дворного и Троцкого, намѣстника Волькиницкого и Лепуньского, *лѣсничого Городеньского*, пана Якуба Кунцовича, абы тамъ самъ выѣхалъ и ему пущы нашое, осмотрѣвшы, и отъѣхалъ тамъ, гдѣ бы намъ не шкодно, вдолжъ ни милю, а поперецъ на милю жъ, отъ пана воеводы Виленьского границы Райгородское, отъ рѣки Пруски, къ Вишневской дорозѣ, а Вишневскою дорогою просто до рѣки Довспуды а по Сетеву стежку; какъ же панъ Якубъ и самъ намъ устне повѣдилъ, ижъ тамъ здавна оступовъ нашихъ и лововъ не бывало, и по тымъ границамъ отъѣхалъ и зарубалъ“ [253]).

При старостахъ Берестейско-Подляшской области существовали, кромѣ того, подкоморіе и войскіе, о которыхъ уже была рѣчь въ третьемъ очеркѣ (стр. 672, 673) и *возные*, которые развозили листы „позовные“ отъ уряда и земскаго суда. Возные появились здѣсь, очевидно, какъ результатъ польскаго вліянія; они выбирались старостою и всею землею, т. е. всѣми земянами повѣта [254]).

За исключеніемъ возныхъ, войскихъ, подкоморихъ и, быть можетъ, также лѣсничихъ и гаевниковъ, всѣ остальные урядники остались при воеводахъ и старостахъ, очевидно, отъ удѣльныхъ князей. Дворцовая удѣльная организація продолжала существовать и въ изучаемое время, несмотря на то, что самые удѣльные столы уже давно упразднились. Этому благопріятствовало между прочимъ и то, что господарь не осѣлъ прочно на одномъ дворѣ со всѣми своими дворными урядниками, а проживалъ и въ Вильнѣ, и въ Трокахъ, и въ Городнѣ, и въ Берестьѣ, а въ XV в. и въ Луцкѣ (Витовтъ). Благодаря этому и дворцовое хозяйство, и управленье долгое время не сцентрализовывались; вмѣстѣ съ тѣмъ не замирала и та жизнь и дѣятельность, которыя развивались прежде при дворахъ удѣльныхъ князей, гдѣ теперь жили воеводы и старосты. То, что дѣлали въ прежнее время удѣльные князья съ своими дворными урядниками, то большею частью продолжали дѣлать съ этими урядниками и заступившіе ихъ мѣсто воеводы и старосты.

VII.

По наслѣдству отъ удѣльныхъ князей воеводы и старосты получили и долю той военной власти, которою располагали эти князья. Выше

---

[253]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 572.

[254]) Акты Зап. Рос. II, № 64. О возныхъ въ Берестьѣ см., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 118, 119.

было указано на то, что во время общей мобилизаціи воеводы стягивали подъ свои знамена и выводили на войну всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ своихъ повѣтовъ съ ихъ „почтами", въ томъ числѣ и тѣхъ, которые не шли вмѣстѣ съ намѣстниками-державцами и состоявшими при нихъ хоружими. Если выходило приказанье идти всѣмъ въ одинъ сборный пунктъ и становиться прямо подъ начальство гетмана, воеводы и старосты разсылали своихъ слугъ оповѣщать объ этомъ князей, пановъ и повѣтовыхъ хоружихъ, не смотря на то, что и изъ центра разсылались къ нимъ обо всемъ этомъ особые листы. Въ общемъ сборномъ пунктѣ ополченіе каждой области становилось, повидимому, также подъ знамя своего воеводы (ополченіе земли Волынской подъ знамя старосты Луцкаго или маршалка земли Волынской, а ополченіе Жмудской земли подъ знамя старосты Жмудскаго), подобно тому, какъ въ удѣльное время ополченія стояли подъ знаменами своихъ князей. При этомъ, какъ уже было сказано во первомъ и второмъ очеркахъ, при Виленскомъ и Троцкомъ воеводахъ становились ополченія не только ихъ судебно-административныхъ повѣтовъ, но также Новгородскаго повѣта, Слуцкаго и Мстиславскаго княжествъ, Городенскаго и Ковенскаго повѣтовъ, Турово-Пинскихъ княжествъ и Берестейско-Подляшской области. Какъ областные военачальники воеводы собирали и реестры, или „пописы", имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, по которымъ гетманъ провѣрялъ всѣхъ явившихся на службу съ ихъ „почтами", а подскарбій земскій провѣрялъ сборъ серебщины. Въ 1544 году король „водлѣ давного звычаю" приказалъ: „Въ кождомъ повѣтѣ кождый князь, панъ, земянинъ, хоружій и вси подданые его милости шляхта того повѣту, въ которомъ сѣдять, и тежъ татаре, хоружыи татарскіи мають сами вси имѣнья свои отчизныи, выслужоныи и купленые, заставные и якимъ-кольвекъ обычаемъ набытые, хотя и въ розныхъ повѣтѣхъ будуть мѣти, пры имѣнью своимъ головномъ достаточне списать и тыи реистра мають старостамъ, державцамъ у повѣтѣхъ своихъ отдавать и прысягу передъ ними чынити на томъ, ижъ вси имѣнья и люди свои справедливе списали, а ничого не утаили. А старосты и державцы мають оныи реистра отдавати воеводѣ тому, въ которого повѣтѣ они будуть, и на часъ и на рокъ певный, то естъ на семую суботу прышлого свята". Король сдѣлалъ исключеніе только для самихъ воеводъ и старостъ: „А панове воеводы и старосты, которыи его милости господару на раду прысягали, мають потому жъ своихъ подданыхъ водлѣ тое уфалы списать и посполь зъ реистры оныхъ врадниковъ его милости подъ тою жъ прысягою, яко на раду его милости прысягали, реистра попису имѣ-

ней своихъ мають до скарбу его милости отдавати". Несмотря на то, что король ссылается на давній обычай, порядки, здѣсь изображенные, не всѣ давніе. Прежде имѣнья шляхты переписывали хоружіе; шляхта въ 1544 году просила короля именно о томъ, чтобы серебщина выбиралась съ нея „водлѣ вѣры, а не съ попису", и король, какъ видно изъ его отвѣта, уважилъ просьбу шляхты [255]). Такимъ образомъ, и давнимъ обычаемъ въ данномъ случаѣ могло быть лишь то посредничество между центральнымъ правительствомъ и военнослужилыми землевладѣльцами, которое принадлежало воеводамъ, старостамъ и державцамъ. На то, что воеводы и ранѣе въ такихъ случаяхъ собирали „пописы" имѣній со всего воеводства, указываетъ и списокъ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ съ помѣтою числа ихъ „почтовъ", составленный въ 1528 г. Списокъ этотъ составлялся, по всѣмъ признакамъ, въ господарской канцеляріи на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя поступали туда отъ отдѣльныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, отъ воеводъ и старостъ (Жмудскаго и Подляшскихъ), а также, быть можетъ, отъ маршалка земли Волынской. Въ немъ за перечнемъ „почтовъ" пановъ-радъ, разныхъ дворныхъ господарскихъ урядниковъ, князей, а также паней и княгинь, принадлежавшихъ къ тому же высшему правительственному слою и, наконецъ, разныхъ землевладѣльцевъ, о которыхъ по разнымъ причинамъ свѣдѣнія были доставлены отдѣльно, слѣдуютъ реестры воеводствъ Виленскаго, Троцкаго, въ составѣ которыхъ, кромѣ ополченій повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, значатся между прочимъ ополченія Новгородскаго повѣта, Ковенскаго, Городенскаго и Берестейскаго. Подляшское воеводство хотя и стоитъ въ спискѣ отдѣльно, но оно также причислено къ воеводству Троцкому, какъ видно изъ слѣдующаго обозначенія итога Троцкаго воеводства: „Сума великая всихъ реистровъ Троцкого повѣту дворовъ зъ бояръ шляхты и зъ ихъ людей, *кромъ Берестья и Бѣльска, Дорогичина и Мельника*, 2 тисячи осмъ сотъ и 61 конь" [256]). Послѣ этого въ спискѣ слѣдуютъ реестры татарскаго ополченья изъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ, затѣмъ реестры Подляшскаго воеводства, „пописъ земли Волынское", реестры бояръ Пинскихъ, Клецкихъ, Городецкихъ, Рогачовскихъ и Кобринскихъ, представленные королевою Боною или ея старостою (стр. 22, 25 перваго очерка), и наконецъ,—реестры земель Полоцкой и Витебской и „пописъ шляхты земли Жомоитское и ихъ людей"; реестра Кіевской земли

[255]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ IV, л. 3, 4.
[256]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ Запис. I, л. 108.

нѣтъ. Такое построеніе списка наводитъ на мысль, что составлялся онъ безыскусственно, по тѣмъ отдѣльнымъ связкамъ бумагъ, которыя находились въ господарской канцеляріи и были доставлены туда самими землевладѣльцами непосредственно и воеводами.—Въ 1544 году король съ папами-радою установили, чтобы каждый годъ „на день Светого Крижа осеннего", всѣ военнослужилые землевладѣльцы становились передъ воеводами и старостами „съ почты своими водлугъ того, яко повинни службу служити". „А княжата, панята и вся земля Волынская,—читаемъ въ этомъ постановленьѣ,—мають на тотъ же часъ пописыватися у маршалка Волыньское земли. А княже Слуцкое и иньшые княжата и панята, князи Друцкіе, Лукомскіе мають ся у Мѣньску передъ паномъ воеводою Виленьскимъ оказати. А земли Подляшскіе—передъ старостами своими у повѣтѣхъ. И отъ попису не мають большъ брати, одно по полугрошку съ коня" [257]). Приведенное королевское постановленье было, можетъ быть, новостью; но самая власть воеводъ, на которую разсчитано это предписанье, не была, конечно, новостью, какъ не была новостью и власть маршалка земли Волынской.

О власти и значеніи маршалка земли Волынской была уже рѣчь во второмъ очеркѣ (стр. 211—213). Въ дополненіе укажемъ здѣсь на листъ короля Сигизмунда, писанный въ 1539 году хоружему земли Волынской, князьямъ, панамъ, княгинямъ и паньямъ-вдовамъ, земянамъ и дворянамъ, „которыи имѣнья свои въ повѣтѣ Луцкомъ и Володимерскомъ и Кременецкомъ маютъ". Извѣщая ихъ о появленіи на украйнѣ татарскихъ полчищъ, король писалъ: „И вы бы вжо, жадного и нового росказанья нашого не ожидаючы, того жъ часу, безъ кождого омѣшканья и безъ всякого сплошенства, на тую службу нашу, на оное мѣстцо отъ насъ зложоное (выше: „межы Городка и Дубровицы на Берыжномъ, гдѣ и передъ тымъ земля Волыньская *глядывана* бывала"), ѣхали и чымъ нарыхлѣй, яко на гвалтъ, тамъ ся поспѣшали и збирали и положили, и послушенство во всемъ мѣли къ маршалку Волынское земли, старостѣ Володымерскому, князю Ѳедору Андреевичу Санкгушковичу; и естли бы оттоль васъ къ войску нашему великому потреба всказывала, а панове рады наши ихъ милость великого князьства князю Ѳедору, маршалку Волыньское земли, дадутъ о томъ знати, абы есте вси одтоль до пановъ радъ нашихъ зъ княземъ старостою Володымерскимъ ѣхали, и безъ всякого сполошенства

---

[257]) Литов. Метр. кн. Публич дѣлъ IV, л. 3, 4.

до ихъ милости ся поспѣшали, на тое мѣстцо, гдѣ ихъ милость вамъ роскажутъ" [258]). Въ другихъ земляхъ, напр., въ Кіевской и Смоленской, въ виду ожидающагося непріятельскаго нападенія ополченье собиралось, очевидно, подъ знамя намѣстника главнаго города, или воеводы.

VIII.

Значеніемъ воеводъ и старостъ, какъ главныхъ правителей въ бывшихъ удѣльныхъ княжествахъ и особыхъ владѣніяхъ, объясняется и то участіе, которое они принимали въ устройствѣ военнослужилаго землевладѣнія въ волостяхъ, находившихся въ держаньѣ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Господарь, пожаловавъ кому-нибудь имѣнье въ одной изъ такихъ волостей, съ приказомъ дать „увязанье" обращался иногда не къ мѣстному урядилку, а къ воеводѣ или старостѣ того повѣта, въ которомъ находилась данная волость. Въ 1495 году король Александръ писалъ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу: „Билъ намъ чоломъ князь Иванъ Костянтиновичъ Вяземскій и повѣдилъ передъ нами, што жъ вся отчина его къ Вязмѣ отошла, и просилъ въ насъ селца въ Лучинѣ городку, на имя Приселья, што зять его Васко державъ; а того дей Васка въ животѣ не стало, а тыми разы тое селцо спало на насъ, его держить намѣстникъ Лучина городка князь Олехно Глазыня; а у того дей Васка дочка одна осталася, и тая дей вжо за-мужъ пошла, а въ держаньи того села не была ажъ и до тыхъ часовъ. — Ино, естли будеть такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ, и мы ему тое селце дали: и ты бы ему въ то увязанье далъ, и къ намъ бы еси о томъ отписалъ" [259]). Тотъ же господарь писалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу о бояринѣ гедройтскомъ Балтромеѣ Станкевичѣ, „абы ему далъ двадцать чоловѣкъ тяглыхъ въ Жомойти Дирвянское волости,—и всю тую двадцать чоловѣковъ тяглыхъ на имя его милость былъ выписалъ". „И панъ староста,—гласитъ позднѣйшее подтвержденье короля Сигизмунда,—подлѣ листу брата нашого, короля его милости, далъ ему толко дванадцать чоловѣковъ, а осми не далъ для того, ижъ были межи тыми двадцатма чоловѣки люди путные и данники и куничники, а далъ дей ему противъ тыхъ осми тяглыхъ людей тое жъ волости Дирвянское" [260]). Въ 1509 году король Сигизмундъ, пожаловавъ старостѣ

---

[258]) Źródła dziejowe, tom VI, str. 151—153.

[259]) Акты Зап. Рос. I, № 128.

[260]) Литов. Метр кн. Запис. VIII, л. 143.

мѣста Смоленскаго, войту Минскому, Авраму человѣка Сомилишской волости Некраша Бутевича и землицу пустовскую его брата Петрашевщину,—„а повѣдилъ намъ, што жъ дей съ того чоловѣка идеть намъ служба тяглая, а тая дей пустовщина лежыть пуста, службы намъ съ нее нѣтъ",—приказалъ воеводѣ Троцкому пану Миколаю Миколаевичу: „Ино, естьли будеть такъ, какъ онъ намъ повѣдилъ, а намъ не шкодно, и твоя бы милость велѣлъ въ то ему увязанье дати: нехай онъ того чоловѣка и пустовщину держыть до нашое воли" [261]). Въ 1512 году тотъ же панъ Миколай Миколаевичъ, бывшій уже воеводою Виленскимъ, получилъ отъ господаря приказъ дать увязанье дьяку своему Сопотку Стецковичу въ людей и пустовщины въ Мойшакгольской волости. „А пакъ ли бы сіе не видѣло твоей милости,—писалъ ему король,—тыхъ людей ему дати, а любо будемъ кому иному первѣй тыи люди дали, и твоя бы милость напротивку того, толко жъ людей нашихъ и земль пустовскихъ, гдѣ бы намъ не шкодно, обыскавшы у Виленьскомъ повѣтѣ, и ему далъ" [262]) Около того же года король, пожаловавъ владыкѣ Полоцкому Евѳимію человѣка Бобра „и зъ дѣтьми его и зъ ихъ землями" въ Черсвятской волости, писалъ до воеводы Полоцкаго, „абы ему въ того чоловѣка увязанье далъ" [263]). Отъ 1514 года имѣемъ листъ короля, писанный до воеводы Кіевскаго, съ приказаньемъ дать дворянину Ивашку Немиричу „увязанье" въ Любецкомъ повѣтѣ [264]). Въ 1516 году король, пожаловавъ намѣстнику Остринскому пану Станиславу Скиндирю тринадцать человѣкъ ловцовъ и двѣ земли пустовскихъ лейтскихъ, писалъ воеводѣ Троцкому пану Григорью Станиславовичу Остиковича: „и твоя бы милость казалъ въ тыи люди верхуписаныи и въ земли пустовскіи ему увязанье дати" [265]). Въ 1522 году, пожаловавъ маршалку Венцеславу Станиславовичу Костевича шесть земель пустовскихъ въ Румшишскомъ повѣтѣ, король приказалъ старостѣ Ковенскому пану Юрью Ивановичу Ильинича дать ему въ земли „увязанье" [266]). Въ 1524 король приказалъ старостѣ Жмудскому пану Станиславу Яновичу „увязать" тивуна Поюрскаго Миколая Володкевича въ двѣ земли пустовскихъ въ Ясвоинскомъ повѣтѣ и Ойрайкгольской волости [267]) и т. д.

---

[261]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 305, 306.

[262]) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 552.

[263]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 9.

[264]) Ibidem, л. 88.

[265]) Ibidem, л. 119, 120.

[266]) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 1.

[267]) Ibidem, л. 157.

Иногда прежде, чѣмъ согласиться на просьбу челобитчика о пожалованьѣ имѣнья въ томъ или другомъ повѣтѣ, господарь посылалъ за справками къ воеводѣ или старостѣ, хотя въ повѣтѣ былъ свой намѣстникъ-державца или тивунъ. Великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ панъ Войтехъ Нарбутовичъ и просилъ земли пустовской въ Швентянской волости, „што Петръ Пушковичъ держалъ". „И мы,—писалъ великій князь тивуну Виленскому Хрщону Невѣровичу,—были казали воеводѣ Виленскому, канцлеру нашому, пану Миколаю Радивиловичу того ся довѣдати, какъ тая земля велика есть. И панъ воевода, того ся довѣдавшы, и къ намъ о томъ отписалъ. И мы подлугъ листа пана воеводина тую землю Петровскую ему есмо дали, и ты бы ему въ то увязанье далъ" [268]). Въ 1506 году король Александръ пожаловалъ кн. Василью Мунчѣ село Тулеговичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, съ котораго шло ему всего только десять копъ грошей, послѣ того, какъ воевода Кіевскій доложилъ ему, „ижъ тая речь такъ есть" [269]). Въ 1510 году королю Сигизмунду билъ челомъ подскарбій дворный панъ Иванъ Андреевичъ и просилъ людей Микутянцевъ въ Сомилишской волости. „И писали есмо о томъ до твоее милости,—гласитъ королевскій листъ выданный, подскарбію до воеводы Троцкаго,—абы твоя милость того ся довѣдалъ, колько тамъ въ томъ сельцы людей, а которою службою намъ служать и подачки дають. И твоя милость о томъ о всемъ отписалъ... И твоя бы милость ему въ тыи люди и земли пустовскіи увязанье далъ" [270]). Въ 1512 году король, принявъ отъ князя Тимоѳея Ивановича Капусты просьбу о пожалованьѣ ему „въ Каменицкомъ повѣтѣ Шестаковского десятку одного жеребья, на имя Каленковского, сельца, на имя Войское, а къ тому также дву жеребьевъ пустыхъ, на имя Русиловского и Туровского", поручилъ воеводѣ довѣдаться и отписать ему объ этихъ жеребьяхъ [271]). Воевода довѣдывался чрезъ мѣстнаго намѣстника-державцу, какъ видно изъ листа королевскаго, выданнаго тому же кн. Тимоѳею Ивановичу до намѣстника Каменецкаго кн. Семена Александровича Чорторыйскаго. „Ино дей,—читаемъ въ этомъ листѣ,—ты повѣдилъ передъ воеводою Троцкимъ, маршалкомъ дворнымъ, паномъ Григорьемъ Станиславовичемъ Остиковичемъ, ижъ тамъ въ Лисовчичахъ есть три жеребьи зъ людьми. И мы ему тыи люди три жеребьи

[268]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19, 20.
[269]) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9, 10.
[270]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 378.
[271]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39.

дали со всимъ съ тымъ, какъ ся тыи жеребьи здавна въ собѣ маютъ. И ты бы тамъ выѣхалъ и тыи жеребьи ему отвелъ и поступился, а ввязати его въ то послали есмо тамъ дворянина нашого Михаила Павшу" [272]).

По порученью господаря воеводы и старосты подыскивали нерѣдко разнымъ лицамъ людей и земли въ извѣстной волости или во всѣхъ вообще волостяхъ, входившихъ въ составъ ихъ повѣтовъ, но отдававшихся въ то же время въ особое держанье намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ. Въ подтвердительномъ листѣ, выданномъ въ 1516 году пану Ивану Тимоѳеевичу Плещеева Юрлову на шестьдесятъ человѣкъ въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, читаемъ: „И писали есмо до воеводы Троцкого, маршалка нашого дворного, пана Григорья Станиславовича Остиковича, ажбы его милость, обравши тамъ жо въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, шестьдесятъ человѣковъ ему далъ тяглыхъ; и его милость водлѣ листу нашого обралъ и ему увязанье далъ" [273]). Пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду въ бытность его воеводою Троцкимъ, король приказалъ, „ижбы онъ казалъ обыйскати въ которомъ дворѣ нашомъ Троцкого повѣта шесть чоловѣковъ а чотыры земли пустыхъ и въ тыи люди и земли казалъ увезати дворянъ Грыдя а Матяса Миколаевичовъ". Воевода нашелъ людей и земли въ Перелайскомъ повѣтѣ и выдалъ дворянамъ „листъ увяжчій", который они и представили королю для подтвержденья" [274]). По просьбѣ дворянина Глѣба Ивановича король писалъ воеводѣ Полоцкому Петру Станиславовичу, „ажбы его милость, обравши въ Полоцкомъ повѣтѣ двѣ службы людей а землю пустую на пашню дворную, и ему въ то увязанье далъ". „И панъ воевода, обравши двѣ службы людей а землю пустую у Черсвятской волости у Величковичохъ, на имя Микулу и его потужники а Микиту зъ его потужники, а землю пустовскую, на имя Станки, и ему въ то увязанье далъ" [275]). Въ актахъ сохранились указанія и на то, какимъ образомъ воеводы и старосты подыскивали и выбирали людей и земли въ повѣтахъ намѣстниковъ - державцевъ и тивуновъ". „Билъ намъ чоломъ, — читаемъ въ одномъ подтвердительномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 1523 года,—дворянинъ нашъ Андрей Мацковичъ и повѣдилъ передъ нами, што первѣй сего дали есьмо ему десять служобъ людей а чотыры земли пустовскихъ у Жомоитской земли

---

[272]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 209.

[273]) Ibidem, л. 114, 115.

[274]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 11.

[275]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 83.

и писали есмо о томъ до старосты Жомоитского пана Станислава Яновича, ажбы, тыи люди и земли у которой волости обравшы съ одного, и ему въ то увязанье далъ. И панъ староста Жомоитскій зъ росказанья нашого обралъ тую десять служобъ людей у-въ Ойракгольской волости, на имя ... и въ то ему увязанье далъ и листъ свой увяжчый на то далъ. А о чотыры земли пустовскихъ писалъ его милость до подскарбьего дворного, державцы Веленьского, пана Ивана Андреевича, абы, тыи земли обравшы съ одного у Веленьскомъ повѣтѣ поблизъ дворца его Понѣмоньского, и его въ то увязалъ. И панъ Иванъ зъ росказанья его милости чотыры земли пустовскихъ обралъ, на имя ... и его въ тыи земли увязалъ и листъ свой увяжчый на то ему далъ" [276]). Въ этомъ „обиранье" участвовалъ иногда и служебникъ воеводы или старосты, отряжавшійся къ намѣстнику-державцѣ или тивуну. Король Сигизмундъ, пожаловавъ дворянину Дмитрію Ѳедоровичу Бервенцова четыре человѣка и двѣ земли пустовскихъ „напротивку имѣней его отчизныхъ смоленьскихъ", писалъ воеводѣ Виленскому пану Миколаю Миколаевичу, „ажбы его милость казалъ, обыскавшы у-въ Ошменьскомъ повѣтѣ толко людей и земль, и ему въ то увязанье дати". „И панъ воевода писалъ о томъ до намѣстника Ошменьского князя Володка Ивановича и служебника своего посылалъ, ажбы онъ, обравши у-въ Ошменьскомъ повѣтѣ чотыры чоловѣки а двѣ земли пустовскихъ, и посполъ съ служебникомъ его въ тыи люди и земли того двора увязалъ". Князь Володко такъ и сдѣлалъ и выдалъ дворянину увяжчій листъ, на основаніи котораго король и утвердилъ за нимъ имѣнье [277]).—Но иногда воеводы и старосты обходились и безъ помощи и участія мѣстныхъ урядниковъ, что служитъ указаніемъ на то, что имъ до нѣкоторой степени была извѣстна вся наличность господарскихъ волостей, а равно состояніе и потребности господарскаго хозяйства въ этихъ волостяхъ. Такъ, воевода Троцкій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, получивъ приказанье отъ короля подыскать „нѣсколько людей и земль пустовскихъ" въ Троцкомъ повѣтѣ для дворянина кн. Михаила Ивановича Глинскаго, выбралъ ему людей и одну пустовщину въ Волковыйскомъ повѣтѣ, далъ ему увязанье „и о томъ писалъ до первого державцы Волковыйского небожчыка пана Юрья Глѣбовича, абы ему тыхъ людей и земль ся поступилъ". „И небожчикъ панъ Юрей,—гласитъ королевское под-

---

[276]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113.
[277]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 131, 132.

твержденье,—тыхъ людей и земль поступити ся ему не хотѣлъ, а то для того, ижъ дворъ нашъ дали были ему на хлѣбокормленье до его жывота“ [278]). Ясное дѣло, что воевода выбиралъ людей въ Волковыйскомъ повѣтѣ безъ вѣдома и участія мѣстнаго державцы. На это имѣемъ и еще болѣе опредѣленное свидѣтельство въ актахъ изучаемаго времени. Король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Шимку Митковичу, служебнику старосты Жмудскаго пана Станислава Яновича, десять служебъ людей и четыре пустовщыны въ Жосецкой волости Веленскаго повѣта, а староста далъ ему увязанье. Но спустя нѣкоторое время къ королю явился посланный отъ подскарбія дворнаго, державцы Веленскаго, пана Ивана Андреевича съ письмомъ, въ которомъ, по словамъ королевскаго листа, державца писалъ, „ижъ тыи люди и земли естъ на великой шкодѣ двору нашому Веленьскому; и къ тому дей онъ обиралъ собѣ во всей волости што налѣпшіи наибогатшіи люди, на выборъ одинъ отъ другого человѣка полторы мили, въ посредку людей нашихъ, для чого жъ дей люди наши, которыи были межы тыми людми, розышлися были прочъ“. Очевидно, что староста съ своимъ служебникомъ хозяйничали въ волости на всей своей волѣ и безъ вѣдома державцы. Король, конечно, отобралъ у Шимка людей и земли и замѣнилъ ихъ другими [279]).

Послѣ этого неудивительно встрѣчать въ актахъ указанія на то что воеводы suo motu и собственною властью раздавали имѣнья въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, напр., въ 1511 году королю билъ челомъ татаринъ Ильяшъ и, представивъ листъданину воеводы Троцкаго на землю пустую Совятевщину въ Сомилишской волости, просилъ подтвердить ему этотъ листъ [280]) и т. д.

IX.

Юрисдикція воеводъ и старостъ такъ же, какъ военная ихъ власть и административная, далеко выходила за предѣлы ихъ держаній. Во своемъ мѣстѣ (стр. 77, 647) было уже сказано, что на судъ державцевъ жалобы подавались воеводамъ (и старостамъ), въ чьемъ повѣтѣ была держава. Мало того,—самыя дѣла вчинались иногда передъ воеводами и старостами, минуя намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, подобно тому, какъ вчинались они нерѣдко передъ господаремъ, минуя самихъ воеводъ и старостъ. Вообще истцы не были стѣснены

[278]) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 5.
[279]) Ibidem, л. 111, 112.
[280]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 11.

порядкомъ инстанцій и могли подавать жалобы и просьбы въ высшій судъ, минуя низшій. Такимъ образомъ, напр., воевода Троцкій панъ Петръ Яновичъ (1491—1497) выѣзжалъ разбирать на мѣстѣ земельную тяжбу бояръ жижморскихъ Минкгайловичей и Едятовичей съ другими боярами и лейтями жижморскими Криванчанами [281]). Воевода Троцкій Янъ Яновичъ Заберезинскій (1530—1537) разбиралъ жалобу хоружаго Жижморскаго Яна Раецкаго на бояръ сомилишскихъ Мартина Станиславовича, Мартина Товтигиновича и на братью ихъ, „ижъ бы они люди власныи отчызныи жоны его, которыи у выправѣ ее матка и зъ сыномъ Стасемъ ей дала и записала на вѣчность, и не вѣмъ дей, которымъ обычаемъ ихъ держать". Но бояре доказали, что они держатъ этихъ людей „водлѣ близкости и листа судового князя Костянтинова" [282]). Значитъ и князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, бывшій воеводою въ Трокахъ, разбиралъ это дѣло, которое могло разбираться и намѣстникомъ-державцею Сомилишскимъ. Юрисдикція воеводъ и старостъ уже и потому не могла замыкаться въ предѣлахъ ихъ державій, что по нѣкоторымъ волостямъ сидѣли тивуны и намѣстники-державцы, не имѣвшіе права привлекать къ своему суду бояръ-шляхту и судившіе ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они становились по доброй волѣ. Кромѣ того, въ областяхъ существовали крупныя княжескія и панскія имѣнья и ихъ части (стр. 617, 618 третьяго очерка), которыя не входили въ составъ волостей или повѣтовъ, но были такими же частями областей, какъ и эти волости и повѣты; владѣльцы этихъ имѣній подсудны были, за разными, впрочемъ, исключеніями, воеводѣ или старостѣ, какъ намѣстнику главнаго города. Не только князья, паны и бояре-шляхта, но даже господарскіе крестьяне въ волостяхъ, раздававшихся намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ, судились воеводами и старостами главныхъ городовъ. Въ Жмудской землѣ староста даже разсылалъ по волостямъ своихъ намѣстниковъ, которые сообща съ тивунами чинили судъ господарскимъ людямъ. „Такежъ жаловали намъ,—читаемъ въ листѣ короля Сигизмунда, писанномъ въ 1522 году къ старостѣ Жмудскому,—што жъ дей намѣстники твоей милости и зъ женами, и зъ дѣтми, и зъ слугами своими у великомъ подчстѣ по волостемъ нашимъ ѣздять и людей нашихъ безъ тивуновъ судять и радять „и вины великіи зъ нихъ беруть, *а передъ тымъ дей, за предковъ твоей милости и тутежъ за*

---

[281]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 47.
[282]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 97.

самою твоей милости, намѣстники твоей милости ѣждчывали по волостемъ съ тивуны нашыми въ маломъ подчстѣ, самотретъ або самъ четвертъ, и безъ тивуновъ нашыхъ людей нашыхъ не сужывали и винъ не бирали" [283]). О другихъ старостахъ и воеводахъ такихъ свидѣтельствъ намъ не встрѣчалось въ актахъ изучаемаго времени. Изъ заставныхъ листовъ на разные дворы и волости извѣстно, что воеводы Виленскій и Троцкій судили господарскихъ людей изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ и всылали въ эти повѣты дѣцкихъ для вызова людей къ суду и для исполненія нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеній; но самый судъ производился ими въ своихъ резиденціяхъ.

Впрочемъ, и тутъ были, повидимому, исключенія. Воеводы не привлекали къ своему суду господарскихъ людей изъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ державъ, бывшихъ при томъ же нѣкогда отдѣльными княжествами и владѣніями, каковы были, напр., Слонимскій и Каменецкій повѣты Троцкаго воеводства, Браславскій, Минскій и Могилевскій повѣты Виленскаго воеводства и другіе. Географическое положеніе такихъ повѣтовъ отдѣляло ихъ отъ главныхъ городовъ и въ судебно-административномъ отношеніи, такъ что мѣстные правители ихъ пользовались большею самостоятельностью, чѣмъ другіе, и были почти независимы отъ намѣстниковъ главныхъ городовъ. Эти правители и назначались непосредственно господаремъ и панами-радою, безъ посредничества воеводъ и старостъ. Повидимому, и подсудны они были только самому господарю съ панами-радою. Поэтому, они уже въ изучаемое время стали именоваться старостами (стр. 82, 161, 165)—признакъ, указывающій на ихъ неподсудность воеводамъ своего повѣта. Статутъ 1529 года, установивъ подсудность державцевъ воеводамъ и старостамъ, относительно самихъ ихъ гласитъ: „А естли бы хто с панов рад наших воевод и старост, которые не сут в поветех, также обвинен мел быти; тогды также мает на першом сойме то отказывати або на року земском" (по обвиненію, что судилъ „не водлѣ правъ писаныхъ") [284]).—Наконецъ, передъ воеводами и старостами не судились частныя лица, имѣвшія листы „закривальные" отъ господаря [285]).

---

[283]) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 82, 83.
[284]) I арт. VI раздѣла.
[285]) 4 и 8 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.

X.

На судѣ воеводъ и старостъ присутствовали обыкновенно мѣстный владыка, различные господарскіе урядники, состоявшіе при воеводахъ и старостахъ по отдѣльнымъ отраслямъ управленія, мѣстные служилые князья и паны, или „старшіе бояре", въ нѣкоторыхъ областяхъ, кромѣ того, глава мѣста и старшіе мѣщане. Въ судебный актъ вписывались и другія лица, случайно присутствовавшія на судѣ, въ качествѣ свидѣтелей суда, „добрыхъ людей, тому свѣдомыхъ". Чаще всего, однако, на судѣ воеводъ и старостъ присутствовали и подавали свою „раду" мѣстный владыка и господарскіе урядники, жившіе болѣе или менѣе постоянно въ главныхъ городахъ областей. Они же обыкновенно составляли и правительственный совѣтъ воеводъ и старостъ по дѣламъ текущей администраціи, какъ это было и при удѣльныхъ князьяхъ.

Выше былъ уже указанъ такой правительственный совѣтъ при намѣстникѣ-воеводѣ Смоленскомъ. Съ лицами, составлявшими этотъ совѣтъ, намѣстникъ-воевода производилъ и судъ. Въ листѣ великаго князя Александра, писанномъ къ намѣстнику Смоленскому пану Юрью Глѣбовичу по поводу тяжбы Сенька Тереховича, писаря воеводы Смоленскаго, съ людьми господарскими Тригубовыми, читаемъ: „и ты ещо надто для лѣпшое справедливости со владыкою и съ казначеемъ Смоленьскимъ того Макарика и его братью Тригубовыхъ опытывали, и тотъ Макарикъ самъ съ братьею передъ вами посвѣтчилъ, што жъ той земли Тугощицкой, которую они роспахали, извѣчный рубежъ Мерейка рѣчка. И ты *со владыкою и съ казначеемъ,* того досмотрѣвши, и подлѣ суда тыхъ судей (ѣздоковъ, которыхъ намѣстникъ высылалъ на землю) и того самого Макарика и его братьи свѣдоцства, въ томъ есте писара Сенька оправили и тую землю ему присудили" [286]). Выше было сказано, что староста Луцкій чинилъ судъ и управу съ маршалкомъ земли Волынской, ключникомъ и конюшимъ; сюда же нужно присоединить и владыку [287]). Король Александръ присудилъ дворянамъ Ѳедку, Ушку и Васку Волохамъ два жеребья въ Берестейскомъ повѣтѣ, Песоцкій и Рогушинскій, „подлугъ листу судового пана Станислава Михайловича Петковича, который же листъ небожчыкъ панъ Станиславъ имъ на то далъ, што жъ, какъ державчы Берестей,.... тамъ

[286]) Литов. Метр. кн. Запис III, л. 88, 89.

[287]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 38—41.

на тую землю выѣздилъ посполу зъ небожчикомъ Войною Грымаличемъ, который же отъ его милости *ключникомъ* Берестейскимъ былъ тую землю ограничылъ и въ томъ листѣ границы тыи выписалъ" [288]). При воеводѣ Витебскомъ Янѣ Юрьевичѣ Глѣбовича, когда онъ разбиралъ тяжбу бывшаго воеводы Витебскаго пана Ивана Сопѣги съ мѣщаниномъ Отрошкомъ, державшимъ отъ него „явку" и упустившимъ одного москвитина, по прозвищу Сѣраго,—присутствовали „бояре господарскіе Витебскіе: Иванъ Зелепуга а Гурко Олехновичъ, ключникъ господарскій земскій Витебскій, а братъ его Андрей, а ловчій господарскій земскій Витебскій Глѣбъ Шапка, а Иванъ, кухмистръ старый" [289]). Тотъ же панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича въ бытность воеводою Полоцкимъ отложилъ дѣло лентвойта Полоцкаго Савича съ бояриномъ господарскимъ Андреемъ Михайловичемъ о наслѣдствѣ, полученномъ женою послѣдняго по смерти ея перваго мужа,—на томъ основаніи, что „на тотъ часъ никого при насъ пановъ бояръ земли Полоцкой не было". Когда же состоялось раазбирательство, на немъ были: архіепископъ Мисайло, владыка Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій, бобровничій господарскій Полоцкій панъ Яцко Богдановичъ Быстрейскій, городничій и тивунъ господарскій Полоцкій панъ Иванъ Глѣбовичъ [290]). Итакъ, мѣстные господарскіе урядники и бывали чаще всего тѣми старшими боярами, или панами, съ которыми намѣстники главныхъ городовъ должны были по закону чинить судъ.

Но какъ при удѣльныхъ князьяхъ, такъ и при воеводахъ и старостахъ рада эта расширялась всѣми прибывшими въ главный городъ князьями и старшими боярами, которые въ силу своего званія должны были присутствовать при отправленіи судебно-административной дѣятельности воеводами и старостами. Такимъ образомъ, напр., при воеводѣ Витебскомъ 6 августа 1530 года, при разбирательствѣ тяжбы витебскаго мѣщанина съ бояриномъ господарскимъ Василькомъ о землѣ Ревутовщинѣ, находились: городничій господарскій Витебскій панъ Романъ Герасимовичъ, бояре Витебскіе панъ Михайло Курейшовъ и Гурко Олехновичъ, конюшій Витебскій земскій Василій [291]); при судѣ того же воеводы по иску человѣка пана Михаила Курейшова Куземки на бояринѣ витебскомъ Борисѣ Подвинскомъ о 50 копахъ жита, находились: князь Левъ Полубинскій, князь Өедоръ Дмитріевичъ Гор-

[288]) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 272, 273.
[289]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 84—86.
[290]) Ibidem, л. 173, 174.
[291]) Ibidem, л. 8.

скій, панъ Бобоѣдовъ, городничій Витебскій панъ Романъ Гарасимовичъ, панъ Михайло Курейшовъ „и иншіе бояре"[292]). Вообще при судебномъ разбирательствѣ въ разное время присутствовали разные князья и паны или бояре, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ судовыхъ актовъ пана Яна Юрьевича Глѣбовича, бывшаго сначала Витебскимъ, потомъ Полоцкимъ и, наконецъ, Виленскимъ воеводою[293]). Вмѣсто нѣкоторыхъ князей и пановъ, имѣвшихъ свои „головныя" имѣнья или занятыхъ господарскою службою въ другой землѣ, присутствовали ихъ намѣстники. При воеводѣ Полоцкомъ 7 января 1534 года, когда онъ, „съ князьями и паны бояры земли Полоцкое обмовивши", рѣшалъ тяжбу пана городничаго Полоцкаго Ивана Глѣбовича съ бояриномъ Охромеемъ Орефичемъ о бобровыхъ гонахъ, находились: воеводичъ Полоцкій панъ Миколай Станиславовичъ Глѣбовича, князь Дмитрій Романовичъ Виденицкій, князь Петръ, Михайло, Семенъ Романовичи Лукомскіе, бобровничій Полоцкій панъ Яцко Богдановичъ Быстрейскій, намѣстникъ паньи воеводини Виленской Селецкій кн. Иванъ Вяземскій, панъ Яцко и панъ Иванъ Михайловичъ, паны Глѣбъ, Ѳедоръ и Иванъ Богдановичи Зеновьевича, панъ Иванъ Селявичъ, панъ Андрей Свѣцкій, панъ Василій Степановичъ, „намѣстникъ князя Ильи его милости Костянтиновича Острозскій"[294]); при воеводѣ Витебскомъ, когда онъ разбиралъ дѣло человѣка господарскаго Якова Кузмина съ боярынею Олехновою Поддубенскою о неправильномъ лишеніи его свободы, присутствовали (1 января 1531 года): панъ Кирдей Гричиновичъ, державца королевы Оболецкій, *Усвятскій и Озерищскій*, городничій господарскій Витебскій панъ Романъ Гарасимовичъ, Григорій и Тимоѳей Олферьевичи, Гурко Олехновичъ, Иванъ Зелепуга, ловчій господарскій Витебскій Глѣбъ Шапка[295]).—Въ судебныхъ и административныхъ засѣданіяхъ воеводъ и старостъ принимали участіе мѣстные правители волостей или повѣтовъ, пріѣзжавшіе по дѣламъ въ главный городъ области. При воеводѣ Виленскомъ 6 іюня 1542 года, когда онъ судилъ боярыню Миколаевую Шимановича съ матерью ея Светохною, женою боярина Якуба Гоствиловича, „о дѣлъ въ имѣньяхъ ойчистыхъ *у Кельвенѣ и Мойшакголѣ*", находились: панъ Кмита Кунцовичъ, державца Виль-

[292]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 21.
[293]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI; Судн. дѣлъ XI.
[294]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 207—210.
[295]) Ibidem, л. 31.

комирскій и Оникштенскій, и „врадникъ королевое ее милости Мерецкій панъ Миколай Юндило“ [296]); съ 22 іюля того же года, при разбирательствѣ тяжбы Адама Петровича Пушкаровича съ княземъ Янушемъ Романовичемъ Любецкимъ объ имѣньяхъ Помиичахъ и Рубилковичахъ, съ воеводою были „и того смотрѣли“: панъ Войтехъ Шимковичъ Юндилъ, тивунъ и городничій Виленскій, державца Ушпольскій и Пенянскій; панъ Миколай Нарбутъ, державца Мозырскій и *Кревскій*, панъ Размусъ Довкгирдъ и господарскій дворянинъ кн. Андрей Ивановичъ Озерецкій [297]) и т. д.

Всѣ эти лица не были пассивными свидѣтелями суда, но его членами, съ которыми воевода совѣщался относительно рѣшенія, какъ это отчасти видно уже изъ приведенныхъ выдержекъ актовъ. Въ дополненіе къ этому приведемъ нѣкоторые отрывки изъ самыхъ „вороковъ“ воеводъ. Воевода Витебскій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича, разобравъ тяжбу кн. Дмитрія Романовича Виденицкаго и его жены Ѳеньки съ бояриномъ Витебскимъ Гуркомъ Олехновичемъ о наслѣдствѣ послѣ умершей жены послѣдняго, написалъ въ своемъ судовомъ листѣ: „И мы, *о томъ съ паны бояры Витебскими обмовивши* и тому зрозумѣвши,—кгды жъ она тыи речы свои вси тому мужу своему Гурку посполъ зъ дѣтьми своими отписала, а тыхъ дѣтей ее были только двое, которыи жъ послѣ живота ее померли, на которыхъ бы были того статку двѣ части мѣли прійти, и мы тые двѣ части на дѣти князя Ивановы (княгиня Ѳенька ранѣе была за княземъ Иваномъ Сѣнскимъ), яко на близкіе, всказали“ [298]). Тому же воеводѣ жаловались кобыльники господарскіе Домовляне на кобыльниковъ же Васка Яковлевича, Еска Кузмича и на всѣхъ поплечниковъ ихъ о томъ, „што жъ они всякую службу посполъ зъ нами служать а доходы дають, а теперь не хотять зъ нами дороги теребити, не вѣдаемъ для чого“. Во время самаго разбирательства кобыльники „сами признались къ тому, ижъ тую дорогу зъ ними посполъ засѣкивали“. „*И намъ*,—гласитъ судовый „вырокъ“ воеводы,—*съ паны бояры видѣлося*: кгды жъ тые кобыльники посполъ съ тыми Домовляны тую дорогу засѣкивали, а теперь про што бы ее не мѣли теребити? И казали есмо всимъ тымъ кобыльникомъ посполъ съ тыми Домовляны тую дорогу теребити“. При разбирательствѣ этого дѣла были: городничій господарскій Витебскій панъ Романъ Гарасимовичъ, ключникъ господарскій Витебскій панъ

---

[296]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 3—5.
[297]) Ibidem, л. 12—14.
[298]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 43—45.

Григорій Олферьевичъ, панъ Тимоѳей Олферьевичъ и панъ Александръ Олехновичъ, бояре господарскіе [299]). „Вырокъ" воеводы Виленскаго Яна Юрьевича Глѣбовича боярину Виленскаго повѣта Якубу Рекутевичу въ тяжбѣ его съ мачихою гласитъ: „Мы, жалобы и отпору и того листу достаточне выслухавши, *обмовивши зъ ихъ милостью паны, которыи на тотъ часъ при насъ были, сказали есмо*" [300]) и т. д. И такъ было не въ одномъ судѣ, но и въ дѣлахъ чисто административнаго характера. Король Сигизмундъ написалъ воеводѣ Витебскому, чтобы онъ, выбравши нѣсколько людей и земель въ тѣхъ волостяхъ, „которыи былъ Московскій забралъ", отдалъ ихъ дворянину Костѣ Кузмичу Косову. „И ты дей, писалъ король воеводѣ впослѣдствіи (2 іюля 1523 года),—*о томъ обмовялъ съ бояры Витебскими, и то ся вамъ не видѣло*, ижъ бы есте мѣли дати люди и земли ему за границою, нижли далъ еси ему у Витебскомъ повѣтѣ отъ границы жъ Московское, што замку нашому не шкодно, тры службы людей тяглыхъ а двѣ земли пустовскихъ" [301]). Въ привилеѣ, выданномъ въ 1520 году пушкарю Кіевскому Яну, читаемъ между прочимъ: „маеть ему въ кождый годъ зъ скарбу нашого давано быти по трыдцати копъ грошей а по сукну люнскому; а онъ маеть намъ въ кождый годъ на тотъ замокъ нашъ давати по петнадцати каменей салетри и тую салетру на порохъ розбивати *подъ свѣдомомъ пана воеводинымъ и бояръ, и мѣщанъ тамошнихъ*, и въ часъ прыгоды маеть зъ замку нашого зъ дѣлъ стрѣляти и пушкарскую службу намъ служити" [302]). Староста мѣста Смоленскаго, войты другихъ мѣстъ и старшіе мѣщане, входившіе въ составъ судебно-административныхъ присутствій при намѣстникахъ-воеводахъ Смоленскомъ, Витебскомъ, Полоцкомъ и Кіевскомъ, также, по всѣмъ даннымъ, не были безгласными свидѣтелями чинившихся рѣшеній, въ особенности, если это рѣшеніе такъ или иначе затрогивало и интересы мѣста. Такъ, „посполъ" съ боярами и мѣщанами Витебскими воевода Янъ Юрьевичъ постановилъ жонку лихую, „вѣдюю", „зъ мѣста и зъ волости земли Витебское выгнати", при чемъ находились: бояре витебскіе Михайло Курейшовъ, Иванъ Зелепуга и Ѳедько Митьковичъ, бобровничій Витебскій; служебникъ пана Юрья Зеновьевича, старосты Мстиславска-

299) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 51, 52.
300) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 45—47.
301) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 99, 100.
302) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 33.

го, Митько и мѣщане витебскіе Андрей Михайловичъ и Ѳедько Кострица [303]) и т. д.

На судѣ намѣстниковъ главныхъ городовъ присутствовали иногда и лица, не принадлежавшія къ мѣстному обществу, которыя, конечно, не подавали своей „рады", но все равно записывались въ судовомъ листѣ, какъ „свѣдки" суда. Такъ, напр., въ числѣ лицъ, которыя были при разбирательствѣ тяжбы сокольника витебскаго Михалка съ мѣщаниномъ Данилкомъ „о бой" „и того добре свѣдоми", упомянутъ и бояринъ Полоцкій панъ Михайло Ѳедоровичъ [304]). Фактически и мѣстные бояре и мѣщане часто были простыми свидѣтелями суда, который не требовалъ ихъ „рады", такъ какъ право было ясно, и рѣшеніе становилось формально, по тѣмъ доказательствамъ, которыя представляли тяжущіеся. Поэтому и въ судовыхъ листахъ бояре и мѣщане, присутствовавшіе на судѣ, обозначаются нерѣдко, какъ „люди добрые" [305]). Естественно, что за одно съ ними писались и всѣ другіе „люди добрые", бывшіе на судѣ, на свидѣтельства которыхъ можно было сослаться лишній разъ въ случаѣ возбужденія дѣла вновь предъ господаремъ или въ случаѣ жалобы на судей [306]).

XI.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ намѣстники главныхъ городовъ вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ, мѣстными господарскими урядниками, мѣстными князьями и панами отправляли судъ на „соймахъ", куда собирались, кромѣ того, и другіе военнослужилые землевладѣльцы области, не принадлежавшіе къ панамъ, или старшимъ боярамъ. Такіе соймы собирались, напр., въ землѣ Волынской. Въ 1491 году князь Семенъ Юрьевичъ, староста Луцкій, и князь Андрей Михайловичъ, намѣстникъ Кременецкій, „съ князьями и паны Волынскими", разбирали жалобу земянъ Цеценевскихъ Кременецкаго повѣта на кн. Александра Сангушковича, „што ж бы он в них взял имѣне безвинне оу винах у своихъ". При этомъ были: кн. Михайло Сангушковичъ, владыка Луцкій Іона, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, князь Михайло Васильевичъ Збаражскій, панъ Петръ Котовичъ, ключникъ Луцкій панъ

---

[303]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 98. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 144; Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. I, т. VI, № IV.

[304]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 98.

[305]) Ibidem, л. 24.

[306]) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 3.

Богданъ Сенковичъ „и инших князей и панов при том было много" [307]). Это дѣло разбиралось по приказанію короля, предъ которомъ оно было возбуждено, и который перенесъ его на судъ старосты, князей и пановъ Волынскихъ. Такое же дѣло должно было разбираться на областномъ соймѣ Волынскомъ въ 1528 году. Князь Андрей Сангушковичъ тягался съ земянами Ставецкими о землѣ и на полюбовномъ судѣ представилъ 20 свѣтковъ шляхты и 100 простыхъ людей. Но Ставецкіе не приняли всѣхъ свѣтковъ и потребовали съ нихъ и съ самого князя присяги, на что князь не согласился. Дѣло перешло затѣмъ къ королю, который назначилъ тяжущимся „роки" для явки на судъ. Князь Андрей, однако, не явился на судъ и прислалъ сына своего Θедора, извиняясь болѣзнью и прося отложить дѣло до другого „року", такъ какъ Ставецкіе требуютъ присяги не по праву земли Волынской, и ему это нужно будетъ доказать королю. Тогда король перенесъ все дѣло на областной соймъ и 14 декабря 1527 года писалъ чинамъ, чтобы они въ ближайшемъ времени, на „зборѣ" въ Луцкѣ, разсмотрѣли дѣло и рѣшили относительно присяги, „будетъ ли то въ обычай въ правѣ вашемъ Волынскомъ" [308]). Въ слѣдующемъ году на соймѣ въ Луцкѣ разбиралось дѣло пана Щаснаго Якимовича съ княземъ Дмитріемъ Буремскимъ. Князь Дмитрій Буремскій въ отсутствіе пана Щаснаго, великимъ постомъ, наѣхалъ съ своими „помочники" и слугами на его имѣнье, захватилъ его свояченицу и жену („чого жъ я о свесть мою не мовлю",—оговаривался панъ Щасный въ жалобѣ) и увезъ ихъ въ свой замокъ, а потомъ жену „соромотивши" отослалъ назадъ. „И зася другимъ разомъ,—показывалъ панъ Щасный,—собравшыся и слугами и людми своими и прыѣхавшы моцне кгвалтомъ на имѣнье на домъ мой, мене самого, жону и дитя мое збилъ и слуги мои, съ которого бою колькось недѣль есьми лежалъ, ледва жывъ зосталъ; и въ тотъ часъ, што есьми мѣлъ пенязей золотыхъ, сребра, перелъ, шатъ и ншихъ статковъ и домовыхъ речей, то все ми побралъ, весь домъ розграбили, вышей ста копъ грошей шкоды ми вчынилъ; а челяди неволное четверо взялъ, а гумно мое властное моцно кгвалтомъ вымолотилъ и побралъ ми того збожья, жыта, пшеницъ, овса, проса двѣстѣ копъ и трыдцать копъ безъ чотыръ змолотилъ;... а силою моцью прислалъ слугъ своихъ и съ коньми своими и казалъ слугамъ своимъ станьи, гдѣ былъ я своимъ конемъ мѣсцо направилъ, выбити,

---

[307]) Arhiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIX.
[308]) Źródła dziejowe, tom VI, str. LXII.

и они кони мои съ того мѣсца збили и князя своего кони на томъ мѣсцу поставили... и стогъ сѣна моего властного стравили, а силою моцью чотыры колоды овса моего вымолочоного взялъ; а слугу моего поселского, на имя Ходора, силою моцью судилъ и вину на нёмъ взялъ, а въ другого слуги моего поселского силою моцью коня взялъ, а конь пять копъ стоялъ". Эту жалобу панъ Щасный подалъ старостѣ еще въ 1528 году, когда онъ былъ *„первѣй сего на соймѣ въ Луцку"*. Староста послалъ „позвы" до князя Буремскаго, на которые онъ не сталъ, посылалъ и служебника, но также безъ результата. Въ правахъ земли Волынской была такая „уфала": „кто кому которую крывду вчинить, ино взять у старосты два листы и его позвати; естли за тыми не станеть, ино староста маеть на него служебника своего послати; а коли и за служебникомъ не станеть, ино на немъ всказати". „И мы, — гласитъ судовый листъ старосты, — съ господинемъ отцемъ владыкою его милостью и съ паномъ Якубомъ его милостью Монтовтовичомъ, старостою Кременицкимъ, и князи и паны обмовившы, которыи на тотъ часъ пры насъ были,... *того на первомъ соймѣ такъ квачне наконецъ на немъ всказу не чынили* и дали то до господаря его милости". Король написалъ старостѣ, чтобы онъ снова вызвалъ кн. Буремскаго къ себѣ на судъ, а къ князю Буремскому, чтобы онъ не смѣлъ ослушаться старостина приказа „и того ся справилъ, кому отъ него крывды и шкоды будуть". Князь Буремскій на зовъ старосты явился, но „въ отказѣ" быть не захотѣлъ и уѣхалъ съ замка прочь. Тогда староста на сеймѣ 1529 года „водлѣ росказанья господарскаго и уфалы съ права земли Волынское" присудилъ съ него въ пользу пана Щаснаго 271 копу грошей, четырехъ челядиновъ, 226 копъ „збожья" и четыре колоды овса [309]). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что староста Луцкій съ князьями и панами рѣшали на соймѣ дѣла, которыя возбуждались предъ ними частными лицами или переносились господаремъ. Соймы, собиравшіеся, какъ увидимъ ниже, по разнымъ мѣстнымъ дѣламъ, давали удобный случай князьямъ, панамъ и низшей шляхтѣ разобраться въ своихъ тяжбахъ. Съ другой стороны и для урядниковъ господарскихъ они давали случай въ казуистическихъ дѣлахъ, въ особенности, если при этомъ замѣшаны были мѣстные обычаи, выслушивать раду и опираться на мнѣніе всей земли. Самъ господарь, какъ мы видѣли, предпочиталъ въ такихъ случаяхъ переносить дѣло на областной соймъ. Самая авторитетность суда, совершавшагося на соймѣ, была выше простого будничнаго суда, который

---

[309]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, 95, 96.

чинился намѣстникомъ главнаго города на господарскомъ дворѣ съ господарскими урядниками и немногими лицами изъ князей или пановъ, которые случайно прибывали въ главный городъ. Поэтому и частныя лица въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу пана Щаснаго съ княземъ Буремскимъ, предпочитали доходить своего права на общемъ соймѣ земли.

Кромѣ земли Волынской соймы бывали, какъ увидимъ ниже, въ земляхъ Кіевской, Витебской, Полоцкой, Подляшскихъ повѣтахъ и, вѣроятно, въ Смоленской землѣ. Въ XIII, XIV и даже XV вѣкахъ эти земли, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, проявляли сильную политическую самостоятельность, органомъ который были мѣстные соймы. Въ нихъ принимали участіе, кромѣ высшаго правительственнаго класса земель, отложившагося при князьяхъ Рюриковой династіи, военнослужилые землевладѣльцы и мѣщане главныхъ городовъ. Соймы были продолженіемъ и видоизмѣненіемъ древне-русскихъ вѣчъ, при измѣнившемся соціально-политическомъ строѣ мѣстныхъ обществъ. И въ изучаемое время областные соймы продолжали быть органами самоуправленья и политической самодѣятельности областей. Что касается судопроизводства на соймахъ, то оно могло легко связаться съ законодательною дѣятельностью, которая развивалась на соймахъ въ связи съ существованіемъ мѣстныхъ правъ и обычаевъ. На соймахъ, вѣроятно, рѣшались сначала такія дѣла, которыя возбуждали вопросъ о правѣ, рѣшавшійся тутъ же землею. Въ Полоцкой землѣ такъ было въ теченіе всего изучаемаго времени и даже послѣ изданья Статута. Въ 1533 году воевода Полоцкій панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича, встрѣтивъ затрудненіе при разборѣ дѣла князей Соколинскихъ объ имѣньѣ Мильковичахъ, постановилъ: „обѣма сторонамъ передъ нами у Полоцку стати по Ильинѣ дни въ тый день; *а такъ маемъ со всею землею обмовити*, ижъ которые княжата и панята, маючи у Полоцкомъ повѣтѣ свои имѣнья, а по службамъ мѣшкають и затымъ роки собѣ праву далекіе откладають, або которые, роки умѣшкиваючи, службами ся пановъ своихъ вымолвлять, яко маемъ таковые речи на мѣрѣ постановити“ [310]). И въ вышеприведенныхъ примѣрахъ относительно Волынской земли мы видѣли, что на соймъ перенесены были такія дѣла, гдѣ былъ возбужденъ вопросъ о правѣ земли Волынской. Впрочемъ, на Волыни на соймахъ разбирались и многія другія дѣла, въ которыхъ право было ясно. Здѣсь нельзя не видѣть вліянія Польши, въ которой существовали тогда судовыя „вѣча“ или „генеральные

---

[310]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 138—140.

роки", на которые съѣзжались мѣстный епископъ, замковые и земскіе судьи, и на которыхъ рѣшались дѣла, не конченныя или не вчинавшіяся въ повѣтахъ, а также разбирались жалобы на мѣстныхъ судей. Судебныя дѣла рѣшались на польскихъ вѣчахъ сначала на ряду съ другими земскими дѣлами, а потомъ вѣча уже получили характеръ исключительно судебныхъ съѣздовъ, собиравшихся сначала по мѣрѣ возможности и надобности, затѣмъ четыре раза въ годъ, потомъ три и, наконецъ, два [311]). Въ такой стадіи своего развитія польское „вѣче" послужило образцомъ для высшаго суда въ Жмудской землѣ. Въ Жмудской землѣ стали съѣзжаться нѣсколько разъ въ годъ (по уставѣ 1529 года, четыре раза) староста съ тивунами для отправленья судовъ „посполитыхъ", „если бы хто съ шляхты которое мѣлъ дѣло до тивуна, а тивунъ до шляхтича, або тивунъ до тивуна", „естли бы которые люди наши (господарскіе) мѣли втиски и кривды отъ тивуновъ, або отъ шляхты" [312]). Чинился ли судъ на соймахъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ изучаемаго времени, хотя предполагать это можно съ большою вѣроятностью.

XII.

На областныхъ соймахъ происходили выборы различныхъ должностныхъ лицъ. Въ привилеѣ Витебской земли читаемъ: „Такожъ имъ намъ давати воеводу по старому, по ихъ воли; и который имъ будетъ не любъ воевода, а обмовятъ его передъ нами: ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли". Подобную же статью мы встрѣчаемъ и въ привилеяхъ Полоцкой земли и Жмудской [313]). Воля этихъ земель выражалась на соймахъ, на которыхъ собирались бояре и мѣщане главнаго города. Такъ, мѣщане и бояре Витебскіе жаловались королю Сигизмунду на воеводу Ивана Богдановича Сопѣгу (1517—1526) „о свои тяжкости и крывды" и били челомъ, „не хотячы того воеводы собѣ мѣти, абы его милость, водлѣ правъ и прывильевъ предковъ его милости и его милости самого, далъ имъ иного воеводу". Воевода сталъ ссылаться на то, что жалобщиковъ—меньшиство, „а тамъ множство старшыхъ бояръ и мѣщанъ, што лѣпшихъ людей, о томъ ни-

---

[311]) *D-ra Oswalda Balzera* Geneza Trybunału Koronnego, str. 13, 14; 18, 19; 22—25; Volumina legum I, 68—72; 114—116; 272, 273.

[312]) Акты Зап. Рос. II, № 160.

[313]) Акты Зап. Рос. I, № 102, 204; II, № 70.

чого не вѣдають а ни того имъ поручали" [314]), Значить, еслибы жаловались на воеводу всѣ или большинство бояръ и мѣщанъ, онъ долженъ былъ бы безпрекословно подчиниться ихъ рѣшенію, подобно тому, какъ въ старину уходили князья, которымъ вѣче указывало путь. Разслѣдованіе показало, повидимому, что жаловалось большинство, потому что король вывелъ Сопѣгу изъ Витебска и далъ ему титулъ воеводы Подляшскаго, не сопряженный съ дѣйствительнымъ урядомъ [315]). Въ Жмудской землѣ старосту выбирали мѣстные паны и бояре-шляхта; такъ, напр., въ 1532 году, по смерти старосты пана Станислава Станиславовича Яновича, они отправляли пословъ къ королю съ просьбою, чтобы господарь оставилъ ихъ при старинныхъ правахъ и вольностяхъ и далъ имъ по ихъ желанью старостою воеводу Полоцкаго пана Петра Станиславовича. Король исполнилъ ихъ просьбу [316]). Въ Подляшскихъ повѣтахъ господарь пожаловалъ мѣстнымъ князьямъ, панамъ и земянамъ право выбирать земскихъ урядниковъ (членовъ земскихъ судовъ) на соймахъ; впрочемъ, эти выборныя лица вступали въ должность не иначе, какъ съ утвержденья (cum ratihabitione) господаря, а иногда даже и прямо по назначенью, минуя выборъ шляхты [317]). Въ Кіевской землѣ князья, паны и земяне вмѣстѣ съ старцами выбирали архимандрита въ Кіево-Печерскій монастырь. „А какъ у нихъ архимандрита не станетъ, — читаемъ въ привилеѣ короля Сигизмунда, выданномъ монастырю, въ 1522 году,— тогды старцы того манастыря, и князи и панове и земяне земли Кіевской, сами жъ мають архимандрита, чоловѣка годного, обрати, и насъ за нимъ жедати, ижъ быхмо имъ архимандрита дали, кого они оберутъ: и мы на жаданье ихъ, маемъ тому тую архимандритью дати, кого они оберутъ; а отъ того они мають намъ давати зъ манастыря чоломъбитья пятьдесятъ золотыхъ, а большей того никому иному, а ни врядникомъ нашимъ, ничого давати не мають; а хотя бы хто иншій мѣлъ намъ и большее чоломъбитье отъ тоѣ архимандритьи давати: мы не маемъ тоѣ архимандритьи таковымъ давати, нижьли тому, за кимъ они насъ будуть просити, на то годного обравши, и только тотъ же вышеймененый подарокъ взяти маемъ отъ нихъ" [318]). Такимъ же по-

---

[314]) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28, 29.

[315]) *Wolffa* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 86.

[316]) Ibidem, str. 92; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 197, 198.

[317]) Zbiór praw litewskich, str. 118—121; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194.

[318]) Акты Зап. Рос. II, № 112.

рядкомъ вступалъ въ свою должность и игуменъ Жидичинскаго монастыря въ землѣ Волынской [319]) и т. д.

Въ актахъ сохранились нѣкоторыя постановленья областныхъ соймовъ, которыя должны были временно или постоянно имѣть силу мѣстныхъ законовъ, такъ что на областныхъ соймахъ развивалась и нѣкоторая законодательная дѣятельность. По приказанью пана Яна Юрьевича Глѣбовича, воеводы Витебскаго, внесена въ замковую книгу слѣдующая запись: „Въ пятницу іюль 28 день. Панове *бояре Вытебскіе призволили вси весполокъ* съ тыхъ дворовъ и дворищовъ своихъ, которые въ мѣстѣ Витебскомъ и по селомъ повѣту Витебского маютъ, съ которыхъ передъ тымъ люди воротъ городовыхъ стерегивали, и теперь маютъ потому жъ сторожу къ воротамъ городовымъ приставляти и чинити; злазенъ въ замку вышнемъ и нижнемъ нихто якъ съ пановъ бояръ, такъ мѣщанъ, для огню не маютъ держати; и якъ на огонь зазвонятъ, такъ вси маютъ въ домѣхъ огни гасити и отъ того часу, якъ зазвонятъ, зъ огнемъ въ ночи въ домѣхъ не маютъ ходити, а ни за нимъ сидѣти, подъ винами господарскими. А къ тому *панове бояре вси посполито поднялися весполокъ зъ мѣщаны и людьми Витебскими* трыдцать и три городни новыхъ заробити" [320]). Отъ 8 февраля 1531 года имѣемъ запись того же воеводы о постановленьѣ Витебскаго сойма касательно вольныхъ похожихъ людей: „Зволилися передъ нами архіепископъ Наѳанаилъ, владыка Полоцкій и Вытебскій и Мстиславскій, и вси князе и панове бояре и мѣщане Витебскіе, какъ маютъ за собою людей своихъ похожихъ вольныхъ держати" [321]) etc. Тотъ же панъ Янъ Юрьевичъ Глѣбовича, когда былъ воеводою Полоцкимъ, „со всими паны бояры земли Полоцкое умовилъ и на томъ положилъ: естли бы чіе-кольвекъ люди, безъ вѣдома панского пошодши на шляхъ подъ войско непріятельское, и на шляху нашли клячу або якую кольвекъ скотину, тогды, кгды свою клячу познаетъ, маетъ отъ нее перейма дати по грошу, а отъ жеребяти по полугрошу, а отъ вола и отъ коровы по полугрошу; нижли, естли бы хто за вѣдомомъ, або съ посланья панского, на шляхъ подъ войско ѣздилъ и што клячъ або быдла на шляху знайдетъ, въ того маютъ выкупати клячу по дванадцати грошей, жеребя по тры грошы, корову по три жъ гроши, а вола по шесть грошей, а што платья знайдетъ, отъ того перейма не маетъ ничого брати, але маетъ платье дармо ворочати; и што хто свое по-

---

[319]) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 45.

[320]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 5.

[321]) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 94.

знаеть, на то маеть слушный доводъ вчинити, какъ то есть его" [322]). Подобная же законодательная дѣятельность развивалась, вѣроятно, и на соймахъ другихъ земель Литовско-Русскаго государства.

XIII.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о значеньѣ воеводъ и старостъ, какъ политическихъ представителей областей. Рѣзче всего это значенье сказывалось въ воеводахъ Полоцкомъ и Витебскомъ и въ старостѣ Жмудскомъ, которые и сами смотрѣли на себя и со стороны смотрѣли на нихъ не столько какъ на намѣстниковъ великаго князя, сколько на земскихъ правителей, излюбленныхъ и призванныхъ землею радѣть о земскомъ дѣлѣ. Нѣмцы, ведшіе торговлю съ Полоцкомъ, смотрѣли на Полоцкаго намѣстника, какъ на князя, и вели съ нимъ тѣ же дипломатическія сношенія и въ той же формѣ, какъ прежде съ князьями. Они почти совершенно игнорировали то, что Полоцкая земля часть великаго княжества Литовскаго и имѣетъ своего настоящаго государя въ Вильнѣ [323]). Староста Жмудскій, выбираемый изъ мѣстныхъ пановъ, чувствовалъ себя также гораздо болѣе княземъ Жмудскимъ, чѣмъ намѣстникомъ великаго князя, и нерѣдко шелъ во главѣ политической оппозиціи, которую проявляла Жмудская земля по отношенію къ распоряженьямъ центральнаго правительства [324]). Въ большей или меньшей степени съ упомянутыми правителями раздѣляли это значенье и другіе воеводы и старосты, въ особенности староста Луцкій, выходившій обыкновенно изъ мѣстныхъ князей и пановъ, крупныхъ землевладѣльцевъ. Относительно старосты Луцкаго это тѣмъ болѣе справедливо, что Волынская земля въ изучаемое время уже почти вся была во владѣніи князей, пановъ и земянъ, господарскаго въ ней было уже мало, а потому и старостѣ приходилось имѣть дѣло не столько съ интересами и нуждами въ области господаря, сколько съ интересами и нуждами мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Политическое представительство литовскихъ воеводъ и старостъ проявлялось въ томъ, что по ихъ представленью раздавались державы въ ихъ повѣтахъ; воеводы, кромѣ того, какъ уже было сказано во второмъ очеркѣ, стали мало по малу усвоивать значеніе главъ и представителей мѣстной шляхты. Если къ этому присоединить то участіе, ко-

---

[322]) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 289.
[323]) *И. Д. Бѣляева.* Разсказы по Русской Исторіи, кн. 4, стр. 298—302.
[324]) См. прилож. № 37, 38.

торое принимали въ управленіи областей мѣстные крупные землевладѣльцы въ качествѣ урядниковъ центральнаго города и совѣтниковъ воеводъ и старостъ, и если принять во вниманіе, что сами воеводы и старосты выходили обыкновенно изъ состава этихъ же землевладѣльцевъ, то они предстанутъ предъ нами не только въ качествѣ агентовъ центральной власти, но и въ качествѣ главъ областного самоуправленья, по крайней мѣрѣ—въ русскихъ областяхъ великаго княжества. Такое значенье воеводъ и старостъ объясняется изъ самаго происхожденія ихъ власти. Они должны были замѣнять собою господаря въ различныхъ его „панствахъ", соединеніе которыхъ въ одно государство носило характеръ личной уніи, и которыя, имѣя одного верховнаго главу, въ то же время не теряли самой политической особности и самобытности.

Заканчивая наши очерки, не можемъ не указать на то, что покойный И. Д. Бѣляевъ, не смотря на ограниченныя научныя средства, которыми онъ располагалъ, не смотря на отсутствіе строгаго метода въ изслѣдованіи, на смѣшеніе фактовъ по мѣсту и времени, вѣрнѣе и глубже понялъ и истолковалъ устройство управленія въ областяхъ Литовско-Русскаго государства, чѣмъ нѣкоторые изъ позднѣйшихъ изслѣдователей. Во второмъ очеркѣ былъ приведенъ взглядъ г. Антоновича на Кіевскаго воеводу, какъ на административнаго чиновника, равноправнаго съ намѣстниками пригородовъ и отличавшагося отъ нихъ только тѣмъ будто бы, что подъ властью его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ. Такое же мнѣніе высказалъ проф. Бершадскій относительно устройства мѣстнаго управленія во всемъ государствѣ. „Въ административномъ отношеніи Великое Княжество,—говоритъ онъ,—было раздѣлено на воеводства, повѣты, державства, ключи и тивунства. Во главѣ каждаго изъ этихъ округовъ стояли особенные чиновники: Воеводы, Старосты, Державцы, Ключники и Тивуны. Округи эти не находились въ какой-либо іерархической зависимости одинъ отъ другого и различіе между ними сводилось, главнымъ образомъ, къ пространству и населенности" [325]) Изъ фактовъ, приведенныхъ во второмъ и четвертомъ очеркахъ, видно, какъ далеко отъ истины и какъ поверхностно такое сужденіе; впрочемъ, оно высказано было мимоходомъ. Попытку посмотрѣть болѣе правильнымъ образомъ на воеводъ встрѣчаемъ у г. Ясинскаго въ 70 прим. къ изданному имъ сводному тексту „Уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-Русскаго государства". Но зато онъ совершенно не-

---

[325]) Литовскіе евреи, стр. 295.

вѣрно полагаетъ, что будто бы съ замѣною намѣстниковъ главныхъ городовъ воеводами произошли какія-то перемѣны въ положеніи и значеніи власти главныхъ правителей земель. Замѣна эта для главныхъ правителей русскихъ областей, которыхъ и имѣетъ въ виду г. Ясинскій, была, какъ мы уже видѣли во второмъ очеркѣ, простымъ переименованіемъ и не чѣмъ инымъ.

XIV.

Все сказанное въ четвертомъ очеркѣ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Нѣкоторые повѣты и волости не раздавались въ управленье намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ и тянули въ этомъ отношеніи къ главнымъ городамъ областей, гдѣ сидѣли воеводы и старосты.

2. Воеводы и старосты вѣдали эти волости на правахъ и обязанностяхъ намѣстниковъ-державцевъ, вслѣдствіе чего и въ актахъ нерѣдко называются державцами.

3. Въ этихъ волостяхъ воеводы и старосты являются приказчиками по господарскому дворцовому хозяйству, завѣдующими крестьянскими службами и устройствомъ крестьянскаго землевладѣнія, сборщиками податей и нѣкоторыхъ пошлинъ и вообще финансовыми агентами господаря, комендантами крѣпостей, распоряжающимися ихъ постройкою и ремонтомъ и завѣдующими мѣстною обороною, начальниками мѣстныхъ военныхъ силъ, завѣдующими ихъ организаціею и устройствомъ военно-служилаго землевладѣнія, и общими для всѣхъ жителей судьями, за тѣми же, впрочемъ, исключеніями, какъ и намѣстники-державцы.

4. Отъ своей правительственной дѣятельности воеводы и старосты получали такіе же доходы обычные и экстраординарные, какъ и намѣстники-державцы.

5. Такъ же, какъ и послѣдніе, они получали свои воеводства и староства большею частью пожизненно или до замѣны лучшимъ урядомъ.

6. Въ отдѣльныхъ волостяхъ своихъ держаній воеводы и старосты по веденію господарскаго хозяйства, по сбору различныхъ податей и налоговъ, по суду и управѣ среди крестьянъ, обыкновенно замѣнялись своими намѣстниками.

7. Въ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства, и гдѣ населеніе состояло въ большинствѣ изъ данниковъ, воеводы и старосты обыкновенно не держали своихъ намѣстниковъ, и такія волости

вѣдались судомъ и управою непосредственно въ центральномъ городѣ и изъ центральнаго города.

8. Существовавшій въ старину обычай князей и замѣнившихъ ихъ намѣстниковъ ѣздить въ такія волости на полюдье въ изучаемое время прекратился: воеводы и старосты судили и рядили такія волости въ главномъ городѣ; сюда въ нѣкоторыхъ областяхъ крестьяне доставляли и то, что прежде давали на полюдье.

9. Воеводы и старосты въ изучаемое время объѣзжали только такія волости, гдѣ были господарскіе дворы; кромѣ того, они ѣздили въ ловы, при чемъ на станахъ крестьяне нѣкоторыхъ господарскихъ волостей поднимали ихъ стаціями, но не дарили.

10. Господарское хозяйство, которое велось въ державахъ воеводъ и старостъ, не вездѣ довольствовалось барщиннымъ трудомъ мѣстнаго населенія, по привлекало на свои работы и занятія и населеніе изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

11. Это справедливо также относительно городового дѣла и мощенья, а также сторожи и заставы въ центральныхъ замкахъ, бывшихъ резиденціями воеводъ и старостъ.

12. Въ постройкѣ и ремонтѣ укрѣпленій и мостовъ въ главныхъ городахъ областей участвовали даже мѣщане и крестьяне изъ повѣтовъ и волостей частныхъ владѣльцевъ.

13. Даже податьми населеніе повѣтовъ и волостей, находившихся въ управленьѣ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, тянуло до извѣстной степени къ главнымъ городамъ области.

14. Сюда, напр., свозилось дякло, которое принимали и хранили городничіе, получавшіе при этомъ свой доходъ; сюда свозилась дань медовая, которую принимали и хранили ключники, получавшіе свой доходъ; въ казну Смоленскую, находившуюся въ завѣдываньѣ мѣстнаго казначея, поступала и дань грошовая и посощина съ господарскихъ волостей, имѣвшихъ особыхъ намѣстниковъ (до 1457 посощина шла сюда и съ частновладѣльческихъ крестьянъ), въ скарбъ Кіевскій поступала также грошовая дань съ волостей сѣверскихъ и т. д.

15. Впрочемъ, не всѣ повѣты и волости, отдававшіеся въ держанье намѣстникамъ-державцамъ, равно какъ и бывшіе въ частномъ владѣніи, тянули въ отношеніи повинностей и податей къ центральнымъ замкамъ областей.

16. Такіе повѣты, какъ, напр., Браславскій и Могилевскій въ Виленскомъ воеводствѣ, Слонимскій и Каменецкій въ Троцкомъ, Острожское княжество въ землѣ Волынской всѣми повинностями и податями тянули къ своимъ мѣстнымъ центрамъ.

17. Намѣстники-державцы такихъ повѣтовъ были почти независимы отъ воеводъ и представляли типъ мѣстныхъ правителей, переходный между старостами и намѣстниками-державцами; въ изучаемое время они уже стали именоваться и старостами.

18. Связи съ центромъ повѣтовъ и волостей, отдававшихся въ держанье намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ, порождали власть надъ ними урядниковъ главнаго города.

19. Въ эти повѣты и волости посылали свои распоряженія и требованія, а также въѣзжали править свои и господарскіе доходы (т. е. взыскивать недоимки) городничіе, тивуны, конюшіе и подконюшіе, ключники и подключіе главныхъ городовъ; нѣкоторые изъ этихъ урядниковъ, напр., конюшіе, даже судили людей подвѣдомственныхъ имъ служебъ.

20. Такія же отношенія создавала и эксплуатація разныхъ угодій на господаря, которою завѣдывали также урядники главныхъ городовъ, каковы были: ловчіе, сокольничіе, бобровничіе лѣсничіе и гаевники.

21. Воеводы и старосты при этомъ были высшими администраторами и судьями по дѣламъ о выполненіи барщинныхъ на господаря и государственно-земскихъ повинностей, и всѣ перечисленные центральные урядники отправляли свои должности подъ общимъ надзоромъ и руководствомъ воеводъ и старостъ.

22. Извѣстный надзоръ и контроль принадлежалъ воеводамъ и старостамъ также и по отношенію къ намѣстникамъ-державцамъ, такъ какъ державы этихъ послѣднихъ подвергались ревизіи воеводъ и старостъ и переписи; Виленскій и Троцкій воеводы даже ежегодно учитывали державцевъ въ полученіи господарскихъ доходовъ.

23. Во всемъ этомъ воеводы и старосты были, очевидно, преемниками удѣльныхъ князей.

24. Воеводы и старосты получили по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей и долю той военной власти, которая принадлежала этимъ князьямъ.

25. Во время общей мобилизаціи они стягивали подъ свое знамя и выводили на войну ополченіе изъ повѣтовъ, находившихся въ ихъ собственномъ держаньѣ, изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ и, наконецъ, ополченіе князей и пановъ, которые шли подъ своими собственными хоругвями.

26. Въ составъ ополченія Виленскаго воеводства входило между прочимъ ополченіе изъ повѣта Новгородскаго и княжества Слуцкаго; въ составъ ополченія Троцкаго воеводства входили и ополченія по-

вѣтовъ Ковенскаго, Городенскаго, Берестейскаго и Подляшскихъ повѣтовъ.

27. Если выходилъ приказъ отъ господаря и пановъ-рады всѣмъ идти въ сборный пунктъ и становиться подъ начальство гетмана наивысшаго, воеводы и старосты оповѣщали объ этомъ всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ и хоружихъ.

28. Въ общемъ сборномъ пунктѣ ополченія областей, повидимому, также становились подъ знаменами воеводъ и старостъ (Луцкаго и Жмудскаго).

29. Какъ областные военачальники, воеводы (и старосты Жмудскій и Луцкій) собирали и „пописы" имѣній военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, по которымъ гетманъ провѣрялъ всѣхъ явившихся на службу съ ихъ почтами, а подскарбій земскій сборъ серебщины съ ихъ имѣній.

30. Старосту Луцкаго въ командованіи и военно-административной дѣятельности замѣнялъ большею частью состоявшій при немъ маршалокъ земли Волынской.

31. Въ качествѣ главныхъ правителей воеводы и старосты принимали участіе въ устройствѣ военнослужилаго землевладѣнія за предѣлами своихъ державъ въ тѣсномъ смыслѣ — какъ по собственной иниціативѣ, такъ и по возбужденью отъ центральнаго правительства.

32. Намѣстники-державцы и тивуны при этомъ часто были только органами ихъ.

33. Воеводы и старосты были главными и высшими судьями въ областяхъ.

34. Предъ ними часто вчинались дѣла, минуя намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, такъ какъ тяжущіеся не были стѣснены порядкомъ инстанцій.

35. Это справедливо даже относительно господарскихъ крестьянъ, которые часто судились воеводами и старостами помимо намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

36. Кромѣ того, нѣкоторыя дѣла должны были поступать прямо на разбирательство воеводъ и старостъ, минуя нѣкоторыхъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, не имѣвшихъ право судить шляхту-бояръ.

37. Въ присудѣ воеводъ и старостъ были князья и паны, владѣльцы имѣній, не входившихъ въ составъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

38. Воеводы и старосты судили и самихъ намѣстниковъ-держав-

цевъ и тивуновъ по жалобамъ на нихъ управляемыхъ или постороннихъ лицъ.

39. Нѣкоторые державцы, впрочемъ, назначавшіеся господаремъ и панами-радою безъ представленья воеводъ и старостъ, не были подсудны воеводамъ и старостамъ.

40. И населеніе ихъ повѣтовъ, по всѣмъ признакамъ, не подлежало юрисдикціи воеводъ и старостъ.

41. Не подлежали этой юрисдикціи въ силу отдѣльныхъ изъятій нѣкоторые крупные князья и паны радные и разныя другія лица, имѣвшія листы „закривальные".

42. Чаще всего на судѣ воеводъ и старостъ присутствовали и подавали свою „раду" мѣстный владыка и господарскіе урядники, жившіе болѣе или менѣе постоянно въ главныхъ городахъ областей.

43. Къ перечисленнымъ выше центральнымъ урядникамъ здѣсь нужно присоединить окольничихъ въ Смоленской землѣ.

44. Эти лица обыкновенно составляли и правительственный совѣтъ воеводъ и старостъ по дѣламъ административнаго характера, а также исполняли разныя правительственныя порученія воеводъ и старостъ, помимо своей спеціальной должностной дѣятельности.

45. На судѣ къ нимъ присоединялись князья и паны, или старшіе бояре, случайно прибывшіе въ главный городъ.

46. Вмѣсто князей и пановъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ свои „головныя" имѣнья или занятыхъ службою въ другой землѣ, присутствовали иногда на судѣ воеводъ и старостъ намѣстники князей и пановъ.

47. Въ земляхъ Смоленской, Витебской, Полоцкой и Кіевской въ составъ судебно-административной рады при воеводахъ входили и старшіе мѣщане.

48. Въ судовыхъ актахъ записывались и всѣ другія лица, бывшія на судѣ, въ качествѣ „свѣтковъ" суда или „людей добрыхъ", на которыхъ можно было ссылаться въ случаѣ вторичнаго возбужденія дѣла или жалобы на судей.

49. Фактически и вышеупомянутые засѣдатели суда, ассистенты воеводъ и старостъ, часто бывали пассивными свидѣтелями суда, производившагося строго формально по судебному состязанію сторонъ.

50. Въ земляхъ Волынской и Полоцкой а также, повидимому, въ Витебской, Кіевской и Подольской судъ производился и на областныхъ соймахъ, собиравшихся по временамъ для рѣшенія нѣкоторыхъ областныхъ дѣлъ, изданія разныхъ обязательныхъ въ предѣлахъ области постановленій и выбора нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ.

51. Эти областные соймы были органомъ самоуправленья и политической самодѣятельности областей, которую они проявляли особенно въ XIII—XV в. и которая не заглохла и въ изучаемое время; областные соймы были продолженіемъ и видоизмѣненіемъ древнерусскихъ вѣчъ, при измѣнившемся соціально-политическомъ строѣ областей.

52. На областныхъ соймахъ, по всѣмъ даннымъ, рѣшались первоначально такія судебныя дѣла, въ которыхъ возбуждался вопросъ о правѣ въ связи съ мѣстными обычаями и узаконеніями, и такіе вопросы и рѣшались землею.

53. Въ землѣ Волынской, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ польскаго примѣра, судебная дѣятельность па соймахъ расширилась, и мѣстные князья, паны и земяне стали пользоваться ими, какъ удобнымъ случаемъ для рѣшенія взаимныхъ распрей и удовлетворенія взаимныхъ обидъ.

54. Въ землѣ Жмудской по польскому примѣру организованъ былъ судебный съѣздъ старостъ и тивуновъ, засѣдавшій четыре раза въ годъ и разбиравшій дѣла по жалобамъ шляхты на тивуновъ и тивуновъ на шляхту, по искамъ тивуновъ другъ на друга и по жалобамъ господарскихъ подданныхъ на тивуновъ или шляхту.

55. Въ земляхъ Витебской, Полоцкой на областныхъ соймахъ, въ которыхъ участвовали и мѣщане главнаго города, рѣшали, кого просить у господаря въ воеводы, а въ Жмудской землѣ мѣстные паны и бояре-шляхта выбирали кандидата въ старосты; въ Подляшскихъ повѣтахъ мѣстные князья, паны и земяне выбирали членовъ и приставовъ своего земскаго суда.

56. Вслѣдствіе этого воеводы Витебскій и Полоцкій и староста Жмудскій были нестолько агентами центральной власти въ этихъ земляхъ, сколько ихъ политическими представителями и главами земскаго самоуправленія.

57. Господарское управленье въ областяхъ вообще носило до извѣстной степени характеръ областного самоуправленья, такъ какъ организовано было изъ мѣстныхъ политическихъ элементовъ, къ которымъ принадлежали и сами воеводы и старосты, выходившіе обыкновенно изъ среды мѣстныхъ князей и пановъ, подобно другимъ урядникамъ.

58. Въ Волынской землѣ этотъ характеръ областного управленья и значенье старосты Луцкаго, какъ политическаго представителя области, вытекало и изъ того, что въ этой землѣ уже въ изучаемое

время почти исчезли господарскія волости, и она стала княжескою, панскою и земянскою.

59. Подъ дѣйствіемъ идеи польскаго воеводства Виленскій и Троцкій воеводы стали мало по малу усвоивать значеніе главъ и представителей мѣстнаго шляхетства въ широкомъ смыслѣ, что опять таки двоило ихъ политическое значеніе.

60. Изъ всего этого выходитъ, что воеводъ и старостъ нельзя считать чиновниками великаго князя, равноправными съ другими намѣстниками и отличавшимися отъ нихъ только величиною своихъ державъ, какъ утверждали г.г. Антоновичъ и Бершадскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Инвентари конца XV и начала XVI вѣка.

№ 1.

Инвентаръ поданья Кременца.

Што на Кременцы подано: три фуклери а чотыри прохницы, пушекъ малыхъ 6 а пищаль одна, а великихъ пушекъ на городѣ 4; а челяди дворное, што въ городѣ, 3 паробки а чотыры жонки, а двѣ дѣвцѣ; а у дворцы въ королевомъ миля отъ города тамъ въ томъ дворцы жонка зъ дѣтми сама четверта; а клячъ трое, а волы три; а жита полчетверты стирты, а у стиртѣ по двѣстѣ копъ ржи, а на поли жита посѣеного досыть; а въ городѣ пушечного пороху полбочки, а шиповъ годныхъ бочка. А тамъ ѣздилъ есми до Кузмина ставовъ глядѣти: ино въ Кузминѣ ставъ со млыномъ, але спущать его нельзя, а на Горинѣ ставъ, што небожчикъ Семенъ заставилъ, а ступа, а съ того млына идеть на городъ мѣрки, тымъ млыномъ можеть се городъ живити хлѣбомъ, а на спустъ добрій ставъ, а третій ставъ отъ города миля и млынъ на томъ ставу, а съ того млына тежъ на городъ жито везуть. А дани полтрети колоды у Стожку; а мыта прійдеть копъ зъ двадцать на годъ; а у волости чоловѣкъ полчетвертаста, а на мѣстѣ дворовъ тридцать.

(Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107, 108. Между документами 1480 г.).

№ 2.

Князю Костентину Крошинскому на дворъ Болваничи и волостку Бѣлицкую въ Смоленскомъ повѣтѣ.

Господарь его милость великій князь казалъ въ книги записати, што просилъ въ его милости казначей Смоленскій князь Костянтинъ Крошинскій двора его милости въ Смоленскомъ повѣтѣ на имя Болваничъ а волости Бѣлицвое и съ тыми селцы Болваницкими и зъ людми: селце Осташково, селце Ониконово, селце Василя Полуева,

селце Степанково, селце Совостьяновыхъ дѣтей, селце Глѣбково, селце Хомкино, селце Тычкиныхъ, селце Мочалково, а тотъ Мочалковъ непохожій Болваницкій, а селце Василко на Городку, а селце Осташковское, а у Коли чотыри человѣки—Иванко а Якимко, а Окраецъ, а Останя Дунаевъ, — тыи не маютъ пашни ничого, дано имъ было дворное пашни немного,—селце Яковлево, што былъ тивуномъ за пана Ивана Вяжевича. А которыи люди на вроцѣ сѣдять: Янчикъ зъ братьею даютъ четверы колеса, Миколайко зъ братьею даютъ ушатки а ведра, Иванковы дѣти Бабина завѣдаютъ землю бортную Болваницкую, селце Куркинское, на томъ посажонъ человѣкъ на жалобѣ. Слуги конныи: Игнатъ Есковъ, Моисей Ефановъ, Лаша, Курчъ, Воронинъ, Пашко Купріяновъ зъ братомъ,—тыхъ Купріяновыхъ посадилъ князь Михайло на дворной пашни,—а кузнецъ посажонъ на дворной пашни. Всихъ тыхъ людей Болваницкихъ двадцать и чотыры чоловѣки, а люди волныи, а дачей и пошлинъ съ нихъ нѣтъ никоторыхъ. Бѣлицкіи селца, а съ тыхъ Бѣлицкихъ людей посощина хоживала подлугъ земли Смоленское обычая, а тымъ сельцомъ имена Бѣлицкимъ: Климъ Шевелевъ зъ братаничи, Апанасъ Мицковъ зъ братомъ, Олешко Головачовъ зъ братомъ, Дорохъ Ворошиловъ зъ братаничи, а селце Пьянково Малецъ у Бѣлику, Трухонъ Паньковъ, Гридко въ Дертнѣ зъ братомъ—тыхъ семъ тяглей, а люди непохожіи. Которыи люди вольныи: приказникъ зъ братомъ, Ананка въ Бѣлику, Гаврилко Сухоплачовъ, Сопронъ, Сопрыка,—тыхъ шесть чоловѣкъ,—а два слуги конныхъ, Климшины а Кононовы. Ино со всихъ тыхъ людей Бѣлицкихъ дани грошовое пять копъ а одиннадцать грошей, а меду три кади а два пуды. А што запустѣло Кудинова тягль, Обухова, Одоньева, Матѳейкова, Глѣбковыхъ, въ селцы Демьяновыхъ, а што Угримъ Москвитинъ держалъ двѣ тягли, Вареховское а Михалево,—и князь Ѳедоръ Мезецкій тыи села былъ на себе увязалъ, и тыми разы тыи села зася къ Болваничомъ привернуты,—ино тыхъ пустыхъ осмъ тяглей, а дани съ нихъ бывало три копы и десять грошей, а меду семъ кадей и два пуды. А што князи Одоевскіи, князь Михайло а князь Ѳедоръ и матка ихъ, отписали дани на церкви: зъ Ворошиловыхъ двѣ кади а зъ Дертны за кадь меду копа грошей. И повѣдилъ князь Костянтинъ господару его милости, ижъ того болши нѣтъ, нижли такъ, какъ господару его милости онъ повѣдилъ. И его милость тотъ дворъ Болваничи и Бѣликъ со всимъ далъ и привильемъ своимъ то ему утвердилъ. Писанъ у Вилни, іюнь 21 день, индиктъ I (1498 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112).

№ 3.

Списанье речей, въ Смоленску позосталыхъ по пану Юрью Глѣбовичу.

На память пану Миколаю Ильиничу, што есмо нашли въ Смоленску послѣ пана Юрья Глѣбовича. У городѣ ни въ свирнахъ, ни въ погребѣ, ни въ подклѣтѣхъ не нашли есмо ничого. Дворъ городской на Ясеной: не нашли есмо ни у свирнѣ, ни у гумнѣ ничого; жита посѣяно 30 мѣръ и тры мѣри, овса посѣяно 30 мѣръ безъ дву, ярыцы 10 мѣръ, прешиницы 5 мѣръ, гречихи 4 мѣри; а животины 4 волы а двѣ коровѣ, а клячъ двое, овецъ 20, гусей 10 зъ молодыми, утичу 30, куровъ 30; челяди неволное 30. У городскомъ же дворцы въ Красномъ не нашолъ есми ни въ свирнѣхъ, ни въ гумнѣ ничого, жита посѣяно 20 мѣръ, овса 20 мѣръ, пшеницы 5 мѣръ, ярыцы 6 мѣръ, гречихи 4 мѣри; животины 4 волы, коровы 2, гусей 11, утичу 30, куровъ старыхъ 10, а молодыхъ 30, свиней 3; челяди неволное мужиковъ и жонокъ 30 безъ одное. На Глушицы не нашли есмо въ дворѣ ни въ свирнѣхъ, ни въ гумнѣ ничого; жита посѣяно 17 четвертокъ, овса 22 мѣри, пшеницы 4 мѣри, ярицы 4 мѣри, ячменю мѣра, гречихи 3 мѣры; волы 2; ѣдучи пани зъ собою взяла овецъ 4, свиней 16, куровъ 30 зъ молодыми, гусей 17 зъ молодыми, кляча одна; челяди невольное мужиковъ и жонокъ трыдцатеро безъ дву. У въ Ивановскомъ нашолъ есми челяди шестьдесятъ и трое; воловъ 8, коровы 3, овецъ 22, свиней 10, гусей старыхъ и молодыхъ 20 безъ одное, куровъ 16; жита посѣяно 70 мѣръ, ярицы 3 четвертки, пшеницы 8 мѣръ, ячменю 8 мѣръ, гречихи 3 мѣри, овса 41 мѣра, гороху полмѣри; людей тяглыхъ 30 чоловѣковъ безъ одного. У Максимовскомъ дворѣ нашолъ есмо челяди 30 безъ одного, воловъ 5, коровъ 3, телятъ 2, овецъ 6, кляча одна, свиней 12, гусей 11, утичу 3, куровъ 47, ржи посѣяно 60 мѣръ, овса 40 мѣръ, ярицы 15 мѣръ, пшеници 6 мѣръ, гречихи 4 мѣры. У-въ Опецкомъ дворѣ не нашолъ есми ни въ свирнѣхъ, ни въ гумнѣ ничого; ржи посѣяно 60 мѣръ, овса 15 мѣръ, яри 9 мѣръ, пшеницы 4 мѣры, ячменю 2 мѣри, гречихи мѣра; челяди большое—мужиковъ 5 а жонокъ 6, дѣтей малыхъ 20; коровъ дойныхъ 4, вола ни одного, бычовъ лѣтошній одинъ, двое телятъ лѣтошнихъ, овецъ 20, гусей 4, утичу 20 зъ молодыми, куровъ старыхъ 5, а молодыхъ 20, свиней 6, поросятъ 8, кляча одна

блюдяга; а дѣвку пани взела неволную тыми разы безъ панского вѣдома; а людей 16 чоловѣковъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 279, 280).

№ 4.

Инвентаръ двора Биританскою, съ чымъ королевой ей милости подано.

На память, съ чимъ дворъ Бирштаны королевой ее милости ся досталъ, а увязывалъ ее милость князь Василій Полубенскій. Животины дворное знашолъ есми коровъ двѣ съ теляты, а чотыри безъ телятъ, воловъ десять, телятъ лонскихъ девятеро, а клячъ семъ, а свиней шесть, поросятъ девятеро, овецъ осмъ, а коза, гусей осмъ, куровъ пятеро; у свирнѣ десеть полтевъ, салъ трынадцать, а куппей одинадцать, котелъ пивоварный; а жита чотыры стирты великіи, а пятая околоту, а шостое третина змолочено; а овса тры стирты великіи; а въ клуни гречихи сторона, а другая сторона овса почата молотити; ячменю стожокъ, а пшеницы стожокъ. Челяди невольное сто и осмеро душъ подъ Юркелевою рукою; осочниковъ двадцать и чотыри; подъ волостнымъ приставомъ Петромъ осмдесятъ служобъ, подъ приставомъ посельскимъ Мацкомъ девеносто и тры службы, подъ Римошомъ сто службъ а пустовщинъ трыдцать и чотыри, подъ Меркусомъ шестьдесятъ и семъ службъ а пустовщинъ одинадцать, подъ Талисомъ сороковъ служобъ а пустовщинъ шесть, подъ Можелемъ семдесятъ и пять служобъ, а пустовщинъ деветнадцать, подъ Тимошемъ трыдцать и тры службы, а пустовщинъ пять, подъ Свинускимъ приставомъ подъ Мелкомъ трыдцать и пять службъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217 Между документами 1503 г).

№ 5.

Инвентарь замку Витебского, съ чымъ подано пану Ивану Сопезѣ.

На память мнѣ, Юхну. Какъ есми увязывалъ маршалка и секретара короля его милости пана Ивана Сопегу въ замокъ Витебскъ, нашолъ на городѣ двѣ пушки великихъ, што король лѣтось прислалъ, ... шесть, кулекъ гаковничныхъ полчетвертадцать, а гаковницы ни одное, пороху пушечного двѣ бочки, а ручничного пороху полбочки, а треть бочки старого пороху, што были забиты пушки при Москвѣ, а селитри со два фунты, ошчеповъ двадцать безъ одного,

свинцу десять свиней, а десятая не цѣла, а пороху бочка, а два серпентыны,—то повѣдають Юревы . . . . . . А въ сирнѣ огурковъ кадка, муки со двѣ бочки оржаное, угоричи два, кишекъ пять мясныхъ, двѣ . . . . печеныхъ, ... а въ погреби ничого нѣтъ.

Тивунъ Лужосенскій Гридько повѣдалъ подъ собою людей тяглыхъ сорокъ чоловѣковъ; а въ дворцы клача робочая одна, двѣ коровѣ а теля сеголѣтнее, овецъ 13 зъ молодыми, козъ осмъ зъ молодыми, гусей 18 старыхъ и молодыхъ, вепръ одинъ; а челяди неволное—паробковъ 15 а жонокъ 5, а робятъ малыхъ пятеро; а въ гумнѣ жита стирта одна трыдцать копъ, ячменю тридцать, пшеницы двадцать копъ, гороху два переплота, гречихи старое тры корцы, ярыцы 15 копъ, овса ничого нѣтъ, а жита посѣяно на поли трыдцать корцовъ, пчолъ четверы, а огородныхъ речей—того нѣтъ ничого.

Тивунъ Любашковского двора Гридько повѣдалъ подъ собою людей тяглыхъ трыдцать и чотыри чоловѣки, а клячъ робочихъ двое, волъ одинъ, овецъ семеро, свиней трое, гусей двое, челяди неволное паробковъ осмъ, а малыхъ робятъ двое . . . А въ гумнѣ жита стирта одна полсемадесятъ копъ, ярыцы 11 копъ, ячменю 8 копъ, пшеницы 4 копы, овса 16 копъ, гречихи посѣяно 5 корцовъ,—ино то еще не жато, а жита на поли посѣяно 5 корцовъ; а пчолъ 14 старыхъ, а въ пчолникахъ пятеры пчолы, а въ зачерничъ одны и вжо тыи пчолы полажоны,—и тотъ медъ, повѣдають, панъ Юрій съ собою взялъ, ѣдучи зъ Витебска; а сѣна двадцать стиртъ безъ одное.

Тивунъ Илемницкій Юрько повѣдалъ подъ собою людей всихъ путныхъ и тяглыхъ, и конюховъ, и санниковъ, и нарочныхъ сто и двадцать чоловѣковъ, а челяди неволное паробковъ шесть, малыхъ робятъ девятеро, жонка одна; а волъ и иншіе животины и огородныхъ речей того нѣтъ ничого. А въ гумнѣ пшеницы пятдесятъ копъ, жита съ корець, ячменю шестьдесятъ копъ; овса, гречихи, гороху—то тежъ ничого нѣтъ.

Тивунъ Селицкій Костечко повѣдалъ подъ собою людей тяглыхъ 15 чоловѣковъ, а челяди неволное паробковъ 8, а жонокъ 4, а въ гумнѣ жита стирта одна 30 копъ, пшеницы 3 копы, гречихи 12 корцовъ, а жита посѣяно на поли осмъ корцовъ; клача робочая одна...

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261. Между актами 1506 г.).

№ 6.

Списокъ двора Перелайского.

Людей волостныхъ 100 и 60 чоловѣковъ; у гумнѣ жита а ни овса, ни яринъ—жадного куса нѣтъ; на поли посѣяно девеносто бо-

чокъ овса; а въ дворѣ ни одного вола, толко одна кляча старая; а въ дворѣ въ свирнѣхъ ничого нѣтъ. То писалъ Войтехъ Костибалчичъ въ тотъ часъ, коли Богуша писара увязывалъ въ тотъ дворъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261. Между актами 1506 г.).

№ 7.

Инвентарь Мелницкій.

Стецко Цыбулка переписывалъ въ Мелнику, што есть дворныи речи: у гумнѣ жита знашолъ 8 стиртъ а 20 стоговъ жита зъ ярицею; а быдла рогатого 40 безъ двойга, овецъ двое, коней 5, 15 гусей, а свиней 50 безъ двойга. А въ Носовѣ дворѣ жита 4 стоги а стирта, быдла рогатого 18, овецъ 26 а козъ 11, а свиней 20, а двое гусей, а куровъ 24, а 35 клячъ; а въ свирнѣ въ Носовѣ знашолъ 10 плечъ а 4 сала, а 4 полти мяса, а 40 колбасъ безъ трехъ, а 3 свилонди, 11 поребрей, а полтора корца проса, а четверть сѣмени, четверть маку, 4 шины желѣза, 14 бчолъ живыхъ. А въ Лосевѣ у гумнѣ жита 20 стоговъ, быдла рогатого 16, овецъ 11, свиней 14, гусей 10, куровъ 7, клячъ три. А то побралъ панъ Юрій Рачко въ Мелнику до увяжчого: взялъ 14 корцовъ соли, 11 корцовъ овса, полдевета корца ржи и салъ, а котелъ смолницкій, што смолу варять, а муки корецъ, бочку квасу грушового, а бочку свеклы, стаповъ капусты, цибули 2 коробцѣ, а 4 бохи мяса, а 7 свиней. А послѣ пана Хедка въ Носовѣ взяла пани Рачковая 2 ведра меду, 15 рунъ волны, а 7 корцовъ пшеницы, 11 полтевъ мяса, 3 вепри живыхъ, 20 сыровъ, 2 горнцы масла, а бохъ мяса, а 5 корцовъ хмелю, а 3 десятки прадива, 3 бочки тощихъ......

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 282. Среди актовъ конца княженья Александра).

№ 8.

Реистръ двора Волковыйского

Въ дворѣ у свирнѣхъ ничого нѣтъ; въ гумнѣ стырта жыта, а въ ней шестьдесятъ копъ; а въ дворцы свиней 2, гусей семеро, утичу 3. Всего столько статку. На поли сѣено жыта 9 бочокъ и двадцать.

Челедь неволная Волковыйская: Манецъ подтивунъ—самъ четвертый зъ жоною и зъ дѣтьми; Митипоръ—самъ третей зъ дѣтми; а братъ его Купрашъ; а Теренецъ а сынъ его Андреецъ; а Василецъ,

а Мартинецъ; а Омельянецъ—самъ третей и зъ сынми; Петранецъ—самъ четвертъ и зъ сынми; а Өедорецъ—самъ третей и съ сынми; а Онихимъ; а Өедецъ съ дѣтми. Жонки: Марья—сама третья зъ дочками; Ганица дѣвка. Всихъ паробковъ 10, домы живуть, а робятъ 14; а бѣлое челеди 6.

То люди тяглыи Волковыйскіи Лепуницкого десятка Өеанасова: десятникъ Өеонасъ—служба; Семенъ Никоновичъ—служба; Богданъ Кунцевичъ—служба; Иванъ Невирижычъ—служба; Ходотъ Денисовичъ—служба; Петрашъ Тарасовичъ—служба. Съ тыхъ пяти службъ идуть 3 дякла, а въ дяклѣ по чотыры бочки жыта, а по чотыры бочки овса. Того всего съ тыхъ пяти службъ 12 бочокъ жыта, а 12 бочокъ овса. А пустовщинъ его десятка 12.

А то люди тяглыи жъ Иванова десятка Велтюковского: Иванъ десятникъ; Супрунъ Селивоновичъ—служба; Неөедъ Василевичъ—служба; Мартинъ Иневичъ—служба; Купецъ Евкевичъ—служба; Меленецъ Тишковичъ—служба; Хомачъ Малоөеевичъ—служба; Хомачъ Өеонасовичъ—служба; Янецъ Лукъяновичъ—служба; Игнатъ Мижовичъ—служба; Якинецъ Степановичъ—служба; Полуянъ Марковичъ—служба; Сомило Ремшычъ — служба; Грынецъ Курейтевичъ—служба; Иванецъ Манцевичъ—служба; Оксентей Горбачевичъ—служба; Каленъ Дороөеевичъ—служба; Иванъ Колодеевичъ—служба; Лукъянъ Жоравлевичъ—служба; Селивонъ Оратичъ—служба; Сенько Даниловичъ—служба; Панько Козньцевичъ—служба; Мицъ Матеевичъ—служба; Хрынщонъ Боршковичъ—служба; Янецъ Тинцевичъ - служба; Лапка—служба; Остапко—служба; Сенько—служба; Буйко—служба; Богданъ—служба; Марко Бордзиловичъ—служба; текунъ Кузьма Котовичъ—служба; Василецъ Кроповницкій текунецъ—служба. Того Иванова десятка трыдцать службъ и 3 службы и съ текунцы и съ прыставомъ. А дяколъ съ нихъ идеть 30 безъ дякла. А пустовщинъ въ томъ десятку 13.

А то люди тяглыи десятника Лысковского: Иванъ Бондинъ самъ десятникъ—служба; Дашко Бондинъ—служба; Евсей Бондичъ—служба; Ерема Пинчуковичъ—служба; Андрей Пинчуковичъ—служба; Левко Шаневичъ—служба; Мартинъ Охремовичъ. Въ томъ десятку 7 службъ, а зъ нихъ идутъ 3 дякла. И пустовщынъ въ томъ десятку 2. Тыхъ всихъ людей тяглыхъ съ прыставы и текуны 40 службъ и 6 службъ.

То санники Волковыйскіи, службы тяглое не служать, толко толоку служать, а сѣно косять, а на войну ходять, а дякла не дають: Олехъ Мичыпоровичъ—служба; Онанья Онофреевичъ—служба; Мишко Бѣляшевичъ—служба; Купецъ Павлюкевичъ—служба; Степанецъ

Антипоровичъ —служба; Стецъ Тереховичъ—служба; Илья Мицевичъ—служба; Дешко Онофреевичъ — служба. Тыхъ санниковъ 8 службъ.

А то бортники: Ланецъ Васковичъ—служба; Юнецъ Кгинейковичъ—служба; а Игнатъ Свинчынъ — служба. Бортниковъ 3, службы тяглое не служать и дякла не дають.

А то соленики Волковыйскiи, солью служать, по бочцѣ соли дають съ службы, а по тысячу головажень бѣлое соли, а къ тому на войну ходять зъ державцою, а службы тяглое не служать и дякла не дають: Яковъ Колодеевичъ—служба; Денесъ Жылинъ—служба; Василь Нодчынъ—служба; Кудинъ Олексановичъ—служба; Головачъ—служба; Михалко Орловичъ—служба. Всихъ тыхъ солениковъ 9.

Сторожы Рудницкiи и Волковыйского повѣту, службы тяглое не служать, декла дають, сѣно косять, на войну зъ державцою ходять: Юшко Велинковичъ—служба; Антонъ Желѣзковичъ—служба; Кунецъ Мигачевичъ—служба; Доронъ Устьяновичъ—служба; Василь Жукевичъ—служба; Иванъ Юршкевичъ—служба; Иванъ Самсоновичъ—служба; Панкратъ Пашевичъ—служба; Микула Селивоновичъ—служба; Степанъ Ковалевичъ—служба; Ханецъ Пацевичъ—служба; Павелъ Кузмичъ—служба; Сенько Ескевичъ—служба; Микита Кливовичъ—служба; Хородъ Гайкевичъ—служба; Хотенъ Олехновичъ — служба; Нестеръ Кузевичъ—служба; Петрашъ Тереховичъ—служба. Тыхъ службъ сторожовъ 18. Пилатъ а Грынецъ—съ тыхъ службы нѣтъ, голтяи. А дяколъ дають 18, а по четыры бочки жыта въ дяклѣ, по четыры овса.

А то ковали, дають нороги къ двору, въ мѣстѣ живуть, службы тяглое не служать а дякла не дають, зъ мѣстомъ подачки платять: Янъ Юнцевичъ, Янко Манчычъ, Олехно Андреевичъ, Якубъ Головенка, Петръ Коровичъ, Яцко Мацутичъ. Всихъ 6 ковалевъ.

А то уголники, службу служать уголницкую, а дякла не дають, одно по вепру съ службы дають: Головенка—служба: Власъ Бакуновичъ—служба; Еско Ходотовичъ—служба; Степанъ Самсовичъ—служба.

А то рудники: Мишко Карповичъ—служба. А то клепачы, службу служать клепацкую, дякло дають, сѣно косять, на войну зъ державцою ходять, а службы тяглое не служать: Евлашъ Елиѳеровичъ—служба; Янъ Тишевичъ — служба; Митко Четырбоковичъ — служба; Яковъ Зезюличъ — служба; Воронъ Одерейковичъ — служба; Дешко Меленевичъ—служба; Кулбаха— служба; Грынько Еловичъ—служба; Иванъ Карповичъ—служба; Манецъ Половый—служба; Неѳедъ Яковичъ—служба; Павелъ Постоловичъ—служба. Тыхъ клепачовъ 13 службъ.

А то бобровники, службы тяглое не служать, дякло дають, сѣно косять, на толоку ходять: Янъ Коромановичъ—служба; Станько Милшынъ—служба; Сенько Яневичъ—служба; Мартинъ Ляховичъ—служба; Онасья Савчынъ—служба; Мартинъ Ивашевичъ—служба; Якубъ Павловичъ—служба. Тыхъ бобровниковъ 7, а дякла зъ нихъ 3.

А всихъ дяколъ приходять семдесять дяколъ безъ дякла.

А рыболове рыбою служать, а дякла не дають: Андрей Петрашевичъ—служба; Мартынъ Грыцевичъ—служба; Жукъ Савичъ—служба; Демидъ Ждановичъ—служба...... Тыхъ рыболововъ 12 служобъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651. Среди актовъ Сигизмунда I).

№ 9.

Реистръ попису дворовъ господарскихъ тивуньства Виленского оставленья пана Андрея Завишыча.

У Вильни: паробковъ 12, жонокъ 7, волныхъ 4; въ гумнѣ околоту жытного 20 копъ; посѣяно жыта 30 бочокъ безъ 3. Въ Неменчынѣ: у дворѣ въ подклѣтѣ 2 бочки пива неполныхъ, хлѣба розходного бохоновъ 20, капусты 3 кади, въ свирнѣ полбочки жыта, муки 2 бочки; челяди неволное паробковъ 17, жонокъ осмъ; въ гумнѣ околоту жытного стирта, посѣяно жыта 75 бочокъ, сѣна стырта; москвичъ 7, на имя: Дербишъ Михайловичъ, Борысъ Усовъ, Иванъ Кголинъ, Посникъ Юрсневъ, Иванъ Оѳонасовъ, Ѳедоръ Палицынъ, Стомка Петровъ человѣкъ. Въ Ошвинтанѣхъ: въ дворѣ въ свирнѣ полбочки жыта, въ дворцы корова съ телемъ, свиней 5, поросятъ 7, кляча личкованная; челяди неволное паробковъ 17, жонокъ 10, въ гумнѣ околоту жытного 80 копъ, околоту овсяного 40 копъ, ячменю цѣлого 10 копъ, пшеницы 3 копы, гречыхи 5 копъ; посѣяно жыта 60 бочокъ, сѣна 4 стырты; Москвичъ 7 на имя Суморокъ Ногинъ.....

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 226. Между актами Сигизмунда, изданными въ началѣ 30-хъ годовъ).

Акты, изображающіе устройство мѣстнаго управленія, права и обязанности должностныхъ лицъ и отношенія къ нимъ мѣстнаго населенія.

№ 10.

Листъ до намѣстника Торопецкого въ справѣ мѣщанъ Торопецкихъ зъ старцомъ и съ поддаными Старцовы волости.

Намѣстнику Торопецкому пану Зеньку Евлашковичу и инымъ намѣстникомъ нашимъ, хто и напотомъ отъ насъ Торопецъ будеть

держати. Смотрѣли есмо того дѣла: жаловали намъ мѣщане Торопецкіе и вси мужи Торопчане на старца Старцовое волости и на всихъ мужей, што перво сего отлучили были есмо ихъ отъ Торопца и листъ нашъ на то имъ заочный дали было,—тыми пакъ разы обои они, Торопчане и Старцова волость, стояли передъ нами очевисто и вказали передъ нами листъ отца нашого, короля его милости, Торопчане, што жъ былъ отецъ нашъ, король его милость, отлучилъ ихъ отъ Торопца, а потомъ зася ихъ прилучилъ къ Торопцу. Ино мы тыми разы вчинили межи ними такъ: старецъ Старцовое волости и мужи маютъ дворъ тивунскій тыми разы въ городѣ посполъ съ Торопчаны нарадити, а потомъ, коли тотъ дворъ любо згніеть, а любо опадеть, а любо,—Боже, того не дай,—згорить,—тогды вже одинъ старецъ зъ мужми тотъ дворъ тивунскій маютъ радити на вѣки. А коли вышлемъ писара нашого къ Торопцу дани нашое недополнковъ правити, и они маютъ на писара нашого станъ радити и стацыями его и подводами на полы съ Торопчаны поднимати, колко Торопчане днеѵъ, толко и Старцова волость, и тежъ, колко Торопчане подводъ дадуть, толко и Старцова волость; а маютъ его поднимати и отлазити старецъ со всими людми въ томъ дворѣ тивунскомъ въ городѣ. А Торопчаномъ и соцкимъ Торопецкимъ не надобѣ въ нихъ вступатися, завѣдати ихъ старцу, а дань и серебщину, и тивунщину збирати самимъ имъ опрочъ Торопчанъ, а городъ имъ съ Торопчаны рубити и сторожу на городъ давати по давному; а судити ихъ и радити тобѣ, намѣстнику нашому Торопецкому, або тому таковому жъ, кому послѣ тебе дамо отъ насъ Торопецъ держати; а коли дамо отъ насъ Торопецъ держати тамошнему ихъ мѣщанину або волостному чоловѣку Торопецкому, тому ихъ не надобѣ ни судити, ни радити: маеть ихъ судити и радити ихъ старецъ. И тежъ, кого вышлемъ коли серебщины нашее на нихъ правити, и Торопчане маютъ двѣ доли серебщины платити и стацыями и подводами двѣ доли давати, а Старцова волость съ оброчники третюю часть маеть платити серебщины и стацыями и подводами поднимати въ томъ же дворѣ тивунскомъ въ городѣ потому жъ, какъ и дань и серебщину, и тивунщину сами собою маютъ збирати и отлазити, а соцкимъ Торопецкимъ и Торопчаномъ въ то ся не вступати. А то есмо вчинили межи ними непорушно подъ нашою виною подъ сту рубли грошей и подлугъ листу отца нашого, короля его милости, и листъ есмо на то нашъ Старцовой волости дали. А што были есмо имъ перво того нашъ листъ дали, што были есмо ихъ отлучили отъ Торопчанъ, тотъ нашъ листъ зламали есмо имъ. Тежъ, што Торопчане того году стацыи на писара нашого давали, и што

имъ тое стацыи и протору вышло, Старцова волость въ томъ имъ не мають помогати, бо они у своей волости такежъ писара нашого подвимали, а и впередъ послѣ того суда нашого не надобѣ имъ съ Торопчаны посполъ стацыи и проторовъ у волость метати: мають они особно свои стацыи и проторы въ свою волость сами розметывати. Писалъ у Вильни Янушко.

(Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 107. Между актами 1498 г.)

№ 11.

Вырокъ межи старостою Мѣнскимъ княземъ Богданомъ Жеславскимъ а войтомъ и мѣщаны Мѣнскими о нѣкоторіе пожитки старостинскіе.

Александръ, Божью милостью. Смотрѣли есмо того дѣла: жаловалъ намъ намѣстникъ Мѣнскій князь Богданъ Ивановичъ Жославскій на войта Мѣнского, на бурмистровъ и радецъ и на всихъ мѣщанъ, што жъ мы дали имъ право нѣмецкое въ мѣстѣ Мѣнскомъ мѣти и два пенязи зъ винъ мѣстскихъ на насъ есмо взяли, а войтови третій пенязь дали, и тыи два пенязи намѣстнику нашому князю Богдану есмо дали, и казали есмо войту, бурмистромъ и радцамъ намѣстника его при кождыхъ судѣхъ мѣстскихъ при собѣ мѣти; и они намѣстника его на судѣхъ при собѣ не хотѣли мѣти и тыхъ дву пенязей зъ винъ не хотѣли ему давати. И о томъ стояли передъ нами очевисто и мовили, и мы казали имъ тое право наше, которое жъ есмо имъ дали передъ нами положити. Ино въ томъ правѣ нашомъ стоитъ написано, што жъ войту намѣстника его при собѣ мѣти на всякихъ правѣхъ и съ каждое вины два пенязи давати, а третій пенязь на войта. И мы, того досмотрѣвши, врядили есмо такъ: маеть войтъ и бурмистры и радцы намѣстника его при собѣ мѣти при малыхъ судѣхъ и при великихъ, а безъ него не мають кождого дѣла судити; зъ великое вины мають намѣстнику нашому давати два гроши, а войту третій грошъ, а съ малое вины намѣстнику два пенязи, а войту третій пенязь. Такежъ жаловалъ намъ, што жъ мѣщане не хотятъ млына городского оправляти и гребли сыпати по давному. И мы тое дѣло врядили подъ тою мѣрою: мають мѣщане тотъ млынъ городскій робити и оправляти и дерево на тотъ млынъ возити и греблю сыпати подлугъ давного обычая. Тежъ жаловалъ намъ князь Богданъ, што жъ которыи ремесники-золотари, кравцы, кушнеры, ковали, чоботари и иныи ремесники подъ присудомъ городскимъ мешкають и на-

роги и серпы, и защепки и сокѣры и иныи речи на дворъ нашъ дають, и тыи всиреместники войтъ и мѣщане за себе забрали. И мы, того досмотрѣвши, на тыи реместники казали есмо войту и рядцамъ пятнадцать дворовъ дати мѣстскихъ, гдѣ онъ маеть реместники мѣти, и гдѣ они мають мешкати. Такежъ жаловалъ намъ: которыи злодѣи съ поличнымъ приводятъ до мѣста Мѣнского або которыи клячи а любо животина приблудная, то войтъ все собѣ биралъ, а ему, намѣстнику нашому, до двора нашого ничого не даивалъ. И мы подъ тою мѣрою встановили: войтови въ то ненадобѣ вступатися; маеть тое поличное и приблудное давано быти на дворъ нашъ ему, намѣстнику нашому. Тежъ, которыи люди мешкають подъ присудомъ городскимъ, тыи люди войтъ и мѣщане за себе были забрали въ право мѣстское. И мы того досмотрѣвши врядили такъ: которыи люди похотятъ съ права мѣстского пойти въ городской присудъ, тыхъ маеть намѣстникъ нашъ судити и радити, а войту и мѣщаномъ въ тыи люди не надобѣ вступатися. Такежъ приказали есмо войту, бурмистромъ и радцамъ и всимъ мѣщаномъ, ажбы намѣстника нашого послушны были въ нашихъ дѣлѣхъ потому, какъ и самихъ насъ; и естли бы они не всхотѣли мѣстца нашого послушны быти въ нашихъ дѣлѣхъ, и въ тыи вряды въ намѣстничьи и въ пошлины и доходы городскіе вступали ся, тогды заплатять намъ вины нашое двѣстѣ рублевъ грошей. Писанъ у Вилни августа 17 день, индиктъ 2 (1499 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143).

№ 12.

Богушу Боговитиновичу о бранье дани зъ волостей Поднѣпрскихъ и иншихъ русскихъ.

Намѣстникомъ нашымъ и старцомъ и всимъ мужомъ Поднѣпрскимъ и волостемъ нашимъ Свислоцкимъ, Любошанскимъ, Бобруйскимъ обѣма половицамъ, Виленское половицы и Троцкое, Кричевскимъ, Пропойскимъ, Чечерскимъ, Горвольскимъ, Рѣчицкимъ, Брагинскимъ, Мозырскимъ, Бчицкимъ. Што есте дани нашое грошовое, бобровъ и куницъ не отнесли до скарбу нашого и меду прѣсного не отвезли до ключовъ нашихъ до Вилни, до Троковъ; а которые зъ васъ хотя будуть и дань нашу до скарбу нашого грошовую и бобры и куницы отнесли и медъ прѣсный до ключовъ нашыхъ отвезли не сполна, гдѣ ся што будеть у волостѣхъ нашихъ остало: и мы для всихъ тыхъ дѣлъ послали тамъ до васъ на волости нашы писара нашого, намѣстника Перелайскаго, Богуша Боговитиновича, и казали

есмо ему тую дань нашу на васъ сполна справити грошовую и бобры, и куницы, и медъ прѣсный, подлугъ давного обычая: за рубль грошей по двѣ копѣ грошей, а за бобра чорного по копѣ грошей, а за карого бобра по сорову грошей, а за куницу по шести грошей и гдѣ не будеть шерстью, а за вставъ меду прѣсного по чотыри рубли грошей, а за колоду по двѣ копѣ грошей И вы бы все сполна и зъ его доходомъ выдали конечно, по тому, какъ передъ тымъ бывало. А которые у васъ будуть земли пустовскіе або люди голтяйные, абы по собѣ роскинули, на болшого болшей, а на меньшого меньшей, какъ здавна бывало, абы ни одинъ грошъ дани нашое у васъ не осталъ. Такежъ, которые промежъ васъ дѣла обидные будутъ кому о чемъ... до него будеть, и мы казали ему жъ о томъ промежы васъ досмотрѣти и справедливость тому вчынити. Писанъ въ Мѣньску іюнь... день, индиктъ 3 (1500).

(Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329).

№ 13.

Потверженье князю Василью Андреевичу Полубенскому на держанье замку Володимерского съ корчмами и зо всими доходы до живота его.

Жикгимонтъ, Божью милостью. Билъ намъ чоломъ намѣстникъ Володимерскій князь Василей Андреевичъ Полубенскій и клалъ предъ нами листы брата нашого щастное памяти Александра короля и великого князя на то, што жъ его милость пожаловалъ его, далъ ему тотъ замокъ Володимеръ держати съ корчмами и со всими доходы намѣстничьими, и билъ намъ чоломъ, абыхмо его со того вряду не рушыли до его живота. Ино мы зъ ласки нашое тымъ его пожаловали, съ тое данины брата нашого Александра короля его есмо не рушили и дали ему тотъ замокъ держати потому жъ и съ корчмами Володимирскими, и со всими доходы намѣстничьими; а онъ маеть съ тыхъ пенязей корчомныхъ пушкари на томъ замку ховати. И не маемъ въ него того замку отнимати безъ вины до живота его. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью. Писанъ въ Мельнику въ лѣто 7015 (1507) мѣсеца генваря 6 день, индиктъ 10.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144, 145.)

14.

Листъ Миколаю Водынскому на судейство Дорогицкое по смерти Завишиной.

Жикгимонтъ, Божью милостью. Намѣстнику Дорогицкому пану Яну Стецковичу и всимъ паномъ и земяномъ Дорогицкого повѣту.

Билъ намъ чоломъ земянинъ Дорогицкій Миколай Водынскій и просилъ насъ о тотъ врядъ, о судейство земли Дорогицкое, а повѣдалъ намъ, што жъ дей судья Дорогицкій Завиша тыми разы велми немоцонъ. Ино, естли надъ Завишою Божья воля станеть ся, Богъ душу его съ того свѣта возметь,—и мы тотъ врядъ судейство Дорогицкое по животѣ Завишынѣ ему дали со всимъ съ тымъ, какъ первые суды тотъ врядъ завѣдали, и вжо не маемъ иному никому мимо его того вряду давати. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью. Писанъ въ Луковѣ въ лѣто 7015 (1507) мѣсеца генваря 10 день, индиктъ 10

(Литов. Метр. кн. запис. VIII, л. 145).

15.

Приданье пану Юрью Монтовтовичу, воеводѣ Кіевскому, плату съ корчомъ Кіевскихъ и мыто Кіевское, также половицы плату съ корчмы Черкаское къ воеводству Кіевскому.

Жикгимонтъ, Божью милостью король и великій князь. Што есмо дали воеводство Кіевское пану Юрью Михайловичу Монтовтовича отъ насъ держати, и для недостатку Кіевского, ижъ онъ маеть, на томъ замку нашомъ украинномъ мешкаючы, не малую суму слугъ ховати ку службѣ нашой, а поживити ся съ тыми слугами своими не маеть чимъ, придали есмо ему на поживенье къ воеводству Кіевскому платъ нашъ съ корчомъ Кіевскихъ и мыто Кіевское, кромъ оргиша, бо есмо тое мыто, што маеть быти отъ оргишовъ, на насъ вынäли. Такежъ придали есмо ему къ тому воеводству половицу плату нашого съ корчмы Черкасское отъ оного часу, какъ Дядко року своего додержить. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью. Писанъ въ Краковѣ марта 16 день, индиктъ 10 (1507 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 151).

№ 16.

Листъ воеводѣ Троцкому пану Миколаю Радивиловича—приданье ему къ воеводству Троцкому на десетъ лѣтъ дани и доходу писарского зъ державы Рудобѣлское въ повѣтѣ Мозырскомъ.

Жикгимонтъ, король и великій князь. Повѣдилъ передъ нами воевода Троцкій панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича, што жъ дей даней никоторыхъ къ воеводству Троцкому къ своей живности не маеть, и просилъ насъ, абыхмо дали ему тую дань нашу, которая

намъ идеть, и тежъ доходъ писарскій зъ Рудыхъ Бѣлокъ въ Мозырскомъ повѣтѣ въ Опчицкой волости на колко лѣтъ ку поживенью. Ино мы, видячы недостатокъ того воеводства, зъ ласки нашое дали ему тую дань нашу зъ Рудыхъ Бѣлокъ грошовую и медовую, и бобровую, и куничную и зъ доходомъ писарскимъ, почонши отъ сего часу на десятъ лѣтъ ку его поживенью, и на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашею печатью. Писана въ Городнѣ декабра 2 день, индиктъ 11. (1507 г.)

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 194).

№ 17.

Листъ, старцомъ и всей волости Бчицкой данный, зоставуючи ихъ при давной повинности а вызволяючи отъ всякихъ новыхъ тенжаровъ.

Жикгимонтъ, Божью милостью король и великій князь. Били намъ чоломъ старецъ и вся волость Бчицкая о томъ, што жъ имъ намѣстники Мозырскіи крывды почали дѣлати и новины уводити въ той волости Бчицкой, намѣстника своего держать, а они дей того намѣстника его поднимають стацеею и иными речьми, а въ томъ дей имъ кривда и тяжкость великая ся дѣеть, а здавна дей намѣстники Мозырскіи въ той волости Бчицкой намѣстниковъ своихъ не державали, нижли дей, коли бывало намѣстникъ Мозырскій пріѣдеть въ году по полюдье свое, и они на него сычивали носатку меду а по лисици даивали съ кождого дыму. Ино, коли имъ въ томъ тяжкость великая ся дѣеть, ижъ намѣстникъ Мозырскій намѣстника своего въ той волости ихъ Бчицкой держыть, и мы для таковое ихъ тяжкости въ томъ имъ ласку нашу вчинили, вжо отъ тыхъ часовъ намѣстники Мозырскіи не мають въ той волости ихъ Бчицкой намѣстниковъ своихъ держати, нижли маеть къ нимъ намѣстникъ Мозырскій посылати въ тую волость Бчицкую по полюдье въ кождый годъ, а они мають полюдье ему давати по старому, какъ передъ тымъ было. А которыи новины будуть имъ вчинили Михайло Гагинъ и Якубъ Ивашенцовичъ въ тотъ часъ, какъ отъ насъ Мозыръ держали, ино тыхъ новинъ вжо имъ не надобѣ знати. Писанъ въ Краковѣ мѣсеца декабря 13.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 324. Между актами 1509 г.)

№ 18.

Привилей воеводѣ Новгородскому пану Яну Яновичу Заберезинскому—придaнье ему къ тому воеводству Новгородскому городничое и конюшое Новгородское.

Жикгимонтъ, Божью милостью король Польскій. Билъ намъ чоломъ воевода Новгородскій панъ Янъ Заберезенскій, абыхмо тыи врядци городничое а конюшое Новгородскіи ему къ воеводству дали, а онъ подвезался намъ о пріѣханьи нашомъ къ Новугородку подняти насъ стацеею всякою на кухню нашу и на оброки, а конемъ сѣна и овса достатокъ дати, поки тамъ въ Новѣгородкѣ будемъ мешкати, а къ тому рекъ намъ замокъ Новгородскій оправити. Ино мы его тыми врядци городничимъ а конюшимъ пожаловали къ воеводству Новгородскому, а онъ маеть намъ достатокъ стацеи дати подлѣ вышеписаного приреченья своего. Писанъ въ Петриковѣ февраль 30 день, индиктъ 13 (1510 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 339.)

№ 19.

Привилей пану Юрью Ивановичу Ильинича на староство Берестейское съ ключомъ Берестейскимъ по смерти пана Виленского князя Александра Юрьевича.

Жикгимонтъ, Божью милостью король. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Билъ намъ чоломъ маршалокъ нашъ, намѣстникъ Лидскій, панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича, абыхмо по животѣ пана Виленского, старосты Берестейского, князя Александра Юрьевича пожаловали, дали ему тотъ врядъ замокъ намъ Берестей отъ насъ держати съ ключомъ. Ино, естли бы ся Божья воля стала надъ паномъ Виленскимъ, старостою Берестейскимъ, княземъ Александромъ Юрьевичемъ, по животѣ его дали есмо тотъ врядъ замокъ нашъ Берестей и ключъ Берестейскій отъ насъ держати пану Юрью Ивановичу Ильинича со всимъ съ тымъ, какъ тотъ замокъ нашъ и ключъ отъ насъ держалъ князь Александро Юрьевичъ. А онъ вжо намъ отъ того чоломбитья далъ сто золотыхъ; а какъ маемъ ему въ тотъ замокъ Берестей увязанье дати, тогды панъ Юрьи Ильиничъ маеть намъ двѣсти золотыхъ еще дати. И на то есмо дали ему сесь нашъ листъ зъ нашою печатью завѣсистою. Писанъ въ Краковѣ лѣта Божьяго тысяча пятьсотъ десятого мѣсеца мая 4 день, индиктъ 13.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346.)

№ 20.

Привилей пану Богушу Боговитиновичу на держанье двора Довкгъ до его живота.

Жикгимонтъ, Божью милостью король Польскій. Билъ намъ чоломъ писаръ нашъ, намѣстникъ Довговскій, панъ Богушъ Боговитиновичъ, што жъ братъ нашъ, славное памяти Александръ король его милость, далъ ему городничое Троцкое да его живота, и листъ свой подъ завѣсистою печатью на то ему далъ, а потомъ и мы водлѣ листу брата нашого и нашъ листъ на то ему дали, ижъ не мяли есмо его съ того вряду рушати,—на што жъ онъ отпустилъ его милости брату нашому сто копъ широкихъ грошей, а далъ семдесятъ золотыхъ, какъ же и въ листѣ брата нашого выписано: естли бы мѣлъ въ него тотъ врядъ городничое взяти, и его милость мялъ ему тую суму пенязей и золотыхъ отложити. А потомъ мы тое городничое взяли къ нашимъ рукамъ и обернули, гдѣ наша воля была, а ему есмо дали дворъ нашъ Жижморы; и онъ и тотъ дворъ Жижморы намъ спустилъ и долгъ брата нашого намъ отпустилъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему напротивку тотъ дворъ нашъ Довки, который жо былъ въ него у заставѣ въ тысячи золотыхъ, дали ему въ держанье до его живота, который жо есмо дворъ нашъ съ тое сумы выняли и ему за то досыть вчинили. Ино мы, бачачи его таковую повольность и вѣрную службу къ намъ, зъ ласки нашое то есмо вчинили, тотъ нашъ дворъ Довкги ему есмо дали до его живота въ держанье, ижъ не маемъ его съ того рушати и никому иншому мимо его того двора давати; пакъ ли жъ быхмо хотѣли его ласкою нашою лѣпшимъ держаньемъ осмотрити, тогды напередъ маемъ ему лѣпшое держанье давши, и тотъ дворъ Довкги къ нашимъ рукамъ взяти. А што ся дотычеть доходовъ и иншихъ платовъ, што передъ тымъ зъ Довкговъ на насъ хоживало, то онъ вжо маеть къ нашимъ рукамъ давати. А для лѣпшого свѣдомья и большое твердости и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ въ Краковѣ іюль 2 день, индиктъ 13 (1510 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 371).

№ 21.

Привилей пану Сенку Полозовичу на держанье замку Вручого зъ мѣстомъ и зо всимъ до живота его.

Жикгимонтъ, Божью милостью король. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, ижъ бачачи пильную, вѣрную а накладную службу

намѣстника Вруцкого пана Сенка Полозовича, пожаловали есмо его, дали ему замокъ нашъ Вручій зъ мѣстомъ и зъ людми и съ тивунствомъ Вруцкимъ держати со всимъ по тому, какъ первыи врадники наши держивали до его живота. А што се тычеть корчомъ Вруцкихъ, перво сего тыми корчмами пожаловали были есмо бояръ и мѣшчанъ Вруцкихъ и писали есмо къ нимъ, абы они, вживаючи тыхъ корчомъ, мѣли сторожу на поли отъ поганства татаръ; и они съ того намъ не подняли, съ тыхъ корчомъ Вруцкихъ полное жадное сторожи отъ поганства держати. Ино мы, тыи корчмы вземши зъ ихъ рукъ, прилучили есмо тежъ къ намѣстничству Вруцкому и дали есмо ихъ пану Сеньку къ замку нашому, и не маемъ въ него того замку и корчомъ Вруцкихъ безъ великого его выступу отняти до его живота; а онъ намъ подвязался съ тыхъ корчомъ сторожу въ поли отъ поганства татаръ завжды держати и тежъ пушкара на замку нашомъ Вруцкомъ своимъ накладомъ ховати. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ въ Краковѣ лѣта Божьего тысяча пятьсотъ десятого мѣсеца ноября 23 день, индиктъ 14.

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 406, 407).

№ 21.

Листъ пану Венславу Костевичу, маршалку, на держанье двора Дорсунишокъ зъ волостью до живота.

Жикгимонтъ, Божью милостью король. Ко всимъ бояромъ и слугомъ путнымъ, и мѣшчаномъ, и людемъ волостнымъ Дорсунишского двора. Дали есмо тотъ дворъ Дорсунишскій и зъ волостью отъ насъ держати маршалку нашому пану Венславу Костевичу со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ первыи врадники наши отъ насъ державали; а онъ маеть намъ тотъ дворъ справяти и люди садити, а мы, видячи его таковую послугу, тотъ дворъ Дорсунишскій ему есмо дали до его живота. И не маемъ его съ того враду рушати безъ его вины. И на то дали ему сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ въ Краковѣ декабрь 18 день, индиктъ 14 (1510 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 409).

№ 22.

Потверженье Васку Дашковичу на городницство Ковеньское до живота его.

Жикгимонтъ, Божью милостью король. Билъ намъ чоломъ городничій Ковеньскій Васко Дашковичъ о томъ, што есмо дали ему го-

родничое Ковенское отъ насъ держати для того, ижъ онъ намъ подвезался тотъ замокъ нашъ Ковенъ оправляти муромъ и деревомъ, а што на то пенязей своихъ выложить, тыи пенязи маеть онъ собѣ выбрати съ корчомныхъ пенязей Ковенскихъ;—и билъ намъ чоломъ, абыхмо его съ того враду не рушили до живота его. И но, коли будеть онъ пиленъ ку оправливанью того замку нашого, а справоватися въ томъ враду гораздо, мы безъ его вины не маемъ его съ того враду рушити до живота его. И на то есмо дали ему сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ въ Петрковѣ генварь 11 день, индиктъ 14 (1511 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 411, 412).

№ 23.

Устава писана какъ по всимъ дворомъ Виленского повѣта, такъ и Троцкого.

Намѣстнику Мѣдницкому князю Василью Семеновичу Жылинскому. Какъ есьмо сѣли на отчызнѣ нашой, у великомъ князьствѣ Литовскомъ, по тыи лѣта ты и иншыи врадники наши, которыи отъ насъ дворы держать, никоторыхъ доходовъ а ни пожитковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ и до того часу не дають, и оборочаете кождый ку своему пожытку, а не къ нашому господарскому. И мы по всимъ дворомъ нашимъ Виленского повѣта такъ установили и хочомъ то мѣти:

Напервѣй, коли будемъ у Мѣдникахъ, тогды ты маешь насъ всякими стацеями поднимати, какъ было за отца и брата нашого, королевъ ихъ милости. А коли быхмо казали тобѣ стацею давати намъ до Вилни або гдѣ индѣ, або на войну за нами везти, тогды ты, врадникъ нашъ, маешь тую стацею до насъ провадити безъ замѣшканья по тому, по чому будеть и передъ тымъ здавна за предковъ нашихъ тое стацеи даивано, и какъ со всихъ людей нашыхъ у волости Мѣдницкой будеть.

И ты, врадникъ нашъ, маешь колько розумѣючи людей на пашни отставити, которыми бы еси мѣлъ достаточне пашню нашу запахати, а иншихъ маешь на пенязѣхъ осадити и, съ кождого чоловѣка по копѣ грошей въ годъ (беручы), и тыи бы еси пенязи въ кождый годъ давалъ до скарбу нашого, а дякла до городничого нашого подлугъ давного обычая; иншіи всякіи доходы наши мають намъ тыи люди давати и на толоку зъ волостью, какъ будеть обычай ходити.

А колко будеть соляниковъ въ томъ дворѣ нашомъ, и ты маешь колко соляниковъ на дворъ нашъ отставити и соль зъ нихъ брати

подлѣ обычая, чимъ бы еси мѣлъ въ томъ дворѣ нашомъ на годъ обойтися; а зъ иншихъ маешь за соль пенязьми брати и до скарбу нашого давати.

А ковалевъ также маешь съ потребу на дворъ нашъ отставити, а иншихъ маешь на вроцѣ осадити и, съ нихъ пенязей съ кождого по копѣ грошей беручы, и до скарбу нашого давати; и бобровниковъ такъ же, што бы было ихъ назвышъ потребы ку службѣ бобровницкой.

И корчомныи пенязи съ того двора нашого выняли есьмо къ нашому господарскому пожитку.

Также и жыта и всякіи ярыны, которыи коли будуть въ томъ дворѣ нашомъ посѣяны на пашни дворной и на земляхъ пустовскихъ, напередъ, какъ пожоншы, маеть отдано быти десятина тамъ, гдѣ будеть съ того двора нашого на который костелъ даивано; также и челяди нашой неволной мѣсячина весь годъ маеть отдана быти; а потомъ зъ жыта и зъ ярынъ, со пшеницы и зъ овса, и зъ ячменю, и зъ гречыхи, и съ проса и зъ иншыхъ ярынъ всякихъ огородовыхъ, и съ сѣна нашихъ сѣножатей выймуемъ на насъ двѣ части, а тобѣ, державцы, маеть быти третяя часть; и тыи двѣ части зъ жыта и зъ ярынъ всякихъ, которыи на насъ, мають быти ставены въ гумнахъ нашихъ; а не маеть порушоно быти безъ нашого вѣдома и росказанья господарского.

А озера вси, колко будеть въ томъ дворѣ нашомъ, мають быти къ нашому пожытку, кромѣ того, што бы ты, врадникъ нашъ, собѣ на пожытокъ слушного съ нихъ рыбы взялъ.

А ленъ зъ волости маеть тивунъ выбравши и челяди неволной дати робити скатерти и полотна, и што увѣдоме скатертей и полотенъ выробять, то маеть сполна давано быти въ кождый годъ до королевое нашое еи милости подъ твоимъ вѣдомомъ, врадника нашого, какъ бы намъ въ томъ шкоды не было.

А иншыи доходы и пожытки наши господарскіи и што здавна оттоль хоживали, которыи въ томъ листѣ нашомъ не стоять выписаны, и нинѣ мають быти намъ даваны по давному.

А ты, врадникъ нашъ, также свои доходы, которыи здавна хоживали на врадниковъ, кромѣ новинъ уставленыхъ, и нинѣ мають быти даваны тобѣ.

А вины всякіи, малыи и великіи, на насъ выймуемъ: маешь тыи вси вины ты, врадникъ нашъ, давати на насъ, кромѣ своего повинного и прометного.

А маеть тивунъ жыта и ярыны, которыи у гумнѣхъ на насъ двѣ части поставять, и тежъ вины малыи и великіи завѣдати, и какъ

писаря нашого пошлемъ тамъ того всего пописывати, и тивунъ маеть ему то все повѣдати справедливе.

А пры судѣ кождомъ маешь ты и безъ тебе врадникъ твой тивуна мѣти съ собою.

А мимо старыну и тую-то нашу уставу не маешь ты людемъ нашимъ никоторое кривды и новины чынити. И маешь ся справовати во всемъ по тому, какъ въ томъ листѣ нашомъ выписано, для чего жъ сами казали и печать нашу приложити къ сему нашому листу. Пакъ ли бы еси такъ, какъ въ томъ листѣ нашомъ выписано, не справовалъ, мы тотъ дворъ нашъ дадимъ тому, хто маеть нашо росказанье и волю полнити. Писанъ у Вилни марта 28 день, индиктъ 2 (1514 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583).

№ 24.

Присяга пана Юрья Андреевича, воеводы Смоленского, послана Собѣжичемъ Θедоромъ.

Я, Юрьи Андреевичъ, воевода Смоленскій, присегаю Богу и Пречистой Его Матери и всимъ светымъ наиживотворящій крестъ, што жъ господаръ король и великій князь Жикгимонтъ его милость пожаловалъ, далъ ми воеводство Смоленьское, замокъ Смоленскій на себе держати: и я маю его милости господару моему вѣрне и справедливе служити и индѣй нигдѣ не маю ся склоняти..... и маю на господара его милости Жикгимонта, короля Полского и великого князя, тотъ замокъ держати и его до горла моего боронити и никому не подавати, толко ему, господару моему прирожоному. А што вѣдати буду на когоколвекъ, што бы было ку господарьскому и земли тое, великого князства Литовского, шкодному вмышлено або справено, мнѣ того боронити и господарю вѣдати и знати дати, какъ есть у правдѣ. А естли бы ся надъ господаремь Божья воля стала, его жъ Боже вховай, и я маю тою жъ мирою вѣрне а справедливе тотъ замокъ на дѣти его милости, господара моего, къ великому князьству Литовскому держати, какъ и на самого его милость, и во всемъ дѣтемъ его милости службу и вѣрность маю полнити, какъ и самому его милости господару. Естли пополню, Боже ми помози; а естли не цополню, побій мнѣ въ души и въ тѣлѣ моемь въ сей вѣкъ и въ будучій. Мѣсеца априля 9 день, индиктъ 2 (1514 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 253, 254).

№ 25.

Заставной листъ короля Сигизмунда I пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Довкги.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрыть або чтучи его всльшить, кому будетъ потребъ того вѣдати, што есмо дали маршалку и писарю нашому пану Богушу Боговитиновичу дворъ нашъ у Троцкомъ повѣтѣ Довкги отъ насъ у держанье и листъ нашъ на то есмо ему дали, ижъ не маемъ его съ того двора нашого рушати до его живота;—нижли тыми разы, будучи намъ съ паны-радами нашими на соймѣ Берестейскомъ, взяли есмо въ него шестьсотъ копъ грошей литовское монеты по десяти пенязей въ грошъ, которыми жъ пенязми служебнымъ платили есмо имъ за ихъ службу, и въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему тотъ же дворъ нашъ Троцкого повѣту Довкги зъ мѣстомъ и со всими людми нашими Довкговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ конокормцы, и со всими ихъ службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и съ корчомными пенязми, и зъ дяклы съ оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиники, и съ колодиною, и ставы и зъ млыны, и съ озеры, и со всими иными поплатки и пожитки, которыи зъ мѣста и зъ волости Довкговское на насъ хоживали, и со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ держанъ. А панъ воевода Троцкій не маетъ въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати, а ни тежъ тое волости повѣта Довкговского людей не маетъ судити; и вжо и врядники наши Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають ни по што у волость того двора нашого всылати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не мають правити; нижли маетъ онъ съ того двора нашого въ кождый годъ намъ давати по шестидесятъ бочокъ жита а по шестидесятъ бочокъ овса, а по шестидесятъ возъ сѣна. А мезлева сполна—яловицы и вепры и иныи речи—маетъ съ тоей волости намъ давана быти кождый годъ подлугъ давного обычая; а коли пріѣдемъ до Довкговъ онъ маетъ насъ поднимати стацыями подлѣ давности и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати по давному. А што будетъ на тотъ часъ въ томъ дворѣ нашомъ жита и ярого въ гумнѣ и на поли посѣяного и животины и иныхъ речей, то есмо росказали пописати и тыи списки въ себе въ цѣлости заховати воеводѣ Троцкому, маршалку нашому дворному пану Григорью Станиславовичу Остиковича. А што ся дотычетъ бояръ повѣта Довкговского, онъ маетъ ихъ судити по давному. А маетъ онъ тотъ дворъ со всимъ съ тымъ,

какъ выше въ томъ нашомъ листѣ выписано, держати, поки ему тую шестьсотъ копъ грошей отдамо, а не отдавши ему тое верхуписаное сумы пенязей, не маемъ его съ того двора нашого рушити до его живота подлѣ нашого листу, который есмо перво сего на то ему дали; нижли по той заплатѣ нашой маеть онъ тотъ дворъ нашъ отъ насъ къ нашой руцѣ держати по тому, какъ и первѣй сего, а тыи платы и доходы верхуписаные вжо мають на насъ быти; а естли Божья воля станетъ надъ нимъ, а мы ему тыхъ пенязей не заплатимъ, ино жона и дѣти его мають тотъ дворъ держати дотолѣ, поки тежъ тыи пенязи мы имъ заплатимъ, а не отдавши тыхъ пенязей не маемъ въ нихъ того двора нашого зъ рукъ вымимати. А на твердость тыхъ всихъ вышеписаныхъ речей и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. При томъ были панове рада наша: князь Войтехъ, бискупъ Виленскій, а князь Павелъ, бискупъ Луцкій и Берестейскій; воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ, староста Луцкій, Браславскій и Вѣницкій, маршалокъ Волынское земли, князь Костентинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиковичъ; панъ Троцкій, староста Жомоитскій, панъ Станиславъ Яновичъ Заберезенскій; маршалокъ земскій, державца Слонимскій, панъ Янъ Миколаевичъ Радивиловича; подчашый, староста Городенскій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича; воевода Новгородскій, староста Дорогицкій, панъ Янъ Яновичъ Заберезенскій; маршалокъ, староста Берестейскій, панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича и вси панове рада великого князства Литовского. Писанъ у Берестьи лѣта Божьего тысяча пятьсотъ шостогонадцать мѣсеца генваря 5 день, индиктъ 4.

(Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110).

№ 26.

Заставной листъ короля Сигизмунда I пану Миколаю, старостичу Жомоитскому, на дворъ Оникшты.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати, што жъ взяли есмо ку нынѣшней нашой великой и земской потребѣ, будучи на соймѣ Берестейскомъ, у державцы Оникштинского у пана Миколая, старостича Жомоитского, тисячу копъ грошей литовское монеты по десяти пенязей въ грошъ, а въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему дворъ нашъ Виленского по-

вѣта Оникшты и зъ мѣстомъ и со всими людьми Оникштынскими данными и тяглыми, и конюхи, и зъ лейти того двора нашого, и со всими службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ корчомными пенязьми, и зъ дяклы ржеными и овсяными, и съ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиники, и съ колодиною, и съ ставы и зъ млыны, и съ озеры, и со всими иными платы и пожитки, которыи зъ мѣста и зъ волости Оникштинское на насъ хоживали, и со всимъ съ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ держанъ былъ, ничого на насъ не выймуючи. А бояръ нашихъ Оникштинскихъ маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ. А панъ воевода Виленскій не маеть у тую волость дѣцкихъ своихъ всылати; и вжо врадники наши Виленскіи: городничій, тивунъ, ключникъ, не мають ни по што у волость того двора нашого всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити; нижли маеть онъ съ того двора нашого въ кождый годъ намъ давати по сту бочокъ жита а по сту бочокъ овса, а спижу великоденную и колядную—яловици и бораны и иншіи речи мають съ того двора на насъ даваны быти въ кождый годъ по давному. Какъ пріѣдемъ до Оникштъ, онъ маеть насъ стацеями поднимати и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати подлугъ давного обычая. А што будеть на тотъ часъ въ томъ дворѣ нашомъ жита и ярого въ гумнѣ и на поли посѣяного и животины и иныхъ речей, то есмо росказали пописати и тыи списки въ цѣлости заховати воеводѣ Виленскому, канцлерю нашому, пану Миколаю Миколаевичу. И коли ему тую суму пенязей отдадимъ, онъ маеть тежъ того двора намъ ся поступити со всимъ съ тымъ, съ чимъ будеть въ насъ взялъ. А маеть онъ тотъ дворъ нашъ со всимъ съ тымъ держати до тыхъ часовъ, поки мы тыи пенязи тисячу копъ грошей ему отдадимъ; а не отдавши ему тое верхуписаное сумы пенязей сполна, не маемъ зъ рукъ его того двора нашого вынимывати; а естли ся надъ нимъ Божья воля станеть, ино жона и дѣти его мають тотъ дворъ держати дотолѣ, поки мы тежъ имъ тыи пенязи сполна заплатимъ; а не отдавши тыхъ пенязей не маемъ того двора зъ рукъ ихъ брати. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ у Берестьи лѣта Божьего тисяча пятьсотъ 16, мѣсеца генваря 7 день, индиктъ 4. При томъ были: князь Войтехъ, бискупъ Виленскій, а князь Павелъ, бискупъ Луцкій; воевода Виленскій панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ, староста Луцкій, маршалокъ Волынское земли, князь Костентинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ нашъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича; панъ Троцкій, ста-

роста Жомоитскій, Станиславъ Яновичъ; маршалокъ земскій, державца Слонимскій, панъ Янъ Миколаевичъ Радивиловича и иныи панове рада.

(Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156).

№ 27.

Заставной листъ короля Сигизмунда I пану Якубу Кунцовича на дворы Лепунь и Волкиники.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрить або чтучи его услышить, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будеть потребъ того вѣдати, што жъ взяли есмо ку нынѣшней нашой великой потребѣ и земской въ конюшого нашого дворного и Троцкого, намѣстника Волкиницкого и Лепуньского, лѣсничого Городенского, пана Якуба Кунцовича четыриста копъ грошей литовское монеты по десяти пенязей въ грошъ, а въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему два дворы нашихъ Троцкого повѣту, Лепунь а Волкиники, зъ дворцы зъ Нарвидишками а зъ Начишками и зъ мѣсты тыхъ дворовъ нашихъ, и зъ людьми данными и тяглыми, и конюхи, и зъ лейти, и зъ дойлиды, и съ кузнецы, и зъ осочники и зо всими ихъ службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ пенязми корчомными, и зъ дяклы ржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ колодиною, и зъ ставы, и зъ млыны, и съ озеры, и со всими платы и пожитки, которыи зъ мѣстъ и зъ волостей тыхъ дворовъ нашихъ на насъ хоживали, и со всимъ съ тымъ, какъ тыи дворы наши на насъ были держаны. А пущу нашу Волкиницкую и Лепуньскую маеть панъ Якубъ отъ насъ завѣдати, какъ и передъ тымъ. А бояръ нашихъ повѣту Лепуньского и Волкиницкого маеть онъ судити, какъ и передъ тымъ. А панъ воевода Троцкій въ тыи волости не маеть дѣцкихъ своихъ всылати; и вжо врадники наши Троцкія: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають у волости тыхъ дворовъ нашихъ всылати и доходовъ своихъ тежъ не мають правити. И коли пріѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ, тогды маеть онъ насъ стаціями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукамъ для того, коли мѣшкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ. И коли ему тую суму пенязей, чотыриста копъ грошей, за тыи дворы наши отложимъ, тогды маеть онъ тыхъ дворовъ нашихъ намъ ся поступити со всимъ съ тымъ, съ чимъ будеть взялъ, а не отдавши ему тое

4

сумы пенязей не маемъ у него тыхъ дворовъ нашихъ зъ рукъ его вынимати; а естли ся надъ нимъ Божья воля станеть, ино жоны и дѣтей ихъ не маемъ съ тыхъ дворовъ нашихъ рушати до тыхъ часовъ, поки мы имъ тую суму пенязей отложимъ. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ у Берестьи мѣсеца генваря 25 день, индиктъ 4 (1516 г.).

(Литов. Метр. Запис. IX, л. 157, 158).

№ 28,

Листъ пану Богушу Боговитиновичу на Каменецъ и на суму тисечу копъ грошей, на немъ внесеную, до отданья тое сумы до живота его.

Жыкгимонтъ, Божью милостью король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Прускоe, Жомоитскій и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотрыть або чтучы его вслышить, кому будеть потребъ того вѣдати. Какъ будучы намъ въ паньствѣ нашомъ великомъ князьствѣ Литовскомъ на соймѣ въ Берестьи со всими панами радами нашими великого князьства Литовского какъ духовными, такъ и свѣтскими, взяли есьмо ку потребѣ нашой и земской въ маршалка и писаря нашого, намѣстника Довкговского, пана Богуша Боговитиновича шесть сотъ копъ грошей литовское монеты, которыми жъ пенязьми служебнымъ есьмо за ихъ службу, которую у великомъ князьствѣ Литовскомъ заслуговали, платили; а въ той сумѣ пенязей, въ шести сотъ копахъ грошей, заставили есьмо ему дворъ нашъ, который же онъ отъ насъ въ держаньи мѣлъ до живота, Довкги со всими платы. А тыми разы, бачачы потребу нашу и стоячы у валцѣ зъ непріятелемъ нашимъ великимъ княземъ Московскимъ, и ховаючы служебныхъ у великомъ князьствѣ Литовскомъ, взяли есьмо въ него къ тымъ шестьма сотъ копамъ грошей чотыриста копъ грошей литовское монеты, и тыи пенязи есьмо оберпули къ потребѣ нашой и земской великого князьства Литовского, и въ тыхъ пенязѣхъ, въ тисячы копахъ грошей, дали есьмо ему и заставили дворъ нашъ Каменецъ, который держалъ отъ насъ въ держаньи князь Семенъ Чорторыйскій, а дворъ нашъ Довкги къ нашимъ рукамъ есьмо взяли. А съ Каменца доходовъ и платовъ выняли есьмо на насъ на господаря съ тое заставы корчомныи пенязи а двѣ доли дани медовое, а бобровыи гоны вси. А коли мы господаръ сами прыѣдемъ до Каменьца, тогды онъ маеть насъ одинъ день стацыею поднимати. А въ

тому, коли платъ положимъ на все наше паньство великое князьство Литовское, тогды зъ волостныхъ людей маеть намъ серебщыну давати а зъ мѣста ордынщыну, также и серебщину и который кольве платъ положымъ. А онъ маеть тотъ дворъ нашъ держати зъ мѣстомъ и зъ волостными людми, и съ слугами путными и данными, и бобровники, и зъ осочники, и зъ гаевницствомъ и бобровничствомъ, и зъ лѣсничымъ, и зъ дяклы оржаными и овсяными, и съ пашнею, и съ куничными пенязьми и съ поборными, и зъ млыны, и съ иншыми всякими платы и доходы, которыи передъ тымъ на насъ на господаря и на врадниковъ нашихъ Каменецкихъ хоживали, ничого иншого на насъ не выймуючы, кромѣ того, што есьмо у верху того листа нашого выписали. А што передъ тымъ на нашъ прыѣздъ гаевникъ Каменецкій давалъ кони, того вже онъ не маеть давати. А зъ дани медовое маеть брати собѣ третюю часть, а намъ маеть давати двѣ части; а бобровыи гоны вси мають на насъ быти. А пущу нашу Каменицкую всю маеть завѣдати и сторожу добрую мѣти, абы звѣру нашому шкоды не было; а отъ кого бы намъ шкода была, того намъ маеть объявяти; а самъ звѣру нашого въ той пущы ловити не маеть, нижли маеть ловити по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыи намѣстники Каменицкіи ловливали, и то кромъ зубровъ. А которыи князи и панове, и земяне, и духовные имѣнья свои мають въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маеть судити и радити подлугъ того, какъ первыи державцы Каменецкіе. А што онъ, будуючы тамъ замокъ нашъ, пенязій своихъ наложыть, то маемъ ему заплатити. А не маемъ зъ его рукъ Каменьца выймовати, а ни пакъ кому иншому въ той сумѣ пенязей, а ни въ болшей заставляти, а ни отдавати: маеть онъ тотъ дворъ нашъ Каменецъ съ тымъ, што въ томъ листѣ нашомъ выписано, держати зъ ласки нашое до своего живота и его вжывати а къ своему пожыточному оборочати, какъ самъ налѣпѣй розумѣючы, бо то есьмо вчынили, тотъ дворъ ему до жывота дали, для его къ намъ вѣрное а пильное службы. А пакъ ли бы ся надъ нимъ Божья воля стала, тогды мы жоны и дѣтей его не маемъ съ того двора нашого рушати, тое тисячы копъ грошей не отдавшы; а не маемъ ему а ни дѣтемъ его съ тое сумы пенязей оттрудати для того, што есьмо тые платы верхумененыи на насъ выняли. А што ся дотычеть мѣста, которымъ есьмо дали право майтборское, чого бы въ прывильи ихъ не было выписано, тые пожытки прывлащаемъ ему къ замку нашому. Также и доволяемъ ему въ Каменьцы воли садити и пашни справовати и къ доброму пожыточному нашому господарскому розшыряти. А естли жъ быхмо ему тую тисячей копъ грошей отдали, тогды маеть онъ таки тотъ дворъ нашъ Каменецъ отъ насъ держати въ держаньѣ

до своего жывота по тому, какъ и Довкги отъ насъ мѣлъ держати. А пакъ ли бы хто на него намъ повѣдалъ, ижъ бы ся намъ отъ него въ томъ дворѣ нашомъ шкода, тогды мы маемъ ему напередъ дати то ся справити. А на болшое свѣдомье и твердость и печать нашу казали есьмо прывѣсити къ сему нашому листу. А при томъ были: панъ Виленскій, гетманъ навышшій, староста Луцкій, Бряславскій, Вѣницкій, маршалокъ Волынское земли, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; староста Берестейскій, маршалокъ, панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича; подскарбій дворный, намѣстникъ Велюнскій, панъ Иванъ Андреевичъ; панъ Петръ Станиславовичъ, староста Городеньскій. Стало ся и дано въ Краковѣ лѣта Божьего тисяча пять сотъ осмогонадцать мѣсеца априля 25 день, индикъ 6.

Тутъ господарская рука подписана.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; XI, л. 7).

№ 29.

Застава старостѣ Городенскому пану Юрью Миколаевичу дворовъ Городенскихъ Озеръ а Кринокъ въ тисечы копахъ грошей.

Жикгимонтъ. Чынимъ знаменито. Тыми разы писали до насъ панове рады нашы великого князства Литовского, ижъ ихъ милость безъ бытности тамъ нашое взяли къ потребѣ нашой и земской въ старосты Городенского пана Юрья Миколаевича тисячу копъ грошей литовское монеты, по десети пенязей въ грошъ, а въ тыхъ пенязѣхъ заставили ихъ милость ему двори наши Городенского повѣта Озера а Кринки со всими людми тыхъ дворовъ нашыхъ путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и съ псарци, и зъ ловци, и осочники, и съ соленики, и зо всими иными людьми тыхъ волостей нашихъ и зъ ихъ всими службами и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ озери, и зъ дяклы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подяколнымъ, и съ колодиною, и съ пашнями дворными, и зъ землями пустовскими, и съ корчомными пенязьми, и зъ ставы и зъ млыны, и зъ мезлевами, и съ спижою, и съ стацыею, и со всими иными платы и доходы, которіе зъ мѣста и зъ волости Озерское и Кринское на насъ хоживали, и со всимъ съ тымъ, какъ тые двори на насъ держаны были, ничого намъ не выймуючи; нижли, коли мы сами господаръ будемъ у Кринкахъ або въ Озерѣхъ, тогды панъ Юрей маетъ насъ съ тыхъ дворовъ нашихъ стацеею и подводами поднимати по тому, какъ и передъ тымъ бывало. И ижо врадники наши Городен-

скіе: городничій, конюшый, ключникъ, не мають въ тые волости сами въѣждчати а ни слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не мають правити: маеть панъ Юрій староста Городенскій тые дворы Озера и Кринки со всимъ съ тымъ, какъ вышей въ семъ нашомъ листѣ выписано, держати до тыхъ часовъ, поки дасть Богъ мы нашими властными зъ скарбу нашого пенязьми тую суму пенязей ему отложимъ; а естли ся надъ нимъ Божья воля станеть, смерть его зайдеть, мы панее и дѣтей его не маемъ съ тыхъ дворовъ рушати, алижъ тую тисячу копъ грошей имъ отложимъ; а не отдавши тыхъ пенязей не маемъ тыхъ дворовъ нашихъ зъ ихъ рукъ вынимати. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья тисеча пятьсотъ осмогонадцать мѣсеца іюля 28 день, индиктъ 6. Съ подписью руки королевское. При томъ были: подскарбій земскій, староста Ковенскій, панъ Аврамъ Езооовичъ.

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 13, 14).

№ 30.

Прывилей пану Юрью Глѣбовичу на держанье двора Волковыйска зъ волостми Волковыйскою, Порозовскою и Новодворскою до его живота.

Жыкгимонтъ, Божью... Чынимъ знаменито. Билъ намъ чоломъ державца Волковыйскій панъ Юрей Глѣбовичъ о томъ, што перво сего дали были есмо ему отъ насъ въ держанье дворъ нашъ Меречъ до его живота и листъ нашъ на то есмо ему были дали, ижъ есмо до его живота не мѣли его съ того рушати, а потомъ ку потребѣ нашюй и земской тотъ дворъ нашъ въ него есмо взяли, а ему напротивку того дали есмо дворъ нашъ Волковыйско;—и онъ билъ намъ чоломъ, повѣдаючи, ижъ имѣнья его вси сказоны и собраны отъ людей непріятеля нашого Московского, и тыми разы не маеть на чомъ ся поживити, абыхмо тотъ дворъ нашъ Волковыйско и съ пенезми корчомными, и въ дяклы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ колодиною, и со всими доходы врадниковъ и дворанъ нашихъ зъ мѣста и съ повѣту Волковыйского и Порозовского и Новодворского ему дали до его живота. Ино мы, паметаючи на его вѣрную службу ко отцу и брату нашому, королемъ ихъ милости, и къ намъ и тежъ для сказы имѣнья его, на его чоломбитье то вчинили, тотъ дворъ нашъ Волковыйско съ пенезми корчомными и зъ дяклы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и колодиною, и зо

всими доходы врадниковъ и дворанъ нашихъ зъ мѣстъ и зъ волости Волковыйское и Порозовское и Новодворское ему есмо дали въ держанье до живота его, ижъ мы до его живота не маемъ его съ того двора нашого рушати и никому подъ нимъ въ заставу и въ держанье не маемъ того двора давати. А городничій Городеньскій въ тые дякла и въ свои доходы подякольные, и въ колодину, и тежъ дворяне наши, которые коли будуть корчомные пенези правити, въ тые корчомные пенези и въ свои доходы не мають ни во што вступати. И на то есмо дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. При томъ были панове рада наша: князь Войтехъ, бискупъ Виленскій; воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ наивышшій, староста Луцкій и Браславскій и Вѣницкій, маршалокъ Волынское земли, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича; маршалокъ земскій, державца Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; староста Городенскій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича; воевода Новгородскій, державца Марковскій, панъ Янъ Яновичъ; староста Берестейскій, маршалокъ, панъ Юрьи Ивановичъ Ильинича. Писанъ въ Берестьи подъ лѣты Божьего Нароженья тисяча пятьсотъ осмогонадесять мѣсеца ноября 18 день, индиктъ 7.

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24).

№ 31.

Привилей князю Семену Чарторiйскому на волости Пропойскъ и Чечерскъ до его живота.

Жикгимонтъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Билъ намъ чоломъ намѣстникъ Пропойскій и Чечерскій князь Семенъ Александровичъ Чорторыйскій о томъ, што перво сего дали есьмо ему отъ насъ въ держанье тыи волости нашы Пропойско и Чичерскъ, абыхмо его съ того не рушали до его жывота, а онъ слюбилъ намъ у Пропойску замокъ тамошними людми нашими Пропойчичаны и Чычераны, а къ тому своимъ накладомъ збудовати намъ ся поднялъ; ино, коли онъ его збудуеть, мы зъ ласки нашое, за таковую его къ намъ послугу, тыи волости нашы Пропостьско и Чычерескъ и со всими даньми и доходы, которыи съ тыхъ волостей на насъ хожывали, даемъ ему отъ насъ въ держанье и не маемъ его съ того рушати да его жывота. И на то есьмо дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Пры томъ были панове рада наша: воевода Виленскій, канцлеръ, панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича; панъ Виленскій, гетманъ навышшій,

староста Луцкій, Бряславскій и Вѣницкій, маршалокъ Волынское земли, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Троцкій, маршалокъ дворный, панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича; маршалокъ земскій, державца Слонимскій, панъ Миколай Радивиловичъ; воевода Полоцкій, державца Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ и иные панове рада великого князьства Литовского. Писанъ у Берестьи подъ лѣты Божьего Нароженья тисяча пятьсотъ осмогонадцать мѣсеца декабря 29 день, индиктъ 7. Копоть писаръ.

(Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 33).

№ 32.

Листъ, до пана воеводы Виленского писаный зъ стороны постановенья на Подляшу коморъ и прикоморковъ на певныхъ мѣстцахъ для выбиранья мыта отъ купцовъ, которые се, за гамованьемъ дороги черезъ Ковно, на Подляшье обернули.

До воеводы Виленского. Которая комора наша соленая была у Ковнѣ, ино тая дорога до Ковна загамована, и тая соль и иные товари, которые шли до Ковна, вси ся обернули въ Бугъ и въ Наревъ у отчизну нашу великое князство Литовское. Ино мы, бачечы тое, ижъ намъ съ комори Ковенское немалая сума пенезей ку посполитому доброму приходила, какъ же и твоя милость тому добре свѣдомъ, и повѣдано передъ нами, ижъ дей тыми разы тая соль и тые вси товари, которые хоживали до Ковна, обернули се другою дорогою на Тыкотинъ и на Техоновецъ: а прото жадаемъ твоее милости, яко пана рады нашое, абы твоя милость, яко канцлеръ нашъ, маючи повинность тыхъ доходовъ нашихъ господарскихъ и земскихъ стеречы, рачилъ казати въ себе быти подскарбему земскому, маршалку и писару нашому, державцы Каменецкому, пану Богушу Боговитиновичу и росказати Ганусу Судорману, а къ тому которому дворенину нашому доброму человѣку, которій бы писму розумѣлъ къ нему приставивши, и казалъ бы твоя милость одну комору мѣти близко Буга у Техоновцы и на Высокомъ, а другую комору въ Тыкотинѣ на Нарви, и съ тое соли и зъ иншихъ товаровъ, которіе будутъ тыми мѣстцы ити Бугомъ и Наровью, велѣлъ бы твоя милость мыто на насъ брати по тому, какъ и въ Ковнѣ бирано; рачилъ бы твоя милость росказати Ганусу Судорману и тымъ дьякомъ, которыхъ твоя милость на тые двѣ комори уставишь, абы они скриню справили, и одинъ бы ключъ былъ въ Гануса Судормана, а другій въ

тыхъ дворянъ нашихъ або дьяковъ, а, сверху бы у скриню сыпали тые доходы наши. А мы до пана воеводы Троцкого писали, ажбы тымъ нашимъ врадникомъ не заборонялъ въ Тыкотинѣ мешкати и господы бы имъ казалъ дати, а до намѣстника Техоцовского пана Петрова Кишчича по тому жъ есмо писали, и до подскарбего нашого пана Богуша и до Гануса Судормана тежъ есмо писали, ажбы они у твоее милости безъ мѣшканья были и въ томъ росказанью твоее милости были послушни. А поки твоя милость тыхъ врадниковъ на тые двѣ коморѣ установишь и тамъ пошлешь, до тыхъ часовъ мы росказали тые комори отъ насъ завѣдати: одну комору въ Техоновцы и на Высокомъ земенину нашому Миклашу Скирвину а мѣщанину бѣльскому Іонѣ Сегевевичу; а хто бы хотѣлъ тую комору нашу проѣждити, мы на то дали имъ дворенина нашого Сасина, и казали есмо ему тую промыту въ таковыхъ на насъ забирати, а до подданыхъ нашихъ тамошнего краю листъ нашъ есмо послали, ажбы ему на таковыхъ помочни были; а въ Тыкотинѣ жъ встановили есмо до того часу, поки твоя милость врадниковъ нашихъ обравши тамъ пришлешь, казали есмо то завѣдати и тое мыто на насъ брати дворенину нашому Ленарту Косинскому а мѣщанину бѣльскому Ивану Сегеневичу молодшому, а на помочь дали есмо имъ дворенина нашого Өеанаса Тереховича. А которіе купцы, нѣмцы и наши подданые, тое зимы соль провезли безмытно, мы казали тымъ нашимъ выбирчимъ на тыхъ купцовъ тое мыто брати по тому, какъ и въ Ковнѣ бирано. И твоя бы милость рачилъ о томъ вѣдати, и которыхъ твоя милость врадниковъ нашихъ на то пошлешь, мы имъ расказали, ажбы они тые комори тымъ подали, кому твоя милость росхажешь. А которіе доходы наши намъ были зъ восковъ у коморахъ нашихъ Виленское и Ковенское, а тыми разы вжо тые воски на Ковенъ не пойдуть, и твоя бы милость такежъ узвавшы къ собѣ подскарбего нашого пана Богуша, и росказалъ Ганусу Судорману и къ нему приставилъ дворянъ нашихъ або дьяковъ, которіе бы къ тому годны были, тыхъ восковъ, которіе передъ тымъ на Ковенъ хоживали, куды ся инуды обернули, на тыхъ дорогахъ росказалъ бы твоя милость комори уставити и Ганусу Судорману и тымъ бирчимъ, кого твоя милость на то уставишь рачилъ росказати пильне стеречы и тые доходы суполне на насъ брати. Какъ же то есть ничія иная речь того смотрѣти, толко твоее милости, канцлера нашого, а наболѣй безъ небытности нашой у великомъ князствѣ Литовскомъ, и жадаемъ твоее милости, яко пана а рады нашое высокое, ажбы твоя милость рачилъ къ тому пильность приложити и то такъ все справовати на тые комори восковые у ве-

ликомъ князствѣ и на соленые на границахъ Подляскихъ установити и врядити къ нашому господарскому и земскому пожитку такъ, какъ ся налѣпѣй розумѣючи. А мы, дали Богъ, хочемъ то твоей милости паметовати ласкою нашою, яко то пану а радѣ нашой высокой, и до Судормана есмо писали, ажбы они въ томъ во всемъ твоей милости послушни были. А какъ твоя милость тыхъ врадниковъ тамъ установишь, и твоя бы милость тымъ земяномъ Миклашу Скирвину а Ленарту Косеньскому и Сегеневичомъ казалъ у себе быти, а подскарбего нашого тутъ же до себе узвалъ, и въ томъ бы твоя милостъ отъ нихъ личбу взялъ, и што они пенязей тамъ сберуть, то бы твоя милость велѣлъ до скарбу нашого дати. Писанъ въ Торуни мая 7 день, индиктъ 8 (1520 г.). Копоть писаръ.

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 36—38).

№ 33.

Привилей пану Яну Юндиловичу на окупно двора Ошмены и держанье его до выбранья сумы своее до семи годъ, а потомъ врядомъ до его живота.

Чынимъ знаменито симъ нашимъ листомъ и далѣй. Што есмо перво сего заставили были дворъ нашъ Виленского повѣта Ошмену въ шести сотъ копахъ грошей маршалку нашому пану Миколаю Станиславовичу, старостичу Жомоитскому, ино тыми разы прысылалъ къ намъ панъ Янъ Юндиловичъ, чоломъ бъючы, абыхмо тотъ дворъ нашъ Ошмену дозволили ему въ той сумѣ у пана Миколая окупити и дали ему тотъ дворъ нашъ на выбиранье пенезей его на семъ лѣтъ. Ино мы зъ ласки нашое на его чоломбитье то вчинили, дозволили ему тотъ дворъ нашъ Ошмену въ той сумѣ въ шести сотъ копахъ грошей въ пана Миколая окупити и дали есмо ему на выбиранье тыхъ пенязей его на семъ лѣтъ: маеть онъ въ тую семъ лѣтъ тотъ дворъ нашъ Ошмену держати зъ мѣстомъ и зо всими людми того двора нашого путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и зъ конокормцы, и осочники, и ковали, и зъ ихъ всими службами, и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ дяклы оржаными, и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ колодиною, и съ пентиники, и съ корчомными пенязьми, и съ пашнею дворною, и съ озери, и зъ рѣками, и съ ставы, и зъ млыны, и со всими иными платы и доходы нашими, которіе передъ тымъ съ того двора нашого на насъ и на врадниковъ нашихъ хожывали. И въ тую семъ лѣтъ врад-

ники наши Виленскіе: городничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій, не маютъ у волость того двора нашого въѣждчати и слугъ своихъ всылати, и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не маютъ правити. А какъ тая семъ лѣтъ выйдеть, и мы зъ ласки нашое тотъ дворъ нашъ Ошмену даемъ ему отъ насъ въ держанье до его живота, а платы и доходы наши вси и врадниковъ нашихъ маютъ зася на насъ и на врадниковъ нашихъ даваны быти по тому, какъ и передъ тымъ бывало. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. При томъ были: подчашій, державца Марковскій, панъ Янъ Миколаевичъ; подскарбій дворный, намѣстникъ Веленскій, панъ Иванъ Андреевичъ. Писанъ въ Торуни лѣта Божьего тисеча пятьсотъ двадцать первого мѣсеца іюля 29 день, индиктъ 8 (1520 г.).

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 46).

№ 34.

Декретъ тивуномъ и всимъ бояромъ земли Жомоитское зъ старостою Жомоитскимъ о подаванье тивунствъ въ земли Жомоитской надъ права и привилья ихъ.

Жикгимонтъ, Божью милостью. Смотрѣли есмо того дѣла съ паны радами нашими, стояли передъ нами очивисто. Жаловали намъ панове и тивуны и бояре вси земли Жомоитское на пана Виленского, старосту Жомоитского, пана Станислава Яновича о двори и о тивунства земли Жомоитское и на то повѣдили въ себе вольности привилья отъ предковъ нашихъ и отъ насъ, ижъ бы тыи тивунства въ земли Жомоитской мы господаръ мѣли имъ роздавати, а не панъ староста, и жедали насъ, абыхмо ихъ при тыхъ привильяхъ и вольностяхъ зоставили, какъ же они отца нашого, Казимера короля его милости, и наши привилья на то вказывали. И панъ Виленскій передъ нами мовилъ, ижъ тые тивунства въ земли Жомоитской, кромъ чотырохъ дворовъ: Вилькеи а Велены, а Скирстомони, а Ясвоини, а волости Шовленское, здавна, за предковъ нашихъ и за насъ, предкове его и онъ самъ у подаваньи своемъ мѣли ажъ до сего часу, а предкове ихъ и они сами предкомъ нашимъ и намъ о томъ николи ся не упоминали; и жедалъ насъ панъ Виленскій, абыхмо его зоставили водлѣ стародавного обычая. И мы съ паны радами нашими, того межи ними досмотрѣвши, и видѣло ся намъ и паномъ радамъ нашимъ: кгды жъ предкове пана Виленского пана Станиславовы и онъ самъ зъ давныхъ часовъ, за предковъ нашихъ и за насъ, тые тивунства во своемъ по-

даваньи мѣли, а кому хотѣли съ подданыхъ нашихъ пановъ и бояръ земли Жомоитское, тымъ тые тивунства давали, а панове и тивуны и бояре земли Жомоитское, хотя на то права отъ предковъ нашихъ въ себе маютъ, а коли жъ того такъ отъ давныхъ часовъ у молчаньи были, мы, хотячы какъ привилья и давности у моцы держати, тые тивунства въ земли Жомоитской пану Виленскому, старостѣ Жомоитскому, пану Станиславу Яновичу въ его подаванье зъ ласки нашое дали есмо ему въ подаванье, кромъ тыхъ чотырохъ дворовъ нашихъ: Вилькеи а Велены, а Скерстомони и Ясвоини, и волости Шовленское: маетъ панъ Виленскій панъ Станиславъ тые тивунства въ земли Жомоитской въ своемъ поданьи мѣти по тому, какъ и предки его милости и онъ самъ за предковъ нашихъ и за насъ мѣли. И на то есмо его милости дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни іюль 7 день, индиктъ 10 (1522 г.). При томъ были: воевода Троцкій, гетманъ великій, староста Браславскій и Вѣницкій, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Виленскій, державца Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; маршалокъ земскій, воевода Новгородскій, державца Мерецкій и Довкговскій, панъ Янъ Яновичъ Заберезенскій и иные панове рады.

(Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81).

№ 35.

Листъ, писаный до старосты Жомоитского пана Станислава Яновича и напотомъ будучыхъ въ крывдѣ пановъ тивуновъ, бояръ и всее шляхты Жомоитское, абы се ку нимъ заховалъ водлугъ давного звычаю.

Жыкгимонтъ. Пану Виленскому, старостѣ Жомоитскому, пану Станиславу Яновичу и инымъ старостамъ Жомоитскимъ, хто напотомъ будеть отъ насъ староство Жомоитское держати. Што перво сего очивисто жаловали намъ на твою милость панове тивунове и бояре и вся шляхта, подданыи нашы земли Жомоитское, о томъ, ижъ твоя милость заборонялъ имъ въ пущахъ нашыхъ, въ рѣкахъ и озерѣхъ входовъ и пожитковъ ихъ стародавныхъ мѣти, и гдѣ они здавна входы и пожитки свои мѣвали;—и твоя милость передъ нами повѣдилъ, ижъ твоя милость тыхъ входовъ и пожытковъ въ пущахъ нашыхъ и рѣкахъ и озерѣхъ имъ не боронишь, нижли твоя милость боронишь имъ лововъ, гдѣ великій князь Витовтъ и иныи предкове нашы въ пущахъ ловливали. И мы, того межы вами досмотрѣвшы, и твоей милости очывисте росказали и тыми разы, ажбы твоя милость въ пущахъ и озе-

рѣхъ и рѣкахъ входовъ и пожытковъ ихъ звѣчныхъ мѣти не заборонялъ, нижли бы твоя милость казалъ лововъ нашыхъ боронити, гдѣ ловливалъ великій князь Витовтъ и иныи предкове нашы. Тежъ, што первѣй сего жаловали намъ очывисте на твою милость панове тивунове и бояре вси земли Жомоитское о подаванья тивунства въ земли Жомоитской, ижъ твоя милость которымъ зъ нихъ тивунства держати даешь, а потомъ дей зася безвинно тые тивунства въ нихъ отнимаешь. А прото жъ и тыми разы ажбы твоя милость тивунствъ безвинне въ нихъ не отнималъ; а естлибы коли который зъ нихъ въ чомъ выступъ вчынилъ, и твоя бы милость сѣдши того досмотрѣлъ и справедливость тому вчынилъ, и съ права естли бы хто знайденъ виненъ, и твоя бы милость тогды того винного скаралъ водлѣ выступу его. Такежъ жаловали намъ, што жъ дей намѣстники твоей милости и зъ женами и зъ дѣтми и зъ слугами своими у великомъ подчстѣ по волостемъ нашымъ ѣзьдять и людей нашыхъ безъ тивуновъ судять и радять, и вины великіи зъ нихъ беруть, а передъ тымъ дей, за предковъ твоей милости и тутежъ за самого твоей милости, намѣстники твоей милости ѣждчывали по волостемъ съ тивуны нашыми въ маломъ подчстѣ, самотретъ або самочетвертъ, и безъ тивуновъ нашыхъ людей нашыхъ не сужывали, и винъ не бирали. А прото жъ, абы твоя милость и по твоей милости будучыи старосты Жомоитскіи врадникомъ своимъ казали по волостемъ ѣзьдити посполу съ тивуны нашыми безъ жонъ у маломъ подчстѣ, самотретъ або самочетвертъ, або такъ, какъ который врадникъ твоей милости службу земскую служыть, по тому, какъ бывало за предковъ твоей милости. Такежъ жаловали намъ панове тивунове, што жъ дей намѣстники твоей милости, коли ѣзьдять гдѣ на которыи потребы твоее милости або на войну, и они дей въ людей нашихъ беруть подводъ собѣ по двадцати и по трыдцати, а для того дей многіи люди нашы згинули, а передъ тымъ дей врадники тамошніи подводъ собѣ бирали по двѣ або по тры. Ино штобы твоя милость врадниковъ своихъ отъ того повстягнулъ и подводъ съ людей нашыхъ такъ много брати не казалъ, нижли бы твоя милость казалъ подводы брати по тому, какъ и передъ тымъ бывало, ажбы для того людемъ нашымъ тяжкости великой не было. Писанъ у Вильни, подъ лѣты Божьего Нароженья 1522-го мѣсеца октября 1 день, индиктъ 11. Копоть писаръ. При томъ были панове рада: воевода Троцкій, гетманъ навышшій, староста Бряславскій и Вѣницкій, князь Костянтинъ Ивановичъ Острозскій; воевода Виленскій, канцлеръ, староста Бѣльскій и Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; панъ Троцкій, староста Городенскій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича; маршаловъ

земскій, воевода Новгородскій, державца Морецкій и Довкговскій, панъ Янъ Яновичъ Заберезынскій.

(Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 82, 83)

№ 36.

Листъ и прывилей, данный Мицку Нарковичу на хорузство Лидское до воли господарское.

Жыкгимонтъ. Маршалку нашому дворному, старостѣ Берестейскому, Ковеньскому и Лидскому, пану Юрью Ивановичу Илинича. Билъ намъ чоломъ боярынъ Лидскій Мицко Нарковичъ и просилъ насъ, абыхмо дали ему хоружое Лидское, а повѣдилъ намъ, ижъ тое есьмо хоружое дали были первѣй боярыну Лидскому Богдану, и твоя дей милость, бачачы того Богдана, ижъ онъ неслушне а нерядне въ томъ ся справуеть, хоружое въ него отнемши, и далъ тому Мицку Нарковичу до воли нашое; и на то онъ листъ твоее милости передъ нами вказывалъ, яко жъ твоя милость о томъ за нимъ до насъ писалъ, повѣдаючы, ижъ тотъ Мицко есть годнѣйшый, нижли тотъ Богданъ. А прото, кгдыжъ онъ есть къ тому человѣкъ годный, мы на писанье твоей милости и на его чоломбитье то вчынили, тое хоружое Лидское ему дали со всимъ по тому, какъ и первшыи хоружіи Лидскіе тое хоружство отъ насъ держывали. И твоя бы милость тому Богдану прыказалъ, ажбы онъ вжо въ тое хоружое ничымъ ся не вступалъ. Писанъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 24 мѣсеца февраля 12, индыкъ 12. Копоть писаръ.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 137).

№ 37.

Листъ, писаный до пана Виленьского, старосты Жомоитского, пана Станислава Яновича о непоступленьи волости Шовленьской его милости князю Яну бискупу Виленьскому.

Жыкгимонтъ. Пану Виленьскому, старостѣ Жомоитскому, пану Станиславу Яновичу. Мовилъ намъ князь Янъ бискупъ Виленскій его милость о томъ, што есьмо дали его милости волость Шовли зъ бояры, зъ мѣщаны и со всими людми Шовленьскими, и со всими доходы и поплаты нашыми, которыи на насъ и на врадниковъ нашыхъ съ тое волости Шовленское съ стародавна хожывали, ничого на насъ и на врадниковъ нашихъ не оставляючы, на вѣчность, со всимъ пра-

вомъ и паньствомъ, такъ, якъ тая волость Шовленьская сама въ собѣ маеть, и ввязати его милость въ тую волость послали есьмо дворанина нашого Олехна Бокея; и твоя дей милость тому дворанину нашому въ тую волость князя бискупа его милости увязати не поступилъ, чому жъ ся мы велико дивуемъ, ижъ ты напротивку воли и росказанью нашому стоишь, што жъ намъ естъ на тобе велико жаль. А такъ и повторе приказуемъ тобѣ подъ ласкою нашою, ажбы твоя милость тое волости Шовленьское зъ бояры, зъ мѣщаны и со всими людми Шовленьскими его милости ся поступилъ конечно; естли жъ бы ты и на тое другое росказанье нашо дбати не хотѣлъ, мы росказали тому дворанину нашому Олехну Бокею князя бискупа его милость Виленьского въ тую волость Шовли моцно увязати, а о таковые противности вашы, которыи чыните напротивку намъ, пану своему, мы будемъ вѣдати, што маемъ съ тымъ чынити. Писанъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 24 мѣсяца іюня 11 день, индыкъ 12. Въ томъ листѣ рука королевская. Копоть писаръ.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 160, 161).

№ 38.

Посельство до пана старосты Жомоитского паномъ Павломъ Нарушевичемъ.

Господаръ король и великій князь Жикгимонтъ велилъ тобѣ говорити: Што еси присылалъ къ намъ служебниковъ своихъ Оленского а Шимка о томъ, што есмо волость нашу Шовленскую въ земли Жомоитской дали князю Яну, бискупу Виленскому, и вскazывалъ еси до насъ, въ томъ собѣ велико обтежаючи, рекомо быхмо тобе рушили у твоемъ урядѣ, у староствѣ Жомоитскомъ, а менячи, яко бы Шовли были половица земли Жомоитское, а къ тому рекомо быхмо и шляхту, которыи имѣнья свои маютъ у Шовленской волости, князю бискупу жъ отдали; и вскaзывалъ еси къ намъ, абыхмо тобе съ тое волости не рушати до тыхъ часовъ, поки быхмо были у панствѣ нашомъ, великомъ князьствѣ Литовскомъ. И щироко еси о томъ къ намъ черезъ тыхъ служебниковъ своихъ усказывалъ и ширей того въ листѣ своемъ писалъ,—при которомъ же широкомъ писаньи писалъ еси до насъ, естли быхмо того не отложили до нашого пріѣханья къ великому князьству Литовскому, тогды ты жадною мирою тое волости князю бискупу поступитися не хочешь, чому жъ мы съ того твоего поселства и списанья широко гораздо зрозумѣли.

Господарь король его милость велѣлъ тобѣ говорити: Што ся дотычеть бояръ шляхты Шовленское, тыхъ есмо князю Яну не давали, нежли есмо ихъ заховали во всемъ по тому, какъ княжать и панять и всю шляхту какъ у великомъ князьствѣ Литовскомъ, такъ и въ земли Жомоитской. А што ся дотычеть волости нашое Шовленьское, минимамы, ижъ добре тобѣ паметно, ижъ отецъ нашъ, светое намети Казимеръ король его милость, тобѣ подавалъ множество людей и земль, пожитковъ своихъ господарскихъ, и братъ нашъ, король его милость Александръ, и мы также множство волостей, людей и земль, пущъ, пожитковъ своихъ господарскихъ, тобѣ есмо тежъ подавали, потому жъ паномъ, бояромъ, всей шляхтѣ земли Жомоитской, предкове наши и мы не малую суму людей подавали; яко жъ братъ нашъ, король его милость Александръ, великіи волости въ земли Жомоитскіи подавалъ былъ невѣстцы нашой, королевой ее милости Аленѣ, которыи жъ волости по животѣ ее милости спали въ наши руки господарскіи, гдѣжъ мы господарь мяли моцъ тыи волости обернути тамъ, гдѣ бы была воля наша господарская, нижли мы тыи волости зъ ласки нашое тобѣ зася дали въ держанье.

Его милость господарь король казалъ тобѣ говорити: Кгдыжъ предкове наши, мы тобѣ и подданымъ нашимъ земли Жомоитское людей и земль, пожитковъ нашихъ господарскихъ, такъ много подавали, для которое быхмо причины не мяли и тыхъ часовъ людей нашихъ земли Жомоитской давати тому, кому бы была наша воля господарская? Къ тому можеть тобѣ добре паметно быти, какъ будучи намъ на прошломъ валномъ соймѣ Виленскомъ со всими паны радами нашими какъ духовными, такъ и свѣтскими, со всими землями поддаными нашими, гдѣ жъ панове и бояре и посполитыи люди, вся земля Жомоитская, намъ на тобе жаловали, велико собѣ на тебе и на врадниковъ твоихъ обтежаючи; и тежъ о подаванье тивунствъ нашли были есмо то справедливе, ижъ мяли быхмо тивунства вси земли Жомоитской въ нашо господарское подаванье взяти и давати паномъ и бояромъ земли Жомоитское тымъ, которыи бы то намъ добре заслуговали, отъ чого жъ намъ вся земля Жомоитская не малую суму пеняжную къ нашому господарскому и посполитому земскому поступовали; мы, бачачи на тебе, яко на старую раду нашу, такъ великій платъ, пожитокъ нашъ господарскій и посполитое речы земское, есмо отпустили, и тыи тивунства зъ ласки нашое зася есмо тобѣ у твое поданье дали.

Господарь его милость казалъ тобѣ говорити: Его милость тому велико ся дивуеть, ижъ ты, маючи таковую ласку отъ предковъ на-

шихъ и отъ насъ, а легце собѣ то важилъ, а смѣлъ таковыи слова, которыи ся тобѣ чого не годило, у посельствахъ и въ листѣхъ своихъ къ намъ писати, а противку воли и росказанью нашому повстати, чого жъ намъ естъ господару отъ тебе рады нашое велико а обтяжно жаль, нежли мы господаръ, маючи въ собѣ таковую терпливость, ещо тобѣ навпоминаемъ и приказуемъ, ажбы еси тое волости Шовлей со всимъ подлугъ первого нашого росказанья и писанья князю Яну, бискупу Виленьскому, ся поступилъ передъ тымъ нашимъ посломъ конечно, абы то инакъ не было. Естли жъ бы и черезъ то хотѣлъ противку воли и росказанью нашому быти, вѣдай певно, ижъ мы вжо черезъ то болшій того терпити тобѣ не будемъ, а будемъ съ тобою то чинити, яко съ противнымъ подданымъ нашимъ.

До всихъ тивуновъ земли Жомоитское посельство.

Што есте присылали къ намъ братью свою Венцслава а Миколая о томъ, ижъ есмо волость нашу Шовленскую дали князю Яну, бискупу Виленскому, и вскaзывали есте къ намъ черезъ нихъ, велико собѣ обтежаючи, иже быхмо братью вашу, шляхту нашу вѣчную у повѣтѣ Шовленскомъ, князю бискупу съ тою волостью дали: ино мы шляхты нашое у повѣтѣ Шовленскомъ князю бискупу николи не давали, а заховали есмо ихъ такъ, какъ княжатъ и панятъ и всю шляхту у великомъ князьствѣ Литовскомъ и въ земли Жомоитской. И вскaзывали есте къ намъ черезъ тыхъ пословъ своихъ: естли бы князь бискупъ водлѣ данины нашое къ той волости ѣхалъ, вы хочете его на Невяжи поткати и того ему боронити: ино, вѣдже отецъ нашъ Казимеръ и братъ нашъ Александръ, короли ихъ милость, и мы намнѣй подавали какъ пану старостѣ Жомоитскому и такъ вамъ, подданымъ нашимъ, множество людей и земль и пожитковъ нашихъ господарскихъ въ земли Жомоитской,—а тыми часы мы господаръ для которое причины не мяли быхмо моцы людей нашихъ отдавати, кому бы ся намъ видѣло? И тому ся велико дивуемъ, ижъ вы, будучи подданыи наши, а за наши жъ люди господарскіи смѣли къ намъ таковыи поселства съ суровыми словы и писанье въ листѣ къ намъ вскaзывати и писати; нижли мы, маючи въ томъ терпливость, послали есмо къ вамъ посла нашого и казали есмо ему того по васъ довѣдатися, естли то отъ всихъ васъ, тивоновъ нашихъ Жомоитскихъ, волею таковыи поселства и въ листѣхъ писанья, намъ господару противныи, они приносили, чого жъ ся было вамъ не годило противку насъ чинити; и тому послу нашому довидавшися казали есмо о томъ

отказати. Естли то будеть со всихъ васъ, подданыхъ нашихъ, волею, мы тежъ будемъ вѣдати, какъ ся маемъ къ вамъ, подданымъ нашимъ, въ той противности вашой справоватися.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 470, 471).

№ 39.

Листъ, писаный Роману Горасимовичу на городничство и на хоруство Витебское до его жывота.

Жыкгимонтъ. Воеводѣ Витебскому, маршалку нашому, пану Ивану Богдановичу Сопѣзѣ и инымъ воеводамъ, хто и напотомъ отъ насъ будеть Витебскъ держати. Билъ намъ чоломъ дворанинъ нашъ Романъ Горасимовичъ и повѣдилъ передъ нами, што жъ дей городничый Витебскій Сенько Дашковичъ, будучы у форобѣ, и тотъ врадъ городничое Витебское передъ тобою и предъ всими бояры Витебскими ему спустилъ, и онъ билъ намъ чоломъ, абыхмо тое городничое Витебское ему дали; а къ тому просилъ насъ тотъ же Романъ Гарасимовичъ другого вряду, хоружого Витебского. Ино, естли будеть Сенько Дашковичъ тое городничое ему спустилъ, мы на его чоломбитье то вчынили, тотъ врадъ городничое и тежъ хоружое Витебское ему дали да его жывота со всимъ съ тымъ, какъ ся тыи обадва вряды, городничое и хоружое, здавна въ собѣ мають. И ты бы вжо въ тыи врады ничымъ ся не вступалъ, ни инымъ никому уступати ся не казалъ. И на то есьмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Краковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 24 мѣсеца іюня 26, индыктъ 12.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 163, 164).

№ 40.

Листъ, писаный до державцы Крычевского князя Василья Жилинского о крывды, подданымъ Крычевскимъ отъ него подѣланые.

Жикгимонтъ, Божью милостью король Полскій и великій князь Литовскій, Рускій, Пруский, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ. Державцы Крычовскому князю Василью Семеновичу Жылинскому. Вжо неоднокроть жалують намъ мѣщане Крычовскіи и вси люди волости Крычовское о томъ, што жъ дей имъ отъ тебе и отъ врядниковъ твоихъ крывды и тяжкости и драпежства великіи ся дѣють, и похвалки дей на нихъ чынишь, хотячы ихъ имати и карати; тежъ, што есьмо

велѣли имъ половицу стацеи съ первое уставы нашое тобѣ давати, и ты дей на нихъ таки тую стацею сполно берешь, не по тому, какъ есьмо тобѣ тыми разы росказали половицу стацеи на нихъ брати,— о чомъ же мы посылали тамъ дворанина нашого Михайла Кузмича и казали есьмо ему тыи списки къ намъ прынести. И какъ же тотъ дворанинъ нашъ тамъ ѣздилъ и тыи вси крывды и тяжкости и драпежства, которыи ся тымъ подданымъ нашимъ дѣють отъ тебе, пописалъ и тыи списки тыми разы къ намъ прынесъ, чому жъ ся мы велико дивуемъ, ижъ ты о листы и о росказанье нашо недбаешь, а таковыи тяжкости и кривды и драпежства подданымъ нашимъ дѣлаешь. А прото и тыми разы приказуемъ тобѣ, абы еси черезъ то крывдъ и тяжкостей и драпежства и похвалки людемъ нашимъ не дѣлалъ и стацеи сполна на нихъ не бралъ, а бралъ бы еси въ нихъ стацею по тому, какъ есьмо въ первомъ листѣ нашомъ выписали. А то тымъ обычаемъ, ижъ они теперъ мають намѣстникомъ Крычовскимъ въ кождый годъ за страву давати пенези по петинадцати копъ грошей узскихъ, а по пети яловицъ, и за яловицу по полукопью грошей вузскихъ, а по пети полтей мяса, а полоть по десети грошей узскихъ, а пятдесятъ бочокъ жыта солянокъ, а пятдесятъ бочокъ овса солянокъ же, а полтретяста возовъ сѣна, а за возомъ сѣна пенязей никоторыхъ не давати; а дровъ на недѣлю лѣтѣ по пяти возъ, а зимѣ по десети возъ; а вины мають давати отъ рубля грошей по пяти узскихъ, а пересуда по полтретя грошa, а дѣцкованья по полтретя грошa узскихъ, а повинного и повежного по полугрошу узскому; а сторожовъ мають давати на недѣлю по пяти, а съ строжовъ не маеть ничого брати; а прометъ нашъ и намѣстничый маеть зъ нихъ бранъ быти такъ, какъ бы для того человѣкъ зъ мѣста або зъ волости не шолъ и жоны и дѣти не зоставлялъ; а подводъ бы на потребы намѣстниковы они не мають давати, толко на наши господарскіи.—А што будешь назвышъ стацеи въ нихъ чересъ росказанье нашо и кривды и драпежства хотѣлъ подданымъ нашимъ дѣлати, ино, какъ дасть Богъ будемъ въ паньствѣ нашомъ великомъ князьствѣ Литовскомъ, мы въ тотъ часъ сами тыхъ подданыхъ нашихъ хочемъ съ тобою смотрѣти; и съ права естли въ томъ виненъ зостанешь, вѣдай певно, ижъ не толко собѣ держанья збудешь, але, хотя будешь одинъ грошъ неслушно взялъ, и мы кажемъ на тобѣ осовито оправити и имъ отдати: тогды вжо никого не будешь виноватити, кромѣ самъ на себе и на свои небачности. Тежъ жаловали намъ, што жъ дей ты ихъ многихъ, мѣщанъ и людей нашихъ, за собою поосаживалъ, и тыи дей люди посполъ зъ ними службы служыти и поплатовъ выдавати не хо-

тятъ. Ино што бы еси людей нашихъ за собою не осаживалъ: нехай бы тыи люди наши посполъ зъ мѣстомъ и волостью службы наши служили и поплатки платили по давному конечно. Писанъ у Варшавѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1526 мѣсяца генваря 8, индиктъ 15.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, 530, 531).

№ 41.

Листъ Матѳею Заморенку ко всимъ бояромъ Кіевскимъ на держанье замку Чорнобыля до двухъ годъ.

Жыкгимонтъ. Ко всимъ бояромъ Кіевскимъ. Што есьмо дозволили вамъ замокъ у Чорнобыли збудовати вашимъ накладомъ, а вы мѣли тотъ замокъ держати по году, а иныи по два, подлѣ данины нашое, ино билъ намъ чоломъ дворянинъ нашъ Матѳей Заморенокъ о томъ, што жъ дей онъ тежъ тотъ замокъ нашъ у Чорнобыли робилъ, абыхмо ему тотъ замокъ нашъ Чорнобыль дали держати. Ино тыми разы тотъ замокъ нашъ держить панъ Дмитръ Ивашонцовичъ, а по немъ дали есьмо держати тотъ замокъ по два годы Яцку а Ѳедку Елцевичомъ, а какъ Елцевичи годы свои выдержать, и мы тотъ замокъ нашъ Чорнобыль дали отъ насъ держати Матѳею Заморенку на два жъ годы со всимъ по тому, какъ и Елцы держали, а вы бы о томъ вѣдали. И на то есьмо Матѳею Заморенку дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Петриковѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 26 мѣсеца генваря 12, индиктъ 14. Копоть писарь.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 292).

№ 42.

Привилей Яну Миколаевичу Толонковичу на врадъ хоружое Городеньское до его живота.

Жыкгимонтъ. Билъ намъ чоломъ бояринъ Городеньскій Янъ Миколаевичъ Толонковича о томъ, што жъ перво сего дали есмо были хоружое Городеньское дворянину нашому Марку Гринковичу, ино бояре Городеньскіи не хотѣли его въ томъ врядѣ мѣти, и панъ Троцкій, староста Городеньскій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича далъ былъ тое хоружое ему до воли нашое господарское держати; и какъ былъ у насъ у Варшавѣ панъ староста Городеньскій, его милость о томъ намъ повѣдилъ и насъ за нимъ жедалъ, и нѣкоторіи тежъ и бояре Городеньскіи били намъ чоломъ, абыхмо тое хоружое Городень-

ское дали ему держати. Ино мы на причину пана старосты его милости Городеньского и на чоломбитье бояръ Городеньскихъ и на его то вчинили, тотъ врадъ хоружое Городеньское, которое передъ тымъ отецъ и братъ его держалъ, дали есмо ему до его жывота со всимъ съ тымъ, какъ ся тотъ врядъ здавна въ собѣ маеть. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Варшавѣ подъ лѣты Божьего Нароженья 1000 пять сотъ 26 мѣсеца сентября 12 день, индиктъ 15. Горностай писаръ.

(Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 321).

№ 43.

Листъ, писаный до державцы Марковского, въ кривдѣ подданыхъ Марковскихъ волости Куренское, абы се ку нимъ во всемъ водлугъ старого звычаю заховалъ.

Жыкгимонтъ. Подчашому нашому, державцы Василишскому и Марковскому, пану Яну Миколаевичу и инымъ державцамъ Марковскимъ, хто и напотомъ будетъ отъ насъ Марково держати. Што очивисто жаловали намъ люди наши Марковского повѣта путныи и данники Куренецкое волости о томъ, што жъ дей имъ отъ тебе и отъ твоихъ врадниковъ крывды и тяжкости ся великіи дѣють: новины еси имъ поуводилъ, уставляешь дей тамъ лѣсничыхъ своихъ, гдѣ передъ тымъ тыи данники наши сами пущы стерегивали и входы свои и дерево бортное мають, а здавна дей державцы Марковскіи лѣсничихъ своихъ не установливали, и за тыми твоими лѣсьничыми пуща наша спустошена, и дерево ихъ бортное повырубано, и для того не мають съ чого дани нашое сполняти; а коли дей которого человѣка хотя не за вину врадникъ твой у колоду усадить, и онъ дей выпущаючы береть на нихъ поколодного по дванадцати грошей, а передъ тымъ дей поколодного они давали по грошу; и въ тяглую службу у подводы дей на свои потребы ихъ посылывалъ, и въ сторожу на дворъ нашъ кажешь имъ ходити, а они дей передъ тымъ въ подводы на потребу державецъ Марковскихъ не ѣздчывали и въ сторожу на дворъ не хожывали; и тежъ дей намѣстникъ твой частокроть, мало не каждое пятницы, у волость къ нимъ уѣжчаеть зъ многими слугами твоими и своими и велить имъ на себе стацы справляти и стацьями поднимати, чого передъ тымъ не бывало. Ино мы, ихъ въ томъ досмотрѣвши, и зоставили во всемъ пры старынѣ и очевисто есьмо тобѣ росказали и теперъ прыказуемъ тобѣ, ажбы еси лѣсничыхъ своихъ тамъ не вставлялъ, нехай бы тыи данники нашы сами тое своее пущы стерегли и входы

свои мѣли по давному, и дань намъ съ того платили; нижли, естли бы который данникъ нашъ хотѣлъ въ той пущы шкоду чынити, ино врадникъ твой маеть о томъ довѣдыватися, а ты маешь его за то карати, жебы ся того напотомъ не допущалъ а.... врадники твои нехай бы... пенязи и черезъ то абы еси .. у сторожу и въ подводы имъ ходити не казалъ и заховалъ...; а которыи бы шводы отъ намѣстника твоего имъ сталися, ты маешь имъ въ томъ на того намѣстника своего право дати и справедливость вчынити; и вжо черезъ то намѣстникъ твой на волость къ нимъ уѣзжчати и слугъ своихъ усылати и стацеи на нихъ правити не маеть, кромъ того, естли коли который мужъ на копу намѣстника твоего подойметь, и тежъ кромъ дѣцкихъ, естли кто на кого дѣцкого озметъ, тогды намѣстникъ твой маеть на копу ѣздити и дѣцкихъ давати, кому будеть потреба; а на годъ одинъ разъ маеть тежъ къ нимъ уѣзжчати подлѣ давного обычая; а на пашню нашу мають тяглыи люди ходити съ сохою, съ бороною, съ серпомъ, съ топоромъ, а путныи мають повинность свою чынити по тому, какъ и передъ тымъ бывало; а што ся дотычеть подводы давати, и ты бы вжо подлѣ того росказанья нашого къ нимъ во всемъ ся заховывалъ и черезъ то имъ жадныхъ крывдъ не дѣлалъ и новинъ не водилъ конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Вильни.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6).

№ 44.

Листъ, писаный до всихъ тивуновъ земли Жомоитское, абы съ посланцами господарскими, которыхъ до того послано, водлугъ уфалы соймовое всихъ земянъ шляхту и людей ихъ и колко въ которого чоловѣка сохъ воловыхъ и коней и всю маетность пописавши, королю его милости ознаймили.

Жыкгимонтъ, Божью милостью король Польскій. Державцамъ и тивуномъ нашимъ всимъ земли Жомоитское: Вилькійскому, Веленьскому, Скерстомоньскому, Ясвоинскому, Ойрякголскому, Коршовскому, Поюрскому, Шовдовскому, Ретовскому, Кгондиньскому, Тверскому, Телшовскому, Вешвянскому, Биржняньскому, Дирваньскому, Бержаньскому. Што есьмо тыми разы поспол съ радами нашыми какъ духовными, такъ и свѣтцкими, и со всими землями, поддаными нашыми великого князьства Литовского, умыслили ц установили, и што ся дотычеть земли нашое Жомоитское, мы для того послали тамъ секретара нашого, державцу Скерстомоньского, пана Станислава Якубовича Скопа а дворанина нашого пана Яна Орвидовича и писали есьмо

о томъ до старосты Жомоитского пана Станислава Станиславовича Яновича, абы его милость вамъ всимъ тивуномъ нашымъ росказалъ и обралъ у кождомъ тивуньствѣ по два земянины, годныхъ вѣры, и до васъ и тыхъ земянъ прыставилъ дьяка своего, и казалъ всихъ бояръ нашыхъ шляхту, дѣлныхъ братью и недѣлныхъ, и ихъ имѣнья, и люди службами, колко въ которой службѣ дымовъ, тежъ люди плебаньскіе и мѣщаньскіе, имѣнья земскіе, фольварки отчызныи и выслуженыи и купленыи, и колко въ которого чоловѣка сохъ воловыхъ и коней, и маемость всю кождого чоловѣка пописати. А земянинъ кождый и мѣщанинъ, пописавшы имѣнья свои и люди, и сохи ихъ, мають передъ вами, тивуны нашыми, и передъ тыми двѣма земянины нашыми обраными и дьякомъ пана старостинымъ прысягу вдѣлати на томъ, ижъ вѣрне а справедливе все пописали, а ничого не втаили отъ васъ; а плебани мають то передъ вами повѣдити подъ духовеньствомъ своимъ. И какъ вы всю шляхту нашу и ихъ имѣнья и люди, и тежъ люди плебаньскіе и мѣщаньскіе, и сохи, и кони, и маемость кождого чоловѣка попишете, тогды вы маете, тивунове наши вси и земяне обраныи и дьяки пана старостины, тыи реистра положывшы передъ паномъ старостою, и прысягу передъ его милостью вчынити на томъ, какъ будете справедливе шляхту нашу и ихъ имѣнья и люди и тежъ люди плебаньскіи и мѣщаньскіи, фольварки и сохи, и кони пописали, а ничого не втаили. И вы бы подлѣ тое уставы нашое и ухвалы земское подлѣ росказанья пана старостина въ томъ ся справили, какъ вышей въ семъ нашомъ листѣ выписано. А што ся дотычеть во всихъ тивуньствахъ нашыхъ бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ по мѣстомъ, и людей тяглыхъ всихъ, и куничныхъ, мы тыхъ бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ, и всихъ людей нашыхъ службами, и колко въ которой службѣ дымовъ, и ихъ сохи воловыи и кони, и маемость кождого человѣка, и земли пустовскіи, и тежъ што будеть братъ нашъ, Александръ король его милость, и мы людей и земль у земли Жомоитской будемъ кому подавали, и колко тежъ у которомъ тивуньствѣ вы, тивунове нашы, людей будете на насъ прысадили, або гдѣ што людей будеть убыло послѣ попису писарей нашыхъ, то все росказали есьмо секретарю нашому пану Скопу, дворянину нашому Яну Овирдовичу пописати, и тыи списки къ намъ прынести. А прото приказуемъ вамъ, ажбы есте кождый у своемъ державьи намѣстниковъ своихъ и приставовъ, врадниковъ волостныхъ, пану Скопу и дворянину нашому Яну въ руки подали и росказали имъ въ томъ во всемъ пана Скопа послушнымъ быти, и тыхъ бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и людей

нашыхъ всихъ, и сохи, и кони, и платы вси тыхъ людей, которыи на насъ и на васъ, тивуновъ нашыхъ прыходять, справедливе имъ повѣдити и пописати, и какъ они то все попишуть, вы бы сказали намѣстникомъ своимъ и прыставомъ нашимъ передъ паномъ Скопомъ и дворениномъ нашимъ прысягу вчынити на томъ, ижъ справедливе въ кождый кусъ пописали, а ничого не втаили. А пишчого казали есьмо пану Скопу взяти съ людей и службы и зъ мѣщанъ по грошу; а поки они тамъ будуть пописывати, вы бы казали давати ѣсти и пити великій достатокъ и конемъ ихъ сѣна и овса. Писанъ у Вильни подъ лѣты Божьего Нароженья 1528 мѣсеца августа 29 день, индыкъ 1.

(Литов. Метр. кн. запис. XV, л. 23—25).

№ 45.

Справа бояромъ и мѣщаномъ Витебскимъ зъ воеводою Витебскимъ паномъ Иваномъ Сопѣгою о крывды ихъ и домавяне се, абы имъ водлѣ правъ ихъ иншого воеводу дано.

Господаръ король его милость казалъ про память записати, што бояре и мѣщане Витебскіи жаловали господару королю его милости на воеводу Витебского пана Ивана Богдановича Сопѣгу о свои тяжкости и крывды и тежъ били чоломъ господару королю его милости, не хотячы того воеводы собѣ мѣти, абы его милость, водлѣ правъ и прывильевъ предковъ его милости и его милости самого, далъ имъ иного воеводу. И панъ воевода Витебскій мовилъ, ижъ тутъ ихъ десятое части нѣтъ, которые ся на мене увзвазнили, а тамъ множство старшыхъ бояръ и мѣщанъ, што лѣпшихъ людей, о томъ ничого не вѣдають а ни того имъ поручали, а ни до вашей милости о томъ черезъ нихъ всказывали, и билъ чоломъ господарю королю его милости панъ Иванъ воевода Витебскій, абы господаръ его милость послалъ которого доброго а вѣрного съ подданыхъ его милости, а тыхъ добрыхъ старшыхъ бояръ и мѣщанъ, которыхъ тамъ множество у Витебску ся зостало, спытати: естли то они будуть поручыли тымъ бояромъ и мѣщаномъ, тогды то нехай будеть на воли вашей милости господарской; какъ же и князь гетманъ о томъ господара его милость жедалъ и радилъ. Господаръ король его милость рачылъ на томъ зостати: маеть его милость тамъ послати, кого ся его милости будеть видѣти; естли тыи бояре и мѣщане, которые суть тамъ у Витебску, тое жъ сознають, што и тыи бояре и мѣщане, которыи господару его милости чоломъ били, ижъ того воеводы его милости не похотять, а

будуть въ господаря жедать иного воеводы въ господаря его милости подлѣ своихъ правъ и прывилей, господаръ его милость маеть иного воеводу имъ дати; пакъ ли жъ бы тыи бояре и мѣщане не повѣдили, ижъ до господаря о томъ ничого не вскавывали, а будуть ли жедать господаря о того жъ таки воеводу, пана Ивана Богдановича съ того воеводства не рушати.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 28, 29).

№ 46.

Листъ волости Олучицкой, которую король его милость зъ рукъ Бобоѣдовыхъ для почыненья крывдъ имъ до замку Крычевского прывернулъ.

Жикгимонтъ. Били намъ чоломъ старецъ и вся волость Олучыцкая о томъ, што перво сего дали были есьмо тую волость въ держанье дворанину нашому Никифору Бобоѣдови и вчынили есьмо въ той волости нашой уставу, ижъ мѣли они въ кождый годъ дати до скарбу нашого по двадцати копъ грошей дани давати, а тому державцы ихъ Бобоѣдову по десяти копъ грошей,—и они тыхъ же часовъ жаловали намъ, што жъ дей тотъ намѣстникъ Никифоръ старца волостного, которому мы сами господаръ старченьства были поручили кромъ жадное прычыны вазалъ обѣсити, имъ самымъ кривды и драпежства великіи подѣлалъ, для которыхъ же дей драпежствъ многіи люди наши съ тое волости прочъ розошлися; и били намъ чоломъ, абыхмо ихъ зъ рукъ Бобоѣдовыхъ выняли и прывернули къ замку нашому Крычовскому. Ино, кгдыжъ онъ въ той волости нерядне ся справовалъ и того старца смаволне казалъ обѣсити, мы за таковый его выступъ тую волость Лучыцкую зъ руки его выймуемъ и писали есьмо до державцы Крычовского князя Василья Семеновича Жылиньского, ижъ бы онъ тую волость къ замку нашому Крычовскому держалъ и тую дань, трыдцать копъ грошей, всю сполна въ кождый годъ выбравшы, до скарбу нашого отсылалъ. И маеть князь Василій ихъ толко въ прысудѣ и въ послушеньствѣ своемъ мѣти, а намѣстника своего на тыи волости не маеть ховати и слугъ въ тую волость не всылати и никоторыхъ кривдъ и драпежствъ тымъ людемъ нашимъ не маеть дѣлати; только старецъ на той маеть волости мешкати и по тому ся справовати, яко и иныи старцы, и тотъ платъ, трыдцать копъ грошей, зъ людей тамошнихъ собравшы, до року державцы своему мають дати, а онъ тую дань маеть до скарбу нашого

отсылати. И на то дали есьмо тымъ людемъ нашимъ сесь нашъ листъ и зъ нашою печатью. Писанъ у Вильни подъ лѣты Божьего Нароженья 1529 мѣсеца марта 17, индыкъ 3.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531, 532.)

№ 47.

Привилей, даный пану Семену Полозовичу, державцы Рѣчицкому, и устава пожитковъ съ тое державы, ему назначоныхъ до его жывота.

Жыкгимонтъ, Божью милостью король Полскій и великій князь Литовскій. Чынимъ знаменито симъ нашимъ листомъ. Билъ намъ чоломъ державца Рѣчыцкій панъ Семенъ Полозовичъ и просилъ въ насъ, абыхмо вбачыли на его вѣрныи послуги, которыи онъ въ той волости нашой Рѣчыцкой своими немалыми наклады чынилъ, и великою пильностью и нелитованьемъ горла своего на пустомъ мѣстѣ на насъ господаря замокъ збудовалъ, и оборонами всякими за свои властныи пенязи тотъ замокъ нашъ вспомогъ, и которыи люди, подданыи наши тамошніи, для великого нагобанья отъ непрыятелей нашихъ Москвичъ и Тотаръ и Турковъ розышлись были розно прочъ, онъ тыхъ подданыхъ нашыхъ собралъ и мѣсто подъ тымъ замкомъ и волость нашу осадилъ,—и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему уставу нашу встановили, што бы онъ мѣлъ съ тое волости нашое на пожытокъ и на пожывенье собѣ мѣти. Ино мы уставуемъ тымъ-то листомъ нашымъ одно на его одного парсуну, а не на иншыхъ державецъ нашыхъ Рѣчыцкихъ, которыи по немъ будуть: Напервѣй, што съ дотычеть сторожы полное ото всякихъ непріятелей нашихъ, яко отъ Москвычъ, такъ и отъ Татаръ и отъ Турковъ, маютъ вси подданыи нашы тамошніи Рѣчыцкіи и зъ мѣста и зъ волости и тежъ князьскіи и паньскіи и боярскіи люди тую сторожу полную тымъ обычаемъ заступовати: они вси Рѣчычане маютъ выправляти на тую сторожу полную два чоловѣки добрыхъ а годныхъ на добрыхъ конѣхъ подъ осмотрѣньемъ державцы нашого, а державца нашъ Рѣчыцкій панъ Семенъ маеть на тую сторожу полную посполъ зъ ними своими пенязми третего человѣка выправляти; также и пенязи, коли будуть на тую сторожу зметывати, они маютъ давати по два грошы, а державца трети грошъ. А што съ дотычеть мыта Рѣчыцкого сухимъ путемъ и водою и подужчыны, тое мыто и подужчыну маеть онъ на замокъ нашъ брати по тому, какъ у первомъ прывильи нашомъ ему выписано: а хто купить коня або вола, або корову, або овцу и козу, маютъ мыто давати

отъ коня по чотыры грошы а отъ вола по два грошы, а отъ коровы по грошу, а отъ овцы и отъ козы по полугрошъю. А корчмы въ томъ нашомъ мѣстѣ Рѣчицы медовыи и пивныи, и винныи державца нашъ маеть на замокъ нашъ держати водлѣ привилья первого нашого. А што сь дотычеть езовъ на Днѣпрѣ, тыи подданыи наши мають одинъ езъ на замокъ нашъ забивати и съ пошлинами подлѣ стародавного обычая; и тежъ, которыи езы свои мають на Днѣпрѣ и на иншыхъ рѣкахъ и рѣчкахъ, они вси какъ мѣщане, такъ и волощане, мають кождый съ нихъ на замокъ нашъ державцы нашому давати десятого осетра, а со всякихъ рыбъ десятую рыбу; также и со всихъ озеръ мѣста и волости Рѣчыцкое мають они давати на замокъ нашъ державцы нашому десятую рыбу завжды; а рыболовомъ городовымъ въ Днѣпрѣ вольно завжды на державцу рыбы ловити. А што сь дотычеть дани нашое грошовое и медовое и тивунщыны, то они мають давати на замокъ нашъ державцы нашому подлѣ стародавного обычая; а што сь дотычеть бобровъ и куницъ, мають они за кождого бобра ему давати по копѣ грошей, а за куницу каждую по десяти грошей. А которое дубасное передъ тымъ давали десять копъ грошей а двѣ копѣ о святомъ Ильи, то они и теперь мають тую дванадцать копъ грошей на замокъ нашъ державцы нашому въ каждый годъ давати по стародавному. И тежъ уставляемъ, ижъ мають мѣщане и вси люди наши Рѣчыцкіи давати въ каждый годъ на того державцу нашого о святомъ Мартинѣ, то есть, о Филиповыхъ рускихъ запустѣхъ, по десяти яловичъ а по десяти вепровъ, а съ кождое сохи какъ зъ мѣста, такъ зъ волости, по солянцѣ жыта а по солянцѣ овса Виленьское мѣры, а по два возы сѣна и зъ стародавными пошлинами. И тежъ мають давати на замокъ нашъ по шести сторожовъ, а тыи сторожы мають замку нашого у воротъ стеречы и кликати, и всякіи иныи послуги на томъ замку служыти водлѣ росказанья державцы нашого. И тежъ уставуемъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Рѣчыцы торгъ мѣти въ недѣлю, на которомъ торгу люди нашы и князьскіи и паньскіи, и земяньскіи, которыи суть въ повѣтѣ Рычыцкомъ, мають купити и продавати мають, што имъ потреба будеть, а индѣй по селомъ повѣту Рѣчыцкого, кромъ мѣста нашого, жадныхъ торговъ не мають сами собѣ чинити; и тежъ кождый чоловѣкъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Рѣчыцы маеть збожье всякое продавати и купити въ бочку мѣры Мозырское и Бобруйское и иншыхъ замковъ нашыхъ тамошнихъ, а помѣрного мають давати по два пенязи; а вага тежъ маеть быти въ томъ мѣстѣ нашомъ, въ которую медъ и воскъ важыти, а важого ему отъ камени меду и воску по два пенязи. А который бы чоловѣкъ былъ осажонъ въ казнь нашу

замковую, маеть давано быти державцы повежного по чотыры грошы. А дрова на замокъ нашъ мають мѣщане и волощане возити по старому. А будованья замковыи и хоромы въ замку и передъ замкомъ коли потреба вкажеть, мають они то вси все будовати безъ вымовы зъ росказаньемъ державцовымъ. Также и огороды овощовыи мають они городити и похати такъ, яко слушыть на овощовыи речы. Къ тому мають они тежъ млынъ на рѣцѣ на Ведричы на замокъ збудовати зъ росказаньемъ державцы нашого. А коли бы который съ подданыхъ нашихъ провинился въ чомъ, державца, осудившы его, маеть зъ милосердьемъ, безъ великого обтеженья его, виною корати водлѣ выступу его. И тежъ вольно державцы нашому въ пущахъ людей нашихъ звѣрь бити и стрѣльцовъ всылати; а коли бы который мѣщанинъ або подданый нашъ звѣра какого кольве, кромъ заяца, маеть каждый таковый давати отъ каждаго звѣря на державцу по плечу. А который рѣзникъ колко убьеть быдла на продажу, отъ каждого маеть давати на державцу по грошовнику мяса. И тая устава наша верхуписаная вся маеть держана быти пану Семену до его жывота, а по жывотѣ его, естли будеть тая устава наша видѣти тяжка людемъ нашымъ, мы маемъ державцы иншую уставу нашу установити водлѣ воли нашое. И не маемъ его съ того замку нашого и тое уставы рушати и никому иному подъ нимъ давати въ держанье и въ заставы не маемъ ажъ до жывота его, водлѣ первого прывилья нашого, какъ же и печать нашу казали есьмо привѣсити къ сему нашому листу. Писанъ у Вильни подъ лѣты Божьего Нароженья тисяча пятьсотъ двадцать девятого мѣсеца мая 30 день, индыкта 2. При томъ были: князь Янъ, бискупъ Виленскій; а воевода Виленскій, канцлеръ великого князьства, староста Бѣльскій и Мозырскій, панъ Олбрахтъ Мартиновичъ Кгаштолтъ; панъ Виленскій, маршалокъ дворный, староста Городеньскій, панъ Юрьи Миколаевичъ; маршалокъ земскій, воевода Новгородскій, панъ Янъ Яновичъ Заберезенскій и иныи вси панове рада. Горностай писаръ.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67).

№ 48.

До великого князя Московского у посельствѣ пана Матея Охмистровича а пана Василья Богдановича Чыжа, а Ондрея Мацкевича тотъ листъ ихъ, писаный о подводы и о стацеи, справы пана Ивашка Горностаевы.

Жикгимонтъ, Божью милостью король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ. Дер-

жавцомъ дворовъ нашихъ: Мѣдницкому, Ошменьскому, Кревскому, Красноселскому, Мѣньскому, Борысовскому, Рошскому. Послали есьмо отъ насъ въ посельствѣ до великого князя Московского маршалка нашого, державцу Волковыйского, пана Матея Войтеховича, а конюшого нашого дворного, державцу Аенского, пана Василья Богдановича Чыжа, а дьяка нашого Андрея Мацкевича. И вы бы пану Матею и слугомъ его давали на кождомъ стану яловицу а десятеро куря; въ постныи дни рыбъ и хлѣба и иныхъ стравныхъ речей съ потребу; а вшатокъ меду, а бочку пива въ тры вшатки; а на кони его сѣна съ потребу жъ и овса пять бочекъ, а къ тому пасотву на кони; тежъ давали бы есте ему жъ дванадцать подводъ зъ возы и съ проводники вездѣ по дорозѣ, почонъ отъ насъ того дорогою по тымъ дворомъ вышеписанымъ и до границы Московской и отголь за ся до насъ тою жъ дорогою. Писанъ у Вилни подъ лѣты Божьего нароженья 1529 мѣсеца іюня 5 день, индыкъ 2.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 495).

№ 49.

Листъ, писаный до воеводы Виленского пана Олбрахта Мартиновича Кгаштолта, абы посполу съ паномъ Виленскимъ, маршалкомъ дворнымъ, на которого то урадъ належыть, брали личбу зъ дворовъ Виленьскихъ и Троцкихъ.

Жикгимонтъ, Божью милостью. Воеводѣ Виленьскому, канцлеру нашому, старостѣ Бѣлскому и Мозырскому, пану Олбрахту Мартиновичу Кгаштолту. Што есьмо, будучы въ панствѣ нашомъ великомъ князьствѣ, зъ вашою милостью паны радами нашими установили уставу по всимъ дворомъ нашимъ Виленьского и Троцкого повѣта, гдѣ жъ есьмо и писари уставили, которыи мають по тымъ дворомъ, одинъ по Виленьскому, а другій по Троцкому повѣту, ѣзьдити и вси речы, которыи мають быти къ пожытку нашому, пописывати и вставляти, нижли на кождомъ росказали есьмо твоей милости съ повѣту Виленьского, а съ повѣту Троцкого — воеводѣ Троцкому, съ подскарбимъ земскимъ съ тыхъ державецъ и съ писарей личбу брати на рокъ положоный, о светомъ Мартинѣ у Вилни. Ино тыхъ часовъ прысылалъ къ намъ панъ Виленьскій, староста Городеньскій, маршалокъ нашъ дворный, державца Лидскій и Бѣлицкій, панъ Юрьи Миколаевичъ Радивиловича, повѣдаючы, ижъ то естъ речь вряду его милости, маршалства дворного, личбу державецъ дворовъ нашихъ брати, бо де обычай здавна

бывалъ таковый, ижъ тыи справы дворныи прыслушають къ уряду его милости, а естли бы его милость того не справовалъ, было бы то съ ущипкомъ вряду его милости; и жедалъ насъ, абыхмо дозволили его милости на той личбѣ зъ вашою милостью посполу быти. Ино, кгды жъ тотъ обычай здавна былъ, намъ ся не годить никому врядовъ внимати, але повышати и старый обычай исполняти, — дозволили есьмо пану Виленьскому на кождомъ року, какъ будете ваша милость зъ державецъ и съ писарей личбу брати, зъ вашою милостью быти. Прото, какъ тотъ рокъ прыйдеть, на который державцы дворовъ нашихъ мають передъ вашою милостью личбу вчынити, и твоя бы милость пана Виленьского обослалъ и пасполъ зъ его милостью и подскарбимъ земскимъ на мѣстцы у Вилни личбу съ тыхъ державецъ повѣту своего Виленьского брали и въ томъ ся съ паномъ Виленьскимъ справовали и радили водлугъ ухвалы нашое, на тыи дворы ставеныи. Писанъ у Краковѣ.

(Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530).

№ 50.

Посельство до всихъ пановъ тивуновъ Жомоитскихъ и до бояръ всее шляхты земли Жомоитское, послано естъ съ паномъ Иваномъ Богушевичомъ а тивуномъ Ойракгольскимъ паномъ Шымкомъ Митковичомъ.

Господаръ нашъ король и великій князь его милость Жыкгимонтъ казалъ вамъ мовити: Што есте тыхъ часовъ прысылали до его милости тивуновъ земли Жомоитское, братью свою, Шовдовского—пана Якуба Юшковича, а Кгондиньского — пана Лаврына Шукевича, и черезъ нихъ до господара его милости усказывали, чоломъ бьючы, абы его милость пры правѣхъ и вольностехъ вашыхъ, которыи зъ ласки и зъ наданья предковъ его милости предки вашы и отъ его кролевское милости вы маете, васъ заховати рачылъ и далъ вамъ въ той земли Жомоитской за старосту воеводу Полоцкого пана Петра Станиславовича.

Его кролевская милость казалъ вамъ говорыти: Што ся дотычеть оныхъ правъ захованья волностей вашыхъ, которыи предки его милости господарскіи предкамъ вашымъ за послугами ихъ, и его милость господаръ вамъ, были надати рачыли, ачколье вы сами ихъ отпустили и зрушыли, а то тымъ обычаемъ, ижъ по жывотѣ слугы а рады его милости пана Троцкого, старосты Жомоитского, пана Станислава Станиславовича Яновича, не маючы на то въ себе жадного

росказанья и науки его милости господарское, за куберватора тамъ собѣ въ той земли выбрали Станислава Орвидовича, который же, кгубернаторемъ себе вчынывши, тыи вси волости, которыи къ староству Жомоитскому прыслухають кромѣ воли и росказанья его милости въ моцъ свою взялъ и ими справовалъ, ажъ поки то у вѣдомость его милости господарскую прышло,—а вштакже его королевская милость рачылъ то передъ себе взяти, а кгды, дасть Богъ, здорове а щастливе до паньства его милости великого князьства Литовского будеть, хочеть его милость зъ вами о то мовити, жебы ся черезъ то таковыи речы незвычайныи не плодили.

Далѣй тежъ, што есте просили господаря его милости, абы его милость вамъ земли Жомоитское за старосту дати рачылъ пана воеводу Полоцкого, его милость господаръ, маючы бачность на пана Петра Станиславовича и памятаючы тежъ на вѣрныи заслуги предковъ его милости пана воеводы Полоцкого, которые они къ предкомъ его милости заховывали, рачылъ его милость тымъ старостьвомъ его пожаловати и вжо его милость пана Петра Станиславовича, воеводу Полоцкого, на тую землю Жомоитскую вамъ за старосту даеть, и вы бы о томъ вѣдали и его во всемъ были послушни такъ, якъ на старосту а раду его милости господарскую прислушыть.

За тымъ тежъ господаръ его милость казалъ вамъ мовити, ижъ хочеть его милость то по васъ мѣти и грозно вамъ росказуеть, ажбы ся есте отъ того часу таковыхъ речей незвычайныхъ не допущали и росказанье его милости господарское у великой важности собѣ мѣли и во всемъ волю его милости полнити и такъ ся къ его милости господарю заховывали, яко на вѣрныхъ подданыхъ его милости прыслуша.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 197, 198).

№ 51.

Листъ, писаный до воеводы Виленского пана Олбрахта Кгаштолта, въ розныхъ крывдахъ подданыхъ волости Бобруйское.

Жыкгимонтъ и далѣй. Воеводѣ Виленьскому, канцлерю нашому, старостѣ Бѣлскому и Мозырскому, пану Олбрахту Мартиновичу Кгаштолту. Прыходили къ намъ старцы и люди волости Бобруйское жалуючы и велико отежаючы о тяжкости тыи, которыи имъ ся дѣють отъ писарей и отъ иныхъ въѣждчыхъ нашыхъ, которыи есьмо посылали на волости нашы даней нашыхъ выправовати, ижъ они за стацеи и за вымыслы свои и къ тому уѣзду немалую суму пенязей на себе

и на слугъ своихъ бирали не подлѣ давного обычая, для чого жъ и дань наша отъ нихъ уменьшала; и били намъ чоломъ, абыхмо отъ таковое тяжкости ихъ вызволили и писарей быхмо и иныхъ никого къ нимъ по дань нашу не всылали, а поднимаючыся намъ сами сполна дань нашу выдавати. А такъ мы, хотячы то мѣти, ижъ быхмо въ дани нашой не шкодовали, на томъ зоставили, ижъ писары нашы не маютъ до нихъ уѣждчати даней брати, нижли они съ старцы сами посполъ зъ вижомъ врадника твоей милости, подъ свѣдомомъ его, маютъ сполна вси дани нашы якъ грошы, такъ и медъ и бобры и куницы, выбрати и меду посполъ съ тымъ вижомъ отвозити до ключа нашого на рокъ на Божье Нароженье, а пенязи на запусты великiи до скарбу нашого; а за працу вижу тому, которого къ нимъ прыставить врадникъ твоее милости, маютъ дати зъ данника по грошу. Къ тому довѣдали есьмо о томъ, ижъ люди по волостямъ нашымъ таковыи хитрыи обычаи взяли, ижъ, коли часъ прыходить дани нашы выдавати, тогды они, опустившы отчызны свои, а черезъ годъ вжывавшы, и на тотъ часъ отходять по иншымъ волостемъ нашымъ, князьскимъ и паньскимъ, а какъ тотъ часъ оминеть, они зася къ своимъ домомъ прыходять, а иншыи таки, тамъ по иншымъ волостемъ мешкаючы, а отчызны держуть и земли пашуть и борти лазять, а даней нашыхъ нигдѣ не дають, а въ томъ намъ шкода а тяжкости подданымъ нашымъ дѣють, ижъ они за тыхъ сами дань нашу платять. А такъ мы то уставуемъ, ижъ ваша милость, державцы нашы, кождый въ держаньи своемъ маете то съ пильностью стеречы, ижъ жадного чоловѣка зъ иншыхъ волостей нашыхъ не маете прыймовати; который чоловѣкъ съ твоей милости держанья, зъ волости нашое Бобруйское, до иншое волости нашое отойдеть, а съ чыего села, тогды сусѣди его маютъ то объявити враднику твоей милости и довѣдатися, куда пойдеть, а врадникъ твоей милости маеть его оттоль вывести и на отчызнѣ его посадити; а естли бы сусѣдове его враднику твоей милости не объявили, тогды сами повинни будуть данину нашу за то заплатити; естли бы они его враднику твоей милости объявили, а онъ не вывелъ, тогды онъ повиненъ будеть за того чоловѣка дань нашу самъ платити; естли жъ бы таковыхъ людей зъ иншыхъ волостей нашыхъ або князьскихъ и паньскихъ за обсыланьемъ врадника твоей милости не выдано, тогды тыи державцы нашы и князи и панове, або намѣстники ихъ, которыи не выдають, повинни будуть за то намъ платити закладу сто копъ грошей. Къ тому, которыи земли пустовскiи лежатъ впустѣ, а ихъ нихто не держыть, на таковыхъ повинни будете ваша милость, отчычовъ отыскавшы, и посадити; а которыи земли пустовскiи якъ пашныи,

такъ и бортныи, будеть хто держати, тогды повинни будуть сполна съ тыхъ пустовщинъ дань нашу платити; естли жъ бы хто зъ нихъ держалъ которое пустовщыны борти, а не пахалъ пашни, тогды повиненъ будеть только дань медовую платити; естли бы хто не держалъ бортей, а держалъ землю пашную, тогды будеть повиненъ дань грошовую платити и иншыи доходы, што за грошовою данью идеть; а бортное дерево, што лежыть въ пустѣ, тогды твоя милость маешь казати на насъ подлажывати, обравшы въ селѣ по человѣку. Зася о тыи пустовщыны маешь ся твоя милость довѣдати въ кождомъ селѣ отъ старшыхъ мужей, хто ихъ държыть, а они мають ихъ твоей милости повѣдати подъ прысягою, а не втаити; а естли бы который зъ нихъ утаить, а опосли бы то на него переведено, тогды на таковомъ маеть на насъ быти вины дванадцать рублевъ грошей. Къ тому повѣдили передъ нами вси люди нашц волости Бобруйское, ижъ они тыхъ пустовщынъ объѣжчають, а межы себе не разбирають для того, ижъ врадники дей твоей милости отъ тыхъ пустовщынъ на нихъ берутъ доходы свои, которыи идуть на нихъ какъ отъ жывого, такъ и отъ пустого; а такъ, естли быхмо отъ тыхъ пустовщынъ не казали врадникомъ твоей милости доходовъ на себе брати, поднимаючы ся намъ вси пустовщыны межы себе разобрати и дань нашу сполна выдавати. А такъ мы узнали то, ижъ то будеть съ пожыткомъ нашымъ, на томъ есьмо зоставили, ижъ врадники твоей милости жадныхъ доходовъ отъ тыхъ пустовщынъ не мають на нихъ брати, а они мають ихъ всихъ межы себе розобрати и сполна намъ зъ нихъ дани нашы давати. Такъ подлѣ тое уставы нашое о тыи дани наши маешь ся твоя милость заховати и съ пильностью того смотрѣти и довѣдывати, якъ быхмо въ томъ не шкодовали. И къ тому вси люди Бобруйскіи жаловали намъ, ижъ старцы частыи меты мечуть на волость, и тыи пенязи беручы, на свои потребы оборочають. А такъ мы на томъ зоставили, ижъ старцы тыхъ розметовъ сами вжо не мають на волости метати, нижли, коли на ихъ потребу волостную пенязей потреба вкажеть, тогды они мають, зволившыся вся волость и весполокъ съ старцы, объявити то врадннку твоей милости, а врадникъ маеть имъ прыдати вижа, передъ которымъ они вижомъ мають на всю волость розметъ кинути такъ, якъ бы сума не перевышала, едно толко, колько бы имъ на тую потребу пенязей вказывало, и тыи пенязи вжо старецъ маеть зъ нихъ выбирати и на тыи потребы ихъ давати. Писанъ у Вильни подъ лѣты Божьего Нароженья 1533 мѣсеца октября 12 день, индыктъ 7.

(Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

Указатель историко-географическій.

А.

Б.

В.

Д.

Е.

И, I.

К.

Л.

Н.

С.

Указатель предметный.

Е.

Ж.

З.

И.

Р.

С.

Объясненіе къ политической картѣ Литовско-Русскаго государства конца XV и начала XVI вѣка.

На прилагаемой картѣ нанесены почти всѣ центры великокняжескихъ волостей и крупныхъ княжескихъ, панскихъ и церковныхъ имѣній, относительно которыхъ данныя сгруппированы во второмъ и отчасти въ первомъ очеркахъ. Насколько позволялъ масштабъ карты, составитель помѣстилъ въ ней и села, перечисленныя во второмъ очеркѣ. Села эти перечислялись въ очеркѣ и заносились на карту тамъ, гдѣ такимъ путемъ приходилось опредѣлять протяженіе и приблизительную границу той или другой области. Кромѣ того, на южной и юго-восточной украйнѣ для приблизительнаго опредѣленія границъ осѣдлости составитель заносилъ вообще всѣ историко-географическія данныя и въ особенности указанія общаго характера, какія ему пришлось найти въ источникахъ изучавшагося имъ времени. На какую-либо полноту этихъ данныхъ, составитель, какъ и всякій другой на его мѣстѣ, не можетъ, конечно, претендовать. Можно только на одномъ настаивать, что впечатлѣніе, которое производитъ его карта относительно населенности южной украйны въ общемъ вѣрное. Точно также и относительно распредѣленія населенія внутри государства прилагаемая карта, по мнѣнію ея составителя, даетъ вѣрное наглядное представленіе. По этой картѣ наиболѣе плотно населенною является собственная Литовская земля (въ тогдашнемъ обозначеніи) съ прилегающею къ ней частью такъ называемой Руси Литовской, затѣмъ земля Жмудская и Подляшье, Волынь, земля Смоленская въ широкомъ смыслѣ, затѣмъ земли Витебская и Полоцкая. Наименѣе населенными являются Подолье (на картѣ занесены почти *всѣ села* Браславскаго и Винницкаго повѣтовъ), земля Кіевская, восточная часть которой за Днѣпромъ и южнѣе Сулы представляется совершенною пустынею, княжества Черпигово-Стародубское (на картѣ занесены почти всѣ села Черниговскаго повѣта), Новгородъ-Сѣверское и Брянскій округъ. Слабо населенъ и лѣсной край такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ волостей. Это впечатлѣніе, которое оставляетъ карта, согласуется и съ различ-

ными общими указаніями источниковъ. Вотъ, напр., одно изъ такихъ указаній. Отъ 1528 года сохранился перечень количества ратныхъ людей, которыхъ должны были выставлять военнослужилые землевладѣльцы, согласно сеймовому постановленью 1 мая того же года. По этому постановленью ратникъ въ полномъ вооруженіи долженъ былъ выставляться съ каждыхъ восьми крестьянскихъ службъ, или „потуговъ" (обыкновенно, крестьянскихъ родовъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ семей); слѣдовательно, перечень количества ратниковъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ приблизительное представленіе о количествѣ частновладѣльческихъ крестьянъ въ разныхъ областяхъ. По этому перечню бояре и татары собственной Литовской земли и прилегающей къ ней части Руси Литовской (бывшее Минское княжество) выставляютъ въ поле 6372 ратника. На долю же этой части государства приходится большая часть изъ тѣхъ 6858 коней, которые выставляли съ своихъ имѣній паны-рада, ихъ жены, сыновья и дочери, бывшіе съ ними въ отдѣлѣ, великокняжескіе дворяне и разные служащіе при великомъ князѣ, въ центрѣ государства. Жмудская земля выставляетъ болѣе 1821 коня, Подляшье въ составѣ трехъ повѣтовъ, Мельницкаго, Бѣльскаго и Дорогицкаго,—1439 коней, Волынь (безъ имѣній князя Острожскаго и нѣкоторыхъ другихъ)—821 коня, Полоцкая земля—712 коней, Витебская—91 конь. На долю Витебской земли, впрочемъ, и отчасти Полоцкой приходится и часть изъ тѣхъ 1044 коней (какая, съ точностью опредѣлить трудно безъ спеціальныхъ изысканій), которыхъ выставляли князь Слуцкій (433 коня) и другіе князья, имѣвшіе свои имѣнья на Руси литовской вокругъ Минска, группа князей Друцкихъ и Лукомскихъ. Общее число ратниковъ Витебской земли съ присоединеніемъ ополченія князей Друцкихъ врядъ ли будетъ меньше числа ратниковъ Мстиславскаго княжества (130) или владѣній на Подляшьѣ (Кобринъ) и Полѣсьѣ (Пинскъ, Клецкъ и Городокъ) королевы Боны (287 человѣкъ [1]). Эти цыфры даютъ, конечно, только нѣкоторое общее представленіе относительно населенности областей частновладѣльческими крестьянами и ничего не говорятъ о великокняжескихъ крестьянахъ. Впечатлѣніе, производимое ими, можетъ значительно измѣниться, если примемъ въ разсчетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Поднѣпрскихъ волостяхъ, слабо было развито военнослужилое землевладѣніе. Но во всякомъ случаѣ, сопоставленныя съ другими указаніями, данными въ текстѣ второго и отчасти третьяго очерка и на картѣ, эти цыфры приводятъ къ тому выводу относительно густоты

---

[1]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I.

населенія въ разныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, который высказанъ выше. Вмѣстѣ съ этимъ наглядно и осязательно выступають самыя основы нѣкоторыхъ явленій политической и общественной жизни Литовско-Русскаго государства. Становится понятнымъ послѣ того и преобладаніе собственной Литовской земли, дававшей тонъ и направленіе политической жизни великаго княжества, объясняется и та выдающаяся роль, которую играло при этомъ литовское панство, объясняется развитіе великокняжескаго дворцоваго хозяйства преимущественно въ собственной Литовской землѣ, — развитіе, отразившееся весьма важными перемѣнами на судьбѣ землевладѣльческаго класса и т. д. Относительно распредѣленія населенія необходимо отмѣтить еще одну черту, которая должна броситься въ глаза при разсматриваніи прилагаемой карты, а именно: населеніе группируется оазисами, которые отдѣлены другъ отъ друга ненаселенными или слабо населенными пространствами. Это—пущи, болотистыя лѣсныя заросли. Такими пущами собственная Литовская земля отдѣлена отъ Пруссіи, Подляшья, Турово-Пинскихъ княжествъ; пуща тянется на сѣверѣ Жмудской земли, отдѣляя ее отъ владѣній Ливонскаго Ордена, лѣсное пространство отдѣляетъ землю Волынскую отъ Берестейско-Подляшской области и Турово-Пинскихъ княжествъ; лѣса заполняютъ область промысловаго крестьянства Поднѣпрскихъ волостей и тянутся полосою по бассейну Березины вверхъ, а затѣмъ по бассейну Дисны, изолируя земли Полоцкую и Витебскую отъ Виленскаго повѣта, по окраинѣ котораго они проходятъ; промысловая область такъ называемыхъ Задвинскихъ волостей отдѣлена лѣсною полосою отъ Смоленской земли и Витебской. Эти пущи или заросли, пролегавшія между населенными частями государства, обособляя ихъ, несомнѣнно благопріятствовали сохраненію ихъ общественно-бытовой и политической индивидуальности. Этимъ между прочимъ объясняется и то особое положеніе, которое занимали Поднѣпрскія и Задвинскія волости въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ отношеніи управленья.

Границы областей проведены приблизительно, какъ онѣ выступили по занесеніи на карту городовъ, мѣстъ и селъ. Кромѣ того, составитель принималъ во вниманіе и главнѣйшія данныя относительно границъ, которыя содержатся въ описаніяхъ ихъ. Границы Жмудской земли отъ Пруссіи описаны въ договорахъ Витовта, Свидригелла и Владислава-Ягелла съ Орденомъ въ 1398, 1420, 1422, г.г., и въ этомъ видѣ онѣ существовали въ теченіи всего изучаемаго время и даже долѣе [1]); границы Виленскаго и Троцкаго воеводствъ и Жмудской

[1]) Codex epistolaris vitoldi, № CLXXIX, CCXIII, CCCCXCVIII, MV; Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae.

земли отъ Ливоніи, какъ онѣ существовали со времени Казимира, обозначены въ актѣ „пописа" ихъ, произведеннаго въ 1529 году [3]); границы между Полоцкимъ повѣтомъ и Виленскимъ описаны московскими служилыми людьми во время временнаго завоеванія Полоцка Иваномъ Грознымъ; они же описали и границы между Витебскимъ и Полоцкимъ повѣтомъ [4]); границы Смоленской земли отъ Витебскаго и Виленскаго воеводствъ („рубежъ Смоленску и волостемъ Смоленскимъ съ Дубровною, и съ Романовымъ, и зъ Горами, и со Мстиславлемъ") описаны въ договорѣ (1523 г.) великаго князя московскаго Василья Ивановича съ королемъ Сигизмундомъ [5]); наконецъ, отъ 1546 имѣемъ полное описаніе границъ великаго княжества Литовскаго отъ Польши [6]). Составитель принималъ во вниманіе и то „списанье повѣтовъ и границъ", которое было произведено одновременно съ учрежденіемъ сеймиковъ и земскихъ судовъ по польскому образцу, такъ какъ производившееся тогда новое разграниченіе областей далеко не во всемъ было новымъ [7]).

---

[3]) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ III, л. 196—199.

[4]) Писцовыя книги, изд. Импер. Русск. Географич. Общества, ч. II, стр. 419—430.

[5]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 637—641; Акты Зап. Рос. II, № 120.

[6]) Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 31.

[7]) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ VII, л. 117—125.

Исправленіе важнѣйшихъ опечатокъ и разныхъ погрѣшностей текста:

Стран.	Стрк.		Напечатано:	Должно читать:
3	3	прим.:	lipińskiego	Lipińskiego
4	8, 9	сверху:	въ источниникахъ	въ источникахъ
5	1, 2	„	княженство	княжество
—	2, 3	„	актахъ документахъ	актахъ и документахъ
—	9, 10	„	*Смоенску*	*Смоленску*
—	11	„	но давному	по давному
—	12, 13	„	въ подтвердитель,номъ	въ подтвердительномъ
6	3, 4	„	Кнетовской—волости	Кнетовской волости
—	19	прим.:	Działysńkiego	Działyńskiego
14	8	снизу:	въ 1492 г.	въ 1499 г.
21	73	прим:	Searbiec	Scarbiec
23	6	снизу:	князей-отчитей	князей-отчичей
24	3	„	съ Здитовымъ	съ Здитовомъ
32	5	„	горнизонъ	гарнизонъ
41	3	„	Нѣмира	Немира
43	4, 5	сверху:	старосты и второстепенныхъ—тивуновъ	старосты
49	16	снизу:	желаніемъ	нежеланіемъ
50	14	сверху:	обѣшаніе	обѣщаніе
53	3	„	хотетъ	Хотетъ
55	9	„	квязь Андрей	князь Андрей
65	5	прим.:	Volamina	Volumina
69	11	сверху:	малозначущимъ	малозначащимъ
70	16	снизу:	Жмудскую землю	Жмудскую землю, и староста Луцкій, старшій урядникъ въ землѣ Волынской.
77	67	прим.:	litewkich	litewskich.
85	2	сверху:	протекающей	протекавшей
—	12	„	небощыхъ	небощыкъ
90	13	„	папа	пана
104	8	снизу:	*намѣстпикъ*	*намѣстникъ*
110	15	„	вслѣствіе	вслѣдствіе
113	13	„	Юряя	Юрья
114	13	„	съ Минскомъ	съ Минскимъ
121	5	сверху:	*Вилнево*	*Вишнево*
—	6	снизу:	Свенцянскаго	Ошмянскаго
135	13	„	тягло	тянуло
136	1	сверху:	*нашѣстникамъ*	*намѣстникамъ*
141	12	„	Старавиницкая	Стравиницкая
142	10	снизу:	отправлятся	отправляться
147	4	сверху:	запнси	записи
148	14	снизу:	инвертарные	инвентарные
159	4	сверху:	Въ 1616	Въ 1516.
166	6	„	Гродненскаго.	Брестскаго
171	14	„	велико-княжества	великаго княжества
—	11	снизу:	Кейстутъ-Войдату.	Кейстутъ—Войдату.
—	629	прим.:	Obzaz Litwy	Obraz Litwy

177	7 снизу:	Очищенья	Очищенье
—	6 „	предвидилось	предвидѣлось
193	13 сверху:	*о Опумьи*	*у Опомьи*
197	8 „	Пинскому	боярину Пинскому
207	8 „	Александрѣ Ивановнѣ	Александрѣ Ивановичѣ
212	17 снизу:	Кременцкій	Кременецкій
213	12 сверху:	весь нынѣшній Луцкій уѣздъ	почти весь нынѣшній Луцкій уѣздъ
—	15, 16 „	весь Дубенскій Ровенскій Острожскій и Заславскій уѣзды	почти весь Дубенскій, Ровенскій, почти весь Острогскій и сѣверную половину Заславскаго уѣзда
217	2 „	*Бѣлевымъ*	*Бѣлевомъ*
222	1, 2 „	Корецкъ	Корецъ
223	10 „	*Обаровымъ*	*Обаровомъ*
225	9 снизу:	въ держанье	въ держаньѣ
—	7 „	въ держаньѣ	въ держанье
226	4 „	*Свринивавье*	*Сернинавье*
228	12 сверху:	князю Котерскому	Кошерскому
229	9 „	Провскуровскаго	Проскуровскаго
—	8 снизу:	Чепелева, Лука	Чепелева Лука
230	15 сверху:	племянникомъ	племянникамъ
237	3 снизу:	*державиею*	*державцею*
243	1 „	на р. Острѣ.	на р. Деснѣ.
252	15 „	потомъ	панамъ
259	4 сверху:	*Черюе*	*Черею*
272	16 „	въ Остеръ	въ Ипуть
281	12 снизу:	Локнѣ	Ловчѣ
288	3 „	*Перекопъ*	*Перекопъ*
295	21:	почти весь	небольшую югозападную часть Черниговскаго уѣзда, почти весь
296	19 снизу:	часть Витебскаго уѣзда	часть Витебскаго уѣзда, западную часть Городокскаго уѣзда отъ (р. Оболи),
299	1 „	мѣстѣ	листѣ
310	7 сверху:	воннослужилаго	военнослужилаго
—	33 прим.:	Литописца	Лѣтописца
311	14 сверху:	*rericta*	*relicta*
315	52 прим.:	Предиловіе	Предисловіе
323	1 снизу:	житницы	житщины
326	1 сверху:	лейти	лейти
328	10 снизу:	на на простой	на простой
—	5 „	*леити*	*лейти*
329	1 „	зъ лейти	зъ лейти
348	2 и 3 сверху:	лейтевъ	лейтевъ
359	5 снизу:	крестьяскія	крестьянскія
366	17 сверху:	освобожден ыотъ	освобождены отъ
367	8 „	опезопасить	обезопасить
381	12 снизу:	Ильиничичу	Ильиничу
382	1 „	барщининыя	барщинныя
401	4 сверху:	отчипы	отчины.
407	13 снизу:	земяника	земянина

413	7	„	и было	и было
414	8	сверху:	можешь	можемъ
420	9	снизу:	помощниковъ	непосредственныхъ помощниковъ
427	15	сверху:	сотники	сотникъ
—	11	снизу:	Жорославскою	Жорославкою
432	12	сверху:	и повины	и новины
435	12, 11	снизу:	нроисхожденья	происхожденья
—	6	„	дрогіе	другіе
—	4	„	1523	1529
436	6	„	выгонялн	выгоняли
439	13 и 12	„	разнобразныхъ	разнообразныхъ
440	10	„	кньзь	князь
456	4	„	имело	имѣло
467	16, 15	„	замѣшины	замѣшаны
470	16	сверху:	съ нѣкоторыми	нѣкоторыми
498	3, 4	„	поднимами	поднимали
505	6	снизу:	вярять	варять
506	3	сверху:	мѣщапе	мѣщане
538	8	снизу:	уже совершенно	почти уже совершенно
542	4	сверху:	Махаила	Михаила
555	4, 5	„	конспекту	контексту
563	15, 16	„	Семашковичсй	Семашковичей
571	2	снизу:	нечѣмъ	не чѣмъ
585	17, 18	сверху:	не считалось	не считались
—	1145	прим.:	kazimierza	Kazimierza
632	12	сверху:	поданными	подданными
655	12	снизу:	Блягодаря	Благодаря
660	12	сверху:	неудавалось	не удавалось
—	18	„	оть себя	отъ себя
671	11, 10	снизу:	встрѣчаемъ	не встрѣчаемъ
675	1	сверху:	о пожаловани	о пожалованіи
677	3	„	порученік	порученія
680	3, 2	снизу:	кормили	кормами
694	13	„	Кизимиръ	Казимиръ
703	3	сверху:	Кабрина	Кобрина
705	12	„	приведевы	приведены
709	3	снизу:	мезлево	мезлеву
42	18	сверху:	выхола	выхода
743	3	„	кому-нибдь	кому-нибудь—
755	1	„	представляетъ	представлять
—	8 и 9	„	урядиника	урядника
759	5	„	дѣломъ	дѣлъ
766	12	„	встрѣчаетъ	встрѣчаемъ
771	1	„	не было ничего не написано	было ничего не написано
779	6, 5	снизу:	разрѣшашались	разрѣшались
790	10	сверху:	частнымъ	частныхъ
810	7	снизу:	надти	найти
828	11	„	городовоѳ	городовое
852	7	„	жизнъ	жизнь

ОГЛАВЛЕНІЕ.

въ областяхъ; подчиненіе ихъ юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, и также крупныхъ землевладѣльцевъ, не состоявшихъ въ присудѣ сихъ послѣднихъ; изъятія изъ юрисдикціи воеводъ и старостъ (861—863).—Судебно-административныя „рады“ при воеводахъ и старостахъ; ихъ происхожденіе (864—869). - Судебная дѣятельность воеводъ и старостъ на областныхъ съѣздахъ, или „соймахъ“; происхожденіе этихъ соймовъ (869—873).—Избраніе должностныхъ лицъ и законодательная дѣятельность на областныхъ соймахъ (873 - 876).—Воеводы и старосты, какъ политическіе представители областей (876—878).—Общія заключенія (878—884).

Приложенія:

3 2044 055 324 610